

Свет в объятиях тьмы Азим и Чёрный Рубин

Курбанов Бехруз Кудратуллович
Тео

Одни троны наследуются,
другие завоёвываются...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бехруз Курбанов

Свет в объятиях тьмы.

Азим и Чёрный рубин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70447423

SelfPub; 2024

Аннотация

Азим и Чёрный Рубин – фэнтези на основе таджикской культуры, – это первая книга в цикле "Свет в объятиях тьмы", события которого происходят в выдуманном мире Вартан. Роман повествует историю Азима, которому вопреки сложившимся многовековым традициям предоставляется свободный выбор. Юноша не спешит с принятием решения, однако окружающие его люди навязываются к нему со своими предложениями. В ответственный час выбор приводит Азима к султану, который требует от него невиданного сокровища ради своего согласия. Тем временем корыстный посол соседнего государства, Расим также намерен получить то, что выбрал Азим. Однако решение султана приводит Расима в ярость и тот начинает строить коварные планы. Если раньше он хотел получить желаемое миром, теперь же ничто не встанет у него на пути.

Содержание

ПРОЛОГ

6

ПРИЛОЖЕНИЕ

1261

Бехруз Курбанов

Свет в объятиях тьмы.

Азим и Чёрный рубин

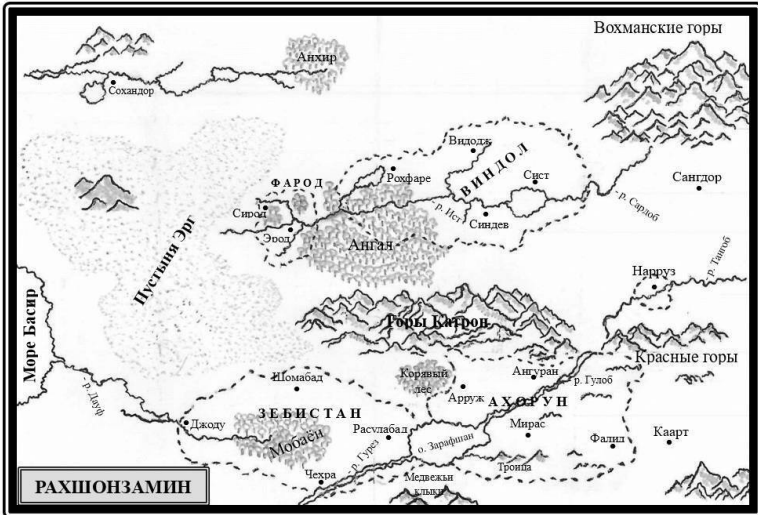
Одни троны наследуются, другие завоёвываются...

Рекомендуется для лиц старше 16 лет.

Все события и персонажи вымышлены и любое сходство или совпадение с реально живущими или умершими людьми случайно.

Данная книга не несёт в себе никакого социального или политического посыла, не подстрекает и не призывает ни к чему, кроме приятного чтения.

© Все права защищены законом Республики Таджикистан «Об авторских правах». Сертификат № 171 от 24 августа 2023 года.

Данное произведение не подвергалось профессиональному редактированию и может содержать ошибки.

Однажды в моём воображении или где-то во вселенной...

«Жизнь без тебя не имеет смысла,

Греет сердце моё запах жасмина».

Султанзаде Темур своей возлюбленной Ёсуман

ПРОЛОГ

Тишина и покой... сопровождали его, пока он любовался видом с балкона в двух шагах от балюстрад. Обычно, он и его молодая жена провожали взглядом последние лучи солнца; и муж, нежно обнимая жену, сравнивал её красоту с красотой заката. Но сейчас солнце давно уже село, и небо покрылось одеялом ночи, украшенное яркими звёздами – и жена уже уснула в ожидании мужа в своей спальне.

Тишина и покой... сопровождали его мысли о жене. Он хотел присоединиться к ней, лечь рядом, крепко обнять, уснуть и забыть про все заботы этой ночью, но чувство вины не позволяло. Он считал себя глупцом, наивным дураком за то, что совершил большую глупость в своей жизни...

– Господин!..

Тишина и покой... нарушены обращением стражника, и он отвлекся от мыслей про жену – *долг зовёт*. Повернулся и зашагал в сторону тронного зала.

На-султан одет в зелёную тунику, длиной на ладонь выше колен с тёмно-синим воротником и золотой вышивкой в виде виноградной лозы с листьями и таким же поясом. Сверху был надет адрасовый камзол без рукавов, под цвет воротника, с черными узорами и с черным, длинным, ровным воротником и черными проймами. На нем также были черные шаровары и сандалии, украшенные серебром.

Он не хотел идти, а хотел остаться там, в тени, невидимым для стражей – наедине со своими мыслями, но долг все же звал.

Звон цепей и глухой звук тяжелых шагов, заходивших в тронный зал из коридора, убедили его отбросить мысли о жене и пойти встретиться лицом к лицу с ней, со своей ошибкой. Сердце заколотилось, но как ему приказать успокоиться, когда чувства к ней всё ещё бурлят.

Тишина и покой... хоть бы они остались ещё на мгновение.

Он наконец вышел из тени и вошел в освещенный пятью канделябрами зал, размерами пятнадцать на двенадцать газов¹. По углам, на потолке, висели четыре серебряных канделябра с белыми свечами. Посередине же, на две ладони ниже остальных, висел пятый, золотой канделябр с красными свечами. Отделка стен выполнена из мелких зёрен мрамора и драгоценных камней на фоне темно-зеленой штукатурки. Кроме того, на поперечных стенах висели большие картины с изображениями природы и охоты. На стене, у двери в зал с арочным проходом, висели секиры с широкими лезвиями и узорчатым полотном. Под ними висело по одному охотничьему луку. На стене, чей арочный проём без дверей ведёт на балкон, висело по три боевых меча с обеих сторон арки.

Сделав пару шагов, он поднялся на двухступенчатый мрамор-

---

¹ Газ – единица измерения длины/расстояния, равная примерно 92 сантиметрам.

морный пьедестал и с хмурым выражением, глядя куда-то в пол, сел на свой широкий, удобный трон из темного дуба. По бокам трона было по три пилястры – они словно росли из этого мраморного пьедестала и тесно прижимались к трону. Дуга спинки трона инкрустирована белыми и полупрозрачными драгоценными камнями, что напоминало звезды ночного неба. Трон также был украшен по бокам подлокотников и в передней части золотыми полосами, а сиденье выполнено из шелковистого, темного бархата, обитого поверх ваты.

Одновременно с тем, как он сел и опрокинулся на спинку трона, в зал вошли три стражника: двое из них вели за локоть её, третий шёл сзади с рукой на рукояти меча.

За одну неделю заточения темница сделала своё дело. Оборванное в некоторых местах платье уже серело от грязи. Длинные чёрные волосы свисали до самого деревянного пола. Её ноги дрожали, и каждый шаг давался ей тяжело, но не потому, что она была в цепях, а из-за того, что её морили голодом и мучили жаждой. Поэтому стражники грубо придерживали её за локти, иначе она бы тотчас рухнула на пол.

Стражники завели пленницу и остановились в семи шагах от трона. Пленница была закована в железные цепи и серебряные кандалы. Дыхание у неё было тяжёлым и глубоким, впрочем, как и у него. Но в его дыхании еще чувствовался гнев.

– Ты... снова решила сыграть со мной в интрижку... в любовь?! – обвинительным тоном заявил на-султан, гневно по-

смотрев на неё из-под хмурых бровей. – А сама строила свои подлые замыслы против меня? – процедив, он наклонился вперед, сопровождая свои слова разными жестами левой руки. – Против моего народа?!

Чуть помолчав, он продолжил, глядя на неё:

– Ради чего?.. Власти?.. А заполучив своё, убить меня? – хмурое выражение сменилось вопросительным, а в голосе присутствовало разочарование.

Снова откинувшись на спинку трона, отведя от неё взгляд и снова глядя в никуда, он начал думать о приговоре. Совершенное ею преступление считалось предательством и заговором против трона, и требовало наказания.

– За свои поступки... козни, – глядя на неё, – ты будешь казнена, – хладнокровно вынес приговор. Голос его звучал уверенно и тихо, но достаточно ясно, чтобы все услышали его.

– Нет! – вдруг оживилась она и попыталась высвободиться из захвата стражников, но те лишь еще крепче ухватили её.

– Завтра в полдень... – добавил он. – Ты будешь казнена завтра в полдень.

– Умоляю, нет! – кричала она измученным и иссякшим голосом и продолжала попытки высвободиться из рук стражников.

Она дергала плечами в попытках освободиться. Кидалась вперед, но стражники крепко удерживали её. И тогда на-султан дал жест левой рукой стражникам, что все хорошо, и они

могут отпустить её. Он был уверен, что она ему ничего не сделает, по крайней мере просто не успеет, ведь подле него стоят два личных стражника, кроме тех троих, что привели её, готовых защищать господина.

По его велению стражники отпустили женщину, и она сразу же бросилась к нему и встала на колени в нескольких шагах от его трона.

– Прошу, сжальтесь надо мной, – взмолилась она, убирая волосы на бок, чтобы её лицо было видно полностью.

Такие нежные губы, ровный острый носик, миндалевидные карие глаза и овальное лицо. Она была прекрасна и молода, но не моложе его жены, которой недавно исполнилось двадцать два.

Увидев её лицо, он сразу отвернулся, а она смотрела на него умоляющими глазами и раскаивающимся голосом просила не казнить её. Он же боролся с искушением взглянуть на эту прекрасную особу, к которой у него в сердце снова разгорелось бурное пламя чувств. От неё несло ужасным запахом. Несмотря на это, на-султан хотел броситься к ней, снять оковы, крепко обнять и поцеловать. Однако надо было потушить пожар, пока не стало поздно и сохранить семью и достоинство.

Собрав волю в кулак, на-султан посмотрел на неё и признался:

– Из-за ТЕБЯ, я чуть ли не совершил большую ошибку в своей жизни. Чуть не променял любимую жену и невинную

дочь на тебя и твои чары... ВЕДЬМА! – последнее он произнес с презрением.

– Господин, сжался надо мной, ибо я не намеревалась навредить тебе, – взмолилась ведьма, пытаясь сопроводить свои слова жестами для оправдания, но цепи на кандалах, связывающие её руки и ноги, ограничивали движения. Она не могла высоко поднять или широко размахнуть руки. И всё что она могла – это использовать ладони и обаяние. Даже несмотря на взъерошенные грязные волосы и измазанное лицо, она оставалась красивой, а её взгляд просто манил к себе молодого на-султана. – Да, я хотела получить власть, которая будет у тебя, – призналась она. – Но не желала твоей смерти... Никогда, – покачала она головой. – Я любл...

– И что же ты тогда замышляла? – на-султан резко прервал её.

– Единственным моим замыслом... было... зачать ребенка от вас, господин, – ведьма колебалась, но всё же призналась.

Но станет ли это веским доводом, чтобы этот её господин помиловал её? Ведь она знала, что на-султан, сидящий на дубовом троне, всегда мечтал о сыне, а его жена родила ему дочь. От этого признания, он резко наклонился в её сторону, не вставая из трона, упираясь ладонями о подлокотник. Посмотрев на неё с удивлением и тревогой, он подумал, не беременна ли она? Вслух же он так ничего и не ответил.

Пусть продолжает.

– Ни одна ведьма в Джоду, – продолжила она, – ни одна ведьма во всем Варгане не была рождена. Все они, до единой, были обучены и посвящены в наши ряды. Принести на свет ребенка – прирожденную ведьму, **ИСТИННО-РОЖДЁННУЮ** ведьму – мечта многих из нас. Я давно об этом мечтала, но решила зачать от вас... только от вас. Наша обычная близость не давала желаемого результата... После свадьбы вы отдалились от меня, но я люблю вас и не хочу отпускать... Я соблазняла вас, зачаровывала вас и играла вашими чувствами, пытаюсь зачать дочь...

– *«И эта хочет дочь»* – ворчливо подумал он и тут же мысленно отругал себя за такую неуместную реакцию.

Ведьма снова стихла. Её горло пересохло от жажды. Глотнув немного воздуха, она вновь заговорила:

– После разоблачения и заточения в темнице, мучимая голодом и жаждой, я поняла, что... – ведьма замешкалась. Ей было стыдно признаться в этом, ибо все ведьмы надеялись, что могущественнейшая из них сумеет преодолеть их недуг. – Я и раньше догадывалась, но... – она всё ещё не решалась завершить предложение, ведь от этого зависит её жизнь. – Господин, в темнице, я, думая, какое наказание... ждет меня, осознала, что жизнь мне дороже власти. Умоляю, не вели казнить меня, – решив утаить жалкую правду про себя, ведьма снова посмотрела на-султану в глаза.

– Хм... – ухмыльнулся он и вздохнул с облегчением. Поняв, что она не беременна, на-султан снова озадаченно на-

хмурился. – Тебя помиловать и отпустить?

Ведьма, потупившись, молчала. Ей было больно слышать язвительную ноту в голосе возлюбленного.

Стражники стояли на своих местах – непреклонные и невозмутимые, но готовые одним взмахом отсечь ведьме голову, при малейшем намеке на угрозу их господину или же по велению самого господина.

– Допустим, я отпущу тебя, и что тогда? – осведомился на-султан. – Ты пойдешь и зачнешь от другого, и что тогда? – повторил он с высоко поднятыми бровями и широко раскрытыми глазами. – На свет появится, как ты и сказала, *«истиннорожденная»* ведьма? – теперь он нахмурился с подозрением. – Она, скорее всего, будет обладать силой куда больше твоей... и... и всех ведьм, вместе взятых?

Та посмотрела на него искоса из-под бровей. Её молчание означало согласие с его предположением.

– НЕТ! – покачал он головой. – Я не могу допустить этого. Опьянённая своими силами, возжелает власти, как это было давным-давно. Она непременно станет творить зло. Строить козни! Она станет нашим врагом... Врагом Рахшонзамина. А нам такой враг не ну-у-жен. – затянута и негромко остерег он.

Услышав это, она злобно оскалилась, но потом быстро опустила голову, чтобы он не увидел это её выражение лица, и сильно ударила по полу. Цепи громко зазвенели. Стражники схватились за рукояти мечей и приняли боевую стойку.

– Завтра в полдень, ты будешь казнена! – резко объявил он приговор.

– Я БЕСПЛОДНА! – крикнула она, что было силы, смотря прямо в глаза господину. Увидев, что тот подозрительно скосил на неё взгляд, добавила с разочарованием и злобой, – Таков наш ведьмовской удел. Используя магию и колдовство долгое время, мы теряем способность зачать... понести ребенка. Мы не в силах это изменить.

С неизменным выражением, на-султан выпрямился, сидя на троне. Видя её измученное состояние, он отвел взгляд налево, и задумался над последним словом. Зачарованные или заколдованные, но всё же в его сердце были к ней чувства. Хоть он и пытался их подавить, в её присутствии они усиливали сопротивление. В этот самый момент они просто разбушевались. Его охватывала буря эмоций. Любовь и страсть, злоба и гнев, разочарование и сострадание нахлынули на него. Ему снова захотелось ринуться к ней и взять в свои объятия. Даже свою жену он не любит так сильно.

Странное это чувство – любовь. В его же случае – порочная любовь.

Внутренний голос говорил ему: *«Казнь – не самое мудрое решение»*. Он был согласен с этим. Ведь для будущего правителя казнь заключенных не самый лучший способ подняться в глазах народа. Будет лучше, если бы его уважали, как милосердного вождя, а не боялись, как хладнокровного палача.

Большим и указательным пальцем правой руки он провел

по своим щекам, на которых уже пару дней росла густая щетина. На-султан расслабился и снова откинулся на спинку трона, решив дать ведьме шанс заслужить помилование.

– Что ты... – указав на неё правой рукой, он замешкался, подбирая слова. – Что ты можешь предложить взамен своей жизни? – наконец-то спросил он.

Та, недолго думая, ответила:

– Никто и никогда не узнает о твоей измене жене.

На-султан громко усмехнулся и угрюмо возразил:

– Я сам ей признаюсь, когда на то выпадет удобный случай.

На-султан начал неодобрительно покачивать головой, а ведьма, смотря на его угрюмое лицо, поняла, что ему нужно нечто большее и правдивее. Она опустила голову и задумалась...

– Я покину город, господин, и обещаю, больше не использовать колдовство со злым умыслом, – заверила она.

– Ты покинешь не только Арруж! – воскликнул он. – Ты уберёшься со всего Ахоруна²! – он махнул правой рукой жестом, когда человеку велят выйти вон.

Ведьма согласно и радостно закивала короткими и быстрыми движениями. Стоя на коленях, она отошла на пару шагов назад, протирая грязными коленями пол. В её голове мелькнула радостная весть – мысль, что всё, дело сделано, и она может быть свободной. Но не тут-то было...

---

² Ахорун произносится с гортанной «х» и ударением на «у».

– Отпущу я тебя, и где гарантии, что ты сказала правду? – заметил на-султан с недоверчивым тоном. – Не-е-т, – протянул он. – Я все же не могу отпустить тебя просто так. Ради всеобщего блага, я брошу тебя гнить в темнице, – заключил он её приговор. – Уведите её.

Ведьма пришла в замешательство. Она попыталась подняться на ноги, и добавить что-нибудь ради своего помилования, но вместо этого она упала лицом вниз. Её черные растрепанные волосы скрыли её лицо и руки. Её спина выгнулась и резко дернулась в бок – словно судорога. Затем её голова слегка приподнялась – на одну ладонь от пола – и начала дрожать, дергаясь в стороны. Остальное тело было неподвижно.

Вскоре голова перестала дрожать, и медленно поднялась до одного локтя от пола. Волосы отступили чуть назад, и стали видны её кисти, закованные в серебряные кандалы. Через мгновение дрожь охватила их.

На-султан отклонился назад в своём троне, настороженный – брови его искривились, глаза чуть сжались, губы приоткрылись. Он был слегка напуган этим, и не знал, чего ожидать от этой ведьмы. Он засомневался в том, могут ли оковы и дальше подавлять её силы. Несколько лет назад он наблюдал за ведьмами в действии во время празднования Ситорамона в Шомабаде. Нигора тоже была там. Горделивая, уверенная и столь прекрасная, что затмевала всех женщин своей красотой. Там-то на-султан и влюбился в неё и, несмотря

на свою грядущую свадьбу, он в тайне закрутил с ней роман. И вот к чему это привело.

Припадок ведьмы заставил на-султана опасаться нападения. Замерев в выжидании, он не отводил от неё глаз.

Стражники также были насторожены. Два личных стражника шагнули и встали перед своим господином, при этом, не закрывая ему обзор на происходящее с ведьмой. Два стражника, стоявших подле ведьмы, и один, что был сзади, обнажили на пол пяди свои мечи из ножен. Они знали, что серебряные кандалы, хоть и ослабили, но не обессилили ведьму. Потому они были готовы нанести удар по ней, если она что-нибудь учудит.

Та же всё ещё оставалась на холодном полу на четвереньках с дрожащими руками. Опущенные глаза покрылись мутной серой пеленой, мысли затемнели, точно их накрыли чёрной простыней, дыхание замедлилось. Этот припадок заставил её думать об одном, и тогда она вспомнила...

Дрожь в руках прекратилась, и она ими убрала волосы с лица, чтобы взглянуть на возлюбленного. Посмотреть прямо в глаза, и сказать тем же нежным мягким голосом, которым она соблазняла и ласкала его в постели:

– Мой дорогой господин, я сделаю вам три предсказания... Пророчество о будущем, ради своей жизни и свободы. Предсказания, которые важны как для вас и вашего народа, так и для всего Вартана.

– Так ты еще и провидица? – недоверчиво спросил он, об-

локотившись на левый подлокотник трона.

– Не каждая ведьма способна на предсказания, мой дорогой господин, – сообщила она тем же нежным голосом. – Заверяю вас, что ведьмины предсказания скорее сбываются, чем не...

– И что же ты мне предскажешь, Арогин? – ухмыльнулся он, а ведьма изумилась от услышанного имени. – Да-да! Отныне твоё имя будет произноситься в обратном порядке. Имена всех ведьм в Ахоруне отныне будут произноситься наоборот! – заявил он.

– Как вам... – хотела было согласиться в утеху господину ради свободы, но не успела договорить.

– Ты предскажешь мне любовь, богатство и власть, которые у меня уже есть? – саркастично перебил он.

С холодного пола ведьма встала на колени, гордо выпрямив спину. Затем её голова наклонилась направо, и начало отклоняться назад. Её карие глаза так же закатились вверх – это заметили все. По её спине пробежал холодок. На-султан и стража были в ожидании. Голова ведьмы медленно очертила круг. Волосы, упав, скрыли лицо. Через прорехи в волосах было видно, как серая пелена снова накрыла глаза ведьмы и её замутненный взгляд направился куда-то в сторону от стражника, стоявшего слева от на-султана.

– *«У неё и в правду видение»*, – понял на-султан. – *«Но что же она видит?»*

Там за пеленой ведьма видела, как свет погружается в объ-

ятия тьмы и мир окутывает пламя, зеленое искрящееся пламя... И *он* с тёмным силуэтом и огненными зелёными глазами стоит над мертвецами, поглощая их души... Этот сон, кошмар она впервые увидела в темнице и пришла в ужас... первобытный ужас.

Сначала они услышали тяжелый вздох, а потом ведьма заговорила грубым низким голосом пожилой и дряхлой женщины:

– Грядёт пламя... Грядёт тьма... Грядёт властелин! – последнее слово она протянула на вздохе и камнем рухнула и ударилась лицом об пол. Закованные руки оставались под ней и некоторое время она не шевелилась.

На-султан, сидя на троне, наклонился так сильно вперед и влево, что мог удариться головой о подлокотник трона, его взгляд тревожно устремился к Арогин.

Ведьма всё не шевелилась.

Он занервничал, даже заволновался – это было заметно потому, как он тёр большой палец правой руки о внутреннюю часть указательного. Он нервничал, потому что хотел получить ответы. Неужели эти слова и есть те три предсказания? Что они значат?

На-султан кивнул стражнику слева от ведьмы проверить, жива ли она вообще?

Смуглый стражник в медной кольчужной рубашке поверх белой туники и черных шаровар, заправленных в расшитые галоши, подошел к ней, нагнулся, протягивая левую руку до

её правого плеча с целью убрать волосы с плеч, протянуть пальцы к шее и прощупать пульс. Так можно было удостовериться, жива она или нет. Не успев стражник коснуться её плеча, ведьма сделала жадный глоток воздуха. Оттолкнувшись руками, села на пол с согнутыми коленями – правое колено поднято вверх. Арогин привалилась на левую руку, которая в полусогнутом положении едва удерживала измождённую женщину. Из последних сил всё же она держалась, делая глубокие вздохи.

Стражник отошел на прежнее место. Их господин, упиравшись руками о колени и наклонившись, вопросительно посмотрел на исхудавшую ведьму. Он ждал, продолжит ли она говорить? Даст ли объяснения или все ещё будет жадно глотать воздух?

Ему не пришлось ждать долго. И минуты не прошло, как ведьма пришла в себя. Она протерла кисти. Осмотрела свои серебряные кандалы на запястьях – они были на месте. И в какой-то степени она была этому рада. Затем убрала волосы с лица за правое ухо. Огляделась и медленно подняла свои карие глаза на возлюбленного на троне. Задышала ровно, спокойно и таким же голос сказала:

– В темнице у меня было видение, и оно повторилось только что. Голод, жажда, сырость... крысы... и мысли о свободе заставили меня забыть и не придавать этому видению значения. Но оно повторилось... и оно ужасное, мой господин. Леденящее... Оно разрушительно, и оно о тьме, кроющейся

в пламени огня, – почти нараспев и словно боготворя проговорила она, произнеся последнее шепотом.

В её глазах таился ужас и отражался страх. Едва заметно, но она всё-таки дрожала. Она боялась, до жути боялась, но не казни, а того, что грядёт. Она также была озадачена тем, прислушается ли на-султан к её словам.

Нет. Скорее всего нет. Ведь она знает его уже достаточно хорошо и знает, что он не склонен верить всяким предсказаниям. Тем не менее сегодня он впервые стал свидетелем того, как у кого-то случается приступ видения. И по его виду, он хотел узнать больше, он был заинтригован, жаждал получить объяснения.

– Дорогой господин, позволь мне... – умоляющим тоном заговорила Арогин, но не успела договорить, так как на-султан коротко махнул левой рукой, что означало его согласие. – Мой дорогой господин, – продолжила она. – Ты и твой народ исповедуете единобожие и призываете другие народы к этому. Правое дело, коль считаешь таковым. Но через многие года на свет появится тот, кого примут за Бога. И он поведет их против людской веры...

– За БОГА?! – возмущенно встал на-султан с трона. – Скажи мне, когда и кто его мать, и я или мои потомки найдут её и убьют до его зачатия! – громко потребовал на-султан.

– Разве я сказала, что он будет рожден? – с упрёком в голосе спросила она, смотря прямо ему в глаза. – Он появится на свет! – величественно воскликнула она. – Снизойдет с

небес... – вознесла руки над головой, – в наш мир... – медленно опустила их вниз, – в облике, похожем на человека... – указала на стражника, и на-султан возмущенно посмотрел на того. Стражник растерялся в недоумении. На-султан же вернул ещё более возмущенный и нахмуренный взгляд на ведьму, которая продолжала, – и захочет править этим миром в облики Бога.

На-султан вздохнул и озадаченно спросил тихим обескураженным голосом:

– А кто же он снизошедший с небес, если не Бог?

– Нет, – покачала головой Арогин.

– Разве не Бог живет на небесах? – усомнился он.

– Оно придет в этот мир... Зло, – уточнила она. – И твоя вера... твоя вера должна быть крепка. НЕПОКОЛЕБИМА! Ибо только она придаст сил империи, созданию которого твой наследник положит начало...

На-султан снова сел на трон, в недоумении откинувшись на спинку. Его хмурое лицо сменилось задумчивым выражением. Не дав прямого ответа, Арогин запутала все его мысли: «*Наследник? Но ведь...*» – и дальше он продолжил вслух:

– У меня нет наследника, только дочь и...

– Послушай тогда моё второе предсказание... – заявила она, посмотрев ему прямо в озадаченные глаза. Однако Арогин также заметила по его опустившимся плечам, расслабленным рукам облегчение, объяснение к которому было одно – на-султан подумал, что у него в будущем будет сын. Од-

нако её слова огорчат надежды на-султана. – Когда твоя дочь достигнет возраста для замужества, у тебя будут просить её руки много знатных и богатых лиц...

– И я выдам её достойному из них! – гордо вставил на-султан.

– Вот именно! – громко воскликнула та, и после короткой паузы спросила, чем удивила на-султана, – Ты любишь свою дочь?

– Разумеется, люблю! Она всё для меня.

– Всё, да не всё... – насмешливо упрекнула Арогин.

Брови на-султана опустились и сошлись на переносице, губы расширились, чуть приоткрыв рот – он не обрадовался данному упреку ведьмы, и хотел что-то возразить, но ведьма продолжила:

– Никто из них не будет любить её, – заявила она. – Все они будут бороться за её руку ради трона твоего и богатства, стоящее за ним... и наследуемой власти. Дочь же твоя не познает любви от мужа и его страсти к ней, если вы, господин, выдадите её, как вы и сказали, *достойному из них*.

– И как же мне поступить тогда? Я желаю своей дочке быть любимой так же, как и её мать любима мною, – уважительно промолвил он. Это уважение было проявлено по отношению к Арогин. Сам удивляясь тому, он осознал, что спросил совета у ведьмы. Уму непостижимо!

У ведьмы!

– Выдать за недостойного, по мнению других, который по-

просит руки не ради трона твоего, а ради любви.

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду под «*недостойным, по мнению других*»?

На лице у Арогин вырезалась слабая ухмылка.

– А вот и моё третье предсказание, и предупреждение, – она остерегающе подняла палец. – Руки твоей любимой дочери попросит тот, кто сможет дать тебе то, что для тебя станет дороже всего. И не дай ему погибнуть в боях грядущих, ибо только его наследие будет в силах противостоять тому, что грядет.

В этот момент в мыслях на-султана кружили только эти слова: «*станет дороже всего*». Он недоумевал, не понимал, что она этим хочет сказать?

– Что ты ОПЯТЬ имела в виду? – громко, почти крича, задал он ей этот вопрос. – Ведь я уже... – он остановился на полуслове и начал дышать тихо и ровно, чтобы успокоиться. – Я люблю свою жену и дочь, – договорил он, отведя глаз с ведьмы.

Под спокойной маской на-султан был раздражен самим собой за эту ложь. Разве любящий свою жену изменит ей?

Он задумался о том, чтобы признаться жене во всём. Он любит свою жену, но эта ведьма просто вскружила ему голову. Он знал, что Арогин ведьма, но не знал её намерений. Это снова начинало злить его. Он многозначительно посмотрел на ведьму и думал, как с ней поступить. А её предсказания и собаке не нужны. Пустые слова, чтобы выкупить свободу.

На-султан и ведьма смотрели друг другу в глаза. Когда-то в их взгляде полыхало пламя любви, а теперь у одного в глазах отражалась разочарование и ненависть, а у другой ожидание снисхождения.

– Я сделала вам три предсказания, мой дорогой господин, – заговорила ведьма, стоявшая на коленях. – Как и обещала. Время даст вам ответы на вопросы, которые сейчас возникают у вас в голове. Пощадите мне жизнь. Отпустите меня, и я уеду в Джоду, и больше никогда не буду посягать на вашу власть. Умоляю, помилуйте, господин.

На-султан всё молчал. Он наклонил голову – точнее она невольно рухнула на его левую руку от тяжести запутанных мыслей, и не обращал внимания на мольбы ведьмы.

Он думал:

– «Сначала она пыталась охмурить меня, женить на себе. Замышляла недоброе против жены моей... И всё, чтобы зачать какую-то там «истинную ведьму»? Хм-м... А теперь она пытается обдурить меня и откупиться странными предсказаниями? Шарлатанка!»

И в правду странные предсказания – то она пророчит о грядущей тьме, то говорит о замужестве его дочери, которой и месяца нет от роду, и про наследника... Всё это не складывалось у него в голове. На-султан обдумывал слова ведьмы, пытаясь дать им хоть какой-то смысл, но сейчас он был растерян, и не в состоянии здраво мыслить.

– *«Время, – вспомнил он, – она сказала, время даст мне*

ответы... что ж проживем, увидим. А сейчас нужно избавиться от этой ведьмы».

– С глаз долой! – пробормотал на-султан, бросив на неё взгляд. – Убирайся! – громче велел он. – Прочь из султаната!

Ведьма, стоявшая на четвереньках, отшагнула назад. Её поза, движения и растрепанные волосы напоминали лохматого неуклюжего медведя, отползающего назад, испуганного охотником. Она была не уверена и боялась... Но, когда на-султан ещё раз крикнул «прочь» и махнул ей рукой, она быстро отползла на четвереньках от стражников.

Стоявший сзади неё стражник отшагнул вправо и повернулся, чтобы та не столкнулась с ним.

У дверей Арогин резким движением захотела встать и побежать, но через шаг обессиленная ведьма споткнулась на ровном месте и упала на колено. Невзирая на боль, снова встала и побежала изо всех сил неуклюжими короткими шагами. Выбежав в коридор, свернула направо и скрылась с глаз.

Как только это произошло, послышался грохот и глухой звон цепей, ударившихся об мягкий ковер в коридоре. На-султан закатил глаза, покачал головой и указывая правой рукой в сторону двери, приказал:

– Снимите с неё цепи.

Последний стражник, поклонившись, пошел исполнять приказ.

Он вышел в коридор, повернулся и увидел пытающуюся

встать Арогин. Он заметил замешательство в её движениях, когда та пыталась освободиться от цепей, и также стыд в её глазах. Он позволил себе усмехнуться. Ведь её закованную отпустили, а она побежала сломя голову, вместо того чтобы, сначала, попросить снять с неё кандалы.

Освободив её от цепей, он шепнул ей «иди», та с благодарностью взглянув на него, побежала прочь.

Стражник вернулся в зал, держа цепи в левой руке, и склонил голову, прижав правую руку к сердцу, в знак выполнения приказа. На-султан кивнул в ответ и продолжил обдумывать произошедшее событие и принятое решение:

– «... нет, все же я не могу доверять этой ведьме, несмотря на её мольбы и предсказания. Я не могу позволить, чтобы другая ведьма также попыталась свершить то, что пыталась эта. Нужно принять именно такое решение. Оно будет правильным».

Закончив размышления, он одобрительно для себя покачал головой, а затем решительно посмотрел на троих стражников, что привели ведьму – именно они и разоблачили её.

– Для вас троих у меня есть важное поручение, – он позвал их к себе. – Однако сейчас мы должны готовиться к приезду падишаха Нодира и моего отца...

Получив указания, трое стражников покинули зал, где остались на-султан и два личных стражника. Он то поглядывал на того, что слева, почесывая затылок правой рукой, то на того, что справа. Им вновь овладело чувство вины перед

женой.

Терзаемый совестью, он встал с трона и подошел к стражнику слева. Он положил руку ему на плечо, посмотрел в глаза, кивнул, и не убирая руку с его плеча, посмотрел на второго.

– Можете отдохнуть, – кивнул он также второму. – Я хочу побыть один.

Стражники повиновались и удалились.

На-султан снова вышел на балкон. Подошел к балюстраде. Посмотрел вниз на спящий город и почувствовал его умиротворение, которое так было ему необходимо. У него на душе снова разбушевались разные чувства, а вот на улицах Арружа царили тишина и покой...

* * *

«Во всём Зебистане число жертв не превышает пяти сотен, но десятки, сотни тысяч сгинули от Зелёной хвори во всём Ахоруне».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Ранним утром за приоткрытым окном пели соловьи, а воробьи им подпевали. Зарина с наслаждением слушала их песнь. Она раскладывала глиняные чаши на деревянный поднос и тихо повторяла про себя их мотив. На кухонном очаге у неё уже была готовая овсяная каша – любимая каша

её мужа и сыновей, которые в ожидании сидели за кухонным столом. Правда старший сын ещё не спустился.

Кухня была просторной с арочным проёмом посередине и без дверей. Стены кухни, как и всего первого этажа, возведены из каменных кирпичей и отделаны штукатуркой из раствора глины, песка и гашеной извести. В некоторых комнатах стены покрашены в неярко зеленый цвет. Другие – в коричневый. Арочный проём с углами обшит деревянными панелями с вырезанной в них виноградной лозой. С обеих сторон этого проёма ствол вырезанной лозы рос, стремясь вверх и на высоте двух газдов склонялся во внутреннюю часть проёма и, сформировав небольшой узел, вновь устремлялся вверх. В дуге арки уже распускались листья виноградной лозы. Углы стен и потолков кухни также обшиты узловатыми деревянными панелями с вырезанными виноградными лозами.

Стена напротив арки обустроена кухонной мебелью из светлого и темного лакированного дерева. В этой стене было также два больших окна, между которыми располагались четыре светлых верхних ящичков. Вытяжная труба кухонного очага, вделанная в выступающую стену, уходит под эти ящички и выходила наружу. Рядом с левым окном стоял высокий буфет с арочными стёклами на дверцах.

Посередине правой стены была резная дверь. Она ведёт в столовую комнату, где их семья в основном ужинает или принимает близких гостей. Завтракать же они любят за сто-

лом, что стоит у стены слева. На этой стене висит большое серое сюзане со светло-зелёной и голубой вышивкой. Напротив висит гобелен ручной работы арружских мастеров, на котором изображен орел, спящий под тенью дикого виноградного дерева.

Ножи кухонного стола выполнены с округленными и овальными очертаниями. На их верхних квадратных опорах вырезаны ветки виноградной лозы, плавно переходящие к округленным углам стола, а от них ветки уже стремились к центру стола, где росли большие вырезанные листья. В их центре была гроздь винограда с большими глубоко вырезанными и выпуклыми дольками. Сам стол сделан из темного ореха и не накрыт скатертью.

Стулья выполнены из того же дерева, но отполированы светлым лаком. Их ножки и бока напоминают витиеватый ствол винограда. Впрочем, у всей кухонной мебели были те или иные элементы винограда.

Аъзам пил чай с клубничным вареньем, а Рауф – его младший сын, намазывал варенье на кулчу. Послышались шаги, быстро спускающиеся с лестницы. Аъзам чуть отклонил голову и, заметив старшего сына, пришёл в недоумение.

– Доброе утро, отец! – бодро поприветствовал старший сын, войдя на кухню. – Привет, малец, – он улыбнулся младшему брату. – Доброе утро, матушка, – он подошёл к матери и поцеловал её за левую щеку.

Юноша принюхался к сваренной каше, которую его мать

уже накладывала в три чаши с золотистым ватным узором на внешней стороне.

– Доброе утро, Азим, – ответил ему отец, не отводя с него изучающий взгляд.

Рауф с полным ртом кивнул брату и взялся за новый кусок кулчи.

– Садись за стол, – улыбнулась Зарина старшему сыну. Она поставила чаши с кашей на поднос и подошла к столу.

Аъзам положил пиалу и повернул голову в сторону Азима, который почему-то не стал садиться за стол.

– Почему ты в этой одежде? – наконец спросил отец, указывая на грязные порванные коричневатые шаровары и серую тунику с несколькими дырами.

– Сегодня я иду помогать на поле, – тем же бодрым голосом ответил Азим. – Ах, да! – вспомнил он. – Матушка, простите. Я не буду завтракать.

Мать подняла на него вопросительный взгляд. Она уже поставила возле мужа и младшего сына по чаше с кашей, посередине которого она добавила по ложке вишневого варенья. Аъзам поблагодарил её кивком и тоже скосил недоумевающий взгляд на старшего сына. Зарина уже держала в руках третью, предназначенную для Азима.

– Сегодня Рашид-ака приготовит свою знаменитую стряпню из картошки и лука. М-м-м... и мне захотелось этой... стряпни, – с улыбкой сообщил Азим.

Младший брат приступил к поеданию каши, не особо уде-

для внимания на разговор старших.

– Что ж... – вздохнула мать, – я поем вместо тебя.

Она прошла мимо него, погладив его по левой руке выше локтя. Поставила миску на стол у своего места. Затем она подошла к нижним ящикам и положила деревянный поднос на столешницу.

– Я схожу, умоюсь и сразу же пойду на поле, – сказал юноша, направляясь к парадной двери.

Провожая сына игривым взглядом, Аъзам обратился к жене с шутливым тоном в голосе:

– А может он только ради этой стряпни и идёт на поле? А-а сынок?!

Все усмехнулись, а юноша, уловив сарказм отца, коротко засмеялся и добавил:

– И ради рассказов Рахмона-ака³.

– Азим! – позвал его по имени отец уже серьёзным тоном. – Побрейся! Ты уже, которую неделю ходишь так. Борода не к лицу юноше твоего возраста, – тон Аъзама не был категоричным, но юноша знал, что возражать не стоит.

– Да, отец, – смиренно ответил Азим и вышел из дому во двор...

– Да уж, что и умеет делать этот старик Рахмон, так это рассказывать всякие небылицы, – пробормотал Аъзам, начиная есть свой завтрак.

Он так же похлопал по плечу своего младшего сына, Ра-

---

³ Рахмон произносится с гортанной «х».

уфа, с улыбкой на лице, и пожелал сидящим за столом приятного аппетита.

– Чем тебе не угодила его борода? – спросила Зарина с лёгкой улыбкой, хотя сама прекрасно знала ответ.

– Всё ещё грустишь из-за третьего места? – подмигнув жене, Аъзам обратился к Рауфу, который не поднимал озадаченный взгляд с чаши.

– Я упустил шанс попасть в сборную султана, – пробубнил Рауф.

– У тебя будет шанс в следующем году, солнце моё, – подбодрила Зарина.

Рауф коротко кивнул и опустошил свою чашу, вытерев остатки каши куском кулчи. Аъзам сделал то же самое. Он поставил чашу справа от себя и решительно посмотрел на жену.

– Я решил устроить «утренний плов» в день рождения Азима. Ему исполнится восемнадцать лет, и я хочу предложить ему пойти ко мне на рынок. Раньше он не проявлял интереса к моей работе, но за последний год он много помогал мне. Я решил обучить его торговому ремеслу. Пусть помогает мне вести дела на рынках Ангурана, как мой старший сын и наследник. – Он посмотрел на Рауфа и протянул ему свою пустую чашу. – Убери со стола, сынок и поблагодари мать.

– Спасибо. Было очень вкусно, – мальчишка встал, взяв пустые чаши он положил их в каменную раковину у окна.

– Это хорошее решение, – согласилась Зарина с мужем. –

И надо бы подумать о его женитьбе, – предложила она.

– Да, надо, – согласился Аъзам. – Кстати, Зарина – его осенило, – может, позовешь на именины двоюродных племянниц своей тётки? Они ведь должны быть ровесницами Азима?

– Да. Одной из них этой осенью будет восемнадцать, другой зимой будет семнадцать, – прояснила Зарина. Но мой дорогой, – многозначительно протянула она. – Я некоторое время думала о женитьбе нашего сына, и решила... – она не уверенно посмотрела на Рауфа. – Солнце моё, я сама помою посуду. Приберись, пожалуйста, в сарае и конюшне.

Зарина намеренно отправила младшего сына к хозяйственным помещениям, чтобы он случайно не подслушал их разговор. Как только Рауф удалился, они начали обсуждать решение Зарины и завершать завтрак...

В это время Азим направлялся к дворовой бане с тремя дверями. На этих дверях также изящно вырезаны виноградные лозы. Сам по себе, виноград – это символ Ангурана. От чего и происходит название столицы Ахоруна. Более двух с половиной тысяч лет назад на месте этого города рос дикий виноград, который всё еще можно встретить в некоторых больших садах. Кочевым племенам, покинувшим города Далеких предков, полюбились эти дивные ягоды. Они остались здесь и со временем обосновали султанат, состоящий из четырёх больших городов и нескольких деревень.

К тому же виноградная лоза считается в этих краях признаком достатка семьи, и чем её больше, тем богаче являлась

та или иная семья. Лозу вырезали искусные мастера на дверях, стенах, оконных рамах, колоннах, на мебели, и где только душе заказчика угодно.

Утро только начиналось. Прохладный ветерок ласково трепетал листья деревьев, росших в их дворе. Азиму с детства нравилось по утрам слушать шелест листьев. Рассветное солнце было бледно-жёлтым. Оно встало пока на одну десятую своего диска. В Ахоруне, как и во всём Рахшонзамине, время измеряют по расположению солнца и обозначают соями. Как и в часе, в одной сое есть шестьдесят минут, а сутки делятся двадцать две сои.

Статный юноша со слегка кудрявыми чёрными волосами и синими глазами направился по дорожке, вымощенной камнями, в умывальную комнату дворовой бани. Он действительно оброс, так как он не брился уже которую неделю, а то и месяц. В длину его борода составляла длину его большого пальца. Однако она не была густой и жесткой, как у отца. Она недавно начала расти у него и была редкой и шелковистой, скорее напоминая юношеское подражание мужской зрелости. Так Азим хотел, чтобы друзья и все, с кем он водится, принимали его за мужчину, а не за мальчонка, который вопреки отцовским наказаниям действует по-своему.

Так принято в Ахоруне: до восемнадцати лет ты считаешься ребенком; тебе довлены любые капризы. После восемнадцати лет ты считаешься взрослым и учишься ответственности. На тебя возлагается часть бремени содержания

семьи или вся, если родители преклонного возраста. При этом, бороду позволено ставить, когда мужчина становится отцом. Если тебе пятьдесят и ты бездетный, с длинной бородой тебя никто не примет всерьёз.

«Строгие правила – залог развития общества и государства», так говорили былые султаны.

Дворовая баня возведена вдоль правой стены от дома – частично из камня и дерева. Умывальная комната была первой из трёх. Азим вошел туда, прикрыв дверь наполовину, чтобы утренний свет хоть немного осветил темное прохладное помещение. В этой умывальне на каждом углу висели подсвечники с зеркалом для отражения света. Юноша зажег только две свечи – те, которые осветили бы ему раковину, подвесные ящики с инструментами гигиены и зеркало, чтобы он смог видеть свое отражение ясно.

С левого ящика Азим достал опасную бритву из бычьего ребра. Лезвие было хорошо заточено и одним нелепым или неуклюжим движением можно было легко глубоко порезаться. Юноша вспенил мыло в чашке, обмазал своё лицо и уставился на бритву. Он пока не умел хорошо бриться, хотя отец не раз показывал, как надо держать бритву. Для уверенности Азим зажег еще одну свечу, которую достал из правого верхнего ящика, и поставил на столешницу возле раковины. Теперь он мог отчетливо видеть свое отражение. Он закрыл пробкой каменную раковину и открыл медный краник, чтобы вода наполнила её до нужного объема. Вода текла через

медные трубы из бочки, что установлена над баней. Они наполняют её дождевой водой и добавляют горный кварц для очистки. Летом же бочку наполняют речной водой.

Посмотрев на себя после бритья, Азим с улыбкой вспомнил дядю Адхама⁴ – старшего брата отца.

– *«Ну надо же! Совсем другой человек»*, – сказал бы он сейчас, а вот его отец место слов чаще использует взгляд – одобрительный или укоризненный, последнего боялись не только сыновья Аъзама, но и его подчинённые.

Положив все на свои места, Азим потушил свечи, вышел из умывальни. Расправив тунику, он пошел к старой грузовой повозке, запряженной двумя лошадьми. Она нужна ему, чтобы пополнить семейные запасы продовольствия. Повозка стояла у ворот. На её левом борту висел распашной камзол с короткими расшитыми рукавами, подолом и воротом.

– Хочешь со мной?! – спросил Азим, надевая грязный камзол у брата, который расчесывал отцовского коня в конюшне напротив бани.

Конюшня, амбар, сарай и другие хозяйственные сооружения стоят в ряд слева от дома. До них от ворот двадцать шагов, и тянутся они до самой середины двора. Позади дома до дальней стены у них сад и огород, где Зарина ведёт свое собственное маленькое хозяйство. Она выращивает фруктовые деревья, из числа яблони, абрикоса, хурмы, персиков, а также кукурузу и подсолнух, из которого сама делает масло.

---

⁴ Адхам произносится с гортанной «х».

Конечно же, не обошлось и без виноградника! Виноградные лозы привязаны к семи деревянным резным колоннам, которые на высоте трех газов изгибались в изящные арки. По ним ветки распространились точно паутина, раскидывая свои листья. Под перголой у стены расположен большой топчан, на котором их семейство частенько любило принимать гостей и обедать в приятные солнечные дни.

– У меня тренировка, – ответил Рауф и пошёл за сеном для лошадей.

Азим промолчал и направился к рабочим лошадям, чтобы вывезти их из стойла. Его брат с шести лет занимается борьбой и преуспевает в этом. Последние два года Рауф пытается попасть в сборную султана. Азим же никогда не проявлял интереса ни к борьбе, ни к другим видам спорта, где нужно махать кулаками и ногами. Юноша ни разу ни с кем не дрался, а точнее не давал сдачу. Он предпочитал улаживать конфликт словами, из-за чего пару раз возвращался домой с синяками или разбитой губой. Даже Рауф, несмотря на разницу в возрасте и росте, может легко сбить Азима с ног и повалить его на лопатки. Потому Азим не стал настаивать. Он запряг лошадей в повозку и пошёл к воротам. Открыв ворота, Азим вернулся за лошадьми. Он взял их за вожжи и вывел повозку за ворота. Затем юноша вернулся, чтобы закрыть ворота. Азим толкнул сначала одну створку – та встала на прежнее место, и с опущенной головой пошел ко второй. Подводя вторую створку к первой, Азим поднял голову

прежде, чем закрыть её. Он заметил отца, стоявшего у порога. По его сдержанной улыбке Азим понял, что отец рад тому, что сын послушался.

– Удачного дня! – громко пожелал Аъзам.

– Спасибо! До вечера! – Азим с улыбкой махнул правой рукой и закрыл вторую створку. Он сел на повозку и поехал на поле...

Запах той самой стряпни робко коснулся носа юноша, а его пустой желудок уже искушал её вкус.

Прибыв на поле, Азим оставил повозку рядом с другими телегами и повозками, отпряг лошадей и отвёл их к коновязи, которая представляла собой жердь с опорами, пригвожденную к стволам двух тутовников, растущих в сорока шагах друг от друга. Это прогалина служит стоянкой телег и отдыха лошадей. Рабочие, приезжающие на поле на лошадях, привозят с собой сено – они не дают лошадям пастись, дабы те не пожрали урожай, и ведро, которое они наполняют водой из маленькой речки.

Азим также позаботился привезти сено в телеге. Он выгрузил его перед лошадьми и взял ведро, чтобы наполнить её водой. Когда он направился к ближайшему берегу ручья, его желудок предательски заурчал. Подавшись чувству голода, Азим сменил направление и пошёл в сторону небольшой прогалины в двадцати газах от коновязи, окружённой дубами и тутовниками.

– ... на запад и северо-запад от Арружа дальше, чем на

семь, восемь фарсангов ходить нельзя, – донёсся до Азима негромкий остерегающий голос Рахмона-ака.

Азим увидел пять рабочих, собравшихся вокруг старика. Юноша понял, что тот снова рассказывает свои сказки. Он ускори́л шаг, подумав, что, возможно, мог, пропустить что-нибудь интересное...

– Поэтому, если вы решили или решите поехать в Сирод или Эрод, лучше поехать туда северо-восточным путём, через верховье Гулоба, – продолжал Рахмон-ака. – Так вы ещё и увидите Виндол... И к тому же никто не украдёт вашу д...

– Надеюсь, я не упустил самое интересное? – с улыбкой спросил подкравшийся Азим. Так он привлёк внимание любознательных слушателей на себя.

Начались приветствия, крепкие рукопожатия и дружеские объятия. Один даже двумя руками похлопал его по спине.

Крестьяне, слушавшие старика Рахмона, собрались в кольцо, которое замыкал сам рассказчик. Он сидел, прислонившись о ствол старого тута на краю склона в неглубокий овраг, где протекал ручей. Старик был одет в тёмно-синюю рубашку с вышитым геометрическим орнаментом на рукавах и плечах. Рубашка заправлена в серые шаровары. На поясе повязан серый платок с тёмно-синим растительным узором. Круглая бархатно-серая тубетейка скрывала его лысеющую макушку. Свои хлопковые сапоги он снял и аккуратно положил справа от себя, у криво выглядывавшего из земли корня. Слева, в шаге от него, где редела трава, лежала кучка

шелухи лука и кожуры картофеля, а на кучке лежал нож с рукояткой из отлакированного бараньего рожка.

Худощавый старик на поле помогал Рашиду с приготовлением еды. Рассказчик, как его иногда называли, выполнял и другие его поручения.

На этой прогалине они обустроили свою уличную кухню, состоящую из нескольких казанов с подказанниками и одним большим столом для нарезки. Ели же рабочие ближе склону, на поляне, поросшей низкой травой.

Маленький муравей, смело бегущий по руке Рахмона, взобрался на его короткий рукав и через плечо присоединился к другим муравьям, поднимающимся по невысокому стволу тут. Рахмон и вовсе не обращал на него внимания, ибо он наставлял и предупреждал слушающих. Однако его внезапно прервали непочтительным образом, но он не обижался. Рахмон привык. Пока его слушатели приветствовали друга, воспоминание нахлынуло на старика и полностью погрузило в тот самый момент, когда увиденное и услышанное до смерти напугало его. Много лет назад лишь от одного далёкого вида того, что манило к себе, он окоченел от страха и еле удрал. С тех пор Рахмон призывал всех воздержаться от путешествия в Фарод через пустыню Эрг.

– Доброе утро, Рахмон-ака, – Азим протянул руку к старику, но тот не слышал юношу и, казалось, не замечал – старик смотрел куда-то вниз и тот страх, навеянный воспоминаниями, отражался в его серых глазах. – Рахмон-ака? – по-

дозрительно позвал Азим, коснувшись его плеча.

– А, Азим! – придя в себя, улыбнулся старик.

– Как вы поживаете? Что вы рассказывали? Ничего интересного не упустил? – с бодрым любопытством спросил Азим.

– Да вот Идрис решил навеститься к родственникам в Эрод, поэтому Рахмон-ака советовал ему ехать северо-восточным трактом, – поведал Дамир, когда старик только хотел раскрыть рот. Этот крепкий, высокий рабочий юноша на три года старше Азима.

– А разве Эрод не к северо-западу от Катрона⁵? – недоумевал Азим.

– В Виндоле с путников, держащих путь в Эрод или Сирод, берут проезжую пошлину. Сколько она стоит, Рахмон-ака? – поинтересовался Идрис – юноша на пол головы ниже Азима и с квадратным лицом и черными волосами под зелёной круглой тубетейкой и коричневым растительным узором и в коричневом рабочем одеянии.

– В Виндоле я был чуть больше тридцати лет назад. Тогда проезжая пошлина стоила три серебряных монет, – вспомнив, ответил Рахмон.

– За столько лет пошлина могла вырасти, – заметил Дамир.

– Это же вымогательство! – возмутился Идрис. – Я же не с торговым караваном еду туда... Как насчёт Эрга? Почему

---

⁵ Катрон произносится с увулярной «к».

никто не едет в Фарод через пустыню?

– НЕТ! – неожиданно крикнул Рахмон, но из его уст вырвался лишь громкий старческий хрип. – Что я вам говорил?! – старик огрел юношей перед собой порицательным взглядом.

– Но почему? – недоумевал Идрис. – Так ведь ближе.

– Это запрещено «странным законом», – негромко ответил Рахмон.

– Чем? – усмехнулся другой юноша с флейтой на поясе и надменным взглядом.

– В пустыню запрещено ходить Байзо и Зухуром⁶, – добавил Рахмон, но его слова не внесли ясности недоверчивым юношам.

– Кто они такие? – в один голос спросили Идрис и Хуршед – тот самый юноша с флейтой и каштановыми волосами.

Нынешнее поколение не может назвать и трёх предыдущих султанов. Что с них про тех, кто правил тысячи лет назад? Покачав головой, Рахмон хотел ответить, но услышав свист Рашида, юноша оставили старика и начали накрывать большую скатерть на поляне для завтрака. Вздохнув с тоской, Рахмон опустил глаза и ушёл в себя.

– Только не через пустыню, – его едва отличимый голос заставил Азима задержаться.

Юноша встал в нескольких шагах и внимательно посмотрел на старика, который что-то бубнил себе под нос.

---

⁶ Зухур произносится с горганной «х».

– ...Ты бы ему помог... Он голоден...

– Азим! – позвал Идрис, и юноша пошёл на зов друга.

– Зачем тебе в Эрод? – поинтересовался Азим.

– У меня там двоюродные братья и сёстры. От них пришло письмо, что моя пожилая тётя – сестра матери моей – пребывает не в самом лучшем здравии и, опасаясь худшего, они желают собрать всех родственников в «день Эрода», – понурившись ответил Идрис.

Друзья сразу же поддержали Идриса и подбодрили его разными шутками. Раздался громкий смех молодых ребят. Настроение Идриса приподнялось, а про старика Рахмона и вовсе позабыли. Тот в этот момент словно оцепенел и едва заметно дрожал. Тень набросилась на его лицо. Заблудшие серые глаза смотрели будто в никуда. На самом же деле, перед его взором стоял тот самый ужас... Он... Рахмон не забыл его...

Неважно, как далеко ты убежишь, такое вряд ли забудешь.

Подрагивая у кряжистого ствола, никому не слышно, Рахмон подпевал его песню:

...Отдалили меня от той пицци лакомой,

И не испробовать мне больше той любимой...

– Пицца готова! – крикнул Рашид. Вытерев руки о полотенце, староста, а по совместительству и повар со слегка выступающим животом, тем же полотенцем махал рабочим своими округлыми, но крепкими, руками. Прожитые шестьдесят с лишним лет никак не сказались на его широких пле-

чах и среднем росте.

Придя в себя, словно очнувшись от долгого забвения, Рахмон встал через колено, упираясь об корень. Убрав ножик за пояс, он мерным шагом пошёл к повару.

– Ох уж эта его стряпня, – вздохнул Дамир.

Не то чтобы ему не нравилось то, что Рашид частенько готовил для рабочих – разумеется в восторге он тоже не был – просто ему хотелось чего-нибудь другого, нового.

– Да ради этой стряпни я отказался от маминого завтрака! – воодушевлённо признался Азим. – Небось, обижается...

Скатерть постелили на выкошенную траву. Четверо принесли по две длинных курпачи, постелили их вокруг скатерти так, чтобы каждый мог сесть и спокойно скрестить ноги под собой. Трое пошли к ручью ополаскивать посуду. Хуршед вместо помощи, расхаживал вокруг тех, кто стелил скатерть. Он пригубил свою продольную деревянную флейту и дунул в неё для проверки чистоты. Идрис же, переступая с ноги на ногу, о чём-то размышлял в нескольких шагах от скатерти.

Азим и Дамир подошли к Рашиду. У Дамира было обыкновенное лицо. А вот Азиму было интересно взглянуть на стряпню, которую приготовил Рашид.

Всё было очень просто и немудрено, но стряпня эта была по нраву почти всем этим рабочим, да и другим сменам, которым он её готовил.

Пальчики оближешь!

Простым крестьянам не надо готовить кулинарный шедевр. Главное, чтобы желудки были сыты и сил хватало для работы в земле.

Этой своей стряпнёй Рашид не особо-то и хвастался, но самый заядлый гурман не побранил бы его «шедевр».

Повар не держал рецепт своей стряпни в секрете и был рад, когда кто-то помогал ему у казана. Рашид варил в подсоленной воде очищенную картошку, объясняя, что молодая картошка намного вкуснее. Пока она варилась, он нарезал на небольшие кубики говяжий или бараний жир – сегодня у него был только бараний – и бросал их в раскалённый казан: там жир таял и начинал жариться в собственном соку. Шкварки он доставал, как только они румянились, сыпал солью и мелконарезанным луком и подавал до основного блюда. В Ахоруне это называют «Джазом» или «Джазаком», и оно всем нравится.

Рахмон как раз шинковал лук и нарезал зелень. Он посыпал их над шкварками и, пока горячо, с хмурым видом пошёл раздавать тарелки рабочим.

Тем временем, уже все собрались и сидели за скатертью, скрестив ноги под собой. Когда же рассказчик подошёл к ним, они встретили его голодными улыбками и принялись все вместе уминать джаз.

На оставшемся масле повар подрумянил ещё лука, и картошка к этому времени полностью отварилась. Азим с Дами-

ром подавали ему вымытую ребятами посуду – неглубокие деревянные тарелки – и повар накладывал картошку с расчетом одна миска на двоих. Сверху Рашид подливал масло с луком и подавал с чашкой густо-разбавленной чакки (ка-тыка).

Азим и Дамир раздав всем еду, вернулись к Рашиду за своей порцией.

– А часто он такой угрюмый... замкнутый и какой-то потерянный, что ли? – спросил Азим про старика Рахмона.

– Хотелось бы, чтобы он пореже вёл себя странно, – вздохнув, ответил Рашид. – С тех пор как он переехал в Ангуран, его как будто подменили.

– А давно вы с ним знакомы? – поинтересовался Дамир.

– С детства можно сказать.

Рашид с грустью взглянул на своего старого друга, тесно сидящего среди молодых ребят, но такого отстранённого на вид. Рашид им сильно дорожит. В глубине души Рашид был всё ещё озадачен, ведь он так и не узнал, что же стряслось с Рахмоном. Что же заставило его превратиться из весёлого, жизнерадостного сангвиника в содрогающегося меланхолика?

Зная наперёд, что любопытные юноши сейчас начнут расспрашивать, Рашид решил сам рассказать им про их дружбу.

– Маленькими хулиганами мы гоняли голубей по дворам и крышам Арружа. Ох и неуловимыми проказниками мы были... А в вашем возрасте мы стали бегать за девчонками, –

Рашид улыбнулся, вспоминая какого это было. – Я был постарше, на три года, и влюбился в одну рыжеволосую красавицу. В двадцать один год я женился на ней. Рахмон же после восемнадцатых именин решил податься в путешественники и через пару месяцев отправился куда-то с торговым караваном. С тех пор я его не видел. В двадцать пять лет мы с женой переехали в Ангуран. Здесь я устроился к твоему деду сеятелем на поле. Земли-то у него были огромные, и ему нужны были молодые крепкие руки, чтобы сеять урожай. Вот... Мм... – Рашид задумался. – Однажды жена уговорила меня на Навруз поехать всей семьёй в Арруж, провести праздник с родственниками. Вот... Взяли мы дочку и поехали. В Арруже я вспоминал и много думал про Рахмона. Очень хотел встретиться с другом детства, но мне так и не посчастливилось. Я расспрашивал его родных, соседей и наших общих знакомых. Его уже много лет не видели, а его старший брат сказал, что после кончины отца Рахмон раздал своё наследство и снова отправился, по его словам, путешествовать по городам Рахшонзамина. А один человек на рынке как-то сказал, что Рахмон и вовсе перебрался жить в Корявом лесу. Мм... не знаю... – Рашид озадаченно покачал головой и почесал бороду в подбородке. – Мы ещё много раз приезжали в Арруж, но с Рахмоном я ни разу не смог свидеться. Шли годы, и я как-то забыл про него. Повышение в работе у твоего деда, второй ребёнок – все эти заботы на моих плечах не давали мне вспоминать друга, – он снова печально взгля-

нул на Рахмона. – И вот, четырнадцать лет назад, когда мне стукнуло сорок восемь, я не поверил собственным глазам, когда увидел Рахмона у нас на рынке. Я его не сразу узнал, но сердце подсказывало, что это именно он. Рахмон мне показался каким-то зашуганным, сломленным и брошенным. Его поведение было... остерегающимся. Он с одного ларька подходил к другому и ничего не выбирал. С опаской оглядывался по сторонам и избегал контактов с людьми. Его глаза были задумчиво растерянными, плечи поникшими. Сам он исхудал и был очень бледным, словно увидел саму смерть. Я неуверенно подошёл к нему, позвал его. Рахмон не сразу, но всё же, узнал меня. Я пригласил его в дом, жена угостила нас своим фирменным курутобом⁷. Поев, Рахмон проспал три дня. Мы уже начали бояться, но он пришёл в себя. Я предложил ему остаться у меня, – Рашид сложил грязную посуду в одну кучу для мытья и вернулся к юношам, ожидающим продолжения. – Рахмон согласился остаться у меня на первое время. Место-то у меня в доме освободилось: я тогда, уже год как, выдал вторую дочь замуж. Вскоре я устроил его уже к твоему отцу на работу. Через год я помог Рахмону купить небольшой старый дом на северо-западном районе. С тех пор как я устроил его на свою первую должность, Рахмон кроме своих обязанностей в свободное время нашёл себе другое занятие. Он стал рассказывать истории из своих и чужих путешествий и много чего другого. Но, что приклю-

---

⁷ Курут и курутоб произносятся с увулярной «к».

чилось с ним во время Зелёной хвори, он не рассказывал... И я полагаю, что он никогда не расскажет, – взгляд и голос Рашида были взволнованными. – Слушателей у него быстро нашлось, хоть отбавляй. Они-то и прозвали его «рассказчиком». Однако я до сих пор не могу понять одно, – староста озадаченно насупился. – Всякий раз, как кто-то спросит у него про пустыню Эрг, он становится сам не свой. Глаза его наполняются ужасом, а тело бросает в мелкую дрожь. Рахмон либо уводит разговор в сторону, либо остерегает всех не ходить туда. Да... я припоминаю, – покивал себе Рашид. – Раньше он увиливал от ответа и начинал другой разговор, но в последнее время этот вопрос нагнетает на него дикий ужас. Не знаю, был ли он в этой пустыне и что с ним там могло произойти, но теперь я предупреждаю многих любопытных зевак воздержаться и не допытывать его вопросами про Эрг. И вы ребята тоже не спрашивайте, ладно?

Юноши согласно покивали. Видя, что любопытство ребят удовлетворено, Рашид протянул им их тарелку со своей и попросил пойти, сесть за скатерть...

Трапеза вышла сытной и отменной. Многие из рабочих отца Азима предпочитали плотный, калорийный завтрак, чтобы сил было много и на обед можно было пойти попозже. Из их кампании все почти доели приготовленную стряпню Рашида, а Азим и Дамир только приступили. В это время, Хуршед, раньше всех вычистивший миску до блеска, снова достал свою продольную флейту. Молочно-белый инстру-

мент со светло-коричневыми прожилками показался Азиму мраморным, но на самом деле она сделана из берёзы мастерами музыкальных инструментов Фалида.

Заметив, как юноша теребит пальцами над дырочками инструмента, все замерли в ожидании ласкающей слух и ещё больше поднимающей настроение мелодии, забыв про остатки еды.

Хуршед опустил голову, поднёс флейту к губам, но вдруг передумал играть на ней. С задорной ухмылкой исподлобья он посмотрел на старика Рахмона.

– Рахмон-ака, вы прожили больше нас. Выдели больше нас. Знаете больше нас. И, наверняка слышали разные песни больше нас, – во всех его словах скрывалась насмешка, которая чётко отражалась в его серо-зелёных глазах. – Может споёте нам одну из них, а я сыграю под неё на флейте?

Остальные поддержали Хуршеда. Даже Азиму стало интересно услышать что-нибудь эдакое из уст рассказчика. Рашиду же эта идея не понравилась. Он огрел Хуршеда недовольным взглядом, но тот не обратил на него внимания – все в выжидании уставились на Рахмона.

Сам Рахмон воспринял это предложение с воодушевлением. Он отодвинул от себя миску и направил задумчивый вид на широкую крону тутовника.

– Да, – протянул старик. – Я слышал много песен и стихотворений. Даже сам сочинил несколько. – Рахмон улыбнулся, вспомнив одно стихотворение. – Я вам спою мою люби-

мую.

Рахмон поправил скрещённые под собой ноги и кивнул Хуршеду, чтобы тот поднёс флейту к губам и приготовился. Старик прочистил горло и начал петь, глядя вниз:

Служил тем и сем вместе с братьями я,

Со временем изменилась суть моя...

Не допев вторую строчку, губы Рахмон сомкнулись в ровной линии, и он смолк. Его глаза заледенели, словно передними встало нечто ужасное, что и вообразить сложно. Старик стиснул пальцы в кулак, а его плечи бросило в слабую дрожь – она осталась бы незаметной, если на него в это время никто не смотрел. Рахмон замер бездыханно на некоторое мгновение, а потом, жадно вдохнув воздух, он резко отклонился назад. В его глазах горел неопикуемый страх.

– Н-н-нет! – с дрожащей челюстью вдруг протянул он. – Этот стих не для ваших ушей! – в его голосе полным испуга звучало предостережение.

Упираясь руками о курпачу, Рахмон потянул спину назад. Встав с места, он ушёл в сторону посевого поля. Мотая головой, старик что-то бубнил себе под нос.

Рашид с укором взглянул на Хуршеда, но тот лишь насмешливо ухмыльнулся, переглядываясь с друзьями. Рабочие уже привыкли к таким заскокам Рахмона, но были не против в очередной раз посмеяться над ним. Рашид не одобрял этого, но в их время юноши редко прислушиваются к взрослым. Словно не замечая старосту, Хуршед пригубил

флейту и, коротко заиграв, снова опустил её и с новым озорным взглядом посмотрел на Азима.

– Может, ты нам споёшь, Азим? У тебя чудный тембр...

– Вам бы лишь песни да пляски, – отрезал Рашид. Поели? Давайте-ка за работу! Живо! Пока жир не застыл у вас в крови. Земля сама не вспашется, – заключил староста.

Недоев свою же стряпню, Рашид сложил руки лодочкой (сведя вместе только пальцы), прошептал благодарственную молитву за трапезу и, встав, последовал за своим старым другом.

Рабочие последовали его примеру: обведя руками вокруг лица после молитвы, они начали вставать из-за скатерти. Дежурные убрали грязную посуду, курпачи и саму скатерть. Дамир был из их числа: сегодня была его очередь мыть всю посуду. При этом ему содействовал Азим.

– Тебе необязательно помогать мне. Я здесь быстро управлюсь. Скажи, что нужно и мы с ребятами быстро наполним твою повозку. А пока, можешь поучиться у Рашид-ака руководить рабочими, – за тонкой улыбкой Дамира скрывался намёк на то, что Азим скоро может стать их начальником вместо своего отца.

– Если сегодня всё будут делать за меня, кем же я стану завтра? – задумчиво спросил Азим, вытирая помытую посуду.

– Нашим начальником, – с улыбкой ответил Дамир, однако в его голоса прозвучала толика зависти. Он не был из бо-

гатой семьи, и его отец не занимался тем, что можно было бы унаследовать.

– Начальником, который ни разу не брал лопату в руки? – возразил Азим.

Дамир молча помотал головой. Скромная улыбка говорила о его восхищении Азимом.

– Я знаю многих ребят, которые на твоём месте сидели бы сложа руки, ожидая всё готовенькое. Возьмём Аюба, например, – Дамир вспомнил их общего друга. – Его отец один из знаменитых плотников Ангурана, а сам он и понятия не имеет что такое рубанок или стамеска. Аюб ни разу не помог своему отцу, зато он мастер тратить его деньги... Ты видел его новую лошадь?

– Нет, – Азим коротко покачал головой.

В это время на поле подоспели и остальные рабочие Аъзама – те, которые предпочитали завтракать дома. Посевные поля Аъзама находятся в двух милях от города, занимая сотни гектаров. Потому, его рабочие, живущие на южных улицах Ангурана, приходят уже в рабочей одежде и сразу приступают за дело, не теряя времени – нужно собирать весенний урожай.

Две трети полей по кривой разделял ручей, бравший истоки из-под земли и протекающий на восток до Гулоба. Вдоль её узкого русла на большом расстоянии друг от друга росли тутовники с большими чёрными ягодами. Эти немногочисленные деревья издавна служат для разделения поля на от-

дельные участки под определенные виды сельскохозяйственных культур и сезонной посадки.

Разложив чистую посуду на полках под столом, Азим с Дамиром вернулись к ручью. Наполнив вёдра, они стали поить лошадей.

– У тебя скоро день рождение. Насколько я знаю, твой дядя уже давно обещает подарить тебе лошадь, – заметил Дамир.

– Да...

– Ты уже выбрал себе? – поинтересовался Дамир. – Ты всегда приезжаешь сюда на рабочих лошадях с повозкой.

– Я приезжаю сюда поработать, потому пользуюсь этими лошадьми, – Азим погладил одну из лошадей, которые были запряжены в его повозку.

– Скромности тебе не занимать, – ухмыльнулся Дамир, и они направились в склад для инструментов. Дамир вошёл внутрь с вёдрами и вышел оттуда с лопатой. – Что ж, раз хочешь работать, вот тебе лопата, – он вручил её в грудь Азиму. – Смотри у меня, – он шутливо пригрозил пальцем Азиму. – Работай усердно!

* * *

«Брачный союз – важный и ответственный шаг в жизни каждого человека. Прежде, чем сделать этот шаг, нужно осознать важность и принять ответственность. Если же

жениться ради своего удовлетворения и удовольствия, место твоё в темнице».

Хранители знаний: «Мемуары султана Зухура»

Первые лучи солнца, робко выглядывающие далеко из-за восточного горизонта, предзнаменовали начало седьмого ордибехешта три тысячи сто двадцать второго года Эпохи человека. Этот день один из важнейших в семье Аъзама, ибо восемнадцать лет назад его жена дала жизнь прекрасному синеглазому малышу, которого называли Азим ибн Аъзам.

В Ахорруне восемнадцатые именины являются многозначительным событием в жизни любого человека. Люди созывают всю свою родню, а в Фалиде празднуют три дня. Хотя Аъзам и не собирался праздновать именины своего старшего сына три дня, гостей он позвал много. Поэтому, чтобы принять их как подобает, приготовления начались за долго да рассвета. Аъзам попросил Рашида помочь. Разумеется, не для того, чтобы тот состряпал свою стряпню, которая так предпочитаема рабочими. Рашид умелый повар ещё многих других блюд, а особенно хорошо у него получается плов с желтым изюмом и долмой. Как раз его Рашид и готовил на заднем дворе Аъзама.

Рашиду помогал Рауф и заодно учился. Кроме занятия борьбой, Рауфу также нравилось готовить. Он часто помогает своей матери, а в такие события как этот, не отходит от повара. Рауф считает это дело своего рода искусством.

А ведь так оно и есть!

Азим тоже был на заднем дворе. Он помогал накрывать скатерть на топчане, своим присутствием смущая двоюродных племянниц своей матери. Они пришли помогать, да себя показать. Каждый раз застенчиво поглядывая на именинника, они тихо хихикали и о чем-то перешептывались между собой. Сестер, которые и друг к другу приходятся двоюродными, зовут Шахло⁸ и Шабнам. Они краснели еще гуще, стоило Азиму попросить их подать пиалы.

Азим положил пиалы в двух углах скатерти по диагонали, и попросил подать салфетки. Однако его просьба осталась без ответа. Он повернулся в их сторону и удивился тому, что его двоюродные сестры вдруг побежали в сторону дома, когда к ним подошла тётушка.

– Сынок, милый, – Зарина улыбнулась девушкам вслед, – тебе необязательно работать в свои именины.

Азим скромно ухмыльнулся и посмотрел матери в глаза.

– Вы же знаете, что я не люблю бездельничать, когда остальные работают.

– Тогда иди к воротам и встречай гостей с отцом. Они скоро начнут подходить. Дальше я сама, – Зарина похлопала сына по плечу и заняла его место.

Азим послушался и пошел к парадному двору. Проходя мимо большого казана (диаметром в две руки) на подказаннике, он глубоко вкусил запах уже готового плова.

---

⁸ Шахло произносится с гортанной «х».

– М-м-м... пахнет изумительно! – похвалил Азим.

– Ради тебя старался, – Рашид благодарно кивнул. – Рауф, сходи за тарелками, – он послал своего помощника за старшим братом.

На лужайке перед домом также шли приготовления на утренний плов в честь дня рождения Азима, которыми руководил сам Аъзам. Ему помогали племянники – сыновья его старшего брата, Адхама. Они расставили невысокие столы на съёмных козлах и длинные скамьи на троих. На столы, украшенные резьбой и обработанные маслом, не стелили скатерть. Ребята также накрывали на стол, приносили разные лепешки, салаты, угощения и напитки. Им помогала их младшая сестра, девятилетняя Рухсона.

Все уже было почти готово. Оставалось лишь прийти гостям, которых ждали к двум соям утра (т.е. к четырём часам до полудня). Однако первый гость появился чуть раньше. Аъзам заметил подъезжающего брата и открыл для него часть ворот, чтобы тот заехал во двор со своей лошастью.

– Доброе утро, Аъзам! – спешившись за воротами, Адхам пожал руку брату и похлопал его по плечу. – Поздравляю! Сегодня твой сын вступает во взрослую жизнь.

– Спасибо, – Аъзам обнял брата, а отпустив его, с намёком спросил, – Новая лошадь?

– Да, – усмехнулся Адхам. – Мои ноги уже не могут нести моё тучное тело, – с самоиронией добавил Адхам.

– Не переживай, – Аъзам с улыбкой положил руку на пле-

чо брата. – Твоё пузо почти незаметно.

Адхам негромко захихикал и, заметив подходящего Ази-ма, пошёл к нему навстречу и крепко обнял племянника.

– Иди сюда, мой дорогой! С днём рождения! – поздравил Адхам, сильнее сжимая объятия.

У него почти одинаковый рост с братом, но в отличие от хорошо сложенного Аъзама у Адхама упитанное, округлое телосложение. Азим же был чуть выше них, но худее обоих, потому в крепких объятиях дяди он издал негромкий хрип.

– Дядя, вы меня раздавите-е...

– Всё такой же хилый? – пошутил Адхам и отпустил племянника.

Азим с улыбкой пожал плечами и бросил взгляд на бурую кобылу с черной гривой и хвостом.

– Знаю, знаю... Я с детства обещал подарить тебе лошадь на восемнадцатые именины, и я сдержу своё слово, – заверил Адхам. – Но не эту кобылу. Дай мне ещё немного времени, я пока не получил согласия...

– Согласия? – в недоумении переспросил Аъзам.

Адхам с притворным укором посмотрел на брата и покачал головой.

– Всё тебе расскажи... Ладно, где у вас тут плов накладывают? Я проголодался, пока ехал сюда.

От слов брата Аъзам усмехнулся и подколот его.

– Да, с лошадью на спине.

Расхохотавшись, братья пошли к Рашиду, а Азим остал-

ся встречать гостей, которые тоже начали подходить. В основном, это были друзья, сотрудники и рабочие Аъзама и немногие друзья Азима. Каждый поздравлял Азима с торжеством и желал долгих лет и многих благ. Азим же, прижав правую руку к сердцу, скромно кивал головой в благодарность.

Гости начали рассаживаться по столам, а Хабиб⁹, старший сын Адхама, пошёл за дом уведомить повара начать накладывать плов. Рашид же встал возле казана, опустил взгляд на плов, сложил руки лодочкой перед собой и негромко прошептал молитву.

– Пусть Всевышний воздаст благом за эти блага и подарит долгую жизнь Азиму ибн Аъзаму, аминь.

Обведя руками вокруг лица, Рашид в правую руку взял шумовку, в левую взял керамическую синюю тарелку с белым узором, поданную Рауфом, и начал накладывать плов.

– Есть какие-то пожелания? – повар обратился к Хабибу. – Кому-то побольше моркови или масла?

– Нет, – неуверенно ответил Хабиб, забыв спросить гостей.

– Да, – вслед за двоюродным братом ответил Азим. – Четыре масляных порций, пять преимущественно морковных порций и три с меньшим количеством мяса.

– Хорошо, улыбнулся Рашид и начал накладывать, а Рауф отдавал тарелки братьям по две тарелки каждому.

---

⁹ Хабиб произносится с гортанной «х».

Первые порции, каждая на двоих, ушли согласно пожеланиям гостей, однако долму повар клал всем одинаково – по пять штук на тарелку. Возвращаясь, юноши передавали повару пожелания новых гостей, которых встречал Азим, или просили добавки. Одну порцию добавки Адиб, младший сын Адхама, отнёс своему отцу.

Гости приходили и уходили в течение двух часов. Хабиб и Адиб подавали им плов, убирали пустые тарелки со столов и относили их в дом, а оттуда приносили чай и чистые пиалы.

Гости ели, пили и одновременно разговаривали, шутили и смеялись. Дамир и Хуршед сидели за одним столом. Поев плов, Хуршед достал свою флейту и заиграл весёлую мелодию. Перед этим он успел съязвить, спросив, где Рахмон-ака, чтобы он спел что-нибудь в честь именинника. Однако старика среди гостей не было.

Услышав звучание знакомой флейты, Рашид вышел к гостям с тарелкой плова в правой руке и позвал к себе Азима.

– Садись, поешь со мной, – предложил Рашид Азиму, и они сели рядом с Дамиром и Хуршедом.

Гости за столом похвалили Рашида за вкусный плов, а Хуршед в очередной раз подколот повара.

– Этот чудесный плов, конечно, не сравнится с вашей стряпнёй, но прошу вас, больше не готовьте её.

Разделяя юмор Хуршеда, некоторые гости негромко засмеялись. Рашид же кивнул с улыбкой и оглядел гостей в поисках своего старого друга.

– А Рахмон не пришёл с вами?

– Нет, – ответил Дамир. – Я уже несколько дней не видел Рахмон-ака, – юноша жил на одной улице со стариком, и они часто вместе приходили на работу.

– Я тоже его давно не видел, – добавил Хуршед.

– И я, – тихо проговорил Рашид, опустив задумчивый взгляд на тарелку.

– А вы его пригласили? – осведомился Азим. Он тоже гадал, почему не пришёл Рахмон-ака.

– Я был занят всю неделю и не смог навестить Рахмона, – сказал Рашид и вопросительно посмотрел на Дамира с Хуршедом.

– Может, он приболел? – предположил Хуршед, а Дамир пожал плечами.

– Надо будет наведаться к нему, – заключил Рашид и начал есть плов.

– А Идрис? – спросил Азим.

– Он уехал в Эрод, – сообщил Дамир, озадаченным голосом. – Мне кажется, он поехал через Арруж. Он торопился, и не хотел терять время, держа путь через Виндол.

– Дальше он поедет через пустыню Эрг? – уточнил Азим. – Рахмон-ака говорил же ему не ехать восточной дорогой.

Дамир пожал плечами, коротко разведя руками...

Казан опустел до последней крупинки риса. Гости разошлись, ещё раз перед уходом поздравляя Азима и желая ему долгих лет, достатка, красивой жены и побольше детишек.

Именинник пожимал им руки, благодаря за пожелания.

Ни один гость не вручил ему подарка. Так уж заведено. В Ахоруне на восемнадцатые именины не дарят подарков, ибо этот день знаменовался днем перехода во взрослую жизнь. И имениннику, будь то юноша или девушка, давался выбор – выбор дальнейшей жизни. Кем захочет стать и чем займется? И, чтобы выбор был сделан правильно, родители на протяжении семнадцатилетия своего ребенка наставляют, обучают, а некоторые даже и подталкивают к определенному выбору, но не Аъзам с Зариной. В течение года они размышляли над тем, какой подарок сделать старшему сыну, и недавно оба пришли к одному решению, которое огласят этим вечером...

Девушки убрали со столов грязную посуду, а юноши убрали столы и скамьи, и унесли их в склад рядом с амбаром слева от дома.

В полдень начали приходиться родственники. Для них накрыли в большой гостиной, а не во дворе. Одной из первых была двоюродная тетюшка Зарины Рукия¹⁰. Родственников у Азима было немного, точнее осталось немного. Злосчастная Зелёная хворь, неожиданно охватившая весь султанат шестнадцать лет назад, унесла с собой множество жизней, включая родственников Азима, среди них были и мать Шабнам и отец Шахло, которые приходились двоюродным братом и сестрой Рукие. Бабушка и дедушка Азима с отцовской линии также слегли от этой хвори.

---

¹⁰ Рукия произносится с увулярной «к».

Ну... не будем больше о смерти в день рождение.

К двум часам по полудню подошли все родственники. Плов им не стали подавать – утренний плов не подают к обеду. К этому времени Рашид успел приготовить своё второе изысканное блюдо: кэбаб из нежного телячьего мяса. Аъзам с Рашидом зарезали этого теленка утром на рассвете, принеся его в жертву в честь своего старшего сына. Кэбаб также состоял из картошки, нарезанной дугообразными ломтиками, лимоном и был приправлен зеленью.

Кроме тётушки Рукии, со стороны Зарины пришли её брат Таир, две родные тёти – Наргис и Зумрад, их дети и их общая бабушка, Ханифа¹¹. Ей исполнилось восемьдесят шесть лет два месяца назад, и она самая старая в их роду, даже единственная из того поколения чуть ли не во всём Ахоруне.

Остальных забрал возраст или Зеленая хворь.

Со стороны отца, кроме Адхама и его детей, пришли и другие братья и сестры Аъзама, конечно, двоюродные. После трагедии, потрясшей весь султанат и принесшей столько горя, оставшиеся родственники старались держаться вместе, и часто ходили друг к другу в гости, несмотря праздник это или нет.

Кэбаб подан и съеден, а его повар удостоен всевозможных похвал. После долгой и утомительной дороги сытые родственнички начали вспоминать и про свои восемнадцатые

---

¹¹ Ханифа произносится с гортанной «х».

именины, поучая и советуя Азиму и тем, кому этот день еще предстоит.

Дядя Таир любил играть на дутаре, и, пользуясь случаем, захватил его с собой. Помолившись все вместе после еды, Таир пошёл за своим двухструнным музыкальным инструментом, который оставил в прихожей, и позвал всех во двор. Заиграв веселую мелодию, Таир начал подпевать. Женщины начали танцевать под ритм музыки, а мужчины ритмично хлопали в ладоши. Аъзам и Адхам танцевали со своими жёнами, а вскоре за руки затащили робкого Азима в свой круг. Если его отец, мать, дядя и невестка танцевали хорошо, сам он в этом деле был ужасен и двигался хуже веток, качающихся под дуновением ветра. Когда танцующие сменились, Рашид отвел именинника в сторону и тихо сказал в шутку:

– Все желали тебе долгой жизни, богатства, а я желаю тебе научиться танцевать. Поверь мне, курицы пляшут и то лучше, чем ты.

Они громко рассмеялись и Рашид дал пару уроков по базовым движениям национального танца ахорунцев.

Именинное веселье длилось до самого заката. Когда же солнце начало опускаться за горизонт, меняя свой окрас, оно окрашивало безоблачное небо оранжевым и пурпурными тонами. Настала пора родительских заявлений. Аъзам и Зарина объявили, что приготовили Азиму своего рода подарок и хотели, чтобы все присутствовали, когда они огласят своё решение. Однако близилась ночь и нужно возвращаться до-

мой. Потому не все пожелали остаться и попросили бабашку Ханифу благословить именинника и их дорогу домой.

Ханифа согласно кивнула, но позвала всех зайти внутрь.

– Негоже молится на улице во время заката. Солнце нена-роком унесет с собой дуа и жди беды.

Да, пожилые люди в Ахорруне иногда подаются суевериям. Для кого-то они лишь бабушкины слова, а кто-то считает, что у них есть правдивая основа. Кто знает?

Все вернулись в гостиную и сели на свои места, скрестив ноги под собой. Шабнам и Шахло, которые предварительно убрали грязную и опустевшую посуду, налили всем по чашке виноградного шербета. Те, кто собирался уходить, залпом выпили шербет и выжидательно смотрели, пока бабушка Ханифа короткими глотками опустошит свою пиалу.

Наконец, она положила пиалу на скатерть и воздела руки перед собой, сложив ладони лодочкой для молитвы благословения. За ней повторили остальные, и Ханифа негромко начала:

– Всевышний, благодарим вас за жизнь, дарованную нам и за блага, которые мы имеем. Благодарим за эту трапезу, радость и веселье, что мы делили в этот прекрасный день. Мы скромно просим вас простить наши грехи и опустить грехи нашим усопшим и воздать им нашу память о них. Всевышний, благословите путь домой моим детям, и пусть под вашим покровом жизнь Азима, моего внука, будет счастливой и плодотворной. Аминь.

Ханифа и все другие, хором повторившие за ней «аминь», руками обвели лицо и вместе встали с места. Азим с родителями проводил уходящих родственников до ворот, где те извинялись за то, что не могут остаться, и ещё поздравляли именинника.

– Пока, Азим, – Рашид подошёл сзади и обнял юношу за плечо. – Чтобы тебе ни сказали твои родители этим вечером, я желаю тебе удачи во взрослой жизни, – Рашид похлопал Азима по плечу и направился к выходу.

– Спасибо, – проговорил Азим, вопросительно глядя в спину Рашиду.

– Вы уходите? – вместо сына в недоумении спросил Аъзам. – Я хочу, чтобы вы остались.

– Я бы с радостью остался, но я хочу проведать Рахмона, пока не стемнело, – в его голосе слышалось волнение за старого друга.

– Хорошо, – неохотно согласился Аъзам и достал из-за пазухи своего тёмно-синего полосатого шёлкового халата небольшой мешочек с золотыми монетами и протянул его Рашиду.

– Нет, нет! – Рашид отказался принимать плату. – Считайте это моим подарком.

– А это – мой подарок вам, Рашид-ака, – Аъзам настойчиво взял правую руку Рашида и положил на неё мешочек с монетами. – Большое вам спасибо. Праздник удался благодаря вам.

Рашид кивнул с улыбкой, пожал на прощание руку Аъзаму и Азиму, с почтением кивнул Зарине и вышел за ворота.

Из гостей остались бабушка Ханифа, которая попрощалась со всеми из веранды, Адхам со своими детьми, тетушка Рукия с племянницами и двоюродные братья Аъзама – Сухроб¹² и Сорбон. Их ожидало продолжение торжества. Они поднялись на гостиную-террасу на втором этаже и расположились на большом топчане слева. Эту террасу ограждали деревянные перила с ажурной решёткой высотой в один газ, а семь резных колонн служили опорой для деревянной кровли. В середине ниш потолка висели семь стеклянных масляных ламп прямоугольной формы, а на колоннах с внутренней стороны на специальных выступах стояли округлые стеклянные масляные лампы. Хабиб зажёл их все, пока сёстры накрывали на низкий стол, что стоял посередине топчана. Вокруг стола Адиб и Рауф заранее постелили зелёные курпачи с золотистым узором виноградной лозы.

Во главе стола посадили Азима, напомнив ему о том, что в день рождение это место принадлежит имениннику. Справа от юноши сидела бабушка, а слева дядя Адхам. Аъзам сидел рядом с братом, а Зарина с племянницами была на кухне. На ужин она сварила «хом-шурбо» с нутом – легкий суп, сваренный из цельных овощей, мяса и заранее намоченного гороха. Пока Шабнам и Шахло относили белые керамические миски с золотистой каймой и узором виноградной грозди с

---

¹² Сухроб произносится с гортанной «х».

внешней стороны, Рухшона помогала невестке нарезать зелень и овощи.

Сёстры вставали рядом с топчаном, а Адиб с Рауфом брали миски с подносов и раздавали. Посмотрев на свою миску с супом, Адхам вдохнул его ароматный пар и обратился к Шабнам:

– Хом-шурбо вкуснее идет с остреньким перцем. Принеси мне пару штук.

– И мне, – одним голосом добавили Сухроб и Сорбон.

Вскоре на подносе вместе с супом Шабнам принесла тарелочку с горсткой зелёных перцев с красными пятнами, которые сразу же разошлись по рукам мужской половины. Даже Рауф, любитель сладкого, решил попробовать остренький суп.

Кроме того, на подносе Шабнам и Шахло принесли тарелки с мелконарезанной зеленью – кто хочет, тот посыплет себе в миску. Они также принесли салаты из овощей, разведенную водой чакку, чай – зелёный и чёрный с лимоном, а сладкое оставили на десерт.

На столе также стояли две, высотой в полторы пяди, керамические лампы, изящно выполненные в круглой выпуклой форме с крышкой-куполком для замены свечи и искусно раскрашенные с превалирующим коричневым цветом. Из множества овальных и круглых отверстий свет пробивался наружу, освещая скатерть. Горчично-жёлтые свечи издавали благоухающий аромат, вызывая аппетит.

Вид с террасы открывался на запад, где солнце утонуло за горизонтом и темнеющее небо мало-помалу усыпало звездами. Они ритмично мерцали под лёгкое дуновение ветра, и с новым тактом в небе появлялись всё больше и больше звёзд.

После ужина Азим спустился с кухнями, которые убрали со стола грязную посуду, вниз за именинным фруктовым пирогом. Когда он вернулся, вкушая запах горячего и скорее всего очень вкусного пирога, его встретили с улыбкой. Азим встал, изумленно склонив голову. За их улыбками скрывается некая договоренность, понял он.

– Подозрительные у вас лица, – заметил Азим с лёгкой кривой улыбкой. – Вы что-то скрываете?

– Сынок, – обратился к нему отец, – проходи на своё место. Нам пора огласить наше решение относительно твоего вступления во взрослую жизнь.

Азим удивлённо поднял брови. В его глазах была озадаченность, но улыбка не сходила с лица.

– *«Наше решение?»* – задумался он.

Шахло приняла у него пирог и положила на середину стола между лампами. Именинник же сел во главе стола.

Аьзам прочистил горло, чтобы привлечь к себе внимание, хотя все и так уже на него смотрели, и начал:

– Сын мой, сегодня тебе исполнилось восемнадцать лет. По нашим обычаям с завтрашнего дня ты взрослый человек и волен делать, что душе угодно. Однако я хотел бы предложить тебе конкретный выбор. Как всякий отец я тоже хочу

гордиться своими детьми... Я горжусь тобой, – поправил он, посмотрев на Азима, и продолжил. – Я хочу, чтобы ты был рядом со мной на рынке. Я хочу обучить тебя торговому делу, и ты сможешь помогать мне не на поле, а на рынках Ангурана. Со временем ты сможешь заменить меня в Торговом совете Ангурана, дабы я смог вести дела в других городах султаната и, если Всевышний соизволит, налаживать торговые связи за пределами Ахоруна. Может, ты уже принял для себя решение, но я буду очень рад, если ты пойдешь ко мне... Чтобы ты ни выбрал сынок, я желаю тебе только успехов, – Аъзам многозначительно кивнул и посмотрел на жену, которая села напротив него.

Хоть для Азима это и не было неожиданностью, ведь он догадывался, что отец предложит нечто подобное, он все же очень обрадовался услышанному.

– Конечно, отец! – бодро заявил Азим. – Я с радостью принимаю ваше предложение. Я буду усердно запоминать все, чему вы меня научите, и обещаю не подвести вас, – Азим приставил руку к сердцу.

Двоюродные братья Аъзама в один голос похвалили его за такой подарок сыну. Адхам же одобрительно похлопал его по плечу.

– Это правильно, брат мой, – серьезно произнес он и повернулся к Азиму. – И ты молодец, что не отказал, – он многозначительно подмигнул племяннику. – Ты смыслённый юноша. Схватываешь на лету. Я уверен, Аъзам, – он перевел

взгляд на брата, – все мы будем гордиться Азимом.

Довольное выражение заняло все лицо Азима. В этот момент он гордился собой, однако его глаза выдавали озадаченность. Всё внимание сейчас было приковано к нему, а Шахло и Шабнам и вовсе не отрывали глаза от юноши. Под натиском их взгляда Азим слегка насупил брови и опустил задумчивый взгляд.

– *«Это и есть их общее решение или...»*

– А теперь, сынок, послушай и меня, – своими слова Зарина прервала мысли юноши.

Не только Азим, но и все посмотрели на Зарину, а тётушка Рукия вожделенно прикрыла глаза. Её самодовольный вид выдавал, что она что-то знает и находится в ожидании, когда же дочь её старшей двоюродной сестры произнесет это вслух.

– Азим, я очень рада, что ты будешь работать с отцом. Но продолжение отцовского дела не единственное, что может перенять наследник. Наследие, – подчеркнула Зарина. – Семья, вот, что также имеет большое значение в жизни. Завтра ты вступаешь во взрослую жизнь и должен думать о создании своей семьи. У нас принято родителям находить достойную пару сыну или дочери (от этих слов тётушка поправила плечи, готовясь услышать заветное). И от того, кого выберут в спутники родители, зависит вся оставшаяся жизнь их ребенка. Ведь нужно учитывать характер и нравы обоих. Найти достойного кандидата всегда сложно (*«Не томи»*), ду-

мала тётушка). Обычно для дочери, мужа подыскивает отец, а мать жену для сына... Я люблю тебя сынок и хочу, чтобы и ты любил свою жену, а она тебя (девушки покраснели, также пребывая в ожидании). Чтобы она была без ума от любви к тебе (девушки смутились еще больше). Я долго думала об этом и приняла решение. Твой отец дал согласие (*«Скажи же ты, наконец»*, переполнялась нетерпением тётушка). Азим, – Зарина важно посмотрела сыну в глаза, – как старшему сыну, я даю привилегию, что на мою память, не было дано никому в нашем султанате. Я даю тебе собственный выбор до двадцати одного года самому найти и выбрать невесту.

Тетушка Рукия моментально открыла глаза и вперила косой взгляд на Зарину. Её круглые карие глаза чуть ли не вылетели из глазниц – она была потрясена до негодования. А её губы приоткрылись в прямой линии. Она ожидала услышать совсем иное, как и Шахло с Шабнам. Девушки приуныли, но держались достойно, чтобы не выдать свое разочарование.

Ощувив на себе палящий взгляд тёти и, заметив реакцию племянниц, Зарина добавила с намёком:

– Порой выбор бывает очевидным. Нужно лишь хорошо присмотреться, – договаривая последнее слово, Зарина неохотно кивнула в сторону племянниц.

После чего Рукия одарила Зарину более снисходительным взглядом, при этом её глаза не выражали особого удовлетворения. Она опустила голову и коротко покачала в знак сво-

его недовольства.

Остальные тоже были изумлены решением Зарины, однако они отнеслись к этому положительно. Дяди с восторгом смотрела на Азима и улыбались ему. Сам же юноша переваривал в голове слова матери

Бабушка Ханифа тоже этому обрадовалась. Она с одобрением смотрела своими светло-голубыми глазами, окруженными морщинами, то на Зарину, то на Азима.

– Действительно, такой чести не удостоивался никто с момента основания султаната, – обратилась она ко всем. – В ту пору, как гласит история, два дома основателей объявили о браке своих детей. С тех пор знать женится только на знати. От них это перешло народу и стало обычаем. Родители женят своих детей на дальних родственниках или самых близких им людях. Под началом своего отца ты станешь завидным женихом, – она посмотрела на Азима и добавила с утверждением. – А под стать тебе девушка, красоте которой будут завидовать все.

Заметив семя обиды после слов бабушки на лицах своих племянниц, которых она отправила помогать Зарине за пару дней до именин, а по её замыслу на смотрины – и, судя по всему, на неудавшиеся смотрины, Рукия хотела было добавить что-то в их пользу, но не успела. Азим, прочистив горло, встал с места и обвёл взглядом своих родных. Он возвысился над всеми во весь свой добрый рост, составляющий два газа. При свете ламп, что горели над топчаном, его лицо

заблестело, а в синих глазах загорелась искра. Его переполняли тёплые чувства. В душе набралось столько слов благодарности, что сердце нетерпеливо колотилось в груди.

– Отец, – юноша обратился к Аъзаму с полным уважением в голосе и взгляде, – матушка, – он с улыбкой перевёл взгляд на Зарину, – одних слов будет мало, чтобы выразить вам мою признательность. Спасибо, что устроили такой праздник в мою честь. Спасибо вам, что пришли, – Азим обратился к родным и посмотрел на отца. Я придам все усилия, чтобы продвигать ваше дело...

Аъзам коротко шепнул, поправив сына:

– Нашему теперь делу.

Азим кивнул и продолжил:

– Наше дело. Обучусь всему, чему вы меня научите. Буду помогать поддерживать торговлю и ваше имя с достоинством в Ангуране.

Аъзам слегка склонил голову, приняв слова сына за согласие на его предложение.

– Матушка, – Азим снова посмотрел на мать. – Моя дорогая мама, ваши слова поразили меня. Я и думать не смел о таком, зная наши обычаи. Но я с радостью принимаю ваше решение. Может, пока я буду вести дела с отцом, я встречу суженую на рынке, а может уже встретил, – с намеком проговорил Азим. Он также заметил негодование тётушки и разочарование кузин, потому не хотел, чтобы в его день рождения кто-то расстраивался. – Такой неожиданный по-

дарок возложил невероятную ответственность на мои плечи. И, чтобы не ошибиться, я не буду торопиться и сделаю выбор с умом.

Азим с улыбкой приставил правую руку к сердцу и сел на место, скрестив ноги под собой.

– Смотри, не затени. Не сыщешь до двадцати одного, так мы сами найдем тебе невесту, – шутливо осведомил его отец, и все дружно захохотали.

Разумеется, кроме Рукии и девушек. Рукию переполняло горькое разочарование. Она желала поскорее выдать внучатых племянниц замуж. Хоть отец Шабнам и мать Шахло были живы, поисками супругов для них занималась она. И сегодня она надеялась, что Зарина после стольких разговоров выберет одну из них. По их замыслу Зарина должна была оценить работу девушек по дому, их таланты и умения, и предложит сыну жениться на одной из них. Однако, как оказалось, Зарина уже давно замыслила этот свой план.

Увы...

На улице опустилась глубокая ночь. В округе стояла тишина. Не было слышно ни пения птиц, ни шелеста листьев. Природа замерла в ожидании нескорого рассвета, и все её создания уже давно уснули. Разумеется, кроме гостей Аьзама, которых мало по малу начало клонить в сон.

Бабушка Ханифа, как самая старшая из всех, снова помолилась в конце трапезы, пожелав Азиму удачи и долгих лет. Они вместе спустились с топчана и девушки начали убирать

со стола. Адхам со своей семьёй обнимаясь и обмениваясь поцелуями, рукопожатиями и теплыми пожеланиями попрощались со всеми и вернулись к себе домой. Сухроб и Сорбон тоже ушли, не забыв еще раз поздравить именинника.

Остались только бабушка Ханифа, тётушка Рукия и её племянницы. Девушки были на кухне. Они помогали Зарине вымыть и расставить всю посуду по полкам и нишам. Вернувшись в дом, Рукия села за кухонный стол и хотела за чашкой медового чая обсудить решение Зарины. Её сердце всё не унималось. Негодование раздирало душу изнутри. Она очень хотела, чтобы Зарина выбрала в невестки одну из девушек. Больше хотела, чтобы ею стала Шабнам, что старше Шахло на год. Рукия пыталась вразумить Зарину. Приводила всякие доводы в пользу Шабнам, но Зарина была непреклонна в своём решении.

Сказанного прилюдно не воротись.

– Они прекрасные девушки, – говорила Зарина в присутствии Шабнам и Шахло. – Я люблю их обеих, но тётушка... – Зарина вытерла руки и села напротив Рукии. – За эти дни Азим ни разу не посмотрел на них так, как того хотели бы вы. Он видит в них своих сестёр...

В это время на кухню вошла Ханифа, проводимая под руку своим правнуком. Услышав слова матери, Азим отпустил прабабушку, которая за пару шагов дошла до стола и села, и пошёл наверх.

Азим делил одну большую комнату с Рауфом в левой ча-

сти дома. Их комната прилегала к стене террасы. Прижавшись к подушке, Рауф крепко спал в своей кровати у стены слева от двери. Внутри дальней каменной стены был очаг, а с двух сторон были ниши с одеждой и альковы со стопками курпачей, одеял и подушек. Кровать Азима была напротив кровати брата под окном.

Несмотря на усталость, Азиму не спалось. Он лежал в постели, скрестив руки под головой. Сквозь раздвинутый тюль он смотрел на звёзды, и даже их счёт не помогал ему уснуть. Внутри него все трепетало. Куча мыслей в одночасье навалилась на него. Одной из них были слова матери о его кузинах. Азим был согласен с ней. Они росли вместе как братья и сёстры, и Азим никогда не думал о том, что когда-нибудь жениться на одной из них. По правде, Азим редко думал о женитьбе. И сейчас, когда ему исполнилось восемнадцать лет, он всё ещё придерживался мнения о том, что пока рано об этом думать.

* * *

«В первый год эпидемии никто не мог сдержать рост числа заболеваний. Врачи, лекари, знахари и даже Хранители знаний были бессильны. Всего за четыре месяца Зелёная хворь охватила весь Ахорун и бушевала три года, тогда как в Зебистане с ней управились за пару недель. В чем был их секрет?»

Другой причиной поездки моего отца в Арруж как раз заключалась в этом – он хотел затем поехать в Расулабад, узнать их методы борьбы с хворью. Тогдашний премьер-министр Зебистана всего лишь развёл руками, если так вкратце можно описать его ответное письмо моему отцу.

На смертном одре отец велел мне прекратить весь товарооборот с Зебистаном. С одной стороны, он подозревал их в заговоре с ведьмами, с другой, он не хотел, чтобы зараза распространилась по всему Рахионзамину».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары об отце.

Уже пятый день Азим стоял за старым прилавком, укрывшись от жаркого солнца, которое не соизволит остыть, пока не наступит месяца Мехр.

– Вот, пожалуйста, – он бережно протянул тряпичную сумку пожилой женщине и вежливо спросил, – извините, вам помочь донести?

Старая, низкая женщина выпрямилась, подняла голову и из-под легко завязанного голубого с белыми узорами шёлкового платка выпал тонкий локон седых волос. Посмотрев на юношу, она с весёлым голосом ответила:

– Спасибо, внучок! Я живу недалеко отсюда. У меня хватит сил дойти до дома самой.

Расплатившись, старушка, благодарно кивая головой, пошла к другим лавкам.

– Твою бы вежливость всем здешним торгашам, – вы-

дохнул грубым голосом, стоявший рядом с Азимом грузный мужчина, кладя правую руку на своё раздутое пузо, – весь рынок опустел бы в мгновение, сын Аъзама, – двусмысленно договорил он, обведя рынок левой рукой.

Сам он намекал на то, что воришкам дай только повод оставить лавку без присмотра, унесут всё, что смогут.

Хоть Вофи – стражи порядка, и следят во все оба, воров и карманников было немало именно в этой части Ангурана, на западном базаре, носившего название в честь учредителя – Рынок Голиба¹³.

Рынок окружали невысокие стены, длиной в сто и шириной в шестьдесят газов. Навесы из лёгкой чёрной ткани, поставленные и скрепленные под острым углом над стенами, создавали хорошую тень внутри базара, где были в основном продуктовые лавки. Края навесов приподняты и привязаны верёвками к деревянным резным столбам, обмазанным янтарём. Эти столбы были выше стен и стояли через каждые десять газов в трёх газах от самих стен внутри базара. Пилястры с линейным орнаментом, выступающие с обеих сторон стен, служат для деления лавок. Так же, как и столбы, пилястр друг от друга отделяет десять газов. Коричневая мелкозернистая штукатурка создавала приятные глазу рамки вокруг лавок, а на белом фоне изображены различные плоды земли и деревьев. У мясных лавок на стенах мозаикой изображены те животные и птицы, чьё мясо там прода-

---

¹³ Голиб произносится с увулярным «г».

валось. Посередине базара в три ряда стояли длинные прилавки. Между ними в той же манере возвышались деревянные столбы, но в два раза толще крайних. На столбах вырезаны цветы, животные и птицы, сидящие на ветках. Под навесами между этими столбами торговцы предлагали свои различные товары.

– Сегодня много людей, – заметил Азим.

– Завтра начинается предосенний пост, людям неохота ходить на базар голодными и уставшими, вот они и закупаются, – прояснил Вомик¹⁴. Имя у него было таким же грубым, как он сам, хоть и имело хорошее значение. – Ты будешь держать рузу? – спросил он, пересчитав деньги старушки и положив их в свой кошель.

– Да, – коротко ответил юноша.

– А мне всё сложнее держать рузу, – пожаловался Вомик и с любопытством скосил взгляд на Азима. – Ты уже выбрал себе невесту, сын Аъзама? – поинтересовался он.

Азим со слегка кривой улыбкой посмотрел на грузного мужчину. Своё крупное тело Вомик усадил на платформу, которую сам же и соорудил у своего прилавка для отдыха. Скрестив волосатые ноги, он вперил глаза на юношу и ждал ответа. На нём были короткие льняные штаны песочного оттенка и такая же рубаха. С краёв коротко треугольного выреза к груди свисали шнуры с деревянными колокольчиками. Упитанное лицо скрывало личный интерес в этом вопро-

---

¹⁴ Вомик произносится с увулярной «к».

се. Двойной подбородок Вомика спрятался под короткой и кудрявой чёрной бородой с проседью. На выбритой голове уже прорастали черные волоски вокруг седых островков. В тёмно-серых неглубоко посаженных глазах горела искра этого скрытого интереса. – Моей дочери исполняется семнадцать этой зимой. Её зовут Малика. Ты её видел позавчера, – с откровенным намёком напомнил он.

– Да, – тихо покивал Азим, вспоминая, как тогда смутилась его дочь.

Все на базаре были удивлены тому, что она принесла своему отцу обед в глиняном горшке, ведь Вомик на обед всегда заказывает еду из рыночных кухонь.

– Как она тебе, м-м-м? – отец Азима – богатый и уважаемый человек в Ангуране и естественно Вомик захотел выдать свою дочь за его сына, узнав, что юноше дали свободу выбора.

В смущении Азим опустил глаза.

– Она красива, – тихо проговорил он, улыбнувшись. Его белые зубы сверкнули бы в этой улыбке, попади на них луч солнца, но навес над ними жадно поглощал лучи, позволяя им пробиваться вниз лишь в промежутках между другими навесами.

Малика действительно была красивой девушкой с длинными чёрными волосами, молочной кожей и утонченной фигурой, и любившая носить платья темных оттенков. Отец велел ей напечь лепёшек и принести на базар с супом в горшке.

Таким образом, она должна была привлечь внимание Азима, но юноша не посмотрел на неё так, как того хотел Вомик.

– Сейчас не время для этого, считаю я, аки Вомик, – продолжал Азим. – Сперва я хочу закончить обучение и стать его наибом.

Прошло чуть больше четырёх месяцев с тех пор, как мать позволила Азиму самому выбрать себе невесту. Однако юноша до сих пор не сообщил матери ни имени своей избранницы, ни где она живет. Он не сделал это, потому что не спешил с этим.

Про такую привилегию Азима уже прознал не только весь город, но и чуть ли не весь султанат. Слухи в Ахоруне расходятся как пыль по ветру. К ним зачастили гости: знакомые и незнакомые, жданные и нежданные. И у всех на устах одно – у них красавица и умелица дочь. Некоторые даже не стеснялись приводить своих дочерей «красавиц и умелиц» с собой. Другие наглые особы, несмотря на вежливый отказ, брали своих дочерей с собой на базар, где Азим обучался торговле, и под предлогом «купить картошечки» расхваливали их. В таких ситуациях Азим часто чувствовал себя неловко и не знал, куда деться.

Бывало, что даже когда Азим сопровождал отца по делам на главном или в других рынках, *сваты* со своими дочерьми нарочито проходили мимо них или недалеко от них наказывали дочерям самим совершать покупки, восхваляя их вслед: «*Моя умница сама может вести хозяйство по дому*».

А когда смущённые девушки возвращались с покупками, их матери говорили: *«Сегодня сварить любимый суп отца»* или *«Вечером отведаем твоего вкуснейшего пирога»*. Хвальбам не было конца, но Азим отводил глаза, качал головой и внимательно слушал отца. Он учился...

Правда, некоторые девушки Азиму весьма приглянулись, но он для себя уже решил, что ещё не время. Может быть, через год, другой, если их не выдадут замуж к тому времени.

После дня рождения отец брал его с собой и показывал все четыре рынка Ангурана и торговые ларьки на улицах. Аъзам знакомил сына с торговцами, с которыми вёл дела Торговый совет Ангурана. В первой половине четных дней недели Аъзам брал сына в свой рабочий кабинет – худжру на главном рынке. Он обучал сына деловому счёту, учёту и планированию. Учил учитывать площадь используемой посевной земли, количество посаженной культуры, время до сбора урожая, число рабочих крестьян.

– *«Сперва оплата труда»*, – наставлял он сына, – *«Иначе, придётся самому вспахать сотни акров земли»*.

На основе этого и других немаловажных факторов Аъзам показывал, как рассчитывать стоимость товара.

– *«Рыночная цена не должна превышать поставляемую цену больше одной пятой, а в холодный сезон – одной четвёртой»*, – объяснял он сыну закон ценообразования Ахоруна. Этот закон был принят султаном Зухуром больше двух тысяч лет назад.

Аъзам также учил сына считать прибыль и вычитывать одну десятую султанского налога. Налог платят все, кто ведёт любую торговую деятельность и имеет с этого прибыль. Кроме того, существуют налоги на урожай и любой вид мяса в натуральном выражении. С земли, используемой для посева, отдают одну двадцатую, если земля в пределах города, и одну пятнадцатую урожая, если земля за пределами города. Раз в два месяца скотоводы отдают три из тридцати голов рогатого скота. Птицеводы отдают четверть, а рыбаки одну пятую от каждого улова. Однако рыбу оставляли, если улов не превышал десяти рыб. Потому рыбы на рынках Ангурана было всегда мало.

Наконец, Аъзам учил сына планированию самой торговли, поставки на рынок, ведению переговоров с рыночными торговцами, расчету запасов на зиму, либо на большие праздники. Аъзам наставлял сына в конце каждого месяца обходить скупщиков и узнавать, как идёт торговля, каков спрос у горожан.

Во второй половине чётных дней Аъзам оставлял Азима решать математические или логические задачи, или отправлял решать их дома, и уходил по делам, которым было ещё рано посвящать сына.

В первой половине только двух нечётных дней Аъзам брал сына на рынки и за прилавками обучал торговле на практике. Они торговали то за мясной лавкой на главном рынке, то

за лавкой со специями на рынке Гани¹⁵, восточном базаре, то продавали ткани Гайрата на южном базаре. За какой лавкой бы не стоял Азим, отец обучал хорошему поведению и общению с покупателями.

– «У людей бывает разный нрав. Приходят богатые, бедные, бывает, что разгневанные или опечаленные, счастливые или раздосадованные, надменные или общительные, и все они обращаются к продавцам под стать их настроению и нраву. Запомни, ответ всем должен быть одинаково вежливым и с улыбкой. Всегда давай столько, сколько просят, и никогда не спорь, если покупатель чем-то недоволен».

Обучение Азима при отце продолжалось три месяца. Видя, что сын быстро схватывает уроки, Аъзам решил дать немного самостоятельности Азиму. Так, с первых дней месяца Шахривар¹⁶ Азим по пять дней в неделю проводил на том или ином рынке за прилавком и сам торговал. Хозяева этих прилавков наблюдали за ним в стороне, иногда подсказывали и помогали ему, хотя к Вомику это не относилось. Этот нагловатый торгаш был рад тому, что Азим работал вместо него.

– Не понимаю, – негодуяюще произнёс Вомик. – Ты ведь и так наследник отца, сын Аъзама, – он почесал затылок и снова посмотрел на Азима. – Всё его дело и богатство однажды перейдут тебе. Зачем тебе торчать тут, толкать картош-

---

¹⁵ Гани, Гайрат произносятся с увулярным «г».

¹⁶ Шахривар – последний месяц лета, произносится с гортанной «х».

ку дряхлым старухам?

Азим, стряхивая пыль с рук, ответил, не глядя на Вомика:

– Не дорого то, что получено даром. Заслуженное трудом и потом ценится в глазах у многих.

Поняв, что его руки ещё не раз испачкаются в пыли, Азим оставил затею вытирать их каждый раз и, повернувшись к Вомику, добавил:

– Вы правы, аки Вомик, в своё время я займу место отца, как он занял место моего деда. Но каким я буду сыном и как я буду смотреть в его старческие глаза, если провороню всё его дело? Как будут о нём отзываться, если я растрочу всё унаследованное богатство и не смогу продолжить наше семейное дело, потому что у меня в голове гулял ветер? Нет, я хочу научиться у него всему, а потом обучить своих детей, когда они у меня будут, чтобы мой отец в старости мог спокойно и гордо лежать на топчане под виноградом, облокотившись о подушку и попивать зелёный чай с мёдом.

– Да-а, – неоднозначно протянул Вомик, – если ветер и гуляет в чьей-то голове, то точно не в твоей.

Азим коротким кивком поблагодарил его и повернулся в сторону нового покупателя, которому были нужны мешок картофеля, лука и моркови. Азим помог загрузить всё это на тележку, а в это время Вомик нетерпеливо теребил руками по пузу. Когда Азим вернулся, Вомик, чавкнув, спросил:

– Так, когда же ты взглянешь на мою дочурку, а? Я бы очень хотел иметь зятя, как ты.

– Хах! – не сдержался Азим. Он посмотрел на Вомика, чьи выжидательные глаза буравили его насквозь. – В своё время, – пообещал Азим.

Нельзя винить Вомика за такую бестактность. Он, как и любой другой отец, хочет выдать дочь за здорового, симпатичного, умного, ответственного и обеспеченного молодого человека. Азим соответствовал всем этим эпитетам и, узнав про его привилегию, Вомик искал возможности свести с ним свою дочь, пока он *торчал* за его прилавком.

День выдался жарким и сухим. Ветер застенчиво изредка поддувал и его тёплые порывы ещё больше вызывали жажду. Азим хотел отойти за водой, но ближе к вечеру людей на рынке стало ещё больше.

Азим проголодался и устал, а от постоянной пыли от продаваемой картошки у него пересохло в горле. Ему хотелось пить, но Вомик выдул всю воду. Юноше уже казалось, что его окунули в пыльную ванну и он сам вот-вот превратиться в картошку.

За весь день он обслужил больше ста покупателей. Его белая длинная рубашка пропахла луком и потом. Азиму хотелось после работы плюхнуться в ручеёк, что бежит посреди посевных земель его отца, и не вылезать из него аж целый час.

Вомик тоже проголодался и нетерпеливо покусывал губы, жалея, что не сказал дочери принести ему ещё еды. Так, Азим мог бы ещё раз посмотреть на неё. При его запасе жи-

ра, голод терзал Вомика больше, чем жажда. Грузный хозяин прилавка не любил много кушать. Нет, он ел много, но не за один раз. Он ел скорее часто, чем много. Он в который раз пересчитывал вырученные за сегодня монеты, чтобы отвлечься, но журчащий желудок не хотел успокаиваться. Потому Вомик съел морковь, которую помыл в деревянном ведре. В нём он окунал голову, чтобы хоть как-то охладиться.

С лица Вомика упала капля пота на его тряпичный кошель, и он снова повернул свою тяжёлую голову в сторону ведра. Первое время Азим с отцом приходили к Вомику и оставались за его прилавком до полудня. Юноша заметил его ведро, но не знал для чего оно. Вряд ли для питья, заключил Азим, судя по грязным краям. Но, проведя с ним уже целый день на рынке, юноша понял для чего предназначено это ведро. Жирный мужчина не мог переносить жару, особенно в сухой день, когда солнце обжигает голову даже через навес. Потому Вомик часто окунал свою голову в это ведро. Азим сосчитывал до десяти прежде, чем Вомик вытаскивал голову из воды.

– «Ох, шукр!» – выдыхал он каждый раз с облегчением и наслаждаясь тем, что вода стекает с его лысой башки и мочит его рубашку.

Он и Азиму каждый раз предлагал освежиться, но юноша всегда вежливо отказывал, стараясь не выдать, что он брезгает.

Вомик сунул мешочек с овальными монетами под прила-

вок, неуклюже встал и подошёл к ведру с водой. Ухватился руками за края и, громко задержав дыхание, погрузил голову в воду. В этот раз Азим досчитал до пятнадцати, пока Вомик не вытащил голову из воды.

– Ох, шукр! – вздохнул он и вернулся на место. – Сколько? – спросил он, сев и скрестив ноги под собой.

– Я сосчитал до пятнадцати! – ободряюще ответил Азим.

– Делаю успехи, сын Аъзама, – довольно улыбнулся Вомик.

– Какими такими успехами тучной Вомик хвастается на этот раз, ха-а?! – спросил неожиданно появившийся молодой человек с широкой усмешкой на квадратном лице.

Этот молодой человек вытер пот со лба, но одна капля, предательски по его шее, выдала, что он шел долго и пешком под палящим солнцем. Он затем вытер руку о блеклую синюю рубаху и протянул её Вомику.

– Вот учу сына Аъзама задерживать дыхание под водой, Комил, – пожав своей влажной рукой руку Комила, важно проговорил Вомик.

– Да-а, мастер ты у нас, одно слово, незаменимый, – еле-но моргнув, сказал Комил. – Хотя, учить ты должен другому.

Комил отвернулся от Вомика, что бы тот не заметил, как он брезгливо вытирает свою руку о рубаху сзади. «*У тебя, Вомик, кроме пота и жир выделяется?*» – с легким отвращением спросил он про себя, а в слух обратился к Азиму.

– Жаркий день выдался сегодня, Азим ибн Аъзам, да ещё

и пыльный, как я погляжу.

Азим выглядел не так, как Комил представлял сына своего начальника. Он весь в пыли из-за картошки и моркови, которую явно продавал весь день вместо Вомика. Губы у Азима потрескались, а пыль была даже на ресницах. На волосах тоже была пыль, к тому же и клочки шелухи лука и моркови. Видимо Азим знал об этом и пытался вытряхнуть их, чем сделал наоборот хуже.

– Тебе бы в ванну, – проговорил Комил, с усмешкой пожимая руку юноши.

В целом, Комил не расстроился. Перед ним, за прилавком, стоял статный молодой человек, ростом чуть меньше двух газов. По его синим глазам он понял, что юноша гадает, кто он и зачем сюда явился. Комил подметил слегка кудрявые волосы Азима, он сам хотел такие. А плечи станут ещё шире, если он займется борьбой, подумал Комил.

– Я, Комил ибн Восил, – представился он Азиму. – Твой отец послал меня за тобой. Он хочет, чтобы ты явился в его худжру. Мы должны идти сейчас, – добавил он.

– Хорошо, – негромко вздохнул Азим.

Всё желание юноши поплескаться в ручейке после работы превратилось в пыль, в которой он и так провозился весь день. Зачем отцу посылать за ним? Может он хочет поручить какое-нибудь важное и безотлагательное дело? В такой-то час? Скоро ведь закат, а в Ангуране принято завершать все дела до захода, иначе удача скроется вместе с солнцем.

Чтобы там ни было, Азиму это льстило – отец уже готов доверить ему более важные дела, нежели чем помогать тучным грубиянам.

У юноши появилось желание поскорее узнать, в чём же дело.

– До скорой встречи, – юноша попрощался с Вомиком, надеясь, что в ближайшее время он больше его не увидит.

Азим вышел из-за прилавка и вместе с Комилем покинул рынок через северные ворота.

У стен снаружи рынка тоже были лавки под навесами, где продавали ткани, одежду, украшения и ремесленные изделия. Площадь, на которой находится рынок, вымощена каменными плитами белого, бежевого и бледно-золотого цвета причудливым узором медленно ползучих лучей холодного зимнего солнца. На площади были фонтаны, в одном из которых умылся и утолил жажду Азим. Всю рыночную площадь с её тропинками обрамляли сливы с пурпурными листьями, которые пересаживают каждые пятьдесят лет, чтобы их стволы не стали больше одного газа в диаметре. Впервые их посадил сам Голиб тринадцать веков назад. Однажды по этой площади гулял Масъуд ибн Тохир¹⁷, будучи ещё насултаном, прогуливаясь со своей невестой. Он был впечатлен красотой этих деревьев и велел Голибу посадить такие же сливы во всех рыночных площадях Ангурана.

Азим привёл себя в порядок и посмотрел на Комила.

---

¹⁷ Тохир произносится с гортанной «х».

– А где лошади? – спросил он.

– Лошади? – усмехнулся Комил. – Мы поскачем к главному рынку на своих двух, – он весело похлопал по своим бёдрам. – К ужину успеем, – заверил он, заметив негодование в глазах Азима.

– *«До главного рынка идти добрых три часа»*, – хотел сказать Азим, но промолчал, видя, как весело и бодро ведёт себя Комил. Наверное, для него это нечто вроде забавы или игры, кто его знает?

Азим знал многих рабочих и подчинённых отца, но Комила видел впервые. Чем он вообще занимается у отца? Бегаёт за нужными отцу людьми и забавляется этим, выпаливая неуместные шутки?

– Ну что привёл себя в порядок? На тебя же все девицы будут глазеть из окон, – улыбка Комила то ли была насмешливой, то ли в ней скрывалась зависть, не понимал Азим.

Верно, весь Рахшонзамин узнал про его подарок от матери, фыркнув про себя, подумал Азим. За весь день он устал от картошки, лука, сетчатых мешков и разговоров про выбор невесты. Сейчас он и подавно не хотел об этом говорить.

– Пошли, – пробубнил Азим и направился к главному рынку.

На краю западного горизонта кровавые силы заката отступали под сумрачным натиском предвестников тьмы, а на востоке воины ночи уже всюю стремились заполнить небосклон, где лениво просыпались звёзды. Азим смотрел на всё

это и у него появилось странное предчувствие. Дул лёгкий ветерок и навивал тревогу. Не зная почему, Азим с волнением посмотрел на идущего впереди Комила. Чем бы это могло быть?

Солнце скрылось полностью, но ещё не успело стемнеть так, чтобы не было видно дороги. Разговорившись, они и не заметили, как дошли до главного рынка меньше, чем за три часа. Завернув за старые дома с глинобитными стенами и обрамленными высокими живыми изгородями, они вскоре вышли на большую площадь главного рынка, вымощенную серо-голубым мрамором с бледно-желтыми прожилками. На площади было несколько дорог, обрамленных резными колоннами (бывшими сливовыми деревьями), высотой в десять локтей. К ним были прикреплены тонкие коричневые ткани, которые днём создавали тень для горожан. Вдоль дороги также стояли лавки, на которых можно присесть и отдохнуть. Однако сейчас на площади было безлюдно – все уже разбрелись по домам, кроме этих двоих.

Стены базара возвышались на тридцать локтей. Углы стен были закруглены и служили входом. Они были увенчаны пышными куполами, украшенными синей мозаикой с замысловатым узором. Переднюю половину куполов поддерживали шесть каменных колонн. Другая половина лежала на стенах самого базара, которые имели ту же ширину, что и высоту. Однако купола выступали от стен на три колонны и шесть ступень вели под них и внутрь базара.

Под куполами действует один неизменный порядок или даже негласный закон – никому, кроме стражи, не разрешается стоять под ними в дневное время. Вошёл под купол, проходи, не стой!

За соблюдением этого правила следят по четыре вофи под каждым куполом, с короткими саблями и голубыми чалмами. Они обеспечивают порядок у входов на базар и уделяют особое внимание детям, которые приходят на базар одни. Любой из них может оказаться воришкой и в рыночной суете запросто стащит кошелёк невнимательных покупателей. Таких детей задерживают у ворот и спрашивают, зачем они пришли. Если они хотели что-то купить, стражи обыскивали их на наличие денег, а те, что подороже, спрашивали, есть ли у детей деньги на то, что им велено купить. При положительном ответе, стражник по долгу службы сопровождал ребенка, пока тот не купит всё необходимое. В противном случае, их выгоняли с базара.

Несмотря на Зелёную хворь, торговля в Ахоруне восстановилась быстро и уровень жизни в городах снова поднимался. Работа найдется для всех желающих, и оплата была достаточной, чтобы не думать о следующей. Тем не менее кражи в городе были не редкостью и их часто совершали дети, для которых это стало неким образом развлечения и самовыражения. Дети хвастались украденным перед друзьями и подначивали других на кражу. И сколько бы ни старались стражи, такие проказники всё равно пробирались на базар.

Наступающая ночь окрасила длинные стены главного рынка в глубокие синие и серые цвета, а под арками в стенах уже таилась тьма. Лишь в дальнем левом от Азима и Комила углу и вторым от северо-западного прохода желтоватый свет, пробирающийся сквозь обставленное деревянной решёткой окно, еле отгонял тьму от арки.

– Там, видишь? – именно туда и указал Комил. – Это худ-
жра твоего отца, прояснил он.

– «Я знаю», – хотел сказать Азим. Во время разговора по пути сюда Азим сделал вывод, что Комил самодоволен, на-
смешлив, слегка высокомерен и всегда фальшиво улыбает-
ся. Промолчав, он посмотрел в указанную сторону. У окна,
скрытого в глубине арки, кто-то расхаживал туда-сюда и по
осанке он не был похож на отца Азима. Значит, его отец не
один в своём рабочем кабинете и его спутник явно нервни-
чает. Должно быть что-то важное, подумал Азим, следуя за
Комилом под купол.

Перед заходом солнца, вофи обходят базар, удостоверя-
ются, что злоумышленников нет, докладываются начальни-
ку рыночной стражи и уходят домой. На ночь остаются ка-
раульные – по одному под каждым куполом и двое внутри.
Однако этим вечером под северо-западным куполом их бы-
ло двое и один из них чем-то хвастался, то и дело загляды-
вая за вход.

– Рынок закрыт! – заявил стражник, слушавший хвасту-
на. Он стоял у колонны, возле ступеней. Он кивком позвал

соратника и спустился к пришедшим молодым людям.

Стражник хвостун, который что-то высматривал внутри, неожиданно встрепенулся, услышав громкий голос, и рысью подбежал к соратнику. Его рука машинально ухватилась за рукоять сабли.

– Назовитесь! – потребовал он.

– Свои мы, свои, – широко улыбаясь, небрежно ответил Комил. – Эрадж, ты не узнал меня? Вы что такие хмурые? – спросил он, оглядев обоих вофи.

Несмотря на то, что стражники были чуть ли не в двое старше него, тон Комила был панибратским.

– Ах, это ты, – облегченно выдохнул Эрадж, убирая руку с сабли. – А товарищ твой кто? Выглядит знакомым... Зачем в поздний час на базар явились? – спросил он, с подозрением насупив брови.

– Это, – Комил с ребяческим почтением прижал правую руку к сердцу, а левой указал на своего спутника, – извольте представить, Азим ибн Аъзам. – Комил опустил руки и прошёл по ступеням под купол. – Нас сюда его отец позвал, – посерьёзнее добавил он.

– Нас не предупредили о вашем приходе, – сказал другой вофи.

– Тот самый? – одновременно с соратником проговорил Эрадж.

– Да, тот самый, – безучастно ответил Комил.

Он уже был у входа в базар, пока Азим с недоумением всё-

ещё стоял у ступеней.

– Проходи, раз уж тебя отец позвал, – Мухсин¹⁸, другой стражник отступил в сторону. – Не стой как вкопанный.

Эрадж же со своим круглым восторженным лицом протянул Азиму руку.

– Так вот он каков, юноша, которому дали выбор? Я очень рад встретить тебя воочию, – заулыбался он, пожимая руку Азима.

Юноша хотел опустить руку, но Эрадж не отпускал. Он обнял Азима за плечо другой рукой и, не смолкая, повёл его ко входу на базар.

– Ну... сделал выбор? Ещё нет? Наверное, от девиц отбою нет, – в его голосе слышалась нотка зависти. – Или от их матерей? – усмехнулся он. – Бегают за тобой, да бы подлизаться, а?..

– Я как-то об этом ещё не думал, – с серьёзным голосом перебил Азим. Ему мало было Вомика, так теперь его этот вофи будет донимать. Он вытянул свою руку из крепкой руки Эраджа и вышел из его *дружеского* объятия.

– А что же не думал? Дела поважнее есть? – неутомно продолжал Эрадж. – Ах, мне бы такой выбор? – замечтался он. – Так нет! – и тут же прервал себя. – Выдали мне троюродную сестру, которую я терпеть не мог, и живи с ней теперь. А она ворчит, как дышит, – пожаловался он, качая головой.

---

¹⁸ Мухсин произносится с гортанной «х».

От его слов Азиму стало ясно, в чем заключалась зависть в голосе Эраджа. Так уж заведено в Ахоруне – на ком родители скажут, на той и женишься. Юноша не стал отвечать стражнику.

– Быстрее, – на облегчение Азима позвал Комил. – Твой отец уже заждался нас.

– Стражи без хлопот, господа, – с рукой у сердца пожелал Азим и пошёл за Комилом.

Мухсин, что стоял под куполом, поблагодарил его кивком, а вот Эрадж последовал за ними.

На стенах внутри рынка через каждые пятнадцать газов висели масляные лампы. Их света было недостаточно, чтобы осветить ларьки и лавки и, тем не менее, Комил заметил двух детей с метлой у лавки.

– Что тут делают дети?! – в недоумении спросил он.

– А-а, эти, – довольно протянул Эрадж. – Гадкие карманники. Сам поймал их, когда они пытались обчистить одну пожилую тётку, – с полной грудью похвастался он.

Комил в негодовании развёл руками и покосился на стражника.

– Они ведь дети, как-никак. Им пора домой.

– Отработают и пойдут, – буркнул Эрадж. – Я сам их отведу, да с родителями их хорошенько переговорю, – пригрозил он детям.

Азим поравнялся с Комилом и нашёл одного взглядом.

Мальчик, лет десяти, с дерезовой¹⁹ метлой больше его роста устало подметал за лавкой. При виде мальчика Азиму не стало его жалко. В какой-то момент, у него возникли осуждения. Неважно кто ты, за нарушение законов и порядков нужно отвечать. Этот мальчик и тот второй, его поделщик по старше, который чуть дальше собирал мусор в грязный мешок, не исключение.

Карманники, так вам и по делам! Благо, вас не бросили в темницу, думал Азим, глядя на сорванцов.

– Ладно! – позвал Эрадж, не выдержав выжидательный взгляд Комила. – Идёмте, я отведу вас домой.

Он был одним из двух караульных, стороживших весь рынок в ночи. Он совершал обход и теперь должен был проверить стража у северо-восточного входа.

– Ждите там, я скоро к вам подойду, – он указал им на северо-восточный купол, а сам повернулся к Азиму. – Позволь, дать тебе совет, юноша. Когда бы ты не решился сделать выбор и кого бы ты не выбрал, – продолжил он, когда Азим повернулся к нему, – сделай это по любви, ибо только любовь стоит всей жизни. Без неё нет смысла всему.

– Я учту ваш совет, ака, – с почтением сказал Азим.

Когда Азим бывал на главном рынке днём, он не мог отвести глаз от его величия и красоты. И хотя ночь сейчас пожрала все его краски, рынок не стал менее привлекательным и даже выглядел таинственно. Вдоль стен те же остроконечные

---

¹⁹ Дереза – кустарниковое растение.

арки, скрывающие занавешенные лавки. Под тусклым светом луны на этих занавесках можно разглядеть узоры, олицетворяющие продаваемые товары. За ними днём продают одежду, обувь, украшения, вещи для хозяйства, а продовольствия продают на внутренней площади.

На этой внутренней площади в строгую колонну выстроились прилавки с проёмом посередине, чтобы можно было обслуживать покупателей с двух сторон. Прилавки были сделаны из тёмного камня, среди которых превалирует зелёный цвет.

– Каждый прилавок или какая-то его часть одолжена одному торговцу, и он платит с него одну тринадцатую с ежемесячной выручки, – пояснил Комил, заметив, как внимательно Азим рассматривает всё вокруг.

– «Я знаю», – про себя сказал Азим.

Каждый прилавок не меньше двадцати газгов и в голове Азима снова возник вопрос: *«Как один человек может справиться со своим делом, если к нему подойдут сразу несколько покупателей?»*.

– Конечно, этот торгош может нанять помощников, либо привлечь своих родных, – продолжал свой урок Комил.

– Разумеется, – сдержанно улыбнулся Азим.

Отец уже ответил ему на этот вопрос похожими словами, но он также заметил, что некоторые торговцы работают одни. Вот Азим и гадал, как они справляются в одиночку?

– Прилавки разделены на деления, которые мы называем

«колоннами», – добавил Комил. – В каждой колонне пять прилавков. Всего на этом рынке двадцать пять колонн. – Он внезапно остановился и с горящими от восторга глазами повернулся к Азиму. – А ты знаешь, почему именно двадцать пять?

Азим остановился не сразу.

– Отец рассказывал мне историю рынка, когда мне было вдвое меньше тех мальчишек. Я уже не помню её, – за время своего обучения Азим не спрашивал об этом и был не против послушать её снова.

– Дело в том, что, когда султан Хорун распорядился открыть на этом месте базар, его угостили виноградом. Так как султан любил счет, разумеется, он посчитал все виноградины в грозди – их оказалось двадцать пять. Султан Хорун велел, чтобы на базаре было двадцать пять ларьков и двадцать пять прилавков, – рассказал Комил.

Это было очень давно, вспомнил Азим, где-то в пятом или шестом веке Эпохи человека. С тех пор прошло больше двух тысяч лет и главный рынок неоднократно перестраивался и обновлялся. Теперь же те двадцать пять прилавков стали группой прилавков, заключенных в двадцать пять колонн, а вдоль стен внутри рынка было по двадцать пять ларьков, на втором же этаже было по двадцать пять комнат различных размеров и использовались они в качестве рабочих кабинетов членов Торгового совета.

Азим пошел дальше к большой арке посередине правой

стены, а Комил задержался. Он в полумраке высматривал Эраджа. Комил хотел убедиться, что стражник отвел детей домой.

– Да-а-а, – осуждающе протянул Комил. – Уж слишком су-ров был Эрадж с этими детьми. Я с ним не согласен! Нельзя, чтобы они убирались здесь всю ночь. Они ведь дети, не так ли? Нельзя их так наказывать, чтобы они ни совершили, – он поравнялся с Азимом и убежденно посмотрел ему в глаза.

– Я с тобой не согласен, – заявил Азим, заставив Комил встать в изумлении. – Мой дед учил нас, что поступки детей – это отражение их воспитания. Потому детей нужно воспитывать с детства, чтобы не выросли архаровцами, – добавил он, остановившись и посмотрев на Комила.

– А ты жёсткий, – прокомментировал Комил.

Азим не ответил на это и снова пошёл в сторону арки.

– С другой стороны, за серьёзные проступки детей нужно наказывать родителей, – подумав, сказал он.

– Это тоже говорил твой дед? – поинтересовался Комил.

– Да, – коротко ответил юноша.

– Повезло тебе. Своего деда я не застал. Он умер до моего рождения, – прояснил Комил.

– Я не так уж и хорошо помню своего деда, – сказал Азим. – Мне было четыре года, когда Зелёная хворь забрала его... Отец повторяет нам его наставления, – промедлив, добавил Азим.

– Зелёная хворь унесла и мою мать, – негромко сказал Ко-

мил.

Разразившаяся шестнадцать лет назад Зелёная хворь унесла бесчисленное количество жизней. Это было настоящей трагедией для всего Ахоруна. Никто так и не понял откуда она пришла – эта треклятая зараза, но во всём до сих пор винят ведьм. Ведь именно тогда на-султан устроил на них травлю.

– Сожалею, – прошептал Азим и Комил молча покивал.

Они оба притихли и так дошли до арки.

– Впрочем, – заговорил Комил под аркой, – это послужит им уроком.

Азим удивленно скосил на него взгляд, но ничего не ответил. Наверно, переменчивость свойственно Комилу, подумал он.

– Нам направо, – сказал Комил и, почесав затылок, пошел вверх по лестнице.

За аркой находились две лестницы, ведущие на второй этаж. Азим хотел последовать за Комилом, но его взор снова зацепила изящная резьба полногрудой девицы с пышными бёдрами на двери с широкой голубой рамкой и зелёным растительным узором. Сокровенные части её груди были скрыты под плоскодонной корзиной с виноградом, которую она соблазнительно предлагала смотрящему. Её голое тело извивалось так, что левое бедро скрывало самый сочный и вкусный её фрукт.

Большие миндалевидные глаза вырезанной девицы будто

бы играли с Азимом. Юноша ещё не видел женских прелестей, а она, хоть и не живая, была нагой и каждый раз смущала Азима. Увидев её в первый раз, он побагровел и опешил.

– Не засматривайся на Мохнур²⁰, тебе всё равно на ней не жениться! – подшутил Комил сверху.

Услышав Комила, Азим убежал от чарующей вырезанной девицы, быстрыми шагами переступая через красно-коричневые деревянные ступени.

Стены на втором этаже украшены мозаикой, плитки которой с пола до потолка в три раза увеличиваются в размере. Мозаика представляет собой замысловатую арабеску, а на куполообразных делениях потолка изображают зеленовато-голубое небо с белыми перистыми облаками, обрамлённые вишнёвыми и виноградными ветками. Проёмы между арок на втором этаже ограждены деревянными перилами с решётками. Напротив этих арок, в тени собственных глубоких проёмов скрывались резные двери. Все они, кроме одной – третьей слева, были закрыты. Из той, единственной приоткрытой двери выходил свет свечей и масляных ламп. Комил поджидал Азима в нескольких шагах от неё. Азим подошёл ближе и услышал голоса, доносившиеся изнутри. Один из голосов был явно взволнован.

Комил вошёл первым, осторожно открывая дверь, которую закрыл за собой Азим.

– Явились, наконец! – бросил недовольный взгляд на юно-

---

²⁰ Мохнур произносится с гортанной «х».

шей человек с короткой бородой. Он сидел справа на плетённом стуле. Над его головой на выступающем гнезде горела масляная лампа.

– Мне не было велено спешить, аки Имран, – беззаботно ответил Комил.

– Доброго вечера, отец, – Азим, прижав руку к сердцу, обратился к отцу, а затем приветственно кивнул мужчине, за спиной отца, и Имрану справа. – Вы посылали за мной? – негромко спросил он у отца.

Зачем он позвал его именно сюда, думал юноша, ведь они бы и так встретились дома.

– Полагаю, вы успели познакомиться, – Аъзам указал на Комила. Его вид, как и его тон были серьёзными.

Азим без всякого восторга смерил взглядом Комила и снова посмотрел на отца. Раньше он не видел своего отца таким озадаченным.

– Да, раис, – вместо него с ухмылкой ответил Комил.

Аъзам одобрительно кивнул. Он сидел, скрестив ноги под собой, на широком деревянном стуле с мягкой обивкой за своим рабочим резным столом. На правом углу стола, на старом глиняном подсвечнике горела толстая желтоватая свеча. На левом углу бумаги аккуратно сложены в стопку, а рядом стояла чернильница с пером.

– У меня к тебе есть поручение, сын, – Аъзам сразу перешёл к делу.

– Очень важное поручение, – подчеркнул, мужчина за

спиной Аъзама, и продолжил нервно ходить из стороны в сторону, отчего колебалось пламя свечей на подоконнике. Он явно беспокоился о чём-то, что отражалось в его бегающих глазах и в подрагивающей правой брови. На вид этот человек был не старше Аъзама, но его волосы почти полностью пробились сединой.

– Хватит маячить у меня за спиной, Мирзо, – потребовал Аъзам.

Мирзо надулся как ребёнок и сел на плетённый стул напротив Аъзама.

– Скоро день осеннего равноденствия, и султан намерен устроить из этого большой праздник...

– Снова, – добавил Имран к словам Аъзама.

В прошлый День летнего солнцестояния султан также устроил большой праздник, вспомнил Азим. В Рахшонзамине испокон веков отмечают смену сезонов, наступающих в дни равноденствия – осеннего и весеннего, и солнцестояния – летнего и зимнего. Однако люди отмечают их как-то обыденно, а большой праздник устраивают только на Навруз. Теперь же султан решил торжественно отмечать их все? С чего вдруг?

– Также султан Бузург ибн Махмуд²¹ снова созывает всю знать Ахоруна и не только, – продолжил Аъзам, огрев взглядом Имрана. – Чтобы праздник удался, султан позвал нас во дворец и дал нам целый ряд распоряжений. Мы разделили

---

²¹ Махмуд произносится с гортанной «х».

задачи между членами Торгового совета. Султан хочет накрыть большой дастархан у себя во дворце и заказов у него слишком много. Мы уже договорились со всеми именитыми поварами, пекарями, виноделами и шербеточниками (производители напитков) Ангурана. Имран поедет в Арруж за жасминовым сиропом и тюльпановым вином. Мирзо вместе с другими членами совета будут следить за приготовлениями здесь. На мне одно оставшееся и возможно самое главное угощение, – заявил Аъзам, серьёзно глядя на сына. Султан настоял, чтобы оно обязательно было на дастархане, но я не могу заняться им.

– Не можете? – удивлённо переспросил Азим. – *«Разве есть дела по важнее поручение султана»*, – недоумевал он.

– Я еду в Расулабад, – ответил Аъзам.

Мирзо скрестил руки у груди и неодобрительно покачал головой.

– В такую даль? – спросил Азим.

– Зебистан переживает тяжёлые времена, – начал Аъзам. – Их падишах уже который год не оправляется от неведомой хвори. Его наследники оказались неспособными вести государственные дела. Их торговые отношения практически сошли на нет с городами братьями, а возобновлённых поставок из Арружа им уже недостаточно. Жители Зебистана испытывают трудности, а рынки пустеют с каждым днём.

– Почему? – поинтересовался Азим.

– Их урожай настигла Чёрная напасть, – ответил Аъзам. –

Она уже восемнадцать лет портит жизнь крестьянам Зебистана. Часть их урожая гниёт, не успев и созреть, а другой части на всех не хватает. Этот недуг захватывает всё больше и больше посевные земли и в Зебистане не могут с ней справиться. Потому посол Расулабада попросил помощи у нашего султана. В министерстве султана свободно место визиря торговли, из-за чего его светлость поручил мне, как главе Торгового совета, поехать в Расулабад, изучить состояние их рынка и потребность.

– Султан дал вам сразу два поручения? – недоумевал Азим.

– Его светлость хочет полностью возобновить отношения с Зебистаном? – вровень с Азимом спросил Комил.

– Да, благодаря их послу, – ответил ему Аъзам.

– Я ему не доверяю, – пробубнил Имран.

Аъзам покосился на него и перевёл взгляд на сына.

– Султан очень требователен, – ответил Аъзам.

После утомительного и пыльного дня в желудке Азима бушевал голод и урчал живот. Однако он вместе с Комилом внимательно слушал и начал догадываться к чему ведёт отец.

– Два поручения – это ещё пустяки, – добавил Имран.

– Не в этот раз! – несогласно заявил Мирзо.

– Я намерен поручить вам обоим отправиться в Мирас, – сказал Аъзам, посмотрев на Азима и Комила. – Мы уже послали письмо с заказом три дня назад, но вы должны убедиться, что Карим-ака получил его и начал приготовления.

За десять дней он должен приготовить и отправить в Ангуран сто казанов с абрикосовым нишалло.

Азим с Комилом переглянулись. Один был удивленным, другой озадаченным. Аъзам же, подняв бровь, смотрел на обоих, выжидая ответа. Он также хотел узнать, как отреагирует на это его сын, и похоже у него появились вопросы.

– Может, всё-таки, мне поехать в Мирас? – тревожно сказал Мирзо. – Это очень важное поручение, а у них ещё нет опыта.

Аъзам сердито посмотрел на Мирзо, чей голос уже раздражал его. Он с самого начала был не согласен с решением Аъзама и потому до последнего хотел переубедить его, но Аъзам был непреклонен. Аки Кариму не раз давали заказ, правда не в таких объёмах и сжатых сроках. Тем не менее Аъзам не сомневался, что старый нишаллопаз справиться со своей задачей и потому решил отправить сына и Комила вместо себя.

– Мы договорились и распределили все обязанности, – Аъзам обратился к Мирзо. – Ты будешь следить за приготовлениями тут!

– Но ведь...

Аъзам знал, что хотел сказать Мирзо, и перебил его.

– На тебя возложен общий надзор за поварами и пекарями. Ты ведь сам вызвался. У других членов совета есть свои задачи и они будут слишком заняты, – категорично сказал Аъзам.

Мирзо молча покивал головой. Его озабоченность этим поручением вызвано тем, что это его первое мероприятие, которое нужно организовать для самого султана. В Торговый совет Мирзо попал два месяца назад, сменив на этом месте своего отца, который ушёл на покой. Он хотел проявить себя и излишне тревожился. Аъзам был прав, Мирзо сам вызвался организовать большинство мероприятий и теперь боялся за их выполнение. Малейшая оплошность и позор не только ему, но и его отцу на весь Ахорун. Естественно, он не хотел этого допускать.

– Удачи, – смирившись с решением Аъзама, пожелал Мирзо его сыну и Комилу.

– Не волнуйтесь, заказ будет выполнен в срок! – важно пообещал Комил, положив руку на плечо Азиму.

– Вот и славно, – вздохнул Аъзам. – Завтра же выйдете в путь, а пока всем лучше передохнуть. Был долгий день, – он потушил свечу на столе и встал, чтобы потушить остальные...

Аъзам шёл впереди. Спустившись с лестницы, он приложил руку на косу резной девицы и открыл дверь в рыночную столовую. Там дежурный повар готовил еду для ночной стражи.

– Идите к беседке, – сказал Аъзам в проёме. – Я закажу нам ужин. Долго уж до дому идти, а я сильно проголодался.

Аъзам повернулся и скрылся в широком помещении столовой, освещенной тусклым светом свечей, горевших где-то

слева. Туда он и направился.

Проголодались все и, согласно кивнув, пошли в сторону беседки. Азим в это время подумал о «*хом-шурбе*» и мясном соусе с морковкой и сладким перцем.

Они прошли по широкому промежутку между прилавками к высокой и широкой беседке, стоявшей по центру внутренней рыночной площади. Беседка стояла на невысоком помосте с тремя широкими ступеньками по кругу. Её венчал купол с вырезанным узором в виде лозы двадцати пяти сортов винограда. Этот купол поддерживали двадцать пять деревянных колонн. Извивающаяся виноградная лоза, вырезанная на этих колоннах, всегда привлекала внимание Азима. Вместо гроздей на этих лозах были вырезаны имена, и ему было интересно – найдет ли он своё имя.

Беседка служила трапезной и пятьдесят человек могли одновременно обедать в ней, да попивать чай с фруктами. Пять входов вели в неё и ни покупатели, ни торговцы никогда не толпились. В разгар обеденного часа людей обслуживают двадцать пять прислуг. Юноши и девушки от четырнадцати лет, а иногда и взрослые, работают на рыночной столовой. По большей части, они работают кухонными слугами не ради жалованья, а чтобы запечатлеть свои имена в истории главного рынка. Этой беседке около пятисот лет и все эти годы шеф-повара вырезали имена своих слуг вместо гроздьев на лозе. Чтобы твоё имя было вырезано на колонне, нужно проработать на кухне пять лет до и пять лет после этого. Все

двадцать пять колонн были исполнены именами, потому и Азим искал своё.

Может, кто-нибудь с таким же именем работал здесь когда-то?

В высоту беседка была не больше две трети высоты стен рынка. Когда Азим впервые вошёл под её купол, он с открытым ртом проследил за именами до самого верха и, несмотря на бесчисленное количество имён, на колоннах ещё оставалось много места. В этот раз Азим смотрел на пустой плетёный стол и с мыслями о горячем супе погладил свой пустой живот.

Ждать пришлось недолго. Его отец вернулся с надутыми щеками, за которым явно был не воздух. На руках он нёс деревянный поднос. Аъзам положил его на стол и раздал всем по тарелке с тушёными бараньими рёбрышками, сдобренный лимоном, нашинкованным луком, укропом и базиликом. Большой чайник и вложенными в друг друга пиалами он поставил рядом с Азимом и сам сел возле сына, который разламывал всем лепёшки.

Все были голодны и не сказав и слова больше, кроме приятного аппетита, они принялись за рёбрышки. Вскоре от них осталась лишь горстка косточек.

– Сюда бы мою собаку, вот бы обрадовалась шавка-а, – довольно поглаживая пузо, протянул Имран.

– Комила с Азимом не будет неделю, а праздник через десять дней, – сказал Аъзам. – Меня не будет на этом праздни-

ке, потому я полностью полагаюсь на вас, друзья.

– Твои надежды будут оправданы, – заверил Мирзо, хотя в его голосе по-прежнему звучала взволнованность.

Аъзам кивнул и сложив руки в *лодочку*, он прошептал благодарственную дуа и обвёл руками вокруг лица. Остальные повторили за ним. Пожелав всем успехов и доброй ночи, он с сыном покинули базар и направились домой.

– Отец, я рад, что вы доверили мне это важное дело, – сказал Азим.

– Я поручил его не тебе, а Комилу, – уточнил Аъзам.

Он не хотел расстроить сына, но плечи Азима досадно поникли, как и сам юноша.

– Сын, тебе я поручаю другое дело, – Аъзам обнял сына за плечо. – И оно не менее важное. Мне нужно, чтобы ты следил за Комилом. Он парень не глупый, хоть и ведёт себя как дурак. Комил выполняет всё, что ему велят, но он несерьёзный. Он знает своё дело, но любит затягивать. Следи за ним. По дороге в Мирас вы проедете через деревню, я не хочу, чтобы он там задерживался. Через три дня, вы оба должны быть там и удостовериться, что заказ султана будет выполнен в срок. Назад вы должны вернуться вместе с нишалло. Следи за ним, – снова повторил Аъзам, но на этот раз с другой целью. – Смотри, как он ведёт переговоры. Учись и ни в коем случае не перемани его дурной весёлый нрав и тягу к развлечениям.

– Хорошо, – коротко ответил Азим.

«Нельзя использовать лестницу или верёвку, чтобы забраться на Дерево Сохиба».

Хранители знаний. Правила Корневяза.

Ангуран остался в двух мархалах²² позади. Они остановились у подножия невысокого увала. На той стороне холма их арендованные лошади не нашли бы ничего кроме мелкого камня и земли, чтобы пощипать, а на этой – трава была ещё сочной.

Азим впервые выехал за пределы города и ещё не был так далеко от дома. Впереди долгий путь до Мираса, но Комил обещал, что часть пути они быстро преодолеют по реке Гулоб.

– В это время течение в реке очень быстрое. По ней мы проплывем четыре мархалы на юго-запад. На том берегу мы арендуем новых лошадей и поедem дальше. Если будем гнать галопом, то к закату окажемся в Олудороне, – заверил Комил, ранним утром выезжая из города вместе с Азимом.

Сам Комил родился и вырос в Ангуране, а его отец был из Мираса и всегда любил рассказывать истории про свой родной город, особенно про его название. И, чтобы скоротать

---

²² 1 мархала = 6 фарсангов, произносится с гортанной «х».

время, Комил решил поделиться с Азимом парой историей.

В шестнадцатом веке Эпохи Человека племянник султана Хокима ибн Хушбахта, которого чаще называли Хокими Хушбахт, решил в свои двадцать первые именины отправиться в города братья. В Аброре, в старшем городе, Асад встретил дочь султана и беспamięтно влюбился в неё. Асад попросил руки дочери султана, но тот отказал, потому что Шабнам тогда ещё не было и восемнадцати лет. Слеплённый любовью к белокожей и синеглазой красавице, Асад на протяжении трех лет с каждым караваном ездил из Ангурана в Аброр. Наконец, их свадьбу сыграли на Навруз в Аброре. Султан Хоким тоже приехал на свадьбу, которая продолжалась семь дней и ночей.

Покинув Аброр после свадьбы, караван султана Ахоруна вместе с торговым караваном три недели шел назад в Ангуран. На четвёртой неделе они остановились на обычном месте стоянки караванов – на плоском холме со множеством природных источников воды вдоль её склонов. У подножия холма простиралась необъятная долина, проросшая фруктовыми деревьями, которые в самый разгар весны цвели и благоухали.

Это место настолько понравилось Шабнам, что она больше не желала покидать его. Тогда с позволения дяди Асад остался на этом месте и за три года основал город, который впоследствии стал главным торговым центром между Ахоруном и городами братьями. Однако за эти три года у горо-

да всё ещё не было названия. Султан Хоким присвоил Асаду титул *мира*, то есть мэра, и поручил дать городу название. Асад подумывал назвать город «Асадабад» или «Шабнамабад», ведь не захоти она остаться тут, этого города не было бы. Пока он думал, купцы и караванщики называли город «Караванабадом». Прошло семь лет с основания города, но Асад так и не смог дать ему достойного названия. Ему предлагали множество вариантов, но он так и не сделал выбор. Из-за несчастного случая Асад погиб и преданные жители города, любившие своего мэра, всё же называли город в честь него – Мирас, то есть Мэр Асад...

Так как они ехали медленно, Комил не рассказал всю историю и предложил погнать лошадей галопом до реки, чтобы успеть на лодку...

– Нужно оставить лошадей, – сказал Комил, подставляя щеку под лёгкое дуновение ветра, который доносил прохладный бриз с реки Гулоб и его, казалось бы, спокойный шум. С закрытыми глазами он желал поскорее оказаться в Олудорон, чтобы увидеться с ней.

Спешившись и сняв полугалоши, Комил босиком пошёл вдоль увала. Трава высотой в две пяди была не такой мягкой, как казалось с первого взгляда, издали. Азим не нашёл ничего увлекательного в том, чтобы топтать сухую траву голыми ногами с тем же восхищением, как это делал Комил по пути к высокому белому чинару.

– Ты идёшь? – спросил Комил через плечо. – Или мне

вернуться и понести тебя и твою кобылу на своих руках? – усмехнулся он.

Издали казалось, что это гигантский одинокий одуванчик с поникшей головой с посреди протяжённого холма. Вблизи же это был высокий бледно-серый чинар. Его ствол возвышался на одну и треть джебеля²³ вверх, постепенно наклоняясь по направлению реки. Пышная крона с бледно-зелёными листьями и вовсе склонилась на юго-восток. Толстые изгибы трёх корней торчали из-под земли под одиноким чинаром, словно щупальца невиданного речного чудовища. Два корня стремились к реке, у третьего были две коновязи.

Азим привязал свою лошадь рядом с другими и с изумлением смерил дерево снизу вверх. Пять человек могли бы охватить его ствол у основания и два под согнутой кроной.

– Сможешь залезть до самого верха? – с вызовом спросил Комил.

На стволе до самой кроны больше не было ни одной другой ветки. Надо обладать цепкими руками и звериной выносливостью, чтобы залезть на такое дерево. И так как он не зверь, Азим не стал отвечать на глупый вопрос Комила. Для него было уместно задать другой.

– Кто заберёт лошадей?

Для путников не имеющих своих лошадей, в Ахоруне предлагают в аренду лошадей из конюшни султана. К левому уху таких лошадей приделаны деревянные бирки с печат-

---

²³ 1 джебелъ = 28 газов.

тью султана. Арендованную лошадь нужно вернуть в оговорённый срок, либо привязать у любой коновязи с символикой султана. В противном случае, арендатору грозит штраф в размере тройной стоимости лошади, а кража лошади порой каралась даже смертью. За двадцать пять веков существования Ахоруна им правили разные султаны, в числе которых были и суровые, и жестокие.

Комил объяснил ему это правило ещё утром, но на этот вопрос не ответил в первый раз, так как был отвлечён конюхом.

– Их заберут либо другие путники по дороге в Ангуран, либо за ними пришлют аспгардонов²⁴, – ответил Комил, направившись к берегу.

– А как понять, кто не вернул, а кто украл лошадь? – спросил Азим, идя вслед за ним.

– В конюшнях записывают твой адрес и приходят к тебе домой, – безучастно ответил Комил, направляясь к реке.

На этой стороне увала воздух наполнялся слабым ароматом лотоса. Шум прибоя становился громче и был явно неприятливым, как показалось Азиму ещё на той стороне. Возмущённые волны белой пеной омывали песчаный берег с мелкими камнями, и оставляли за собой лепестки лотоса.

– И эту буйную реку нам предстоит пересечь? – взволнованно спросил Азим.

---

²⁴ Аспгардон – должность в конюшнях султана – человек, который едет за арендованным лошадьми и возвращает их на привязи.

Азим не помнит, но много лет назад он приезжал сюда вместе с отцом и матерью. Аъзам и Зарина, как и многие другие, приезжали к цветочной реке, чтобы предать ей всю свою горечь и боль, причинённую Зелёной хворью. Вода уносит боль и страдание – так говорят бабушки.

Среди народов Рахшонзамина принято, что люди, чьи близкие покинули этот мир не естественным образом, отпускают свою боль у реки и в её пении ищут умиротворения. В сорок дней они приходят и роняют слезу в реку, чтобы она унесла их скорбь. Так, Аъзам и тысячи других приходили к Гулобу проститься со своими покойными. Многие даже рассеивали их прах по воде. Жертв Зелёной хвори не хоронили. Опасаясь, что тела могут заразить почву, султан Бузург ибн Махмуд велел сжигать их.

Ближе к берегу Азим начал скудно вспоминать, как его отец пустил прах по ветру. Река тогда было спокойной, а сегодня словно кипела от ярости.

– Это удивительная река, – с широкой улыбкой ответил Комил, глядя на бурлящий поток. – На самом деле, это спокойная река, но четыре раза в год, в дни поста она свирепствует и её пенные волны приносят эти лепестки, – он поднял с берега мокрый светло-лиловый лепесток лотоса. – Никто до сих пор не знает, откуда она их приносит, – он задумчиво повернулся к Азиму.

Эта загадка всегда интересовала его, и никто не мог на неё ответить, даже самые опытные лодочники и рыбаки.

– Не волнуйся, – ухмыльнулся Комил, – тебе не придётся переплывать её, – он положил лепесток лотоса на плечо Азиму и пошёл вниз по реке.

Склонившаяся крона одинокого чинара указывала на пассажирскую лодку, кормой стоявшую на якоре в ста шагах от путников. Высоко загнутые нос и раздвоенная корма лодки сдержано сверкали под лучами белого солнца. Узор, вырезанный на кедровых бортах, изображал побеги, вьющиеся от сиреневого девятилистика. Янтарная смола, которой отполирована лодка, приглушала солнечные лучи, придавала ей этот сдержанный блеск, что очень понравилось Азиму, когда он посмотрел на неё.

– Пошли, – позвал Комил. – Я хочу занять место у носа.

Азимом охватила нерешительность. *Сможет ли она переплыть эту бурную реку*, задумался он. Юноша споткнулся о небольшой камень – он не упал, но пришёл в себя и пошёл за Комилом, а лепесток упал с его плеча.

– «Я же не боюсь воды», – утверждал он про себя, глядя на людей, взбирающихся по кормовому трапу на лодку.

– Ты явно уже проголодался, сын Аъзама, – вознегодовал Комил, указывая на тех же людей. – Не меньше двадцати уже поднялось на борт, пока ты медлил. Не видать мне места впереди, – покачал он головой. – Благо, если кому-то надоест стоять столбом, и он пройдет назад, тогда я живо пропихнусь на его место... Надеюсь, – добавил он, сжав губы как жаба, и поднялся на лодку.

Впечатлённый раздвоенной кормой лодки, Азим поднялся последним. Пока он лицезрел чешуйчатую резьбу, мимо него прошли ещё с десятков других людей. Азим ожидал, что, работая с отцом, он будет обходить весь Ангуран. Но он и не предполагал, что будет ездить по городам Ахоруна. Ему впервые предстоит пересечь реку Гулоб. Этот момент был для него волнительным, да ещё и река буйная.

Понятно, что он медлил.

– Хватить разевать рот, парень. Шевелись! Ты последний, – крикнул ему невысокий, широкоплечий мужчина с густой бородой и в тонком светло-голубом сатиновом халате. У него на голове была светло-голубая чалма с короткими белыми хвостами, повязанная вокруг круглой тубетейки.

Висящее, словно мешок скисших помидоров, брюхо не позволило обрюзглому мужчине поднять ногу и нетерпеливо топнуть золотистой бархатной голошей с загнутым носом и голубым кантом.

Судя по всему, этот человек капитан этого судна. Он всё же неуклюже топнул, выразив своё недовольство и скрылся с глаз. Вместо него появились двое мускулистых, загорелых парней с голым торсом и в коротких, свободных штанах. Своими крепкими жилистыми ручищами они ухватились за канаты, пролегающие вдоль трапа, и потянули. Трап вместе с Азимом чуть дальше от середины начал подниматься. Полуголые молодцы тянули канаты так, будто зазевавшегося юноши и вовсе не было на трапе.

Вынужденный взбежать, Азим наконец оказался на палубе этого диковинного чуда судостроения. В книгах, которые он прочитал, лодки и корабли были изображены иначе, без рыбьих хвостов вместо кормы.

Ступеньки скрипели под тяжестью здоровых парней, когда они, подняв трап, спускались по боковым лестницами на палубу гребцов. Перила на палубе пассажиров возвышались на пядь выше пояса и стояли на толстых балясинах с чешуйчатой резьбой. Азим не сразу заметил в них фигуры рыб головой вниз. Сама палуба пассажиров возвышалась над палубой гребцов, но скрывала её лишь на половину от общей ширины лодки.

Больше пятидесяти человек стояли в тесноте, держась за поручни каштанового цвета. Ни тебе скамеек, ни лавок, чтобы сесть. Весь путь по взволнованной реке стоймя? Азим уж точно такого не ожидал.

Любопытство заставило юношу склонить голову за левый борт и взглянуть, какие условия там внизу?

Гребцы парами расположились на лавках, тянущихся от одного борта к другому, с углублением посередине в виде полумесяца для складирования вещей пассажиров. Азим насчитал восемнадцать гребцов, опускающих вёсла на воду, когда его счет оборвался внезапным движением лодки вперёд.

Якорь поднят, и отступающая волна подхватила лодку и унесла прочь от берега. Юношу пошатнуло назад, но он удержался. Хотя, он чуть было не свалился за левой борт на го-

лову гребцам.

Упёршись о левый хвост кормы, он восстановил равновесие и пошёл занимать своё место рядом с Комилом, который звал его к себе свободной рукой. Вид Комила был определённо не радостным. Видимо к носу лодки пробраться не удалось.

Луноликий капитан ещё не отдал приказ, но быстрый поток реки бесцеремонно подхватил лодку, чуть ли не безжалостно опрокинув её на правый борт. Азима, не успевшего ухватиться за поручень, вновь отбросило на мужчину средних лет в длинном тонком тёмно-синем хлопковом халате. Этот мужчина в тубетейке с красной каймой был явно не в восторге от того, что на него свалился нерасторопный юнец. Он оттолкнул от себя Азима и хмуро покачал головой. Остальных пассажиров никак не побеспокоила эта кочка. Их либо пошатнуло, либо прижало к поручням, а на их равнодушных лицах отражались лишь беспомощное принятие того, что это судно переполнено пассажирами.

Вытряхнув грязь со своих коротких коричневых штанов с зелёной лозой по краям, Азим встал посередине, словно мачта, которой и так вместе с парусом не было на этой лодке. Его удивляла невозмутимость других путников. Возможно, они привыкли такому способу пересечения реки, почём Азиму знать? Ему это впервой.

Объём хлынувшей воды не стоил даже внимания гребцов. Они, крепко держа вёсла, ждали приказа капитана выров-

нять лодку по курсу течения. Капитан сидел на своём месте в корме и держал недлинный рычаг руля. Выругав овечью мать, он отдал приказ гребцам слева.

Раскачиваясь не так опасно, как в первый раз, от волн, бьющих по левому борту, лодка уже сама повернула на одну тень на юго-запад. В ритме речного танца гребцы левого борта поочередно подняли свои вёсла: от носового ряда до кормового. Тучный капитан, приложив не малые усилия, если не все, которые у него были, потянул рычаг на себя. Лодка начала поворачивать направо. Сила сорока вёсел приводило это пассажирское судно в движение, однако сейчас лишь двадцать плавно опустились в холодную воду. Опытные гребцы слились в одно целое с лодкой, ощущая её набирающую скорость, и рассчитывали силы, чтобы выровнять её по течению реки, а не перевернуть её к овечьей матери.

Гребцы сделали своё дело – лодка вышла в основное течение реки и устремилась в далекий конечный пункт. Остальные весла тоже опустились на воду, и гребцы балансировали скорость и раскачку.

Палуба для пассажиров стояла на толстых опорах с чешуйчатой резьбой, высотой в почти два газа. На пару с сужающимся носом они создавали достаточную видимость с обеих сторон для кормчего. Плывущему вниз по реке нет нужды смотреть вперёд, если оба берега находятся справа и слева от него, тем более такому капитану, как этот. Он посмотрел направо – правый берег постепенно отдалялся, он бросил

оценивающий взгляд налево – левый берег покажется ещё нескоро. Капитан встал, легко придерживая рулевой рычаг, и позвал своего молодого помощника занять его место.

– Держи рычаг нежно, как держишь грудь своей женщины, – подчёркнуто наставил он, сжимая в руке ту самую вообразимую грудь. Будь она настоящей, он бы выжал из неё весь сок, словно из мандарина. – Будь с ней ласков, и лодка подастся тебе в реке, как отдастся взмокшая женщина в тёплой постели.

Капитан свернул и скрылся за лестницей, ведущей наверх, но через мгновение над перилами появилась его круглая голова с насмешливой ухмылкой.

– А ты хоть раз имел женщину? – усомнился он, приподняв бровь.

Не дождавшись ответа от смущённого, если не униженно-го перед всеми гребцами, помощника, которому не было и двадцати одного года, капитан поднялся на палубу к пассажирам. Пора собирать плату за переправу.

Ухмылка капитана стала жадной. Чувствуя не малую важность к своей персоне среди пассажиров, он гордо снял свою чалму, повязанную в виде пересекающихся волн вокруг тюбетейки. Перевернув её, он пошёл к пассажирам. Его большой кулак с запястьем мог утонуть в этой тюбетейке.

«Чалма должна быть глубокой, чтобы вместить все изюминки», объяснял он своему помощнику.

Большинство пассажиров сдавали плату сразу, как только

пузатый лодочник подходил и протягивал им свою чалму. Находились и те, которые с неохотой лезли себе в карман.

Тюбетейка заполнилась на две пятой, когда капитан с требовательным видом подошёл к Азиму и Комилу. Комил достал овалы монеты из кошель, привязанного у пояса за халатом, и бросил их в тюбетейку. Капитан с прежним требовательным видом наклонил голову и с тоном далёким от любезного обратился к Азиму:

– Десять султана.

Такова плата за переправу, но у Азима не было денег. Юноша вопросительно посмотрел на Комила.

– О... я ведь и за тебя должен расплачиваться, – лукаво вспомнил тот, прокрутив указательным пальцем тройную петлю от себя до Азима. Комил достал ещё десять монет и заплатил за него.

Аъзам дал Комилу кошель с двумя сотнями монет и велел поровну делить их на расходы в пути.

Яркие бронзовые монеты по своей форме напоминали жёлтый изюм, отчего и получили своё название – Султана. На одной стороне выгравировано название султаната Ахорун, на другой виноградная гроздь, обрамлённая серпом старей луны.

– Когда мы прибудем на тот берег? – с непривычной для себя серьёзностью спросил Азим.

Он не боялся воды и часто купался в ручье посреди полевых полей отца, но скорость лодки и пенящиеся волны за

её бортом всё ещё тревожили Азима. Из-за раскачек, он опасался, что лодка может перевернуться. Чтобы отвлечь себя от дурных мыслей, он решил занять себя разговором о деле.

– Как ты думаешь, мы уложимся в срок? Этот нишаллопаз сможет сделать всё до праздника?

В душе Комила аж потеплело от вопросов. Ещё выехав из Ангурана, он ждал, когда же Азим начнёт задавать вопросы по делу. Ему хотелось побыть *мудрым* наставником. Для чего же ещё Аъзам отправил своего сына вместе с ним?

Ответ, как казалось ему, был очевиден.

– У него много помощников, – сказал Комил. – Вся его семья занимается приготовлением нишалло. А семья у него большая, – подчеркнул он. – Карим-ака выполнит заказ в срок, если уже не выполнил, ведь это заказ самого султана.

Комил был уверен в своих словах, а про себя добавил: «Куда же он денется».

Дальнейший разговор слегка унял волнение Азима, и он обратил внимание на движение лодки.

– А не должна ли лодка плыть поперёк реки, чтобы быстрее пересечь реку? – озадаченно спросил он.

Комил улыбнулся. Он не раз пересекал Гулоб на лодках и прочитал немало рукописей об этой реке, а про Мирас он знает почти всё. Такие вопросы, можно сказать, были из области его недоказанной учёности. Ему льстило, когда ему задавали подобные вопросы, и ему очень нравилось отвечать на них, показывая свои знания.

– И я спросил об этом в первый раз у отца, – сказал Комил. – Гулоб довольно широкая река, как ты мог заметить. В самом широком отрезке её ширина достигает трёх фарсангов²⁵. Так почему бы не плыть прямо на другой берег? – Комил с легкой улыбкой скосил вопросительный взгляд на Азима и сам же ответил. – Лодка наткнётся на крутояр и, чтобы спуститься, нам придётся через нос лезть на цветочное поле, Азим. Берег на той стороне высокий и тянется с северо-востока чуть ли не до самого озера Зарафшан, – обвёл рукой Комил. – А за цветочными полями – деревья, холмы и холмы с деревьями.

Комил опустил голову и погрузился в раздумье. Его молчание нарушил грубый голос капитана. Он возмущался, что некоторые пассажиры отказывались платить или негодовали, что судно переполнено. Потому и увиливали от оплаты, либо давали меньше, чем положено. Капитан хамил каждому, кто возникал на этот счёт: «*А что ты поднялся тогда?*», «*Может ты и есть лишний?*», «*Чего поднялся на борт, если тебе тесно?*», «*Бесплатно? Пересеки реку вплавь!*»...

Азим с осуждением посмотрел на капитана, *нельзя же с таким тоном обращаться с людьми*. С другой стороны, он не понимал возмущения пассажиров. Заметив его озадаченный вид, Комил подумал, что Азим сейчас спросит его об этом, и решил ответить заранее.

– Лодки должны перевозить по тридцать человек, но нас

---

²⁵ 1 фарсанг = 6 тысяч газдов.

тут почти в два раза больше, – заявил Комил. – Начался предосенний пост и люди хотят пораньше попасть в нужные себе места и вернуться до заката. Но во время поста не все лодочники переправляют людей с берега на берег. Они боются буйной реки. Матин, – Комил кивнул на капитана, – один из редких, кто входит в реку на своей кривоносой лодке. Ты же видел, она стояла одна у берега. Поверь, если бы людей было больше, он взял бы их всех. Ты только взгляни на его обвислый живот... Жадность говорит сама за себя. Он не держит рузу, ссылаясь на больной желудок, а сам любит горькое вино и жареную баранину не меньше, чем свою посудину.

– Видимо, ты с ним хорошо знаком, – предположил Азим.

– Не считая этот, я шесть раз пересекал Гулоб на его лодке, и три раза замечал его в чайхане апи-Дилрабо, – сказав это, вид Комила неожиданно стал оправдывающимся.

Азим краем глаз посмотрел на Комила и повел голову в сторону. Ему не интересны сомнительные знакомства Комила. Его интересовало другое. Комил говорил, что они остановятся в селе Олудорон, но как они туда попадут? Где она?

– Так, куда же мы плывем, если не на тот берег? – спросил он.

– Мы причалим на том берегу у Деревя Сохиба, – ответил Комил, оглянувшись на капитана, прошедшего мимо него назад на свою палубу.

Азим вопросительно покосился на своего спутника.

– Дерево Сохиба? – переспросил он.

Ему стало стыдно, что он так мало знает о своей родине.

Можно ли считать уважительной причиной то, что он ни разу не выезжал (осознанно) далеко за пределы Ангурана, и всё, что он увидел или увидит, будет для него впервые? Нет!.. Так полагал он сам. *«О своей родине нужно знать столько, сколько знаешь о своих пяти пальцах»*, вспомнил он цитату из книги. Тем не менее ни в одной книге, которую Азим прочел, не было сказано ничего про это дерево.

– Словами не передать... Скоро сам его увидишь, – пообещал в ответ Комил.

Лодка проплыла чуть больше четырёх маршалы вниз по течению и вскоре река начала сужаться и сворачивать налево. Эта часть реки была единственным изгибом реки и называли её «Извилиной».

Гребцы вывели лодку из бурного потока и, плавно опуская вёсла на воду, начали грести к левому берегу, до которого было чуть меньше мила²⁶. Сама река сужалась до двух мил, однако, как бы удивительным ни казалось, скорость её потока стихала в этом отрезке.

Люди, которые знали, что пристань уже близка, начали потихоньку стягиваться к корме. Вот-вот и они начнут толпиться и поднятого трапа. Азим с изумлением наблюдал за нетерпеливыми пассажирами.

– Все хотят сойти первым, – объяснил Комил и, посмотрев

---

²⁶ 1 мил = 4 тысячи газдов.

вперед, с восторженной улыбкой обратился к Азиму, – Давай пройдем к носу! Пусть эти торопыги давят себя при сходе. Обещаю, ты будешь впечатлён видом.

На подходе к пристани река сужалась до четверти мила, а её поток снова ускорялся, шумя и вновь вспенивая воду. Благо, лодка была уже меньше, чем в трёх джебелях от левого берега, где крутояр плавно снижался до двух газдов. Перед взором Азима вырос огромный белый чинар с необъятным стволом. Он был действительно впечатлен. Это дерево было в четыре раза выше Одинокого чинара, у которого они оставили лошадей.

– Вот оно, Дерево Сохиба, – объявил Комил, хлопнув Азима по спине.

Это чудо природы, этот гигант рос на гребне пологого склона, обрамлённый редкой низкой травой. Когда лодка начала причаливать, Азим с ещё большим изумлением заметил, что это дерево буквально окружено людьми.

Пристань была устроена у четырёх корней, выступающих из-под песка и земли. Они тянулись к воде, словно толстые извивающиеся щупальца затаившегося чудовища, и скрывались на дне у самого берега. Каждый корень в полтора-два раза больше лодки, которая встала между вторым и третьим корнем вдоль берега. С двух хвостов гребцы сбросили канаты, и младшие корневязы привязали их к кнехтам, вырезанным на самих корнях. Для страховки капитан бросил также и якорь.

Вместе с кнехтами на двух сторонах корней также вырезаны площадки для трапов и дорожки, ведущие к сухой части берега. Углы между корнями омывала река и песок там был мягким. Каждый, кто вступал на эту часть берега, мог провалиться и застрять по пояс или по горло в песке – это уж зависит от роста.

Сошедшие с лодки пассажиры, толкаясь, устремились к дереву образовать новое живое кольцо. Когда лодка ещё только причаливала, люди, окружавшие дерево, покинули кольцо, которое не было замкнутым из-за нехватки людей. Некоторые из них стали звать тех, кто только что прибыл на лодке, чтобы образовать новое кольцо.

– Зачем они собрались вокруг этого дерева? – спросил Азим, двигаясь в сторону трапа.

– Такова древняя традиция путников, – ответил Комил, отставая позади.

– Обязательная? – уточнил Азим, обернувшись.

– Какой же ты невежда, – упрекнул вместо ответа Комил и прошёл вперёд.

Поднявшийся ветерок колыхал плотное полотно тёмно-серого цвета с синеватым отблеском, сшитого в виде плавников на хвостах лодки. Азим подходил к трапу, когда заметил капитана со скрещенными руками у груди и выжидательно уставившегося на него.

– Ты взошёл на борт последним, последним и сойдёшь с него? – скривив губы, недовольно спросил он. – Проваливай

скорее с моей лодки! Мне ещё разворачивать и плыть назад с новыми пассажирами.

Азим виновато опустил голову. Он и в правду задержался, таращась на высоченное дерево. Как оно вообще вымахало до таких размеров?

Прижав руку к сердцу, он кивнул капитану в знак благодарности за безопасную переправу. Однако капитан лишь повёл краем губ.

Спустившись до середины трапа, Азим встал, чтобы ещё раз восхититься резьбой деревянного олицетворения рыбьих хвостов раздвоенной кормы.

– Если хочешь встать в кольцо вместе с остальными, тебе следует поторопиться, – позвал Комил. – Не хорошо заставлять ждать людей, держащих рузу.

Азим догнал Комила и вместе они сошли с корня на землю, где скрывалось её основание. Слева от них был неровный склон, справа, между двумя корнями земля обрывалась, образуя нечто вроде огромной зияющей пасти, пытающейся хлебнуть воды своим бурым рыхлым языком.

На вершине склона их поджидали люди, которые хотели встать в кольцо вокруг необычного исполина. Не многие люди, сошедшие с лодки, остались, чтобы стать частью этого кольца. Они уже вставали вокруг дерева, держась за руки, но им не хватало ещё нескольких человек, чтобы наконец замкнуть кольцо. Комил, для которого это было не впервой, и Азим, которой в глубине души сомневался в этой затее, при-

соединились к ним. Из движущегося кольца один человек в тонком зеленом полосатом халате с круглой бархатной тубетейкой тоже зелёного цвета протянул руку и затащил Комила в человеческую цепь. Тот схватил Азима за плечо и потащил за собой, чуть ли не порвав его адрасовую рубаху с геометрическими узорами на рукавах.

– Шестьдесят три! – с восторгом произнёс тот самый человек, потянувший Комила.

– В кольцо поместиться больше, если сократить расстояние, – подчеркнул Комил.

– Это не важно, – покачал головой этот человек, с короткой бородой на худом овальном лице.

– Действительно, – согласился Комил и с восхищением поднял голову.

Промежуток между людьми в живой цепочке составляла длину одной вытянутой руки и люди шли лицом вперёд вокруг Дерева Сохиба, положив правую руку на правое плечо впереди идущего. Однако несколько веков назад люди начали ходить вокруг лицом к дереву, взявшись за руки, при этом расстояние между ними не изменилось.

– Представить только... шестьдесят три, – негромко восхищался Комил.

Его тело, как и его голос, трепетали от благоговения. Для него это дерево было неким божественным чудом, которое он мечтал познать.

Они сделали три круга, и люди начали отпускать руки и

расходиться. Многие из них что-то шептали перед уходом и дотрагивались к стволу чинара. Азим не мог понять, зачем всё это было нужно?

Он хотел было спросить, но Комил перебил его:

– Впервые, когда я встал в кольцо вместе с отцом, цепочка составила шестьдесят два человека. Ты, Азим ибн Аъзам, стал шестьдесят третьим. Корневязь говорит, каждого, кто станет новым звеном в кольце, ждёт завидная удача, – Комил многозначительно покачал головой, глядя на облупившуюся светло-серую кору, которая уступала место новой белой коре.

На его месте другой человек возможно и возгордился бы, услышав подобное в свой адрес, но Азим не знал, как к этому отнестись.

– Ты был шестьдесят вторым? – спросил он.

– Нет, – с толикой сожаления вздохнул Комил. – Охват дерева и до меня составлял шестьдесят два человеко-звена.

– Значит, и до меня было шестьдесят три? – предположил Азим.

– Нет, – ответил Комил.

– Почему ты так уверен?

– Оглянись, – сказал Комил.

Последовав совету спутника, Азим заметил, что некоторые люди в открытую смотрят на него. У одних в глазах была радость за него, у других неприкрытая зависть.

– Новым звеном в кольце может стать тот, кто впервые

участвует в этом. Судя по их взглядам, до тебя никто не был новичком. Все они купцы и путники и чуть ли не каждый день бывают здесь, а ты впервые, – объяснил Комил.

Комил дотронулся до дерева, прошептал молитву и отошёл от неё.

– Ладно, пошли отсюда, пока нам на голову не начали падать люди, – обратился он к Азиму.

Юноша в недоумении покосился на Комила. «*Что за нелепая шутка?*» – спрашивали его изумленные глаза. «*Или это не шутка?*» – задумался он.

Комила уже не было рядом, чтобы ответить на его вопросы. Быстрым шагом его спутник удалялся от дерева и уже был в тридцати шагах от Азима.

Он хотел было тоже уйти и догнать Комила, но задержался. Его внимание привлекли люди, которые остались у дерева. Одни стояли, другие нарезали круги на одном и том же месте. Но все они бросали взгляды на ствол и оценивали его с основания до кроны.

Каковы их намерения?

Азиму стало любопытно и вскоре он тоже бросил оценивающий взгляд на Дерево Сохиба. Оно было действительно невероятным. Необъятный ствол строго возвышался над людьми на двадцать два газа и только потом разделялся на три толстых не таких, как сам ствол, и всё же необъятных ветвей. От старой коры практически ничего не осталось, и вся поверхность дерева была гладкой. Ветви были почти

ровными и также тянулись к небу. Лишь на высоте семидесяти газдов, где начинались кроны, ветви отдалялись друг от друга. Правая от Азима слегка наклонялась на северо-восток. Она была чуть выше и шире двух других. Листья на ней не примирались с тем, что лето подходит к концу и сохраняли насыщенный зелёный цвет. Крона слева от Азима смотрела слегка на северо-запад. Листья на ней уже примеряли медные цвета осени. Третья крона смотрела на юг и листья на ней изобиловали цветами – зелёными, медными и пурпурными. Лишь редкие листья поддавались ветру и падали вниз.

Поражённый величиим и необыкновенной красотой этого дерева, Азим с разинутым ртом не опускал своего взгляда. Шея слегка затекла, но он не мог оторваться. Восхищение и благоговейный трепет овладели им. Азим почувствовал себя жалким муравьём у ног беззаботного трёхглавого чудища.

Как он мог не знать о таком дереве?

Снова почувствовав стыд за свое невежество, он опустил глаза. Вдруг он заметил, что один юноша, чуть старше него, прильнул к дереву и потянул руку, а затем и ногу вверх...

– *«Не ужели он пытается залезть на дерево?»* – удивился Азим.

Тот юноша подпрыгнул, но соскользнул с дерева. Однако он не оставил попыток. Кроме него, Азим заметил, что и другие люди пытались вскарабкаться на дерево. Среди них были и молодые, и взрослые. Одни увлажняли свои ладони плевками, другие подсаживали товарища, или подпрыгива-

ли, чтобы ухватиться хоть за что-нибудь. Все их попытки заканчивались тем, что они либо вновь соскальзывали, либо срывали сухую грубую кору. Четверо смельчаков возомнили себя умными и взобрались друг другу на плечи, но, при попытке самого верхнего дотянуться до небольшого углубления, трое из них рухнули вниз и начали корчиться от боли.

Азима озадачивало то, почему они не оставляют тщетных попыток. Что же такого может быть на этом дереве, что они так хотят залезть на него?

– Эй! – окликнул Комил издалека и поманил Азима рукой. – Лошадей разберут! – крикнул он.

Азим вспомнил, что им нужно торопиться в Мирас и побежал к своему спутнику.

За деревом раскинулась бескрайнее травянистое поле, радующее глаз обилием цветов. Рядом была истоптанная широкая тропа. Она вела к большой конюшне в ста пятидесяти газах справа от чудо-дерева. Путники торопились туда и выезжали на лошадях.

Комил скрестил руки у груди и укоризненно смотрел, пока Азим подбегал к нему.

– Хочешь дойти до Мираса пешком?

Азим посмотрел на недовольно насупленные брови Коми-ла и, пожав плечи, просто повёл головой в оправдание своей задержки. Комил фыркнул носом, повернулся и зашагал к старой конюшне. Азим пошёл вслед за ним.

– В чём смысл этой традиции? – спросил он.

– Ох, какой же ты невежда, Азим! – сорвался Комил.

Он был раздражён тем, что Азим застыл у дерева и глупо смотрел, как тупицы пытаются залезть на дерево, чтобы раскрыть тайну Сохиба. Она не будет раскрыта из-за правил Корневяза.

Азим понимал, что его спутник прав. Он и в правду мало знал об Ахоруне. В учебном доме он, в основном, изучал счёт, письмо и общую историю. Его не интересовали уроки и книги про традиции народа. О них он мог спросить у отца или матери. Однако о местных легендах и байках он никогда не спрашивал. Тем не менее резкость Комила показалась ему излишней.

– Ладно, не злись так, – негромко сказал Азим. – Спрошу у кого-нибудь другого.

Комил оглянулся и увидел, что Азим понурился и вяло следует за ним. Он решил, что был груб и ответил на вопрос, однако без той искры желания, которая возникла ещё на лодке.

– Люди встают вокруг дерева, чтобы измерить его ширину. Его посадил Сохиб путешественник семнадцать веков назад. Говорят, когда Сохиб посадил своё дерево, высотой оно было всего в два газа и его можно было охватить одной рукой. Теперь же шестьдесят три человека встают в кольцо вокруг него. Обычно люди поют в кольцо, но всем было ясно, что ты здесь впервые. Потому они молча молились, до-трагиваясь до дерева. В молитвах люди просят Всевышнего

благословить их путь и сделать Сохиба обитателем рая. Благодаря ему и его дереву, это место стало пристанью для пассажирских лодок. До этого люди проделывали долгий путь до озера Зарафшан и потом переправлялись на ту сторону и обратно, либо пытались пересечь реку напрямую. К последним река была беспощадна... Люди пытаются залезть на дерево, потому что на одном из его ветвей вырезана точная дата того, когда Сохиб посадил этот чинар.

– Они хотят узнать эту дату? – спросил Азим.

– Нет, – ответил Комил. – По легенде, Сохиб вырезал дату в виде карты, которая указывает путь к чему-то очень драгоценному, что в десять раз дороже золота... к чему-то чёрному. Эту тайну он поведал своим потомкам на смертном одре, когда на дерево уже было тяжело залезть.

Комил неожиданно остановился. До конюшни оставалось меньше двадцати шагов, но он развернулся и посмотрел на Дерево Сохиба странным возбуждённым взглядом.

– Сколько, по-твоему, в нём газов? – спросил он у Азима.

– Не меньше ста десяти, – скрутив губы, приблизительно ответил юноша.

Комил покивал в подтверждение.

– Удивительно, но Сохиб путешественник прожил сто десять лет! Больше, чем кто-либо и когда-либо во всём Рахшонзамине, – с восхищением и изумлением проговорил Комил.

– Кому-нибудь удавалось залезть на дерево? – поинтере-

совался Азим.

– Нет, насколько мне известно, – повёл головой Комил. – Корневязи установили строгие правила.

– Кто они?

– Потомки Сохиба, – неуверенно пожал плечами Комил.

Комил повернулся и продолжил идти к конюшне, но вдруг снова остановился и с искрой в глазах оглянулся на Азима.

– Может попытаешь свою удачу? – с озорным вызовом спросил он. – Может тебе удастся залезть на него?

Азим уже насмотрелся на тщетные попытки других и знал, что эта пустая трата времени. Потому он невозмутимо посмотрел на Комила и прошёл мимо него к конюшне.

Из конюшни, ворча, вышли трое мужчин в сером, бирюзово-зелёном с тонкими полосками и в желто-белом халате с одинаковыми алыми поясами и расшитыми тюбетейками. Один из них бросил хмурый, недовольный взгляд на молодых путников и, укоризненно покачав головой, поторопился за своими друзьями.

Азим не понял причины его недовольства, а вот Комил в негодовании предположил:

– Всё, разобрали всех лошадей, – он с упрёком посмотрел в спину Азима.

На первый взгляд, издали конюшня казалась относительно новой, но вблизи старая древесина бросалась в глаза. Брёвна и доски, из которых сделаны стены, потемнели и прогнили. Резьба под низким фронтоном, гласившая «Конюшня

султана Ахоруна», практически стёрлась под воздействием ветра, времени, пыли и грязи, ну и конечно плесени. Высота стен составляла пять газдов, а длина пятьдесят. Ширина конюшни составляла двадцать газдов.

Посередине стены на лицевой стороне были высокие конюшенные двери и только одна из них была приоткрыта. Однако Азим вошёл через боковую дверь, откуда вышли те трое раздосадованных мужчин. Юноше сразу стало дурно от запаха, стоявшего в этой ветхой конюшне. После приятного благоухания, издаваемого цветами снаружи, его нос и даже рот наполнила ужасная вонь лошадиного навоза, от которой хотелось блевать. К счастью, Азим держал рузу и в желудке у него к этому времени было пусто.

Конюшня состояла из пятидесяти денников, расположенных в два ряда вдоль стен. Азим прошёл мимо пустого денника из узкого тамбура к основному проходу между денниками. Он встал в нескольких шагах от приоткрытой конюшенной двери и посмотрел на лестницу в противоположном узком проходе. Она вела на настил над тремя денниками.

Комил не сразу вошёл в конюшню. Не успев сделать и шага внутрь, он с отвращением сморщил нос и круговым движением выскочил наружу, где громко и жадно вдохнул чистого воздуха. Он несколько раз сделал глубокий вдох, задержал дыхание и забежал внутрь.

Азим странно покосился на Комила, прибежавшего с надутыми щеками. Комил развёл руками, а его глаза выражали

мысль за него: *«Что? Не собираюсь я дышать этим!»*

– ...но мне нужны эти два коня, – с другого конца конюшни донеслись громкие возмущения.

Азим и Комил посмотрели в ту сторону. У двух последних денников слева худощавый конюх в длинной старой тунике и алой безрукавке с черной узорчатой тесьмой и серыми штанами пытался успокоить какого-то мужчину. Но этот упитанный человек с богато расшитым чёрным кафтаном не желал слушать.

– ...и кто они такие? – возмущался он.

Лёгкий скрип сначала пронёсся по настилу, а затем и по лестнице. Сверху спустился управляющий конюшней и с горящими, то ли от радости, то ли от чего-то другого, глазами подбежал к двум молодым путникам. По его виду Азим понял, что он явно ожидал их. Широкий лоб с одной линией морщинки был усыпан красноватыми веснушками. Маленькая чёрная родинка на правом крыле выделяла его большой нос с горбинкой. У него были кудрявые, тёмно-медные густые волосы, словно овечья шерсть. Одет он был в то же самое, что и другой конюх. Правда, на нём ещё был и белый пояс.

– Салом, – он протянул руку Азиму, а затем Комилу, который всё ещё сдерживал дыхание. – Это вы по поручению султана едете в Мирас? – с возбуждённым волнением спросил он. Его глаза бегали от одного юноши к другому.

Не раскрывая надутые щеки, Комил издал подтверждаю-

щий звук, подобный «угу», и кивнул. Конюх бросил на него недоумённый взгляд и посмотрел на Азима, который закатил глаза от поступка своего спутника.

– Да, ако, – подтвердил Азим. – Нас послали в Мирас выполнить поручение султана. – Азим краем глаз посмотрел на Комила, у которого, по-видимому, уже заканчивался воздух в лёгких. – Нам нужны лошади, чтобы быстрее добраться до города, – он обвёл взглядом пустые денники.

– О, не волнуйтесь об этом, – уверительно поднял руки конюх. – Для вас я припас двух отличных коней, – он положил руку на плечо Азиму и в его широкой улыбке показались его жёлтые зубы.

Комил прикрыл нос и рот своим вишнёвым халатом, с зелёным кантом и тонкими чёрными полосами, и жадно вздохнул. С отвращением покачав головой, он снова задержал дыхание и опустил халат. Азим и старший конюх странно и в недоумении смотрели на него. Их взгляды Комил трактовал по-своему: «Что ты делаешь?» и «Не будь такой неженкой.»

Комил пожал плечами и мысленно ответил их взглядам: «Что? Наслаждайтесь этой вонью сами!»

– Пойдёмте, – обратился к Азиму конюх. – Они уже вас заждались, – намекнул он на лошадей.

Положив руку за спину Азиму, он повел его к другому концу конюшни. Комил следовал за ними. Ближе к последним денниками управляющий вышел вперёд, чтобы помочь

своему помощнику выпроводить возмущённого заёмщика.

Толстый мужчина в расшитых галошах песочного цвета с загнутыми носами смерил парней гневным взглядом и выпалил в их сторону:

– Из-за вас мне теперь идти целый фарсанг до конюшни Мираса! Вся моя одежда пропахла лошадиным дерьмом, а мне ехать до Фалида! Я держу рузу, могли бы проявить уважение и уступить.

Качая головой, этот недовольный человек направился к выходу.

– *«Мог бы и не держать, для путников ведь есть исключение во время поста»*, – подумал про себя Комил.

– Думаю, руза пойдет ему на пользу, – с усмешкой проговорил управляющий, посмотрев на Азима.

Тот человек не услышал слова конюха, но он ещё раз огрел Азима с Комилом палящим взглядом у дверей конюшни, поправил свою пышную тёмно-коричневую чалму, украшенную золотым шнурком и семью брошью-булавками с красными рубинами, и вышел.

Комил снова прикрыл рот и нос халатом и вдохнул воздух. Опять поймав на себе порицающие взгляды, он беззаботно развёл руками.

– Давай уже поскорее заберём лошадей и покинем эту зловонную конюшню, иначе я провоняю до костей, – проговорил он, прикрывая рот халатом.

Азим закатил глаза от бестактности своего спутника и хо-

тел было обратиться к старшему конюху, но его помощник обратился к ним первым:

– Кони уже оседланы. Вы можете садиться и выезжать в путь.

После сказанного худощавый конюх с глуповатым видом ожидал море похвалы, но вместо этого старший конюх грубо велел ему вывести коней.

– Приведи лошадей господам и убери навоз!

Старший конюх старался всячески угодать Азиму и Комилу, пока она усаживались на коней, и чуть ли не кланялся на каждое их слово. Наконец, когда он проводил наездников до выхода, он обратился к ним с широкой, не бескорыстной улыбкой:

– Вы же... вы же скажете султану, что я помог вам? Я оставил вам лучших коней, хотя за них предлагали четырёхкратную арендную плату, – при этом он смотрел прямо на Азима, так как Комил был занят глотанием чистого воздуха. – Как вы могли заметить, – он кратко посмотрел на Комила и снова обратился к Азиму, – эта конюшня пребывает не в самом лучшем состоянии. Замолвите за меня словечко. В последний раз эту конюшню перестраивали при султানে Рузимураде, аж триста лет назад. Вы же видите, какая она... гнилая, – он руками обвёл стены конюшни. – Когда дует сильный ветер, я боюсь, что крышу снесёт и унесёт вместе с лошадьми. Я просил его светлость, султана Бузурга ибн Махмуда о ремонте, когда он лет двенадцать назад, как и вы, ехал в Мирас.

Может, он забыл? – задумался конюх. – Ведь он был убит горем, – снова заговорил он. – Может, поэтому и забыл. Правда, горе тогда обрушилось на всех нас, – конюх опустил голову, а через мгновение снова посмотрел на Комила и Азима. – Напомните его светлости, что конюшня нуждается в ремонте... И помощников бы мне ещё парочку, – подумав добавил он, опустив поводья обоих лошадей.

– Обязательно, – пообещал Азим.

Комил кивнул в подтверждение и вместе с Азимом они тронулись в путь.

Юноши ехали медленно вниз по дороге на юг на пегих лошадях. Конь Азима был со светло-бурыми пятнами по всей спине, а Комила с серой гривой и серым пятном, растянувшимся от середины до низа задних ног. Он ехал на нём, задумавшись, а Азим любовался природой. В ста газах от конюшни, справа от дороги росли высокие тополя в три ряда, словно шпалеры. Каждый ряд состоял из двадцати пяти тополей, растущих в строгом симметричном интервале друг от друга. На удивление упорядоченный строй заставлял Азима гадать: *«А чьих рук это дело? Природы или человека?»*

К первому варианту юноша склонялся меньше, ибо слева от дороги тоже были деревья, правда фруктовые. Росли они где попало и на взгляд их было куда меньше, чем тополей. Через триста газов от тополей слева недалеко от дороги рос один лишь дуб с широкой густой кроной на коротком толстом стволе. Азим заметил несколько путников, отдыха-

ющих под дубом.

У Комила было меньше интереса к окружающей природе. У него на шее под рубахой висели песочные часы с позолоченной окантовкой. Он достал эту голубоватую склянку с отметками и часто подглядывал на время. Комил, словно не доверяя своим часам размером с его большой палец, сверял время со своей собственной тенью, отбрасываемой на лево от послеполуденного солнца.

Заметив это, Азим думал, что Комил взволнован исполнением поручения в срок и, наконец, предложил ему:

– Может поскачем прямо в Мирас?

– Мы изнурили своих предыдущих лошадей, гнав их галопом две маршалы, а до Мираса около четырёх маршал, эти лошади не вынесут такого расстояния, – Комил отрицательно указал на коней.

Конь Азима фыркнул и покачал головой, услышав сомнения в словах Комила.

– Я устал, – продолжал Комил, оставив выходы коня без внимания. – Предыдущая скачка и три сои качки на лодке изнурили меня. Будь моя воля, я бы свернулся калачиком под тем дубом и спал бы до следующего утра.

Азим тоже устал от длительной поездки. Он не привык к такому и тоже хотел предложить Комилу привал. Однако он не сделал этого. Юноша не хотел подвести отца с первым серьёзным поручением.

– Мы можем погнать лошадей, давая иногда им передох-

нуть, – предложил Азим.

– Новой скачки я не вынесу, – устало вздохнул Комил.

– «Как и я», – мысленно ответил Азим.

– Я держу рузу и ужасно проголодался, – добавил Комил, сожалея, что не съел на сухур ту миску с кала-почой.

– «Как и я», – снова ответил про себя Азим и вспомнил разговор с отцом, имевший место до зари:

«Ты встал? – удивлённо спросил Аъзам, когда его старший сын пришёл на кухню и сел за стол.

– Да, отец. Хочу взять рузу, – полусонным голосом проговорил Азим.

– Но сегодня вам с Комилом предстоит долгий путь до Мираса. Даже верхом на лошадях, дорога отнимет у вас много сил. Ты не забыл, что для путников, чей путь составляет больше четырёх мархал или длится дольше полудня, есть исключения?

– Не забыл, – ответил юноша, наливая молоко себе, отцу, матери и Рауфу.

– Тогда ты помнишь, что в день пути во время поста дозволяется не брать рузу. Путник может пропустить этот день, и взять три дня рузы после поста, – ещё раз напомнил Аъзам, – таковы учения Всевышнего.

– На сколько я понял, отец, до Мираса не так много мест, где можно будет подкрепиться. Потому я лучше плотно поем сейчас и буду держать рузу, чем возьму с собой паёк.

Такой ответ вызвал в Аъзаме чувство гордости за сына,

за то, что он начал принимать взвешенные решения. Однако он улыбнулся и поправил сына.

– Вы не поедете прямо в Мирас. По дороге вы остановитесь в селе Олудорон, и путь займёт у вас два дня, если не знать лошадей.

– Ничего страшного отец, – заверил Азим. – Я уже определился с намерением».

Такое решение уже казалось ему не самым лучшим. Прошло уже две сойи после полудня, до заката оставалось ещё четыре, а пустой желудок уже давал о себе знать.

– Значит, едим в Олудорон? – уточнил Азим.

– Да, – ответил Комил. – А по дороге заглянем на ифтар в чайхану Апи-Дилрабо, она в трёх фарсангах отсюда.

К этому времени они догнали тех троих людей, которым не достались лошади в султанской конюшне. Они торопились к другой, чтобы одолжить лошадей мэра, а точнее мэрессы. Увидев двух молодых путников на пегих лошадях, они снова вознегодовали, но ни слова не сказали. Им тоже ещё в конюшне стало известно, что конюху было велено оставить двух лошадей для двух юношей, исполняющих волю султана.

Проезжая мимо этих троих, Азим вспомнил про того тучного человека, который, ворча, качал головой им вслед. Он был один, но ему было нужно сразу две лошади. Зачем, гадал Азим...

Молодые путники ехали не спеша, каждый думая о сво-

ём. Вскоре слева, недалеко от дороги, показалась конюшня Мираса. Она была меньше, но выглядела куда лучше, чем султанская. За ней цветочная долина реки сменялась на бескрайнюю степь с низкими и продолговатыми холмами и низинами. Густая невысокая трава здесь уже применяла осенние краски. Деревья в ближайшей округе были настолько редки, что казалось, будто птицы, летавшие над головой, обрадовались бы каждой свободной ветке – не вить же гнёзда в траве.

Единственное, что нарушало природное уединение – это тополя, растущие шпалерами. Они проехали два фарсанга и им на пути, справа от дороги, встретился уже четвёртый, скажем, отряд тополей. Во втором отряде было два ряда и сорок четыре тополя и их строй был каким-то кривым. В третьем было двадцать пять тополей, а их строй казался странным. Азим не был птицей, но он был почти уверен, что с высоты птичьего полёта строй третьего *отряда* похож на наконечник стрелы с одной замыкающей шеренгой из пяти тополей. Каким бы не был строй тополей, они росли в строгом расстоянии друг от друга, всё больше убеждая Азима в том, что их посадил человек. Но с какой целью? На лесополосу это не похоже, ведь здесь нет посевных полей.

Ответа не знал даже Комил. «*Обычные тополя*», сказал он, пожав плечами. Он отнёсся с сомнением, что их мог посадить человек, или у него мог быть какой-то замысел. «*Я прочитал много рукописей, но ни в одном из них не обнару-*

жил упоминаний о тополях. Вряд ли кто-то будет записывать сколько деревьев он посадил», сказал он Азиму у третьего отряда.

Новый, четвёртый строй тополей был около в двадцати газах справа от дороги и своей формой посадки озадачил Азима. Деревья росли в два широких ряда, которые резко сворачивали направо после двенадцатого и, соответственно, тринадцатого дерева. После чего отряд состоял ещё из шести пар тополей. Недалеко от них Азим заметил ещё пять тополей, посаженных в круг.

Все отряды тополей были справа от дороги, и тут Азиму пришло в голову, что возможно они указывают путь. Другого объяснения Азим не находил.

Куда они ведут? В чём смысл такой рассадки?

В Азиме разыгралось любопытство, но Комил не мог удовлетворить его ответами.

В небольшом отрезке после этой четвёртой рассадки трава была ниже и реже. Азим решил, что здесь когда-то была тропа. Он глазами проследил куда она могла вести и вдалеке заметил низкий холм. На вершине этого холма снова были тополя. Но сколько их там, было трудно посчитать, ведь в этой бескрайней степи лишь орёл может заметить мышь, рыскающую в траве.

Фырканье коня отвлекло Азима от разгадки тайны, которая возможно кроется за тем холмом. Его конь начал топтать передними ногами и задирает голову. Таким образом,

он просил пустить его вскачь. Азим немного знал о поведении лошадей из уроков езды, данных ему дядей Адхамом. Он говорил, что люди выражают свои мысли речью, а животные своим поведением, и лошади не меньше людей способны мыслить.

«Я резвая лошадь. На мне нужно мчаться, как ветер, а ты тащишься на мне, будто я деревенская корова с запряженной бороной», если бы Азим мог понять фырканье своей лошади, он трактовал бы их именно так. Несмотря на отсутствие такой способности, Азим погладил возмущенного коня по шее и шепнул на ухо, чтобы он успокоился.

Тут коротко заржал и конь Комила, требуя того же самого. На самом деле, лошади всю дорогу от конюшни просились вскачь, однако временные наездники игнорировали их просьбу.

– Говорил *«лучшие»*, а сам подсунул нам каких-то нервных лошадей, – роптал Комил.

– Нам дали пегих лошадей, а мне говорили, что у султана породистые чёрные лошади, – сказал Азим.

– Чёрные, как уголь, – подтвердил Комил. – Вот только нынешний султан на даёт их в аренду. Уж больно он ими дорожит.

Комилу надоело, что его конь часто мотал головой и фыркал, потому он пустил его вскачь рысью. Азим сделал то же самое.

Больше тополей не было по дороге. Единственным дере-

вом, повстречавшимся им по пути за целый фарсанг, был старый тутовник с грубой низкой кроной. Вскоре же деревья стали чаще попадаться на глаза и в основном плодоносные.

Тропа со множеством проплешин и следами от повозок привела их к развилке. Комил объяснил, что тут они свернут на юго-восток и ещё через два фарсанга будут на месте.

Дорога, на которую они свернули, постепенно шла в гору, хоть и незначительно. Она пролежала по лощине между двух низких выпуклых холмов, после чего огибала холм с крутыми склонами, на которых росли фисташки и боярышник.

Переведя лошадей на шаг, они медленно поднимались на продолговатый холм так же, как солнце медленно опускалось к горизонту, придавая ему абрикосовые тона и окрашивая низ редких облаков в золото. Комил остановил коня на вершине этого холма и с довольным видом указал на восток.

– Вот она, чайхана Апи-Дилрабо.

Азим присмотрелся в ту сторону и увидел холм в окружении низких деревьев. Этот холм возвышался вокруг фруктового сада, словно выпуклый остров посреди зелёного озера. Он показался Азиму странным, каким-то горбатым. На нём самом росли невысокие деревья. Но никакого строения юноша не увидел.

– Где она? – спросил он.

Чуть склонив голову, Азим присмотрелся по лучше. Когда до него дошло чем по сути является горб, он с сомнением посмотрел на Комила.

– Это и есть чайхана?

– Да, – с бодрой улыбкой протянул Комил и тронул лошадь.

Они поехали вниз по аккуратной тропе, проложенной людьми по не столь крутому склону холма. Азим не отрывал восхищенного взгляда от чайханы с деревьями на холме. Его худо-бедно удовлетворённый конь тихо шёл рядом с конём Комила. Тропа привела их к дорожке, с двух сторон обставленной разбитыми камнями, разных цветов. При этом каждый камень был размером с голову Азима. Сама дорожка была чуть шире тропы. Азим ехал по правому краю и осматривал дивный фруктовый сад вокруг себя. Он заметил некую схожесть в посадке деревьев со строем тополей. Деревья росли в точном расстоянии друг от друга в каждом из бесчисленных рядов. Ветки на кронах срезались, чтобы не дать деревьям расти в ширь и в высоту.

Азим заметил, что часть урожая абрикосовых деревьев собрана, а под некоторыми деревьями стояли стремянки, рядом с которыми были пустые корзины. Люди работают меньше во время поста, и возможно плоды продолжают собирать завтра, или у них просто не хватает времени собрать весь урожай с такого огромного сада, подумал Азим.

– Ты знаешь, сколько здесь фруктовых деревьев? – поинтересовался он у Комила.

– Все виды сливовых, – ответил Комил. – Здесь почти у каждого в саду растут несколько видов сливовых деревьев.

Даже миндаль, – подчеркнул он, по своей надменности полагая, что Азим не знает о принадлежности миндаля к роду сливовых. – Поэтому это деревня и носит название «Олудорон». Но в этом саду есть и другие фруктовые деревья, – продолжал Комил, указывая куда-то в сторону. – Этот чудесный сад посадили четырнадцать братьев... – потеряв интерес к рассказу, Комил смолк на полуслове, словно ему заткнули рот.

– Чьи братья? – спросил Азим, удившись внезапному молчанию Комила.

Комил смотрел куда-то вдаль, влево от себя, сквозь густую листву, пропустив вопрос Азима мимо ушей.

– Комил? – окликнул его юноша.

– А? Братья Дилрабо, – отозвался Комил, словно его пригласили.

Азим пожал губами и посмотрел вперёд. *Разве так сложно было ответить*, проворчал он про себя. Ему стало интересно, кем были эти братья? Зачем посадили сад? Когда? Он хотел задать эти вопросы, но снова посмотрев на Комила, передумал.

Вид его спутника говорил сам за себя: *«Не спрашивай меня. Меня здесь нет»*. Сам Комил напрягся и прижал голову к плечам, словно уличённый воришка. Его глаза нарочито избегали взгляда Азима.

Продолжив путь в молчании, Азим осознал, что не скоро привыкнет к странностям поведения Комила. Юноша решил

поменьше обращать внимание на своего спутника. Возможно, в чайхане будут другие люди, у которых можно будет задать волнующие его вопросы.

Дорожка между деревьями протянулась на пол мила и, наконец, привела к холму. Обступающее море деревьев заканчивалось в двадцати газах от его подошвы. Однако справа и слева поодаль росли по две пурпурные сливы с коновязью между ними. Шесть лошадей были привязаны справа и Комил повернул коня налево, Азим последовал за ним.

Спешившись, они привязали лошадей под пурпурной кроной рядом с ещё одной гнедой кобылой. На этой кобыле было седло для тучного наездника, обтянутая красным бархатом и исшитой золотистой нитью.

Вспомнив, что эта лошадь самой апи-Дилрабо, Комил остерег коней, покачивая пальцем:

– Вы тут по ласковее с ней, нам не нужны проблемы с её хозяйкой. Смотри, – затем он указал на третью пару с коновязью чуть дальше слева от них, где были привязаны ещё пять лошадей. – Кажется, людей тут набралось немало, будто праздник равноденствия уже наступил. Пошли. Надеюсь, хоть внутри место осталось, – с ноткой досады договорил Комил и пошёл к дорожке, ведущей наверх по неровному склону.

Холм был небольшим и, тем не менее, возвышался над кронами сада на двенадцать газдов. На нём росла низкая трава с редкими маленькими голубыми цветками. Молодые пут-

ники поднялись на его чуть плоскую вершину. То, что издали ему казалось горбом, вблизи действительно оказалось чайханой. Бурое деревянное строение стояло на сваях, окрашенных красно-коричневой смолой. Над угловатой крышей раскинулась пышная крона с зелёной листвой и созревающими плодами хурмы.

Азим не мог поверить, что чайхана построена вокруг деревьев. В Ангуране нет ничего подобного, насколько ему известно. В столице наоборот, деревья растут вокруг домов, а не в них.

Сколько их там, стало интересно юноше. Один, два... снаружи из-за свай точно не сосчитаешь. Азиму захотелось скорее зайти внутрь, но его остановила надпись на вывеске. Она была вырезана в виде цветка хурмы и также окрашена. Кстати, краска была свежей. Азим склонил голову набок и косо посмотрел на причудливую резьбу. Потом на другую сторону, пытаясь прочесть каллиграфию, но не смог понять, где её начало. На месте тычинок и пестика надпись гласила «Дилрабо», с трудом догадался Азим, но остальную надпись на месте лепестков он не смог прочитать правильно из-за надстрочных и подстрочных знаков. Кроме того, в этой надписи присутствовали лишние слоги и буквы, которые затрудняли прочтение. Азим не был знаком с правилами подобного письма Алифа. Юноша обратился к Комилу за помощью, но тот был в своём репертуаре.

В притворно удивлённом виде Комил едва скрывал свою

насмешку.

– Что, не можешь прочитать эту надпись? – пожав плечами, спросил он.

– Нет, – признался Азим. – Я... там... в надписи есть лишние знаки, – попытался оправдать себя, и почувствовал себя неловко за это.

Азим отвел от своего спутника глаза и снова посмотрел на вывеску, прикрепленную на кровле над угловым входом.

– «Добро пожаловать и милости просим в чайхану Дилрабо», гласит эта надпись, – объяснил Комил. – Она вырезана на языке далёких предков. На этом языке они говорили ещё на заре Эпохи человека.

Эта эпоха началась больше трёх тысяч лет назад, а чайхане нет и ста лет. Кто мог вырезать эту надпись, причем так изящно, если на этом языке уже не говорят? Возможно, в Мирасе преподают древние языки, подумал Азим, но в Ангуране никто этим не занимается, на сколько он знает.

– По сути, это тот же язык, на котором мы говорим сейчас и почти та же письменность. Вот только правописание и произношение претерпели большие изменения за тысячи лет, – пояснил Комил, и положив руку за лопатку Азима, кивнул ему в сторону крыльца.

Небо на западе к этому времени уже заливалось оранжевыми и пурпурными тонами и солнце начало медленно тонуть за горизонтом. Ахорун, как и Зебистан, находились на равнинной части Рахшонзамина. Потому они хвастались

ранним рассветом и наблюдали поздний закат, что с другой стороны тяжело сказывалось на держащих рузу. Во время предосеннего поста закат начинается ближе к седьмому часу после полудня, а ифтар наступает с вечерними сумерками. Сам пост в эту пору занимает не малые тринадцать часов, несмотря на грядущее равноденствие.

– Скоро время. Зайдём внутрь, – сказал Комил, поднимаясь по ступеням.

На террасу и внутрь чайханы ведут четыре крыльца с углов. На трёх террасах крышу с кессонными потолками и замысловатой резьбой поддерживают по семь резных колонн. Ширина террас составляет семь газов, а длина тридцать пять газов. На трёх террасах у перил, высотой полтора газа, стояли по шесть топчанов, которые могли разместить по шесть гостей.

К досаде Комила, гостей было много и все топчаны были заняты, в основном, пожилыми людьми. Одни играли в шатрандж²⁷, другие в нарды. Одна компания стариков шутила и смеялась. Они явно давние друзья, подумал Азим, глядя на них.

Топчаны были ограждены между собой бахромой-шторами из нежного бархата орехового цвета. Между колоннами висели бахрома-шторы из крупного деревянного бисера с различным орнаментным узором, составляющую общую картину.

---

²⁷ Шатрандж – настольная игра, прорадитель шахматов.

Входы в чайхану также располагались по углам, и в проёмах не было дверей. Они тоже были занавешены бахромой из деревянного бисера. В каждой подвеске бахромы в промежутке одного локтя бисер имел форму и окрас того или иного фрукта, чьё дерево росло в этом саду.

Внутри стволы хурмы сразу бросились в глаза любопытного Азима, и он принялся их считать. *Раз, два, три...* он шагнул в сторону, *четыре, пять, шесть, семь восемь...* он прошёл за спиной Комила и сделал два шага налево, *девять, десять...* он слегка склонился на бок, чтобы досчитать, *одиннадцать, двенадцать, тринадцать...*

– Что ты делаешь? – озадаченно спросил Комил.

– Четырнадцать! – восторженно, но негромко воскликнул Азим, горящими глазами глядя на своего спутника. – Четырнадцать хурмы растут сквозь эту крышу. Столько же братьев посадили этот сад. Так ведь ты говорил?

Едва Азим закончил предложение, как мужчина средних лет в серо-зелёной рубашке с тёмно-синим вышитым растительным узором на коротких рукавах и боках косо посмотрел на двух молодых людей. Он был не единственным, кто молча и с укором смотрел на них.

Комил поджал голову к плечам, а под опущенными бровями настороженно забегали глаза. Он пошёл направо, заметив свободный столик посередине.

Азим приставил правую руку к сердцу и в приветственной улыбке кивнул тому мужчине. Окинув зал чайханы взгля-

дом, он пошёл за Комилом.

Столы с закруглёнными углами были расположены в проходах между стволами. Сами стволы росли в определённом порядке и левый ряд зеркально повторял правый. Первые два ствола стояли в пяти газах от южной стены и в семи газах от восточных и западных стен, соответственно. Расстояние между ними тоже составляло семь газов. Во втором ряду стояло четыре дерева в трёх газах от первого и в четырёх газах как от боковых стен, так и друг от друга, кроме средних. Их промежуток составлял пять газов.

В середине чайханы стояли две хурмы в одном газе друг от друга. Их стволы были толще остальных. И только у них не было столов. К другим стволам были приставлены круглые столы, шириной в полтора локтя. За всеми такими столами на резных стульях сидели гости.

У окон, а их, кстати, было по четыре в трёх стенах, также стояли столы со скамьями. Все столы у южной и восточной стены были заняты.

Азим услышал ворчание и из любопытства посмотрел налево. За столом у окна, в нескольких шагах от входного проёма на южную террасу, сидели двое мужчин. На взгляд, первому было шестьдесят лет. Он был худоватым и в полосатом зелёном хлопковом халате, с белой низкой чалмой на голове. В запавших и обставленных морщинами глазах была угрюмость. Он проигрывал в игре шатрандж своему молодому оппоненту, которому, опять-таки на взгляд, было не боль-

ше сорока пяти. Он держался достойно и надменно. Слегка прищуренные тёмно-карие глаза оценивали поведение раздражённого старика и расположение его фигур на мраморной доске с сотней чёрно-белых клеток. С лёгкой самонадеянной ухмылкой на лице он опустил голову на правый кулак, поглаживая горло большим пальцем. Одет он был богато: шёлковая туника с длинными свободными рукавами цвета тёмной сливы, с золотым узором на груди. Поверх туники был фиолетовый халат из шелковистого бархата с серебряным отливом. Края халата и коротких рукавов украшены волнистой и золотистой тесьмой. Заметив на себе взгляд, он краем глаза посмотрел на юношу, что смотрит на них. Его старый оппонент сделал ход верблюдом, и он снова посмотрел на доску...

– Салом, молодые люди. Добро пожаловать. Вы уже сказали, чего желаете на ифтар?

Приятный женский голос отвлек Азима и, посмотрев перед собой, он увидел довольно упитанную женщину в паре шагов от столика, где сел Комил. Короткие тонкие губы растянулись в дружелюбной улыбке на круглом лице. Добродушные серо-голубые глаза, в которых отражался волевой женский характер, смотрели то на Азима, то на Комила. Левая рука была согнута вверх перед собой, а на кончиках пальцев стоял круглый помутневший серебристый поднос. На подносе был зелёный чайник и две пиалы с белым ватным узором. Эта женщина была в полтора раза, если не в

два, больше того богатого ворчуна в султанской конюшне.

– Мы только пришли, апи-Дилрабо, – с улыбкой ответил Комил.

Азим тут же понял, что эта улыбчивая круглая женщина и есть та самая хозяйка, чьим именем названо это место.

Женщине было не больше сорока лет и единственными морщинами на её смуглом, как скорлупа фисташки, лице были складки, проявляющиеся при разговоре или улыбке.

– Хорошо, – улыбнулась она Комилу и посмотрела на Азима. – Вы пока думайте, чего желаете, а я к вам сейчас подойду.

Повернувшись, Дилрабо понесла поднос к столику у второго дерева в правом ряду. Толстая, свисающая трёхглавая мышца левой руки затряслась, как только она двинулась, и продолжала свой неритмичный танец весь её путь. Азиму также показалось, хотя так и было, что под адрасовым тёмно-голубым платьем с белыми разводами содрогалось и всё её тело. Юноше даже стало стыдно на это смотреть.

Азим отвёл взгляд и заметил резьбу на стволе рядом с их столом. Он окинул взглядом все стволы и обнаружил, что на каждом из них вырезано по одному имени – сверху вниз наискосок под острым углом. Длина резьбы была не больше локтя, в зависимости от количества букв в имени. Но и тут он не смог прочесть имена из-за лишних слогов и знаков. Вспомнив про беседку на главном рынке Ангурана с именами слуг, Азим подумал и решил, что это имена братьев Ди-

лабо, ведь на каждом стволе только одно имя. В противном случае, их было бы много.

Пока Азим приходил к этому умозаключение, требующее разъяснений, Дилрабо уже возвращалась к ним.

– Ну что, вы... – начало было она в нескольких шагах от их стола, как тут Азим перебил её.

– А где ваши братья? Это ведь их имена вырезаны на деревьях? – с любопытной улыбкой спросил юноша.

Комил от неожиданности выпятил глаза и крепко сжал губу, а за ними стиснул зубы. На него внезапно напало смятение, словно его привязали к столбу, а со скалы на него показали огромный валун. Он резко схватил руку Азима, которую он положил на стол, и с растерянным видом едва заметно покачал головой.

– *«Дурень! Закрой свой рот! Что ты несешь?!»* – вопил этот остерегающий жест.

Улыбка на лице Дилрабо погасла. Хозяйка чайханы нахмурилась, а её мягкое тело напряглось. Гневный взгляд тяжело опустился на бестактного юношу.

Края губ Азима кисло опустились, как и его глаза на Комила. Его вопрос явно задел женщину, но он не понимал её обиды. У него появилось неловкое ощущение, что тронул запретную тему. Комил вспомнил про братьев в саду, но не договорил, возбудив в Азиме интерес. Представить только, четырнадцать братьев и одна сестра в одной семье? Разумеется, раз Комил не хотел отвечать, почему бы не спросить у

самой сестры? Откуда же ему знать, что про братьев нельзя говорить?

В этот момент, Азим почувствовал, что даже гости с террасы осуждающе смотрят на него сквозь окна и стены.

– Простите моего спутника, – быстро вмешался Комил, процедив последние слова. – Он впервые в вашей чайхане и не знаком со здешними правилами, – он улыбнулся, надеясь, что апи-Дилрабо будет к ним снисходительна. – Да что уж о здешних, он и о своих-то краях ещё ничего не знает, – подколол он, опустив руку Азима.

Дилрабо с сомнением посмотрела на умоляющие прощения глаза Комила и через томное мгновение, показавшееся Комилу вечностью, с увядшим радушием спросила:

– Что будете?

Меню этой чайханы было вырезано на каждом столе мелкими буквами. Комил посмотрел на список и, не прочитав и слова, снова поднял взгляд на хозяйку.

– Принесите нам, пожалуйста, чай с пушистыми персиками, несколько ягод кислой вишни и красного абрикоса на отдельной тарелочке с нишалло, – ласковым голосом попросил он.

– А этому невежде чаю с перцем, может? – желчно предложила Дилрабо, кивнув на Азима.

Комил хмыкнул, с усмешкой посмотрев на юношу, и снова посмотрел на хозяйку с невинным выражением лица.

– Хорошо, – широко улыбнулась Дилрабо. На её лице сно-

ва расцвело пышное радушие, словно ничего и не было. – Я пришла к вам Махину.

Хозяйка чайханы повернулась и ушла в сторону восточной закрытой террасы, где была кухня. От её последних слов глаза Комила загорелись, будто он целый день ожидал их услышать. Азиму же показалось, что не только он, но и все посетители чайханы вздохнули с облегчением после этого напряжённого момента.

– Обсуждать апи-Дилрабо и её семью запрещено в этой чайхане и во всём селе, – понизив голос, сообщил Комил.

– Почему? – недоумевал Азим.

– Я расскажу тебе... – Комил с украдкой оглянулся, – позже, – шёпотом договорил он.

Азим согласно пожал плечами с безразличием на лице. Он не считал себя виновным в незнании местных причуд. Вряд ли их правила известны ещё кому-то, кроме них самих и завсегдатаев.

– Да ты должен быть благодарен, что она не взъерилась на тебя, – тихо возмутился Комил.

Сам он нетерпеливо ожидал, когда же появится Махина, чем вызвал подозрение Азима.

Вот она. Наконец, появилась. Стройная и высокая с нежными губками. Талия не имела глубоких овальных изгибов и всё равно манила голодные глаза Комила. Она несла деревянный поднос в руках с двумя чайниками, пиалами, сложенными в друг друга, и четыре миски с фруктовым салатом.

– Что с тобой? – поинтересовался Азим. – Ты весь засиял. Однако Комил думал о своём.

Тяжело, наверное. Комил хотел было встать с желанием помочь девушке с длинными тёмно-каштановыми волосами, но она свернула в десяти газах от их столика и прошла к столу справа от двух толстых стволов.

Комил не брал в рот ничего, кроме воздуха от зари до зари – таково правило поста. Он сильно проголодался, а от жажды пересохло в горле. Уже совсем скоро наступит время ифтар-а и можно будет открыть рузу. Но в этот самый момент он с нетерпением ждал, когда же Махина подойдёт к ним... к нему. Однако смугловатая красавица разложила то, что было у неё на подносе, и предательски вернулась на кухню. Комил проследил за её грациозной кошачьей походкой. Его сокрушало то, что Махина даже не взглянула на него. Он раздосадовано опустил глаза на грубо-выструганные доски серо-коричневого пола.

Через короткое время Махина снова вышла из кухни. На этот раз у неё в руках был медный кувшин с тазиком для мытья рук. Комил обрадовался этому – теперь то она точно идёт к ним... к нему.

– Салом, – негромко поздоровалась она с молодыми людьми. Её милая улыбка была целым солнцем, заливающим светом душу Комила. Её нежный грудной голос заставил голод и жажду отступить в небытие. – Вы уже выбрали, что будете на ифтар? – девушка поднесла кувшин с тазиком к

Азиму.

Комил смотрел в упор на Махину, но её глаза из-под ровных бровей улыбались Азиму, который занёс руки над тазиком. Она тонкой струёй начала лить теплую воду, и юноша помыл свои руки. На лице Комила заиграла ревность. Махина поднесла и ему тазик, но на него все ещё не смотрела. Помыв руки, Комил сорвал полотенце, висевшее на правом локте девушки.

– Я буду салат из яблок, груши, плоского персика и инжира, заправленный клубничным йогуртом, – заказал Комил. – Крупно нарезанных, – подчёркнуто добавил он, пытаясь привлечь её внимание. Он негодовал, почему Махина не смотрит на него.

Фруктовый салат к фруктовому чаю? Азим странно смотрел на Комила, когда девушка, оставив Комила без внимания, спросила у него?

– А что будете вы?

К фруктам Азима не тянуло. После утомительной дороги мясо утолит его голод и усталость. Азим протянул руку и взглядом попросил у своего спутника полотенце. Тот небрежно швырнул ему короткое полотенце, не отрывая глаз от талии Махины. Юноша слегка нахмурился от поступка Комила и посмотрел на девушку. Уголки её губ складывались в маленькие полумесяцы, к которым ниспадали две тонкие пряди, подчеркивающие овал её очаровательного лица.

– Я бы хотел баранины в морковном соусе, – сказал Азим,

предвкушая вкус полусладкой моркови.

– У них тут нет баранины, баран! – сорвался Комил, что стёрло улыбку с лица Махины.

Азима возмутило поведение его спутника, но он сдержался. Безмятежно взглянув на него, юноша снова посмотрел на девушку. Правда, в этот раз его глаза поднялись медленно, оценивая утончённую фигуру – длинные ноги, плоский живот под упругой, как спелый лимон, грудью, гладкая румяная кожа с ямочкой у основания шеи, маленькая родинка почти у края подбородка и ещё одна на верхней губе, слегка вздёрнутый нос, а глаза... они игриво улыбались, хотя скрывали обиду.

Махина явно была не рада видеть Комила. Она огрела его взглядом и снова улыбнулась Азиму.

– Всё, что мы тут готовим, состоит только из фруктов... и немного зелени.

– Нет даже хлеба? – желудок Азима точно расстроился. Перспектива питаться одними фруктами в этот вечер его не обрадовало.

– Нет, – Махина с улыбкой надула губки в игривой манере и слегка пожала плечами.

– Принеси ему то же, что и мне, – встрял Комил.

Махина неслышно вздохнула и отвела взгляд в сторону, чтобы симпатичный синеглазый юноша не заметил её раздражения.

Тщетно. Азим уже догадался, что под радужной улыбкой

скрывается желчное недовольство. Она нарочито игнорирует Комила, но почему?

– Принеси мне что-нибудь сытное, – обходительно попросил Азим.

– Хорошо, – кратко шепнула она кокетливой улыбкой и хотела вернуться на кухню, но Комил остановил её.

– А что мне принести запомнила? – придиричиво уточнил он. Комил не хотел показаться грубым, но не смог сдержать это в своём тоне.

Махина стояла в локте справа от Азима. Изгиб её спины, плавно переходящий на продолговатые ягодицы, невидимыми руками манили юношу посмотреть на её пышную прелесть. Азим почувствовал её запах – запах желания мужчины. Краем глаза он взглянул в её сторону и прикусил край нижней губы, чтобы не вызвать гнев и без того ревнующего Комила.

– Да, – буркнула Махина и пошла на кухню.

Азим с трудом боролся с искушением посмотреть во все глаза на то, в какой соблазнительной грации движутся её бедра. Комил же наоборот – поддался. Он оглянулся и голодными глазами проводил её до самой кухни, прикусив при этом губу.

– Какие у неё зрелые ягоды, да Азим? – тон Комила был порицательным.

– Ты её знаешь, – слегка прищурившись, проговорил Азим и это не было вопросом. – Мне показалось, что, ухо-

дя, она подавила в себе желание вылить на тебя всю грязную воду.

Комил самодовольно усмехнулся.

– Да, – негромко ответил он.

– Гм-м, – скривив губы, протянул Азим с поднятой бровью.

– Это не то, о чём ты подумал, – возразил Комил.

– О чём же я подумал?..

На улице громко закукарекал петух. Его звонкий голос доносился откуда-то из-за восточной стены. Может, на той стороне у них курятник, подумал Азим. На самом же деле, Дилрабо принесла петуха, чтобы тот извещал о наступлении сумерек своим «пением».

Из двух дверей кухни вышли четыре девушки, среди которых была и Махина. На согнутых в локте левых руках они несли глиняные тарелочки. Подходя к гостям, правой рукой они раздавали финики.

Складывая руки в лодочку (кстати не все делали это одинаково) гости тихо прочитали про себя молитву ифтара, обвели лицо руками и съели свои финики. В открытии рузы фиником больше пользы и блага – таково учение Всевышнего, о котором писали падишах Байзо и султан Зухур.

Комил надеялся, что к нему подойдет Махина, но сделала это другая девушка с русыми волосами в зелёном длинном платье с голубыми побегами в разброс. Комил взял с её рук финик и взглядом нашёл Махину, выходящую на террасу.

Он огорченно положил финик, прочитал молитву, как Азим и остальные, и неохотно положил финик в рот.

– Между вами что-то произошло? – поинтересовался Азим.

– Мы с ней... – Комил опустил голову, но его взгляд продолжал следить за выходами на террасу. – Я устал и очень голоден... Расскажу тебе завтра по пути в Мирас.

* * *

«В своих стихах современные поэты пишут, что луна увенчана нефритовой короной с восемью зубцами, и называют её Мохтодж. Учёные астрономы до первых Хранителей знаний в своих исследованиях отмечали, что северное полушарие спутника Вартана обрамлено высокой горной цепью. В этой цепи есть восемь пиков почти одинаковой высоты. Эти учёные эпохи Мастеров называли луну Вартодж, а сами Мастера называли её Асмар».

Хранители знаний. Новая астрономия. Королева Луна.

На арендованных лошадях юноши, не торопясь, ехали в постоялый двор, о котором рассказал Комил после ифтара. Он снова ехал молча и был чем-то озадачен, потому Азим решил не докучать ему вопросами. На самом деле, он и сам был слегка озадачен. Махина принесла ему ассорти из фруктов с нишалло на средней тарелке, но желудок, привыкший

к мясу и хлебу, до сих пор протестовал. Потому он гадал, будет ли в этом постоялом дворе хоть что-нибудь помимо фруктов.

– «*Сейчас бы фатир-шурбо*», – мысленно трактовал он урчание своего желудка.

Ночное небо озарялось сотнями тысяч мелких звёзд. Окутывавший их желтовато-зелёный туман пересекал небосклон с северо-востока на юго-запад. Лишь луна была в крошечном одиночестве. Даже созвездие «Меч Далера» отделилось от луны на северо-запад; и большая светло-голубая звезда в острие *изогнутого клинка* светила прямо над головой Азима, который любил считать звёзды.

Плетень высотой в полтора газа составляла всё ограждение постоялого двора, а ворот и вовсе не было. У плетня, со стороны улицы, была низкая живая изгородь; и даже под тусклым светом луны можно заметить, что она не желает расти так, как задумывал человек, посадивший её.

Справа за изгородью, в десяти газах расположилась тандырная (место, где пекут лепёшки в тандыре) с белыми стенами, что обнадёжило мысли Азима о горячей лепёшке. Слева, также в десяти газах, они нашли стойла и привязали своих лошадей.

Азим пошёл в сторону одноэтажного здания с плоской крышей и стенами, обмазанными глиной с соломой. Он остановился через несколько шагов, заметив, что Комил не идёт за ним.

– Ты куда? – спросил юноша.

– Я должен с ней поговорить, – отозвался Комил, выходя за пределы постоянного двора.

Лицо Азима перекошилось в недоумении, но Комил, не обращая внимания, ушёл вниз по дороге.

Справа, в маленьком окне, горел свет от масляной лампы. Слева, в длинной веранде появилась женщина с упитанной фигурой, чуть старше его матери.

– Доброго вечера, – пожелал Азим.

Женщина в спешке накинула на себя сиреневый платок и спустилась по крыльцу.

– Салом, – ответила она, смерив юношу взглядом.

– Я бы хотел у вас переночевать, если ещё остались места, – сказал Азим.

– Конечно, у меня есть места. Прошу, – она шагнула в сторону и пригласила юношу войти. – А куда пошёл твой друг? – любопытствовала она.

Вряд ли его можно назвать другом, усомнился про себя Азим, а вслух сказал:

– Не знаю.

– А он вернётся?

– Не знаю, – задумчиво пожал плечами Азим.

Женщина странно посмотрела на юношу и позвала его внутрь.

Внутри пахло благоуханием трав, отпугивающих всяких кровососущих мошек. Ему предложили небольшую комнату

с тремя курпачами и двумя подушками, сложенных в стопку в алькове. Хозяйка постоялого двора зажгла три свечи на выступах в стене, а затем принесла ему постельное белье и половину ещё тёплого фатира, испечённого со шкварками и красным луком, и мятный чай. Азим искренне поблагодарил хозяйку и принялся трапезничать, как только женщина ушла.

Азим постелил постель у окна и перед сном хотел посчитать звёзды, но дерево за окном заслоняло небо. Он перевел взгляд на верхние углы стен, обшитые полукруглыми деревянными панелями, и крепко уснул...

Его разбудил петух, кукарекавший где-то за окном. Но с постели он встал, когда к нему в дверь постучал и позвал на сухур муж хозяйки постоялого двора. Он же и указал Азиму, где можно умыться и облегчиться...

За дастарханом в гостиной сидели ещё пятеро гостей двора, но Комила среди них не было. Азим не стал гадать, где может быть его спутник, и сел рядом с другими гостями. Они разговорились, и Азим узнал, что они тоже едут в Мирас. Они намеревались добраться до города раньше полудня и потому пренебрегли исключением для путников. Хозяйка подала им лёгкий морковный суп на первое, нежный мошкичири²⁸ на второе и нишалло с фисташками на третье. Помимо этого, на дастархане было много хлеба, сухофруктов, орехов и, конечно, фиников.

---

²⁸ Мошкичири – см. Глосарий.

Азим поел плотно и сытно. До рассвета оставалось ещё полтора часа, поспать бы перед дорогой, но юноша предпочел остаться в гостиной и послушать про учения Всевышнего, которые начал рассказывать старший из гостей, с короткой седой бородой и в бело-серых одеяниях. Приятный низкий голос старца вскоре убаюкал Азима прямо в гостиной, и никто не стал будить его.

Белый диск солнца полностью взошёл над восточным горизонтом. Небо вокруг него было ясным, но в двух копьях от него расходились облака. Утро было прохладным и пахло росой. Комил вернулся с бодрой улыбкой на лице и по его просьбе муж хозяйки разбудил Азима.

– Который час? – спросонья спросил юноша.

– Мы уже давно должны были выйти в путь, – ответил вместо того мужчины Комил.

– Где ты был всю ночь? – встав, спросил Азим.

– Вижу тебе не нашли другого места для ночлега, – подмигнув мужу хозяйки, пошутил Комил.

Азиму было не до шуток. Он косо посмотрел на Комила и направился в уборную. Комил же расплатился за Азима и пошёл за лошадьми. Вскоре они отправились в путь...

– Я полагаю, у тебя был весьма удачный разговор, – проговорил Азим, заметив, что счастливая ухмылка не сходит с лица Комила уже целых три фарсанга.

Азим догадывался, куда мог пойти Комил, потому в его голосе звучал намёк на то, что у Комила была близость с Ма-

хиной прошлой ночью.

– Не совсем удачный, – с толикой досады ответил Комил. – У нас с Махиной был милый душевный разговор. Хотя... Сперва, она и видеть меня не хотела у своего порога. Потом вмешался её отец, и я спал в гостиной, – в этих словах досада Комила слышалась отчётливо.

Дорога тянулась по низким холмам и вдоль редких высоких, горбатых или крутых холмов и вновь выходила на необъятную зелёную равнину, практически нетронутую человеком. Она была покрыта травой, высотой в газ, а местами и выше. Оставив село Олудорон далеко позади, где почти на каждом шагу росли деревья, теперь же им деревья попадались редко. Решив, что Комил не захочет рассказывать про Махину, Азим не стал спрашивать о чём они говорили. Вместо этого юноша высматривал вдалеке новый строи тополей, но ни одного не было.

Слегка облачный рассвет вместе со своей освежающей прохладой уступил место ясному утру. Дополуденное солнце грело воздух и обещало знойный день. На зеленовато-голубом небе не пролетала ни одна птица, словно они все затаились в траве в ожидании сумерек. Двое путников казались одинокими лодочками, плывущими в бескрайнем зелёном море, и будто во всём мире не было никого кроме них.

Через мархалу они вернулись на основную дорогу в Мирас. Однако она тоже была безлюдна. Возможно, другие путники гнали своих лошадей и уже давно добрались куда им

было нужно. Эти двое же ехали медленно, изредка пуская коней вскачь рысью.

Азим старался не думать. Он с благоговением любовался природным уединением, вслушиваясь, как ветерок тихо поёт голосами разнообразной растительности и цветов. Комил же не переставал думать о Махине. Хоть он и понимал, что больше ему не стоит этого делать.

– Кто бы мог подумать, что такая очаровательная и юная девушка – вдова, – задумчиво проговорил он и привлёк внимание Азима. – Кто бы мог подумать, что под маской жизнерадостности скрывается неутомимое горе?

– Что с ней случилось? – негромко спросил Азим.

– Она вышла замуж в восемнадцать лет, – начал Комил. – Отец выдал её за двоюродного племянника. Они любили друг друга... очень сильно, – в этих словах Комила звучала толика ревности. – Чуть более двух лет назад, врождённый порок отнял у неё мужа. Эта была неизлечимая болезнь, которая иссушила и убила Мехровара. Теперь, в двадцать три года Махина вынуждена скрывать свою чёрную боль под радужной улыбкой и прислуживать в чайхане апи-Дилрабо.

– Как долго ты с ней знаком?

– Не больше года, – взглянув на небо, ответил Комил. – Однажды в чайхане мы с ней разговорились до поздней ночи. Я узнал о её трагедии и... утешил её. Эта была незабываемая ночь, – покачав головой, прошептал Комил. – Она нежна... Горяча! В ней было столько страсти, но некому её выразить.

Эта была незабываемая ночь, – повторил он, вспоминая, как он держал Махину за руку прошлой ночью и хотел крепко прижать к себе и сказать «*прости*». Это было невозможно из-за присутствия её отца. Он всё объяснил им и всё же извинился за то, что не сможет сдержать своё слово. Теперь ему предстоит забыть её. – В мою прошлую поездку в Мирас, я обещал жениться на ней, – признался он, глядя Азиму в глаза. – Но, когда рассказал о своём обещании отцу, он строго запретил мне это. Мать тоже не поддержала меня, с досадой добавил Комил. – С тех пор я не видел Махину. Она подумала, что я её обманул, и злилась. Как же было сложно смотреть на её слезы, когда я рассказал ей и её отцу о запрете взять в жены вдову, – он снова покачал головой, до сих пор недовольный решением своего отца. – Мои родители тут же нашли мне невесту. Они хотят, чтобы я навестил дядю своей матери в Мирасе и присмотреться к его дочери. На ней они хотят меня женить, – Комил сокрушённо опустил взгляд.

– Мне очень жаль, – негромко проговорил Азим, не уточнив кого, что озадачило и даже слегка возмутило Комила. Жаль его или Махину? Или её покойного мужа? – Сдается мне, у вас с ней была не одна незабываемая ночь, – предположил Азим и Комил, забыв о том, что ему было нужно уточнение, посмотрел на своего спутника. Он задумчиво улыбнулся, а в глазах отразилось сожаление, что этого больше никогда не повторится.

Солнце всё ближе тянулось к зениту, окрашивая небо

под собой в зелено-голубой. Как было обещано, день стал нестерпимо жарким, словно нынче был не конец, а самый разгар лета. Комил снял с себя тонкий халат и использовал тюбетейку в качестве веера. Он уже мечтал о воде, напрочь забыв о Махине. Азим же обмотал вокруг головы белый короткий платок, чтобы не получить тепловой удар от солнца.

Дорога постепенно и незначительно шла в гору, а равнина медленно переходила в холмистую местность. Травы снижались, редели и местами теряли зелёный окрас. Издалека доносились неразборчивые звуки. Чем дальше шли кони, тем больше наездники могли отличать звуки. Это было блеяние овец, доносившееся от куда-то слева за ребристым холмом, и мычание коров справа из лощины поодаль. На склоне плоского холма, под деревом сидели два пастуха. Одному было пятнадцать лет, второму тринадцать. Завидев путников в стагах от себя, братья пастухи встали и помахали им с широкими улыбками. Путники помахали им в ответ и поехали своей дорогой, а братья снова сели и продолжили играть в кости.

К Азиму с Комилом подбежала большая чёрная, пятнистая собака и начала лаять и вилять хвостом. Справа от них из лощины позади залаяла другая собака, чей громовой лай свидетельствовал о том, что она довольно крупнее этой чёрной псины. Старший из братьев-пастухов громко свистнул и обе собаки замолчали, а чёрный пёс побежал к ним. Азим снова посмотрел на них, вспомнил о других братьях и задал-

ся вопросом:

– Почему нельзя говорить о братьях апи-Дилрабо в её чайхане?

– Они все мертвы, – мрачно и отрешённо ответил Комил. Азим замер на вдохе, поражённый ответом. Как такое возможно? Неужели...

– Зелёная хворь? – предположил Азим.

– Н-нет, – покачав головой, протянул Комил. – Это случилось намного раньше. Никто толком и не знает, что именно с ними случилось, но их нет. Все склоняются к одному... – Комил внезапно замолчал, будто и это было под запретом.

Ну уж нет, давай, говори, подумал Азим, в этих краях никто их не услышит и не станет порицать.

– К чему? – требовательно спросил он.

Комил задумчиво посмотрел на Азима. Поняв, что на этот раз ему не увильнуть от ответа, начал рассказывать.

– Много лет назад главой села Олудорон был человек по имени Акрам. Однако большинством дел заведовала его жена – Ситора. Они очень хотели завести дочь, но каждый раз Всевышний даровал им сыновей. Первого сына Ситора родила в восемнадцать лет. Появление на свет второго сына заняло не дольше года. Они подождали три года в надежде, что у них появится дочь, но и третьим оказался мальчик. Акрам был трудолюбив и много работал. Ситора тоже была усердной. Она воспитывала своих сыновей и одновременно решала вопросы селян... и рожала ещё сыновей. Последнего, че-

тырнадцатого, она принесла на свет в сорок три года. После чего она и Акрам оставили все надежды иметь дочь. Трое старших сыновей уехали в Мирас. Зная о горечи несбывшейся мечты родителей, они обещали, что, когда женятся, их жёны будут им дочерьми. Но Акрам и Ситора хотели с пелёнок воспитать родную дочь. К шестидесяти годам Ситоры Всевышний всё же смилостивился над ними и подарил им дочь. Их радость не знала границ. Новость о рождении долгожданной дочери притягивало родственников и гостей в дом главы села даже из Арружа. Они решили назвать девочку Дилрабо – притягивающей сердца. Однажды, когда девочке было три года, умер её дядя – брат Акрама. Всей семьёй они поехали в Арруж. Пожалев своих родителей, которым было уже под семьдесят, братья оставили их на третий день после приезда и вернулись в Олудорон вместе с единственной сестрой. Акрам и Ситора погостили у племянника некоторое время и тоже вернулись в своё село. Однако их путь занял дольше чем обычно. Все списывали это на возраст, но вскоре заметили, что Акрам и Ситора изменились. Они стали подозрительными, пугливыми, отдалёнными; перестали общаться с людьми и очень часто бубнили какую-то странную песню. В их лицах была пустота, а в глазах порой замечали страх. Как бы братья ни старались, они не смогли помочь своим родителям. Даже на Дилрабо они перестали обращать внимание. В последние три года они говорили о необходимости помочь кому-то... Незадолго до семилетия Дилрабо Акрам и Ситора вышли из

дому и больше не вернулись. Братья долго искали их, но всё было тщетно, пока им не сообщили, что их родителей видели на окраинах Арружа. Они держали путь на северо-запад... в сторону пустыни. Братья сразу поняли, что дэв пустыни Эрг одурманил рассудок их родителей и начали корить себя за то, что оставили тогда их одних и беззащитных в Арруже. Все вместе они захотели отправиться в пустыню за возмездием. Они решили, что вместе смогут одолеть дэва и вернуть родителей, но здравый смысл подсказывал, что пока они доберутся до Эрга, их родителей уже не станет; и потом, кто будет присматривать за Дилрабо? Поэтому поводу меж братьями затянулся долгий спор. Младший брат, который и сам мог годиться отцом Дилрабо, предложил решение. Каждый из них посадил по одной хурме на том самом холме. Пока деревья были низкими и тонкими, спор было нельзя разрешить. Братья посадили огромный фруктовый сад вокруг холма и, пока деревья росли, они готовились к мести. Годы шли, и братьев мучила совесть. Они хотели поскорее отомстить дэву и решили больше не ждать. Каждый вырезал своё имя на посаженной им хурме и попросили сестру выбрать самую красивую резьбу. Девочка росла красивой, хоть и упитанной, и умной. Она догадалась в чём подвох и объявила все имена прекрасными. Дилрабо не хотела, чтобы её братья уходили на гиблое дело и попросила их всех остаться. Снедаемые местью, братья не послушали сестру. Они заявили, что не боятся дэва и покончат с ним... Уж долго он остаётся беззнака-

занным. Невзирая на уговоры сестры и пренебрегая «*странным законом*», братья снарядились и выступили в поход... С тех пор апи-Дилрабо их не видела. Никто не видел. Братья пропали, и никто не стал выяснять причин. Все знали и боялись ответа; боялись навлечь на себя беду. Об осиротевшей и одинокой девочке заботились всем селом, а на её восемнадцатые именины помогли её возвести чайхану на том самом месте, где осталось хоть какое-то упоминание о её братьях. Повзрослев, Дилрабо начала чувствовать сильную обиду на своих братьев, несмотря на то, что очень любила их. Она горевала и злилась на них за то, что не послушались. Потому апи-Дилрабо запретила вспоминать их в своей чайхане и не жалуется тех, кто говорит о её братьях.

– Очень жаль. Она многое пережила... Мне стоит извиниться перед ней на обратном пути, – сказал Азим, задумавшись об участии братьев.

– Прошу, в следующий раз просто держи язык за зубами в её чайхане, – пресёк Комил.

Неугомонные кони неоднократно просились вскачь, и упрямые наездники пару раз пустили их галопом. Скоротав таким образом время, они за три часа до заката подъехали к порогу Мираса. Как и Ангуран, да и остальные города Ахоруна, вокруг Мираса тоже не было стен. В отличие от столицы, в этом торговом городе дома не стояли в непосредственной близости друг от друга. Каждый дом был окружён своим садом – либо фруктовым, либо цветочным; бывали и

смешанные сады. Не все дома были обставлены стенами, а те, что были, стеной им служили живые, цветущие изгороди. В основном глинобитные и каменные дома своим строением мало отличались друг от друга: длинные и одноэтажные с комнатами в ряд с открытыми или закрытыми верандами. Некоторые были «Г» образные, другие «П» образными с плоскими крышами или низкими парапетами. У одних домов были ромбовидные, у других высокие арочные окна. Стены некоторых домов побелены известью или облицованы камнем и глиной. У стен единичных домов рос цветущий плющ или другие вьющиеся растения. На некоторых домах Азим заметил изображения деревьев, птиц или животных, собранных каменной мозаикой. Среди всех этих одноэтажных домов были и роскошные здания с куполами, покрытыми разнообразной мозаикой и большими балконами.

Мирас был окутан сетью узких арыков, выложенных из мелких камней. По ним текла чистая родниковая вода. У источников были устроены неглубокие квадратные бассейны, из которых люди брали воду. Арыки пролегали вдоль одного из каменных краёв-бордюров этих самих бассейнов. По цвету камней ориентировались местные жители и те, кто хорошо знал город. Комил был одним из них. Он следовал вдоль арыка, в котором через каждые двадцать газов три светло-сиреневых камня были выложены в виде треугольника. Вдоль арыков росли высокие многолетние лиственные деревья, и несколько хвойных.

Молодые путники въехали в город с северо-запада и, проехав мимо городской конюшни, двинулись на юг под старыми дубами. Миновав две большие площади, на которых был базар – один был продуктовым рынком, на втором продавали скотину и птиц.

На улицах было малоллюдно. Утомительная жара согнала всех по домам, либо в другие укрытия, где они совершали свои дела. На широких аллеях Азим и Комил спасались от палящих лучей солнца под сенью ясени. На конце этой аллеи Азим остановил своего арендованного коня и посмотрел на юго-восток. Его внимание привлекла крепость в две трети фарсанга от них. Эта была крепость мэрессы, как объяснил Комил. Она стояла на невысоком холме и по своему строению напоминала трёхуровневую пирамиду с высокими зубчатыми парапетами на каждом уровне. Широкие террасы были оформлены под сады с перголами. На первом и втором уровнях в каменных горшках росли низкие фруктовые деревья. Средний уровень изобиловал цветами. На пике этой крепости сверкал пятнадцатигранный позолоченный купол.

– На каждой грани мозаикой из драгоценных камней выложены имена всех когда-либо правящих в Мирасе женщин мэров, – объяснил Комил. – А на макушке этого купола – имя самого Асада, но лично, я этого не видел, – шутливо усомнился он и повернул коня налево.

Двери этой крепости в два раза ниже проёма и на них вырезаны стихи Асада, посвященные Шабнам. Окна на пер-

вом уровне арочные и высокие, на втором – ромбовидные, а на третьем – пятиугольные. В самом куполе между гранями есть небольшие вентиляционные отверстия. Издали Азим не мог разглядеть всю красоту крепости, но уже был впечатлён описанием Комила. Отсюда же крепость казалась ему серо-зелёным камнем со сверкающим верхом.

В ста пятидесяти газах от углов крепости, на склонах холма возвышались круглые сторожевые башни. Правда, их высота составляла лишь половину стен крепости, не считая её купола. Их стены, как и стены крепости, были украшены мозаикой природного мотива.

Ниже, на протяжённых пологих склонах холма расположились дома высокопоставленных лиц или богачей Мираса.

Комил позвал Азима, и они свернули на дорогу, слегка заросшую низкой травой. Слева была густая живая изгородь, справа были сады с беседками. На конце дороги, в одной трети мила, стояла белая стена с деревянными воротами посередине. Правая створка ворот была открыта внутрь. Юноши оставили лошадей, привязав их у ворот, и вошли во двор.

– Это дом мастера нишаллопаза, аки Карима, – сказал Комил. – Там они готовят само нишалло, – он указал налево. – Но почему-то здесь никого нет, – озадачился он.

Азим тоже заметил, что во дворе никого нет, и взволновался. Он обвёл большой двор взглядом и увидел кряжистый тутовник в двадцати газах от ворот справа. Ствол был толстым и низким. Большие блестящие листья отбрасывали гу-

стую тень. Однако Азим был поражён другим тутовником в пятидесяти газах слева от них. Его чуть косою ствол был намного шире и по обхвату и высоте уступал, разве что Дереву Сохиба. Часть огромной кроны выступала за стену. Под тенью другой части кроны расположилась гостиная с открытой верандой.

– Может, нужно позвать? Карим-ака или кого ты ещё тут знаешь по имени? – спросил Азим, глазами измеряя расстояние от правой поперечной стены до левой.

Не меньше трёхсот газов, а от ворот до той стороны и того больше, приблизительно заключил он, пока Комил звал Карима, кого-то по имени Ромил и Хиромон.

В семидесяти газах наискось справа от ворот из дома с круглыми стенами показался старик. Он откликнулся на зов и пошёл к юношам навстречу, тяжело опираясь об извилистую клюку.

– Салом, аки-Карим, – из-за уважения к возрасту Комил низко склонил голову перед согбенным стариком в чёрном стёганом тонком халате с синими, серыми и зелёными полосками не толще его дряхлого мизинца. Края его халата были обшиты зелёным кантом, а на голове была чёрная тубетейка с узором тёмно-красного тута.

– Аллайкум салом, – ответил Карим старческим голосом, приподняв глаза и оглядев юношей. В его запавших зелёных глазах отражался незаданный вопрос.

Под халатом у старика была красная шёлковая рубашка

с зелёной растительной вышивкой у ворота; такой же алый платок с вышивкой был у него на поясе.

– Меня зовут Комил ибн Восил. Вы меня не помните? Я приезжал к вам три месяца назад, – уточнил он.

– Да, да, – припомнил Карим и перевёл взгляд на спутника Комила.

– Моего товарища зовут Азим ибн Аъзам, – представил Комила. – Мы пожаловали к вам с поручением его светлости, султана, – сообщил он.

– Да, я знаю, – подумав, хрипло проговорил Карим и посмотрел мимо Комила на пустые помещения кухни с десятками больших казанов. – Вечером вернутся мои дети и внуки. Они будут уставшими, но я попрошу их приготовить пару казанов для вас после ифтара. Загляните утром, – старик повернулся и хотел было уйти, но Азим остановил его в негодовании.

– Боюсь, нам этого не хватит. Султан велел нам заказать сто казанов с абрикосовым нишалло. Всё должно быть готово и доставлено в Ангуран к празднику, – с требовательной нотой добавил он.

Комил огрел Азима негодующим взглядом и подошёл к старику.

– Карим-ака вы меня не узнали? – спросил он ещё раз у старика.

Карим резко, для своего возраста, обернулся и скосил взгляд на обоих парней. Его строгое лицо, исполосованное

глубокими морщинами, выражало недоверие. Старик смерил взглядом Азима и снова посмотрел на Комила.

– Это ведь ты заказывал двадцать казанов в прошлый раз, – вспомнил он наконец.

– Да! – с облегчением улыбнулся Комил. – В тот раз я заказывал нишалло с дыней, а в этот раз султан просит нишалло со всеми сортами абрикоса.

– Вы принесли плату? – подумав, спросил старик и снова направился в дом, из которого вышел.

– Да, – ответил Комил.

– Хм... хорошо. Идёмте, обсудим дела внутри, – пригласил старик.

– Тут никого кроме вас нет? – Комил хотел узнать, нет ли в доме его дочерей и невесток, которые также помогают готовить нишалло. – Я надеялся самому увидеть, как готовится самый вкусный и востребованный нишалло во всём Ахоруне, – в его голосе звучала лесть.

Мастер нишаллопаз вытер босые ноги о коврик на двухступенчатом крыльце и недоверчиво посмотрел на Комила.

– Даже сам султан предпочитает ваше нишалло другим, – заявил Комил. – Чем же ваше нишалло так...

– Хотел узнать тайну приготовления моего нишалло? – старик неожиданно ткнул пальцем в бок Комила, не дав ему закончить вопрос.

Колкая щекотка пробежала по боку Комила, и в ехидной ухмылке он отошел в сторону.

– Мне нравится разгадывать загадки и тайны, – сказал он в оправдание.

– Мне восемьдесят восемь лет и рецепт нишалло я знал не всю свою небезгорестную жизнь, – сказал старик, входя в дом. – Мой отец, упокой его душу Всевышний, поведал мне фамильную тайну нишалло моему старшему брату около тридцати лет назад. А я...

Согбенный старик понурился ещё ниже от навалившейся ниоткуда печали и отвернулся от молодых ребят. Азим успел заметить, как по его щеке потекла слеза.

– ...Пятнадцать лет назад брат рассказал мне семейный рецепт, да бы не унести его поневоле в могилу... Его жизнь забрала Зелёная хворь, – с горьким комом в горле проговорил старик и пошёл в сторону коридора.

Комил переглянулся с Азимом, пожал плечами и поспешил за ковыляющим стариком.

– Мне жаль вашего брата, – соболезнавал Комил. Посмотрев на Азима, он кивнул, чтобы тот не отставал. – В учебных домах Ангурана я прочёл несколько книг и очень старых рукописей о нишалло, но ни в одном из них не было сказано почему его готовят только во время рузы, – недоумевал Комил. – Вот я и подумал, может вы раскроете мне эту тайну? – он склонился и с любопытством посмотрел на старика.

– Хочешь знать правду? – Карим вытер слезу и посмотрел на юношу – тот покивал. – Незнание истины не даёт тебе по ночам покоя? – в вопросе старика прозвучала толика

насмешки, намекающая на молодость и нетерпеливость Комила. – Рановато тебе ещё задаваться вопросами об истине вещей, окружающих нас, – сказал старик и, посмотрев вперед, пошёл дальше.

Азим молча следовал за ними, отставая на десять шагов. Он слушал внимательно и ему самому стало любопытно почему это «варенье» готовят только в рузу. Юноша удивлялся самому себе – почему он раньше об этом не спрашивал ни у кого?

– Люди строят библиотеки, учебные дома и другие подобные заведения, – тем временем говорил Карим с нотой осуждения в старческом голосе. – Читают книги, изучают рукописи, хотят получить знания. Но, чем больше они их получают, тем больше у них появляются вопросы... Разве не спокойнее спать, когда тебя не гложут вопросы? – старик стих и после короткой паузы, посмотрев на Комила, спросил, – В чем же истина?

Комил в неведении покачал головой и взглядом обратился к Азиму за ответом, но и тот пожал плечами.

– Знаете ли вы, что означает «Нишалло»? – спросил тогда старик.

Юноши снова переглянулись и отрицательно покачали головами. Карим повёл бровями вверх – он и не сомневался, что они не знают ответа.

– Нишалло! – громко произнёс Карим. – «Нуши Аллох» – означает напиток бога с языка Далёких предков, на котором

они говорили в Эпоху Мастеров, – объяснил Карим. – За тысячи лет структура языка изменилась до неузнаваемости. Теперь мы пишем и произносим все слова иначе и короче. Некоторые слова и звуки мы и вовсе перестали употреблять в нашей речи. Вы знали об этом? – с сомнением спросил он.

По выражению лица Азима и глухим стенам было ясно, что нет. Азим был далёк от этой темы, а вот Комил – другое дело. Не без бахвальства в своем голосе он сказал:

– Да-да! Я знаю! Мой отец с трёх лет учил меня древней письменности и настаивал, чтобы я выучил все особенности различия древнего и современного языка в медресе Мира-са. Он хотел, чтобы я в дальнейшем стал там учителем, но я отказался. Мне это показалось скучным, – признался он. – Однако я изучил многое о древней письменности в Ангуране, – сказал он так, словно сделал нечто достойное и ожидал похвалы.

– Разница в том, что язык Далёких предков мёртв, – вставил старик с укором в голосе – старик не одобрял умничанье.

Босой ногой он ступил на вымощенную дорожку в саду с низкой живою изгородью и по горячим каменным плиткам пошёл в сторону другого дома.

– Ты прочел хоть одну книгу на этом мёртвом языке? – это было не только вопросом, но и призывом, так как его гости почему-то замерли на месте.

– Ни одного, – словно придя в себя, ответил Комил и снова поспешил за стариком.

Азим же не стал торопиться. Он смотрел в спину Коми-ла и гадал, когда же он перейдёт к делу. Видимо не скоро, заключил Азим и начал осматривать внутренний двор. За левой изгородью возвышались пышные кроны тутовника. Справа, за домом, росли яблони и абрикосы. Они вышли в сад из круглого дома и направились к другому, у которого также было два боковых крыла с открытой верандой. На северной стороне двора, за садом, были ещё два длинных строения с пятью и шестью комнатами в ряд, соответственно. Перед ними был огород, а за ними росли сливы с зелёными и пурпурными листьями.

– Книги на исходном языке Далёких предков либо утрачены, либо увезены Хранителями знаний, – сказал Карим.

Ну вот, ещё одна загадка, правда для Азима – кто такие эти «Хранители знаний»?

Может, подойти и спросить?

Нет, Азим всё больше склонялся к тому, чтобы вмешаться в разговор и направить его в нужное русло.

– В этих книгах ты мог бы найти ответы на многие интересные тебя вопросы, Комил, но ни одна книга не приведёт тебя к истине, – многозначительно заявил Карим.

Пока Азим стоял и негодовал, эти двое почти дошли до дома с небольшими окнами. Азим остановился, когда расстояние между ним и философом с его любознательным учеником выросло до тридцати шагов. К чему все эти разговоры об истине и древнем языке? Разве так трудно прямо от-

ветить на вопрос Комила, недоумевал он. Комил тоже хорош – вместо того чтобы обсудить заказ, завёл разговор куда-то в сторону. Азиму казалось, что они завели этот разговор ещё с прошлого визита Комила, но не закончили его.

Азим вздохнул и посмотрел на стены дома, к которому они шли. Стены были белыми, как и остальные. Даже стволы деревьев были побелены до высоты полтора газа.

– ...И что, даже вы не поведаете мне почему нишалло готовят только в рузу? – Комил по-прежнему был озадачен, когда Азим догнал их. Комил разводил руками, а старик невозмутимо входил в дом, поднявшись по двум ступеням. – Эй, Азим! – с криком обернулся Комил, думая, что тот всё еще считает листья в саду. Однако Азим был в нескольких шагах от него. – Идём, – сказал Комил и вошёл внутрь.

Азим неспешно пошёл за ними. Войдя внутрь, он оказался в таком же круглом и просторном помещении, как и в первом доме. Однако здесь справа и слева у стен вплотную стояли приспособленные топчаны с тёмно-фиолетовыми курпачами и подушками. Внутри было прохладно и сладко пахло. В пяти газах от топчанов были проёмы в левое и правое крыло. Напротив входа был ещё один проём в коридор, в конце которого был выход на восточную часть двора, где также росли яблони. Комил и Карим сели на топчан слева. Старик облокотился о круглую тубчатую подушку и позвал кого-то по имени Хиромон. Азим сел напротив Комила и как все скрестил ноги под собой.

– Скажи матери, что у нас гости. Пусть готовят по больше, – велел Карим правнучке, появившейся из левого крыла.

Девочка с коротким платком на голове и в светло-оранжевом длинном платье с тонким растительным узором стояла в углу проёма. Её чёрные глаза смотрели в пол, а уши внимательно слушали. Хиромон кивнула, и снова исчезла.

– Сто казанов говорите? – спросил Карим своих гостей, почесав свой подбородок.

Забывчивость старика была знакома Комилу, а вот Азим с недоумением посмотрел на своего спутника. Тот взглядом дал ему знак не обращать внимания.

– Да, Карим-ака. Сто казанов нишалло для султана, – напомнил Комил.

– А-а-а! – протянул старик, вспоминая. – Мои рабочие уже приготовили девяносто, а сыновья поехали к Дилрабо за красным абрикосом.

– Оно самое важное, – с улыбкой подчеркнул Комил.

– Дилрабо – хорошая девочка, – не услышав Комила, продолжал старик, словно разговаривая с самим собой. – Её отец тоже был хорошим человеком...

– Вы знали Акрама? – удивился Комил.

Азиму тоже захотелось узнать побольше – вдруг Карим расскажет что-то новое.

– Мы с ним были лучшими друзьями...

– Вы знаете, что с ними случилось? – спросил Азим одновременно с ответом старика.

Карим, не договорив, поднял тяжёлый взгляд на Азима. Комил тоже огрел его взглядом. Задумавшись, старик глубоко вздохнул и снова посмотрел на Азима – теперь уже снисходительнее. Старик рассказал об их дружбе с Акрамом, но, по сути, не поведал ничего нового о том, что с Акрамом и его женой случилось. О братьях он тоже знал не больше, чем Комил, хотя у Азима всё больше складывалось впечатление, что старик тоже не договаривает. Азим хотел уточнить некоторые вещи, но Комил и даже Карим уходили от ответа, переводя разговор на другую тему или к делу. Азим не стал больше спрашивать и внимательно слушал, изредка вступая в разговор.

Они проговорили о многом до наступления ифтара. Как оказалось, Кариму был очень нужен собеседник; тот, кому он бы смог высказаться. Выражение лица старика менялось, как солнце в пасмурный день – то сияло от радости, то скрывалось за грустными облаками. Он с гордостью говорил о том, что не все мастера во всём Ахоруне могут добавлять в своё нишалло начинку. Он также поведал о том, что в Аброре есть мастер, который добавляет в нишалло какао. Такое нишалло настолько дорогое, что не все могут его позволить себе. Старик с грустью вспоминал свою семью и предков. Он рассказал юношам, что тот толстенный тут посадил ещё прадед его прадеда. Его род на протяжении четырёх веков варит нишалло в этом самом дворе, но его некогда многочисленная семья сильно поредела из-за Зелёной хвори. Эта треклятая

болезнь забрала его брата, всех сыновей его брата, как и двух его старших сыновей. Она не пощадила даже женщин и детей, со слезами вспоминал старик. Остались он, два его сына, одна невестка брата и одна его невестка, восемь внуков, три из которых девочки. Единственное, что радовало старика – его семья снова начала пополняться, благодаря правнукам и правнучкам. Хотя и здесь была своя отрицательная сторона. Когда дело касается нишалло, все беспрекословно слушаются старика, а так в семье не горят желанием проводить с ним время. Карим пожаловался юношам, что его внуки и правнуки не особо с ним общаются, а ведь он может многому научить их. Видимо, нынешнее поколение не хочет учиться, заключил старик. Даже его невестки иногда спорят, чья очередь ухаживать за ним. Это злило старика, но он держал злость в себе и винил во всём Зелёную хворь, которая отдалили его близких и родных.

– Откуда взялась эта хворь? – спросил Азим.

– Не знаю, – вздохнул Карим. – Султан обвинял ведьм. Они же не признавались... Однако я близок к разгадке, – неожиданно заявил он.

– В каком смысле? – удивился Комил. – Вы тоже изучали эту болезнь?

– Нет, – отрывисто протянув, улыбнулся старик. – Я близок к истине, – сказал он, озадачив юношей.

– К истине? – с интересом переспросил Комил.

– Есть только одна истина – Аль-Бузург, – поучительно

ответил Карим. – Как только я отойду в мир иной, мне будут раскрыты все тайны мироздания... Я узнаю истину, – добавил он, задумчиво посмотрев в окно...

* * *

«Запрещён и грешен брачный союз с родным или двоюродным родственником. Тем не менее союз с двоюродным родственником допустим лишь по материнской линии. А вот союз с дальним, в особенности с бедным родственником равняется благому делу».

Хранители знаний: «Мемуары султана Зухура»

– **Вы** говорили о многом, рассуждали о правде и истине, но ты так и не узнал, почему нишалло готовят только в рузу? – упрекнул Азим Комила, намекая на его излишнюю болтовню со стариком.

Они покинули двор нишаллопаза после ифтара и держали путь к дому родственника Комила. Перед этим домой вернулись внуки Карима. В двоих из них юноши узнали гостей Дилрабо, которые играли в нарды на топчане. Они-то и сообщили, что приготовили пятьдесят казанов нишалло, которые предназначались для местных рынков. После получения письма с заказом султана они перенесли казаны в амбар с яхчалами. Ещё сорок казанов с нишалло с начинками приготовили их дети за время отъезда старших. Для оставшихся десяти казанов они принесли красный абрикос из сада Ди-

лабо. Старший внук отвёл Карима в его комнату, так как старика клонило в сон. Другие обещали Азиму и Комилу, что завтра всё будет готово, и на следующий день они сами смогут сопроводить казаны до порта в Зарафшане. Юноши согласились с этим, Комил расплатился с ними, и они ушли.

Удостоверившись, что заказ будет готов и даже доставлен раньше срока, Азиму стало легче. Однако он был озадачен другим. По дороге домой к двоюродному дяде Комила Азим всё недоумевал, почему эти два философа, не приходя к заключению одной темы, переходили на другую. На многие вопросы Карим отвечал загадками, либо уходил в раздумье, после чего спонтанно переводил разговор. По намёкам Комила Азим понял, что на старика повлиял возраст. А что же сам Комил, который ведёт себя почти так же, как Карим?

Они шли по травянистой тропе, взяв лошадей под узды. Ожидая ответа, Азим смотрел на своего спутника, думая, может и он тронулся умом?

– Думаю, я и так знаю ответ, – надменно ответил Комил.

– Ну и? – потребовал Азим.

– Тайны должны оставаться тайнами. Тебе ещё рано о них знать, – отрешённо проговорил Комил.

Азим, закатив глаза, покачал головой и отвернулся. Согласившись со своим мнением, он больше не задавал *глупых* вопросов своему спутнику.

Ночью вдоль улицы горели съёмные масляные лампы. Их мягкого жёлтого света было достаточно, чтобы видеть дорогу

и разглядеть изгороди близлежащих дворов и садов. Справа одна из таких цветущих изгородей сменилась стеной из высокого коричневого плетня. Они прошли полтора миля по улицам, ведущим на восток, и наконец пришли в нужное им место.

Двор двоюродного дяди Комила был тоже окружён плетёною высотой три газа. Плетёные ворота смотрели на запад. Справа от ворот была калитка. Несмотря на позднее время она была открыта, а во дворе горели лампы – дядя знал о прибытии Комила с товарищем.

Комил встал напротив калитки, но входить во двор не спешил. Он заметил, что под плетёным навесом в нескольких газах справа за большой кадкой стояла девушка и усердно сбивала дугоб (айран).

– *«И это на ней отец собирается женить меня?»* – вознегодовал про себя, при виде крепкого телосложения девушки. – Вот это девушка-а, – с кривым выражением лица подумал Комил, но оказалось в слух. Благо, его услышал только Азим.

– Ты, что, ни разу её не видел? – спросил Азим.

– В последний раз я её видел, когда мне было тринадцать или четырнадцать, – тихо пробубнил Комил.

– Ну... Проходи, жених, – Азим кивнул в сторону двора, едва сдерживая язвительную ухмылку.

Азим понял, что Комил разочарован увиденным. Это не то, что он ожидал. Там, во дворе, была не красавица, по ко-

торой парни сходили бы с ума, и дрались бы. Нет... Это была девушка, которая и сама может навалить, да так, что мало не покажется. Комилу такие девушки определённно не по вкусу. Ему больше нравятся хрупкие девушки с тонкой талией и нежными ручками, за которыми приятно ухаживать и посвящать песни. Эта же при одном неправильно сказанном слове может и челюсть подправить...

– Ты только посмотри на её руки, – тихо проговорил Комил, входя через калитку.

На девушке было белое платье (длиной ниже колен) с короткими рукавами и широким синим растительным узором. Из-под платья были видны такие же штаны, заправленные в высокие тонкие тканевые галоши. На голове был туго повязанный голубой платок с узлом на затылке. Цветки синих оттенков теснились на узоре платка. Заметив гостей, девушка отошла от кадки назад. На её прямоугольном лице растянулась милая робкая улыбка.

– Добро пожаловать, – поприветствовала она гостей, опустив глаза и подняв руку к сердцу.

У неё был сильный, властный голос, что не только удивило, но и слегка напугало Комила. Вместо того чтобы ответить, у него пропал дар речи.

Уж лучше это, чем кривая челюсть.

– Добрый вечер, – с ответной широкой улыбкой сказал Азим, также приложив руку к сердцу. – Простите за поздний визит, но мы к его дяде, – он указал на оторопевшего Коми-

ла.

Девушка кивнула и посмотрела направо.

– Отец! – позвала она, выйдя из-под навеса. – Гости пришли!

И в правду властный голос, подтвердил про себя Комил, украдкой глядя на неё. В это время невидимая холодная рука схватила его за спину. Что это? Страх? Паника? Ведь это обычная девушка. Почему у него дрожат ноги ниже колен, когда она говорит?

– *«Нет, не обычная»*, – думал Комил.

Девушка сделала пару шагов направо и указала в сторону дома, до которого оставалось ещё двадцать шагов.

– Прошу, проходите, – сказала она и снова опустила взгляд.

– Спасибо, – Азим с улыбкой прошёл вперёд.

Комил же замер на месте. Он глядел Азиму в спину и глазами умолял не оставлять его одного с ней. Он не понимал, откуда взялся этот страх перед этой девушкой и удивлялся самому себе.

Комил смерил её взглядом и быстро отвёл взгляд в сторону, когда она робко взглянула на него. Он со стыдом сравнивал свою удобу с её телосложением. На широких круглых руках прорезались черты мышц, словно она занималась подъёмом тяжестей. У неё была сердцевидная шея, округлый подбородок, длинные угловатые губы. Ровный нос с небольшими крыльями. Большие карие глаза с опущенными внут-

ренными уголками под дугой длинных густых бровей. Часть лба скрыта под платком, как и волосы. Из-за чего было неясно какого они цвета.

Наверно, такие же грубые и толстые, как её пальцы, подумал Комил. Под светом лампы, у которой она стояла, Комил заметил, что её кожа загорелая там, где её не скрывала одежда, и белая под самой одеждой. Хотя, последнее Комил не заметил.

– *«Надеюсь, под одеждой она не такая грубая»*, – подумал он, отталкивая навязчивое отвращение.

Он считал, что в девушке широкими должны быть только бёдра, а не руки, плечи и шея. Его привлекают утончённые фигуры с изгибами, а не гора мышц в женском обликии.

«Ах, отец», проговорив про себя, Комил опустил голову и неохотно пошёл в сторону дома с открытой верандой посередине.

– Прощу. Добро пожаловать, – мягко произнесла девушка и снова подвела руку к сердцу.

При этом Комил сразу же оцепенел на месте. Он чуть было не пригнулся от страха, что эта рука сейчас вlepит ему оплеуху за такие дурные мысли.

Постаравшись не выдать себя, он облегченно вздохнул и обнаружил себя всего в махе руки от неё. Это ноги сами привели его к ней. Он был близок. Да... Если бы она могла уметь читать мысли, он лежал бы сейчас плашмя на земле.

Комил был почти на голову выше своей кузины, но в этот

самый момент чувствовал себя перед ней на две головы ниже. Он чувствовал себя каким-то скованным и никчёмным, а холодная рука не сходила с его спины.

– Прошу, проходите, – в застенчивой улыбке повторила девушка, в этот раз указав на дом левой рукой, не опуская правую от сердца.

Но этот её голос... Несмотря на мягкость тона, что-то кольнуло в бок Комилу. Чуть скорчившись, он шагнул в сторону и пошёл к дому, словно повиновался.

– *«Что это на тебя нашло?»* – недовольно сетовал он сам на себя. – *«В конце концов можно просто отказаться»*, – безнадёжно уверял он себя.

Отец девушки вышел на веранду и первым встретил Азима. Юноша гадал, что же хранится в больших пузатых глиняных кувшинах под верандой.

– Салом! Добро пожаловать. Прошу, проходите в дом, – пригласил дядя Комила.

Он не узнал Азима, это было видно по выражению его лица. Тем не менее он встречал гостя с улыбкой. Гость есть гость.

– Добрый вечер, – Азим посмотрел на дядю Комила и приставил руку к сердцу.

Азим шагнул в сторону, чтобы Комил прошёл в дом первым, ведь это его родственник. Тот словно прятался за его спиной. Дядя увидел Комила и его выражение сменилось.

– Племянник! – широко улыбнулся он. – Добро пожало-

вать! Идём, заходите.

Отец девушки широко распростер руки, чтобы обнять Комила, когда тот наконец поднимется на веранду. Он продолжал улыбаться, понимая причину растерянности племянника.

– Рад тебя видеть, Комил.

Ждать пришлось недолго. Комил поднялся на веранду и был сразу же обнят.

– Я тоже, дядя Умед, – ответил Комил, когда дядя выпустил его из своих крепких объятий.

– Добро пожаловать, – ещё раз сказал Умед, крепко пожав руку Азиму.

Они прошли в гостиную в глубине дома. В стене напротив высоких окон был выступающий очаг. Курпачи и подушки были сложены в стопку с двух сторон очага. Обе стопки были покрыты сюзане с золотой вышивкой на алом бархатном полотне. Девушка прошла за ними и быстро сняла одну сюзане. Она постелила для гостей зелёные курпачи с голубым узором и синим кантом. Пока гости рассаживались, она вышла из гостиной и вскоре вернулась с шёлковой бежево-розовой скатертью и постелила её возле них. Она снова вышла и через некоторое время вернулась с финиками на синей глиняной тарелочке с белыми ватными узорами.

– Мунираджан, – Умед обратился к дочери, – не торопись. Ты испекла фатир? Сделай гостям курутоб и позови братьев.

– Спасибо мы сыты, – тихо проговорил Комил, боясь

оплеухи.

– Мы не откажемся от курутоба. Пока мы шли сюда, успели ещё раз проголодаться, – улыбнулся Азим. Если Комил и растерялся, он-то не забывал о вежливости в гостях.

Девушка стояла у двери. – Хорошо, – тихо ответила она отцу и, мельком взглянув на Комила, одним шагом вышла в коридор.

– Как добрались? – спросил Умед. Он посмотрел на Ази-ма, севшего напротив, и потом на Комила, севшего справа от него. Взгляд Умеда на Комила просил представить его товарища.

– Немного утомительно держать долгий путь во время рузы, – ответил Комил. В его голосе прозвучала жалоба. Посмотрев на дядю, он понял его выжидательный взгляд и представил своего спутника. – Это Азим ибн Аъзам. Без него и его вопросов мне было бы ужасно скучно в дороге, – без сарказма в его голосе не обошлось.

– *«Хоть бы ответил на один из них»*, – пробубнил про себя Азим.

– Добро пожаловать, Азим, – кивнул Умед.

– Спасибо, – сказал Азим, приставив руку к сердцу.

– Впервые в Мирасе?

– Бале, – подтвердил Азим.

– Тебе здесь понравиться, – заверил Умед и посмотрел на Комила. – Твой отец в письме писал, что вы приедете в город с поручением султана. Можно узнать каким?

– Да. Как и в прошлый раз, мы заказали нишалло для его приёма в честь праздника, – пояснил Комил.

– Вы его выполнили или ещё нет?

– Мы как раз идём со двора Карим-аки. Его внуки обещали, что завтра всё будет готово, – рассказал Комил.

– Великолепно! – похвалил Умед и задумался. – М-м-м... Раньше султан Бузург не устраивал большие приёмы. Мне всегда казалось, что он был каким-то нелюдимым. Что это на него нашло?

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Комил. – В прошлый раз он заказывал у Карим-ака двадцать казанов. В этот раз – сто.

Брови Умеда потянулись наверх от удивления.

– Что-то подсказывает мне, сто казанов будут не единственным угощением на его приёме, – предположил он. – Да-а... Даже на Навруз он ни разу не устраивал такого праздника... Впрочем, это его дела, не так ли? – он с улыбкой обратился к Азиму.

– Бале, – подумав и не найдя ответа, просто ответил юноша. Откуда же ему знать, что султан планирует у себя во дворце. – Комил задал вопрос нишаллопазу, на который тот... а... – Азим затруднялся подобрать слова. – Он ответил другими словами. М-м-м... и кажется совсем про другое...

В этот момент Комил закатил глаза. *Снова он со своими вопросами.*

–... Он, кажется, знает ответ, – продолжал Азим, глядя на

Комила, – а вот я так-и не понял...

Посмотрев тоже на Комила, Умед снова обратился к Азиму.

– Какой вопрос?

– Почему нишалло готовят и едят только во время рузы?

– На этот вопрос нет точного ответа, – улыбнувшись ответил Умед. – Наш предки передавали нам, а им их предки и так далее, что нишалло – это напиток Всевышнего. Он позволяет нам, своим созданиям, употреблять его только во время священной рузы...

– *«Мог бы и сам догадаться»*, – подумал про себя Азим.

– ...Нигде на базарах, ни в одном ларьке вы не найдете нишалло в обычные дни, – продолжал Умед.

– Действительно, – подтвердил Комил и добавил, поучительно глядя на Азима, – Все нишаллопазы отказываются брать заказы в обычные дни.

– Но почему? – не угомонился Азим.

– Таковы сложившиеся традиции, – сказал Умед, опередив Комила.

Азима не удовлетворил этот ответ. Он смотрел то на Комила, то на Умеда, чувствуя себя глупо.

– Кстати! – вдруг сказал Умед, словно вспомнив о чем-то важном. – Нужно пойти и узнать, купила ли Мунира нишалло.

Умед встал и, пообещав скоро вернуться, вышел из гостиной. На самом деле он знал, что его дочь купила всё, что бы-

ло нужно. Ему нужен было предлог, чтобы незаметно от гостей подойти к дочери и попросить её переодеться, привести себя в порядок и подготовить свои вопросы. Комил пришёл к ним на смотрины, но, когда он сведёт его со своей дочерью и оставит наедине, не только Мунира будет оцениваться, но и сам Комил.

– А Мунира вполне себе милая девушка, когда улыбается тебе, – заметил Азим в насмешливой манере Комила, хоть и был искренен.

Комил сперва не обратил на это внимание, но потом с неожиданной ревностью взглянул на Азима краем глаза. Затем он опустил глаза на скрещенные ноги и задумался. А ведь Азим прав. Пусть и не красавица, но Мунира привлекательна, если так взять. Несмотря на прямые черты лица и прямолинейную фигуру, в ней есть свой шарм. Если они, случись, поженятся, в их семье силой будет она, а он красотой. Эта мысль вызывала в нём самодовольную ухмылку и утешало самолюбие.

Умед вернулся без своей зелёной круглой тубетейки с тёмно-зелёными побегам. Он сел на курпачу и с затейливой улыбкой не отрывал пристальный взгляд от Комила, что смущало его племянника.

– Ну... тебе понравилась моя дочь?

Прямой вопрос застрял комом в горле Комила. Он растерялся ещё больше. Что же ответить? «Да» или «Нет»?

Он всё ещё смотрит?

Глаза Комила забежали в разные стороны. Комилу захотелось спрятаться в стопке позади слева.

Умед понял, что Комил смущён и затрудняется отвечать. Он стряхнул улыбку с лица и принял серьёзный вид. Выпрямившись, он откинулся на подушку за спиной.

– Комил знаком с нашими обычаями сватовства, – он обратился к Азиму. – Так как ты впервые в нашем городе, позволь мне немного рассказать тебе о них.

– Буду рад послушать, – сказал Азим.

– В Мирасе, если пришли сватать дочь, родители не решают выдать её или нет, даже несмотря на то, что сваты – это их родственники, хорошие знакомые или уважаемые люди в городе. Если девушке не понравится парень, свадьбы не будет. И родители не подталкивают дочерей к выбору, только потому что её годы идут. К моей дочери приходили многие сваты и все ушли с её отказом. В Мирасе девушки гордые, строгие и властные. Они знают себе цену, и лишь своим отцам они податливы. Конечно, я могу принудить её выйти за того, кого она не возлюбила, пообещав, что любовь придёт после. Это ложь! И все мы это прекрасно понимаем. Нельзя принуждать детей, если родитель хочет, чтобы они были счастливы, – он оценивающе посмотрел на Комила и продолжил. – Ты всегда мне нравился, Комил. Своим характером ты напоминаешь свою мать. Она всего на двенадцать лет младше меня, и в детстве я всегда присматривал за ней.

Умед отвёл взгляд в сторону и посмотрел на красный ко-

вёр с богатым узором, вспоминая то время. Он был младшим братом отца матери Комила. По сути, Умед приходится Комилу двоюродным дедом, но просит называть себя дядей. Его брата не стало из-за Зелёной хвори, которая чуть ли не забрала и мать Комила. Вспомнив об этом, Умед слегка прослезился. Вытерев глаза, он посмотрел на Азима.

– А ты? Не собираешься жениться? Тебе сколько лет? – Умед нарочито делал короткую паузу между вопросами, чтобы прогнать грусть с души, ведь гости пришли к нему не скорбеть.

Азим хотел было ответить, но Комил перебил его.

– Ему дали выбор.

– Моя дочь старше тебя, но я могу найти... – одновременно с племянником проговорил Умед и был удивлён заявлением Комила. – Выбор? – недоуменно посмотрел он на Комила и снова на Азима.

Вместо него снова ответил Комил.

– На восемнадцатилетие мать предоставила ему право выбора невесты. Так что он может выбрать любую... сам, – Комил подчеркнуто указал на Азима. – Вы не знали? Я думал эта новость уже облетела весь Вартан, – в его голосе, помимо язвительного тона, была и зависть.

– Я слышал о чём-то подобном пару месяцев назад на рынке, – задумчиво покачав пальцем, вспомнил Умед. – Это правда?

– Да, – подтвердил Азим. – Но я не спешу с этим, – скром-

но добавил юноша.

– То есть, ты можешь жениться абсолютно на ком захочешь? – Умед был изумлён и одновременно недоумевал этим фактом.

Азим покивал в ответ.

– Вряд ли он сможет жениться на дочери султана, – язвительно бросил Комил.

Азим не обратил на это внимание и спросил у Умеда.

– Почему это так удивляет вас?

Умед посмотрел в сторону, скрутил губы и вскоре ответил:

– Не думаю, что смогу вспомнить подобный прецедент в Ахоруне или где-либо ещё.

– Да и не было такого никогда, – этот факт вызвал в Комиле необъяснимое возмущение, сочетаемое с завистью.

Умеду не понравилась дерзость Комила, но он не стал делать ему замечание.

– Обычно, родители предоставляют выбор супруга своим детям из числа своих дальних или некровных родственников. В крайних случаях, жениха или невесту выбирают среди детей близких знакомых. При этом, в основном, родители сами решают за кого выдать дочь или на ком женить сына. Так сложились наши обычаи из давних времён. Чужого не приводят в дом, – с наставлением, или, как показалось Азиму, с намёком, в голосе покачал Умед головой в конце.

– Но вы же сказали, что в Мирасе другие обычаи, – воз-

разил Азим.

– Да, – Умед пристально посмотрел на него. – Но отличие не так велико, как могло тебе показаться. В Мирасе родители не настаивают на своём решении, если их дети не согласны. Признаюсь, конечно, я хотел выдать свою дочь, как только ей исполнилось восемнадцать, – сказал Умед, после небольшой паузы. – Я даже нашёл ей отличного жениха... по моему мнению, конечно, – подчеркнул он и спокойно посмотрел на Комила. – Но она отказалась, – он пожал плечами. – Были и другие хорошие ребята, желавшие жениться на моей Мунире, но почему-то она не одобрила ни одного из них. – Хотя причина была вполне очевидная, Умед с намёком посмотрел на Комила и сказал, – Честно говоря, я не знаю, какое качество моя дочь ищет в мужчине, – и это было чистой ложью.

Слова дяди вызвали в Комиле ревность к тем парням, и чувство собственности возникло из ниоткуда. Это изумляло его. С чего вдруг, не мог понять он.

Комил встряхнул эти эмоции прочь и вернулся в реальность, украдкой посмотрев на Азима.

– *«Ему дали выбор, а он копается в картошке»*, – негодовал про себя Комил. – *«Ах, если бы этот выбор дали мне»*, – в эту самую минуту он сожалел, что мать не поддержала его выбор. Он бы женился на Махине, и они оба были бы счастливы, но нет. Зависть Комила к Азиму росла.

– Кажется, в Ангуране нет достойной его девушки, – колко сказал он вслух.

– Я могу найти тебе красивую и умелую невесту, раз уж тебе дали свободный выбор, Азим, – серьёзно предложил Умед. – У моих друзей...

– Я не спешу с этим, – негромко, но категорично вставил Азим, чтобы это до них дошло, и они наконец сменили тему.

Умед был перебит на полуслове. Не вежливо, конечно, но он отнёсся к этому с пониманием. Он снова откинулся на подушку и посмотрел на Азима по-другому – с новым оценивающим взглядом. Умед увидел сдержанность в глазах юноши и задумался.

– Правильно, – вскоре произнёс он многозначительно. – С этим делом не торопятся, – снова подумав, добавил он. – Брак – это не деловой договор, который можно заключить один или несколько раз с одним или разными людьми. Молодой человек не должен жениться сразу по достижению зрелости, только потому что этого требует его голодное мужское естество. Жена – не объект удовлетворения нижних нужд. Нужно думать этой головой, – Умед постучал по своему виску, – прежде, чем жениться. Жена – это не вещь, которую можно купить на базаре, и там же поменять на новую, когда она состарится или надоест. Жена будет рядом с тобой до конца твоей жизни или своей. С женой нужно считаться. Её нужно ценить и уважать. Только потом между вами будет любовь и взаимопонимание. Без этого жизнь не имеет и смысла... Ты принял правильное решение, Азим. Не торопись. Выбирай с умом, – в последних словах Умеда звучала

похвала, что подбодрило юношу.

– Хорошо, – тихо сказал Азим, с рукой у сердца.

– Где же мои сыновья? – Умед задумчиво посмотрел на дверь.

Он видел, что Азиму неловко говорить на тему брака, для Умеда это было поводом сменить тему. На самом деле он знал, где его сыновья – после ифтара он послал их накормить скотину. Как только он о них вспомнил, его сыновья, словно по команде, появились в проёме.

– Поздоровайтесь с нашими гостями, а я проведу вашу сестру, – Умед вышел из гостиной.

Это были те двое пастухов, которых Азим с Комилом видели на холме под деревом. Они подошли к Комилу первым, так как знали, что он их кузен. Комил тоже узнал братьев, когда они с ним поздоровались за руку. Их руки были слегка влажными после мытья и Комил брезгливо и незаметно вытер свою руку о заднюю часть бедра, пока братья проходили мимо него, чтобы пожать руку и Азиму.

– Я не узнал вас там, под деревом, – шутливо заметил Комил в оправдание на осуждающий взгляд Азима.

– А мы вас узнали, аки Комил, – ответил старший брат.

– Как ваши дела? – спросил Комил, Азим сел рядом с ним, а братья на его место.

– Пасти овец и козлов сложновато во время рузы, – сказал старший.

– Но мы справились! – похвастался младший...

Умед вернулся со своей женой и дочерью. Юноши встали с места и поприветствовали жену Умеда. Они с дочерью принесли на скатерть угощения для гостей, чай, свежие лепёшки, кулчи и фатир, а также фрукты. Затем на трёх деревянных неглубоких тарелках они подали обещанный курутоб с льняным маслом, нашинкованным красным луком и жаренным мясом. После печеной тыквы в доме Карим-аки, Азим смотрел на курутоб словно он до сих пор не открыл свою рузу. Лайло также принесла деревянные ложки на случай, если гости не захотят есть руками. Однако у Комила от волнения разгулялся аппетит, и он уже начал есть руками, удивив Азима.

Азим, обычно, не любил есть руками, но, так как все ели именно так, он тоже последовал их примеру. «*Есть руками – благо*», вспомнил он, закладывая руку в рот. Ложкой, однако, он всё-таки воспользовался, чтобы наложить на своей стороне тарелки салат из нашинкованных помидоров, огурцов и зелени.

Жена и дочь Умеда в это время находились в другой комнате. Лайло готовила Муниру, хотя девушка уже знала, что спрашивать.

Когда дастархан опустел, Умед незаметно для гостей подмигнул старшему сыну. По предварительной договорённости это был намёк. Мехродж²⁹ едва заметно кивнул в ответ отцу и обратился к Азиму.

---

²⁹ Мехродж произносится с горланной «х».

– Азим-ака, не хотите взглянуть на наших пастушьих собак?

– А они не будут снова лаять на меня? – с подозрением спросил Азим.

– Нет, – захохотал младший. – Они хорошие.

Азим понял в чем подвох и согласился.

– Ладно, идёмте.

Когда они ушли, Умед положил руку на плечо Комилу и с улыбкой обратился:

– Что ж, племянник, надеюсь, скоро я буду называть тебя сыном.

Умед встал и пошёл за женой и дочерью. Когда он вернулся, Комила вновь схватило необъяснимое оцепенение, но он нашёл в себе силы побороть это состояние. Только после этого он заметил, как Мунира преобразилась, причем в лучшую сторону. Тёмно-бордовое платье с мелкими розетками на плечах идеально подчеркивали её шелковистые длинные тёмно-каштановые волосы, ниспадающие из-под тонкого сетчатого чёрного платка с золотистой вышивкой. Черты её лица больше не казались грубыми, а робкий взгляд даже понравился Комилу.

Они сели за дастархан, и, в основном, говорила Лайло. Умед же вскоре оставил их. Он уже знал о Комиле всё, что ему было нужно. Лайло начала с рассказов про детство дочери, особенно вспоминая про то время, когда Комил будучи ребёнком проводил с ними. Постепенно от разговоров про

родственников, обычаи и прочее она переходила к основной теме. Вскоре Мунира незаметно для Комила подала матери знак и Лайло под предлогом заварить новый чай оставила их наедине.

У Комила богатый опыт общения с девушками. Он всегда вёл себя уверенно, даже самоуверенно с ними. Теперь же, когда они остались вдвоём с Мунирой, он снова потерял дар речи. Он чувствовал себя загнанным в угол бараном и понятия не имел, что делать.

Ну же, скажи ей что-нибудь хорошее... Нет? Вот дурак.

Мунира улыбнулась Комилу и заговорила первой, что достаточно облегчило ему задачу. У них сложился довольно удачный диалог. Оказалось, что у них общий интерес к поэзии Ардвисуры и узорам мозаичного ремесла. Они оба любили шербет из базилика и мяты, и также увлекались историей Рахшонзамина. Вскоре Комил согласился с мнением Азима – Мунира действительно милая, когда улыбается... и даже без неё.

Через час вернулась Лайло, решив, что этого времени достаточно для них. Пожелав им спокойной ночи, Комил сел, откинулся на тахмон³⁰ и широко улыбнулся.

Азим вернулся с Мехроджем и Сироджем. Братья убрали дастархан и постели гостям постель, хотя те и просили их не делать этого – таково правило гостеприимства.

– Как всё прошло? – поинтересовался Азим.

---

³⁰ Тахмон – стопка курпачей, одеял и подушек

– Нам рано вставать, – пробубнил Комил и повернулся к стене.

Азим пожал губами и тоже лёг спать.

Юноши встали на сухур и поели вместе с членами семьи Умеда на их кухне. Взяв рузу, Комил сказал Азиму, что он может лечь дальше спать, а вот ему самому нужно рано вставать. Он обещал Мунире помочь отвести бочки с дугобом (айраном) на рынок Амины...

Азим проспал до позднего утра. Проснувшись, он был бодрым и ничуть не голодным. Умед отправился по делам. Комила тоже не было в гостиной. Братья, оставшиеся дома, сообщили, что он с их мамой и сестрой отправились на рынок. Видимо, у них всё срослось, подумал Азим. Братья предложили показать город Азиму, и он охотно согласился.

Мирас был на треть меньше, но и при этом он был слишком большим, чтобы осмотреть его за день. Потому Азим попросил братьев повести его ко дворцу мэрессы. Вблизи это пирамидальное сооружение оказалось таким, каким его описывал Комил. Стены были украшены зелёной, светло-зелёной и голубой мозаикой с надписью на древнем языке – это были стихи, посвященные Асадом Шабнам. Внутрь дворца, к сожалению, попасть не удалось. По правилам, для посещения дворца или приёма госпожи мэрессы нужно записаться за месяц заранее.

Азим не расстроился. Он любовался внешними красотами дворца и сторожевых башен. Затем Мехродж и Сиродж

отвели его к аллее плакучих ив с площадью, вымощенной бледно-розовыми камнями. Перед возвращением домой, на исходе дня братья повели Азима на площадь имени Шабнам с белыми фонтанами под большими куполами из цветущей изгороди. Они прошли под самый большой купол и присели отдохнуть на красную скамью. Листва не была густой и из-под купола можно было разглядеть небо.

– Госпожа Шабнам приходила сюда по ночам и считала звёзды сквозь прорехи, – поведал Мехродж. – Так, она отвлекала себя от горя.

– Комил рассказывал, что Асад рано ушёл из жизни, но не сказал, что с ним случилось, – Азим вопросительно посмотрел в карие глаза Мехроджа.

– Простите Азим-ака, здесь нельзя об этом говорить, – тихо проговорил Мехродж. – В Мирасе нельзя поминать тех, кто погиб не своей смертью.

– Я не знал об этом, – сказал Азим.

– Пошли домой, – предложил Сиродж, – скоро уже ифтар...

Они вернулись как раз ко времени открытия рузы. Помыв руки, ребята поздоровались с Умедом и Комилом, и сели за дастархан.

– Ты улыбаешься? – тихо заметил Азим.

Комил посмотрел на Азима и снял со своего лица задумчивую улыбку.

– День был хорошим, – сказал Комил, опустив взгляд.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Азим и вслед за Умедом и остальными сложил руки в лодочку, и тихо прошептал молитву перед открытием рузы...

На первое им подали суп со стручковой фасолью на деревянной тарелке. На второе были бараньи рёбрышки, запечённые со свеклой. На третье им принесли салат из дыни и персиков.

После ифтара Азим говорил с Умедом о местных рынках и правилах местной торговли. Сыновья Умеда пошли кормить скотину, а Комил, на удивление Азиму, помогал Мунире убирать дастархан...

– Кажется, между вами зажглась искра, – намекнул Азим, чтобы Комил рассказал ему об их решении, но тот пробубнил что-то невнятное и, как вчера, повернулся к стене и уснул... или сделал вид, что уснул – Азим не проверял.

Вместо этого юноша скривил губы и тоже лёг спать. Завтра им предстоит сопроводить повозки с нишалло до порта в Зарафшан...

На следующее утро после сухура Азим стоял у ворот. Поблагодарив Умеда и его семью за гостеприимство, он попрощался с ними и ждал Комила. Тот о чем-то договаривался со своим дядей и его женой на веранде. Сыновья Умеда были под навесом слева от ворот. Они проверяли лошадей и собак. Мунира же из-за окна подглядывала на Комила. Лайло заметила это и жестом руки позвала её попрощаться. С её выходом Комил потупился и, оправдываясь на время, по-

спешил к воротам. Умед проводил его.

– Счастливого пути, ребята, – пожелал Умед. – Передай привет родителям, Комил. Приходи к нам ещё, Азим.

– Обязательно, – обещал Азим.

Юноши сели на коней и поехали на запад.

– Мы не поедem к Карим-аке? – спросил Азим.

– Вчера я нашёл время и ещё раз навестил его. Они уже грузили казаны в повозки. Меня попросили приехать к западной конюшне. Оттуда мы вместе поедem в порт, – поведал Комил.

– Почему не к Дереву Сохиба? – спросил Азим.

– Ты забыл про течение реки? – в ответ спросил Комил. –

Во время рузы грузовые лодки не выходят на воду, а пассажирские лодки нам откажут.

Азим был удивлён, но не ответу, а сговорчивости Комила. Он отвечал Азиму без снисходительной насмешки в тоне и колких ухмылок на лице. У Комила сияли глаза, и Азим хотел снова спросить у него об итоге его визита к дяде, но не решался. За эту пару дней, Азим только начал привыкать к переменчивости Комила, и эта его бодрая сторона ему нравилось больше. Потому, Азим не стал донимать своего спутника.

Они ехали медленно и молча. Оба думали о своём. На улицах, по которым можно передвигаться верхом на лошадях, становилось всё больше наездников и небольших повозок. Торговых лавок и ларьков на этих улицах было мало и по-

что все они были закрыты. Во время рузы они открываются обычно ближе к вечеру. В одном из открытых ларьков Комил заметил украшения из бисера и самоцветов. Глядя на двойную сине-зелёную подвеску, он думал о подарке Мунире на свадьбу, и не нарочно произнёс вслух с восхищением:

– Вот это девушка.

– Она всё же тебе понравилась? А ты ей? – спросил Азим, когда Комил кивнул в ответ на первый вопрос.

– Покажи мне девушку, которой не понравился бы такой красавец, как я, – подшутил Комил.

– Хм... Что ж ты тогда не посмотрел на неё и не попрощался толком? – подколот Азим.

– Я стеснялся, – отвернувшись, пробубнил Комил. – Странное это чувство – любовь, – задумчиво проговорил Комил.

Азим ухмыльнулся и снова уткнулся взглядом в загривок коня. Его поражало то, что Комил ещё не давно увлечённо говорил о Махине, а сегодня он, кажется, и вовсе позабыл о ней. Азиму не понять этого, ведь он не встречался раньше с девушками. У него нет такого богатого опыта.

А может дело и не в опыте, кто знает?

Белое солнце за их спинами поднималось всё выше и выше. Небо над головой было ясное, а вот на севере, над высокими пиками Катрона сгущались облака, как и на юге, над Клыками медведя. До западной конюшни оставалось меньше мила. Комил обдумывал скорую свадьбу и гадал, почему

Азим больше не задаёт ему вопросов. Комил посмотрел на своего спутника – тот был чем-то омрачен.

– Что тебя гложет, Азим? – спросил Комил. – Через пару дней мы вернёмся в Ангуран. Ты выполнил поручение отца... Ты не рад?

– Дело не в этом, – признался Азим. – Когда ты рассказывал о братьях апи-Дилрабо, ты упомянул о «Странном законе». Аки-Рахмон тоже как-то упоминал об этом...

– А-а-а, этот безумный старик! Я знаю его. Он всегда несёт какой-то бред, – усмехнулся Комил.

– Несколько месяцев назад он предупреждал моего друга не ехать в Эрод через пустыню, а причину боялся объяснить... Мне кажется, все знают, что в Эрге есть дэв, но почему люди боятся о нём говорить? – недоумевал Азим. – Неужели те братья не смогли одолеть его? Почему султан не отправит отряд изгнателей покончить с ним раз и навсегда?

– Они изгоняют ведьм из султаната, а не охотятся за дэвами. – Комил подвёл коня ближе к лошади Азима, положил руку ему на плечо и многозначительно посмотрел на него. – Как говорят бабушки: «Беда приходит, когда о ней вспоминают». Позволь мне дать тебе совет, Азим. Я так же молод, как и ты, но в силу привычки я общаюсь с людьми в двое старше меня. Вожусь в кругах учёных, которые гораздо мудрее нас двоих. И они сказали бы тебе то же самое, что и я. Если не хочешь навлечь на себя беды, не спрашивай о хозяйине пустыни...

«Первые заражённые Зелёной хворью в Расулабаде были придворными слугами и членами министерства падишаха Нодира».

Хранители знаний: Исследования Зелёной хвори»

Скучно. В этом году плоды ничтожно малы. Расим стоял под айвой в своём саду и разглядывал ветки. Когда-то это дерево плодоносило яблоки, непомещающиеся в ладони, теперь же Расим может с лёгкостью сжать ладонь в кулак с тремя айвами внутри.

Скучно.

Утро выдалось не просто прохладным, а холодным. Ему пришлось поплотнее запахнуть свой тёмно-зелёный бархатный халат с чёрным растительным орнаментом. Он вышел из-под кроны и окинул взглядом все деревья айвы, растущие вдоль низкого частокола его продолговатого двора. Все плоды были ничтожно малы. Расим тешил себя тем, что они ещё не созрели и, возможно, станут больше к моменту сбора урожая. С другой стороны, он сомневался в этом, ведь сбор урожая уже совсем скоро.

Дорожка вдоль деревьев от крыльца дома до ворот вымощена бледно-жёлтым камнем. Между дорожкой была широкая лужайка. Его слуги посадили на неё розы, но они все

сгнили. Расим волновался, что это случится и с айвой.

Расим смотрел на остатки гнилых стеблей, которые слуги ещё не убрали, и размышлял над тем, как избавиться от Чёрной напасти. За восемнадцать лет, ничто не помогло искоренить этот недуг, он из года в год захватывает всё больше и больше земель, уничтожая урожай и сами растения.

Дело в почве или в воде?

Он прочитал столько книг и рукописей, что не счесть, но ни в одной из них не сказано о подобном. Расим гневается, когда долго не находит ответов, но сейчас он сохранял самообладание.

Может, дело в ведьмах?

Вряд ли, ведь их не гонят из Зебистана, как из Ахоруна за Зелёную хворь.

Расим ухмыльнулся и, повернувшись, заключил про себя:

– *«Нужно велеть этим никчёмным слугам, скорее убрать эту гниль».*

Заклучив, по привычке, правое запястье в левой ладони за спиной, Расим направился в дом.

– Господин! – послышался недалёкий зов.

За ворота вошёл верный ему придворный слуга в белой длинной тунике, тёмно-фиолетовых штанах и кожаной безрукавкой с серебристой тесьмой по краям. Слуга подбежал к Расиму, придерживая одной рукой широкую низкую чалму с длинным хвостом. Чалма была повязана из белого хлопка и пурпурного шёлка – типичное одеяние писарей падишаха.

– Что такое? – спросил Расим с высоты своего роста, к которому прибавилась и высота пятиступенчатого крыльца, ведущее на застеклённую веранду.

– Братья, – взволновано ответил слуга, но в его голосе Расим уловил и опасение.

Расим устало вздохнул. Новость, которую слуга хотел ему сообщить, было последним, о чём Расим хотел бы услышать.

– Пойдем внутрь. Здесь холодно, – мрачно проговорил Расим и направился к двери в гостиную. – *«Столько хлопот от этих братьев»*, – едва заметно качал он головой.

Они прошли мимо большого резного топчана на веранде и вошли в просторное помещение гостиной с высокими окнами. На том конце гостиной было возвышение, также называемое топчаном, с полками на стенах. На полу лежал голубой ковёр с зелёным узором и серо-жёлтой двойной линией по краям, между которой сине-зелёные розетки тянулись друг к другу своими зелёными закручивающимися побегими.

– Ты завтракал, Одил? – спросил Расим, встав у двери на кухню.

Он вошёл туда и осмотрел полки в шкафах и ниши в стенах в поисках чего-нибудь съестного. Ничего. Всё было убрано с глаз, а на полках были лишь чайники, пиалы, да прочая кухонная утварь.

– *«Когда же придёт Ахдия³¹?»*

Расим при наличии огромного знания в разных областях

---

³¹ Ахдия произносится с гортанной «х».

науки и литературы, не знал, где в его собственном доме лежит сахар, а где хлеб. На кухню он заходит крайне редко.

– Я держу рузу, господин, – ответил Одил в паре шагов от кухни.

Расим с презрением оглянулся на него, и начал шарить на кухне. Он нашёл лепёшки, завернутые в белом дастархане. Он взял одну мягкую кулчу и вышел.

Одил много лет был верным слугой Расима. Потому он мог позволить в своём взгляде искорку осуждения. Его глаза встретились с тёмно-карими миндалевидными глазами Расима. Тот хотел откусить кусок, но отвёл кулчу в сторону.

– М-м? – кривая гримаса Расима спрашивала, не против ли Одил, что он будет есть перед ним. – *«Хотя, мне всё равно»*, – добавил Расим про себя, а вслух сказал, – Я забыл встать на сухур.

Одил опустил глаза и Расим, пожав плечами, откусил большой кусок. Эта была молочная кулча. Расим любил их. Жую с наслаждением, он прошёл мимо слуги и спросил:

– В чём дело?

– Старший стал избирателен, а младший задаётся вопросами, – ответил Одил.

Расим подошёл к левому краю книжного стеллажа, но передумал брать оттуда книгу.

Нужно было проглотить прежде, чем спрашивать.

Расим повернулся и с грозным лицом уставился на Одила.

– Объясни! – негромко потребовал он.

Одил шагнул к двери, опасаясь гнева Расима, и только потом ответил.

– Старший брат стал избирателен. Он не принимает тех, кого вы ему посылаете. А младший позвал к себе учёных и даже потребовал книгу казначея.

– С чего вдруг? – удивился Расим.

– Может то, что вы даёте ему, идёт на пользу, а не во вред? – предположил Одил. В его голосе звучало оправдание.

– Ты следуешь моим указаниям? – Расим огрел слугу гневным взглядом.

– Да, мой господин, – с рукой у сердца кивнул Одил.

– Но? – Расим услышал недосказанность.

– Лекари падишаха говорят, что бурые капли благотворно влияют на ум и укрепляет здоровье, – нерешительно ответил Одил.

Расим громко усмехнулся.

– Лекарство может как лечить, так и калечить, – на его лице заиграло коварное блаженство. – Избыток...

– Господин! – позвал громовой и при этом взволнованный голос другого слуги, появившегося в проёме, ведущий в коридор.

Расим медленно склонил голову в его сторону, недовольный тем, что был перебит.

– Что такое? – холодным тоном спросил он у широкоплечего молодого слуги с чёрным кожаным камзолом поверх

серой рубахи с длинными рукавами и тёмно-коричневыми плотными штанами.

На чёрном поясе юноши висел короткий кинжал с рукоятью из козлиного рога в кожаных ножнах. Он шагнул вперёд и посмотрел на Одила.

– Доброе утро, аки Одил, – он приветственно кивнул придворному слуге и озадаченно посмотрел на Расима.

– Здравствуй, Фозил, – ответил Одил.

Расим по взгляду Фозила смекнул, что тот явился сюда не отгул выпрашивать. Нужно выпроводить Одила и узнать, в чём дело. Он взглядом велел Фозилу возвращаться в коридор и посмотрел на Одила.

– Имей терпение, и я вознагражу тебя за твои услуги, Одил, – *«Ещё как вознагражу»*, – в своей типичной снисходительной улыбке добавил про себя Расим.

– А что, если он в серьёз возьмётся за ум? – уточнил Одил. – И как быть со старшим?

– *«Ты тратишь моё время!»* – разгневался Расим, но, повернувшись к Одилу, он в безмятежной улыбке сказал:

– Терпение... Избыток ума приводит к безумию. Следуй моим указаниям, и ты пожнёшь долгожданные плоды... А что до похотливого блудника, я подготовил ему подарок... Даже несколько подарков, от которых он и в здравом уме не откажется, – Расим ехидно улыбнулся. – Терпение... Никто не подчинится распутному, и никто не последует за сумасшедшим.

Улыбка на лице Расима превратилась в строгую прямую линию губ. Он кивнул в сторону двери, велев этим самым уходить прочь. Одил склонил голову перед Расимом, хоть тот и не обратил на него внимания, и ушёл. Сам Расим прошёл по коридору до дальнего восточного угла, где была скрытая дверь.

– В чём дело? – он требовательно уставился на Фозила. – *«Если я тащился сюда, чтобы ты всё-таки просил меня об отгуле, я столкну тебя вниз»*, – говорил взгляд Расима.

Фозил открыл дверь, которая вела вниз. Из тёмного проёма веяло холодным затхлым воздухом. Расим сморщил нос при вдохе. Он не спускался туда полгода. Когда-то этот двор принадлежал торговцам из Адрора. Они хранили свой товар в складах глубоко под землёй. Из-за постепенного спада торговли, вызванной Черной напастью, они вернулись в свой город, продав этот двор тогда ещё молодому Расиму почти что за даром.

– Мой господин, пленник вёл себя необычно, – сообщил Фозил, ступив на лестницу.

– Необычно? – заинтересовался Расим. В этом дворе он переделал практически всё: перестроил дом на свой вкус с тайными комнатами и дверями, перемостил дорожку для напоминания ему о пустыне и его горечи. Главное, Расим переделал склады под камеры своей собственной темницы, но держал он там всего одного пленника, о котором не знает ни одна живая душа, кроме самых верных слуг Расима. – Он,

что, заговорил? – саркастично вдруг расхохотался Расим, хотя сам очень на это надеялся.

Надзиратель в недоумении посмотрел на Расима. – *«Не сошёл ли с ума, мой господин?»* – думал он и, промолчав, продолжил спускаться.

– Пленник буйствовал, мой господин, – сообщил уже на середине пути. – Кричал. Пытался сорвать цепи.

У Фозила был низкий, звучный голос, который усиливался в этих узких стенах. Это было одним из его качеств, благодаря которым Расим держал его при себе и иногда посвящал своим тайнам. Он даже иногда завидовал Фозилу, ведь у него самого средний тембр голоса, который звучит недостаточно убедительно – так он считал и сводил к этому свои недавние провалы и неудачи.

Недоумение надзирателя перешло Расиму в виде изумления. Он остановился и недоверчиво переспросил:

– Сорвать цепи? Впервые за столь долгое время он снова попытался сбежать? Хм-м... С чего вдруг?

Фозил был уже на семь ступеней ниже него. Коротким факелом, зажжённым ещё у входа в темницу, он зажигал свечи в гнёздах на правой стене...

Сто холодных каменных ступеней привели босого Расима вниз. Он свернул направо и вошёл в небольшое помещение со столом и стулом у стены напротив широкого и высокого проёма. Он сделал десять шагов и вошёл в длинный коридор, чей конец было невидно из-за царившего мрака.

Фозил зажёл лишь две масляные лампы на стенах и четыре толстых свечей между камерами. Он хотел зажечь ещё, но Расим остановил его.

– Этого достаточно, – негромко сказал он.

Расим шёл медленно, меряя шаги и обдумывая слова, которые он скажет ему. Пятьдесят шагов и он подошёл к краю камеры слева, обставленной железной решёткой с толстыми прутьями. Стоя в трёх шагах от камеры, он наклонил голову и заглянул во мрак, царивший внутри. Его взгляд говорил о том, что он опять провалится, но Расим всё же надеялся убедить его. Сделав длинный шаг к камере, Расим снова посмотрел во мрак сквозь прутья. Он ничего не видел, но знал, что его пленник забился в углу, скрывая своё лицо. Расим слышал его умеренное дыхание.

– Признаюсь... Я не думал, что эти оковы удержат тебя... Удержали, – Расим говорил негромко, отрывками и холодным тоном. – У тебя появились неотложные дела? Ты куда-то собрался? – его коварная ухмылка сменилась язвительной.

Пленник не отвечал, и Расим вслушался в его дыхание.

– Ты чем-то обеспокоен? – теперь он старался показаться заботливым. – Не хочешь поделиться? Я бы мог тебе помочь, – Расим присмотрелся в темноту, но его пленник был далеко, чтобы разглядеть его.

Расим ждал ответа или хотя бы какого-нибудь знака от пленника, но ничего не происходило.

– Ты хотел сорвать цепи? Куда же тебе нужно было отлу-

читься?

В ответ по-прежнему тишина. У Расима кончалось терпение, и он уже был на взводе. Он вздохнул, сдерживая гнев. Его слова снова безуспешны, и так всегда. Все попытки разговорить пленника венчались провалом.

– Услышав о твоём недавнем поведении, я подумал, может ты передумал?.. Нет?

Тишина нарушалась лишь дыханием безмолвного пленника и негромким треском пламени свечей.

– Я бы выпустил тебя на волю, – лукавым добродушием пообещал Расим.

Вот оно! Расим услышал какое-то движение. Кивком он подозвал Фозила с факелом к себе. В глубине камеры он заметил, что пленник неохотно повернул своё грузное тело и одним лишь глазом недоверчиво посмотрел на пленителя. В этом однобоком взгляде, выражающим гнев, была и надежда снова обрести свободу.

– Ненадолго, разумеется, – уточнил Расим с ехидной ухмылкой. – Ты ведь мне нужен.

Пленник снова скрылся в углу. Он ничего не ответил, и даже его дыхание затихло.

– Может, ты не понимаешь, что я тебе говорю?! – Расим вышел из себя. – Хм?! Прими моё предложение, и нашим подвигам не будет конца! – уверенно обещал он, встав посередине напротив решётки. – Представь, чего бы мы достигли вместе, – Расим показательно сжал кулак – будь у него в руке

яйцо, оно бы точно раздавилось.

Расим опустил руку и выжидал. Его терпение все эти годы не приносило плоды, и сейчас ответом ему была тишина. Ему надоело упорное молчание пленника, но он не мог ничего с этим поделать. Поняв, что говорить с пленником без толку, Расим снова сжал кулак. Он был готов применить силу, но это пошло бы на вред его долгосрочным планам. Этот проклятый молчун нужен ему для достижения целей.

– Ты упряма как осёл, – процедил в досаде Расим, протянув «с». Не было больше смысла что-то говорить или предлагать. Вместо этого Расим косо посмотрел во мрак и пригрозил, – И на тебя управу найду.

Вытянув руку, Фозил освещал камеру единственного пленника. Однако этого было недостаточно. Свет от короткого факела проходил не дальше двух газов от самой решётки. Сама камера была довольно большой и, чтобы увидеть пленника, нужно много света, что озадачило Фозила. Расим никогда не разрешал зажигать все свечи и масляные лампы, когда он навещал пленника. За одиннадцать лет службы пленник ни разу не ответил Расиму, и Фозил порой сомневался в том, есть ли кто-либо в этой камере. Лишь дыхание пленника разведали его сомнения. Фозил иногда тоже пытался поговорить с пленником, узнать кто он и за что заперт здесь, но и его попытки оказались тщетными. За эти годы ему даже не удалось уговорить пленника выйти на свет свечей, потому Фозилу было трудно представить, как может вы-

глядеть этот молчаливый пленник. Станным было то, что Расим тоже ни разу не призывал его к свету. Он лишь, приходил, говорил и без ответа уходил, а Фозил с недоумением наблюдал за этим.

– Кто ваш пленник, господин? – как-то спрашивал Фозил.

– Я даже имени его не знаю, – пожал тогда плечами Расим.

Теперь же, после очередного безответного диалога Расим резко повернулся и недовольно направился к лестнице. Фозил последовал за ним.

– Остайся, – велел ему Расим, не оглядываясь.

Через несколько шагов Расим свернул направо и скрылся в проёме.

За годы службы Фозил успел хорошо узнать Расима и его характер. Потому в его угрюмом тоне Фозил уловил недосказанные *«если что-то изменится, немедленно сообщите мне»*.

С каждым шагом по долгой лестнице, сворачивающие при подъёме один раз направо и один раз налево, Расим остывал и его злость оставалась позади. Уже почти наверху он услышал быстрый перестук деревянных сандалий. Он поднял взгляд и снова увидел Одила.

– Господин... Вы здесь? – придворный слуга вздохнул с облегчением. Пока Расим поднимался к нему, Одил пытался справиться с отдышкой.

– В чём дело, Одил? Какие-то новости? – Расим понадеялся, что в этот раз этот писарь принёс ему добрую весть... Ту самую весть.

Покинув двор Расима, он не успел дойти до дворца, как его нашёл младший придворный гонец и сообщил о прибытии представителей из Ангурана. Одил решил, что это срочно, а это так и было, потому он побежал обратно к Расиму.

– Прибыли представители султана Бузурга ибн Махмуда, мой господин, – вдохнув, ответил Одил. Его большие чёрные глаза снизу вверх уставились на Расима, который на три головы был выше него. – Они ожидают вас во дворце.

«Снова разочаровал». Расим прошёл мимо Одила и, схватив правое запястье левой рукой, он продолжил подниматься.

– Ты бы меня не удивил, сказав что-нибудь иное, – проворчал Расим. В его голосе был скрытый вопрос, который Одил не понял бы и с сотней подсказками, потому Расим задал его в слух. – Новости из Джоду?

– Нет, мой господин, – промедлив, ответил Одил и поспешил за ним.

– Как только будут... – Расим вошёл в коридор, – немедленно сообщи мне! – велел он, когда и Одил вошёл в коридор.

– Да, господин, – Одил закрыл дверь в потайной проём, которая слилась в едино с полками на стене. На этих полках лежала различная утварь, немного книг и сменная одежда для надзирателей.

Перестроенный дом Расима был достаточно большим. В нём было пять спальных комнат, две жилых, кухня, одна обе-

денная и большая гостиная, хотя в ней Расим редко принимал гостей. Две спальни он выделил своим слугам, а одну служанке. Они могли оставаться там или уходить к себе домой после работы, Расим не настаивал. Он, наоборот, обещивал их всеми удобствами и хорошим жалованьем в обмен на их неуклонную верность. При этом он не делился своими планами со всеми, и не все его слуги знали о потайных комнатах в его доме.

В отличие от богатой внутренней отделки, где на стенах висели сюзаны, резные картины и кундаль, а на полу лежали роскошные ковры, стены с наружи были обмазаны смесью из глины и соломы. Их убогий вид худо-бедно приукрашивали окна веранд и комнат с зеленоватыми стеклами.

Расим надел короткие расшитые сапоги и вышел во двор через задние двери крытой веранды и мимо стойл неспешно пошёл к восточным воротам.

– Господин, вам оседлать лошадь? – спросил Одил. В его голосе звучал дерзкий намек на то, что ему следует поторопиться. Расим оглянулся на писаря, смерил его строгим взглядом и бесстрастно наказал:

– Скачи во дворец. Скажи гостям, я скоро буду. – *«Мне нужно обдумать, что им сказать»*, – договорил про себя Расим.

От его двора до дворца пеший путь занимал две сойи. Это время он провёл, обдумывая свои дальнейшие шаги и особенно то, что он скажет султану на следующем приёме. По

дороге он проходил мимо торговых лавок на алее Расула Второго, где в основном продают печеное, сладости и специи. Он заметил женщину сорока лет с двумя детьми – мальчиком и девочкой. Женщина купила несколько лепёшек и, проходя мимо лавки со сладостями, её сын указал ей на миндаль в сахаре. Женщина посчитала свои монеты и, с сожалением посмотрев на сына, покачала головой. Она не могла себе этого позволить. Из-за Чёрной напасти цены росли вместе с безработицей. Мальчик понурился и вышел вперед. Его матери стало неловко перед хозяином лавки. Взяв дочь за руку, она пошла за сыном. Вдруг перед ними встал Расим.

– Добрый день, господин посол, – женщина учтиво склонила голову перед ним.

Расим молча и с улыбкой кивнул в ответ и обратился к мальчику:

– Ты хотел миндаля?

Мальчик, коротко посмотрев на посла, кивнул в ответ.

– Иди и попроси целый кулёк, – погладив мальчика по голове, Расим указал на лавку со сладостями. – И ты иди, – сказал он девочке.

– Господин, я не могу...

Расим не дал женщине договорить, учтиво подняв руку.

– Я понимаю, – тихо, но многозначительно сказал он ей. – Я заплачу.

У женщины в белом обношенном платье с растительным узором и в красно-жёлтом платке глаза залились слезами.

Она не знала, как отблагодарить посла, и взяла его правую руку, чтобы поцеловать. Но Расим не позволил ей, положив свою левую руку на её.

– Скоро мы выйдем из этого кризиса, – уверенно обещал Расим.

Её дети вернулись с широкими и сияющими улыбками. Мальчик взял полный кулек миндаля в сахаре, а его сестрёнка взяла кулёк с зелёным лукумом.

– Спасибо, господин посол, – в один голос сказали дети.

– Цените свою мать, – негромко наказал Расим детям и, погладив их по голове, он подошёл к лавке со сладостями. В его голосе звучала толика зависти, вызванная тем, что он рос без матери. Помахав вслед этой женщине и её детям, Расим расплатился за сладости и, не вняв словам торговца, пошёл дальше...

Его приёмная находилась на северном крыле дворца. В конце коридора, шириной в три газа, его ожидали трое мужчин. По их виду, можно было сказать, что их терпение уже было на исходе. Расиму было всё равно на это, но воспитание не позволяло ему проявить безразличие. Он улыбнулся и пожал им руки.

– Прошу меня простить. Я не ожидал вас... сегодня, – слухавил он, склонив голову набок. Расим достал из серо-зелёных шаровар ключ и открыл им дверь со сложным резным орнаментом. – Прошу, – встав в сторону, он указал гостям пройти первыми.

Приёмная Расима была похожа на гостиную в его доме, но была меньше на две трети. А дверь с полукруглой аркой посередине стены справа вела не на кухню, а в другой небольшой коридор, который в свою очередь вёл в просторный зал с роскошными коврами и резьбой и чеканкой на кессонных потолках. Их изящество было скрыто от глаз гостей. Впрочем, они могли любоваться резьбой и в самой приёмной.

Однако им было не до этого.

Четыре пятых от площади приёмной, не считая альков слева от входа, занимал алый ковёр с золотистым овальным узором, обрамляющим три тёмно-синих дисков солнца. Такие же диски, но поменьше, раскинулись по углам ковра, от них тянулись золотистые побеги к друг другу.

Противоположная от входной двери стена скрыта за четырьмя арками с книжными полками в трёх из них. Пазухи между арками украшены объёмной резьбой в виде охоты львов на степных оленей. Четвёртая арка в дальнем углу была занавешена шёлковым полотном красно-коричневого цвета.

Расим прошёл за гостями и поднялся на возвышение в пятиугольном широком алькове. На этом топчане был устлан зелёный ковёр с жёлтыми узорами. Посередине была бархатная курпача синего цвета с растительным узором. Рядом стоял низкий стол с замысловатым ромбовидным орнаментом. Расим сел, скрестив ноги под собой и, положив руки на стол, он предложил гостям сесть прямо на ковре.

Гости только хотели расположиться, как вдруг в приёмной Расима появился придворный слуга в белых одеяниях, синем камзоле и синим широким поясом. Он почтительно склонил голову перед посланцем и с его же позволения побежал к занавешенной арке. Резким движением этот юноша распахнул шторы, чем заработал укоризненный взгляд Расима в свою сторону. Он достал из ниши шёлковые алые курпачи с золотистым кантом. Сложив каждую пополам, он постелил по одной для каждого гостя. С небольшим поклоном и правой рукой у сердца, слуга другой рукой предложил гостям сесть. После он быстрым шагом встал у подножия топчана и с довольным видом посмотрел на посла.

В это время Расим бесцельно смотрел на дверь, ведущую в балкон, из которого выходит вид на фруктовые сады падишаха. Эти гниющие сады обрамляют северное крыло дворца. Как только Урун встал справа от него, Расим перевёл на слугу выжидательный взгляд. Придворный слуга с детской улыбкой на лице не понимал намёка в глазах посла. Потому он вопросительно поднял бровь.

– «Ах, что за дурень!», – Расим бровью указал ему на бежево-коричневые шторы, скрывающие высокие окна.

Урун сообразил и раздвинул шторы – в приёмной сразу же стало светлее. По следующему кивку посла он открыл и саму дверь в балкон, чтобы впустить *свежий* воздух. Затем он опять встал у подножия топчана, ожидая дальнейших поручений.

– Дорога была долгой и утомительной, – заговорил Расим, меряя взглядом своих гостей. – Полагаю, сегодня вы не держите рузу, – Аъзам, севший посередине кивнул, а его спутники, которые сели подле него и лицом друг к другу, покачали головой, что в совокупности выражало их согласие. – В таких случаях исключения дозволяется лёгкая закуска и напитки. К сожалению, из-за нашего положения, только это мы и можем предложить вам... Не откажетесь ли вы от мятного чая с перегородками ореха? – посмотрев на Уруна и снова на гостей, спросил Расим. – Такой чай успокаивает нервы и приводит мысли в порядок, – негромко пропел Расим в добавок.

Гости согласно покивали, благодарно приложив правую руку к своим сердцам.

– Я бы с радостью предложил вам айву из своего сада, но боюсь, они ещё не успели. Может, вы хотите хурмы из садов падишаха? – с наигранным добродушием предложил Расим, зная, что плоды, если и не сгнили, то куда меньше, чем его айва.

– Мы бы хотели повидаться с самим падишахом, – отрезал Аъзам лицемерную лесть Расима. Хоть им было и велено переговорить с послом, Аъзаму султан также поручил проведать падишаха Нодира. Вся эта ситуация вокруг него озадачивала Бузурга ибн Махмуда, а теперь и самого Аъзама. Когда они пришли во дворец и узнали, что посла пока нет, они решили навестить падишаха. Однако их не пустили в покои

Нодира, сославшись на запрет господина посла.

Расим повёл голову назад. Всё притворное радушие на его вытянутом лице перешло в огорчение. Он на мгновение нахмурился, ибо не терпел дерзости в свою сторону, но не здесь и не сейчас... Расим спокойно опустил взгляд на Аъзама.

– Светлейший падишах не в силах принимать даже собственных визирей, что уж там до иностранных гостей, – безмятежно ответил Расим. – Вы уж извините за дерзость, – выждав паузу, добавил он.

– Султан желает ему скорейшего выздоровления, – мягко разрядил обстановку Юсуф. От волнения в его голосе присутствовала лёгкая дрожь – он то знал, на что способен Аъзам, когда бывает жёстким. Хотя его должно было волновать то, на что был способен Расим, но откуда Юсуфу знать?

– Да?.. Понимаю. Я передам пожелания его светлости падишаху, – Расим медленно перевёл взгляд на Юсуфа. В его улыбке была скрыта насмешка. – Видите ли... – он посмотрел на Уруна и ядовитым взглядом выплеснул на него всю злость. – *«Ты ещё здесь?»* – Расим кивком указал на выход, что означало: *«Убирайся и с чаем возвращайся!»*

Снова посмотрев на гостей, он спокойно продолжил:

– ...на Зебистан свалилось двойное несчастье.

Расим подчёркнуто вздохнул и смерил взглядом третьего гостя. Расим не знал его, в отличие от Аъзама, с которым он несколько раз переговаривал на главном рынке Ангурана. А этого толстопузого Юсуфа он знал ничуть не лучше.

– Наш светлейший падишах поражён неведомым нам недугом, а Чёрная напасть продолжает портить наши земли и урожай, – объяснил Расим, не отрывая глаз от незнакомца. – Это привело к упадку в нашей торговле. Многие от нас отвернулись. Даже визиря пренебрежительно относятся к своему народу, и халатно относятся к их мольбам, – слова Расима звучали как жалоба. – Они заботятся о своей выгоде, когда Я думаю о народе и государстве, – подчеркнув себя, он с вызовом посмотрел на Аъзама.

Расим был самодовольно горд тем, что все его действия направлены во благо народа, и был уверен, что этот самый народ в ответ послужит его целям. Когда же он упоминал о визирях, в его голосе звучало раздражение ими, хотя их бездействие и алчность играли ему на руку.

Все эти обуревавшие им сейчас чувства были хорошо скрыты под смуглым безмятежным лицом, обрамлённой густой чёрной щетиной.

– Мы понимаем сложившиеся обстоятельства, – заговорил третий представитель султана. – Мы уже изучили рынки Расулабада. Признаюсь, я представлял себе не такую мрачную картину.

Расим подозрительно взглянул в его светлые карие глаза. «*Вы изучили рынки?*» Эта весть не понравилась ему, а мысль случайна прозвучала вслух.

– Да, – коротко ответил Аъзам.

– «*Когда же вы успели?*» – на этот раз Расим постарал-

ся не выдавать своих мыслей. С другой стороны, он не стал спрашивать в слух, чтобы не ввести гостей в замешательство своей недоверчивостью.

Однако этот вопрос читался на его глазах, обращённых на серую чалму Аъзама с чёрным и белым шнурками. Сама ткань чалмы была украшена серебристой тесьмой.

– Мы прибыли в Расулабад на рассвете. Я, Бахром³² и Юсуф разделились, чтобы обойти местные рынки, – Аъзам левой рукой указал на своих спутников. – Лавки пусты, продолжал он. – Цены высоки. Народ негодует, возмущается, а продавцы лишь разводят руками, да пожимают плечами.

– Какие решения вы можете предложить? – спросил Расим.

В это время дверь в его приёмную снова открылась. Вернулся Урун с кувшином и тазом для умывания рук. Сначала, как положено, он подошёл к гостям. Урун наклонился к Юсуфу и предложил ему помыть руки. Затем он прошёл сзади него и предложил помыть руки Аъзаму, а после и Бахрому. На изгибе правого локтя висело короткое полотенце, которым и воспользовались гости. В последнюю очередь Урун подошёл к Расиму, но тот посмотрел на него исподлобья и опустил брезгливый взгляд на использованное полотенце. Новый палящий взгляд Расима безмолвно велел слуге принести ему сухое полотенце и потом уже предлагать помыть руки.

---

³² Бахром произносится с гортанной «х».

Урун предусмотрел это. Положив позолоченный кувшин и таз с розовыми самоцветами у края топчана, он быстро вышел в коридор и через мгновение вернулся с тёмно-зелёным полотенцем. Он знал, что это любимый цвет посла.

Расим помыл и высушил руки. Урун склонил голову и вышел, но вскоре снова вернулся со скатертью в руках. Вслед за ним вошла стройная молодая девушка в розовом шёлковом платье с золотистыми переплетающимися узорами на рукавах и середине платья. Поверх платья на миловидной девушке был фиолетовый полосатый камзол с тонкой золотистой тесьмой по краям. Её тёмно-каштановые волосы скрыты под молочно-розовым сетчатым платком, и лишь две тонкие пряди обрамляли её лицо. Урун постелил скатерть возле гостей и взял синий чайник с белым павлиньим пером на узоре с четырьмя пиалами того же окраса с подноса, которая держала придворная служанка и положил на скатерть. Он взял одну пиалу, налил до половины чай и вылил обратно в чайник – и так три раза, высоко поднимая чайник. Затем из подноса он взял три кулчи и положил их посередине скатерти, взял три тарелочки размером с ладонь и положил возле каждого гостя. На этих синих тарелочках с ватным узором была разрезанная хурма и яблоки. Урун поставил кулчу и тарелочку с фруктами и на стол Расиму. Только после этого он налил гостям чай, а послу последним.

Сначала гостям, потом хозяевам – таковы правила гостеприимства.

Когда слуги ушли, Расим бросил дольку хурмы в рот, чем привел русого Бахрома в недоумение. Расим пожевал, проглотил хурму и с наслаждением от вкуса ответил на незаданный вопрос:

– Думая о благе государства, у меня вообще вылетело из мыслей, что нужно проснуться на сухур. Это утомляет, вам ли не знать, – Расим жестом намекнул на свою занятость.

– Мирас будет поставлять вам фрукты и бахчевые, Ангуран – корнеплодные и клубневые овощи, зёрна и муку, а Арруж будет поставлять вам семена для новых посевов, – после глотка чая, Аъзам перешёл к делу.

– Хорошо, – прошептал Расим, побарабанив пальцами по столу. – В каких объёмах? В тех, о которых мы договаривались с султаном? – Расим разломал свежвыпеченную кулчу и вдохнул исходивший пар – так любил делать его отец.

– На первое время мы будем поставлять треть от оговоренного...

– Этого мало, – Расим в негодовании перебил Аъзама.

– Мы понимаем, – Аъзам попытался сделать утешительный жест. – Мы увеличим свой посев. Если с позволения Всевышнего урожай будет обильным, мы поставим запрошенный объём.

Расим покивал, положил кусок кулчи в рот и задумался, пока жевал:

– *«А как же Фалид? Ах, да, у них там кроме этих луж с чёрным маслом, больше ничего нет».*

Расим ухмыльнулся про себя, но движения губ подло выдали его, чем снова озадачили представителей Ахоруна. Они не понимали переменчивые гримасы Расима, пусть и едва заметные.

– Вам нужно больше, мы понимаем, – заговорил Юсуф, но был перебит.

– Какова будет цена за телегу? – спросил Расим.

Аъзам переглянулся со своими путниками и задумчиво насупились, чем привлекли недоумевающий взгляд Расима.

– Поставки будут разделены на соответствующие продовольственные группы и цены на них будут отличаться друг от друга, – заявил Аъзам. – К примеру мешок картошки будет стоить от ста до двухсот султана в зависимости от сорта, а мешок моркови от восьмидесяти до ста десяти. Цены разнятся даже в самом Ахоруне.

– Не вижу в этом никаких затруднений, – сказал Расим. – Если из Арружа приедет одна телега с рисом, а вторая с картофелем, пусть продают по той цене, по которой наши перекупщики смогут оплатить пошлину в казну Зебистана, и при этом остаться с прибылью, – характерным выражением лица Расим развёл рукой, что означало *«всё просто»*.

– Всё не так просто, господин посол, – поправил Аъзам.

Расиму не понравился тон, с которым это было сказано.

– Что такое? – прищурился он с подозрением на Аъзама.

– Султан не намерен отправлять караваны с телегами, – ответил Бахром. – Его светлость хочет построить грузовые

лодки и на них доставлять товар по Зарафшану, а часть отправлять на прямую в Чехру³³ по Гурезу.

Расим захотел раздавить пиалу в своей руке, словно переспелую хурму. Эта неприятная для него новость привела его в ярость. Это могло стать... Нет! Это уже может стать нежелательной преградой его планам. Он не позволил ярости отразиться на его внешности. Расим тихо вздохнул и задумался, бережно положив пустую пиалу на стол.

– Одна такая лодка будет вмещать груз пятнадцати телег, – заверил Юсуф. – Мы пересекли озеро на одном из первых построенных лодок, а также привезли с собой гостинцев, – добавил он с улыбкой.

Нет, Расиму было нужно выпить ещё чашку горячего чая, чтобы потушить в себе ярость.

– Прошу прощения, не могли бы вы налить мне чаю? – обратился он к Юсуфу. – Спасибо. Сколько лодок будет построено? – спросил он у Аъзама.

– Триста.

Юсуф подал пиалу Расиму и тот выпил горячий чай одним залпом. Что ж, он проглотил эту жгучую новость. В планы всегда нужно вносить поправки, чтобы достичь цели.

– *«Любую преграду можно обойти»*, – как говорил его отец.

– Как долго будут строиться ваши лодки? – спросил Расим. – Видите ли, голод не ждёт, – покачал он головой в до-

---

³³ Чехра произносится с гортанной «х» с ударением на «а».

бавок.

– Первые пятьдесят лодок будут построены через месяц, – ответил Бахром.

– Полгода – это долгий срок, – выразил беспокойство Расим, с нотой осуждения в голосе.

– Мы попросим его светлость отправить несколько караванов с непортящимися продуктами, пока в ваши порты не придут первые лодки, – обещал Аъзам.

Расим молча поблагодарил его, приложив руку к сердцу.

– Одна такая лодка будет стоить десять Зарв³⁴, – сообщил Юсуф. – Но, учитывая разницу между золотыми монетами Ахоруна и Зебистана, султан установил цену в тринадцать Зарв.

– *«Какой жадный баран»*, – сказал про себя Расим, а вслух сказал другое:

– Для нашего рынка и десять Зарв слишком высокая цена. Даже казна не может позволить себе этого.

– С вашего позволения, – начал Аъзам, – мы пробуем в Расулабаде несколько дней и хорошо изучим потребность на ваших рынках и платёжеспособность народа. После мы бы хотели поехать в Чехру и провести подобное исследование там.

– Платёжеспособность низкая, могу заверить вас, – уверенно заявил Расим.

– Мы доложим обо всём этом его светлости и попытаемся

---

³⁴ Зарв – золотая монета Ахоруна

убедить его не преследовать скорую окупаемость расходов его казны на постройку лодок, – сказал Аъзам. – Перед нашим приездом мы попросили его светлость подумать о возможностях вашего народа и вашей казны в этом сложном положении. Мы надеемся, что вы очень скоро справитесь с этой Чёрной напастью.

– Нашими устами его светлость заявляет, что он готов возобновить долгосрочные отношения с Зебистаном, – сказал Бахром. – Именно поэтому мы уговорили султана включить лишь два десятых от расходов его казны на стоимость того или иного груза. Вы ведь не просто наши соседи... Вы наши друзья. Вы наши братья, а братья должны помогать друг другу.

– *«Как благородно»*, – проговорил про себя Расим и подвёл руку ко рту. Он погладил большим пальцем перегородку носа, чтобы никто не заметил, как саркастично движутся его губы.

– Простите, что? – Юсуф всё-таки заметил и ему показалось, что посол что-то спросил.

– Братья должны помогать друг другу безвозмездно, – с язвительной ноткой подчеркнул Расим. – Какова цена теперь? – спросил он прежде, чем Аъзам смог что-то сказать в ответ.

– Десять золотых за лодку с любым грузом, – ответил Юсуф.

– Лодки будут отплывать каждую неделю, – добавил Ба-

хром.

– «Десять Зарв за товар, который, возможно, не стоит и восьми», – задумался Расим. – «Десять Зарв Зебистана – это тринадцать Зарв Ахоруна».

– Вы просите десять золотых Зебистана или Ахоруна? – уточнил он вслух.

– Зарв Ахоруна, господин посол, – ответил Аъзам.

Расим исподлобья посмотрел на потолок, вычисляя разницу в уме. Пятнадцать тысяч шестьсот, если каждая лодка будет делать по четыре рейса в месяц. Нет, такая перспектива его не устраивает. Местные богачи может и могут позволить себе расплатиться за такой товар, но потом цены на рынках подскочут до небес и простой народ будет страдать в двойне. Казна же не может позволить себе таких расходов.

– Не велика скидка его светлости, – упрекнул Расим. – Кому вы хотите продавать свой товар? Казне? – уточнил Расим.

– Может, вам следует пригласить вашего казначея, – предложил Аъзам. – Мы бы вместе обсудили условия оплаты. Мы готовы пойти на небольшие уступки.

– Хотите, я могу послать за ним, – Расим саркастичной любезностью указал на дверь. – Но пока эта старая бездарность будет тащить сюда свою дряблую тушу, наступит глубокая ночь. Боюсь, даже тогда он будет лишь мямлить своим жадным языком... Прошу простить меня за резкость, – глаза Расима горели насмешкой на безразличном лице.

Представители султана пришли в замешательство и недо-

умённо переглядывались друг с другом.

– Если вы считаете его присутствие необязательным, мы можем продолжить... Ведь именно с вами нам и поручено иметь дело, – в голосе Аъзама звучало сомнение.

– О казне Зебистана я знаю больше, чем сам казначей, – колко подчеркнул Расим. – С уверенностью могу сказать вам, что казна не может позволить себе такие расходы, – его слова слегка насторожили представителей, но Расим принялся успокаивать их. – Вместо этого я предложу вам другое. От имени падишаха я позволю вам самим торговать на рынках Расулабада и Чехры. Пусть народ сам покупает у вас то, что ему необходимо. Мало или много, у людей всегда есть деньги. Вы можете продавать свой товар по себестоимости местным торговцам или нанимать их себе в помощь. Так ваши цены не вырастут слишком высоко и будут доступными. От вас же требуется одно – платите в нашу казну одну четвертую от вашей прибыли, – Расим снова смерил их взглядом, оценивая их реакцию.

Гости несогласно переглянулись. Это предложение было неожиданным, а ставка высокой. Они наклонились друг к другу и переговорили шепотом.

– Мы предлагаем одну шестую, – объявил их заключение Аъзам.

– Моё предложение весьма выгодное, – с убеждающим тоном сказал Расим. – Напомните, сколько стоит мешок картофеля в Ангуране? – он посмотрел на Аъзама. – Сто мед-

ных? Тут его купят и за сто пятьдесят! – бросил Расим. – А за зерновые и злаки люди раскошелятся ещё больше. Они нуждаются в вас... А казна в налогах.

– Не благое это дело – наживаться на народе, – проворчал Бахром.

– Поверьте, – громко ухмыльнулся Расим. – Если вы отдадите весь свой товар местным перекупщиками, цены подскочат вдвойне или втройне. Я не смогу их регулировать... Соответственно и налоги будут больше, но некоторые и куски хлеба не могут сейчас себе позволить. А так я буду взимать налоги с вас, – Расим указал на представителей султана.

– Если мы будем платить налоги и вам, и султану Бузургу, то в какой выгоде останемся мы? – негодовал Аъзам и его спутники поддержали его, покивав головой.

Расим ухмыльнулся и отпрянул от стола. Закатив глаза, он хотел было ответить, но услышал стук. Дверь приоткрылась и за ней показалась голова Одила. Расим кивнул ему, и писарь с взволнованным видом подбежал к топчану.

– Вести, господин, – прошептал Одил.

Расим поманил его к себе и, поднявшись на топчан, Одил прошептал весть ему на ухо. Эта была та самая весть, которую Расим ждал несколько недель. Оно было слишком важным для него. У него загорелись глаза, а на лице прорезалась легкая улыбка. Расим прошептал на ухо Одилу вопрос и, возмущенно нахмурился, услышав ответ.

Расим опустил долгий взгляд на гостей и негромко обра-

тился к Одилу:

– Позови Мастону.

Одил учтиво склонил голову и вышел из приёмной.

– Искренне прошу меня простить. Мне придётся вас оставить, – неожиданно заявил Расим. – Возникло неотложное дело, требующее моего обязательного присутствия, – Расим встал из-за стола и, шагнув к краю топчана, остановился.

Через плечо Расим посмотрел на глубокую нишу в стене, посередине. В его глазах отразилась скорбь, а грудь на мгновение сжалась от горя. Тихо вздохнув, Расим скрыл свою скорбь под задумчивым взглядом и обратился к гостям:

– Вы можете оставаться в Расулабаде сколько захотите. Мы ещё с вами переговорим... Мастона покажет вам выход, – он указал на ту самую придворную служанку в розовом платье.

Мастона озадаченно смотрела на то, как странно Расим смотрел на нишу в стене. У неё возник вопрос, но посол вряд ли станет изливать ей душу. Когда же Расим указал на неё, она покорно склонила голову и приставила руку к сердцу. Посол быстро спустился с топчана и раздосадовано прошёл мимо неё.

Расим вышел в коридор и широким шагом догнал Одила посередине.

– Где он?! – оскалился Расим.

– Во внутреннем саду, мой... господин, – замешкав, ответил писарь.

– В котором? – требовательно процедил Расим.

– В яблоневом, господин. Он ожидает вас там.

– «Хорошо», – подумал Расим. – *«Лишних ушей в этом саду не будет»*.

Юный гонец с резкими чертами лица и густыми медными волосами под плоской сине-зелёной тибетейкой стоял у резной колонны на внутренней восточной веранде. Гонец был в синем кафтане с белыми узорами и в зелёном камзоле с золотистыми узорами. В ожидании посла, юноша считал плоды на четырёх старых яблонях.

Расим появился из северо-восточного коридора вместе с Одилом. Смерив замечтавшегося юношу изучающим взглядом, он стремительно направился к нему.

– Ты посмел явиться с пустыми руками? – вознегодовал Расим.

Он не поверил Одилу, а теперь сам убедился в том, что гонец ничего не принёс, кроме слов. Его гневный взгляд требовал ответа, но юноша просто опешил. Гонец отшагнул назад и замер, словно резная колонна.

– Докладывай! – рявкнул Расим.

– Светл... – вспомнив, что к нему нельзя так обращаться во дворце, гонец потупился. – Господин, при обыске руин древней библиотеки Джоду нашли тайную комнату, – замешкав, заговорил он. – Каменная дверь была запечатана...

– Не мямли!

– Вашим людям удалось сломать дверь на третий день по-

пытков. Тайник оказался небольшим. Там было несколько запечатанных кувшинов, некоторые из них сломались...

– Меня не интересуют кувшины, – Расим терял терпение.

– Среди них было много ветхих рукописей и одна книга.

Услышав это, лицо Расима растянулось в коварной улыбке, но его глаза по-прежнему требовали ответов.

– Где сейчас эта книга?

В голосе Расима гонец почувствовал угрозу и, боясь, что ответ не понравится послу, отшагнул ещё на шаг.

– Совет старейшин Джоду оказал давление на ваших людей. Они забрали книгу на изучение, но никто не смог прочесть её...

– *«Ещё бы»*, – ухмыльнулся Расим, но гонца перебивать не стал.

– ...Говорят, эта книга написана на другом языке, – продолжал юноша. – Старейшины позвали ведьм и колдунов, но и они не смогли прочесть клинопись. Тогда... – гонец запнулся, так как Расим подошёл к нему вплотную и смотрел на него сверху вниз хищными глазами. – *«Вот он и высокий»*, – встревоженно подумал гонец.

– Что тогда? – сквозь зубы потребовал Расим, сжимая кулаки.

– Они обратились к ней за помощью, – гонец нарочито не назвал имени. С одной стороны, он знал, что посол догадается о ком речь. С другой стороны, он боялся, что Расим ещё больше разгневется.

Расим тяжело вздохнул, отшагнул от гонца и задумчиво посмотрел в сторону.

– Она добралась до книги? – тихо спросил он. Его голос был обеспокоенным, ибо на кону стояли чуть ли не все его планы.

– В день моего отъезда в Расулабад я узнал, что она выехала из Эрода, – ответил гонец.

– *«Она не поедет через Эрг даже ради этой книги»*, – с облегчением подумал Расим.

Со злорадной ухмылкой Расим медленно положил руку на плечо гонцу и посмотрел ему в глаза.

– В Джоду без остановки скачи, книгу мне оттуда принеси. Если Кто встанет у тебя на пути, кинжалом горло ему перереки.

Эти негромко пропетые слова словно загипнотизировали гонца. На коже вокруг его глаз появились короткие, тонкие чёрные линии. Юноша поклонился послу в повиновении, повернулся и убежал.

Расим же повернулся к Одилу, стоявшему в шести шагах от него. Он в трепете наблюдал за тем, как колдун дурманит разум гонцу, а когда Расим посмотрел на него, тут же потупился.

– Когда он доставит книгу, спрячь её. Я в это время буду в Ангуране, – Расим прошёл мимо слуги и повернул направо. – Затем, сразу же отправь мне туда сообщение об этом, – схватив правое запястье левой рукой, Расим медленно по-

шёл в сторону восточного крыла.

– Вы снова идёте на приём? – нерешительно спросил Одил. – Вам же в прошлый раз отказали, господин.

Расим остановился, улыбнулся и, не поворачиваясь к Одилу, ответил:

– На пути к заветной цели встречается много ям. Это не повод сдаваться и сворачивать с пути.

– Но ведь праздник после завтра. Как вы собираетесь добраться до Ангурана за два дня? – недоумевал Одил, разумно полагая, что это невозможно.

Расим оглянулся и многозначительно посмотрел на него.

– Чем больше знаешь тайн, тем меньше ты нужен живым.

* * *

«Лев загрызёт петуха в один миг – такова его природная сила. А каков характер? Петух даёт своим курицам и цыплятам поклевать зерно первыми, лев ждёт позволения львицы. Характер – истинная сила мужчины».

Хранители знаний: «Мемуары султана Зухура»

С наступлением зимы уже весь город знал, что Азиму дан свободный выбор. Молва об этом вышла уже за пределы Ахоруна. Все, кому не лень, нагло спрашивали, когда же он сделает свой выбор. Изо дня в день, повторяющиеся вопросы, всё больше подталкивали Азима на размышления.

На улицах Ангурана и на базарах юноша задумчиво смотрел на молодых девушек. Он изучал их поведение, манеру общения, решая для себя, какой должна быть его будущая жена. Вомик, к которому Азим приходил по поручениям отца, всё чаще намекал ему на свою дочь. Как-то раз Азим увидел Малику на рынке Голиба и пригляделся к ней. Миловидной девушке было семнадцать лет и всегда ходила со взглядом, опущенным к долу.

– «Может, мне поговорить с ней? Узнать её по лучше? Вдруг я ей не понравлюсь?»

Иной раз Азим думал, может ему найти невесту похожую на его мать – милую, заботливую и умеренно строгую?

Азим не знал, что ему делать, но был уверен, что времени у него ещё много.

Девушки в Ангуране красивые, улыбчивые. Есть робкие, скромные, есть и кокетливые, и игривые. Все они разные, но как говорят бабушки, двое из десяти схожи друг на друга поведением, нравом или даже голосом.

Вспоминая об этих словах, Азим с улыбкой вспомнил и о Комиле, который часто приводил в пример подобные бабушкины суждения. После поездки в Мирас он редко видел Комила. В последнее время Комил был занят своей свадьбой. Азим виделся с ним две недели назад. Он был одновременно рад и взволнован. По поручению Аъзама они вдвоём проверяли груз, отправляемый в Расулабад...

Иногда Азиму даже в присутствии Комила было сложно

работать. Люди, узнав его, старались завоевать его внимание, хвастая своими дочерьми или племянницами. Горькая правда в намерениях таких людей заключалась в том, что некоторые из них ищут собственную выгоду в браке своих детей, и не думают о том, будут ли их дети счастливы.

«Любовь придёт со временем», – таков был лозунг этих людей, и Азиму приходилось часто это слышать.

Другая горькая правда в том, что любовь не всегда приходит потом. Она может и никогда не прийти. Нужно быть мудрецом, чтобы понять это, но беда в том, что даже мудрецы иногда игнорируют этот очевидный факт – им бы выдать дочь за состоятельного и обеспеченного жениха.

Хоть Азим уже и начал задумываться о выборе, для наглецов у него был один ответ: «*Я не спешу с этим*».

Этим холодным утром Азим проснулся рано. Работа и постоянные намёки о выборе перемешались у него в голове и не давали ему спокойно спать. Благо, родители не докучали с этим вопросом.

Огонь в очаге в их с братом комнаты давно погас. Шторы были сдвинуты. За окном было светло, хоть солнце ещё не взошло полностью над восточным горизонтом. Его свет проникал в комнату и окончательно пробудил Азима. Он встал с постели и подошёл к кровати брата. Азим хотел разбудить Рауфа, но тот что-то проворчал про тренировку, повернулся на другой бок и закутался в шерстяное одеяло. Азим разжёг новый огонь в очаге, чтобы его брат не замёрз. После

нескольких серий отжиманий и приседаний Азим спустился вниз, где на кухне его родители шутили и тихо смеялись, чтобы не разбудить детей.

Последние три месяца, после налаживания торговли с Зебистаном, Азим всё больше гордился своим отцом. Аъзам смог договориться с послом падишаха о торговле в Расулабаде и Чехре. Они договорились об одной седьмой от прибыли, а по приезду уговорили султана брать с них плату за аренду лодок и одну десятую от годовой прибыли. Зная жадность султана, все были удивлены, что Аъзам смог договориться с ним. Своим сыновьям он всегда говорил, что зебистанцы не просто их соседи, а друзья и даже братья. У них с ахорунцами одни общие предки. Аъзам признался сыновьям, что именно этими словами ему удалось уговорить султана. Его светлость не хотел выкупать весь товар у Торгового Совета и по завышенной цене продавать его Зебистану, потому и прислушался к совету Аъзама. А недавно Аъзам пришёл домой с очень хорошей вестью. На следующий Навруз султан обещал назначить его Визирем торговли. Эта должность была вакантна во дворце с тех пор, как пятнадцать лет назад бывший визирь торговли скончался от Зелёной хвори.

Заметив старшего сына, Аъзам намекнул об его присутствии жене и сел за обеденный стол.

– Доброе утро, – Азим поздоровался с родителями.

– Доброе, – ответила Зарина. В тёплом красном платье она стояла у кухонного очага и варила рисовую кашу и пекла

тыкву. Коричневая шерстяная безрукавка скрывала оранжевые розетки её платья, от которых к рукавам тянулись зелёные побеги. – Иди умойся и возвращайся к столу, завтрак уже готов, – повернувшись к сыну, сказала она.

– Доброе утро, Азим. Рауф не проснулся? – спросил Аъзам.

– Нет, – ответил Азим. – Он, похоже, сильно устал после вчерашней тренировки... Я скоро вернусь.

Азим вышел из дома и направился в дворовую ванную. Совершив утренний туалет и омовение, он вернулся в дом, где его мать снова смеялась от шутки отца – Зарина сияла, как восходящее солнце. Азим всегда восхищался взаимной любви своих родителей, и брал с отца пример того, как нужно будет общаться со своей женой. При этом, юноша сел за стол и, глядя на отца, надеялся, что тот не спросит у него о выборе.

Завтракали они втроём. Рауфа будить не стали – у младшего сына своё расписание. За столом они практически не разговаривали. Завершив завтрак молитвой и, обведя лицо руками, Аъзам обратился к сыну:

– Мне нужно, чтобы ты отправился сегодня на посевные поля и проверил, как идут приготовления к весне.

– Хорошо, отец. Помогу матери на кухне и пойду, – заверил Азим.

– Кстати об этом, – Аъзам многозначительно посмотрел на жену. – Прошло восемь месяцев, а ты до сих пор не назвал

ни одно имя, – он вопрошительно посмотрел на сына.

Азим положил грязную посуду в каменную раковину в углу и томно, но тихо вздохнул. Он знал, что этого разговора не избежать, но можно пока отложить.

– Я еще думаю, – сделав задумчивый вид, ответил он отцу.

– Что ж, пока ты думаешь, у меня есть к тебе другое поручение, – на удивление жене и сыну, сказал Аъзам.

Зарина хотела, чтобы он обсудил с сыном этот вопрос, а вот Азим был только рад смене разговора.

– На проспекте Хоруна высокие цены, – озадаченно продолжил Аъзам. – Люди жалуются Торговому совету. Перекупщики в ларьках уже не в первый раз завышают цены. Проведав Рашида, отправляйся туда. Выясни, по какой причине они на этот раз самовольно подняли цены. И передай им, что это последнее предупреждение, иначе они будут отвечать перед самим султаном...

Отец и сын вместе вышли со двора, последний закрыл деревянные ворота. Аъзам оседлал белого пятнистого коня с серебристой гривой и взял путь к озеру Зарафшан. Ему нужно проследить за погрузкой лодок, поговорить с торговцами, узнать последние новости и сообщить обо всём султану. Азим же сел на гнедую кобылу своей матери. Пора бы ему обзавестись своей лошадю. Попрошавшись и пожелав друг другу удачи, они поехали по своим дорогам – отец на юго-запад, сын на север.

Азим медленно ехал по грунтовой дороге и разглядывал

деревья. Одни были высокие, другие низкими, с толстыми или тонкими стволами. Ни одно из них не могло сравниться с Деревом Сохиба. У большинства деревьев в этой окраине листья полностью опали. Кроны редких деревьев обрели красно-бурый окрас. Азим знал, как выглядят деревья, когда зеленеют и цветут, но он с трудом представлял себе деревья, покрытые снегом. Зима в Ангуране, как и во всём Ахоруне, была достаточно холодной, чтобы лужи на дорогах замерзли по ночам. Однако снег выпадал крайне редко. Настолько редко, что Азим видел снег лишь на заоблачных пиках Катрона, где никогда не был. Дорога до этих гор занимает до недели, и про то, как падает снег, Азим слышал лишь в рассказах. В одном из таких рассказов говорится, что в последний раз снег накрывал Ангуран почти три века назад.

– Доброе утро, Азим! – мимо юноши проехали три телеги. Они ехали от поля, гружённые серо-бурыми мешками с последним собранным урожаем. Крестьяне – рабочие его отца, по двое на каждой телеге, помахали Азиму.

– И вам доброе утро, – ответил Азим, прижав правую руку к сердцу. Юноша понял, что работа на поле началась с раннего утра.

Доехав до небольшой рощи перед самими посевными полями, Азим удивился количеству телег у подлеска. Некоторые были пустые, некоторые заполнены наполовину, а люди с поля несли на своих плечах полные мешки, другие несли мешки парами. Между деревьями устроили новые коновязи,

а справа от прогалины даже построили стойла. Всё это было сделано за последние три месяца, когда начались поставки в Зебистан. Азим не приходил сюда в это время – он был занят делами отца в городе.

Слева в пятидесяти шагах от дороги, где редели деревья, тоже стояли телеги, запряжённые парой лошадей. Рабочие отца заполняли их мешками. Загруженные телеги трогались в путь.

Пока Азим привязывал кобылу к жерди, ещё две заполненные телеги со скрипом выехали. Заметив Азима, все рабочие, что на телегах, что с мешками на плечах, с рукой у сердца или кивками здоровались с ним. Азим отвечал им тем же и взглядом искал аки Рашида.

Юноша оглядывался по сторонам, но нигде не видел старосту рабочих. Азим начал спрашивать у рабочих. Один пожал плечами, другой указал куда-то в сторону, третий и вовсе не знал, о ком у него спрашивают – видимо новенький.

В поисках аки Рашида истоптанная и выщипанная трава сменилась бескрайним вспаханным полем с редкими ручейками зелени посреди тёмно-бурой почвы. На поле местами были расставлены мешки с картофелем, морковью, луком и другими плодами земли. Крестьяне подходили к ним и уносили к телегам. Те, что помоложе, задерживались, болтали, шутили или хвастались, а за дело брались по замечанию старших.

Даже при этом количестве рабочих большая часть посева-

ных полей оставалась безлюдной. Урожай с этих участков собрали ещё осенью, и пустили туда скотину, чтобы съела остатки початков и стеблей и одновременно удобряла почву естественным путём.

Наконец, послышался знакомый голос, отдающий распоряжения. Азим подошёл к широкоплечему мужчине в сером полосатом чапане. На голове у старосты была короткая чалма из белой и синей шерсти.

– Доброе утро, Рашид-ака, – сказал Азим, осторожно переступая через мягкие борозды.

– Доброе, – староста повернулся к юноше и пожал ему руку. – Давно тебя не видел, сын Аъзама. – За работу! – громовым голосом он разогнал новичков, столпившихся у одного мешка. – Лентяи! – покачал он головой.

Азим оглянулся на тех ребят и снова посмотрел на Рашида.

– Как идут дела, Рашид-ака?

– Хорошо, – без радости ответил староста. – Загружаем последние мешки зимнего запаса. Правда, треть отправится в Расулабад, – уточнил он.

Староста также доложил Азиму, что весь зимний урожай был собран и расфасован по мешкам, которые он сейчас видит. Площадь посевных земель увеличили втрое. На новых участках устроили пастбище для скота. Весь предыдущий месяц там был выпас коров и овец. Пару дней назад, пастухи увели свои стада в предгорные холмы на север. Скоро они

начнут вспахивать эти участки и готовить к зимнему посеву.

Азим внимательно слушал старосту и уловил в его тоне некую взволнованность. Сам староста был хмурым, как серые облака на северо-западе. Этот человек, который всегда был весёлым и общительным, озадачил Азима. Таким он видел старосту нечасто.

Рашид сделал глубокий вдох и повернул голову к Азиму.

– Чуешь? Воздух пахнет снегом. Ветер приносит его запах с гор. Этой зимой может выпасть много снега, – многозначительно заключил он, бесцельно смотря вдаль, грустными серыми глазами.

– Рашид-ака, в чём дело? – негромко спросил Азим. – Вы ни разу не улыбнулись и не пошутили. Вы чем-то обеспокоены?

– Всё дело в Рахмоне, – промолчав и вздохнув с тоской, ответил староста.

– А кстати, где он? – Азим остановился и огляделся по сторонам. – Он же всегда был рядом с вами? – *«Может его старый друг приболел?»* – подумал Азим.

Рашид подошёл к телеге и присел на колесо.

– Не знаю, – снова промедлив и задумавшись, ответил он. – Я уже давно его не видел. С тех пор как ты в последний раз был здесь, Рахмон снова начал вести себя странно, – Рашид подозрительно взглянул на юношу. – Он всё чаще бубнил что-то себе поднос. Мне иногда казалось, что он пел какую-то песню... Не знаю. Он всё реже приходил на работу,

а когда приходил, вёл себя так, будто не осознавал, где он и что вокруг происходит... И всегда был напуган... Этот страх в его глазах, – Рашид покачал головой и опустил глаза. – Я не могу представить, из-за чего он был так напуган. Однажды я зашёл к нему домой, чтобы поговорить с ним, выяснить, что с ним происходит. Единственное, что Рахмон сказал мне: *«Я должен помочь ему. Он голоден. Он страдает. Ему нужна помощь»*. И поверь мне, Азим, Рахмон не себя имел в виду, каким бы сумасшедшим не казался, – во встревоженных глазах, просящих ответа, отражался необъяснимый страх.

Азим озадаченно скосил взгляд на старосту, вспоминая рассказ о братьях. Кажется, Комил тоже упоминал о невнятном пении Акрама и Ситоры. Он начал догадываться, что могло произойти с аки Рахмоном, но вспомнив совет Комила, Азим не стал высказывать свою догадку.

– Я уверен, с ним всё в порядке, – *«Ложь во благо»*, Азим не раз слышал этот термин, но не думал, что сам воспользуется этим трюком. С другой стороны, юноша не хотел огорчать аки Рашида ещё больше.

– Уже полтора месяца как его нигде нет, – сквозь ком произнёс Рашид. Его глаза поднялись на грудь Азима, но взгляд был пустым. – Я думал, что Рахмон мог скончаться, и недавно вместе с городской стражей вошли к нему в дом, – он отрицательно повёл головой. – Все его вещи были там, кроме него самого.

– Может, он получил письмо от родственников и уехал в

Арруж? – предположил Азим, чтобы как-то подбодрить Рашида.

Это и в правду сработало! В глазах старосты зажглась искра надежды. Его выражение стало оживлённым. Он позволил себе слегка улыбнуться. Он почесал за ухом и удивлённо посмотрел на юношу.

– Ты прав, сын Аъзама. Как я мог забыть? Мне ведь говорили пару недель назад, что видели старика, похожего на Рахмона, за пределами города. Он держал путь на запад. Я отправлю письмо его брату в Арруж.

Рашид встал с колеса и вместе с Азимом направился к прогалине. К нему вернулась прежняя улыбка, и он даже пошутил насчет новичков.

Азим же за своей улыбкой скрывал сомнение – правильно ли он поступил? Правильно ли было вселять в этого доброго пожилого человека пустые надежды? Может, ему сказать правду? Порой, правда бывает не всем нужна. И в чем она заключается? Что, если аки Рахмон и в самом деле поехал в Арруж?

Мысленно юноша молил Всевышнего, чтобы так и было. Вслух же он попрощался со старостой, сел на кобылу и поехал в город...

Азим учился быстро и, с тех пор как начались поставки в Зебистан, Аъзам часто оставлял его на своём месте и доверял вести дела с местными перекупщиками. До этого Аъзам обучал сына и познакомил почти со всеми торговцами Ан-

гурана и перекупщиками из других городов султаната.

Для наездников в городе были отведены отдельные улицы. Дороги на этих улицах покрыты низкой истоптанной травой, а некоторые дороги и вовсе представляют собой голую землю. Поскольку лошади не пользуются уборными и испражняются на ходу, их наездниками запрещено разъезжать на дорогах, вымощенных камнем.

Большинство дворов на верховых улицах были ограждены каменными стенами – одни высокие, другие низкие, обмазанные глиной или окрашенные в белый, бледно-жёлтый или в бледно-зелёные цвета. Административные здания были ограждены живой изгородью. На их территории были сады с высокими беседками. Жилые здания здесь были двух и трёхэтажные с крытыми или открытыми террасами и плоскими крышами. Внешний вид домов и их ограждений менялся, чем ближе Азим подъезжал к проспекту Хоруна. У богачей дома заметно отличалась внешней отделкой.

Азим спешил к красной стене, высотой в два газа, с плотно вделанными тёмными и бежевыми разбитыми камнями, размером с его ладонь и больше. Под стеной был узкий пустой палисадник. Справа были ворота из тёмно-коричневого дерева, резьба на них изображала пауков, скрывавшихся в витиеватых кустах. Слева, у самого края стены, в пяти шагах от палисадника стояла колонна-коновязь. Азим привязал кобылу и дальше пошёл пешком.

Азим свернул направо и по узкому переулку прошёл два-

дцать газов и свернул налево, на восток. Через несколько газов он перешёл дорогу и остановился у поворота другого переулка. Ещё тридцать газов, и он выйдет на садовую площадь, которую называют «Проспектом Хоруна». На него напало странное чувство. Он колебался сделать шаг в сторону проспекта. Он задумался, бесцельно глядя на бледно-красную стену с коричневыми каменными пилястрами. Справа, в десяти газах, была серо-зелёная стена, и переулок между ними был скрыт живым навесом из виноградных лоз на деревянной решётке. Азим поднял голову – листья давно опали, а грозди собраны ещё раньше. Глядя сквозь ячейки и лозы на зеленовато-голубое небо, юноша не мог понять, с чего вдруг его сердцу стало тесно в груди. Оно колотилось словно канарейка, пытающаяся вырваться из клетки. Азим глубоко вздохнул и решительно шагнул вперёд.

Отец наказал ему быть построже и доходчиво объяснить озабоченность Торгового совета своеволием перекупщиков. Потому Азим обдумывал в голове манеру, с которой будет общаться со здешними торговцами.

Проспект представлял собой широкое кольцо, обрамляющее фруктовый сад султана, площадью в два квадратных фарсанга. С внешней стороны кольца к проспекту примыкали десять переулков, крытые виноградной лозой. Азим не спеша вышел из одного такого переулка и вступил на широкую пешеходную дорожку. Камни, вымощенные на этой дорожке, изображали волнистый узор виноградной лозы с

пышными зелёными листьями и лиловыми гроздьями. Слева, в сорока газах от него, был ещё один переулочек. Сразу после него, вдоль стен разной высоты, за которыми возвышались либо безлиственные кроны, либо роскошные дома, стояли торговые шатры, лавки и ларьки.

– Салом, Джамшед-ака, – сначала Азим подошёл к тёмно-лиловому шатру.

– О, сын Аъзама! – луноликий торговец корнеплодами отдал сетчатый пакет с картофелем и луком мужчине в богатых алых одеяниях и шагнул навстречу юноше. – Будь здоров, – торговец пожал Азиму руку и хотел резво покачать их рукопожатием, но заметив, что юноша как-то странно оглядывает его шатёр и соседние лавки, опустил руку.

Ростом Джамшед был выше Азима на пол головы, а из круглого у него было не только лицо, но и всё упитанное тело. Он был в синем тёплом чапане с голубой вышивкой. Под ней у него была плотная шерстяная рубаха.

– Я, вроде, не делал заказов. У меня... а... пока всё есть, – оглянувшись на свой шатёр и с недоумением ухмыляясь, сказал он Азиму.

– Я здесь по поручению отца, Джамшед-ака, – сдвинув брови, сказал Азим, глядя ему в глаза.

Это уже стало интересно. Его смуглое лицо, обрамлённое бородой, задавалось вопросом. Он склонил голову набок и хотел было спросить, но Азим опередил его с ответом.

– Поступили жалобы о том, что ваши цены значительно

выше, чем на главном рынке, на четыре-пять десятков, – Азим обвёл взглядом лавки рядом с шатром. – Люди сетуют на вас Торговому совету, – серьёзно заявил Азим.

И откуда у него только такая серьёзность?

Юноша впервые вёл разговор деловитым и недобродушным тоном. Последнее было для него непривычным, что заставляло чувствовать себя неловко.

А как быть иначе? Отец поручил ему усмирить жадность уличных торговцев. Нужно вести себя строго и не проявлять мягкость.

– Богатые, а еще и жалуются, – проворчал Джамшед.

Азим скрестил руки у груди и скосил на него взгляд, не понимания негодования торговца.

– Из-за торговли с Зебистаном спрос на наши товары вырос. Вот и нам пришлось сравнивать ставки. Мы же не можем удовлетворять все их потребности.

Когда Джамшед упоминал об увеличении спроса, Азим оглянул лавки и шатры позади торговца – людей было мало. Он снова посмотрел в глаза Джамшеду. Невозмутимый взгляд Азима дал понять Джамшеду, что он не убедил юношу.

– Многие из-за личных обстоятельств или из-за времени не могут себе позволить ходить на базар, поэтому они нуждаются в вас – уличных торговцах. А вы их обдираете, – Азим снова обвёл глазами лавку, чтобы Джамшед не подумал, будто обвиняют только его.

– А-а... послушай, сынок, – ехидной ухмылкой начал Джамшед, взявшись за бледно-зелёный платок, повязанный под его пюзом. – На этих улицах живут визири, чиновники, военачальники и высокопоставленные слуги султана. Да и простых богачей, не занимающих никаких должностей, здесь полно. Все они погрязли в роскоши и не знают, куда девать свои деньги. Поверь, им всё равно сколько платить за картошку – одну султана или десять зарвов. Не брать с них большую плату – просто грех.

У Джамшеда была такая самодовольная гримаса, будто он привёл веский аргумент в свою пользу, а в его голосе звучала нотка презрения. Слова этого упитанного торговца в голубой чалме изумили Азима не на шутку, а до злости.

– Грех?! – скривил он губы в негодовании. – *«Какая наглость! Как он только смеет считать своё дело благим? Кошунство!»* – Грех перед кем? – Азим сурово насупился, но при этом подавлял в себе гнев – это было неуместным. Злоба и гнев не помогут в таких случаях и тем более не исправят ошибок и проступков. Он здесь, чтобы поговорить с торговцами и донести до них слово Торгового совета, а не ругаться. – Джамшед-ака, – смягчив тон, продолжил Азим, – в нашем народе принято торговаться. Предлагая низкую цену бедному или богатому, вы получите больше блага. А обдирая или обсчитывая своих покупателей, вы лишь утяжелите свой грех перед Всевышним.

Джамшед потупился, виновато кивая головой. Ему не

наверилось, что его отчитывает парень в трое моложе него. Даже Аъзам моложе Джамшеда. Но что поделывать, парень прав.

– Джамшед-ака, – продолжал Азим, – вы не единственный торговец на этой улице, но вас я предупрежу первым. Соблюдайте рыночные правила, иначе у вас отберут разрешение.

Джамшеду эти слова не понравились, но другого выбора у него не было.

– Ладно, ладно, – пробубнил он, не скрывая своё недовольство.

Издалека послышался звук, похожий на перестук копыт. Зная, что здесь запрещено ездить верхом, Азим не придавал этому значения. *Может, это дети играют в саду*, подумал он. Этот сад рос на огромной и при этом неглубокой яме с полого понижающимися склонами. В нём преимущественно росли фруктовые деревья и немного лиственных. Узкие дорожки, вымощенные плоским камнем, вилились мимо деревьев и вели к беседкам и центральной площади с мраморным фонтаном. Под всеми лиственными деревьями стояли скамьи с резными спинками, а местами между фруктовыми деревьями стояли скамьи-качели, с опорой и навесом в виде виноградника. При подходе к шатру Джамшеда, Азим как раз заметил детей, играющих ближе к дороге.

Джамшед же, услышав перестук копыт, бросил взгляд через плечо Азима и отошёл назад к своему шатру с самым обыкновенным видом.

– Для вашей выгоды предусмотрены надбавки на рыночные цены в пределах от одной до двух десятых, – напомнил Азим, следуя за торговцем. Его тон даже ему самому показался порицательным.

В это время к шатру подошла женщина с морщинистым лбом и не менее морщинистыми руками. Седые волосы прятались под белым махровым платком с голубым геометрическим узором. В её ушах весели золотые серьги-подвески с жёлтыми камушками. Поверх нового длинного лилового платья с золотистой тесьмой и мелко вышитым белым четырёхлистным клевером была накинута бежевая пуховая шаль с золотистым отливом. Одной рукой она опиралась о трость, украшенной драгоценными камнями семи цветов радуги и той же последовательностью. При этом, красный рубин был самым большим, а фиолетовый сапфир самым маленьким – размером с виноградную косточку. Другой рукой она вела внука, одетого в белые тёплые одеяния и синий камзол с узорами из золотистой и серебристой нити в виде лозы. На голове мальчика была круглая светло-голубая тубетейка с тёмно-синим кантом и растительным узором.

Азим, прижав руку к сердцу, молча поприветствовал женщину с небольшим поклоном. Та небрежно кивнула в ответ, глядя на товар на прилавках.

– Мне нужна морковь, – старым требовательным голосом обратилась она к Азиму. Старуха приняла его за помощника Джамшеда.

Неудивительно, ведь Азим пару раз помогал ему, и не только ему, когда начал изучать дело своего отца.

Надеясь, что его слова дошли до Джемшеда, Азим отошёл чуть в сторону, чтобы при желании женщина могла зайти в шатёр. Юноша улыбнулся мальчику и скосил взгляд на Джемшеда, ожидая правильного ответа...

Звук, к которому добавились звуки размеренных шагов, стал громче и ближе. Это действительно был звук копыт, что привлекло внимание юноши и отвлекло от ответа Джемшеда. Азим редко бывает на этом проспекте, и даже в этих редких случаях он ни разу не видел тут никого верхом на лошади. Ему стало интересно, кому это дозволено пренебрегать правилом?

Проезжая часть дороги была на два три газа уже прохожей и на пядь ниже, вымощенная, в основном, серыми камнями. В десяти газах справа приближались четыре стражника в два ряда с непроницаемыми лицами. На головах были золотистые тюрбаны и одеты были они в тёмно-фиолетовые одеяния, поверх которых был зелёный стёганый халат. На плечах золотой нитью вышиты виноградные грозди, с которых вниз тянулись лозы. По краям их халаты украшены широкой золотистой тесьмой. На широких алых поясах под левой рукой у каждого висел короткий изогнутый меч в тёмно-коричневых ножнах с изумрудами. Рукояти мечей выполнены из отполированных ребристых бараньих рогов. С каждым шагом деревянные подошвы их высоких кожаных сапог всё громче

стучали о камень.

Позади них медленным шагом шёл чёрный горделивый конь. Размерами он было крупнее обычной взрослой лошади. Справа от коня, вровень с его высоко поднятой головой, шёл невысокий человек в странном белом балахоне. Длинные свободные рукава и глубоко надвинутый капюшон были расписаны какими-то символами коричневого цвета. Эти буквы не похожи на Алиф. Этот человек периодически кивал головой, а иногда приподнимал голову, но лицо всё равно оставалось скрытым под капюшоном.

Они все померкли в глазах Азима, как только он посмотрел на наездницу. Расшитое бирюзовое шёлковое тёплое платье неплотно прилегало к её гибкому телу, лишённому худобы. Длинные тёмно-каштановые волосы ниспадали на нежные плечи и за спину. На голове круглая бирюзовая тюбетейка с плоским верхом и золотым кантом. Она украшена вышивкой стебля с пышными листьями бледно-розового и жёлтого цветов. Длинный сетчатый платок под цвет платья с тесьмой ниспадал с тюбетейки и ложился на спину коня. Он был расшит цветками и украшен мелкими бриллиантами. Золотой бисер плотной гарданой прилегал к основанию нежной белой шеи. Ещё одна гардана из золотого бисера ниспадала к лакомой груди. На золотистом шнурке на поясе слева висели хрустальные суточные часы с серебристым песком. Разрез подола скрывал аппетитные бёдра. Низ бирюзовых штанов украшены серебристой волнообразной тесьмой,

как и её кожаные сапожки.

– Склони голову, глупец, – фыркнула старуха и сама же последовала своему совету, как только наездница и её свита приблизилась к ним.

Но Азим ничего не слышал. Он застыл словно изваяние, высеченное из холодного камня тысячу лет назад, с одной лишь мыслью:

– *«Вот она! Если я кого и выберу, то только её. Если я и женюсь на ком-то, то только на ней! Она – та самая.»*

Азим был без боя сражён бесподобной красотой её овального лица с резкими чертами и восхитительной фигурой.

– *«Вот это девушка... Ах...»*

Её нежная грудь робко пританцовывала в такт шагу горделивого коня, который словно знал высокое происхождение своей наездницы и гордо фыркал время от времени. Изгибы её талии скрывались под серебристым распашным камзолом с короткими рукавами из плотного адраса, расшитого золотым растительным узором и дополненного сапфирами.

Белая, как само солнце, прекрасная девушка ловко восседала на буром кожаном седле. Её длинные утонченные ноги вскружили голову Азиму. Ангуран переполнен красавицами, но она была краше всех. Азим не мог оторвать от неё восхищенный взгляд, чтобы заметить, как остальные люди склоняют голову перед ней, прижимая правую руку к сердцу, по мере её приближения.

Какой же дурак...

Азим не замечал никого вокруг себя, ибо в этот момент кроме неё для него больше никого не существовало. Он был готов утонуть в её тёмно-карих, выразительных глазах. Пухлые влажные губы растягивались в скромной улыбке в ответ на поклон людей.

Левой рукой она держала поводья, а правую она подводи-ла к сердцу и отдавала избирательный, небольшой поклон некоторым из людей.

Иногда она что-то говорила своему странному спутнику в балахоне, а иногда просто кивала ему. Проезжая мимо Ази-ма, она отвлеклась и посмотрела в его сторону.

– *«Ох, Сотворитель, она воистину прекрасна».*

Азим уловил на себе её тёплый взгляд и его сердце сно-ва заколотилось. На гладком, словно шёлковом, лице отра-жались черты гордости и достоинства. Она остановила коня и приподняла длинные брови, в ожидании поклона от сине-глазого юноши, который был в бурых шерстяных шароварах, серой шерстяной рубаше с тройной круглой складкой вместо ворота и тёмно-синим коротким камзолом поверх рубахи. Юноша всё стоял и не спускал с неё глаз. Она мило улыбну-лась и глазами указала ему что делать.

– *«Ну же, руку к сердцу, а голову вниз»*, – так говорил её жест.

Азим приподнял голову и позволил себе широко улыб-нуться ей в ответ. Ему бы видеть, как глупо он выглядит сей-час со стороны. Сердце хотело выпрыгнуть из груди, а в жи-

воте... Что это за чувство у него в животе?

Не дождавшись поклона, наездница коротко ухмыльнулась и отвела взгляд. Несомненно, в её взгляде зажглась искра интереса к этому смазливому юноше с чёрными кудрями под тюбетейкой. Этот юноша осмелился не поклониться ей. Она не гневалась, нет. Её это позабавило. Она тронула коня и поехала дальше, унося с собой сердце Азима.

За конём поодаль шли ещё два стражника в таких же зелёных халатах с золотыми виноградами на плечах. Единственным отличием был цвет их поясов – у них они были светло-зелёными с золотым шнурком. Один из них с суровым видом подошёл к Азиму.

– Молодой человек, разве тебя не учили проявлять уважение к султан-заде?! – порицательно спросил он. – Почему ты не склонил голову перед дочерью султана?

Строгий взгляд стражника требовал ответа, но Азим не отрывал глаз со спины отдаляющейся наездницы. Ах, как он хотел сейчас оказаться на месте этого коня.

Юноша витал в облаках и не услышал ничего из сказанного в его адрес. Вдруг, неожиданная боль низвергла его обратно на землю. Он увидел перед собой квадратное недовольное лицо. Неглубоко посаженные карие глаза сердито уставились на него. Этот стражник сильно ткнул его пальцем в грудь.

– Я обращаюсь к тебе! – рявкнул он. – Или ты считаешь, что светлая госпожа Зилола не достойна твоего поклона?!

– А-м... Я... а-а... растерялся.

Широкая челюсть, густая и коротко подстриженная чёрная борода, и сверлящий взгляд заставили слова застрять в горле Азима.

Юноша краем глаз снова посмотрел вслед наезднице, поразившей его дар речи и самообладание. Её конь прошёл мимо ларька со злаками и приблизился к изгибу улицы – ещё десять газов, и она скроется за безлиственной кроной яблони. У шатра с украшениями она вдруг оглянулась на него. Да, интерес в её глазах определённо был. В её любопытном взгляде Азим издалека поймал крупницы взаимной симпатии. Красавица мило улыбнулась ему и, прежде чем отвернуться, что-то сказала другому стражнику со светло-зелёным поясом. Тот подчинился своей госпоже и пошёл назад. Сама госпожа доехала до северо-восточного переуллка и въехала в него вслед за четырьмя стражниками.

Её улыбки было достаточно, чтобы уверенность вернулось к Азиму.

– Такого больше не повторится, – обещал он, приложив руку к сердцу и склонив голову.

Стражник хотел было сказать что-то порицательное, но его соратник по велению госпожи вернулся и, остановившись в нескольких шагах от них, позвал его рукой. Негодовавший стражник посмотрел на соратника и снова на наглого юношу. Вздохнув, он укоризненно покачал головой и оставил Азима.

– Что за нынче молодёжь пошла, – проворчал он, подойдя

к соратнику.

Вместе они пошли догонять свиту. Азим же с вожделиением смотрел им в след. Дорога к переулку, к которой они спешили, слегка шла в гору и заставила Азима невольно поднять глаза. Вдалеке виднелись белые, блестящие сторожевые башни дворца. Опустив взгляд, Азим размечтался. Напрочь позабыв о том, что ему нужно переговорить и с остальными торговцами на этом проспекте, он повернулся и пошёл за своей кобылой.

*Ах, Зилола, на месте сердца моего теперь пустота,
И кругом идёт голова, ах, когда же я снова увижу тебя?
Прав был Комил:
– «Странное это чувство – любовь»...*

* * *

«Мы живём в такие времена, что хорошие люди стесняются своих благих поступков, умные – своих знаний, плохие же люди хвастаются своими проступками, а глупцы – невежеством. Большим недостатком этого времени является то, что оно не закончится, пока не начнётся новый конфликт».

Ардвисура

Холодная ночь накрыла город чёрной пеленой облаков, скрывших всё небо над головой. В воцарившейся темно-

те, казалось, что и звёзды пошли спать, как и жители Расулабада после утомительного дня. Хотя в последнем Расим сомневался. За тонкими перьями облаков полнеющая луна слабо светила далеко на юго-востоке, опустившись чуть ли не до самого горизонта. Справа под луной, на расстоянии двух полных ногтей друг от друга, мерцали две светло-голубые звёзды. Левая звезда тянулась к правой своим одиноким нижним хвостом, а правая звезда протягивала к ней руку. В Расулабаде эти звёзды называют «царапающими», но даже старейшие мудрецы не знают или не помнят почему их так называют. Само это явление называют «Ситорамон», а эти самые мудрецы называют её «Сетзорахмон» – видите ли, так оно называлось на языке далёких предков, но котором ни один из них не сможет связать и предложение.

Какие мудрецы!

Это явление происходит каждые двадцать два года. Под серпом новой луны появляются две звёзды и остаются под луной двадцать два дня. В безоблачную ночь они светят ярче всех звёзд на небе, даже ярче полной луны. Все эти дни Зеби-стан охватывает одноимённый праздник. Люди спят днём, а ночью торжествуют, пока их держат ноги. Особенно давним обычаем являются свадьбы. Молодые играли свадьбу, чтобы к следующему Ситорамону и их дети могли вступить в брак. Считается, что это принесет удачу всему их роду, молодым и долголетие старшему поколению.

Особенно пышный праздник устраивают в Шомабаде – в

городе, построенном в ночи. Туда стекаются все знатные богачи Зебистана, а ведьмы там желанные гости. Те устраивают грандиозные представления, самыми зрелищными из которых были состязания ведьм. Они настолько пришлись по душе, что в восьмом веке Эпохи человека падишах Умар, сын Расула Третьего, сделал состязания обязательной частью празднования и перенёс их во все города Зебистана из-за незавершённого строительства Шомабада. В состязаниях участвовали не только ведьмы, но и колдуны, хотя их навыки увядали от одного праздника к другому. Простым людям и знати было скучно на них смотреть.

Ученикам тоже перепал шанс проявить себя. Двадцать два года назад на таком состязании Расим, будучи тогда ещё сопливым юнцом, чьи тщеславные амбиции только-только проявляли ростки, был осрамлён перед всеми, как зрителями, так и участниками, юной ведьмой, на пару лет старше него. Они оба были учениками Нигоры, одной из самых могущественных ведьм. При этом, Расим учился у неё три года, а его оппонентка всего год. На поединке умений эта юная ведьма проявила себя лучше. Простым заклинанием и со слабым импульсом она превратила его одежду в дранные лохмотья, подняла Расима в воздух (на пару пядей от земли, если быть точным) и уронила его на голую задницу. Все чуть ли не задохнулись со смеху, угорая над ним. Только тогда Расим понял, что это не первое участие Санам в этом состязании и, что внешний вид ведьмы далеко не соответствует её

возрасту. Это действительно был её первый год обучения у Нигоры, раньше она занималась у ведьмы ниже рангом.

– *«И где сейчас эта Санам?»* – с презрением вспомнил Расим, бросив последний взгляд на луну с двумя звёздами под ней. – *«Может, отправилась на очередное состязание в Шомабад? Или её бросили в клетку с белыми львами султана Бузурга, как и многих других пойманных ведьм в Ангуране? Вот была бы потеха».*

Впрочем, с тех пор его силы и навыки возросли в разы, и он бы показал этой рыжей ведьме грандиозное представление. Однако Расим находил мщение пустым делом. При этом, как бы странно не звучало, одной из его целей была месть, но не ведьмам. Он давно превзошёл их... По крайней мере, так он считал сам.

Раздался хлопок, и Расим посмотрел направо. Над аллеей Расула Первого зажглись неяркие искры и быстро погасли, вызвав у Расима насмешку. Эта вспышка была трюком местных колдунов – жалких бездарей, по его мнению. Они мнили себя мастерами огня, а на деле не могли обойтись без огнива и разукрашенного пороха. Другое дело – колдуны времен, предшествующих изгнанию Хранителей знаний. В хрониках Расулабада Расим прочёл одну историю о праздновании Ситорамона в столице, имевшей место около семи веков назад. Расим посчитал её забавной для себя. На третий день Ситорамона у падишаха Паймона родился первенец. Он устроил такой праздник, что ни одному из Расулов и не снилось.

Знатные колдуны и ведьмы радовали глаз своими навыками, да так, что дотла сожгли семь вековых деревьев на аллее Расула Первого. Падишах Паймон возлагал большие надежды на своего первенца, однако несчастный ребёнок прожил короткую жизнь, половину которой был болен неизвестной болезнью, истощившей его до костей. Теперь люди говорят, что падишах Нодир болен чем-то похожим. Шестнадцать лет врачи и лекари бессильны перед этой хворью, и зебистанцам остаётся лишь надеяться, что Всевышний смилостивится над их падишахом.

В знак единого соболезнования состоянию падишаха Нодира жители Расулабада не осмеливались в открытую готовиться к празднованию. Они просили дозволения у посла, который говорил от имени его светлейшества. Последние месяцы именно это и было объектом прошения горожан на аудиенции у Расима. Он был не против праздника, но при этом призывал людей к скромным затратам.

Так и вышло – скромные угощения, скромные украшения, скромные представления. Праздник был не таким радостным, как хотелось. В отсутствие падишаха, народ приглашал к себе за стол и представления его наследников, но у тех были свои предпочтения в ночное время. Расим же наоборот, уделял большое внимание своим согражданам и гостям Расулабада. Однако этой ночью он остался дома.

Расим прошёл в гостиную и щелчком пальцев зажёл все лампы и свечи. Он сел за стол на возвышении и открыл тол-

стую книгу. За четыре месяца пристального изучения Расиму не удалось прочитать и слова из основного текста, написанного клинописью. Он перелистал все книги и рукописи в своей библиотеке и на стеллажах в поисках подсказки и похожих текстов. Тщетно. Иногда он целыми днями не отрывал глаза от пожелтевших, полужёстких страниц и в итоге закрывал древнюю книгу ни с чем.

Расима сильно бесило и то, что он не мог понять из какой кожи сделаны страницы этой книги. *Зачем ему это знать – без понятия.* Основной текст занимает две трети от площади листа. Смирившись с тем, что ему не прочитать его, Расим перешел на примечания к основному тексту. Они были написаны по краям основного текста письмом Алифа. Многие из них были написаны каллиграфическими узорами и в виде квадратов, треугольников, ромбов и кругов. Расим полагал, что это перевод или комментарии к определённым абзацам текста.

К своему сожалению, Расим даже их не мог прочитать. За свою жизнь он прочитал сотни старых книг и рукописей, знает все разветвления письменности современных языков Рахшонзамина. Начертания букв в этой древней книге тоже кажутся ему знакомыми, но он не может прочитать и слова с уверенностью, что он делает это правильно. Возможно, во всём виноват почерк автора примечаний. Если это так, почерк просто ужасен, что злило Расима. В спокойном же состоянии он сомневался в том, что эти примечания написа-

ны одним человеком. Они были почти на каждой странице до первой половины книги, занимая практически всё пустое пространство вокруг основного текста. Затем их становится всё меньше и меньше, и последние двести страниц не имеют примечаний к тексту. Чем дальше Расим листал книгу, тем больше понимал, что до полного исчезновения письменность примечаний меняется. Если в начале в каждом слове было по несколько надстрочных и подстрочных знаков, то постепенно их количество уменьшается. Расим не мог распознать большинство этих знаков и не знал правило их применения.

Слова с меньшими знаками тоже давались с трудом Расиму. Из последних примечаний он прочёл несколько слов, но не мог понять их значения. Они были написаны совсем на другом языке, но на каком? Иногда некоторые слова отдалённо напоминали ему старые, вышедшие из употребления слова, но в них были лишние буквы, звуки и те самые малознакомые ему знаки. Одним из таких было слово «Инсон» – человек. Оно было написано с отличием от современного письма: над гласными стояли знаки произношения: под первым алифом стояли две наклонные черты, а над вторым алифом стояло открытое кольцо с хвостиком наверху, а точка в букве «н» стояла посередине ковша вровень с её краями.

Другой сложностью этих примечаний был их каллиграфический стиль. Расим не мог разобрать, где начало, а где конец предложения. Он всё больше склонялся к тому, что эти

примечания нарочито так написаны, что в них есть какой-то шифр. Однако Расиму пока не удалось разгадать этот ребус.

Все эти тщетные попытки прочитав текст или понять примечания злили его, особенно сегодня. Потому то он и остался дома, чтобы народ не видел его в гневе.

Послышались шаги. В дом вошёл Одил. Он был в белой шерстяной рубаше с длинными рукавами. Тёмно-серая тесьма украшала его рубашу и плотные шаровары. Поверх рубашки был тёплый коричневый камзол с рукавами до локтей и белым растительным узором. На голове – ничего, кроме подстриженных чёрных волос.

– Какие-нибудь успехи, мой светлый господин? – он знал, что у Расима нет посторонних ушей, потому обращался к нему так, как того хотел посол.

С любопытным взглядом он подошёл к топчану и положил на край стола Расима небольшой деревянный кубок с ещё тёплым тутовым сиропом и лепёшку, испечённую со шкварками. Лепёшку и сироп передала его кухарка, жившая рядом. Ахдия хотела остаться и приготовить что-нибудь Расиму, но он отпустил её домой, отпраздновать Ситорамон с родными.

Расим взял кубок, посмотрел на чёрную густую массу и сделал короткий глоток. Напиток был приторным, отчего Расим слегка скорчился.

– Скажи мне Одил, как так вышло, что нет никого в Зебистане способного прочитав эти письма? – устало спросил Расим; в его голосе звучала огорченная нотка.

Сделав большой глоток, Расим угрюмо поставил кубок. Он глазами следил за тем, как Одил меняет выгоревшие свечи. Закончив со свечами на стенах, Одил снова подошёл к топчану, чтобы поставить новую свечу.

– Если кто и сможет прочитать эту книгу, то только вы, мой светлый господин, – Одил заменил и зажёл свечу на настольном подсвечнике и отошёл от топчана, сложив руки за спиной, как это любит делать его господин.

Расим отломил кусок от лепёшки с сомнением посмотрел на слугу. Он закрыл книгу и отодвинул её в сторону.

– Как обстоят дела во дворце? – задав вопрос, Расим положил кусок лепёшки в рот.

В ожидании ответа Расим уставился на язычок пламени свечи у него на столе. Последние три дня он практически не покидал свой дом. Хотя он и был добр к народу, он уже устал выслушивать их жалкие повторяющиеся прощения. Он решил уделить время этой поганой книге. Опрокинуть бы свечу, чтобы она сгорела дотла. Вместо этого он слегка повёл рукой на расстоянии от свечи, и она погасла.

– Обстоятельства во дворце неизменны вашим планам, мой светлый господин, – глядя на дым от погасшей свечи, ответил Одил.

Расим кивнул и сделал ещё один глоток сиропа.

– Скажите, светлый господин, вы три раза были на праздничном приёме султана Ахоруна и каждый раз получали отказ.

– Я и в четвёртый раз пойду, – Расим решительно перебил слугу.

Одил кивнул, не сомневаясь в этом, и продолжил:

– Я помню, как вы говорили о ямах на пути к цели. Скажите, светлый господин, как вы собираетесь заполнять эти ямы? Как вы будете их обходить?

– Чтобы заполнить одну яму, нужно вырыть другую, – Расим посмотрел прямо в глаза Одилу. В полумраке, нависшей над топчаном, самоуверенная ухмылка Расима показалась слуге коварной и зловещей. – Я рою эту яму глубоко и не спеша, – тихо добавил Расим, посмотрев в сторону.

– Вот поэтому я верю в вас. Вы желаете добра и процветания Зебистану и благи ваши намерения. Я уверен вы сможете прочитать эту книгу, – Одил кивнул в сторону толстой книги.

Расим коротко, едва заметно покивал в благодарность за поддержку, а его глаза самодовольно засияли.

– *«Я найду разгадку к этой книге»*, – сказал он про себя.

– Господин! – послышался недалёкий зов.

Расим с неожиданностью взглянул на Одилу и перевёл взгляд в сторону двери. Слуга в неведении пожал плечами. Расим спустился с топчана и прошёл на веранду вместе с Одилом.

– Господин! – по правому крыльцу взбежал, на удивление всем и даже самому себе, склонившийся под тяжестью прожитых лет, главный придворный лекарь в тёмно-синем стё-

ганом халате и короткой белой чалмой, повязанной вокруг черной тюбетейки. – Господин, он... – старик запыхался, пока бежал сюда от ворот. Жадно глотая воздух, он перевёл дыхание и продолжил осевшим голосом. – Падишах едва дышит. Он снова потерял сознание и нам не удалось привести его в чувства. Господин, его руки содрогались, а вскоре и всё тело начало, – старик с ужасом поднял глаза на Расима. – Состояние его светлейшества стало ещё хуже. Мы обязаны что-то сделать! – старик был настолько взволнован, что говорил на одном дыхании, отчего его слова звучали отрывисто и нечетко. – Может, позвать ведьм? – отчаялся он. Его глаза залились слезами. В Расиме он видел последнюю надежду.

– *«Дыши, не то задохнёшься и раньше своего падишаха отправишься на тот свет».*

Расим бросил на него колкий взгляд из-под хмурых бровей. Благо свечи, зажжённые на колоннах, недостаточно освещали веранду, и главный придворный лекарь не смог распознать злорадство на лице Расима.

– Зажги огонь в очаге, – в слух сказал Расим Одилу.

Тот кивнул и вернулся в гостиную.

Изобразив искреннее сочувствие, которое он только мог найти в своей тёмной душе, Расим подошёл к старику и склонил голову на бок.

– Именитые и наилучшие врачи и лекари боролись с его недугом. Даже вы, господин визирь, пытались помочь светлейшему падишаху, – Расим утешительно положил руку на

плечо старику, скрыв свою неприязнь к его персоне. – Все мы оказались бессильны, – тихо вымолвил он с поддельной досадой. – Нашего любимого падишаха сразила неведомая болезнь. А как побороть то, что неведомо? – он посмотрел в глаза старому визирю. Озабоченность в его голосе тоже была поддельной. – Чёрная напасть тоже неведомый недуг. Надеюсь справиться с ней, мы предали наши посевные земли огню. Боюсь, такой подход в отношении к нашему падишаху был бы нечеловечным, – промедлив добавил он.

Визирь с ужасом отшатнулся от Расима.

– Неужто нельзя ничего поделать? Неужели нет никакого лекарства? Неужто мы будем смотреть, как падишах иссыхает? – слёзы потекли по его морщинистым щекам.

Старик был готов разрыдаться. Он посвятил всю свою жизнь семье падишаха. Он служил ещё отцу Нодира, а его самого любил как собственного сына.

– И мне искренне больно это осознавать, – прошептал Расим, отойдя на пару шагов назад.

– Кто же тогда будет править государством? – озадаченно прозвенел его дряхлый голос. Несмотря на любовь к падишаху, даже он понимал, что наследники Нодира просто ничёмные бездельники, которых совсем не заботит состояние их отца.

Расим отвернулся, чтобы незаметно от старика закатить глаза.

– *«Я, глупый ты старик. Зачем же ещё сдалась мне*

должность премьер-министра?»

После налаживания торговли с Ахоруном, Расим привёл падишаха в чувства и нарочито в течение недели, чтобы никто ничего не заподозрил, своими хитрыми уловками убедил Нодира назначить его премьер-министром. Правда он вступит в эту должность на Наврузе.

Впоследствии, ему ещё несколько раз приходилось приводить падишаха в чувства, что бы лекари подумали, будто падишаху становится легче. Убедившись, что никто ничего не подозревает, необходимость в этом растворилась в воздухе, как дым от той погашенной свечи.

– Я верю, в нужный час наследники образумятся и примут бразды правления, – убедительно произнёс Расим, повернувшись к старику.

– Который из них? – визирь неуверенно вздохнул.

Расим подошёл к нему и заботливо положил руку на его опущенное плечо.

– Всё будет хорошо, – обещал Расим. – А теперь, ступай, мой друг. Проследи, чтобы светлейший господин ни в чём не нуждался.

Расим помог старику спуститься с крыльца и проводил его до ворот. За воротами визиря здравоохранения ожидала лошадь. Старик медленно пошёл к ней, чтобы вернуться во дворец. Расим помахал ему на прощание и вернулся в дом.

– Что прикажете делать мне, мой светлый господин? – Одил, склонив голову на бок, стоял на веранде. Взгляд его

был подозрительным.

Расим довольными глазами посмотрел на слугу и поднялся на веранду. Он похлопал Одила по плечу и сел на топчан под окном гостиной.

– Мы близки, – *«Я близок»*, – к цели. Ступай за ним и проследи, чтобы старик от горя всё-таки не обратился к ведьмам. Порой, до ничтожности неожиданные вещи могут нарушить идеально продуманные планы. А я пока подумаю над новым предложением жадному султану.

Приняв приказ, Одил с рукой у сердца почтенно склонил голову и направился к воротам.

На веранде было холодно для раздумий, потому Расим вошёл в дом. Рядом с книжными стеллажами Одил постелил ему курпачу и дастархан, положив на него недоеденную лепёшку и кубок с тутовым сиропом. Слева от топчана в каменной стене был очаг. Расим сел, скрестив ноги под собой, и задумчиво посмотрел на огонь. Он снял свой тёплый зелёный халат с тёмно-зелёным полосами. Не отрывая глаз от огня, он левой рукой протянул свой бархатный халат, ожидая, что слуга заберёт его. Через десять биений сердца Расим посмотрел на протянутую руку и вспомнил, что отпустил всех своих слуг. Тихо вздохнув, он опустил руку и положил халат рядом.

На улице стояла глубокая, холодная ночь. Усталость давала о себе знать затяжными зевками. Расим ощущал вялость в ногах, вот бы их кто помассировал. В добавок, было ощущение

ние, словно ему на плечи и голову положили десять мешков картошки. Ох, как же он ненавидит эту картошку.

Его клонило в сон, но ему нужно было упражняться. Со скрещенными ногами под собой он повернулся к очагу и устался на пламя. Глубоко вздохнув, он протянул руки и медленно закрыл глаза. Выровняв дыхание, Расим сфокусировался на своих руках. Он хотел вытянуть пламя из очага и поглотить его в своих ладонях. Перед его закрытым взором предстало одно слово, что не давало ему полностью сосредоточиться и применить силу.

Вздохнув с досадой, Расим встал и заставил свои вялые ноги подняться на топчан. Он подошёл к одной из разнообразных ниш в алькове. Он достал толстую коричневую свечу с алыми пятнами, зажёлг её щелчком и положил в глиняную лампу. Снова сев за стол, Расим положил лампу посередине и пододвинул к ней древнюю книгу.

Жёлто-оранжевый язычок пламени с ярко-голубым основанием нагрел верх свечи и тающий воск начал испускать бодрящий аромат сквозь круглые, овальные и ромбовидные отверстия лампы.

Расим склонил над книгой голову и начал искать то самое слово. Вдыхая благоухание свечи, он постепенно перестал клевать носом. Он перевернул страницы ближе к середине и пальцем повел по примечаниям.

Вот оно, это слово.

Расим задумался, глядя на него. Оно сильно напоминало

ему другое слово. Он взял чистый желтоватый лист со стопки на левом краю стола и пером в точности переписал это самое слово. Под ним он написал слово, о котором думал. Сравнив их взглядом, он неуверенно прочёл слово из книги:

– Акоб?

Согласно знакам и точкам это слово читалось именно так. Но в слове, которое он написал снизу, первой буквой была другая гласная, а вместо «к» было увулярное «к».

Аромат свечи полностью развеял чувство сна, как и сомнения насчет этих слов. С вновь приобретённой ясностью ума Расим был уверен, что оно значит...

– Позвольте войти, мой светлый господин? – вдруг послышался сладкий грудной голосок.

Решение загадки, которое только что вертелось на его языке, вылетело из его уст вместе с негодованием в его томном, тихом выдохе.

– Что ты тут делаешь, Гулру? – он поднял взгляд на молодую женщину, стоявшую в дверях. – *«Прочла мои мысли и пришла помассировать мне ноги?»*

Она была в фисташково-зелёном платье из плотного шёлка с тонким золотистым узором. Вырез и талия украшены бисером под цвет облегающего платья. Поверх был жилет с коротким мехом под цвет её волнистых медно-рыжих волос. Она столь не вовремя нарушила ход его мыслей. В иной раз Расим был бы рад этому, но теперь, когда она стала подарком, Расим хмуро сдвинул брови. Гулру же большими свет-

ло-карими глазами кокетливо смотрела на своего господина. На её широких тонких губах была кроткая улыбка.

– Праздник закончился, и я решила провести вас, свет моей души, – грациозной походкой Гулру пошла в сторону топчана.

Расим коротким жестом потушил свечу в лампе и спустился с топчана-возвышения. Не отрывая взгляд с её привлекательных бёдер, Расим медленно подошёл к ней. Гулру хотела прильнуть в объятия Расима, но он остановил её на расстоянии локтя, и снова смерил её взглядом. Её грудь, спелая как апельсин, манила выжать всё соки. Он вдохнул её аромат – как всегда она пахла лавандами. Подавив искушение, Расим опустил руки и из-под дуги густых бровей посмотрел ей в глаза – та смотрела на него, недоумевая почему он отстранил её.

Расим снова поднял левую руку и провёл вниз по её щеке и шее, не касаясь её кожи, покрытой мурашками от холода.

– Ты вся дрожишь, – прошептал Расим.

– Я хочу, чтобы вы согрели меня, – тихо ответила Гулру, положив руки на грудь Расиму.

– Ты знаешь, в чьих объятиях должна греться, – он отстранился от Гулру на шаг.

– Я соскучилась по вам, – Гулру смущённо опустила глаза и руки.

Расим многозначительно посмотрел на неё и отвел взгляд, когда Гулру посмотрела в ответ.

– Зачем ты здесь? – отстранённо спросил Расим.

– Мои ранетки чувствуют недомогание, мой светлый господин, как и я, – сделав короткий шаг вперед, ответила Гулру. – Мы хотели узнать, когда вы освободите нас от... этого дара? – замешкав, спросила она.

Губы Расима растянулись в ехидной улыбке. Он повернул в её сторону голову и спросил с сомнением в голосе:

– Вы выполнили свою задачу?

Расим знал, что нет.

– Мы уже четвёртый месяц возлежим с ним в постели, убажваем его. Исполняем все его извращённые желания, – насупилась Гулру, отчего стала ещё прекрасней. – Вы обещали, что наш дар быстро сделает своё дело, но Носир здоров как бык. Мы же иногда чувствуем себя плохо, – пожаловалась она.

– Вы пьёте красный чай, как я вам велел? – Расим подошёл к ней и заботливо повёл вниз внешней стороной ладони по волнистому локону, ниспадающему к её подбородку.

– Не каждое утро, – призналась Гулру. – Иногда он встаёт очень рано и берёт нас... – не договорив, она опустила глаза в сторону с наигранным смущением.

Расим с безразличием склонил голову ей вслед и посмотрел в край её глаз, неумело подделывающих стыд. Он предвидел, что Гулру не будут следовать его указаниям относительно предотвращения развития порока, которым он их наделил. В отличие от предыдущего дара, который обернул-

ся катастрофой, этот дар он продумал тщательно. Он предусмотрел возможные осложнения и заранее подготовил лекарство. Правда это был его второй опыт, и он не был уверен в эффективности этого лекарства. Несмотря на это, Расим дал им красный чай и наказал пить его каждое утро до полного рассвета. А вот следовать его словам – это уже их забота. Самого же Расима заботило достижение целей, а она и её подруги – лишь средства для достижения целей; и как всем известно – средства бывают расходными.

С другой стороны, его интересовал успех задания Гулру и её ранеток.

– Как часто он хочет вас? – негромко спросил он.

– Господин, – она подняла робкий взгляд на Расима, – он... похотлив и ненасытен. Он желает нас по несколько раз в день. Часто... после одной сразу требует... берёт другую. Иногда он берёт двух или трёх одновременно... Откуда у него столько сил? – удивление в её голосе не было притворным.

Расим смерил её задумчивым взглядом. В глубине души он хотел, чтобы Гулру осталась невредима.

– Ты... прекрасна, – ласково протянул Расим. – Твоё тело привлекательно, а кожа гладка как скорлупа фисташки. Но... как часто желает он испробовать плод твоей фисташки? – промедлив и потерев пальцами у её губ, Расим медленно опустил руку и указал на её нижние губы, которые он часто ласкал.

Тонкая дуга её правой брови озадаченно поднялась вверх. В неярком свете помещения в её глазах заиграла притворное недоумение. Хотя она прекрасно понимала, на что намекает Расим.

– Ты мокнешь, когда он ласкает и берёт тебя? – как бы ни старался Расим, он полностью не смог подавить ревность в своём бесстрастном голосе.

Его холодный взгляд заставил Гулру и в правду побагроветь. Она робко, действительно робко посмотрела на него снизу вверх и думала над ответом.

– *«Сказать ему да? Сказать, что Носир порой бывает нежным и доставляет им удовольствие? Эта ревность в голосе... Зачем он так поступил со мной? Мы же любим друг друга... Или больше нет?»*

Гулру была в замешательстве. Их здоровье было под угрозой. Тревожась за себя и своих подруг, она пришла к Расиму за помощью или хотя бы за ответом. *Сколько ещё это должно продолжаться? Хотя ответ они получили ещё при найме на эту работу, похоже, что всё идет к тому, что она уйдёт отсюда ни с чем.*

– Он хочет вас своим мужским естеством, – из кривых уст Расима это позвучало не вопросом, а упрёком.

Носир не делает с ними того, на что намекает Расим. Только сам Расим испытывал страсть к подобному. Ох, как же она соскучилась по его языку... по всему Расиму, а он... Гулру разочарованно посмотрела на Расима. Его слова ранили её в

сердце. Всё его отстранённое поведение ранило её.

– *«Зачем вы так поступаете со мной?»* – вслух она не осмеливалась спросить.

– Удовлетворение его плотских утех... его плоти, – с отвращением добавил Расим, – обычными способами, – он взглядом указал на её нижние нежные губы, – не приведут к нужному результату так скоро, как вы того желаете... Как того желаю я!

Расим говорил негромко, но последнее в ушах Гулру прозвучало словно раскат грома, разбив ей сердце. Она потупилась, а через мгновение вопросительно посмотрела ему в глаза.

– *«Что же нам делать?»* – хотела спросить, но Расим опередил её мысли.

– Заставьте его возжелать вашей плоти. Искусить вашей фисташки, – Расим подвёл правую руку к её промежности, но брезгал коснуться, и это отразилось в его глазах. – Испытайте наивысшее наслаждение от его языка... – Расим отшагнул и тёмным, коварным выражением продолжил, – И ваша влага на его губах сделает своё дело.

Гулру понурилась, и даже тёплая рука Расима на её плече не утешила её. Он сопровождал её до крыльца, а дальше идти не стал.

– Спокойной ночи, – пожелал Расим, когда она спустилась с крыльца.

– И вам, мой светлый господин, – Гулру через плечо по-

смотрела на Расима. С её левого глаза выступила слеза. С рукой у сердца она склонила голову и направилась к воротам.

Расим проводил её хмурым взглядом. Из шести нанятых юных путан, двадцатидвухлетняя Гулру была его любовницей. По факту, он был первым у неё, и единственным по её словам. Он испытывал к ней тёплые чувства, а она горела от любви к нему. Расиму было тяжело сделать этот выбор, но его цель важнее всякой любви. Он готов пожертвовать всем ради цели.

– Я тоже соскучился по тебе, – тихо проговорил Расим, когда Гулру вышла за ворота.

Странное это чувство – любовь.

* * *

«Падшах Байзо и султан Зухур были великими правителями своего времени, мудрыми и справедливыми. При них Зебистан и Ахорун процветали и достигли величия среди других держав Рахионзамина. Они были лучшими друзьями, а вскоре стали и сватами. Падшах Байзо выдал свою дочь за второго сына Зухура. Так, их союз стал ещё крепче. Люди даже говорят, что они видели ангелов».

Хранители знаний: «Истории Зебистана. До изгнания»

Холодная ночь уступила место медленному рассвету. Почти полная луна всё ещё висела над юго-западным небоскло-

ном. Даже восходящее на востоке солнце не могло прогнать её, чтобы полноценно занять своё дневное место и вселить людям надежду на тёплый и ясный день. Несмотря на это, свет упрямой луны тускнел, а вот две звезды под ней сияли также ярко, как и прошлой ночью.

Впервые увидев эти звёзды под тонким серпом новой луны, Азим был удивлён. Он никогда раньше не видел подобного явления. Юноша любил выходить на балкон или во двор и, лёжа на спине, наблюдать за звёздами. Он мечтал и гадал, что же кроется среди этих звёзд. В этом же месяце Азим больше мечтал и думал о Зилоле. Предавшись своим грёзам о несравненной дочери султана, юноша не придал звёздам под луной особого значения. Ему известно, что небесные тела движутся, как и живые существа. Потому, завтра или на другой день эти звёзды отдалятся от луны и разойдутся в стороны друг от друга.

Эти звёзды встретились под луной, но им суждено расстаться, заключил тогда Азим, с грустью думая о том, суждено ли ему хоть ещё раз увидеть султанзаде Зилолу. Её выразительные карие глаза – вот на что он готов смотреть вечно.

Азим ещё много раз ходил на проспект Хоруна в надежде увидеть её, но каждый раз уныло возвращался домой. Может он выбирал не то время? Нет. В какое бы время он ни ходил, его походы заканчивались пустым ожиданием.

Что ж, надо найти другой способ увидеться с ней.

Заключение Азима оказалось неверным. Лёжа на топчане

и укутавшись в шерстяное одеяло, Азим с балкона наблюдал за звёздами. На его удивление уже вторую неделю две звезды под луной были неразлучны. Проходили дни и в какой бы части ни появлялась луна, две звезды неизменно следовали за ней (а точнее под ней и чуть правее). Теперь это явление определённо вызвало в нём интерес. В свободное время он ходил в главную библиотеку Ангурана, что в четырёх милах от его дома. Он брал книги и рукописи про астрономию. Он был не единственным в библиотеке молодым человеком, кто впервые наблюдал за этим явлением и искал этому объяснение, но точного ответа нигде не находил. У заведующих были собственные взгляды на этот вопрос, что показалось Азиму странным. Он решил, что возможно отец сможет дать ему объяснения.

Однако этим утром на вопрос сына Аъзам оправдался тем, что плохо изучал астрономию в школе, но рассказал ему, что эти звёзды появляются под луной каждые двадцать два года и сверкают под ней ровно двадцать два дня и ночи. В Зебистане это явление называют «Ситорамон», и празднуют все эти двадцать два дня.

– Почему мы не празднуем? – спросил Азим после завтрака.

– Мы праздновали, когда-то, – подумав, ответил Аъзам. – Но уже почти два столетия как этот праздник ушёл из традиций Ахоруна.

– Правда, некоторые семьи до сих пор отмечают Ситора-

мон, – добавила Зарина, вернувшись за кухонный стол.

– Я недавно был в библиотеке и не нашёл там ни одного внятного объяснения этому явлению, – Азим вопросительно посмотрел на родителей.

В ответ те лишь пожали плечами.

– Однажды мой дед сказал мне, что это явление как-то связано с хозяином пустыни, – подумав, сказал Аъзам. – Он упоминал какой-то странный закон, но я не помню, о чём он говорил.

– *«Опять этот дев»*, – сказал про себя Азим.

Юноша последовал совету Комила и не стал вдаваться в подробности. Тем не менее последние слова отца отказывались уходить из его головы, даже когда они покинули двор. Задумавшись над ними, юноша молча ехал за своим отцом вниз по дороге от своего дома. До начала города и первых северных улиц с небольшими дворами путь занимал одну треть мила по пологому склону обширного низкого холма. Отсюда казалось, будто Ангуран расположен на огромной плоскодонной чаше, а их дом на её каёмке.

Азим перевёл кобылу матери, на которой ехал, на левую сторону дороги и бросил взгляд на юго-восток. Перед ним открылся вид на юго-восточную сторону города, где в двух фарсангах от них сверкали тройные купола дворца. Отсюда дворец султана казался маленьким, но это не мешало каждый раз восхищаться им. Однако теперь, глядя в ту сторону, Азим мечтал попасть туда и увидеть её.

Улыбка прорезалась на лице Азима и заставила забыть о мнимой связи дева со звёздами под луной. От низа живота к подмышкам пробежала мелкая дрожь, и это было вовсе не от холодной погоды – одет он был тепло. К тому же, его согрела мысль о том, что султанзаде там, во дворце, и возможно тоже думает о нём.

Хм, размечтался...

Воплотить бы эти мечты.

– Отец, сколько раз вы бывали во дворце? – спросил юноша.

– Не так уж и много. Я не считал, – ответил Аъзам, посмотрев на сына.

– Когда вы станете визирем торговли, вы всегда будете там?

– М-м, нет, – посмотрев в сторону дворца, ответил Аъзам. – Визири султана заседают во дворце Хоруна, – Аъзам указал на запад. – Однако я буду часто ходить на собрания во дворец султана, – с улыбочивым взглядом он снова посмотрел на сына.

– Этот дворец кажется бесподобным, – на самом деле, Азим подразумевал Зилолу, но об этом пока не решался говорить родителям.

– Внутри намного красивее, – сказал Аъзам. – Ты тоже был там, однажды, – после недолгой паузы, сказал он.

– Правда? – уточнил Азим.

– Да, – улыбнулся Аъзам. Правда после этого он хмуро

опустил глаза и посмотрел перед собой. Воспоминание навяло на него печаль. – Тебе тогда исполнилось только три года. Мы были из числа тех немногих, кого пригласили во дворец. Тогда Бузург ибн Махмуд сел на трон своего отца и был объявлен султаном Ахоруна. Своим первым указом он поручил снести все близлежащие ко дворцу дома и построить вместо них эти башни, – он кивнул в сторону высоких сторожевых башен. – Мы с твоей мамой жили в одном из таких домов, а мой дед, в чей дом мы переехали, служил во дворце помощником казначея.

– Значит, раньше дворец был окружен домами?

– Теперь он окружён зелёными лугами, на которых султан выводит своих белых львов на охоту, – мрачно добавил Аъзам.

– Зачем султан возвёл башни на месте старых домов? – озадачился юноша.

– Шестнадцати лет назад в Арруже ведьм объявили вне закона. Вскоре же началась Зелёная хворь. Султан обвинял в этом ведьм и, опасаясь мести за их изгнание и даже казни многих, он издал этот самый указ. Ходят слухи, что султан был близок с одной из ведьм, а эта хворь – её возмездие за отвержение, – неуверенно проговорил Аъзам.

– Так вот откуда пошла Зелёная хворь?! – Азим озадаченно нахмурился, а в следующий миг обнаружил, что крепко стиснул поводья от злости. Он не удивился этому. Зелёная хворь унесла столько жизней, что и не счесть. И если за этим

стоят ведьмы, их нужно призвать к ответу. – Её поймали? Эту ведьму, – его злость отразилась на его тоне.

– Не знаю, сын мой, – задумчиво ответил Аъзам. – Во время гонений поймали не одну ведьму, но ни одна из них не призналась в причастности к Зелёной хвори... Были слухи, что некоторые ведьмы даже предлагали свою помощь в борьбе с хворью, – выждав паузу, – с сомнением проговорил Аъзам.

– С чего бы им это делать? – Азим тоже усомнился в этом.

Прежде чем башни и дворец скрылись из виду, Азим смотрел на тройной купол посередине дворца. Насколько он знал, и насколько можно было судить издали, первый уровень купола выполнен из чистого золота, на нём лежал серебряный уровень, а третий уровень полностью состоит из драгоценных камней. Лучи взошедшего солнца отражались на восточной стороне купола и отбрасывали тысячи лучей в разные стороны.

– Кто их знает? – пожал плечами Аъзам. – Но наверху этих сторожевых башен до сих пор несут вахту изгнатели. Они следят за тем, чтобы ни одна ведьма, ни кто-либо другой не приблизился ко дворцу без ведома султана.

– Султан и в правду держит во дворце сарунов? – в груди Азима из ниоткуда возникла странная тревога за благосостояние султанзаде Зилолы и неожиданный интерес к тому, кто за ними ухаживает? Не она ли?

Аъзам замедлил лошадь, чтобы сын приравнялся с ним, и

после ответил:

– В гневе султан Бузург скормил сарунам нескольких ведьм живьём, – его тон не одобрял такого безжалостного поступка. – По словам твоего дяди, эти ведьмы настаивали на своей невинности до самого последнего вздоха.

Азиму стало как-то не по себе от услышанного. По его спине пробежали леденящие мурашки. У него онемели колени, представляя, каково это быть съеденным заживо. А каково было Зилоле смотреть на это, ведь отец мог брать её с собой.

Азим помрачнел от своих мыслей. Заметив это, Аъзам решил слегка сменить направление разговора.

– Для возведения этих башен камни и белый мрамор доставляли из самого Сангдора. Их возведение заняло четыре года.

– Сангдора? – переспросил Азим. Он ни разу не слышал такого названия.

– Город-государство каменщиков, – прояснил Аъзам. – Он расположен недалеко от Вохманских гор на северо-востоке. В этом городе всё сделано из камня.

– Разве горы к северо-востоку не называются красными? – недоумевал юноша.

– Красные горы ближе к нам и расположены у истоков Гулоба. Вохманские же горы намного дальше Красных. Это самые высокие горы в Варгане, даже выше Катрона. Сангдорцы говорили, что даже самые низкие хребты находятся вы-

ше облаков, – Аъзам говорил так, словно желал увидеть эти горы воочию.

Сменив постепенно тему, отец с сыном медленно въехали на северную улицу для верховых. Их поприветствовал пожилой мужчина в полосатом халате и белой чалмой на голове. Он выводил через решётчатые ворота чёрную пятнистую лошадь. У его дома, обрамлённого низкой живой изгородью, играли его внуки. Аъзам и его сын ответили на приветствие и поехали вниз по дороге.

– Чем конкретно занимается дядя Адхам во дворце? – спросил Азим. Его дядя пятнадцать лет служит во дворце, но кем, Азим так и не смог понять. То его дядя на одной должности, то на другой...

В голове у юноши возникла идея, как снова увидеть султанзаде, потому он и просил уточнений.

– Адхам уже пару лет как стал старшим садовников султана, сынок, – ответил Аъзам. – Кроме того, твой дядя главный винодел султана.

Азим улыбнулся шутливой ноте отца, а сам мысленно разрабатывал план.

– Зелёная хворь началась в Арруже и быстро распространилась по всему Ахоруну. Султан Бузург потерял отца, мать, младшего брата и свою жену. В винах и драгоценностях он искал утешение своему горю, – продолжал Аъзам. – Я не знаю, каким был Бузург ибн Махмуд до того, как стал султаном, но по словам твоего дяди султан изменился с тех пор и

не в лучшую сторону. Он стал алчным, надменным и недобродушным – таким, каким я его знаю.

Отец с сыном держали путь на главный рынок, где в полдень должно состояться заседание Торгового совета. Казначей султана должен почтить совет своим присутствием. Аъзам хотел, чтобы его сын тоже принял участие в заседании – правда в качестве его ученика. Они ехали по широкой улице с коновязями у деревьев. После недавних дождей земля ещё была мягкой. Дорога вела два мила на запад, затем мил на юг и разделялась. Верховые дороги Ангурана нечасто пересекались с проходими улицами и дорожками. Башни дворца давно скрылись из виду, но Азим продолжал искать их в перекрёстках...

Отец с сыном были одеты почти одинаково. Оба в шерстяных шароварах, заправленных в кожаные сапоги с мехом внутри. На теле шерстяные рубахи голубого и серого цвета. Такого же цвета их кафтаны, расшитые белыми и серебряными шелковыми нитками. Их зимнее одеяние дополняли жилетки из верблюжьей шерсти. На голове Аъзама чалма из серого бархата, а у сына голубая, подчёркивающая синий цвет глаз.

Несмотря на солнце, на улице было холодно. Азим потянул свою чалму, чтобы полностью скрыть свои уши, и обратился к отцу.

– Могу ли я как-нибудь поработать с дядей?

Азим решил, что во дворце, а точнее у её садов у него

будет больше шансов увидеть Зилолу.

– Я поговорю с ним, – обещал Аъзам, а потом задумался и подозрительно посмотрел на сына. – Азим, – его голос был серьёзным, – в последнее время ты стал каким-то рассеянным. Мне доносили, что ты невнимателен, когда к тебе обращаются. Что с тобой происходит? – смерив сына взглядом, спросил Аъзам. – Я и сам замечаю твой мечтательный взгляд. Ты... влюбился?

* * *

«На исходе второго года эпидемии было достоверно выявлено, что основным источником распространения Зелёной хвори были туалеты, в особенности общественные, на базарах и других специально отведённых местах. Моча заражённого даже на первой стадии заболевания, перемешавшись с испражнениями в выгребной яме, выделяла испарения, которые вдыхал другой испражняющийся или мочащийся человек. В одном из таких туалетов разъярённые арружцы закопали забитую камнями ведьму, которая на самом деле в тайне помогала и даже подсказала Хранителям знаний ингредиенты лекарства».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Тысячи звёзд погасли на небе, и ночная чернь медленно сменилась на серо-голубой тон предрассветных сумерек.

Где-то на востоке ленивое солнце не спешило восходить. Показав одну шестую от своей могучей стати, казалось, что оно робко выглядывает из-за горизонта, чтобы посмотреть, спят ли ещё люди или уже ждут нового дня.

«Новый день – новые надежды», – так принято говорить у людей, но почём солнцу об этом знать, оно ведь не общается с ними на их переменчивых языках.

«Что за люди? Нет бы общаться на одном общем языке... А ведь когда-то так и было».

От робости люди краснеют, а вот солнце, подглядывающее за ними, стало насыщенно оранжевым, окрашивая восточный горизонт в похожие тона – рутинные краски зимнего рассвета Рахшонзамина. Встав во весь рост над горизонтом, солнце уже приобретает свой истинный белый цвет, но оно всё еще не спешило вставать, чтобы люди ещё немного поспали...

«Как там у них ещё принято говорить?.. Наглость – второе счастье?.. Хватит спать!»

Рассвет занялся во всех своих правах. По мере восхождения оранжевые линии над горизонтом меркли и тускнели, а небо обретало свой привычный зеленовато-голубой цвет. Есть люди, находившие это прекрасным зрелищем. Они намеренно вставали рано, чтобы восхищаться рассветом и, особенно, зимой.

Расим же не был из числа таких людей. Даже за тысячу золотых монет он не вспомнит, когда в последний раз наблю-

дал за рассветом. Будучи маленьким ребёнком, он валялся в тёплой постели, пока солнце не миновало третью тень утра. Он мечтал, чтобы мать подошла к его постели и нежными поцелуями и ласковыми словами разбудила его, позвала завтракать; чтобы с её приходом в его комнату вошёл и запах его любимой оталы со сладким льняным маслом. Но с каждым рассветом он с болью сжимал подушку и тихо рыдал. У него не было матери. Она умерла, отдав свою жизнь ему. Расим не знал материнской любви и завидовал всем, у кого была мать. С годами эта боль, смешанная с завистью, переросла в злобу и ненависть. Иногда он винил себя за то, что отнял у матери жизнь. Он ненавидел себя за это. Отец говорил, что он родился слишком крупным, и мать не выдержала родов. Несмотря на это, Насим очень любил своего сына и не позволял ему терзать себя за смерть матери.

«Эх, отец, я так соскучился по твоей отале... Я всегда слушался тебя, но тогда я должен был послушаться»...

Слеза выступила из глаз и разбудила Расима. Вытерев слезу, он заключил, что этот день будет долгим и нудным. Отрадно хоть то, что зиме скоро конец и он полноправно вступит на должность премьер-министра.

Пустой желудок заурчал, но в ответ Расим перевернулся со спины на бок. Он пока не хотел вставать с постели. Обычно он каждое утро проводил за чтением книг. Именно они послужили ему основой его плана, столь благородного по его желчному мнению. Он вдохновлялся былыми време-

нами Далёких предков. Теперь же, когда он заполучил одну из книг этих самых Далёких предков, Расим проводит чуть ли не целые сутки, пытаясь прочитать примечания к основному тексту, написанному клинописью. Однако тайны этой старой, чем все ведьмы, вместе взятые, книги не поддаются разгадке.

За окном солнце уже полностью поднялось над горизонтом. Его свет вливался в спальню сквозь тюль с бледно-зелёными узорами. Расим скинул с себя одеяло, а в месте с ним и грусть, навеянную снами. Он бодро встал с постели и размялся. Расим внушал в себя надежды, что проведёт этот день за древней книгой. Недавно ему удалось прочитать несколько предложений из примечаний – в одной из них что-то говорилось о тополях. У него появилась мысль относительно разгадки ребуса правописания этих примечаний.

Слуги не смели заходить в его спальню, пока он находился там в бодрости или спящим. По его же воле они не смели будить Расима. Потому он сам убрал постель и сложил курпачи, одеяло и подушки в стопку в нише стены. Простояв в раздумьях перед занавешенной нишей с одеждой, он накинул на себя зелёный полосатый чапан и вышел из спальни. В коридоре стоял запах оталы и подогретого льняного масла. Его служанка, Ахдия, приходила рано и готовила ему завтрак. Из-за Чёрной напасти мука стала редкостью в Расулабаде, но благодаря возобновлённой торговле с Ахоруном, она снова появилась на местных рынках. Расим глубоко вдохнул слад-

коватый запах оталы и улыбнулся. В последний раз он ел эту мучную кашу два года назад.

Услышав шаги господина, Ахдия хотела выйти из кухни, но в проёме уже стоял Расим.

– Доброе утро, господин, – она склонила голову и прижала руку к сердцу. – Где вы желаете позавтракать, здесь или за вашим столом?

Расим взглянул на кухонный очаг в правом углу, на котором стояли котелки, и снова посмотрел на Ахдию. Она была на двадцать лет старше Расима и почти столько же служила ему. В отличие от других слуг и служанок Расим всегда относился к ней с уважением и никогда не грубил ей. Он смотрел на неё и иногда думал, какой была его родная мать.

– Я буду завтракать здесь, – Расим указал на кухонный стол, – рядом с вами, ма... – он хотел сказать «*матушка*», но передумал на полуслове. Расим неоднократно хотел обратиться к Ахдие как к матери, но он знал, что отец не одобрил бы этого. Насим очень сильно любил жену и не стал снова жениться после её смерти, даже несмотря на просьбу сына. Его мечте, обрести мать, не суждено сбыться и Расим давно с этим смирился. – Я скоро вернусь, – он погладил смущённую Ахдию по плечу и вышел во двор.

На улице было холодно. Лужайка была всё еще покрыта росой. Под чапаном Расим был одет в легкие хлопковые шаровары и рубаху серовато-зелёного цвета. Запахнув поплотнее чапан, он прижал голову к плечам и побежал в дворовую

уборную позади дома.

Расим никогда не любил зиму из-за того, что приходится напяливать на себя кучу вещей, чтобы согреться. *Отрадно, что ей скоро конец.*

В уборной все надежды Расима на то, что он сегодня сядет и разгадает ребус, в одночасье спустились в выгребную яму с его естественными отходами. Облегчение позволило Расиму вспомнить, что он на полдень назначил аудиенцию от имени падишаха. Подтершись, Расим вышел из уборной и с досадой хлопнул дверью. Стиснув зубы, он направился в дворовую ванную, чтобы совершить омовение.

Узнав о его назначении, люди всё чаще просились к нему на приём, так как знали, что с новой должностью у Расима будет больше полномочий. За несколько месяцев Расим принимал просителей чуть ли не каждые три дня, тогда как бывшие падишахи принимали их раз в неделю, а то и в два. Расим изрядно утомился, играя роль чуткого, отзывчивого премьер-министра, выслушивая жалкое нытьё горожан не только Расулабада, но и Чехры и Джоду.

Что ж, вот она – власть, и он сам на это подписался. Он к этому стремился...

У служебной двери в аудиенц-зал с резной росписью беспокойно ходил взад-вперед шестидесятилетний старший придворный писарь. Акмал мерил шаги от дверей до противоположной стены и поглядывал наверх. Из прорезей в потолке, обставленных деревянными решётками, и из неболь-

ших окон на стене слева свет поступал в коридор. Стена напротив окон украшена кундалем, под которыми стояли вазы, повторяющие мотивы их узоров. Даже по теням, отбрасываемым вазами, Акмал понял, что уже полдень, а Расима всё ещё нет.

– *«Где же он ходит?»* – терпение старика было на исходе.

Послышались размеренные шаги. Акмал повернулся и заметил его. Наконец-то из-за правого угла появился Расим, одетый соответственно по случаю приёма. На нём был свободный зелёный чапан из плотного шёлка с тёмно-зелеными широкими бархатными полосами посередине полах. Пышный золотистый узор ниспадал с плеч до этих полос. Края чапана обшиты чёрным бархатом. Под чапаном на Расиме был кафтан с высоким воротом из серого адраса с ромбовидными узорами трёх оттенков зелёного. На поясе под чапаном повязан широкий тёмно-фиолетовый платок из шёлка с зелёной растительной вышивкой. Бока его тёплых зелёных шаровар со складками украшали чёрные волнистые побегги. На ногах зеленовато-коричневые кожаные сапоги с тонкой золотистой вышивкой и мелкими опалами.

– Господин, – с облегчением вздохнул Акмал, но беспокойство всё ещё горело в его глазах. – Люди собрались со всего государства, – быстрым шагом он подошёл к Расиму.

День предстает тяжёлым, огорчился Расим, но не проявил этого на своём безмятежном лице.

– Даже из Шомабада пришли? – спросил он.

– Возможно, – Акмал неуверенно пожал плечами.

– «Что ж ты не выяснил?» – упрекнул про себя Расим, а вслух спросил с высоты своего роста:

– Сколько?

Акмал на три головы ниже Расима, но последний казался просто великаном из-за тюрбана на голове. Повязанный из зелёного шёлка, тюрбан высотой в две пяди украшен золотистым и чёрными шнурками, а к левому виску свисала серебряная подвеска в виде серпа луны с двумя звездами под ней. Чтобы посмотреть Расиму в глаза, Акмалу пришлось отойти на пару шагов.

– Утром их было двести, а сейчас почти в двое больше, – ответил старший писарь и открыл дверь в аудиенц-зал.

– Так много? – удивился Расим. – Они, что, пришли на утренний плов? – Расим прошёл в зал, но остановился у резной колонны в семи газах от стены и озадаченно оглянулся на Акмала. – Они понимают, что я всех их не приму? Просто не смогу, – Расим развёл руками и пошёл вперёд.

– Но... – глаза Акмала забегали в недоумении, однако Расим снова оглянулся на него и его горящий взгляд не позволил старику возразить.

– В зал допуская тех, у кого действительно важные прошения или донесения. Я даже видеть не хочу тех, кто будет скулить об убытках из-за Чёрной напасти, – Расим был категоричен.

Аудиенц-зал представляет собой большое помещение. В

зал ведут три двери: южные – служебные, северные – для падишаха и шахзаде, западные – для горожан. Западные двери в два раза шире и в полтора раза выше двух других. Из-за размеров их называли воротами, за которыми расположен аванзал, где и собралась большая часть людей. Арка над ними забрана деревянной решёткой с геометрическим узором. В семи газах от южной и северной стены резные колонны в два ряда поддерживали толстые потолочные брусья. Колонны стоят в пяти газах друг от друга. Сам потолок был усеян тройными нишами, украшенными резьбой и чеканкой.

Во время аудиенций, устраиваемых падишахом, за первыми рядами колонн стояла стража. Расим же освободил их от этой задачи. Ему не нужна была защита. Если что, он вполне может о себе позаботиться. С другой стороны, Расим не доверял придворной страже и не хотел, чтобы они пронюхали хоть что-нибудь о его планах.

Потолок в середине зала выше на газ от потолков между колоннами и стенами, что за колоннами. Центральная ниша потолка имеет пятиугольную форму и в пять раз превышает размеры остальных. Она также была выше ещё на газ. Её боковые панели служили вместо окон и были забраны ажурными деревянными решётками. Солнечные лучи проходили по ним и освещали зал. Дополнительный свет поступал сквозь арочные окна с ажурными решётками на западной стене, хотя и их света было недостаточно. Однако такое приглушённое освещение было вполне по душе Расиму.

При этом на каждом четвёртом перекрёстке потолочных брусьев висели люстры с бледно-розовыми свечами. По примеру других аудиенций, проведённых Расимом, придворные слуги не стали их зажигать. Для Расима это было поводом закончить приём, когда начинало темнеть.

Посередине аудиенц-зала постелены два длинных синих ковра с зелёными геометрическими узорами от стены к стене с воротами. Между ними постелена красная дорожка с белыми линиями по краям. От них пахло душистым мылом и ворс был мягким, словно эти ковры были совсем новыми. Всё дело в том, что после первой аудиенции Расим приказал каждый месяц стирать эти ковры. Их не стирали, с тех пор как заболел падишах Нодир. В этом не было надобности, как оправдывались слуги, ведь аудиенций никто не проводил и в этот зал годами никто не заходил.

Восточная стена аудиенц-зала возведена из камня и разделена на две части с большими каминами, которые смотрят на промежутки между рядами колонн. Между самими стенами расположен огромный альков или, как его называют старые придворные слуги, акустическая раковина с возвышением от основного пола. Расстояние от края возвышения до дальней стены пятиугольной раковины составляет пятнадцать газдов, а ширина, не считая стен с каминами, двадцать газдов.

На высоте четырёх газдов в дальней стене раковины и между первым и вторым и между четвёртым и пятым были глубокие ниши, забранные ажурными решётками. Эти ниши по

тоннелям ведут в центральный яблоневоый сад, где когда-то падишахи держали павлинов.

И как только бывшие падишахи любили их ужасное кудахтанье? Расим просто терпеть не мог белого павлина Нодира. Вкусное, однако, из Златогрудки вышло жаркое. Хотя какая-то польза от болезни падишаха.

Ухмыльнувшись, Расим бросил презирающий взгляд на роспись стены и сел на заранее уготовленное ему место на возвышении.

Роспись занимала все стены алькова и изображала тот самый яблоневоый сад с большими красными яблоками. Слева от Расима на стене вырезан и окрашен красный поющий павлин, с гордо расправленным голубовато-фиолетовым хвостом. Расим сидел на тёмно-синей бархатной курпаче и невольно представлял, как поёт этот павлин. Это ещё больше угнетало и без того угрюмое состояние Расима. Около четырёхсот просителей и все они будут кудахтать об одном и том же.

Да-а, день действительно будет долгим и нудным.

Справа от него на стене вырезана девушка с длинной косой в голубом атласе и с красно-зелёной тюбетейкой на голове. Левоой рукой она прижимала к груди небольшой кувшин, а правоой из чашки высыпала зерно синему павлину с зелёным сложенным хвостом. Она была дочерью Расула Третьего – Гузал.

Расим облокотился о длинную бархатную подушку алого

цвета и угрюмо оглянулся на трон-топчан в пяти газах от центральной стены алькова. Закон Зебистана не позволяет никому занимать трон падишаха, даже наследникам во время аудиенций или других мероприятий.

Расим хмыкнул с кривой гримасой и посмотрел на старшего писаря. Акмал стоял в нескольких шагах от колонн и ожидал разрешения пустить первого просителя. Расим иронично склонил голову набок, поднял левую руку в сторону писаря и, потерев пальцами, дал ему знак разрешения позвать людей.

– *«Давай уже начнём этот балаган».*

На приём к Расиму и в правду приехали из Чехры и Джо-ду, а вот из Шомабада никого не оказалось. Ничего удивительного. Этот город живёт за свой счёт и мало зависит от казны падишаха, потому его жителей не волнует, что происходит за высокими стенами Шомабада. Единственная их забота – это следить за могилами ушедших падишахов.

Уже после третьего просителя Расиму наскучила эта аудиенция. Он захотел прислониться к спинке, но, тщетно подав спину назад, вспомнил, что сидит на курпаче, а не на троне. Скрывая своё раздражение под приветливой улыбкой, ему приходилось облакачиваться то на правую руку, то на левую, перекрещивая ноги – ровно ему сидеть сегодня не суждено. Унылые прошения людей навеяли на него смертную тоску. Нужно ещё раз разъяснить этому тугодуму, что значит «важные прошения или донесения».

Расим был бы рад любому донесению, но люди от одной аудиенции до другой всё просили и просили. Их просьбы звучали по-разному, но, в основном, носили общий характер. Многие просили уладить спор. Кто-то не поделил землю с соседом; кто-то использует нетронутые Чёрной напастью клочки земли без разрешения или не делится урожаем. Двое братьев не поделили наследство; у кого-то увели корову, а у кого-то целое стадо...

И так по кругу...

Расим кивал, обещал разобраться и указывал на выход. Изумлённый тем, что не было ни одной благодарности в его адрес за налаживание торговли с Ахоруном, некоторых Расим и вовсе не слушал. Из-за незначительности их просьб Расим опускал взгляд в сторону и считал точки на углах золотистых ромбов, составляющих узор красного ковра, постеленного в алькове. Он каждый раз сбивался со счёта, когда к нему обращались со словами: *«Господин премьер-министр, очень надеюсь на вашу помощь»*.

Он устал поправлять, что вступит на эту должность с Наврузом, потому снова кивал, обещал и указывал на ворота. Так он принял уже более ста пятидесяти просителей, а время на дворе стремилось к третьему часу после полудня. Желудок дал понять, что его пора снова наполнять. Расим щёлкнул пальцами и привлёк внимание старшего писаря, что сидел в нескольких шагах от возвышения. Акмал сидел за низким письменным столом и вёл протокол аудиенции.

– Нужно устроить перерыв на обед, – сказал Расим.

В ответ Акмал посмотрел на него косым недоумевающим взглядом.

– Необходимо выслушать всех, мой господин. Таковы правила. Они могут расстроиться...

– *«Расстроятся, не то и взбунтуются. Люди – это неконтролируемые животные»*. Расим кисло вздохнул и, согласившись с Акмалом, жестом указал Одилу, что стоял у ворот в аудиенц-зал, пустить следующего просителя.

В самом начале Расим распорядился, чтобы людей пускали по очереди, сначала пятьдесят из Расулабада, потом пятьдесят из Чехры, затем столько же из Джоду, и так по кругу.

Следующим в зал вошёл крестьянин с кудрявой бородой. Его мешковатая серая одежда говорила о том, что когда-то этот человек был довольно упитанным. На его лысой голове была чёрная тюбетейка с белым узором. Он был жителем западных окраин Расулабада и начал уверять, что видел, как на выжженных посевных полях некая тень ушла прямо в землю.

Расим укоризненно бросил взгляд на Акмала. Немного просверлив старика таким взглядом, с лёгкой усмешкой он снова посмотрел на крестьянина.

– *«Просьбы закончились. Теперь они будут нести чушь»*, – утомлённо подумал Расим.

– Мы все переживаем трудные времена, господин, – учтиво начал Расим. – Немудрено, что нам порой кажутся невероятные вещи... Мы все устали, но скоро всё будет хорошо, –

Расим покивал, надеясь, убедить крестьянина, и намекнул ему на выход.

Однако тот был убеждён в своих словах.

– Господин премьер-министр, я своими глазами видел, как некий тёмный силуэт словно бы провалился в землю на моём поле.

– *«Проваливай!»* – хотел взречь Расим, но сдержал порыв ярости. Вместо этого он снова заверил мужчину, что это могло ему показаться. – При наступлении сумерек тени играют в игры с нашим взором, – аргументировал Расим и, снова указав на выход, добавил, – Но не волнуйтесь, я отправлю пару вои проверить окрестности вашего поля.

Приняв ложь Расима за правду, крестьянин с почтением и рукой у сердца склонил голову и покинул зал.

За ним в зал вошла женщина в чёрном кафтане с белой бутой, поверх был надет серый камзол с коричневой бутой, а на голове накинут большой шерстяной платок с чёрной бутой. Женщине было чуть больше сорока лет, но этот наряд добавлял её ещё десять лет. У неё были заплаканные глаза, а голос дрожал.

– Простите, что без очереди, о досточтимый господин, но я больше не могу ждать, – она встала в пяти шагах от возвышения и подняла умоляющий взгляд на Расима.

– Без очереди? – тихо повторил Расим и вопросительно нахмурил брови на Одила. Тот кивнул, что так надо было, и Расим обратился к женщине. – Что с вами случилось? – ко-

ротким жестом руки он позволил ей говорить.

– Не со мной, господин, – заговорила она. – Пропала моя семилетняя дочь. Я уложила её спать, а на следующее утро Марджоны уже не было в постели. Мы искали её чуть ли не всем городом, но не нашли, – сквозь ком в горле и со слезами проговорила она.

– Всем городом? – озадаченно переспросил Расим.

– Я из Чехры, господин, – вытерев слёзы, уточнила она.

– Что на это сказал наиб падишаха в Чехре? – сдвинув брови, осведомился Расим. Раздражённая нота в его голосе говорила о негодовании тем, что ради помощи в поисках дочери эта женщина приехала в самую столицу. – Чем занимается наиб Чехры?!

– *«Может, лучше было бы остаться там и потратить всё это время на более усердные поиски?»* – негодовал про себя Расим. Город Чехра расположен недалеко от реки Гурез, и дети часто без присмотра ходят купаться в ней. – *«Может, и она утонула?»* – предположил Расим, но не стал произносить очевидную мысль в слух. Он не хотел, чтобы эта безответственная мать залила своими слезами чисто постиранную дорожку.

– *«С другой стороны, кто зимой ходит купаться в реке?»* – засомневался Расим.

– Я направлю письмо лентяю Окилу³⁵ и прикажу ему выделить больше людей на поиски вашей дочери, госпожа. Не

---

³⁵ Окил произносится с увулярной «к».

волнуйтесь, она найдется, – учтиво заверил Расим и указал женщине на выход.

И снова начались просьбы по всяким пустякам. Правда, среди них были и новые просьбы. Жители Расулабада задавались вопросом о праздновании Навруза, до которого остаётся пару недель. Будет ли праздник большим или скромным? Казна обеспечит праздник или людям обеспечить всё за свой счет? Расим ухмылялся над последним, но не позволял себе язвить просителям. Некоторые же в конце своего прошения приглашали Расима на свадьбу или хатна-туй.

Расим благодарил их за это, одним он вежливо отказывал, другим обещал подумать над их проблемой или приглашением, и верно указывал им на выход.

До прихода следующего просителя Расим бросил укоризненный взгляд на старшего писаря.

– Я трачу своё время, Акмал! По-твоему, их ничтожные просьбы имеют хоть какую-то важность государству? Все их проблемы можно решить без участия дворца. Куда смотрят наибы городов? Чем заняты остальные визири?

Акмал потупился. У него не было ответа.

– Пусть принесут мне хлеба что ли с чаем! – велел Расим. – У меня желудок сводит от нытья.

Акмал с почтением и рукой у сердца склонил голову и побежал к служебной двери.

Расим же, чтобы как-то прогнать скуку, начал размышлять над разгадкой ребуса примечаний. Он повторял слова,

которые смог прочитать, и сравнивал их с похожими по написанию другими словами современного языка. Записывая свои сравнения, он угадывал значения надстрочных и подстрочных знаков и вычитал лишние слоги. Однако сейчас под рукой у него не было бумаги с пером, и он делал это мысленно...

Его отвлекла громкая ругань, начавшаяся в аванзале.

– В чём дело?! – возмущённо спросил Расим и, чтобы Одил не кричал ему в ответ, жестом велел ему впустить спорящих.

В это время Акмал вернулся с Мастоной и сел на своё место. Придворная служанка принесла ему на деревянном подносе лепёшку, халвайтар и зелёный чай. Мастона положила поднос рядом с Расимом, *поженила* чай и отошла в сторону.

– Можешь идти, – Расим небрежно указал на служебную дверь.

Мастона учтиво склонила голову, прижав руку к сердцу, и направилась к выходу.

Оказалось, что двое соседей из Чехры, не дождавшись разрешения их спора, начали громко браниться в аванзале. Причиной тому служило срубленное ореховое дерево. Оно было одним из немногих плодоносных деревьев нетронутых Чёрной напастью в их деревне.

– Видите ли, оно мешало ему выращивать огород, – возмутился старый владелец срубленного дерева.

– Благодаря моему огороду, можно разнообразить раци-

он, – парировал грубый на вид ответчик сорока лет.

– Да твои картошки и помидоры гнили, не успев созреть! – скривил гримасу истец.

– Виной тому было твоё дерево, – ответчик ткнул пальцем воздух в сторону истца.

– Успокойтесь! – потребовал Расим. – *«И ради этого вы приехали сюда?»* – недоумевал он про себя. – Где вы были, когда он срубал ваше дерево? – в замешательстве спросил Расим.

– Мы всей семьёй помогали искать Марджону и пару дней отсутствовали дома, – ответил старик.

– Окил отмахнулся от нас, – сообщил истец на удивление Расиму, словно бы старик прочитал его мысли. – Потому я прошу справедливости у вас, господин премьер-министр. Бросьте этого человека в темницу. Он отнял у меня доход, – старик вперил на истца гневный взгляд.

Расим коротко покачал головой, удивлённый тем, что сосед ответчик вместе с истцом приехали в Расулабад решать свой спор.

– *«До чего мы докатились?»*

– Срубленное дерево снова не посадишь! – Расим обратился к соседям с возмущённым тоном. – Если ваши участки граничат, я советую вам, – Расим строго посмотрел на истца, посадить новое дерево в другом месте, подальше от его огорода, – он указал на ответчика. – Одними орехами сыт не будешь, – ответчик согласно покивал вслед его словам. – А

вы, – Расим указал на ответчика пальцем, – за срубленное дерево возместите ему годовой доход, – категорично заявил Расим. Ответчик обомлел, а истец вроде успокоился. – А теперь возвращайтесь домой, – Расим небрежно махнул в сторону ворот.

Очередным просителем был житель Джоду. Для своих средних лет этот высокий мужчина был слишком седым. С грустью в глазах и комом в горле он рассказал, что пропал его двадцатиднолетний сын.

– Моего сына уже десять дней не могут найти, господин, – уточнил огорчённый отец.

– Разве я похож на ищейку? – тихо проговорил про себя Расим, чтобы горюющий мужчина не услышал его. – Может он вернулся домой, пока вы ехали сюда? – громче спросил он.

В ответ озадаченный отец неуверенно пожал плечами. Расим же, глядя на него, скривил губы и покачал головой.

За последние четыре месяца в Зебистане, не считая Шомабад, пропали около десяти человек. Расим не придавал этому значения. Люда пропадают, ну и что? Это такое же явление, как и рассвет с закатом. Это как наполнить чашу из реки и вылить воду на берег – меньше не станет. В Зебистане людей остаётся ещё сотни тысяч.

– *«Неужели никто не сказал этому глупцу: «Зачем ты едешь в столицу?»* – негодовал про себя Расим.

Он сделал глубокий вздох и спокойно посмотрел на муж-

чину в белых с серым тёплых одеяниях.

– Юноши в этом возрасте совершают необдуманные поступки, – сказал Расим с утешительным тоном. – Может он отправился совершать подвиги ради возлюбленной?.. Или же с ней и сбежал, когда вы им отказали в благословлении? Гм? – он вопросительно поднял брови, впериw взгляд на этого человека.

Расим предполагал, что так скорее всего и есть. К тому же этот обездоленный отец потупился от последнего вопроса. Потому, не дав ему ответить, Расим указал на выход и попросил не задерживать остальных.

– Уверяю вас, ваш сын обязательно вернётся, – улыбнулся Расим, а про себя он колко ухмылялся, добавив, – *«С внуком... А если и нет, мне плевать»*.

Расим так хотел сказать это вслух, но сдержался с трудом и в негодовании покачал головой. Ему надоел этот тяжёлый тюрбан на голове, он нетерпеливо снял его и небрежно положил в сторону. Голове и шее сразу же стало легче и Расим даже улыбнулся.

– Кто там следующий? – Расим бросил в рот кусок лепёшки с халвайтаром и сменил положение ног.

Следующие просители начали жаловаться на то, что из-за выжигания посевных земель им негде пасти свой скот. Другие сетовали на то, что их коровы и козы перестали давать молоко.

– Нам, что, теперь и молоко покупать у Ахоруна?! – со-

рвался Расим на старую доярку, пришедшую со своей дочерью. – Оно просто скиснет, пока доедет сюда, – развёл руками Расим.

У доярки задрожала губа, а её дочь отшагнула назад от страха. Заметив это, Расим опустил взгляд и глубоко вздохнул.

Гнев – это не решение.

– Прошу прощения, – успокоившись, сказал Расим. – Я переговорю с представителями султана Ахоруна и попрошу их поставлять нам корм для вашего скота, – обещал он доярке. – Терпение, госпожа. Всё будет хорошо.

Женщины ушли, а за ними к Расиму подошёл мужчина пятидесяти лет в богатом оранжево-коричневом одеянии. С глубоким почтением склонил голову и представился.

– Меня зовут Каёраш ибн Аваз, господин. От своего имени я представляю семь семей. Скоро Навруз...

– *«Ох, опять о празднике»*, – Расим закатил глаза.

Придя в короткое замешательство, Каёраш учтиво продолжил:

– Люди с понимаем относятся к состоянию падишаха, но уже многие годы мы не празднуем Навруз. Для многих из нас он важнее Ситорамона. Мы, – он подразумевал семь семей, которые представлял, – готовы взять на себя некоторые расходы, если вы разрешите праздновать.

Зебистан – некогда процветающее и самое могущественное государство, уже давно гниёт из-за безразличия пади-

шаха Нодира на безответственность чиновников, распушенность и безнаказанную вседозволенность наследников. Никого из них не волновало и не волнует благополучие государства и благосостояние народа. Спад Зебистана начался ещё до того, как Нодир слёг в постель с неизлечимой хворью. Партнёры отвернулись, казна опустела. В добавок, эта загадочная Чёрная напасть скосила стебли дальнейшего развития. И теперь держава стремительно катится в пропасть. Расим же делает всё во благо Зебистана, пусть и преследуя свои цели. Буквально недавно ради искоренения Чёрной напасти посевные поля трёх городов полыхали огнём, а народу, о котором Расим так печётся, подавай праздники да гуляния.

Что ж, это нужно народу. Это нужно ему. Расположение народа – одно из его целей, так почему не достичь её сейчас?

Расим согласно покивал головой и посмотрел на Каёраша с улыбкой.

– Я разрешил вам праздновать Ситорамон и не откажу праздновать Навруз. Люди угнетены кризисом Чёрной напасти. Им нужен лучик новой надежды, так пусть обретут его с Наврузом!

– Благодарю, господин! Благодарю! – Каёраш благодарно покивал головой, с радостью прижав руку к сердцу.

– Идите и передайте моё разрешение всем, кто пришёл просить о празднике, – Расим указал на ворота. Так он надеялся, избавиться и от других с похожей просьбой.

Однако Каёраш не спешил уходить. На его устах был ещё

один вопрос.

– Что-то ещё? – осведомился Расим.

– Нам стало известно, что с Наврузом вы полноправно вступите на должность премьер-министра...

– Так? – Расим подозрительно поднял голову.

– Наши семьи сыграют свадьбу на Навруз и молодые хотели, чтобы досточтимый господин благословил их свадьбу, – Каёраш, опустив голову, указал на Расима.

Это польстило Расиму.

– Моё время распланировано на пару месяцев вперед, однако я подумаю над вашей просьбой, – пообещал Расим.

В знак благодарности Каёраш поклонился с рукой у сердца и вернулся в аванзал, передать объявление премьер-министра.

Одил хотел впустить следующего просителя, но заметив поднятую руку Расима, остановился. На улице уже темнело, и Расиму надоело перекрещивать ноги и облакачиваться то на одну подушку, то на другую, выслушивая жалкие жалобы. Расим встал и спустился с возвышения.

– На этом аудиенция закончена! – громко заявил он. Акмал хотел было возразить, но Расим поднял в его сторону руку раньше, чем тот смог раскрыть рот. – Распорядись, чтобы все отданные мною сегодня поручения были исполнены.

Расим огрел старшего писаря категоричным взглядом, развернулся и направился к служебной двери, заключив за спиной право запястье в объятие левой руки. Он прошёл

первый ряд колонн, как тут его окликнул кто-то незнакомый.

– Господин премьер-министр, – голос донёлся со стороны аванзала.

Мужчина с гладко побритым лицом в голубом чапане с красными и чёрными полосками, толкнув Одила, ворвался в аудиенц-зал и подбежал к Расиму.

Отшагнув назад в сторону глубокого камина, Расим возмущённо посмотрел на него сверху вниз.

– Что такое? – насупился он.

– Господин премьер-министр, выглядывая из своего окна, я несколько раз замечал, как какие-то тени мелькали в переулках, – крайне озабоченно доложил он.

– *«Ещё один дурак»*, – Расим закатил глаза. – Когда это было? – спросил он, недоверчиво нахмурившись.

– Вчера и позавчера ночью, мой господин, – встревоженно ответил тот.

– Ночью? – переспросил Расим с негодованием в тоне. – А ты не думал, что это могли быть обычные прохожие? Твои соседи например?

– Я не слышал шагов, мой господин. Дорожка на нашей улице вымощена камнем и...

– Если мне нужно к кому-то подкрасться, я надену мягкие галоши, чтобы не было слышно моих шагов. Или пойду босиком, на худой конец, – резко перебил Расим с нотой насмешки. – Возможно, твои соседи не хотели, чтобы ты их услышал. У тебя что-то украли? – вопрос прозвучал с него-

дованием.

– «Если это так, скажи прямо и не ходи вокруг да около!.. Тени!» – фыркнул про себя Расим.

– У меня нет соседей, – с испугом в голосе тихо ответил мужчина. – Я живу на западной окраине города...

– Тогда тебе это показалось, – грубо вставил Расим. – Как и тому крестьянину. Как он представился? – Расим посмотрел в сторону Акмала. – Не важно, – он махнул рукой и снова посмотрел на озадаченного мужчину, – он тоже был жителем западной окраины... И сдаётся мне, твоим соседом.

Расим не желал больше слушать этот бред про тени и шагнул в сторону двери.

– На следующее утро весь мой палисадник сгнил как от Чёрной напасти, господин, – промолвил он, растеряно глядя в спину Расима.

Расим со вздохом встал возле второго ряда колонн. Он опустил взгляд в сторону и, скривив губы, негромко произнёс:

– Сожги его.

Расим покинул аудиенц-зал, оставив бедолагу в ещё большем замешательстве...

В городе началась суета – праздничная суета. С неописуемой радостью на лицах люди ставили казаны на улицах и в своих дворах, чтобы поскорее приготовить все праздничные угощения, словно Навруз наступает завтра, а не через две недели. Из одного двора в другой соседи бегали друг к другу

за разными мелочами, а детей отправляли к торговым ларькам за тем, чего не было ни у кого. Даже во время Ситорамона, который длится двадцать два дня и раз в двадцать два года не было такого ажиотажа. Навруз действительно важнее для народа, ведь его смысл и значимость понятен всем. Хотя им и разрешили праздновать Ситорамон в открытую, многие в Расулабаде остались дома и отмечали скромно в кругу семьи. А вот Навруз, судя по всему, будет масштабным.

Жилые дворы в Расулабаде ограждены невысокими заборами, а сами дома построены по примеру дворца с внутренним садом, который окружен либо полностью, либо с трёх сторон стенами домов и вспомогательных сооружений. Однако были и дворы с высокими ограждениями, но и те не могли сравниться с ростом Расима – два газа и одна локоть. Заметив его голову, люди выбегали на улицу, приветствовали с почтением и искренне благодарили за разрешение. Расим же, погруженный в свои мысли, не замечал и тех, кто и так был на улице и обращался к нему. Он машинально кивал им в ответ, но не внимал их словам. Перед его глазами мелькали лишь слова из древней книги. Расим произносил их про себя, но они звучали также невнятно, как и слова прохожих.

Вдруг Расим остановился на перекрёстке трёх улиц и обнаружил, что домой возвращается пешком. Он развернулся, однако уже было далеко возвращаться во дворец за лошадью. Мысленно махнув рукой, Расим посмотрел налево, где закат завершал своё дело.

Меркнувшее солнце, наполнившись красно-оранжевым, тонуло под темнеющим морем небосклона. Его последние лучи, словно руки тонущего человека, тянулись вверх и, взывая о помощи, озаряли одну десятую горизонта...

Расим с любовью наблюдал, как погибает солнце.

– *«Зачем молить о спасении, если ты неизбежно восстанешь вновь?»* – ехидно ухмылялся Расим.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом и Расим довольно продолжил свой путь.

Сумерки сгущались, а звёзды снова загорелись на небе. Когда наступит чёрная ночь, зелёное облако с сотнями созвездий, словно река с крупными, синими и тёмно-красными островками, пересечёт небо с северо-востока на юго-запад. Это случится не раньше, чем Расим дойдёт до дома...

Пора дать телу отдохнуть и занять мозг чтением. Все эти бесполезные просьбы утомили Расима, и он вернулся домой, чтобы отдохнуть за книгой.

– Вы не ушли домой? – Расим удивился, обнаружив дома Ахдию.

– Я знала, что вы вернётесь голодным, господин, и приготовила вам манту с тыквой, – сообщила служанка и взяла кувшин с тазиком, чтобы Расим мог помыть руки перед ужином.

– Спасибо, – с тёплой нотой сказал Расим. – Я ценю вашу заботу, – негромко сказал Расим, помыв и высушив руки о подданное Ахдийей полотенце.

– То, что вы делаете для народа – дороже моей службы вам, господин. Благодаря вам, у моего сына снова появилась работа в порту. Вам спасибо, господин, – Ахдия склонила голову и вернулась на кухню. – Где вам накрыть? – крикнула она – ей это было позволено.

– Здесь, – сразу же негромко ответил Расим. Он стоял в проёме и задумчиво улыбался. – *«Я бы отдал всё, чтобы называть вас матерью»*, – проглотив ком, вслух Расим сказал, – Прошу, разделите этот ужин со мной. Одному мне будет тоскливо.

– С радостью, – улыбнулась в ответ Ахдия, зажигая свечи и масляные лампы...

После ужина Расим отпустил Ахдию домой, сказав, что сам уберёт со скатерти. Сдержав слово, он затем переоделся и вернулся в гостиную, где сел за низкий стол на топчане. Он взял бумаги, на которых написал отдельные слова, и стал снова изучать и сравнивать их. Под словами из книги он написал похожие на них слова. Расим вглядывался в них, читал вслух, но не понимал значения.

Какая задача у этих косых чёрточек? Что означают волнистые линии над некоторыми буквами. Как эти знаки влияют на произношение гласных?

За ответом Расим каждый раз обращался к самой книге, к её последним примечаниям. В их словах было меньше знаков, но и они были написаны незнакомым каллиграфическим стилем. Расим привык читать справа налево, а в этой

древней книге тексты примечаний написаны в форме геометрических фигур. Кроме того, некоторые написаны треугольником, одни переплетены в ромб, некоторые написаны в виде спирали. Недавно он нашёл ещё и в форме цветов.

Примечания написаны красиво – слов нет, но, где их начало, а где конец? Как их читать?

Расим до сих злился не в состоянии прочитать или разобрать значение хотя бы одного слова с уверенностью. В порыве гнева он не раз хотел зашвырнуть эту треклятую книгу в огонь.

«Пусть сгорит дотла. Для достижения своих целей я обойдусь и без этой бумагомараки».

Однако без книги ему понадобится больше времени для осуществления планов. Он понимал это и отходил от каминна, кладя книгу обратно на стол.

Если Одил верит в него, то и сам Расим должен поверить, что сможет разгадать тайну этой книги. Он успокаивался и снова брался за книгу, несмотря на время. Его глаза часто падали на слова «Инсон», «Акоб» и «Тополя». Первые два слова не раз встречались в самых первых примечаниях, а также в одном предложении, а вот последнее было всего в нескольких примечаниях, которое он ещё не разобрал. С первым словом всё понятно, насчет второго были некоторые догадки, а вот причём тут тополя?

Скрестив ноги, Расим сидел на тонкой курпаче. Он отложил бумаги в сторону и вслушался в треск пламени, что-

бы сосредоточить свои мысли. Если он прав насчёт слова «Акоб», он сможет прочесть не только примечания, но и саму клинопись.

Его мысли оборвались неожиданным хлопком, раздавшимся недалеко от его ворот. За хлопком раздался многократный треск. Вспышка голубоватого света слегка осветила правую сторону его веранды. Расим угрюмо ухмыльнулся, вспомнив к чему были все эти поспешные приготовления.

Пусть и с большой задержкой, но на улицах Расулабада началось празднование Сада – пятьдесят дней и пятьдесят ночей перед Наврузом. Обычно, люди расходятся по домам, как только опускается ночь. Но эта холодная ночь не распустила, а, наоборот, сплотила их вместе. Люди свистками на улицах требовали украсить тёмное небо яркими вспышками, и Расим знал, от кого они этого требуют. Местные колдуны и ведьмы угождали их прихотям себе и им на радость.

Звуки ликования и веселья отвлекли Расима. Люди проходили мимо его двора. Во время празднования Ситорамона никто не надеялся на чудо. Никто не ожидал, что болезнь смилостивится над падишахом, и он встанет и присоединится к их танцам и играм. Вместо этого они надеялись, что премьер-министр пожелает присоединиться к ним.

Удивительно, почему люди просили за Ситорамон и Навруз, а за Саду не обмолвились и словом?

Неважно. Расим не хотел, чтобы они, как в прошлый раз, вошли к нему во двор, а затем и в дом и своими льстивыми

улыбками вытащили его на улицу. Особенно, когда с ними могут быть ведьмы. Всё, что хотел Расим после аудиенции – это запереться в своём доме и найти уединение с собой. Он знал, что люди позовут ведьм и колдунов на праздник. Поэтому, за чтением книги он также хотел отвлечься от мысли, что и она будет там.

С одной стороны, Расим не хотел её видеть, потому что ненавидел. С другой стороны, хотел увидеть, потому что желал её до самого кончика своего мужского естества.

– «Ох, *Всевышний*, какое чудо», – подумал Расим, впервые увидев Нигору. Глубокие изгибы талии, пухлые ягодицы и вызывающая грудь. Его бросало в дрожь от шеи до *шеи* при мысли о её нежных губах. В зелёном мальчишке кровь только начинала бурлить между ног, но он захотел её с тех самых пор.

Расим поступил на учёбу к Нигоре в десять лет. Он был единственным мальчиком-учеником ведьмы не только в Джоду, но, возможно, и во всём Вартане. Из-за этого над ним смеялись все ученицы и он был презираем учениками колдунов. Это задевало его только в первое время. Расим предпочёл обучение у ведьм, потому что они намного целеустремлённые, чем колдуны. У них есть своя цель, как было и есть у Расима, и они стремятся к ней, так же, как и он. Колдуны же развлекают людей по праздникам...

Очередная красная вспышка озарила уже левую сторону его веранды, дав понять Расиму, что люди прошли мимо его

двора. Тем не менее оставалась вероятность, что люди, идущие в хвосте восторженного шествия, всё же могут заглянуть за ним в его двор. Надеюсь, что этого не случится, Расим невольно напрягся и снова вспомнил о состязании ведьм в Шомабаде. За время обучения у Нигоры Расим всегда стремился впечатлить её своей внимательностью к урокам и стараниями на практиках. Потому то он и вызвался участвовать в состязании, невзирая на то, что ему говорили: *«Тебе ещё рано»*.

Проказливые ученики сговорились тогда с ученицами Нигоры и подставили Расима, зная, как сильно он хотел впечатлить свою наставницу. Они подговорили Санам притвориться новенькой ученицей, и раззадорили Расима выступить против неё. Ох, и угорали они над ним от всей души и до истерики. Даже Нигора, прикрыв рот, смеялась над опозоренным учеником. После же она лишь покачала в его сторону с осуждающим видом и ушла. Тогда-то и Расим возненавидел свою до сих пор любимую Нигору.

Странное это чувство – любовь.

Расим больше не вернулся к ней на учёбу. За три года обучения он немалому научился у неё. Но всё к чему сегодня пришёл Расим, он достиг благодаря своим собственным стараниям. Он самостоятельно продолжил обучение и практиковался в одиночестве. Хотя в последнее время он уделял меньше времени практике. Эта грёбаная книга отнимала всё время и играла ему на нервы.

В очередной раз посмотрев на книгу, Расим вспомнил наставление отца. Это воспоминание навяло на него горькую тоску.

– *«Читай книги, когда меня нет»*, – говорил Насим своему сыну каждое утро перед уходом на работу или на её поиски. Отец Расима не был образованным человеком и потому не мог найти хорошую постоянную работу. Они не раз переезжали из Джоду в Чехру, оттуда в Расулабад и снова в Джоду. Насим брался за любую работу, хоть и временную, чтобы обеспечить сына, в том числе и книгами, чтобы он получал знания. – *«В своё время я не слушался отца и не ходил в школу. Я сбегал из дому и шлялся с друзьями, когда отец давал мне книги и уходил. Для меня забавы с друзьями были важнее учёбы. И где теперь эти друзья? Не все они готовы помочь, когда ты окажешься в трудном положении. Я скитаюсь туда-сюда, чтобы прокормить тебя, Расим. А ты учись. У тебя будет всё, если будешь знать, как это всё получить. Я только сейчас понял, знание – дороже богатства»*.

Однажды накануне девятилетия Расима Насим вернулся домой и сообщил сыну радостную весть. Его позвали в Эрод на хорошую работу, но приехать туда надо уже через две недели. Взволнованные и переполненные радости отец и сын на следующее утро выступили из Джоду в Эрод и, разумеется, выбрали кратчайший путь...

Откуда же глупцу было знать, что нельзя держать путь че-

рез пустыню Эрг. Будь проклят этот «Странный закон», о котором помнят лишь старые пауки в тёмных углах библиотек. Расиму удалось сбежать, а вот его отца настиг он. В свои девятые имении Расим стал полной сиротой...

Отличный подарок.

Гомон на улице стих, шествие отдалилось от его двора, и никто за ним не пришёл. Расим вздохнул с облегчением и снова опустил глаза на свои бумаги. Он уставился на слово «Акоб» и вдруг на него нашло озарение.

Расим резко встал из-за стола, спустился с топчана и направился к гардеробу в коридоре. Он раздвинул дверцу встроенного в стену и достал хлопковый зелёный халат с красным узором на спине и по краям. Надевая халат, Расим вернулся за книгой. Он взял её в охапку и быстрым шагом прошёл к потайной двери. Расим открыл дверь, щелчком пальцев правой руки он зажёл все свечи на стене и спустился вниз.

Услышав торопливые шаги, Фозил вскочил спросонья и вышел в проём.

– Мой светлый господин, это вы? – зевнул он, увидев Расима у нижней ступени.

– А кто же ещё? – грубо спросил в ответ Расим. – Ты ещё здесь?

– Этой ночью моя смена, господин, – ответил Фозил, после зевка.

– Я вижу, как ты несёшь свою смену, – криво хмыкнул

Расим и прошёл в прихожую. – Возьми ту лампу и иди за мной.

Фозил взял лампу, висевшую на стене, над его столом, где он так мило спал, и последовал за господином.

– Как он сегодня себя вёл? – его тон показался Расиму возбуждённым.

С появлением двух звёзд под луной пленник начал кричать и издавать странные звуки, изумительные для надзирателя. Пленник несколько раз пытался сорвать цепи и бежать. Потерпев неудачу, пленник снова забился в углу и вёл себя тихо и неподвижно, словно его там нет. Однако сегодня он снова привёл своего надзирателя в замешательство.

– В смену Исмат пленник вёл себя как обычно. Через час с начала моей смены пленник ни с того ни с сего начал кричать. Я заметил, что он устоялся наверх и... – Фозил задумался, правильно ли употребить это слово в отношении пленника? – Он скулил, если так можно сказать, мой светлый господин. Мне кажется, он жаловался, – неуверенно проговорил Фозил.

Расим оглянулся на Фозила, одетого в белую шерстяную рубаху и чапан с короткими рукавами, и недоверчиво ухмыльнулся.

– Жаловался? Кому? Толстому слою грунта и камней над его головой?

Расим подошёл к клетке и взгляделся во тьму, царившей в ней, да и во всей темнице.

– Повесь лампу, – сказал он Фозилу.

Надзиратель повесил лампу рядом с клеткой и отошёл на три шага в сторону.

– Всё смотришь наверх? – Расим обратился к пленнику. – Что-нибудь интересное? Полагаю, твои глаза приспособились к этой тьме за все эти годы? Моему слуге показалось, будто ты жаловался. Тебя, что, не устраивают условия твоего заключения? Ты же ничем не обделён?.. Кроме свободы, – выждав паузу, прояснил Расим.

Язвительная насмешка Расима могла бы разесть железную решётку, будь она материальна. Он подошёл ближе к решётке, чтобы получше взглядеться, но камера была большой, а лампа освещала ничтожную её часть.

Может ему (Расиму) вызвать огненную вспышку, чтобы осветить всю камеру пленника?

– Если тебе что-то нужно, ты всегда можешь обратиться ко мне, – дружелюбно сказал Расим. – Я единственный, кто может помочь тебе. Подойди поближе, я хочу кое-что тебе показать... Прошу тебя.

Расим терпеливо ждал, но его просьба осталась без ответа. Пленник никак не отреагировал на его слова. Он по-прежнему оставался в тёмном углу. В прочем, как и всегда.

– Научи меня её читать, – Расим вплотную подвёл ветхую книгу к прутьям решётки. – Я небезосновательно полагаю, что ты можешь быть с ней знаком... Взгляни же на неё! – рявкнул Расим.

Пленник неохотно повернулся, подвёл один глаз к краю освещённой части камеры и бросил на Расима ненавистный взгляд.

– Я не могу её прочесть, – негромко признался Расим. Теперь жалоба звучала уже в его голосе. – Только некоторые слова или отрывки. Из всего, что мне удалось прочесть и понять, не наберётся и одной страницы... А их здесь тысячи! – сорвался Расим, наклонив книгу.

Пленник безразлично отвернулся и снова скрылся во тьме.

Расим, насупившись, гневно вздохнул и вручил книгу Фозилу. Он снова подошёл к решётке и левой рукой ухватился за прут. Дёрнув рукой, он убедился в надёжности решётки.

– Мы с тобой могли бы покорить весь Рахшонзамин, – заговорил Расим, начертив дугу, словно описывая всю землю, которую грезил захватить. – Объединившись, мы бы объединили народы!.. Как раньше, – добавил он, посчитав в голове, сколько раз он предлагал это пленнику. – Может мною и влекут ненависть и алчность, – Расим шагнул в сторону от решётки, не отрывая глаз от тёмного угла, где скрывался пленник, – но я делаю это во благо народов, – он показательно сжал кулак.

Пленник молчал, но Расим и не ждал, что он ответит. По привычке он взял правое запястье за спиной, развернулся и пошёл в сторону надзирателя. Расим хмуро посмотрел на Фозила, подошёл к стене между камерами, где висела лампа,

и снова посмотрел сквозь решётку.

– Ну а ты? – с презрением спросил Расим. – Какие у тебя цели? Планы? – Расим снова развернулся и пошёл к камере напротив, не отрывая глаз от камеры с пленником. – Каковы твои идеалы? За какие принципы ты держишься, что ни разу не ответил мне? – его лицо скривилось в раздражённой гримасе. Расим встал посередине коридора и уставился прямо на камеру с пленником. Он склонил голову набок и усмехнулся. – Быть может, у тебя их НЕТ?! Может, у тебя нет никаких ценностей. Может, ты всего лишь бездушная тварь? – язвительно оскалился Расим.

Ни резкий тон, ни резкие слова не заставили пленника заговорить. За последние четырнадцать, а скоро уже и пятнадцать лет, Расим испробовал разные способы разговаривать своего единственного пленника и всегда уходил ни с чем, кроме досады, а то и ярости.

И теперь, нервно поглаживая изумруд на перстне правого указательного пальца, Расим подавлял в себе гнев. У него кончалось терпение. Он чувствовал, как в нём закипает кровь от злости. Ему так хотелось метнуть в пленника огненный импульс, но вспомнив наставление отца, глубоко вздохнул.

«Гнев – это не решение».

– За столько лет ты бы мог уступить. Зачем упрямитесь как осёл?.. Осёл и то бы давно заговорил, – усмехнувшись, добавил Расим. – Я держу тебя здесь ради своих благородных

целей, но никакой пользы от твоего присутствия, – в негодовании проговорил Расим. – Впрочем... Не будет и вреда от твоего отсутствия, – добавил он с угрозой. – Я могу справиться и без тебя, – уверенно заявил Расим. – Но ты мне нужен для демонстрации моей силы.

Расим отшагнул от клетки. Нахмурившись, он молчал в ожидании. Он всё же надеялся, что пленник ответит. Но в гробовой тишине он слышал лишь своё напряженное дыхание.

Фозил же замер в недоумении, прижав к груди старую книгу. Он всё не мог понять, зачем Расим каждый раз спускается сюда и без толку разговаривает с пленником.

– В некоторых напряжённых переговорах молчание – залог согласия, – заговорил Расим. – Но твоё молчание МЕНЯ РАЗДРАЖАЕТ!!! – сорвался он, взмахнув кулаками, чем напугал здорового надзирателя, а пленнику хоть бы хны. Расим вперил взгляд на тёмный угол и сгорал от желания раскалить оковы, сдерживающие пленника, чтобы тот забился в конвульсиях от ужасной боли.

Снова глубоко вздохнув, он опустил руки и не стал мучить пленника. *Он ещё нужен*, повторял про себя Расим.

– Гм-м-м, – многозначительно протянул Расим, вспомнив про слово «Акоб». Скривив губы в злорадной усмешке, он подошёл к Фозилу. – Недавно я узнал, что ты не один такой, – Расим нарочито солгал пленнику, забирая книгу из рук надзирателя. – А-а-а, зашевелился? – ухмыльнулся Расим. Он

подошёл к решётке и уверенно постучал пальцем по книге и уверенно заявил, – Я найду на тебя управу.

* * *

«В 872 году Эпохи человека, когда Ситорамон в Шомабаде праздновался впервые после завершения строительства, было совершено открытие, которое сразу было засекречено Хранителями знаний по приказу падишаха Байзо и султана Зухура. Все сведения об этом открытии были уничтожены. Однако среди некоторых старых хранителей есть предположения, что копии этих сведений спрятаны в одной из комнат в одном из купольных дворцов Шомабада».

Хранители знаний: «Тайны хранителей»

– *«Может, действительно стоило поехать?»* – задумался Азим.

За ифтаром в беседке на Главном рынке Комил приглашал коллег на свою свадьбу, которая состоится на второй день Навруза. Азима он попросил стать своим свидетелем и пробыть с ним две недели в доме Умеда, пока они с Мунирой не переедут в Ангуран. Азим поблагодарил Комила за доверие и вежливо отказал, сославшись на то, что у него много работы. На самом же деле, дядя Адхам обещал взять его с собой во дворец на следующий день. Потому Азим не мог упустить возможность увидеть, хоть на миг, Зилолу. Она бы-

ла единственным, о чём он теперь думал, и единственным, чего он хотел.

После поездки в Мирас Азим не так часто работал вместе с Комилом, но за последний месяц они вместе выполняли ряд поручений Аъзама, в том числе и очередной заказ нишалло для празднования Навруза. Однако они выполнили его удалённо, послав письмо аки Кариму. Юноши были уверены, что старый мастер выполнит поручение, и не поехали. Хотя Комил настаивал на этом.

За этот месяц они успели сдружиться, потому Комил настаивал и на том, чтобы Азим принял его предложение.

– *«Будь рядом со мной во время бракосочетания. Съешь кусок хлеба, который я преломлю со своей невестой и, как говорят бабушки, ты тоже вскоре женишься»*, – аргументировал Комил.

Азим же смотрел на друга и не мог признаться в том, что влюбился в дочь самого султана. Со своим распушенным языком Комил растрезвонит всему султанату об этом, и язвительно скажет: «Ты простолюдин, а она султанзаде. Вам никогда не быть вместе». А в добавок злорадно расхохочется во весь город. Вместо этого Азим непреклонно качал головой.

О том, что мог бы сказать Комил, Азим задумывался и сам. Очевидно, что им не быть вместе. Султан просто не примет его сватов. Так что же делать?

Азим практически не спал по ночам, ломая голову над от-

ветом.

– *«Может, всё-таки стоило поехать?»* – Азим начинал сожалеть об отказе, вспоминая надутые губы Комила.

Чем ближе они с дядей приближались ко дворцу, тем больше Азимом овладевал страх. Он сомневался, что увидит султанзаде. Именно эти сомнения и заставляли юношу сожалеть об отказе другу.

Вокруг дворца диаметром в один мил простиралась зелёная поляна без единого дерева. В некоторых местах работали женщины. По словам дяди, они сажали тюльпаны – любимые цветы покойной госпожи Нисо. Адхам также поведал племяннику, что во время родов султан украсил весь родильный дом тюльпанами. Потому то они и назвали свою дочь Зилолой.

– Здесь тренируются гвардейцы султана, – Адхам указал на ристалище в пятидесяти газах слева от них, а через сто газов было ещё одно ристалище для тренировочных боёв. – На этом поле султан выгуливает своих белых львов.

Тропа, вымощенная синими в крапинку камнями, привела их от самого проспекта Хоруна до северо-западной башни дворца. Основание из тёмно-серого неотёсанного камня возвышалось на десять газов. А над ней с уступом в три газа возвышалась сама башня. Из далека четыре башни кажутся белыми громадинами. Вблизи же Азим заметил, что белый мрамор пронизан красно-розовыми прожилками до самого верха. Смотровые площадки наверху колонн увенчаны купо-

лами из драгоценных камней. Их поддерживают серебряные колонны с резьбой, а балюстрады выполнены из чистого золота. Над каждым башенным куполом стоял шпиль с флагом Ахоруна.

Азим с восхищением поднял голову и заметил, что оттуда кто-то следит за ними. Он опустил голову и последовал за дядей налево по дорожке вдоль живой изгороди, высотой в три газа. За изгородью местами возвышались бледно-жёлтые или белые колонны с резным узором.

Живая изгородь обносила дворец зелёным кольцом. Однако оно не замыкалось на северной и южной стороне дворца, оставляя пятьдесят газов зазора в обеих сторонах.

Азим, всё следуя за дядей, обогнул северо-западную часть изгороди и вышел на северную площадь, ведущую ко дворцу. Ещё каких сто шагов, и они будут у первой ступени, ведущей под широкую и высокую центральную арку. С двух её сторон были ещё по две арки той же высоты, но на половину уже. Красно-коричневые каменные колонны арок украшены золотыми рустовыми камнями. Пазухи между арками вымощены бирюзовой мозаикой с каллиграфическими и геометрическими узорами. Контуры мелких звёзд в этих узорах выполнены из золота и украшены драгоценными камнями.

В тени за арками скрываются белые мраморные стены, чьи узоры Азим не мог разглядеть издали. За центральной аркой стояла большая двустворчатая дверь. За второй и третьей аркой виднелись балконы с белыми балюстрадами. За

крайними арками Азим увидел по два высоких арочных окна, забранных ажурной решёткой. Окна были на одном уровне с балконами.

Терраса на следующем этаже обставлена бежевыми мраморными балюстрадами с золотистыми периллами. С северной стороны из террасы внутрь ведут шесть широких арочных проёмов, между которыми были арочные окна.

При всей этой красоте, прежде всего, достойным внимания был тройной купол над этажом с террасой. Первый, золотой уровень купола занимает пять седьмых площади крыши этажа с террасой и имеет высоту семь газдов. Второй, серебряный уровень купола занимает две трети площади золотого. Также и третий уровень, украшенный драгоценными камнями, с которыми играли лучи полуденного солнца.

– Нам сюда, Азим.

Дядя Адхам завернул за живую изгородь, удивив племянника. Азим думал, что они пойдут прямо ко дворцу по бежевым мраморным плитам с золотыми прожилками и бледно-розовыми разводами мимо небольших фонтанов у живой изгороди справа и слева от площади. С двух сторон этих фонтанов в разном положении стояли изваяния лебедей, выполненных из белого золота.

Азиму показалось, что он увидел какое-то движение за центральной аркой. Он присмотрелся, но ничего конкретного так и не увидел.

Может это была игра света с тенью?

Юноша разочарованно отвёл взгляд на зелёную изгородь, тянущейся от левого края (справа от Азима) ступеней почти до него самого. В промежутке через пятнадцать газов изгородь выступала на газ. Длина этих выступов составляет пять газов. Между ними и располагались фонтаны, размерами три на четыре газа. Вдоль уступов изгороди стояли золотистые скамьи.

Точно также было и слева от Азима.

Не доходя десять газов до юноши, изгородь сворачивала и составляла второй ряд кольца. Но в отличие от первого, она шла отрывистыми линиями разной длины. Промежуток между рядами составляет три газа.

– Идём! – позвал Адхам, и Азим вошёл в проход за дядей. – Зима на исходе, и моя задача – не допустить появление вредителей. В этом ты мне и поможешь сегодня, – сказал он, оглянувшись на племянника. Он обещал Азиму, что расскажет о своих задачах при службе во дворце. – Скоро мы начнём поливать изгороди, винограды и другие деревья в садах и лабиринтах особенным раствором, который уничтожит спящих в земле насекомых. Ты и не представляешь, какие огромные пауки иногда здесь разводятся. Султан терпеть не может пауков, хотя он ни разу не бывал между кольцами. Его светлость больше заботится о своих львах, а вот его дочь, светлая госпожа Зилола часто любит гулять по лабиринтам. В детстве она ловила пауков и хотела показать отцу. Благо, няни не позволяли ей этого.

Адхам снова оглянулся. Убедившись, что Азим следует за ним и внимательно слушает, он повернул налево и скрылся за белой мраморной колонной с узором в виде трёх переплетённых лоз.

Высота изгороди, за которую завернул Адхам, как и все отрывки второго ряда, была двух газдов. Потому замечтавшийся Азим потерял дядю из виду, но быстро нашёл по бодрому голосу.

– Придворным слугам не разрешено ходить по мраморной площади, кроме тех, кто ответственен за его чистоту. Потому мы пройдем по лабиринту, – объяснил Адхам.

– По лабиринту? – переспросил Азим, свернув за очередную колонну.

Дяди снова не было. Он шёл быстро. Юноша прибавил шаг и снова заметил дядю в десяти газдах у другой колонны.

– Идём, – поманил рукой Адхам и вошёл в другой проход. Изгородь опустилась чуть ниже, и теперь Азим мог видеть, как макушка чалмы дяди медленно направлялась вправо.

– В этом лабиринте трудно заблудиться, – продолжал Адхам. – Она всего лишь петляет слева направо и ведёт до служебного входа во дворец. Правда, если знать, когда сворачивать направо, а когда налево, – пошутил он.

Первые слова дяди сняли напряжение с ног Азима, а шутка вернула. Снова прибавив шаг, он последовал за дядей по дорожке, вымощенной бежевыми и светло-коричневыми ка-

менными плитками.

– Ложных поворотов и проходов в этом лабиринте достаточно, – чуть серьёзнее добавил Адхам. – Кто не знает, может свернуть в них и ненароком выйти к клетке со львами. Потому держись ближе Азим.

Услышав это, юноша догнал дядю. После рассказов отца о львах, Азим и не пытался скрыть испуг в своих глазах. Он не хотел, выйти к клетке со львами людоедами, и уж тем более оказаться в ней. От этой мысли Азим с лёгкой дрожью прижал голову к плечам и приблизился к дяде на шаг. Тот ухмыльнулся и пошёл дальше.

– Колонны с тройной лозой указывают правильный путь, – подсказал дядя.

У продольных колонн лабиринта росли стволы винограда. Их ветки лежали на абаках колонн, а лозы на перголах. Весной и летом пышные зелёные листья укрывают придворных слуг в тени. Однако листья пока не распустились, и сквозь большие ячейки пергол и прорех между лозами можно видеть, как на небе парят длинные, тонкие белые облака.

Адхам четыре раза свернул за ориентировочные колонны, а в пятый раз свернул направо и вышел в проход без колонн.

– Вы идёте к львам? – удивился Азим.

В это время ему послышался негромкий мужской голос, и его дядя остерегающе кивнул в сторону, откуда доносился этот самый голос. Азим посмотрел налево и... увидел её.

Петляющие изгороди внутри лабиринта снижались по ме-

ре приближения ко дворцу. Азим заметил голову и плечи султанзаде в трёх колоннах или через три изгороди от себя. Зилола медленно шла ко дворцу, а рядом с ней шел человек на пол головы выше неё. На нём было белое просторное одеяние с глубоко надвинутым капюшоном и клинописью по краям. Он что-то объяснял султанзаде, а та внимательно слушала.

– ...Эпоха человека началась после Великого конфликта...

– Идём, негромко позвал Адхам. – Нам нужно перейти в боковой проход. Таковы правила, когда по лабиринту идёт султанзаде.

Однако Азим слышал лишь биение своего сердца, что сильно застучало у него в груди. Им снова овладело то странное чувство в животе, которое он ощутил, впервые увидев Зилолу на проспекте Хоруна. От радости, что ему снова удалось её увидеть, Азим замер с блаженным видом, словно резная колонна, и не отрывал от неё глаз.

Султанзаде была в тёплом чёрном бархатном платье с серебряным отливом и красными каплевидными рубинами. Поверх платья был короткий тёмно-фиолетовый стёганый халат с рукавами до локтей и прошитый чёрной бархатной тесьмой с золотистым кантом. В молочно-золотую чалму с открытым затылком был вплетён красный шнурок с висящими каплевидными сапфирами. Хвост чалмы был свободно повязан вокруг её нежной шеи. С макушки за спину ниспа-

дал водопад тёмно-каштановых волос, а широкие пряди обрамляли её лицо. Зилола коротко кивала своему спутнику и последовала за ним налево.

Азим с трепетом желал, чтобы она повернулась, и он мог вновь восхититься её невероятно красивым лицом.

– Идём, – повторил Адхам, с подозрением глядя на племянника.

В этом лабиринте не осталось ни одного, кто бы не услышал его голос. Зилола с интересом повернула голову в их сторону, но Азим то ли от стыда, то ли от испуга, скрылся в боковом проходе раньше, чем она могла узнать его.

– Ты сам не свой, – с намёком произнёс Адхам.

Азим же предпочёл промолчать в ответ, а не говорить, что беспamięтно влюбился в султанзаде Зилолу. Пока ещё рано об этом говорить. Сперва, нужно найти решение этой странной любви.

Стены живой изгороди в боковом проходе высотой были в два газа. Дальше следуя за дядей по немощёной дорожке, он то и дело, вставал на цыпочки, чтобы увидеть её хоть краем глаза. Однако стены шириной в полтора локтя не позволяли ему этого. Снова опускаясь на пятки, Азим высматривал следующий проём, по которому они вернутся в лабиринт.

В семи газах справа от них был проём во второй ряд бокового прохода. Адхам ускорил к нему шаг. К счастью для Азима, дядя прошёл мимо проёма, иначе они бы пошли в совсем другую сторону.

Через пять газдов был ещё один проём в лабиринт, но, к изумлению Азима, его дядя прошёл мимо него тоже.

– А кто этот человек со странной письменностью на одежде? – осведомился Азим, заглянув в проём.

Никого не было.

Адхам шёл в двух шагах впереди. На его лице прорезалась улыбка. В голосе своего племянника он уловил ноту ревности.

– Это представитель Хранителей знаний, – негромко и с осторожностью ответил Адхам. – Они учат султан-заде³⁶ знаниям далёких предков.

– Я ни разу не видел их в учебных заведениях города, даже в библиотеке, – юноша с подозрением заглянул в очередной проём.

– Знания, которым они обучают, запрещены для простого народа.

– Почему? – недоумевал Азим.

– Не знаю, – пожал плечами Адхам. – Никто не знает, кроме самих султан-заде, – тихо продолжал он. – Во дворце султана их двое, но я ни разу не видел их лица. Я сомневаюсь в том, что они вообще из Ахоруна.

– Тогда откуда они? – озадачился Азим.

Адхам повернулся и с остерегающим видом посмотрел на

---

³⁶ Султан-заде – отсылает ко всем детям и непосредственным родственникам султана, произносится с паузой в дефисе; султанзаде – подразумевает только детей султана.

племянника.

– Придворным запрещено разговаривать с ними и запрещено говорить о них, – он подвёл палец к губам.

Адхам развернулся и пошёл дальше. Через несколько шагов был очередной проход в лабиринт, но он, склонив голову, прошёл мимо. Азим же задержался. Он притаился у края стены, чтобы тоже заглянуть внутрь. Он широко улыбнулся, увидев султанзаде и её учителя. Они шли от него и приближались к дальнему повороту лабиринта. Станный учитель первым повернул направо и скрылся за углом.

– ...С тех пор больше не было никаких войн, – рассказывал он.

Вдруг Зилола остановилась у самого края изгороди, который был на пядь выше её плеча. Словно почувствовав, что за ней следят, она бросила взгляд на боковой проход. Поняв, что его раскрыли, Азим шагнул в середину проёма. Он посмотрел прямо в глаза султанзаде, широко улыбнулся. Когда Зилола робко улыбнулась в ответ, юноша склонил голову и подвёл правую руку к сердцу. Исподлобья он поднял на неё влюблённый взгляд и снова улыбнулся. То странное чувство в животе овладело всем его телом, заставив рот глупо открыться.

Зилола узнала юношу. Она сдержанно улыбнулась и коротко кивнула в ответ на его поклон и пошла за учителем.

– Ты будешь участвовать в Бузкаши в этом году, Азим?

Вопрос дяди спустил замечтавшегося юношу с небес. Ад-

хам стоял у прохода в другой ряд. Он смотрел на племянника с улыбкой, догадавшись в чем дело.

– Нет, – насупившись, ответил Азим и подошёл к дяде.

– Почему? – поинтересовался Адхам.

– Это жестокая игра, – ответил Азим.

– Но ведь эта наша традиция, – возразил Адхам. Вместе они вошли в ряд между лабиринтами и снова пошли в сторону дворца. – Вся молодёжь от восемнадцати до двадцати пяти принимает в нём участие. В прошлый раз ты не мог участвовать, потому что тебе не было полных восемнадцать лет. Но в этот раз тебе почти девятнадцать. Прими участие... Это любимое состязание султана, – добавил он с намёком.

– Не знаю, дядя, – задумчиво протянул Азим. – Мне как-то не по нраву гонятся за козлами и изнурять их.

Замедлив свой шаг, Адхам вздохнул с ноткой досады.

– Твой отец трижды участвовал в Бузкаши. Я тоже хотел участвовать, но мой вес не позволял мне ездить верхом. Ах... да и сейчас лошадям нелегко приходится. Твой отец отдал мне однажды выигранные золотые рога. Хм... В Бузкаши юноши вроде тебя проявляют свою силу и ловкость...

– На пару с жестокостью и безжалостностью, – добавил Азим.

– *«Этот парень непреклонен»*, – Адхам, сжав губы, коротко помотал головой.

Адхам с Аъзамом грезили о золотых рогах, с тех пор как впервые участвовали в Бузкаши в качестве зрителей. Боль-

ше всего его хотел получить старший брат, то есть Адхам. Однако в силу своего крупного телосложения его мечте не суждено было сбыться.

«Под тобой прогнётся лошадь», «Ты лучше оседлай корову», «Ты, что, пришёл сожрать игровых козлов?» – Адхам с обидой вспомнил, как над ним насмехались, когда он единственный раз в своей жизни решил участвовать в Бузкаши.

Аъзаму тогда было пятнадцать лет и всё, чем он мог помочь брату, были его утешения. Достигнув допустимого возраста, Аъзам трижды к ряду принял участие в этом состязании. Он старался не для себя, а ради брата. Аъзам выиграл золотые рога, загнав больше всех козлов, и отдал приз брату. Адхам отказывался брать не заслуженную им награду, но Аъзам настаивал.

– «Бери, Адхам, и запомни, что ты всегда можешь рассчитывать на меня, – заверил его тогда Аъзам. – Повесь его у входа в свой дом. Пусть эта награда будет для других примером того, что нет ничего важнее братских и семейных уз».

Теперь Адхам хотел, чтобы кто-нибудь из молодого поколения его семьи тоже принял участие в Бузкаши и выиграл. Он хотел вручить новую награду Аъзама, но его сыновья отказывались от участия в состязании. Потому Адхаму оставалось надеяться на племянников, но и этот летает в облаках.

К счастью, Адхам догадался почему Азим витает в облаках и почему просил взять его с собой во дворец. Если сво-

их сыновей он не смог убедить, то убедить влюблённого племянника будет проще простого.

Адхам задумался и начал подбирать слова. Он гадал, когда Азим успел влюбиться в султанзаде и где? Впрочем, это не важно. Он понял, что надо делать.

– Состязание придёт смотреть и сама султанзаде Зилола, – он с намёком посмотрел на племянника.

Сработало! Азим задумался.

– *«Она будет там?»* – повторил про себя Азим. – *«Это шанс впечатлить её. Победитель по обычаю проведёт ужин за дастарханом султана с его гостями. Зилола точно тоже будет там. Это шанс поговорить с ней и познакомиться. Но что это ему даст? Он ведь простолюдин. А если не выиграю? Хм? Наверное, не всё сразу. Пусть это состязание станет первым шагом к решению дилеммы».*

На лице Азима прорезалась улыбка созревшего плана.

– Хорошо, дядя. Пожалуй, я приму участие.

* * *

«На словах язык длинный, на деле он короткий».

Ардвисура

Расим со скрытым недовольством ощущал, как под плотным шёлковым кафтаном цвета красного каштана с вышитыми зелёными растительными узорами на плечах и по бо-

кам, тянущихся к подолу, его тело издаёт жар. Этот жар поднимал запах его тела и выводил сквозь не застёгнутый воротник. Благо, этим утром он принял ванну с яблочным мылом, и сейчас его запах был терпимым. Но ещё час бесполезной болтовни этих пустоголовых визирей, и он точно начнёт смердеть гнилыми яблоками.

«Уж лучше вдыхать свой пот, чем терпеть это тошнотворное благоухание масла, которым придворные слуги опрыскивают дрова».

В двух очагах огонь горел, не переставая – слуги часто добавляли в огонь обработанные маслом дрова. В самый разгар лета в аудиенц-зале не так жарко, как сейчас. Расим не хотел разжигать огонь, но трое визирей и один местный богач настояли на обратном. Расим уступил им лишь потому, что хотел угодить им. Теперь он расплачивался за это. Благо, они засели не в тронном зале, которые в три раза меньше аудиенц-зала, вот была бы парилка.

После одного часа обсуждений Расим предложил пересесть ближе к дверям аванзала, но там, видите ли, этим пузатым дуракам будет холодно.

«На улице сияет солнце и цветут деревья, а им огонь подавай в очаге».

Расим сидел в трёх шагах от возвышения алькова на синей бархатной курпаче с серебристым отливом. В пяти шагах от него, лицом друг к другу, на хлопковых курпачах с богатым цветочным узором сидели визири, чиновники и богачи

Расулабада. Расим пригласил эту знать за три часа до полудня, чтобы обсудить государственные дела. Также он хотел присмотреться к ним, получше изучить и понять, кому можно доверять, кого можно склонить к себе, и от кого следует деликатно избавиться. На новом посту ему нужны соратники, чтобы скорее прийти к заветной цели. Однако по исходу двух часов никто не внушал доверия.

Расим задавал вопросы, сообщал о существующих проблемах государства и молча наблюдал, как они обсуждают. Дав им тему разговора, он вглядывался в каждого, изучая их поведение, манеру речи и корысть, скрытую в их глазах.

Среди тридцати лоботрясов безмятежно вёл себя Орзу, визирь внутренних дел. Он был собранным, серьёзным и ни разу не превысил свой голос во время споров. Он вёл себя хладнокровно с предпринимателями и с недоверием смотрел на некоторых чиновников, а на премьер-министра Орзу подглядывал с подозрением. Это беспокоило Расима.

«За время заседания этот визирь ни разу не развёл брови. Видимо, государственные дела обвалились на его плечи тяжёлым грузом. Видимо, бесплодное разглагольствование отвлекает его от насущных проблем, о которых ни разу не упомянул. Может, его отправить на покой?» – думал Расим, пристально следя за Орзу.

– Скажите, господин Орзу, как обстоят дела в нашей армии? Готовы ли солдаты к битвам? – заговорил Расим, прервав оживлённый спор трёх предпринимателей и двух визи-

рей о пошлине ахорунских торговцев.

Неожиданный вопрос премьер-министра удивил всех. Расим слегка наклонил голову набок, изучая их реакцию, особенно Орзу.

– Господин премьер-министр? – визирь внутренних дел в недоумении посмотрел на Расима. – Вы знаете чего-то, чего не знаю я? – Орзу с подозрением насупил взгляд.

На лице Расима проявилась лёгкая усмешка.

– *«Я знаю столько, сколь ты, вонючий осёл, за две жизни не познаешь»*, – съязвил про себя Расим.

– Наши воины должны всегда быть готовы ко всему, – вслух сказал Расим.

Расиму был не по нраву пристальный взгляд Орзу, и он перевёл взгляд на Акмала. Главный писарь сидел справа от него в семи шагах за низким столом и записывал протоколы заседания.

– В случае чего неожиданного, – добавил Расим, глядя, как старый писарь управляется радужным фазаньим пером.

– Что вы имеете в виду под «неожиданностями»? Я должен знать! – потребовал Орзу и его тон был суровым.

Никто из визирей не смел обращаться к премьер-министру таким тоном, несмотря на то что он пока не вступил на эту должность и даже когда он был послом падишаха в Ангуране.

Расим тяжело моргнул и взглянул из-под бровей на Орзу, не поворачивая к нему головы. Расим тихо выдохнул свой

гнев и повернулся к знати. На этот раз он спокойно посмотрел на Орзу и обратился ко всем.

– Расул Первый отложил строительство дворца и возвёл стену вокруг города. Расул Второй и Расул Третий перестроили и укрепили эту стену. Все они сделали это в ожидании войны...

– Которой никогда не было, – возразил Орзу и его поддержали остальные лоботрясы.

– Предчувствие, – заявил Расим. – Расулы обосновали строительство стены предчувствием войны... И у меня появилось такое предчувствие, – обведя всех взглядом, солгал Расим, отчего заставил Орзу ухмыльнуться. – Я надеюсь, – притягательным голосом добавил Расим, хотя его голос был не таким звучным, как у визиря внутренних дел или того самого Фозила, – что Зебистан и впредь не познает войны. Однако мы должны быть готовы, – заключил он, а про себя добавил:

– *«Да, от него точно нужно избавиться и поскорее».*

Его слова должны были унять ропот, вместо этого они лишь усилили их среди знати. Орзу же продолжал косо подглядывать на премьер-министра.

– *«Нужно сменить тему, чтобы перевести его сверлящий взгляд на другого, иначе его подозрительность может стать заразной и перейти к его прихвостням».*

Расим окинул взглядом знать в поисках жертвы и остановился как раз на одном из таких прихвостней. Главному при-

дворному лекарю, он же визирь здравоохранения, не терпелось что-то сказать, однако, глядя на Орзу, он не решался. Между ними была безмолвная связь, которую нарушил Расим.

– Прошу, господин Неъмат. Если вам есть что сообщить нам, не стесняйтесь, – Расим сопроводил своё обращение соответствующим жестом руки.

Главный лекарь встал с места, подвёл правую руку к сердцу и виноватым выражением лица посмотрел на Расима.

– Господин премьер-министр, у меня плохие вести, – Неъмат был встревожен и озабочен. Старик боялся, что своими словами вызовет гнев премьер-министра, ибо ранее доложенные вести тоже не вызвали в нём восторг. Неъмат опустил глаза на Орзу, надеясь на его поддержку.

С другой стороны, эта новость может также огорчить Орзу. Расим понял это по взгляду старика.

– *«Может вы и обдурили всех, мне же ваш секрет известен с самого начала, гнилоеды»*, – с презрением проговорил про себя Расим, а вслух сказал другое.

– Зебистан переживает трудные времена. Мы уже давно привыкли к плохим новостям. Говорите, что бы вас не тревожило, – ободряющим тоном призвал Расим.

– Господин... – Неъмат неуверенно посмотрел на Расима. – Здоровье братьев резко ухудшается. Носир жалуется на частые головные боли. Я даю ему успокаивающие чаи, но они не помогают. Он также жалуется на боль в суставах и

тошноту. А недавно у него пропал аппетит...

– Эти девки перебивают шахзаде весь аппетит, – тихо усмехнулся визирь внешней торговли.

Неъмат, как и Орзу, огрели его укоризненным взглядом. Действительно слова главного придворного лекаря взволновали Орзу больше, чем остальных. Однако за их взглядом скрывалось ещё кое-что.

– Этим утром господин Носир сетовал на боль в печени, – продолжал Неъмат. – Его лицо пожелтело, а при полном осмотре я обнаружил, что таким стало и всё его тело. – Старик снова взглянул на визиря внешней торговли, на этот раз удивляясь тому, что придётся с ним согласиться. – Господин премьер-министр, – он перевёл взгляд на Расима, – я считаю, что причиной плохого здоровья шахзаде являются эти самые блудницы. Он проводит с ними слишком много времени. Мало ест. Почти не моется...

Расим изобразил почти такую же встревоженность, как и у самого Неъмата. Но, спрятав под ней довольную улыбку, он внимательно слушал, словно главный лекарь Расулабада читал ему стихи. Однако последние слова испортили ему впечатление, и он более не желал слушать его причитание.

– И что вы предлагаете делать? – прервал его Расим.

– Господин премьер-министр, мне нужно ваше содействие в том, чтобы изолировать шахзаде Носира и не пускать к нему тех блудниц, – ответил Неъмат.

– Вы хотите, чтобы я отдал распоряжение? – уточнил Ра-

сим.

– Да, господин премьер-министр, – подтвердил старый лекарь. – Я пытался сделать это сам, но эти блудницы не слушают ни меня, никого либо другого.

Расим громко усмехнулся и правой рукой обвёл всех сидящих.

– Кто из вас хочет лишиться своей головы? – с вызовом спросил он и язвительно посмотрел на Неъмата. Тот и все остальные пришли в недоумение. – Для шахзаде Носира эти блудницы, – осуждающим тоном продолжил Расим, – всё равно что для нас – дышать. Они дарят ему тепло, ласку и наслаждения. Вы все знаете, какой он капризный... – Расим выждал паузу, чтобы оглядеть всех. – И импульсивный. Он сам меня просил подобрать ему изысканных девушек, – эта была ложь, искусно выданная за правду. В этом Расим был непревзойдённым мастером. – Лишить его наслаждений, всё равно, что лишить себя дыхания. А если вы не дышите, то зачем вам нужна голова? – Расим смотрел в упор на Неъмата, но его слова касались всех. – Мне моя голова ещё нужна, – он чванливо покачал головой и пожал плечами. – Если же кому-то из вас нет, то пусть он и оказывает вам содействие, – Расим язвительно улыбнулся, но последние слова он произнёс с ноткой гнева.

Не выдержав пристального взгляда, Неъмат опустил голову и сел, спрятавшись за визирем сельского хозяйства.

– Что вы тогда предлагаете? – вдруг вознегодовал Орзу. –

Здоровье шахзаде будет лишь ухудшаться. Хотите смотреть, как господин Носир заживо гниёт, как и его отец?

Глядя на Орзу, Расим бесстрастно пожал плечами и обратился к Неъмату:

– Здесь лекарь вы. Вам и находить лекарство... Что с вторым?

Неъмат слегка наклонил голову вперёд, чтобы ответить.

– У шахзаде Мунира жалобы на боль в сердце и...

– Может, направить наложниц его брата к нему? – язвительно прервал Расим. – Одним действием вылечите обоих.

Расим старался вести себя сдержанно и серьёзно, но его внутреннее злорадство относительно состояния здоровья братьев слегка отражалось на его лице, в частности в уголках его губ.

Ехидный смешок прошёлся не только внутри премьер-министра, но и среди знати, кроме, разумеется, Неъмата и Орзу. Последнего возмутило предложение Расима. Однако своё замечание угрюмый визирь высказал не Расиму, а самому Неъмату.

– Неъмат-ака! Вы уличный знахарь или визирь здравоохранения Зебистана? Вы служите семье падишаха дольше, чем любой из нас живёт на этом свете, и не знаете, как лечить простую желтуху? Почему вы стоите здесь и спрашиваете, что делать у премьер-министра?! Вы не можете самостоятельно принять решение?

Тон Орзу был резким, а взгляд суровым, но Расим уловил

лишь презрение в упоминании своего титула. На остальное, сказанное в адрес старика, ему было плевать. Он незаметно небрежно ухмыльнулся и поднял взгляд на Неъмат, который словно провинившееся дитя снова встал с места.

– Это не просто желтуха, – начал оправдываться старик. – Симптомы похожи, но эта болезнь протекает тяжелее. Подхватить её шахзаде мог только от этих девиц, – он укоризненно посмотрел на Расима, удивляясь своей смелости. – Если шахзаде Носир не пожелает расставаться с ними, мы будем лечить их всех, – решительно заявил Неъмат, посмотрев на Орзу.

– Его наложницы тоже больны? – осведомился визир сельского хозяйства, неумело скрывая встревоженность в своих карих глазах.

– Нет, – коротко ответил Неъмат.

– Меня больше волнует состояние шахзаде Мунира, – наравне с ответом старика заявил Орзу.

– Ни одно лекарство не унимает боли в его сердце, – добавил Неъмат. – Боль стихает лишь, когда шахзаде не есть и не пьёт. А воздержание от еды более трёх часов вызывает в нём острые режущие боли. В этом и заключаются затруднения. Дав лекарство от одной боли, мы рискуем спровоцировать другую. И это ещё не всё...

– Что ещё? – озабоченно спросил Орзу, опередив в этом Расима, у которого последнее заявление лекаря вызвало интерес.

– Все мы знаем, что шахзаде Мунир не блистал умом, – осмелился сказать Неъмат и все согласились с ним. – Однако за последний год он начал часто читать и проявлять интерес к государственным делам в отличие от своего старшего брата. А теперь у него проявляются признаки слабоумия, – Неъмат был не уверен в выборе определения.

– Что вы имеете в виду? – спросил Расим, скрывая своё замешательство.

– Я полагаю, шахзаде Мунир подвергается медленному отравлению, – Неъмат с подозрением обвёл всех взглядом, включая премьер-министра.

Орзу сделал то же самое.

Расим принял озадаченный вид и обратился к главному лекарю:

– Вы нашли яд в его еде?

– Я поручил своим помощникам проверить всю еду и напитки шахзаде, даже исследовать его мочу, но они ничего не обнаружили...

– Тогда откуда такое уверенное заявление? – усомнился Расим.

– Существуют множество видов яда и различные способы их применения. Я намерен лично проверить еду шахзаде, ибо сдаётся мне, кто-то из моих помощников ведёт тайную игру.

В тоне и выражении лица визиря здравоохранения Расим прочёл намёк на то, что он догадывается, кто может стоять

за этим.

– «Что ж, мне ясно видно, что в этом ты подозреваешь меня, подлый старик», – думал про себя Расим и исподлобья смотрел на Орзу, которого это заявление озаботило больше, чем удивило остальных.

– Господин Орзу, почему бы вам не оказать содействие Ньмату в этом деле? – дружеским тоном предложил Расим. – Я поручаю вам двоим разобраться во всём, – продолжил Расим и Орзу вместе с Ньматом встали с места.

– Я с удовольствием помогу вам, Ньмат-ака, – торжественно заявил визирь внутренних дел, прижав правую руку к сердцу. – А когда мы поймаем эту трусливую мразь, я лично вручу вам его голову, господин премьер-министр, – Орзу решительно посмотрел на Расима, последний увидел в его глазах тоже уверенное подозрение, что и у Ньмата.

– «Трусливая мразь?» – повторил про себя Расим. – «Хм...»

Заседание подходило к своему логическому завершению и за всё это время Расим выделил не многих, чьей поддержкой можно было бы заручиться. Однако он точно уяснил для себя, что от этих двоих необходимо избавиться и незамедлительно.

– «Вы будете неприятно изумлены, когда одним действием я уберу вас обоих со своего пути», – усмехнулся про себя Расим и посмотрел им в глаза.

– Я не сомневаюсь в ваших способностях. Прошу, седи-

тесь, – Расим указал на их места. Когда они сели, Расим продолжил. – Я полагаю, мы обсудили все важные вопросы, касающиеся благополучия нашего государства. Если у вас нет больше вопросов или предложений, предлагаю на этом завершить нашу плодотворную встречу.

Расим собирался встать, чтобы поскорее покинуть жаркий аудиенц-зал, но тут заговорил визирь культуры.

– Господин премьер-министр, впереди Навруз и люди спрашивают, будут ли его праздновать? Они также спрашивают, проведёте ли вы праздник вместе с ними или снова поедете в Ангуран?

Как и другие визири он был в фиолетовом шелковом расшитом халате с широкими рукавами до локтей. У него также был кафтан цвета красного каштана, а под ним чёрные шаровары, заправленные в тканевые ичиги с растительным узором. Это одинаковое облачение визирей отличалось лишь узорами, вышитыми золотистыми и серебристыми нитками на их халатах и кафтанах.

Расим же в качестве премьер-министра позволил себе надеть не фиолетовый, а тёмно-зелёный халат с золотистой тесьмой по краям и тонкими ромбовидными линиями спереди.

Цвет чалмы не был регламентирован для визирей, однако они всегда подбирали ткани в тон своей формы. У Расима же чалма состояла из зелёного и белого цвета, а хвосты свисали к плечам: зелёный к левому, белый к правому. Его невы-

сокая чалма украшена тремя изумрудами, как его кольцо на правом указательном пальце.

Снова сев, скрестив ноги под собой, Расим огрел визиря культуры возмущённым взглядом, а затем и остальных.

– Вам докладывают о решениях, принятых во время аудиенций?! Раньше, это было моей задачей, а теперь... Ак-мал?! – Расим сердито посмотрел на главного писаря – тот поднял ответный взгляд и тут же потупился. – Мы виним Чёрную напасть в упадке нашего государства... На самом же деле, в этом виновны вы! – резким тоном бросил Расим, с укором глядя на визирей. – Ни один из вас не делает свою работу должным образом. Хоть один из вас участвовал в аудиенциях, проводимых мною в этом зале? – Расим, сдерживая гнев, указал пальцем вниз. – Неоднократно поднимались вопросы, касающиеся вас. Также были и жалобы на вас! – Расим выждал паузу, снова смерив всех взглядом. Он хотел обругать их за пренебрежение своими обязательствами и неосведомлённостью, но вспомнив наставления отца, он сделал тихий глубокий вдох и подавил в себе гнев. – Да, – спокойно выдохнул Расим. – Я уже разрешил им праздновать.

Люди – народ Зебистана – одно из главных средств для достижения целей. Потому Расиму важно расположить именно их к себе, нежели заручаться поддержкой этих лодырей. В конце концов, он может просто заменить этих дармоедов, а вот народ не заменишь. Разумнее дать, что им нужно, а взамен получить то, что необходимо тебе.

Расим перекрестил ноги под собой и продолжил:

– Народ Зебистана, особенно жители Расулабада, достаточно долго игнорировали традиционные праздники из-за хвори падишаха и сочувствия к его светлости. Хватит, – заявил Расим и выждал паузу, чтобы посмотреть, осмелится ли кто-нибудь возразить ему. Нет. Даже Орзу молчал. – Народ важнее дворца, и наш светлый падишах всегда это понимал. Я уверен, он бы не хотел, чтобы грусть всегда нависала над его народом. Пора положить конец их мрачным будням. Они достаточно натерпелись от Чёрной напасти. Так пусть люди празднуют. Ситорамон был началом их нового светлого будущего, а с Наврузом нас ждёт новая эпоха!.. Я поручаю это дело вам, Мудин, – снова выждав паузу и оглядев всех, Расим обратился к визирю культуры.

Мудин, встал с места и прижал обе руки к груди. На его круглом, гладко выбритом старом лице растянулась широкая улыбка.

– Люди будут рады, господин премьер-министр, – закивал он. – Очень рады...

– Запомните одно, – прервал его Расим, подняв перед собой палец с кольцом. – Праздник должен быть скромным. Предупредите людей, что на состязаниях и конкурсах не будет наград от имени падишаха. Казна не может себе этого позволить, – Расим опустил на казначея взгляд, требующий подтверждения его слов, и тот согласно покивал.

За всё время заседания Расим с особым вниманием на-

блюдал за казначеем и его помощником – чиновником, ответственного за сбор пошлин в столице. Каждый раз, когда обсуждали расходы и деньги, глаза этих двоих загорались корыстным огнём. Для оценки вероятности привлечения кого-либо на свою сторону, Расим иногда выдвигал спорные предложения. Тогда как некоторые сомневались в целесообразности предложения или отвергали его, как Орзу, эти двое наоборот согласно кивали и поддакивали. Даже богачи не соглашались с ними и, если Расим заручится их поддержкой, его планы обречены на провал.

Может, поискать соратников среди толстосумов?

– Что скажут наши досточтимые гости? – с лестью в голосе Расим обратился к предпринимателям, сидящих в конце. – За вашу щедрую помощь я воздам определённым льготами падишаха, – Расим произнёс всё так, чтобы его тон не показался требовательным и настоятельным. Он сложил руки у пояса в ожидании ответа этих лицемееров.

– Мы рады помочь вам, господин премьер-министр, – встав с места, заявил Озар, главный поставщик ювелирных изделий Бахрияна. На нём был белый чапан с черными краями и бахромой, свисающей с плеч к груди, выполненной из тонких золотых цепочек. Его чёрно-белая чалма была украшена золотой нитью, а густая тёмно-коричневая борода скрывала шею, на которой тоже была цепочка из золота и серебра. – Я дам трёх баранов победителю состязания по борьбе, – когда-то он и сам был борцом, а теперь обрюзг.

– *«Какой ты щедрый баран»*, – съязвил про себя Расим, а вслух похвалил:

– Достойная награда, учитывая обстоятельства. Один баран и две овцы, чтобы победитель мог развести потомство, – уточнил он.

Орзу прижал руку к сердцу и согласно кивнул. Расим кивнул в ответ, и ювелир сел на место.

В былые времена, когда Зебистан процветал, падишахи дарили победителям силовых состязаний дома на лучших улицах Расулабада; если они были военнообязанными, назначали их командирами тех или иных отрядов. А теперь что? Бараны?

– Кто ещё? – спросил Расим, всё больше убеждаясь в жадности этих лицемеров.

Из самого конца левого ряда с места встал приземистый мужчина в плотном светло-зелёном халате с тёмно-бордовой широкой тесьмой и вышивкой на плечах и рукавах.

– Я подарю серебряные болоабру малике Навруза и серебряный перстень малику Навруза, – горделиво заявил он.

Ювелир предлагает баранов, а мясник – украшение. Расим бы расхохотался, да регламент не позволяет.

– *«Наверно, это серебро досталось тебе от бабушки»*, – съязвил про себя Расим, а вслух сказал:

– Хорошо.

Расим благодарно прижал руку к сердцу и кивнул мяснику. Когда тот сел на место, внимание премьер-министра при-

влёк другой человек.

– Я дам три мешка муки победителю состязания среди копейщиков, – заявил Латиф, сидевший рядом с Орзу.

– Насколько я знаю, вы и сами возглавляете взвод копейщиков? – сказал Расим, посмотрев на мужчину в бежевом халате с короткой густой бородой пшеничного цвета.

– Да, господин премьер-министр, – подтвердил Латиф. – Но я не буду принимать участия...

– Уж, пожалуйста, чтобы было честно, – подшутил Расим, и все коротко посмеялись.

– Благодарю, – Расим прижал руку к сердцу. – До Навруза осталось мало времени. Пригласите их в свой кабинет и обсудите все детали, – он обратился к визирю культуры. – А вы, Вохид, – Расим перевёл требовательный взгляд на начальника городской стражи, сидевшего напротив Латифа, – следите за порядком в городе, чтобы не было той суматохи, как во время празднования Ситорамона и Сады.

Вохид встал с места, прижал руку к сердцу и склонил голову.

– Я приму все необходимые меры, господин премьер-министр, – заверил он зычным голосом.

– Хорошо, – покивал Расим и перевёл взгляд на казначея. Он не желал больше ждать, пока каждый из них соизволит предложить свой никчёмный вклад. Он решил опередить их, чтобы сэкономить себе время. Дел было невпроворот. – Господин Сомон, позовите всех, кто захочет оказать содействие

в празднике и в соответствии с их вкладом дайте им обещанные льготы.

Глаза богатой знати загорелись от слов Расима, а низкорослый и худощавый казначей встал с места и демонстративно поднёс руку к сердцу.

– Слушаюсь, господин премьер-министр!

Расим кивнул ему с ухмылкой и тот сел на место. Глядя на визиря культуры, Расим думал, что возможно сделал поспешные выводы. Может, проведя праздник с народом, он сможет заручиться верностью Мудина.

– *«Бузург ибн Махмуд созвал очередной пир на седьмой день Навруза. Успею отпраздновать и здесь, и там»*, – заключил про себя Расим и посмотрел на визиря внутренних дел.

– Господин Орзу, – негромко позвал Расим и тот встал с места, приставив руку к сердцу. – Не забывайте, что вашей основной задачей является готовность армии Зебистана. Если в лучшие времена бывшие падишахи ожидали войну, то в период текущего кризиса мы должны быть готовы в двойне, – властным и многозначительным голосом заявил он.

Расим ожидал, что Орзу возразит ему и на этот раз, однако визирь внутренних дел слегка повернулся к нему и сделал небольшой поклон в знак подчинения. Премьер-министр тем же властным видом кивнул Орзу, чтобы тот сел на место.

Сжав губы, чтобы скрыть свою довольную ухмылку, Ра-

сим окинул взором всю знать. На их лицах было написано, что они хотят закончить это затянувшееся заседание не меньше, чем того хотел сам Расим.

– На этом всё! – объявил он к всеобщему облегчению. Благодарю вас, господа. С вашей верностью наше государство скоро воспрянет вновь! Я был рад вашему обществу, – Расим благодарно прижал руку к сердцу, кивнул, а затем любезно указал им на выход.

Люди встали со своих мест и, прижав руку к сердцу, с почетом склонили голову перед премьер-министром. Расим встал и ответил им тем же. Поправляя свою верхнюю одежду, члены знати направились в аванзал за своими галошами. Расим же, стоя на месте, наблюдал за их уходом.

Заткнув пробку склянки с чернилами, Акмала словно осеңило, и он резко вскочил из-за стола.

– Стойте! – прокричал он.

Однако никто из знати его не услышал или не хотел слышать. Расим же закатил глаза, а потом насупился.

– В чём дело? – спросил он в негодовании.

– Господин премьер-министр! – Акмал быстрым шагом подошёл к Расиму. – Есть вопрос, требующий вашего внимания... – под «вашим» он имел в виду всех, однако большая часть знати уже была на пути к выходу из дворца, а остальные были заняты разговорами между собой.

– ...Прошу, останьтесь, – продолжал писарь. – Это очень важно.

Расим с трудом сдержал порыв яростного желания бросить какую-нибудь брань в сторону писаря. Он сжал всю свою злость в кулак, тихо вздохнул и спокойно повторил вопрос:

– В чём дело, Акмал?

– Господин, вы помните, как на прошлой аудиенции некоторые люди упоминали о тенях?

– Ах-х-х, – тихо протянул Расим, закатив глаза. – Мы, что, теперь и бредни людей должны обсуждать? – вознегодовал он.

– Господин, это серьёзно! – возразил Акмал, и его голос привлёк некоторых чиновников у дверей аванзала.

Среди них были трое визирей, двое их помощников и несколько предпринимателей. Они вопросительно смотрели то на Расима, то на Акмала. Заметив озабоченный вид главного писаря, визирь сельского хозяйства шагнул в их сторону, но премьер-министр остановил его, подняв руку.

– Идите, идите, – небрежно махнул Расим. – Я выслушаю его сам.

Это привело Акмала в недоумение и замешательство. Он хотел, чтобы все услышали его доклад. Писарь хотел было позвать визирей, но, не успев раскрыть рта, Расим грубо прервал его.

– Не медли! – потребовал он.

– Господин, люди продолжают сообщать о том, что видят тени на улицах, во дворах, в общественных домах...

Акмал разочаровано смотрел, как все ушли, а стража закрыла основные двери, за которыми они с Расимом остались одни в аудиенц-зале. Что ж, он сам виноват. Премьер-министр давал ему шанс, когда спрашивал всё ли они обсудили, но он был погружен в свои мысли.

Акмал перевёл обеспокоенный взгляд на премьер-министра и продолжил, несмотря на его злобно нахмуренную гримасу:

– На этой неделе теней заметили и во дворце.

Расим скосил взгляд, недоумевая удивиться ему или поверить? Он задумчиво опустил глаза.

– *«Могут ли это быть...»*

– Шпионы? – озвучил он своё подозрение, посмотрев на писаря.

Удивительно, что Расим сам мгновение назад поручил визирю внутренних дел проверить готовность армии к неожиданностям, а теперь эта неожиданность нагрянула из уст старого писаря.

Шпионы? Этого просто быть невозможно! Чьи? Ахоруна? Нет. Султану Бузургу это ни к чему. Тогда кто? Или что?

Если в прошлый раз он поручал выполнение той задачи Орзу в угоду своих целей, в этот же раз нужно всерьёз и незамедлительно взяться за это дело самому, иначе его планы будут под угрозой.

– Господин премьер-министр, мне тоже об этом докладывают, – неожиданно раздался грубый голос Орзу.

Он и ещё несколько визирей и чиновников вернулись в аудиенц-зал через служебный вход. Это было настоящим облегчением для Акмала – он словно бы взбодрился.

– Раньше, тени замечали во всём Зебистане, теперь же о них докладывают только у нас, в Расулабаде, – отметил Акмал, приблизившись к Орзу.

– О них не сообщали лишь из Шомабада, – добавил визирь внутренних дел.

– Некоторые говорят, что якобы слышали их разговор, – заявил Вохид.

– И о чём же они говорят? – Расим с сомнением скосил на него взгляд.

– По словам горожан, эти тени говорят на чужом языке. Однако некоторые полагают, что они ищут некую книгу, – задумчиво проговорил Акмал.

Расим бросил резкий, насупленный взгляд на главного писаря, ответ которого встревожил его. Тем не менее Расим скрыл свою тревогу под видом недоумения, чтобы не выдать, что он знает о какой книге, возможно, идёт речь.

– *«Кто ещё мог пронюхать про книгу предков? Кому она ещё нужна? Ведьмам? Они бы не стали действовать скрытно в Зебистане»*, – Расим на мгновение отвлёкся, а придя в себя, обратился к начальнику городской стражи:

– Вохид, выясните, что эта за тени. Найдите мне этих шпионов! – с неожиданной злостью процедил он, горящими глазами уставившись на начальника. Он не может допустить,

чтобы книга досталась в не те руки. Нужно придумать, как не просто спрятать, а скрыть её с глаз.

– Слушаюсь! – почтенно ответил Вохид с рукой у сердца и склонив голову.

– Я не думаю, что это шпионы, господин премьер-министр, – одновременно с Вохидом проговорил Акмал.

Расим скосил на него вопросительный взгляд. В его взгляде было больше ненависти, нежели изумления.

– Кем или чем, тогда, ты думаешь, они являются? – с раздражением процедил он.

Акмал на мгновение оторопел от тона и взгляда Расима. Придя в себя, он, наконец, решился доложить премьер-министру и другим чиновникам об исследовании, которое он провёл относительно теней.

– Я полагаю, эти тени как-то связаны с Чёрной напастью и пропажей людей, – заявил писарь и, заметив, что его слова вызвали интерес как у Расима, так и у остальных, он продолжил. – Впервые Чёрную напасть обнаружили на опушке Мобаёна, но в лесу она не распространилась. Тем не менее первые случаи распространения Чёрной напасти были отмечены в Джоду около восемнадцати лет назад. Тогда-то и начали поступать пусть и редкие, но первые сообщения о странных тенях. Однако городская стража Джоду не обнаружила тогда никого и ничего подозрительного. Но вскоре начались первые случаи последовательной пропажи людей. Через год Чёрная напасть появилась в Чехре. Вскоре и там начали за-

мечать странные тени и пропадать люди. Меньше, чем через год после Чехры, Чёрная напасть дошла и до Расулабада. И то же самое начало происходить здесь. С тех пор во всех трёх городах пропало тысяча сто двадцать три человека от семи до сорока девяти лет.

– Откуда такие данные? – спросил Расим.

– Я провёл исследование, господин премьер-министр, – ответил Акмал. – Изучил летописи и записи старых писарей как Расулабада, так и Чехры, и Джоду.

Расим тихо хмыкнул с сомнением.

– Ветер сдувает песчинки с дюн, но от этого пустыня не уменьшается, – лирично проговорил Расим. – В Зебистане сотни тысяч жителей. Я ведь говорил об этом на прошлой аудиенции, помнишь? – в его голосе звучала нотка усмешки. – Я также говорил, что люди пропадают чуть ли не каждый день. Так о чём нам должны говорить эти твои цифры? – с деланной важностью Расим вопросительно свёл свои длинные брови.

– Вы правы, господин. Люди пропадают, но не так часто, как вы думаете, – Акмал сделал пару коротких шагов к Расиму. У него было такое выражение лица, будто он сейчас раскроет тайну вселенной. Писарь посмотрел на чиновников и снова перевёл серьёзный взгляд на премьер-министра. – В течение трёх последних месяцев я изучал все старые записи о переписи населения, рождаемости и смертности. Я провёл анализ и обнаружил, что до Чёрной напасти случаи пропажи

людей были единичными и за три тысячи лет Эпохи человека не наберётся и ста случаев. Господин, подумайте только, за последние восемнадцать лет пропало больше тысячи ста человек. Исчезли без следа.

Слова старого писаря привели чиновников в смятение. Они начали переглядываться и переговаривать друг с другом в недоумении. На Расима же они оказали положительное воздействие. Они сняли его напряжение. Услышать, что это не шпионы, вынюхивающие его секреты, было для него облегчением. С другой стороны, слова писаря порождали новые вопросы. Расим не знал ничего об этой треклятой Чёрной напасти. Он не смог найти ни одного упоминания в своих книгах и рукописях. Может, нашёл он?

– Что ещё вы узнали? – поинтересовался Расим, не обращая внимания на ропот подчинённых.

– Больше ничего, господин, – тупо произнёс Акмал.

– Что?! – ответ не удивил, а привёл в негодование Расима, да и остальные были несколько удивлены. – Никакого упоминания о Чёрной напасти или об этих самих теньях? – он с возмущением уставился на писаря.

Акмал потупился и отшагнул назад.

– Я... – запнулся он. – Я не смог найти ни одного упоминания ни о Чёрной напасти, ни о теньях, господин. Но...

– Я и сам об этом знаю, – негромко, но с раздражением отрезал Расим, кривым оскалом пялясь на Акмала. – Думаешь, я сам не искал информации о Чёрной напасти?!

Акмал проглотил ком, дрожащий у него в горле, и тихо произнёс:

– Г-господин, в своём исследовании я проводил связь между Чёрной напастью, тенями и пропажей людей. У меня есть некоторые догадки, но мне нужна ваша помощь, чтобы подтвердить их, – его просьба касалась всех присутствующих.

Расим снова нахмурился, словно злая собака.

– Догадки? – негромко, но сердито повторил он. – Ты стоял здесь и изливал свою речь ради догадок?! – Расим злобно и в недоумении развёл правой рукой. Он тяжело вздохнул и опустил хмурый взгляд. – Впрочем, – негромко произнёс он, – если бы ты мог решить эту задачу сам, ты был бы визирем, а не писарем, – он огрел Акмал презирующим взгляд исподлобья и развернулся к выходу.

Расим сделал шаг, но остановился рядом с Латифом и задумался. С тех пор как он служит падишаху, Чёрная напасть была одной из постоянных причин его головной боли. Расим сожалел, что ещё тогда, восемнадцать лет назад не предал все земли, охваченные Чёрной напастью, огню. Теперь поражённых земель стало в разы больше, а к ним добавились ещё и тени.

Нет. Нужно скорее решить эту проблему и облегчить жизнь народу, особенно крестьянам. Благо, его методами, пусть и запоздалыми, Чёрная напасть, хоть и медленно, но уже отступает. Как же быть с тенями?

Расим собрался с мыслями. Выпрямился и решительно посмотрел на подчинённых.

– Из-за Чёрной напасти гнили наши урожаи, опустела казна и обеднели люди. Из-за неё наше государство пришло в упадок. И теперь какие-то тени шаркают по нашим улицам. Люди слышали их голоса, а раз тени говорят, значит должны быть и тела, отбрасывающие эти самые тени. Найдите их! – категорично велел Расим. – Вохид, задействуй всех своих людей и выясни, кто это. – Расим бросил косой взгляд на Акмала и снова обратился к начальнику городской стражи. – Будешь докладывать ему.

Визирю внутренних дел не понравилось, что премьер-министр оставил его в стороне в этом деле, будто он здесь никто. И прежде, чем он смог возразить, Расим обратился и к нему:

– А вы, господин Орзу, следите за их действиями. Возможно, хозяева этих теней связаны с заговором против шахзаде. Я поручаю вам контроль над всем этим делом, – заключил Расим соответствующим жестом руки.

С удовлетворённым «Я» Орзу склонил голову в знак подчинения и без лишних слов подвёл руку к сердцу.

Расим не понимал поведение Орзу. Сначала он был подозрителен, а теперь он превратился в покладистого лоботряса. Может, он действительно что-то заподозрил и играет в роль послушного визиря. Если так, то Расим сам дал на то повод.

– *«Что ж, разберись с этим делом, а потом я разберусь»*

с тобой».

– Ты доволен? – Расим испытующе взглянул на Акмала.

– Благодарю вас, господин премьер-министр. При содействии вои мы быстро выясним, кто отбрасывает эти тени и как они связаны с пропажей людей, Чёрной напастью и разговором, – серьёзным голосом обещал писарь. В этот самый момент он чувствовал себя важным и нужным, как никогда прежде, и гордился этим. Будет, что рассказать заскучавшим внукам.

– Прекрасно, – Расим небрежно поднял руку перед собой. Он оглядел подчинённых, вопросительно посмотрел на писаря, который, склонив голову, хотел вернуться к своей столу и сделать записи в своих желтоватых бумагах. – Вы можете быть свободны, – сказал Расим и снова коротко указал на выход.

Этого было достаточно, чтобы все подчинённые с почтением склонили головы перед премьер-министром, приложив руку к сердцу, и ушли. Чиновники скрылись за служебной дверью, писарь сел за свой стол, а Расим остался на месте. Он был в нескольких шагах от очага и, глядя на полыхающий огонь, он чувствовал, как вспотел и запах его же тела начал раздражать нос.

– *«Нужно снова принять ванну»*, – с досадой подумал он.

Расим перевёл своё внимание и чувства на свою внутреннюю силу и начал осязать тепло внутри своих рук. Его левая рука слегка поднялась и потянулась к очагу. Его силы воз-

растали, что придавало ему уверенности. Он с восхищением смотрел на огонь, а его рука хотела вытянуть из очага всё пламя и поглотить его. Расим был уверен, что огонь не причинит ему вреда. Однако он подавил в себе это искушение и отвернулся от огня.

– потуши огонь в очагах! – приказал он слуге, который в недоумении стоял в дверях служебного входа.

Расим с раздражением снял с головы чалму и вздохнул с облегчением. Взяв чалму под мышку и, проклиная всю знать, направился к выходу. Многие из них, словно сговорившись, пришли в одних тюбетейках; хорошо, что не в одинаковых.

Акмал сделал все нужные записи и начал собирать свои бумаги. К этому времени в аудиенц-зал вернулся слуга с двумя деревянными ведрами в руках. За ним в зал вошёл ещё один слуга, тоже с ведрами. Они выплеснули воду в очаг и раздался шипящий звук раскалённых дров. Слуги выплеснули воду и из второго ведра.

Наконец, огонь погашен. Расиму до смерти надоело терпеть этот жар. Во время заседания он сидел ближе всех и посередине двух очагов и проклинал себя за то, что надел плотную одежду, в отличие от знати, которая пришла в легких одеяниях. Лишь у нескольких худощавых богачей была тёплая одежда. Они-то, как и Расим, были против разведения огня.

Расим с презрением сморщил нос, невольно вспоминая

об этом. В следующий раз он проведёт заседание визирей на улице. Ухмыльнувшись от этой мысли, он достал платок из кармана шаровар и вытер вспотевшую голову. Его волосы кудрявились, когда к ним прикасалась влага. Отец говорил, что у его матери были кудрявые локоны, и в этом он пошёл в неё. Потому, в детстве он просил отца не вытирать ему голову сразу после ванны. Он стоял возле старого зеркала с разбитым верхним углом и представлял, какой была его мать.

– *«Скоро, отец»*, – с горьким комом в горле, обещал про себя Расим и, растопырив пальцы, провёл правой рукой по голове, чтобы поправить укладку. – *«Нужно подстричься»*, заключил Расим.

Длина его волос превышала длину его среднего пальца, а он любит, когда волосы не длиннее большого пальца. Тогда они не кудрявятся при каждом удобном случае и не причиняют ему боль напоминанием того, чего у него никогда не было.

Чтобы отвлечься от грусти, Расим прошёлся по аудиенц-залу и незаметно от слуг и писаря погасил каждую свечу на колоннах и стенах коротким движением руки. Зачем их только зажгли, ведь дневного света, проникающего через потолочное окно, было вполне достаточно. Благо, свечи на люстрах не были зажжены.

Старый писарь со стопкой бумаг под мышкой встал в нескольких шагах от служебного выхода и повернулся в сторону премьер-министра.

– Я могу идти, господин...

– Да-да, – небрежно прервал его Расим, не дав произнести его титул. Он устал слышать это словосочетание, как бы оно ему не нравились. За всё время заседания его повторили сотню раз, если не больше. Расим не на столько самолюбив, чтобы слушать и слушать свой высокий титул. Не к нему он стремится.

У второго ряда колонн, напротив служебного выхода, стояли слуги, не решаясь задать тот же вопрос, что и писарь. Однако Расим прочёл желание слуг по их слегка смуглым, сужающимся лицам.

– Вы тоже можете быть свободными. Я хочу побыть наедине. Оставьте двери открытыми и откройте ставни на стенах, – поручил им Расим. Он хотел, чтобы аудиенц-зал поскорее остыл.

Расим вернулся на своё место, где ещё во время заседания снял свой халат и положил на подушке-валике. Под подушкой была спрятана книга далёких предков. До начала заседания он хотел попытаться прочесть её сложную письменность, однако Акмал пришёл раньше всех и не дал ему прочесть и страницы. Расим тут же убрал книгу под подушку. Он не хотел, чтобы старик расспрашивал про неё. А своим докладом писарь и вовсе отбил желание продолжить изучение книги после заседания. Расим положил книгу в чалму, которую снова взял под мышку, и понуро поднялся на возвышение алькова. Он встал в двух шагах от трона-топчана па-

дишаха. Его лицо скривилось в отвращении, вспомнив про закон, запрещающий всем, кроме самого падишаха, воссесть на троне во время аудиенций или заседаний. Так, почти семнадцать лет этот трон пустует. За всё это время к нему прикасались одни только слуги, вытирая с него пыль.

Расим вернулся на край возвышения, где сел, скрестив ноги под собой. Он достал книгу из чалмы и положил её перед собой. Однако его глаза задумчиво смотрели на халат, лежавший на курпаче, как мятая половая тряпка.

– *«Может, позвать слуг, чтобы убрали курпачи?»* – подумал Расим и тут же упрекнул себя. – *«Это всё, что тебя сейчас волнует?!»*

Неожиданный грохот главных ворот в аудиенц-зал не дал Расиму ответить самому себе. Двое стражников вошли в зал. Один направился направо, другой налево и начали расхаживать, словно вели караул. Расим буквально слышал их умеренное дыхание по мере того, как они приближались с двух сторон между колоннами. Всё их присутствие нарушало блаженную тишину, к которой стремился Расим.

– Вы можете сторожить и за воротами! – сердитым тоном сделал замечание Расим. – Мне нужно уединение, – помягче добавил он.

– *«Так почему бы тебе не вернуться в свой кабинет?»* – прозвучал язвительный вопрос в его голове.

В знак подчинения стражники склонили головы, развернулись и направились к выходу...

Расим долго смотрел на обложку старой книги и не решался открыть её. Вместо этого он перевёл взгляд на стопку бумаг с прошениями людей, которую на возвышение положил Акмал ещё до начала заседания, требуя рассмотреть их все. Расим взял стопку в руки, но перебрал лишь пару десятков этих бесполезных бумажек, пока это дело ему не наскучило и попросту не надоело.

Вода, которую выплеснули в огонь, вытекла по специальным отверстиям в очагах, где тлели угли. В аудиенц-зале стало прохладно, как того и хотел Расим. Он полностью ушёл в себя, пытаясь навести порядок в своих мыслях. Под рукой Расим гладил книгу подушечками мизинца и безымянного пальца. Её некогда красно-коричневая обложка выцвела раньше того, как мог родиться десятикратный прадед Расима, и теперь была блекло бурой. Расим перелистал тысячи её страниц и не одну сотню раз, но толком не прочёл и сотню страниц. Хотя он был уже близок к разгадке ребуса письменности Алифа, на котором написаны примечания. Он считал, что, прочитав эти примечания, он найдёт ключ к прочтению клинописи основного текста.

Из-за сложности Расим решил читать примечания не с первых страниц, а с последних. Одно из этих последних примечаний, которую он прочёл без особого труда, гласило: «*Тополя приведут к силам мироздания*». Но, что это значит, он не понимал. Какие тополя? Какие силы?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, Расим решил идти

в обратном порядке. Так он понял, что в более ранних примечаниях использование и произношение гласных отличается от современной письменности. Вместо «Е» пишется «И» или же обозначает этот звук. То же самое и с «У» вместо «О». Почти во всех словах первых примечаний присутствуют лишние буквы или слоги, обозначающие незнакомые звуки, которых нет в похожих по написанию современных словах. Расим не мог понять их значения и роли. Большинство отдельных слов вводили Расима в заблуждение. За исключением лишних букв, они напоминали ему современные слова, но не подходили по смыслу предложения или искажали его. Тогда он осознавал, что у них иное значение, нежели их современные аналоги. В такие моменты Расим чувствовал себя глупым ребёнком, который хоть и умеет читать, но не понимает, что он читает.

Расим поднял взгляд на потолочное окно и устало вздохнул. Вдруг, его слух уловил стук в основные двери зала, и Расим опустил на них оживлённый взгляд.

Сразу после бесцеремонного перестука в зал, как себе домой, вошли трое милостивых женщин, обращая ноль внимания на беспомощных стражников, которые в замешательстве остались за дверями.

– *«Кто-то в избытке наглый, либо до глупости смелый раз, не дождавшись дозволения, врывается в зал»*, – подумал Расим, наблюдая за тем, как непрошеные гости стремительно приближаются к нему...

– О-у-у, – с ехидной ухмылкой тихо протянул Расим. В прищельцах сочеталось и то, и другое. Он узнал ту, что шла посередине, как только между ними осталось меньше ста шагов и когда тень сошла с её прекрасного лица.

Горделивой походкой в аудиенц-зал вошли три молодые женщины с тонкими косичками на длинных распущенных волосах. Ведьмы. Стража не успела или не смогла их задержать. Видимо, они замерли, как изваяния, при виде их очаровательной красоты. Ведьмы прошли мимо этих двух олухов, словно их и вовсе не было.

Широкоплечие юные стражники с полураскрытыми ртами следили за тем, как три красавицы надменной кошачьей грацией отдаляются от них и всё дальше и дальше продвигаются в зал. Почувствовав на себе палящий, недовольный взгляд премьер-министра, они словно пришли в себя и тут же поспешили за незванными гостями. Однако Расим остановил их, молча подняв руку и той же рукой он махнул им, чтобы они ушли. Мол, всё в порядке.

– *«Раз уж не смогли задержать их в аванзале, то точно не сможете выставить их вон теперь. Пошли сами прочь, бездари!»* – мысленно сокрушался на них Расим.

Двое молодых женщин, точнее две юные прекрасные девушки, остановились в пятнадцати газах от дверей, заставив стражу встать в недоумении у распахнутых дверей. Та, что справа, с тёмно-каштановыми длинными волосами и тонкими косичками (по три с обеих сторон головы), концы кото-

рых сплетены в виде кольца с поперечной линией, оглянулась на одного из стражников, который голодными глазами раздевал её, и презрительно кивнула ему в направлении выхода.

Не в состоянии объяснить происходящее, юноша в лёгких чёрных кожаных латах с полумесяцем и двумя звёздами на груди повиновался ведьме. С отсутствующим выражением лица он кивнул своему напарнику. Выйдя в аванзал, стражники закрыли за собой основные двери.

Тем временем, ведьма, что была посередине, прошла дальше и остановилась в двадцати шагах от Расима. Она выглядела лет на восемь старше своих спутниц, но её формы были куда привлекательнее. На ней было голубое бархатное платье, плотно облегающее её узкую талию. Желто-зелёная пышная розетка с тёмно-розовым центром и тёмно-зелёным растительным узором у её основания украшали подол платья (ниже колен). Длинные рукава из тонкого шёлка, вышитые красно-чёрными розетками, свободно прилегали к её тонким нежным рукам. Чёрные волосы блестящим водопадом ниспадали до поясницы, а спереди – к груди. На темени, над распущенными волосами, коса была заплетена в виде кольца толщиной в три её мизинца. К её плечам ниспадали такие же косички с кольцами, как и у её спутниц, у которых на голове не было такого кольца. С середины затылка на две трети длины её волос также ниспадала коса толщиной в три мизинца. Её конец был также заплетён в виде кольца с поперечной

линией внутри. С обеих сторон этой косы висели по две тонкие косички с кольцами и той же длины, что косы, ниспадающие с висков, но сплетены они с самого низа затылка. Она смерила своими карими миндалевидными глазами Расима, который не сводил с неё свои шакальи глаза, и остановила взгляд на книге, которую Расим продолжал гладить двумя пальцами.

– Посмотрите, кто пришёл! – таково было приветствие Расима. – *«Что тебе здесь надо?»* – грубый вопрос остался за ухмыляющимися устами. – Не узнал тебя... Давно не виделись.

– Тебе удалось достать книгу предков, – заметила ведьма, подняв глаза на Расима.

Её грудной голос был музыкой для ушей Расима, но её присутствие отравляло воздух для него. В глубине души или ближе к промежностям он был рад, что она пришла. И пришла она, очевидно, за книгой. Её слова заставили Расима ухмыльнуться, – *«Столь красива и такая невежда»*. И также разгневали, – *«Как ты вообще узнала про книгу? Что ж, посмотрим, удастся ли ей забрать книгу»*.

Расим медленно склонил голову набок, не отрывая глаз от её длинных ног, манящих изгибов талии, упругих как айва грудей, и слегка румяной кожи.

Ох, как же она желанна.

– Книга мастеров, – негромко поправил её Расим, самодовольно опустив глаза на книгу, он снова посмотрел на ведь-

му.

Её реакция не заставила себя долго ждать. Ведьма пришла в блаженное изумление и слегка была шокирована. Услышав то, как Расим назвал эту книгу, она пришла ещё в больший восторг, хотя и не выдавала это своим овальным лицом. Её целью была книга предков, но эта куда ценнее. В ней столько знаний, сколько вообразить невозможно. Она возжелала эту книгу, как Расим возжелал её саму.

Название книги Расим вычитал в одном из примечаний, но понятия не имел, что это за мастера. Больше упоминаний о них он не нашёл. Пока не нашёл.

Ведьма опустила взгляд на «Книгу мастеров», теперь уже с трудом скрывая на своём лице желание заполучить её. Она думала, как ей это сделать? Попросить? Расим точно не даст. Льстить и потакать этому вероломному недо-колдуну или отобрать силой? В конце концов, она могущественнейшая из всех ведьм, а он её бывший ученик. Она надменно полагала, что всё, чего Расим мог добиться в их стези за последние двадцать с небольшим лет, не сравнятся и с одним её пальцем.

– Я вижу ты добрался до самых высот и добился не малых успехов в своих планах, Расим, – она решила пойти первым путём, как бы сильно она его не презирала. – Или ты предпочитаешь, чтобы к тебе обращались «господин премьер-министр»?

– Ах-х, оставь свою лесть для него, Арогин, – протянул

Расим не без взаимного презрения, выделяя особой нотой её имя, произнесённое наоборот.

Нигора не любит, когда её так называют. Она злится каждый раз, и Расим об этом прекрасно знает. Потому то он и растянул губы в язвительной улыбке и с потешающимся взглядом ожидал ответа.

Ведьма гневно сжала пальцы на правой руке, но не позволила себе потерять самообладание. Она хотела было ответить, но Расим передумал и не дал ей раскрыть свои нежные пунцовые губки, как бы ему не хотелось слышать её сладкий голос.

– Ты лучше скажи мне, откуда ты узнала об этой книге?

Нигора позволила себе приблизиться ещё на пару шагов, но между ними всё равно оставалось большое расстояние.

– Несколько лет назад я узнала, что ты ведёшь раскопки на месте старой библиотеки в Джоду. Я договорилась с некоторыми из твоих людей, что, если они обнаружат что-нибудь древнее, наподобие этой книги, то первым делом сообщат мне, а не тебе...

– *«Хитрая дрянь»*, – Расим слегка оскалился, но мысли оставил за зубами.

– ...Мне нужно найти ответ, – договорила Нигора.

– Ты же стара, как мир, и должна знать ответы на все вопросы, нет? – скорчил недоумённую гримасу Расим.

Ведьма опустила свои милые глаза, дав понять, что не на все вопросы знает ответы.

– Какие вопросы гложут тебя, милая моя? – осведомился Расим.

Если Нигора в предыдущем вопросе услышала язвительный тон, то в этом она уловила ноту интереса и даже заботы. Будучи её учеником, он признавался её в любви. Неужели он и сейчас испытывает к ней чувства. Ведьма растерялась и посмотрела на Расима с другой стороны.

Могут ли теперь у них сложиться отношения, когда он уже взрослый мужчина? С его властью и её силой она не будет бояться того, что грядёт. В союзе с Расимом она станет сильнее и сможет найти ответы на вопросы, которые тревожат её уже много лет.

– В темнице Арружа у меня было видение, – призналась ведьма, и Расим удивлённо склонил голову набок, внимательно слушая, что она скажет дальше. – Я видела неопишемую угрозу всему миру, которая навеяла на меня невероятный ужас. Страх перед грядущим до сих пор не покидает меня. Грядет нечто, отчего мы не сможем убежать. Отчего мы не сможем спрятаться. Я надеялась, старые книги подскажут мне, что это и как это побороть. Расим, мои видения повторялись неоднократно, – с трепетом договорила она.

Её голос и глаза призывали к помощи, словно бы Расим был для неё лучиком последней надежды. Но как только она произнесла слово «угроза», Расим пропустил всё остальное мимо ушей. И этот внимательный вид был лишь завесой безразличия.

– «В темнице Арружа», – мысленно осмеял он ведьму. – Нет. Скорее в заточении у своего любовника, – тихо пробубнил он себе под нос и совсем не удивился тому, что его кольнула ревность.

Она пришла сюда ради книги, ясно осознавал Расим, и плевать, какие кошмары привели её сюда, он книгу не отдаст.

Кстати, о любовнике.

Расим встал, вильнув спиной, и медленно спустился с возвышения, словно там была тысяча ступеней. Он вступил на тонкую ковровую дорожку, устланную до самих основных дверей, и пришёл в отвращение от её изношенности. В отличие от ковров, устланных у колонн, эта была сильнее истоптана небрежными слугами и, особенно, этими нытиками-горожанами, приходившими жаловаться о своих невзгодах. Надменно подняв голову и сложив руки за спиной, Расим мерным шагом пошёл в сторону ведьмы, не отрывая от неё хищных, голодных глаз. Его взгляд притянули две косые линии, тянущиеся вниз от талии по её плоскому животу и пропадающие между ног прежде, чем встретиться в остром конце. Расим проглотил слюну, а кровь в жилах устремилась вниз. Он подходил всё ближе, насторожив ведьму. Изгибы её талии так и зывали схватить её и крепко прижать к себе. Аромат её тела – букет весенних цветов – мог свести с ума любого и заставить делать всё, что ей угодно. И он сдерживал себя, чем ближе к ней подходил. Он бы поддался, если бы не один нюанс. Расим прошёл мимо ведьмы почти вплотную,

вдыхая её запах. Он прошёл ей за спину и опустил глаза вниз.

– Нигора, – с необузданной страстью и неудовлетворённым возбуждением протянул Расим. – Это имя отражает твою несравненную красоту. Ибо воистину!.. Наглядеться на тебя... невозможно! – вздохнул он.

Расим наклонил голову направо и бросил игриво-ехидный взгляд исподлобья на её спутниц. Вильнув головой, Расим вновь опустил глаза вниз. Его взгляд упал на неглубокую выемку в платье, образовавшуюся между её ягодицами, непринуждённо выпирающих, словно две спелые сладкие дыни. Отчего по всему телу Расима пробежала похотливая дрожь. Он прикусил нижнюю губу и шагнул вперёд.

Оказавшись на ладонь впереди и справа от неё, Расим опустил взгляд с высоты своего роста на её грудь, скрытую высоким вырезом. У него зачесались руки. Он хотел помять их, но с трудом сдерживал себя. Он схватил руки перед собой, чтобы скрыть своё мужское возбуждение.

Её румяная, гладкая кожа стоила отдельного внимания. Дай Расиму волю, и он будет ласкать её вечно. Он видел, что её шея напряжена. Она злилась, и ему это нравилось. От этого она только красивее.

Расим взглянул на её милое, надутое сердитое лицо, и Нигора отвела взгляд в сторону. Её рассерженность была вызвана собственной наивностью. Как вообще она могла подумать, что у них с Расимом что-то выйдет? Ей стало тошно от этой мысли, и она отбросила её. Расим никогда не был ей

интересен. С чего вдруг сейчас? Она сконцентрировалась на книге.

Досадным было то, что ради этой древней книги ей придётся терпеть Расима и его колкости, чтобы договориться с ним. Это отнюдь не радовало, но если он перейдёт черту, он об этом быстро пожалеет,

Тем временем, Расим видел, как Нигора сжимает губы, подавляя в себе гнев. *Ах, какие нежные губки*, подумал он, глядя на них. Верхняя чуть тоньше нижней, с острыми уголками посередине, а нижняя вдобавок слегка пухлая. *Ах, какие только наслаждения она может доставить одними губами*, искушение будоражило всю среднюю часть его тела. Расим возжелал Нигору с первого взгляда. Он хотел вкусить её влажного фрукта, сделать её своей, но не мог себе этого позволить. Однако времена меняются, и теперь он взрослый мужчина, у которого есть власть и могущество. При желании, он может наконец-то сделать её своей по её воле или же против – это не имело значения. Даже на тот маленький нюанс можно закрыть глаза. Однако было другое препятствие, другое «но» – этот её любовник.

– Любой мужчина возжелает тебя, – отвернув от неё взгляд, в котором тлело сожаление несбывшейся мечты, Расим направился на своё место. – Умрёт или убьёт ради того, чтобы излить в тебя свою похоть, – в его голосе было отчётливо слышно насколько сильно того желал он сам.

Эти слова не понравились Нигоре. Вовсе нет. Ещё никто

не смел так оскорблять её, и кровь начала кипеть в венах.

– «Да как он смеет?!» – гневно насупилась она. Ещё чуть-чуть и она обратит его язык в пепел.

Расим остановился в девяти шагах от неё и снова повернулся к ней с очередной колкостью на устах.

– Посчастливилось лишь султану Бузургу, не так ли? – его плечи прошлись волной, а вопрос вонзился в Нигору, как копьё, ранив все её чувства.

Сам же Расим смотрел мимо неё с насмешливо раскрытой ухмылкой на черноволосую спутницу слева от Нигоры. Эта юная красавица была из Аброра или других городов братьев. Расим понял это по её бронзовой коже, большим тёмным глазам, круглому лицу и дуговым бровям. Помог ему также с этим выводом её надменный, презирающий взгляд.

В карих глазах другой, белокожей спутницы Нигоры горело желание напасть на него и наказать за оскорбление их госпожи. Расим с вызовом посмотрел на неё и ухмыльнулся. Это доставляло ему удовольствие.

Это было последней каплей в чашу терпения Нигора. Больше она выслушивать не станет. Руки сжались в кулаки, готовые в любой момент раскрыться и метнуть импульсные удары в этого твердолоба.

– *«Раскрой свой рот ещё раз, чтобы я испепелила тебе язык»*, – мысленно зывала она, бросив на него ярый взгляд исподлобья.

– Бесспорно... – «Нет, не так», – передумал Расим, поняв

намерения Нигоры. – Ты, несомненно, могущественная из всех ведьм, – Расим сделал шаг в её сторону, а его выжидающий взгляд теперь бросал вызов самой ведьме.

– *«Он мне льстит?»* – Нигора не поняла такого хода, но успокоилась и разжала кулаки, невзирая на испытующий взгляд Расима. – *«Ты мне не ровня»*, – думала она.

– Стоит отдать должное Бузургу. Произношение твоего имени в обратном порядке – лучшее, что он мог дать тебе, – в словах Расима не было колкости. Наоборот, он был серьёзен, но Нигора с подозрением скосила на него взгляд, а не утихшая до конца злость снова сжимала её пальцы в кулак. – *«Арогин»* олицетворяет твою истинную суть, – Расим встал в трёх шагах от неё. – Твою истинную силу. То, кто ты есть, – опустив голову, он посмотрел ей прямо в глаза (ведьма на три с половиной головы ниже Расима).

Нигора задумчиво склонила голову. Это было неожиданно. Она успокоилась и больше не злилась. С уст Расима она впервые посмотрела на искажение своего имени по-новому. И вдруг поймала себя на мысли, что он, возможно, прав.

– Арогин... Это имя ей больше под стать, не так ли? – Расим склонил голову направо и с прежней ухмылкой обратился к её спутницам, чем вызвал новую порцию недовольства Нигоры. Она снова нахмурилась, что восхищало Расима.

– *«Как же она хороша»*, – Расим сдержал порыв желания вцепиться ей в губы.

– Арогин! – громко шепнул Расим, серьёзно посмотрев ей

в глаза. – Это имя должно бросать людей в дрожь, приводить их в ужас. Не так ли?

Расим резко развернулся и пошёл в сторону возвышения, а Нигора осталась на своём месте, впервые согласная с ним.

– Мы можем стать союзниками, – неожиданно вылетело из её уст.

Однако Расим, не поворачиваясь к ней, лишь усмехнулся и скорчил гримасу. Он ожидал этого, и всё же это предложение показалось ему наивно смешным. Однако от злорадного смеха он всё-таки воздержался. Расим прекрасно видел, что Нигора на грани и пойдёт на всё ради этой книги. Он сам довёл её до этого состояния. Ещё немного и она сорвётся. Расим не боялся этого, но ему не больно-то и хотелось видеть её лицо при использовании колдовства. Зрелище не из приятных. И потом, зачем видеть омерзительные стороны тех, кем восхищаешься? Тех, в кого можешь быть влюблён, не в самом прямом смысле этого слова.

В шаге от возвышения его вдруг осенило. Он сел на край и поднял правую стопу и положил её на левое колено. Расим задумчиво посмотрел на курпачи, а потом с подозрением поднял глаза на Нигору.

– С некоторых пор одно необъяснимое явление тревожит моих горожан. Они видят некие тени. И, по их словам, эти тени ищут некую книгу, – Расим с намёком опустил глаза на Книгу мастеров слева от себя, а потом с обвиняющим видом поднял их снова на старшую ведьму. – Не вы ли отбрасываете

эти тени?

Нигора свела свои длинные брови, не понимая, о чём он говорит.

– Мы прибыли в Расулабад этим утром и не знаем о каких тенях идёт речь, – твёрдо ответила она.

Расим ей не поверил.

– Кто ещё знает про книгу, – он сердито скрестил руки у груди. – Может, они взболтнули кому? – Расим склонил голову и кивнул на её спутниц.

– Нет! – взъярилась Нигора. – Не смей бросать в нас свои беспочвенные обвинения! – она гневно тыкала пальцем в воздух в его сторону. – Меня три года не было в Расулабаде, а мои ученицы здесь впервые.

– *«О, да ты в бешенстве»*, – мысленно злорадствовал Расим, а в слух спросил:

– Тогда, кому ещё она понадобилась?

– Понятия не имею, – огрызнулась Нигора.

Это не убедило Расима.

– Я поручил городской страже найти тех, кто отбрасывает эти тени. Они не будут церемониться с ними.

– Ты угрожаешь мне? – вознегодовала Нигора. – Я пришла сюда предложить тебе союз, помощь в осуществлении твоих планов. Ведь ты ещё не добился своей мечты, – дерзко бросила она. – Взамен, я прошу дать мне эту книгу.

В случае отказа ведьма была готова отнять книгу силой. Она отвела правую руку за спину и жестом дала сигнал своим

ученицам быть наготове.

Расим откинулся назад, скривив своё лицо в ухмылке. Он догадался зачем Нигора отвела руку назад, а её ученицы отвели те руки назад, на которых были кольца с драгоценными камнями.

– *«Трое против одного. Будет интересно»*, – Расим был спокоен как камень.

– Зачем тебе эта книга? Только не надо рассказывать про свои видения.

Нигора расслабилась и сделала несколько шагов в сторону Расима.

– Эта книга поможет нам вернуть утерянные знания. Учения древних мастеров помогут нам стать сильнее, чтобы...

– *«...справиться с грядущим»*, – Расим не дал ей договорить эти слова, грубо прервав её:

– Я не отдам тебе книгу. И союз с тобой мне не интересен, – он отрицательно повёл головой в сторону. – Мы с тобой преследуем разные цели, – он опустил подбородок на правую ладонь и прижал указательный палец к кончику носа. Его глаза испытывали Нигору на прочность.

Посмеет ли она применить силу против него, чтобы забрать то, зачем она нагло явилась сюда?

Нигора хотела было ответить, но Расим заговорил раньше.

– Что ты знаешь о моих планах?.. О моей мечте? – Расим нахмурился. – Им только предстоит сбыться, – он протянул левую руку к книге и демонстративно постучал пальцами по

ней, чтобы ведьмы увидели, что на пальцах его левой руки нет колец. Уверенный в себе Расим злорадно ухмыльнулся. – В своих планах я не вижу тебя подле меня, – Расим опустил глаза на книгу и слегка приподнял руку над ней. Небольшая демонстрация его силы усмирит её пыл. Глядя на книгу, он продолжил негромким голосом. – Разве что у своих ног и всех тебе подобных на коленях! – с вызовом произнёс Расим, и словно осмелевший шакал, оскаливающийся на львицу, косо ухмылялся на Нигору.

Ведьма решительно шагнула вперёд, готовая напасть на этого дерзкого щенка, но Расим провёл рукой над книгой, и она испарилась в воздухе. Нигора тут же замерла на месте в изумлении. Этот трюк крайне озадачил её. Он был очень сложен в исполнении и требовал долгой и усердной практики. Даже ей не всегда удаётся выполнить его, а Расим сделал это с невероятной лёгкостью. Возможно, она недооценила его силу.

Увидев оцепенение Нигоры, Расим самодовольно улыбнулся и встал с возвышения.

– Как я говорил, ты – могущественнейшая из ведьм. Но могу поспорить, теперь тебе со мной не совладать.

Бросив испытующий взгляд на ведьм, Расим повернулся и, заключив правое запястье в объятии левой руки за спиной, направился к служебному выходу.

«Сразрешением его светлости султана Бузурга были произведены вскрытия нескольких тел из числа первых жертв Зелёной хвори. Было обнаружено, что все внутренние органы поражены зелёной слизью. К сожалению, врачи-хранители, проводившие вскрытие и изучавшие слизь, тоже умерли от этой хвори».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Первое фарвардина – первый день весны, день весеннего равноденствия, первый день нового три тысячи сто двадцать третьего года Эпохи человека. Наступил Навруз и, кажется, настроение должно быть праздничным. Однако с самого утра Зарина была какой-то растерянной, озадаченной и торопливой. С первыми лучами солнца она принялась заготавливать продукты для праздничных блюд и угощений на вечер. Ей не терпелось поскорее пойти на праздничное поле у дворца и взять с собой старшего сына, но дел было невпроворот.

Зарина закончила на кухне, но оставалось ещё убраться в доме и во дворе и украсить их. Она всегда желала иметь дочь, чтобы была её помощницей. Всевышний же подарил ей двух сыновей. И теперь, когда старший вырос, её хотелось невестку. За последний год она часто думала об этом. Порой

ей бывает одиноко, когда в доме никого нет, а с невесткой можно было бы скрасить досуг.

Зарина бесшумно вздохнула, глядя на Азима. Она дала ему выбор, о котором говорит уже весь город, а он сам об этом молчит. За это время он ни разу не обмолвился о том, нравится ли ему кто-то, или есть ли у него кто-то на примете. Он даже не выбрал из тех, кого их матери или тётки приводили в их дом сами. Покачав головой за спиной старшего сына, она снова вернулась на кухню. Видимо, помощница ещё не скоро вступит за порог этого дома.

Правда, сыновья всегда помогали ей по дому, как и сегодня. Хотя сейчас ей помогал только Азим. Рауф же, названный в честь её покойного отца, всё ещё спал в уютной постели.

Пока Зарина нарезала зелень и месила тесто, Азим расставлял по подоконникам и столам керамические тарелки с проросшей пшеницей, что является традиционным символом Навруза под названием «Суманак» или «Сабза». У входа Азим поставил сабзу на белых блюдах с узорами зелёных лепестков. Затем он начал обвешивать стены (ближе к углам) длинными полотнами атласа разных оттенков. Одни полотна были в разводах, другие с широкими или тонкими полосами. И хотя основной цвет атласа отличался друг от друга, во всех них присутствовал зелёный – цвет процветания и новых надежд.

Глядя на то, как Азим украшает кухню такими полотна-

ми, иногда Зарина подглядывала на сына с новой надеждой, но затем с необъяснимой пустотой опускала глаза. Сын, помогающий матери – гордость всех женщин. Зарина, конечно, гордилась своими сыновьями, но, когда тебе помогает твоя дочь или невестка – это совсем другое дело. Дочь или же невестку можно научить всему тому, чему тебя учила твоя мать или свекровь. В народе говорят: «Какая мать, такой будет и дочь». С дочерью можно поделиться семейными, традиционными рецептами или же, в конце концов, просто поговорить по-женски. У Зарины не было дочери, зато она делилась некоторыми рецептами с Рауфом, который проявляет интерес к готовке. Однако это не унимало её душевной тоски.

Зарина подошла к резному шкафу в правом углу кухни, чтобы достать из верхней полки праздничную утварь. Повесив последнее белое полотно атласа с тонкими зелёными и серыми полосами в левом углу, Азим подбежал к матери и не позволил ей брать тяжёлую хрустальную посуду. Он сделал это сам.

– Спасибо. Положи туда, – негромко сказала Зарина и указала на стол.

Зарина долго смотрела на сына, не решаясь задать вопрос, который уже давно вертится у неё на языке. То, что Азим за всё это время ни разу не заикнулся о своей женитьбе, начало беспокоить Зарину. Почему он не говорит об этом? Может, он затрудняется в выборе? Тогда почему не спрашивает со-

вет?

Зарина понимала, что Азим всё ещё учится у отца, она также понимала, что сын не хотел спешить с женитьбой, но иногда можно же об этом подумать. Она также помнила, что дала ему три года на выбор. Но, раз уж Азим не хочет пока делать выбор, действовать придётся ей самой. Зарина твёрдо решила подтолкнуть старшего сына к выбору, чтобы он хотя бы начал думать об этом.

– Всё хорошо, матушка? – спросил Азим, уловив на себе пристальный и задумчивый взгляд матери.

Зарина затейливо улыбнулась и ответила:

– Оденься хорошо. Я хочу, чтобы ты пошёл со мной на праздник. И разбуди брата.

– Хорошо.

Азим разложил хрустальные миски для фруктов на столе и поднялся наверх.

Азиму потребовалось немного времени, чтобы нарядиться. Вскоре он встал перед матерью в чёрном распашном камзоле, тёмно-серых свободных штанах и в рубашке посветлее штанов. На голову он надел круглую, плоскую тёмно-зелёную тубетейку с серым растительным узором. От вида своего сына Зарины мило улыбнулась. Она восхищалась каким симпатичным юношей вырос Азим, и как сильно он напоминает своего отца в его возрасте. Правда, синие глаза красят Азима ещё больше.

– Как я выгляжу? – улыбка матери смутила Азима.

– Завидно, – прошептала Зарина.

Свободные рукава хлопкового камзола доходили до локтей Азима, а их края украшены широкой серой тесьмой с ненавязчивыми элементами растительного узора, содержащий несколько маленьких зелёных четырёхлистных клевера. Правый борт камзола был прошит плотными серыми и зелёными стежками, а левый (верхнюю часть) украшало полотно из молочно-серого атласа с тёмно-зелёными ромбовидными разводами. Шёлковую рубашу с неглубоким вырезом он заправил в штаны. На поясе он завязал платок из адраса того же цвета и узора, что и надшивка его камзола. С внутренней верхней части его левой штанины такой же серый атлас с тёмно-зелёными ромбами тянулся к внешней стороне колена. Этот элемент украшения его штанов сужался сверху вниз. Правая штанина украшена объёмной вышивкой виноградной грозди из светло-зелёной шёлковой нити, а по бокам были виноградные лозы. Однако элементы украшения штанов были частично скрыты под подолом камзола.

Смущённый комплементом матери, Азим опустил взгляд и направился к выходу, чтобы обуться в веранде.

– Ты разбудил Рауфа? – спросила Зарина.

– Он будет дожидаться отца, – ответил Азим, надевая га-лоши на расшитые ичиги. – Вместе они пойдут на состязание по борьбе.

– Что ж, там мы с ними и увидимся, – заключила Зарина. Ей самой не нужно было переодеваться. Она заранее на-

дела розовый атлас. Зарина всего лишь сняла с себя фартук и надела красную прозрачную накидку, расшитую золотистыми розетками. Она также обмотала широкий шёлковый зелёный платок вокруг головы и была готова идти на праздник.

В воздухе стоял запах зеленеющей травы и аромат цветущих деревьев. Зеленовато-голубое небо было безоблачным и птицы тоже не летали. Утренняя прохлада оставалась в тени, а выйдя из неё, солнце мягко грело кожу. Азим направился к конюшне, но мать окликнула его.

– Стой, Азим! Пойдём пешком. Нам некуда спешить. К тому же, твой отец забрал одну из лошадей.

– *«Пора купить третью лошадь»*, – подумал Азим, следуя за матерью к воротам.

Вниз по северным и северо-восточным улицам они за две сойи добрались до места празднества. Заметив башни дворца, сердце Азима жарко застучало, ибо праздничная поляна была развёрнута на северной окраине поля, окружавшее дворец. Праздничную поляну также коротко называют «Ид-майдан». Оно было обставлено различными шатрами и лавками, среди которых Азим очень надеялся встретить Зилолу. Ради этого он и подготовил свой наряд ещё неделю назад, подстригся, а прошлой ночью побрился. Последний раз он видел султанзаде здесь, в лабиринтах дворца. С тех пор он каждую ночь мечтал увидеть её в своих снах, поскольку другие его визиты в лабиринт с дядей Адхамом были безуспешны. К его сожалению, сны также подводили.

У Азима глаза бегали в поисках своей мечты наяву среди толпы, собравшейся на Ид-майдане. На поляне было двадцать шатров, и Зилола могла бы быть где угодно, если вообще пришла сюда.

– Нам нужно найти твоего дядю. Пошли.

Зарина повела сына направо, где в трёхстах газах от перелюка, из которого они вышли, стояли отдельные шатры. Там была устроена «Поляна трапез». Именно на этой поляне скоро должно начаться одно из основных праздничных мероприятий Навруза. Под этим предлогом Зарина хотела заманить туда сына, чтобы хоть как-то подтолкнуть его на выбор невесты. Для этого она заранее договорилась со своим дедом, так как Азим в последнее время часто приходит к нему.

На поляне трапез было много женщин, одетых в яркие праздничные наряды из атласа, адраса, шёлка и чакана. Одни стояли у больших казанов или у тандыров и готовили праздничные блюда и угощения, другие пели или танцевали, играли на музыкальных инструментах, третьи помогали первым, подавая из шатров посуду и продукты.

Все шатры на Ид-майдане лицом были обращены ко дворцу, который был в трёхстах газах от них. На всех шатрах, посередине или сбоку, был водружён флаг Ахоруна – гроздь зелёного винограда, обрамлённый серпом новой луны, на светло-зелёном полотне с золотой бахромой. Правда, полотна были разной формы: прямоугольные, треугольные и двухвостые.

На самой поляне трапез было тоже много шатров. Первый был длинным. Его зелёный цвет обозначал, что в нём готовят яства из зелени, из которых основным была самбуса с сумочником. У этого шатра стояли казаны и перевозные тандыры, вокруг которых сновали нарядные женщины и молодые девушки.

Справа от него стоял шатёр полностью из полосатого атласа всех цветов радуги. Блестящий жёлтый цвет превалировал шириной среди других. В нём молодые девушки готовили фруктовые салаты. У этого шатра стояли перевозные тандыры, в которых женщины старшего поколения пекли фруктовые пироги, делясь своим рецептом с юными особами.

Далее стояли два шатра по меньше размером. Один был красный с изображением весенних цветов на стенах, второй был белым с длинной коричневой бахромой. На его стенах искусно вышита объёмная фигура вишнёвого дерева с белыми цветками мягко-зеленого оттенка. В этих двух шатрах, в основном, были девушки. Они плели венки, корзины, делали икебаны и украшения, которые вывешивали на стенах своих шатров.

Между радужным и красным шатром Азим заметил старушку в жёлтом платье с зелёными розетками. Она сидела на табуретке и белый расшитый платок ниспадал к её локтям, а под платком у неё на голове была плоская зелёная тюбетейка с жёлтым растительным узором. Играя на коротком рубабе, в своей широкой беззубой улыбке она пела про мо-

лодость и Навруз. Голос старушки показался Азиму забавным, а её улыбка передалась ему. В груди юноши расцвёл тёплый бутон. Он заразился весёлым, праздничным настроением, разделяемые всеми на этой поляне. Его синие глаза нигде не могли найти Зилолу, отчего им начало овладевать грусть. Однако смешное пение старушки спасло его лицо от кислого выражения. Проходя мимо этих шатров, Азим приблизился к этой старушке и проявил к ней уважение и благодарность, прижав руку к сердцу и слегка склонив голову.

День близился к полудню. Мужчины, пришедшие на помощь своим матерям, жёнам и дочерям, начали ставить столы и стелить дастарханы. Некоторые стелили на земле, а вокруг них стелили курпачи. К часу по полудню женщины из зелёного и радужного шатра начнут накрывать столы с «Хафт-сином», «Хафт-шином» и «Хафт-зином». Поварихи из обоих шатров и их помощницы будут ставить на дастарханы, вышитые пышными розетками, семь блюд и угощений, чьи названия начинаются на «С», а также по семь, что начинаются на «Ш». Кроме съестного будут также и напитки. Правда, «Син» и «Шин» необязательно должны быть в названии самых блюд или напитков, они могут быть и в названии основного ингредиента.

Из давних времен на Навруз «Хафт-син» и «Хафт-шин» имели характер первенства – конкурса. Девушки и женщины испокон веков соревнуются за звание лучшей поварихи. Люди выбирали победительницу в разных номинациях: лучшее

оформление дастархана, лучшее блюдо «Хафт-сина», лучшее блюдо «Хафт-шина» и, соответственно, лучшие напитки, и под «лучшим» подразумевается самое вкусное. Выбирали даже самый красиво расшитый дастархан. Победительницам тем же вечером султан вручал блюдо с проросшей пшеницей – всю из золота. А для поварихи, избранной лучше среди всех, султан вручал ещё и золотое болоабру.

После Зелёной хвори это стало делом блага и благотворения. Женщины перестали соревноваться между собой. Они готовят, чтобы сделать людям приятно. Всякий, кто желал попробовать то или иное блюдо, перед тем как закусить, тихо просят Всевышнего принять благодеяния этих женщин и воздать им вдвойне ради тех, кто низлёт от этой ужасной болезни, унёсшей десятки тысяч. Большую же часть приготовленных яств раздают семьям, потерявших вследствие этой чумы своих кормильцев.

В отличие от «Хафт-сина» и «Хафт-шина», «Хафт-зин» – это выставление на показ ручных изделий и украшений. Их названия не обязаны начинаться на «З». «Зин» от слова «Зинат» обозначает красоту и богатство. Часто на «Хафт-зин» ювелиры выставляют по семь золотых изделий, а с ними соревнуются мастера по дереву своей резьбой, украшенной золотом. Однако на поляне трапез этого не произойдёт. Ювелиры и резчики устроят «Хафт-зин» на основной части Ид-майдаана, а тут девушки выставят свои изделия из цветов и бус.

Солнце было почти в зените, и первые изделия начали выносить.

Зарина прошла мимо одного стола, не обращая никакого внимания. Коричневые шатры – вот куда она шла, оглядываясь, идёт ли за ней сын.

На том конце поляны трапез стояли семь небольших бурых шатров с бахромой, длиной до земли. Внизу, длиной в один локоть, волокна бахромы были белого цвета, а остальная часть – зелёной. Они представляли собой ростки пшеницы. На лицевой стороне шатров вышивкой изображены блюда с высоко проросшей травой пшеницы.

– Хочешь, показать сыну, как варят сумалак, невестка? – позвал Адхам.

Зарина в это время всё ещё искала его глазами, и его голос облегчил ей задачу. Она повернулась в сторону деверя. Адхам сидел на ближнем конце длинной скамьи, поставленной недалеко от коричневых шатров. Зарина улыбнулась и прижала руку к сердцу в приветствии.

– С праздником Навруз, Адхам-ака, – поздравила она.

– Да благословит тебя Всевышний, – пожелал в ответ Адхам и, встав с места, покровительственно положил руку ей на плечо. – А где Азим?

– Вон он, идёт, – Зарина оглянулась и кивнула в сторону сына.

Азим отстал позади. Он загляделся на шатры и наряды девушек, выходящих или входящих в них. Сами девушки его

не привлекали, хотя некоторые из них сами заглядывались на юношу. Они догадывались, кем является этот черноволосый и синеглазый юноша, и зачем сюда пришёл. Не заметив Зилолу среди этих красавиц, он не переставал думать о ней, медленно переставляя свои ноги, словно старая черепаха. Заметив же дядю Адхама, он будто оживился и подбежал к нему.

– Салом дядя! С праздником дядя! – Азим протянул и крепко сжал руку Адхама.

Тем временем, Зарина пошла дальше.

– *«Хочу показать ему девушек. Уж больно он медлит со своим выбором»*, – ответ своему деверю она оставила в мыслях. Зарина оглядывала шатры и решала, из которого начать в первую очередь.

Адхам и Азим не спеша пошли за Зариной. Юноша склонился к уху дяди и тихо спросил:

– А султанзаде придёт на Ид-майdan?

Адхам с первого раза догадался, что Азим влюблён в султанзаде Зилолу, но не высказывал этого. При этом он пытался намекнуть племяннику, что султанзаде могут вступать в брак только между своими не единокровными родственниками, то есть, хеш-султанами, или другой правящей знатью. Но, кажется, парень его не слушал.

– Не сейчас, – ответил Адхам. – Они с отцом придут на Ид-майdan ближе к вечеру.

Это слегка расстроило Азима, но он не унывал, ведь

праздник только начинается.

– Ты уже выбрал себе коня? – поинтересовался Адхам.

Он сделал это тихо, чтобы Зарина не услышала их разговор. Хотя у Адхама и Зарины был договор насчёт Азима, у них с юношей был и свой план на Навруз.

– Я думаю, взять одну из отцовских лошадей, – нерешительно ответил Азим.

– Да они оба старше меня! – громко возмутился Адхам, чем привлёк внимание окружающих.

Зарина была в двадцати шагах от них. Она оглянулась и с улыбкой на устах подозрительно прищурилась, видя, как Адхам что-то шепчет её сыну. Она решила вернуться к ним.

– Я так давно не была на приготовлении сумалака. Пошли сынок. Я покажу тебе, как его традиционно варят.

Зарина заговорщической улыбкой посмотрела на Адхама, взяла руку сына и повела за собой.

У каждого бурого шатра стояло по казану на подказанниках. В них со вчерашнего заката на среднем огне варится сумалак. У каждого казана одна женщина преклонного возраста объясняла семерым девушкам основы приготовления сумалака и его блага.

Перед шатрами девушки вывесили сюзане разных размеров, которые сами сшили в течение года. Некоторые повесили на стенах шатров, некоторые повесили на толстых верёвках, связанных на деревянных столбах. Резьба на этих столбах – труд их братьев, отцов или нанятых мастеров, если в се-

мье девушки не было мужчин или же резьба не была их стезёй – изображала растительный и животный мотив. На всех сюзане наблюдаются растительные и цветочные узоры и орнаменты, вышитые, в основном, золотистой ниткой. У двадцати из сорока девяти сюзане полотна были одинакового цвета, что, естественно, побудило Азима на вопрос.

– Почему красных сюзане больше?

Адхам решил сам ответить, заключив, что такой вопрос мог смутить Зарину. Он вытянул руку перед грудью племянника и остановил его. Адхам хотел, чтобы его мать отошла чуть дальше, ибо Зарина действительно слегка покраснела и растерялась. Адхам кивнул ей, дав понять, что разберётся.

– В народе принято, что красный цвет – это цвет крови и невинности. Девушки, выходящие замуж после двадцати одного года, перед свадьбой шьют сюзане на гранатовом полотне. И словно плоды гранаты, красный цвет символизирует сладко-кислую спелость их девственности. А золотистая вышивка значит, что они будут хранить очаг также бережно и ревностно, как хранили свою невинность.

– «*Перед свадьбой?*» – озадачился Азим, начиная подозревать, зачем на самом деле его сюда привела мать.

Азим уже давно забыл, что на Навруз девушкам предоставляется традиционное исключение для замужества. Девушки, чьи родители ещё не выбрали для них жениха, или те, кто упорно отказывался вступать в брак с теми, кого для них выбрали (видите ли претендент им не понравился), проси-

ли разрешения у своих родителей на участие в мероприятии, известном как «Туй-сумалак»

Кроме девушек, юноши тоже мечтали вступить в брак таким образом. Потому-то их и собралось так много. Азим огляделся по сторонам. Парни, по традиции не младше восемнадцати лет и не старше двадцати пяти, пришли на поляну трапез и поставили для себя длинные скамьи. Однако не все они смиренно сидели в ожидании. Одни пели песни и стихи про влюблённых, про весну, Навруз и красивых девиц. Другие хлопали в ладоши в такт пению, играли на разных музыкальных инструментах, третьи танцевали вокруг или перед ними.

Азима привлекла музыка флейты, доносящаяся справа от него. Он вспомнил про Хуршеда, но, повернувшись в ту сторону, увидел совсем другого молодого человека. У крайнего шатра в двадцати шагах справа на длинной флейте наигрывал юноша двадцати лет. Его музыка была трогательной и привлекательной на слух. Рядом с ним сладким тенором подпевал юноша, на вид на год младше музыканта. Эти двое были братьями, понял Азим по их схожести. Оба были одеты в полосатые халаты ярких цветов и в пёстрых тюбетейках. Азим подошёл поближе, послушать этот талантливый дуэт, а дядя Адхам пошёл за ним.

Некоторые скамьи были широкими. На них постелили курпачи, и юноши, сняв обувь, сидели, скрестив ноги под собой. Многие из них просто наблюдали за происходящим.

Поющие или танцующие, сидевшие или сновавшие, юноши время от времени, а некоторые и частенько, подглядывали на девушек и оценивали их взглядом. У одних в глазах сверкали искры страсти и похоти. Некоторые смотрели с жадной, а некоторые другие, в меньшем значении этого слова, смущённо улыбались и отводили глаза.

Стесняются.

Были и те, которые вовсе не отводили наглый взгляд от той или иной особы, мечтая, чтобы им досталась именно она.

Юношей с их различными взглядами, намерениями и мыслями объединяло одно – они все ожидали призыва.

Зарина снова разделилась со своим сыном. Она стояла посередине напротив семи бурых шатров в нескольких шагах от казана с большими ушками. Она вдыхала запах сумалака и вспомнила, как однажды тоже хотела принять участие в «Туй-сумалак». Ей тогда было всего одиннадцать, и вот двадцать шесть лет спустя она здесь, правда в качестве зрителя. Зарина вглядывалась в каждую участницу.

Сорок девять девиц и все разные, как сорта винограда. Стройные и с пышными изгибами, тонкие с малыми нежностями, худые и упитанные, даже парочка толстых девушек: одна нервно переступала с ноги на ногу у первого шатра слева, другая с улыбкой на устах шепталась с долговязой подружкой над казаном у второго шатра справа.

На светлых лицах сияли улыбки, на смуглых радостно сверкали глаза. Лучезарные девицы с грудью, полной от сча-

стью, по очереди помешивали густой сумалак шумовками с длинными деревянными ручками.

Среди веселых, прекрасных лиц встречались и грустные, растерянные выражения. Этим девушкам природа обделила красотой, и из-за несладкой внешности они чувствовали себя нежеланными. Женщины-наставницы утешали приунывших девушек. Ещё не было такого, чтобы девица, участвующая в «Туй-сумалак», осталась ненайденной. Мужчины любят красивых, желают привлекательных, но есть и те, кто предпочитает не выделяющихся жён, чтобы не ревновать.

В ясный солнечный день дивные платья участниц поражали и удивляли искусством шитья девушек. Атлас чуть выше колен со штанами до щиколоток, короткий и длинный адрас в сочетании с узкими шароварами, тонкие шелка, приталенный бархат и чаканы с богатой вышивкой притягивали не меньше внимания, чем их лица. Тюбетейки на головах подобны их платьям – только у одних они квадратные, у других плоские и круглые, клиновидные и низкие с хохолками. На некоторых даже были высокие тюбетейки – эти девушки из Фалида, догадалась Зарина.

Под тюбетейками или над ними у девушек на головах были накинута длинные платки из разных тканей, но среди них превалировал шёлк. У многих платки были под цвет и узор платьям, у других были белые или жёлтые, но богато расшитые. На некоторых девушках и вовсе не было платков – они из Мираса. У девушек из этого города бывает стропти-

вый нрав. Они предпочли тонкие халаты с короткими или длинными свободными рукавами с цветом и узором наоборот, чем у их платьев.

Не было ни одного чёрного наряда. Не на траур же пришли, в конце-то концов, а на праздник, как ни как, своего рода свадьбу, в надежде обрести мужа и построить крепкую семью и светлое будущее.

– Азим! – позвала Зарина с воодушевлённой улыбкой и поманила сына к себе. – Ты помнишь, почему возле каждой старицы семь девушек? – спросила она, когда Азим подошёл к ней.

Конечно, нет.

В оправдывающейся улыбке Азим прижал голову к плечам. Его глаза безмолвно извинялись. Зарина поняла, что сын не знает ответа.

– Даже не помнишь почему у всех отличаются платья? – слегка расстроилась она.

Зарина не раз рассказывала сыновьям про традицию выбора окраса и узора платья на «Туй-сумалак». Однако Азим сразу забывал про всё, когда очередь переходила к отцу и тот рассказывал про состязание загона козлов, который в народе называется «Бузкаши». Азим помнил обещания отца взять его с собой на это состязание, а не рассказы матери про особенности кройки.

Белые, бежевые, светло-голубые, тёмно-голубые, желтоватые, бледно-розовые, редко зелёные, того реже красные, и

даже серые платья отличались друг от друга узорами своих крапин, яблок и разводов, которые казались Азиму беспорядочно разбросанными, но именно это и придавало необычную красоту платьям. У девушек с чаканами платья не выделялись серьёзной вышивкой – только тонкие тесёмки из золотистой, красной или белой нитки.

Вопрос Зарины услышал и подошедший Адхам, и пока она пребывала в лёгком замешательстве, он решил снова объяснить Азиму вместо невестки.

– Каждая девушка, которой дозволено принять участие в «Туй-сумалак», в течение семи дней Навруза ищет себе камушек, – его мягкий поучительный тон привлёк внимание не только племянника, но и нескольких других юношей, проходивших мимо и случайно (а может и нет) услышавших вопрос Зарины. – Подобрал камень, девушка шьёт себе платье под цвет и окрас своего камня. Девушка не должна расставаться со своим камнем до следующего Навруза, когда она наконец примет участие в «Туй-сумалак». А на последнем закате года, перед самым Наврузом, девицы приходят на поляну трапез, разделяются на семёрки и произносят благодарственную молитву Всевышнему: «Сотворитель неба и земли, до следующего Навруза нас донеси». Затем, загадывая желание, «*ният*», быть найденной хорошим юношей и выйти за него замуж, они бросают свои камни в казан. Они засыпают камни перемолотой проросшей пшеницей и начинают варить сумалак...

– И так в каждом казане по семь камней, – вдруг встряла Зарина. Она кивнула деверю и Адхам без обид принял её безмолвное извинение. – Девушки по очереди медленно в течение одной сойи каждая помешивают казан, чтобы сумалак не подгорел, и поют, – продолжила Зарина. – Кто-то поёт про себя, а кто-то вслух стих «Камень мой – муж мой».

В это время Азим заметил, как у второго шатра справа сменилась девушка. Она взяла шумовку, семь раз помешала густую коричневую массу в казане и робким голоском начала напевать:

*Камень мой – муж мой,
На Туй-сумалак пришла с камнем в руках,
Уйду же с тобой, суженый мой...*

– Когда сумалак готов, женщины-наставницы приглашают собравшихся молодцов к казанам, – голос матери прервал сладкозвучное пение стройной черноволосой красавицы в белом адрасе с тёмно-серыми разводами.

Ближайший казан стоял в каких-то десяти шагах от них. Вытянув шею, Зарина ещё раз присмотрелась к нему. Затем она бросила оценивающий взгляд на другой казан и на третий.

– «А сумалак-то готов. Туй-сумалак вот-вот должен начаться во всей своей красе», – подумала она.

– Когда парней позовут, – снова заговорил Адхам, – им дадут черпак и позволят по одному наполнить чашку сумалаком. Но черпнуть разрешается только один раз. Нельзя за-

сунуть черпак в казан и ковыряться в нём, пока не выгребешь камушек, – пошутил Адхам, объясняя правило.

– Если сумалак получился слишком густым, отыскать в нём семь камней будет не так уж и просто, – вернулась в разговор Зарина.

– Сумалак нужно съесть до конца. Если находиться заветный камушек на дне чашки, его чистят облизав. С камнем нужно подойти к девушке, чьё платье подходит по окрасу. Затем нужно встать на правое колено и протянуть камень хозяйке со следующими словами:

*Нашёл я камень твой, прекрасная девица,
Сделай же шаг вперёд и будь моей суженой,
К султану мы пойдём с тобой,
Дабы благословил он нас как мужа с женой.*

Адхам говорил с увлечением, но в его голосе звучала толика разочарования. Когда-то и он хотел найти жену на этом мероприятии. Родители же не позволили ему этого и женили раньше праздника. Жену свою он полюбил не сразу, но теперь горько скучает по ней, проклиная Зелёную хворь.

Только после слов дяди Азим понял предназначение камней. Он косо посмотрел на мать, но та в ожидании начала, разглядывала девушек.

Древка от флажков, реющих на лёгком ветру над шатрами, отбрасывали прямую тень. Наступил полдень. Пора.

– Пожалуйста молодцы, пожалуйста! – хором позвали женщины у казанов, а девушки отошли к шатрам. – Подходите

к казанам. Пожалуйте! Черпните сумалак и найдите клад на дне чашки! Пожалуйте, пожалуйста, да счастье своё с собой заберите!

И тут началось!

Собравшаяся толпа хлынула волной к казанам, едва женщины успели закончить свой призыв. Одни намеренно шли туда, где им приглянулась та или иная особа. Голодные (не в прямом смысле этого слова), потенциальные женихи толкались и спорили между собой, кто станет первым. Робкие же и нерешительные юноши терпеливо ждали позади них.

Азим с дядей и матерью стояли недалеко от них. Юноша наблюдал за происходящим в лёгком недоумении. Ему казалось, что они пришли не попытать свою удачу, а показать свой пыл, чтобы потом бахвалиться своим достижением. Но на «Туй-сумалаке» удача обычно играла против их наглости, и парням, ожидающим в конце, везло чаще, чем тем, кто жадно желал уйти с невестой и грубо не позволял никому пройти вперёд своей очереди.

Подобная жадность и наглость в различной форме поведения, если даже оно и подразумевало стремление заполучить желанный трофей, также показывало уровень воспитания и нрава этих молодых людей.

Наблюдая за ними, Азим не заметил, как оказался в конце очереди напротив третьего шатра. Молодые люди обставили плотным полумесяцем все семь казанов, а очередь всё нарастала и нарастала сзади. Люди теснились, толкались и

ругались. Не такого представлял себе Азим. Он решил выбраться из давящей толпы, но попытка оказалось тщетной. Кажется, на праздник сошёлся весь Ахорун.

Шум, гам, громкие посвистывания, возгласы и дикий, непочтительный смех этих солдафонов заглушали приятную для девушек музыку флейт, дутаров и рубабов. Такое поведение отпугнуло в девицах всю радость и загадочность этого мероприятия, но наставницы предупреждали их об этом. Однако ни одной из них не хотелось бы достаться быку грубияну или ослу свистуну. К некоторым девушкам пришла мысль уйти, но они не решались на этот импульсивный поступок – это расценивалось бы позором для них и их семьи. Одни девушки опускали глаза от удивления и смущения, другие от отвращения.

Один за другим юноши опустошали принесённые с собой чашки и уходили ни с чем. Отчего вскоре робкие улыбки снова засияли на прекрасных лицах девушек-невест. Как бы не прошёл «Туй-сумалак», и кому бы они не достались – это их выбор прийти сюда и участвовать.

Прошло около сойи, как те самые нетерпеливые юнцы, в чьих жилах кровь кипела с азартом, начали покидать очередь с кривыми, недовольными лицами. Правда, уходили не все юноши с грубым поведением. Некоторые особо наглые пробивались сквозь очередь к другим семёркам и казанам.

Это навело Азима задать новый вопрос, и он, сумев выбраться из очереди, нашёл дядю поблизости, чтобы задать

этот вопрос.

– А это дозволено? Подходить к другим казанам?

Адхам проследил за широкоплечим густоволосым юношей, протиснувшимся вперёд к первому казану справа, и посмотрел на племянника.

– Пока что это не запрещено, – пожал плечами Адхам.

В сердцах красавиц вновь зажглась интрига. Кому же они достанутся?

Минуло почти две сойи после начала мероприятия и, наконец, нашёлся первый камень. Объявились малик с маликой Навруза.

Молодой человек двадцати трёх лет с бледно-золотой чалмой, повязанной вокруг высокой чёрной тибетейки с белым узором, больно хрустнул зубами и выплюнул на свою ладонь камушек. Его широкое квадратное лицо, обросшее трёхдневной щетиной, растянулось в ещё более широкой улыбке, когда он взял камушек в пальцы и облизал. Застенчиво опущенные на камушек глаза выдавали, что он смущён, но в смущении этом отражались непомерная радость и ликование. Он первым нашёл камень, а другие, собравшиеся у той же семёрки и быстро поглатывающие сумалак, или ожидающие своей очереди, сразу же уставились на него. Они заулыбались, но не без зависти, ведь вся эта давка была ради того, чтобы найти камень первым и стать маликом Навруза. Некоторые и вовсе не скрывали недовольство своих кривых физиономиях. Один даже покинул очередь, с досадой швыр-

нув свою чашу.

Высокий, широкоплечий юноша с явной недюжинной силой почувствовал робкое стеснение в груди. Его глаза искали подходящую девушку, а ноги отказывались сделать шаг вперёд.

Неожиданно Азим оглянулся по сторонам и обнаружил, что буквально все замерли в ожидании, чтобы этот юноша подошёл к своей находке, то есть, невесте.

Наконец, юноша нашёл в себе силы преодолеть застенчивость и выйти вперёд. Не брезгая испачкать свой тёмно-зелёный, как мох, праздничный халат, расшитый золотистыми узорами и тесьмой по всем краям, он торжественно опустился на правое колено перед девушкой в светло-розовом атласе с серыми, белыми и бледно-жёлтыми, тёмными и редкими голубыми небольшими разводами. Он протянул руку с камнем, принадлежащий ей, и громко произнёс слова того самого заветного стихотворения, с которым ранее поделился Адхам.

Золотой браслет с семью молочно-белыми жемчужинами норовил выпасть с тонкой робко протянутой руки девушки двадцати лет. Её нежная, маленькая рука переплелась с его большой и твёрдой рукой. Камушек остался в объятии их ладоней. Их первое рукопожатие. И по традиции, невеста должна помочь жениху встать, что она и сделала. Хрупкая девушка едва ли весила больше мешка с мукой, а находчик её камня мог с лёгкостью поднять два мешка с мукой и во-

дружить их себе на плечи. Несмотря на это, она смело потянула за его руку и жених, поднявшись на ноги, встал рядом с ней. Он взял невесту под руку и гордо поднял голову, осознавая, что они стали самой первой парой.

– После «Туй-сумалака» все пары отправятся во дворец и султан проведёт их бракосочетание, устроив пир в их честь. А их, – Адхам указал на первую пару, – султан объявит маликом и маликой Навруза. Они будут сопровождать султана во всех мероприятиях до конца Навруза. И только после праздника им будет дозволено провести свою первую брачную ночь.

– *«Последнее можно было и не упоминать»*, – подумал Азим. Ему незачем знать, когда молодым дадут уединиться.

Малик поправил белый платок на поясе с вышитой зелёной виноградной лозой с золотистыми листьями и прижал руку под сердце, кивками благодаря поздравляющих его друзей и других участников мероприятия. Его малика, которая на две головы ниже него, опустила перед своим овальным лицом со слегка смуглыми скулами тонкий розовый шёлковый платок, и на нём засверкали лучи солнца. До благословения султана больше никто не должен видеть её лица – такова традиция.

Пара трижды поклонилась всем с руками у сердец и отошла ко входу в шатёр. Тёмно-каштановые волосы невесты водопадом ниспадали из-под платка к её нежно выступающим ягодам. Окрашенные сурьмой веки прикрыли карие

миндалевидные глаза. Она доверилась своему малику вести её. То, как он поведёт её к шатру, будет означать то, как он будет вести себя с ней – это им объяснили наставницы у казанов.

Длинноногий парень, привыкший ходить широкими шагом, учтиво сократил свой шаг, чтобы его малике не пришлось бежать за ним. Этот поступок зажёл искру симпатии и уважения к молодому человеку в сердце девушки.

Наставница этой семёрки кивнула юноше в знак позволения, и пара вошла в шатёр, где они смогут познакомиться и узнать друг друга получше.

Первая пара скрылась с глаз, и мероприятие продолжилось. С тех пор не прошло и сойи, когда начали находить и другие камни. Молодые люди, нашедшие заветные камни, подходили к своим невестам, произнося нужные слова стихотворения. Невесты рядом со своими женихами также опускали платок перед своими лицами, дабы их никто больше не видел до благословения султаном. Эту традицию чтит все, согласно которой на «Туй-сумалак» участницы не скрывают свои лица, чтобы привлечь молодых людей своей внешностью. А после того, как их камень найдут, они скрывают лица платком. Даже жених не вправе заглянуть под платок или попросить его открыть, пока султан не объявит их мужем и женой.

Однако мероприятие не приостанавливали ради каждой новой пары, чтобы проводить их в шатёр, как это было для

первой пары, что также входит в обычай «Туй-сумалака».

Азим из первых рядов с интересом наблюдал за происходящим. Кто-то из-за спины подсказал ему, что настала его очередь. Засмотревшись, юноша не заметил, как снова оказался в очереди. Он повернулся и с вежливой улыбкой пропустил густоволосого конопатого парня на голову ниже себя и вышел из поредевшей очереди. Зарина, которая стояла в стороне, пришла в недоумение от такого поступка сына.

Парни у казанов с восхищением черпали сумалак. Одни ели деревянными ложечками, другие ели с рук. Позади очереди загудел карнай, а барабан подхватил его громкую мелодию. К ним присоединилась и флейта. Молодые люди снова начали петь и плясать в тридцати газах от поляны трапезы. На двух столах устроили борьбу на руках. Недалеко от них тянули канаты. Иногда возгласы состязающихся и их зрителей заглушали музыку и песнопение.

– Иди же к ней! – кто-то прокричал, и Азим снова повернулся к шатрам.

Тот самый конопатый юноша, который определённо был сверстником Азима, стоял в шаге от казана и с ужасом смотрел на камень на своей ладони. Парнишка весь дрожал от волнения и нерешительности. Глубоко вздохнув, он всё же начал медленно подходить к той, кому принадлежит этот камень.

Азим прошёл чуть вперёд, чтобы взглянуть на ту девушку, и понял причину колебаний того приземистого парня. Де-

вушка была, по всей видимости, лет на четыре старше находчика и к тому же выше на голову.

Азим улыбнулся, то ли в сочувствии, то ли в насмешке, и подошёл к дяде. Он вспомнил, как однажды летом после работы на посевных полях отца решил умыться и смочить горло. Азим тогда пошёл к ручью и, сев на корточки, черпнул воды. В руках, сложенных лодочкой, кроме воды он случайно набрал немного ила и несколько мелких камней. И здесь, посреди праздничного процесса «Туй-сумалака», у него возник очередной вопрос.

– Что будет, если в чашке обнаружится больше одного камня?

Зарина в это время тоже подошла к деверю, и Азим смотрел на них обоих в ожидании ответа.

Рядом стояли две юноши, которые, как и Азим, просто наблюдали за мероприятием. На их лицах было написано удивление, восхищение и некая озадаченность. Они тоже участвовали в первый раз, пусть и как зрители, в «Туй-сумалаке». Услышав логичный вопрос, они ещё больше задумались. Действительно, что будет? Один даже насупился. Оба вниманием присоединились к Азиму в ожидании ответа.

– Тогда счастливицу придётся повыше закатать рукава, – Адхам подошёл к Азиму и с язвительной ухмылкой положил руку ему на плечо, – и усерднее пахать, чтобы прокормить своих жён.

– А... а такое случалось? – Азиму стало очень любопытно,

как и тем двум юношам, которые встали подле него.

– Да-а, и не раз, – воодушевлённо протянул Адхам, и у тех двоих в безмолвном удивлении раскрылись рты. Азим же был сдержаннее. – История Ахоруна знает многих, кому попадались два, а то и три камня, – продолжал Адхам.

Изумление двух парней теперь невозможно было описать. Они были словно маленькие дети, услышавшие небывалую сказку. Их заинтригованные лица требовали рассказать хоть одну такую историю. Азим же с сомнительной улыбкой покачал головой. Ему не верилось в это.

– И что происходит, если находишь два камня? – спросил один из этих двух парней с северным акцентом. У него были короткие светло-коричневые волосы и серо-голубые глаза.

Адхам посмотрел на гостей из Виндола в ярко-белых рубашках. Красную тесьму на их коротких рукавах и прямых вырезах на груди украшал мелкий, переплетающийся геометрический орнамент, сочетающий зелёный, жёлтый и голубые цвета. На одном были такие же белые штаны и галоши. На втором, который и задал вопрос, были шаровары песочного цвета с коричневой манжетой и такие же галоши с загнутым носом. На головах у обоих водружены одинаковые красно-коричневые плоские тубетейки с тесьмой, что и на рубашках. Поверх у них были короткие распашные светло-голубые камзолы с короткими рукавами и тесьмой по краям с зелено-золотистым орнаментом.

– То же самое, что и с одним камнем, – ответил Адхам.

Он был рад тому, что к нему будут внимать ещё двое гостей из северного загорного государства. – Нужно встать на правое колено, взглянуть на девушек, чьи платья подходят под окрас камней, и протянуть им руки, прочитать стих «Нашёл я камень твой». При этом, нужно спеть обеим девушкам, то есть дважды или больше, если камней больше. Или можно изменить именительное в стихотворении на множественное число. Однако протягивать нужно обе руки ладонью вверх, чтобы девушки увидели свои камни, – глаза Адхама улыбались вровень его устам. Плечи расправились, чувствуя гордый стержень ахорунца. Для него было честью рассказывать гостям из Виндола историю про «Туй-сумалак». Такого мероприятия нет в их краях. – Девушка, одна или обе, может взять находчика за руку или уйти в шатёр, что означало бы её отказ, – продолжал Адхам. – Во втором случае отказавшаяся девушка больше никогда не сможет снова принять участие в «Туй-сумалак». И родители вряд ли смогут выдать её за хорошего человека. Или же они все, сколько бы их там не было, могут взять находчика за руки. А когда они придут за благословением, султан спросит, хотят ли они выйти все за одного. Если да, а это разумеется «да», раз они пришли с ним во дворец, султан объявляет их мужем и жёнами, – произнося последние слова, глаза Адхама похотливо сверкнули. Он улыбнулся и пожал плечами.

Юноши пребывали в удивлённом восторге, как Азим, так и виндольцы. Первому верилось с трудом, зная брачные обы-

чай и законы Ахоруна, и какими требовательными и строгими они бывают. К тому же, Азим не знает никого в городе, у кого было бы две или три жены. Насколько ему известно, многожёнство не приветствуется законами Ахоруна.

С другой стороны, как один человек может знать всех в городе?

Даже Азим, несмотря на свои девятнадцать лет, которые ему исполнятся в следующем месяце, не знал ни одного многоженца. Просто пока он не знаком со всеми в Ангуране. И возможно ли знать всех?

Да будь тебе сто лет, это невозможно!

– А кому-нибудь попадались три камня? – спросил другой гость.

– Да, – кивнул Адхам. – Это было четыре века назад. Жил молодой человек по имени Умар. Достигнув восемнадцатилетия, он решает заняться торговлей, а потом и путешестви-ем. И чем бы он не занялся, во всех начинаниях ему сопутствовала удача. К двадцати четырём годам он стал очень богатым, и люди прозвали его «Умар Удачливый». Он не успел жениться к этому возрасту, и очень многие хотели женить на нём своих дочерей, но он затруднялся с выбором. Тогда ему посоветовали принять участие в «Туй-сумалак». В двадцать пять лет Умар Удачливый решился принять участие, – щеки Адхама наполнились смехом, но он сдержал себя, проглотив хохот. – На дне своей чашки он нашёл сразу три камня. Ничего не поделать, традиция – есть традиция, – с сарказ-

мом проговорил он. – Умар Удачливый подошёл к девушкам, опустился на колено и протянул все три камня на одной руке, – Адхам нарочито затягивал паузу, чтобы разжечь интригу в слушавших его людей, а их к этому времени прибавилось и немало. – Три девушки, стремясь опередить друг друга и, надеясь, что хоть кто-то из них проявит достоинство и откажется, вцепились в его руку и чуть не оторвали, помогая ему встать. Все трое дали согласие во дворце и султан благословил их. Жены Умара Удачливого оказались ревнивыми друг другу и очень требовательными к мужу. Он разместил их всех в своём огромном доме, построенного из камней и отделанного мрамором и золотом. Живя под одной крышей, вскоре каждая жена потребовала для себя отдельный дом не менее роскошный, чем этот. Каждая настаивала, чтобы муж чаще проводил время с ней, чем с другими жёнами. Их дома до сих пор сохранились в Ангуране. Умар Удачливый как мог, так и удовлетворял капризы своих жён. Вскоре его кличка стала носить более ироничный характер.

Слушатели хором засмеялись в конце истории, чем только польстили рассказчику.

– Что с ним случилось потом? – спросил один из слушателей.

Адхам улыбнулся и ответил:

– Как только подросли его дети и продолжили его дела, Умар Удачливый сбежал от своих жён в Фалид.

Это стало поводом для нового раската хохота среди слу-

шателей.

Во время рассказа своего деверя Зарина отошла к атласному шатру. Издали она смотрела на сына, и снова восхищалась каким прекрасным он вырос.

– *«Нужно найти достойную девушку ему под стать»*, – думала она про себя.

Словно почувствовав взгляд матери, Азим повернулся и заметил её у радужного шатра. Он отошёл, оставив дядю, рассказывающего другие подобные истории своей аудитории.

Зарина улыбнулась сыну, когда он подошёл к ней, и дала ему миску с фруктовым салатом.

– Тебе нравится здесь? – поинтересовалась она.

– Здесь... оживлённо, – подумав, улыбнулся Азим.

Ещё не все камни были найдены и девять участниц оставались у своих казанов. Двое из них были как раз у самого близкого к ним шатра, и они были на загляденье красивыми. Зарина хотела, чтобы Азим тоже поучаствовал и нашёл себе невесту. И пока не поздно, она должна отвести сына именно к этому шатру. Но сделать это нужно не навязчиво.

– Прадед твоего отца нашёл свою невесту именно на «Туй-сумалак», – сказала Зарина. – Милый, может и ты попробуешь и испытаешь свою удачу? – она кивком указала на тех двух красавиц, робко прячущих свои глаза, в которых загорелось нетерпение.

Ну, когда же, наконец, найдут и их камни?

Узнав истинную цель, для чего мать привела его сюда, Азим разозлился, но подавил в себе это чувство. Однако вопрос матери снова вызвал в нём возмущение. Азим на короткое мгновение посмотрел на мать с укором и отвёл взгляд в сторону. Она его мать, и он не может на неё злиться. Глядя на тех красавиц, он хотел как можно мягче выразить своё недовольство, чтобы не нагрубить матери, но ни одного мирного слова не находил.

– *«Вы же сами дали мне выбор и срок до двадцать первых именин! У меня ещё целых два года. Так подождите же! Я сделаю свой выбор»*, – кричал его внутренний голос в груди.

К тому же, у него уже есть выбор. Да, он уже сделал выбор, о котором он думал днём и мечтал по ночам. Но как об этом сказать матери и отцу? Ведь она... Время, на это потребуется время.

Из этого неловкого и напряженного положения Азима спас неожиданный рёв львов. Это означало, что на другой стороне Ид-майдана закончились состязания по борьбе среди юношей от восемнадцати до двадцати пяти лет, и скоро начнутся состязания по борьбе со львами, в котором будут участвовать гвардейцы султана. Азим также вспомнил, что одновременно начнётся и состязание по борьбе среди детей.

– Матушка, вот-вот начнётся состязание среди детей. Пойдёмте, найдём отца и поболеем за Рауфа. Он долго к этому готовился.

Азим произнёс всё это мягким тоном, отложил пустую

миску в сторону и направился в сторону Ид-майда. Он надеялся, что не обидел мать, которая осталась на месте. Зарина же в замешательстве глядела в спину сына. Нет, она не обиделась. Она понимала сына и без слов почувствовала его возмущение. Зарина дала ему выбор, но эгоистично привела его сюда, чтобы он сделал выбор преждевременно.

– *«Раз дала выбор, то и дай самостоятельно принять решение»*, – корила себя Зарина. Она вздохнула, разочарованная в самой себе, и медленно пошла за сыном.

Тем временем, по поляне ходили девушки с подносами на руках и угощали людей приготовленными яствами. Адхам взял у одной такой девушки две самбусы и догнал племянника.

– Скоро минует четвёртый час по полудню, а я ещё не готовился, – пожаловался Азим дяде. – У меня даже нет лошади.

– Кстати о лошади, – вспомнил Адхам. – Я ведь обещал тебе одну... Я присмотрел для тебя одного резвого и крепкого жеребца и получил согласие на него, – заговорщическим тоном шепнул Адхам.

– Зачем нужно согласие, чтобы купить лошадь? – недоумевал Азим. Этот вопрос остался без ответа ещё с его прошлого дня рождения.

– После выступления Рауфа мы пойдём, и ты сам взглянешь на своего нового жеребца, – усмехнувшись, заверил Адхам.

– Отличная идея, – согласился Азим.

* * *

«...Как утешить мать, потерявшую младенца? Как утешить отца, потерявшего сына? Как утешить детей, потерявших родителей? Как утешить народ, страдающего от Зелёной хвори? Как отвлечь их от скорби в преддверии Навруза? И стоит ли? Справедливый правитель должен быть со своим народом, особенно в тяжёлые времена; думать о нём с каждым вздохом... – в своём письме отец искал совета у сына и теми же словами наставлял своего наследника, будущего правителя Ахоруна. Султан всё же указал устроить грандиозный праздник и приехал в Арруж, где и началась эта поганая болезнь, несмотря на мои уговоры. Все усилия держать его подальше от заражённых или членов их семьи оказались напрасными. Отцу стало плохо на третий день праздника. Крепкое здоровье отца боролось с болезнью три полной луны, но итог был один. Итог был одним для всех, кого коснулась Зелёная хворь».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары об отце.

Занимающийся рассвет окрасил горизонт на востоке в серо-зелёный цвет. Просыпающееся белое светило прогоняло ночную тьму всё дальше к западному горизонту. Второе утро весны выдалось по-зимнему холодным. Незванный холод про-

ник в дом и первым разбудил Азима, словно зная, что ему сегодня предстоит долгий день.

Во избежание бессонной и волнительной ночи, прошлым вечером Азим выдул целый чайник мятного чая и лёг в постель с наступлением темноты. Он уснул, словно младенец, без единой мысли о Зилоле. Азим уже даже не помнил, когда в последний раз не думал о ней. Он и не хотел помнить. Вся его голова была забита грёзами о Зилоле, из-за чего он в последнее время стал ветреным и рассеянным. Отец делал ему замечания по этому поводу, но юноша не мог признаться, что влюблён. Пока не мог признаться. Азиму нужно принять решение, и исход этого дня определит его дальнейшие действия.

Азим скинул с себя одеяло и быстро вскочил с кровати. Он был бодр и полон надежд на новый день. Подтянувшись, он понял, что его желудок пуст как безоблачное небо за окном. Он оделся в хлопковые коричневые штаны и голубую рубаху с длинными рукавами и взял в руки тёмно-голубой кафтан, который наденет после совершения утреннего туалета и омовения. Перед выходом из комнаты он подошёл к кровати брата, думая, будить его или нет.

Рауф занял второе место на состязании по борьбе среди детей до двенадцати лет. Для мальчишки это было большим достижением. В прошлый раз он занял третье место. Результаты его упорных тренировок проявляются, а вот Азим даже толком не готовился к сегодняшнему состязанию.

– «*Пожелай мне удачи, братишка*», – проговорил про себя Азим и не стал будить Рауфа.

Пусть отдыхает. Вчера они с отцом легли поздно. Рауф не расставался со своей наградой – серебряной кистью винограда, которую ему вручил военачальник личной гвардии султана. Он хвастался ею перед гостями, пришедших на праздничный ужин, и обещал, что в следующем году пойдёт на золото. А теперь награда лежала у Рауфа под подушкой.

Азим не спеша спустился вниз, чтобы не разбудить никого скрежетом ступеней. Внизу он заметил, что дверь в большую гостиную приоткрыта. Оттуда доносился негромкий храп. В юноше заиграло любопытство, и он осторожно заглянул внутрь. Храп принадлежал дяде Адхаму – он спал, прижавшись к стене. Он остался на ночь, догадался Азим, чтобы утром сопроводить его на поле бужкаши. Юноша улыбнулся и, оставив дверь в гостиную приоткрытой, вышел во двор.

Совершив утренний туалет и омовение, юноша надел свой накидной кафтан с чёрным растительным узором на груди и коротких рукавах. Вернувшись в дом, он направился на кухню. Туда его звал голодный желудок и требовал обшарить все полки в поисках еды.

Так действуют воры, потому Азим не стал потакать прихотям своего нутра.

На решётке кухонного очага он поставил медный чайник и зажёг под ней огонь. С утра ему хотелось молока, но в погребке под кухней его не осталось.

– «Что бы съесть?» – думал Азим, смотря на небольшой огонь под чайником. В раздумьях о еде, ему казалось, что вода не закипит и за целую вечность.

Послышался скрип лестницы и Азим обернулся назад. У арочного проёма на кухню он увидел отца в белой тунике и полотенцем на плече.

– Доброе утро, сын, – сказал Аъзам и прикрыл зевающий рот.

– Доброе утро, отец.

– Сегодня важный день, не так ли? – спросил Аъзам.

– Да, – коротко кивнул Азим.

– Тебе понадобятся силы, но много не ешь. Тяжесть в желудке мешает ясности ума, а ум понадобится тебе ещё больше.

– Хорошо, отец, – кивнул Азим и подошёл к полке слева от себя.

– И выпей не больше одной или двух чашек. Тебя никто не отпустит посреди состязания из-за зова твоей природной нужды, – предупредил Аъзам. – Если хочешь, я попрошу мать приготовить тебе немного овсянки.

– Молока не осталось, – сказал Азим, взяв деревянную менажницу в виде виноградной грозди с изюмом, миндалём, арахисом и фисташками из той самой полки.

– А-а, – протянул Аъзам, а его брови пошли вверх – он тоже хотел каши. – Тогда можешь поесть сумалак бабушки Ханифы и сыра, – сказал он, не заметив менажницу в руках

старшего сына, так как направлялся во двор...

Ночная пелена упала за западный горизонт, но солнце выглядывало лишь на одну шестую своего диска из-за восточного горизонта. Несмотря на рань, ночной холод не желал отступать, пока солнце не встанет во всей своей красе и не прогонит его своими тёплыми лучами.

Сытно, но не плотно позавтракав вместе с отцом и дядей, Азим начал собираться. Он дополнительно надел на себя тёмно-голубой стёганный распашной камзол, прошитый чёрными виноградными лозами, а на голове завязал короткую чалму под цвет камзола. Аъзам в это время запряг двух рабочих лошадей в повозку и вывел их за ворота. Втроём они поехали на поле для бузкаши, которое было в одной мархале к востоку от Ангруна. Подаренного дядей Адхамом чёрного жеребка Азим решил не утомлять своим весом и беречь его силы до начала состязания. Раз отец сказал, что ум понадобится ему больше, чем силы, то силы определённо будут нужны его новому жеребцу. Потому, сидя на повозке, он вёл жеребка под длинную узду. Этого жеребца Адхам подобрал из личного табуна султана и просил разрешения купить его целых три года. Аъзам с сыновьями были изумлены, когда Адхам после выступления Рауфа отвёл их в конюшню султана, недалеко от дворца, и вручил Азиму поводья черного жеребца.

– Это мой тебе подарок, Азим, – сказал тогда Адхам с широкой улыбкой.

Пока Азим пребывал в приятном недоумении, восхищаясь жеребцом, Аъзам пришёл в себя быстрее.

– Так вот почему тебе было нужно согласие, – догадался он. – Как ты это сделал? Султан ведь не продаёт своих чистокровных лошадей.

– Когда тебе дают виноград, не спрашивай из какого сада он, – увильнул от ответа Адхам.

Несмотря на все уговоры, Адхам до сих пор не сказал сколько он заплатил султану или что он сделал, чтобы купить этого жеребца.

– Ему нужно выбрать достойное имя, – это всё, что он сказал за праздничным ужином перед тем, как Азим пошёл спать.

На гряде низких холмов, раскиданных повсюду, цвели подснежники, местами прорастали тюльпаны и нарциссы. Ложбины всё ещё скрывались в тени. Почти весь их путь пролегал по такой неровной земле. Вскоре они выехали на бескрайнее зелёное поле. Её, казалось бы, идеально ровную поверхность нарушал невысокий склон, чей хребет тянулся в ширь на несколько сотен метров. Именно туда они и держали путь. Кроме них больше не было никого верхом на лошади или на повозках – путники шли пешком и не спеша, и каждый из них с удивлением смотрел на чёрного жеребца Азима и на самого юношу. Путников удивляло то, что этого жеребца ведут простые люди, а не султан-заде или хеш-султаны.

– Они – зрители состязания, – объяснил Аъзам, что слегка

озадачило Азима.

– *«Где же тогда участники? Неужели он первым прибывает на поле?»*

Азим приставил ладонь ребром к бровям и взгляделся в восточный горизонт – солнце встало лишь на половину, а состязание начнётся в полдень. Это значит, что есть ещё уйма времени. Азим сдержанно улыбнулся, но внутри он ликовал, преждевременно решив, что он первый участник, прибывший на поле. Он уже представлял, как первым опробует своего жеребца.

Как оказалось, Азим и его кампания были единственными, кто приехал на состязание на повозке. Потому у подножия склона их попросили оставить повозку, а лошадей привязать к колышку. Предвидев это, Азам заранее взял три колышка длиной в локоть.

Заметив, что юноша не собирается привязывать свою лошадь, к нему подошёл худощавый мужчина в полосатом халате жёлтого, синего и зелёного цветов со стёганной каймой по краям. В руках он держал планшет с бумагой. Он был ответственным за запись имён участников.

– Хотите принять участие, молодой человек? – спросил он, в недоумении глядя на чёрного жеребца. – Он из табуна султана?

Азим погладил жеребца за гриву и молча кивнул в ответ.
– Имя и возраст, молодой человек? – спросил писарь, всё ещё пребывая в недоумении.

– Азим ибн Аъзам. Восемнадцать лет, одиннадцать месяцев, – в Ахоруне нельзя называть возраст, которого ещё не достиг, потому Азим не сказал девятнадцать.

– Вы пришли поздно, – бесстрастно заявил писарь, записывая его имя в самом конце бумаги.

– В каком смысле? – Азим удивлённо склонил голову.

– Впервые будете участвовать? – писарь смерил юношу недоверчивым взглядом, и так зная ответ.

– Да, – подтвердил Азим.

– Удачи, Азим ибн Аъзам, – с безразличием на лице и в голосе пожелал писарь и пошёл навстречу другим подходящим людям.

По словам писаря и по тому, где в списке было записано его имя, Азим начал полагать, что он далеко не первый участник. Ему захотелось поскорее попасть на ту сторону склона, чтобы убедиться в очевидном. Он дождался отца с дядей, и они пошли в гору.

Около тридцати шагов привели их на вершину некрутого склона. Наверху они оказались на площадке шириной пять газдов, искусственно выровненной человеком. Аъзам с братом пошли направо, но Азим с удивлением подошёл к краю площадки, не опуская поводья своего жеребца. Издали это место казалось ему гребнем низкого продолговатого холма, но оказавшись на его вершине, перед ним открылась огромная яма – воронка, с диаметром дна больше двухсот пятидесяти газдов. Площадка, на которой он стоял, образовывала

кольцо вокруг этой воронки. Внутренние склоны были вогнутыми и отлого опускались на тридцать газов вниз. Две трети внутренней окружности воронки занимали три уровня – террасы, вырезанных в земле для зрителей. Каждая терраса шириной в три газа находится в пяти газах выше другой, но все три уровня находятся ближе ко дну воронки.

Само дно и было полем для состязания, где уже бегали как лошади, так и люди. Одни чистили лошадей в узких стойлах, другие наезжали круги, третьи сновали туда сюда, занятые подготовкой к состязанию.

Азима не удивило то, что многие участники пришли куда раньше него. Его не удивило бы и то, если все эти люди готовились к Бузкаши ещё со вчерашнего дня, пока он с матерью и дядей наблюдали за «Туй-сумалаком». Азима расстроило то, что он сам не догадался прийти сюда вчера вечером. Он опустил взгляд и помотал головой, коря себя за это.

Как же глупо было подумать, что он первый, кто пришёл на состязание.

Его жеребец коротко фыркнул и мотнул голову в его сторону. Азим посмотрел на жеребца, томно вздохнул и пошёл вслед за отцом и дядей.

Вниз к стойлам вела тропа, пролегающая вдоль южного внутреннего склона. Она же и вела к террасам.

– При каком султানে было... выкопано это поле? – Азим решил, что именно это слово подходит для задачи вопроса.

– При никаком, – в один голос ответили его отец и дядя.

Азим не отрывал взгляда от поля, но удивительный ответ привлёк его внимание, и он уставился в спину отца вопрошающим взглядом.

Аъзам оглянулся на сына и продолжил идти вниз.

– Это поле было здесь за долго до прихода основателей султаната и имело совсем иной вид. Это, – Аъзам взглядом описал всё низменное поле, в котором они находились, – след от космоса, оставленный бесчисленные годы назад, ког...

– Просто скажи, что это кратер от метеорита, упавшего бог знает когда, – шутливо проворчал Адхам. – Пошли, Азим. Я покажу тебе твоё стойло.

Аъзам похлопал сына по плечу и остался у подножия горы, высматривая кого-то взглядом.

– Твой отец очень любит астрономию и, если бы я не вмешался, ты бы прозевал всё состязание, выслушивая его истории о процессе образования нашей планеты, в которых он ещё и любит пофилософствовать, – признался Адхам, когда они отошли от Аъзама. Он с украдкой оглянулся на брата и усмехнулся. – Заводи своего жеребца в это стойло, а я пока помогу твоему отцу найти того, кто раздает платки для новичков.

– Платки? – переспросил Азим, но, словно не услышав его вопрос, Адхам вернулся к брату.

Пожав плечами, Азим завёл жеребца в пятое по счёту стойло. Всего их было пятьдесят, расположенных непосредственно вдоль подножия южного склона. Из трёх стоил даль-

ше от Азима на поле выехали трое участников на своих разномастных лошадях и смерили Азима и его жеребца удивлённым взглядом, сочетающим в себе подозрение и недоумение. Они въехали на поле, а трое других, которые до этого тренировались, покинули поле и вернули своих лошадей в стойла.

Азим обратил внимание на участников состязания. Все они были определённо старше него и выглядели опытными, сильными и смелыми. На одних лицах была уверенность, на других надменность, но кое-что их объединяло. Они все то и дело поглядывали на новичков. На Азима же они смотрели с недоверием, а некоторые даже с презрением.

Это привело юношу в замешательство. Он повернулся к своему жеребцу, чтобы не встретиться с неприветливыми взглядами других участников.

– Не подведи меня, – прошептал он лошади, глядя за шею.

Привязав жеребца в стойле, Азим всё-таки подошёл к забору, чтобы посмотреть, как тренируются другие участники и что они делают.

Ограждение высотой в один газ состояло из тополиных брёвен толщиной в ладонь и обрамляло девять десятых поля. Оно служило для обозначения границ поля, составляя в диаметре двести пятьдесят газов. За пределами ограждения, у западного склона Азим заметил большой загон, в котором были винторогие горные козлы – мархуры.

– *«Мы будем загонять этих козлов?»* – задумался Азим.

Вместо ответа Азим услышал какой-то ропот за своей спиной и повернулся к стойлам. Как только он это сделал, несколько участников, в двух стойлах от него, отвернули свои осуждающие лица и стихли. Они были не единственными, кто шептался и явно не одобрял присутствие Азима среди них. Он не понимал причину такого отношения. Азим заметил приближающегося к нему участника, и решил уточнить это у него.

– Тебе здесь не место, парень! Шёл бы ты греться в маминых объятиях ещё пару лет, – процедил это молодой человек, проходя мимо Азима.

Не успев сказать и слово, Азим замер с раскрытым ртом.

– Не обращай на него внимания, сын. Он не со зла.

Аъзам вернулся с братом. В руках у него был белый хлопковый платок с небольшими зелёными виноградными гроздьями. В руках Адхама были куски белой ткани с таким же узором.

– Тебе достался зелёный виноград, – сказал Аъзам. – Кроме тебя есть ещё один новый участник. Ему достался жёлтый виноград.

– Откуда в них столько ненависти ко мне? – недоумевал Азим.

Аъзам томно вздохнул и посмотрел сыну в глаза.

– В Бузкаши могут участвовать юноши от восемнадцати до двадцати пяти лет. Это правило я тебе уже объяснял. Но... – Аъзам посмотрел на других участников и снова пе-

ревёл взгляд на сына. – Я не рассказал тебе о негласных правилах.

– Каких? – тихо спросил Азим.

– Это жестокая игра, – Аъзам кивнул в сторону поля. – Очень давно, после нескольких несчастных случаев многие родители одно время не позволяли своим сыновьям, не достигшим двадцати лет, участвовать в Бузкаши. Правивший тогда султан не стал изменять правила, и с тех пор это стало негласным правилом среди самих участников. Участники постарше договаривались с тем, кому было младше двадцати лет, о воздержании от участия и обещали подготовить их к состязанию, когда им будет за двадцать. Многие из них – друзья или знакомые между собой, но никто из них не знаком с тобой, так же как и ты с ними. У тебя, сын, не так уж много друзей, которые могли бы предупредить тебя о таком негласном правиле. Да и я забыл о нём. Ты так неожиданно принял решение об участии, что у меня не было времени отговорить тебя.

– Они решили, что я не уважаю их правило? – предположил Азим.

– И их самих, – дополнил предположение сына. – У нас, нынче, довольно чувствительная молодёжь, – пожал плечами Аъзам.

– А что за несчастные случаи? – поинтересовался Азим.

– Однажды...

– Доброго вам дня, – вдруг вмешался молодой человек

двадцати одного года с синей узорчатой тесьмой по краям своего серого халата и рукавов. – Извините, что перебиваю. Ты тоже впервые принимаешь участие? – юноша учтиво кивнул Аъзам и Адхаму и обратился к Азиму.

– Да, – коротко ответил Азим, глядя на смуглого юношу с тонкими бровями. На его поясе был тот самый белый платок с жёлтой гроздью.

– Меня зовут Икбол³⁷. Не хочешь выехать на поле и потренироваться со мной?

– Отличная идея! – поддержал Аъзам. – Поле, как раз, освободили для вас, – он взглянул на сына. – Новички тренируются всегда последними – это ещё одно из негласных правил. Иди, разогрей жеребца и вдохни полевой пыли, пока не началось состязание, – слова Аъзама были устоявшимся выражением среди участников.

Несмотря на проливные дожди в прошлом месяце, поле было почти сухим, но пыли на нём не было и крупинки. Если бы не отрицательное воздействие от ежегодных состязаний на почву, оно бы зеленело так же, как и земли вокруг кратера.

Одни говорят: «*Вдохни полевой пыли*», другие – «*Вдохни пыли на поле*». Эти выражения корнями уходят в историю состязания Бузкаши, но сегодня никто и не вспомнит точно откуда оно пошло.

Со стороны стоил в ограждении было два прохода на поле.

---

³⁷ Икбол произносится с увулярной «к».

Икбол воспользовался тем, что справа и вывел свою бурую лошадь с серыми пятнами и серой, стриженной гривой. Его седло было обтянуто красным, тонким бархатом. Красными были и узды и даже его сапоги со шпорами.

Азим вывел жеребца из стоила, взобрался на него и вслед за Икболом выехал на поле. Как только это случилось, жеребец начал требовательно фыркать, мотать головой и вилять хвостом.

– Спокойно, – прошептал Азим, поглаживая его за длинную шелковистую чёрную гриву.

– У твоего жеребца грозный вид, – заметил Икбол, когда к нему подъехал Азим. – Ему не терпится проявить себя? – на его лице была добрая улыбка.

Азим кивнул ему в ответ со сдержанной улыбкой, продолжая гладить жеребца.

– Среди всех участников только у тебя чистокровная чёрная лошадь, – заявил Икбол. – Откуда он у тебя? Чёрных лошадей разводят только в табуне султана.

– Как раз оттуда я его и купил, – с гордой улыбкой ответил Азим, услышав толику зависти в голосе Икбола, а вот жеребец фыркнул, упрекнув своего наездника за ложь. Однако Азиму этого не понять – он ведь не лошадь и не знает их языка.

Икбол скривил сжатые губы и повёл головой.

– Султаны крайне редко продавали своих боевых лошадей, и было это очень давно. Зная алчность нашего султана,

ты либо очень богатый юноша, или, возможно, очень везучий...

Последнее предложение Икбола было незавершённым, так как он не знал имени собеседника, и об этом намекал его улыбчивый, вопросительный взгляд.

– Азим, – представился он, приставив руку к сердцу.

Кроме того загона, в котором держали мархуров, у самого ограждения было четыре загона, десять на десять газов каждый, расположенные в четырёх местах.

– Ну что, Азим, разогреем своих лошадей? – бодро предложил Икбол. – Давай до северного загона на перегонки?

Азим кивнул, приняв его вызов.

– На счёт три, – сказал Икбол и приготовился. – Раз... Два... ТРИ!

Икбол пришпорил свою кобылу, и та рванула вперёд. Азим вслед за ним, но его жеребец не просто рванул, а сорвался с места, словно выпущенная стрела, и в мгновение ока обогнал лошадь Икбола. К середине поля отрыв Азима от Икбола составило два корпуса лошади, а его жеребец неумолимо набирал скорость. Азим не ожидал такого, и ему было трудно удержаться в седле, что не осталось незамеченным другими участниками. Они принялись насмехаться над ним, но в самом Азиме это вызвало азарт и возбудило все чувства. Азим покрепче взялся за поводья и прижался к жеребцу. Какое-то мгновение спустя до северного загона было рукой подать. Отрыв увеличился до трёх с половиной лоша-

дей, и пора уже было останавливать жеребца.

Азим потянул за поводья, но вместо того чтобы остановиться, его жеребец на полном ходу перескочил через ограждение и только потом снизил скорость, позволив Азиму развернуть его. При этом жеребец недовольно фыркал и требовательно мотал головой. Он понимал, что его новый хозяин неопытный наездник. Это поняли и другие участники, и своими насмешками предварительно приговорили его на поражение.

Азим был крайне изумлён и даже напуган – такого он точно не ожидал. Он озирался по сторонам, ища проход, чтобы вернуться на поле. Проход был справа от северного загона, и он направил жеребца туда.

Проход ему открыл мальчишка одиннадцати лет, вытаращив глаза на чёрного горделивого жеребца и его наездника с чёрными узорами на кафтане – он был поражён зрелищем, которое они устроили.

С восхищённым смехом к Азиму подъехал Икбол.

– Да он у тебя просто неистовый!

– Боюсь, я не смогу усмирить его пыл, уж больно он прыткий, – ответил Азим, довольный и одновременно озадаченный своим подарком.

– И не надо, – возразил Икбол. – Это поможет тебе в состязании. Вам нужно лишь найти общий язык, – его слова привели Азима в недоумение, а сам Икбол направил свою кобылу к воротам северного загона и с вызовом посмотрел

на Азима. – Давай, теперь на опережение.

– На опережение? – переспросил Азим, остановив своего жеребца в паре газух от Икбола.

– Я поскачу к центру поля, а ты скачи вдоль ограждения и, когда до западного загона останется пару десятков газух, скачи мне наперерез, – объяснил Икбол, показывая всё руками.

Азим недоумевающе скосил взгляд, он не понимал цели этого упражнения.

– Ты поймёшь зачем это нужно, когда состязание будет в самом разгаре, – сказал Икбол и склонился к шее своей кобылы. – Ты готов? Давай! – он пришпорил лошадь и помчался к центру поля.

Азим развернул жеребца и погнал его вдоль ограждения, как указал Икбол. Жеребец стремительно набирал скорость. Азим слегка склонился вперёд и опустил голову, чтобы снизить сопротивление ветра. Дух соперничества, зарождавшийся внутри, заставил его посмотреть налево. Он заметил, что они с Икболом скачут на одной линии и даже обгоняет его, хоть и скачет не по прямой. Азим посмотрел перед собой – до западного загона оставалось меньше сорока газух. Азим повернул жеребца налево и погнал его к центру поля. Он оценил расстояние от Икбола до центра и ускорил жеребца. Молодой, резвый жеребец был этому только рад и развил такую скорость, что Азиму начало казаться будто Икбол скачет не галопом, а идёт широким шагом. Определённо

он и его жеребец будут первыми у центра поля, но и Икбол был совсем близко. Азим боялся, что они могут столкнуться лошаадьми, и не знал, остановиться или проскочить мимо?

Раз Икбол сказал на опережение, Азим решил проскочить перед ним, чем ещё раз удивил его. Азим пронёсся перед Икболом словно ветер всего в полтора газе от носа его лошади и не сразу смог остановить жеребца.

– *«Нужно над этим поработать»*, – решил про себя Азим.

– Ты должен назвать его Чёрным ветром, – подъехал Икбол, восхищённо покачивая головой. – У тебя невероятно быстрый жеребец, но эти козлы, – он кивнул в сторону загона с рогатыми животными, – куда медленнее него. Потому тебе придётся подстраивать свою лошаадь под их скорость, – Икбол ехал в восточную сторону поля. – Ты же не хочешь загнать в загон самого себя? – обернулся он к Азиму, тот отрицательно покачал головой и прировнял жеребца с его лошаадыю. – Давай три круга вдоль ограждения, – предложил Икбол. – И на этот раз постарайся не обгонять меня. Держись рядом.

Новички состязания пустили своих лошаадей рысцою вдоль ограждения. Азим скакал в трёх газах справа от Икбола и старался делать то, что он ему говорил. Они ускорили лошаадей на северном полукруге поля, при этом Азим держал скорость своего жеребца вровень с кобылою Икбола. На втором круге юноши дважды ускоряли лошаадей: на южном

и северном отрезке поля. Оба раза Азим сдерживал жеребца на ровне и с Икболом, однако жеребцу это не нравилось. Он выражал своё возмущение громким ржанием и пытался обогнать кобылу.

В начале третьего круга Икбол вдруг остановил свою лошадь и, подняв руку, призвал Азима сделать то же самое.

– Выносят флажки, Азим. Это значить, что пора освободить поле, – Икбол развернул лошадь направо, позади Азима, и направил его на запад. – Поехали, я кое-что тебе покажу.

Азим поехал за Икболом, наблюдая за тем, как четыре подростка спустились по тропе на поле и, разделившись, побежали к загонам, примыкающим к ограждению. Они подъехали к ограждению и остановились левее от западного загона. За длинным загонем с мархурами десять толстых деревянных колонн стояли в два ряда и поддерживали ложе султана.

– Смотри, – Икбол указал на четвёртую колонну первого ряда. – Пятое имя с верхнего конца – это имя моего старшего брата, – гордо сказал он. – Он выиграл это состязание пять лет назад, и теперь служит в гвардии султанзаде.

Азим посмотрел на указанную ему колонну, но его глаза искали на нём имя своего отца. По правилам состязания на этих деревянных колоннах с вертикальными желобами вырезают имя победителя и год участия. Расстояние между желобами составляло одну широкую пядь, но толщина колонн

позволяла вырезать по несколько имён на каждом сегменте. Азим пригляделся и, наконец, нашёл имя своего отца на девятом сегменте снизу от последнего имени наверху. В этот момент чувство гордости также наполнило его грудь. Он хотел было показать имя своего отца Икболу, но тот заговорил раньше.

– Однажды и моё имя будет вырезано на одной из этих колонн. Я обещал это своему брату.

– Может быть, это произойдёт сегодня, – поддержал Азим.

– Не-ет, – протянул Икбол после отрывистого хохота. – Ещё ни одному новичку не удавалось выиграть состязание.

Юноши выехали из поля и спешили. Икбол пожал руку Азиму и пожелал удачи. Азим ответил тем же и повёл жеребца к своему стойлу.

Аъзам, похвально похлопав по плечу сына, взял поводья из его рук и привязал жеребца в стойле.

– Состязание скоро начнётся, – сказал Адхам, глядя на ложе.

– Я готов, – негромко произнёс Азим, также посмотрев на ложе.

Каркас ложа полностью обтянут плотной тканью серо-зелёного цвета. Под широким окном высотой в два газа вывели семь сюзане, отличавшихся пышными узорами и цветом полотна. Азим узнал эти сюзане. Они вчера висели на шатрах на Ид-майдане. Ложе, стоящее на колоннах, находилось ровно посередине западного склона. В длину оно было

пятнадцать газов, а в ширину достигало десяти. С верхнего края склона в ложу ведёт коридор, который заканчивали обтягивать тем же серо-зелёным полотном.

Скоро прибудет султан и, спустившись в ложу, призовет участников выехать на поле, и даст начало состязанию.

– Если это поле является кратером, то откуда эти террасы для зрителей? – обведя взглядом эти выступы, спросил Азим.

– Раньше люди наблюдали за состязанием с вершины склонов, – ответил Аъзам. – Но в середине тринадцатого века султан Хоррун третий приказал выровнять вершины кратера, а в конце пятнадцатого века султан Хоким ибн Хушбахт велел вырезать террасы для зрителей.

– Даже эти колонны стоят с тех времён? – спросил Азим.

– Нет, – покачал головой Аъзам. – Имена победителей начали вырезать в девятнадцатом веке после того, как султан... – Аъзам запнулся в затруднении вспомнить его имя.

– Султан Масъуд ибн Тохир, – Адхам помог брату вспомнить имя того султана и продолжил вместо Аъзама. – Он приказал установить ложу. Этот султан отличался своей безгливостью и надменностью. Он был нелюдим и потому не желал смотреть на состязание бок обок с простыми людьми. С тех пор эти колонны и стоят, а на них эта ложа. Однако не он позволил вырезать имена, а его наследный сын, Максуд³⁸.

---

³⁸ Максуд произносится с увулярной «к».

Террасы на склонах поля заполнились не малым количеством зрителей. И млад, и стар, мужчины и женщины – все они ожидали прибытия султана, который по сложившейся веками традиции приезжал ровно в полдень. А до полдня оставалось совсем ничего.

Азим повернулся к стойлам и заметил, что почти все участники уже восседали на своих лошадях. Его внимание привлёк участник справа от его стойла. Молодой человек взобрался на белую кобылу с серебристой гривой. У него на поясе был завязан серебристый платок без каких-либо узоров. А его помощник, который, судя по всему, был его младшим братом, привязал его ноги к стременам. Азим с недоумением взглянул на ноги участника слева от своего стойла – они тоже были привязаны.

– Пошли, сын. Состязание вот-вот начнётся, – Аъзам приставил руку к спине Азима и повёл его к стойлу.

Азим взобрался на своего жеребца, поудобнее сел в седло и проверил уздцы. Он погладил ниспадающую чёрную гриву жеребца с серебряным отливом и внезапно почувствовал, что кто-то трогает его за ступни. Опустив взгляд вниз, Азим увидел, что отец тоже хочет привязать его ноги к стременам.

– Зачем это нужно? – поинтересовался юноша.

– Если упадёшь с лошади, ты сразу выбудешь из состязания, – ответил Аъзам, продолжив завязывать правую ногу сына белой лентой.

– А разве это по правилам? – усомнился Азим.

– Такого нет в своде правил, но...

– Тогда это не честно, – возразил юноша.

– Тебе будет не до честности, когда тебя затопчут другие участники, – нахмурился Аъзам. Он наклонился, чтобы завязать узел и перейти ко второй ноге, но Азим не дал ему закончить.

– Не надо.

– Но сын?! – Аъзам пришёл в негодование.

Азим категорично посмотрел перед собой и трижды кивнул самому себе в подтверждение собственной уверенности.

– Нет! – твёрдо решил он.

Аъзам несогласно посмотрел на сына, но возражать не стал. Он знал, каким упрямым иногда бывает его старший сын, и как трудно будет его разубедить, если он что-то для себя решил. С недовольным вздохом Аъзам опустил голову и развязал ногу сына.

– Весь в свою мать, – тихо проворчал он при этом.

Внимание Азима было приковано к полю. Он следил за мальчишками, сновавшими у загонов. Один из них сменил того мальчишку, который открыл северную калитку для Азима. Он шёл к своему другу к западному загону от северного. Состязание вот-вот начнётся и, насколько знал Азим, ответственные за каждый загон не должны покидать свой пост. Так почему ушёл этот? Азим посмотрел на северный загон, в двух углах которых реяли под слабым ветром белые длинные флажки с острым концом.

– Разве не на всех загонах устанавливают красные флажки? – спросил он.

– Нет, – коротко ответил Аъзам.

– Зачем нужен белый загон? – спросил Азим, не в состоянии вспомнить, рассказывал ли ему отец или дядя про белый загон.

– Это загон милосердия, – объяснил Аъзам. – Загнанных туда козлов не забивают для пира в честь участников и зрителей, а отдают бедным семьям. Но сколько я себя помню, им никто не пользуется, – задумчиво проговорил он.

– Почему? – уточнил Азим.

– Слава Всевышнему, Ангуран – богатый город и в нём мало бедных семей. Думаю, поэтому белым загонем никто и не пользуется, – предположил Аъзам. По этой же причине Аъзам недавно решил не упоминать о белом загоне, когда объяснял сыну некоторые основные правила Бузкаши.

Аъзам по-прежнему был взволнован решением сына и это отражалось в его голосе. Но и кое-что другое вызывало в нём опасение за сына.

– Будь осторожен, сын, – он положил руку на колено Азиму. – Это опасное состязание. Винторогие козлы могут...

Вдруг громко затрубил рог, не давший Азиму услышать предупреждение отца и его догадку относительно недовольства других наездников его участием. Зов рога означал, что султан Бузург ибн Махмуд прибыл и сам дул в этот рог. Это было призывом, чтобы участники выехали на поле.

– Пора, – с нотой волнения произнёс Азим, взяв руку отца, державшую его за колено.

– Удачи, сынок, – проговорил Аъзам с улыбкой на лице. Но за этой улыбкой он скрывал тревогу. Им обуревали смешанные чувства. Он был горд за то, что его старший сын впервые принимает участие в Бузкаши, и беспокоился о том, каким опасным может стать это состязание, когда в нём загоняют диких, горных винторогих козлов.

– Удачи, Азим, – пожелал ему и дядя Адхам. Он тоже был горд за племянника и благодарен за то, что не отказал. Он смотрел на Азима глазами полными надежд.

Поблагодарив отца и дядю, Азим выехал на жеребце из стойла и последовал за другими участниками на поле. На достаточном расстоянии друг от друга, участники расположились по кругу вдоль ограждения. Заняв свое место в двадцати газах от восточного загона, Азим посмотрел на своего отца и задумался над тем, что же он хотел сказать? О чём хотел предупредить?

На поле вывели двадцать рыжевато-серых козлов. Все они были самцами. Их высота в холке достигала одного газа, а в длину некоторые козлы достигали полутора газа. Даже их закрученные бурые рога имели внушительную длину. Их собрали в центре поля и три крупные гончие собаки не позволяли им разбежаться. Лай собак и вид самих этих козлов заставил беспокоиться даже тех участников, которые на первый взгляд выглядели смелыми и свирепыми.

Пастухи покинули поле, а их прирученные собаки, продолжая предупредительно лаять, медленно отходили на восток к ограждению. Как только собаки вышли за ограждение, рог протрубил во второй раз и все участники, пришпорив или хлестнув своих лошадей, бросились к маршурам...

Но не Азим. С гудением рога он поднял взгляд на ложе и увидел султана прямо посередине окна. На нём был белый кафтан с объёмной вышивкой золотой лозы на груди и плечах. Поверх кафтана на нём был длинный халат без рукавов из бледно-зелёного бархата с богатым золотым растительным узором и украшенный драгоценными камнями. На шее свободно повязан шёлковый золотой шарф с серебристой бахромой и узором. На голове султана был пышный белый тюрбан, украшенный тремя золотыми шнурками и тремя аквамаринами.

Опустив рог длинною в локоть и с широким раструбом, султан вернулся на своё место и сел на алый бархатный трон с золотистой спинкой и мягкими подлокотниками.

– *«Даже не пожелает удачи?»* – Азим удивился то, что султан не произнёс никакой речи.

Однако его удивлению быстро пришёл конец, как только он увидел её. Пусть и не во весь рост и издалека – эта была она, Зилола бинти Бузург.

Единственная дочь султана Ахоруна была одета в атлас с ромбовидными разводами пурпурных тонов, самые светлые из которых были усеяны мелкими алмазами. К груди свисала

двухуровневая гардана из серебряного и драгоценного бисера. Нежные уши украшали серьги-подвески под мотив сюзана с одной красочной розеткой, но с острым концом. Невысокое золотое болоабру с сапфирами у неё на лбу сдерживал пурпурный тонкий шёлковый платок, широким хвостом ниспадающий с её головы вместе с её длинными волосами ей на плечи и за спину.

Когда остальные всадники-участники гонялись за мархурами по всему полю, пытаясь загнать их в загон, Азим не мог оторвать взгляд от возлюбленной. У него сжалась грудь и задрожал живот. Он напрочь забыл, зачем сюда пришёл. В этот момент, всё вокруг размылось в его глазах, и только она, Зилола, была для него ярче полуденного солнца.

Застывшего Азима привели в чувства неожиданно громкие возгласы и свист зрителей у него за спиной. Азим повернул голову направо и увидел, что участник в синем кафтане с белыми ромбиками загнал первого козла. И пока парнишка, ответственным за восточный загон, искал в мешке красную ленту с белым узором, похожую на пояс всадника, этот самый всадник, первым загнавший козла, проехал мимо Азима и бросил в него с презренной ухмылкой:

– Не выспался?

Азим скосил на него взгляд, но не стал отвечать. Вместо него это сделал его жеребец, громко фыркнув и коротко заржав. Затем жеребец дважды откинул голову назад, чтобы привлечь внимание своего всадника. Он делал это и раньше,

но Азим не замечал этого, ибо был увлечён объектом своей страсти.

Жеребец снова заржал, обращаясь к своему всаднику, и слава Всевышнему, что лошади не способны разговаривать по-людски, иначе он бы обрушил на Азима всю самую грубую брань, которая могла быть.

Азим дёрнул за повод, и жеребец поскакал на юг, куда семеро всадников загнали трёх мархуров и состязались между собой, чтобы загнать козлов в загон. Азим достал пращу, привязанную к левому боку седла, зарядил её камнем из мешочка у правой ноги, и начал закручивать её, вытянув руку в сторону. Он метнул камень под ноги ближайшего к нему козла. Камень с треском ударился о камень, брошенный другим участником, перед мордой козла. Испугавшись резкого стука, животное отскочило в сторону и столкнулось с лошадю одного из участников. Лошадь, заржав, повалилось набок, прижав под собой своего наездника. Молодой человек громко закричал от боли сломанной ноги.

Азим не успел рассмотреть лицо этого бедняги, ибо его жеребец начал преследовать того убежавшего козла. С этим козлом убежал и ещё один, третьего удалось загнать. Они убегали к центру поля, и Азим был не единственным, кто преследовал их. Осознавая это, развернуть козлов обратно к южному загону для Азима было не вариантом.

Те семеро всадников выстроились в полукруг позади Азима и в отличие от четырёх крайних всадников, трое, что по-

середине, были ближе к нему.

То, что он пробовал на тренировке с Икболом, теперь Азим осуществлял на практике. Винторогие козлы действительно оказались медленнее жеребца Азима, потому юноша сдерживал скорость своего скакуна, чтобы не обогнать козлов. Это привело к тому, что семеро всадников успели сравняться с ним. Двое из них начали прижиматься к Азиму с двух сторон, чтобы вытеснить его.

– *«Чтобы выиграть состязание, нужно не только как можно больше загнать козлов, но и не дать сделать это другим участникам»*, – вспомнил Азим и ускорил своего жеребца прежде, чем те двое смогли прижать его.

Одним из них был тот самый всадник в синем кафтане с белыми ромбами. Заметив, что ноги новичка не привязаны к стремянам, он резко повернул своего коня налево, чтобы столкнуть новичка с его чёрной лошади, но тот неожиданно вырвался вперёд. Всадник в синем кафтане не успел среагировать, чтобы остановить коня или повернуть его в другую сторону, и животное уткнулось носом в правый бок другого участника, пытавшегося прижать Азима. От силы удара этот всадник в сером кафтане с растительным узором на рукавах под цвет тёмно-серого платка на поясе скорчился направо и вскрикнул. Он еле держался за повод левой рукой и только благодаря силе и устойчивости своей лошади они оба не упали после столкновения. Боль у него в боку не унималась, и со слезами в глазах он был вынужден направить свою лошадь в

сторону выхода из поля.

Всадник в синем кафтане лишь скорчил угрюмую гримасу и продолжил состязаться. Он заметил, что новичок достиг центра поля, но преследовать его дальше не стал.

Вырвавшись вперёд, Азим начал оценивать ситуацию на поле. В восточном загоне был один козёл, и трое всадников состязались, чтобы загнать туда ещё одного. У западного загона столпились почти все остальные участники. Они не давали семерым козлам выбраться из их осады и, казалось, что они собрались у этого загона, только чтобы проявить себя султану, который спокойно наблюдал за ними из ложа, сидя на высоком троне.

Кстати, в этом загоне было уже два козла.

Другие козлы разбежались по полю, пытаясь выбраться из-за ограждения, но гончие собаки и пастухи с палками не позволяли им этого. Громкий лай собак привлёк внимание других всадников, преследовавших Азима, и они изменили свою цель.

Азим гонял двух козлов вперёд и увидел, что у белого загона никого нет, даже парнишки, ответственного за то, чтобы открывать калитку этого самого загона. Азим повернул жеребца на запад и из центра поля погнал его к толпе. Он воспользовался несколькими прорехами между всадниками и козлами и, проскочив сквозь них, словно ветер между кронами, Азим выехал к западному загону.

Тринадцатилетний конопатый парнишка в белой рубашке

и коричневой безрукавке и штанах с восхищением любовался зрелищем за забором слева от западного загона. Вдруг перед ним встал участник в голубом кафтане с чёрными узорами и на чёрном жеребце.

– Давай к своему загону, живо!!! – бросил Азим парнишке, ответственного за северный загон, и погнал жеребца направо.

Один из мархуров, которых он гнал к центру, продолжал убежать на север. Второго перехватил всадник в полосатом кафтане. Азим погнал жеребца за первым мархуром. Козёл повернул направо, но юноша быстро догнал его. Азим метнул ему под ноги камень, чтобы изменить его направление в сторону северного загона, и сам посмотрел туда, чтобы убедиться, вернулся ли тот парнишка к своему загону.

– Открывай! – крикнул ему Азим, указывая на калитку.

Султан, расслабленно сидевший на своём троне, которому ещё чуть-чуть и наскучить всё это скопище животных и людей, неожиданно встал и подошёл к окну. Он положил руку на перила и замер с таким видом, словно не верил своим глазам: участник на чёрном султанском жеребце загнал винторого козла в белый загон. Сначала он не обратил внимания. Все участники и их лошади были для него как один, но теперь он вспомнил, что продал этого самого жеребца старшему заведующему дворцовым хозяйством, Адхаму.

– Невероятно, – с изумлением тихо проговорил султан, не отрывая от того юноши глаз. Бузург подумал, что он тот са-

мый племянник Адхама, для которого он столько лет просил о чистокровной лошади. – «Хитрый лис», – с восхищением проговорил про себя султан об Адхаме.

Вслед за султаном встала его дочь, сидевшая слева от него, и гости султана: малик и малика Навруза и молодой человек двадцати семи лет. У него на голове был серебряный шлем в виде согнутого медальона с двумя закруглёнными в спираль золотыми рогами. Это был Далер ибн Джасур – человек, гордившийся своим именем, обозначающий мужество и храбрость, и своими достижениями. Он был трёхкратным чемпионом Бузкаши. До него ещё никому не удавалось выиграть состязание даже два раза. Ему же удалось сделать это трижды. Трижды! Это вознесло его гордость до самих небес. Из своего последнего трофея он сделал небольшой удобный шлем и на общественные мероприятия появляется только в нём. Длина одного золотого, закруглённого и ребристого рога составляет один газ и одну пядь.

Перед тем, как султан встал, чтобы подойти к окну лоджи, привлеченный намерением всадника на чёрном жеребце, Далер занимал внимание правителя Ахоруна самовосхвалением. Он гордо хвастался тем, что сам без помощи изловил каждого из этих мархуров в горах Катрон.

Несмотря на заносчивость Далера, султан назначил его командиром одного из отрядов всадников городской стражи, и обещал в будущем назначить командиром всей гвардии. Это раздуло мешок его амбиций. Решив, что султан проявля-

ет к нему благосклонность, Далер нацелился на большее. Он положил глаз на его дочь. С недавних пор узнав, что султан хочет выдать Зилолу замуж, Далер подумал, что это словно знак свыше и решил действовать.

Уже несколько месяцев Далер пытается привлечь её внимание и ухаживать за ней. Однако каждый раз, как он появляется во дворце, Зилола избегает его и прячется в лабиринтах. Ухаживания Далера не были ей интересны, как и его подарки и стихи, посвящённые ей.

Далер не сдавался. Наоборот, поведение султанзаде разжигало в нём азарт, и он ещё больше и сильнее желал заполучить её – самый большой трофей в своей жизни. И теперь, в ложе, когда султан Бузург отвлекался, Далер подглядывал на Зилолу, не скрывая жажду в своей улыбке.

Зилола, не лишенная достоинства, знала себе цену, и этот напыщенный, самодовольный охотник не был тем, кто способен заплатить эту цену. Она демонстративно игнорировала Далера и не обращала никакого внимания на его комплементы. Зилолу злило и то, что её отец тоже не обращает внимания на его дерзость.

– *«Неужели он уже принял решение?»* – в страхе подумала султанзаде.

Чтобы избежать пристального взгляда Далера, Зилола встала вслед за отцом и подошла к широкому окну. Она устремила взгляд на северный загон и увидела невероятное: всадник в голубом кафтане с чёрными узорами и на чёрном

жеребце на изумление всех зрителей загнал винторого козла в белый загон. Она узнала всадника, как только тот подъехал ближе к восточному загону. Это был он, тот самый синеглазый юноша, который не отрывал от неё взгляд на проспекте Хоруна, и он же подглядывал за ней в лабиринте.

Зилола слегка улыбнулась, наблюдая за ним, и задумалась: *«Откуда у него жеребец из табуна её отца?»*

Они встретились взглядом и ей потребовалось пять долгих биений сердца, чтобы скромно опустить глаза.

– Вернись на своё место, – строго приказал султан.

Ему не понравилось, что этот юноша таращится на его дочь. Но его тон был также обусловлен тем, что она ослушалась его. Этим утром, перед поездкой на поле, султан Бузург попросил свою дочь надеть зелёное платье, но она отказалась, что разозлило его. И сейчас он всё ещё сердился на неё.

Зилола не надела зелёное платье, так как она возненавидела этот цвет и было из-за кого...

Изумление султана вызвало в Азиме гордость. Он самодовольно поднял голову и замедлил жеребца. Когда рядом с султаном появилась Зилола, Азим тут же перевёл взгляд на неё. Лёгкая улыбка засияла у него на лице, когда их взгляды встретились. Всё вновь расплылось вокруг Азима и только она ярко сияла, как пурпурная звезда. Он хотел смотреть на неё вечно, но эта звезда скрылась за горизонт.

Султанзаде вернулась на своё место, а Азим уловил на себе жаркий, сердитый взгляд султана. Юноша опустил голову

и бросил на поле оценивающий взгляд.

В западном загоне по-прежнему было два козла. Всадники сжимали семерых мархуров в тесное полукольцо. Двое крайних собирались бросить камни под ноги козлам, что были ближе к калитке загона. По воле случая эти два всадника метнули снаряды одновременно. Козлы отскочили от камней, столкнулись друг с другом головами и в суматохе отскочили от загона.

Поняв, что им не выбраться из-под натиска всадников, козлы пустили в ход свои длинные винтообразные рога. Они начали бросаться в сторону лошадей и резко вскидывать свои опущенные вниз головы. С целью напугать лошадей, козлы пытались проткнуть их своими рогами.

Теперь-то Азим понял, о чём хотел предупредить его отец.

У южного загона было пять всадников. Один из них только что загнал козла. Другой козёл, которого они пытались также загнать, сбежал от них направо.

Азим посмотрел налево и увидел, как тот всадник, грубо сказавший ему вернуться в мамины объятия, один в центре поля гонял козла к восточному загону. Азим присмотрелся и оценил шансы этого участника. Никто из других участников, казалось, и не собирался помещать ему. Вспомнив недавнюю тренировку с Икболом, Азим самоуверенно ухмыльнулся и погнал жеребца на перехват.

На этом участнике был халат в три полосы: белая тонкая полоса разделяла те, что пошире – зелёную, толщиной в три

пальца и серовато-синюю, толщиной в ладонь. У него были также чёрные свободные штаны. Его галоши с деревянной подошвой были плотно привязаны к стремянам. Он хлестал своего серого коня пращей и издавал громкие крики, чтобы напугать козла, бежавшего в десяти шагах впереди него.

До восточного загона оставалось меньше пятидесяти газдов, и парень у ворот готовился открыть его.

Азим решил обогнать всадника по небольшой дуге справа и перекрыть дорогу козлу. Он хлестнул своего жеребца поводьями и тот понёсся словно ветер. Азиму было сложно орудовать пращей при такой скорости и, когда до загона осталось каких-то пятнадцать газдов, он обогнал рогатое животное и остановил жеребца в семи газдах параллельно калитке.

Азим быстро достал из мешочка камушек и бросил его в левый рог стремительно надвигавшегося на него мархура.

От удара козёл сначала повернул свою голову налево, а потом и своё тело.

– Давай! – крикнул Азим жеребцу и погнал его за козлом на север.

Всадник в полосатом халате от изумления остановил своего коня, ещё когда Азим обогнал его. А теперь разозлился, когда этот дерзкий юноша на чёрном жеребце увёл у него добычу. Оскалившись, он погнался за ними. Однако через двадцать газдов он остановил своего коня из-за увиденного и самонадеянно усмехнулся...

Этот козёл оказался быстрым в сравнении с другими коз-

лами. Он бежал на север вдоль ограждения в десяти газах от чёрного жеребца и искал выход. Но выхода ни для него, ни для других козлов не было. Их привели сюда, чтобы загнать, а не отпустить.

Азим сравнялся с козлом с левой стороны, чтобы тот не убежал в середину поля. Козёл сам бежал к северному заго-ну, и Азиму не было надобности использовать пращу.

Вдруг козёл на ходу склонил голову налево, слегка опу-стил её и резко откинул её назад и налево. Это было попытка проткнуть жеребца своим закрученным рогом.

Попытка оказалась тщетной, благодаря проворности и бдительности не столь неопытного Азима, а сколь самого же-ребца. Он отстранился от козла и издал короткое ржание, словно потешаясь над рогатым животным. Азим был удив-лён реакции своего чёрного скакуна и похвально погладил его за шею. Если бы не резвость его жеребца, результат дей-ствия козла оказался бы плачевным.

Однако козёл не хотел так легко сдаваться. Рогатое жи-вотное замедлило бег, приблизилось к лошади и повторило попытку. На этот раз Азим был начеку. Он потянул за повод-ья и остановил жеребца, дав козлу проскочить мимо них. Прوماхнувшись, козёл издал раздосадованный крик и раз-вернулся к лошади. Он качнул головой, опустил её и прыг-нул рогами вперёд в сторону жеребца и снова дёрнул голо-вой вверх. Азим ощутил на себе, как охотник становится до-бычей. Видя намерение козла, Азим попятил жеребца назад.

Но, когда животное подпрыгнуло в их сторону, жеребец резко встал на дыбы и выпрямился почти прямо, как человек, стоящий на двух ногах, и громко заржал. Азим еле удержался на лошади и в этот момент начал жалеть, что не дал отцу привязать свои ноги.

Все зрители на террасах-трибунах замерли в это мгновение. Попытки козла проткнуть чёрного жеребца своими рогами привлекли всё их внимание, а того всадника в полосатом халате даже позабавили. Он думал, что сейчас мархур покажет этому дерзкому юнцу, где его место.

К счастью, и эта попытка оказалась тщетной. Рога не дотянулись до груди жеребца на одну пядь. И, когда козёл опустил вниз, жеребец обрушил на него свою ярость. Он ударил его своими передними копытами посередине рогов и те сломались напополам. Козёл упал на живот и свалился на бок, а жеребец отступил от него налево. Снова громко заржав, жеребец опустил голову и ткнул носом в живот козла. Он велел ему встать на ноги таким образом. Жеребец ещё раз заржал.

Возвращая равновесие на седле после того, как жеребец чуть не опрокинул его, Азим думал, что этот скакун отлично знает свою задачу и может справиться с ней даже без наездника. Азим с восхищением повёл брови волной и крепко схватился за поводья одной рукой, а второй достал новый камушек. Его участие необходимо, чтобы выиграть, ибо награду вручают всаднику, а не лошади.

Обескураженный козёл поднялся на ноги и побежал к ограждению. Со сломанными рогами он вполне мог пролезть под ограду. Осознав это, Азим поскакал за ним и, завертев пращей, бросил под правую переднюю ногу камень. Козёл отскочил налево и снова побежал к северному загогу. Азим сравнял жеребца с козлом с левой стороны и рукой подал знак парнишке открыть загогу, до которого оставалось двадцать газов... десять газов... пять газов...

– Давай! – ещё раз крикнул Азим и жеребец, опустив голову, толкнул козла за левый бок и тот забежал в загогу.

Парнишка, закрывший за ним калитку, просто не верил своим глазам. На его квадратном лице было написано бескрайнее изумление и недоумение. Почему этот всадник загоняет козлов в белый загогу?

Озадаченный этим вопросом, парнишка принялся завязывать ещё одну белую ленту с зелёным виноградом у основания правого сломанного рога, и этот козёл даже не сопротивлялся как первый.

Зрители, особенно за северным загогом, также пребывали в недоумении, но от зрелища, устроенного участником на чёрном жеребце, они были в восторге. Всё своё внимание теперь они приковали к нему.

Даже султан, стоя у окна, продолжал с интересом наблюдать за действиями юноши на чёрном жеребце из его табуна.

– Это кто-то из хеш-султанов, мой светлый господин? – спросил Далер, встав рядом с султаном.

– Нет, – коротко ответил султан. – Даже не из правящей знати...

На счету Азима было уже два козла, но он не знал сколько козлов на счету у других участников. Нужно объехать все загоны, чтобы узнать. Пустая трата времени, решил Азим.

Пробудившаяся агрессия в мархурах всё больше нарастала под непрекращающимся давлением всадников, пытающихся загнать их в один из красных загонов. Козлы всё отчаяннее стали применять свои рога для своей защиты, что всё-таки привело к трагедии.

В сорока пяти газах к юго-западу от белого загона трое участников притеснили козла, взяв его в треугольник. Участник в зелёном кафтане с двумя скрещивающимся полосами на спине пытался направить рогатое животное к западному загону, но двое других всадников преградили ему путь. Всадник слева от козла, в белом тонком кафтане с чёрным геометрическим орнаментом, закрутил пращу над головой и метнул камень под морду козла. Камень с большой скоростью ударился о землю и отскочил прямо в морду козлу. От удара животное заблеяло, покачало головой и отпрыгнуло направо. Но у него на пути вырос третий всадник на рыжеватом-буром коне. Козёл низко склонил голову и резко вскинул её вверх. Тот всадник потянул за поводья в попытке увернуться и повернуть коня налево, но его реакция оказалось медленной. Правый рог козла на одну четверть вонзился под правую переднюю ногу коня. От боли конь громко заржал и

встал на дыбы. Его всадник с крупным телосложением пытался удержаться, но из-за его веса лошадь повалилась набок, задавив под собой наездника. Раздавшийся треск, казалось, услышали все, ибо зрители замерли. Это был хруст сломанной шеи.

Такие случаи происходили не раз на Бузкаши. При этом правила не предусматривают прекращения или хотя бы временной приостановки состязания. Участники продолжали, отгоняя козлов на южную половину поля.

С трудом приподнимая голову, конь издавал жалобные звуки, взывая о помощи. Всадник, застрявший под ним, не шевелился. Для такого случая на поле дежурили лекарь и его четыре крепкие помощники. Они были одеты в серые штаны и длинные чёрные безрукавки поверх серых рубах. На поясах у них были повязаны белые платки. У лекаря была такая же одежда, но вся белая, а пояс у него был зелёным.

Дежурные вбежали на поле через северный вход. Тот, что внешне был младше остальных, держал в правой руке деревянные носилки с такой лёгкостью, словно они были сделаны из соломы. Он положил носилки в стороне от коня и принялся помогать своим товарищам поднять и переложить раненую лошадь.

Помощники лекаря стащили коня с участника, держа животное за здоровые ноги и шею. Они сделали это с минимальным усилием, но с большой осторожностью. Затем они привязали ноги коня, приложили чуть больше усилий и ра-

зом подняли коня на свои плечи. Кровь, сочившаяся из раны, окрасила одному из них рукав рубахи в тёмно-багровый цвет, пока они выносили лошадь с поля.

Лекарь опустился к пострадавшему участнику и приложил ладонь к его сердцу. Через некоторое мгновение он встал и правой рукой дважды постучал себя по сердцу и поднял эту же руку на уровне своей головы. Зрители на этой стороне с облегчением вздохнули. Жест лекаря обозначал, что участник жив. Если бы он поднял руку к небу, это означало бы обратное.

Помощники вернулись и осторожно положили пострадавшего на носилки. Один из них бережно держал его за голову.

С застывшим взглядом Азим наблюдал за тем, как дежурные покидают поле с пострадавшим участником на носилках и без сознания. Страшное происшествие поразило Азима. Такое только что могло произойти и с ним. На какой-то момент он был рад, что не дал отцу привязать ему ноги.

Азим глубоко вздохнул, подавив в себе мандраж. Успокоившись, он слегка ударил жеребца в бок и тот ринулся к центру поля, где другие всадники сдерживали козлов.

Зрители на террасах-трибунах южного склона снова оживились, когда в южный загон вогнали козла. Сделал это тот самый участник, который нагрубил Азиму. Он благодарно помахал рукой ревавшим зрителям и повернулся в сторону поля в поисках нового козла.

Левее от центра поля двое участников не поделили меж-

ду собой козла. Они гоняли рогатое животное то к восточному, то к западному загону, при этом, не сдвигаясь дальше десяти-пятнадцати газдов с места и толкая друг друга, сидя на своих кобылах.

Азим на своём чёрном жеребце был недалеко от них и, когда эти двое погнали на юг за козлом, он погнался за ними. Уже уверенно держась в седле, юноша снарядил пращу камнем и начал вращать её справа от себя. Азим выждал момент и, когда после очередной стычки эти двое всадников снова отделились друг от друга, Азим проскочил между ними, словно ветер. Сравнявшись с козлом с правой стороны, он наклонился направо и из-под головы жеребца плавно метнул камень под ноги козлу.

Рогатое животное подскочило, а затем побежало налево. Снова выпрямившись, Азим повернул жеребца и погнался за козлом.

Кстати, в это самое время в западный загон был загнан ещё один козёл.

Один из обогнанных Азимом всадников пришёл в замешательство, второй в тёмно-бордовом бархатном халате с чёрным растительным узором на спине быстро сообразил погнать свою кобылу на перехват. Этот участник с красно-жёлтым платком на поясе уже догадался, что его соперник на чёрном жеребце погонит козла к белому загону. Он ускорил кобылу как раз, когда тот развернул козла на север.

В десяти газах от козла он метнул камень ему в рога, что-

бы повернуть его на восток, но чёрный жеребец тут же сравнялся с ним и ткнул его мордой под ухо. Рогатое животное резко развернулось и пробежало мимо него к центру поля, а жеребец со своим наездником помчался за ним.

Всадник в тёмно-бордовом халате был удивлён, но отдавать козла сопернику, который даже и не обратил на него внимания, не хотел. Нахмурившись от злости, он развернул кобылу с чёрной гривой и погнался за новичком.

Жеребец Азима с жаром дышал прямо в хвост козлу, которого они снова повернули и гнали на север. Тут их догнал соперник. Он притиснулся к Азиму и пытался столкнуть его с лошади. Соперник заметил, что новичок не привязан к стремянам, и хотел воспользоваться этой небрежностью.

Соперник в бархатном халате хлестнул пращей по ноге новичка и попал в его икроножную мышцу. Азим громко закричал от боли. Разве это по правилам? Юноша недоумевал в гневе. Возможно, ему стоило поискать свод правил Бузкаши в городской библиотеке хотя сейчас он был вполне уверен, что такой нечестный поступок вряд ли разрешён правилами.

Разрешено или нет, его нога в настоящий момент горела от боли. Азим огрел подлого соперника разгоряченным взглядом. Он выпрямился в седле, показывая, что его не сломить таким низким поступком. Несмотря на боль в ноге, Азим трижды ударил ею в бок жеребца и вырвался вперёд.

Винторогий козёл увеличил от них свой отрыв на десять

газов. При этом, он всё равно бежал к северному загону, до которого оставалось шестьдесят газов и меньше...

Вдруг козёл начал бежать направо, на северо-восток. Азим тут же метнул камень ему в правый рог. Козёл помотал головой, на своё направление не сменил. Наоборот, он хотел было повернуть на восток, но Азим бросил в него ещё один камень, а жеребец сократил между ними расстояние и грубо фыркнул на козла.

Мархур снова свернул на север и Азим крикнул парнишке у загона приготовиться открыть калитку.

Соперник пытался обогнать новичка, но тот начал вилять из стороны в сторону, не давая ему обогнать себя и сбить козла с его направления.

Уже у самих ворот белого загона, которые парнишка едва успел открыть, Азим бросил камень под задние ноги козлу и тот, подпрыгнув, забежал в загон.

Сворачивая жеребца направо, вдоль ограждения, Азим одарил парнишку, восхищавшегося им, сдержанной улыбкой.

Разочарованный и раздосадованный соперник в бархатном халате покачал голову и с кривой гримасой развернул свою кобылу и поскакал назад.

Азим замедлил жеребца и, наслаждаясь овациями зрителей, окинул поле новым оценивающим взглядом.

Большая часть всадников загнали оставшихся козлов в южную и юго-западную часть поля – ближе к южному загону.

Трое других всадников гонялись за двумя козлами ближе к восточному загону... и вот ещё один мархур был загнан туда.

Азим отвлёкся на помощников лекаря. Они погрузили уже бездыханное тело лошади на повозку и велели старому извозчику ехать. Глядя на кровавый след, оставленный лошадыю, Азим подумал о его всаднике. Сможет ли лекарь сохранить ему жизнь или он обречён?

Судьба этого всадника в руках Всеvyšнего.

Азим же взял в руки поводья и погнал жеребца в гущу соперничества.

Те три всадника гонялись за развернувшимся козлом вдоль юго-восточной дуги ограждения. Недалеко от них пятеро всадников окружили одного козла, но держались от него на расстоянии, опасаясь его рогов. Другие участники всё ещё толпились на юго-западной части поля. Одни пытались загнать козлов, другие препятствовали им или разворачивали козлов, вырвавшихся из-под натиска.

Количество мархуров сократилось на половину, но и число участников не оставалось прежним.

Вдоль юго-западной дуги Икбол скакал на своей лошади за козлом с окровавленным рогом. Он был уверен, что сейчас загонит этого козла. Потому он не обратил внимания на то, что другой всадник скачет ему на перехват.

Ошеломлённый от неожиданного столкновения, Икбол протянул руку вниз, чтобы смягчить падение. Это ему не помогло, и он сломал себе руку. Его лошадь сумела встать на

ноги, но состязание для него, увы, было кончено.

Если лошадь упала и сумела подняться, даже ступни, при-
вязанные к стремянам, не помогут. По правилам участник
должен покинуть поле, а у этого к тому же сломана рука.

Азим заметил боль и огромное разочарование на лице Ик-
бола, выезжающего из поля. У стойла его уже поджидал ле-
карь с одним помощником. Так, он стал седьмым, кто выбыл
из игры.

В это время, участник, нагрубивший Азиму, оторвался
от своих соперников и, воспользовавшись моментом, загнал
козла с окровавленным рогом в южный загон.

Азим держался на расстоянии от соперников, выслеживая
козлов, которые пытаются выбраться из-под натиска всад-
ников. Он выследил такого козла, когда другой козёл был
загнан в восточный загон. Возликовавший участник создал
помеху другим всадникам и те упустили мархура, которого
прижимали всё ближе к загону.

Вырвавшийся козёл побежал на северо-запад к огражде-
нию, но громовой лай собаки заставил рогатое животное
свернуть и побежать к центру поля.

Азим первым погнал жеребца ему навстречу. Он взял
свою пращу в левую руку и, закрутив несколько раз, несиль-
но бросил камень в левый рог мархура. Азим хотел таким
образом развернуть животное на север, но козёл встал на ме-
сте и дезориентировано покачал головой.

Придя в себя, козёл заметил перед собой возникшего из

ниоткуда зло ржущего чёрного жеребца. Козёл хотел повернуть налево, на юг, но этот жеребец каждый раз преграждал ему путь. И тогда козёл решил проучить наглуую лошадь, ударив своими рогами. Только козёл хотел склонить голову, как вдруг на его голову обрушилось нечто тяжёлое, словно молот.

Жеребец Азима угадал, что козёл пустит вход свои рога и предпринял опережающее действие. Он резко и сильно ткнул носом в лоб козла и, когда тот снова начал трясти головой, жеребец ударил его под правое ухо. Козёл поневоле повернул налево и медленно побежал на северо-восток. Азим погнал жеребца за ним. Осмотревшись по сторонам, он заметил, что к ним скачут ещё двое... нет, трое всадников. И один из них тот самый грубиян в полосатом халате. Он быстро обогнал двух соперников и со злым, кривым взглядом бежал к новичку на своём сером коне.

Азим крикнул своему жеребцу и рукой бросил под задние ноги козлу камень, чтобы тот ускорился. В двадцати газах к северо-востоку от центра поля Азим сравнялся с козлом. Он постучал ладонью по шее своего скакуна, и тот ткнул носом в правый бок козла. В результате винторогое животное повернуло на север.

Через пять газов всадник на сером коне догнал их и начал навязывать Азиму верховую борьбу. Он вцепился правой рукой за пояс Азима и хотел повернуть своего коня налево, чтобы стянуть новичка с лошади. У него было крепкая хват-

ка и Азим чуть было не свалился набок. Благо, его жеребец свернул налево вслед за серым конём. Азиму понадобилось три удара локтем, чтобы соперник отпустил его.

Отцепившись от него, Азим развернул жеребца за козлом. Перед этим он обернулся к центру поля. Те двое участников, которые также преследовали его, развернулись обратно.

– *«Почему они отступили?»* – думал Азим. – *«Может этот всадник имеет на них какое-то влияние?»*

Уже в который раз Азим замечает, что многие участники не вступают с ним в верховую борьбу и уступают.

Всадник на сером коне не забыл, что новичку недавно сильно досталось по правой ноге. Потому он перестроился с правой стороны и начал снова прижиматься к нему. Раздражённый сопротивлением новичка, он схватил и сжал его за икроножную мышцу, заставив приутихшую боль снова дать о себе знать.

Азим вскрикнул от боли и ударил назойливого соперника по кисти – не помогло.

– Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?! – бешено процедил соперник, сильнее сжимая ногу Азима. – Тебе не вручат за это золотые рога, – заявил он, качая головой.

Тем временем, от белого загона их отделяло пятьдесят газов и это расстояние стремительно сокращалось.

– Они мне и не нужны, – твёрдо ответил Азим и резко поднял левую руку, в которой всё ещё держал пращу. Отведя правое плечо назад, он резко опустил левую руку перед

собой, больно хлестнув по заду коня своего соперника.

Подумав, что новичок сейчас в ярости хлестнёт пращей по нему, всадник на сером коне отпустил ногу новичка и поднял руку, чтобы прикрыть своё смуглое лицо. Послышался щелчок, но боли не последовало. Он хотел было вздохнуть с облегчением, как тут его серый конь громко заржал и пустился наутёк подальше от этого изверга на чёрном жеребце.

Пока этот всадник пытался успокоить и остановить своего коня, они оказались у самого западного загона, помешав таким образом другому участнику загнать туда мархура.

Азим же догнал и беспрепятственно загнал своего четвёртого козла в белый загон. После чего он вынужденно остановил жеребца у северного выхода. Этим он взволновал не только своего отца и дядю, но и всех зрителей, включая Зилолу. Она встревоженно встала и подошла к окну ложа.

– Этот юноша изумителен, – проговорил султан, который всё это время не отходил от окна.

В голосе своего сурового отца Зилола услышала нотки восхищения, а её отец редко дарит кому-либо комплементы. Глядя на юношу в голубом кафтане с чёрными узорами, Зилола согласно кивнула, а сердце переживала за него.

Султан был взволнован не меньше дочери.

– Не уходи. Не смей! – негромко сказал он, хотя Азим не мог слышать с такого расстояния, даже если бы султан кричал.

Заметив издалека задумчивый, удручённый вид сына, Аъ-

зам и Адхам забеспокоились. Неужели он решил покинуть поле? Ведь у него так хорошо получалось. Четыре козла! Подумать только.

– Не сдавайся, сын, – тихо проговорил Аъзам, хотя очень хотел крикнуть эти слова во весь голос.

Ради поддержки и сочувствия Адхам положил руку на плечо брату.

подавляя гнев, бурлящий внутри, Азим делал умеренные вдохи и выдохи. Он задумчиво смотрел на выход из поля, не слушая возражающее фырканье жеребца. Слова того назойливого всадника породили в нём сомнение. По правилам нужно загнать как можно больше козлов, чтобы выиграть золотые рога. Что, если загон милосердия является исключением из правил? А если нет? Тогда почему кроме него больше никто другой не пытается загнать козла в белый загон?

Азим поглаживал ногу, чтобы унять боль, и смотрел на парнишку, стоявшего у калитки выхода. Он смотрел на Азима и коротко отрицательно качал головой. Его взгляд, в котором отражалось восхищение всадником на чёрном жеребце, умоляли Азима не просить его открыть калитку.

Азим отпустил взгляд в сторону и снова задумался. Все зрители на северной половине поля замерли в ожидании его решения.

Ему не нужны эти рога? Да кого он обманывает? Ему нужна победа. Это будет его приглашением во дворец, где он исполнит задуманное.

Нужно участвовать в состязании до конца, решил Азим.

Благодаря поглаживаниям, боль в ноге снова притупилась. Подмигнув с улыбкой парнишке, Азим развернул жеребца к центру поля и тихо велел ему скакать. Погарцевав, жеребец помчался со всей скоростью, заставив зрителей взреветь. Они были рады за юношу и хотели скандировать его имя, но не знали его.

За это время ещё два мархура были загнаны в красные загоны. Один из козлов был загнан в южный загон весьма необычным и доселе небывалым образом.

Пока Азим размышлял у северного выхода, трое других участников на юго-восточном отрезке поля навязали друг другу плотную верховую борьбу из-за одного козла. Они то пытались столкнуть друг друга с лошади, то пытались заставить лошадей своих соперников споткнуться, бросая им под ноги камни, или пытались заплести их ноги пращей, то они действовали на опережение друг другу. Такая борьба бросала их из стороны в другую сторону поля и обратно в погоне за утомившимся козлом. Вдруг, когда козёл побежал на юг, один из них вырвался вперёд и погнался за ним. Отвлёкшись на то, чтобы снарядить свою пращу камнем, он не заметил, что его пятнистая лошадь сравнялась с мархуром слева. В этот момент, его нагнал другой всадник и сильно толкнул, пока он вращал пращу за левым рогом козла. От неожиданного толчка этот всадник опрокинулся на бок лошади и только благодаря ногам, привязанным к стремянам, не упал

с лошади.

А вот вернуться в седло было ещё той задачей. Мархур свернул направо и по дуге побежал на запад, потащив за собой этого всадника и его лошадь. Молодой человек по началу не понимал, почему это происходит. Он ощущал сжимающую боль в правом запястье, которую не мог подтянуть к себе. Всё ещё свисая с лошади, он поднял голову и увидел, что рукоять его пращи обвилась вокруг левого рога мархура. Это и привело его к идее, которую он сразу же начал осуществлять.

Левой рукой всадник вцепился за шею лошади и начал кричать ей, чтобы она ускорила. Сравнявшись с козлом, он приложил усилие и вернулся в седло. Затем молодой человек с бурой бородой на круглом лице ещё раз обвёл пращу вокруг кисти и ударил в бок лошади, чтобы она обогнала козла. За это время козёл не успел увести их далеко от южного загона, и всадник развернул лошадь в нужном направлении. Он согнул правую руку и напряг её, чтобы теперь тащить козла за собой.

Мархур пытался сопротивляться и освободить рог, мотая головой туда-сюда, но всадник ещё раз пришпорил лошадь и сильнее напряг руку.

В десяти газах напротив калитки южного загона семеро всадников беспорядочно кружились вокруг козла. Загнанный в круг мархур прыгнул рогами вперёд на одну из лошадей...

Увидев это, всадник с козлом на поводу направил свою лошадь вдоль ограждения. Когда калитка была открыта, он забежал в южный загон вместе с козлом. Остановившись, он освободил руку от пращи и велел юноше, ответственного за завязание платков на рога, вернуть ему пращу, как только он развяжет её.

Всадник выехал из загона с одновременно удивлённым и довольным выражением лица. Ему не верилось, что ему удалось осуществить задуманную идею...

Азим снова вступил в верховую борьбу с соперниками недалеко от западного загона. На поле остались пять мархуров и один из них как раз был там, среди пятнадцати всадников. Они гоняли бедное животное туда-сюда, и никто не собирался никому уступать.

Когда же Азим присоединился к ним, они начали действовать, казалось бы, сообща и против него. Ни один из них не желал подпускать новичка к козлу. Они вдвоём, а то и втроём прижимались к нему и толкали его. Азим же был зол и не собирался сдерживать свою злость. Если другие играют не по правилам, почему должен он?

Азим начал яростно размахивать пращей, отгоняя от себя соперников...

Всадник на сером коне сумел успокоить и остановить своего скакуна вблизи восточного загона. Он грубо развернул его и с гневным взглядом начал искать новичка. Он медленно повёл коня к центру поля, пока новичок стоял у выхода.

Он остановился в центре поля и следил за новичком, когда тот снова вступил в верховую борьбу. Он смотрел исподлобья с плохим замыслом. Он заметил, что новичку вот-вот удастся увести козла от толпы никчёмных всадников, которые побоялись его пращи. Наконец, серый козёл выбежал из оцепления, и юный всадник на чёрном жеребце поскакал за ним на север.

Всадник на сером коне подметил, что за новичком помчался всего один соперник из той толпы. Его губы тронула презрительная усмешка по этому поводу. Он зарядил свою пращу камнем и начал вертеть ею над головой.

– Нет, на этот раз ты не загонишь этого козла, – прорычал под себя это всадник и, выждав момент, метнул камень с большой скоростью...

Азим после напряжённой борьбы смог устоять в седле и даже увести козла. Теперь он уверенно скакал на север, а мархур бежал в газе перед ним. Его жеребец громко ржал, не позволяя козлу убежать в сторону.

Вдруг Азим ощутил резкую, сильную боль. Камень, метнувшийся тем злонамеренным участником, попал Азиму под правый висок. Перед его глазами всё помутнело, а затем и почернело. В полубессознательном состоянии голова Азима упала на шею жеребцу, и он начал медленно сваливаться.

Поняв, что с его наездником что-то не так, жеребец остановился. Чтобы его наездник не упал, жеребец начал мотать шеей и головой слева направо, а затем опустил шею. Жере-

бец хотел запрокинуть голову склонившегося на него хозяина с левой стороны шеи на правую.

От сильной боли в правой стороне головы Азим даже не понимал, почему его голова ходит верх вниз. Его руки бесильно свисли, и он не мог поднять их, чтобы ухватиться за поводья. Его правая нога выскользнула из стремени и невольно согнулась, возобновив жгучую боль в икроножной мышце. Его тело свисало с левой стороны жеребца, благо седло было привязано. Из-за попыток жеребца удержать своего наездника на своей спине, левая нога Азима была на грани. Ещё чуть-чуть и она тоже выскользнет из стремени.

Жеребцу удалось запрокинуть голову Азима на свою правую сторону, но всё остальное тело всё ещё свисало с левой стороны и продолжало медленно соскальзывать вниз. Жеребец начал отчаянно ржать и фыркать, чтобы привести хозяина в чувства...

Увидев, как его сын телом упал на лошадь, Аъзам не выдержал и во всё горло прокричал его имя. Это привело к тому, что все зрители на юго-западном секторе, где и был Аъзам с братом, притихли. От волнения у Аъзама сильно забило сердце, и он ещё раз прокричал имя своего старшего сына, а Адхам повторил за ним.

– Поднимайся, Азим!!! – кричал Аъзам. – АЗИМ!!!

– АЗИМ! АЗИМ!!! – подхватили зрители сначала в секторе Аъзама, а потом и все остальные зрители.

Зилола, не отошедшая от отца, прикрыла рукой в ужасе

раскрытый рот. Все вокруг кричали «Азим». Вот значит, как зовут юношу, из-за которого у неё вдруг появилось странное чувство в животе и почему-то участилось сердцебиение. Она заволновалась и тоже хотела прокричать имя этого прекрасного юноши. Однако присутствие отца не позволяло ей сделать это. Зилола опустила руку на край окна и в сердцах произнесла:

– *«Вставай, Азим. Не сдавайся».*

Султан огрел того всадника на сером коне порицательным взглядом, хотя тому было всё равно. Он даже не смотрел на ложу. Когда его камень попал в цель, он злорадно ухмыльнулся и погнал своего коня за козлом, которого оглушённый новичок хотел загнать в белый загон. Султан, коротко покачав голову, посмотрел на шатёр лекаря за северным ограждением. Убедившись, что он и его помощники готовы вбежать на поле, если Азим все же свалится с жеребца, султан перевёл взгляд на самого юношу. Своим участием Азим украсил состязание, которое годами наскучило султану. Повелитель Ахоруна приходил на поле ради формальностей, но сегодня этот юноша на чёрном жеребце возродил в нём интерес. Он сделал то, что веками никто не делал. Юноша загнал четыре козла в загон милосердия, к тому же винторогих, что стоило отдельной похвалы. Он вновь зажёл интригу в этом состязании. Его действия были не по нраву другим участникам. Ещё никогда всадники не объединялись против одного соперника. Они всегда боролись друг с другом ради загона козла, а

сегодня они препятствуют новичку, который идёт к победе. Невероятно!

– Не сдавайся! – негромко велел султан. Он переживал за Азима и не хотел, чтобы он вот так вот проиграл. – Держись, Азим. Хватайся за поводья!

Оглушённый Азим не слышал обращение султана, чего не скажешь о Далере. Поддержка султана вызвала в нём чувство ревности, а вот Зилолу обрадовали. Заметив, что отец держит кулак за Азима, она тоже присоединилась к нему, негромко прошептав:

– Ну же, очнись.

– Азим!.. – едва ли слышал юноша своё имя, словно кто-то звал его издалека. Кроме своего имени он приглушённо слышал ещё какой-то странный звук, который определённо был ближе. Его слух постепенно стал отличать звуки, и он понял, что кто-то фыркает ему под ухо. Ах, да, это его жеребец. Азим вспомнил, что он верхом на жеребце, но почему-то соскальзывает с него. Острая боль пронзала его в правый висок и распространялась по правой щеке и отдавала даже в правом ухе. Азим также вспомнил, что он участвует в состязании Бузкаши, и кто-то метнул камень ему в голову, из-за чего он и ушёл в забвение.

Азим медленно приходил в чувство и второе, что он ощутил, была ещё одна боль. Болела его правая нога, ниже колена, и он не мог пошевелить ею. Он ощущал и то, что его жеребец стоит на месте, а он сам едва держится на нём в каком-то

странном положении. Его тело изогнулось направо, а голова лежала на шее жеребца, чуть выше её основания. Его левая нога чуть ли не касалась земли, а правая согнулась на седле, где, по сути, должен сидеть он.

Азим попытался подняться. Его усилие подтянуться тазом и бедром оказались тщетными. Вместо этого боль в правой ноге ещё больше усилилась.

Руки, надо использовать руки. Левая рука висела на поводке, а правая свисала с другой стороны, двумя пальцами зацепившись за повод. Возможно, только поэтому Азим и не упал с жеребца.

Юноша обнял жеребца за шею правой рукой и попытался подтянуть себя вверх плечом – не смог. Боль в ноге и голове не позволяли ему завершить попытку и вернуться в седло.

– АЗИМ! – отчётливо услышал он своё имя, пророкотавшее словно гром из уст зрителей, замерших после этого в ожидании, увидев, что он приходит в себя и пытается вернуться в седло.

Азима удивило слышать своё имя, произносимое и повторяемое чуть ли не всеми сразу. *Отец*, подумал он. Это отец стал звать его имя, а равнодушные зрители поддержали его, когда Азим потерял сознание.

Азим открыл глаза, но перед взором всё ещё стояла мутная пелена. Он несколько раз моргнул, чтобы рассеять пелену. Теперь он видел полусухую землю и растоптанную низкую траву. Азим поднял взгляд и увидел чёрную морду жеребца.

ца, уставившегося на него правым глазом. Когда их взгляды встретились, жеребец требовательно фыркнул, что заставило Азима улыбнуться. Но эта улыбка причинила ему боль в правой скуле, и он приглушённо вскрикнул.

Азим стиснул зубы и, невзирая на боль, предпринял ещё одну попытку вернуться в седло. Попытка оказалась успешной, хоть и весьма болезненной. Как только он вернулся в седло, воздух чуть ли не содрогнулся вокруг него. Зрители издавали радостные возгласы в поддержку Азима.

– Хвала Всевышнему! – Аъзам вздохнул с облегчением и обнял встревоженного брата. Несколько зрителей рядом с ними радостно постучали по их спинам и плечам в знак поддержки.

Облегчённо вздохнули и султан с дочерью. Сердце Зилолы успокоилось, а вот то странное, тёплое чувство в животе не уходило. Она и не хотела, чтобы это прекрасное чувство ушло. Оно ей нравилось. Ей нравился Азим. Осознав это, Зилола робко улыбнулась...

Азим вернулся в седло и взял в руки поводья. Он заметил, что его пращи нет. Он не стал выискивать её взглядом, ему всё ещё было больно двигать голову. Ему даже было трудно поднять её. Поэтому, Азим исподлобья бросил взгляд на поле, чтобы понять, в какой её части он находится, и где находится тот гнусный всадник? Было несложно догадаться, что именно он, всадник на сером коне, метнул в него камнем.

Разве это по правилам? Какой низкий, подлый поступок.

Нечестный...

Остальные участники состязания остановились на то время, пока зрители скандировали «Азим». Всадники с любопытством развернулись в сторону всадника на чёрном жеребце и выжидательно смотрели, упадёт ли он с лошади или придёт в себя? Второй вариант для большинства из них был нежелателен.

Но не тот подлый всадник на сером коне. Воспользовавшись моментом, он беспрепятственно загнал козла, за которым гнался Азим, в восточный загон. Это был уже третий козёл на его счету. После чего он безмятежно пустил коня вскачь к центру поля, где один мархур вырвался из оцепления отвлёкшихся всадников. Он хотел беспрепятственно загнать и этого, но несколько соперников снова включились в состязание и навязали ему жёсткую верховую борьбу. И даже его палящий взгляд, который раньше помогал, теперь был бесполезен. Соперники не одобряли такого его поступка и больше не желали ему уступать, несмотря на предварительную договорённость.

Вдруг жеребец Азима встал на дыбы и громким ржанием сотряс воздух передними ногами. Вновь опустившись на все ноги, жеребец без команды наездника поскакал на север, постепенно сворачивая на восток, а затем и на юг. У Азима ещё не прояснилась голова, но он крепко схватил поводья и слегка наклонился к шее жеребца, который набирал скорость. Юноша поднял взгляд, чтобы посмотреть, куда же

несётся его жеребец, и даже не думал о том, чтобы остановить его. Это, всё равно, было бы бесполезно. Жеребец несётся прямо на того всадника на сером коне, и Азим гадал, не собирается же он врезаться прямо в его коня?

Уже было поздно останавливать или разворачивать жеребца. Расстояние между чёрной и серой лошадей стремительно сокращалось, подвергая Азима новому ужасу...

Ни о чём не подозревая, всадник на сером коне продолжал верховую борьбу за мархура. Его соперники заметили из-за его спины приближающегося, словно грозовая туча, чёрного жеребца и разъехались врозь. Самодовольно ухмыльнувшись, что его никчёмные соперники удрали, он развернул своего серого коня направо, в сторону мархура. Услышав неожиданный перестук, он резко повернул голову направо и увидел, как чёрный жеребец с пылающими глазами в десяти газах от него поставил все четыре ноги в одну точку.

– «Он сейчас прыгнет?!» – в ужасе подумал он и едва успел пригнуться, как чёрный жеребец действительно прыгнул в его сторону и с яростным ржанием перелетел над ним и нарочито задел его за левое плечо задней ногой. От сильного удара он вскрикнул, а его серый конь, и без того напуганный прыжком грозного чёрного жеребца, в ужасе заржал и снова помчался неведь куда.

Жеребец приземлился, пробежал несколько газов и, остановившись, закружил на месте, а затем горделиво заржал. Лицо его наездника озарилось полной улыбкой. Не сдержав-

шись, Азим откинул голову назад и расхохотался, невзирая на ноющую боль в правой скуле.

– Я не собирался мстить, – обратился он к своему жеребцу, – но ты проучил его как следует.

Жеребец что-то фыркнул в ответ, и хозяин погладил его за шею. Однако покалывание в правом боку не позволило Азиму долго льстить жеребцу. Он ослабил узел пояса и несколько раз погладил бок, чтобы унять покалывание, возникшее в результате долгого пребывания в изогнутом положении.

Его жеребец заметил мархура, оторвавшегося от преследования сразу шестерых всадников. Он фыркнул своему наезднику и быстрым шагом пошёл в ту сторону. Через десять шагов он хотел перейти на бег, но наездник потянул за поводья, и жеребец остановился.

– Не надо, хватит, – прошептал Азим и похлопал жеребца по шее, чтобы усмирить.

Благо покалывание в боку прошло. Теперь он гладил икроножную мышцу, чтобы и в ней унять боль. А вот с жуткой головной болью он не мог ничего поделать. Она мешала ему сосредоточиться и вернуться в борьбу за оставшихся козлов. Да и пращу он потерял, а без неё будет сложнее увести хотя бы одного козла от соперников и направлять рогатое животное до белого загона.

Иногда боль в правой скуле проходила колющей волной по всей его голове, и у Азима от этого темнело в глазах и подташнивало. Ему оставалось одно решение – дожидаться

пока оставшиеся мархуры не будут загнаны и на этом не завершится состязание.

Как раз, в это время ещё один козёл был загнан в южный загон. Это обрадовало Азима, ведь оставалось ждать совсем немного.

Вот только на оставшиеся три козла приходилось по четырнадцать всадников. Двух козлов всё плотнее прижимали к западному загону около тридцати всадников, и ни один из них не хотел отдавать козла другому. Между ними возникла жестокая борьба. Люди толкались с людьми, лошади с лошадьми. От них доносились крики, ругательства и громкое лошадиное ржание. Никто не собирался пойти на уступку. Козлам казалось, что эти люди сейчас поубивают друг друга пращами и камнями, а их не загонят. Эти двое козлов даже перестали защищаться рогами. Но на это были и свои причины. Во-первых, они устали бегать взад-вперёд. Во-вторых, на них сейчас будто никто и не обращал внимания. Они просто стояли в окружении одичавших людей и ждали, когда же появится окно, чтобы убежать от этих зверей.

Всаднику на сером коне снова удалось успокоить своего скакуна. Он направил коня в толпу и хотел протиснуться к козлам. Но в этой бешеной суматохе ему крепко досталось – кто-то сильно заехал ему локтем в челюсть и он, скрепя зубами и кипя от злости, отъехал от них подальше.

Чтобы не стоять как пень среди поля, Азим решил просто погонять слабой рысцой своего жеребца возле девяти всад-

ников у восточного загона. Там эти всадники также пытались загнать одного измученного мархура. Один из них попытался закинуть на козла свою пращу, но козёл резко повёл головой в сторону и праща вылетела из его рук. Заметив Азима, трое всадников преградили ему путь. Азим же сдержанно улыбнулся и взглядом дал им понять, что не собирается уводить у них козла.

В это время козёл побежал прямо к восточному загону, и один из всадников в зелёном кафтане с оранжевыми полосами, опередив всех соперников, погнался за этим козлом и, наконец, загнал его в загон.

Несколько участников у южного загона тоже нарезали круги на своих лошадях в ожидании загона последних двух козлов...

И вот одного из них удалось загнать в западный загон. Это сделал всадник в халате с ромбами. После чего он с видом победителя выехал из толпы. Вслед за ним толпу покинули ещё несколько всадников.

День уже давно миновал полдень, и зрители устали стоять на ногах. Они начали активно требовать оставшихся всадников загнать последнего козла. Аъзам с братом не стали к ним присоединяться. Они за спиной зрителей на второй террасе-трибуне направились обратно к стойлам.

Услышав свист и призывы зрителей, всадники решили не затягивать состязание. Они вскоре перестали бороться друг с другом и позволили самому старшему из них загнать по-

следнего мархура в западный загон. Их поступок был одобрен возгласами и аплодисментами зрителей, к которым присоединился султан.

Состязание закончилось. Теперь все оставшиеся на поле участники выстроились в ряд в тридцати газах от западного загона. Их взор был направлен на ложу султана. Ответственные за загоны юноши подсчитают флажки на рогах мархуров и сообщат писарю, тому самому, который записывал имена участников. Затем он поднимется на ложу и вручит список султану с указанием имени победителя. Султан же в свою очередь объявит победителя. Точнее, за него это сделает глашатай. Впрочем, как и всегда.

Зилола вернулась на своё место и поделилась своими впечатлениями с маликой Навруза, тогда как малик беседовал с Далером. Вскоре к ним в ложу пришли писарь с глашатаем. Писарь поспешно подошёл к повелителю, с почтением поклонился и вручил свёрток бумаги. Султан кивком отпустил писаря и взглядом дал понять глашатаю подойти к нему. Вместе они подошли к окну, глашатай встал с лева от султана. Бузург ибн Махмуд обвёл взглядом всех участников на поле и принялся изучать список. Он посмотрел на глашатая и поднёс ему список. Глашатай, которому писарь заранее объяснил всё, указал на определённые имена в списке.

У одиннадцатого по списку имени, которое гласило Мавлон ибн Боир, стояло три единицы. Ещё три единицы стояли рядом с двадцать третьем именем: Замон ибн Мехроб. Гла-

шатай коротким жестом показал султану соответствующих всадников с этими именами. Затем он показал султану всадников с двумя загнанными козлами на счету у тех, кто загнал по одному. Он также указал на имя Азима в конце списка и хотел было указать на него самого, но султан взял список в одну руку, а другую превентивно приподнял перед глашатаем. Султану не было надобности показывать Азима, все уже знали его.

Он свернул бумагу и вернул писарю, протянув свёрток назад. Тот подбежал и опущенной головой, взял свёрток с рук господина и снова отошёл к дальней стене. Жестом султан пригласил глашатая занять его место посередине и объявить имя победителя.

Глашатай поблагодарил султана за такую честь, склонив голову и прижав правую руку к сердцу. Прочистив горло, он торжественно стал у окна.

Участники и зрители, затаив дыхание, ожидали. Всадник на сером коне стоял пятым справа. Он был уверен, что глашатай произнесёт его имя – Мавлон ибн Боир.

– Уважаемые зрители! Дорогие участники! – голос глашатая звучал глубоким баритоном. – По решению светлейшего господина, султана Ахоруна, досточтимого Бузурга ибн Махмуда, за выдающееся выступление победителем состязания Бузкаши объявляется... – выждав паузу, глашатай обвёл взглядом каждого всадника. – Азим ибн Аъзам! Поприветствуйте же победителя! – он указал на юношу на чёрном же-

ребце.

Услышав его имя, зрители одним голосом, словно гром среди ясного неба, прогремели:

– АЗИМ!!!

Даже его жеребец громко заржал, словно повторяя имя своего хозяина.

Разочарованный Мавлон в ярости бросил свою пращу и поспешно направил своего серого коня к выходу из поля.

– Султан также постановил устроить пир в честь участников сегодняшнего состязания, – добавил глашатай. – Светлейший господин будет рад принять всех вас у себя во дворце, – обратился он к участникам.

– Я полагаю, это ты, Азим ибн Аъзам, – обратился к нему всадник в сером кафтане с красным геометрическим орнаментом на рукавах и спине, стоявший слева. – Поздравляю, – он искренне протянул и пожал руку Азиму.

Ещё несколько участников поздравили Азима и направились к выходу. Азим же ещё некоторое время смотрел на ложу. Убедившись, что Зилола не выглянет оттуда, он направил жеребца к выходу. Он увидит её во дворце. Эта мысль согревала его изнутри и притупляло всю боль в голове.

– Как ты, сынок? – к нему подбежал взволнованный Аъзам, как только он выехал из поля.

– Я... победил, – задумчиво произнёс Азим и улыбнулся, но сразу съёжился от боли в скуле.

– Ох, – вздохнул Аъзам, заметив шишку размером с кулак

у правого уха сына.

– Слезай с лошади, победитель. К твоему ушибу нужно приложить холод, – сказал лекарь, подошедший к ним.

Аъзам сам помог сыну спуститься и попросил брата увести жеребца в стойло.

Осмотрев шишку на лице Азима, лекарь приложил к ней тряпку, смоченную в холодной воде.

– У меня был лёд, но он растаял, – пожал плечами лекарь.

– Как он? – Азим кивнул в сторону пострадавшего участника с перевязанной шеей, когда они дошли до шатра лекаря. Тот лежал на жёсткой кушетке и не двигался.

– Жить будет.

Ответ лекаря показался Азиму небрежным, но он был рад, что этот участник не умер, как его лошадь.

Лекарь сел за небольшой низкий стол, скрестив ноги под собой на светло-голубой хлопковой курпаче, и стал что-то записывать на листке бумаги.

– Вот, – он протянул этот листок Азиму. – Даш своей матери. Из первых двух трав она пусть приготовит отвар. Он поможет от головной боли. А из остальных пусть сделает мазь. Мажь три раза в день и опухоль сойдет за пару дней.

– За пару дней? – переспросил Азим.

– Ты знал, на что шёл, юноша, – пожал плечами лекарь.

Как же он с таким видом пойдёт во дворец? Азим расстроился. Он посмотрел на отца, стоявшего рядом, взял его за локоть. Он хотел встать и уйти.

– Как быть с его ногой? – поинтересовался Аъзам, помогая сыну подняться.

– Назначенный мною отвар снимет боль и в ноге, а пока пусть пожуёт вот это, – из небольшого сундучка лекарь достал мешочек, а оттуда вынул базилик мятолистный и протянул его Аъзаму.

Аъзам саркастичной улыбкой оценил заботу лекаря и передал мягкие листья сыну. Они вышли из шатра и не спеша направились к своему стойлу. Азим прихрамывал на правую ногу, потому Аъзам не отпускал сына, хоть и тот просил об этом всю дорогу.

– Твоя мать и брат не поверят, что ты выиграл состязание, – сказал Аъзам с широкой улыбкой.

– Я сам до сих пор не верю, – проговорил Азим, жуя базилик.

– Я тоже, – коротко расхохотался Аъзам.

Зрители неспешно расходились, и почти все участники уже ушли, оставив своих лошадей в стойлах. Их уведут вечером ответственные конюхи.

– Великолепно, Азим! Великолепно! – пропел Адхам, когда они вернулись к стойлу, и обнял племянника. – Я в тебе не сомневался, – Адхам был полон восторга.

Азим выразил свою благодарность дяде взглядом. Он не мог улыбнуться, боясь пробудить колющую боль в скуле. Он отпустил дядю и самостоятельно подошёл к жеребцу. Посмотрев ему в глаза, Азим лбом прильнул ко лбу жеребца.

– Спасибо, – тихо произнёс он и погладил жеребца за ганаши.

– Азим, – позвал его отец. – С тобой хотят поговорить.

Азим обернулся и увидел глашатая рядом с дядей. В его деловитом взгляде юноша заметил восхищение. Азим оперся на руку отца, и они подошли к слуге султана.

– Мои поздравления, Азим ибн Аъзам, – с почтением произнёс глашатай, приложив руку к сердцу.

– Благодарю, – ответил Азим и вопросительно взглянул на глашатая.

– Как вам уже известно, светлейший господин пригласил всех участников во дворец. Однако, учитывая ваше состояние, – глашатай бросил взгляд на повязку на лице Азима и снова посмотрел ему глаза, – по просьбе госпожи Зилолы и согласию его светлости, мне велено сообщить вам, что, если вы не сможете принять участие на пиру этим вечером, султан отнесётся к этому с пониманием и будет рад принять вас у себя во дворце в любой другой день до конца Навруза.

Азим с пониманием кивнул в ответ.

– Передайте нашу благодарность светлейшему господину, – сказал Аъзам. – Надеюсь, к вечеру Азиму станет лучше, и он обязательно придёт во дворец.

– Отрадно это слышать, – кивнул глашатай, прижав руку к сердцу и, заметив незаданный вопрос в глазах Азима, сказал, – Султан вручит вам золотые рога во дворце по завершению пира. В случае, если вы всё-таки не сможете принять

участие в пиру, золотые рога будут отправлены к вам домой на следующее утро.

Азим кивнул и хотел было развернуться, чтобы вернуться к жеребцу, но глашатай остановил их с отцом.

– Если позволите, я бы хотел уточнить кое-что, – сказал он и, когда Азим с отцом снова повернулись к нему, продолжил. – Шестнадцать козлов, загнанных в красные загоны, будут заколоты для пира. Нам бы хотелось знать, как вы собираетесь распорядиться со своими четырьмя загнанными козлами?

Азим посмотрел на белый загон, где четыре мархура сновали туда-сюда, и снова перевёл взгляд на глашатая.

– Это ведь Загон милосердия? – спросил Азим, и глашатай кивнул в ответ. – Отдайте их четырём малоимущим семьям.

Глашатай был приятно изумлён. Он не ожидал такого ответа. Он думал, что победитель оставит мархуров себе.

– Вы весьма великодушны, молодой господин, – в голосе глашатая звучали восхищение и похвала. – Я буду рад лично исполнить ваше поручение, – он с почтением прижал руку к сердцу, поклонился Азиму и ушёл.

* * *

«До истечения сорока дней новорождённый похож на сорок родственников».

Хранители знаний: Поверья народов Рахшонзамина.

Утро выдалось прохладным и пасмурным, равно как и настроение Азима. Аппетит у него отсутствовал, потому он съел всего пару ложек оталы, приготовленный матерью. На пир в честь участников Бузкаши он не пошёл из-за состояния своей внешности. Шишка под его виском раздулась с его кулак и окрасилась в тёмно-фиолетовый цвет. К тому же в тот день у него темнело в глазах, и он плохо себя чувствовал. След от удара камнем оставался на его лице даже пять дней спустя, и это беспокоило Азима больше, чем ноющая боль. Сегодня последний день Навруза, а это его последний шанс воспользоваться приглашением султана.

Этим вечером султан устраивает не просто званый ужин, и Азим не собирается пойти туда просто как гость. Вопрос в том, пойдут ли с ним его родители? Нужно сообщить им о своём решении, чего Азим до сих пор не сделал.

Юноша тихо вздохнул, чтобы мать не услышала, и продолжил ковырять ложкой в миске. Как сказать о своём выборе матери? Сделать это сейчас или дождаться отца? А что, если султан мне откажет?

Ему нужна была поддержка, но эти мысли сковывали его решительность, и он не мог поделиться своими чувствами с матерью. Он боялся рассказать о своём выборе.

Сегодня последний шанс.

Зарина подогрела отвар, предписанный лекарем, и немного налила в пиалу. Она подошла к сыну и протянула ему эту

пиалу.

– Ты не притронулся к еде, – мягко заметила Зарина. Отала в миске Азима уже остыла, и она озадаченно посмотрела на старшего сына. У него был подавленный, задумчивый вид. – Ты чем-то обеспокоен, сынок? – тихо спросила она.

– Нет, – тихо слукавил Азим, опустив глаза. Он прекрасно понимал, что его мать не поверит его ответу. Тёплый отвар он выпил в три коротких глотка и отложил пилу в сторону.

Зарина поняла, что сын о чем-то умалчивает, но не стала расспрашивать. Она не хотела быть навязчивой. Пусть сам, если захочет, поделится своими заботами. Если же нет, значит он сам может решить свои проблемы. Именно этому она и учит обоих своих сыновей – мужчина должен самостоятельно решать свои задачи.

Зарина слегка наклонилась к сыну, чтобы осмотреть его ушиб.

– Больно? – спросила она, осторожно прикоснувшись к его щеке.

– Слегка, – тихо ответил Азим, медленно отпрянув от руки матери.

Он и тут слукавил. Хоть шишка и сошла с его лица на третий день, благодаря мази и отвару, приготовленные матерью по рецепту лекаря, боль в скуле никуда не исчезла. При каждом малейшем прикосновении боль давала о себе знать так, словно Азима ударили не шесть дней, а пять минут назад. От этой боли он не мог спать на правой стороне даже на

мягкой подушке.

Встав из-за стола, Зарина отошла к нишам в стене и достала оттуда ещё две миски для мужа и младшего сына. Азам в это время принимал ванну, а Рауфу уже давно пора встать. Младшего сына Зарина слегка баловала и не будила слишком рано.

– Ты намазал мазь? – осведомилась Зарина, подходя к кухонному очагу.

– Да, она уже впиталась, – ответил Азим, глядя в спину матери. – «*Решайся*», – велел он самому себе.

Азим отвёл от матери взгляд. Он взял деревянную ложку, чтобы снова ковыряться с ней в миске. Нет. Он отложил ложку и задумался. Сделав глубокий, но тихий вздох, Азим, наконец, решился рассказать матери обо всём.

– Мама? – робко позвал он.

– Да? – тепло отозвалась Зарина, как и сын, протянув «а». Она с улыбкой подумала, что Азим захотел всё-таки поделиться с ней тем, что его гложет уже несколько дней, а может и дольше.

– Я... нашёл её, – с остатками сомнений сообщил Азим.

– М-м-м? – лукаво протянула Зарина, будто не поняла, что он имел в виду. А про себя подумала, – «*Вот оно что!*» – Она широко улыбнулась, не оборачиваясь к сыну.

– Я сделал свой выбор, – увереннее проговорил Азим и почувствовал некое облегчение, и эту странную скованность в его плечах и груди как рукой сняло. – Я сделал свой выбор,

мама, – громче повторил он.

– Вот как? – Зарина отложила миски и повернулась к сыну. Она увидела его сияющим от широкой улыбки.

Азим радостно кивнул в подтверждение своих слов.

– Кто она? – интерес переполнял голубовато-зелёные глаза Зарины.

– Она великолепна, – пропел Азим, глядя наверх. – Она – та самая, – добавил он, словно юнец, витавший в облаках, каковым он и был. – Она... – он осёкся и задумался.

– Но? – в изменившемся взгляде сына Зарина заметила сомнение и неуверенность. Это вызвало в ней подозрение. – Кто она? – переспросила Зарина.

Азим со вздохом сжал губы и посмотрел в глаза матери.

– Дочь султана, – раскрыл он.

– Оу, – застыла Зарина. – *«Ничего себе выбор»*, – удивлённо подумала она.

На мгновение Зарина усомнилась, а не зря ли она дала право выбора невесты? Но тут же отбросила эти сомнения и подошла к сыну за стол.

– Ты ведь знаешь закон о браке султан-заде? – взглянув в глаза сыну, спросила Зарина.

Её тон был слегка серьёзным, и Азим с досадой кивнул ей в ответ – конечно, закон ему знаком.

В этот момент в дом вошёл Аъзам, пальцами расчёсывая плохо высушенные волосы. Кстати говоря, эта привычка передалась и их сыновьям. Они не любили насухо вытирать во-

лосы после ванны – они находили это дело бесполезным во всех значениях этого слова.

– Отец вернулся, – тихо проговорила Зарина, и Азим обернулся к входной двери.

– С добрым утром, – сказал Аъзам с бодрой улыбкой, входя на кухню.

– С добрым утром, – повторил в ответ Азим, встав с места. Он снова сел после того, как отец сел во главе стола, справа от сына.

– Опять не высушил волосы? – возмутилась Зарина, но её улыбка выдала её притворную сердитость. – На улице прохладно, ты можешь простудиться, – её тон по-прежнему звучал с возмущением, но в её голосе слышались также нотки заботы о своём муже.

– Меня греет любовь к тебе, – Аъзам улыбнулся жене и пожал плечами, надув нижнюю губу, как это делает жаба.

Зарина с улыбкой покачала головой. Она ненавидела этот жест безразличия Аъзама, но из-за этого же она его и любила. Зарина взяла отложенную миску и подошла к очагу, чтобы наложить еды мужу.

– У Азима для нас есть новость, – вдруг заявила она.

Азим в это время положил ложку остывшей оталы в рот и чуть ли не поперхнулся от неожиданности.

– Ош! – сказал ему отец, как обычно говорят тому, кто поперхнулся, подавился или кашляет во время еды или разговора. Затем он удивлённо посмотрел на сына и спросил, –

И что за новости?

– Я...

– Он выбрал себе невесту, дорогой, – заявила Зарина, пока Азим мямлил. – И не простую! – она подчеркнула свои слова жестом. – Наш Азим по уши в неё влюблён, – улыбаясь, Зарина постучала себя за левым ухом и подала миску оталы мужу. Её саркастичная улыбка передалась вместе с миской Аъзаму.

– Это многое объясняет, – сказал он, глядя на сына, который покраснел. – Вот почему ты такой ветреный в последнее время, – в его словах не было укоризны. Аъзам был рад за сына. – Я уже давно подозревал, что ты влюблён, ведь я и сам был в твоём положении, – Аъзам погладил руку жены у него на плече.

– Был? – шутливо упрекнула Зарина.

– И всегда буду, – добавил Аъзам, улыбнувшись жене. – Но в кого ты влюблён? Вот, что меня интересовало всё это время, – Аъзам опустил вопросительный взгляд на сына.

Азим же посмотрел на мать, чтобы та на этот раз дала ему самому ответить. Зарина, коротко кивнув, моргнула обоими глазами и села напротив сына.

– Я влюбился в дочь султана, – собравшись с мыслями, проговорил Азим.

Аъзам опешил от ответа. Его рот застыл приоткрытым. Не веря своим ушам, он вопросительно посмотрел на жену.

– В Зилолу бинти Бузург, – кивнув, подтвердила Зарина.

Опустив плечи, словно разочаровавшись, Аъзам задумчиво посмотрел на сына.

– Азим... Мы не может тебе сосватать дочь султана, – наконец, сказал он после недолгого раздумья. – Мы – простолюдины, сынок, а Зилола бинти Бузург – госпожа из рода султанов, то есть султан-заде. По закону, нам, – имея в виду простолюдинов, – не дозволено родниться с султан-заде, – Аъзам пытался помягче объяснить сыну закон, чтобы не задеть его чувства.

– Мы не можем пойти во дворец к султану, чтобы сосватать тебе Зилолу, сынок, – Зарина пересела к сыну и погладила его за здоровую щеку, чтобы тот не унывал.

Однако Азим и не унывал. Он прекрасно знал об этом законе, и победа в Бузкаши как раз поможет ему обойти этот закон.

– Я могу сам пойти во дворец, – заявил Азим с полной уверенностью, заставив родителей удивлённо покоситься на него.

Больше всего была удивлена Зарина. Заявление сына породило в ней нескрываемое любопытство.

– У дяди Адхама я узнал, что в прошлом году султан устраивал приём в вечер каждого праздника солнцестояния. На приём приглашаются и приходят члены правящей знати и богачи Ахоруна, правители или наследники других государств, высокопоставленные чиновники и им подобные. Однако этот приём устраивается не ради праздника. На нём сул-

тан устраивает своего рода смотрины своей дочери, где гости выступают в качестве сватов и возможных женихов.

Зарина и Аъзам уже знали об этом, но она была удивлена тому, откуда мог узнать об этом её сын. Впервые Аъзама пригласили на приём в день зимнего солнцестояния, однако без привилегии выступить в качестве свата. Разумеется, он взял с собой жену, и перед началом ужина их попросили не распространяться о цели этого приёма.

– Кто тебе сказал об этом? – спросила Зарина, подняв правую бровь.

– Мне об этом рассказал дядя Адхам, – ответил Азим.

– Значит, мой брат знал, что ты влюблён в султанзаде? – в голосе Аъзама прозвучала нотка огорчения.

– Мы не хотели говорить об этом до этой поры, – признался Азим.

Адхам почти сразу догадался, что его племянник влюбился в госпожу Зилолу. И после нескольких раз, когда Азим просился поработать с ним во дворце, он поговорил с ним по душам. Сначала Адхам пытался отговорить Азима, но тот был непреклонен в своём выборе. Тогда-то они и придумали свой план.

– Да этой поры? – переспросил Аъзам.

– За прошлый год было четыре таких приёма, – повторил Азим. – Однако султан не одобрил ни одного жениха или свата...

– Потому что султанзаде Зилола не дала своего согла-

сия? – предположила Зарина.

– Ам-м... – замешкал в раздумье Азим. – Н-нет. Я не думаю, что султан спросит согласия своей дочери. Он... скорее ищет в этом свою выгоду.

– Оу, – Зарина удивилась смелому выводу сына и задумалась, вспомнив тот приём. – «А ведь он прав». – И что же ему нужно? – спросила она вслух.

– Не знаю, – ответил Азим после точно тех же движений, которые ранее сделал его отец, при этом Азим склонил голову набок.

– Хм, – вздохнула Зарина, подумав, – «Весь в отца». – Что ж, – она положила руку на плечо сыну и встала. – Я дала тебе выбор, и всё же надеялась, что ты выберешь кого-нибудь из более доступных и близких к нам девушек, – в хорошем смысле этого слова сказала Зарина, имея в виду двоюродных племянниц. В этих словах, которые она сопровождала движением руки, издали приближая к себе правую руку, словно прижимая кого-то к груди, звучали нотки разочарования. Но не в этом была суть. – Ты его сделал, – Зарина приняла выбор своего сына и с одобрением кивнула Аьзаму.

А чего стоило ожидать?

Да уж явно не того, что Азим выберет дочь самого султана. Вот к чему приводит свобода выбора – к непредсказуемым обстоятельствам.

Зарина снова встала напротив сына и серьёзно посмотрела ему в глаза.

– Азимджан, солнце моё. Ты сделал свой выбор. А теперь иди и добейся её!

Слова матери вселили в Азима надежду и придали ему уверенности.

– Я пойду с тобой, сынок, – сказал Аъзам. – Я тоже приглашён во дворец. Султан обещал назначить меня Визирем торговли. Возможно, этот новый титул поможет нам сосватать госпожу Зилолу.

– Тогда я тоже пойду с вами, – улыбнулась Зарина. – А Рауфа отправим к дяде.

– Спасибо, – сказал Азим. Поддержка родителей была ему очень нужна.

– Давай-ка Азим, приведём твоё лицо в порядок, – предложила Зарина. – Не собираешься же ты производить впечатление на прекрасную султанзаде Зилолу этим синяком.

* * *

«Исследования Зелёной хвори не привели ни к чему, кроме заражения и смерти самих исследователей. С обнаружением лекарства исследования были прекращены, пока их не возобновили молодые энтузиасты спустя тринадцать лет. Они хотели раскрыть тайну её происхождения».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Азим шёл впереди отца. Он жевал последний из несколь-

ких листов мяты, которую ему дала мать для спокойствия. Однако это не помогало унять мелкую дрожь по его спине, вызванную сильным волнением. Перед его глазами неожиданно выросла высоченная северо-западная башня. Всю дорогу он шёл и думал, что скажет султану, и не замечал дороги, дома и улицы. Он шёл по зову сердца. Они с отцом шли пешком от самого их дома и потратили на это две сойи. Азим, погружённый в свои мысли, даже и не заметил, как прошло это время. И вот они у дворца, а юноша так и не придумал, что сказать, чтобы склонить султана к согласию. В раздумье Азим иногда даже не слышал вопросы и предложения отца и матери.

Азим надел коричневый бархатный халат, чтобы бурый след от синяка не попадался на глаза. После того удара у него на лице появился тёмно-фиолетовый синяк размером с айву. Благодаря мази, прописанной лекарем, и материнской заботы к этому судьбоносному вечеру от синяка остался след размером и оттенком вялой кураги. Чтобы хоть немного скрыть его, Зарина слегка припудрила Азиму обе щеки.

– Не волнуйся, сынок, – сказала она ему утром, – люди, которые придут свататься, будут накрашены не меньше твоего. Поверь мне.

Мягкой шерстяной нитью на груди халата Азима и нижней половины его рукавов был вышит золотистый переплетающийся орнамент. Полу его халата украшала жёлто-зелёная тесьма с золотистым орнаментом. Под халатом у него был си-

ний кафтан, длинной до колен, скрывающий его светло-коричневые шаровары. На ногах были тёмно-бежевые галоши с белым растительным узором и белой окантовкой.

Аъзам шёл в локте от сына и был одет в тёмно-голубой халат с рукавами до локтей и разделённый тонкими коричневыми полосами, с двух сторон обрамлённые чёрной линией. Под халатом у него была длинная рубаха, а штаны Аъзам решил надеть чёрные, штанины которых были заправлены в тёмно-коричневые сапоги с тонким узором.

Пояса и тибетейки у обоих были одинаковые. Оба завязали белый платок, почти полностью вышитый цветным переплетающимся узором, а на голову водрузили обычную чёрную тибетейку с белым узором.

Зарина же была в синем бархатном платье с длинными рукавами и жёлтыми и белыми узорами. Поверх платья у неё был золотистый камзол, длинной до середины бёдер, с короткими рукавами и скромным растительным узором синего и белого цвета. На голове была синяя косынка с белыми узорами, а золотистые волосы ниспадали до середины её спины. Мочки ушей, не скрытых под косынкой, и шею украшали пышные подвески из золотого бисера. На правой руке было два кольца: серебряное с красным камнем и золотое в виде венка. Она шла под руку с Аъзамом, чувствуя себя слегка неловко из-за перестука деревянных подошв её синих галош с белой окантовкой и загнутыми кверху носом.

– Азим, – позвал отец и, взяв сына за локоть, с понимани-

ем покивал, глядя ему в глаза. Он сам волновался не меньше своего сына. – Пошли, – он кивнул в сторону дороги.

У двух начальных краёв широкой площади, выложенной бежево-розовыми мраморными плитами с белой, бледно-золотой и бирюзовыми прожилками, ведущей во дворец, стояли придворные слуги с богато расшитыми камзолами поверх белых кафтанов и широких красных поясов. У некоторых слуг пояса были зелёными. На головах у них были низкие круглые бордовые тубетейки с золотисто-зелёной тесьмой под цвет узоров на их камзолах. На площади были и другие люди, с интересом любовавшиеся на изваяния лебедей, или о чём-то беседующих у бассейнов и центрального фонтана. Судя по их богатой, разномастной одежде, они не были слугами.

Один из слуг вежливо поприветствовал Аъзама, его жену и сына и указал им пройти ко дворцу через лабиринт.

– Раз мы приглашённые гости, почему мы идём по лабиринту? – разочарованно спросил Азим. Он думал, что пройдёт по площади, как ни как, он победитель Бузкаши и султан уже заждался его.

– По площади дворца в праве ходить султан, его наследники и родственники. Исключение даётся только для правителей других государств и мэров других городов. Это правило существует уже много веков, – объяснил Аъзам.

– Не волнуйся, Азим. Скоро и ты будешь ходить по этой площади, – приободрила Зарина.

Выйдя из лабиринта к угловому входу во дворец, Аъзам пропустил сына вперёд. Азим поднялся по тёмным мраморным ступеням и встал на небольшой площадке между двумя колоннами. Напротив него была резная арочная дверь высотой в три газа. Азим узнал человека, стоявшего у входа с бумагой на планшете и пером в руках.

– Приветствую вас, молодой господин! – глашатай султана был рад видеть Азима и с рукой, державшей перо, у сердца склонил голову перед юношей. – Я счастлив видеть вас в здравии и во дворце, – он с улыбкой развёл руки в приветствии. На писаре был надет бордовый халат с богатой золотой вышивкой поверх белого кафтана и белых шаровар.

– Благодарю вас, – улыбнулся Азим и склонил голову в ответ, прижав руку к сердцу.

– Позвольте доложить вам, молодой господин, что ваше поручение было выполнено в тот же день.

Азим вопросительно посмотрел на глашатая, который сегодня выполнял обязанности писаря. Юноша не помнил о каком-либо поручении, тем более этому писарю самого султана, и всё из-за полученного ушиба. Или из-за Зилолы? Ведь он думал о ней постоянно.

– Все четыре загнанных вами мархуров были розданы четырём самым нуждающимся семьям в Ангуране, в двух из которых дети остались на попечении старых прародителей или полными сиротами. Они выразили вам свою огромную благодарность, молодой господин, – подчёркнуто заявил гла-

шатай-писарь.

– Отраднo это слышать, – Азим вспомнил о чём идёт речь. – Как вас зовут?

– Меня зовут Сорбон ибн Зам.

– Одного из моих двоюродных дядей зовут Сорбон.

– Я рад иметь с вами что-то общее, молодой господин, – имея в виду имя, Сорбон снова прижал руку к сердцу.

– Благодарю вас за ваше содействие, Сорбон-ака, – Азим также прижал руку к сердцу. – Дайте мне знать, если я ещё чем-то могу помочь этим семьям.

– Это было честью для меня, молодой господин! – заявил Сорбон, выпятив грудь. – До вас загон милосердия пустовал на состязаниях многие века. Вы и ваше милосердие войдёте в историю. Я буду горд исполнить любое другое ваше поручение и стать частью этой истории. Я обязательно выясню их нужды и передам вам, молодой господин.

– Хорошо, – согласился Азим.

Сорбон расслабился и опустил взгляд на бумагу, в которой он, не спрашивая, записал имя Азима, а рядом с его именем он хотел было дописать что-то, но замешкался. Глашатай-писарь взглянул на юношу с любопытным взглядом.

– Молодой господин здесь в качестве гостя... или свата? – выждав паузу и окинув взором родителей Азима, спросил Сорбон.

– Свата, – не задумываясь ответил Азим.

Губы Сорбона потянулись в понимающей улыбке, и он за-

писал ответ юноши рядом с его именем.

– А вы, я полагаю, его отец и мать? – обратился к ним Сорбон. – Ваши имена, будьте добры.

– Аъзам ибн Саид.

– Зарина бинти Рауф, – ответила она вслед за мужем.

– Господин Аъзам, светлейший султан заждался и вас, – Сорбон озабоченно взглянул на Аъзама, однако в его голосе звучало облегчение.

– Я хотел прийти вместе с сыном, – прояснил Аъзам.

– Понимаю, – негромко сказал Сорбон. – Я запишу вас, как и вашего сына, сватом?

– Полагаю, что так, – пожал плечами Аъзам.

– Желаю вам удачи, – Сорбон кивнул и отошёл в сторону.

Азим с родителями вошли в небольшую прихожую с изящной растительной резьбой на красно-коричневых стенах с выступами для свечей или ламп. Слева, посередине стены была закрытая дверь в коридор. В девяти газах напротив входной двери был проход в другое помещение. Там, у арки, стоял молодой слуга, на вид не старше Азима, который поприветствовал гостей с рукой у сердца, когда они прошли мимо него.

Это второе помещение было в два раза длиннее прихожей. Однако две трети её площади была ограждена прилавком, за которым стояли три слуги – одна из них была молодая луноликая девушка, очень похожая на того юношу в проходе.

– Это гардеробная для слуг и гостей, – сказал Аъзам в

ответ на вопросительный взгляд сына, рассматривающего здесь каждый уголок. – Нам нужно сменить обувь, – добавил он.

Слуги и гости султана должны обязательно менять обувь, в которой пришли из улицы, на специальные мягкие сандалии. Так, в обмен на их галоши Азиму, Аъзаму и Зарине выдали по паре серых сандалий с резиновой подошвой и по одной серебряной монете с номерами. Им также дали по коврику, и по иронии Азиму достался синий, скрученный в трубочку, коврик под цвет его кафтана. Аъзаму дали светло-зелёный, а Зарине пурпурно-розовый.

У входов и выходов в каждом помещении или аванзалов стояли слуги, указывающие гостям направление. Следующее помещение, в которую вошли Азим с родителями была в два раза больше гардеробной и прихожей, вместе взятых. Посередине стены, напротив резной двери гардеробной стояла двустворчатая дверь с симметричной резьбой. Обе створки дверей были закрыты, а слуга, стоявший перед ней, указал гостям на арочный проём справа от них. Другой слуга у проёма указал на каменную лестницу вдоль стены, ведущую наверх. На широких подступеньках вырезаны цветы и все они были разные.

– Зачем нам дали эти коврики? – спросил Азим, держа свой коврик подмышкой и не отрывая взгляд от разукрашенных узоров на стенах.

– На них мы будем сидеть за дастарханом, – ответила За-

рина, поднимаясь вровень с сыном по лестнице.

Они поднялись на третий этаж и на лестничной площадке в семи газах от них слуга, стоявший у закрытой двери, указал на другую слева от себя и справа от гостей. Через несколько шагов они вошли в указанное им помещение, которое в свою очередь вело в другое. Ровно посередине этого помещения, длиной и шириной в восемнадцать газгов, стоял слуга с седой, короткой и кудрявой бородой. С приветственной улыбкой он указал на резную дверь с золотой окантовкой.

С рукой у сердца они молча кивнули в ответ пожилому слуге и прошли к этой двери. За ней Азима охватил благоговейный трепет. Они оказались в огромном зале, длиной в девяносто и шириной больше ста газгов.

Азим ещё больше занервничал и замер у двери. Видя всех этих людей, присутствовавших в этом огромном зале, он снова усомнился в своём решении прийти сюда. Как и на том поле, эти люди выглядели уверенно и были одеты куда красивее и богаче него. Даже многие взгляды были надменными и презрительными. Они видели в Азиме простолюдина, хоть и среди них было немало таких.

– Вы сваты или гости? – осведомился подошедший к ним слуга. Его лицо было обрамлено ухоженной бородой, а на лбу пробивались возрастные морщинки.

– Сваты, – неуверенно и тихо ответил Азим с растерянным видом.

– Вам туда, господин, – слуга указал им на свободное ме-

сто для сватов.

– Не волнуйся, Азим. Большинство из них дармоеды, и пришли они сюда не свататься, – тихо проговорил Аъзам, ведя сына вперёд.

Пол в тронном зале устлан деревянной мозаикой с янтарными и полудрагоценными вставками в геометрическом узоре. Стены, высотой в девять газдов, обшиты деревянными панелями с объёмной резьбой и заворачивающей чеканкой. Одни узоры в высоких стеновых арках были раскрашены, другие нет. В неглубоких нишах с зеркалами стояли лампы. В промежутках между арками на стенах кроме ниш также были и выступы, где-то один, где-то два, а где-то и три выступа, на которых горели свечи и лампы, достаточно хорошо освещая этот большой зал. К тому же, свечи придавали помещению лёгкий аромат персика.

Кессонный потолок с двойными и тройными нишами был украшен голубой арабеской в стиле светлой звёздной ночи. Однако большую часть потолочного пространства занимал гигантский тройной купол, вся красота которого виднелась снаружи. Азим шёл, разинув рот, и никак не мог опустить от купола потрясённый взгляд. Хотя это успокоило его нервы и отбросило то подкравшееся сомнение. Тем не менее этот купол внушал юноше так же и страх: а что, если все эти драгоценные камни с острыми гранями из верхнего уровня купола упадут? Ведь снизу они ничем не подкреплены.

Азим опустил наконец взгляд и окинул взором всех этих

людей. На мгновение он представил их с криками и воплями, разбегающимися по залу в крови и с разбитыми головами, из которых торчали рубины и изумруды. Он покачал головой и оттряхнул эту дурную мысль, удивляясь, как вообще такая мысль могла взбрести ему в голову.

Диаметр золотого уровня купола занимал восемь двенадцатых длины зала, а изнутри купол выглядел так же, как и снаружи. Однако изнутри было видно, как края дуги золотого уровня сгибаются внутрь, а на них стоит серебряный уровень с меньшим диаметром (половина длины зала) с такими же загнутыми внутрь краями. На них в свою очередь стоял третий разноцветный уровень из драгоценных камней. По краям двух первых уровней можно было заметить их толщину (которая составляла полторы пяди) и судить о прочности этого купола. Вот только Азиму было любопытно знать, как вообще построен этот купол и как скреплены все эти камни? Юноша снова поднял глаза и восхищался этим невероятным зрелищем.

Они пришли на указанное им место, и Аъзам кивком указал сыну, где стелить коврик. Азим постелил свой коврик с растительным узором в локте от коврика отца и сел лицом к трону, то есть лицом на восток, как все остальные.

Гостей и сватов в тронном зале собралось гораздо больше, чем в прошлый раз, заметила Зарина. Их было не меньше пятидесяти. Для них в два ряда по четыре постелили длинные светло-бежевые шёлковые скатерти, шириной в три локтя и

с едва заметными узорами. Люди сидели за скатертью только с одной стороны. Всевозможные хлебные изделия, фрукты, сухофрукты, фисташки, разные орешки, миндаль и глазурированный миндаль были расставлены по скатертям на белой фарфоровой посуде с золотой окантовкой или каймой. В медных высоких кувшинах было вино. В хрустальных кувшинах были напитки, а в фарфоровых чайниках, разумеется, чай. У чайников дном вверх были сложены пиалы (по три). Вокруг хрустальных кувшинов стояли хрустальные стаканы, а у кувшинов с вином были маленькие медные кубки, из которых можно сделать, разве что, один глоток.

Слуги продолжали приносить разные яства и угощения и всё было почти готово к вечерней трапезе, не хватало одного – самого султана. Многие гости сидели и ждали его прихода. А те, кто знал друг друга, тихо переговаривали между собой.

Посередине северной и южной стены стояли большие резные двустворчатые двери. Вскоре, когда гости и сваты перестали прибывать из той же двери, что и Азим с родителями, открылись северные главные двери и в зал вошёл султан Бузург ибн Махмуд – весь в белом. У него были белые, широкие шаровары, белый шёлковый кафтан с белыми виноградными узорами и белая длинная безрукавка поверх него. На поясе широко завязан золотой пояс, справа которого висели маленькие песочные часы с зеленоватыми стеклами. На ногах были белые галоши с золотистой подошвой, а на голове пышный белый тюрбан, украшенный драгоценными камнями.

ми и белым павлиньим пером. Пальцы обоих его рук, кроме больших, средних и левого указательного, унизаны серебряными кольцами с драгоценными камнями разного размера – самым большим был изумрудный перстень с гравировкой на правом указательном пальце.

Все гости разом встали (те, кто сидел) и стихли, когда султан вошёл в тронный зал и приложил правую руку к сердцу в знак приветствия своих подданных. Гости также приложили руку к сердцу и склонили головы. При этом, никто не произнёс ни слова, так как нельзя приветствовать султана хором.

Вслед за султаном вошли трое, благородных на вид, мужчин. Двое из них были похожи друг на друга. Однако один был вдвое моложе другого. Отец и сын, уверенно решил Азим. А вот третий не был на них похож. У него было вытянутое лицо, миндалевидные глаза с опущенными внутренними уголками, острый нос и сжатые губы. Азиму показалось, что в тёмных глазах этого высокого человека, в тёмно-зелёном бархатном халате с золотой вышивкой по краям, скрывается коварство.

У этих троих также были коврики. Они прошли на свои места в первых рядах дастарханов и сели, скрестив ноги. Азим проследил за высокорослым гостем султана, который сел спереди в нескольких газах правее от юноши. Правда, перед тем как сесть, этот человек как-то странно и едва заметно погладил и похлопал по своему коврику, серебристая бахрома которого, как показалось Азиму, пошевелилась.

Султан прошёл к своему трону, стоявшему в двадцати газах к востоку от центра зала, и повернулся к гостям.

– Дорогие гости! – заговорил султан, и его звучный голос, отражаясь о купол, усиленно доходил до ушей всех присутствующих. – Добро пожаловать в мой дворец. Я рад приветствовать вас на этом званом пире в честь последнего дня Навруза. Минувший год был весьма плодотворным для Ахоруна. Мы наладили поставку продовольствия для помощи Зебистану, забыв о былых обидах. Торговля с другими государствами также принесла немалые плоды. Я рад приветствовать гостей из этих самых государств и искренне надеюсь, что в этом году наши отношения, наша дружба станут ещё крепче. Прошу вас, – султан протянул руки вперёд, указывая на дастарханы, – эти угощения для вас.

Султан развернулся и сел на свой белый мраморный трон, чьи прожилки были вырезаны и залиты золотом. Трон стоял на широкой двухступенчатой платформе, каштанового цвета с красными резными краями. Спинка и сиденье трона были обиты мягким хлопком и обшиты серебристо-синим бархатом. Внутренняя сторона подлокотников была обтянута кожей с мягкой подкладкой. Верх спинки трона имитировал фигуру тройного куполка, а края трона поднимались на пядь в виде башен.

Султан Бузург ибн Махмуд в свои сорок два (точнее почти сорок два года) представлял широкоплечего мужчину с хорошим телосложением. Тем не менее белый трон был ши-

ре своего хозяина. Султану было неудобно расположить оба своих локтей на подлокотниках одновременно, и он сел наискось, облокотившись на левый подлокотник.

По указанию султана в тронный зал вошли шестеро музыкантов. У двоих были флейты, правда разные. У остальных были струнные инструменты. Музыканты встали вдоль стены юго-восточного аванзала и стали играть в медленную, ненавязчивую музыку, чтобы не испортить гостям аппетит.

Слуги начали выносить суп на серебряных подносах из двух западных аванзалов. На первое гостям подали традиционное хом-шурбо с нутом и большими кусками мяса, цельной морковью, но без картофеля.

Азим ковырял ложкой в своей фарфоровой миске с супом и думал, а где же Зилола?

Почему её здесь нет? Ведь все эти сваты пришли на её смотрины. Когда же она выйдет?

– Съешь свой суп, Азим. Ты не будешь волноваться на сытый желудок, – сказал ему отец.

– А когда начнётся само сватовство? – тихо спросил Азим.

– Когда Сорбон передаст список старшему писарю и тот принесёт его султану, – ответил Аъзам. – Не зря же он спрашивал, сваты мы или гости.

Аъзам оказался прав. Он запомнил этот порядок ещё с прошлого приёма. Сегодня же, когда гости покончили с первым блюдом, слуги вынесли пустые миски, а старший придворный писарь вышел из северо-восточного аванзала со

свёртком в руках. Не торопясь, он подошёл к правителю и, поклонившись, передал ему список.

– Сколько? – негромко осведомился султан и, взвесив в руке свёрток бумаги, вернул его писарю.

– Четырнадцать, мой светлейший господин, – учтиво ответил писарь, которому было под шестьдесят лет.

– Можешь звать, – султан с одобрением кивнул писарю.

Тот ещё раз поклонился и отошёл в сторону от трона. Посмотрев на открытую дверь аванзала, из которой вошёл, он коротким движением поманил к себе кого-то. Из аванзала тут же вошёл Сорбон и быстро подошёл к старшему писарю. Он вручил глашатаю список и отошёл на несколько шагов. Сорбон же сделал десять шагов к гостям и обратился к ним торжественным голосом.

– Многоуважаемые гости! Прошу минутку вашего внимания. В тронный зал приглашается дочь правителя Ахоруна, несравненная султанзаде Зилола бинти Бузург!

Гости встали со своих мест и замерли в ожидании. Дверь, в которую ранее вошёл султан, снова открылась и в неё вошла она и действительно была несравненной.

У Азима начали покалывать пальцы рук и что-то задрожало в груди. Он не мог оторвать взгляд от султанзаде, чувствуя, как у него во рту наполняется слюна. Он сглотнул, восхищённый её красотой.

Зилола была в длинном серебристом платье с узорами в виде нераскрывшихся бутонов тюльпана, не выделяющих-

ся по тону платья, при этом у них был пурпурный отблеск. Между бутонами платье было украшено розовыми сапфирами. У неё на шее, над овальным вырезом платья, висела серебряная цепочка с подвесками, инкрустированными красными и синими камнями. К груди свисала ещё и гардана из серебряного, янтарного и сапфирового бисера. Серебристо-розовый платок на её голове был завязан в виде чалмы с открытым концом на затылке, из которого сыпались её каштановые волосы. На лбу было серебряное болоабру с такими же красными и синими драгоценными камнями. Поверх платья была короткая серебристая безрукавка с лёгким пурпурным оттенком и пурпурными бутонами тюльпана по краям.

Её стройную фигуру, скрытую под свободным платьем, выдавали её грациозные движения. Её скромный взгляд был опущен к долу. Она короткими шагами прошла по залу и встала не справа от трона отца, как это положено наследнику, а слева, ибо она была султанзаде, а не на-султаном.

Единственная дочь султана не может считаться наследницей, пока султану не исполнится шестьдесят лет, и у него не родятся наследники до этого возраста. Этот закон был принят больше двух тысяч лет назад султаном Хотамом³⁹ ибн Зухуром, когда в возрасте пятидесяти восьми лет его жена родила ему сына. Его единственная дочь тогда была выдана замуж за визиря торговли.

Зилола встала в двух шагах слева от трона отца и демон-

---

³⁹ Хотам произносится с горганной «х».

стративно отвела взгляд. Хоть у неё и был сдержанный вид, было заметно, что у неё нет ни малейшего желания находиться здесь.

А что она может сделать? Противиться? Возражать?

Законы Ахоруна беспощадны к бунтарству, особенно, если оно проявляется в благородных домах, ибо они должны быть примером уважения к закону для горожан.

Ровно год назад отец заявил своей дочери, что намерен выдать её замуж, и что на её именины придут сваты. Для Зилолы эта новость была больше, чем пощёчина, которую отец никогда ей не давал. Однако она не стала устраивать отцу скандал или закатывать истерику. Она даже и не задумывалась о замужестве в столь юном возрасте, но от решения отца убежать не могла. Зилола подчинилась воле отца, при этом попросив его лишь об одном. Она попросила отца выдать её за того, кто хоть и капельку, но полюбит и будет уважать её, а не женится на ней ради трона и власти. После первых сватов она горько и долго плакала в своих покоях. Будь её мать жива, она бы не допустила такого. Будь проклята эта Зелёная хворь!

Таким образом, за минувший год её отец четыре раза собирал сватов. И если в первый раз, когда отец отказал всем, Зилола подумала, что отец прислушался к её желанию. Затем, из раза в раз, ей всё больше казалось, что отец устроил из её смотрин своего рода торги, где единственным товаром была она, а покупателей становилось всё больше и больше.

Если год назад о желании отца выдать её замуж узнали и пришли свататься трое человек, то в этом году, как она узнала от писаря, пришли четырнадцать сватов.

Зилола успела заметить, что некоторые из них приходят свататься не в первый раз, и она надеялась, что отец снова откажет им.

Зилола начала мысленно повторять произведения лучших поэтов древности, чтобы отвлечь себя от этого фарса. Единственное, чего она сейчас хотела, чтобы этот базар закончился как можно скорее, а скупые покупатели ушли ни с чем.

Султан кивнул глашатаю и тот, стоя на своём месте, то есть в десяти шагах от трона, развернул свёрток и провозгласил первое имя из списка.

– Мой светлейший господин любезно передаёт слово его величеству султану Аброру, господину Амиду ибн Амину.

Из правого ряда с места встал один из тех двоих, похожих друг на друга человек, вошедших вслед за султаном. Он был высоким мужчиной (при этом на голову ниже того, в тёмно-зелёном халате) с круглым лицом, средним телосложением и бронзовой кожей. На нём был ярко-фиолетовый, широкий бархатный халат с живым, казалось бы, павлином на спине. Этот голубой павлин со сложенным хвостом был изящно изображен в натуральной величине. Края его халата были обрамлены узором в виде глазков павлиньих перьев. Глазки поменьше составляли узор передних краёв его халата. На голове у него был невысокий фиолетовый тюрбан. Впрочем,

вся его одежда, даже тканевые сапоги, были фиолетовыми. Из украшений на нём была всего одна толстая золотая цепочка с большим тёмно-фиолетовым сапфиром.

Султан Аброра встал ровно посередине зала, в центре янтарного ромба с изумрудными углами. Его густые ровные брови важно сошлись на переносице и с таким видом он поднёс свою правую руку с длинными пальцами к сердцу и сделал короткий поклон головой султану Ахоруна, а затем и его дочери.

– Приветствую тебя, брат мой, досточтимый султан Ахоруна. От своего имени и от имени всего народа Аброра, Адрора и Ахрора поздравляю тебя и твой народ с наступлением Навруза, – для Амида дипломатия была прежде всего. – Дорогой брат, – его голос был ниже, чем у Бузурга, – прошлым летом я узнал о твоём намерении выдать свою прекрасную дочь, несравненную Зилолу, – он коротко указал на неё. – Признаюсь, я слегка расстроен, что не первым узнал об этой новости, – перед приходом в тронный зал, на площади у дворца султан Амид сетовал султану Бузургу на то, почему он сам не сообщил ему об этом решении. – Тем не менее я очень рад, что ты ещё не выдал свою дочь замуж...

От этих слов Зилола, хоть и не демонстративно, закатила глаза и продолжила смотреть куда-то в пол.

– ...Я также узнал, – продолжал султан Амид, – что ты в каждое солнцестояние устраиваешь смотрины и приглашаешь сватов. Я не мог приехать по твоему приглашению

прошлой зимой, ибо меня не отпускали государственные дела. Но сегодня я здесь! – с незаметной улыбкой он нешироко развёл руками. – А со мной и мой сын. Мой наследник! – подчёркнуто заявил он. – Однажды, – теперь султан Амид решил начать издалека, – наши предки сроднились. Султан Аброр третий выдал свою единственную дочь Шабнам за Асада ибн Хушвахта, племянника султана Ахоруна, Хокима ибн Хушбахта. Теперь, шестнадцать веков спустя, я предлагаю тебе снова сродниться, – он сначала указал на своего сына, а затем на Зилолу. – Союз моего сына с твоей дочерью укрепит отношения наших государств. Твоя дочь станет маликой Аброра, когда мой сын взойдёт на престол. Кроме того, – султан Амид поднял палец вверх перед собой, – я предлагаю тебе, мой друг, жениться на моей племяннице. Сапна, – он указал на свою смуглую племянницу, которая сидела справа от его сына, в жёлто-полосатом платье и оранжевом камзоле, – лишь на два года старше твоей дочери, но не уступает ей в красоте. И я уверенно заявляю тебе, что она родит тебе наследников, – ранее на площади султан Амид сказал султану Бузургу, что тот ещё молод и ему нужно снова жениться. – Это моё искреннее предложение, дорогой брат, – султан Амид приложил руку к сердцу, немного подождал, глядя на Бузурга и, заметив задумчивость в его глазах, с улыбкой (не бескорыстной) сделал небольшой поклон головой и вернулся на своё место за дастарханом.

Сев рядом с сыном, султан Амид шепнул ему на ухо:

– Считай, что она уже твоя.

Молодой на-султан Аброра с довольным лицом покивал отцу. Он был в белом бархатном халате с тремя павлиньими перьями в виде белого узора на спине. Плечи и края рукавов его халата были украшены золотистой шёлковой накладкой с белыми волнистыми линиями. Под халатом на молодом человеке были жёлтая шёлковая туника, тонкий белый пояс с серебряными вплетениями и белые шаровары, заправленные в короткие серые тканевые сапоги с крючковатым носом. Его тюрбан был ниже, чем у отца, и белым с золотым вплетением.

За их дастарханом сидели ещё пятеро человек из свиты султана Аброра. Им, в отличие от султана Амида и его сына, не было сделано исключение. Они, как и остальные, сменили свою обувь на серые сандалии, а затем положили их за спину, прежде чем сесть на выданные им коврики; впрочем, как и все остальные.

Амид ибн Амин сделал весьма заманчивое предложение, и Бузург ибн Махмуд всерьёз обдумывал его. Выслушав предложения ещё троих других сватов, среди которых также выступил Далер ибн Джасур, он всё больше склонялся к тому, чтобы принять предложение султана Аброра. Но в зале оставались ещё десять сватов и нужно выслушать их всех перед тем, как объявить всем о своём решении.

Между тем, слуги подали второе блюдо – плов с пропорциями один к одному.

Всё это время глашатай-писарь не отходил от своего места и, когда пришло время позвать следующего свата, он раскрыл свёрток, чтобы прочесть имя из списка.

– Чтобы высказать своё предложение, светлейший господин приглашает под купол премьер-министра Зебистана, господина Расима ибн Насима.

Азим увидел, что со своего места встал тот самый высокорослый человек с корыстным взглядом в зелёном халате. Он сидел в первом левом ряду среди других пятерых визирей и казначеев.

Премьер-министр окинул гостей легким презрительным взглядом и медленно подошёл, и встал в янтарный ромб. Он хотел было заговорить, но султан Бузург поднял руку.

– Господин премьер-министр, – с ноткой насмешки проговорил султан Бузург, – вы меня удивляете, каждый раз приходя сюда как сват. – Бузург трижды отказывал ему, и вот он стоит перед ним в четвёртый раз. – *«Настырная муха»*. – Вы были писарем падишаха Нодира. Потом стали его послом в Ангуране, а теперь вы премьер-министр, – султан изобразил восхищение, но его до сих пор интересовал вопрос, каким образом находящийся при смерти падишах мог назначить этого самодовольного кретина на такую должность? – Вы и теперь хотите стать моим зятем или хотите просить за кого-либо другого? – в его тоне было скрыто презрение и недоверие.

Однако своё презрение к премьер-министру не скрыва-

ла его дочь. Если во время высказывания своих предложений предыдущими сватами Зилола делала вид, что её тут нет, то, когда в центр ромба встал этот премьер-министр, ей стало вдвойне неприятно находиться здесь и видеть его мерзкое лицо. Зилола огрела его кислым взглядом исподлобья и вновь уставилась в пол. Этот назойливый Расим уже в четвёртый раз приходит свататься. Она начала испытывать к нему отвращение с тех пор, как Расим впервые изъявил желание жениться на ней в день летнего солнцестояния. Тогда она искоса посмотрела на него и отвернулась. Она хотела покинуть тронный зал, но отец тихо и строго произнёс её имя, и она вынужденно осталась. И сейчас она не могла уйти, опасаясь, что отец не одобрит этого.

– *«Вот бы отец отказал ему и в этот раз»*, – с этой мыслью Зилола снова ушла в себя, вспоминая стихи именитой поэтессы и философа, Ардвисуры. Она жила шесть веков назад в Арруже, но после трагедии в семье начала путешествовать по Рахшонзамину и за её пределы. Своё текущее положение Зилола сравнивала с этой поэтессой. Её отец был богатым человеком и, когда пришла пора выдать Ардвисуру замуж, он тоже принимал различных сватов, в итоге выдав её за самого богатого. А как поступить её отец, султан Ахоруна, который богаче всех этих сватов, вместе взятых?

– Что ты предложишь мне в этот раз, Расим? – поинтересовался Бузург. Однако он не был намерен выдать свою дочь за этого лукавого шакала, чтобы он ни предложил. Ну, если

только он не предложит ему трон Расулабада, чего Расим не сможет сделать.

– Я предлагаю льготы вашим поставщикам, – без формальных любезностей Расим перешёл сразу к ответу. – Они смогут продавать свои товары по той цене, которую сочтут нужным. Я снижу для них налоги, что увеличит их доходы. Так они будут платить больше от своих доходов в вашу казну...

Султан Бузург прервал премьер-министра, отмахнувшись от его никчёмных предложений. Ему всё это было не нужно.

– Скажи мне, Расим, как обстоят дела с Чёрной напастью? – султан Бузург опасался, что она проникнет и в Ахорун.

– Мы в отчаянии, господин, – ответил Расим, опустив голову. Ему не понравилось, что его прервали, но он скрыл своё негодование под маской озабоченности. – Все принятые меры оказались безуспешны, – солгал он. – Люди падают духом. Наш союз с госпожой Зилолой вселит народу Зебистана новую надежду. Своей неотразимой и яркой красотой, – Расим посмотрел на султанзаде, – она рассеет тьму, сгустившуюся над Зебистаном, и прогонит Чёрную напасть прочь.

От такой лести Зилоле стало ещё тошно.

Султан Бузург же задумчиво опустил взгляд в сторону, что зажгло искру в глазах Расима. Премьер-министр подумал, что султан обдумывает его предложение. На самом же деле, это было не так. Султан Бузург думал о том, что раз

Зебистан не может справиться с Чёрной напастью, необходимо будет принять меры с их стороны, чтобы не дать её распространиться в Ахоруне. Все эти годы, когда Чёрная напасть захватывала земли и портила урожай в Зебистане, в его султанате никто не сообщал о ней. Однако теперь, когда торговля с Зебистане снова возобновилась, Чёрную напасть могут привести каким-то образом на грузовых лодках.

Султан Бузург не был уверен в своих мыслях, но он решил обсудить это вопрос после ужина.

– Я подумаю над вашим предложением, господин премьер-министр, – слукавил султан Бузург, добавив про себя, – *«Не дождёшься, гнилой шакал»*. – А пока, вернитесь на своё место, – он вежливо указал ему на дастарханы. – Давайте, послушаем остальных сватов.

Расим поклонился султану с рукой у сердца и вернулся на своё место. Он был седьмым сватом, который высказал своё предложение.

Глашатай-писарь развернулся к султану и, поклонившись, покинул тронный зал. Вместо него вошли слуги и подали гостям третье блюдо – жаркое из говядины и баранины, приправленное красным луком и зелёным сладким перцем.

Слушание сватов продолжилось после того, как жаркое было съедено, а грязная посуда вынесена. Сорбон вернулся в зал и по кивку султана Бузурга позвал восьмого свата, которым оказался мер Арружа. Он приходился султану Бузургу двоюродным младшим братом. Он встал из правого второго

ряды и подошёл под купол. На нём был красный халат с зелёной вышивкой в виде тюльпанов спереди. Он просил выдать Зилолу за своего племянника, Амира. Султан кивнул ему и тоже обещал обдумать его предложение.

Так, султан Бузург ибн Махмуд выслушал ещё пятерых сватов после двоюродного брата. Ими были мэр Фалида, говоривший за своего внука, казначей Мираса, выступивший от своего имени, и трое богачей Ангурана, двое из которых просили за своих сыновей. Всем им султан также обещал обдумать их предложение, однако последним он напомнил о законе.

Азим всё это время ужасно волновался, ожидая, когда же вызовут и его. Юноша наивно полагал что, увидев его, Зилола обрадуется и её милое лицо перестанет быть таким хмурым.

В списке Сорбона оставалось последнее имя и хоть он и хотел произнести его во весь голос, он замешкался. Свернув бумагу, Сорбон с озадаченным видом подошёл к султану. Если те трое богачей хоть как-то имели отношение к правящей знати и были приглашены на ужин по их подаче, Азим был приглашён из вежливости султана к победителю Бузкаши. Однако юноша явился во дворец в качестве свата и перед тем, как объявить его имя, будет лучше сообщить об этом султану. Потому-то Сорбон указал на последнее имя в списке и, шепнув ему на ухо, напомнил, кем является этот человек.

Султан взял список из рук Сорбона и велел ему подождать в стороне. Бузург ещё раз взглянул на список, на этот раз повнимательнее и насупил брови в удивлении и в некотором возмущении. Свернув список, султан Бузург спустился с трона и вернул его глашатаю-писарю. Затем он сделал несколько шагов вперёд и сам позвал последнего свата.

– Азим ибн Аъзам! – назвав его имя с нотами негодования и изумления, султан взглядом начал искать юношу.

Вот он встал из второго левого ряда сватов и нерешительно пошёл к центру зала.

Услышав своё имя, Азим задрожал от волнения и встал с места только после того, как отец и мать коснулись его. Азиму казалось, будто все смотрят на него, и так на самом деле и было. Очень многие уставились на него с порицанием. Многие гости в этом зале знали, кем является Азим ибн Аъзам, и что за выбор ему дан. Потому, среди гостей, сидевших за сватами, начался осуждающий ропот.

Юноша прижал голову к плечам и пошёл к центру янтарного ромба. Он, действительно, оказался прав в своём предположении. Зилола словно оживилась, услышав его имя, и с интересом подняла взгляд в его сторону.

– Азим ибн Аъзам, – удивлённо повторил его имя султан, когда юноша встал в ромб. В его голосе и взгляде тоже была укоризна. – Ты продолжаешь удивлять меня, юноша. Ты выиграл в Бузкаши и решил, что я выдам за тебя свою дочь? – султан Бузург, насупившись, указал на свою дочь. – Или ка-

мень, попавший тебе в голову, вышиб твой рассудок?

Азим хотел было ответить, но султан не дал ему раскрыть рот, невысоко подняв руку.

– Признаюсь, – снова заговорил султан, – ты устроил нам настоящее зрелище. Я стоя наблюдаю за тобой до самого конца... И даже моя дочь, – он подозрительно оглянулся на неё, ибо она впервые смотрела на свата. – Мархуров редко используют для загона на Бузкаши, – продолжил Бузург, снова посмотрев на юношу. – Обычные козлы наскучили зрителям, особенно мне, – он слабо постучал себя по груди. – Я хотел оживить состязание мархурами, добавить опасности... Но именно ты! – он возбуждённо ткнул пальцем в сторону Азима после паузы. – Ты взбудоражил всех. И я тебе искренне благодарен за твоё выступление. Ты не только повторил, но и превзошёл достижение моего хеш-султана, Асада ибн Хушвахта. Шестнадцать веков назад Асад загнал троих толсторогов в белый загон. После него ты первый, кто загнал козла в белый загон за столь долгое время, – султан покачал головой, не скрывая своего восхищения этим юношей. Однако в его голосе по-прежнему звучали нотки негодования. – Я рад, что ты здесь, сын Аъзама. По традиции победитель Бузкаши должен сидеть рядом с султаном на пире, устраиваемом в честь участников состязания. Однако ты не смог прийти из-за полученной травмы, – Бузург указал на свой правый висок внешней стороной кисти. – Я отнёсся с пониманием к этому и пригласил тебя на другой день праздника.

И вот ты здесь. Я рад, что тебе полегчало. Я бы очень хотел, чтобы ты стоял рядом со мной, но ты явился сюда не как гость, – разочарованно договорил султан.

– Позвольте заметить, господин султан, что этот юноша – простолюдин и не вправе находиться здесь в качестве свата, – неожиданно встрял Расим, резко встав с места.

Султан озлобленно посмотрел на Расима, затем, смягчив выражение лица, обратился к Расиму.

– Благодарю за ваше замечание, господин премьер-министр, – в вежливом тоне отчётливо звучала неприязнь к Расиму. – Прошу, сядьте на место, – попросил султан, добавив про себя, – *«Назойливый шакал»*. – Этот молодой человек находится здесь по моему приглашению. Я выслушал всех вас за этот вечер, и никто не сказал ничего нового. Может новичок и теперь выйдет победителем? – он перевёл взгляд на Азима. – Мне очень интересно, что скажет этот дерзкий юноша.

Азим хотел было ответить, но султан вновь прервал его.

– Твой дядя Адхам выпросил у меня чёрного жеребца из моего табуна, – султан не отрывал взгляда от Азима и удивлялся тому, как он продал жеребца почти даром. – Он мне говорил о тебе, но не сказал о твоих намерениях. Я не знал, что ты хочешь купить и мою единственную дочь, – он указал на Зилолу, которая, опустив взгляд, робко подглядывала на Азима. – Что ты мне за неё предложишь? – Бузург вопросительно посмотрел на Азима.

– Господин султан, только лица благородных кровей, или члены правящей знати могут сватать султан-заде, – не уни-
мался Расим.

– Спасибо, что напомнили, – резко и саркастично ответил султан, сдерживая гнев. – Ваш отец здесь с вами? – спросил он у Азима и вопросительно повернулся к глашатаю-писарю.

Сорбон кивнул, и Бузург снова повернулся к гостям.

– Аъзам ибн Саид! – позвал он отца Азима. – Прошу тебя подойти к сыну, – султан указал на центр ромба, когда Аъзам встал с места.

С рукой у сердца Аъзам взволнованно подошёл к сыну. Встав слева от Азима, Аъзам учтиво поклонился султану, который ответил ему коротким кивком.

– Столько гостей приехало в Ангуран на Навруз, что я и забыл о своём обещании, принимая их во дворце. Примите мои извинения Аъзам ибн Саид. Я высоко ценю вашу службу моему султанату. Настал час сдержать слово, – султан кивнул Сорбону, чтобы тот записывал, и серьёзно посмотрел на Аъзама. – Я, султан Ахоруна, Бузург ибн Махмуд, назначаю тебя, Аъзам ибн Саид, Визирем торговли Ахоруна, – торжественно объявил султан, приложив правую руку к сердцу. – Служи во благо народу и пусть Всевышний благословит тебя!

Аъзам также прижил правую руку к сердцу и низко склонил голову. Султан же повернулся к Сорбону и кивнул, чтобы тот принёс письменное назначение и орден визиря.

Сорбон заранее подготовил это назначение и положил ор-

ден во внутренний карман своего халата. Он подошёл к султану и с небольшим поклоном передал ему затребованное. В свою очередь, султан позвал к себе Аъзама, вручил ему письменное назначение и прицепил на грудь, с правой стороны, золотой орден визиря, выполненный в виде виноградной грозди, обрамлённой серпом новой луны.

– Я буду служить верой и правдой народу и вам, мой светлейший господин, – Аъзам прижал руку к сердцу и слегка поклонился.

Султан кивнул и вернулся на свой трон. Он указал Аъзаму тоже вернуться на своё место, оставив сына одного под куполом.

– Теперь этот юноша из правящей знати, – громко проговорил Бузург, строго сидя посередине трона. – Ты доволен, Расим? – он бросил взгляд через плечо Азима. – Сегодня нас удостоил честью своим присутствием сам султан Аброра, – Бузург подчёркнуто указал на Амида ибн Амина. – Среди всех сватов он сделал лучшее предложение, – этими словами он заставил Зилолу встревоженно посмотреть на него. – И я в серьёз обдумываю это предложение, – заявил он, не глядя на дочь. Слова Бузурга приободрили Амида, и он похлопал сына по плечу и что-то проговорил ему на ухо. – Он предлагает своего сына в супруги моей дочери, а это сулит ей целое государство. Сейчас я на пороге того, чтобы принять это предложение. Однако, я не хочу отпускать свою единственную дочь так далеко от себя.

Он посмотрел на Зилолу и увидел в её карих глазах искру. Не ужели её зажѣг Азим? Он задумчиво посмотрел на Азима, и у него в голове всплыло то, о чём Бузург уже давно забыл и даже не хотел вспоминать.

– Послушай, юноша, – султан щёлкнул пальцами, что было сигналом для писаря, который тут же развернулся и направился к северо-восточному аванзалу. – Я глубоко уважаю и ценю твоего отца, – продолжал между тем Бузург. – Но что ты мне можешь предложить?

Сорбон подошёл к двери аванзала и рукой позвал оттуда кого-то.

Из аванзала вынесли три больших сундука. Один был золотым с чеканкой, второй серебряным и тоже с чеканкой, третий был украшен драгоценными камнями. Слуги поставили сундуки в трёх шагах от трона султана и по его велению открыли сундуки. Первый сундук был полон золотых монет, во втором были серебряные монеты, а в третьем были драгоценные камни.

Сундуки и их содержание вызвали новый ропот среди всех гостей.

– В моей казне этих драгоценностей наберётся на тысячи таких сундуков. Никто из присутствующих не сможет предложить больше, – уверенно и надменно заявил Бузург. – Но моя дочь – моё единственное бесценное сокровище. Никакая обещанная власть не сможет выкупить её у меня. Какое предложение сможешь сделать ты, Азим ибн Аъзам, чтобы хоть

как-то превзойти все предыдущие предложения? Какой калым можешь предложить ты? Что ты сделаешь? Заполнишь мою казну картошкой? – с язвительной усмешкой спросил султан, и весь тронный зал разразился хохотом.

Правда, некоторым было не до смеха.

Униженный таким образом человек убежал бы из этого тронного зала в слезах, но не Азим. Возможно, он бы и убежал, случись это до состязания. Однако Бузкаши изменило Азима, переключило в нём что-то. Он начал чувствовать себя по настоящему взрослым. Он не обратил внимания на насмешку султана, а люди... Пусть себе смеются. Азим пришёл сюда добиться своей цели.

– Достопочтенный султан! – громкое обращение заставило всех замолчать. – С вашим богатством не сравниться никто, и оно мне не нужно, – тон Азима был учтив, но в нём слышались строгие ноты. – Мне не нужен и трон, который унаследует ваша несравненная дочь, – Азим посмотрел на Зилолу, та робко улыбнулась и опустила взгляд, а среди гостей его слова снова вызвали ропот удивления.

– Что же тогда тебе нужно? – удивлённо шепнул султан и начал вспоминать то, чему не желал верить.

– Как только я впервые увидел вашу дочь, я был поражён её красотой, словно в моё сердце вонзились тысячи кинжалов, – проговорил Азим, словно влюблённый поэт. – Я полюбил её с первого взгляда, и лишь настоящий кинжал сможет лишить меня этой любви...

– «Нет», – опешив, подумал султан. – «Не может быть», – он с ошеломлённым видом откинулся на спинку трона. – «Предсказание ведьмы», – наконец вспомнил он и его глаза озадаченно забегали. – «Это не может быть правдой», – Бузург отказывался верить.

– ...Я обещаю любить вашу дочь до конца жизни, – продолжал тем временем Азим, искренне глядя на Зилолу, которая время от времени со смущённой улыбкой подглядывала на него исподлобья. – Да! Я не богат, как все эти сваты, но обещаю, что ваша дочь будет жить в достатке. Я буду ценить и уважать её. Заботиться о ней, как о бесценном сокровище. Я не могу заплатить тот калым, который вы хотите. Но ради вашей дочери я готов исполнить любое ваше желание, мой светлейший господин.

– «Выдать за недостойного», – вспомнил султан слова Нигоры... нет, Арогин. Как бы ему не хотелось верить в предсказание ведьмы, оно сбылось и, как она предрекла, в обратном порядке.

Султан действительно любил свою дочь больше всего, как предсказывала Арогин, хоть он и не высказывал своей любви к дочери. И у него было всё – богатство, власть...

Султан задумчиво посмотрел на дочь, вспомнив обещание выдать её за того, кто полюбит её не ради наследства. Он также дал это слово своей жене перед её смертью. Бузург продолжал смотреть на свою дочь и видел в её глазах искру любви, которая ещё ярче горела в глазах Азима.

За прошедшие почти семнадцать лет после предсказаний Арогин, всё это золото, серебро, камни и побрякушки изменили султана. Он дарил все эти драгоценности своей любимой жене, а после её кончины он смотрел на них с тоской, которая постепенно переросло в бездонную пустоту. Султан пытался заполнить её всеми этими сокровищами, что и привело его к алчности, сделало его надменным и черствым.

В это самое время, глядя на дочь, он корил себя за то, что так мало уделял ей внимание. Однако алчность шептала ему изнутри, что где-то существует нечто, отсутствующее в его сокровищнице, и эта алчность вновь взяла верх.

– Как ты видишь, моя казна полна такими драгоценностями, – султан Бузург поочерёдно показал на все три сундука. – И как ты выразил, Азим ибн Аъзам, моя дочь – это бесценное сокровище, – он посмотрел на Зилолу и снова на Азима. – Однако есть кое-что дороже бесценного, – заявил он, выждав паузу. – Нечто, для которого я приберёг свой палец, – Бузург продемонстрировал левый указательный палец. – Перстень с этим сокровищем будет означать абсолютное богатство. Кусок этого сокровища размером с мою ноготь стоит дороже девяти таких сундуков, – султан с презрением указал на три сундука.

Азим, да не только он, весь зал ожидали, когда же султан скажет, что это такое?

Султан прочитал этот вопрос на лице Азиме и громко заявил:

– Это Чёрный рубин!

По залу снова прокатился ропот. Большинство из гостей попросту не слышали ни о каком таком Чёрном рубине, а те, кто слышал, не верили в его существование, ибо никто и никогда не видел ни одного украшения с таким рубином.

– Достань мне кусок Чёрного рубина размером с мой кулак, Азим ибн Аъзам, и я выдам за тебя свою дочь и устрою вам пир на весь мир!

Султан посмотрел на Зилолу, не отрывающую взгляд от Азима. По её сдержанной улыбке он понял, что дочь не против такого решения.

А вот Расиму оно было не по душе. Он встал, схватив свой коврик, и пущенной стрелой покинул тронный зал.

Азим же принял слова султана со всей серьёзностью. Он приложил руку к сердцу и громко заверил:

– Мой светлейший господин, я обещаю вам выполнить ваше поручение и достать Чёрный рубин во что бы то ни стало.

* * *

«Корневязи являются прямыми потомками Сохиба путешественника. Из поколения в поколение они утверждают, что им неведома тайна их знаменитого предка. Тогда зачем установили строгие правила у его дерева? И чужих они в свои ряды не берут, что наводит на подозрение: а не лгали ли они веками?»

– Помнишь Дерево Сохиба? – спросил Аъзам у старшего сына в ту ночь, когда они вернулись из дворца. – По легенде, на одной из его больших ветвях вырезана карта, указывающая дорогу к некоему черному сокровищу. Может оно и есть этот Чёрный рубин?

– В нашу первую поездку Комил предложил мне залезть на то дерево, – ответил Азим.

– Я могу отправиться с тобой и помочь взобраться на Дерево Сохиба.

Той ночью они сидели на топчане на террасе второго этажа. Азим не сразу ответил отцу. Юноша смотрел вдаль, где на западе восходила семидневная луна. У него была другая мысль о том, как найти этот загадочный Чёрный рубин. Он обдумывал эту мысль всю дорогу назад и никак не мог прийти к решению.

– Нет, отец, – вдруг сказал Азим...

Возможно, он был уже готов принять решение.

– ...Я не поеду лезть на то дерево, – Азим решительно посмотрел отцу в глаза. – Это опасно и... бесполезно, – он считал так, потому что видел, каким гладким и высоким является Дерево Сохиба. Взобраться на него будет просто невозможно. Разве что с очень длинной лестницей, что в свою очередь запрещено правилами Корневяза. – У меня другая мысль о том, как можно найти Чёрный рубин, – задумчиво

заявил Азим.

– Да? – удивленно скривил губы Аъзам. – И какая же?

– Рахмон-ака путешествовал по всему миру и рассказывал такие истории, в которые трудно поверить. Я думаю, он знает, где можно найти этот Чёрный рубин, – Азим поделился со своей мыслью с отцом и матерью, которая принесла им мятный чай с лимоном.

– Но его уже давно не видели, – сказал Аъзам, озадаченный мыслью сына.

– Я отправлюсь его искать, – заявил Азим после недолгого раздумья...

Азим вспомнил об этом разговоре, сидя на своём чёрном жеребце, который медленно ступал по дороге на запад. Казалось, будто и лошадь погружена в раздумья вместе со своим наездником. Они были уже второй день в пути. Отец уговаривал Азима, но юноша не позволил отцу отправиться с ним, твёрдо сказав, что сам должен сделать это. Зарина сильно переживала за сына, а в день его отъезда не сдержала слёз. Она понимала, что поход сына может обернуться долгим путешествием, и просила старшего сына быть осторожным и вернуться как можно скорее. Дядя Адхам тоже пытался отправить с ним своих сыновей, но Азим был непреклонен в своём решении отправиться одному на поиски сокровища. А Рауф, которого он попросил приглядеть за матерью, так и не понял, за чем отправляется Азим.

Юноша ехал позади двух повозок – одна была заполнена

коричневыми мешками, на второй было пять овец. Их блеянье нарушало тишину. Тракт, по которому он ехал, пролегал по низким раскидистым холмам и между холмами повыше. В путь он вышел на третий день после сватовства. Все эти дни он тщательно обдумывал предстоящее путешествие и решал, что взять с собой в дорогу. К счастью, отец помог ему с этим вопросом, и теперь по бокам его жеребца висели две толстые седельные сумки.

Белое солнце ярко светило на безоблачном зеленовато-голубом небе. Время было две сойи после полудня, когда к Азиму подъехал путник на серой пятнистой кобыле с чёрной гривой и хвостом.

– Куда держишь путь, юноша?

Азим повернул голову налево и увидел улыбчивого человека на вид тридцати пяти лет. Его голос прозвучал бодро и с явным намерением завязать дружественный разговор и скоротать этим время или, как говорят путники, убить скуку.

– В Арруж, – отчуждённо ответил Азим.

– Ах, этот город жасминов, – восхищённо пропел незнакомец. – С какой целью? – у него в глазах было любопытство ребёнка.

– Поиски, – кратко ответил Азим. В этот момент юноша не был склонен к разговору. Все его мысли снова были обращены к прекрасной Зилоле и тому, на что он согласился ради её руки и сердца.

Незнакомец заметил, что юноша погружён в себя и поэто-

му неприветлив. Но он не отступил и не проехал дальше. Наоборот, он бодро проговорил:

– Ах, все мы что-то ищем в этой жизни, сын... Кстати, позволь спросить твоё имя.

– Азим ибн Аъзам, – представился юноша, не глядя на незнакомца.

– Сын Аъзама, – повторил сразу за ним незнакомец, закончив таким образом своё предыдущее предложение.

Вслед за этим наступило молчание. Их лошади шли рядом и было слышно, как они дышат. Брови незнакомца вдруг потянулись вверх, а челюсть отвисла вниз. Его глаза широко округлились от озарения – до него только что дошло, кем является этот юноша.

– Так ты тот самый Азим, который сосватал дочь султана?! – проговорил он изумленно и восхищённо на одном дыхании и был весьма благодарен небесам, что не задохнулся при этом. – Уф-ф, – он сделал жадный глоток воздуха и выдохнул. – Ты тот самый юноша, вызвавшийся добыть невиданный Чёрный рубин? – пальцами он изобразил кавычки.

Азим подтверждающим взглядом посмотрел на незнакомца, но ничего не ответил.

– Да-а, сын Аъзама, твои поиски куда сложнее, чем у всех остальных, – многозначительно вздохнул незнакомец.

– А как зовут вас, ака? – осведомился Азим.

Весёлое настроение этого человека всё-таки склонило юношу поддержать разговор. На лице Азима прорезалась

лёгкая улыбка.

– Файз, – ответил мужчина в белой рубахе и светло-голубых шароварах и таком же халате без рукавов. – Файз ибн Лоик, – уточнил он, прижав правую руку к сердцу. Затем он протянул эту же руку Азиму. – Я очень рад познакомиться с тобой, Азим ибн Аъзам. Весь Ангуран говорит о тебе! – возбуждённо проговорил Файз. – Значит, ты держишь путь в Арруж, чтобы найти там заветный Чёрный рубин? За свои тридцать пять ст... свои тридцать пять лет не знал, что там можно найти Чёрный рубин, – запнувшись, проговорил он.

Азим неуверенно посмотрел на Файза.

– Нет, – коротко сказал юноша.

– Нет? – удивлённо переспросил Файз. – Чем ты встревожен, сын Аъзама? Думаешь, вряд ли то, что ты ищешь, можно найти в Арруже? Иначе, дочь султана давно досталась бы другому свату... или никому, если бы его нашёл сам султан? Ты знал, что до этого он был мэром Арружа?

– Нет, Файз-ака, – Азим озадаченно опустил взгляд. Это было не ответом на вопрос. – В Арруже я надеюсь найти друга главы посевных земель моего отца.

– Ты говоришь так, будто он пропал.

– С прошлого лета о нём ничего неизвестно. Он работал на моего отца и вдруг пропал. Больше его никто не видел в Ангуране. Рашид-ака полагал, что он мог вернуться домой, в Арруж, но ему сообщили, что и там его никто не видел. Рашид-ака очень беспокоится... – Азим осёкся. К нему нежи-

данно пришла мысль, что Рахмон возможно мог и скончаться, ведь он был старым и слабым человеком.

– Этот Рашид-ака сильно переживает за своего друга, – с сочувствием договорил за него Файз.

В затаянтом произношении последнего слова Файз намекал на вопрос и Азим ответил ему:

– Рахмон-ака. Он друг детства Рашид-аки.

– Понятно, – выдохнул Файз.

Он хотел сменить тему. Такие разговоры были ему не по душе. Грустные темы навивали на него тоску. Файз был весёлым человеком и в этот момент подбирал в голове шутку, чтобы украсить их мрачный разговор...

– В Арруже я надеюсь отыскать старика и убедиться, что с ним всё в порядке, – сказал между тем Азим. – Я намерен уговорить его вернуться в Ангуран, если мне удастся найти его.

– Благородные у тебя намерения, сын Аъзама, – похвалил Файз, забыв про шутку.

Азим коротко кивнул, задумчиво глядя в никуда.

Они по-прежнему ехали позади двух повозок, когда Файза вдруг озарило.

– А знаешь, что, сын Аъзама?! – громко произнёс он, вызволяя Азима из плена его мыслей, и юноша вопросительно перевёл на него взгляд. – Мой прадед, – продолжил Файз, когда мне было лет шесть, говорил, что его дед, тогда ещё бегло умевшим читать и говорить на языке Далёких предков, го-

ворил, что название города Арруж созвучно с древним словосочетанием «*хар руз*», то есть каждый день. Само название Арруж имеет совсем другое значение, но я от части согласен со своим прапрадедом.

Файз посмотрел на Азима и заметил, что юноша, склонив голову набок, с интересом слушает его, пока их лошади медленно ступают по полумягкой земле.

– Каждый день, – продолжил Файз, и улыбка сошла с его смугловатого квадратного лица, – в Арруж приезжают купцы из Расулабада, иногда и Шомабада, – он мечтательно взглянул на небо, – города, построенного в ночи. Ах... взглянуть бы него с высоты птичьего полёта, – эта мечта отвлекла его от мысли, но Файз, встряхнув головой, продолжил. – И каждый день в город приезжают путешественники, желающие посетить все города Рахшонзамина, но не все они возвращаются домой, к своим семьям. Люди пропадают, Азим. И это происходит каждый день. А в Зебистане люди стали пропадать всё чаще в последнее время.

В загадочном тоне Файза Азиму послышалось пугающее предупреждение.

– Они пропадают в пустыне? – шёпотом спросил Азим, остерегаясь, сам незнамо чего.

– В пустыне или в постели других женщин, – шутливо пожал плечами Файз. – Я сам пару раз так пропал, – ухмыльнулся он и они оба расхохотались, заставив людей на повозках оглянуться на них с укором.

– Вы слышали много историй про пустыню Эрг? – вдруг спросил Азим. – В Ангуране говорят, что там живёт дэв.

– Там живет Таоруз, – неожиданно встрял грубый голос с лёгкой хрипотцой.

Справа к ним подъехал на тёмно-буrom коне некий тип в сером коротком стёганом халате с коричневыми полосатыми рукавами. На голове у него была невысокая конусная коричневая тубетейка с серым перцовым узором. Этот тип смерил Азима и Файза мрачным взглядом и поехал дальше.

– «Таоруз», – с трепетом повторил про себя Азим, глядя в спину этому странному типу, который без приветствия встрял в их разговор и также невежливо покинул его. У Азима в голове появилось столько вопросов, что он захотел догнать этого типа с черными шароварами в коричневую полоску и расспросить его о пустыне... расспросить его о дэве.

– Дэвы, шмэвы, – вдруг передразнил Файз.

Сделал он это нарочито, заметив желание Азима догнать того типа. – Знаешь, Азим, – позвал он его, чтобы юноша не стал осуществлять задуманное, – про женщин Джоду говорят, что они те ещё злые ведьмы, но лично я скажу тебе, что они милейшие существа на свете. Я знал одну. Её звали Нигора. Правда, теперь её имя произносят по-другому.

Сработало. Азим в недоумении посмотрел на Файза.

– Кажется, я видел его среди гостей во дворце, – предположил Азим.

– Возможно. Судя по его одежде, он может быть послан

шах-султана Бахрияна, О... Ту... Узьура... Никогда не мог проговорить его имя. Что-то между «о», «у» с нотками «ю». Что делают эти бахриянцы с гласными – просто ужасно, – в ироничном негодовании покачал головой Файз.

– Он знает его имя, а значит, он может рассказать мне про Эрг и внести некоторую ясность относительно дэва, – Азим посмотрел в спину удалявшегося бахриянца.

– Все эти рассказы про дэва, – Файз посмотрел на Азима с усмешкой и фыркнул. – Я считаю их всего лишь бабушкиными суевериями. Я не верю в них, – Файз помотал головой. – И тебе советую не верить и не вдаваться в них.

В его серьёзном виде и тоне Азим уловил недоговорённость и, прежде чем юноша смог подозрительно насупиться, Файз лукаво ухмыльнулся, пожал плечами и посмотрел вперёд. Однако Азим не сводил с него глаза. Его удивляла безразличность Файза, пусть даже и суевериям народа. Азим тоже посмотрел вперёд и увидел, что тот бахриянец уже был в ста газах впереди них.

Почему его всегда отговаривают от расспросов о дэве, недоумевал Азим, загадочно повторив про себя:

– «Таоруз».

– Давай объедем эти повозки. Мне надоел запах, исходящий от этих овец, – предложил Файз.

– А каково истинное значение слова «Арруж»? – спросил Азим с неожиданным интересом к городу, в который он держит путь.

– Ах, это добрую историю любви знают все в Арруже! – заявил Файз нараспев, будто обрадовавшись данному вопросу.

Эти золотые волосы под стать лучезарному лику твоему,

Тебе, любовь моя, Ёсуман, сердце своё дарю.

– Это двестишье султанзаде Темур посвятил дочери главы села и сравнивает её красоту с цветком жасмина, – объяснил Файз. – Эта история любви произошла во втором тысячелетии Эпохи человека... или раньше? – неуверенно задумался Файз. – А ты знаешь, что именно с этой историей и связано основание города Арруж, ведь он раньше... – Файз осёкся. По взгляду Азима он понял, что тот далёк от истории Ахоруна. – Ах, ну да, – вздохнул он. – Так вот, раньше на месте города было село, окружённое цветочными полями. Больше всех на этих полях росли жасмины, белые, как летние облака. Это село называлось Гулистан. Главой села был приятный человек, которого звали Максуд. У него было трое сыновей и одна дочь, Ёсуман. Белокожая, как жасмин, златовласая, зеленоглазая красавица. Когда её цветок расцвёл, отец решил подыскать ей жениха, которых тут же нашлось немало. Максуд не мог выбрать среди них того, кто мог бы также хорошо позаботиться о его единственном цветке. Ведь как садовник вырастит цветок, также за ним должен ухаживать и купец. А беззаботных среди сватов было много. *«Дочь, любимая отцом, достойна стать женой, любимая мужем. Иначе, это не брак, а обман»*, сказал Максуд, отка-

зав всем сватам из своего села. Он также уважал желание дочери не выходить за нелюбящего и нелюбимого. Однажды на Навруз, когда Ёсуман уже исполнилось девятнадцать лет, в село приехал султанзаде Темур, второй сын султана Масъуда. В Ахоруне принято, чтобы султанзаде посещали города и сёла от имени султана по праздникам. На Навруз женщины и девушки Гулистана рано утром плели венки из цветов, а к полудню выбирали самый красивый венок. Победительнице объявляли местной маликой Навруза, дарили трёх овец и золотое кольцо с красным рубином. В тот Навруз женщины-старейшины села победительницей избрали Ёсуман. Из цветов жасмина и тюльпанов она сплела болоабру, который впечатлил всех. Выбор был единогласным. Главную награду ей вручил молодой султанзаде. Он надел на её нежный длинный палец кольцо и влюбился, как только взглянул на её лицо. Темур начал ухаживать за Ёсуман и посвятил ей множество стихов в стиле «Аруз». Максуд не был против этого и после Навруза султанзаде Темур попросил его выдать за него Ёсуман. Максуд дал согласие, однако одной женитьбы на дочери главы села было мало Темуру. Он вернулся в Ангуран за отцовским благословением и султанским дозволением. Изъявив своё желание и задумку отцу, султанзаде с одобрением султана и с матерью вернулся в Гулистан. А задумал он следующее, мой милый друг, – Файз посмотрел на Азима и улыбнулся. – Будучи вторым сыном султана, Темур не мог унаследовать трон отца вперёд старшего брата.

Потому он попросил у отца-султана позволить ему основать на месте села Гулистан город и назвать его Арруж. Султан Масъуд удивился названию, и Темур объяснил это тем, что там он нашёл себе невесту, а синоним слова невеста на языке далёких предков это «аруж» и, если над последней буквой поставить черту в другом положении, то он преобразуется в слово «аруз» – стиль большинства стихов, которые он посвятил Ёсуман. После пышной свадьбы был основан город. Глава села и его сыновья с радостью уступили правление Темуру и объявили его мэром. Тысячу лет прошло с тех пор. Про историю любви Темура и Ёсуман написали много песен и стихов. Правда, я запомнил самые лёгкие из них, – признался Файз. – Но будь уверен, сын Аъзама, если ты каким-то чудом добудешь этот невиданный Чёрный рубин и станешь султаном, то твоя история точно затмит эту. Я тебе обещаю, что запомню все песни и стихи, которые сочинят про вас. Да что там, я сам посвящу вам стих! – обещал Файз.

Его рассказ увлёк Азима. Он невольно сравнил себя с султанзаде Темуром. Тот влюбился в девушку, красивую как жасмин; он же влюбился в девушку, прекрасную как тюльпан. Грудь Азима наполнилась тёплым, бурлящим чувством, когда он вспомнил про Зилолу.

В голове Азима также звучали слова Файза про то, что он может стать султаном, добыв Чёрный рубин. И вдруг он подумал, а что, если он не сможет? Что, если этого Чёрного рубина и в правду нет? Перед его отъездом многие сказали,

что никогда не слышали о таком драгоценном камне. Что, если он потратит много лет на поиски несуществующего сокровища и не вернётся домой? Что, если он тоже пропадёт?

Эти вопросы усиливали в нём сомнения и наводили на него некий страх. Они толкнули его на унылое раздумье. Мысли снова привели его к вопросу об участии старика – куда же пропал Рахмон-ака? Всё ли с ним хорошо? И самое главное – жив ли он?

Заметив подавленное выражение Азима, Файз спросил:

– Что снова прокис?

Азим не ответил. Он лишь задумчиво посмотрел вперёд, где вдалеке от них безмятежно ехал на горделивом коне тот самый тип.

– Ох уж эти надменные бахриянцы, – Файз со вздохом покачал головой. – Считают себя прямыми потомками Далёких предков и потому с высока относятся ко всем народам Рахшонзамина... А иногда даже с презрением, – с осуждением проговорил Файз.

Азим посмотрел на Файза. По его взгляду было ясно, что он не слушал своего собеседника.

– Я всё же хочу догнать его и побольше узнать от него про дэва пустыни...

– Поверь мне, – резко, но негромко прервал его Файз. – Поверь мне, юноша, – с убеждающим тоном повторил он. – Не стоит этого делать. Он не скажет тебе больше, чем уже сказал. Я не верю в дэва и во всякую подобную чепуху, –

слукавил Файз и сделал это, чтобы уберечь юношу от беды. – Может, потому что я никогда не сталкивался с этим... не знаю. Я верю в то, что я вижу. И тебе лучше не дознаваться про всё это. Найдётся твой Рахмон-ака, я уверен. Думай о своей возлюбленной. Думай о хорошем. Всегда думай о хорошем и плохое будет держаться тебя стороной.

Это ещё больше озадачило Азима. Почему нельзя спрашивать об этом дэве? Азим негодовал, но сам, не зная почему, не осмелился задать этот вопрос вслух.

Объехав повозки, их лошади стали ехать чуть быстрее по дороге, петлявшей среди зелёных полей. В наступившей тишине было слышно, как лёгкий ветер колышет кончики травы и как беспокойно жужжат пчёлы над цветками. Азим молча любовался красочной палитрой нераскрывшихся тюльпанов и других цветов, снова думая о Зилоле. Она столь же красива, стройна и «пышна», как эти цветы весны. Он сорвал бы огромный букет, будь его «тюльпан» сейчас рядом. Сказать бы ей, как он очарован её красотой, как он в неё влюблён.

– «А что чувствуешь ты, о несравненная Зилола?» – спрашивал про себя Азим. – «Ждёшь ли ты моего возвращения?»

Азим мечтал услышать её голос, с досадой думая о том, что им даже не позволили поговорить после сватовства. Он уныло вздохнул и захотел повернуть своего жеребца к холму и сорвать оттуда один тюльпан, чтобы хоть как-то унять бурление чувств в груди.

– Азим! – вдруг окликнул его Файз, задорным голосом. – За этим холмом в двух фарсангах есть яблонева роща, – он с вызовом смотрел на юношу. – Кто прискачет туда последним, будет жуком вонючкой! – объявил он и тут же крикнув команду своей кобыле, Файз пустил её вскачь галопом.

Дорога, по которой они в это время ехали, пролегла у подножия невысокого холма и сворачивала направо за его западным склоном. Азим не сразу понял, что Файз бросил ему вызов. А когда это до него дошло, Файз уже скрылся за тем склоном.

Азим крепче схватился за поводья и пришпорил жеребца в бок. Тот громко заржал, ожидая эту команду, и погнал на всех парах. Азим подумал, что причинил боль своему жеребцу, однако ему не хотелось обзавестись кличкой «жук вонючка». *Мерзкая тварь*, думая про себя, Азим ещё раз пришпорил жеребца, на этот раз не так сильно. Ничего, он утешит жеребца и угостит его яблоком, как только они доберутся до рощи первыми. Сколько угодно яблок.

До поворота за склон холма было две стадии от того места, откуда он погнал своего жеребца. Быстро преодолевая это расстояние, в Азиме проснулось чувство азарта и первенства. Каждым беговым шагом жеребца мысли о прекрасной Зилоле оставались далеко позади. Быстроногий жеребец, словно ветер, проносился мимо других путников, которых на этом отрезке было не так уж и много, что приводило последних в негодование.

Возбуждённая улыбка прорезалась на лице Азима. Ему хотелось улюлюкать от восторга. С громким свистом и хохотом он пронёсся на своём жеребце мимо старушки за упряжкой фургона, которой оставалось лишь ворчливо покачать головой.

Азиму было не до побеспокоенных старушек. Догнать и обогнать Файза – вот, что сейчас имело значение. Чувство скорости полностью овладело Азимом.

На этой стороне холма дорога на две стадии тянулась на север. Затем она дугой, протяжённостью в шесть стадий, снова сворачивала на запад. На этом конце дуги Азим и заметил Файза. Его серая кобыла оказалась на удивление быстрой.

– Сейчас догоним, – уверенно проговорил Азим над ухом жеребца и прижался к его шее. – Быстрее! – прошептал он ему на ухо весело, возбуждённо и со смехом. Жеребец с удовольствием увеличил скорость.

После длинной дуги дорога тянулась строго вперёд и шла слегка в гору на невысокий раскидистый холм, которому не было конца, края. С предвкушением победы, Азим посмотрел на горизонт над этим холмом. Файз уже был на вершине холма и скоро, словно закатное солнце, он исчезнет за горизонтом.

– Быстрее! – нужно было прибавлять в скорости.

Посередине пологого склона впереди Азима, по правому краю дороги мелкой рысью на своём тёмно-буром коне ехал тот самый бахриянец, которого Файз обозвал надменным.

Азим не стал останавливаться и обогнал его слева.

– Кто последний до роши, тот жук вонючка! – при этом с улыбкой крикнул ему Азим.

Бахриянец лишь недовольно фыркнул в ответ и ещё пуще нахмурил свою мрачную физиономию. Видимо, Файз тоже бросил ему вызов.

Азим оглянулся, посмотреть, как поступит этот бахриянец. Примет ли вызов или нет? Тот был уже в ста локтях позади него и быстро отдалялся всё дальше, пока жеребец Азима мчался вперёд.

Бахриянец вызов не принял.

– *«Надменный галош»*, – хмыкнув, подумал Азим и устремил свой взгляд вперёд. – Быстрее!

Дорога от подножия до вершины заняла треть мила. На вершине холма Азиму открылся прекрасный, даже изумительный вид. Если до этого всё вокруг было зелёным со множеством разноцветных тюльпанов и других цветов, то на этой стороне было не просто множество, а целое море тюльпанов. Этот скат холма тянулся на целый фарсанг. Азиму казалось, что он скачет среди облаков. Вся эта сторона холма просто усеяна белыми тюльпанами, где на каждые сто белых тюльпанов приходится всего по одному цветку другого цвета. Казалось, словно благородные мужи в белых одеяниях добивались чести станцевать с прекрасной девицей, украшенной в яркие цвета любви, счастья, скромности и сдержанности. Лёгкий ветерок пел им песню весны и нежно колыхал их

мягкие лепестки, и смущённые цветные девицы робко уклонялись от настойчивых ухажёров и их приглашений на танец.

Роцца, к которой Азим стремился приехать первым, уже стала видна с вершины холма. Она растянулась на треть фарсанга справа и на пол фарсанга слева от дороги. До неё от победы Азим разделяло расстояние чуть меньше двух фарсангов. Но, чтобы победить, Азиму ещё нужно обогнать Файза.

На полого снижающемся склоне жеребец Азима набрал такую скорость, что юноше на миг стало тошно. Азим боялся, что не сможет удержаться и упадёт, переломав себе все кости. За краткое время общения с Файзом Азим понял одно: даже с переломленными костями Файз обзовёт его жуком вонючкой.

– *«Ну уж нет»*, – Азим прижался к гриве жеребца, ещё крепче взялся за поводья и догнал Файза раньше, чем на пол пути к опушке роцци. – К победе! – шепнул он жеребцу.

Файз стремглав гнал свою кобылу, хлестав поводьями, и вдруг...

– Йиии-хааа!!! – в восторге прокричал ему Азим, проносясь мимо него. Возбуждённые и весело горящие глаза юноши смотрели прямо на удивлённое с разинутым ртом лицо Файза.

Его вот-вот обставят в его же собственной игре. Файз часто затевал подобные перегонки со многими путниками, с которыми ему доводилось общаться в пути. Этот хитрый лис редко позволял обыгрывать себя, но сейчас... Недопустимо!

Азим отстал, когда он бросил ему вызов и погнал свою кобылу вперёд. Теперь же отстаёт он сам, и юноша на чёрном жеребце стремительно увеличивал отрыв. Что же подумают друзья, узнав, что Файз-наездник проиграл, да ещё и с форой.

Мысль о проигрыше была неприятна Файзу, и он хлестнул поводьями, чтобы его кобыла побежала быстрее. Он прижался к её шее и начал выкрикивать ей команды на чужом языке. В добавок, он бил её в бок...

Его кобыла, конечно, побежала быстрее и приблизилась через четыре стадии на то расстояние, на котором она бы уткнулась в хвост жеребцу Азима. Однако норовистый, горделивый и чистокровный жеребец не дал обогнать себя какой-то серой кобыле и без команды своего наездника прибавил в скорости. Отрыв увеличился на шесть лошадей.

Опушка рощи всё ближе и ближе. До неё оставалось четверть мила. Вот она победа – до неё лишь рукой подать. И юноша останется самим собой, а не каким-то вонючим насекомым.

Радость победы переполняла Азима, когда перед ним вдруг выросла яблоня с низкой кроной. Он нагнулся в бок, чтобы не расшибить свою голову о торчащую ветку и, потянув поводья, проехал под ней. Его жеребец объехал вокруг яблони и остановился. При этом Азиму удалось сорвать на половину красное яблоко. Он выехал из-под низкой кроны с счастливой улыбкой и детской радостью на лице. Азим под-

нял яблоко высоко перед собой. Его жеребец заржал и довольно бил копытом по мягкой траве – это он выиграл гонку. Жеребец не сильно устал и даже не взмылился. Он снова громко и хвастливо заржал, когда Файз прискакал на своей кобыле.

За одну стадию Файз снизил скорость своей кобылы. Она у него запыхалась, а изнурять её ради второго места не имело смысла. Серая кобыла медленно шла в сторону чёрного жеребца, а её всадник ехидно ухмылялся. Файз тоже сорвал яблоко с того же дерева и поднял её перед собой с безмятежным лицом победителя.

– Жук вонючка! – громко прозвучало среди зелёных крон ранних весенних яблонь.

Поняв, что они одновременно произнесли титул проигравшего, оба расхохотались.

– Я первый, – уверенно заявил Файз, спешиваясь. Он привязал свою кобылу к ветке так, чтобы она могла дотянуться до яблок.

– Да-а! Первый! После меня, – улыбнулся Азим и тоже слез с жеребца. Он похвально потрепал жеребца за гриву и подвёл к лошади Файза.

– Резвый у тебя жеребец. Откуда? – спросил Файз. После такого провала ему наверняка захочется сменить лошадь.

– Купил его из табуна султана, – коротко ответил Азим, не вдаваясь в подробности. Он привязал жеребца к другой ветке и угостил сорванным яблоком.

Такой ответ поразил Файза. Разинув рот, он вылупил изумлённые глаза на юношу. Как ему удалось купить то, что не продаётся?

– А ты хитрый плут, сын Аъзама, – вдруг шутливо сказал Файз. – Ты купил у султана этого жеребца, – проговорил он, всё ещё не веря в это, – а теперь хочешь купить у него ещё и дочь? А Чёрный рубин – это его цена, – изумлённо помотал он головой и сел на землю, не отрывая глаз от Азима.

– Султан сказал мне то же самое, – Азим опустил на Файза озадаченный взгляд и подумал, а не был ли он тоже на том пиру?

– Невероятно! – вздохнул Файз.

Азим молча покивал и продолжил собирать яблоки в подол своей белой рубахи с зелёной и тёмно-синей лозой на рукавах и плечах. Затем, приклонившись, он бережно выкатал из подола яблоки на траву перед своим жеребцом. – Ты заслужил, – прошептал он на ухо жеребцу.

Азим взял сумку со съестными припасами, которую собрала ему мать, и присел рядом с Файзом. Они устроили привал под кроной яблони. Азим угостил Файза жареным мясом из небольшого глиняного кувшина и мягкой кулчой. Заедали они сочными яблоками. После скромной трапезы Файз достал из своей седельной сумки небольшую медную фляжку и угостил Азима сладковато горьким отваром кураги.

– Ну так кто же жук вонючка? – спросил Файз с невинным

видом, словно никто его не обгонял вовсе.

Азим отвёл взгляд на белоснежные тюльпаны, цветущие по всему склону бескрайнего холма, вспоминая о Зилоле. Вдруг он улыбнулся как-то саркастично и кивнул в сторону человека, не спеша скачущего на тёмно-буrom коне.

Файз тоже взглянул в ту сторону и увидел того бахриянца.

– Я и ему бросил вызов, – признался он и после коротко молчания изумлённо уставился на Азима. – Ты тоже?

– Да-а, – с отрывистым смехом протянул юноша.

– Так вот он наш победитель! – торжественно объявил Файз, указав на бахриянца. – Медленно сползает со склона, зная и гордясь тем, что, если его раздавят, вонь будет стоять омерзительная. Потому, ползёт себе, никого не признавая. Жук вонючка.

– Ладно, – усмехнулся Азим. – Отстань от него.

Файз махнул рукой и, встав с места, подошёл к своей кобыле. Из другой седельной сумки он достал жёлтый мяч, размером с небольшую ладонь без учета пальцев. Улыбнувшись, он повернулся и с новым вызовом посмотрел на Азима.

– Умеешь играть в палмбол? – спросил он у юноши, а его тон говорил о том, что он хочет сыграть.

– Играл когда-то в детстве, – равнодушно ответил Азим.

– Хочешь сказать, что это детская игра? – возмутился Файз. – Эта игра, как и я, родом из Фалида, – про себя он, конечно, слукавил. Файз не совсем родом из Фалида. – А там в неё любят играть даже старики! Она полезна для их здо-

ровья и ума, – Файз пару раз перебросил мячик из руки в руку. – Давай, сыграем, – затейливо предложил он.

Азим вздохнул. У него не было другого выхода, кроме как согласиться.

– До ста, – условился Азим.

– До ста играют новички, – не согласился Файз.

– Я утратил навык, – оправдался Азим.

– Руки есть, – Файз утвердительно указал на руки Азима. – Считать умеешь? Лови, – Файз подкинул мячик Азиму, когда тот кивнул в ответ. – Давай до двухсот, – предложил он. – Но знай, мой рекорд – триста пятьдесят два удара за один раз. И я дважды выигрывал соревнования по палмболу в Фалиде, – гордо похвастался Файз.

Азим встал, прокрутил мячик пальцами в руке и взвесил его: мячик был гладким и весил не больше яблока. Хорошо, подумал он и подбросил мячик в воздух...

– Раз...

Правила игры в палмбол были очень просты.

– ...девать, десять...

Нужно взять мячик в одну руку и согнуть руки в локте перед собой на уровне пояса, но не выше груди.

– ...тридцать один, тридцать два...

Затем нужно подбросить мячик перед собой до уровня плеч, но можно подбросить и выше, однако нельзя бросать выше головы на одну широкую пядь.

– ...пятьдесят шесть...

И когда мячик начнёт падать, по нему нужно ударить серединой ладони другой руки или пальцами и так поочерёдно быть по мячику.

Азим добил до семидесяти пяти, а на семьдесят шестой удар не смог дотянуться до мячика.

В палмболе не нужно стоять на месте. Наоборот, нужно следить за мячиком и двигаться ему на опережение. Расстояние до мяча не должно быть меньше одной ладони, при этом допускается касание мяча к телу.

Файз со злорадным смехом подошёл к мячику и подобрал его.

– А теперь смотри и учись у мастера, – насмешливо сказал он Азиму. – Раз...

Независимо от целевого счёта, если игрок ударит по мячику всего один раз и уронит его, он сохранит свой бал и сможет продолжить счёт, когда очередь снова дойдет до него.

– ...тридцать один, тридцать два...

Одновременно с ударами нужно вслух произносить счёт. Для удобства игрока допускается считать громким шёпотом. Самое главное, чтобы соперник слышал, как ты считаешь.

– ...пятьдесят семь...

Не допускается быть по мячику, чтобы тот взлетел выше головы на одну широкую пядь, для того чтобы перевести дыхание.

– ...семьдесят восемь...

Движения Файза были проворными и ловкими. Он умело

бил по мячику ладонями, двигался за ним, крутился и нагибался вниз, протягивая руку за мячиком, когда не успевал за ним.

– ...сто семь...

На сто восьмой удар, на удивление Азиму, Файз неожиданно ударил по мячику локтем.

Удары внешней стороной локтя допускались и при этом также допускается полёт мячика выше головы на одну широкую пядь.

– ...сто двадцать семь...

Такие удары локтем удавались лишь заядлым игрокам, каковым и был Файз. Он ещё раз ударил по мячу локтем.

Однако не разрешается быть по мячику одной рукой более двух раз подряд. С третьим ударом подряд игрок сразу считается проигравшим и все набранные балы равняются нулю.

– ...сто пятьдесят пять...

Ударившая по мячу рука, затем опускается к бедру до следующего удара.

– ...сто шестьдесят семь...

Если запнуться при счёте, в балл засчитывается последнее, правильно произнесённое число.

– ...сто семьдесят девять...

Независимо от целевого счёта, соперник не должен дать будущему игроку добить последние пять ударов.

– ...сто девяносто четыре...

Азим приготовился.

– ...сто девяносто пять...

Чтобы не дать сопернику набрать последние пять баллов, нужно отбить у него мячик. При этом правило о высоте полёта мячика не действует, когда игроку остаётся набрать последние пять баллов.

Файзу удалось добить до ста девяноста семи, когда Азим подпрыгнул и ударил по мячику и тот полетел к дереву. Это лишь позабавило Файза.

– Мне остаётся три удара, – радостно заявил Файз.

Азим подобрал мяч. Вышел из-под кроны. Смерил ухмыляющегося Файза взглядом и продолжил игру со счёта семидесяти шести.

Файз, скрестив руки у груди, с усмешкой наблюдал за тем, как Азим неуклюже бьёт по мячику. Он был уверен, что юноша скоро уронит мячик. И он был прав. Азим добавил к своему предыдущему счёту пятьдесят один балл, в общем набрав сто шесть баллов. На сто седьмом ударе Азим не смог дотянуться до мяча и тот упал на землю и покатился прочь.

Файз подбежал к мячику и подобрал его. Затем он поднял мячик перед собой на уровне живота и дождался, пока к нему не подойдет Азим, но юноша не хотел этого делать.

– Ладно, ты победил, – махнул он Файзу рукой.

– Нет! – парировал Файз. – Я должен добить последние три удара. Я хочу победить честно.

Хмыкнув, Азим всё-таки подошёл к Файзу.

По правилам, когда игрок должен добить последние пять

баллов, соперник должен встать от него на расстоянии вытянутой руки. Соперник, если у него ещё есть шанс победить, может помешать игроку сделать удар, даже если тому остаётся сделать всего один удар. Всё зависит от быстроты и реакции соперников.

Однако бьющий игрок может заблокировать своего соперника, чтобы тот не отбил у него мячик.

Правой рукой Файз подбросил мячик за левое плечо и резко повернулся боком, заблокировав выпад Азима.

– Сто девяносто восемь, – Файз дотянулся и ударил по мячику левой рукой. Невысокой дугой мячик пролетел ему за голову. Файз проследил за ним глазами и подпрыгнул, чтобы опередить Азима, тянувшегося к нему левой рукой. – Сто девяносто девять...

Мячик быстро снова полетел налево за плечо Файза. Благодаря своей ловкости он успел извернуться и ударить по мячику в двухсотый раз.

– Двести!

Мячик отлетел в сторону и покатился по земле, а Файз ликовал, словно выиграл целое соревнование и драгоценный приз.

Азим стоял и мотал головой в недоумении. Ему было всё равно, что он проиграл. Он не умел играть в палмбол так хорошо, как Файз. И ликование Файза для него было чем-то странным.

– Знаешь, Азим, у меня есть мечта, – сказал, успокоив-

шись, Файз. Он подобрал мячик с земли и сделал несколько шагов к юноше. – Палмбол очень распространённая игра в Фалиде, но в других городах Ахоруна в неё мало играют. А за пределами Ахоруна об этой игре практически никто и не знает. Потому, во всех своих поездках я предлагаю сыграть в палмбол каждому, с кем знакомлюсь в пути. Я знакомлю их с правилами и дарю им по мячику, – Файз протянул мячик Азиму. – Я прошу их рассказать об этой игре своим близким и друзьям, – Файз отошёл в сторону, когда юноша взял у него мячик.

– Зачем? – поинтересовался Азим.

– Я хочу, чтобы весь Рахшонзамин... Да что там, весь Вартан узнал об этой игре и научился в неё играть, – Файз мечтательно взглянул на небо, где уже появлялись небольшие перистые облака. – Я мечтаю когда-нибудь устроить соревнование по палмболу и пригласить лучших игроков со всего мира, – он опустил взгляд и повернулся к Азиму. – Главной наградой будет, – Файз выставил руку вперёд, – золотая кисть с мячиком в ладони.

Файз улыбнулся и сел в двух шагах от своей кобылы.

Азим же разглядывал мячик в своей руке и представлял, как бы выглядела такая награда.

– Желаю тебе удачи, – от всего сердца пожелал Азим и присел рядом с Файзом.

– А о чём мечтаешь ты, сын Аъзама? – полюбопытствовал Файз.

Азим хотел было ответить, но...

– Поскорее жениться на распрекрасной Зилоле, – с улыбкой ответил вместо него Файз и в шутке ударил его по плечу.

Азим смущённо покивал.

– Скажи мне, Азим, – Файз вдруг озадаченно посмотрел на юношу. – Раз ты держишь путь в Арруж, чтобы найти там того старика, Рахмон-ака, то, где ты будешь искать Чёрный рубин?

– Рахмон-ака много путешествовал по миру. Я полагаю, он может знать, где его можно найти, – ответил Азим, но в его голосе звучали нотки неуверенности.

– Я тоже путешественник, – фыркнул Файз. – Я торговец, Азим. И продавая свой товар, я объездил все города Рахшонзамина. Побывал за его пределами. Сейчас я держу путь в Саброну. Знаешь, где это? Очень далеко, – ответил он на свой вопрос, когда Азим отрицательно помотал головой. – Эта столица Бахрияна. И даже там, я уверяю тебя, никто не слышал о Чёрном рубине. А там каждая женщина носит украшения с драгоценными камнями, – подчёркнуто сказал Файз. – До этой поры, я и сам ни разу не слышал об этом Чёрном рубине, – Файз многозначительно посмотрел на юношу, однако его слова были неправдой. – Послушай, Азим. Я не хочу тебя обидеть, но думаю, что султан Бузург просто выдумал его и отправил тебя на поиски, чтобы не выдать свою дочь за простолюдина. И пока ты будешь искать,

он выдаст её за какого-нибудь шахзаде.

Азим досадливо склонил голову, понимая, что Файз вполне может быть прав. Ведь тогда на приёме присутствовал султан Аброра, и султан Бузург при всех заявил, что всерьёз обдумывал его предложение. Они запросто могли договориться и после приёма.

Азим тоскливо посмотрел на Файза и очень сильно желал, чтобы его слова оказались неправдой.

* * *

«Никчёмные, бездарные глупцы!

После смерти своего первенца, семилетнего Ормона, падишах Паймон в гневе выгнал Хранителей знаний и запретил всю их деятельность на территории Зебистана».

Хранители знаний: «Истории Зебистана»

Всю дорогу от дворца Расим кипел от злости. Не дождавшись конца приёма, он в бешенстве покинул дворец султана Ахоруна и занял лошадь в городской конюшне. Расим сильно был лошадь по бокам и с криками хлестал поводьями, чтобы лошадь быстрее доставила его в порт Зарв к юго-западу от Ангурана. Он изнурил эту лошадь, преодолев около четырёх мархалы до полуночи, и ему было плевать на то, что лошадь впоследствии бездыханно упала.

На берегу Зарафшана были причалены семь лодок, загру-

женных товаром. Их экипаж крепко спал, кто на борту, кто в палатках на берегу. Расим поднялся на борт одной из этих лодок и разбудил всю команду. Он заплатил капитану десять золотых монет и велел ему доставить его в Расулабад до восхода. Капитан возразил, что это невозможно, но гневный взгляд Расима и обещание заплатить ещё десять золотых переубедили его.

Опытный капитан сравнял лодку с течением и, благодаря неимоверному усилию гребцов, чьи руки к концу пути отнимались и просто не слушались, к восходу, правда к следующему, они причалили в порту Расулабада.

Расим доплатил капитану и, поблагодарив, сошёл на берег. Хотя его благодарность прозвучало как оскорбление, ибо он всё ещё пребывал в гневе.

До города оставалось две маршалы, и в порту Расим велел дать ему самую быструю лошадь. Узнав премьер-министра, глава порта дал ему своего коня, сочтя это за честь. Однако Расим не оценил его любезность и сразу пустился вскачь.

По дороге в Расулабад он решил поехать прямо во дворец, чтобы избежать нежелательных контактов с простыми людьми. Расим не хотел, чтобы народ узнал о его скором возвращении, и выбрал путь по безлюдным переулкам.

– Верните эту лошадь главе порта! – рявкнул Расим на удивлённых слуг, подъехав к восточному блоку дворца.

Измотанный конь чуть ли не свалился с ног, однако Расиму не было и до этого дела.

Вступив во дворец по служебному входу, злость Расима словно возродилась с новой силой. Казалось, что он вот-вот воспламенится. Один его взгляд заставлял придворных слуг прятаться за угол или в арочных нишах для слуг. Те бедолаги, которые всё же попадали ему на глаза, горько потом сожалели о том, что вообще служат во дворце. Одной из них оказалось Мастопа. Уронив красивый глиняный кувшин с горячим отваром каркаде и изюма, она бросилась прочь из дворца, рыдая во весь голос. Такого оскорбления бедняжка в жизни не слышала в свой адрес. Она всего на всего спросила у премьер-министра заварить ли ему чай? В ответ Расим озлобленно процедил ей:

– Можешь заварить чай своей пизде!

Войдя в свой рабочий кабинет, Расим правой рукой отшвырнул свой коврик из-под левой подмышки и громко хлопнул за собою дверь, но его ругань была громче.

– Как он посмел?! Да как он посмел?! – он в злостном негодовании метался по кабинету и в ярости сжимал кулаки и разводил руками. – Этот выскочка? Наглый юнец!!! Как он посмел?! Да как ОН посмел?! – первое «он» относилось к Азиму, второе – к султану.

Расим поднялся на возвышение, на котором стоял его низкий рабочий стол, и захотел присесть. Согнув колени, он вдруг замер, бросив презирающий взгляд на книги и бумаги, что лежали на этом резном столе.

– Все эти книги, все эти знания, – с тихим раздражени-

ем Расим подвёл руки под край стола и со всей силой перевернул его. Стол верх ногами упал вниз вместе с книгами, а бумаги разлетелись по кабинету. – Зачем они мне, – процедил он в гнев, – если я не додумался задать такой простой вопрос? Простой вопрос, – тонким истерическим голосом упрекнул он себя и гневно захохотал над самим собой. – Гнусный, мерзкий, гнилой юнец!!! – продолжил он орать. – Пришёл, спросил и получил, – последнее он произнёс в истерическом изумлении. – И испортил мне ВСЁ!!!! Я ВНЕ СЕБЯ!!!

Расим разъярённо нарезал круги у неглубокого арочного алькова с нишами в стене, продолжая сквернословить и орать на самого себя, когда его уши уловили тихий, нерешительный стук. Дверь осторожно приоткрылась и за ней показался Акмал, главный писарь.

– Г... господин, ви... визири просят аудиенции, – сообщил он. Акмал не знал причину гнева Расима, но он весь дрожал от страха обрушить на себя всю его ярость.

– Аудиенции?! – Расим разразился громом, который содрогнул все старые кости Акмала.

Писарь съёжился от испуга, как собака во время грозы. Его голова провалилась бы в грудную клетку в надежде спрятаться от палящих глаз Расима, будь она на то способна.

Вдруг Расим услышал некий третий голос. Он повернулся к стене, сделав глубокий вдох и выдох в попытке успокоиться. В руках от локтей до пальцев всё ещё покалывало от зло-

сти и свербело в затылке. Его пылающий взгляд запал на нишу в стене под самой аркой. Расим вслушался в голос, звучавший у него в голосе: «*Самообладание – залог к всеобладанию*». Это были слова его отца. Он говорил их ему в детстве, когда утешал его после насмешек задир.

Расим сделал ещё один глубокий вдох и выдох. Злость постепенно стихла, уступая место змеиному спокойствию. Стоя в шаге от ниши, он боялся завести внутрь руку, ибо там было спрятано то, что до сих пор приводило его в ужас и вызывало скорбь.

– Прости меня, отец, – сквозь горький ком в горле, неслышно для писаря, проговорил Расим. – Мне стоило вернуться за тобой, – грусть и сожаление сжимали его грудь. Расим тяжело опустил руку и понурился. Он бы отдал сейчас всё, чтобы услышать голос отца вслух, а не в своей голове. – Скоро, – неслышно прошептал он.

Помолчав в раздумье некоторое мгновение, он исподлобья посмотрел на взволнованного и негодовавшего писаря и негромко сказал ему:

– Аудиенция будет.

Страх писаря как рукой сняло. То ли от радости, что премьер-министр не сорвался на нём, то ли от возобновившейся надежды, что визири обсудят важные для народа вопросы, Акмал позволил себе сделать несколько шагов внутрь со сверкающим лицом.

– Они будут рады, мой господин, – за своей широкой

улыбкой, Акмал имел в виду народ, а не визирей.

Расим повернулся и сделал пару шагов к писарю. При этом он не спустился с возвышения.

– Очень, – прошептал он с мягкой затейливой улыбкой.

С рукой у сердца писарь сделал поклон головой и поспешил на выход из кабинета Расима. Он желал скорее сообщить, что премьер-министр прибудет на аудиенцию.

Расим спустился с возвышения, смерил собственноручный бардак безмятежным взглядом и медленно последовал за писарем. Выйдя в коридор, он окликнул Акмала.

– Что им нужно?! – осведомился Расим, закрывая за собой дверь на ключ.

Писарь был вынужден остановиться и вернуться к премьер-министру.

– Визирей созвал шахзаде Мунир. Он ожидал вашего возвращения из Ангурана, – в голосе и во взгляде писаря был намёк на его громкое возвращение во дворец.

– С каких это пор он созывает визирей? – покосился Расим.

Акмал странно насупился. Ему были неясны тон и негодование Расима.

– Господин, – писарь осёкся и со вздохом опустил голову. – Во время вашего отсутствия скончался на-шахзаде Носир ибн Нодир, – печально проговорил Акмал.

– *«Так вот почему и служанок были белые платки на голове, а у слуг чёрные на поясах»*, – стало ясно Расиму. В гне-

ве он не обратил на это внимание.

Писарь не был из тех придворных слуг, которые были преданы Расиму и знали о его планах. Потому Расим изобразил скорбь на лице и положил руку на плечо писарю.

– Очень жаль, – с сочувствием проговорил Расим.

– *«В одном я потерпел неудачу, в другом меня явно ждёт успех, который приведёт меня к той же цели»*, – мысленно широко улыбаясь, проговорил про себя Расим.

– И теперь шахзаде Мунир хочет...

– Не порть мне впечатление, – Расим поднял свой палец перед ртом писаря и не дал ему договорить. – Я хочу сам услышать, что он скажет.

Расим догадывался о том, чего может хотеть Мунир ибн Нодир, но ему было интересно посмотреть в лицо шахзаде при этом.

– Сообщи им, что я скоро приду в аудиенц-зал, – глядя на писаря, Расим кивнул в сторону другого конца коридора.

– *«Он слишком предан падишаху и эту преданность будет трудно сломить»*, – насупившись, подумал Расим, когда писарь поспешил в аудиенц-зал. Радость в глазах и голосе Акмала, когда он сообщил о том, что шахзаде Мунир созвал совет визирей, привела Расима к такому заключению. – *«Обойдусь и без тебя»*.

При желании Расим мог бы дойти со своего кабинета до аудиенц-зала за пять минут. Но этого желания у него не было. Дорога заняла дольше и, когда Расим наконец вошёл в

зал, он был неприятно удивлён. В зале собрались не только визири, а ещё и наибы Чехры и Джоду, главы деревень и даже наиб Шомабада. Их присутствие подтвердило догадку Расима.

Все эти чиновники сидели, скрестив ноги, на двух длинных курпачах с цветочным узором. По их лицам, обращённых на него, Расим понял, что они уже долго ожидают его. И вопрос был в том, кто сообщил им о его возвращении и когда? Не могли же они собраться за пару часов, услышав его крики и ругань.

Расим прошёл мимо резной колонны, радуясь, что в этот раз они не развели огонь в очагах. Он остановился через десять шагов. Причиной тому стала увиденная картина. В его глаза бросилось тучное тело шахзаде Мунира. Тот с преувеличенно важным видом сидел, практически лежал на шёлковых тёмно-розовых курпачах, окружённый мягкими, длинными бархатными голубыми и синими подушками в семи газах от трона отца.

– Господин шахзаде Мунир, я весьма рад видеть вас здесь. Ваше присутствие словно солнце озарило этот зал, – с рукой у сердца Расим поклонился полнощёкому молодому шахзаде. Под этой лестью Расим умело скрыл насмешку, а его искренняя улыбка была фальшивой.

– Я был бы рад больше, сидя там, – деревянным голосом проговорил Мунир, большим жирным пальцем указав на трон позади него.

Расим молча сделал косой кивок с той же фальшивой улыбкой на лице.

– В прочем, для этого я и позвал вас сюда, – Мунир ленивым движением руки очертил всех чиновников. – Прощу вас, Расим, займите своё место, – шахзаде указал премьер-министру сесть не во главе визирей, а позади деревенских глав. – Я не хочу, чтобы вы стояли спиной к другим чиновникам, когда обращаетесь ко мне, премьер-министр.

По тону Мунира Расим понял, что шахзаде не разрешает ему сесть. Расим ещё раз приставил руку к сердцу и пошёл на указанное место. Он встал в конце, посередине. Он был озлоблен таким поступком, что слегка отразилось на его лице, на котором Расим старательно изображал безмятежность и покорность.

Чиновники, сидевшие в два ряда в пяти шагах друг от друга и лицом друг к другу, повернули на Расима свои головы. Некоторые смотрели на него с усмешкой, особенно Орзу, а у нескольких визирей взгляд был укоризненным.

Расим не обращал на этих лизоблюдов внимания. Он смотрел на то, как вынарядился Мунир. Шахзаде был одет в лиловую шёлковую мантию с белым растительным узором, вышитом на широких рукавах и подоле. Под мантией была длинная, жёлтая рубаша с зелёным узором у шейного выреза, скрывавшая складки его раздутого пуза. На голову он водрузил чалму из лилового шёлка и вставил в неё чёрное павлинье перо. Шёлковые штаны тоже были лиловыми с плотным

узором по бокам.

– «*Совсем как свой... отец*», – заключил про себя Расим.

– Каковы новости из Ахоруна? Вы сосватали мне Зилолу бинти Бузург? – тон шахзаде был требовательным.

Расим округлил глаза и опешил. *Ах, ты жирная свинья*, проговорил он про себя. У него даже раскрылся рот от изумления.

– Я так понял, что вы неоднократно ездили в Ангуран свататься, – продолжал Мунир. – Раз моего брата больше нет, я могу стать ей супругом, – подчёркнуто заявил Мунир совершенно бесстрастно, словно смерть его старшего брата ничего для него не значило. – Она согласна? – требовательно спросил он.

– «*Откуда ты об этом узнал?*» – гневно подумал Расим и метнул палящий взгляд на писаря, который сидел на своём привычном месте и записывал протокол.

– Простите, мой господин, – заговорил Расим, посмотрев на шахзаде. – Боюсь огорчить вас, но новости у меня плохие. Султан Бузург ибн Махмуд обещал выдать свою дочь за другого свата.

– И за кого же? – Мунир рассерженно скосил взгляд.

– За юношу, который обещал султану найти Чёрный рубин, – ответил Расим и опустил взгляд на чиновников.

– За простолюдина? – возмутился Мунир. Он понял это по тону премьер-министра. – Найдите этот Чёрный рубин раньше него! – потребовал шахзаде.

Расим с деланным покорством приложил руку к сердцу и молча, без возражений, принял поручение шахзаде поклонном головы.

– Хорошо, – выдохнул Мунир. – Теперь перейдём к тому, ради чего я позвал всех вас, – шахзаде оглядел каждого и продолжил. – Мой брат скоропостижно покинул этот мир от болезни. И как бы это ни было прискорбно, страной кто-то должен управлять. Мой отец прикован к постели уже много лет и не может ни управлять, ни распоряжаться хоть чем-либо. Потому, – завыл голос Мунир, – я прошу вас, премьер-министр, объявить меня наследником падишаха Нодира, – он требовательно посмотрел на Расима.

Сидевшие чиновники разом повернули свои головы и выжидательно посмотрели на стоявшего Расима. Тот был напряжён, и как бы он ни старался скрыть это, в его глазах всё ещё отражалась злость. Расим был прав в своей догадке, Мунир решил занять трон своего отца. Для этого ему и нужно, чтобы его объявили наследником падишаха. Таков закон Зебистана. Недостаточно простой смерти первого на очереди наследника, нужно ещё формальное объявление падишаха или премьер-министра.

Подтверждение догадки не принесло Расиму удовлетворение. Наоборот, он чувствовал себя униженным перед этими чиновниками, которые продолжали выжидательно смотреть на него. Расим выдавил из себя улыбку и, снова приложив руку к сердцу, торжественно произнёс:

– Я, Расим ибн Насим, премьер-министр Зебистана, в силу моих полномочий, вверенных мне его светлостью, падишахом Нодиром, искренне и с честью, при свидетельстве правящей знати Зебистана объявляю Мунира ибн Нодира наследником падишаха Зебистана и даю ему все полномочия на-шахзаде. Пусть Всевышний благословит вас.

Закончив, Расим склонил голову. Визири, чиновники, наибы и деревенские главы разом встали со своих мест, сошли с курпачи и, приложив правую руку к сердцу, покорно склонили головы, повторив последнее предложение Расима.

Мунир перевалился из одного бока на другой, чтобы облокотиться левой рукой о подушки и освободить правую, которую он лениво и снисходительно подвёл к сердцу.

– Благодарю, – сухо произнёс он, хотя благодарности в его негромком голосе было столько же, сколько бывает перьев у собак.

Расим поднял голову и сдержанно посмотрел в сторону на-шахзаде. – *«И это всё, что ты скажешь?»* – фыркнул он про себя и позволил себе слегка ухмыльнуться. Он расслабился и успокоился, ибо его ожидания оправдались. Мунир проявил свою алчность после смерти Носира. Теперь, всё, что оставалось Расиму – это извлечь собственную выгоду из сложившейся ситуации.

– А теперь, когда формальности улажены, я вынужден оставить вас, – Мунир перевёл взгляд на слуг, стоявших у колонн, справа. Он призвал их к себе, дважды щёлкнув паль-

цами. – Носир умер два дня назад, – продолжил он, пока слуги с крепким телосложением спешили к нему, – а его тело до сих пор не передано земле. Я намерен похоронить брата рядом с покойной матерью в Шомабаде... Потому, я немедленно отправляюсь туда, – договорил он после того, как слуги помогли ему встать.

Мунир отказался от дальнейшей помощи и сам дошёл до края возвышения. Расстояние в несколько шагов заставили его запыхаться и ухватиться за сердце. Один из слуг быстро спустился и подал ему руку. Кашлянув, Мунир спустился и обратился к знати.

– Вернувшись, я хочу, чтобы вы ввели меня в курс всех государственных дел, – он смерил каждого испытующим взглядом, – и тайн, – добавил он после паузы. – Я уверен, у вас их немало, – он остановил свой взгляд на Расиме. – Кстати говоря о тайнах. До меня дошли сведения, что здесь в Расулабаде, в Чехре и Джоду пропадают люди... и замечают некие тени. Это связано между собой, премьер-министр? – требовательно спросил он.

– *«А ты хорошо осведомлён»*, – сказал про себя Расим, а вслух ответил:

– Люди пропадают каждый день, мой господин. Связано ли это с тенями? Мы пока не знаем, – скрутил губы Расим.

– Что за тени? – спросил Мунир, явно недовольный ответом.

– Я полагаю, это ведьмы скрываются под покровом ночи

в поисках некой книги.

– Ведьмы? – удивился Мунир. – Зачем им скрываться, мы ведь не в Ахоруне? Мы их не изгоняли из наших городов. Более того, город Джоду назван в честь их поприща. Когда-то мы их очень уважали. Так зачем им скрываться? – повторил Мунир.

У Расима впервые не было ответа и это удивляло его. Если бы это были ведьмы, Нигора призналась бы тогда. Насколько он её знает, у Нигоры нет привычки что-то скрывать. Но, если ведьмы не связаны с тенями, то, что это, задумался Расим. Нигора пришла тогда за книгой и тем теням, как говорят люди, тоже нужна книга. Что это за тени, если не ведьмы? Расим впервые за долгое время пребывал в недоумении. Он не знал ответов на собственные вопросы.

– Премьер-министр! – позвал Мунир, пока Расим стоял как глупый мальчик. – Вы когда-то учились у ведьм, – с уст на-шахзаде это прозвучало как обвинение с ноткой презрения, что удивило всех чиновников. – Если у вас сохранились отношения с вашей наставницей, встретьтесь с ней и выясните, что это за тени и что за книга им нужна? Госпожа Нигора как раз в городе.

Его повелительный тон колко прозвенел в ушах Расима. Премьер-министр снова приложил руку к сердцу и слегка склонил голову, приняв его поручение.

– *«Значит, она обратилась к тебе после своего провала»*, – подумал про себя Расим. – *«Хорошо, что не сказала, что*

эта самая книга у него. Пока не сказала», – был уверен Расим. – «Она ищет подход к Муниру. Дрянь».

Мунир ибн Нодир развернулся и тяжёлым, медленным шагом направился к выходу, положенного для шахзаде. У проёма, в который он протиснулся боком, Мунир несколько раз кашлянул. Затем за ним закрылась дверь.

Расим провожал Мунира нарочито деланным хмурым взглядом исподлобья.

– Вы чем-то озадачены, господин премьер-министр? – заметив это, спросил Орзу.

– Вас не беспокоит то, с каким бездушием новоиспечённый на-шахзаде говорил о смерти брата? – резким тоном спросил в ответ Расим.

– На что вы намекаете? – уточнил визирь внутренних дел.

– Он не скорбит и даже не носит траур, как все вы, – Расим небрежно указал на их чёрные пояса. – Я уехал в Ангуран всего пару дней назад, а вернувшись, узнаю, что наследник падишаха умер от внезапной болезни, а его брат спокойно собирает нас, чтобы занять его место. Разве это не подозрительно? – негромко произнёс Расим, увидев, что на некоторых лицах появились подозрения и сомнения. – Не кажется ли вам, что смерть Носира была ему на руку? Мне кажется, он этому только рад.

– Вы смеете обвинять господина Мунира в смерти своего брата? – возмущённо спросил Орзу.

– Я смею предполагать о его возможной причастности к

смерти своего брата, – дерзко бросил Расим, метнув на Орзу палящий взгляд. – *«Что ж ты не выдал ему свою тайну при своей непоколебимой верностью ему?»* – Кстати, вы нашли тех, кто якобы отравлял еду покойного Носира? Вы же были уверены в этом? – Расим смерил главного лекаря укоризненным взглядом и снова посмотрел на Орзу. – Молчите? Может, вы все заодно?

Орзу хотел было возразить, но Расим указал на трон.

– Этот трон довольно привлекателен. Особенно, когда он пустой...

* * *

«Нет боли сильнее, чем от утраты детей».

Ардвисура

– *«Меня интересует, как вы вернулись из Ангурана за столь короткое время?»* – между оговорками спросил Орзу. – *«Обычно, дорога туда и обратно занимает до четырёх недель. Вы используете колдовство?»*

Этот вопрос заставил Расима насмешливо расхохотаться тогда на совете визирей, созванным Муниром ибн Нодиром.

– *«Из меня такой же колдун, как из немого певец»*, – лукавил в ответ Расим.

Не желая больше слушать оправдания тому, почему они не продвинулись в поисках отравителей покойного на-шах-

заде и тех, кто отбрасывает тени, Расим объявил совет завершенным и отпустил правящую знать. Он хотел остудить пар и успокоиться после унижения Муниром, но очередной вопрос Орзу остановил его в проеме служебного выхода из аудиенц-зала.

– *«Как вы собираетесь найти Чёрный рубин?»*

Расим одарил его многозначительным взглядом и молча покинул аудиенц-зал. Однако этот вопрос и весь этот совет не покидали мысли Расима ещё пару дней.

– *«Как я собираюсь найти Чёрный рубин?»* – мысленно повторил Расим. – Да никак. Я не собираюсь его искать, – тихо пробубнил Расим, задумчиво спускаясь в темницу.

На нём были белые штаны с зелёным извилистым растительным узором по бокам и зелёная шерстяная рубаха с короткими рукавами с белым растительным узором на поле. Босыми ступнями он ощущал каждую холодную до дрожи ступень. Однако это не волновало его. Он был озадачен и даже взволнован другим. Происхождение теней до сих пор оставалось загадкой и, учитывая, что ведьмы к этому не причастны, это не давало ему покоя. Вопросов становилось всё больше и за ответами он решил спуститься к пленнику.

С каждым шагом вниз Расим всё больше понимал, что пленник не захочет с ним говорить. Впрочем, как и всегда. Но он продолжал спускаться, надеясь, что на этот раз всё будет по-другому. Он каждый раз надеялся на это. Расим думал, что, возможно, вопрос о тенях заинтересует его плен-

ника и тот, наконец, ответит ему.

К этой мысли Расим пришёл у своего парикмахера, которого навестил прошлым утром. Он так и не смог подстричься после предыдущего заседания с визирями и чиновниками. Неожиданный визит Нигоры заставил его забыть о походе к парикмахеру. Под рукой мастера Расим обдумывал слова Мунира и сделал вывод, что для достижения своих целей больше без каких-либо непредвиденных преград ему действительно необходимо выяснить, что это за тени, и устранить их, если они представляют хоть малейшую угрозу его планам...

Услышав шаги, Фозил взял в левую руку лампу, горящую на стене за спиной, и пошёл навстречу к Расиму.

– Господин, – он прижал правую руку к сердцу и почти-точно склонил голову.

Расим кивнул в ответ и прошёл мимо.

– Как поживает мой пленник? – осведомился он.

– Всё так же, мой господин. Словно его тут нет.

Расим хмыкнул и подошёл к проему, ведущему в коридор с клетками. Другого ответа он не ожидал.

– Господин, вы... опять потерпели неудачу в Ангуране? – Фозил проямлил, но всё же осмелился спросить. Он не решился задать этот вопрос пару дней с тех пор, как Расим вернулся.

Расим медленно повернулся в его сторону и с плотно сжатыми губами разгневанно посмотрел на Фозила. Он сделал

шаг к надзирателю и тот попятился от страха.

– Это всего лишь яма, – процедил Расим. – Небольшая ямка. **СОВСЕМ НЕГЛУБОКАЯ ЯМА...** на моём пути, – последние три слова Расим произнёс с коварным хладнокровием.

Расим бровями кивнул ошеломлённому надзирателю и направился к клетке, в которой был заключён его пленник. Фозил хотел повесить лампу на решётку, но Расим жестом велел ему повесить её в углу у входа. Сам он встал в шаге от клетки и взгляделся во тьму, царившую за решёткой. Свет от лампы едва доходил до решётки и Расим не мог разглядеть пленника в этой огромной тёмной камере. С другой стороны, он не хотел видеть пленника и не мог объяснить себе почему.

– У меня есть вопросы к тебе, – негромко сказал Расим, обращаясь в пустоту. – Раньше меня это не заботило, но теперь всё серьёзно. По всему Зебистану люди замечают некие тени. Одни предполагают, что они связаны с Чёрной напастью. Другие очевидцы заявляют, что будто бы эти тени ищут некую книгу.

Расим помолчал. Услышав какой-то шорох в глубине камеры. Он подумал, что пленник сейчас подойдёт к нему. Поэтому он показательно поднял перед собой книгу мастеров, которую всё это время держал под правой подмышкой.

– Им нужна эта книга? – спросил Расим.

Он всё держал книгу, протянутую перед собой, и ждал ответа. Однако ответ так и не прозвучал. Расим слышал лишь

ровное, казалось бы, безразличное, дыхание пленника. Расим вздохнул и опустил руки.

– Ты знаешь кем или чем могут быть эти тени?

Ответ на этот вопрос тоже не прозвучал.

– Эти тени могут быть связаны с Чёрной напастью?! – громче спросил Расим.

И этот вопрос остался без ответа.

– Мне надоела эта болтовня с самим собой! – молчание пленника начало злить Расима. – Почти пятнадцать лет я спускаюсь сюда к тебе за советом, за помощью, а ты всё молчишь и МОЛЧИШЬ! – он начал выходить из себя. – Может, ты дал обет молчания?! Вот только я его не СЛЫШАЛ!!! – сорвался в гнев Расим. – Может, ты слышал его обет? – обратился он к Фозилу – тот отрицательно покачал головой. – Нет. И он не слышал, – язвительно процедил Расим. Он жестом позвал Фозила и, отдав ему книгу, кивком велел отнести наверх. – Может, ты говорить не умеешь? – Расим возмущённо развёл руками. – ОТВЕТЬ МНЕ!!! – сорвался в ярости Расим и, шагнув к решётке, сокрушённо обрушил на неё кулаки.

Расим опустил кулаки, чувствуя в них накапливающийся жар. Он отступил на два шага и сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться. Подавляя в себе гнев, он разглядывал изумруд, инкрустированный в серебряный перстень на его правом указательном пальце.

– Огонь, – негромко заговорил Расим, – обладает самой

разрушительной силой, – в его хладнокровно спокойном голосе звучали нотки восхищения. – Владение такой силой возвысит любого над остальными. Во времена далёких предков, люди владели этой силой, но потратили его впустую. Их жалкие потомки из числа ведьм и даже некоторые колдуны в своё время пытались снова овладеть силой огня, – упоминания об их попытках Расим смог не только прочесть из некоторых комментариев, где также сказано, что тополя приведут к силам мироздания, но и из других рукописей про колдовское поприще. – Никому этого не удавалось... – Расим исподлобья поднял злорадный, злонамеренный взгляд, – до этой поры, – гордо договорил он с угрожающими нотами. – Моя тяга к знаниям привела меня к тому, что я многое узнал про силу огня. Но это всего лишь теории.

Расим склонил голову набок и выжидательно смотрел во тьму. Он молчал и слушал, как дышит его пленник.

– Мне не хватает практики, – воодушевлённо проговорил Расим. Он насупил брови и угрожающе посмотрел на решётку, зная, что за этой завесой тьмы пленник прекрасно видит его. – Может, мне попрактиковаться на тебе?

Расим был готов применить силу, чтобы разговорить пленника, но его отвлек голос вернувшегося Фозила.

– Господин, к вам пришли, – негромко сообщил он.

Расим повернулся к надзирателю, но его хмурый взгляд смотрел сквозь Фозила. Расим задумчиво опустил голову и молчал. В какой-то степени он был рад, что Фозил помешал

ему сделать то, чего он совсем не хотел делать. Тем не менее Расим понимал, что для достижения своих целей нужно разговаривать этого упрямого пленника. А для этого нужно что-то предпринять.

– То, что я делаю... – Расим косо поднял глаза на решётку камеры. – То, что я хочу сделать, будет лишь во благо всем. Я не хочу зла. Я не сторонник насилия, – он помотал головой. – Но в следующий раз, когда я сюда спущусь, ты заговоришь, – предупреждающим тоном решительно сказал Расим.

Он не стал спрашивать у Фозила, кто мог прийти к нему в этот поздний час. Он предпочёл сам угадать незваного гостя, поднимаясь обратно в дом по этой проклятой холодной лестнице.

Может, это какой-нибудь придворный слуга или же сам Акмал явился к нему сообщить о том, что на-шахзаде вернулся из Шомабада? Расим с ухмылкой вспомнил его пожелание похоронить брата рядом с покойной матерью и узнать все тайны по возвращению.

– *«Твоя мать не покойная. Как тебе такая тайна?»* – сардонически усмехнулся про себя Расим.

Однако Мунир не мог так быстро вернуться из Шомабада, если у него нет такого же ковра, сомневался Расим и был уверен, что к нему пришли не из дворца.

Тогда кто? Расиму стало интересно, но он не стал ускорять шаг, чтобы удовлетворить свой интерес. Он предпочёл гадать и дальше. Он любил говорить с самим собой и в за-

вязавшейся беседе со своими мыслями Расим обсуждал возможные причины, по которым мог явиться незванный гость.

У него было несколько вариантов, но все они отпали разом, когда Расим оказался в гостевом зале. На веранде, у порога стояла та, которую он меньше всех хотел видеть. О ней Расим даже и не подумал. При этом он знал, что рано или поздно, после смерти Носира она явится к нему.

– Здравствуй, Гулру, – с тихой нотой разочарования произнёс Расим.

Её вид не радовал Расима. Обычно, Гулру носила облегчающие платья, подчёркивающие её изящную фигуру. Сейчас же на ней было грязное бирюзовое платье с глубоким вырезом и сетчатыми рукавами до локтей. Её тело утратило былую привлекательность, а её некогда упругая, румяная кожа казалась такой же мятой, как и её платье.

– Господин, наконец-то вы вернулись, – с трудом и хриплым голосом проговорила она. Гулру стояла у проёма, опираясь о дверной косяк. – Нам очень плохо, господин. Этот недуг...

– Съедает вас изнутри, – тихо пропел Расим голосом коварного изобретателя, гордящегося своим творением. Однако он также был огорчён, что его творение всё-таки сказалось на здоровье Гулру.

Расим подошёл ближе, чтобы при свете горящих масляных ламп получше разглядеть на сколько плохо состояние Гулру. Она тоже сделала шаг навстречу, но пошатнулась.

Резким движением Расим наклонился вперёд и левой рукой схватил Гулру за талию, не дав ей упасть. Расим прижал её к себе и взглянул ей в глаза. Увиденное укололо его сердце.

– Мы выполнили свою задачу, – с трудом вздыхала она.

– На это у вас ушло полгода, – с укоризной прошептал Расим, продолжая с болью смотреть ей в глаза, залитые оранжевой кровью. – Слишком поздно, – тихо проговорил Расим сквозь нарастающий ком.

– Вы об... обещали нам... – Гулру издала короткий глухой стон и попыталась продолжить, но не смогла. В её горле словно застрял горячий ком, не позволяющий ей говорить. Эта оранжевая кровь в её жилах поразила всё её органы и сжигала её грудь изнутри, из-за чего и появились эти тёмные пятна на груди.

О возвращении Расима Гулру узнала на третий день. Об этом им сообщил придворный слуга покойного Носира ибн Нодира, который влюбился в одну из его наложниц. Он чувствовал недомогание. Боясь за свою жизнь после смерти нашахаде, он пришёл в дом его наложниц. Там на его возмущения ответили, что лишь Расим в сила помочь им. Тогда-то этот слуга и сообщил, что Расим уже три дня как вернулся из Ангурана, и пригрозил, что сам пойдёт к премьер-министру, если они не вылечат его. В ответ Гулру обещала немедленно пойти к Расиму за лекарством, а до тех пор велела этому слуге оставаться в доме и присмотреть за своей возлюбленной.

Из всех наложниц, нанятых Расимом, только Гулру едва

могла ходить. Она вышла в полдень и лишь ночью дошла до дома Расима, чтобы просить его об исцелении. Это стоило ей последних сил, и вот она здесь, в его желанных объятиях. Она так тосковала по нему и с Носиром думала только о Расиме.

– Я всегда была вам верна, – прочистив горло, сказала Гулру. – Я всегда выполняла любые ваши поручения. Умоляю вас... – ей снова стало трудно говорить. – Из... избавьте нас от эт-той невынос-с-симой боли, – взмолилась она после мучительного вздоха.

– Вы послужили благой цели, – прошептал Расим, утешительно глядя её по голове правой рукой. – Я об этом не забуду, любовь моя, – сквозь горький ком в горле прошептал Расим.

У него сжималось сердце от задуманного. Он не хотел этого делать, но это было единственным способом помочь ей. Расим приложил кончики пальцев правой руки к виску Гулру и пустил сквозь них тонкие струи огня в её голову. Гулру издала короткий и глухой писк и навеки замолчала. Сначала обуглились её глаза, затем лицо, голова, шея... Она рассыпалась на землю и превратилась в горстку серого пепла. От неё осталось лишь это бирюзовое платье.

Расим хладнокровно перевёл взгляд на Фозила, стоявшего чуть позади в стороне. При всей своей мужественности он с трудом подавлял страх. Фозил был наголову ниже Расима, но сложен он был гораздо лучше. У Фозила были широ-

кие плечи, а под белой шерстяной рубахой скрывались горы мышц. При желании, он мог бы с лёгкостью поднять Расима и швырнуть его на землю через плечо. Однако он боялся колдуна и этот страх только что был оправдан, что ещё больше усилило его преданность Расиму.

– Остальные наложницы покойного Носира должны быть в Синем доме, на Яблоневоy улице. Найди их и...

Расим неожиданно осёкся и опустил глаза на горстку пепла у своих ног. Им охватило грусть и сожаление, а пустота в его душе стала ещё больше. Гулру действительно была предана ему. Расим был первым, с кем она возлегла, и единственным, пока он сам не велел её возлечь с Носиром, одарив недугом. Гулру любила Расима и согласилась только из-за любви к нему. Странное это чувство – любовь, и как бы Расим не старался отрицать, что это чувство было не взаимным, он не смог утаить скорбь в своих глазах, к уголкам которых подступили слёзы. Если он и не любил, Гулру всё равно была дорога ему, очень дорога.

– Прости меня, – едва ли слышно прошептал Расим.

Он задумался о том, что делать с остальными наложницами и пришёл лишь к одному решению. Другого выхода у него не было. Расим поднял на Фозила скорбящий взгляд, отражавший его хладнокровную решительность, и тихо дополнил своё поручение:

– Сожги их.

«Первым проявлением Зелёной хвори является бледно-зелёный оттенок белков глаз. Затем идёт затруднённое дыхание и тошнота. Появляется слабость и отсутствие аппетита. Последним признаком заболевания является зелёная моча, после чего заражённый умирает в течение трёх дней».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

«Султан выдумал Чёрный рубин и, пока ты будешь его искать, он выдаст дочь за богатого наследника», слова Файза, которые неоднократно повторялись у него в голове, всё больше подвергали Азима сомнениям. Однажды они чуть ли снова не заставили Азима отказаться от похода в Арруж и вернуться в Ангуран. Он думал о том, чтобы залезть на Дерево Сохиба и узнать, куда ведёт легендарная карта, если она вообще есть? От этой мысли его отговорила вера в честь султана. Ведь он дал своё слово перед всеми своими гостями.

Дорога разлучила Азима и Файза на следующий день после привала на опушке яблоневого рощи. Торговец пожелал юноше удачи и направил свою лошадь на юго-запад, где он должен был встретиться с караваном и поехать дальше в Саброну. Оставшийся путь Азим преодолел в одиночестве, терзаемый сомнениями, каждый раз думая о Зилоле. Думал он

о ней часто и больше не общался с другими путниками.

В Арруж он прибыл на четвёртый день после привала на опушке яблоневого роще. Этот город был почти в три раза меньше столицы и, как и другие города Ахоруна, не был окружён стеной. Приезжих с востока встречали две конюшни, расположенные по обе стороны широкой грунтовой дороги. В этих конюшнях можно и нужно было оставлять арендованных лошадей и дальше войти в город пешком. Из конюшни справа, принадлежавшей султану, в спешке выбежал молодой конюх и встал на пути у Азима. Он протягивал руку к поводьям, будучи уверенным, что чёрный жеребец принадлежит султану, и остался в недоумении, когда Азим объехал его со словами: *«Это мой жеребец»*.

За конюшнями цвели фруктовые сады, а за ними скрывались первые дома и улицы благоухающего города. Азим медленно ехал на своём жеребце, с интересом смотря по сторонам. Практически все строения были деревянными, одноэтажными и с плоскими крышами. Некоторые дома были окружены невысокими живыми ограждениями из цветущих жасминов и роз. Позднее, вечером того же дня, Азим узнал, что дома, ограждённые жасминами, принадлежат потомкам братьев Ёсуман.

Единственным высоким зданием в городе был дворец мэра, который был виден из любого уголка города. Ко дворцу вели широкие улицы, вымощенные обтёсанным камнем. Дороги на обычных улицах не были мощёнными.

Жеребец медленно шёл вперёд, но Азим не знал куда ехать, а спросить дорогу стеснялся. Заметив озадаченного юношу на чёрном жеребце, городской стражник с короткой черно-белой чалмой подошёл к нему и вежливо попросил спешиться, так как на той улице нельзя было ехать верхом. Юноша огляделся по сторонам и обнаружил, что только у него на этой улице есть лошадь. Азим спешился и извинился за неучтивость и невнимательность. Воспользовавшись этим случаем, Азим спросил, знает ли стражник Рахмон-ака, однако тот пожал плечами. Стражник с густыми бровями и бородой, одетый в белую рубаху и шаровары, заправленные в чёрные сапоги, с плотной стёганой безрукавкой коричневого цвета и кинжалом на чёрном широком поясе указал ему дорогу к базару в обход этой улицы и сказал, что там ему помогут найти кого угодно.

На открытом базаре, то есть необрамлённого стенами, Азим расспрашивал многих продавцов и покупателей, но никто не знал ни о каком старике Рахмоне. Азим был расстроен, что никто не мог ему ответить и корил себя за то, что не додумался спросить имена родственников Рахмона у Рашид-аки. Тогда он решил спросить, знает ли кто самого Рашида.

Вскоре, перед закатом, к Азиму подошла девочка двенадцати лет и сказала, что возможно знает старика Рахмона. Она привела его к своему дому, недалеко от базара, и позвала своего деда. Им оказался Манон, старший брат Рахмона.

Азим объяснил ситуацию и Манон пригласил его в дом. Он знал, что Рахмон жил эти годы в Ангуране, но не мог навещать брата из-за здоровья. Манон огорчился узнав, что его брат снова пропал и заверил Азима, что его брата в Арруже точно нет.

По просьбе Манона Азим остался у них на два дня, а на третий поблагодарил хозяина за гостеприимство и спросил, где ещё можно найти Рахмона. Сын Манона напомнил отцу, что тот рассказывал когда-то о некоем доме своего брата в Корявом лесу.

– Со старостью теряешь не только годы, но и память, – сказал тогда Манон. – Если мой брат и мог куда-то отправиться, то только туда.

Именно туда сейчас, а точнее уже второй день держал путь Азим. В благодарность за то, что юноша хочет найти его брата, Манон попросил свою невестку пополнить сумку юноши съестными припасами и сухофруктами. Тяжесть их щедрости Азим сейчас ощущал на своих плечах.

– Ты не сможешь проехать на своём жеребце по Корявому лесу, – предупредил его Манон, попросив оставить жеребца в конюшне султана. – Там он нём хорошо позаботятся до твоего возвращения.

В кожаной сумке, висевшей у Азима на правом плече, были ещё одна сменная рубашка, штаны, сложенные в отдельном мешочке, бурдюк с базиликовым напитком и ещё бурдюк с водой. Остальные вещи он оставил в Арруже в седель-

ной сумке.

С толстой тяжёлой сумкой за спиной Азим держал путь на запад по зелёным равнинам и низким холмам. Несмотря на усталость, днём он шёл без остановки. Прошлой ночью он заснул, прикрывшись халатом, на кривом холме, а к этой ночи он надеялся дойти до леса. Над головой уже второй день сгущались облака и дул ветер. К этому вечеру будет гроза, понял Азим. Потому он несколько раз ускорял шаг, чтобы скорее добраться до Корявого леса. Азим не хотел, чтобы в него попала молния. Он слышал не одну такую историю, где на людей в открытом поле во время грозы попадали молнии. Сочный кебаб из него бы точно при этом не вышел, и степным волкам пришлось бы глотать его кости и рыться в его сумке за мясом.

С другой стороны, вот будет потеха, если он сам превратится в Чёрный рубин от удара молнии.

Наступил вечер, и солнце легло на западный горизонт. Однако небо было уже полностью затянуто чернеющими тучами. Вдалеке засверкали первые молнии и по небу начал раскатываться гром. Благо за следующим холмом Азим увидел огромное море из зелёных листьев. Вот он Корявый лес.

От Арружа Азим прошёл шесть фарсангов, но этот лес был гораздо больше. Он тянулся до самого видимого западного горизонта. Азим был впечатлён, изумлён и озадачен.

– *«Где же я найду Рахмон-ака в этом бескрайнем лесу?»*
– спрашивал он у самого себя.

За спиной на небе вспыхнула молния и последовавший раскат грома заставил Азима встрепенуться и побежать к лесу, до которой оставался один мил.

В конце пути ноги горели и просто отказывались слушаться. Азим сел под кроной кривого дуба на опушке леса, чтобы перевести дыхание и передохнуть.

Несмотря на густые облака, было ещё слегка светло. Однако в самом лесу царил мрак и Азим не решался войти в него. Этот лес навевал на юношу некий страх и некоторое время он бродил у опушки.

Молнии начали сверкать всё чаще и ближе на небе у него над головой. Это заставило Азима забежать в лес. Через пару джебелей Азим остановился и сел у старого ясеня с косым стволом и сквозь ажурную крону с восхищённым трепетом стал наблюдать за молниями. Он считал время наступления грома после каждой вспышки. Каждый раз интервал был разным: от семи до пятнадцати секунд и дольше. Азим сделал вывод, что время интервала зависит от расстояния – чем дальше вспыхивает молния, тем дольше доходит его гром. Большинство молний сверкали голубым светом, но не редко загорались пурпурные, жёлтые и красновато-оранжевые молнии. Разряды били вниз, иногда аж до земли, в стороны и даже вверх.

Вот совсем рядом вспыхнула молния. Её разряд сначала ударил вниз и волнистой линией резко свернул налево сквозь облака. Это навело Азима на мысль сравнить молнии с пись-

менностью Алифа. Не было ни одного прямого или идеального разряда молний. Они все искривлялись и извивались, озаряя небо своим ярким светом. Буквы и слова на Алифе, языка всего Рахшонзамина, тоже пишутся закруглёнными, изогнутыми, волнистыми или искривлёнными линиями.

В небе вспыхнула молния и через девять секунд последовал оглушительный гром. Азим неожиданно пришёл к заключению, что молнии – это письменность языка Всевышнего, а гром – произношение этого языка, и во время грозы каждой молнией и громом Всевышний напоминает своим созданиям о своём присутствии над их головами. Этот язык не подвластен человеку и Азим с благоговейным трепетом взглянул вверх и негромко произнёс на человеческом языке:

– Воистину ты велик, Всевышний!

Азим смиренно опустил голову, а над его головой, словно в ответ, на небе вспыхнула пурпурно-желтая молния и грянул гром. По телу Азима пробежала дрожь и наступила тишина. Перестали сверкать молнии и гром перестал греметь. Лишь шелест листьев под дуновением холодного ветра нарушал тишину.

Азим сильно проголодался в пути. Он сделал глоток воды и полез в сумку за едой, как вдруг начался дождь. Он сидел у кособокого ствола ясеня и надеялся, что его низкая крона укроет его от слабого дождя. Но не успел Азим положить и кусок хлеба в рот, как дождь усилился. Он положил всё об-

ратно в сумку и решил найти дерево с плотной кроной. Однако, в наступившей кромешной темноте он не мог разглядеть ничего дальше трёх шагов. Азим мысленно взмолился к Всевышнему осветить ему путь и пошёл вперёд.

Через некоторое мгновение на небе снова засверкали молнии. С каждой вспышкой Азим осматривался по сторонам и прокладывал себе путь. Ему приходилось мерить каждый шаг и ступать с осторожностью, чтобы не наткнуться на ветку или не споткнуться о торчащий корень.

С каждой вспышкой молнии, озарявшей небо, Азим всё больше замечал, что все деревья в этом лесу кривые и косые. Он начал понимать, почему этот лес называют «корявым». Чтобы укрыться от молний, Азим спрятался в лесу и тут, наклоня голову, чтобы пройти под толстой, корявой веткой какого-то дерева, он подумал будто все эти деревья также пытаются увильнуть от гнева Всевышнего, ниспосланного в виде молний, а посредством грома он говорил им: *«Не тянитесь вверх, ваше место внизу!»*

В первый раз он не придавал этому значения, но с новой вспышкой Азим вновь заметил некий силуэт около ста газах от себя. Это насторожило юношу. Он остановился и прислушался – вдруг он услышит чьи-то шаги, но кроме шума дождя он ничего не услышал. Это ещё больше насторожило юношу. У него возникло чувство, что словно за ним кто-то следит. Очередная молния вспыхнула где-то далеко, но её свет позволил, хоть и слабо, снова увидеть этот силуэт – он

был уже приблизительно в девяносто шагах к западу от Азима.

Юноша развернулся и побежал сломя голову. Он продолжал оглядываться по сторонам, когда небо озарялось молниями. Азим больше не замечал того силуэта, но это не вселяло в него спокойствие. Он хотел найти укрытие, чтобы спрятаться.

У Азима не оставалось сил, но он всё бежал. При свете вспыхивающих молний он пытался разглядеть свой путь, и, тем не менее, он споткнулся и упал в небольшую лужу. Юноша в спешке выполз из лужи и в страхе продолжил бежать, не зная, от чего он убегает и куда бежит. С новой вспышкой Азим увидел перед собой кряжистое дерево с толстым торчащим корнем. Он забежал за корень и, присев на корточки, прижался к стволу. Азим надеялся, что тот, кто его преследует, не найдёт его здесь.

Юноша перевёл дыхание, но его сердце продолжало колотиться в груди. Он поднял правую руку, чтобы снять сумку с плеч, но обнаружил, что её нет. Какая досада, ведь в сумке была вся еда. Голод терзал его желудок, и он беспомощно вздохнул. У него на поясе висел нож, но что толку, если вокруг ни одной дичи. Азим опустил руки и нащупал пару опавших листьев. Он взял один и при свете молнии заметил, что лист пурпурного цвета. Сжав листок в руках, он закрыл глаза и представил, что это тюльпан. Вспомнив о любимой Зилоле, он дрожащим от холода голосом тихо запел несмот-

ря на то, что преследователь может его услышать:

*Трепещет сердце моё, дорогая Зилола,
Драгоценной памятью был бы в руках цветов тюльпана,
увы...*

*Сердито небо этой ночью – черны его облака,
Не найти мне укрытия от его свирепых слёз в Корявом
лесу.*

*Потемнел лик небесный, как и в сердце моём,
Думаешь ли и ты обо мне, когда я тут, под дождём?
Гром и молнии грозно поют, мне приятна их песнь, но...
Услышав твой сладкий голос, согрелось бы сердце моё под
дождём.*

*Мысли о твоих глазах манят к тебе, пусть утонит в них
жизнь моя, но...*

*От луж и ям ищу я укрытие здесь под дождём.
Гром гремит и внутри меня – вся дичь перепряталась
от моего голодного зова,
Один нежный поцелуй твоих губ насытил бы меня здесь
под дождём.*

*Прошёл я долгий путь, устали ноги, а я... заблудился?
Нет! Любовь моя бескорыстна и сердце найдёт путь
здесь под дождём.*

*В руке листок, сам я прислонился к дереву, которое гово-
рит мне:*

«Испей же соку моего вместо воды».

Грёзы говорят мне: «Это тюльпан. Так приляг же у

тюльпана здесь под дождём»...

Азим склонил голову набок и крепко заснул.

Наступившее утро было прохладным, но не таким холодным, как прошлая ночь. Азим лежал на боку, свернувшись калачиком. Он не желал просыпаться. Услышав урчание, он перевернулся на другой бок, решив, что это его голодный желудок. Спящий Азим с улыбкой подумал о горячем завтраке. Вот бы сейчас съесть сладкую запечённую тыкву и запить молоком или размолоть фатир в горячую оталу и заправить красным луком или рисовую кашу, которую делает его мама, м-м-м...

Новое урчание заставило Азима сесть не с улыбкой, а с тревогой в глазах. Урчание прозвучало определённо не из его желудка. Оно словно приглушённый рык повторилось снова и было совсем рядом. По телу Азима пробежала дрожь. Он огляделся по сторонам и обнаружил себя в углу двух выступающих корней старой сливы с пурпурными сливами и косым толстым стволом. Азим почти лёжа подполз и пристал к узловатому корню впереди себя. Он осторожно выглянул из-за него, чтобы узнать, откуда идёт урчание. Новый рык сразу привлёк внимание Азима на то место, где он прошлой ночью упал в лужу. Там был медведь, большой бурый медведь.

Один только его вид заставил Азима затаить дыхание. Медведь рылся в разодранной сумке Азима и голодно рычал. Ему было недостаточно того мяса, которое он сожрал из

сумки. Он вынюхивал остатки, которые могли рассыпаться из сумки...

За несколько дней в пути сумка могла впитать в себя запах и самого Азима. Потому юноша медленно отполз спиной назад, чтобы медведь не учуял его. Азим был голоден, но сейчас ему не хотелось самому стать завтраком. Лёжа на спине, он выполз из-под витка другого корня, выступающего на пол газа и, перевернувшись на живот, продолжил ползти около тридцати газдов. Оказавшись у другого дерева, Азим быстро спрятался за его перекошенным стволом. Убедившись, что медведь не идёт в его сторону и не видит его, Азим ринулся прочь от этого места. Благо земля была мягкой после дождя, и медведь не услышит убегающий от него завтрак.

Ориентируясь по солнцу, Азим держал путь на запад вглубь Корявого леса. Небо этим утром было ясным, но под сенью кривых и косых деревьев это было едва заметно. Азим замедлил шаг, когда был полностью уверен, что медведь остался далеко позади, однако его пустой желудок урчал точно также.

Азим не переставал оглядываться по сторонам и всё больше удивлялся этому лесу. При свете дня ему было отчётливо видно, что все деревья вокруг растут криво, даже те, которые по сути своей должны расти только прямо. Не было ни одного дерева, чей ствол рос прямо хотя бы на полтора газа.

– И впрямь корявый лес, – проговорил про себя Азим, продолжая идти на запад.

В основном, все деревья, попадавшие на пути Азима, были лиственными и только один из десяти или двенадцати был хвойным. К счастью, среди них были и плодоносные деревья. Азим подошёл к одной яблоне с низким стволом и пятью извилистыми ветками, две из которых переплетались с середины. Несмотря на то, что яблоки ещё не созрели, а размером были со сливу, Азим собрал несколько плодов и жадно съел их в мгновение ока.

Постепенно становилось теплее. Сняв с себя сырой и грязный халат, Азим завязал его рукавами за пояс. Он оторвал ещё три яблока и спрятал их в *пояс*.

Теперь ему хотелось пить. Он искал в лесу ручеёк или какой-нибудь источник, но ничего кроме остатков луж ему на пути не попадалось. С ощущением сухости во рту он продолжал идти, не зная куда.

День близился к полудню, Азим устал. Он прошёл около трёх фарсангов в этом бесконечном лесу. И тут, среди зеленеющих и цветущих деревьев, он увидел одно сухое дерево. Когда-то оно было могучим дубом, теперь же было чёрным и мёртвым, словно из него высосали всю жизнь. И почему-то Азим решил, присесть и отдохнуть именно у него.

Азим подошёл к дереву и там, докуда он до него дотронулся, рассыпалась кора. Удивительно как это дерево всё ещё стоит, подумал Азим и присел в трёх шагах от ствола. Скрестив ноги под собой, он размышлял, как такое дерево могло высохнуть?

Азим просидел пол сойи, разглядывая дерево. Его толстый ствол высотой был всего в три локтя, который разделялся на четыре основных ветвей разной толщины. Эти ветви косо росли вширь и под разным углом. Всё дерево – от основания до кончиков – было словно обугленным.

– *«Может, в него попала молния?»* – предположил про себя Азим и неожиданно заметил какое-то пятно справа от юго-восточной ветви.

Азим подошёл ближе, чтобы разглядеть это пятно. Оно оказалось небольшим углублением в коре похожее на... Азим присмотрелся получше.

– След от руки? – подозрительно проговорил он, прикладывая правую ладонь к этому следу.

Вдруг Азим услышал отдалённый хруст слева от себя. Он повернул голову и увидел человека в старой тунике песочного цвета и серых порванных штанах. Это был старик Рахмон и он что-то бормотал себе под нос, держа в правой руке кролика со сломанной шеей. Он был в двадцати шагах от Азима.

– Рахмон-ака! – позвал юноша.

Худошавый старик не обратил внимания, продолжая идти на юго-запад, всё бормоча что-то себе под нос.

– Ему одного будет достаточно?.. А он не слишком мал?.. Может, раздобыть нечто покрупнее? – говорил сам с собой старик.

– Рахмон-ака? – снова позвал Азим, подойдя и положив руку ему на плечо.

– Он страдает... – старик повернулся к Азиму, но его глаза были опущены и в них отсутствовал взгляд. – Он голоден, – продолжил Рахмон. – Он нуждается в помощи... Он нуждается во мне, – Рахмон медленно поднял глаза на Азима, но они были по-прежнему пустыми, как у мертвеца.

– Рахмон-ака, это я, Азим, сын Аъзама.

– Я должен ему помочь, – продолжал старик сухим голосом. – Я чувствую его боль. Я слышу, как он страдает... Как он взывает о помощи. А ты... слышишь? – старик неожиданно обратился к юноше.

– Слышу кого? О ком вы говорите? Кто он? Рахмон-ака, это я, Азим, – он слегка потряс старика за плечи. – Я пришёл найти вас и вернуть домой. Рашид-ака очень беспокоится за вас, как и ваш брат, Манон.

– Домой?.. – задумчиво проговорил Рахмон и его выражение начало меняться. Он словно ожил. – Азим? Это ты? – изумлённо насупился старик, и даже его голос стал прежним. – Что ты здесь делаешь?

– Да, это я, Азим, – подтвердил юноша. – Меня послал Рашид-ака. Он волнуется и хочет, чтобы я вернул вас домой.

– Домой... – двусмысленно повторил старик. – Но мой дом здесь, – медленно вниз кивнул старик.

– Нет, – возразил Азим. – Ваш дом в Ангуране, Рахмон-ака.

– Я не могу туда вернуться, – старик уныло опустил голову.

– Но почему?

Старик отстранённо посмотрел на Азима. В его бледных глазах отражалась боль, волнение, усталость и страх.

– Пошли, – после недолгого молчания сказал старик. – Я покажу тебе свой дом.

Азим чувствовал облегчение, найдя Рахмона в этом лесу и теперь он мог спросить у него о том, как найти Чёрный рубин. Однако на данный момент его мучила жажда и сухость в горле, не говоря уже о еле утолённом голоде.

– Рахмон-ака, у вас есть вода?

– У меня с собой только этот кролик, – улыбнувшись, ответил старик. – Но ничего, скоро мы дойдём.

Голос Рахмона звучал оптимистично и это радовало Азима. Старик сильно похудел и был сильнее согбенным, чем раньше. У него были запавшие глаза и щёки. Его кожа была исполосована мелкими морщинами. Азим не помнил сколь ему было лет: шестьдесят три или шестьдесят пять? Однако выглядел Рахмон намного старше. Азиму было трудно представить, через что мог пройти этот старик?

– Зачем вы вернулись сюда?

– Я... – старик осёкся и его взгляд снова стал задумчивым и грустным. Он повернул голову в сторону юноши, чтобы что-то сказать, но передумал. – Почему за мной пришёл именно ты? – наконец спросил Рахмон.

– Я сосватал дочь султана, и в качестве калыма он попросил найти ему Чёрный рубин...

Азим рассказывал и о переживаниях Рашид-аки, его собственного брата, Манона, поделился о своём предположении, что он (Рахмон) может знать, где найти этот таинственный драгоценный камень, но старик, ещё в первый раз услышав из уст Азима «Чёрный рубин», снова ушёл в забытие.

Азим продолжал говорить, не замечая, что старик не слушает его, и вдруг был перебит.

– Я видел его...

– Видели кого? – переспросил Азим и заметил, что на лице старика снова отсутствует какое-либо выражение, а в глазах притаился страх.

Рахмон снова сухим голосом тихо запел:

Я видел его одиноким,

Я видел его голодным, опечаленным и бушующим.

Я видел его мучающимся,

Я видел его поющим...

Азим не хотел поднимать эту тему, но состояние старика вынудило его. Юноша снова взял его за плечи и встряхнул.

– Рахмон-ака, о ком вы поёте? О дэве? Это о нём вы говорили? Это ему вы хотите помочь?

Рахмон закрыл глаза, а когда открыл их, снова пришёл в изумление.

– Азим? Это ты? – старик говорил так, будто в первый раз видит юношу перед собой.

– Да. Это я, – Азим был в недоумении.

– Что ты здесь делаешь?

– «Он, что, не помнит?» – недоумевал про себя Азим, а в слух ответил:

– Вы вели меня к себе домой...

– Домой? А-а... Ну да, – вспомнил старик. – Идём. Мы скоро дойдём, – как ни в чём не бывало Рахмон пошёл дальше налево от запада.

Азим, всё ещё пребывая в недоумении, последовал за Рахмоном.

– Я построил этот дом для моей Муаттары, – начал рассказывать Рахмон. – Ах, как же она была красива и молода. У неё были длинные каштановые волосы, карие глаза, полные губы... Я встретил её в этом лесу, – старик с тёплой улыбкой оглянулся на Азима. – Я скитался в этом лесу и думал, что я обречён, но она спасла меня. Избавила от его воздействия.

– От чьего воздействия? – с подозрением спросил Азим.

– Где-то двадцать семь лет назад я был в Джоду. Вместе с Насимом и его сыном, не помню его имени, мы держали путь в Эрод и присоединились к торговому каравану бахриянцев из Саброны. Нам нужно было скорее попасть в Эрод. Насим ехал на работу, а я, кажется, спешил на свадьбу. Ещё пятерым торговцам из Саброны с роскошной тканью тоже нужно было поскорее попасть в Сирод. Несмотря на советы держать путь через Ахорун и обогнуть горы Катрон с северо-востока, мы решили держать путь через пустыню Эрг. Столь длинный путь через запад нас не устраивал. К предупреждениям о хозяине пустыни бахриянцы отнеслись с насмешкой, а Насим

и вовсе не слышал их, он кому-то оказывал помощь, чтобы заработать для сына.

Рахмон замолчал и судорожно вздохнул. Воспоминание о том дне словно бы снова встали перед его глазами. Дрожащим от страха голосом старик всё же продолжил:

– Мои спутники были зачарованы сразу и принесли себя в дар. Я шёл далеко позади них и рассказывал сыну Насима про времена Далёких предков. Сам Насим был молодым и здоровым человеком, но, когда он к нам прибежал, он был похож на столетнего старика, восставшего из могилы и велел нам бежать. А за ним шёл он. Мы еле успели удрать, но его голос до сих пор преследует меня. Я бежал не переставая, что было силы, и оказался в этом лесу. В суматохе я потерял мальчика и от страха больше не возвращался за ним. Я блуждал по лесу несколько дней и однажды просто устал. Когда я снова пришёл в сознание, она стояла надо мной. Словно солнце, она вдохнула в меня вторую жизнь. Я хотел забрать её и вернуться в Арруж, но она уговорила меня остаться в лесу, где нас никто не потревожит. Мы вместе построили этот дом... Кстати, вот он.

Дом находился под сенью косых вязов и ясеней и был построен из их кривых цельных брёвен. Азим остановился, чтобы получше его разглядеть.

– *«Корявый дом в Корявом лесу»*, – с ухмылкой удивился он.

Дом был двенадцати метров в длину и ширину. Состоял из

одного этажа и имел три окна. Подойдя поближе, Азим заметил, что стёкла на окнах сделаны из янтаря, а стыки брёвен на стенах и на кровле обмазаны древесной смолой, что ему показалось странным. Добыть столько древесной смолы обычным путём – задача не из лёгких даже в таком лесу.

Лицевая сторона дома была обращена на север. Ступени крыльца были сделаны из толстых кривых веток. Рахмон поднялся на небольшую веранду и пригласил Азима. Юноша вслед за стариком вошёл в дом, где на удивление было чисто и убрано. Даже запах был приятным.

– В том кувшине есть вода, – указав на стол, стоявший в левом углу, Рахмон исчез за дверью другой комнаты.

Даже вода в кувшине оказалась свежей и бодрящей. Уже через несколько глотков всю усталость Азима как рукой сняло. Он жадно выпил половину воды и со вздохом долгожданного облегчения положил кувшин на место. Он сел на выступ у стены рядом со столом, но Рахмон появился у дверного проёма и поманил к себе.

Рахмон постелил две старые, но всё ещё мягкие курпачи вдоль стен и предложил Азиму сесть напротив.

– Скажи мне, Азим, что ты делаешь в этом лесу? – спросил Рахмон, положив пойманного кролика рядом с собой.

Азиму пришлось повторить всё, что он рассказывал в лесу.

– На что только не пойдёшь ради любви, – с тоскливой нотой проговорил Рахмон в конце рассказа юноши.

Азим понимающе улыбнулся и спросил:

– А что случилось с вашей любимой?

Этот вопрос навёл на старика грусть, и он с досадой отвёл глаза в сторону, и некоторое время молчал.

– Все эти годы мы жили в этом доме. Она сшила эти курпачи, подушки, – Рахмон говорил тихо, глядя на нишу, где в стопку были сложены остальные курпачи, одеяла и подушки, а внизу лежало красное сюзане. – Мы были счастливы и хотели завести ребёнка, но Муаттара никак не могла забеременеть. Шли годы, ни одно лечение нам не помогло. Однажды она сказала мне: *«Если найдёшь Чёрный рубин, он поможет нам зачать ребёнка»*.

Азим с интересом подался вперёд.

– Я отправился на поиски, – продолжал старик, – а когда вернулся, моей жены не было. Я нигде не мог её найти. Мы с ней часто бывали Арруже, и я решил искать её там. Я спрашивал о ней, но не говорил, что она моя жена.

Рахмон притих. Его глаза наполнились слезами. Проглотив горький ком в горле, он продолжил:

– В Арруже мне сказали, что на южной опушке Корявого леса поймали женщину, по описанию похожую на мою Муаттару. Они сказали, что это была ведьма и они преследовали её за преступления.

Рахмон снова умолк с сокрушённым видом. Ему до сих пор не верилось в это.

– Мы с ней прожили столько лет, а она оказалась ведь-

мой, – старик расстроился не из-за того, что она была ведьмой, а из-за того, что она скрывала это от него.

– Что с ней стало? – поинтересовался Азим.

– Мою любимую жену поймали и забили камнями, обвинив в Зелёной хвори, – с трудом проговорил Рахмон и прослезился.

– Мне очень жаль, – тихо сказал Азим.

Рахмон молча покивал и вытер слёзы.

– Рахмон-ака... вы нашли Чёрный рубин? – спросил Азим, когда старик посмотрел на него.

– Я устал, Азим, – тихо ответил Рахмон. – Мне нужно прилечь. Если хочешь, можешь приготовить этого кролика. Кухня там.

Азим быстро встал с места. Взял подушку из стопки и подал её старику. Тот положил голову и сразу уснул.

– *«Что ж, спрошу, когда проснётся»*, – подумал Азим и, взяв кролика, вышел из комнаты.

На кухне Азим долго смотрел на тушку кролика. Он не знал, как её разделать. Он никогда этого не делал. Будь здесь его брат Рауф, он мигом бы разделал кролика и приготовил сочное рагу. У Рауфа много талантов, а вот Азим всегда полагался на удачу.

Кухня была чуть меньше той комнаты, где уснул старик. Там стояли два стола: один низкий, обеденный посередине, другой рабочий – у окна. Была ещё пара тумбочек и две ниши на стене слева. Азим поискал и нашёл круглый неболь-

шой казан и по паре столовых приборов и посуды.

– *«Видимо, гостей они не принимали»*, – заключил Азим.

Найдя нож, юноша принялся разделывать кролика. Когда родился Рауф, отец заколол двух баранов. Азиму тогда было около восьми лет. Он наблюдал за тем, как отец помогал мяснику разделывать туши. Руководствуясь этой скудной памятью, Азим начал с головы. И пока он полностью закончил разделывать бедного кролика, за окном уже наступил вечер. Он ещё раз обошёл кухню в поисках лука, моркови или картошки, но нашёл всего лишь три баночки с сушёным укропом, петрушкой и базиликом.

– Интересно, сколько лет назад были высушены эти травы? – задался вопросом Азим и принялся к баночкам. – Ладно, всё лучше, чем ничего.

Азим решил сварить кролика и вылил остаток воды из кувшина в казан, бросил мясо и обильно посыпал сушёной зеленью, когда вода начала вскипать.

Казан стоял на глиняном кухонном очаге в дальнем правом углу. Там же под потолком стоял железный раструб для отвода дыма, а стены в этом углу были облицованы эмалированными плитками из жжёной глины.

Пока стряпня Азима варилась на малом огне, он вернулся в комнату разбудить Рахмона, но старик спал крепким сном.

Ему пришлось есть одному. Он наполнил одну глиняную миску и с предвкушением сел за стол. Съев одну ложку, Азим пожалел, что не научился готовить у своей матери. Од-

нако деваться было некуда, он был голоден и съел всю миску.

К этому времени снаружи уже наступила ночь. Последнюю неделю ему приходилось спасать то на траве, то на земле или под корнем – юноша устал от этого. Вернувшись в ту комнату, он взял для себя подушку и решил прилечь на курпаче, которую для него постелил Рахмон.

Азим переворачивался с одного бока на другой, лежал то на спине, то на животе, но никак не мог уснуть. Юноша был обеспокоен тем, что его вопрос остался без ответа. Он закрыл глаза, желая, чтобы поскорее наступило завтра. Вот только изнутри у него всё дребезжало от нетерпеливости. Он встал и вышел из комнаты. В коридоре, напротив кухни, была дверь в другую комнату. Азим вдруг подумал, что, если Рахмон нашёл Чёрный рубин, он мог спрятать его в этой комнате.

Азим толкнул дверь, но она оказалась запертой. Он попытался ещё раз открыть её, но тщетно. Тогда юноша решил выйти на веранду, подышать свежим воздухом.

Азим прислонился к деревянным резным балясинам и, положив руки на перила, взглянул вверх. Небо было усеяно звёздами, но их скрывали кроны деревьев. Вокруг царил мёртвая тишина. Не было слышно ни шелеста листьев, ни шороха животных. Казалось, будто в целом мире нет никого, кроме него и старика, спящего как младенец.

Азим прислушался к тишине, как вдруг она была нарушена. Из комнаты, где спал Рахмон, стали доноситься какие-то

звуки. Решив, что старик мог проснуться, Азим быстро вернулся к нему.

Старик по-прежнему спал, но он что-то бормотал. Азим хотел его разбудить, но что-то остановило его, и он прислушался, а потревоженный Рахмон, не просыпаясь, начал сначала:

*Служил тем и всем вместе с братьями я,
Со временем изменилась суть моя.
Неистовое искушение проявилось во мне,
Не смог голода сопротивление удержать я в себе.
Лишили меня крыльев моих чудесных,
И не взлететь мне больше к небесам,
Заперли меня в этой пустыне чуждой,
И не видать больше того рая лучезарного моим глазам.
Оградил меня от той пищи лакомой,
И не испробовать мне больше той любимой души людской.*

*Остался в одиночестве я, голодный и потерянный,
Ибо наказание братьев не смог избежать я.*

Рахмон произносил этот стих странным, зловещим и низким песчаным голосом с печальными нотами, отчего Азима бросило в холод и по его спине побежали мурашки. Он вспомнил, что этот самый стих Рахмон собирался прочитать им год назад на посевных полях, но осёкся и сменил разговор.

Но что это за стих? Кому он принадлежит?

Рахмон начал его повторять и Азим в ужасе сразу подбежал к нему и покачал за плечо.

– Рахмон-ака? – звал юноша, но старик отказывался просыпаться и продолжал шептать слова из стиха. – Рахмон-ака!

– Азим, – проснувшись и посмотрев на юношу, сказал старик. Однако, его глаза снова уплыли. – Азим... – вяло проговорил Рахмон. – Он... – старик снова уснул.

Юноша опасался, что старик продолжит бредить, и долго сидел над его головой, чтобы разбудить в случае чего. Постепенно у него начали слипаться глаза и в следующий раз, когда он открыл их, уже наступило утро.

– Проснулся? – спросил Рахмон, стоя у двери.

Азим потянулся на месте и встал.

– Доброе утро, Рахмон-ака, – сказал он, смерив старика изучающим взглядом.

– Идём. Тебе нужно поесть, – Рахмон кивнул в сторону кухни и вышел из комнаты.

Азим озадаченно последовал за ним.

– Рахмон-ака...

– Садись, – мягко потребовал старик.

На обеденном столе стояла миска с едой – она была тёплая. Видимо, старик уже давно разогрел его стряпню и ожидал, пока он не проснётся.

– Ешь. Тебе предстоит долгий путь.

Азим с недопониманием поднял взгляд на старика.

– Ешь, – повторил Рахмон, – и я отвечу на твой вопрос.

Поведение старика показалось подозрительным. Однако Азиму очень хотелось получить ответ на вопрос, который вертелся у него на языке. Он взял деревянную ложку и начал есть.

– У меня не так много еды, – говорил тем временем старик. – Мне редко удаётся поймать что-то вроде этого кролика, но я нашёл два старых бурдюка, – сказал он, садясь напротив Азима и показывая ему эти кожаные бурдюки. – Мы наполним их водой у ручья. Это поможет утолить жажду в пути. Вот, привяжи их у себя на поясе, – старик протянул бурдюки юноше и встал, чтобы выйти из кухни. – Пошли, – сказал он на выходе.

Оставив пустую миску на столе, Азим поспешил за Рахмоном.

– Пошли, – ещё раз сказал старик, выходя из дома. – Я кое-что тебе покажу. Это далеко. Иди молча и не отвлекай меня, пока мы не дойдём. В этом лесу не так много фруктовых деревьев, как кажется. Если по пути попадётся хоть одно, собери как можно больше плодов. Теперь они будут твоей единственной пищей. Но не собирай ягоды, они несъедобны. А на грибы у нас нет времени.

Азима слегка удивило и озадачило это требование. Однако он был готов на всё, чтобы найти Чёрный рубин. Ему пришлось послушать безумного, как сказал бы Хуршед, старика и молча следовать за ним.

Полторы сойи они шли на север. Азиму казалось, что Рах-

мон ведёт его куда-то по определённой дороге, так как старик обходил все места, где подлесок рос выше колена. По пути им попалось одно сливовое дерево, но плоды на ней были ещё мелкими и зелёными. Азим пытался взглядом найти другие плодоносные деревья, но вблизи не было ничего кроме дубов, вязов, ясеней, клёнов и других кривых и кособоких лиственных деревьев.

К полудню они прошли три фарсанга, двигаясь то на север, то на северо-запад. У Азима уже устали ноги. Он хотел устроить привал, но Рахмон покачал головой и неумолимо шёл дальше. В сорока газах справа от себя Азим заметил ещё одно сухое дерево – это был орех с тремя толстыми косыми стволами. Оно было таким же чёрным и безжизненным, как тот дуб. Азим пытался разглядеть, есть ли на нём какое-нибудь пятно, вроде того следа от руки, но расстояние не позволяло ему этого. Однако размышления о причинах высыхания этого дерева отвлекло юношу от ноющих ног.

Кстати, если бы они шли слева от этого ореха, Азим бы заметил след от руки между двумя стволами.

Вскоре они дошли до ручья, широким изгибом огибающего старый кряжистый вяз. Ширина русла была всего лишь полтора газа. В ручье было немного камней, и вода в ней протекала медленно и почти бесшумно.

– Набери воды, – сказал Рахмон.

Старик присел на корточки у ручья и, сложив руки лодочкой, набрал воды и выпил. Утолив жажду, он вымыл лицо и

шею.

Азим тем временем присел в нескольких шагах справа от старика и, прежде чем наполнить бурдюки, сделал то же самое.

– Этот ручей протекает только в лесу, – сказал Рахмон. – Он берет своё начало из-под земли в нескольких милях к северу отсюда. Разделяясь на множество рукавов, он протекает почти по всей западной части леса, и снова объединяется в одну, перед тем как вновь уйти под землю в десяти фарсангах к югу отсюда.

– Куда мы идём? – спросил Азим.

– Мы скоро дойдём. Вставай.

Они перешли ручей вброд и мимо кряжистого вяза пошли на запад. Через полтора миля они пришли к плакучей иве. Ствол дерева был полностью скрыт за пышной кроны. Ветки с тонкими, длинными листьями ниспадали почти до самой земли.

– Ты хотел знать, зачем я вернулся? – спросил Рахмон. – Ради любви, – сам же он и ответил. – Даже ты сейчас стоишь здесь ради любви. Любви Рашида и моего брата ко мне. Твоей любви к султанзаде. Ради неё ты пришёл сюда, чтобы найти то, чего не удалось найти мне.

Азим удивился и был слегка разочарован, услышав это. Он вопросительно посмотрел на старика, думая: *«Неужели я проделал весь этот путь зря?»*

– Под корнем этого дерева, – старик кивнул в сторону пла-

кучей ивы, – я когда-то зарыл меч. Помогите мне откопать его.

Азим нерешительно кивнул и зашёл под крону сквозь неплотную занавесь из тонких веток. Под кроной он увидел толстый кривой ствол, а рядом из земли выступал небольшой кусок корня. Азим подошёл к нему и начал рыть под ним землю. Он вырыл яму глубиной в полторы пяди и нашёл кусок ткани. Азим вырыл яму побольше и извлёк из неё эту ткань, в которой был завернут меч с изогнутым клинком. Юноша вернулся к старику и вручил ему этот свёрток ткани с мечом внутри.

Рахмон с трепетом взял свёрток. Раскрыл его и показал Азиму спрятанный в нём меч. Юноша был поражён красотой меча. Изогнутый клинок с узким остриём был выполнен из голубой стали. На заставе с обеих сторон была выпуклая волнистая линия, а внутри её изгибов была гравировка из клинописи. Гарда также была волнистой, а рукоять сделана из белого ребристого рога молодого горного козла и хорошо промазана лаком. На конце рукояти было три тонких голубых флажка, равных по длине самой рукояти. Рахмон взял меч в правую руку. Отбросив в сторону старую ткань. Которая когда-то была его летним халатом, он положил остриё клинка на свою левую руку.

– Любовь – это странное чувство, не поддающееся объяснению, – заявил Рахмон, глядя на меч так, будто видит его в первый раз. – Она ослепляет человека и толкает на безумные поступки. Моя Муаттара не говорила, что она ведьма,

но её любовь ко мне была искренней... – старик загрустил, вспоминая о своей жене. – Однако любовь также способна придавать человеку сил... сопротивляться злу. Моя Муаттара помогла мне справиться с его воздействием. Она вдохнула в меня новую жизнь, и ради неё я отправился на поиски Чёрного рубина. Она подсказала мне иди к горам Катрон. Несколько дней я бродил среди холмов и предгорий, пока не дошёл до одной дороги... С обеих сторон на этой дороге был посеян ужас, который овладел и мной. Но ради своей любви я решил пройти этот путь, но страж не позволил мне дойти до конца. Моё присутствие привело его в ярость, и он прогнал меня. Я начал убегать, а он преследовал меня. Приняв его за дэва в новом чёрном обликии, я снова стал бояться за свою жизнь. Я убегал, а он приближался сверху. Вдруг я споткнулся и упал рядом с костями его бывшего хозяина, – Рахмон опустил глаза на меч. – Страж был всё ближе, и я вытащил этот меч из ножен и взмахнул им над головой. Страж отдалился. Я встал на ноги и продолжил бежать. Разъярённый страж преследовал меня до самого этого леса. Поняв, что ему не достать меня из-под крон деревьев, страж улетел прочь. Я был очень расстроен, что не смог найти Чёрный рубин. Я спрятал меч под этим деревом и вернулся домой... – старик со скорбью опустил глаза на землю. – Дальше ты уже знаешь, что было, – проговорил он сквозь ком в горле. – Это сломило меня, – медленно проговорил Рахмон. Он вытер прослезившиеся глаза и отвёл взгляд в сторону. Ему бы-

ло трудно об этом вспоминать. – Я снова начал скитаться. Сам не зная как, я очутился в Ангуране. Там меня нашёл Рашид, а твой отец принял на работу. С заботой старого друга и в окружении новых я чувствовал себя в безопасности... Но этого было недостаточно. Со старостью силы покидали меня. Я снова начал слышать его. Я больше не мог сопротивляться и решил вернуться домой к моей любви, к моей Муаттаре... – старик снова понурился. – С годами уходить и память, – задумчивым взглядом он посмотрел исподлобья на Азима. – Я забыл... – осёкшись, Рахмон напряжённо стиснул губы. Кровь в его жилах начал кипеть от злости. Старик снова отвел взгляд и выдохнул, чтобы успокоиться. – Я забыл, что мою Муаттару бросили в выгребную яму, обвиняя в том, в чём она была невиновна, – в голосе старика прозвучали ноты гнева.

– Она была ведьмой, – негромко сказал Азим. – Их до сих пор обвиняют в Зелёной хвори...

– Она пыталась помочь, – отрезал Рахмон. – Незадолго до того, как отправиться за рубином, она не позволяла мне идти в Арруж. Она говорила, что многие там больны. Моя Муаттара собирали всякие травы в лесу. Готовила из них лекарства и относила в город. Она хотела помочь, а её... – Рахмон смотрел на Азима одновременно гневным и разочарованным лицом. Ему не верилось, что люди способны на такое.

– Мне очень жаль, – тихо сказал Азим.

– Это ничего не изменит, – хмуро ответил старик. – В

невежестве люди бывают жестокими.

Азиму не было что ответить. Ему было всего пару лет, когда происходили эти события. По всему Ахоруну тогда начались гонения ведьм. Многие из них были убиты или казнены впоследствии... и не самым милосердным образом.

– Держи, – Рахмон протянул меч обратно Азиму. – Он тебе понадобится. Иди на северо-запад и к вечеру дойдёшь до опушки леса. Затем иди на запад и через фарсанг ты выйдешь к долине предгорных холмов. Там есть ущелье, которое приведёт тебя к Тропе мёртвых. Если дойдёшь до конца, я думаю, ты найдёшь, то что ищешь. Удачи тебе, Азим. И остерегайся стража.

– Вы не пойдёте со мной? – спросил Азим, нерешительно забирая меч из рук Рахмона.

– Нет. У меня нет на это сил, – отстранённо ответил старик, глядя куда-то в сторону. – Я вернусь домой, – он отвернулся, – и буду ждать тебя, – договорил он, отойдя на несколько шагов.

Азим подозрительно насупился ему вслед. Юноше показалось, что старик говорит не с ним.

– Хорошо, – неуверенно произнёс он.

– Азим, – старик обратился к юноше, будучи уже спиной к нему и не оборачиваясь. – Если меня не будет дома, – он начал уходить, – не ищи меня. Я должен ему помочь... Я больше не могу сопротивляться... Во мне... не осталось любви...

«Одна из юных врачей хранителей устроилась во дворце Расулабада прислугой на кухне. Однажды, когда Расим был в Ангуране, она тайком пробралась в покои падишаха Нодира и обследовала его. В своём докладе, отправленном в Иордан, Мастона писала, что у падишаха Нодира были бледно-зелёные глаза. Такими же были его конечности и грудная клетка. Она сделала вывод, что падишах Нодир может являться источником Зелёной хвори – первым носителем».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Азим шёл босиком по мягкой зелёной траве вдоль северо-западной опушки Корявого леса. Он был озадачен последними словами старика Рахмона. Зачем он велел ему больше не искать его?

Азим был уверен в том, что Рахмон одержим чужой волей, и не знал, как ему помочь.

Может, Чёрный рубин поможет?

Он наверняка обладает какой-нибудь силой, иначе зачем он понадобился той ведьме, его жене?

Ответы кроются там, среди этих гор, к которым Азим держал путь.

Азим не знал дороги в лесу так же, как хорошо его знал Рахмон. Потому до опушки леса он добрался лишь к следу-

ющему утру. Как и старик, он старался идти по прогалинам, но местами эти прогалины переходили в широкие поляны с навесом из крон косых деревьев. Азим не знал куда идти и, решив идти строго на северо-запад, несколько раз натыкался на высокий подлесок или непроходимые кустарники.

Пока он искал правильный путь, над его головой опустилась ночь. Есть было нечего. Он проходил мимо нескольких фруктовых деревьев, но кроме яблок другие плоды были ещё неспелыми. Он надеялся поймать хоть какое-то животное, но кроме белок ему больше ничего не попадалось. Да и лезть на дерево за проворной белкой было пустой затеей. Азим обманул бунтующий от голода желудок несколькими глотками воды и пошёл дальше.

У опушки он шёл на запад, как и было ему велено, но ни к какой долине он не вышел через фарсанг. И, теперь озадаченно идя вдоль опушки леса, он думал, может, старик ошибся?

Азим задумчиво посмотрел в сторону леса, где, несмотря на ясное солнце над головой, царил полумрак. Юноше не верилось, что старик мог обмануть его, ведь в тот день он вёл себя странно. Да всё его поведение было странным.

Нет. Азим покачал головой. Вероятнее всего старик просто забыл правильную дорогу, ведь тогда он убегал от стража и не мог хорошо запомнить дорогу и расстояние. Да и память ему уже больше не принадлежала... как и он сам.

– Что же с вами стало, Рахмон-ака? – в негодовании про-

шептал Азим. – «*Кому вы так хотите помочь?*» – продолжил он мысленно. – «*Дэву? Неужели он нуждается в помощи?*» – он посмотрел на запад, где в тридцати фарсангах от Корявого леса зелёные поля постепенно высыхали и переходили в пустыню Эрг.

Азим долго смотрел в ту сторону и желание получить ответы чуть не побудило его пойти туда. Вдруг перед Азимом пролетел соловей и своим пением привёл его обратно в чувства.

Юноша повернулся на север, где справа налево на многие фарсанги растянулись зелёные предгорные холмы, а за ними возвышались грозные чёрные и иссиня-чёрные горы, потому их и называли Катрон. От этих холмов его отделял фарсанг зелёной равнины. Азим пригляделся к левой от себя гряде холмов и заметил, что она заканчивается пологим склоном в двух милах к северо-западу от него. Возможно, там и есть долина, о которой говорил Рахмон-ака. Азим сделал глоток воды и направился в ту сторону.

Было уже две сойи после полудня, когда Азим дошёл до склона первой гряды. Солнце, сошедшее с зенита, преследовало одинокое облако, лениво плывущее по зеленовато-голубому небу на запад. Его догадка оказалась верна – он вышел к долине между двумя зелёными невысокими холмами. Склон холма, вдоль которого он шёл, был пологим, а у противоположного – выпуклым. Эта долина вела к ущелью с отвесными стенами, и один его вид навевал страх. Эту доли-

ну от самого ущелья разделяла узкая трещина, пролегающая на юг и юго-запад, полностью проросшая травой. Возможно, здесь когда-то давно протекала река, решил Азим, окинув её взором.

– *«Ущелье приведёт тебя к Тропе мёртвых»*, – с холодной дрожью по спине вспомнил Азим.

Расстояние до ущелья было больше двух стадий. Азим неуверенно и настороженно шагнул в его сторону. По словам старика Рахмона у этих мест есть страж. Кто он? Дэв? Но ведь он обитает в пустыне. Старик говорил, что страж преследовал его по воздуху... Значит, он умеет перевоплощаться в птицу? Или он подчинил птицу своей воле? И зачем Дэву охранять эти горы?

Все эти вопросы вызывали зуд у него в голове. Несмотря на опасение быть замеченным, Азим решительно ускорил шаг в сторону ущелья. Ибо там, на той стороне, были ответы.

Ширина ущелья у входа составляла семь газдов, а по мере продвижения вглубь то сужалась, то расширялась. Высота голых стен варьировалась от двадцати пяти до сорока газдов. Трава не росла и на дне ущелья. Даже воздух здесь был другим – он пах гнилью.

Азим шёл долго – две сойи – по коридору, скрытому от солнца. Ему начинало казаться, что этому ущелью нет конца. Он шёл и часто оглядывался наверх, в опасении не пролетит ли над его головой тот самый страж. Но кроме него здесь не было ни одной живой души.

Наконец-то стены ущелья начали снижаться, и коридор вывел его к холмам. Однако дорога, которая действительно оказалось давно пересохшим руслом реки, на этом не кончалась. Она уходила налево и сворачивала где-то в трёх стадиях от ущелья направо за холм.

Солнце ещё не успело опуститься к горизонту. Тем не менее среди этих пустых холмов уже наступали сумерки. На небе начали появляться одинокие, едва заметные, звёзды. Глядя на них, Азим также ощущал себя одиноким во всём мире. Но скоро наступит ночь и их на небе будет тысячи, а он...

– *«По-прежнему один в этой пустоши»*, – устало подумал Азим, идя вперёд.

Юноша продолжал идти по этому руслу вдоль подножия холма со множеством мелких оврагов. Он не стал подниматься на этот или другой холм, чтобы получше видеть дорогу. Он шёл вперёд со словами старика Рахмона в голове: *«Тропа мёртвых»*.

Чем дальше он шёл, тем сильнее становился этот зловонный запах, и на холмах было всё меньше и меньше зелени. Азим свернул за каменистый холм и неожиданно замер на месте. В углу у подножия лежал скелет в гнилой и дранной одежде. Его правая рука тянулась к тому месту, где сейчас стоял Азим. Этот бедолага из последних сил пытался вылезти отсюда, но не смог дотянуться до выхода.

Азим медленно поднял глаза вперёд – русло между дву-

мя каменистыми холмами слегка расширилось... и оно было усеяно человеческими останками.

– *«Это и есть Тропа мёртвых?»*

Азима охватил страх. Дрожащей рукой он обнажил меч, данный ему стариком. В не натренированной руке изогнутый клинок из лёгкой голубой стали казался тяжелее камня. Азим задумчиво оглянулся назад и снова посмотрел перед собой.

– *«Дойдёшь до конца и найдёшь то, что ищешь».*

Эта тропа мёртвых тянулась на три стадии на север и сворачивала на северо-восток. Возможно, там конец.

Азим крепче сжал рукоять меча, осторожно переступил через скелет и пошёл вперёд. Он насчитал восемьдесят один других останков. На трети из них остались кожа и волосы. Это были женщины. Ведьмы, предположил Азим, ибо только они могли искать Чёрный рубин. В поисках этого невиданного сокровища они пришли сюда, где нашли лишь свою смерть.

Неужели его ждёт то же самое?

Это пугало юношу, но он продолжал идти вперёд. Он шёл не ради себя, а ради неё – Зилолы. Мысли о ней придавали ему сил. Он прошёл половину пути и наконец осмелился посмотреть на сухие лица этих мертвецов. Их рты были раскрыты в безмолвном крике, а в их пустых глазницах таился неведомый страх. Даже бесплотные черепа застыли в диком ужасе.

Азимом снова овладел страх. По всему его телу забегали мураши. Он ощутил холод внутри, который даже вся его любовь не могла согреть, ибо он не знал, взаимна ли эта любовь?

Стража не было видно ни здесь, ни в конце этой тропы. Он опустил взгляд на свою дрожащую руку, державшую меч, и спросил себя, что он будет с ним делать, если появится страж?

Азим не мастер обращения с мечом и потому он обратно завязал его в старую ткань и привязал к поясу. Он решил, если появится страж, он попробует поговорить с ним.

– *«Слова – острее меча».*

Азим продолжил идти вперёд, стараясь не задевать и больше не смотреть на трупы. Тем не менее вопрос о том, как они умерли, не покидали его мысли. Неужели всех их убил страж? Каков он из себя, раз все они в ужасе пали перед ним? Почему он так яро сторожит этот Чёрный рубин?

Ответы были уже близко. До конца этой тропы оставалось пару джебелей. Нужно лишь отбросить страхи и сомнения и смело дойти до конца.

Азим обошёл последний труп и с волнением огляделся по сторонам и наверх – стража по-прежнему не было видно. Юноша был всё ближе и ближе к своей цели, но с каждым шагом боялся, что этот страж выскочет на него из-за холма.

Дойдя туда, Азим был разочарован, ибо это не было концом, а лишь началом его пути. На этом месте Тропа мёртвых

не кончалась. Она сворачивала направо за холм и через пол стадии поворачивала налево к высоким каменистым холмам.

Азим досадно вздохнул, понимая, что ему предстоит долгий путь. Сомнения приковали его ноги к земле, и он не мог сделать шаг. Азим посмотрел туда, откуда пришёл и внутренний голос подсказал ему:

– *«Стража нигде нет. Ты ещё можешь туда добраться и выйти отсюда. Разве этот никому неведанный Чёрный рубин стоит твоей жизни?»*

– *«Возможно, он стоит больше, раз все эти люди расстались со своей жизнью, чтобы найти его»*, – ответил Азим самому себе. – *«И султану он понадобился не спроста. Нужно узнать почему»*.

Азим твёрдо посмотрел вперёд. Он был намерен продолжить свой путь, но не по этой тропе. Вместо того чтобы идти по узкому, пересохшему руслу реки у подножия холмов, он решил подняться наверх и идти по открытому пространству, где он хотя бы сможет видеть, куда он идёт.

Взобравшись на сорок газов по крутоватому, каменистому склону, юноша был поражён увиденным. Холм, на котором он стоял, был всего лишь курганом по сравнению с тем, что было дальше. А дальше холмы были всё выше и выше, а за ними стояли горы высотой не меньше фарсанга.

– *«К ним и ведёт эта тропа внизу»*, – уверенно подумал Азим. Чтобы добраться туда, ему понадобятся силы. А он был ужасно голоден и устал в пути. Азим решил устроить

здесь привал на ночь.

Присев на землю и скрестив ноги, Азим погладил свой возмущённый желудок, съедавший его изнутри. Вдруг он услышал некий шорох и его рука в страхе, что это страж, потянулась к мечу. Но оказалось, что это всего лишь толстый дикобраз, вышедший из-за камня.

– *«Вот он, мой ужин»*, – с улыбкой подумал Азим и взялся за рукоять меча. Он хотел было встать, но передумал. Уголки его губ кисло опустились вниз, вспомнив о том, с каким трудом он разделявал кролика. Что уж говорить об этом дикобразе, которого сперва нужно поймать. – *«Нет. Пусть идёт»*. – Азим убрал руку с меча и проводил животное взглядом.

К счастью, у некоторых камней и валунов он заметил растущий ремень. Несколько сорванных ревеней составили ему не самую сытную трапезу, однако его желудок пока что был доволен, особенно после очередного глотка воды. Ази-ма удивляло то, что с каждым глотком лесной воды он чувствовал себя чуток бодрее. Иногда он хотел выпить всю воду, чтобы устранить усталость, но так воды у него больше не будет на оставшийся путь туда, сколько бы это не заняло, и обратно.

Азим скрутил свой халат в подушку и положил на неё свою голову. Со следующим выдохом он крепко уснул.

С наступлением ночи стало холодно. Прерывистый ветер разбудил Азима. Он не умел считать время в ночи и песочных суточных часов у него не было. Вокруг было темно и

света убывающей луны едва хватало, чтобы разглядеть хоть что-то под ногами. Тем не менее Азиму нужно было идти дальше. Он встал и посмотрел на луну, чтобы сориентироваться в местности.

Луна висела низко, далеко на юго-западном горизонте. Этой ночью её освещённая часть была бледной. Её северо-восточное полушарие обрамлено зеленоватым кольцом с рожками, часть которого едва заметна на неосвещённой части, ибо на самом деле, это кольцо обрамляло всё северное полушарие луны, но почём Азиму знать об этом, он ведь не летал на луну. Всполохи и линии у кольца часто появляются на луне. Мирзо Бедил, знаменитый астроном, живший в шестом веке Эпохи человека, называл это явление игрой ветра, а кольцо короной луны.

Азим надел свой халат. Развернулся и медленно пошёл по гребню холма на север. Он прошёл около две стадии, чувствуя, что постепенно идёт в гору. Он мерил каждый свой шаг и на очередном вдруг замер – перед ним был глубокий овраг. В этой темноте дальше идти было некуда. Он отошёл назад и присел на землю. Азим был совсем один, но ощущение у него было иным. Он знал, что он не один. Они были с ним... Мертвецы... там, внизу, на Тропе мёртвых. Оступившись, он мог бы упасть прямо в объятие тьмы... и стать одним из них. Никто бы не узнал о его смерти, и никто не сложил бы стихи о нём и его любви к султанзаде. Благо, он остановился вовремя.

– *«Может, так они и умерли?»* – в трепете спросил у себя Азим.

Чтобы отвлечь себя от мыслей про причины их ужасной кончины, Азим поднял взгляд на небо. Увиденная им картина была поразительной и пугающей. Он только сейчас обратил внимание на то, как безграничное небо усеяно тысячами, миллионами звёзд. В ночном небе над Ангураном можно увидеть множество звёзд и созвездий, но здесь, на этой высоте Азиму были видны даже мельчайшие точки на чёрной пелене. Казалось, если он протянет руку, то сможет достать любую из них. Это вызвало благоговейную дрожь по всему его телу. Даже зелёный облачный рукав, тянувшийся из северо-востока на юго-запад, казался так близко, что Азим боялся, если он подпрыгнет, его унесёт течением и он больше никогда не сможет выбраться из этого моря звёзд.

Юноша напряг ноги, чтобы почувствовать землю под собой. Это его немного успокоило. Он задумчиво посмотрел на горы Катрон – они словно занавес скрывали за собой звёзды на северном и северо-восточном небосклоне. Над одним из горных пиков, недалеко от края рукава Азим заметил красную звезду. Она была в пять раз больше остальных звёзд и рядом с ней светила яркая синяя точка.

– *«Есть ли другие люди среди этих звёзд?»* – подумал Азим, глядя на эту красную звезду.

Мирзо Бедил верил, что Вартан не единственная населённая планета в этой необъятной вселенной и неоднократно

писал об этом в своих работах.

Азим лёг на землю и начал считать звёзды, чтобы снова уснуть...

На следующее утро Азим обошёл овраг и осторожно спустился вниз, чтобы подняться на противоположный холм. Вернувшись на Тропу мёртвых, в десяти шагах от себя Азим заметил два трупа. Они были в кольчужных рубахах и в кожаных камзолах и штанах. У обоих не было обуви, а у пояса были пустые ножны. Судя по их положению, они умерли, пытаясь помочь друг другу выбраться с этой тропы. Глядя на них, Азим вспомнил, что видел ещё одного мертвеца в таком же одеянии и кольчуге на первом отрезке этой злосчастной тропы. Азим отвёл от них взгляд и поднялся на холм с выпуклым склоном.

Азим прошёл фарсанг по извилистому гребню этого холма. Однако впереди уже начинались горы с крутыми и отвесными склонами. Азим был вынужден снова спуститься вниз.

Он прошёл ещё один мил по Тропе мёртвых. Справа от него была высоченная чёрная гора с тонкими тёмно-синими косыми полосами, а слева каменистый холм высотой в одну четверть этой горы. Среди их подножия Азим почувствовал себя жалким муравьём в тени грозных исполинов, которые если захотят свалить на него какой-нибудь валун, то от него не останется и следа.

В этом отрезке тропы юноша увидел ещё четыре трупа. Судя по останкам их одежды – это были женщины... ведьмы.

На двух из них ещё осталась кожа – она была сухой и избородённой. На их пустых лицах застыл тот же страх, что и на других мертвецах.

– «Почему ни один из них не свернул с пути при виде всех этих мертвецов?» – задался вопросом Азим и вдруг замер на месте. – «Почему я сам не сворачиваю с пути?» – изумился он и оглянулся на трупы позади себя. – «Зачем вам понадобился Чёрный рубин?» – чуть ли не вслух спросил он.

Азим свернул направо за склон чёрной горы и взглядом начал искать новые трупы – ничего не было. Он наивно подумал, что наконец дошёл до конца Тропы мёртвых и в душе желал, чтобы это действительно было так.

На этой стороне к чёрной горе примыкала другая низкая гора с грубыми ступенчатыми склонами. Её хребет тянулся на пол фарсанга на восток. Слева был высокий крутой выступ другой чёрной горы с широкими тёмно-синими полосами. У их подножия была узкая тропа – продолжение пересохшего русла, ведущее на северо-восток. Азим прошёл по ней чуть больше два мила и оказался в тупике. Тропа, по которой он шёл, уходила в маленькую пещеру у самого подножия горы, вставшей перед ним высоченной стеной. Азиму пришлось лечь на землю, что заглянуть внутрь. В ней было темно и воздух на удивление сухим и ничем не пах. Видимо, когда-то очень давно из неё вытекала вода, протекавшая ручьём по всему этому руслу, которая сейчас является Тропой мёртвых. И вот он стоит в конце этой тропы. Азим сделал

это. Он дошёл, но Чёрного рубина пока не нашёл. Где он? Там, в пещере?

У него не было ничего, из чего можно было бы сделать факел. Без света Азим боялся лезть внутрь пещеры. Вдруг она будет сужаться, и он застрянет и не сможет больше выбраться? Того хуже, если там уже кто-нибудь застрял.

Он дошёл до конца тропы, вместо ответов на старые вопросы у него возникли новые.

– *«Может, вернуться, оторвать какую-нибудь кость, сорвать одежду и сделать факел?»* – неожиданная мысль посетила Азима.

Нет, он покачал головой. Он не станет осквернять мёртвых. Озадаченный, Азим сел в шаге от пещеры. Его рука коснулась рукояти меча и в его глазах загорелась идея:

– *«Может, взять ткань, в которую завернут меч, и обмотать её на конце клинка? Получится неплохой факел».*

Не задумываясь ни секундой больше, Азим принялся воплощать свою идею.

К счастью, у него осталось огниво. С зажжённым мечом-факелом он по туловище залез в пещеру и протянул руку вперёд, чтобы осветить путь. Азим начал ползти внутрь, однако через несколько движений понял, что не сможет таким образом проползти и десять газдов.

Он не смог развернуться и с трудом выполз назад. Ткань полностью сгорела к тому времени. Ещё больше озадаченный, Азим сел, уставившись на пещеру.

– «Как мне попасть туда? Там ли Чёрный рубин?» – размышлял Азим.

Тем временем, над горами наступил полдень. Однако здесь, внизу, царил сумрак. Азиму хотелось пить. Он достал бурдюк и начал пить, как тут его взгляд упал на часть склона горы слева от него. Высотой этот склон был в три стадии, но Азим обратил внимание на то, что он не такой крутой и по нему можно взобраться.

Азим задумчиво опустил взгляд на меч. Присмотревшись на пепел рядом с остриём, он припомнил, что пламя факела горело не в его сторону, а от него. Это значит, что в этом месте воздух входит в пещеру и на той стороне должен быть выход.

Азим решительно встал с места, обратно привязал меч за пояс и левого бедра и начал подниматься по склону. Вскоре он оказался на седловине, ведущей на север. Высокие стены двух чёрных гор представляли собой длинный и широкий коридор, по которому с трепетом и с изумлённым любопытством шёл Азим. Он коснулся стены справа от себя – она была гладкой, как мрамор, словно её отполировали. Синие косые полосы, тянущиеся по этой горе, местами были тоньше нитки, местами толще длины локтя. На стене горы слева он заметил, что полосы не только тёмно-синие, но и тёмно-фиолетовые и перекошены они в другую сторону.

Коридор привёл Азима к широкому кольцу из трёх гор с вогнутыми склонами. На высоте полтора мила, на склоне

горы справа был огромный выступ с разломанными краями. Внизу у подножия лежали огромные чёрные валуны и камни. Лучи послеполуденного солнца освещали склон противоположной горы. Азим заметил, что на нижней части склона этой горы сверкают разноцветные огоньки, и почти на той же высоте, что и выступ, была огромная пещера.

По кривому склону горы с фиолетовыми полосами Азим осторожно спустился на дно кольца и направился в сторону горы с пещерой. Не отводя от неё глаз и не глядя под ноги, Азим неожиданно споткнулся о камень и упал.

Юноша погладил локоть на которую упал и затем подобрал тот самый камень, ставший причиной его падения. Он рассмотрел камень размером с его ладонь и обнаружил в нём застрявший кусок красного рубина, размером с его большой палец.

Азим встал, осмотрелся вокруг и заметил, что всё это место просто усеяно такими камнями, содержащими в себе драгоценные камни. Больше всего их было на склоне горы с пещерой.

Азим начал искать... Юноша потратил две сойи и пару раз обошёл вдоль и поперёк дно кольца и подножия гор. Он поднялся на несколько джебелей на склон, не отрывая глаз от земли. Вокруг были сотни, тысячи камней с рубинами разных оттенков красного, с изумрудами, бриллиантами, сапфирами и другими самоцветами, но ни одного чёрного.

– *«Может, эти чёрные камни с драгоценностями и есть*

Чёрный рубин?» – предположил Азим. – *«Но, если выковырять самоцвет, это будет просто камень»*, – ответил сам себе Азим. Он поднял уставший взгляд исподлобья на пещеру. – *«Нужно искать там»*, – решил он и отчаянно вздохнул, ведь у него не было факела, а в пещере точно будет темно. – *«Что ж, придётся порвать халат»*, – заключил он.

Нижняя четверть вогнутого склона была относительно пологой. Азиму не составило труда подняться по ней на три стадии. Однако дальше угол подъёма становился круче. Благо, там были выступы, достаточно широкие, чтобы по ним можно было ходить. Один из таких выступов косо поднимался в сторону пещеры, но до неё всё ещё оставалось лезть четверть миля.

Приложив усилие, Азим взобрался на последний короткий выступ, ведущий в пещеру, и по ней прошёл ко входу. Ширина входа в пещеру достигала ста двадцати газдов, а высота её стен – не меньше сорока газдов. Азим перевёл дыхание, сделал пару глотков и обернулся на противоположную гору. Выступ на её склоне идеально бы поместился в этой пещере, заключил он и снова повернулся к пещере.

Солнце уже садилось за гору слева. Остаток его лучей освещал лишь небольшую правую сторону пещеры. Даже при этом свете было очевидно, что пещера достаточно глубокая. Ребристые стены тянулись внутрь и им не было конца.

Азим развязал меч, снял с себя халат и отрезал от него часть ткани ниже пояса. Отрезанную ткань он обмотал во-

круг острия меча и зажѐг после того, как дошёл до края освещѐнной части пещеры. Дальше свет гас в объятиях тьмы. Освещая себе путь мечом-факелом в руке, он пошёл вперѐд, вглубь пещеры. Где-то в сорока газах от входа Азим наткнулся на странный выступ вдоль правой стены. На этом выступе что-то было и Азим протянул меч-факел вверх, чтобы получше разглядеть это. Света от огня было недостаточно, и юноша взобрался на этот выступ. Снова протянув меч-факел перед собой, он обнаружил нечто невероятное. Перед ним было огромное гнездо с яйцами. Три огромных яйца были уложены на тонкие ветки с высохшими листьями. Азим в недоумении подошёл ближе и посветил на одно яйцо. Оно было серо-коричневым с серыми прожилками и длиной в полтора газа. Азим коснулся его – яйцо было тёплым. Он отошёл от яиц и осторожно обошёл вокруг них и спустился с другой стороны выступа.

Азим начал опасаться, что в любой момент может прилететь птица, отложившая эти яйца. Он и представить не мог себе размеров этой птицы, но она уже внушала ему первобытный страх, такой же, как у тех бедолаг на Тропе мѐртвых. Несмотря на это, он продолжал поиски...

В стенах и в полу пещеры через каждые два три шага Азим замечал самоцветы, но среди них так и не было ни одного чёрного.

Чем дальше он шѐл, тем больше ему казалось, что пещера расширяется и в ширь, и в высоту. Даже с высоко под-

нятой рукой Азим не мог разглядеть потолок пещеры, да и пол неожиданно оборвался. Впереди оказалась глубокая пропасть. Вздохнув от облегчения, что он чуть ли снова было не упал, он осмотрелся по сторонам и в десяти шагах слева от себя заметил пологий склон, полукругом ведущий в самый низ.

Отвлекая себя от ужасного голода и такой же усталости, измерением своих шагов, Азим насчитал четыреста девяносто семь шагов до самого низа. Здесь было холодно, и Азим почувствовал, как вся его кожа покрывается мурашками. Он не мог понять почему, но его сердце вдруг сильно заколотилось от внезапного волнения. Со слегка дрожащей от волнения рукой юноша продолжал светить себе под ноги и на стены, но кроме драгоценных самоцветов разных цветов и оттенков он больше ничего не находил. Да и эти самоцветы уже попадались под ногами реже, чем наверху.

Вдруг, в пятнадцати шагах от себя Азим заметил острый конец чего-то, свисающего сверху. Он медленно подошёл ближе и, подняв свой меч-факел, он увидел над своей головой необычный сталактит. Он был огромным, чёрным и многогранным, словно огромный алмаз... или рубин.

– *«Вот он, Чёрный рубин»*, – подсказало Азиму трепещущее сердце.

Этот необычный сталактит свисал с самого потолка пещеры и в этой темноте юноше было трудно оценить его истинные размеры. Однако очевидным было одно – этот сталактит

просто колоссален. Его острый конец свисал в полтора газе над головой Азима. Он потянул руку вверх, но не смог до него дотянуться.

Азим поднял зажжённый меч и заметил, что в каждой освещённой им грани загораются тысячи огоньков белого, жёлтого, голубого, синего и красного цветов. На одной из граней он заметил углубление, размером с небольшое яблоко, словно от него откололи кусочек.

Встав на кончики пальцев и с высоко поднятой рукой, Азим смог дотянуться до середины кончика сталактита острием меча. От касания меча к сталактиту оба края клинка загорелись ярко-голубым светом. Азим испугался и быстро опустил меч, а его факел потух.

Он хотел снова зажечь факел на мече, но услышал какой-то звук. Азим замер и насторожился. Звук повторился и доносился сверху. Этот звук походил на взмах крыльев, что напугало Азима ещё больше и он вслепую побежал обратно вверх.

К несчастью, Азим споткнулся в темноте о какой-то самоцвет и упал. Его меч со звоном ударился о землю несколько раз, что выдало присутствие Азима в пещере.

Сверху раздался рассерженный птичий крик и слышался грохот бегущих ног чего-то огромного. У Азима застыла кровь в жилах. Он прижался к стене, как испуганная мышь. Слышался звук расправленных крыльев, и нечто громадное спикировало вниз по склону. Оно пролетело мимо Ази-

ма, обогнула сталактит и село на краю обрыва, издав новый крик.

– Прошу тебя, не гневайся, о могучая птица! – вдруг выкрикнул Азим в надежде, что это существо понимает человеческий язык. – Прошу тебя, не сердись за моё вторжение в твой дом! Прошу, позволь мне подняться и объясниться.

Азим встал на ноги и осторожно, опираясь о стену, пошёл наверх по склону. То существо молча ожидало на краю обрыва. Несмотря на кромешную темноту, Азим ускорил шаг, чтобы не заставлять это существо долго ждать.

Оказавшись наверху, Азим тут же прижался к стене от увиденного силуэта огромной птицы. Она смотрела на него грозными глазами с овальными, прямостоящими зрачками, горящими белым светом, и горящим ярко-голубым ободом вокруг глаз. Над головой были три длинных пера-хохолка с большими овальными глазками на конце. Они неярко светились, переливаясь голубым и зелёным. К ним от основания перьев тянулись тонкие светящиеся голубым линии. Перо посередине было короче на одну треть. С двух сторон шеи было по пять перьев-хохолков с такими же светящимися линиями и глазками. Однако они были не больше шести газов в длину, а те, что посередине, были в три раза длиннее и ложились на крылья. На оперении остального тела были маленькие светящиеся золотистые дуги. На груди этих дуг было больше. Они формировали каплевидный узор. Хвоста не было видно, ибо он свисал за пропастью. В этой темноте бы-

ло не понять, какого цвета сами перья. Здесь они были чёрными.

– Прошу тебя, – взмолился Азим, – не убивай меня. Выслушай, пожалуйста. Я пришёл сюда просить, а не красть.

– *«Зачем тебе меч, если ты пришёл просить, а не красть?»*

Азим ощутил тёплую волну, коснувшуюся его головы и вызвавшую мелкую дрожь в черепе и шее, и этот вопрос неожиданно раздался не из уст птицы, а прозвучал в голове Азима звучным женским голосом.

Азим был потрясён этим явлением. У него растеряно забегали глаза. Не сразу, но всё же он вспомнил, что в левой руке он держит меч остриём вниз. Он подобрал его прежде, чем прильнуть к стене. Юноша опустил глаза на меч и тут же отбросил его в сторону и медленно развёл руки в знак того, что у него нет злых намерений.

– *«Что ты хочешь просить у меня?»*

В ответ на вопрос, снова прозвучавший у него в голове, не вызвав в этот раз дрожь, Азим посмотрел в сторону пропасти. Он хотел было раскрыть рот, но...

– *«НЕТ!»* – прогремело у него в голове.

Азим сделал пол шага в сторону выхода из пещеры и опустил глаза.

– Мне нужен всего лишь небольшой кусочек, – попросил он тоном жалкой собаки.

– *«Нет!»* – повторила птица категоричным голосом. – *«Те-*

бя послали ведьмы?» – с подозрением на это возмутилась птица.

– Меня послала любовь, – скромно ответил Азим, взглянув в глаза птице.

Азиму показалось, что его ответ успокоил птицу. Она опустила шею и вытянула её в сторону незваного гостя.

– *«Что ты знаешь о любви?»* – с ноткой усмешки спросила птица.

Азим задумчиво отвёл взгляд.

– Она не дает мне покоя, – ответил юноша. – Когда я думаю о своей возлюбленной, у меня всё дрожит изнутри, и это странное чувство мне по душе. Ради её руки я согласился найти Чёрный рубин для её отца.

– *«Её отец колдун?»* – спросила птица.

Азим удивлённо и озадаченно посмотрел на птицу. Он не думал о султানে в таком ключе, и не был в этом уверен. Но, если султан был бы колдуном, это объяснило бы почему он послал Азима за Чёрным рубином.

– Он – султан Ахоруна, – ответил Азим, всё ещё думая о том, является ли Бузург ибн Махмуд колдуном?

Если это было бы так, по городу ходили бы слухи.

– Нет, не думаю, что он колдун, – добавил Азим, покачав головой.

– *«Это он подсказал тебе дорогу?»*

– Нет, – ответил Азим. – Рахмон-ака сказал мне, что, если дойду до конца Тропы мёртвых, я смогу найти Чёрный

рубин.

– *«И ты думал, что, дойдя до конца, я просто так тебе отдам Чёрный рубин?»* – в голове Азима прозвучала очередная нотка насмешки.

Тем временем, птица прошла к своему гнезду и проверила яйца.

– Я сомневался, что вообще найду это место, – признался Азим. – Никто не верит в существование Чёрного рубина и... в твоё тоже.

– *«Неудивительно, ведь я последняя в своём роде».*

Птица прикрыла яйца в гнезде правым крылом, а остальным телом преградила Азиму путь на выход.

– Кто ты? – Азим сделал несколько шагов в сторону птицы. – Тот самый дэв, о котором все боятся говорить?

– *«А ты не боишься?»* – поинтересовалась птица.

– Любовь придаёт мне сил, – с полной грудью ответил Азим.

– *«Да?»* – усомнилась птица. – *«Когда ты отвечал на мой вопрос о любви, я услышала сомнение в твоём голосе».*

– Я боюсь, моя любовь не взаимна. И если это так, я не хочу, чтобы султан выдавал за меня свою дочь принудительно... Против её воли.

– *«Это благородно с твоей стороны, учитывая, что в вашем народе в брак вступают по воле родителей».*

– Так, кто ты? – настаивал Азим. – Рахмон-ака предупредил меня о том, что у этих мест есть страж.

– «*А Рахмон-ака многое знает. Кто он?*»

В вопросе птицы Азим уловил намёк на то, не является ли Рахмон колдуном.

– Это человек, которому больше не принадлежит собственная воля, – ответил Азим, закручинившись.

– «*Где он? Ожидает тебя где-то поблизости?*» – с подзрением спросила птица.

– Нет. Его здесь нет, – негромко ответил Азим. – Где бы он ни был, я лишь надеюсь, что он в порядке.

– «*Этот человек дорог тебе?*»

– Он дорог многим людям.

Азим подошёл ближе к птице и посмотрел на неё взглядом, требующего ответа на вопрос. Он хотел было повторить его, но птица опередила его.

– «*Нет. Я не дэв. Можешь успокоиться. Я – симург, и имя мне – Рудоба*».

– Симург? – шёпотом повторил Азим.

– «*Никогда не слышал о нас?*» – спросила Рудоба.

Азим покачал головой.

– «*Даже в сказках не читал?*» – расстроилась она.

Азим отрицательно пожал плечами.

– «*Видимо о нас не осталось ни одного упоминания*», – предположила Рудоба.

Азим надул щёки в неведении.

– Меня зовут Азим ибн Аъзам. Мне очень приятно познакомиться со столь сказочным созданием, – юноша прижал

руку к сердцу и почтительно склонил перед симургом голову. – Прошу простить меня за вторжение в твой дом.

– *«Ты удивительный молодой человек, Азим ибн Аъзам»,* – эти слова прозвучали приятным тёплым голосом в голове юноши. – *«Ты первый, кто заговорил со мной за многие тысячи лет. Мне это приятно. Тем не менее, я не могу дать тебе Чёрный рубин, ибо им не дозволено владеть».*

Азим посмотрел на Рудобу и расстроено покивал.

– Почему? – спросил он.

Рудоба промолчала и Азим подошёл к своему мечу, лежавшего в нескольких шагах от птицы. На фоне чёрного пола клинок отличался своим голубым цветом в полумраке, царившей в этой части пещеры.

– Я отрезал часть своего халата и сделал из него факел, – кивнув на меч, сказал Азим. – Я поднёс огонь к граням Чёрного рубина и в нём словно бы отразилась... звёздная ночь, – Азим не был уверен, что подобрал правильное описание, но именно таким было его впечатление. – Почему? Что он на самом деле такое?

– *«Чёрный рубин – это корень вашего мира. Домен во вселенной»,* – ответила Рудоба.

Азим потупился. Он не понял, что это могло значить.

– Домен? – переспросил он. – Какой силой он обладает, раз ведьмы так рьяно пытались найти этот... корень?

– *«Что будет, если оторвать растение с корнем?»* – Рудоба задала встречный вопрос.

– Оно погибнет, если его не пересадить, – тут же ответил Азим.

– *«Именно»*, – подтвердила Рудоба. – *«Овладев Чёрным рубином, можно подчинить весь мир, либо уничтожить его»*.

– Почти никто из людей не верит в существование Чёрного рубина, кроме ведьм. Откуда они узнали о нём?

– *«Вы, люди, забыли историю своих предков. Далёких предков, как вы их сейчас называете. И не мне вам её повторять»*, – Рудоба отвернулась.

– Да! – признался Азим с тоном, будто бы в нём лопнул мешок с терпением. – Моё поколение не привлекают знания. Оно ленивое и невежественное. Некоторые даже гордятся своей глупостью и высмеивают тех, кто тратит время на книги. Мы живём в огромном мире, и не многие хотят узнать его. А я хочу узнать! Я хочу знать почему солнце белое, а небо зеленоватое? Я хочу знать почему говорят: «Эпоха человека»? Кто такие Далёкие предки? И почему нельзя говорить о дэве? Кто мне ответит, если не ты?

– *«Я не стану отвечать на твои вопросы. Эти знания лишь обременят тебя»*, – холодно и отчуждённо отозвалась Рудоба.

– Прошу, – в отчаянии прошептал Азим.

Рудоба собрала крыло, которым она прикрывала свои яйца, и повернулась к юноше.

– *«Очень давно один из мастеров нарушил священное правило и захотел использовать Чёрный рубин в своих корыст-*

ных целях. Это привело к Великому конфликту и предзнаменовало конец Эпохи мастеров. Он раскрыл местонахождение Чёрного рубина, но был повержен и заперт собственными братьями прежде, чем овладеть им. Его приспешники, также желавшие найти Чёрный рубин, сгинули от жадности собственного господина. С тех пор утекло много воды, и эта история стала мифом, о котором все забыли».

– Но не ведьмы? – предположил Азим. – Они всё ещё помнят об этом?

– «Ведьмы способны продлевать себе жизнь», – ответила Рудоба. – «Возможно, некоторые из них помнят. Возможно, они нашли сборник стихотворений того мастера с упоминанием о Чёрном рубине. Он очень любил поэзию».

– Поэтому ты сторожишь Чёрный рубин, чтобы никто из ведьм не нашёл его?

– «Не только Чёрный рубин».

Этот двусмысленный ответ озадачил Азима. Он недоумённо взглянул на Рудобу.

– «Это все, что я могу сказать тебе... пока», – сказала Рудоба прежде, чем Азим мог спросить хоть что-то.

Азим понимающе кивнул. Он был благодарен и на этом. Он повернулся к своему мечу и вопросительно посмотрел на Рудобу. Та, не увидев в глазах юноши злых намерений, одобрительно кивнула, и юноша подобрал и привязал меч за пояс. Некоторое время он просто стоял на месте, погружённый в мысли. Он думал о словах про силу Чёрного рубина.

Теперь он начал догадываться, почему султан отправил его за ним. Бузург мог бы вполне выдать Зилолу за наследника Аброра, но наследник его дочери мог бы в будущем претендовать на его трон. А алчный султан вряд ли захочет лишаться своего трона и власти. И если он действительно колдун, с Чёрным рубином он сможет подчинить себе другие государства и увеличить свою власть в разы. Однако Азим всё же сомневался в том, что султан – колдун. Не было ни одного намёка на это. Иначе, люди бы знали и пустили слухи. Азим задумчиво посмотрел на симурга. Юноша хотел ещё раз попросить её дать небольшой кусок Чёрного рубина, но он не мог рисковать даже ради своей любви. Если его догадка окажется верной, султан развяжет войну в Рахшонзамине и прольётся невинная кровь. Нет. Он не допустит этого.

Азим понурился и мимо Рудобы направился к выходу. Снаружи сгущались сумерки, и он хотел вернуться на Тропу мёртвых раньше наступления ночи.

– *«Ты уходишь?»* – спросила Рудоба.

Азим остановился и оглянулся на неё.

– Если в руках человека Чёрный рубин будет сеять зло, я готов отказаться от своей любви во имя добра. Я не посмею просить о нём. Я вернусь в Ангуран и скажу, что не нашёл того, чего не существует.

– *«Это снова благородно с твоей стороны»*, – похвально отозвалась Рудоба.

Азим кивнул ей и продолжил идти к выходу.

– «Я понимаю, что это сложное решение», – вдруг заговорила Рудоба, когда Азим дошёл до края пещеры. – «Но не стоит отказываться от любви из-за беспочвенных домыслов».

Азим остановился. Он был в десяти шагах от выхода. Он повернулся и внимательно посмотрел на громадного симурга в тридцати газах от него.

– «Любовь, как ты сказал, придаёт сил», – продолжала Рудоба. – «Она даёт ещё и надежду и укрепляет веру. Около пятнадцати лет назад я потеряла свою любовь и с тех пор моя надежда, что мои птенцы хоть когда-нибудь вылупятся, угасла. Ты же готов потерять свою любовь, не успев обрести её. Ты – необычный человек, Азим ибн Аъзам. И твоя любовь бескорытна. Я дам тебе то, что ты просишь».

– Но я не могу рисковать, – в недоумении возразил Азим.

Рудоба не стала слушать его. Она развернулась, сделала несколько длинных шагов и спикировала вниз. Своим когтём она отколола кусочек Чёрного рубина, при этом её коготь засветился внутренним белым свечением. Она подобрала клювом отколотый кусок и вернулась к Азиму.

– «Иногда, ради любви стоит рискнуть», – Рудоба опустила свой клюв к руке Азима.

– Но, если султан окажется колдуном... – юноша отказывался брать Чёрный рубин.

– «Ты его и остановишь», – перебила Рудоба. – «Это моё условие».

Азим всё ещё пребывал в недоумении, но его рука сама потянулась к клюву Рудобы и она опустила в него кусок Чёрного рубина чуть больше его ладони.

– *«Если султан окажется колдуном и захочет использовать Чёрный рубин в корыстных целях, ты его остановишь»*, – наказала Рудоба. – *«Если же нет, я желаю тебе счастья с твоей возлюбленной»*.

Азим взвесил камень в руке, посмотрел на симурга и благодарно склонил голову.

– Что мне дать тебе взамен? У меня ничего нет, кроме этого меча, – юноша помотал головой.

– *«У тебя есть слово»*, – ответила Рудоба.

– Какое? – Азим вопросительно склонил голову набок.

– *«Если всё закончиться хорошо, и ты женишься на своей возлюбленной, ты никогда не должен рассказывать откуда добыл Чёрный рубин. Иначе, я заберу у тебя всё!»*

Азим прижал руку к сердцу, склонил голову и коротко сказал:

– Обещаю!

Юноша оторвал ещё небольшой кусок от своего халата и спрятал в нём Чёрный рубин. Он кивнул на прощание Рудобе и подошёл к тому выступу, по которому он вошёл в эту пещеру.

– *«Азим!»* – неожиданно позвала Рудоба.

Симург подошла к выходу и высунула голову из пещеры. Азим к этому времени уже успел прыгнуть на выступ ниже.

Он вопросительно посмотрел на неё и заметил, что у симурга белое оперение.

– *«И даже не вздумай вырезать карту на макушке какого-нибудь дерева!»* – строго условилась Рудоба.

Азим улыбнулся, поняв её намёк.

– Обещаю, – сказал он и продолжил спускаться.

Оказавшись у пологой части склона, Азим снова услышал голос Рудобы в своей голове, который показался ему взволнованным.

– *«Азим, если по дороге назад услышишь сладкозвучное пение, молящее о помощи, беги»...*

* * *

«После Великого конфликта люди отrekliсь от учений Мастеров. Они разбрелись по всему Вартану и со временем начали по-своему интерпретировать догмы о мироздании. Однако на исходе девятого века Эпохи человека падишах Байзо и султан Зухур снова обратили свой народ к истинной вере – вере к Единому создателю, у которого множество имён и одно из них – Аль-Бузург».

Хранители знаний: Религии Вартана.

Уставшие облака медленно плыли навстречу к наступавшей ночи. Дневной свет сильно утомил их. Они без остановки преодолели огромное расстояние и теперь им хотелось

лишь одного – уснуть в объятиях ночной тьмы.

Измождённый ветер не торопясь летел за облаками. Ему казалось, что он один выполнял всю их работу. Ещё мгновение назад, перед самым заходом солнца, ветер почувствовал себя так, словно бы на его плечах висел весь мир.

– *«Удивительно, а у меня есть плечи?»*, – устало ухмыльнулся ветер.

С наступлением всеобъятной ночи пришло чувство лёгкости. Ветер почувствовал себя легче той пушинки, которая взлетела в воздух под его дуновением. Это лёгкость поднимала его всё выше и выше. Он уже оказался над облаками и захотел прилечь на них... но не смог. Он всё летел вверх и вверх.

Ветер попытался остановиться и потянуться вниз... снова тщетно. Он продолжал лететь вверх.

Облака под ним становились всё меньше и меньше. Он безвольно отдалялся от них на необъяснимо растущей скорости. Небосклон начал принимать округлую форму. За её восточным горизонтом показались звёзды.

Ветер всё продолжал подниматься вверх и мир, в котором он бродил, предстал под ним во всей своей красе – в виде зеленовато-голубого шара с почти идеальной формой. Всё его восточное полушарие было окунуто в безмятежный мрак, в котором мирно спали его обитатели.

– *«Обитатели»*, – озадаченно повторил ветер... и вдруг его осенило. Никакой он не ветер! Он – Азим, и он опять

видит этот сон. Сон, который не отличить от яви. Сон, в котором он парит среди облаков. В этот раз он взлетел выше облаков... гораздо выше облаков.

Вот он уже пролетел мимо луны – одинокой спутницы его планеты. Она всегда привлекала его интерес. Особенно своей короной. И вот, наконец, ему выпал шанс посмотреть на неё вблизи. Однако по необъяснимой подлости он стремительно отдалялся и от неё. Благо, он успел осмотреть её так называемую корону. Это было огромное кольцо из массивных, высоких скалистых гор, с семью высокими пиками, обрамляющее верх северного полушария луны.

Азим продолжал отдаляться от своего мира, при этом он не чувствовал ничего, кроме лёгкости. Он не ощущал ни своих конечностей, ни своего сердцебиения. Он не слышал своего дыхания. Отступил даже голод, терзавший его много дней.

– «*Я умер?*» – спросил он, при этом не почувствовал никаких эмоций.

Разве такое возможно, умереть и не испугаться осознания этого? А может это всё-таки сон и всё, что ему нужно сделать – это проснуться?

Азим попробовал открыть глаза, но он не чувствовал своих век.

Он продолжал улетать в космос. Он заметил, что его несет к зелёной туманности, усеянной миллионами звёзд и редкими фиолетовыми и жёлтыми облаками, которой нет кон-

ца и края. Его подхватил поток космического ветра и через мгновение он оказался в этой туманности. Он пролетал мимо звёзд и планет, а его немыслимая скорость продолжала расти.

Его унесло куда-то далеко, и он начал замечать, что туманность петляет и обретает форму овальной спирали с тремя хвостами. Азим огляделся по сторонам и заметил, что в этом бесконечном чёрном пространстве бесчисленное количество других подобных спиралей со звёздами.

Азим уже достиг пределов этой звёздно-туманной спирали, как вдруг он ощутил внезапный страх, сравнимый с боязнью высоты. Вместе с тем вернулись чувства голода и тяжести. Азим остановился в межгалактическом пространстве и начал стремительно падать вниз...

Он падал в бездну и сожалел, что у него нет рук, которыми он мог бы зацепиться хоть за одну звезду. Но они проносились мимо него с невероятной скоростью. Он падал и падал... Вот мимо уже пролетела Луна... облака... Дальше должна быть земля, о которую он ударится и наступит его конец.

Азиму хотелось кричать от неминуемой гибели. Вопить во всё горло, но в этот момент у него не было ни рта, ни горла.

Он пролетел вниз мимо крон деревьев, но удара не последовало. Вместо этого Азим ощутил, как его скорость замедляется, и он мягко погружается во что-то твёрдое и влажное изнутри...

Азим открыл глаза и обвёл всё вокруг взглядом. Он вздохнул с облегчением, поняв, что находится в гостиной Рахмон-аки, а это был всего лишь сон.

Вернувшиеся назад в тело чувства сообщили ему, что в руке находится что-то твёрдое и холодное. Он скорее сел и взглянул на свою левую руку. В ней он держал Чёрный рубин, внутри которого погасли огоньки. Азим не помнил, чтобы доставал его из мешочка. Тем не менее это было уже в третий раз, когда он просыпался с Чёрным рубином в руке. Столько же раз он видел этот правдоподобный сон.

Азим словно ошарашенный отбросил рубин в сторону и прикрыл его подушкой. Он отошёл от этого места назад на несколько шагов. У него участилось дыхание. На него напал необъяснимый страх, и он крепко сжал руки в кулаки.

– *«Это Чёрный рубин заставляет меня видеть сны?»* – Азим озадаченно смотрел на подушку. – *«Что за колдовская сила?»* – Юноша огляделся по сторонам. – *«Рахмон-ака? Где он? Может, он знает?»*

Азим обошёл весь дом, но старика не нашёл. Он устался на дверь, которая была заперта ещё с прошлого его визита. Никаких замков не было, и юноша попытался открыть её. Дверь не поддавалась ему даже с применением силы.

Что таится за этой дверью?

Ответ на этот вопрос можно найти лишь с топором в руках, заключил Азим и оставил все дальнейшие попытки открыть эту дверь. Рахмона там точно не было.

Где же он может быть? Неужели он сдался?

Азим вышел из дома и огляделся по сторонам. Он хотел во весь голос позвать старика, но в этом бескрайнем лесу его никто не услышит, лишь белок распугает.

Вот бы поймать одну, заурчал его желудок. Опустив взгляд, он погладил свой живот. Нужно идти. Нет смысла дожидаться того, кто не придёт. Старик Рахмон сам велел не искать его.

Азим вернулся в дом за Чёрным рубином. С небольшим опасением и толикой неуверенности он убрал подушку и положил Чёрный рубин в мешочек к остальным драгоценным камням, которые он собрал на обратном пути.

Перед тем как уйти, Азим в последний раз смерил дом старика задумчивым взглядом и мысленно обратился к Рахмону:

– «Где бы вы ни были, главное, чтобы с вами всё было хорошо. Алвидо».

За Корявым лесом наступил рассвет. Солнце медленно поднималось, но высокие, косые деревья с густыми кронами не хотели пропускать его лучи, пока оно не достигнет зенита. В лесу царила тишина. Не было ни одной птицы или любой другой живой твари – только Азим. В полном одиночестве он шёл на юго-восток в Арруж. В руке он держал яблоко, но не решался съесть его. От этих диких, недоспелых яблок у него уже болел желудок. В холмах по дороге назад и здесь, в лесу, было много разных трав, но Азим не знал, которые из

них съедобны, а которые нет. Потому у него не было другого выбора, кроме как откусить от яблока, прожевать этот кусок и отправить его в желудок, который снова будет возмущаться однообразием и мучить его изжогой.

Иного выбора не было.

– *«Надеюсь, вы сдержите своё слово, султан».*

Азим собрал эти яблоки где-то на северной опушке Корявого леса вечером на первый или второй день, когда он добрался до леса – он уже не помнил.

Кстати, сколько дней уже прошло с тех пор, как Рудоба дала ему Чёрный рубин?

Азим не помнил и этого тоже. Всему виной продолжительный голод. Его голова плохо соображала. Иногда ему казалось, что, проснувшись, он проспал несколько дней. Особенно, когда ему снились эти самые сны.

– *«Почему я вижу эти сны? И почему каждый раз у меня в руке оказывается Чёрный рубин, к которому я даже не прикасался? Надеюсь, султан не окажется колдуном».*

Озадаченный своими вопросами, Азим продолжал идти на юго-восток. Ему потребовалось три дня, чтобы добраться до опушки Корявого леса. Инцидентов со сном больше не было. Может, всё потому, что он прятал по ночам мешочек с драгоценными камнями в пяти шагах от себя? А где прятать мешочек в городе, когда он туда дойдёт?

Мешочек вполне могут украсть. Азим не исключал такую вероятность. Он сел под косым ясенем и начал обдумывать

дальнейшие действия.

До Ангурана не меньше недели пути, если не гнать на лошади. Однако перед возвращением домой, Азиму необходимо хотя бы пару дней отдохнуть в Арруже и немного восстановить силы. Он может остановиться у брата Рахмона или в любой гостинице. Загвоздка в том, что слух о его возвращении распространится по городу слишком быстро и дойдет до султана раньше, чем он. Это может оказаться опасным, так как найдутся многие, которые захотят отнять у него Чёрный рубин и сами вручить его султану, чтобы жениться на его дочери.

Это недопустимо!

Раз так, в Арруж идти нельзя.

Азим огорчённо вздохнул, приняв такое решение. Его желудок больно свело в осознании того, что ему нормальной тёплой пищи не видать ещё целую неделю.

А может и нет. Есть же Чёрный ветер. Азим вспомнил про своего жеребца, оставленного в конюшне султана в Арруже. Его-то не морили голодом, и он должен быть полон сил. На нём до Ангурана можно добраться за три-четыре дня. Однако, чтобы забрать жеребца, нужно ещё дойти до самого Арружа. На это уйдёт пару дней, но это не помешало Азиму оживлённо встать и продолжить свой путь.

Два дня спустя, на категорически отказывающихся идти дальше ногам, он всё-таки дошёл до Арружа. У него не осталось ни яблок, ни капли воды. Юноша дождался ночи и по

северной окраине города пришёл в конюшню. Кроме Чёрного ветра, там было ещё пять лошадей. Увидев своего хозяина, жеребец радостно заржал, но Азим тут же понёс палец ко рту. Он был уверен, что жеребец поймёт этот жест, и был прав. Чёрный ветер смолк и опустил голову за стойло. Азим улыбнулся, удивляясь уму своего жеребца.

Вдруг раздался не громкий скрип на той стороне конюшни. Там открылась дверь, и из небольшого помещения вышел конюх.

– Кто там? – громко спросил он, светя перед собой масляной лампой.

– Тихо! – негромко бросил Азим. – Я пришёл за своей лошастью, – добавил он шёпотом.

– О, это вы? – изумился конюх, когда Азим подошёл к нему.

Юноша молча кивнул и спросил:

– Сколько я тебе должен?

– Вас не было около месяца, – ответил конюх. – Мы берём пять султана за сутки. Позвольте, подсчитать точную сумму. Сейчас... Я только загляну в свой журнал.

– *«Месяц»*, – повторил про себя Азим, войдя вслед за конюхом в его рабочую комнату. – *«Значит, мне уже девятнадцать лет»*, – покачал он головой.

Там стоял запах Сиёалафа и свежего чёрного хлеба. На стенах висели три масляные лампы. Четвёртую на место вернул конюх. Он поставил её прямо над столом, на котором

стояли миска с травяным супом «Сиёалаф» и тот самый ароматный хлеб. Ни суп, ни хлеб не были тронуты.

Конюх открыл журнал, стоявший на другом столе слева, пролистал и нашёл нужную запись.

– Вас не было тридцать два дня, Азим-ака, – сообщил конюх. – Обычно мы не берём плату с султан-заде или хеш-султанов, но вы ведь ещё не стали таковым. Потому с вас сто шестьдесят султана.

Он старался не обидеть Азима, глядя на него невинными и одновременно требующими плату глазами, но Азим не обратил на эту дерзость внимания. Безусловно, конюх давно уже прознал о том, кем в действительности является Азим, и какова цель его путешествия.

Азим поковырялся в своём мешочке и достал из него изумруд, размером с виноград, и дал его конюху. Этого было более, чем достаточно за оплату стойла. От удивления у конюха забегали глаза. Его озадаченный вид говорил о том, что у него нет столько денег, чтобы дать сдачу. Благо, Азим облегчил ему задачу.

– Это тебе за стойло и за твой ужин, – Азим кивнул через плечо конюха, указывая на суп с хлебом.

– Прощу, угощайтесь, – обрадовался конюх, шагнув в сторону. – Я принесу себе ещё.

– Не сейчас! – остановил его Азим. – Принесёшь после моего ухода, – наказал Азим.

– Как вам будет угодно, – подчинился конюх.

Ещё бы! Ведь не каждый день ему дают изумруд, стоящий двадцать его жалований.

Азим за одно мгновение съел весь суп и половину хлеба, изумив своим медвежьим аппетитом конюха. Другую половину он завернул в свой далеко нечистый халат.

– Спасибо! – эта благодарность прозвучала со всей души и от всего живота Азима. Он встал из-за стола и хотел поскорее уйти.

– Рад был послужить вам, господин, – ответил конюх с рукой у сердца.

Неожиданное почтительное обращение заставило Азима оценивающим взглядом посмотреть на конюха. Тому явно не терпелось задать вполне очевидный вопрос, который он еле держал за зубами, пока Азим ел.

Поняв, что конюх вот-вот раскроет свой рот, Азим достал из мешочка чёрный камень с красным рубином, размером со сливу, и плавно бросил его конюху.

– Это за твоё молчание, – заявил Азим.

Конюх двумя руками поймал камень, осмотрел его и, прижав к груди, согласно покивал. Затем он шагнул в сторону, и Азим вышел из его кабинета.

– Запомни, если в Ангуране об этом узнают раньше, чем я туда доберусь, я вернусь и заберу рубин назад.

В своём голосе Азим услышал предупреждающий тон Рудобы, что привело к моментальному эффекту над конюхом. Тот прикрыл свой рот рукой и своим молчаливым взглядом

дал понять Азиму, что не проболтается.

Хоть бы так...

Чёрный ветер, так Азим решил назвать своего жеребца по совету Файза и Икбола, мчался на всех парах. Казалось, будто он одно целое с чёрной непроглядной ночью, и ему не нужны были ни свет старой луны, ни звёзд. Взобравшись на него, его юный, провонявший хозяин обратился к нему за дружеским одолжением.

– Нам предстоит долгая дорога, но я прошу тебя бежать как можно быстрее. Нам нужно попасть в Ангуран раньше, чем там узнают о нашем возвращении.

Жеребец видел, что конюху было заплачено за молчание, и он негромко заржал, чтобы не нарушить конспирацию, которую так усердно добивался его хозяин. При этом он встал на дыбы, чуть ли не уронив Азима, чья просьба была излишней. Жеребец и так больше месяца томился в этой тесной и вонючей конюшне. Потому погнать со всей скоростью для него было лишь удовольствием. И чем дальше он бежал, тем больше увеличивал свою скорость.

Азим насытился, съев миску сиеалафа и пол хлеба. Но это чувство сытости было обманчивым и сил, которые оно придало ему, было недостаточно, чтобы удержаться на жеребце, гнавшем на молниеносной скорости. Юноша обмотал свои руки вокруг поводьев и прижался к шее Чёрного ветра.

Через три фарсанга изнеможённый Азим уснул на спине жеребца, словно покачиваемый младенец в тёплых руках

своей матери.

– «Ах, матушка, как же я соскучился по тебе... и твоей еде».

Кроме этих мыслей, спящего Азима также навестила необъяснимое, навязчивое желание. Его левая рука зачесалась, словно рука зависимого человека, курящего опиум или насвай. Ей остро хотелось взяться за то, что лежало в мешочке с драгоценными камнями. Это непреодолимое желание разбудило Азима. Он освободил руку из петли и загадочно посмотрел на неё. Он пожал ею несколько раз, и зуд пропал на четвёртый.

В это время уже светало. Солнце ещё не показалось, однако его лучи из-за восточного горизонта уже потихоньку разгоняли тьму. Чёрный ветер мчался прямо к рассвету. За ночь он преодолел огромное расстояние в несколько маршал. Азим посмотрел вперёд и заметил первые черты яблонево́й рощи в нескольких фарсангах. Он хвалебно погладил жеребца по загривку и попросил сбавить скорость.

Азим съехал с основной дороги и направил жеребца к северной опушке рощи. Он опасался, что его могут заметить другие путники, хотя вокруг не было ни души.

Войдя в рощу и убедившись, что они достаточно далеко от дороги, Азим спешился, привязал жеребца под яблоней и устроил себе привал.

– «Ты ведь тянулась к Чёрному рубину?» – подумал Азим, снова посмотрев на свою левую руку. Ею же он достал этот

камень из мешочка. Юноша начал пристально разглядывать Чёрный рубин и, заметив это, жеребец резко заржал, словно перед ним стояли голодные львы, готовые напасть на него. Жеребец мотал головой и пытался убежать, но он был привязан крепко.

– Ладно, ладно, – успокаивал его изумлённый Азим, поджав голову к плечам, опасаясь быть услышанным. – Я спрячу его обратно.

Юноша засунул рубин обратно в самодельный мешочек и странно посмотрел на жеребца. Тот сразу успокоился.

– Мне кажется, что с тех пор, как я нашёл этот рубин, я... схожу с ума, – озадаченно проговорил Азим, опустив взгляд к основанию яблони. – Что в нём такого, что смогло испугать даже тебя, Чёрного ветра? Гм, Чёрный ветер, – хмыкнув, повторил Азим. – Файз и Икбол советовали мне назвать тебя так. Это имя тебе не подходит, – после недолгого раздумья сказал Азим, надув губы и покачав головой.

Жеребец недоуменно фыркнул и вперил на хозяина косою взгляд, если это можно так описать. Азим же в ответ посмотрел на него вопросительно и исподлобья.

– Ты ведь понимаешь, что я тебе говорю, да?

Жеребец коротко фыркнул, словно ответив: «Ещё бы».

Азим снова хмыкнул с улыбкой на устах.

– Ты не перестаёшь удивлять меня, – сказал юноша, изучающе глядя на своего жеребца. – Если ты понимаешь меня, почему не отвечаешь, как Рудоба?

Жеребец молчал, казалось бы, с вопросительным взглядом и Азим прояснил:

– Ах, да, Рудоба – это та, кто дала мне Чёрный рубин. Она отвечала мне мысленно.

Азим смотрел на жеребца, ожидая от него мысленного ответа, но тот тоже молча смотрел на своего хозяина, а потом и вовсе отвернулся.

– Может ты не умеешь? – предположил Азим, на что жеребец обиженно фыркнул. – А может, я всё-таки сошёл с ума, раз разговариваю с лошадьёю? – юноша надул нижнюю губу в недоумении.

Жеребец вытянул шею вверх и сорвал зубами яблоко. Он бросил это яблоко в сторону Азима и фыркнул, словно сказав: «Ешь».

– Я наелся яблок на всю жизнь, – с кислой гримасой Азим небрежно откатил от себя яблоко.

Жеребец недовольно фыркнул.

– Знаю, – жалобно проворчал Азим. – От голода я не могу здраво мыслить, но от яблок у меня до сих пор болит желудок.

На этот раз жеребец фыркнул носом.

– Ты прав, ещё есть остаток лепёшки, – вяло ответил Азим. – Лепёшка! – оживлённо повторил он.

Юноша снова посмотрел на жеребца, словно в первый раз, изумлённо покачивая головой.

– Именно поэтому тебе не подходит имя Чёрный ветер, –

сказал Азим. – Оно сложное и... глупое, – он скорчил гримасу, подбирая необходимое слово. – А ты вовсе не глупый, – Азим посмотрел прямо в глаза жеребцу. – Ты невероятно быстрый, умный, сильный... А ещё красивый. Ты только посмотри на себя! – озорно улыбнулся Азим.

Жеребец горделиво помотал головой, постучал по земле передними ногами и повиллял хвостом, а в завершение благодарно фыркнул.

– Ты станешь великим конём, – уверенно предсказал Азим. – И твоё имя должно быть тебе под стать.

Глаза Азима забегали по сторонам в поисках чего-то. Он оглянулся назад и посмотрел на север, где в нескольких фарсангах отсюда возвышались величественные горы Катрон.

– Именно там я нашёл Чёрный рубин, который так напугал тебя, – заговорил Азим. – Эти горы внушают ужас, и ты будешь внушать ужас, Катрон, – уверенно заявил, словно снова предсказал Азим.

Жеребец низко кивнул и высоко откинул голову вверх, слегка поднявшись на дыбы. Издав короткое, гордое ржание, он принял своё новое имя.

Всё это время два левых пальца Азима были в мешочке на Чёрном рубине, а в его голосе звучали опьянённые ноты. Не обратив на это внимание, Азим встал с места и подошёл к Катрону.

– Нам надо идти дальше. Тебя могли услышать.

Азим одной рукой развязал жеребца и повёл его по узду

вглубь рощи на северо-восток.

Катрон снова фыркнул ему.

– Да, я съем лепёшку, – проворчал Азим. – Возможно, я действительно спятил, раз понимаю твоё фырканье.

Почти после каждого шага Азим оборачивался и оглядывался. Он был одержим мыслью, что путники могли заметить и узнать его, ведь немногие отправились за Чёрным рубином на чёрном жеребце. Люди бывают разные. В лучшем случае, из-за своего любопытства они пристанут к нему с вопросами. В худшем – из-за своей корысти они попытаются отнять Чёрный рубин, ведь велико искушение того, что можно с ним купить. Если султан действительно окажется колдуном, то не велики ставки, что он ещё окажется и вероломным. В таком случае он отдаст Зилолу за любого, кто преподнесёт ему Чёрный рубин.

Зилола.

Азим неожиданно остановился и замер в изумлении. Он не мог вспомнить её лицо. Тёмные карие глаза, высокие скулы... а дальше?

– *«Нужно скорее возвращаться, иначе я забуду и свою любовь к ней... Нет! Это недопустимо!»*

Азим двинулся дальше и к полудню дошёл до северо-восточной опушки яблоневого роши. Убедившись, что вокруг никого нет, он попросил жеребца лечь на землю. Сам юноша лёг за спину Катрона и уснул.

– Разбуди меня с наступлением темноты, – попросил он

перед этим.

Катрон тоже поспал и набрался сил. Поздним вечером он разбудил своего хозяина. Юноша под узду вывел жеребца из рощи, сел на него, и они погнали дальше. Азим не стал возвращаться на дорогу, всё ещё опасаясь, что там могли остаться путники. Вместо этого он выбрал путь через низкие холмы. Такой путь отнял две ночи, а под конец третьей ночи они приблизились к Ангурану на три фарсанга с северо-запада.

С высоты птичьего полёта столица похожа на лист винограда, чей хвостик смотрит на север, а кончик на юг. В городе без стен было три пропускных пункта с конюшнями: на востоке, западе и юге. На севере он был не нужен, так как гости и путники из северных загорных городов и государств (даже из Фарода) заходили в Ангуран через восточный пункт.

Зная это, Азим решил сперва направиться прямо домой, который находился на самом конце хвостика. При этом, он всё равно опасался, что его могут заметить зоркие глаза городской стражи, если только они уже не поджидают его. Поэтому он также решил сделать петлю через посевные земли отца. На это уйдёт ещё одна ночь.

Ну и пусть.

За небольшим холмом Азим дождался наступление темноты и вышел в путь. Через некоторое время он доехал до плантаций. Благо, здесь никого не было. Азим хорошо знал эти места и проехал на жеребце так, чтобы на следующее утро никто не заподозрил, что здесь кто-то проезжал на ло-

шади.

Азим не вёл счет времени, но определённо на улице стояла глубокая ночь, когда он подъехал к стенам своего дома...

Зарине не спалось. Беспокойство уже который день сжимало её грудь, а этой ночью только усилилось. Даже успокоительные чаи не помогали её унять тревогу. Она встала с постели и вышла на террасу на втором этаже. С взволнованным видом она вгляделась вдаль, где висел серп старой луны. Каждый вечер она оставляла зажжённую лампу у ворот на случай, если её старший сын вернётся ночью. Прошло почти два месяца, как он отправился за тем, о чём никто и никогда не слышал. Ему в этом месяце исполнилось девятнадцать лет. Отметил ли он свои именины?

– *«Где ты, сынок? Вернись скорее домой»*, – говорила Зарина, каждый раз на этой террасе, глядя на луну. Порой она корила себя за выбор, данный сыну, и боялась, что больше никогда не увидит его.

Вытерев слезу, Зарина вдруг заметила какое-то движение за воротами. С трепетом и надеждой она быстро спустилась вниз и побежала к воротам. И прежде, чем в дверь в воротах успели постучаться, Зарина открыла её, а за ней с приподнятым кулаком стоял он – её сын.

«Азим» от радости хотела она прокричать, но юноша резко прикрыл её рот, а другой подвёл палец себе ко рту и коротко покачал головой.

Зарина поняла, что сын хочет, чтобы она вела себя тихо и

согласна кивнула. Её сын вернулся, и она была готова на всё, лишь бы это не оказалось сном. Она захотела обнять сына, чтобы убедиться в явности происходящего...

Словно прочитав мысли матери, Азим после её кивка крепко прижал мать к себе и задрожал.

– Матушка... Ох, матушка, – отрывисто прошептал он. – Я дома, – по его щеке потекла слеза.

Зарина тоже крепко обняла сына и сморщила нос от исходившего от него запаха, но она была рада этому. Она ощущала и не такой запах от своего сына в своё время. Зарине до сих пор не верилось. Она гладила его по спине и голове.

– Слава Всевышнему, ты вернулся, – прошептала она в слезах.

Азим завёл Катрона в стойло и прижался лбом к его лбу.

– Спасибо, – прошептал он, глядя жеребца за подбородок. – Отдыхай, – Азим ласково погладил жеребца за шею и ушёл.

Мать ожидала его у выхода с протянутой рукой. По ней снова пробежала дрожь, когда Азим взял её за руку. Это действительно было явью – её сын вернулся.

– Не будите отца, – тихо сказал Азим, когда они вошли в дом.

Зарина понимающе кивнула, и они прошли в большую гостиную.

– Я постелю тебе постель, – сказала Зарина, зажгла три лампы и достала пару курпачей и одеяло из ниши в углу сте-

ны.

– Спасибо, матушка. Я очень устал, – тихо вздохнул Азим, снимая с себя грязный, порванный халат.

Его взгляд упал на мешочек с драгоценными самоцветами, висевший у него справа на поясе. Он смотрел на этот мешочек с каким-то отчуждением и развязал его с такой осторожностью, словно он сейчас укусит его.

– Матушка, пожалуйста, уберите это подальше от меня, – обратился он к матери со страхом в голосе.

Зарина положила одеяло у его постели и подошла к нему, чтобы забрать мешочек.

– Это... – она хотела было спросить в изумлении.

Вручив мешочек матери, Азим быстро отошёл от неё. У него был странный, встревоженный вид. Он опустил голову, чтобы скрыть это от матери. На его левую руку снова напало это навязчивое желание взяться за Чёрный рубин. Он нервно сжимал пальцы и тёр их о ладонь. Юноша завёл руку за спину, чтобы мать не заметила и этого.

– Спрячьте его в ту вазу. Я его боюсь, – едва слышным голосом проговорил Азим. Он развязал меч, положил его рядом и сел на край постели, которую мать постелила ему у дальнего окна.

Просьба сына привела Зарину в замешательство, но она выполнила его.

– Тебе что-нибудь принести поесть? – спросила она.

– Матушка, пожалуйста, никому не говорите, что я вер-

нулся, – Азим лёг в постель и сразу же уснул.

На следующее утро Азим проснулся от ропота, стоявшего за дверью. Безусловно его мать не удержалась и рассказала его отцу. Ничего. Он бы и так узнал, выйдя во двор и заметив чёрного жеребца в стойле. Что, впрочем, сделал Рауф.

– Мама! Азим вернулся! – с криком он ворвался в дом.

– Тихо! – осекла она младшего сына. – Твой брат спит.

Вдруг дверь в гостиную открылась, а за ней стоял Азим.

– Доброе утро, отец, – сказал он хриплым голосом.

Аъзам был поражён изнурённым видом своего старшего сына. Они оба только что проснулись, но Аъзам не ожидал увидеть сына, когда спускался вниз по лестнице. Он молча смотрел на него и не знал, что сказать.

– Ты нашёл его? – почему-то только это пришло ему на ум.

Устало насупившись, Азим неслышно вздохнул и опустил голову. Не поворачивая головы, он посмотрел на вазу, стоявшую в углу на подоконнике, и бесстрастно кивнул в её сторону.

Аъзам сделал пару шагов вперёд и перевёл взгляд на белую вазу с пурпурным и жёлтым узором и снова посмотрел на сына.

– Я не сомневался в тебе.

Он подошёл и обнял сына. Аъзам был удивлён ещё больше, прижав сына в своих объятиях. Когда он провожал Ази-ма, он обнимал крепкого юношу, а теперь обнимал тощий мешок с костями, обросший бородой. А запах, разивший от

его сына, стоил отдельных слов. Не отпуская сына, он перевёл взгляд на жену и кивнул ей с намёком на ванную.

– Я приготовила тёплую ванну, – сказала Зарина, подходя к ним. – Но сначала ты должен поесть. Идём, – она взяла его за руку. – Я сделала оталу и испекла самбусы с травами. Это придаст тебе сил.

– Спасибо, – улыбнулся Азим. – Привет, Рауф, – обняв брата другой рукой, Азим прошёл на кухню с матерью и отцом.

Родным юноши не терпелось расспросить его о том, как и где он нашёл Чёрный рубин. Однако они не стали докучать ему вопросами. Они понимали, что он ужасно устал с дороги и дико проголодался. Пусть, сначала поест. Вопросы потом, после ванны.

Всему своё время.

После плотного завтрака Азим поблагодарил мать и с серьёзным видом попросил отца о том же, что и мать ночью.

– Отец, никто не должен знать, что я вернулся. Если можете, останьтесь сегодня дома. Я приму ванну и всё вам расскажу.

Аъзам согласно кивнул, и его сын направился в ванную во дворе.

Азим снял с себя всю грязную одежду и вошёл в деревянную овальную ванну и приятно вздохнул. Вода была тёплой и не обжигающей. Он положил голову на подголовник с мягкой подкладкой и прикрыл глаза...

В следующий раз, когда Азим открыл глаза, он обнаружил свою мать у ванны с пустым ведром в руках.

– Мама? – с испугом сев, юноша руками прикрыл своё достоинство под водой. – Что вы здесь делаете, матушка?

– Подливаю тебе тёплую воду, чтобы тебе не было холодно, мой дорогой, – ласково ответила Зарина.

– Но я ведь только что вошёл в ванну, – удивился Азим.

Зарина мило улыбнулась и сказала:

– Ты лежишь здесь с утра, а уже вечер.

Эти слова заставили юношу резко вскочить с места и разбрызгать воду, при этом он не забывал прикрываться.

– Я уснул?

– И мы не стали будить тебя. – Едва подавляя своё ошеломление, Зарина разглядывала тело своего сына. – Ты так сильно исхудал, – в её голосе слышалось волнение.

– Матушка, вы смущаете меня, – Азим намекнул на свою наготу.

Зарина громко усмехнулась и посмотрела сыну в глаза.

– Я твоя мать. Я тебя родила и видела всё, что ты прикрываешь...

– Мама, – протянул Азим.

– И, пока ты не женился, я в праве купать тебя даже взрослого, – Зарина с шутливо-строгой улыбкой смерила Азима взглядом, положила ведро и подала ему зелёное полотенце с белым узором.

Азим прикрылся полотенцем и подошёл к зеркалу. Впер-

вые за долгое время он видел себя без одежды. Однако он отнёсся к своему тощему телу как чему-то естественному. И это не удивительно, ведь он практически ничего не ел, кроме яблок. Раньше под выступом его груди могли укрыться два его крайних пальца, а теперь он с лёгкостью может пересчитать все свои рёбра.

Что ж... такова цена любви.

Кстати, о ней.

– Мне нужно во дворец, – заявил Азим, подходя к чистым вещам, которые ему принесла мать.

– Сначала, побрейся, – мягко потребовала Зарина. – Не явишься же ты во дворец в таком виде...

Через некоторое время Азим смотрелся в зеркало, стоя в прихожей. Он не узнавал собственное отражение. Он начисто побрился и слегка жалел об этом. У него сильно запали щёки и на их фоне резко выделялись скулы. Из-за этого его запавшие глаза казались глубоко посаженными. Борода же скрыла бы хоть половину этого безобразия. Если округлить глаза и широко раскрыть рот, он станет похожим на тех трупов на Тропе мёртвых. Он вздохнул, закрыв глаза. Опустил голову и взял с тумбы тёмно-синюю хлопковую ткань с серебряной бахромой. Снова посмотрев на себя в зеркало, он повязал короткую чалму на голове, скрыв обросшие волосы.

По просьбе матери он надел тот чёрный наряд, в котором он ходил с ней на Туй-сумалак. Если в тот раз этот наряд был ему в пору, теперь же он висел на нём, словно мешок на два

размера больше.

Его вид был не таким привлекательным, как раньше, что расстроило юношу, и он отвернулся от зеркала. Он больше не мог смотреть на своё отражение.

– *«Такова цена любви»,* – утешал он себя. – *«Надеюсь, султан сдержит своё слово, а Зилола не отвернётся от меня».*

– Ты нашёл то, что обещал. Об остальном не волнуйся, сынок. Всё будет хорошо, – подбодрила его мать.

– Где ты его нашёл? – поинтересовался Аъзам.

По просьбе сына Аъзам убрал все камни, оставив только Чёрный рубин. И пока Азим задумчиво любовался собой перед зеркалом, он разглядывал этот необычный чёрный камень.

Азим посмотрел на отца с твёрдым ясным взглядом.

– Я знаю, что обещал вам всё рассказать, но я также дал слово не рассказывать, как и где я нашёл Чёрный рубин. Простите меня.

Плотный завтрак, тёплая ванна и сытный ужин привели его ум в ясность, и юноша вспомнил о слове, данном Рудобе. Никому – значит никому.

– Главное, что ты добился своей цели, – сказал Аъзам.

– Я добыю свою цель, когда приведу в этот дом Зилолу, – поправил Азим.

– Так чего ты ждешь? – улыбнулся Аъзам, протянув сыну мешочек с Чёрным рубином.

Азим взял мешочек и спрятал его во внутреннем кармане.

– С вашего позволения, я пойду во дворец.

– Удачи! – втроём пожелали они Азиму. Они договорились, что Азим пойдёт туда один. Это была ещё одной его просьбой.

Азим повернулся к младшему брату, улыбнулся ему и, погладив его по голове на прощание, направился к воротам...

На улицах столицы лишь недавно опустилась ночь, но люди ещё до этого разбрелись по домам. Потому Азим шёл спокойно и не спеша и не опасаясь, что его заметят. К тому же, это более не имело значения. Даже если его узнают, слух о его возвращении дойдёт до дворца не раньше него самого.

Азим шёл пешком, держа путь через северо-восточные улицы. Вскоре он вышел на поле, где проводился Туй-сумалак. Его охватила дрожь и сомнение при виде высоких башен, где часовые не сводили с него глаз. Один из них поторопился вниз, извещать о незваном госте.

Под арками на третьем этаже дворца местами горел свет в окнах. В какой из них покои Зилолы? Вдруг её там нет? Что, если султан выдал её за какого-нибудь шахзаде и теперь сидит на своём троне и смеётся над наивным глупцом, Азимом?

Сердце Азима заколотилось в груди от этой недопустимой мысли. Он занервничал и не решался идти дальше.

Если Зилола уже давно замужем, а султан – колдун, он, Азим, не выйдет из дворца живым, если не отдаст Чёрный рубин. Такие перспективы вряд ли кого-то обрадуют. По

этой же причине он не хотел, чтобы родители шли с ним. Правда со своими подозрениями он с ними не поделился.

– «Что за глупые мысли?» – упрекнул он себя. – «Нужно надеяться на лучшее».

Азим глубоко вздохнул и смело направился ко дворцу.

– Стоять! Кто ты? – спросил ночной стражник у живой изгороди.

Азим остановился и при свете ламп, висевших на колоннах у входа в лабиринт, заметил, что широкоплечий стражник опустил руку на рукоять меча. Азим узнал его – этот стражник был среди участников Бузкаши.

– Меня зовут Азим ибн Аъзам, – с деловым тоном ответил юноша. – Доложите его светлости султану, что я вернулся с Чёрным рубином и прошу его об аудиенции.

Стражник узнал Азима и опустил руки. На мгновение он даже потерял дар речи. Никто из них, стражников и других придворных, не верил, что этот дерзкий юноша когда-либо вернётся, да ещё и не с пустыми руками.

– Жди здесь, – коротко велел стражник и исчез в лабиринте.

Через некоторое время он вернулся со слугой, который с не меньшим удивлением обратился к Азиму:

– Прошу, следуйте за мной.

Слуга развернулся и вошёл обратно в лабиринт. Он поворачивал или заходил в те проёмы, где у колонн висели лампы. Азим молча следовал за ним, и они вышли к служебному

входу. В гардеробной слуга попросил Азима сменить свои галоши с загнутым носом на серебристые сандалии. Затем он проводил Азима на третий этаж и открыл для него дверь в тронный зал.

– Прошу, – он вежливо указал пройти внутрь. – Светлый господин ожидает вас.

Азим кивнул слуге и не спеша вошёл в тронный зал.

– Смелее! – услышал он команду султана, усиленную тройным куполом.

Азим подошёл и остановился за ближайшей колонной. Им снова охватила дрожь и у него участилось дыхание. Он сделал глубокий вдох и вышел из-за колонны. В этот момент дрожь как рукой сняло, ибо он увидел Зилолу, стоящую в нескольких шагах слева от трона отца. Для него это было большим облегчением.

– Подойди ближе! – громко потребовал султан.

По его тону было ясно, что ему не терпится удостовериться в правдивости донесения слуги, осмелившегося разбудить его.

– Мой светлый господин, благодарю, что приняли меня в этот поздний час, – Азим встал в центре ромба, как в прошлый раз, и с рукой у сердца почтительно склонил голову.

– Ты действительно нашёл его? – недоверчиво спросил султан.

– Мой светлый господин, – не сразу заговорил Азим, – прошу простить меня за дерзость, но всё это время меня тер-

зали сомнения, сдержите ли вы своё слово?

– Как ты видишь, моя дочь стоит здесь, рядом со мной, и сияет при одном твоём виде, – возмущённо и с ревнивой нотой процедил султан. – И в отличие от меня, – он указал на свою дочь, – она верила, что ты справишься со своей задачей.

Азим перевёл взгляд на Зилолу, робко подглядывающую на него исподлобья.

– *«Значит, ты верила в меня»*, – с тёплым чувством в груди повторил про себя Азим.

– Так ты нашёл Чёрный рубин? – у султана кончалось терпение.

Азим пошёл вперёд и встал в пяти шагах от трона. Он достал из внутреннего кармана мешочек и высыпал из него Чёрный рубин на левую ладонь. Юноша, странно насупившись, посмотрел на Чёрный рубин и с сомнением приподнял перед собой руку.

– *«Я очень надеюсь, что вы не колдун»*, – говорил про себя Азим, видя, как султан жадно опустил взгляд на его руку.

– Дай его мне, – Бузург протянул руку, – и я выдам за тебя свою дочь, как и обещал, – его голос был низким и требовательным.

Однако Азим прикрыл Чёрный рубин другой рукой и, опустив руки, сказал:

– Позвольте поговорить с вашей дочерью. У меня к ней вопрос.

Султан гневно нахмурился. Этот дерзкий юноша не со-

изволил себе добавить «мой светлейший господин» в конце обращения. Бузург напряжённо вздохнул, чтобы избавиться от злости. Через некоторое мгновение султан откинулся на спинку трона и одобрительно кивнул в сторону дочери.

Азим благодарно склонил голову и подошёл к возлюбленной. Он встал от неё в трёх шагах и услышал, как сильно забились их сердца.

– Моя несравненная госпожа, – взволнованно начал Азим, его голос слегка дрожал. – С первого взгляда я был сражён вашей красотой. Я полюбил вас всем сердцем и душой. Ради согласия вашего отца, я отправился за тем, чего доселе никому не удавалось найти. Я совершил нелёгкое путешествие. Мысли о вас согревали меня холодными ночами, насыщали мой пустой желудок и придавали мужество преодолеть весь тот ужас, с которым я столкнулся на своём пути, – Азим сделал пол шага к Зилоле и протянул ей Чёрный рубин. – Этот камень чуть не свёл меня с ума, но ради него ваш отец обещал выдать вас за меня. Я мечтаю об этом с того самого дня, как увидел вас. Однако за то время, что я потратил на его поиски, я понял одно. Навязанная чужая воля не приводит к добру. Человек, которому не подвластна его собственная воля, перестаёт быть собой и теряет смысл к жизни. Без собственной воли человек не обретёт собственного счастья. Я же желаю вам быть только счастливой. Ваш отец повелитель всего Ахоруна, но не вашего сердца. И если вы не согласны с его волей и не захотите выходить за меня замуж, я пойму...

и не стану заставлять.

Азим смиренно опустил голову в ожидании её ответа.

Зилола была изумлена при виде исхудавшего Азима. Она действительно верила в него и с нетерпением ждала его возвращения. Слова юноши удивили Зилолу ещё больше. Она обдумывала их и, наконец, сказала:

– Вы так и не задали мне свой вопрос.

Ах, как приятно звучит её голос.

Азим недоумённо поднял на неё глаза. – *«Какой вопрос?»*
– озадаченно он думал про себя.

Зилола посмотрела на отца и снова на Азима – они оба находились в замешательстве, потому Зилола разъяснила:

– Вы проделали ради меня весь этот путь, и я ценю это. Однако вы правы, я не согласна выходить замуж против своей воли. Тем не менее отец продолжает принимать сватов. Все они просят моей руки у него, как и вы. И никто не удостоился спросить меня.

В её последних словах слышался упрёк и намёк. Она улыбнулась и выжидательно посмотрела на Азима.

Тот, всё ещё недоумевая, скосил взгляд, а когда до него дошёл намёк, его лицо оживилось. Он встал на одно колено перед султанзаде и, снова протянув ей Чёрный рубин, спросил:

– Зилола бинти Бузург, моя госпожа, я простой человек, у которого нет дворца, богатства и власти, как у вашего отца. Но я обещаю сделать всё, чтобы вы были счастливы рядом

со мной. Потому я хочу спросить вас, согласны ли вы стать моей женой?

Зилола промолчала, робко опустив глаза.

– Обычно, у девушки принято спрашивать три раза, – колко заметил султан.

Зилола улыбнулась и, наконец, ответила:

– Если бы все эти сваты спросили у меня моего согласия, я бы им всем отказала, а вам... боюсь... я не в силах отказать, – мило улыбнулась Зилола. – Вы запали в моё сердце именно, потому что вы простой человек, совершивший невозможное... Я согласна!

Зилола нежно взяла Азима за руку и помогла ему подняться. Азим широко улыбнулся. Его глаза сияли ярче звёзд от радости. Он хотел крепко обнять Зилолу и, судя по её глазам, она была не против...

– Что ж, – встрял султан, не дав этому случиться.

Он видел радость и любовь в глазах своей единственной дочери и вспомнил про обещание, которое он дал её матери. Бузург спустился со своего трона и подошёл к молодым.

– Ты сдержал своё слова, Азим ибн Аъзам, – султан приставил руку к сердцу и с уважением склонил голову. – И я сдержу своё слово. – Бузург поднял руку и щелчком позвал двух слуг, стоявших у больших дверей. – Пусть писари разошлют письма и пригласят гостей со всего Рахшонзамина! – объявил он и взял Азима и Зилолу за руки. – В честь свадьбы своей дочери я устрою пир на весь мир!!!

– «И пусть Расим выкусит».

* * *

«Как хорошо сидеть, лежать и ничего не делать, разве это есть... Как там говорят мудрецы? Соль побуждает лень, а сахар притупляет ум? И чтобы побороть лень, нужно овладеть духом, а чтобы развить ум, нужно управлять искушением? Какие глупцы эти мудрецы! Ну разве можно обойтись без соли и сахара? – таков был ответ Мунира ибн Нодира на просьбу придерживаться диеты, предписанной главным врачом».

Хранители знаний: «Записки Мастоны»

Прошлой ночью шёл дождь, можно сказать ливень. Кажется, он не престанет никогда...

Этим же утром небо было ясным и, несмотря на прохладный ветер, день обещал быть тёплым и, возможно, даже жарким, предвещая скорое лето. В воздухе стоял сырой запах земли. Многим нравится этот запах, но у Расима он вызывал необъяснимое раздражение.

«Тополя приведут к силам мироздания».

Расим стоял у тополей, посаженных в два ряда в линию, конец которого сворачивал на восток. Он размышлял над тем, что могут означать эти слова из примечания?

Тополя росли посреди поля в пяти фарсангах к северо-

ро-востоку от стен Расулабада. В каждом ряду было семнадцать тополей. Судя по строгому расстоянию, отделявшему их друг от друга, Расим сомневался, что они сами могли вырасти в таком порядке. Их посадили... и очень давно. Кто их посадил и зачем? Это не похоже на лесополосу, ибо лесополоса не бывает такой короткой и это поле вокруг не посевное.

На его вопрос никто не смог ответить.

Изучая книгу мастеров, Расим по началу не обращал внимания на это примечание, которое повторялось ещё в трёх других отрывках основного текста, где, кроме того, в примечаниях упоминалось использование силы огня. Сам основной текст Расим до сих пор не мог прочитать, но он заметил одно сходство в этих текстах на клинописи – одно слово, а может и словосочетание (кто его знает?), повторялось во всех этих отрывках с примечанием: «*Тополя приведут к силам мироздания*». При чем, линия, указывающая на это примечание, была подведена под само слово, которое было написано с пробелом в два знака от остальных символов клинописи. Возможно, это название чего-то, к чему должны привести тополя.

Расим обошёл вокруг каждого дерева, но ничего не обнаружил. В полтора миля к югу отсюда была ещё одна рассадка тополей в два ряда в причудливом порядке. Там тоже ничего не было, как и тех тополей, которые росли в пределах города. Расим случайно наткнулся на рассадку тех тополей на окраине восточной жилой улицы Расулабада. Как бы странно это

не казалось, Расим в первый раз был в этой части города. Он был приглашён на вечерний плов в честь свадьбы дочери Озара, который всячески пытался услужить Расиму и войти в его доверие. Возвращаясь с мероприятия, внимание Расима привлёк порядок, в котором росли эти тополя – два ряда по семь и шесть на восток, затем сворачивали на юг по три и четыре, далее сворачивая по четыре и пять на северо-восток. Ни Озар, никто другой, живущий на этой улице, не смог дать внятный ответ на вопросы Расима. Единственное, в чем они сошлись во мнении – это то, что тополя были здесь столько, сколько они себя помнят.

Тупые невежды.

Линия рассадки тополей у двух других групп за городом была такой же странной. Расиму показалось, что они указывают путь, и он последовал по их направлению. Пришёл он лишь к этой самой третьей рассадке тополей. Он стоял у последней пары деревьев и смотрел на восток, куда они предположительно указывали. На открытом поле больше не было других рассадок и дальше на восток через несколько фарсангов начиналось озеро Зарафшан, тянущееся ещё на сто фарснагов на восток.

– *«Может, ответ там, на дне этого озера? Нет. В этом огромном озере вряд ли можно что-то найти. Потому-то там и могли его спрятать, чем бы оно ни было. Насколько глубоко это озеро?»* – хмуро размышлял Расим.

Он задумчиво повернулся к тополям. Едкий запах петри-

кора уже действовал ему на нервы. И тот факт, что он не может найти ответ, злил его ещё больше.

– *«Может, сжечь дотла все эти тополя и выжечь всю эту землю, чтобы избавиться от этого назойливого запаха?»*

У Расима чесались руки и ему не составит труда осуществить свою мысль. Раньше, чтобы вызвать пламя в руках, у него уходило много сил. Однако, благодаря древним рукописям, Расим узнал многое об использовании колдовской силы, которые на самом деле называются силами мироздания. И теперь, после долгих лет тайной практики, выжечь здесь всё дотла для него было легко, как плюнуть.

– *«Нет»*, – отговорил он себя. – *«Гнев, выпущенный на волю, не приведёт к ответу»*. – Расим новым изучающим видом посмотрел на тополя. Ему начало казаться, что они посажены в виде клинописи и единственный, кто сможет разгадать их значение – это его проклятый молчаливый пленник. – *«Разговаривать с ним такая же пустая трата времени, как и вдыхать этот поганый запах»*, – мысленно махнул рукой Расим. – *«Ответ нужно искать в самой книге»*, – заключил он и решил вернуться во дворец, где была спрятана Книга мастеров.

Во дворце было тихо, впрочем, как и всегда. С тех пор как падишах заболел, слуги старались не повышать свои голоса и вели себя тихо. Придворные полагали, раз лекарства не помогают падишаху, тишина и покой должны пойти ему

на пользу.

Безнадёжная вера.

Расим вошёл во дворец через восточное крыло и по дороге в аудиенц-зал никого не встретил. Не было ни слуг, сновавших туда-сюда по разным поручениям, ни служанок, шепчущихся в углу. Придворные словно исчезли все до единого. Не было даже горожан, просивших об аудиенции. Тишина, царившая во дворце, показалась Расиму странной. Будто в ней что-то притаилось. Казалось, она предвещает плохую весть...

Как там говорилось?

– «Затшишье перед бурей», – вспомнил Расим. Эта была одной из его любимых фраз. Он прочитал её в одной захватывающей повести. «Приключения Джамили» – так называлась эта книжка. Это был биографический рассказ о невероятных путешествиях Джамили, написанный триста лет назад и приукрашенный богатым воображением автора, который был младшим сыном главной героини. Расим три раза прочёл этот рассказ. Особенно интересным в нём были главы про пересечение моря Басир и побег из города Инкресс, а также путешествие в Нордан. В этом рассказе говорилось о том, что Джамили узнала о какой-то тайне Хранителей знаний и вопреки воле отца отправилась в дерзкое путешествие, чтобы разгадать эту тайну. Однако, судя по манере, в которой автор завершает рассказ, Расиму не верилось, что Джамили не достигла своей цели. Ему казалось, что автор утаил

тайну своей матери от читателя и изменил концовку её повести.

– «*Затишье перед бурей*», – с внезапным и необъяснимым предчувствием повторил про себя Расим. Он сидел, скрестив ноги, у края возвышения в тронном алькове, ломя голову над разгадкой тайн клинописи. Да он был бы рад разгадать тайну хотя бы некоторых примечаний, написанных письмом Алифа. Однако, чем больше он изучал более ранние примечания, написанные тем же письмом Алифа, тем больше он понимал, что они написаны совсем на другом языке. Многие подстрочные и надстрочные знаки были ему не знакомы. Он также не знал, какие звуки они могут обозначать, что делало прочтение этих примечаний, наряду со сложной грамматикой, невозможным. Тем не менее ему худо-бедно удалось понять, что во многих ранних примечаниях говорится о мастерах, написавших эту книгу.

На небольшом куске бумаги Расим начертил линию тех трёх рассадок тополей и сравнивал получившиеся символы с клинописью книги мастеров. Он нашёл им некоторые совпадения, но они были в составе слов, значения которых Расим отчаянно хотел разгадать. Ни в его собственной библиотеке, ни в одной другой библиотеке города не было ни одного словаря, который помог бы ему изучить клинопись. Единственным, кто мог бы помочь ему, был его пленник. Расим был уверен, что его пленник знает клинопись, но за много лет он не проронил ни слова.

– «*Будь ты проклят!*» – выругался про себя Расим.

– Народ страдает от Чёрной напасти, а ты всё читаешь, – этот упрёк неожиданно послышался из столь знакомых сладких уст. Расим не услышал, как она вошла в аудиенц-зал.

– «*Вот и нагрязнула буря. Внезапно и без предупреждения*».

В аудиенц-зал вошла Нигора в сопровождении двух своих учениц, которые были с ней и в прошлый её неожиданный визит. На ней было чёрное платье, почти облегающее, с красным растительным узором от левого плеча до края правой ноги, а пышная розетка обхватывала её за талию справа. Расим с ревностью посмотрел именно на эту часть и ответил с толикой надменности и осуждения:

– Нет чтению лучше увлечения.

– Расширяешь свои знания? – таким же тоном спросила Нигора, добавив нотку насмешки.

Расим согласно кивнул ей в ответ и скрыл книгу мастеров, как и в прошлый раз, при этом он с вызовом смотрел на Нигору.

– Народ голодает и беднеет. Как твоё знание им поможет? – Нигора едва заметным жестом дала знак своим ученицам остановиться, а сама подошла ближе.

– Знание – дороже богатства, – Расим снова процитировал своего отца.

– Знание нужно применять на практике, – упрекнула Нигора.

– Всему своё время, – парировал Расим с ухмылкой самоуверенного шакала.

– Насколько мне известно, предпринятые тобой меры против Чёрной напасти оказались безуспешными, – её упрёк перешёл в открытое осуждение.

Расим тихо хмыкнул и спустился с возвышения. Он сделал несколько шагов к Нигоре. Через её плечо он смерил взглядом обеих её учениц. В их облике с прошлого раза что-то изменилось. Точно. У обеих по бокам на голове прибавилось по одной паре тонких косичек с кольцами на конце. Они получили повышение. Ведьмы же определяют свой ранг по косичкам. Какая глупость. С другой стороны...

Расим подмигнул им и посмотрел сверху вниз на Нигору. Этим взглядом он искушено раздевал и съедал её.

– Твои известия стары и неверны, как ты сама, – съязвил Расим, снова провоцируя ведьму. – В прошлый раз ты развернулась и ушла ни с чем. Ни тебе здравствуй, ни тебе до свидания. Также будет и сегодня? Что ты тут делаешь? Опять явилась сюда просить книгу? – он язвительно скосил брови.

– Я позвал её, – ответил надменный высокий голос, который словно пальцем ткнул Расима в бок и привёл его в раздражение.

Расим разочарованно опустил голову и повернулся направо. В двадцати шагах от себя он увидел настоящую бурю, и она продолжала надвигаться на него. Это был Мунир ибн Нодир. Расим глубоко и почти беззвучно вздохнул. Он не

ожидал его появления. Лицо Расима потемнело так, как на небе сгущаются чёрные грозовые тучи.

– Мой господин, вы вернулись? – Расим натянул лукавую улыбку и приветственно подвёл руку к сердцу.

– Да-а... Дорога была долгой и утомительной, – надменно вздохнул Мунир.

– Может, вам отправиться в свои покои и отдохнуть? – предложил Расим.

Мунир оставил предложение без ответа и перевёл взгляд на Нигору.

– Я рад, что вы пришли, – обратился он к ней.

– Для чего вы её позвали? – спросил Расим прежде, чем ведьма смогла раскрыть свой рот.

– Я немало слышал о вашей красоте, моя госпожа, – с тёплой лестью проговорил Мунир, проигнорировав Расима, – но воочию вы куда прекраснее этих слухов.

Расим вперил ревностный взгляд на Нигору, которой эта лесть была по душе.

– Я рада принять ваше предложение и служить вам, мой господин, – Нигора улыбнулась и приставила руку к сердцу.

– И в чём же заключается эта служба? – в негодовании процедил Расим. Он совсем не ожидал, что на-шахзаде позовет её к себе. – *«Всё из-за книги? Думаешь, он может приказать мне дать её тебе?»*

– У Расула Первого советницами были ведьмы и при них Расулабад и весь Зебистан процветал, – Мунир снизошёл на

ответ Расиму. – При вас, премьер-министр, мой отец слёг с неведомой хворью, а Зебистан пришёл в упадок, – обвинение Мунира разило желчью и неприязнью.

Расим озлобленно стиснул зубы и отвёл взгляд в сторону. Мунир был прав – государство в упадке, однако в этом нет его вины. К Чёрной напасти он уж точно не причастен.

– Я так же наслышан о ваших способностях, Нигора, – продолжил Мунир, переведя взгляд на ведьму. – Я подумал, что вы в состоянии помочь моему отцу, – в вопросительной улыбке Мунира скрывался подвох. – Ни один лекарь или врач не смог понять природу заболевания отца. Возможно, вы сумеете...

– *«Она точно сможет»*, – занервничал Расим.

– ...Однако, прежде всего, я позвал вас помочь мне самому.

– *«А вот и подвох»*, – мысленно с облегчением вздохнул Расим.

– Я сделаю всё, что вы попросите, мой господин, – пропела Нигора.

– *«Какая добрая душа»*, – язвительно пробубнил про себя Расим и исподлобья посмотрел на ведьму.

– Чем я могу вам помочь, мой господин? – спросила между тем Нигора.

– По дороге назад, – начал Мунир, глядя прямо в глаза Нигоры своими круглыми глазами, – мои слуги устроили для меня охоту. Они загнали степного оленя, поймали, стрено-

жили его и я милосердно застрелил его из лука...

– *«Не подавись своей гордостью, милосердная свинья»*, – процедил про себя Расим, глядя на то, как Мунир изображает стрельбу из лука своими толстыми руками.

– ...Охота очень мне понравилась. Слуги несколько раз устраивали охоту для меня, и я хочу ещё! – словно избалованное дитя потребовал Мунир. – Но я не могу, – с преувеличенной понуростью пожаловался он. – У меня здоровье, которым я не могу похвастаться. Мои ноги не способны выдерживать моё пушистое тело, – он самолюбиво обвёл руками своё необъятное тело.

– *«Пушистое тело?»* – изумлённо повторил про себя Расим. Он едва сдержался, чтобы не расхохотаться во весь голос. – *«Да твоё жирное тело весит больше, чем вся эта планета!»* – выпалил он про себя. При этом его лицо оставалось невозмутимо спокойным.

– ...Я быстро устаю, – продолжал наследный шахзаде. – У меня сразу появляется одышка, а я хочу бегать за оленями! – требовательно заявил он. – Я слышал, что ведьмы могут продлевать себе жизнь и омолаживать своё тело. Может, такое решение найдётся и для меня? – он выжидательно устался на Нигору и его нарочито милый взгляд вряд ли одобрит отказ.

Прежде чем Нигора смогла ответить, к Муниру подошёл Урун и с низким поклоном вручил ему свёрток зеленова-то-коричневой бумаги. Мунир с интересом сломал восковую

печать с изображением винограда на узле тонкой верёвки, обмотанной вокруг свёртка, и прочитал письмо. Тот же час его лицо исказилось от возмущения.

– Я полагаю, вы не нашли Чёрный рубин, премьер-министр?

Мунир недовольно вернул свиток слуге и скосил взгляд на Расима. Тот недоуменно насупился. Слуга подошёл и к нему и вручил такой же свёрток. Расим сломал печать, нетерпеливо раскрыл свёрток и в изумлении прочитал про себя текст письма – это было приглашение на свадьбу. Неприятная новость.

Ещё одна буря.

– Я начинаю сомневаться в вашей пригодности, премьер-министр, – сердито проговорил Мунир, дождавшись, пока Расим не прочтает письмо. – Уйдите! – он махнул своим толстым пальцем, указывая Расиму на выход. – Не мозольте мне глаза.

Расим едва подавил свою злость. Он развернулся и начал уходить, думая о том, как он его нашёл?

– Подберите какой-нибудь подарок! – приказал Мунир вслед Расиму. – Надеюсь, вы хоть на это пригодны?

Расим, не поворачиваясь, кивнул и покинул аудиенц-зал через служебный выход. Он был озадачен.

– *«Откуда он его нашёл?»*

Возможно, ответ приведёт Расима к долгожданной цели.

– Идёмте, – Мунир с улыбкой протянул руку Нигоре. – Я

хочу, чтобы вы поехали со мной на свадьбу.

* * *

«До свадьбы Нисо мечтала о путешествии по всем городам Рахионзамина и даже в Бахриян. Она хотела увидеть море Мармар. После свадьбы Нисо иногда цитировала произведения Ардвисуры о секретах моря Басир. Жаль мои обязанности мэра Арружа не позволяли её мечтам сбыться. Когда же родилась Зилола, Нисо заявила, что теперь она – её путешествие длиною в жизнь. Сто раз жаль, что эта жизнь была такой скоротечной».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары о Нисо.

День настал! Наконец. Месяц ожидания оказались мучительными для Азима, но этот день всё же настал! Первый день Тира. День летнего солнцестояния. День свадьбы!

С самого раннего утра Азим был на ногах, как и вся его семья. Они готовились принимать гостей. В честь свадьбы сына Аъзам устроил утренний плов и пригласил всех родственников и друзей. По традиции нужно также приглашать мужчин со стороны невесты. Вот только это не простая свадьба. Его сын, простой парень, жениться на дочери самого султана. Потому Аъзам не был уверен, что султан-заде и хеш-султаны придут к нему домой. Тем не менее он отправил общее приглашение во дворец в знак уважения и вежливости.

Комил был одним из первых, кто поздравил Азима, когда весть о его свадьбе с Зилолой прошла по столице и потрясла всех, включая за её пределами.

– Вот почему ты не поехал со мной на мою свадьбу, ты вынашивал план своей свадьбы. Хитрый лис, – сказал ему Комил, придя к нему домой на третий день после объявления свадьбы.

Сегодня же, а точнее уже целую неделю, он помогал им с приготовлениями. Вместе с Азимом они принимали и провожали гостей, подавали плов вновь прибывшим гостям и убирали пустые тарелки вместе с Хабибом и Адибом.

– Значит ты дал слово? – спросил Комил, подойдя к Азиму, который проводил за ворота нескольких гостей.

– Да, – коротко ответил он, засовывая подаренный мешочек с золотыми монетами за пазуху своего белого халата с зелёными и золотистыми узорами. Он получил множество различных подарков и услышал столько же однообразных поздравлений. При этом, почти каждый гость спрашивал у него, где он нашёл Чёрный рубин. В ответ Азим лишь тепло улыбался и с рукой у сердца говорил: *«Добро пожаловать»*.

Не важно, то были приходящие или уходящие гости, они понимали намёк и не настаивали на ответе. Вот только не Комил. Он всё пытался выудить у Азима тайну, а иногда даже умолял.

– А кому ты дал слово?

Азим невозмутимо посмотрел на любопытного Комила,

который встал у него на пути, и прошёл мимо него к столам, чтобы убрать пустые тарелки.

– Иди переодевайся, – сказал Азим. – Нам скоро ехать во дворец.

– Ты даже не скажешь имени? – негромко негодовал Комил. – Мне это интересно как учёному. Я же не собираюсь искать этого человека. И кем бы он ни был, он не узнает, что ты сказал мне его имя, – тихо аргументировал Комил, чтобы остальные не прислушались к их разговору.

– Это будет на моей совести, – Азим был непоколебим.

– Ох-х, упрямого барана разговорить легче, чем тебя, – проворчал Комил и пошёл в дом приводить себя в порядок.

Гостей принимали до трёх часов до полудня. Азим проводил последних и тоже вернулся в дом привести себя в порядок. К полудню нужно идти за невестой, а ещё к полудню придут женщины его рода. Начнётся женское свадебное мероприятие, где, помимо песен и плясок, они будут готовить комнату молодых.

Свадебный наряд для Азима сшила лучшая швея столицы по заказу его матери. Он состоял из почти тёмно-синего короткого халата, неплотно прилегающих штанов и белой шёлковой рубашки с треугольным вырезом. Перед и подол халата украшен богатым золотистым узором, а на спине и плечах до локтей были узоры в виде полу-ромба двух оттенков синего, отличных от основного. На рубашке был бледно серый узор в виде двух наконечников стрел головой вниз. По

задумке Зарины на поясе сына должен был быть тёмно-зелёный платок, но так как Зилола не любила этот цвет, Азим сменил его на чёрный, под цвет своей тибетейки с белыми узорами. Вокруг тибетейки повязана короткая белая чалма с синими и серебристыми шёлковыми шнурками, один толще другого. На ногах чёрные ичиги с синими ломаными узорами и галоши с изогнутым кверху носом и синим рантом.

Камил в качестве свидетеля Азима нарядился в светло-фиолетовые одеяния с белой рубашкой, на которой были бледно-фиолетовые каплевидные пятна. Его тонкий халат украшали скромные золотистые узоры, поверх которого повязан широкий фиолетовый халат. Кроме чёрной тибетейки с белыми узорами, его короткая чалма и обувь были тоже фиолетовыми.

Ровно в полдень под игру духовых и ударных музыкальных инструментов Азим сел на Катрона, а Комил на свою тёмно-коричневую кобылу с дымчато-серой гривой и хвостом. С благословением бабушки Ханифы, родителей и особенно дяди Адхама, Азим со своим свидетелем выехали за невестой. Мать провожала старшего сына в слезах радости, а отец испытывал невероятную гордость за него, сдерживая слёзы. Рауф хотел отправиться с братом, но ему сказали, что по традиции детям не место в делегации, отправляющейся за невестой. Эта самая делегация, последовавшая за Азимом и Комилом, состояла из семи женщин и семи мужчин, в большинстве своём представляющих родственников Азима. На

руках женщины несли подносы со сладостями и печеными изделиями, включая различные виды лепёшек, завёрнутые в красивые скатерти. Мужчины несли в корзинах подарки для невесты, которые на самом деле предназначались для её подруг и родственниц.

По традиции Ахоруна родители жениха не идут вместе с сыном за невестой, но это исключительная свадьба. Потому они с Рауфом присоединятся к Азиму уже во дворце.

С выхода из ворот и до конца улицы, а точнее до её начала, свадебный эскорт Азима сопровождался музыкой. У музыкального квартета были карнай, сурнай, флейта и таблак. На пересечении улиц музыканты с бардовыми расшитыми летними камзолами, чёрными штанами, заправленные в невысокие летние сапоги, и плоскими зелёными тюбетейками со светло-красными узорами убрали свои инструменты в чехлы и поспешили ко дворцу, где они присоединятся к целому оркестру.

К трём часам по полудню процессия дошла до дворца. Вдоль улиц, где они шли не спеша, выстроились горожане, в основном, женщины и дети. Они все поздравляли Азима, сыпали лепестки тюльпана перед его жеребцом. У подъезда ко дворцу Азима и Комила встретили двое придворных слуг. Один из них помог спешится Азиму, другой принял узды лошади Комила. Учтиво поклонившись, слуги повели лошадей в конюшню недалеко от дворца.

Музыканты, которых уже было шестнадцать, заиграли

сразу, как только Азим встал ровно посередине начала мраморной площади, ведущей во дворец. С двух сторон, вдоль цветущей живой изгороди, стояли гости. Их было больше сотни и все они были из знати Ахоруна и других государств, о чём говорили их богатая и роскошная одежда. Несмотря на всеобщее праздничное настроение и радостные лица, некоторые (во множественном смысле этого слова) смотрели на Азима с открытой завистью. Очень многие хотели оказаться на его месте, но этот юноша обхитрил всех. Сам Азим смотрел вниз перед собой, чувствуя на себе их тяжёлые взгляды. Комил говорил ему не обращать на них внимания.

В пяти шагах от гостей стояли танцоры: справа молодые люди в бордовых нарядах с золотистыми узорами, слева девушки в красочных платьях всех цветов радуги. Они начали танцевать, как только заиграла музыка.

Музыканты также стояли с двух сторон от Азима в шестнадцати газах, соответственно. На них были чёрные штаны, белые рубашки и безрукавки из радужного атласа. Те музыканты, сопровождавшие Азима из дому, тоже успели переодеться. Все они играли на восьми парах инструментов.

Азим с интересом поднял глаза и увидел Зилолу. Его сердце сразу затрепетало. Она стояла на третьей ступени, ведущей во дворец. На ней было белое роскошное платье, почти облегающее её желанное тело и украшенное мелкими бриллиантами. Поверх платья был белый шёлковый халат с серебристой тесьмой по краям и цветочным узором из белого

золота. С головы ниспадал белый сетчатый платок с серебристой тесьмой по краям, прикрывающий её лицо. Этот платок на её голове увенчан золотым болоабру с сапфирами и бриллиантами. Азим улыбнулся, ибо его невеста сияла ярче солнца.

Однако его улыбка быстро испарилась от неожиданно-го испуга, вызванного внезапным рёвом ревнивых белых львиц. Семь самок саруна стояли в нескольких шагах от ступеней со свирепыми мордами и сторожили свою госпожу.

– *«Не иди к ней, пока перед тобой не образуют коридор. Стой и жди»*, – объяснял ему отец, когда они убирались у себя во дворе после ухода гостей.

Вот Азим стоял и ждал...

Сколько уже прошло? Десять минут или сто лет? Почему эти танцоры не встают в коридор? Азиму не терпелось поскорее взять свою невесту за руку. Он ждал этого момента слишком долго, и теперь, когда она была совсем близко, время, казалось, шло невероятно медленно.

– *«Жди»*, – говорил отец. – *«Это проверка твоего темперамента. Если начнёшь раньше времени, покажешься всем нетерпеливым и тебя посчитают ненадёжным супругом»*.

От нетерпения у Азима задёргались пальцы на ногах. Благо, этого никто не видел из-за его галош. Но, если танцоры будут тянуть, он весь начнёт дёргаться от волнения в такт музыке и их танцам.

Танцоры и танцовщицы кружились в танце и приглашали

гостей присоединиться к ним. Приглашение игнорировали около пятнадцати минут или дольше, у Азима, к сожалению, не было песочных часов, чтобы следить за временем. Постепенно с обеих сторон гости по одному начали присоединяться к танцу. Вскоре затанцевали почти все. Кроме того, они начали хлопать в ладоши, свистеть и вопить. Даже завистники сбросили с себя угрюмые маски и весело кружились возле обаятельных танцовщиц.

Словно по команде белые львицы снова взревели и, наконец, с правой стороны танцор сделал шаг к танцовщице из левой стороны. Это было невероятным облегчением для Азима. Ему начинало казаться, что они будут вечно стесняться и избегать друг друга. Но всё же не спеша танцоры, танцовщицы и танцующие гости с обеих сторон пошли навстречу друг другу и вскоре образовали коридор, ведущий к Зилоле.

Азим с широкой улыбкой сделал шаг вперёд и коридор тут же закрылся, приведя юношу в полное изумление и заставил Комила улыбнуться над своим другом. Профессиональные танцоры (парни и девушки) с озорными лицами закружились перед ним в затейливом танце. Они, разумеется, не хотели обидеть или задеть жениха. Это их работа.

Такова традиция.

«Главное, не поддаваться эмоциям».

Три круга и коридор снова расступился. Азим сделал три шага и коридор снова закрылся. Танцоры закружили в паре,

преградив жениху путь...

Так коридор закрывался и расступался несколько раз, пока Азим не сделал тридцать шагов до центрального фонтана. Наконец, движущийся коридор расступился, не прекращая кружиться в танце, и проводил, таким образом, жениха со свидетелем к долгожданной невесте.

– *«Поздоровайся со своей невестой и не забывай о её титуле и положении»*, – наставлял отец, когда он одевался.

Львицы шагнули к танцорам и вновь взревели. Те, склонив головы, в танце отступили к фонтану. Музыка стихла и все замерли в трепете. Азим встал на месте, а Комил даже попятился от одного вида этих львиц. Они в полтора раза были больше обычных львов и даже глаза у них были белесыми. Сделав ещё шаг, все семеро вытянули морды вперёд и приняхались. Они чувствуют страх своих жертв, и чем больше они боятся, тем вкуснее становятся.

– Надеюсь, они сыты, – беспокожно прошептал Комил позади жениха.

– Возьми себя в руки, – тихо проговорил Азим, слегка повернув голову в сторону свидетеля. – Даже я слышу, как ты дрожишь.

– Они людоеды, – предупредил Комил, сделав ещё пол шага назад.

Азим же посмотрел в глаза львицам, прижал правую руку к сердцу и склонил перед ними голову. Об этом отец его не предупреждал. Он сам проявил к ним уважение, решив, что

это ещё одно испытание жениха.

Одна из львиц, издав приглушённый, недоверчивый рык, подошла к жениху. Её высота была вровень с ростом Азима, и при желании она с лёгкостью может откусить ему голову. Вместо этого она принялась к нему и, не учуяв страх, повернула голову в сторону Зилолы. Их госпожа, улыбнувшись кивнула. Лвица снова посмотрела на Азима и громко взревела. Азим слегка отвёл голову, но не закрыл глаза. Закрыв пасть, лвица опустила на жениха испытующий взгляд, и он прошёл это испытание взглядов. Фыркнув носом, лвица отступила к сёстрам и дочерям. Она первой прижалась грудью к земле и склонила голову перед женихом. Остальные львицы повторили за ней, и люди возликовали. Снова заиграла музыка, а танцоры продолжили танец.

Комил вздохнул с облегчением, радуясь, что не облегчился в буквальном смысле. Азим же прошёл мимо львиц и, встав у первой ступени, снова прижал руку к сердцу и склонил голову перед султанзаде.

– Приветствую вас, моя госпожа. Пусть Всевышний благословит вас, и пусть солнце всегда сияет над вашей головой. Сегодня я пришёл за вами, как за своей невестой, и прошу вас пойти со мной к вашему отцу, светлейшему господину Ахоруна, дабы он благословил и объявил нас мужем и женой.

В ответ султанзаде три раза коротко и медленно поклонилась своему жениху. При этом, её взгляд был опущен к долу, а правая рука прижата к сердцу.

– «Она протянет тебе руку, но танцоры помешают тебе взять её», – предупреждал отец. – «Если ты сделаешь больше трёх попыток, чтобы взять свою невесту за руку, ваш брак будет несчастным. Такова традиция», – пожал плечами Аъзам в ответ на недоумевающий взгляд сына.

За то время, что Азим излагал свою приветственную речь, а султанзаде кланялась жениху, львицы отступили и музыканты с танцорами быстро окружили молодых. Зилола протянула руку, и Азим поднялся на две ступени, чтобы взять её. Однако танцоры окружили их плотным кольцом. Азим попытался пожать руку невесты, но танцор в кружащемся движении снизу вверх ловко ударил его по руке. Первая попытка провалена. Азим озорно улыбнулся. Пара танцоров сменилась под сопровождающий торжественно-язвительный свист. Азим принял вызов и начал выжидать подходящего момента. Его глаза следили за движениями танцоров...

«Не торопись».

Он был готов. Азим сделал обманное движение. После неудачной попытки танцоров сбить его руку, он резко протянул свою ладонь и взял Зилолу за руку. Танцоры и гости загудели в один голос. Следующим шагом Азим встал рядом с Зилолой. Она по-прежнему скромно смотрела вниз, но по её широкой улыбке Азим понял, их обоих переполняет радость этого прикосновения.

Танцоры и гости встали в плотный полумесяц перед ступенями и под не умолкающую музыку продолжили танце-

вать. Комил тоже присоединился к танцам. Около десяти минут жених с невестой наблюдали за ними.

– При виде ваших львиц, Комил решил, что мы – основное свадебное блюдо, моя госпожа, – не зная, как начать разговор, Азим кивнул на своего свидетеля.

– Соро не напала бы на вас, без моей команды, – негромко ответила Зилола.

– Рад, что вы не отдали эту команду, – признался Азим.

– Я рада, что вы рядом со мной, – скромно улыбнулась Зилола.

Азим опустил руку невесты, они вдвоём развернулись в сторону дворца и снова взялись за руки. Жених и невеста поднялись по ступеням на площадку, где их поджидал султан. Бузург протянул к ним руки и Зилола встала слева, а Азим справа от него. Музыка стихла и танцы прекратились. Все внимали султану, одетого, как дочь, во всё белое.

– Дорогие гости! – начал Бузург не присущим для него бодрым и радостным голосом. – Сегодня мы собрались, дабы отпраздновать свадьбу моей единственной дочери, султанзаде Зилолы бинти Бузург, и этого смелого молодого человека, Азима ибн Аъзама. Он выполнил своё обещание, – султан на уровне груди поднял перед собой левую руку и продемонстрировал всем серебряно-золотой перстень с Чёрным рубином. – Теперь и я сдержу своё слово. Для этого я приглашаю всех в мой тронный зал, где я проведу бракосочетание. Затем вас всех ждёт чудесный пир! – понизив голос, улыбнулся

султан.

– *«Далее вас поведут в рознь. Ты последуешь за танцовщицами, твоя невеста за танцорами. Это проверка вашей преданности друг другу. Если кто-нибудь из вас посмотрит в лицо кому-то из танцоров, он или она будет не верным в браке»*, – предупреждал отец перед выходом из дома.

– *«Как я узнаю, что Зилола не посмотрела?»* – засомневался тогда Азим.

– *«В этом и вся суть. Ты должен верить в неё»*.

Взявшись снова за руки, Зилола и Азим вошли во дворец вслед за султаном. Бузург кивнул своей дочери и вместе с Комилом удалился. Его место перед женихом и невестой тут же заняли танцоры. Разделившись, танцоры встали в семи шагах от Зилолы, а танцовщицы встали в трёх шагах перед Азимом. Музыканты также разделились на две группы и встали в двадцати шагах от молодых. Они заиграли, и танцоры в танце начали приглашать жениха и невесту в соответствующие коридоры, ведущие наверх.

Однако пара не хотела расставаться. Они сделали шаг и вместо того чтобы отпустить руки, они их сжали ещё крепче. Азим посмотрел на Зилолу – её взгляд был робко опущен на их руки. Он чувствовал, как она слегка дрожит и боится отпустить его руку. Во взгляде Азима тоже отражался страх, что, если их сейчас разлучат и он больше никогда её не увидит. Он хотел сильнее сжать её руку, но...

Гости позади пары уже заждались и некоторые из них с

озорными ухмылками подтолкнули Азима к танцовщицам. Зилолу трогать не стали – это не позволяло её положение.

От неожиданного толчка Азим невольно отпустил руку Зилолы и сразу же оказался в окружении танцовщиц – те повели его к лестнице.

Азим шаг за шагом старался следовать указанию отца. Танцовщицы разными движениями пытались привлечь его внимание, постепенно поднимаясь в тронный зал. Некоторые из них проявляли наглость и настойчивость, пытаясь поднять голову Азима и обратить его взор на себя. Азим пока не поддавался и с серьёзным видом смотрел вниз, где мелькали их красочные платья и нежные ручки. Безусловно, под этими платьями скрываются стройные тела и аппетитные формы. Они пустили в ход соблазнительные и провокационные движения, дабы поднять его глаза на свои привлекательные лица. Однако все их старания оказались тщетными. Азим, угрюмо прижав голову к плечам, опустил взгляд ещё ниже, на ступеньки, и мерил шаги, чтобы не споткнуться – в прямом и переносном смысле.

Наконец, процессия дошла до тронного зала. Гости, следовавшие за ними, прошли к отведенным для них местам, а танцоры проводили жениха и невесту до трона. Зилола и её танцующее сопровождение дошли раньше. Азиму и его танцовщицам оставалось пройти ещё одну треть зала. Сквозь редкие прорехи между танцовщицами Азим сумел заметить, что Зилола по-прежнему смотрит вниз, хоть танцоры уже

отступили от неё. При этом он постарался не встретиться взглядом с какой-нибудь из танцовщиц, и тут же опустил свой взгляд. Вскоре и они дошли до трона.

Танцовщицы оставили Азима в семи шагах от Зилолы и вместе с танцорами снова закружились в танце вокруг пары на почтительном расстоянии. Как только в зал вошёл султан, за которым вошли Комил и главный придворный писарь, танцоры (все) вместе с музыкантами отступили к стене позади трона. Музыка стихла и танцы прекратились. Султан же прошёл и встал в шаге от своего трона. Жених с невестой пребывали в нетерпении в трёх шагах от него, при этом их обоих по-прежнему разделяли семь шагов.

– Добро пожаловать! – султан приветственно воздел руки перед собой. – Мне отрадно видеть здесь всех. Особенно я рад видеть тех, кому я лично писал приглашительные.

Зилола и большинство гостей были отчасти удивлены добротой султана, ибо такие слова раньше никто не слышал из его уст.

В зале в переднем ряду присутствовали султан Аброра и его недовольный сын, наследный шахзаде Зебистана Мунир ибн Нодир и его премьер-министр, Расим, который встал с места с недовольной гримасой, главы домов Эрода и Сирода, правители Нарруза и Сангдора, малик Каарта и даже Сохандора, к ним-то и относились последние слова Бузурга. Однако среди них не было шаха Виндола. По всей видимости, он, как и все его предшественники, решил проигнори-

ровать приглашение.

– Я благодарен вам за то, что вы приняли моё приглашение и преодолели длинный, долгий путь, чтобы разделить в этот день мою радость со мной, – продолжал султан. – Это очень важный день не только для меня, но и для моей дочери. Потому, я прошу вас, наряду с Комилом ибн Восилем, стать свидетелями перед Всевышним при бракосочетании этих двух молодых.

Те, кого касалась эта просьба, склонили головы, приставили руку к сердцу и тихо промолвили в знак своего согласия:

– Во имя Всевышнего!

Комил, кроме того, подошёл к султану с белой шёлковой лентой на золотом овальном подносе.

Посмотрев на молодых, султан продолжил:

– Во имя Всевышнего и в силу моей власти, данной им, я, султан Ахоруна, Бузург ибн Махмуд, при свидетельстве Комила ибн Восила и моих почётных гостей спрашиваю вас молодые люди, согласны ли вы на этот союз и вступить в брак друг с другом?

Азим без раздумий согласно кивнул, а Зилола, как и полагает невесте, потянула с ответом. Однако она не заставила долго ждать отца и через полминуты тоже согласно кивнула. При этом, они оба произнесли вслух своё согласие

Бузург улыбнулся и продолжил:

– Азим ибн Аъзам, Зилола бинти Бузург, – он оглядел каждого, – с вашего взаимного согласия я благословляю ваш

брак.

Остался последний штрих.

Султан подошёл к дочери и взял её за правую руку.

– Мне так жаль, что здесь нет твоей матери, – тихо проговорил он ей.

Зилола робко подняла глаза на отца и была удивлена его взглядом. Отец никогда не смотрел на неё так, как он смотрел сейчас. В его глазах, излучающих радость, она заметила глубокую скорбь. По щеке Зилолы потекла слеза и отец нежно вытер её.

– Не плачь, дочь моя, – он произнёс это сквозь ком в горле. – Я уверен, что там, за звёздами, твоя мать также сильно радуется за тебя, как я здесь.

Зилола коротко кивнула и проронила ещё одну слезу. Отец подвёл её к Азиму и взял юношу за левую руку.

– Я доверяю тебе свою единственную дочь. Не подведи меня, – его тон был мягким, а взгляд серьёзным.

Султан подвёл руки молодых перед собой и их ладони переплелись. К ним подошёл Комил и протянул поднос с лентой султану. Бузург взял ленту и обмотал её вокруг рук Азима и Зилолы и провозгласил:

– Вступив в брак, вы должны забыть о своей гордыне и тщеславии, и перестать думать только о себе. Вы должны проявлять взаимное уважение и понимание. Так, ваш союз будет нерушим. В трудных положениях оказывайте поддержку друг другу. В споре идите на уступки, а в радости разде-

ляйте своё счастье друг с другом и вашими близкими. Объявляю вас мужем и женой! Да будет ваш союз долгим и плодотворным!

Гости в унисон захлопали и начали скандировать поздравления. Султан обнял молодожёнов, поцеловал Зилолу и Азима в висок и тихо поздравил их со свадьбой. Затем он отошёл от них, сел на свой трон и жестом указал гостям присаживаться.

Гости сели на предварительно постеленные курпачи и принялись усердно опустошать богато накрытый дастархан.

Между тем, сквозь опущенный сетчатый платок Зилола наконец-то снова посмотрела на Азима...

* * *

«Народ северного государства тоже является потомком Далёких предков. В них течёт та же кровь, что и в зеби-станцах и ахорунцах. Однако за тысячу лет с основания Виндола они стали чужими. Виндолские короли ни разу не принимали приглашения султанов Ахоруна, и тем более падишахов Зебистана. Всё, что мы знаем о Виндоле, мы узнаём от караванищиков. Как-то мой отец, султан Махмуд, хотел поехать в Рохфаре и даже хотел взять с собой падишаха Нодира, но... пришла Зелёная хворь».

Султан Бузург ибн Махмуд. Мемуары об отце.

Пир удался на славу. Для этого были приглашены лучшие

повара Ангурана. Адхам лично отбирал каждого. По темпу, с которым опустошались миски и тарелки с едой, салатами и угощениями, можно было сказать, что Адхам справился со своей задачей, и отобранные им повара превзошли самых себя.

Дастарханы, постеленные перед гостями в несколько рядов, были накрыты всевозможными видами хлебных и печёных изделий, различных сладостей, фруктов и напитков, что гости поначалу затруднялись с выбором того, что съесть первым. Ко всему этому было подано три основных блюда. На первое подали традиционный хом-шурбо без картофеля. Через полчаса подали плов с долмой, барбарисом и нутом. На третье ещё через полчаса принесли мясной соус со сладким перцем.

Музыканты и танцоры ушли отдохнуть и подкрепиться. На их смену пришли другие. На новых музыкантах были зелёные тонкие бархатные камзолы с красно-бурой вышивкой под цвет их шёлковых кафтанов. Их плоские тюбетейки тоже были красно-бурыми с зелёными узорами. У них были струнные инструменты и флейты. Они встали в двадцати шагах от стены позади трона и заиграли негромкую и ненавязчивую музыку, чтобы не отвлекать гостей от трапезы.

Новые танцоры и танцовщицы в чаканах и атласах разделились на пары и в пятнадцати шагах по обе стороны от трона начали танцевать в такт музыке, стараясь не привлекать особого внимания.

Облокотившись левой рукой, султан кулаком прикрыл рот. Он задумчиво смотрел на одну конкретную особу среди гостей, которая время от времени так же подглядывала на него.

– *«Как ты осмелилась прийти сюда?»* – негодовал он, скрывая свою злость и возмущение. Только из-за своей дочери он оставался на своём троне и сдерживал себя от того, чтобы, в лучшем случае, просто выгнать эту дрянь к чертям собачьим отсюда. Его удивляло, почему другие не обращают на неё внимания?

Молодожёны всё это время, крепко держась за руки, по-прежнему стояли в нескольких шагах перед тронном. Азим неохотно отпускал руку жены, чтобы она каждый раз, когда подавали одно из главных блюд, могла сделать три медленных, небольших поклона в сторону гостей.

– Вы поправились, – заметила она, когда уносили пустые тарелки от плова.

Несмотря на выполненное условие и объявление их свадьбы, султан не позволил дочери встречаться с Азимом чаще одного раза в неделю, и то в пределах лабиринтов. После их последней встречи Зилола с нетерпением ждала этого дня. И теперь, когда этот день настал, она хотела поговорить с ним и ждала, что он заговорит первым, но Азим, казалось, потерял свой дар речи после бракосочетания. Зилола волновалась, потому что это было единственным, что пришло ей в голову.

Действительно, Азим практически набрал тот вес, который он потерял во время своего путешествия. За его восстановлением тщательно следила его мать, кормя его по пять раз в день. Азим хотел вернуться на работу к отцу, но Аъзам убедил его повременить с этим до свадьбы, так как люди будут донимать его вопросами о Чёрном рубине. С тех пор как в городе было объявлено об их свадьбе, очень многие также захотели найти Чёрный рубин. К Азиму приходили узнать дорогу. Он же им объяснял, что не может выдать тайну и пытался отговорить от этой затеи каждого, кто к нему приходил ради их же безопасности. Однако его никто не слушал и даже осуждал за жадность и скрытность. Эти люди были твёрдо намерены найти Чёрный рубин и некоторые из них также злились и возмущались отказом Азима. Несмотря на это, очень многие отправились за Чёрным рубином неведомо куда, как когда-то и сам Азим. До сих пор, никто не вернулся...

Азим посмотрел на Зилолу. Края его губ слегка приподнялись, нарисовав на его лице многозначительную, сдержанную улыбку. Он никогда не разговаривал с девушками и просто не знал, что ей ответить. Он хотел лишь смотреть на неё и упиваться её красотой, как он и делал во время их коротких свиданий.

– Только рядом с вами, моя госпожа, я по-настоящему чувствую себя живым, – наконец, проговорил он, заставив Зилолу слегка покраснеть.

– Я так хочу узнать всё о вас, мой дорогой муж, – прошептала она.

На этот раз Азим улыбнулся чуть пошире.

– Я с радостью отвечу на все ваши вопросы, – заверил Азим и на мгновение опустил в сторону задумчивый взгляд. – Кроме тех, что касаются Чёрного рубина, – добавил он, снова посмотрев на жену.

Да, теперь она его жена. Он добился своей цели, но верилось в это до сих пор с трудом. После очередных поклонов Азим смерил взглядом Зилолу и сказал это вслух.

– Мне всё ещё не верится, что это правда.

Он нежно взял её за руку, и Зилола слегка ущипнула его за ладонь. Посмотрев на её тёплую улыбку, Азим убедился, что это не сон.

Пока молодожёны стояли и время от времени обменивались словами, гости уже практически опустошили дастархан. Сытые и довольные, они начали интуитивно искать обо что облокотиться или откинуться, расслабленно вздохнуть и послушать приятную музыку, наблюдая за танцами. Заметив это, султан поднял правую руку, и музыканты с танцорами тотчас прекратили своё выступление.

– Дорогие гости, настала пора проводить молодожёнов в банкетный зал, где нас ждёт продолжение торжества и выступление лучших певцов Ахоруна, – объявил Бузург.

Он спустился с трона и приглашающим жестом указал гостям на выход к лестницам. Большинство гостей направи-

лось к этим выходам, а некоторые остались. Женщины подошли к Зилоле и увели её через дверь, по которой её сюда сопровождали танцоры.

– *«Куда её повели?»* – Азим остался один и в недоумении.

– Скоро ты её снова увидишь, – заверил его султан Бузург. – Пойдём.

Бузург положил руку за плечо Азиму и повёл его к выходу, противоположному, по которому юноша вместе с танцовщицами вошёл в тронный зал. Ближе к выходу султан доверил Азима Комилу и другим мужчинам, ставшим свидетелями, и направился в другую сторону. Это были те самые благородные и высокопоставленные мужи. Из них Азим узнал султана Аброра, его сына, который был в жёлтом шёлковом халате с пурпурным павлином на спине, и мэра Фалида, в алых шелках. Правда, Мунир ибн Нодир ворча покинул тронный зал наряду с другими гостями, за ним последовал и Расим.

– Идёмте, молодой человек. Мы проводим вас к вашей жене, – сказал султан Аброра, указывая на дверь. На нём была синяя шёлковая мантия с бархатным золотым павлином на спине и синяя высокая чалма с сапфиром на голове.

Он и его сын прошли первыми. Азим и остальные были за ними. Всего их было двенадцать вместе с юношей. Комил шёл бок о бок с ним.

– Брак – это важный этап в жизни любого человека, – начал Амид ибн Амин. – Настоящий брак заключается один раз и длится всю жизнь. Для этого, как сказал султан Бузург

ибн Махмуд, между супругами должно быть взаимоуважение и взаимопонимание.

– Однако от действий и решений мужа будет зависеть каким крепким станет брак, – подхватил глава Эрода сзади. Он был в белой длинной рубашке с бирюзовой узорчатой тесьмой по краям. Его узкие шаровары и тонкая безрукавка также были бирюзовыми, прошитые белыми, зелёными и голубыми растительными узорами.

Султан Аброра согласно кивнул и продолжил:

– Относись к своей жене так, как относишься к своей матери, ибо однажды, по воле Всевышнего, она тоже станет матерью, матерью твоих детей.

– Между невестками и свекровьями нередко возникают споры. Не нужно сломя голову становиться на сторону матери. Как бы сильно мы не любили своих матерей, к сожалению, бывает так, что они могут наговаривать на наших жён. Это может происходить из-за ревности, либо без какой-либо на то причины. В любом случае следует также выслушать свою жену. И на чьей стороне ни была бы правда, мужчина должен быть благоразумным и уметь примирить обеих, – добавил пожилой мэр Фалида.

– Не важно с кем произошла ссора, никогда не смей поднимать руку на свою жену, – настаивал малик Каарта.

– Мужчина, поднявший руку на жену, в тот же миг теряет своё достоинство и право называться мужчиной, – добавил глава Сирода. У него было одинаковое одеяние с главой

Эрода, помимо цвета – его одеяния были пепельно-серыми.

– Будь сдержанным, но не мягкотелым, – подхватил кто-то со странным выговором. – Иди на уступки, когда можно, но и умей отстаивать своё мнение, когда нужно, – это был невысокий малик Нарруза, который с трудом выговаривал «в».

– Женщины хотят быть сильными, но в глубине души они хотят быть рядом с сильным мужчиной, который будет их поддерживать, – снова заговорил Амид ибн Амин.

– Я бы сказал, женщины намного сильнее мужчины, – встрял мэр Фалида. – Всевышний одарил их способностью вынашивать и рожать наших детей. Одно только это стоит бескрайнего уважения к женщинам.

– Женщины продолжают наш род, – заявил наиб Чехры. – Без них...

– Без них мы всего лишь куски висячего мяса, – ляпнул сын Амида, и его нелепая шутка рассмешила всех.

– Кстати, об этом, – с намёком подхватил сам Амид. – Вас ещё не скоро оставят наедине. Но, когда это произойдёт, не дави на неё. Пускай она привыкнет к твоему обществу. Вам ещё надоест заниматься этим. Только в первую ночь не запрыгивай на неё как нетерпеливый кобель. Первая ночь должна быть особенной для вас обоих. Зачастую, от этого зависит ваши дальнейшие отношения. Твоё мимолётное удовольствие в первую ночь будет стоять ей нестерпимую боль. Потому, позволь ей довериться тебе, и тогда вся твоя жизнь

будет одним удовольствием.

Они неспешно спускались по ступеням и вскоре дошли до банкетного зала этажом ниже. Всё это время Азим держал руку у сердца и почтительно кивал каждому наставлению.

Перед входом в банкетный зал султан Аброра держал последние слова.

– Эти наставления давали нам наши отцы, а им их отцы, и так, от поколения к поколению. Я хочу тебе сказать ещё об одном. У жены перед своим мужем много обязательств, но у мужа их гораздо больше. Не забывай об этом. Поздравляю со свадьбой, Азим ибн Аъзам.

Султан Аброра подвёл руку к сердцу и слегка склонил перед Азимом голову и вошёл в банкетный зал. Остальные сделали то же самое и снова оставили Азима одного в проёме. Комил тоже ушёл вместе с благородной знатью, ибо этого требовали правила. Правда один свидетель остался. Им оказался малик Каарта. На нём был необычный короткий халат тёмно-серого цвета с причудливым, едва заметным узором и чёрными краями поверх серого с чёрным шёлкового кафтана с овальным вырезом. У него на шее висела широкая серебряная цепочка с кулоном в виде надписи. Он был одного роста с Азимом и с восхищением смотрел прямо в глаза юноше.

– Смелее, заходите, – с улыбкой он пригласил Азима войти в зал. – Признаюсь, я позволил себе навести о вас справки. Не знаю, говорили вам это, но вы весьма удивительный

молодой человек.

Да, Азим уже слышал эти слова в свой адрес, но он молча, благодарно кивнул малику Каарта.

– Вам позволили выбрать себе жену – беспрецедентно! – продолжал малик Каарта. – Вы выиграли в Бузкаши, приняв в нём участие в первый раз – невероятно! Вы нашли то, в существование чего до сих пор никто не верил. А теперь вы женитесь на единственной и прекрасной дочери султана Ахоруна... Безусловно, Всевышний очень любит вас. Я уверен, вас ждёт великое будущее, Азим ибн Аъзам, – он шагнул в сторону и посмотрел на противоположный вход, где стояла Зилола. – Она ждёт вас, – мягко проговорил он. – Так идите же к ней, – улыбнувшись, малик Каарта с искренним почтением поклонился перед Азимом и ушёл.

В длину банкетный зал был в два раза меньше тронного зала и немного уступал в ширину. Всё потому, что три стены этого зала занимали широкие альковы с арками (по семь на каждой стене). В этих альковах с бежевыми сетчатыми занавесками стояли топчаны, рассчитанные на пятнадцать человек. На них были накрыты дастарханы с фруктами на хрустальной посуде и вино в медных кувшинах.

Потолки над топчанами в этих альковах имеют двойное углубление с разукрашенной резьбой. Верхний край альковов перед занавесками обрамлён решёткой в виде полумесяца. Ажурные узоры этой решётки изображали полумесяц со звёздами и грозди винограда. Между альковами, в про-

межутке трёх газов, были другие альковы с тройной аркой. В некоторых из них скрывались двери для слуг, по которым они попадали в коридоры и боковые кухни. В пятнадцати шагах напротив этих альков стояли резные колонны. У западной стены, между колоннами были вставлены ажурные решётки, а посередине, перед колоннами собрались музыканты и двое певцов в одинаковых белых нарядах с расширенными зелёными узорами.

Банкетный зал был на три газа выше тронного зала. Окна были лишь в арочных альковах и были забраны решётками. Стены украшены различной, причудливой резьбой, окрашенных светлыми тонами коричневого цвета. Ближе к потолку стена плавно переходит в объёмные фигуры звёзд со множеством ромбовидных концов. Некоторые звёзды были обрамлены белыми контурами. В середине ромбов были синие глазки с белыми, либо оранжевыми точками. Сами звёзды были окрашены в два или три уровня коричнево-зелёным, коричнево-янтарным и просто коричневыми цветами.

Банкетный зал освещали аромолампы, висящие вокруг свободных колонн, на высоте трёх и пяти газов. Красно-коричневый цвет колонн слегка приглушал свет ламп и придавал залу интимную обстановку. В самих альковах, на потолках тоже висели люстры со свечами.

По сути, в этом зале можно было разместить всех гостей на топчанах. Однако со времён Зелёной хвори эта была первая свадьба во дворце. Потому было решено провести пир

и бракосочетание в тронном зале, под куполами, возведёнными при самом Бузурге ибн Махмуде. Однако в банкетный зал спустились не все гости. На дворе уже стояла тёмная ночь, хоть и ранняя, но местные гости разошлись по домам. Остались только члены правящей знати из числа местных чиновников и приезжих знатных гостей. Для них были отведены свои места в альковах с топчанами и слуги, стоявшие в нескольких шагах от колонн, указывали на соответствующие места. Как только гости расселись, заиграла нежная свадебная музыка, а слуги удалились в арочные альковы.

Азим всё стоял у двери и замороженно смотрел на Зилолу. Она сменила свой наряд на бежево-розовое платье с серебряной растительной вышивкой по бокам, спускавшихся с талии к бёдрам с тонкими ответвлениями, тянущимися под пупок, но не встречающихся в желанном месте. У неё на голове была плоская тубетейка под цвет платья с окрашенными перьями сбоку. Две пряди обрамляли её лицо, придавая ей овальную форму. Остальные волосы свободно ниспадали ей за спину, кроме трёх пар тонких прядей. Они были собраны над водопадом волос в виде тройной цепочки, пронизанных золотыми кольцами. На её шее висела настоящая тройная цепочка из сапфиров и аквамарин.

Зилола стояла в окружении женщин, половина которых – почетного возраста. Она была смущена до красноты. Видимо, старушки давали ей наставления, от которых ей стало стыдно. Они озорно подглядывали на Азима и снова что-то

шептали Зилоле, отчего она краснела ещё больше.

С началом музыки Азим сделал шаг навстречу жене. Заметив это, женщины отступили и Зилола тоже пошла в сторону мужа. Азим не отрывал от неё глаз. Зилола же робко подглядывала на него исподлобья. Встретившись посередине зала, она трижды поклонилась мужу, прижав правую руку к сердцу.

– Снова приветствую вас, моя госпожа, – Азим тоже представил руку к сердцу и с почтением склонил перед ней голову. – Это платье вам очень идёт, – улыбнулся он.

Взяв Зилолу за руку, Азим повёл её к специально возведённому для них двухступенчатому помосту, на котором был постелен мягкий белый ковёр с бежевыми узорами, стоял стол с богато накрытым дастарханом. Позади изящных, резных белых стульев с мягкой бархатной обивкой стояла высокая арка из пышных роз. Молодожёны прошли за стол и Зилола снова трижды коротко поклонилась в уважение к гостям, которые уже начали распивать вино. После короткой паузы она трижды коротко поклонилась в приветствие музыкантам.

В банкетный зал вошёл султан Бузург ибн Махмуд. Он тоже сменил белые одеяния на светло-голубые и поменял пышную белую чалму с золотым шнурками на более скромную светло-голубую чалму с тремя бриллиантами. По его короткому взгляду музыканты перестали играть.

– Поздравляю со свадьбой, дети мои! Сегодня для вас бу-

дут играть только лучшие музыканты и петь лучшие певцы со всего Ахоруна! – громко и радостно провозгласил Бузург после того, как дочь и ему трижды поклонилась.

Зилола при этом не переставала удивляться своему отцу. Она никогда не видела такую широкую улыбку на лице отца... Она вообще ни разу не видела на его лице никакой улыбки. Его словно подменили. Возможно, это было к лучшему. Широкая улыбка отца перешла к дочери.

Бузург жестом позволил молодожёнам сесть за стол. Ох, как же они оба проголодались, но есть они стеснялись.

Музыка снова заиграла. Первые три песни были посвящены любви, исполненные на минорной ноте. Затем певцы одну за другим исполнили танцевальные и весёлые песни. Между куплетами они приглашали гостей на танец, те соизволили спуститься с топчанов лишь со второй танцевальной песни, и то не все. Однако песня за песней площадка перед музыкантами наполнялась людьми.

В перерывах между песнями, а кто и во время пения, гости подходили к столу молодожёнов и сердечно поздравляли их со свадьбой. Искренними были даже те, кто ещё недавно косо смотрел на Азима на площади. Их зависть растворилась в вине, которое они влили в себя в большом количестве. Зилола, как и подобает невесте, трижды коротко кланялась каждому поздравляющему гостю. Азим же пожимал руки и повторял одно и то же слово: «спасибо».

Один из гостей с небольшим усилием спустился с ближай-

шего к Азиму алькова слева. Нетвёрдо стоя на ногах, он вручил подошедшему слуге пустой кувшин. Это был один из местных визирей. Он велел принести ещё вина. Краем уха Азим услышал, как тот велел слуге: *«Беги за вином»*.

– *«Беги»*, – повторил про себя Азим. – *«Если услышишь сладкозвучное пение, молящее о помощи, беги»*, – вспомнил он последние слова Рудобы. Зачем она их сказала? Если кто-то нуждается в помощи, разве не нужно оказать помощь? Это дэв? Азим хотел тогда уточнить у Рудобы, что она имела в виду, но после своего предупреждения она скрылась в своей пещере. Он больше не слышал её голоса в своей голове, когда собирал камни с драгоценными самоцветами.

Однако по дороге назад в Корявый лес, Азим не слышал ничего кроме урчания своего желудка и, вернувшись, забыл об этом предупреждении. Теперь же эти слова снова возбудили в нём некую тревогу. Зилола что-то негромко спросила у него, но её слова пролетели мимо его ушей. В его голове сейчас звучали другие слова Рудобы. Азим странным взглядом посмотрел на зал, где большая часть гостей продолжала танцевать в такт музыке. Хотя пьяным танцорам это удавалось с трудом. Среди них Азим взглядом отыскивал султана Бузурга. Он снова казался хмурым и слегка озлобленным, хоть и пытался скрыть свои эмоции за улыбкой. Приняв поздравления, султан изображал улыбку и переходил к другому алькову. Видимо, он кого-то искал. В следующее мгновение султан снова оказался среди танцующих гостей. Его туда

дружески затащил султан Аброра. Бузург станцевал с ним до конца текущей песни, но его глаза продолжали бегло кого-то искать.

Музыка стихла. Эта была последняя песня этого дуэта. Певцы ещё раз поздравили молодожён со свадьбой и, поклонившись султану Ахоруна, поднялись на топчан в одном из альковов слева от Азима. Музыканты отдохнули десять минут, смочили горло, и вскоре из того же алькова к ним вышла всеми любимая певица в Ахоруне.

Шабнам встала на место предыдущего дуэта и начала с поздравления молодожён, но Азим продолжал следить за султаном. Закончив с поздравлениями, Шабнам начала петь трогательную песню, но всё внимание Азима было приковано к тестю. Вдруг он заметил, что Бузург грубо схватил какую-то молодую женщину и силой завёл её в тёмный арочный альков. Кто она? Это её он искал?

Первая песня Шабнам, как первая песня того дуэта была на минорной ноте. Она пела о том, как затерялась в любви – это была любимая песня Зилолы. Не глядя на Азима, она спросила у него какая его любимая песня. Однако Азим снова не ответил. Он был потерян в собственных тревожных мыслях.

– *«Если султан окажется колдуном, как мне остановить его?»*

Зилоле не понравилось, что Азим снова не ответил ей. Её возмутило то, что он уже начал игнорировать её, как это де-

лал её отец почти всю её жизнь. Что эти наставники наговорили ему, когда они спускались в банкетный зал? Зилола склонила голову ниже, чтобы скрыть своё негодование от гостей, и в таком положении посмотрела на мужа. В своё удивление она заметила, что Азим задумчиво насуспен и омрачен. Он был глубоко озадачен и ей хотелось знать чем?

Зилола нежно взяла его за руку и спросила:

– Вас что-то тревожит, Азим? Вы кажетесь обеспокоенным.

Азим ощутил тёплое касание возлюбленной и это вызвало его из запутанного лабиринта раздумий. Он посмотрел жене в глаза и слегка улыбнулся в своей сдержанной манере. В его глазах всё ещё тлела искра тревоги. Азим переплёл свою руку с рукой жены и тихо сказал ей:

– Это не имеет значения, если вы рядом со мной.

– Позвольте и мне поздравить молодожёнов, – к ним подошёл не в меру упитанный молодой мужчина, когда они снова хотели сесть. Это был Мунир ибн Нодир. Его сопровождал молодой слуга, на вид ровесник Азима и кроме роста не уступал ему своим телосложением. Однако рядом со своим господином в пурпурном шёлке с жёлтыми краями казался зубочисткой. Слуга открыл деревянную шкатулку с резьбой, которую бережно нёс на руках. Из неё Мунир достал золотую двойную цепочку. Эта была искусная работа лучшего ювелира Расулабада, выполненного под заказ Расима. На первом уровне цепочки свисали подвески из янтаря, обрамлённые

золотым контуром, на втором – подвески из янтарного бисера. Зилола трижды поклонилась ему и Мунир вручил ей подарок. – Прошу принять от моего имени и всего Зебистана это скромное украшение. Воистину, вы прекрасны, сестра моя. Я рад, что рядом с вами стоит юноша, который совершил невозможное ради этого места, – эти слова были произнесены с нотой зависти. – Как сказал ваш мудрый отец, пусть ваш союз будет... плодотворным, – кашлянув, Мунир склонил голову перед султанзаде и перевёл свой изумлённый взгляд на Азима. – Вы, молодой человек, удивили весь мир, – Мунир обеими руками взял Азима за правую руку. – Вы нашли то, чего не существовало, – в его голосе было слышно искреннее восхищение, помимо былой зависти. – И назвать вас после такого подвига зятем было бы оскорбительным.

Мунир взял паузу, чтобы перевести дыхание и избавиться от очередной нападки назойливого кашля. Прочистив горло и погладив сердце, он посмотрел на недоумевающего Азима и Зилолу и продолжил:

– Поздравляю со свадьбой, брат мой.

Мунир приставил руку к сердцу и почтительно склонил перед Азимом голову. Тот был удивлён и всё ещё пребывал в недоумении. Однако он поблагодарил Мунира и, тоже прижав руку к сердцу, склонил перед ним голову.

– Теперь, прошу простить меня, – трижды откашлявшись, сказал Мунир. – Находиться в вашем прекрасном обществе очень отраднo, но моё слабое сердце уже утомилось. Я мно-

го танцевал! – улыбнулся он, как гордое надменное дитя. – Теперь, мне нужно отдохнуть... Поздравляю со свадьбой, – подавив кашель, сказал Мунир.

Он коротко поклонился молодожёнам и, снова кашлянув, направился к выходу, упёршись на бедную зубочистку.

– Почему он назвал вас сестрой? – поинтересовался Азим.

– Вы постепенно обо всём узнаете, вступив в полные права моего мужа, – Зилола покраснела от своих же слов, и застенчиво опустила взгляд.

Азим же насупился с кривым полураскрытым ртом в недопонимании.

Что за дурень?

* * *

«Жизнь – это своего рода базар, где люди – это товар, и у каждого товара есть свой покупатель, а у каждого покупателя своя мера потребления. Подобные сделки между людьми называются брачным союзом. Если сделка не удалась, то жизнь потрачена зря... Как и моя.»

Ардвисура

Топчан в алькове располагался на высоте две трети газа на резных ножках. Он был устлан сине-зелёным ковром с красным виноградным узором. Вдоль стен алькова были постелены мягкие хлопковые курпачи светло-коричневого цвета

с растительным узором. Посередине был накрыт дастархан с различными фруктами и тремя большими кувшинами вина.

– За молодых! – произнёс Мунир ибн Нодир и первым взялся за кувшин с вином.

Расим с лёгким презрением наблюдал за тем, как наследный шахзаде опустошил медный кувшин с пурпурными лепестками. До этого, в тронном зале, Мунир съел по две порции каждого блюда и, несмотря на предостережения Ниго-ры, буквально опустошил весь дастархан перед собой. Благо, посуда была не съедобной.

После выпитого вина Мунир откинулся на мягкую бархатную подушку с бахромой и, насупив свои короткие брови, с укором посмотрел на Расима.

– Это я должен сейчас стоять там, рядом с дочерью султана... Но вы и пальцем не шевельнули для этого, – Мунир коротко и осуждающе покачал головой.

Расим передумал разламывать большой жёлтый персик и с испорченным аппетитом положил его на место.

– *«Твой покойный брат хотя бы знал, что нужно делать с девушками. А ты? Ты бы и её, наверное, сожрал»*, – недовольно проговорил про себя Расим.

Всю дорогу до Ангурана Мунир сетовал и роптал на то, что Расим не выполнил его приказания и не нашёл Чёрный рубин. Он роптал даже во время пира, с завистью смотря на то, как султан Бузург проводит бракосочетание.

Мунир сидел во главе дастархана, Его очередная жалоба

вызвала осуждающие взгляды в сторону Расима от тех, кто сидел слева от Мунира, то есть наиба Шомабада, наиба Чехры и визиря внутренних дел, который в открытую нахмурил свои короткие, густые брови. Расима удивляло, что он был приглашён лично султаном Бузургом, тогда как других визирей и чиновников Зебистана Мунир ибн Нодир мог привезти с собой на своё усмотрение. Рядом с Орзу сидела Нигора, однако она не разделяла их осуждающих взглядов. Не будь Мунира рядом, никто бы из них не осмелился так глазеть на Расима.

Сам премьер-министр Зебистана сидел справа от Мунира. Рядом с ним сидел наиб Джоду, казначей Расулабада и личный слуга Мунира – его опора. Рядом со слугой стояла небольшая резная шкатулка, в которой лежал подарок для султанзаде.

Расим безучастно смотрел на резьбу по алебастру, которой были украшены стены алькова, чувствуя на себе тяжёлые взгляды осмелевших стервятников. Гостей из Зебистана было почти в два раза больше, но после свадебного пира, многие не пожелали остаться на продолжение банкета и ушли отдыхать. Однако, будь эти подхалимы здесь, безусловно, они тоже сверлили бы его порицающими взглядами, как они делали это всю дорогу. Тогда Расим жалел, что отправился вместе со свитой наследного шахзаде, а не своим привычным путём. Он даже не захватил свой коврик.

Высказав своё недовольство, Мунир перешёл к охоте. Он

начал хвалить свои достижения на этом поприще. И даже при этом сетовал на то, что в Ахоруне охота вышла скучной и скудной.

– Я очень хотел поймать какого-нибудь большерогого барана, – раздосадовано проговорил Мунир. – Я хотел повесить его рога в своих покоях. Вместо этого я подстрелил какую-то птицу и поймал жалкого кролика.

– Не волнуйтесь, мой господин, – подбодрил его Ахад⁴⁰, наиб Шомабада – пятидесяти восьмилетний мужчина с короткой, седеющей бородой и в синих шелках. Узоры его тонкого халата с короткими рукавами напоминали звёздное небо. – Вернувшись в Зебистан, я устрою для вас охоту на винторого сайгака, – обещал он.

– *«Хочешь подбодрить его?»* – ухмыльнулся про себя Расим. – *«Мунир хотел узнать ваши тайны. Так почему бы вам не раскрыть свою? Вот он обрадуется-то!»* – он с украдкой смерил наиба Шомабада и Орзу ответным насупленным взглядом и всё же взял тот жёлтый персик.

– Но кугу большая редкость в ваших краях, – усомнился наиб Джоду.

– Вот именно! – подняв палец, согласился Ахад. – Охота на кугу займет несколько дней, а то и недель, – обратился он к Муниру. – Повалить это животное отнюдь не лёгкая задача, – предупредил он, возбудив интерес в глазах Мунира. – Однако это стоит того. Рога кугу куда красивее какого-то ба-

---

⁴⁰ Ахад произносится с горганной «х».

рана, – ухмыльнулся он.

– Я застрелю его первой же стрелой! – самоуверенно предсказал Мунир.

– Стрела – это слишком быстро и не азартно, мой господин, – с задором в глазах возразил старый наиб.

Мунир согласно покивал, уже предвкушая эту охоту.

– Мы загоним его в тесное кольцо и, чтобы убить его, я... – горячо предсказывал Мунир.

Подхалимы внимательно слушали его. Расим же, уставший от чванства и бахвальства Мунира, неучтиво прервал его.

– Скажите, мой господин, вам понравилась сама охота... – он выждал паузу, – или убивать во время охоты? – он вперил в Мунира долгий испытующий взгляд.

Мунир косо посмотрел на Расима. В его безмятежном взгляде горела лёгкая усмешка. Обменявшись некоторое мгновение взаимным презирающим и вызывающим взглядом, Мунир чванливо снизошёл на ответ Расиму, словно учитель ученику, задавший глупый и неуместный вопрос:

– Удел животных – быть съеденными человеком. Для этого они и созданы. Для этого мы и охотимся на них. Будучи в моём возрасте, отец тоже любил охотиться, – Мунир повернулся к наibu Шомабада с видом, будто Расима здесь больше нет. – Отец часто рассказывал нам с братом, как он охотился в лесу Мобаён...

– Но светлый господин никогда не хвастался об этом, –

возразил Расим.

К раздражению Мунира Расим всё ещё был здесь.

– Возможно, у нас разные взгляды на это, – холодно парировал Мунир, посмотрев на него.

– *«У вас разные взгляды, потому что у вас буквально нет ничего общего, свинья, ты, надменная»*, – процедил про себя Расим, когда Орзу заметил следующее:

– Светлый падишах не охотился на больших зверей.

– У моего отца не было такого крепкого телосложения, как у меня. Иначе, я уверен, он бы тоже хвастался застреленным оленем, – заявил Мунир.

– *«Если эта жирная туша считает себя хорошо сложенным, то Фозилу пора переосмыслить образ жизни»*, – Расим отвернулся, чтобы скрыть своё отвращение самолюбием Мунира, тогда как остальные лоботрясы в полном согласии кивали.

– Светлый падишах как-то раз охотился на медведя, – при этом поправил старый казначей, глядя на Орзу. – Его шкуру ваш отец подарил своей будущей жене, вашей матери, мой господин, – обратился он к Муниру.

– Моя покойная мать не рассказывала об этом, – задумчиво проговорил Мунир, глядя в глаза казначею.

– *«Никакая она не покойная»*, – фыркнул про себя Расим, снова огрев взглядом наиба Шомабада и Орзу, на которых также посмотрел растерянный Сомон.

– Уф-ф, – томно протянул Мунир, закатив глаза. – Меня

утомили эти разговоры. Оглянитесь! – он кивнул в сторону зала. – Они там танцуют, весело проводят время. Празднуют свадьбу... от души, – подчёркнуто заметил Мунир, подавив слабый приступ кашля. – А мы тут спорим ни о чём. Сидите и дальше, если хотите. А я, – Мунир бровью подал знак слуге, – присоединюсь к ним.

Мунир подал руку наибу Шомабада и с его помощью встал с места. Эта помощь стоила не малых усилий наибу, который несмотря на редкую седину, обладал настоящим хорошим телосложением. За ними встали и остальные. Мунир прошёл за спину наиба Шомабада и направился к краю топчана, которые слегка скрипел под его ногами.

– Мой нежный господин, – заботливо окликнула Нигора. – Не переусердствуйте. Танцы – непозволительная роскошь для вашего сердца.

Мунир повернулся к ведьме и, склонив голову набок, мило улыбнулся ей.

– Я не волнуюсь о своём здоровье, когда о нём заботитесь вы, моя дорогуша, – Мунир благодарно и одновременно снисходительно погладил Нигору по щеке и сел, свесив ноги с края топчана. – К тому же, я заметил, что в тронном зале султан Бузург ибн Махмуд зло посматривал на вас. Я хочу переговорить с ним и убедить, что ваша ведьмовская особа не имеет никаких злых намерений в своём визите, – Мунир подал руку слуге и спустился с топчана, который скрипнул с облегчением.

– Это так мило с вашей стороны. Я очень вам признательна, мой нежный господин, – Нигора с почтением приставила руку к сердцу и благодарно склонила голову.

– На то и господа, чтобы заботиться о своих подданных, дабы те, в свою очередь, служили нам, – Мунир указал на себя.

– Вы будете великим падишахом, мой нежный господин, – уверенно улыбнулась ведьма.

Снова склонив голову набок и глядя на Нигору, Мунир подвёл руку сначала к сердцу, затем указал наверх.

– На всё воля Всевышнего, – с улыбкой проговорил он и направился танцевать.

Расим сел на место первым, затем сели и остальные.

– Господин премьер-министр, вы читаете много разных книг, и ни в одной из них не нашли упоминаний о Чёрном рубине? – с упрёком заметил Орзу.

– *«О, я нашёл упоминания о нём, но меня заинтересовало другое»*, – язвительно проговорил про себя Расим, а вслух, не глядя на Орзу, равнодушно ответил:

– Я не читаю сказки.

Расим взял ещё один жёлтый персик, разломал, вытащил косточку и положил в рот одну половину персика.

– Видимо, эта сказка оказалась правдой, – не унимался Орзу.

Расим безразлично пожал плечами и съел другую половину персика.

– Если бы вы потрудились выполнить пожелание господина Мунира, то сейчас именно он стоял бы на месте того юноши. Женившись на дочери султана, мы бы могли созвать совет визирей и объявить Мунира ибн Нодира падишахом Зебистана. Его отец уже не поправится... И это было бы лучшим решением, – тон Орзу требовал, чтобы Расим посмотрел на него.

– *«Так вот, в чём заключается твой план, грязный блудник?»* – Расим вперил на Орзу долгий, испытующий взгляд, а вслух спросил другое:

– Ваша вера в падишаха Нодира уже иссякла?

Орзу хотел было что-то ответить, но Расим не дал ему раскрыть рот.

– Раз уж вы так хотели женить господина на-шахзаде на Зилоле, почему же сами не нашли Чёрный рубин? – с вызовом спросил Расим, огрев всех взглядом.

Визирь внутренних дел Зебистана потупился и замедлил с ответом.

– Как найти то, в существование чего до сих пор почти никто не верил? – Расим обратился ко всем. – Только не говорите «в моих книгах», – Расим был раздражён, но эти слова он произнёс совершенно спокойно и бесстрастно.

– Где же тогда его нашёл этот юноша? – негодовал Орзу.

– Пойдите и спросите у него самого, – ответил Расим и взял ещё один персик. Из-за Чёрной напасти такой вид персиков – нектаринов стал большой редкостью в Зебистане. Ра-

симу с детства нравились такие персики. Потому, сейчас он хотел есть и наслаждаться ими, а не выслушивать очередное недовольство лоботрясов.

– Я узнал, что многие обращались к этому юноше, но ни одному из них он не рассказал, где или как он нашёл Чёрный рубин, – сообщил Сомон.

– Возможно, у него на то есть свои причины, – предположил Расим. – *«И я догадываюсь какие»*, – договорил он про себя.

– Признаюсь, я и сам хотел узнать, но его отец сказал мне, что Азим обещал кому-то не выдавать тайну, – поведал казначей и, покачав головой, выпил вина.

Расим удивлённо посмотрел на Сомона. Его слова словно бы подтвердили его предположение – раз Азим обещал не выдавать тайну, значит у Чёрного рубина всё же есть хранитель, о котором упоминалось в одном из примечаний, согласно которому этот хранитель не человек. Если это действительно так, одна из его упрямых задач будет наконец-то решена. Нужно лишь выяснить эту тайну. К счастью для него самого, Расим знал, как это сделать.

– Прошу, простить меня, – Расим вытер губы и оглядел каждого, задержав решительный взгляд на Нигоре. Он встал и, когда остальные хотели встать вслед из-за уважения к его высокому чину, положил руку на плечо казначею. – Прошу, не вставайте, – вежливо сказал он. – Я хочу немного пройтись. Возможно, немного и потанцевать, – последние слова

были ложью.

Их альков располагался посередине западной стены. Расим спустился с топчана и подошёл к ажурной решётке. По ту сторону решетки дуэт певцов был практически окружён чуть ли не всеми гостями, оставшимися на банкет. Это никак не мешало им исполнять свои песни. В перерывах между куплетами они даже подзадоривали гостей не стесняться в своих движениях.

– *«Лучшие бы позвали танцоров»*, – с презрением подумал Расим, глядя на то, как султан Бузург, султан Амид и наследный шахзаде Мунир танцуют вместе в окружении остальных гостей.

Ухмыльнувшись, Расим отвернулся назад и посмотрел на свой альков, чиновники Зебистана тотчас отвели от него свои заговорщические взгляды. Они что-то ропотом обсуждали за его спиной и только Нигора не участвовала в этом или, по крайней мере, делала такой безучастный вид. Заметив на себе взгляд Расима, она о чём-то задумалась и короткими глотками выпила вино.

Расим хмыкнул и отошёл в сторону. Пусть шепчутся за его спиной, ему было абсолютно наплевать на это. Он встал у другой ажурной решётки, напротив пустого алькова. Его внимание теперь было обращено на то, как молодожёны принимали поздравления от гостей. Он тоже подойдёт к ним и поздравит, но не сейчас. Нужно дождаться подходящего часа и осуществить задуманное...

– Среди всех этих гостей ты больше всех хотел оказаться на месте того юноши, – тихо подкравшись к нему, сказала Нигора.

Не оборачиваясь на ведьму, Расим скривил губы в ухмылке. Будучи её учеником, Расим не раз заверял Нигору, что однажды он достигнет небывалых для простолюдина высот и даже займет трон. Зилола ещё не родилась тогда на свет, но Расим разрабатывал несколько планов для достижения своей цели. И теперь, когда один из его планов провалился в пропасть, Расим с ревностью смотрел сквозь решётку на Азима.

– А ты до сих пор мечтаешь оказаться рядом с ним, не так ли? – Расим косо кивнул в сторону султана Бузурга и с язвительной усмешкой повернулся к ведьме.

Этот вопрос не нуждался в ответе. Расим был прав. Нигора же смущённо отвела взгляд и сквозь решётку посмотрела на Бузурга. Широкая улыбка на лице султана Ахоруна напомнила ей об их былых запретных отношениях. Её сердце заколотилось в груди, и она невольно прикусила губу, вспомнив как Бузург к ним прикасался.

Видя это, Расим тихо хмыкнул, словно себе в подтверждение. Он не мог объяснить почему, но его ревность к Нигоре и Бузургу куда-то исчезла. Возможно, оно и к лучшему.

Нигора всё же услышала, как Расим тихо хмыкнул, и пронзительно посмотрела на него.

– Неужели ты рассчитывал, что он выдаст свою дочь за тебя? – спросила Нигора.

Расим сердито нахмурился и отвернулся, обратив свой палящий взор на Азима.

– Я не рассчитывал, что он выдаст Зилолу за этого... никто, – с презрением проговорил Расим.

– Теперь, когда желанный цветок сорван, что ты намерен делать? Ты ведь так давно мечтал о троне.

Расим раздосадовано опустил взгляд в сторону. Его план не удался, как бы он ни старался его осуществить. Однако это не повод опускать руки, ведь как говорил его отец: *«Чтобы достичь одной цели, нужно иметь пять средств»*. Расим слегка склонил голову набок и посмотрел на Нигору коварным и уверенным взглядом.

– Чтобы развести красивый сад, нужно поливать все цветы, а не тот, который нравится больше всех, – поучительно проговорил он. – Я слишком часто приезжал в Ангуран. Из этого тебе было несложно сделать вывод о моих намерениях, но ты не уловила всей сути, – Расим повернулся к Нигоре спиной и снова посмотрел на неё через плечо с лёгкой, надменной улыбкой. – Пусть этот мой замысел не удался, – он перевёл взгляд на молодожёнов, – но я не был бы сыном своего отца, будь у меня всего одно средство для достижения цели.

– Что ты задумал? – с опаской спросил Нигора.

– Этот юноша не унаследует трон, – ответил Расим.

– Трон может унаследовать его сын, – уверенно сказала ведьма.

– Если он родится, – бесстрастно возразил Расим.

Нигора подалась вперёд, чтобы посмотреть в глаза Расиму, но тот отвернулся. Это вызвало в неё ещё большее подозрение и некую тревогу.

– Что ты задумал, Расим? – снова спросила Нигора.

Расим, не глядя на ведьму, злорадно улыбнулся и сделал шаг от Нигоры. С тем же поучительным тоном, в котором Нигора слышала зловещий посыл, Расим негромко проговорил:

– Одни троны наследуются, другие завоёвываются... Так почему бы им не быть одним?

Выждав паузу, спросил Расим и исчез в алькове для слуг, оставив Нигору в оцепенении.

– *«Нет, это не он»*, – думала она, застыв на месте. – *«Это не может быть он»*, – уверяла она себя. Невольно перед её взором вспыхнуло зелёное пламя – зловещее видение, которое пришло к ней семнадцать лет назад в темнице Арружа. – *«Нужно срочно найти и поговорить с Бузургом ибн Махмудом»*.

Нигора тряхнула головой и отбросила потрясение, вызванное словами Расима. Она заняла его место за ажурной решёткой и украдкой смотрела на молодожёнов. Какая-то её часть, где-то глубоко в душе, завидовала им. Когда-то и она так хотела – мечтала выйти замуж, надеть самое роскошное свадебное, атласное платье бледно-золотого цвета. Она также хотела краснеть среди взрослых женщин, поющих пес-

ни, в которых хитро намекается на предстоящую брачную ночь. Хотела, чтобы её жених совершил ради неё отважный подвиг, невысказанное приключение. Хотела... Но, когда это было, она сама уже не помнила. И чего бы она не хотела, всё это получила Зилола.

Нигора коротко вздохнула с тоской на душе. В это время певцы спели последнюю свою песню. Музыка стихла, и музыканты подошли к ажурной решётке со своей стороны, где для них был накрыт стол с угощениями и напитками. Певцы же направились к алькову, где своей очереди выступления дожидались другие певцы и певицы. Нигора последовала за ними с этой стороны решётки и замерла у последней колонны. Вытянув шею, она осторожно выглядывала из-за колонны.

– «Где же он?» – взглядом она искала Бузурга. – «Ах, вот он».

Увидев Бузурга среди расходившихся по своим местам гостей, дыхание Нигоры застыло, а сердце вновь заколотилось в бешеном ритме, как в их «первый раз». Казалось, её сердце вот-вот вырвется из груди и полетит... Неужели к нему? Её лицо наполнилось краской. По телу в трепете пробежала дрожь. В животе запорхали бабочки. Что это с ней, не понимала Нигора? Ей же сто раз далеко от шестнадцати лет, чтобы прийти в такое смущение от одного только его вида.

В тронном зале, во время пира, она украдкой смотрела на Бузурга, и их взгляды встречались лишь на мгновение. Сей-

час же их взгляды встретились и не разлучались. Да, чувства остались, признала Нигора. Она никогда этого и не скрывала. Она до сих пор любит Бузурга ибн Махмуда, даже спустя столько лет. Интересно, любит ли ещё он её саму?

Сейчас она это узнает. Султан надвигался на неё, словно грозовая туча, готовая сверкать молниями. Время изменило его. Прибавила в нём мужскую зрелость. Широкие мощные плечи говорили о грубой силе. Возможно, он больше на такой нежный, как когда-то. Ох, как ей хотелось это узнать. Густая короткая борода и суровый взгляд говорили о его строгости и надменности.

– *«Куда же делась твоя широкая улыбка, любимый? Она ведь только что была на твоём лице»*, – Нигора почувствовала, как по её спине забегали мураши.

Бузург больше не тот молодой и амбициозный мэр Арружа, в которого она влюбилась, которому она отдала самое ценное – свою невинность. Теперь же Бузург был алчным и чёрствым правителем всего Ахоруна. С утратой жены он потерял и тягу к радости жизни и возмещал это непомерной жадностью. Ни у кого в мире нет столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько есть в его казне. Однако он желал всё больше и больше. Не зная куда деть излишнее богатство, он и возвёл этот тройной купол над дворцом. Даже этого было мало.

– *«Оно и к лучшему»*, – подумала Нигора. – *«Я бы подарила тебе целый мир, женись ты на мне после смерти своей»*

жены».

Нигора грустно и глубоко вздохнула. Возможно, зависть не так уж и глубоко сидит в ней.

Бузург стремительно подошёл к ней. Она шагнула навстречу и султан Ахоруна крепко схватил её за руку и бесцеремонно потащил её вглубь глухого арочного алькова, где их не увидят и не потревожат слуги. Бузург прижал Нигору в тёмном углу и крепко сжал за горло. Он опустил свою голову к её шее и вдохнул её сладкий аромат. Его мужская плоть затвердела, вспомнив былую близость. Если он сорвёт с неё платье и возьмёт её прямо в этом углу, Нигора даже не станет сопротивляться.

– Мне стоило тогда лишить тебя головы, – тихо процедил Бузург, подавляя искушение своей плоти.

Волчьим оскалом султан также подавлял в себе желание кусить её, снова ощутить, какая она нежная, желанная...

Нигора же тяжело вздыхала, но не от боли в сжатом горле. По мелкой дрожи её тела Бузург понял – она взмокла. Так и было. Нигора возжелала его, как только он коснулся её. У холодной стены она вождедела, чтобы Бузург согрел её как раньше. И плевать, что в зале полно людей. Она ослепит и оглушит всех, пожелай всё-таки султан сорвать с неё тонкое, красное бархатное платье. Она готова...

Чувствуя его горячее дыхание на своей шее, она с трудом простионала:

– Ты лишил меня головы, когда мы с тобой впервые...

– Что ты здесь делаешь, Арогин? – подчёркнуто процедил Бузург, с трудом сдерживая себя от желания сжать мочку её уха своими губами.

Нигора поняла, что Бузург тоже хочет её – она чувствовала это своим правым бедром и невольно прижала султана к себе.

– Я скучала по тебе, – шепнула она, с трудом глотая воздух.

Бузург отпустил её горло и плавным движением опустил руку на край её плеча. Нигора жадно вдохнула и посмотрела на него. Безусловно, они до сих пор любят друг друга – об этом говорил их недолгий встречный взгляд. Как бы сильно ни хотел Бузург ответить взаимностью, он не мог позволить их порочной связи возобновиться. Он отошёл от неё, чтобы подавить, к сожалению Нигоры, своё мужское возбуждение. Бузург отвёл от неё взгляд и с укором проговорил:

– Полагаю, в постели ты многое нашептала на ухо Муниру, раз он покровительствует тебе.

– После тебя у меня никого не было, – серьёзно ответила Нигора. – И потом, я не просила его защищать меня. Я пришла сюда не за этим.

– Говори, зачем пришла, – потребовал Бузург.

На самом деле султан знал, зачем, но в глубине души не хотел в это верить.

– Сбылось, – коротко заявила Нигора, подтвердив догадку султана.

От ответа Бузург хотел зло нахмуриться, но вместо этого изобразил недоумение.

– Моё предсказание о твоей дочери сбылось, – уточнила Нигора.

– Нет! – неожиданно тихо рявкнул Бузург. – Не желаю и слушать об этом, – он резко развернулся и хотел было уйти, но Нигора схватила его за руку и с неподдельной тревогой в голосе сказала:

– Прошу тебя, отнесись к этому серьёзно. Мне нужна твоя помощь. Грядёт нечто ужасное...

– Больше никаких предсказаний, – прервал её Бузург и вырвал свою руку.

– Расим, он...

Бузург был уже у выхода из тёмного алькова, когда Нигора попыталась снова заговорить.

– Меня не волнует этот лизоблюд, – султан остановился и через плечо раздражённо заявил ведьме. – Сегодня свадьба моей дочери. Потому, я благосклонен и добродушен. После свадьбы не злоупотребляй моим гостеприимством... – Бузург выждал паузу. Голос, пробудившийся у него внутри от возбуждения, кричал ему: «Вернись к ней! Крепко прижми к себе и вцепись в её нежные губы». Этот крик был умоляющим, но Бузург подавил его ради своей дочери... и ради Нисо. – Больше не появляйся в Ахоруне. Иначе, ты знаешь, что тебя ждёт, – категорично предупредил он и ушёл.

Нигора растеряно стояла посреди алькова, глядя в спину

любимого мужчины. Он скрылся за углом и, возможно, она никогда больше его не увидит. Вдруг она почувствовала, как холод пронизывает всё её тело. Она почувствовала себя одинокой среди множества гостей. Нигора хотела попросить о помощи, чтобы он поделился с ней кусочком Чёрного рубина. Она всецело полагала, что этот невиданный драгоценный камень поможет спастись от грядущего. Но её план не удался...

* * *

«Когда Зелёная хворь началась в Расулабаде, Расим ограничил доступ к падишаху Нодуру. Лишь его доверенным слугам было разрешено ухаживать за больным падишахом. Это навело врачей хранителей на подозрение».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Шабнам спела семь песен: три про любовь, в остальных она, как и предыдущий дуэт, призывала гостей к танцу, а в перерывах поздравляла молодожёнов.

Всё это время Азим не отрывал взгляд от того алькова, пока среди второй песни оттуда не вышел султан. Немного постояв в проёме, султан обернулся, что-то сказал и с угрюмым видом поспешно покинул зал.

Уход отца привел в замешательство и саму Зилолу. На вопрос Азима, куда ушёл султан, Зилола ответила лишь недо-

умённым взглядом.

Одну песню спустя из того алькова вышла та молодая и необычайно красивая женщина с длинными чёрными волосами. Она была подавлена и выглядела очень разочарованно. Понурившись, она прошла за ажурные решетки и поднялась на топчан в алькове посередине западной стены.

О чём они говорили? Почему султан покинул зал, переполненный злостью? И что могло так расстроить эту женщину?

Азим размышлял над этими вопросами, отстранённо принимая поздравления от других гостей.

Наконец, Шабнам спела свою последнюю песню. Немногие гости, которые снова вышли танцевать, возвращались в свои альковы. Музыканты в очередном перерыве подошли к своему столу, чтобы смочить горло и дать своим рукам отдохнуть. Азим проследил за ними и это снова привлекло его внимание к алькову посередине за ажурной решёткой. Та женщина спустилась с топчана и быстрым шагом направилась к выходу справа.

Азим внимательно проследил за ней. Она казалась ещё больше расстроенной и даже украдкой вытерла слезу. У этой женщины были странные косы на голове. Азим ещё ни разу не видел таких. Они были сплетены в виде колец с поперечной линией на макушке головы, на спине, а кольца поменьше свисали к плечам и за спину. Эта женщина со слезами в глазах вышла из зала.

– Кто она? – спросил Азим.

– Ведьма, – тихо процедила Зилола.

Азим удивлённо посмотрел на свою жену. Её слова прозвучали с неподдельным презрением, а её глаза горели негодованием.

– Что она здесь делала?

– Она была в свите Мунира ибн Нодира, того упитанного молодого человека, который назвал меня сестрой, – пояснила Зилола.

Азим понимающе покивал, хотя это спутало его ещё больше. Он успокаивающе погладил жену за руку и сам, опустив глаза, снова погрузился в свои тревожные мысли.

Значит, всё это время султан выискивал среди гостей эту ведьму. О чём они говорили в алькове? Почему султан покинул его злым, а ведьма расстроенной? Они не смогли договориться? Касается ли это Чёрного рубина? Раз уж ведьма всё это время присутствовала на свадьбе, значит, султан всё-таки колдун, озадаченно заключил Азим.

Забывшись в своих мыслях, Азим не заметил, как к Зилоле подошли семь старушек и увели её к выходу справа. А когда юноша вернулся из забвения, Зилола в окружении старушек в белых чаканах уже скрылась за дверью. Азим некоторое время смотрел им вслед, а когда решил снова сесть за стол, то неожиданно увидел перед собой высокого человека в зелёном шёлковом халате с тёмно-пурпурными узорами на груди и по краям. Это был Расим.

– Кажется, уже все успели поздравить вас. Что ж, лучше поздно, чем никогда, – Расим слегка ухмылялся и смотрел на Азима в упор. – Мои искренние поздравления, – он пожал руку Азима. – Уверен, за весь вечер вы наслышались много разных пожеланий, потому, не вижу смысла их повторять. Я всего лишь хочу попросить вас не переставать удивлять мир.

– Благодарю, – коротко ответил Азим, прижав руку к сердцу.

Расим подошёл к Азиму со стороны и, склонив голову набок, с интересом посмотрел на него.

– Признаюсь, Азим, я хотел поговорить с тобой.

Слова Расима вызвали подозрение в Азиме. Однако ему не составило труда догадаться о чём он хочет поговорить.

– Мне стало известно, что вы никому не поведали свою историю. Все вокруг теперь хотят знать, где найти Чёрный рубин? – Расим взглядом обвёл банкетный зал, имея в виду весь Ахорун и не только. – Что за тайну ты хранишь? – прямо спросил Расим.

– Простите, господин, но я не могу её разглашать... никому.

Азим с извиняющимся видом коротко кивнул Расиму и отвёл взгляд.

– Что ж, очень жаль...

Азим услышал слова Расима и вдруг, ощутив горячее покалывание в левом виске, у него помутнело в глазах. Он попытался повернуть голову, но это оказалось ему не по силу.

Его голова, шея и плечи будто облились горячим свинцом. Им овладело какое-то странное чувство. Он начал слышать голоса, но не мог отличить слова, и кто их произносит...

Вскоре голоса пропали, но разум так и не прояснился. У него кружилась голова и он чувствовал себя словно в стельку пьяным. Это ощущение длилось около четверти часа. Постепенно Азим начал чувствовать свои веки. Он начал моргать, чтобы его взор прояснился. Когда это ему удалось, Расима уже давно не было рядом. Азим с трудом оглянулся по сторонам и увидел, что Зилола уже вернулась в банкетный зал в окружении тех старушек. Теперь она была в атласном наряде, а волосы скрывались под коротким, золотистым шёлковым платком.

Старушки неторопливо вели Зилолу к Азиму и пели заборные песенки и стишки, до красна смущая султанзаде. Одна из них, которую Азим успел услышать перед тем, как процессия дошла до него, звучала так:

*Красный цвет невинности твоей свидетелем станет,
И пусть прольётся кровь ради доказательства в брачную
ночь.*

Если некоторые дни в твоей брачной жизни не будут черны,

Светлое счастье не взглянет в глаза твои во век.

Пусть жизнь молодожён будет вечнозелёной, словно процветающая весна,

И отныне пусть сердца двух забьются в такт.

Зилола трижды поклонилась мужу и с робкой улыбкой встала рядом с ним за столом. Старушки же удалились в свой альков.

– Вы очень прекрасны в этом платье, – негромко похвалил Азим и нежно взял жену за руку.

Вскоре началось новое представление. На этот раз без певцов. Вместо них вышли танцоры и танцовщицы. Их представление длилось почти час. К молодожёнам больше не подходили гости с поздравлениями. Кажется, Расим действительно был последним. Азим ощутил какое-то странное чувство, попытавшись вспомнить, что премьер-министр Зебистана пожелал ему. Удивительно, он не помнил этого.

Решив, что это не важно, Азим огляделся по сторонам. Султан так и не вернулся, но его больше волновало то, где же его родители? Почему они всё ещё не подошли? Он видел их с Рауфом в тронном зале во время пира, но в банкетный зал они почему-то не спустились.

Представление танцоров закончилось и, наконец, Азим увидел своих родителей и брата в сопровождении султана. Они с широкими, искренними улыбками шли к молодожёнам.

– Заждался? – Аъзам с улыбкой пожал руку старшему сыну и крепко обнял его.

– Где вы были? – недоумевал Азим.

– Твоя мать обустроивала ваши покои во дворце, а мы с твоим братом помогали ей, – объяснил Аъзам и посмотрел

сыну в глаза. – Я так горжусь тобой. Ты добился своей цели. Поздравляю со свадьбой, – Аъзам снова обнял сына.

Отпустив сына, Аъзам прошёл за его спиной к своей невестке.

– Моя госпожа, – с рукой у сердца Аъзам склонил голову. – Поздравляю со свадьбой, – сказал он после трёх поклонов Зилолы.

Рауф сделал то же самое, сначала поздравив брата, затем, учтиво склонив голову перед султанзаде, поздравил и её после трёх поклонов в его адрес со стороны невестки. Спустившись вместе с отцом с возвышения, они подошли к султану.

Зарина в свою очередь с улыбкой обняла сына и прошептала:

– Поздравляю.

Она поцеловала сына в щёку и, погладив его по спине, подошла к Зилоле.

– Моя госпожа, – Зарина так же склонила голову, прижав руку к сердцу.

Зилола же с волнением отдала ей три поклона. Приняв их, Зарина ещё раз поклонилась и с широкой улыбкой протянула руки к невестке. Она ждала этого момента, наверное, дольше, чем Азим.

– Иди ко мне, дочь моя! – радостно позвала она.

Может быть, при жизни Нисо и говорила эти слова своей дочери, но в своей осознанной жизни Зилола ни от кого не слышала этих слов, даже от отца. Всё это время до свадьбы

Зилола думала и гадала, какой будет её свекровь, ведь она не была знакома с Зариной. Её волновало и даже тревожило то, как свекровь будет к ней относиться. Но кажется, что с этими словами она обрела кого-то больше, чем свекровь. Посмотрев в улыбающиеся глаза Зарины, Зилола бросилась ей в объятия и прослезилась. С самого детства у неё была всего одна заветная мечта, которая только что сбылась. Она мечтала обрести мать.

* * *

«Если из пасмурного неба упала капля, не рассчитывайте на ясное небо, ибо за каплей последует ещё одна и ещё, и так начнётся дождь. Но не стоит сдаваться, ведь за дождём всегда следует ясное небо. Так, за одним отказом последуют другие, но нужно добиваться согласия до последней капли, ибо после слёз всегда следует улыбка».

Ардвисура

Ранним утром Расим спустился в темницу, в которой, даже находясь глубоко под землей и несмотря на лето, всегда было прохладно. Со свадьбы он вернулся позавчера на той же грузовой лодке Ангурана, что и в прошлый раз. Однако в этот раз он не стал торопить гребцов. Выудив нужные сведения у Азима, подтверждающие его предположение, ему некуда было спешить. Лёжа на мягкой койке капитана, Ра-

сим обдумывал следующие шаги, пока лодка плавно покачивалась на волнах озера Зарв.

Прибыв в Расулабад, он таки не пришёл к заключению, что ему делать дальше. По сути, у него уже было решение. Он принял его сразу после разговора с Азимом. Единственное, что приводило Расима в затруднение, это выбор срока. Действовать ли ему незамедлительно или подождать и хорошенько разработать план? Так или иначе, ему нужны люди для исполнения его решения. Доверенные люди. Сильные и крепкие.

Обдумывая откуда ему достать таких людей, Расим решил навестить своего единственного пленника. Он знал, что пленник не ответит ему, потому не сказал ни слова, стоя у его клетки. Пленник был заточён в самую большую камеру, где всегда царили мрак и тишина. Расим молча вглядывался внутрь, пытаясь разглядеть пленника. Точно зная, что тот видит его, Расим ритмично барабанил пальцами по решётке. Один удар указательным пальцем, один средним, безымянным и мизинцем одновременно, и так по три удара, короткая пауза, четыре удара, короткая пауза и повтор.

По перестукам пальцев Расима можно было посчитать время, но он не вёл этот счёт и понятия не имел, сколько уже прошло времени. Десять минут? Полчаса? Или несколько часов? Ему, правда, всё равно. Он продолжал барабанить по решётке, несмотря на усталость и терпимую боль на кончиках пальцев.

К этому времени уже давно должна была произойти смена стражи. Исмат попрощался с Расимом у входа в темницу. Вместо него должен заступиться Фозил, но он всё ещё не появлялся. Расиму было всё равно и на это. Ведь он сам ослабил караул, освободив троих надзирателей от этой никчёмной должности, переведя их во дворец. Первые три года Расим требовал от своих надзирателей строгой дисциплины. Он верил, что его пленник заговорит и решит сотрудничать, и каждый день спускался в темницу. После тщетных попыток, Расим опустил руки, смягчил вахту и начал строить новые планы для достижения своей цели без помощи этого упрямого пернатого осла.

С другой стороны, за то время, что он барабанил по решётке, Расим принял нужное решение. Оставалось дождаться Фозила.

– *«Где же он?»*

Послышались быстрые шаги, а затем и низкий, звучный голос.

– Простите, господин. Я задержался.

Фозил появился в проёме, держа в руках масляную лампу. Он не ожидал встретить здесь Расима. Увидев его, юноша не стал оправдываться за свою задержку, зная, что Расим не любит оправданий. Фозил подвёл руку к сердцу и склонил голову в приветствии.

Расим бросил беглый взгляд на Фозила и снова посмотрел на камеру с пленником. Расим отошёл от клетки и начал

массировать свои уставшие пальцы.

– Который час? – спокойно спросил Расим.

– Две сойи до полудня, мой господин, – бодро ответил Фозил.

Узнав, что простоял здесь не малых четыре часа, барабанив решётку, Расим задумчиво посмотрел на Фозила. Тот был одет в обычную белую форму с чёрной безрукавкой и коротким кинжалом на широком поясе. При свете ламп, горящих в прихожей, было заметно, что Фозил загорел на солнце.

– Скажи мне, Фозил, сколько лет ты служил в отряде копейщиков? – Расим прекрасно знал ответ. Он задал вопрос, чтобы начать разговор и подразнить пленника.

– Два года, мой господин, – ответил Фозил, удивившись вопросу, ведь Расим сам назначил его проходить обязательную военную службу в отряде копейщиков, когда ему исполнилось шестнадцать.

– Ты держишь связь с сослуживцами? – Расим знал ответ и на этот вопрос. Фозил и Одил служат ему с девяти и тринадцати лет, соответственно, и он знал о них всё.

– Я тренируюсь с ними каждый день вне своей смены, мой господин, – Фозил повесил лампу на стену и с недоумением на несколько шагов подошёл к Расиму.

– Почему ты не продолжил службу? В отряде копейщиков у тебя могли бы быть перспективы. Ты мог бы стать командиром, а не терять свои юношеские годы в этой убогой темнице.

– Я рад служить вам, мой господин, – с рукой у сердца лояльно заявил Фозил, всё ещё не понимая к чему этот разговор.

Расим одобряюще покивал и косо посмотрел сквозь решётку.

– Мне нужна твоя услуга, Фозил, – с лёгким коварным взглядом, всё ещё направленным на клетку, сказал Расим.

– Всё что угодно, мой господин, – отозвался Фозил.

– Мне нужны люди, Фозил. Сильные и крепкие, – Расим продолжал смотреть в сторону клетки. Его глаза уже привыкли к темноте. Однако и этого было мало, чтобы полностью разглядеть своего пленника, безразлично сжавшегося в углу. – Мне нужны доверенные люди.

– Господин? – взгляд Фозил просил уточнения.

– Нужно доставить сюда нечто большое и тяжёлое, – Расим по-прежнему смотрел вперёд, ожидая реакции пленника.

– Откуда?

– Из гор Катрон.

Вот оно. Ответ Расима принёс плоды его затейной игре. Пленник зашевелился. Он повернулся к Расиму. Его глаза отражали волнение и изумление. Расим ожидал, что пленник заговорит, но этого не произошло. Что ж, Расим привык к скудным плодам.

– Я поговорю с командиром моего отряда, – сказал Фозил.

– То, что мы сюда принесём, очень важно для меня. Никто

не должен об этом узнать, – Расим выждал паузу и с испытующим взглядом посмотрел на Фозила. – Ему можно доверять?

– Латиф хороший человек, мой господин. Я поговорю с ним.

– Пусть явится ко мне вечером. Я буду во дворце.

– Слушаюсь, мой господин.

Фозил откланялся, повернулся и начал уходить. Дойдя до прихожей, он вдруг остановился и обернулся в сторону Расима с вопросом на устах. Не успев задать его, Расим сказал ему:

– Не волнуйся, пленник никуда не денется, – Расим уверенно посмотрел в сторону пленника. Один край его губ язвительно потянулся вверх.

Фозил кивнул и ушёл.

Расим снова подошёл к клетке и, ни говоря ни слова, снова начал барабанить по решётке. Теперь уже в новом ритме: четыре удара подряд пальцами, начиная с мизинца. Четыре удара, пауза, четыре удара, пауза...

Расим молча смотрел довольным, источающим яд, глазами на пленника, скрытого во мраке темницы. Он не ожидал, что этот упрямец заговорит с ним сейчас и после тридцатого перестука, наконец, заговорил сам.

– Кажется, я нашёл тебе управу, – Расим широко злорадно улыбнулся и ушёл.

По дороге во дворец Расим решил пройтись по улицам и

посмотреть на людей. Он переоделся в белую рубаху, поверх которой надел зелёный лёгкий кафтан с тонкой золотистой вышивкой, надел тёмно-зелёные штаны. На ногах у него были полу-галоши, прошитые серебристой нитью. Поверх кафтана он также надел короткий, тонкий зелёный льняной халат с широкими рукавами до локтей и серебристой тесьмой по краям. Расим не стал повязывать чалму на голову из-за жары, хоть она и была нужна для предотвращения солнечного удара. Вместо неё Расим обошёлся простой тёмно-зелёной тибетейкой с белым узором.

Палящее солнце уже склонялось к горизонту. Люди возвращались домой, уставшие, измученные и голодные. Их состояние усугублял едкий запах дыма, стоявший в воздухе. Люди сжигали свои сады, огороды и деревья, хотя Расим заверил их, что в этом нет необходимости. Он уверял, что Чёрная напасть уже позади. Она отступила и больше не тронет урожай. Но люди хотели убедиться в этом сами. После пожара на яблоневогой улице, где сгорели несколько домов и пару десятков садов, пошёл слух, что нужно сжигать не только посевные поля, но и всю растительность в городе, ибо она тоже заражена. За прошедший год, в сравнении с предыдущими, Чёрная напасть уничтожила восемьдесят процентов урожая не только Расулабада, но и других городов Зебистана, кроме Шомабада. Всех удивляло, почему Чёрная напасть не тронула этот город. Эта бредовая идея, словно лихорадка, заразила всех в Расулабаде. Расим и другие чиновники пытались

их отговорить, но порой слухи народа бывают сильнее слов правительства. Теперь Расулабад полыхал в огне и тонул в дыму, как это видел в своих снах Расул Первый.

– *«Интересно, видел ли он другие города в огне в своих снах?»* – думал Расим, проходя мимо двора, где только что повалили и зажгли высохшую хурму. – *«Это вы подали им такую идею»*, – с ироничной улыбкой вспомнил слова визиря внутренних дел, недовольного таким положением в городе. – *«Это вы первым начали сжигать посевные поля»*.

Тогда Расим пропустил эти обвинения мимо ушей, равно как и вопрос о сгоревшем Синем доме, где сгорели наложницы покойного Носира и придворный слуга. На очередном заседании визирей и чиновников Расулабада три месяца назад это было одним из основных вопросов, поднятых несколькими визирями и начальником городской стражи. Они требовали от премьер-министра тщательного расследования этого инцидента, так как в этом могли быть замешаны заговорщики, отравившие Носира ибн Нодира. Расим же, отмахнувшись, поручил им самим расследовать это дело, сказав им тогда с усмешкой:

– *«Если вы пойдёте по горячим следам, то может и найдёте всех виновных»*.

Расим прошёл мимо жилых улиц и вышел на аллею, ведущую во дворец. Благо, люди не тронули окаймлявшие её дубы и магнолии. Впрочем, они не тронули и другие неплодоносные деревья. Идя под тенью дуба, Расим был благода-

рен им за это милосердие. Сруби и сожги они и эти деревья, жара доконала бы всех, кто находился на улице.

– *«Скоро всё будет хорошо»*, – обещал он им про себя, поднимаясь по широкой парадной лестнице.

Во дворце стояла тишина, впрочем, как и всегда. Слуг не было видно, словно они все ушли в отгул. Прошло уже три недели, а Мунир ибн Нодир всё еще не вернулся со свадьбы. Возможно, султан Бузург устроил для него большую охоту на баранов.

– *«Пусть себе охотится и не лезет в мои дела»*, – хмыкнул про себя Расим.

– Господин премьер-министр, вы вернулись! – в углу коридора, ведущего в аванзал, к Расиму подбежал главный придворный лекарь.

– Здравствуй, Неьмат, – бесстрастно поприветствовал Расим. – Как поживает падишах?

Старик опустил плечи и грустно покачал головой.

– Никаких улучшений, господин премьер-министр.

– Не унывайте, мой друг. Всё будет хорошо, – подбодрил Расим, положив руку на плечо лекарю.

– Господин, не знаете, когда вернётся его светлость, Мунир ибн Нодир? – озадаченно спросил Неьмат.

Расим пожал плечами в неведении.

– Вы чего-то хотели от него? – поинтересовался Расим.

– Уже семнадцатый год, как светлейший падишах болен. Я за всё это время так и не смог выяснить, что эта за болезнь. Я

испробовал всё, но не смог вылечить его. Моих знаний оказалось недостаточно...

– Не вините себя, мой друг. Никто не смог помочь светлейшему падишаху, – Расим утешил лекаря, погладив его за плечо.

– Мы ни разу не просили ведьм помочь светлейшему падишаху. Почему? – сквозь ком в горле спросил старик. – Нашехзаде Мунир обещал, что Нигора взглянет на его отца. И я прошу вас напомнить им об этом.

– «Нет», – хотел выпалить Расим, но нервно сжал губы, сдерживая крик за зубами.

– Колдовство может только усугубить ситуацию, – глубоко вздохнув, спокойно сказал Расим.

– Иногда, когда светлейший падишах открывает глаза, мне кажется, в его взгляде я вижу мольбу прекратить его страдания, – со слезами поведал лекарь. – Я растил Нодира с пелёнок и больше не могу выносить этого. Моё сердце разрывается. Прошу вас, пусть Нигора осмотрит его, – Неьмат взял Расима за руки и умоляюще посмотрел ему в глаза.

Расим вздохнул и отвёл взгляд. Этот старик не отстанет от него. Ведьм нельзя подпускать к падишаху, особенно Нигору – это противоречит его замыслу. Пытаясь вылечить его своим колдовством, они действительно могут всё только усугубить. Что же делать? Решение было очевидным. Расим опустил снисходительный взгляд на лекаря.

– Нигора сейчас находится в кампании его светлости, Му-

нира ибн Нодира. Обратитесь к нему, когда они вернутся. Всё-таки падишах его отец, – «а не мой», – и в случае его смерти из-за вмешательства ведьмы, я не хочу нести ответственность.

Мысль о смерти падишаха была недопустимой для Неъмата. Услышав слова Расима, он ужаснулся и, опустив его руки, отступил. У него забегали глаза и Расим видел, как в них гаснет последняя надежда. Расим не волновался, что лекарь может с этой же просьбой действительно обратиться к Муниру. Он знал, что тщеславный жирдяй и на десять шагов не подпустит Нигору к своему отцу. Он ждал смерти своего отца не меньше, чем того ожидал Расим.

На удивление Расиму Неъмат отбросил ужасную мысль из головы и, веря, что ведьма поможет падишаху, сам себе кивнул в подтверждение.

– Спасибо, господин премьер-министр, – лекарь поклонился Расиму и ушёл, оставив его в хмуром недоумении.

– *«Что ж», – бесстрастно вздохнул Расим. – «Пусть ведьма осмотрит Нодира. Вероятность, что она, пусть даже будучи самой могущественной ведьмой, хоть что-то поймёт, ничтожна».*

Уверенный в своей правоте, Расим спокойно направился к своему рабочему кабинету. В ожидании Фозила с командиром копейщиков, он взял книгу мастеров и стал снова перечитывать уже знакомые ему примечания. Большинство из тех, которые он сумел прочесть, были ближе к концу кни-

ги и рассказывали историю далёких предков после Великого конфликта. В примечаниях на двадцати одной странице подряд подробно описывается основание государства Бахриян и её столицы Саброны. В деталях был описан замок шах-султана, возведённый в окружении скал. Сколько тысяч чёрного мрамора ушло на его возведение, и почему шах-султан построил замок не в самой столице. Изучая эту историю, Расим не понимал одного: эти примечания являются переводом основного текста? Или это отдельное повествование? Если так, то какая у них связь с основным текстом?

Чем больше у него возникали вопросы, связанные с этой древней книгой, тем больше он проклинал пленника за его молчание. Отсутствие ответов злило его, однако приступов ярости у него больше не было. После несколько раз перевёрнутого стола, нескольких разбитых ламп и громких криков, Расим начал подавлять свой гнев, повторяя слова отца про всеобладание.

Понурившись, Расим с украдкой через правое плечо посмотрел на глубокую нишу в стене за его спиной.

– Мне так жаль, что тебя нет рядом, – грустно прошептал он.

Послышался стук. Медленно открылась дверь, за которой показалась голова Фозила.

– Господин, – негромко позвал он, войдя в кабинет. – Я выполнил ваше поручение. Латиф ожидает за дверью.

Пустой взгляд Расима, исподлобья обращённого на его

слугу, обрёл цель.

– Пусть войдёт, – на одном коротком дыхании произнёс Расим.

В рабочий кабинет Расима вошёл мужчина тридцати шести лет, ростом на ладонь ниже Фозила и менее широкими плечами. Однако в силе и в остальном телосложении он не уступал юноше. Под простой безрукавкой и бежевой льняной рубашкой скрывались стальные мускулы и крепкие руки. Квадратное лицо, обрамлённое подстриженной густой бородой цвета бурой пшеницы. Светло-голубые неглубоко посаженные глаза под прямыми густыми бровями придавали командиру строгий вид, но в настоящий момент они выражали недоумение по поводу его внезапного вызова.

– Господин премьер-министр, – Латиф с рукой у сердца поклонился Расиму и прошёл внутрь за Фозилом.

– Господин, это Латиф – командир отряда копейщиков, в котором я служил, – представил Фозил, пока Расим рассматривал светловолосого гостя.

Расим узнал Латифа, так как тот несколько раз присутствовал на заседаниях с чиновниками.

– Многому наслышан о вас, – лстивой улыбкой Расим украсил свою ложь. – Прошу, садитесь, – Расим указал на курпачи, постеленные в пяти шагах от возвышения, на котором сидел он сам за своим столом. – Чаю?

– Благодарю, – Латиф не отказал в предложении Расима, прижав руку к сердцу.

Расим кивнул Фозилу и тот удалился.

– Как поживает ваш отряд? – поинтересовался Расим, заходя из далека.

– Чёрная напасть заставила всех туго затянуть пояса, но мои ребята не жалуются и готовы служить государству, господин.

Это прямой человек и хочет сразу перейти к делу, понял Расим по тону Латифа.

– Государству нужны все его люди, чтобы выйти из кризиса, – сказал Расим, глядя в глаза Латифу. – И мне как раз понадобились люди для одного важного поручения.

– Фозил говорил, что у вас к нам особое задание, требующее секретности, – голос Латифа сквозил недоверием.

Расим слегка ухмыльнулся правым краем губ. Видимо, он уже расспросил Фозила, а тот выболтал ему всё, что знал сам. Главное, чтобы этот дурень не проболтался другим, кому не лень.

– В эти трудные времена наше государство окружено взглядами голодных стервятников и, чтобы выйти из кризиса и прогнать их, порой необходимо принимать тайные решения... Могу ли я довериться вам, Латиф? – выждав паузу, спросил Расим.

Дверь снова открылась и в кабинет вернулся Фозил вместе с Мастоной. В руках Фозила была небольшая скатерть, а служанка держала деревянный поднос, на котором были голубой чайник, три пиалы и три свежееиспечённых кулчи. Фо-

зил постелил скатерть и, выложив всё с подноса на скатерть, кивком отпустил Мастоу. Она ушла, и Расим продолжил:

– Выполнив моё поручение, твои люди смогут ослабить свои пояса.

– Во благо Зебистана мы готовы выполнить любое поручение... господин, – добавил Латиф, чуть запоздав. Он подумал, а не пытается ли Расим подкупить его этим своим намёком? – Что от нас требуется? – спросил он после глотка зелёного чая.

– Мне нужны двенадцать человек, – Расим отклонил предложенный ему чай. – Двенадцать лучших...

– В моём отряде все лучшие, – перебил Латиф.

– Что ж, хорошо, – одним краем губ улыбнулся Расим, не обращая внимания на дерзость командира.

Настоящий командир отбирает только лучших в свой отряд и сам стоит за ними горой. Расим видел это в Латифе и одобрял это. Нужно переманить его на свою сторону.

– Выбери мне двенадцать неболтливых людей из своего отряда и раздобудь столько же резвых лошадей. Если вы выполните задачу быстро и по моему плану, не задавая лишних вопросов, я назначу тебя главнокомандующим всех отрядов копейщиков Расулабада. Тем более нынешний довольно стар и ему пора на покой.

Латиф не разделял показной улыбки Расима и оставался невозмутимым. Премьер-министр точно хочет подкупить его, но в глубине души Латифа заинтересовало это предло-

жение. Он уже восемнадцать лет служит копейщиком, из них десять командиром отряда. С тех пор как падишах заболел, никого из визирей не волновало повышение военнослужащих и продвижение по службе происходило тогда, когда кто-то уходил в отставку или просто прекращал службу. Теперь же ему выпал шанс выслужиться перед премьер-министром и получить долгожданное повышение.

С другой стороны, этот Расим подозрительный тип. Латиф был удивлён тем, что он вызвал его по внезапному срочному делу. Раньше премьер-министр не вызывал никого из военнослужащих. Кроме того, с недавних пор по городу ходят слухи, что Расим колдун, обучавшийся у ведьм. Хотя многим до этого нет дела, Латифа всегда настораживало всё, что связано с ведьмами. Его отец, некогда начальник дворцовой стражи, стал одним из немногих жертв Зелёной хвори в Расулабаде. Ахорун винит в этом ведьм, а для Латифа, что ведьмы, что колдуны, он не доверял ни тем, ни другим. И если в Зебистане большинство не верило в причастность ведьм к Зелёной хвори, у Латифа было своё мнение.

Он задумчиво посмотрел на Фозила и вновь опустил взгляд на кусок стебля, плавающего в его пиале. Обдумывая предложение Расима, особенно часть, сулившую выгоду его подопечным, которым так нужны деньги, Латиф нерешительно покивал.

– Даю на подготовку три дня, – сказал Расим, приняв это за согласие.

Латиф поднял глаза на Расима. Испытующий взгляд премьер-министра, вперенного на него, не ожидал возражений.

– Будет сделано, – твёрдо заверил Латиф и приставил руку к сердцу.

Расим кивнул с довольной улыбкой. Он дал Фозилу ещё пару поручений, связанных с делом, и отпустил обоих.

Как только эти двое ушли, Расим снова принялся изучать книгу. В примечаниях его привлекло название некоего события, имевшее место до Эпохи человека – *«Великий конфликт»*. Что это?

Расим листал древнюю книгу в обратном порядке в поиске первых упоминаний этого события, пока не зазевался. Его клонило в сон. Он гладил своё лицо и шею, чтобы отогнать сон, и уставшими глазами снова перечитывал примечания. Он остановился на одном из них, из-за которого по его спине пробежал холодок.

«Из-за проступков своих алчных и скверных деяний принял он облик злобного чудовища с белыми угловатыми глазами и кривыми рогами, из которых сыплется песок. Под стать порочному нраву имя дали ему новое – Таоруз. Виножник всех бед людских и позора мастеров».

На Расима нахлынули дурные воспоминания и его бросило в дрожь. Он снова испытал тот первобытный страх, когда впервые увидел хозяина пустыни, а в его голове снова прозвучали злорадные слова, пропетые песчаным ветром:

Что за чудесный день?!

*Встречайте моих гостей, милые мои,
Ибо нас ждёт пир, пусть и ничтожный,
Но на время мы голод свой утолим!*

Как бы Расим ни старался забыть это подобие стихотворения, облик его хозяина часто преследовал Расима в кошмарах. И теперь перед его взором появились тянущиеся к спине его кричащего отца длинные когтистые пальцы... Расим резко закрыл книгу и отошёл от стола. Его дыхание стало тяжёлым, а сердце сильно колотилось в ужасе.

Расим повернулся к стене и подошёл к тёмной, глубокой нише и неуверенно протянул к ней руку. Он не осмеливался завести руку внутрь ниши. Он боялся, что, то, что спрятано внутри, схватит его за руку.

Расим опустил руку и его страх сменился скорбью. Горечью утраты. К глазам подступили слёзы.

– Я следую каждому твоему совету, отец, – сквозь сжатое горло тихо выговорил он. – Скоро я достигну своей цели. Мне так жаль, что ты этого не увидишь, – по его щеке потекла тонкая слеза. Расим гневно насупился и вызвал огонь в своей правой ладони, сжатой так, словно она сжимала невидимый шар. – Обещаю, – тихо и твёрдо произнёс Расим, – я не подведу тебя.

* * *

«После запрета были прекращены множество научно-ис-

следовательских работ, включая раскопки древней библиотеки в Джоду, где предположительно находились книги, написанные в Эпоху мастеров».

Хранители знаний: «Истории Зебистана»

Завтрак был скудным. Ахдия приготовила овсяную кашу на козьем молоке и приправила вишневым вареньем. Однако даже это варенье не могло отбить отвратный запах, а коровьего молока на кухне уже давно не было. За последние несколько лет из-за нехватки урожая и продуктов люди забили и съели почти всех своих исхудавших коров. Молоко оставшихся продавали в пять раз дороже козьего, потому Расим не позволял Ахдие покупать «золотое» молоко и также запретил закупать его придворным кухаркам. Вот и приходилось довольствоваться тем, что есть – вонючей кашей и кукурузной лепёшкой. Даже пшеница стала редкой, несмотря на поставки Ахоруна. Земли, выжженные в борьбе с Чёрной напастью, ещё не скоро дадут урожай – таков был прогноз земледельцев. Крестьянам приходилось возделывать новые поля за пределами городской стены.

Поблагодарив Ахдию за завтрак и попрощавшись с ней, Расим прибыл во дворец. Озадаченный проблемами крестьян, Расим расхаживал по коридорам дворца и думал над решением. Может в тайне применить колдовство и ускорить урожай? Или сделать это в открытую, как колдуны и ведьмы в Чехре и Джоду? В столице и так уже ходят слухи, что

он колдун. Своей магией ведьмы и колдуны не смогли избавиться от Чёрной напасти, зато пользуются ею, чтобы ускорить или удвоить урожай. Однако это сильно сказывается на вкусе продуктов – он кажется не настоящим и пресным. Еда из таких продуктов понравится разве что собакам в Расулабаде, а не его избалованным горожанам.

Нужно увеличить поставки из Ахоруна, заключил Расим. Это единственный выход помочь народу, пока он не достигнет своей цели. А после... всё будет хорошо.

Эта фраза въелась в него с тех пор, как он услышал её на базаре около года назад – мужчина, у которого не хватало денег на покупку белой халвы с фисташками, утешал своего пятилетнего сына этими словами. Увидев грустную мину мальчика, Расим вспомнил о своём детстве, когда и у его отца не было денег на покупку сладостей. Тогда на базаре Расим потрепал приунывшего мальчишку по голове и купил ему целый куб халвы, а его отцу дал тридцать серебряных монет.

– *«Ты можешь оставаться голодным, но дети всегда должны быть сыты»*, – наказал он отцу мальчишки, тот низко поклонился и поблагодарил Расима. Благодарность мальчика выражала его широкая, счастливая улыбка. Такой улыбки никогда не было на лице Расиме, когда он сам был ребёнком. Зато он мог позволить себе улыбаться сейчас, что он и делал, вернувшись в свой рабочий кабинет.

Всё будет хорошо.

Вот только какой ценой?

После полудня Расим пришёл в аудиенц-зал и сел на своё любимое место – на край возвышения в пятнадцати шагах от желанного места. В своём кабинете он продолжил искать первые упоминания о Великом конфликте. За то время, что Книга мастеров находится у него, Расим уже без затруднений мог читать большую часть примечаний. Хотя большинство слов из первых примечаний он до сих пор не понимал. Где-то двести страниц до примечания о Таорузе, Расим обнаружил ещё одно интересное примечание. В нём упоминалось кем на самом деле являются мастера, которые являются авторами этой книги. Расим решил изучить его в аудиенц-зале на случай, если придут просители. Однако, на удивление не было ни одного человека, ожидавшего за основными дверями в аванзале.

В аудиенц-зал со служебной двери вошла помощница кухарки – двадцати двухлетняя девушка с редкими веснушками под карими глазами. На ней было бежевое платье с высоким вырезом и серым растительным узором на рукавах и подоле. Поверх платья на ней был короткий светло-зелёный халат с короткими рукавами и бежевым растительным узором. Волосы полностью скрывал белый платок, обмотанный вместе с зелёными шнурками вокруг головы в виде небольшого тюрбана. Мастона несла на руках деревянный поднос. На нём были тарелка с поджаренными козьими рёбрышками, две маленькие пиалы – одна с мёдом, другая с острым

соусом, небольшой белый чайник в пару с белой пиалой и свежее испечённая кукурузная лепёшка.

Прежде, чем подать обед премьер-министру, Мастона хотела что-то сказать, но вместо её голоса Расим услышал громкий самодовольный хохот, и повернул голову направо. В аудиенц-зал вошли Мунир ибн Нодир, Нигора и пара крепких слуг на случай, если наследному шахзаде понадобится помощь в передвижении.

– *«Явился, наконец, учуяв запах козлятины».*

Они вернулись только сегодня из Ахоруна, а точнее с очередной охоты. Мунир ибн Нодир выехал из Ангурана со своей свитой на третий день после свадьбы и по дороге назад для него несколько раз устраивали охоту. Вот он и громко шутил над тем, как застрелил перепуганного степного оленя.

– Вы бы видели, как он брыкался, – хихикал Мунир, дыша на ведьму.

Нигора наигранно смеялась каждой его нелепой шутке и подавляла отвращение от его запаха изо рта.

Мунир трижды откашлялся и снова принялся себя восхвалять.

– У меня больше не дрожит рука, когда я натягиваю тетиву. И промахиваться я стал гораздо реже.

– Ваша светлость быстро делает заметные успехи, – льстиво пропела Нигора.

– Да, – согласно покивал Мунир. – Думаю, в следующий раз... – на него снова напал приступ кашля, и Нигора в оче-

редной раз сказала ему «ош». – В следующий раз можно поохотиться на какое-нибудь животное, которое бежит не от тебя, а на тебя, – словно счастливый мальчишка, не осознающий всей серьёзности, улыбнулся он. – На медведя? – затейливо спросил он у ведьмы.

– Может, на вепря для начала? – предложила Нигора. В её голосе так и слышна забота о благосостоянии Мунира. – В лесу Мобаён их полным-полно.

– Отличная идея! – возбудился Мунир и похлопал ведьму за плечо и, наконец, обратил свой взор на Расима.

– *«Негоже охотиться на себе подобных».*

Расим жестом велел Мастоне, которая с интересом засмотрелась на его книгу, унести поднос. Он закрыл книгу, отложил её влево и провёл над ней рукой. Краем глаза Мастона заметила, что старая книга исчезла под рукой премьер-министра. Она ушла, задумавшись, а Расим спустился с возвышения.

– Мой светлый господин, приветствую вас, – он с рукой у сердца почтительно склонил голову.

– Премьер-министр, – равнодушно ответил Мунир. – Мне доложили, что вас можно найти здесь. Мне нужно, чтобы вы собрали визирей. Я хочу узнать последние новости и как обстоят дела в моём государстве, – Мунир смерил подозрительным взглядом Расима. – А что вы тут делали? – спросил он после короткой паузы. – Читали свои книги и выискивали, где находится Чёрный рубин? Поздно! Олень убежал, – сяз-

вил Мунир. – Кстати, об оленях, – Мунир сделал несколько шагов в сторону Расима и остановился от внезапно напавшей на него отдышки. – Вы не поверите! – заявил он, переводя дыхание и погладив сердце. – Я застрелил оленя с вот такими рогами, – Мунир воздел руки кверху, изобразив большие рога у себя на голове и вдруг его хвастливый взгляд потух. Он опустил глаза и странно покосился в сторону. Отпустив руки, Мунир снова погладил себя за грудь, ощущая в ней стесняющий дискомфорт. На него снова напал приступ кашля, который встревожил Нигору. На этот раз кашель был сильным и отрывистым. Кашель трижды содрогнул горло Мунира и пропал также неожиданно, как и появился. Вздохнув с облегчением, Мунир сделал шаг и продолжил:

– Его рога будут висеть над...

Мунир снова поднял руки, хотел было изобразить видение своего желания, но осёкся. Он издал короткий, глухой вздох и с ужасом посмотрел на Расима. Мунир схватился за сердце и бездыханно упал на пол. Грохот от падения был громче его хвастливого смеха и сладок для ушей Расима.

Премьер-министр бесстрастно опустил взгляд на лежащую тушу, и исподлобья с намёком посмотрел на Нигору. Ведьма в полной растерянности замерла на месте, словно одна из резных колонн в этом зале. Она ощутила на себе горящий взгляд Расима и изумлённо посмотрела на него. Ей не понадобились слова, чтобы по его коварным глазам прочесть его самодовольные мысли:

– *«Видишь, у меня множество средств для достижения своей цели».*

Расим же вслух ядовито упрекнул:

– Его здоровье было твоей заботой, не так ли? О чём подумают люди, узнав об этом? – он кивнул на неподвижное тело Мунира, оставившее под собой вмятину на деревянном полу.

Нигора поняла, к чему ведёт Расим. Люди обвинят её в смерти наследного шахзаде, и история с гонениями ведьм может повториться здесь, в Зебистане. Народ ополчится на ведьм не только в Расулабаде, но и в других городах. Она, конечно, может оправдываться, но Расим сделает всё, чтобы очернить и оклеветать её. Если она останется, много ведьм будут схвачены и невинно казнены, как когда-то в Ахоруне. Нет. Нельзя допустить, чтобы это повторилось. Нужно...

– Тебе лучше уйти и как можно скорее, – хладнокровно посоветовал ей Расим. – И не смей больше возвращаться, – с угрозой негромко добавил он, но ведьма не слышала этого.

Нигора была уже далеко за дверью. Решив, что она ещё ему отомстит, ведьма успела унести свои ноги. Благо, они не были закованы в кандалы.

– Господин? Господин?! – склонились над телом Мунира слуги, пытаясь поднять его.

– *«Ваша помощь ему уже не нужна, олухи».*

– Молчать! – рявкнул Расим.

Слуги опешили и в недоумении отошли от тела.

– Разве мертвецы могут ответить на зов? – сердито спросил Расим.

– Господин Мунир мёртв? – спросил один из потрясённых слуг и посмотрел на второго.

– Это же очевидно, – Расим взглядом указал на всё ещё неподвижное тело.

Он подошёл к Муниру, опустился на корточки и приставил два пальца на шею наследного шахзаде. Затем он поднёс пальцы к его ноздрям – дыхания не было, равно как и пульса. Расим поднял взгляд на спросившего слугу и отрицательно покачал головой.

– Что же теперь будет? – отчаялся тот самый слуга.

Расим встал и невозмутимо подошёл к нему.

– Всё будет хорошо, – сказал он точно так же, как тот бедняк своему сыну на базаре.

Слуга неуверенно покивал. Вдруг тишину нарушил звук посмертно опорожнившегося кишечника Мунира. Поднялся отвратительный запах и Расим сморщил нос.

– Уберите его отсюда! – приказал он и покинул аудиенц-зал...

В аудиенц-зале продолжали менять деревянные плитки в том месте, где упал Мунир ибн Нодир. Потому местом собрания выбрали тронный зал падишаха, где и раньше собирали совет визирей. Этот зал пустовал с тех пор, как падишах Нодир слёг в постель с неизлечимой болезнью. Премьер-министр всего один раз провёл здесь собрание. Слуги убрались

в помещении и поставили длинный низкий стол посередине, в семи шагах от деревянного возвышения, на котором стоял резной трон с тонким серпом месяца и двумя звездами на боковинах спинки. Тронный зал располагается в северном блоке дворца. В нём также есть резные колонны, – по пять с двух сторон в пяти газах от стен. Трёхуровневые потолки с куполами были украшены кундалем. Стена за тронном расписана резьбой в виде природного пейзажа под аркой из слов, описывающих историю дворца.

Расим сидел во главе стола на коричневой курпаче. Он скрывал своё недовольство от того, что его уведомили последним. Он тут премьер-министр и он первый, у кого нужно было спросить.

– «Визири собрали совет и ожидают вас в тронном зале, господин премьер-министр», – сообщил ему Акмал на утро третьего дня, когда Расим поручил Латифу собрать людей в поход. К этому времени уже весь город узнал о смерти Мунира ибн Нодира. Весть об этом так же была отправлена в Шомабад. Акмал в тот же день хотел написать письмо в Ангуран, но Расим одёрнул писаря.

– *«Не надо вмешивать их в наши государственные дела»*, – процедил он в рабочем кабинете писаря.

Темой совета визирей, как сообщили Расиму, был вопрос похорон Мунира. Однако все молчали и Расим ждал, кто же заговорит первым? Сам он этого делать не собирался, ведь не он инициатор собрания.

– Как это вышло? – недоумевал Орзу. Узнав о смерти Мунира, он в слезах прибежал в аудиенц-зал. На заседании он сидел справа от Расима, у него были красные заплаканные глаза, отражающие горькую досаду.

– *«Вот он и заговорил»*, – Расим, моргнув, медленно перевёл взгляд на Орзу. Он-то и собрал этот совет, где присутствовали только визири.

– Придворные шепчутся, обвиняя Нигору, – проговорил казначей.

– Зачем ей было убивать Мунира? – переспросил Орзу, который не видел в этом выгоду ведьмы.

– Ахорун обвиняет ведьм в Зелёной хвори...

– Они отрицают свою вину, – не дал Орзу договорить старому казначею.

– *«Почему ты её защищаешь?»* – Расим с ревностным любопытством покосился на визиря внутренних дел. – *«Она ублажала тебя? Или ты утешал её? Ты ведь в этом мастер»*.

– Мне не известны их мотивы, – пожал плечами Сомон. – Однако в народе уже тоже указывают на ведьм.

– Здесь и в Чехре люди начали отказываться от их помощи в выращивании урожая, – озабоченно сообщил визирь земледелья.

– Еда из выращенных ими продуктов безвкусная и не сытная, – сетовал визирь торговли Зебистана.

– Это никак не связано со смертью на-шахзаде, – возразил

Орзу.

– В Арруже Нигора хотела получить власть, но изгнанная Бузургом, она сослала на всё их государство Зелёную хворь. После неудачи там, возможно, теперь она хочет получить трон Расулабада, – предположил Неъмат, глядя на безучастного Расима.

– Это клевета! – отрезал визирь внутренних дел, привлекая на себя невозмутимый взгляд Расима. – Ответьте лучше, отчего скончался мой... господин Мунир? – осекшись, потребовал Орзу.

– *«Чуть не проболтался»*, – Расим мысленно ухмылялся. Он прекрасно знал, почему осёкся Орзу.

– Он умер от сердечного приступа, – с грустью ответил старый лекарь.

– Мунира ибн Нодира погубила охота. Нигора заботилась о его здоровье и не раз просила его не нагружаться. Его величество не прислушалось, вот и его сердце не выдержало, – заключил визирь торговли.

– *«Разумное умозаключение»*, – Расим похвально перевёл взгляд на визиря торговли.

– До Нигоры господин Мунир иногда жаловался на здоровье, но с её приходом оно резко ухудшилось, и он внезапно умер. Что-то здесь нечисто, – покачал головой Неъмат.

– Хотите, чтобы и мы их изгнали? – хмуро осведомился Орзу.

– Без их помощи нам нескоро ждать первого урожая из

новых посевных земель, если и их не затронет Чёрная напасть, – выразил беспокойство визирь земледельца. – Продо-вольственный рынок снова опустеет и люди опять начнут голодать.

– Нужно увеличить поставки из Ахоруна, – заявил визирь торговли.

– *«Мне потребовалось несколько дней, чтобы прийти к этому решению, а ты у нас просто фонтан быстрых умозаключений»*, – Расим иронично посмотрел на него.

– Что скажете вы, господин премьер-министр? – требовательно спросил Орзу.

– *«Сколько вас здесь собралось пустоголовых визирей? Сидите здесь, скрестив ноги, и который час разглагольствуете. В итоге пришли к тому же заключению, которое я сделал и без вашей помощи. Так зачем вы вообще нужны?»*

– Я согласен с Шухрат-ака⁴¹, – подавив в себе желание отчитать визирей, равнодушно сказал Расим, не отрывая глаз от визира торговли. – Я напишу письмо Бузургу ибн Махмуду, где с прискорбием сообщу о смерти Мунира ибн Нодира и попрошу его помочь нам в этот трудный час, – он перевёл взгляд на Орзу.

Визирь внутренних дел одобрительно кивнул и окинул взором каждого за столом перед тем, как снова посмотреть на Расима.

– Теперь перейдём к сути нашего собрания. Выборы, – за-

---

⁴¹ Шухрат произносится с гортанной «х».

явил он, выждав паузу.

Визири согласно кивнули, тогда как Расим опешил и выронил удивление из своих уст.

– Выборы?

– Как бы мне не было горько об этом говорить, сыновья падишаха мертвы. Сам падишах уже долгие годы прикован к постели неизлечимой болезнью. Он редко открывает глаза и ещё реже произносит хоть какие-то внятные слова. Мы, – Орзу снова обвёл взглядом визирей, – единодушно пришли к выводу, что падишах не выздоровеет. Он более не способен управлять государством и наследников у него больше нет. В таком случае нам нужно выбрать нового падишаха.

– *«Вот ваша истинная цель, а не похороны Мунира»*, – Расим осуждающе посмотрел на Акмала. – *«Ах, ты змея. Обманул меня? Что ж»*, – он снова перевёл взгляд на Орзу. – *«Это Нигора подала тебе такую идею, пока вы кувыркались с ней в постели? Она предложила тебе поддержку ведьм? Потому ты её так защищаешь? Что же скажет об этом Мехри?»*

– И кто же претендует на трон? – осведомился Расим.

– Кто-то из нас должен возглавить правительство, – отведя взгляд, ответил Орзу.

– Пустой трон притягивает голодные взоры, не так ли? – ухмыльнулся Расим.

– Вот именно, – кивнул визирь внутренних дел так, будто бы ни разу не подглядывал на трон из красного дерева с

тёмно-пурпурной обивкой позади Расима. – Нельзя...

– Нельзя, чтобы султан Бузург заявил свои родственные права на трон, – договорил вместо него Шухрат. – Потому, нельзя пока сообщать ему о смерти Мунира, – заявил он в добавок, и остальные визири согласились с ним, что удивляло Расима. Видимо, не только у него были виды на трон.

– Кого же вы тогда предлагаете выбрать? – выждав паузу, поинтересовался Расим, обратив на Орзу выжидательный взгляд. Расим очень хотел, чтобы тот подтвердил его догадки и предложил себя. В таком случае Расим был готов выжечь этому сеноголовому язык, и плевать, как на это отреагируют другие.

– Сами мы не можем выбрать друг друга, – сказал Орзу. – Очевидно, что каждый будет голосовать за себя...

– *«Уж я-то точно не стану выбирать тебя своим падишахом»*, – Расим расслабленно разжал кулак под столом. – *«Но сдаётся мне, ты что-то не договариваешь»*, – он подозрительно прищурился на Орзу.

– ...Нужно обратиться к народу, – продолжал визирь внутренних дел. – Объяснить им, что падишах не в силах править государством. Наследников больше нет. Мы предложим им выбрать кого-то из нас...

– Почему бы вам не предложить им выбрать премьер-министра? – не дослушав, Расим бросил наживку, чтобы выудить истинную цель Орзу. Он также хотел узнать, кто ещё клонет, а кто отвергнет?

На мгновение визирь растерялся – одни потупились, притворившись, будто их тут нет, у других забежали глаза. Визирь торговли взял слово, чтобы отвести мысли Расима от того, что весь этот фарс заранее разыгран.

– Трон падишаха можно выгодно продать, – Шухрат заговорщически пожал плечами.

– Вы представляете себе кого-нибудь богаче Бузурга ибн Махмуда? – подхватил казначей.

– Султан Ахоруна не станет покупать то, что может достаться ему после смерти падишаха Нодира, – возразил Орзу.

Расим молча смотрел на них и восхищался их актёрской игрой и решил подыграть им, с ухмылкой подлив масла в огонь.

– Или захватить трон до того. – *«Вы давно строите козни за моей спиной. К чему эта комедия?»*

– Мы этого не допустим! – Орзу принял его слова всерьёз.

– Помнитесь, я поручал вам проверить готовность армии Зебистана, – Расим вперил на него требовательный взгляд.

– Солдаты Расулабада... – помедлив, начал было визирь внутренних дел, однако, опасаясь, что сейчас запахнет жареным, визирь земледельца встрял и вернул разговор в свою колею.

– Нужно отозвать малику Мехри из Шомабада. Её величество должно вернуться в Расулабад и занять трон своего мужа.

– *«Вот ваша настоящая истинная цель»*, – Расим с язвительной благодарностью перевёл взгляд на визиря земледельца. – *«Ты всегда отличался своим слабым характером, червяк»*.

– Бедняжка не успела оплакать старшего сына, и вот скоро получит весть о смерти второго. Она будет просто потрясена, – сердобольно покачал головой Ньмат.

– *«Тебе-то, старик, куда лезть в их заговор?»*

– Вот поэтому её нужно отозвать, – сказал визирь земледельца. – Чтобы горе не убило её, нужно посадить госпожу Мехри на трон. Люди нуждаются в ней.

– *«Люди давно забыли об этой потаскухе»*, – хотел съязвить Расим, но остался по-прежнему нем как рыба.

– Только у премьер-министра есть полномочия отменить отречение госпожи Мехри от прав и посадить её на трон, – пояснил главный писарь.

Расим бросил на Акмала горящий взгляд. Так вот откуда растут корни заговора. Если бы глаза Расима действительно излучали огонь, от писаря сейчас остались бы только головешки. Жаль.

Внутри Расим закипал от злости. Снаружи он вернул спокойную маску на своё лицо и посмотрел на визирей.

– С чего вы взяли, что Мехри откажется от своих слов?

– Это её долг! – отозвались одновременно Орзу и визирь земледельца.

Расим лишь ухмыльнулся.

– Вы находите это забавным? – в негодовании спросил Орзу, сдвинув свои короткие брови.

Расим усмехнулся ещё шире, посмотрев прямо ему в лицо.

– Забавно, что жену светлейшего падишаха зовут Мехри, хотя она не проявляла ни малейшей капли любви к своим детям. Вы боитесь, что она умрёт от горя, а я помню, как она отвращалась, глядя на своих сыновей. Да что там говорить, она не любила даже своего мужа. Все вы служите во дворце дольше меня и должны помнить, как его светлейшество добивался любви этой выскочки...

– Как вы смеете? – возмутился Орзу.

– Как смеете ВЫ?! – отрезал Расим. – Ради одной жалкой улыбки Мехри наш господин приносил ей из охоты шкуры медведя, редкого белого большезубого волка, звал лучших певцов и дарил роскошные платья, изыскание ожерелья, а она ложилась с ним в постель только ради исполнения супружеского долга... – Расим выждал паузу. – Об этом долге вы говорите? Так и его она исполнила всего пару раз.

Визирь потупился и молчал. Расим был прав, и они об этом прекрасно знали. Мехри откровенно ненавидела Нодира. Она любила другого, но, будучи племянницей наиба Чехры, была выдана замуж за Нодира. И даже то, что он падишах Зебистана, не задобрило её душу. Ей не нужны были ни его власть, ни богатство. Она хотела убежать и вернуться к любимому. Их споры и ругань часто слышал весь дворец, если

не вся столица. В постель к Нодиру она ложилась всего пять раз. Расим узнал об этом от уст самого Нодира, будучи тогда писарем и помощником падишаха.

– Госпожа Мехри, – с презрением процедил Расим, – в открытую заявляла, что ей не нужен трон и не хочет быть маликой. Как только лекари, – он перевёл укоризненный взгляд на Неъмата, – заключили, что падишах безнадёжно болен, она перед всеми вами отреклась от своего титула и прав наследия, да ещё и народ собрала для потехи. Она преждевременно объявила себя вдовой и с радостью уехала в Шомабад к вдовам бывших падишахов. За прошедшие семнадцать лет она ни разу не спросила о здоровье своего мужа и детей. Более того, не вы ли, Орзу, сообщили Носиру и Муниру, что любящая их мать упала с лошади и трагически погибла по дороге в Чехру? – Расим не стал дожидаться ответа. – Если у женщины нет дела до своей семьи, то какое у неё может быть дело до других людей? Что изменилось? – теперь Расим требовал ответов, но визири молчали. – Почему вдруг вы решили вернуть ей права? – Расим хотел узнать, кто именно состоит в заговоре, если не все они. Писарь сам не мог додуматься до этого. Кто ещё? Молчат? Значит, всё-таки все.

Строя свои планы, Расим не заметил, как за его спиной готовили измену. Он правда подозревал, но не придавал этому особого значения.

Покинув Расулабад, Мехри была на первом месяце беременности. Она скрыла это от всех, ибо это был ребёнок

не от падишаха. Расим недолго следил за Мехри и в своих планах не придавал особого значения и порочному ребёнку, которого она родила в Шомабаде. Об этом ребёнке знают лишь немногие, ибо то, что происходит в Шомабаде, неведомо другим городам Зебистана.

Теперь, когда её ублюдок почти достиг совершеннолетия, она захотела вернуть свои права? Сделав это, Мехри легко выдаст своего отпрыска за сына падишаха Нодира и объявит его наследником. Не трудно догадаться, что она ведёт эту игру с самого начала, узнав о своей беременности от нового любовника. Она была уверена, что в нужный час её дядюшка, назначенный премьер-министром, поддержит её. Вот только Мехри не учла, что её двуличный дядюшка может скоропостижно скончаться от Зелёной хвори. Несмотря на это, выходит, что она нашла себе других помощников.

– «Что ж, не беда», – съязвил про себя Расим. Как бы там ни было, он не может позволить этой вероломной потаскухе встать у него на пути, когда он уже так близко к своей цели.

Расим сердито нахмурился и осуждающим взглядом смерил каждого визиря. У него была своя игра, в которую он играл превосходно, и никто даже не догадался об этом.

– Вы, может, и утратили свою веру, – с укором начал Расим, – но моя вера не иссякла. Я до сих пор надеюсь, что светлейший господин встанет на ноги. И я молю Всевышнего избавить нашего падишаха от страданий...

Выждав паузу, Расим продолжил строгим категоричным

тоном:

– А пока он ЖИВ, я запрещаю вам даже думать о его за-
мене!

Визири потупились, словно провинившиеся дети. Они потерпели фиаско и им нечего было возразить. У них был и другой план, но поддержкой Нигоры, они пока не заручились.

– Мне сообщили, что вы созвали этот совет для обсуждения похорон Мунира ибн Нодира, – сказал Расим, огрев укоризненным взглядом Акмала. – Вот и советуйтесь!

Визири переглядывались и молчали. А что им было говорить насчёт этого? Шахзаде нужно хоронить в Шомабаде – таков обычай. Это знают все.

– Во время похорон своего брата, – заговорил Акмал, – господин Мунир заявил, что не хотел бы быть похороненным в Шомабаде.

– Вы хотите похоронить Мунира во дворце? – озадачился Шухрат.

– Ни один падишах не похоронен во дворце, – осёк Расим и услышал открывающуюся дверь.

Расим, да и все остальные повернулись в сторону двери, где скромно стояли Фозил и Латиф.

– *«Наконец-то»*, – он поманил обоих к себе.

Латиф сделал всего десять шагов и остановился, а Фозил подошёл к своему господину и доложил на ухо, что они готовы к походу. Расим кивнул и шёпотом велел встать возле

Латифа.

– Что бы вы не решили, я уверен, вы придёте к разумному заключению, – он с намёком посмотрел на Шухрата, обращаясь ко всем визирям. – А теперь прошу простить меня, – Расим встал с места и учтиво склонил голову, прижав руку к сердцу. – Мне нужно оставить вас. Появились неотложные дела.

– Какие неотложные дела могут быть не удостоены внимания визирей? – прилетело в спину Расима возмущение Орзу, когда он сделал несколько шагов в сторону открытой двери.

– Такие, как выборы падишаха, – Расим повернулся и вперил испытующий взгляд на стоявшего визиря внутренних дел, который недоумевал, что здесь делает Латиф.

– Есть ещё много других задач, требующих решений. Безответственно вот так покидать совет, – не сдавался Орзу.

Расим тихо хмыкнул и вперил долгий взгляд на трон.

– Он притягивает голодные взоры. Ваша ответственность, – Расим перевёл взгляд на Орзу, – оборонять нас от этих взоров... Но сдаётся мне, вы поощряете их.

– К чему вы клоните? – насупился Орзу.

Расим сделал несколько шагов в сторону Фозила и Латифа и снова повернулся в сторону визирей.

– В прошлом году вы часто сообщали мне, что наследники жалуются на здоровье, – сначала он обратился к Ньемату. – Мол, их травят. И я велел вам найти заговорщиков. Однако, – он перевёл взгляд на Орзу, – с тех пор, как я дал вам

это поручение, никто из вас не удосужился осведомить меня о продвижениях в деле. Вы не потрудились найти заговорщиков, и сдаётся мне... – взяв паузу, Расим смерил визирей испытующим взглядом. – Вы и есть заговорщики, – заявил Расим и оглянулся в сторону Латифа, нарочито, чтобы очертить перед ним визирей и склонить его на свою сторону.

– Мы не причастны ни в каком заговоре! – возмутился Орзу.

Расим ухмыльнулся и медленно перевёл на него взгляд.

– Нет? – протянул он саркастично. – Почему же вы тогда не раскрыли свою тайну Муниру? Не сообщили ему, что его мать жива, – Расим опустил испытующий взгляд на остальных визирей. – Может, потому что за всем этим заговором она и стоит? – негромко проговорил Расим.

Визири понимали, что разоблачены, потому и молчали; даже Орзу сел обратно на место.

– Позвольте вам напомнить кое о чём, – негромко продолжил Расим после многозначительной паузы. – Расул Первый видел сон, в котором Расулабад полыхал в огне. Этот сон стал явью в наши дни. Столица действительно полыхала в огне, в отчаянной битве против Чёрной напасти. Мы может и победили, однако у других Расулов тоже были видения. Они опасались войны, которая так и не началась. Но она грядёт... В наше время... И, чтобы победить в ней, я бы не хотел, чтобы вы были против меня, – Расим выжидательно посмотрел на визирей, те переглянулись и молча потупились. Некото-

рые из них сожалели, что вступили в заговор, но другие, основные зачинщики, были недовольны своим поражением. — Мне нужно срочно отправляться в путь, но, когда я вернусь, я со всеми вами разберусь, — предупредил Расим и покинул тронный зал вместе с Фозилом и Латифом.

* * *

«Основой для предотвращения дальнейшего распространения Зелёной хвори послужил чеснок. Из него делали лекарства и даже свечи, которыми обкуривали помещения. Тем не менее они были эффективны лишь на первой стадии заболевания».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Три дня походный отряд Расима галопом гнал своих лошадей, не давая им передышку. Останавливались они только с наступлением ночи, и лошади валились с ног и засыпали раньше своих всадников. Те хотя бы успевали перекусить перед сном. Первую ночь они провели на одном из трёх высоких холмов на самой границе Зебистана. Спали все, оставив вместо караульных костры, чтобы не напали степные волки. Следующим утром они снова погнали по равнинам и провели вторую ночь у северо-западной опушки Корявого леса. Лошади были только ради пощипать лесную траву, а люди Латифа на другое утро удивлялись тому, что ни одно дере-

во здесь не растёт прямо выше одного или двух газов. Расим не стал восхищаться здешним причудливым пейзажем и снова погнал отряд на северо-запад. Вскоре они приехали к небольшой долине меж двумя холмами.

– Заведите лошадей в ущелье. Переночуем там, – скомандовал Расим.

Он спешил и первым повёл свою серую, белогривую кобылу в ущелье, высматривая что-то на небе.

– Чем плохо это место? – осведомился Латиф. – Трава здесь высокая и мягкая. Лошади наедятся вдоволь, и мы отдохнём как следует.

Трава местами и вправду была по колено и после долгой езды верхом на жёстком седле манила броситься в неё и уснуть, словно в перьях.

– Будет не до удовольствия, если нас заметит страж, – отрезал Расим.

Копейщики переглянулись.

– Страж? – переспросил Латиф.

– Мы приехали сюда кое-что украсть, – ответил Расим. – А что крадётся, всегда стережётся.

Такой ответ не устроил ни Латифа, ни его ребят. Однако они взяли своих лошадей под узды и повели за Расимом в ущелье.

Расим запретил разводить костёр и после холодного ужина они легли спать...

Латифу не спалось. Он ворочался на месте и вскоре, от-

крыв глаза, он решил сесть. В ущелье было прохладно, ветер дул со стороны долины, а над его высокими стенами горели тысячи звёзд. Казалось, они вот-вот упадут на землю, словно град. Латиф начал считать их, отгоняя беспокойство, терзающее его всю дорогу. Оно вызвано недоверием к Расиму и этому походу. Премьер-министр не стал объяснять им цель похода и как она поможет государству. А узнав, что они собираются что-то украсть, его беспокойство лишь усилилось. Фозил тоже ничего толком не говорил. Досчитав до восьмидесяти трёх, Латиф крепко уснул.

На утро четвёртого дня Расим велел оставить в ущелье лошадей и три телеги, которые он поручал Фозилу найти с высокими бортами.

– Пусть отдыхают и дальше. Им понадобятся силы на обратном пути. Возьмите с собой верёвки и носилки с телег. Быстрее. Идёмте. Нельзя, чтобы нас заметили.

Дорога на дне ущелья тянулась на север, а дальше петляла по сторонам среди постепенно возвышающихся, продолговатых холмов. Местность здесь была до жути тихой и бездушной, но вскоре они узнали, что она не просто бездушна, а мертва. Походный отряд дошёл до поворота налево, где лежал скелет с вытянутой рукой. Расим бегло посмотрел сверху вниз на этот скелет и прошёл мимо, не придавая ему никакого значения. Подопечные Латифа странно и удивлённо переглянулись и пошли дальше. Сам же Латиф задержался, терзаемый новыми сомнениями.

– «Кто ты? От чего ты бежал?» – поглядев на скелет, Латиф последовал за отрядом.

– Что там? – спросил Латиф, увидев, как несколько его человек роптали вокруг чего-то.

Один из копейщиков его отряда шагнул в сторону и Латиф увидел останки женщины с золотыми серьгами и кольцами.

– Тут их много, – кивнул вперёд молодой копейщик.

– Куда он нас ведёт? – спросил другой.

Латиф прошёл мимо своих ребят и увидел впереди ещё два скелета, а дальше ещё и ещё и ещё...

Латиф догнал Расима, который вместе с Фозилом и шестью носильщиками оторвались вперёд от остального отряда.

– Они тоже хотели украсть то, что собираемся украсть мы? – озадаченно спросил Латиф.

– Чтобы украсть, нужно сначала найти. Как видишь, им это не удалось, – Расим бесстрастно посмотрел на труп с высохшей кожей и пустыми глазницами и пошёл дальше.

Латиф чуть задержался, обратив внимание на остатки волос на голове, выцветшую одежду и причудливый золотой браслет с кольцом, инкрустированный сапфирами. Это была женщина. Все останки, как он заметил, с высохшей кожей, принадлежали женщинам.

– «Кто вы? Что вы хотели украсть?»

Латиф вдруг обнаружил, что смотрит прямо в пустые гла-

за этой мёртвой женщины, а она будто в ужасе кричала: «Беги».

По спине Латифа пробежал жуткий холодок.

– Если они не нашли здесь ничего кроме смерти, откуда вы можете быть уверены в нашем успехе? – Латиф снова догнал Расима.

– Я спросил дорогу у одного молодого человека, – ехидно улыбнулся Расим.

– Они все умерли в агонии. Что могло с ними случиться? Это был страж? – Латиф опасался за своих ребят. Они молодые и сильные, но никто из них в жизни не видел столько мертвецов. Хотя они и держались стойко, Латиф читал их волнения и страх по их бегающим глазам. Да что там говорить, он сам был испуган.

– Не волнуйся, командир. Скоро Тропа мёртвых кончится. Мы почти у цели, – уверенно сказал Расим.

Это «почти» длилось ещё несколько часов и ближе к закату они всё же достигли конца пути. Они пришли к теснине с тупиком в конце, а дорога уходила в узкую дыру у самого подножия тупика.

– Мы будем лезть туда? – удивился Фозил, чуть ли не встав на четвереньки, чтобы заглянуть внутрь пещеры.

– Мы полезем туда, – Расим указал на седловину слева на высоте нескольких сотен метров.

Фозил посмотрел туда и вздохнул с облегчением наряду с несколькими другими копейщиками. Он, как они, пережи-

вал, что не сможет протиснуться в это отверстие.

Походный отряд находился между тремя горами у самого их подножия. Отсюда казалось, что эти горы бесконечно высоки. Они заслоняли за собой солнце и свет проникал сюда только по праздникам. Потому здесь всегда царили сумерки, которые всё сгущались, готовые временно уступить своё место ночи.

– Ложитесь спать, – сказал Расим. – Завтра утром мы полезем на ту сторону, заберём то, зачем пришли и быстро сможем. Если будем действовать тихо и быстро, страж нас не заметит. Авось доберёмся назад живыми... и богатыми, – добавил он, чтобы подбодрить копейщиков.

Разжигать огонь он снова запретил, хотя хвороста здесь и не было. Потому они перекусили холодным мясом, пожевали бараньи шкварки, заели фатиром и запили водой.

Следующим утром Расим разбудил отряд, и они полезли на другую сторону и оказались в кольце трёх гор. У их подножия валялись огромные валуны и чёрные камни разной величины. В этих камнях члены отряда обнаружили драгоценные камни.

– Будете собирать на обратном пути, – пообещал Расим. – Сейчас нам надо попасть вон в ту пещеру.

Первым на склон горы взобрался Фозил и подал руку взбирающемуся вслед за ним Расиму.

– Эта пещера просто огромна. Как бы в ней не заблудиться, – Фозил повернулся и с изумлением посмотрел на проти-

воположную гору с огромным выступом. – Видимо, это была одна гора, а потом она раскололась на двое.

– Видимо, так, – безразлично ответил Расим. – Идём.

Копейщики, чьи руки были свободны, зажгли заранее подготовленные факелы и пошли вперёд, освещая путь другим. Через сорок газдов они пришли к невысокому выступу у стены справа от них.

– Вот она – наша цель, – произнёс Расим, когда Фозил поднялся на этот выступ и осветил на яйца, находящиеся в гнезде.

– Что это? – изумлённо спросил Латиф.

– Спасение нашего государства, – самодовольно ответил Расим, предвкушая победу. – Давайте, поднимайтесь! – командовал он копейщикам. – Попробуйте поднять эти яйца.

Шестеро копейщиков, которые парами держали три длинные кожаные носилки на толстых жердях, поднялись на выступ и подошли к яйцам высотой с их рост. Сначала они парами решили поднять по яйцу – ничего не вышло. Потом они решили вчетвером сдвинуть одно яйцо – снова тщетно. И только вшестером им удалось приподнять одно яйцо и перенести его на пару шагов. Однако вытащить его из гнезда оказалось непосильной задачей. Они опасались разбить яйцо, потому позвали на помощь соратников.

– Нет, – остановил их Расим. – Спускайтесь и готовьте носилки, – велел он тем, кто был наверху.

Расим сам поднялся на выступ, перелез через стенку гнез-

да и с восхищением посмотрел на яйца.

– Вы – ключ к моей победе, – тихо проговорил он.

Расим прикоснулся к одному яйцу и почувствовал, как в нём дремлет жизнь. Он опустил руку и отошёл на шаг. Он сделал пару глубоких вдохов и потянул руки с растопыренными пальцами к низу яйца. Его руки начали источать тепло, которое обволакивало яйцо. Вскоре у него появилось чувство, будто он обнимает это само яйцо. Наряду с этим прожилки на яйце загорелись внутренним зеленовато-серым светом. Расим поднял руки и яйцо поднялось вместе с ними. Его руки продолжали источать тепло и силой мысли Расим направил яйцо через гнездо и выступ вниз.

– Раскрывайте носилки! – крикнул он.

Изумлённые носильщики отреагировали не сразу. Они замерли с раскрытыми ртами, вместо носилок, наблюдая как тускло светящееся яйцо парит по воздуху. Колдовство. Такое они лицезрели впервые.

– Живее! – рявкнул Расим, и носильщики пришли в себя.

Двое из них раскрыли носилки и чуть было не выронили их из рук, когда яйцо плавно легко на полотнище. К ним вовремя подбежали двое других соратников и успели подхватить жерди. Вчетвером по приказу Расима они понесли яйцо к выходу из пещеры. Остальные копейщики также разделись на две группы по четыре и унесли два оставшихся яйца, как только Расим спустил и их своим колдовством.

Идущие впереди носилки на одной руке держали факелы,

ибо свет скудно попадал в эту часть пещеры, несмотря на её огромный вход. Оставшиеся факелы, которые бросили на землю, Расим подобрал по пути к выходу. Он не хотел оставлять след своего пребывания.

– Как мы их спустим, господин? – спросил один из копейщиков. – Они тяжелы для верёвок.

По их лицам было видно, что копейщики ждут, что Расим снова применит колдовство. Они сами-то с трудом поднялись по почти крутому склону в эту пещеру, а спускаться, да ещё и с огромными яйцами, им не представлялось возможным.

Не бросать же яйца сверху. Омлет будет.

– Спускайтесь вниз и идите на ту сторону, – указал Расим.

Он снова опустил руки вниз и слегка вытянул их вперёд с растопыренными пальцами. Расим сделал глубокий вдох и сосредоточился. Изумруд на кольце на правом указательном пальце снова загорелся ярким внутренним светом и его руки вновь начали источать тепло. Расим напряг их, чтобы одним усилием поднять сразу три яйца. Прожилки во всех яйцах загорелись внутренним светом и, как только Расим поднял руки вверх, оторвались от земли. Сжав руки в кулаки, Расим огромным усилием направил яйца по воздуху на другую сторону к седловине.

Завороженные копейщики с трепетом наблюдали, как яйца летят над их головами. Забыв о камнях с драгоценным содержанием, они побежали за яйцами к седловине. Расим по-

старался и аккуратно положил яйца возле правого отвесного склона. Вздохнув, он чуть пошатнулся в сторону и довольно улыбнулся. У него получилось, что означало многое. Повернувшись, он заметил копейщика на три головы ниже себя.

– Вы ещё здесь? – возмутился Расим.

– Латиф и Фозил ещё не вернулись, – сообщил Фаррух, испытывая необъяснимый страх перед Расимом.

– Куда они пошли? – нахмурился Расим.

– Когда вы поднялись к гнезду, они прошли вглубь пещеры, затем свернули куда-то налево и свет от их факела пропал.

– Хорошо, – Расим поднял один из факелов, которые он положил на краю пещеры. – Я вернусь за ними, а вы поскорее перебирайтесь на ту сторону и унесите яйца.

Фаррух склонил голову в знак подчинения и начал спускаться с пещеры. Расим же щелчком зажёг факел и пошёл вглубь пещеры...

Латиф и Фозил любовались глыбой Чёрного рубина, свисающего вниз с потолка пещеры. Безусловно, они ломали голову над тем, как бы отколоть кусочек, да побольше. Острый многогранный конец бесценного сталактита не касался пола и между ними Латиф мог потянуть руку и дотянуться, лишь стоя на голове Фозила. Как же им разжиться этим сокровищем?

– У нас мало времени. Уходим! – тихо подкрался к ним Расим. Его слова, словно холодный нож, вонзились им в спи-

ну.

Латиф всё не доверял Расиму. Зачем ему эти яйца? Чьи они? Кому бы или чему бы они ни принадлежали, тот, кто их отложил, точно будет искать свои яйца. Как он собирается их спрятать? Высоких бортов их телег будет недостаточно. Ни к чему хорошему это не приведёт. Какая выгода государству от кражи этих яиц? Всё это слишком подозрительно.

– А как же Чёрный рубин? – с негодованием повернулся Фозил. – Султан Ахоруна отдал дочь за кусочек от него, – он кивнул вверх. – Мы все можем...

– Вы можете разбогатеть, собирая рубины на склоне этой горы и драгоценности с трупов, – резко прервал его Расим. – Мы не за этим пришли, – он с презрением кивнул в сторону Чёрного рубина. – Уходим. Скорее!

Спустившись с пещеры, Латиф и Фозил развязали свои чалмы и собрали в ткани горные осколки с драгоценными камнями. Расим же поспешил на ту сторону к седловине. Колдовство слегка утомило его, но это лишь усиливало предвкушение скорой победы.

Копейщики, добравшись на ту сторону седловины, недолго думая, скатили яйца вниз. Для этого шестеро из них предварительно спустились. Благо скат был немного пологим и без выступов. Уже внизу они, перекатывая, снова загрузили яйца на носилки. В это время Расим и догнал их.

– Скорее! Уходим.

Не переводя дыхание, Расим побежал вперёд, убедиться,

что поблизости нигде нет стража...

Тем временем, Латиф набрал достаточно камней. Сделав из своей чалмы кулёк, он повесил его на пояс. Они остались одни с Фозилом среди этих высоченных гор. Возможно, Расим торопил его копейщиков и не дал им собрать камни. Если так, он поделится с ними их долей. Человек он не жадный, чего уже не скажешь о Фозиле – тот всё ещё собирал камни, пока Латиф лез на седловину. Ему было как-то не по себе от этого места.

– Фозил! Хватит! Идём отсюда.

Латиф дождался Фозила на седловине и вдвоём между его бескрайними отвесными стенами поторопились на другую сторону, где с осторожностью спустились вниз. Подъём, перебежка и спуск с седловины отнял у них много сил и немало времени, но они не останавливались, чтобы перевести дыхание, и продолжили путь лёгким бегом. Они хотели скорее догнать остальной отряд.

Латиф и Фозил пробежали два мила по извилистой тропе и им снова начали попадаться трупы под ногами. Повернув за угол, Латиф надеялся застать отряд, но кроме останков и их двоих здесь больше никого не было. Где же они? Каждое яйцо достаточно тяжёлая ноша даже для четверых носильщиков. Возможно, желая поскорее убраться отсюда, Расим не жалея, гонит его людей вперёд, как лошадей.

Латифу было дурно и неловко каждый раз переступать через скелеты и сгнившие трупы там, где обходить их было

практически невозможно. Местами останки лежали вереницей. По пути в пещеру Латиф заметил, что у некоторых скелетов были одинаковые кожаные латы и мечи в изогнутых ножнах с серебряной окантовкой, на которых была гравировка на незнакомом Латифу языке. На протяжении всей Тропы мёртвых он насчитал семь таких скелетов. У некоторых из них ножны были пустыми, однако по пути Латиф не заметил ни одного брошенного меча.

– *«Возможно, они потеряли свои мечи в сражении со стражем где-то в другом месте»*, – предположил Латиф, глядя на такой скелет в латах. – *«Но где?»*

– Что же могло с ними приключиться? – спросил он вслух у Фозила, но ответа не последовало. Латиф обернулся назад и увидел, что Фозил в нескольких шагах от него будто прислушивается к чему-то. – Фозил? – позвал он.

– Что? – со странным недоумевающим видом насупился Фозил. – Не знаю, покачал он головой в ответ на вопрос и снова обернулся направо.

– Как ты думаешь, это был караван? – спросил Латиф, когда Фозил подошёл к нему и они пошли дальше.

Фозил снова не ответил, но Латиф не стал к нему оборачиваться, уверенный в том, что юноша идёт рядом, отставая всего на шаг или две.

– *«Откуда же ему знать?»* – думал про себя Латиф, сворачивая к ступенчатому склону.

Он заставил себя посмотреть на останки женщины. Кожа

на ней высохла словно курага под солнцем. Страх, застывший на лице, и в ужасе раскрытый рот привели к мурашкам на его спине и ногах. Латиф встрепенулся и пошёл дальше.

– Нет ни верблюдов, ни лошадей, – размышлял вслух Латиф. – Знали ли они, что впереди их ждёт тупик? Мне кажется, они умерли в разное время, но по одной причине... Страх, – с опаской предположил он.

Латиф дошёл почти до конца этого отрезка тропы. Дальше она петляла налево, где немного расширилась. Фозил ему не отвечал и, не слыша даже его шагов, Латиф вдруг остановился и снова повернулся назад. Он заметил, что Фозил застыл посреди тропы в пятидесяти газах от него. Юноша прислушивался к чему-то справа от себя.

– Фозил! – окликнул его Латиф и, когда тот посмотрел на него, вопросительно развёл руками. – Идём! – поманил он юношу.

– Я что-то услышал, – донёсся до него ответ Фозила.

– Услышал? – удивился Латиф.

– Что тут происходит? – неожиданно спросил Фаррух, заставив своего командира вновь вздрогнуть.

– Фаррух?

– Да, командир. Вы довольно сильно отстали, и господин Расим послал меня за вами.

На самом деле Расим не хотел сам возвращаться. Потому устроив небольшой привал, он послал самого младшего из копейщиков найти и поторопить Латифа с Фозилом.

– Так что у вас тут происходит? – снова поинтересовался Фаррух.

Латиф в недоумении повёл губой.

– Фозил говорит, что услышал что-то... Что именно ты услышал?! – крикнул он, повернувшись назад.

– Кажется, кто-то зовёт на помощь, – крикнул в ответ Фозил и шагнул направо, в сторону выступа.

– На помощь? – переспросил Фаррух.

Латиф взаимным недопониманием переглянулся с ним.

– Я пойду, узнаю – крикнул Фозил и начал подниматься по выступу.

– Я пойду за ним. Вдруг, кто-нибудь попал в беду, – вызвался Фаррух и побежал за Фозилем.

Оставшись один, Латифу казалось, что все эти пустые глазницы в отчаянии обращены на него. Он возненавидел это место всем дрожащим нутром. Его вывернет наизнанку, останься он тут на секунду дольше. Латиф поднялся на пологую часть ступенчатого склона горы слева от себя и ускоренным шагом покинул это место.

Там, где это было возможно, Латиф бежал. Там, где нет, он ступал осторожно, то поднимаясь на холмы, то спускаясь к каменистым склонам. Солнце уже склонялось к закату, когда он наконец дошёл до ущелья. Только тогда он решил спуститься на самую тропу. Склон на этом холме был травянистым и Латиф не опасался, что споткнётся о камень, поскользнётся, полетит вниз и разобьёт голову как арбуз.

– «Возможно, так они и умерли – в ужасе падая на смерть».

Латиф думал, что отряд дожидается их в долине, у входа в ущелье, где они оставили лошадей и телеги. Однако там никого не было, кроме трёх лошадей, пасущихся у подножия. Неужто Расим не остался ждать их возвращения? Вот же гнусный тип. И как падишах мог назначить его премьер-министром? Из-за болезни? Что-то здесь не чисто...

Латиф полчаса стоял у ущелья, волнуясь, когда же вернутся Фозил с Фаррухом, но они таки не появились. Латиф начал тревожиться, а день сменялся вечером. Вдруг, случилось что серьёзное? Нужно скорее найти Расима и сообщить отряду, что Фозил с Фаррухом отстали. Их стоит подождать или пойти к ним на помощь. Латиф поймал своего коня, сел на него и погнал галопом на юг.

Солнце наполовину село за горизонт, окрасив его в оранжевые тона. Латиф догнал отряд у северо-западной опушки Корявого леса, где устраивали ночлег в прошлый раз. Члены отряда запрягли своих лошадей в телеги, в которые погрузили яйца, и ехали со средней скоростью почти под самой сенью деревьев. Только Расим ехал отдельно на своей кобыле. Он часто смотрел наверх, но там кроме разбитых облаков, отражавших закатные краски, не было ничего.

Поравнявшись с Расимом, Латиф удивился, обнаружив, что все его люди, кроме Фарруха, были здесь. Они ехали на телегах и шутили между собой с весёлыми лицами.

– «Если они здесь, то кому понадобилась помощь?»

– Господин Расим, – озадаченно окликнул Латиф.

– О, явился наконец, – оглянулся на него Расим. – Где остальные?

– А... М-м... О-они...

Что это с ним? Латиф никогда не заикался. Странное чувство охватило его. Он смотрел на копейщиков из своего отряда и все те трупы снова предстали перед его взором. Он ощутил их страх на себе. Латиф задумчиво посмотрел назад, всё ещё надеясь увидеть Фозила и Фарруха, скачущих к ним.

– Они остались на той тропе, – наконец сказал Латиф.

– С чего бы? – спросил Расим.

– Фозил услышал зов о помощи и пошёл на него. Фаррух вызвался пойти за ним, чтобы выяснить в чём дело, – задумчиво ответил Латиф.

– Что ты сказал?! – Расим остановил лошадь и резко повернул голову к командиру копейщиков. В его глазах вспыхнула искра тревоги. На мгновение Латифу показалось, что в глазах Расима он видит тот самый ужас, застывший на лицах тех трупов.

– Зов о помощи, – неуверенно повторил Латиф. Глядя на взволнованного Расима, он сам сильно запереживал за тех двоих. – «Где же они?»

Расим тоже посмотрел назад в сторону гор. На его лице была написана тревога, а в глазах тлела скорбь. Расим вспомнил отца, мольбы и протянутую к нему руку. То зловещее

стихотворение о ничтожном пире снова всплыли в его памяти. Он закрыл глаза, сделал глубокий вздох и отпустил тяжёлые воспоминания. Затем Расим снова открыл глаза и твёрдо посмотрел на Латифа. «*Забудь*», он хотел было сказать, но вдруг его позвал один из копейщиков на ближайшей к нему телеге.

– Господин! Скорее. Посмотрите.

Расим обернулся и подъехал к той телеге.

– Что такое? – спросил он.

Копейщик, позвавший его, кивнул на яйцо, которое негромко хрустнуло. От изумления у Расима вылупились глаза. Он выжидающе посмотрел на яйцо, надеясь, что хруст больше не повторится. Иначе, плохи дела. И как на зло, яйцо шевельнулось и в ней с хрустом появилась небольшая трещина.

– Только не сейчас, – занервничал Расим.

– Господин, нам стоит остаться и дожждаться Фозила с Фаррухом, – настойчиво сказал Латиф, подъехав к Расиму.

– Как только они утолят свою алчность и набьют карманы драгоценными камнями, я уверен, они найдут дорогу назад, – Расим укоризной посмотрел через плечо на Латифа.

Он солгал, чтобы командир копейщиков отстал от него. На самом деле Расима не заботила судьба обречённых, даже Фозила. Сейчас самое главное – как можно скорее добраться до Расулабада.

Сначала, нужно укрыть яйца на случай, если объявится

мамаша. Нужно скрыть их с помощью силы и заклинания, тогда она примет отряд за обычных путников.

Расим приказал сбавить скорость и подвёл свою лошадь к телегам сзади. Расим отвёл правую руку в сторону и повернул ладонь вверх. Изумруд в его кольце вновь загорелся внутренним светом. Одновременно с этим кончики его растопыренных пальцев тоже загорелись внутренним оранжевым неярким светом. Казалось, будто сами его вены горели. Этой рукой он начал сжимать нечто невидимое, нечто, не уместяющееся в его ладони. Расим поднял левую руку и направил её к пышным кронам кривых деревьев. Он согнул левую руку в локте и напряг, а кисть подрагивала. Казалось, и этой рукой он пытается ухватиться за нечто большое и потянуть вниз.

Копейщики на телегах, словно зачарованные дети, наблюдали за колдовством. Один из них заметил, что губы Расима безмолвно произносят какие-то слова. На это обратили внимание и остальные, как вдруг ветки затряслись, а их листья начали падать. Невидимая сила, сила Расима направила эти листья прямо на телеги. Как только листья наполнили телеги и скрыли яйца, Расим ещё раз проговорил что-то себе под нос и, разжав кисть левой руки, снова резко сжал её в кулак. Нужно ему количество веток оторвалось от деревьев и легло на телеги, образовав плотную крепкую решетку на каждой.

Опустив руки, Расим глубоко вздохнул. Ещё никогда за

день он не применял столько свои силы – это было отличной практикой для него и демонстрацией сил копейщикам. Он взял поводья и подъехал к одной из телег. Расим взялся за прут наколдованной им решётки и попытался сдвинуть её – решётка не поддавалась, будто была пригвождена к бортам телеги. Убедившись в надёжности своего творения, Расим требовательно посмотрел на обмелевших копейщиков.

– Привала не будет. Скачите в Расулабад и как можно быстрее.

Копейщики молча кивнули и те, что держали поводья, хлестнули ими и лошади погнались вперёд.

Расим бесстрастно посмотрел на Латифа и, ударив свою кобылу в бок, галопом поскакал вслед за телегами.

Латиф же пребывал в полном замешательстве. Он задумчиво оглянулся назад и всё ещё переживал за Фозила и Фарруха. Нельзя оставлять их в этом проклятом месте. Латиф крепко сжал поводья. Он хотел вернуться за друзьями, но не решался. Всё его мужество и храбрость приводили одну причину, ту самую, чтобы отговорить его волю от бездумного и скорее губительного поступка.

Страж.

Солнце давно скрылось за горизонтом и сумерки сгушались. Выхода не было. Мысленно пожелав удачи, Латиф поскакал в сторону Расулабада...

«Даже узнав про Муаттару от Хранителей знаний, султан Бузург ибн Махмуд не смилостивился над ведьмами, которых предстояло бросить сарунам. И гонения ведьм он не отменил. Горе от утраты родных и любимых не позволяло ему здраво мыслить».

Хранители знаний: «Истории Ахоруна»

За окном занимался рассвет. С первыми лучами солнца день обещал быть по-настоящему жарким. Однако в постели Азима было холодно и... пусто. Азим ворочался под тонкой шёлковой простынёй, нервно тря колено о колено. Он протянул руку, но рядом никого не было. Азим перевернулся на другой бок и потянул руку в эту сторону – снова никого. Юноша скинул с себя простыню и открыл глаза с чувством, что всё произошедшее с ним за последние несколько месяцев было сном. Это чувство тревожит его уже три недели, а последние пару дней просто не давало ему спать. Увидев Зилолу, он вздыхал с облегчением. Однако сейчас её не было ни в постели, ни в самой комнате, которую им выделили родители после свадьбы.

Эта комната была обустроена по вкусу Зилолы и обставлена изысканной мебелью, подаренной лучшим мебельщиком Ангурана. Этот же мастер окрасил комнату в бежевый и

украсил углы деревянными панелями с резьбой, а на стены повесили различные кундалы. В комнате стояло благоуханье яблок, исходящее из золотых аромоламп в нишах над большой кроватью.

Азим сел и прислонился к спинке кровати, выполненной в виде тройного купола – напоминание о дворце – и высокими башнями по бокам, на которые они ставили свечи по ночам. Обивка спинки была сделана из мягкого бежевого бархата и застёгана золотистыми и розовыми сапфирами. Глядя на них, Азим протер глаза и перевёл взгляд на светло-пурпурные атласные занавески с белыми и синими ромбовидными полосами и разводами. Юноша сонно моргнул, затаенно зевнул и оглядел комнату – Зилолы и вправду не было. Видимо, как всегда, она проснулась с первыми лучами, если не раньше, и приступила к домашним делам.

Не веря в это, Азим в спешке оделся и спустился вниз. Услышав голос матери, он направился на кухню и увидел мать с женой. Зарина мелко нарезала мясо, Зилола месила тесто на кухонном столе и, услышав шаги Азима, отложила миску с тестом в сторону и поприветствовала мужа, подняв руку к сердцу и склонив голову.

– Доброе утро, – нежно сказала Зилола.

– Доброе утро, любовь моя, – с судорожным голосом ответил Азим.

Юноша вздохнул, но спокойствия ему это не принесло. Его сердце по-прежнему колотилось.

– Как ты, сынок? – голос Азима показался Зарине странным, и она посмотрела в его возбуждённые глаза. – Ты выглядишь обеспокоенным.

– Всё... хорошо, мама, – с запинкой слукавил Азим и отвёл взгляд. – Пойду, умоюсь, – понимая, что этим он не проймёт свою мать, Азим улыбнулся жене и вышел во двор.

Азим действительно был обеспокоен. Даже увидев Зилолу, его сердце не успокоилось. Странное чувство тревоги не покидало его. В последнее время он начал разговаривать во сне и бормотать «беги». Зилола успокаивала его и Азим снова засыпал. Однажды ночью Азим в ужасе проснулся и сел в постели. *«Они все умерли от рук дэва. Нужно бежать»*, пробормотал он, испугав жену. Его мучили кошмары и за прошлые три ночи они только ухудшились. Зилола беспокоилась за мужа и, видимо поэтому, рассказала обо всём матери. Не удивительно, ведь они так сдружились за эти сорок дней. Зарина называет Зилолу «доченькой», и та сияет в ответ. Это радовало Азима, и он забывал о кошмарах до следующей ночи.

Азим вошёл в ванную, набрал в руки воды и резко плеснул себе в лицо, потом ещё раз и ещё... Однако тревога не смывалась.

– Что со мной? – тихо проговорил он, глядя в зеркало. Некоторое время спустя он снова умылся холодной водой и озадаченно уставился на то, как сливается вода в новой мраморной раковине. – Я тебя не обманывал, – помотал он го-

ловой.

Завершив все ваннные процедуры, Азим снова вышел во двор и посмотрел наверх. На зеленовато-голубом небе парило одинокое белое кучевое облако. Юноша не опускал глаза, пока не заурчало в животе. Сытный завтрак – вот, что ему сейчас нужно, чтобы избавиться от тревоги. Думая о предстоящем дне, Азим вернулся домой.

– Доброе утро! – с новой улыбкой сказал Азим и, сначала, поцеловал мать в щеку, затем нежно поцеловал жену, смутив её перед свекровью.

Зилола в это время накатала тесто в рулет и нарезала его на куски, как показала Зарина. Азим оторвал кусочек теста, остававшегося в миске, и смачно положил его в рот.

– Сырое тесто? – удивилась Зилола.

– Он с детства делает так, когда я что-то пеку, – улыбнулась Зарина. – Иди, садись, – она кивнула в сторону столовой. – Сейчас подам завтрак.

Азим по-детски хмыкнул и оторвал ещё маленький кусочек теста и прошёл в столовую. Он сел на курпачу, а Зилола постелила рядом с ним скатерть. Потом она принесла чашку и глиняный кувшин с настойкой кураги, мёд, смешанный с фисташками, миндалём, орехом и тыквенными семечками. Затем она подала фатирмаску со свежим фатиром и нарезанной посередине ломтиками сочно-оранжевой дыни. Всё это было приправлено растительным сливочным маслом.

– Приятного аппетита, – сказала Зилола, положив дере-

вянную неглубокую тарелку с черным цветочным узором перед мужем.

– Поешь со мной, – пригласил Азим.

– Спасибо. Мы с матушкой уже позавтракали.

Азим надул губы в улыбке и принялся за завтрак. Зилола же отошла в сторону и с любопытством смотрела, как с большим аппетитом ест муж. Во дворце по воле султана ей практически не разрешали входить ни на одну из пяти кухней и вообще не давали готовить. Придворные служанки сами приносили ей еду и готовили по её желанию. В доме у мужа она боялась признаться свекрови, что не умеет готовить, но, к её счастью и удивлению, Зарина не позволяла ей готовить.

– *«В первые сорок дней ты наша гостья, доченька. В этот период я буду знакомить тебя со всеми правилами и предпочтениями в нашей семье»*, – с улыбкой сказала Зарина в их первое совместное утро на кухне.

Однако сегодня, на сороковой день, Зилола попросила разрешения у свекрови самой приготовить завтрак мужу.

– Вкусно? – робко поинтересовалась она.

– Очень, – похвалил Азим и наполнил рот новой горстью. – Моё любимое, – дожевав и проглотив, сказал он.

– Зилоладжан старалась для тебя, сынок, – Зарина похвально похлопала по плечу невестки, войдя в столовую. – Она сама испекла фатир и приготовила твой любимый завтрак.

Зилола с улыбкой и рукой у сердца поблагодарила све-

кровь за похвалу и вернулась на кухню, а Зарина села рядом с сыном.

– Как твои дела, сынок? – вкрадчиво поинтересовалась Зарина.

– Хорошо, – уклончиво ответил Азим, не глядя в глаза матери.

– А как здоровье?

Азим положительно покивал, потупив глаза. Он налил в другую чашу настойку кураги и предложил матери. Юноша понимал, о чём хочет поговорить мать, и всячески хотел избежать этот разговор.

– Попробуйте. Фатирмаска действительно получился вкусным...

– Зилола говорит, тебе снятся кошмары, – сказала Зарина после короткого глотка. – Кто такая Рудоба? – в лоб негромко спросила она, когда Азим, что-то проямлив, бесстрастно пожал плечами и скривил губы. Может, она и позволяла его отцу такие кривляния, но сын не увильнёт от ответа.

– «Откуда она знает это имя?» – юноша в изумлении и даже в страхе вытаращил на мать глаза.

– Твоя жена говорит, ты уже три ночи повторяешь это имя, – сказала Зарина, словно в ответ на вопрос, возникший в голове сына. – Сынок, ты только женился и у тебя уже кто-то появился на стороне? – Зарина вперила на сына испытующий взгляд.

– Мама! – негромко осёк Азим.

– Сынок, – мягко проговорила Зарина, – я волнуюсь о тебе. Твоя жена волнуется и даже ревнует к этой... Кто она?

Азим нерешительно посмотрел на мать. Он хотел всё рассказать, но не мог. Видимо, поэтому его и мучают кошмары.

– Как говорят люди, я совершил невозможное ради Зилолы. И после этого, вы думаете, я стану изменять ей? Простите, матушка. Я обещал не выдавать её тайны. И если эта тайна будет преследовать меня в кошмарах, пусть будет так. Зилола рядом... Она утешет меня, – тихо вымолвил он.

Зарина понимающе кивнула. Её сын проделал немалый труд, чтобы жениться на дочери султана. Вряд ли после этого он нашёл себе любовницу на стороне. И потом, что это за любовница, которая снится в кошмарах? Кем бы ни была эта Рудоба, Азим категорично не хочет о ней говорить. Пусть так.

– Вот масло чёрного тмина, матушка, – Зилола вошла в столовую и подала стеклянный пузырьёк. Она невольно услышала последние слова мужа и посмотрела на него с взволнованной улыбкой.

– Пей по чайной ложке утром и вечером после еды, – сказала Зарина сыну, глядя его по голове за левым ухом. – Перед сном жуй мяту. Если это не избавит его от кошмаров, завари ему ромашку с мёдом, – посоветовала она невестке.

– Хорошо, матушка, – ответила Зилола и унесла пустую тарелку.

– Спасибо! Было вкусно, – Азим с восхищением любовал-

ся своей женой.

– Сегодня нас ждут во дворце, – напомнила Зарина.

– Да. Духтар талбон, – сказал Азим и сложил руки лодочкой перед собой ниже груди. Тихо прошептав благодарственную молитву, обвёл руки вокруг лица.

По традиции, по прошествии сорока дней после свадьбы, родители невесты в праве потребовать свою дочь в гости, что в буквальном смысле и означает «духтар талбон». Однако же со дня свадьбы Азима с Зилолой прошло больше сорока дней. Первые семь дней они остались во дворце, что не входит в счёт.

– Мы с твоей женой испечём самбусы, лепёшек и сладостей, – такова традиция. – А ты, пока, приведя себя в порядок, – наказала Зарина. – И о брате не забудь.

К трём часам по полудню за ними пришли придворные слуги в сопровождении вофи. Зарина вручила слугам три больших круглых подносов, завёрнутых в золотистые дастарханы.

Их процессия состояла из тринадцати человек. Трое вофи в зелёных халатах с золотистыми виноградными узорами шли впереди. На их золотистых поясах, прошитых зелёными нитками, сбоку висели короткие мечи в белых ножнах – этот цвет означал, что гвардейцы ни разу не проливали кровь, что в свою очередь значило, что на них никто не нападал. Позади них шли султанзаде, её муж, деверь и свекровь. За ними шли слуги с дастарханами и ещё три вофи замыкали процес-

сию. Среди этих троих был и начальник придворных вофи, Мансур, который когда-то ткнул Азима за неуважение к султанзаде.

Зилола надела белый, почти приталенный атлас со светло-пурпурными разводами на лифе. На подоле также были треугольные разводы разных оттенков белого цвета. Поверх платья была короткая распашная безрукавка из атласа с едва заметными золотистыми разводами и золотистым кантом по краям. На голове была белая тюбетейка с золотистым кантом и с вышитым серебристым узором. Поверх круглой тюбетейки вместе с волосами к талии ниспадал пурпурный сетчатый платок с тесьмой, украшенной мелкими сапфирами. Она шла под руку с мужем и объясняла, как следует вести себя во дворце с другими родственниками султана, то есть хеш-султанами, и высокопоставленными гостями.

Азим и его мать тоже облачились в белые одеяния. Зарина, кроме того, свободно повязала зелёный платок, оставив макушку на половину открытой. На шее у неё висело турмалиновое ожерелье под цвет её глаз. Для сочетания с платком Зилола повязала на пояс свекрови другой зелёный платок, чуть темнее первого, с узлом на правом боку. После свадьбы султанзаде перестала ненавидеть зелёный цвет, поскольку это было любимым цветом её свекрови. Азим же изначально хотел надеть свой чёрный наряд, но жена отговорила его.

– *«Вы теперь зять султана и вправе считаться хеш-сул-*

таном. Потому, во дворце вам следует появляться в белом», – объясняла Зилола, когда они переодевались в своей спальне.

На Рауфе также была белая туника и шаровары. Поверх у него был распашной белый камзол одинаковой длины с туникой. Его одеяние украшали бледно-серые растительные и переплетающиеся узоры, а на поясе под камзолом повязан серый шёлковый платок с белыми узорами винограда. Такой же платок повязан в виде короткой чалмы вокруг чёрной тюбетейки.

Процессия шла по оживлённым улицам столицы и прохожие склоняли голову перед султанзаде и её мужем. Некоторые делали это молча, другие желали молодожёнам счастья, крепкого здоровья, много детей и так далее. Между тем, горожане не скрывали удивления от того, что их госпожа идёт пешком, и косо с недопониманием поглядывали на слуг и вофи. Горожане не знали, что за день до этого писарь-глашатай Сорбон приходил в дом к Аъзаму с поручением султана. Он спрашивал, желает ли госпожа поехать во дворец на лошадях. Зилола ответила отказом, предпочтя пешую прогулку. В тот вечер, за ужином Азим вручил Сорбону четыре мешочка с очищенными из горной породы драгоценными камнями и попросил передать их тем семьям, которым Сорбон ранее передавал мархуров. Сорбон долго смотрел на мешочки и даже проронил слезу.

– *«В одной из этих семей недавно скончалась бабушка*

и дети остались полными сиротами... Они будут безмерно рады вашей щедрости, молодой господин», – сказал тогда Сорбон сквозь сердобольный ком.

На площадь, окружавший дворец, процессия вышла через западную улицу, где, в основном, испокон веков проживали чиновники, отчего она и носит аналогичное название: «Улица чиновников». К самому дворцу они прошли через северо-западный лабиринт, благоухающий белыми розами. Это был выбор Зилолы, который она объяснила тем, что соскучилась по этим местам. Их проход сопровождался гулким рёвом сарунов, заточённых в клетках под галереями.

– Не бойтесь матушка, они заперты, – заверила Зилола.

Тем не менее Зарина с опаской прижалась к старшему сыну, а вот Рауф проявил к ним интерес.

– Можно посмотреть на белых львов, госпожа?

– На закате их будут кормить. Мы можем присоединиться, – с задорной улыбкой обещала Зилола и обрадовала деверя.

– Почему они режут? – спросила Зарина.

– Хранителя знаний говорят, что саруны так молятся Всевышнему. Они делают это, когда солнце стоит утром и вечером над горизонтом на отметке одной стрелы.

– Кто такие Хранители знаний? – полюбопытствовал Рауф.

– Мои учителя, – кратко ответила Зилола.

– Зилола... Правда, что твой отец скармливал им ведьм? –

нерешительно спросил Азим.

Его жена грустно потупилась. Её воспитательницы говорили, что тогда был тяжёлый период в Ахоруне. Люди умирали тысячами, и никто не мог найти лечения от Зелёной хвори. Когда ведьмы приходили во дворец предложить свою помощь, её отец просто приходил в ярость.

– Я была слишком мала тогда, но их вопли я запомнила надолго, – тихо проговорила Зилола.

Султан знал, что его дочь придёт ко дворцу через лабиринт. Потому он велел встретить её у служебного входа. Так, под северо-западными боковыми арками на ступеньки постелили бежево-розовую дорожку из тонкого шёлка с серебристой тесьмой. Слева стояли слуги, справа служанки, держа на изгибе локтя небольшие корзинки. Над головой Зилолы и Азима, которые прошли вперёд, они сыпали лепестки белой розы, над головой Зарины и Рауфа посыпали красные.

– Добро пожаловать, госпожа! Добро пожаловать, господин! – приветствовали они, как Зилолу с Азимом, так и Зарину с Рауфом.

Азим странно посмотрел на них. Зилола предупредила, что его теперь будут называть «*господином*». Всё равно, слышать это для него было непривычным.

То ли ещё будет...

В гардеробной они сменили свои красивые, расшитые га-лоши на серебристые сандалии с мягкой подошвой. Слуги с дастарханами в руках проводили их до банкетного зала. Те-

перь здесь на месте стола для молодожёнов стоял большой белый топчан с резьбой, чьи бороздки были украшены золотом. Султан стоял рядом с топчаном и отдавал распоряжение старшим слугам, среди которых был и Адхам.

Старшие слуги ушли с поклоном и султан повернулся к двери, где стояли его дочь с мужем, деверем и свекровью.

– С твоим приходом во дворец снова вернулось солнце, дочь моя! – Бузург подошёл и крепко обнял свою дочь. – Я скучал по тебе, – тихо проговорил он ей в ухо.

Зилола была поражена. Её отец впервые за всю жизнь сказал, что соскучился по ней. Что это с ним? Это Чёрный рубин так на него влияет? С тех пор как Бузург его получил, султана словно подменили. Как бы там ни было, Зилоле было приятно в тёплых объятиях отца.

– Я тоже рада видеть вас, отец, – ответила она.

Султан поцеловал дочь в щеку и посмотрел на зятя.

– Приветствую вас, несравненный султан, – Азим с почтением прижал руку к сердцу и склонил голову.

– Здравствуй, Азим, – султан положил правую руку на плечо зятю. На его левом указательном пальце было серебряно-золотое кольцо с Чёрным рубином, размером с виноград.

– *«Куда он дел остальное?»* – подумал Азим, глядя на кольцо.

– Проходите, – отступив, султан указал на резной топчан. – Добро пожаловать, – улыбнулся он Зарине и ласково потрепал Рауфа по затылку. – Аъзаму я давал важное пору-

чение. Он скоро придёт, – заверил Бузург и пошёл за ними.

Зилола была приятно удивлена гостеприимством отца. Она с помощью мужа ступила на помост и поднялась на топчан длиной и шириной в пять газов. На нём были постелены бежевые курпачи с коричневым кантом с золотым переплетением. Их длина составляла три газа, обрамляя белую скатерть. Во главе дастархана сел султан, облаченный в белые, чуть ли не сверкающие шелка. Справа от султана сидел Азим, а Зилола – слева. Справа от дастархана сидели мужчины. Ближе к Азиму сидел его отец, который подошёл несколько минут после их прихода во дворец. Затем сидел Адхам, а рядом с ним сидел Рауф. Последним был мэр Арружа.

Слева от дастархана сидели женщины. Ближе к Зилоле была её свекровь, затем сидела жена мэра Арружа, мэressа Мираса и тётя султана – старшая сестра его покойного отца. Она приехала из Фалида вместе с мэром этого города, который предпочёл прогуляться по лабиринтам до заката.

Султан воздел руки перед собой и громко провозгласил:
– Да будет пир в честь моей дочери и её мужа!

Опустив руки, Бузург жестом велел придворным слугам начать представление и разносить блюда и угощения.

Остальные знатные и, в основном, местные гости были размещены в альковах с топчанами. Их было не меньше, чем на свадьбе. У ажурных решёток расположились музыканты. Они начали играть в струнные и лёгкие духовые инструмен-

ты. Молодые девушки в широких атласах с радужными разводами в танце закружились перед музыкантами. Из глубоких альковов начали выходить слуги с подносами.

На дастархане султана были разные лепёшки и мучные изделия. По углам парами стояли чайники – в белых с золотистыми узорами был зелёный чай, в тёмно-синих с белыми узорами был чёрный чай. В хрустальных кувшинах были шербет, настойки и отвары из сухофруктов с мёдом и свежесжатые соки. На этот раз никакого вина. Султан не пил вина и не позволял ставить кувшины с вином на своём дастархане. Тем не менее вино подавали другим гостям в альковах. Именно поэтому мэр Фалида под предлогом прогулки в лабиринтах отлучился, чтобы позднее вернуться и пристроиться в один из этих альковов.

Следуя этикету дастархана – питьё сначала подают младшим, а еду – старшим. Так, Азим, спросив у Рауфа, налил и подал ему свежий грушевый сок.

– Как ваша жизнь молодая? – поинтересовался султан, взяв пиалу с зелёным чаем с рук Азима и посмотрев на дочь.

Зилола робко улыбнулась и опустила взгляд.

– Она – свет в моей душе, мой господин, – тепло отозвался Азим. – Я не представляю своей жизни без неё.

– Хорошо, что ты нашёл Чёрный рубин, – пошутил султан после глотка чая.

Азим согласно покивал, глядя на кольцо султана. В чёрном камне, огранённом в виде тубетейки и обрамлённым

двумя лепестками из золота и серебра, горели сотни мелких огней под светом люстр.

– Как вам удалось найти это сокровище? – поинтересовался Фотех⁴², мэр Арружа. – Говорят, вы никому не поведали этой тайны.

– Простите, я не могу на это ответить, – учтиво сказал Азим.

– Вы не хотите, чтобы и другие нашли Чёрный рубин? – с укором спросил Фотех.

Азим промолчал и отвёл от него взгляд.

– Когда объявили о вашей предстоящей свадьбе с госпожой, весь Рахшонзамин узнал, что Азим нашёл Чёрный рубин, – продолжил напирать Фотех. – О да, вы знамениты, господин, хоть люди и не знают вас в лицо. С тех пор очень многие отправились на поиски этого сокровища, полагая, что вас видели в Арруже перед находкой рубина. Эти искатели приключений приезжают в Арруж толпами. С одной стороны, это хорошо. Постоялые дворы полны гостей. На базарах полно покупателей. Казна пополняется налогами... С другой стороны, после их ухода в мой дворец начали поступать письма. Родные и близкие этих путешественников спрашивают, где они? – его требовательный взгляд встретился с отчуждённым взглядом Азима. – Если не ошибаюсь, у вас ушло чуть более месяца, чтобы найти этот рубин. Со дня объявления вашей свадьбы и после неё прошло три месяца. За всё

---

⁴² Фотех произносится с горганной «х».

это время никто не вернулся домой, – с намёком на осуждение проговорил Фотех. – Если бы вы поделились своей тайной...

– Раскрытие тайны не вернёт тех, кто уже ушёл, – негромко прервал Азим.

Фотех сжал губы в тонкую линию и косо приподнял бровь.

– Ваша правда, – согласился он. – Однако, зная куда идти, они бы уже вернулись домой.

– Азиму сопутствовала удача, – встрял султан. – Пусть и другим она будет благосклонная по воле Всевышнего, – заключил он. По его тону и взгляду было ясно, что он больше не хочет слушать разговоров на эту тему.

– Попробуйте, отец, – Зилола пододвинула к отцу тарелочку с тремя самбусами. То, что они принесли на своих трёх дастарханах, тоже положили перед султаном и его гостями. – Я сама их испекла, – скромно сообщила она.

– Правда? – усомнился Бузург и с улыбкой взял одну самбусу. – М-м-м... – похвально промычал он, проглотив первый прожеванный кусок. – Не ожидал, – признался султан и посмотрел на Зарину. – С вами мой тюльпан расцвёл. Спасибо, – Бузург прижал руку к сердцу и слегка склонил голову, смутив Зарину.

– Зилола для меня как дочь, о которой я долго мечтала, – негромко сказала Зарина.

Бузург покивал и многозначительно посмотрел на дочь. Он хотел сказать, что она стала очень похожа на свою мать,

но промолчал, чтобы не вызвать грусть в дочери.

Между тем, слуги подали первое блюдо – лёгкий суп с курицей и белой фасолью в белых фарфоровых мисках с золотой каймой и выпуклыми виноградными узорами. Соблюдая этикет дастархана, они ели молча. Тишину нарушали приятные переливы флейты и ритмичное сопровождение струнных инструментов.

Отложив свою пустую чашу с деревянной ложкой внутри, султан обратился к Азиму:

– Мне сказали, что ты отказался от места своего отца в Торговом совете. Почему?

– У меня недостаточно опыта, господин, чтобы занимать эту должность.

Султан добрым взглядом смотрел на зятя. Затем он посмотрел на дочь – та практически не притронулась к супу.

– Чем же ты тогда занимаешься? – он снова посмотрел на Азима.

– Слежу за сбором летнего урожая и подготовкой к сбору осеннего, – ответил Азим, проглотив недожёванное мясо.

– Так не пойдёт, – султан слегка сдвинул брови и покачал головой. – Ты теперь мой зять. Значит, теперь ты хеш-султан. Не пристало хеш-султанам ходить среди борозд и собирать картошку. Будешь моим вакилом, – оглядев всех за дастарханом, заявил султан. – Вместе со мной будешь вести собрания визирей. Каждые три месяца будешь ездить в Арруж, Мирас и Фалид слушать доклады мэров, разглашать мои указы

и принимать от моего имени людей, желающих обратиться ко мне, но не в состоянии приехать в столицу. Люди должны знать, кто такой Азим ибн Аъзам, зять султана и отец будущего наследника. Кстати, о наследниках. Чем порадуете? – султан улыбочиво посмотрел на Азима, потом на дочь.

Зилола покраснела. Она опустила голову и, украдкой посмотрев на мужа, безмолвно шевеля губами, переложила на него ответ на вопрос отца.

Азим понимающе улыбнулся и посмотрел на тестя.

– С вашего позволения, несравненный султан, мы бы хотели повременить с этим, – Азим учтиво склонил голову.

– Правильное решение, – с одобрением кивнул султан. – Рано вам заводить детей. Вы сами ещё дети. Одному девятнадцать, другой семнадцать. Мой отец всегда говорил: *«Дети – это большая ответственность. Человек должен прожить хотя бы двадцать пять лет, чтобы осознать эту ответственность прежде, чем самому стать родителем»*. И потом, я ещё молод, чтобы называться дедом, – пошутил Бузург.

Пока за их топчаном смеялись, слуги начали подавать второе блюдо. Адхам хотел приготовить изысканный плов, но султан велел ему приготовить манту.

– *«Плов – это банально»*, – заявил Бузург этим утром. – *«Сделай манту из трёх видов мяса и тыквы»*.

Что ж, Адхам постарался на славу. В неглубоких фарфоровых тарелках подавали манту, сложенные в гору и сверху

посыпанные мелконарезанной зеленью. Склоны мантушной горы были политы тонкой струёй чакки, а подножья обрамлены луком, нежно поджаренным в сливочном масле. На белых тарелках слуги подавали манту с курицей и перцем, на серых с бараниной, на алых с говядиной, а на оранжевых с тыквой. Все четыре вида манту были слеплены по-разному. К ним подавали порционные тарелки с плоскими ложками, чашки с разбавленной чаккой и жгучий перец.

Пока все ели, танцовщицы и музыканты сделали небольшой перерыв. Вместо них вышла Зулфия – певица средних лет и среднего телосложения. Она была в красном атласе с белыми, желтыми и зелёными разводами. Склонив голову перед султаном и его свитой, она запела низким голосом про любовь и сопутствующие беды, и только один музыкант с ружабом подыгрывал ей.

Зилола по просьбе отца наложила ему по три мантушки каждого вида и подала ему вместе с чаккой и перцем.

– Приятного аппетита, дададжан, – мягко пожелала она.

Взяв другую порционную тарелку, Зилола затруднилась в выборе.

– Твоя мать любила тыквенные, – тёплой улыбкой подсказал Бузург. – Попробуй.

Зилола кивнула и взяла всего одну мантушку, чтобы не растолстеть.

Ох уж эти девушки!

Султан ласково смотрел на свою дочь, пока та доедала эту

бедную мантушку.

– *«Как же она изменилась после свадьбы»*, – думал он про себя. – *«Она словно сияет изнутри. Видела бы ты свою дочь, Нисо»*, – с этой мыслью у него в глазах отразилась грусть. Он бегло посмотрел на Азима и снова на дочь. – *«Этот молодой человек дал ей то, чего не смог я»*.

Не поднимая руки, султан протянул её к дочери.

– На твоей свадьбе мы так и не смогли потанцевать. Ты подаришь мне танец сейчас?

– С удовольствием, дададжан⁴³! – широко улыбнувшись, Зилола взяла руку отца.

Зилола была просто в восторге. Чтобы не повлияло на отца, она рада, что теперь он замечает её. Азим и остальные снова сели, когда султан с дочерью спустились с топчана. Отец с дочерью встали посреди банкетного зала и все взоры направились на них.

– Спой нам что-нибудь душевное, – попросил султан.

Зулфия склонила голову и, что-то проговорив музыкантам, которые быстро вернулись на свои места, начала петь «Слезы отца» под музыку струн.

Бузург взял дочь за обе руки, и они начали двигаться в такт неторопливой музыки. Нежный голос заполнил банкетный зал, и все гости наблюдали за танцем отца и дочери.

– Танцор из меня неважный, – проговорил Бузург, не зная, как ещё продолжить разговор.

---

⁴³ Дададжан – ласковое обращение к отцу.

– У вас хорошо получается, – похвалила Зилола.

Отец и дочь, держась за руки, сделали круг, затем плавно взмахнули в одну сторону, потом и в другую. После они отступили друг от друга и снова приблизились. Их танец изображал круговорот солнца и луны.

– Я очень рад, что ты вернулась, – сказал Бузург, глядя в счастливые глаза дочери. – Дворец пустовал без тебя.

– Мне так приятно слышать это от вас, – прошептала Зилола.

– Прости меня, доченька. Я мало говорил тебе тёплых слов. Я был ослеплён горем и не замечал тебя...

Они отпустили руки, отдалились друг от друга на несколько шагов и три раза покружились на месте. Затем они сделали большой круг, глядя друг другу в глаза, и снова приблизились и взялись за руки.

– Ты так похожа на мать, – решился сказать Бузург.

– Вы любили её?

– Не меньше, чем Азим любит тебя, – ответил он, бросив взгляд на зятя. – Однако у меня была глупость предать её, – признался Бузург. – Я очень сожалею об этом, – он искал прощения в изумлённых глазах дочери, но танец их снова разлучил на несколько шагов.

Зилола не знала своей матери и не знала, что произошло между ними с отцом. Потому ей не было что ответить, когда они снова взялись за руки. Как завершающий элемент танца Бузург посмотрел в одну сторону, а Зилола в другую и её

взгляд с подозрением пал на мужа.

– *«Кто такая Рудоба? Если ему предстоят поездки по Ахоруну, он может снова встретиться с ней»*, – с ревностью подумала она.

Зулфия спела песню, и музыка стихла.

– Спасибо за танец, дочь моя, – поблагодарил Бузург.

– Вы изменились, отец, – Зилола изучающе посмотрела на отца.

– Я стараюсь измениться, – ответил Бузург. – Ещё один танец? – озорно предложил он.

– Охотно! – улыбнулась Зилола.

– Дорогие гости! – султан обратился ко всем. – Прошу вас присоединиться и разделить с нами следующий танец, – он поманил к себе рукой и перевёл взгляд на певицу. – Давай танцевальную! – заказал он жестом.

Заиграла бодрая, ритмичная музыка и Зулфия запела «Танцуй девочка». Танцпол перед ней наполнился гостями. Одни умело двигались в так с музыкой, другие кое-как подтанцовывали. Однако все они окружили султана с дочерью. Те с широкой улыбкой и радостно горящими глазами кружились в танце и двигали руками. И только Азим застенчиво хлопал в ладоши за плечом отца.

Увидев зятя, султан, пританцовывая, подошёл к нему и заташил в круг. В других случаях Азим отказался бы, ведь он не умеет танцевать. В этом случае деваться было некуда, и он начал выполнять какие-то неуклюжие движения.

– Думал, я не умею танцевать, – Бузург в танце подошёл к дочери и шутливо кивнул на Азима. – Вон какой баклажан.

Зилола засмеялась и в танце приблизилась к мужу.

– Повторяйте за мной, солнце моё, – прошептала она рядом с ухом Азима и начала выполнять плавные и ритмичные движения.

Азим же стал отражением жены, и она похвально кивнула ему.

– Продолжайте в таком духе, – сказала она и пригласила свекровь на танец.

Мэressа Мираса и тётя султана, несмотря на свои семьдесят пять лет, тоже вошли в круг и закружились в танце возле султана.

Во время второй танцевальной песни, всё внимание на себя привлёк Рауф. Он танцевал гораздо лучше старшего брата и даже исполнил отдельный танец с Зилолой. Все громко свистели и хвалили мальчишку.

Веселье и танцы продолжились ещё пять песен, после чего султан поблагодарил певицу и музыкантов за подаренное настроение. Гости начали возвращаться в свои альковы, а слуги начали подавать десерт.

– Отец, – Зилола подошла к султану. – Я устала и хотела бы отдохнуть.

– Хорошо, дочь моя, – кивнул Бузург. – Я велел подготовить для вас с Азимом новые покои наверху с террасой. Иди, отдохни. Завтра я позову мастеров, и они обустроят покои

как тебе и твоему мужу будет угодно. Что такое? – спросил он, заметив, что дочь нерешительно потупилась.

– Прежде всего, вы султан и мой господин. Ваше слово закон для меня, – учтиво заговорила Зилола, не поднимая головы. – Однако, как к отцу, у меня к вам всего одна просьба.

– Слушаю тебя, – с интересом сказал Бузург.

– Отец, – Зилола посмотрела ему в глаза. – Позвольте остаться в доме моего мужа. Я росла во дворце, воспитываемая няньками и учителями. Я не знала материнской любви, но почувствовала её рядом со свекровью. Она относится ко мне как к родной дочери. Я хочу остаться с ней и называть её... – Зилола не произнесла последнее слово, чтобы не обидеть отца.

Султан был удивлён, и не столько словам дочери, а сколько тому, что совсем не знал ни своей дочери, ни того, какие у неё могут быть пожелания. Ему хотелось исполнить любое её желание, но это... Это было совсем неожиданно. Бузург только хотел наладить с дочерью отношения, а она хочет уйти из дворца.

– Вы все можете жить здесь, во дворце, – он пытался отговорить дочь.

– Мне всегда говорили, что я дочь султана и моё место во дворце. Что однажды и у меня будет свой дворец, когда я выйду замуж за какого-нибудь шахзаде. Но я вышла за простого парня и хочу быть простой невесткой. Хочу просыпаться по утрам, подметать двор, убирать пыль и помогать све-

крови...

– А слуги? – недоумённо спросил Бузург.

Зилола отрицательно покачала головой.

Бузург задумчиво и неохотно вздохнул. Когда Зилола была маленькой, он часто оставлял её просьбы без ответа, и огорчённая девочка со слезами возвращалась в свои покои. Теперь же он не хотел вновь огорчать её, когда она так счастлива.

– При одном условии, – наконец сказал он.

Зилола согласно кивнула и Бузург озвучил своё условие:

– Не забывай, ты дочь султана. Неважно, что ты вышла не за шахзаде. Ты остаёшься моей наследницей. Я позволю тебе остаться в доме мужа, но... Когда по воле Всевышнего у тебя родится сын, ты вернёшься во дворец и будешь воспитывать наследника трона здесь.

– Да будет так, дададжан, – улыбнулась Зилола и склонила голову, прижав руку к сердцу.

– Твоя мать гордилась бы тобой, – покивав, сказал Бузург.

– Я люблю вас, дададжан, – Зилола крепко обняла отца.

– И я тебя, – прошептал султан в ответ. – Остайся во дворце хотя бы на три дня, – попросил Бузург.

– Останусь, – тихо ответила Зилола, отпрянув от отца. – С вашего позволения, я пойду отдохнуть.

– Иди, – с улыбкой кивнул Бузург.

Зилола поклонилась отцу и ушла. Однако через несколько шагов отец окликнул её.

– Дочь моя, посмотри на него, – Бузург кивнул в сторону Азима, который важно беседовал с отцом и визирем земледельца Ахоруна. – Твой муж далеко не простой парень, – одобрительно помотал он головой.

– Я знаю, – прошептала Зилола и направилась к выходу. Перед тем как покинуть зал, она снова посмотрела на мужа и заметила, что он вопросительно смотрит на неё. – Я люблю тебя, – проговорила она и вышла за дверь.

– Аъзам, – позвал султан, подойдя к ним. Тот склонил голову и был весь во внимании. – Я хочу сообщить о назначении Азима визирям и другим чиновникам. Банкетный зал не место для этого. Пусть соберутся завтра в малом зале заседаний.

– Сейчас же сообщу им, мой светлый господин, – с рукой у сердца Аъзам поклонился и вместе с визирем земледельца пошли выполнять поручение султана.

– Куда пошла Зилола? – спросил Азим.

– Она устала, – коротко ответил Бузург. – Она попросила остаться у вас дома. Вижу ты тоже удивлён, – посмотрев на Азима, сказал Бузург. – Она мой единственный ребёнок, Азим, – серьёзно заговорил султан. – Я мог и не выдавать её за тебя. Мог отказать тебе во время приёма сватов. Я мог сам найти Чёрный рубин... Времени не хватало, – выждав паузу, пожал плечами султан, а на изумлённый и вопросительный взгляд зятя просто хмыкнул. – Ты убедил меня, что любишь мою дочь и теперь она твоя. Однако любовь – это странное

чувство. Из-за неё люди совершают не только добро, но и причиняют боль. Не обижай мою дочь, – султан предупредительно покачал головой. – Как отец, я слишком поздно спохватился, но у тебя всё впереди.

– Обещаю вам, мой светлый господин, на лице Зилолы всегда будет улыбка, – уверенно сказал Азим с рукой у сердца.

Султан кивнул, приняв обещание зятя и вернулся на топчан. Азим поднялся вслед за ним и сел справа от тестя. Затем на топчан вернулись и остальные, кто сидел с султаном, кроме его дочери.

– Ваши слова переданы визирям, мой светлый господин, – доложил Аъзам, перед тем как подняться на топчан.

– Хорошо, – кивнул султан и жестом велел музыкантам продолжить.

На танцпол снова вышли танцовщицы и под негромкую музыку стали исполнять новые танцы. В это время слуги, в добавок к десерту, подавали и холодные угощения.

– Мой светлый господин, – обратился Аъзам. – Из Расулабада пришли вести.

– Какие? – по тону визиря султан понял, что эти вести не могут ждать до завтра.

– Письмо прислал Акмал, главный писарь Зебистана, и одна из вестей плохая, господин.

– Не томите, Аъзам.

– Они сообщают, что наследный падишах, Мунир ибн Но-

дир скончался, – с сочувствием сказал Аъзам.

– Когда? Как?! – пришёл в негодование султан.

– В сообщении говорится, что трагедия произошла две недели назад, – ответил Аъзам.

– И они только сейчас извещают меня об этом? О чём только думает их премьер-министр? – возмутился султан.

– В письме также говорится, что в связи с отсутствием премьер-министра, они просят вас от имени падишаха увеличить поставки, – передал Аъзам.

– *«Где же тогда Расим?»* – с подозрением подумал Бузург. – *«С тех пор как его назначили на эту должность, умерли оба наследника Нодира. Что творится в Расулабаде? Что задумал этот шакал?»*

– Мы обсудили их просьбу с визирем земледелья и пришли к выводу, что мы могли бы увеличить поставки вдвое. Однако для этого нам нужны ещё грузовые лодки, – сказал Аъзам, пока султан пребывал в раздумье. – Господин?

– Вы должны отправиться в Расулабад, – султан посмотрел на свата, оставив свои раздумья. – Я хочу, чтобы вы выяснили, что там творится. Возьмите собой кого-нибудь из Торгового совета и под предлогом обсуждения условий дополнительных поставок выясните ситуацию во дворце и причину смерти сыновей падишаха. Всё это кажется мне слишком подозрительным.

– Будет сделано, мой светлый господин, – Аъзам склонил голову и прижал руку к сердцу.

– Вот твоё первое задание, Азим, – султан обратился к зятю. – Скажи писарям составить ответное письмо и выразить в нём моё сожаление. Пусть также сообщат о визите твоего отца... Что такое? – насупился султан, заметив странное выражение лица Азима, будто он не слушал его, а витал в облаках.

Азим снова почувствовал тревогу, когда султан обращался к нему. Что-то невидимое, словно когти, сдавливало ему голову. Ему стало не по себе. Руки снова задрожали.

– *«Ты обманул меня»*, – услышал он сердитый голос Рудобы в своей голове.

– *«Это сон?»* – нахмурился в недоумении юноша.

– Азим? – звал султан, но его голос юноша слышал мутно. – Азим? – уже звали султан с его отцом.

Аъзам потряс сына за плечо и тот пришёл в себя и тут же услышал женский крик.

– Мой светлый господин! Султан! Чудовище! – в банкетный зал в диком ужасе забежала служанка.

Девушка в сиреневом платье и атласном камзоле поверх привлекла внимание всех своими воплями. Танцовщицы замерли в недоумении. Музыканты положили свои инструменты, а гости высовывали головы из альковов.

– Чудовище, господин! – она подбежала к резному топчану, и вся тряслась. – Оно... Оно... – начала задыхаться перепуганная служанка.

– Успокойся! – потребовал султан. – Говори, что случи-

лось?!

– Чудовище с огромными крыльями унесло госпожу Зилолу, – кое-как переведя дыхание, сообщила служанка.

– Что?! – вскочил с места султан.

Нет, это не сон. Это кошмар наяву.

Сердце Азима упало в пропасть. Он опешил от услышанного.

– Я требую объяснений! – вскричал султан.

– Госпожа осматривала новые покои. Она вышла на террасу и вскоре оно спустилось из ниоткуда, схватило госпожу своей огромной лапой и улетело прочь к горам, – поведала служанка.

Султан вперил в Азима палящий, вопросительный взгляд. Юноша растеряно и глубоко озадаченно смотрел вниз.

– *«Я не нарушал обещания»*, – недоумевал он.

– Соберите всех вофи! Призовите изгнателей! – приказал султан, спустившись с топчана. – Мы немедленно отправимся за ними!

Начальник придворных вофи, Мансур и его соратник, глава городской стражи выскочили из альковов и в полупьяном состоянии побежали исполнять волю султана.

– Нет! – вдруг возразил Азим. Он встал и спустился с топчана. – Вы не найдёте их.

– Ты знаешь, что за существо похитило мою дочь? – сердито спросил султан.

Азим молча кивнул в ответ.

– Ты и поведёшь нас, – приказал Бузург.

– Нет, – снова возразил Азим и подошёл к султану.

– Если это связано с твоей тайной, то пора раскрыть её! – возмутился Бузург.

– Я обещал не выдавать тайны, – тихо проговорил Азим и взял тестя за руку выше локтя. – Если вы отправитесь туда со своей гвардией, это нарушит моё слово. Тогда всё может плохо кончиться для всех нас. Прошу вас, отец, – Азим умоляюще посмотрел султану в глаза. – Доверьтесь мне. Я сам отправлюсь за ними и верну Зилолу. Обещаю...

* * *

«В своём очередном докладе, отправленном в Нордан, Мастона отметила, что чесночные свечи горят в покоях падишаха Нодира с тех пор, как им овладела таинственная болезнь, то есть за два года до того, как их начали изготавливать и использовать во всём Ахоруне в борьбе с Зелёной хворью. Капнув дальше, она узнала, что именно Расим распорядился об этом, что усилило подозрения Мастоны, теперь уже разделяемого Высшим советом Хранителей знаний в Нордане, что падишах Нодир является первым носителем Зелёной хвори».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори»

Походный отряд не щадил лошадей. Несмотря на свою

выносливость, отборные черногривые кобылы взмылились, скача всю ночь со дня, как их запрягли в телеги. Копейщики сменяли друг друга на поводьях и спали на плечах друг друга, пока не наступала их очередь. Наконец, под утро они добрались до границы Зебистана, где Латиф попросил Расима устроить привал. Тот оглянулся назад, посмотрел наверх и, убедившись, что на небе никого нет, не стал возражать. Он и сам жутко устал от скачки на лошади. Тем не менее они сначала доехали до трёх высоких холмов и только потом устроили привал в ложине между холмами.

Копейщики свалились на землю и уснули как мертвые. Лошади же легли прямо у своих телег, запряженные. Все они спали как дети, что люди, что животные. Только Расим и Латиф остались бодрствовать. Командир копейщиков вызвался пойти на охоту. Расим же стал осматривать телеги и заглядывать внутрь заколдованных клеток. Трещин на всех трёх яйцах стало больше.

– *«Потерпите ещё пару дней»*, – проговорил он про себя и отошёл. Оглядевшись по сторонам и наверх, он тоже лёг спать.

Не успел Расим сомкнуть глаз, как тут заржала лошадь. Затем другая и так далее. Они встали с места и своим громким волнением разбудили весь отряд. Кобылы мотали головой назад. Одни фыркали, другие ржали. Копейщики неохотно вставали с мест и в полусонном состоянии пытались успокоить лошадей. Открыв глаза, Расим заметил, что

уже темнеет.

Вдруг среди этой суматохи из одной телеги послышался писклявый крик. Как только эта телега затряслась, из двух других телег тоже послышались крики.

Расим встревожился не на шутку. Что, если мать услышит их крики за десятки фарсангов отсюда? Расим быстро подошёл к телеге, из которой первым послышался крик, и поднялся на сиденье. Он посмотрел сквозь решётку и увидел, что среди обломков скорлупы жалобно топтался на месте огромный тёмно-синий птенец симурга с зелёным отблеском в перьях. Телега была мала птенцу. Он пытался расправить крылья и прыгнуть.

– Успокойся, – тихо и дружелюбно сказал Расим.

Птенец сжал крылья и посмотрел на Расима. С опасением сжав шею, он отошёл назад и наткнулся на задний борт телеги.

– Не бойся меня, – Расим протянул руку и провёл над ветками.

Учуяв слабое тепло, исходившее от руки человека, птенец вытянул шею и подозрительно принюхался. Издав писк, птенец подошёл к переднему борту телеги. Он изучающе посмотрел на Расима сначала одним глазом со светящимся ободом внутренним янтарным светом, затем вторым и снова пискнул.

– Я не причиню тебе вреда, – Расим улыбнулся и покачал головой.

Птенец успокоился и вместе с ним стихли остальные. Расим удивился и извлёк из этого важный урок. Он довольно посмотрел на другие телеги, поняв, что через этого птенца он сможет контролировать и других.

– Что случилось? – спросил Латиф. Вернувшись, он заметил, что чуть ли не все его копейщики поднялись на телеги и изумлённо смотрели внутрь.

– Они вылупились, – ответил один из потрясённых копейщиков.

– Вылупились? – опешил Латиф.

– Что ты добыл? – спросил Расим.

– Пару зайцев и несколько змей, господин премьер-министр, – показав добычу, ответил Латиф.

– Давай змей сюда, – потребовал Расим.

Латиф поймал и убил четыре змеи. Правда, в процессе он немного вздремнул. Двух Расим бросил тёмно-синему птенцу, оставшихся копейщики бросили двум другим птенцам.

– Ешьте. Представьте, что это большие черви, – в шутку сказал Расим. – Собирайтесь! – скомандовал он. – Нужно ехать дальше.

Не успев освежевать зайцев, копейщики с кислыми, голодными минами сели на телеги, и отряд снова двинулся в путь. Благо, у них ещё оставалось немного походной провизии.

В этот раз они ехали не так быстро и к позднему вечеру подъехали к стенам Расулабада. Узнав походный отряд Раси-

ма, стражи открыли ворота. Расим распорядился привязать лошадей в стойлах под галереями, тянущимися от стены до сторожевых башен.

– Мы переночуем здесь, а завтра вы все отправитесь по домам, – сказал он копейщикам и поднялся в келью старшего дозорного.

Дозорные у северных ворот стены были доверенными лицами Расима. Двое из них служили даже надзирателями в его темнице, пока Фозил проходил обязательную службу. Потому они не задавали лишних вопросов по поводу телег.

– Разбудите меня и отряд до рассвета, – наказал он дозорным.

Расим хотел пораньше добраться до своего дома и спрятать птенцов прежде, чем горожане заметят их и начнут пускать слухи. Однако Расим проснулся раньше, чем старший дозорный пришёл будить его. Самой ранью он вышел к стойлам и своей колдовской силой оглушил птенцов, чтобы не раскричались в городе.

Как только копейщики встали на ноги, Расим велел им запрячь лошадей и, взяв немного лепёшек, орехов и три фляги с молоком, оставив им пойманных зайцев, отряд поехал в город. От северных ворот до первых улиц было два мила дороги. Между ними пролегли посевные поля. Впоследствии борьбы с Чёрной напастью все эти земли сами стали чёрными. Тем не менее крестьяне надеялись вырастить новый урожай к следующей весне. Потому они вспахивали и перепа-

живали свои участки, удобряя почву куриным помётом.

– «И откуда они только взяли столько помёта?» – задался вопросом Расим, когда об этом ему доложил визирь земледельца Зебистана.

По пути к городу они замечали плуги, оставленные на полях. Скоро придут их хозяева и запрягут в них своих тощих быков и ослов.

Нужно ускориться...

Первые улицы были пусты. В деревянных и глинобитных домах люди только просыпались. Их дворы были огорожены живой изгородью. У кого-то она была высокой, у кого-то подстриженной; где-то изгородь была зелёной, зеленовато-белой, или пурпурной, а где-то даже цвела. Удивительным было то, что за все эти годы Чёрная напасть не затронула живые изгороди, а об обратных случаях докладывали крайне редко, даже за последний год.

Миновав одну из таких цветущих синими цветками изгородь, отряд повернул на восток на рыночную улицу. У ворот в крестьянский рынок сменялась стража с ночной на дневную. Они странно посмотрели на копейщиков и их необычные телеги, а увидев премьер-министра, следующего за ними, потупили глаза. Поприветствовав Расима, дневная стража заступила на смену, а ночная ушла.

Через три стадии отряд свернул налево и дальше направился на юг. Услышав ступ копыт, из-за зелёной изгороди вышла девятилетняя девочка. В руках она держала метлу,

которая почти в два раза была больше её роста.

– Что в повозках? – спросила она, с любопытством посмотрев на них.

– Светлое будущее, – бодро улыбнулся в ответ Расим.

Он проехал мимо, оставив девочку в бледно-коричневом платье с бежевыми узорами перца и длинными рукавами в недоумении. Ответ Расима привёл в недоумение и копейщиков, но разъяснений просить они не стали, ибо знали, что бесполезно.

К тому времени, когда отряд доехал до двора Расима, солнце встало на половину и по пути им уже встретились немало людей. Они смотрели на телеги и гадали, что в них. В отличие от той девочки, эти прохожие знали, кто такой Расим, и не высказывали своего любопытства.

Живая изгородь вокруг двора Расима была тёмно-зелёной и росла, обвивая частокоты высотой в пять газон. Двор Расима был одним из немногих дворов, где стояли ворота. Жители Расулабада испокон веков полагают, что, если тыставишь ворота, ты не рад своим соседям и не гостеприимен. С такими людьми мало кто общается и дружит. Однако Расима это не заботило. У него было что скрывать, а теперь этого прибавилось.

– Открой ворота, Исмат! – позвал Расим, спешившись.

Коричневые деревянные ворота открылись с помощью смугловатого слуги в бледно-зелёной длинной рубашке и в таких же шароварах со стёганым полосатым распашным кам-

золом поверху. Вслед за ним выбежал придворный лекарь средних лет. На нём был короткий серый распашной камзол с едва заметными узорами поверху длинной красной хлопковой рубахи и серая короткая чалма на голове. Бегло посмотрев на лошадей с повозками, он подбежал к Расиму.

– Господин премьер-министр, – поклонился он как подобает. – Я знал, что найду вас здесь.

– Нур? – удивился Расим.

– У меня для вас новость, – заговорщически проговорил Нур и бросил недоверчивый взгляд на незнакомых ему спутников Расима.

– Заезжайте внутрь, – кивнул Расим копейщикам. – Проводи гостей вниз, – велел он Исмату, который с интересом пытался заглянуть в телеги. – Заприте их в той клетке, которую вам откроет Исмат, – сказал он копейщикам.

Надзиратель закрыл ворота и, сгорая от любопытства, подошёл к Расиму.

– Вы нашли, что искали, господин? – округлил он свои раскосые глаза.

Расим довольно кивнул и на овальном лице Исмата появилась восторженная улыбка.

– Вы не хотите запереть их в одной клетке с пленным? – в его голосе слышалось нетерпение. Он хотел поскорее увидеть их.

– Нет. Отдельно.

Расим насупил брови и Исмат понял, что он не потерпит

больше вопросов. Хотя надзиратель ещё хотел спросить, где Фозил. Вместо этого он склонил голову и пошёл показывать дорогу в темницу, по которой можно спустить телеги.

– Латиф! – позвал Расим и сам пошёл к нему навстречу. – Я обещал тебе пост главнокомандующего копейщиками Ра-сулабада. Я сдержу своё слово... Но, – Расим выждал много-значительную паузу и посмотрел вслед уходящим копейщи-кам. – Если твои люди проболтаются о том, где мы были... – он снова перевёл взгляд на Латифа. Ему не было смысла договаривать. По его косо прищуренному взгляду Латиф по-нял, что последствия будут плачевными.

– Они охотно забудут дорогу, – заверил Латиф, показав камни с драгоценностями.

Расим довольно кивнул и вернулся к Нуру.

– Говори, – тихо потребовал он.

– Падишах скончался, – также тихо ответил Нур.

– Когда? – слова придворного слуги вызвали в нём резкую обеспокоенность и тревогу. Если падишах умер за время его отъезда, дела плохи.

– Светлейшего падишаха не стало с первыми лучами солн-ца, – сообщил Нур.

– Нужно скорее идти во дворец, – лицо Расима немного расслабилось, но тревога всё ещё подталкивало его изнутри. Он открыл дверь в воротах и хотел было уйти...

– Это ещё не всё, мой господин, – не успел Расим облег-чённо вздохнуть, как тут Нур собирался сообщить ему дру-

гую новость и, судя по его тону, плохую. – Сразу после кончины падишаха визири созвали совет. Они хотят сместить вас с поста.

– Визири созвали совет, – язвительно повторил Расим и стиснул зубы. – И кто же был инициатором? Визирь внутренних дел, – процедил одновременно с ответом Нура.

– Господин, во дворце ходят слухи, что в Шомабаде есть и третий сын падишаха, – добавил Нур.

Это известие окончательно взбесило Расима. Он сжал кулаки и хотел испепелить Нура, но тот был ему верным слугой всё это время. Это всё Орзу. Хитрый лис пытается обставить коварного шакала. Пора поставить его на место.

– Что ж, – вздохнув, успокоился Расим. – Пошли во дворец. Положим этим слухам конец.

За час до полудня Расим с Нуром пришли во дворец. На улицах, ведущих во дворец, на аллее и широкой площади перед дворцом не было никого. Они поднялись по широким гранитным ступеням и прошли внутрь сквозь открытые красно-коричневые двери с позолоченной резьбой. В коридорах сновали слуги в единодушном молчании. На головы они все водрузили черные тюбетейки и обмотали их белой чалмой, служанки же накинули на свои головы белые платки. Увидев Расима, они все попрятались, словно крысы.

Вместе с Нуром Расим направился к юго-восточному крылу дворца. В саду между террасами завяли цветы. Они свернули налево и через коридор вышли на террасу фруктово-

го сада. Здесь росло всего семь вишен. Эти деревья казались поникшими, словно бы скорбели по усопшему падишаху, ведь он больше не будет восхищаться их ароматом по веснам. Расим хмыкнул с искрой предвкушаемого триумфа и прошёл дальше в другой коридор, свернув направо.

Из-за противоположного угла этого коридора показался Неъмат. Увидев Расима, главный придворный лекарь подбежал к нему. У старика дрожали руки и губы. Проглотив горький ком, он, наконец, сказал охрипшим голосом:

– Господин премьер-министр, светлейший падишах скончался.

Его заплаканные глаза покраснели. Видимо, он рыдал без устали. Тем не менее это не помешало Расиму понять, что старик произнёс его титул с неуверенной запинкой.

– Я знаю, – негромко сказал Расим. Он искусно изобразил скорбь на своём лице и положил руку на плечо старику. – Светлейшего падишаха сковывала воистину редкая болезнь. Она медленно пожирала его. Сделав своё дело, она, наконец, отступила. Мужайся, мой друг. Наш падишах теперь в лучшем мире, – утешительно проговорил Расим и заботливо вытер искреннюю слезу из глаз старика. – *«К чему эти слёзы, если ты тоже состоишь в заговоре?»* – Где сейчас... тело? – Расим хотел скорее осмотреть его.

Неъмат взял Расима за локоть и указал в сторону покоев. Он опустил руки, словно бы это причиняло ему боль.

– Тело падишаха там, где лежало все эти годы. Мы хоте-

ли отнести его в тронный зал, но Нур сказал, что нужно дождаться вас. Как хорошо, что вы так скоро вернулись. Визирь собрался в тронном зале. Они хотят...

– Я знаю, чего они хотят, – спокойно прервал Расим. – Знаете, Неъмат-ака, в последнее время я чувствую недоверие в свой адрес и слышу шёпоты за спиной. С меня довольно. Я сам уйду с поста.

Слова Расима удивила Нура, а вот Неъмата наоборот обрадовали. Он, не постеснявшись, даже улыбнулся.

– Сообщить им о вашем решении? – вызвался старик.

– Я буду ждать их в покоях падишаха, – отстранённо сказал Расим и пошёл направо.

Старик же, не поклонившись, побежал, на сколько это было возможным, в тронный зал.

Попав в блок, в котором находились покои падишаха, Расим заметил, что служанки сновали по коридору, ведущему в покои, где когда-то отдельно от мужа жила малика Мехри.

– Что вы делаете? – осведомился Расим.

– Нам велено убраться и подготовить покои госпожи Мехри, – одна из служанок остановилась и неуверенно с рукой у сердца склонила голову перед Расимом.

– Кем? – насупился он.

– Поручение господина Орзу нам передал главный писарь, – ответила светлоликая девушка.

Расим сердито сжал губы и выдохнул. По его взгляду служанка поняла, что он ждёт разъяснений.

– После смерти падишаха в Шомабад отправили весть и попросили госпожу Мехри вернуться как можно скорее... Нам велено подготовить ещё одну комнату, но не сказали для кого, – задумавшись, добавила служанка.

Расим тихо хмыкнул и, оставив вопросительный взгляд служанки без ответа, направился в покои падишаха. Он не торопился и шёл медленно, с высока глядя на внутренний сад слева от него. Когда-то в этом саду росли инжиры, а под их сенью сновали белые и синие павлины. *Ох, как же ужасно они кричали*, Расим помнил эту последнюю парочку. Падишах Нодир держал их в саду и кормил по утрам и вечерам перед тем, как заболеть. *Зато кебаб из них вышел отменный*, вспомнил Расим. Сейчас в этом саду была лишь высохшая перекопанная земля.

С другой стороны, медлить нельзя. Нужно скорее узнать на какой стадии разложения тело падишаха и как его болезнь может сказаться на этом. Расим прибавил шаг и свернул налево.

Нур уже ожидал его у красных тяжёлых резных дверей, под аркой с ажурной решёткой посередине стены справа. Он открыл двери, когда подошёл Расим.

Расим прикрыл рот и нос, предварительно задержав дыхание перед входом в покои падишаха. Умиравшее тело испускает не только последний вздох, но и весь свой внутренний воздух. Опасаясь, что болезнь могла попасть в этот «внутренний воздух», Расим не решался шагнуть во покои. Вме-

сто этого он бросил вопросительный взгляд на Нура.

– Покои проветривались согласно вашим указаниям, господин, – сказал Нур. – Мы жгли хазориспанд и перечную мяту и три раза устраивали сквозняк. Только потом пригласили их, – Нур головой мотнул внутрь.

Опустив руку, Расим шагнул в покои и увидел троих плакальщиц в белых широких одеяниях с чёрными платками на головах. Заметив Расима, они сразу стихли.

– Вон, – негромко велел Расим, сдвинув брови и не глядя на них.

Три женщины старше пятидесяти лет выскочили из покоев, словно их подгоняли метлой.

На трёх стенах, на малых выступающих гнёздах шесть почти догоревших чесночных свечей тускло освещали покои. Высокие арочные окна на противоположной стене были закрыты тяжёлыми алыми бархатными шторами с богатой золотой вышивкой. Между окнами под балдахином стояла кровать в виде топчана. Тюли балдахина были сдвинуты к резным колоннам и привязаны к ним золотистыми толстыми шнурками. На обитом изголовье горели ещё две чесночные свечи в бронзовых ажурных подсвечниках. На светло-голубой шёлковой простыне лежало тело, завёрнутое в белую льняную ткань.

Расим вздохнул и хладнокровно подошёл к кровати с левой стороны. Он изучающе посмотрел на длинное, тощее тело – на белой ткани не было зелёных пятен. Это хорошо, но

скоро они могут появиться. Расим снисходительно посмотрел на открытое лицо падишаха – на голове остались редкие клочки серых волос; глаза закрыты, челюсть привязана. Когда-то этот человек был падишахом Зебистана, но одно резкое слово в адрес юного писаря сделало из него... вот это.

– Тело омывали? – тон Расима был холодным, как само тело перед ним.

– Согласно вашим указаниям, господин, – Нур подошёл ближе.

Расим склонился над телом и, не касаясь лица падишаха, медленно провёл над ней рукой.

– Я желал вам быстрой смерти. Жаль, что вышло наоборот, – искренне проговорил он в ухо, которое не услышит его шёпота.

В покои вошли визири вместе с Неъматом. Расим обернулся к ним с деланной скорбью.

– Визири, – он слегка склонил голову в знак приветствия и почтения.

Вошедшие все до единого были в белых траурных одеяниях с черными короткими распашными камзолами и чёрными тюбетейками, вокруг которых повязана короткая белая чалма.

– Ваш поход завершился успехом? – с желчью в тоне осведомился Орзу, который встал впереди всех.

– Мой успех больше не важен. Я не успел, – солгал Расим, через плечо посмотрев на тело.

– Что за несчастье постигло нас, – сокрушался Акмал, качая головой. – Только вчера мы отправили птицу в Ангуран с вестью о смерти на-шахзаде Мунира, а этим утром... Ох, что за горе.

Расим вперил палящий взгляд на Акмала. *Этот слизняк ослушался меня*, негодовал он. Они отправили письмо Бузургу, призвали Мехри. Что ещё они сделали? Сговорились объявить ублюдка наследником? Они решили открыто привести свой сговор в действие? Что ж, пора исполнить и свои планы.

– Неъмат-ака сообщил нам, что вы хотите сложить с себя полномочия премьер-министра, – сказал Орзу, требуя внимания.

– Это правда? – переспросил Сомон, едва скрывая свою улыбку.

– Так и есть, – Расим бесстрастно посмотрел на Орзу.

– Это мудрое решение, – с толикой насмешки сказал ви-зирь внутренних дел.

Не обращая на его надменный взгляд внимания, Расим снова повернулся к телу падишаха и задумчиво посмотрел на него.

– Не волнуйтесь, Расим, – заговорил Неъмат. – Мы сами позаботимся о теле падишаха. Мы отвезём его...

– «В Шомабад», – мысленно договорил вместе с ним Расим. Он помнит об этом порядке. Однако дорога в город бывших падишахов займёт не меньше двух недель со всеми под-

готовками тела к длительной перевозке. Но даже это не спасёт тело от разложения. И, если с разложившимся телом будут проводить погребальный обряд, всё может повториться. Расим не мог этого допустить. Он посмотрел на пучок мяты и базилика с обеих сторон головы Нодира, а затем с презрением посмотрел в лицо падишаху, как на дохлую бездомную собаку.

– Сожгите его, – выдавил он с отвращением.

– Что? – опешили Неъмат и Орзу.

– Вы чересчур обнаглели! – в добавок, разозлился визирь внутренних дел.

– Вы хотели выбрать падишаха? – Расим косо посмотрел на визирей испытующим взглядом. – Что ж, я дам вам выбор, – он прошёл и встал в шаге перед кроватью. Оглядев каждого живого в покоях мёртвого, он остановил взгляд на Орзу. – Отныне... Я падишах Расулабада и всего Зебистана, – Расим поднял перед собой правый кулак. Изумруд в его кольцо горел внутренним светом. – Вы либо подчинитесь мне, либо будете сожжены вместе с ним, – заявил Расим и медленно раскрыл пальцы, и его руку объяло яркое красно-оранжевое пламя.

Вместе с этим, тело падишаха вспыхнуло и начало гореть вместе с кроватью. Напряжение в горячем воздухе нависло, словно топоры над головами визирей. На лице Расима была написана решительность, а в глазах горел вызов. Кто из них осмелится возразить? Он с радостью испепелит их всех.

Пламя перешло на колонны и балдахин, грозя объять потолок. Шипящее пламя возростало за спиной Расима, но он хладнокровно и выжидательно смотрел на визирей, которыми овладел страх и оцепенение. Ещё немного и они разбегутся, крича: «Пожар!»

Нур, как верный слуга Расима, первым приставил правую руку к сердцу, склонил голову и опустился на правое колено.

– Да здравствует падишах! – заявил он.

Орзу хмуро и сердито посмотрел на Нура и снова исподлобья перевёл взгляд на Расима, а точнее на его горящую руку. Если бы сейчас у него был с собой меч или кинжал, он одним взмахом отсёк бы эту руку. Однако, будучи безоружным, всё, что он мог поделать – это беспомощно злиться. Остальные визири отпрянули и в страхе ждали, что предпримет Орзу. Напасть на Расима голыми руками было бы чистым самоубийством. От безысходности, не желая принять своё поражение, визирь внутренних дел неохотно подвёл руку к сердцу, тяжело склонил голову и медленно опустился на правое колено.

– Да здравствует падишах, – с отчётливой злостью пробубнил он и остальные повторили за ним...

* * *

«Далёкие предки отвернулись от учений и порядков мастеров, но среди них были поэты и писатели, которые но-

стальгировали по временам Эпохи мастеров. То были золотые времена, говорили они в своих произведениях. Люди не были разделены и не знали нужд. В наши же времена всем нужны деньги. На базаре никто не продаст тебе и хлеба за спасибо. Эх... кто бы вернул те времена...»

Ардвисура

Весь Расулабад был потрясён, узнав, что Расим провозгласил себя падишахом, а за три дня эта новость облетела весь Зебистан. Расим сам велел отправить птиц, но запретил посылать их в Ахорун. Вместо этого он начал наговаривать на Бузурга ибн Махмуда и обвинять его. Мол, это он отравил Нодира семнадцать лет назад, и он же замешан в преждевременных смертях его сыновей. Под этим предлогом в первый день правления Расим хотел собрать визирей и военачальников, но ему сообщили, что визирь внутренних дел и главный придворный лекарь уехали в Шомабада, а без Орзу военачальники не придут на собрание. Эти двое удрали, как только Расим потушил пламя, объявшее балдахин Нодира, силой мысли и покинул покои бывшего падишаха.

Придворный слуга, доставивший ему эту весть, чуть ли не до дрожи боялся, что новый падишах обрушит на него свой пламенный гнев. Однако Расим бесстрастной ухмылкой махнул рукой и, низко поклонившись, Урун покинул тронный зал.

– «Военачальников соберёт для меня Латиф», – прогово-

рил про себя Расим, меряя взглядом деревянный трон.

Годами на нём никто не сидел, и его обивка казалась просевшей. Сидеть на нём было неудобно. Расим постоянно ёрзал. Этот старый скрипучий трон казался тесноватым и не на нём хотел сидеть Расим.

В тот день никто из оставшихся визирей так и не явился в тронный зал. Расим, однако, не злился. Он пригласил Нура и Одила сесть за стол визирей и под его диктовку написать письма наибамам. Он также пригласил глашатаев и велел им сообщить народу, что падишах готов принять людей в аудиенц-зале и выслушать всех просителей.

Два дня ждал Расим, по привычке сидя на краю возвышения, а не на желанном троне. Он велел отполировать трон-топчан, постелить на нём новый зелёный ковёр, зелёные курпачи и подушки. Он терпеливо ждал, наблюдая за исполнением его воли, но никто так и не явился на аудиенцию. Он понимал, что город в страхе. Конечно, люди узнали, что он колдун и пригрозил смертью тем, кто не подчинится ему.

– *«Пусть боятся. Я делаю это ради них. Рано или поздно они придут ко мне».*

На третий день своего правления Расим вернулся к себе домой. У ворот он попросил Ахдию позвать портного, который жил с ней по соседству. Медленно пройдясь от ворот до веранды, Расим оглядел передний участок своего двора. Цветов вдоль стен и на лужайке не осталось – их всех вырвали или сожгли из-за Чёрной напасти. Почву на их месте

перекопали и выровняли. Благо, Чёрная напасть не коснулась деревьев айвы, однако их плоды были ещё меньше, чем в прошлом году. Задумавшись о том, чем бы удобрить айву, Расим сел на топчан в веранде и дожидался возвращения Ахдии с соседом...

Его домработница вернулась через полчаса и поднялась на веранду вместе с мужчиной на вид на несколько лет младше неё и в бежевой рубашке с белыми волнистыми узорами и светло-голубыми шароварами с белой тесьмой по бокам. Платок на его поясе тоже был белым с бежевыми узорами.

– Это Зодфар, господин, – представила Ахдия портного.

Длиннорукий мужчина был на две головы ниже Расима, однако перед новым падишахом склонился так, что показался согбенным стариком.

– Пусть солнце всегда сияет над вашей головой, светлейший падишах, – Зодфар прижал руку, а в его голосе звучала толика страха.

– Он снимет с вас мерки и сошьёт лучший наряд, – заверила Ахдия и направилась на кухню.

– Можете приступить, Зодфар, – Расим снял с себя халат и, поправив бледно-зелёную тунику с тёмно-зелёными геометрическими узорами, подошёл к портному. – Где Исмат? – спросил он у домработницы.

– Он ушёл после завтрака, но обещал вернуться к обеду, ответила Ахдия. – Где вы будете есть? – спросила Ахдия из кухни и, подойдя к двери, взглянула из-за неё на Расима.

– Я не голоден, – негромко ответил Расим, протянув руку в сторону, чтобы портной измерил его взмах.

– Я испекла вам пирог с яблоками из Ангурана и сварила рыбный суп, – Ахдия с улыбкой подошла к Расиму и мило посмотрела ему в глаза, чтобы убедить его поесть. – В последнее время Исмат приносит много рыбы и несёт всё вниз. Вы запасаетесь рыбой? – озадачилась она.

За все эти годы службы Ахдия ни разу не спускалась в темницу Расима, даже из любопытства, когда в доме никого не было. Её верность Расиму непоколебимы, что бы он там ни хранил. По сути, она до сих пор думает, что у него внизу склады.

– Не совсем, – повёл головой Расим. – Я поем пирог, а суп буду попозже, – обещал он и задумчиво посмотрел мимо портного, который, сняв мерки и записав их в своей тетради, с опущенной головой, не поворачиваясь спиной к падишаху, отошёл к крыльцу.

– Ты добился своей цели – стал падишахом, – Ахдия протянула и нежно положила руку на щеку Расима. – Но в твоих глазах я вижу неудовлетворённость. Чем ты расстроен?

Расим прильнул щекой к руке Ахдии и жалобно опустил на неё взгляд.

– У меня теперь вся власть в Зебистане, – негромко начал он. – Я объявил аудиенцию, чтобы принять народ и решить их проблемы... Никто не пришёл. Они боятся меня, – озадаченный взгляд Расима просил совета Ахдии.

– Люди узнали на что ты способен, – Ахдия опустила руку на плечо Расиму. – Пусть боятся, – поддержала она. – Ты делаешь всё ради нас. Народ знает о твоих благих деяниях, и скоро они полюбят тебя так же, как и я люблю тебя.

Расим улыбнулся и обнял Ахдию правой рукой.

– Твоя поддержка дорога мне. Спасибо.

Ахдия погладила Расима по спине и отшагнула.

– Я провожу Зодфара и накрою тебе на стол.

Ахдия склонила голову, прижав руку к сердцу, и подошла к портному. Вместе они вышли с веранды и направились к воротам.

– «Матушка!» – хотел позвать Расим, но память об отце не позволяла ему этого. Потому он окликнул домработницу по имени, встав у крыльца.

– Ахдия!

Она и портной остановились и обернулись на падишаха.

– Не спешите, – спокойно сказал он им. – Отправляйтесь с ним на рынок. Я доверяю вам выбор тканей, Ахдия. Они должны быть нежными и лёгкими. Халат падишаха должен быть бесподобным.

Портной поклонился и вышел вон, а Ахдия снова прижала руку к сердцу и с широкой улыбкой склонила голову.

– Будет сделано, мой бесподобный падишах, – заверила она и пошла за портным.

Расим с тёплой улыбкой вернулся в дом, сменил одежду и спустился в темницу. Не преодолев и половины ступеней, он

услышал крики птенцов. Дойдя до прихожей, Расим ощутил некую пустоту. Обычно здесь его встречал Фозил.

– *«Где же ты, мой верный друг?»* – вдруг заволновался он. Они с Фаррухом таки не вернулись.

В темнице, как и полагается, царила тьма. Расим жестом зажёл масляную лампу на столе надзирателя. Взял её и прошёл в коридор. Птенцов заперли в первой клетке справа. Двое птенцов кричали и сновали по клетке. Третий, тёмно-синий, тихо сидел в дальнем углу. Увидев свет, он коротко вскрикнул и двое его братьев или сестёр, Расим ещё не разобрался в их поле, притихли.

– Как вы, детки мои? – Расим с улыбкой подошёл к решётке и посмотрел внутрь.

Во мраке темницы было трудно разглядеть окраску оперенья, но один из них был оранжевым, другой светло-голубым. Тёмно-синий птенец осторожно подошёл к решётке. Узнав Расима, он жалобно пискнул и двое других повторили за ним несколько раз.

– Знаю, вы проголодались, – в голове Расима присутствовала забота. – Боюсь, в Расулабаде нет столько червей, чтобы прокормить вас, – он протянул руку, желая погладить тёмно-синего птенца, но тот отпрянул. – Может, скормить вам крыс, которые водятся во дворце? – он имел в виду визирей, но вряд ли птенцы поняли его намёк. – Не волнуйтесь, скоро придёт Исмат и накормит вас, – заверил Расим и начал с восхищением любоваться птенцами. У них были хищные

клювы, а у тёмно-синего он был длиннее. У всех были каплевидные формы глаз. Вокруг глаз в темноте горели неярким светом ободья. Вертикальные зрачки тоже тускло горели под цвет оперенья. У всех троих было по три хохолка на голове и по три на шее с обеих сторон, похожих на павлиньи перья. Только у тёмно-синего было ещё три хохолка на хвосте. Глазки в этих хохолках тоже неярко светились в темноте синим и зелёным. – Вы прекрасны, – прошептал Расим. – Нужно дать вам имя.

Расим гордо улыбнулся, довольный тем, что его планы сбываются. Больше ничто не помещает ему достичь всех своих целей. Он повесил лампу на перегородке возле решётки и, взглянув вглубь тёмного коридора, силой мысли зажёг остальные лампы. В темнице стало светло как никогда раньше. С самодовольной ухмылкой Расим подошёл к клетке с пленником и снова начал барабанить по его решётке.

– Я слышал, ты умеешь говорить, – сказал Расим язвительно и с укором после десяти перестуков. – Не хочешь сказать мне что-нибудь?

Расим ожидал, что теперь его молчаливый пленник, наконец, снизойдёт на ответ, но тот молчал, затаившись в тёмном углу своей камеры. Расим хмыкнул, пожал плечами и ушёл.

– *«Что ты собираешься с ними делать?»*

Не успев отойти на пару шагов, Расим неожиданно ощутил странную дрожь в голове и шее и услышал низкий, громоподобный голос в своей голове.

– Так вот как ты разговариваешь! – Расим возбуждённо вернулся к клетке. – Тот юнец не сказал об этом. У-у-у... мурашки по коже, – восторженно съёжился Расим. – А ну скажи ещё что-нибудь.

– *«Ты их продашь? Убьёшь?»* – пленник поднялся на ноги и сделал столько шагов, сколько позволяли тяжелые цепи, прикрепленные к оковам. – *«Будешь пытаться их, чтобы я помог тебе?»*

Голос пленника вызывал мелкую дрожь в голове Расима, и он снова встрепенулся с оживлённой улыбкой, а затем расхохотался.

– Я, по-твоему, изверг? Живодёр? – вознегодовал он, ухмыляясь. – Зачем мне их продавать или пытаться? – Расим посмотрел в сторону клетки с птенцами и снова на клетку с пленником. – Все эти годы я приходил к тебе за помощью, но ты молчал, – нахмурился Расим. – Я был никем и ничего не имел, кроме мечты. Я поставил себе цель и не сдавался. Теперь... Я падишах! – Расим гордо развёл руками и поднял голову. – Всего этого я добился сам. А дальше – больше, – коварно снизил голос Расим и косо посмотрел вглубь клетки. – На что мне сдался ты? – с угрозой в глазах Расим вынул огонь в своей поднятой правой руке. – Единственная причина, по которой ты ещё жив, – Расим поиграл пламенем между пальцами и сжал руку в кулак, погасив огонь, – это один гложущий меня вопрос.

Расим подошёл к клетке с птенцами и ласково посмотрел

на них. Те стояли в нескольких газах от решётки и, казалось бы, слушали разговор.

– Первым, кого они увидели, был я, – гордо улыбнулся Расим. – Первый голос, который они слышали, был моим. И я впервые накормил их. Для них я... – Расим через плечо посмотрел на клетку с пленником. Раз тот для них отец, то он, – своего рода мать, – не постеснялся сказать этого Расим и широко улыбнулся. – Скоро вас накормят, – ответил он на негромкий крик птенцов.

Расим развернулся и снова подошёл к клетке с пленником. Свет от ламп на противоположной клетке слабо отражался в больших глазах пленника. Расим гадал, почему его глаза не светятся как у его птенцов? Но не этот вопрос глодал его.

– Ты стар как этот мир. Возможно, потому и упрям, – чёрство заговорил Расим. – Но твои птенцы – они вылупились недавно и податливы моей воле. Я приучу их и с ними покорю весь Рахшонзамин. Тем не менее остаётся один вопрос. Ваша природа мне не известна. Потому я не знаю, унаследуют ли они твои знания? Если да, то в тебе не будет нужды, – Расим, скрутив губы, покачал головой. – Вот только придётся ждать, пока они не научатся говорить, – с досадой вздохнул он.

– *«Что тебе нужно?»* – спросил пленник. Ради своих птенцов он был готов сотрудничать.

– О-о-о, ты засиял! – с язвительной нотой протянул Ра-

сим, увидев, что вокруг глаз пленника загорелся такой же светло-голубой диск, как у птенцов. Правда, зрачки у него оставались тёмными. Также загорелись и сине-зелёные глазки в его длинных хохолках на голове, шее, крыльях и хвосте. – Отчего же ты не сиял раньше? – с той же язвительной нотой осведомился Расим.

– *«У меня появилась надежда»*, – ответил пленник.

– Твоя надежда быстро угаснет, если ты не поможешь мне прочесть Книгу мастеров, – холодно пригрозил Расим и заметил, что пленник приподнял голову и отвёл её назад. – О да, – протянул Расим. – Я продвинулся и в этом. Я уже легко читаю множество примечаний, из которых узнал истинное название этой книги, книги Великих мастеров... Твоих мастеров... Ангелов с небес, не так ли?

– *«Я помогу тебе прочесть клинопись, но не смогу помочь тебе понять его»*, – после короткого раздумья, сказал пленник.

– И почему же? – недоумевал Расим.

– *«Знания, хранящиеся в подобных книгах, были не доступны симургам. Мы не были вовлечены в обучение тех, кого вы ныне называете «Далёкими предками». Я знаю язык, на котором написана книга мастеров. Я помогу тебе её прочесть, но смысл этой книги ты должен понять сам»*.

– У тебя есть имя? – спросил заинтересованный Расим.

– *«Акобир»*, – назвал пленник.

– Что ж, Акобир. Ученик я способный, – набок склонил

голову Расим. – А вот какой из тебя выйдет учитель, время покажет. И не вздумай что-то утаивать от меня.

Расим хотел было снова вызвать огонь в руках и пригрозить пленнику, но услышал приближающиеся шаги. Повернув голову, он увидел Одила, несущего два ведра. Бедняга не был сложен, как был Фозил или Исмат, и потому успел трижды запыхаться, пока нёс вёдра вниз.

– Светлейший падишах, – склонился он, увидев Расима. При этом Одил всё ещё держал деревянные вёдра.

– Где Исмат? – спросил он, направившись в сторону Одила.

– Он передал мне вёдра и сказал, что скоро вернётся, мой светлейший падишах, – ответил тот.

– Что ты принёс? – Расим заглянул в вёдра.

– Плотву, господин, – с усталым вздохом ответил слуга.

Одил положил вёдра у решётки. Голодные птенцы с криком, похожим на громкое чириканье, подбежали к нему. Одил взял одну рыбку, размером с локоть, и хотел бросить её внутрь, но Расим негромко окликнул его.

– Стой! Я сам хочу покормить их.

Расим подошёл и взял с рук Одила рыбу – это была молодая плотва.

– Как пожелаете, господин, – Одил склонил голову и отступил назад.

Расим бросил рыбу через решётку – оранжевый и светло-голубой птенец пригнули и оранжевый поймал рыбу, а

проигравший жалобно посмотрел на Расима.

– Не деритесь, – улыбнулся Расим. – Всем хватит.

Расим удивлённо посмотрел на тёмно-синего птенца – тот стоял поодаль и не сводил глаз с Расима.

– Смотри, что я умею, – обратился к нему Расим.

Он опустил левую руку к вёдрам, а правую направил к решётке. Изумруд в кольце загорелся, и рыба в вёдрах задрожала. Затем она поднялась из вёдер и по воздуху пролетела в клетку с птенцами. Двое птенцов начали хватать рыбу налету, а третий – тёмно-синий, не начал есть, пока рыба не легла перед ним.

– У тебя есть характер. Мне это нравится, – одобрил Расим. – Когда ты подрастёшь, я буду летать на тебе, – твёрдо заявил он. – Вы кормите их рыбой каждые день? – обратился он к Одилу.

– Да, господин, – кивнул в ответ Одил.

– Однообразный рацион ослабляет, а они нужны мне сильными, – Расим указал на птенцов.

– Чем же ещё кормить их? – потупился Одил.

– Спроси у их отца. Он тебе подскажет, – добавил Расим в ответ на изумлённый вид слуги.

Расим собрался покинуть темницу, но Одил нерешительно окликнул его.

– М-м, господин? Ваши слуги из Ангурана прислали птицу с вестью.

По тону слуги Расим понял, что весть не обрадует его. Он

вопросительно оглянулся на Одила.

– Говорят, султанзаде Зилола была похищена каким-то крылатым чудовищем прямо из дворца, и Азим отправился спасать её, – вкратце передал Одил.

Расим огорчённо вздохнул и закатил глаза.

– Этот наглый юнец, может снова испортить мне планы, – раздражённо проговорил Расим. – Найди Латифа и скажи, что я жду его во дворце.

К себе домой Расим пришёл один, без стражи, и обратно во дворец он пошёл один и пешком. Никакой стражи, слуг с солнцезащитными зонтами и опахалами в руках. Прохожие удивлялись этому. При этом, одни смиренно склонялись перед падишахом, другие делали это неохотно или скрывались за деревьями, изгородями или стенами. Дети с трепетом смотрели на Расима. Родители внушили им, что он грозный колдун, захвативший власть.

У ларька со сладостями на торговой улице пятилетний мальчик спрятался за спиной старшей сестры, когда падишах проходил рядом.

– Не надо меня бояться, – Расим с улыбкой подошёл к детям, присел и погладил мальчика по щеке. – Смотри, – озорно сказал он и встал.

Расим приподнял перед собой правую руку и вызвал огонь в ладони. Огненный шар размером со сливу начал крутиться над его ладонью справа налево. Расим резко сжал руку в кулак и огненный шар исчез. Он снова раскрыл ладонь и огнен-

ный шар появился вновь. С игривой улыбкой Расим ещё два раза повторил этот трюк, а потом направил огненный шар к левой ладони. Плавными движениями Расим гонял огненный шар туда-сюда по воздуху между своими руками. Затем огонь остановился посередине и Расим медленно подвёл вперёд руки и скрыл шар в своих ладонях. Он бросил хитрый взгляд на мальчишку, который с восхищением наблюдал за представлением падишаха, и быстро развёл руки – огонь разделился на семь одинаковых шаров размером с яблоко. Правой рукой Расим сделал круговое движение и огненные шары сомкнулись в горизонтальном кольце. Вторым движением кольцо поднялось на газ над головой Расима и начало крутиться, приняв семь цветов радуги.

– А теперь смотри.

Расим опустил руку и показательно щёлкнул перед мальчишкой. Начиная с красного, огненные шары с негромким хлопком лопнули и вниз полетели искры соответствующих цветов.

Мальчишка был просто в восторге от устроенного зрелища, и Расим тихо хмыкнул, разделяя его радость.

– Как зовут твоего сына? – спросил он у матери.

Смугловатая, невысокая молодая женщина с вытянутым овальным лицом замерла в страхе у ларька, когда падишах подошёл к её детям.

– Мухтор, господин, – её сердце стучало громче её дрожащего голоса.

– Когда ему исполнится восемь лет, пришли его во дворец. Он будет моим личным пажом, – заявил Расим.

Женщина, подчинившись, склонила голову ещё ниже.

Расим кивнул и, посмотрев на ларёк с мучными сладостями, вперил испытующий взгляд на торговца.

– Дай этой женщине в три раза больше того, что она купила и верни ей деньги, – велел падишах. – И впредь не бери с неё плату. Это касается всех вас! – Расим обвёл взглядом все ларьки с их торговцами на этой улице.

Даже с опущенными взглядами было заметно, что торговцы заволновались, а глаза торговца сладостями забегали по его товару, большая часть которых было привозным и стоило немало.

– Всё, что купит у вас эта женщина, за платой приходите во дворец! – снисходительно заявил падишах.

Торговец прижал руку к сердцу и благодарно поклонился. Остальные сделали то же самое.

Ближе к вечеру Расим вернулся во дворец. Гордо любясь тем, что теперь принадлежит ему, он медленно поднялся по ступеням и прошёл внутрь. Падишах направился в аудиенц-зал, когда навстречу ему из террасы выбежала Мастона.

– Светлейший падишах, – девушка склонилась, прижав руку к сердцу. – Покои убраны. Вместо кровати поставили стопку мягких курпачей и подушек. Старший плотник ожидает вашего заказа у тронного зала, – негромко доложила Мастона.

Расим скривил взгляд, зная, что она имеет в виду покой бывшего падишаха. Однако сейчас его мало заботило, где ему спать. Потому он не стал в этот раз на неё орать. Хотя и проговорил с укором:

– Ты хочешь, чтобы я спал там, где гнил Нодир?

Мастона потупилась в страхе, что падишах опять скажет что-то «низкое», и отшагнула.

– Иди, лучше завари мне зелёный час и принеси с белой халвой, – сказал Расим спокойным, повелительным тоном.

Мастона поклонилась и, сделав три шага назад спиной, шагнула в террасу. На её голове был короткий, свободно повязанный платок, а на самой был белый атлас и бирюзовый камзол.

– Светлейший падишах, – передразнил Расим, кисло покачивая головой. – Это обращение мне не по нраву.

Мастона остановилась и недоумённо оглянулась.

– Вели всем обращаться ко мне: «Бесподобный падишах».

Мастона ещё раз склонила голову и направилась на кухню.

По правому входу Расим вошёл в аудиенц-зал и по привычке сел на краю возвышения алькова. С довольной улыбкой он начал по-новому смотреть на резные колонны, стены, украшенные кундалем, и кессонные потолки. Расим думал о том, как здесь всё изменить.

Открылась высокая дверь и из аванзала вошёл страж.

– Бесподобный падишах, Латиф ибн Маъруф просит аудиенции с вами, – доложил он, склонившись.

Довольная улыбка Расима стала ещё шире. Мастона быстро сделала своё дело, вот только чай она всё ещё не принесла... Ах, вот она.

– Пусть войдёт, – сказал падишах. – Спасибо, Мастона, – с похвалой в глазах падишах благодарно кивнул служанке, которая поставила перед ним поднос с чаем, чашкой очищенного миндаля, фисташковым рахат-лукумом и белой халвой на тарелочках. – Можешь идти, – сказал он ей. – Чай я налью себе сам.

Мастона поклонилась и вышла из дверей слева.

В аудиенц-зал вошёл Латиф и встал в семи шагах от основных дверей. Он был облачён в чёрную рубашку с короткими рукавами и в чёрных штанах и чёрных полу-галошах. На бежевом поясе, под цвет скромных узоров его одеяний, слева висели пустые ножны от кинжала, который забрала стража у ворот.

– Светлый... Бесподобный падишах, – Латиф задумчиво приставил правую руку к сердцу и склонил голову.

– По твоему тону мне кажется, ты не рад называть меня падишахом, – Расим изучающе посмотрел на Латифа.

Тот приподнял свой нос с горбинкой посередине и недоверчиво посмотрел на Расима.

– Мой отряд опасается, что их назовут предателями, – в его голосе было выражено недовольство тем, как их использовали.

– Вы действовали во благо государства, – отозвался пади-

шах, уловив мысль Латифа. – И всё, что я делаю, направлено во благо государства, – медленно проговорил он. – За время болезни Нодира Зебистан столкнулся с тяжёлым кризисом. Я же люблю свою страну и любым путём стараюсь вытащить её из глубокой бездны, – подчёркнуто сказал он. – То, что сделали вы, лишь один шаг из этой бездны, – Расим встал и медленно начал идти к Латифу. – Я сделал немало таких шагов и не отступлю от своей цели. Вопрос только в том, будете ли вы со мной или встанете на моём пути?

Расим вперил в Латифа испытующий взгляд и тот потупился. Латиф опустил глаза не от того, что не выдержал взгляд, а потому что перед ним стоял колдун с невысказанной силой. С другой стороны, все знали, что Расим сделал для Зебистана, пока другие визири бездействовали. Латиф по-прежнему не доверял самопровозглашённому падишаху, однако и без слов ясно, что он действительно старается ради государства. Он готов встать за ним, лишь бы это не довело до беды. Латиф чуть не проговорил это вслух.

– Вот указ о твоём назначении, Латиф, – Расим достал из-за пазухи зелёного кафтана, богато расшитого золотистым узором, трубчатый футляр с пергаментным свёртком внутри и вручил его в руки командира копейщиков. – Поздравляю, теперь ты главнокомандующий всеми копейщиками Расулабада. Одним словом – воевода.

– Благодарю вас, бесподобный падишах, – Латиф приставил руку к сердцу и опустился на правое колено.

– Ты и твоя команда хорошо услужили мне, – Расим жестом позволил Латифу встать. – Скажи лишь слово, и я назначу каждого из них командиром отдельного отряда... Однако успех моего предприятия снова под угрозой, – заявил падишах, пока воевода обдумывал предложение.

Латиф вопросительно сдвинул брови, но падишах развернулся и направился к алькову.

– Я не собираюсь останавливаться на достигнутом, – Расим на пол пути остановился и многозначительно повернулся к Латифу. – Мы ещё не преодолели кризис, однако на моём пути снова встало препятствие, – подчеркнул он с недовольным раздражением.

– Возникли затруднения? – спросил Латиф, приблизившись к падишаху.

– Я уверен, ты слышан об Азиме ибн Аъзаме?

– Да, – коротко ответил воевода.

– Этот наглый юнец однажды испортил мне планы. Теперь, когда я почти у своей цели, он снова хочет нарушить их.

– Каким образом? – недоумевал Латиф.

– Именно он поведал мне, где найти пещеру. И теперь он снова держит туда путь, – оскалился Расим. – По его словам, он может разговаривать с матерью птенцов. Если это так, он может сказать ей, что именно я выудил у него дорогу, – Расим сделал пару шагов в сторону воеводы. – Ты помнишь Тропу мёртвых? Мать этих птенцов и есть страж той тропы, –

сказал он, когда Латиф кивнул. – Она может прилететь сюда, и тогда столица может стать Городом мёртвых. Мне это совсем не нужно, – помотал он головой. – А тебе?

На самом деле, Расим сомневался, что сможет справиться со здоровым симургом, не закованного в кандалы. Кто знает, на что они способны в гневе?

– Мои копейщики готовы защищать город даже ценой своей жизни, – уверенно заявил Латиф.

– Твои люди ещё помнят дорогу? – осведомился Расим. – Если нет, я могу напомнить, – с намёком на колдовство Расим приподнял руку перед собой.

– Они хранят молчание, бесподобный падишах.

– Возьми с собой пару человек и скачите ему на перехват, – велел Расим.

Латиф же озадаченно покосился.

– Он же зять...

– О султанах Ахоруна не волнуйтесь, – махнул Расим. – О нём я позабочусь сам. А вы привезите мне Азима и... обязательно живым, – понизив голос, договорил Расим.

Ещё одно сомнение появилось в глазах Латифа. Убить зятя султана Ахоруна? А если от этого зависит судьба Расулабада? Латиф нерешительно вздохнул и, промедлив, склонил голову.

Когда Латиф ушёл, Расим подошёл к возвышению и с коварным взглядом взял один рахат-лукум и бросил в рот.

– Когда Рахшонзамин будет моим, нужно будет позвать

художников, чтобы они стёрли этих кудахтающих павлинов и изобразили меня с моими симургами, – мечтательно проговорил он, дожевав.

Расим поднялся на возвышение и медленно подошёл к долгожданному трону-топчану, который пах свежим лаком. На нём были новый зелёный ковёр с золотистыми волнистыми и переплетающимися узорами и новые зелёные бархатные курпачи с подушками. Не спеша, Расим поднялся на трон и сел посередине. Скрестив ноги под собой, он положил руки на мягкие трубчатые подушки и слегка откинулся на подушку. Многозначительно посмотрев вдаль, Расим негромко проговорил:

– Ты взлетел высоко, Азим, но тебя ждёт неминуемое падение.

* * *

«В третий год Зелёной хвори ахоруницы носили с собой бурдюки с чесночной водой. Женщины смачивали свои платки и прикрывали ими свои лица, с той же профилактической целью мужчины смачивали хвосты своих чалм. По-другому было нельзя появляться на улицах и не заразиться. А по приходу домой они умывались этой водой».

Хранители знаний: «Истории Ахоруна»

Азим дал слово вернуть Зилолу в целости и сохранности

и, сломя голову выбежал из банкетного зала. Торжеству пришёл конец. Все были в недоумении. Вместо переставшей игры музыки было слышно, как шепчутся и ропщут гости. Султан растеряно переводил взгляд с одного на другого, не зная, что делать.

Зарина растеряно и испугано посмотрела на мужа. Тот тоже пребывал в замешательстве.

– Нужно остановить его, – заявила Зарина и ринулась за старшим сыном.

Султан пришёл в ещё большее негодование, но его хмуро-вопросительный взгляд успел лишь сопроводить Зарину до дверей.

– Я требую объяснений, Аъзам! – султан жёстко посмотрел на визиря торговли.

– Боюсь, мой светлый господин, они нужны и мне самому, – задумчиво сказал Аъзам...

Азим выбежал на улицу через главные ворота и посмотрел наверх, однако на тёмно-синем небе не было ничего кроме сверкающих звёзд. Азим развернулся и побежал внутрь, чтобы найти кого-нибудь из слуг. Он хотел, чтобы его отвели в конюшню.

– Азим! Стой! – в коридоре, ведущим в гардеробную, Зарина догнала сына. – Что ты хочешь делать? – взволновано спросила она.

– Мне нужна лошадь. Я поскачу за ними, – опрометчиво ответил Азим.

– Я не пущу тебя одного! – Зарина остановила сына, схватив его за руку. – Я помню с каким видом ты вернулся и не позволю тебе пойти назад без помощи.

– Она может убить Зилолу, – отрывисто простонал Азим. Одна эта мысль была для него невыносимой.

Зарина обняла сына и утешающе погладила по спине.

– Кто она? – тихо спросила Зарина.

Азим лишь молча покачал головой.

– Хорошо, – Зарина отпустила сына и посмотрела ему в глаза. – Сейчас мы вернёмся домой и хорошо подумаем над тем, как вернуть Зилолу...

Азим с матерью и Рауфом поздно ночью вернулись домой. Их подвезли на повозке вофи султана. Всю дорогу юноша молчал и беспокоился. Зарина, догадываясь, что гвардейцы могут передать их разговор султану, не донимала старшего сына вопросами.

– Я не понимаю, почему она сделала это? – заговорил Азим, едва переступив порог дома. Всю дорогу он пытался понять, каким образом он мог обмануть Рудобу, и не пришёл к заключению.

– Я вижу, как тебе тяжело, сынок. Поделись со мной. Я хочу помочь, – Зарина была взволнована не меньше Азима. – Рауф, иди спать, солнышко моё, – она поцеловала младшего сына и тот направился наверх в свою комнату.

Вдвоём они прошли в большую гостиную, где Зарина зажгла несколько свечей, и они сели лицом к лицу на ковре.

Азим задумчиво схватился за лоб и долго смотрел на мать. Он не решался рассказать ей, ибо нарушит обещание. Однако его уже обвинили в этом и даже наказали.

– Эта была Рудоба, – признался он. – То крылатое чудовище, о котором вопила служанка. Это симург и её зовут Рудоба.

Слова сына поразили Зарину. Она-то думала, что Рудоба это какая-то девушка на стороне, а тут...

– Симург? – изумлённо переспросила она.

– Она страж Чёрного рубина, – пояснил Азим. – Она дала мне кусок рубина взамен на обещание никому не рассказывать, где я его нашёл.

– Так ты же не рассказывал, – недоумевала Зарина.

– Нет! – мотал головой Азим.

– Тогда, что могло толкнуть её на похищение Зилолы?

– Хотел бы я знать, модарджан⁴⁴, – горестно вздохнул Азим. – По дороге я хотел вспомнить, где я оступился, ком мог нечаянно раскрыть тайну? Но каждый раз, когда я пытаюсь думать об этом, что-то сдавливает мне виски и каждый раз всё сильнее, – голос Азима был растерянным, а взгляд отчаянным. – Я должен поехать за Рудобой...

– Я не пушу тебя одного, – покачала головой Зарина.

Азим взял мать за руки и посмотрел ей в глаза.

– Очень прошу вас, мама, не рассказывайте никому о том, что слышали, – Азим был серьёзен как никогда. – Ради Зи-

---

⁴⁴ Модарджан – ласковое обращение к матери.

лолы я должен отправиться один.

– Я боюсь за тебя, – прослезилась Зарина. – Я помню тот ужас, который несколько дней горел в твоих глазах после возвращения. Я не знаю, что ты видел, когда искал Чёрный рубин. Но я не хочу, чтобы ты проходил через это вновь, – с тревогой в глазах Зарина покачала головой.

– Не волнуйтесь, модарджан, – Азим улыбнулся и нежно вытер слёзы матери. – В этот раз я буду подготовлен.

– Я помогу тебе с этим, хорошо? – всхлипнула Зарина с новыми слезами. Она понимала, что не сможет отговорить сына и от этого горький ком лишь нарастал всё больше в её горле.

Азим согласно кивнул и мать крепко обняла его.

– Я так боюсь тебя потерять, – прошептала Зарина.

– Всё будет хорошо, мама, – заверил Азим, будучи в этом не уверен. – Ложитесь спать. Завтра будет долгий день, – для него это было вполне очевидно.

Уложив мать в большой гостиной, юноша вернулся в свою спальню. Там было темно и прохладно. Зажигать свечи не было смысла. Зачем, если при их свете он не увидит Зилолу? Тихо и грустно вздохнув, Азим прошёл к кровати. Постель была холодна и пуста. Эта пустота сжимала ему грудь. В последнее время он просыпался со страхом, что Зилолы нет, и вот этот кошмар сбывся. Азим не хотел закрывать глаза, боясь, что, проснувшись, он больше никогда не увидит любимую жену. Перед его взором снова появились все эти

мертвецы. Он снова оказался на Тропе мёртвых и переступал через тела, одно из которых показалось ему знакомым. Он обернулся и увидел Зилолу с ужасом, застывшим на её мёртвом лице...

– НЕТ! – с криком встал Азим и, придя в себя, заметил, что уже давно наступило утро.

Юноша вздохнул с облегчением и оглянулся по сторонам. Зилолы не было рядом, и он снова опечалился.

– Что с тобой, Азим? – на его крик прибежал Аъзам, затем Рауф и его мать.

– Сынок, всё хорошо? – она встревоженно подошла к нему.

Азим грустно посмотрел на мать и молча покивал.

– Вы вернулись? – спросил он у отца.

– Султан устроил мне настоящий допрос, – иронично хмыкнул Аъзам. – Ты так убежал неожиданно. Я обещал ему, что всё выясню, но вряд ли ты мне что-то расскажешь, не так ли?

Азим озадаченно и обеспокоенно посмотрел на отца.

– Султан в негодовании, – сообщил Аъзам. – Тебе бы поговорить с ним.

– Простите меня, отец. Я не могу, – медленно помотал головой Азим.

– Что ж, – озадаченно протянул Аъзам, сжал губы и надул нижнюю с задумчивым взглядом. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – обратился он к сыну. – Я придумаю, что сказать

султану.

– Тебе снова снился кошмар? – спросил Рауф, когда они с братом остались одни.

– Да, – тихо ответил Азим.

– Мама готовит тебе мясо и фатир со шкварками. Ты опять уезжаешь?

– Я должен спасти твою невестку.

– Возьми меня с собой. Я помогу тебе убить крылатое чудовище, похитившее её.

Азим улыбнулся, удивляясь смелости братишки.

– Я не собираюсь убивать то чудовище, Рауф, – сказал Азим, погладив братишку по затылку. – Я хочу договориться с этим чудовищем, – на удивление брату сказал Азим. – Пошли, поедим чего-нибудь.

Приняв ванну, Азим позавтракал с младшим братом. На дворе стояло позднее утро, но Рауф был не против ещё раз поесть тыквенной каши и домашней халвы.

– Ешь, набирайся сил, – сказала Зарина, положив перед сыновьями блюдо с нежно поджаренным мясом с бараньими шкварками, нарезанным луком и зеленью. – Я побежала печь тебе фатир на дорогу, – схватив поднос с тестом, Зарина поспешила на улицу, где на заднем дворе стоял тандыр под навесом.

Плотно поев, Азим попросил Рауфа помочь ему собрать сумку, и тот охотно согласился. Вместе они начали складывать необходимые вещи в седельную сумку. Азим взял лишь

одну сменную серую рубашку и коричневые штаны и, недолго думая, взял три платья для жены со всеми принадлежностями и аксессуарами. Куда же без них в пещере.

– Зачем это? – удивился Рауф, глядя на то, как брат аккуратно складывает золотисто бежевый платок и ставит между складками гардану из сапфирового бисера.

– Моя жена – султанзаде. Вряд ли она захочет вернуться в лохмотьях, – сказав это, Азим подумал о том, что Рудоба в гневе могла схватить Зилолу когтями и порвать ей платье. – «А её саму?» – он съёжился от мысли, что его жена может быть ранена.

Собрав сумку, Азим вернулся в старую комнату, которую он раньше делил с Рауфом. В тайне от всех он спрятал меч в своей стопке курпачей. Достав меч, юноша задумчиво посмотрел на его изогнутый клинок.

– Ты вроде говорил, что не собираешься убивать чудовище? – недоумевал Рауф, заметив меч в руках брата.

– На всякий случай, – Азим опустил меч.

– Что на нём написано?

– Не знаю, – пожал плечами Азим. – Надпись вроде на Алифе, но язык другой. Единственное, что я мог прочитать – это имя на гарде – Некруз.

– Чьё это имя? Меча?

– Думаю, его настоящего владельца, – предположил Азим.

В сундуке под стопкой курпачи Азим нашёл свой старый кожаный камзол. Он был ему в пору, когда юноше было че-

тырнадцать лет, а сейчас Азим хотел сшить из него ножны для меча.

– Надеюсь, он не порвётся, как только я поставлю в него меч или наоборот, – сказал Азим, завершив шитьё под вечер.

– Ты просил его в пять слоёв, – улыбнулся Рауф. – Отец, – встал он с места, увидев отца у дверей в его комнату.

– Когда ты отправляешься в путь? – спросил Аъзам, одной рукой обняв младшего сына.

– Завтра на рассвете, – Азим тоже встал, отложив ножны.

– Примерно так я и сказал султану, – сообщил Аъзам. – Завтра он приедет сюда.

– Зачем? – спросил Азим.

– Он боится за свою дочь и хочет отправить с тобой целый взвод, – ответил Аъзам.

Азим лишь покачал головой, не говоря ни слова. Если в пещеру он явится не один, Зилоле несдобровать. Может, уехать ночью?

Аъзам хотел ещё что-то сказать, но услышав зов жены, они втроём спустились на ужин. Ели они молча, ибо знали, что Азим не станет отвечать на их вопросы. Зарина не сводила глаз со старшего сына и с трудом сдерживала волнение. Она переживала, что это может быть их последний совместный ужин.

Аъзам почти не притронулся к супу. Его терзал один вопрос, который ему задал султан.

– Скажи хотя бы одно, Азим. Это чудовище связано с Чёр-

ным рубином?

Азим, медленно поковыряв в миске, решил не утаивать этого и от отца. Юноша посмотрел на отца и едва заметно кивнул.

– Я дал слово и, кажется, нарушил его. Поэтому она похитила Зилолу.

– Кажется? – переспросил Аъзам.

– Завтра я отправлюсь выяснить это. Но, если султан отправит со мной своих гвардейцев, боюсь, никто из нас не вернётся.

Зарина в ужасе выронила ложку, услышав сына.

– Ты хочешь отправиться один? – негодовал Аъзам.

– Я пыталась отговорить его, – пожаловалась Зарина.

– Возьми хотя бы с собой Комила, – попросил Аъзам. –

Узнав о случившемся, он весь день донимал меня просьбой отправить его с тобой. Даже во дворец со мной ходил. Завтра он тоже придёт к нам домой.

Азим озадаченно опустил взгляд в сторону и, немного помолчав, сказал:

– Если я приду один, Рудоба поверит мне, – юноша очень надеялся на это. – Если же я приведу с собой вооружённый взвод и Комила, который никогда не затыкается, я вызову её гнев... А я видел на что способен её гнев.

– У этого чудовища есть ещё и имя? – Аъзам был просто потрясён. – Азим, ты не должен отправляться один. Это опасно, – добавил он, поймав на себе укоризненный и требова-

тельный взгляд жены.

– У меня нет выхода, – упрямылся Азим. – Вы должны меня понять, – сказал он, посмотрев на мать.

Слёзы снова подступили к глазам Зарины. Она впервые по-настоящему пожалела, что дала сыну свободный выбор. Теперь этот выбор может погубить его. Попытки отговорить сына от похода в одиночку оказались тщетными. Может, султан сможет убедить его?

После ужина Азим поцеловал мать, пожелал всем спокойной ночи и поднялся к себе в комнату. Свет убывающей луны тускло освещал комнату. Войдя в неё, Азим снова почувствовал пустоту внутри. Он сел у окна и попытался вспомнить, кому он мог рассказать о дороге в пещеру.

Попытка привела к тому, что у него снова разболелась голова. Что-то острое и горячее сжимало ему виски. Его взор затянулся пеленой и за ней кто-то стоял. В ушах появился приглушённый шум. Азим потянулся к тому силуэту и упал у кровати и всё потемнело.

Тьма начала постепенно отступать. Азим снова очутился на Тропе мёртвых. Он лежал, словно парализованный, и не мог пошевелить головой. Он не чувствовал ничего, кроме глаз. Его взгляд был направлен направо и, всё что он мог, это смотреть либо прямо, либо вверх. Перед ним простирался высокий каменистый склон, и Азим посмотрел вверх краем глаз. Высоко над холмом пролетело белое облако и выронило что-то. Это самое что-то стремительно падало вниз, бес-

помощно крутятся и вертятся. Чем ближе оно было к земле, тем лучше Азим мог разглядеть... О нет! Это же Зилола, в ужасе осознал Азим. Его жена камнем падала вниз и была всё ближе и ближе к земле. Сердце должно было сильно заколотиться, но Азим этого не чувствовал. Зато он слышал вопли своей любимой жены и никак не мог ей помочь. Она упала прямо перед ним и хрустом её вопли прекратились, и свет в его душе снова объяла тьма.

– Нееееет! – Азим вскочил с места, протягивая руки вверх, чтобы поймать жену, но прищурившись от рассветных лучей, понял, что это было всего лишь сном, ужасным сном.

Азим откинулся на спинку кровати и начал глубоко дышать. Он опустил глаза на пустое место жены. У него задрожали руки от одной лишь мысли, что, возможно, её уже нет в живых. Что она лежит там, на Тропе мёртвых, среди многих других, кого извела Рудоба.

– Я убью тебя, если ты с ней что-нибудь сделала, – шёпотом пригрозил Азим.

– Азим! – послышался беспокойный голос отца.

Родители и младший брат снова пришли в его спальню, услышав крик. Зарина подошла к кровати и села рядом.

– Опять кошмары? – негромко спросила она, взяв сына за руку. – Успокойся, – ласково проговорила она, заметив злость во взгляде сына.

– Мне надо ехать. Немедленно, – вздохнул Азим и быстро встал с кровати.

– Поешь, сначала.

– Я не могу больше ждать, – Азим покачал головой.

– Хорошо, – грустно вздохнула Зарина.

– Мы будем внизу, – добавил Аъзам.

Азим надел чёрные шаровары, белую льняную рубаху с короткими рукавами, а поверх неё надел короткий распашной камзол из чёрного адраса с длинными белыми ромбами спереди. Он привязал меч слева к белому поясу, прошитый чёрными нитками, и спустился вниз, держа в руках другой белый платок с чёрными узорами, который повяжет на голову.

Мать ждала его у лестницы с чашей настойки кураги и семью финиками.

– Выпей и съешь хотя бы это, – потребовала она.

Азим кивнул и опустошил чашу одним залпом. Взяв финики, он бросил один в рот. Смачно жуя этот финик, он вышел из дому и кроме отца с братом заметил также и дядю Адхама и Комила. Они стояли у ворот рядом с султаном и семью гвардейцами в светло-зелёных халатах, надетых поверх медных кольчужных рубашек и шлемами на изгибе руки. Юноша остановился под крытым крыльцом и посмотрел на финики в своей руке, которых недавно было семь. Это был намёк, понял он и многозначительно обернулся на мать. Та с умоляющим взглядом кивнула в знак того, что бы он принял эту помощь.

Азим озадаченно перевёл взгляд на гвардейцев. У всех се-

мерых был непроницаемый, серьёзный вид солдат, готовых пойти на всё, чтобы вернуть султанзаде. Под их кольчугами скрывались стальные мышцы – это крепкие воины, но ни их мышцы, ни кольчуга не помогут им одолеть Рудобу, если на то пойдёт.

А он сам сможет сделать это в одиночку?

Ответ Азиму был не нужен. Он спустился с крыльца и направился к стойлам слева от дома. Проверив седельные сумки, юноша встал перед жеребцом и посмотрел в его чёрные глаза.

– Мы поедем за моей женой. Я полагаюсь на тебя, – негромко сказал он жеребцу.

Катрон тихо выдохнул и покорно кивнул. Азим взял его под узду и повёл к воротам.

– Доброе утро, мой светлый господин, – Азим с почтением склонил голову и приставил руку к сердцу.

– Это утро может стать добрым, если у меня появится надежда. Надежда на то, что ты вернёшь мою дочь. Эта надежда появится, когда мои гвардейцы отправятся с тобой, – султан указал на семерых вофи. Судя по тону, он не ждал возражений.

– Я тоже отправлюсь с вами, – встрял Комил, поправив полную сумку на плече.

Азим протянул ему руку, а Комил обнял друга.

– Мы вернём госпожу, уверяю вас, – обратился он к султану, отпустив Азима.

Азим же вблизи посмотрел на гвардейцев и узнал одного из них. Это был тот самый наездник, который бросил в него камень во время Бузкаши. Тот потупил взгляд, когда юноша посмотрел на него.

Азим поздоровался и с дядей Адхамом и перевёл взгляд на султана, который был в белом одеянии с едва заметными блестящими узорами и золотой тесьмой по краям рубахи и халата-безрукавки. На талии султана был повязан широкий золотистый пояс с изумрудной вышивкой.

– Мой светлый господин, – учтиво обратился Азим. – Если они отправятся со мной, у вас будет надежда... пустая надежда. Если же я отправлюсь один, у меня будет шанс вернуть Зилолу. Я должен воспользоваться этим шансом, а не уповать на надежду.

Султан со вздохом насупился и хотел было возразить, но зять опередил его.

– То, что похитило Зилолу, считает, что я нарушил своё слово. Если я приеду один, я смогу доказать обратное. Если же нет, никто из нас не вернётся, – покачал головой Азим и положил руку на плечо тестю. – Прошу вас, мой светлый господин, отпустите меня одного.

Султан нерешительно отвёл взгляд и, пока он думал, к ним подошла Зарина.

– Умоляю тебя, сынок. Возьми их с собой. Они помогут тебе.

– Они защитят тебя, – добавил султан. – За воротами сто-

ят их лошади, мечи и копья, – кивнул в сторону Бузург. – Они готовы держать в тайне место, в которое вы отправитесь.

– Даже я об этом буду молчать, – встрял Комил и тут же потупил взгляд под укоризненным взглядом султана.

– Модарджан, мы уже говорили об этом, – Азим был неуклончив. – Прости, Комил. Я не могу взять вас с собой. От этого зависит не только жизнь моей жены, но и ваша.

Он прошёл мимо гвардейцев и открыл правую сторону ворот. Затем он подошёл к матери и крепко обнял её.

– Не волнуйтесь, со мной будет Катрон. Он позаботится обо мне.

В поддержку этих слов жеребец громко заржал.

Азим опустил мать и выжидающе посмотрел на султана. Тот вперил в него долгий взгляд, а затем неуверенно шагнул в сторону.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Азим.

Юноша вскочил на жеребца и выехал за ворота. Развернув Катрона, Азим действительно увидел семь таких же чёрных лошадей и две гнедых кобыл в пяти газах от ворот. Юноша перевёл взгляд и оглядел всех, кто находился по ту сторону ворот. Он не был уверен в том, что делает, но пытался не показывать этого. Он задумчиво посмотрел на брата, на родителей, дядю, Комила и султана. Возможно, он видит их в последний раз. Он грустно улыбнулся им на прощание, молча и многозначительно кивнул, повернул жеребца и погнал на север...

Проехав треть фарсанга, Азим доехал до трёх тополей справа от дороги к посеваем землям отца. Зная, что в это время там уже находятся рабочие, он погнал жеребца на запад. Юноша держал путь к яблонево́й роще. Запомнив путь, Азим держался далеко от дороги, чтобы искатели Чёрного рубина не проследили за ним.

В первый раз Азим доехал до рощи за три дня. В этот раз поросшая травой земля не была помехой жеребцу, и он прискакал к северо-восточной опушке рощи, не успело солнце коснуться западного горизонта.

– Отдохни, а с наступлением темноты мы поедем на север, – Азим обратился к Катрону. – Файз говорил, что в одном фарсанге от рощи есть гостиница для путников и пастухов, – юноша погладил взмыленного жеребца, оглянулся по сторонам и сел под яблоней.

Практически на всех деревьях отсутствовали плоды, которые уже давно собрали. Азиму это говорило о том, что в эту часть рощи никто не придёт.

Спокойно отужинав тем, что мать положила ему на дорогу, Азим сорвал несколько яблок, которые ему удалось найти недалеко от места стоянки. Вернувшись, он угостил ими жеребца.

– Из бурдюка ты пить не сможешь. Потерпи, доедем до гостиницы и там напоят тебя вдоволь, – глядя по шее жеребца, сказал Азим.

Как только солнце полностью скрылось за горизонтом,

Азим сел на Катрона и не спеша поскакал на север.

Гостиница стояла на плоской вершине низкого холма. Они приехали к ней, когда сумерки ещё только сгущались, и можно было заметить черты этой гостиницы. Это было прямоугольное здание, смотрящее на юго-запад. На первом этаже была многолепестковая арка, в которой горели две лампы. Справа от арки был проём, разделённый резной колонной, а слева проём был разделён двумя колоннами. Там Азим обнаружил стойла и, вручив Катрона молодой девушке-конюху, попросил хорошо напоить его жеребца.

Сквозь арку Азим прошёл внутрь и попал в широкое помещение, в котором горели десять масляных ламп. У противоположной стены, за стойкой, в каменных нишах горели свечи, придавая этому месту хвойный аромат.

За самой стойкой стояла женщина средних лет с вытянутым лицом и атласным платком, накинутым на голову.

– Добрый вечер, – Азим прижал руку к сердцу и подошёл к стойке. – Я бы хотел остаться здесь на ночь.

– Добрый вечер, – улыбнулась в ответ женщина за стойкой. У неё были большие миндалевидные глаза и полногубый рот. – Десять султана за ночь, – сказала она и достала книгу. – Ваше имя?

– Я бы хотел не называть своего имени, – Азим положил перед ней серебряную монету с номиналом в пять грамм.

– Как вам будет угодно, господин, – улыбнувшись, женщина положила книгу обратно вниз.

– «Господин», – мысленно ухмыльнулся Азим. Либо она узнала его, либо плата в семь раз больше запрошенного делает здесь любого господином.

– Нигина! – позвала женщина. – Проводи нашего гостя в лучшую комнату, – попросила она, когда из коридора, справа от стойки, появилась рыжая девушка с сужающимся лицом и улыбающимися глазами.

– Хорошо, Махрам-апа⁴⁵. Идите за мной, – приятным голосом позвала за собой девушка в сиреновом атласе с зелёными разводами. Это облегающее платье привлекало взгляд на спелые *ягоды* Нигины.

На её голове был повязан короткий сиреневый тюрбан с открытой макушкой, что позволяло волосам ниспадать до середины спины. Девушка с завидной фигурой грациозно прошла в коридор слева от стойки и Азим, кивнув Махраму, последовал за ней, стараясь не смотреть под волосы. Через несколько шагов Нигина свернула налево и по деревянной лестнице поднялась наверх. Азим опустил глаза и последовал за ней на второй этаж, где он оказался в длинном коридоре. Там у пяти дверей горели лампы, свидетельствуя о том, что эти комнаты заняты. Азим последовал за Нигиной налево, и они дошли до самого конца. Вдоль коридора Азим насчитал девять дверей. Нигина остановилась у десятой, стоявшей поперёк, и зажгла лампу.

– Прошу, – она отворила дверь и отступила.

---

⁴⁵ Махрам произносится с гортанной «х».

Азим кивнул ей с благодарной улыбкой и прошёл внутрь. Нигина вошла за ним и зажгла три свечи в каменных нишах и хотела зажечь ещё пару ламп на стенах, но Азим вежливо остановил её.

– Этого достаточно.

Нигина широко улыбнулась с горящими, игривыми глазами и, выждав мгновение, прошла к двери.

– Не желаете ли чаю или ещё чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – негромко ответил Азим, снимая меч с пояса.

Нигина с едва заметной ухмылкой повела бровями. Глупый юноша не понял намёка, прозвучавшего в её кокетливом голосе.

– Спокойной ночи, – вежливо пожелала она и, смерив оценивающим взглядом Азима, не спеша закрыла за собой дверь.

Сняв камзол, Азим сел на кровать с резной спинкой и мягкими матрацами, на которых постелено свежее, благоухающее бельё. Он задумчиво посмотрел на окно слева, за которым уже сверкали звёзды.

– *«Каким образом я обманул тебя? Что я сделал не так?»* – прошептал он в недоумении и снова попытался вспомнить, кому он мог проговориться.

Азим с приглушённым стоном схватился за голову. Невидимые тиски снова сжимали ему виски. Несмотря на жуткую боль, Азим пытался вспомнить, стиснув зубы. Его глаза

снова накрылись пеленой и перед его мутным взором снова кто-то появился. В голове он начал слышать приглушённые, невнятные голоса и не мог различить их.

– Кто ты? – спросил Азим вслух.

У него резко закружилась голова и он, благо, упал на постель и снова окунулся во тьму.

Тьма рассеялась в серых сумерках, и Азим очутился в самом конце Тропы мёртвых. Он пытался подняться на седловину, но каждый раз соскальзывал вниз. Содрав колени, локти и руки до крови, он оставил тщетные попытки и сел перед низкой пещерой. Долго смотря в узкий проход, юноше показалось, что он увидел какой-то проблеск. «*Зилола*», отчаянно вздохнув, Азим начал лезть в эту дыру. Чем дальше он лез, тем ниже становился потолок, который и так не давал ему поднять даже голову. «*Я иду к тебе*», Азим не сдавался и лез дальше, как вдруг упал...

Вытянув руки вперёд, Азим с грохотом свалился с кровати. Это опять был сон. Азим раздосадовано вздохнул, встал и услышал стук. Дверь слегка приоткрылась и за ней показалась Нигина. Она была в белом облегающем платье с синими разводами.

– Доброе утро, – широко улыбнулась она. – С рассветом мы будим своих гостей, чтобы они не опоздали в путь, – сказала она, широко открыв дверь. – Вы можете позавтракать на террасе, – Нигина кивнула в сторону.

Смерив Азима оценивающим взглядом, девушка закрыла

дверь.

Собрав свои вещи, Азим вышел на террасу, которая располагалась посередине второго этажа, с трёх сторон обставленную стенами. Справа, за стеной, была кухня, а за противоположной тоже были комнаты для гостей. На террасу вёл проём в нескольких шагах от комнаты Азима; такой же проём был и на другой стороне. На террасе были расставлены столы с резными стульями. Два стола были поставлены вместе. Это только что сделали сами гости. Пятеро мужчин сели за стол и один из них заметил Азима.

– Иди к нам, – позвал он.

Азим не желал знакомиться с кем-либо и вступать в разговор, ибо путники чуть ли не обо всём рассказывают друг другу. С другой стороны, Азим не хотел показаться надменным и неприветливым. Потому он сел к ним за стол.

Пятеро мужчин были разно одеты, однако у всех на голове был повязан короткий чёрный тюрбан. Двое были смуглы как орех. Трое других были посветлее. У одного были тёмно-русые, короткие и кучерявые волосы. У другого волосы были цвета соломы, у остальных чёрные. Возраст тоже был разным, однако вид у всех был мрачным и скорбным.

Из кухни к их столу подошла девушка в белом платке и белом платье.

– Что вам принести? – спросила она звонким голоском.

– Ты знаешь, что нам принести, – бесстрастно ответил русский.

– Нет, – негромко осёк человек в сером кафтане с серой вышивкой на плечах. – С тебя уже хватит Наим.

– День только начинается, Зариф, – покачал головой Наим.

– Как тебя зовут, юноша? – спросил светловолосый.

– Азим, – коротко ответил юноша, не называя своё полное имя.

– Это твой чёрный жеребец в стойле? – снова спросил светловолосый.

Азим кивнул, а вопрос привлёк на него внимание человека в сером.

– Вы, Азим ибн Аъзам? – учтиво спросил Зариф, и его вопрос заставил Наима вытаращить глаза на юношу.

Скрываться было некуда, русский тоже узнал его. Услышав его полное имя, узнали и остальные. Юноша кивнул в ответ и спросил:

– Почему вы такие грустные?

– А ты не знаешь? – с укором спросил Наим.

– Сегодня годовщина конца Зелёной хвори, – объяснил Зариф.

– Эта болезнь унесла с собой столько жизней, – сокрушённо покачал головой человек, сидевший рядом с Наимом.

– Сделав нас несчастными, – с горем добавил Наим и прослезился.

Мужчина в белом халате с красной тесьмой на воротнике и коротких рукавах погладил Наима по спине.

– В чём смысл жить дальше, если тебе нет к кому возвращаться домой? – сквозь слёзы недоумевал Наим. – Я даже не попрощался, – сокрушался он. – Я ни разу не видел своего сына и так мало говорил его матери, что люблю её. Кому теперь я это скажу? Твоему султану? – сморщился он.

– Успокойся, Наим, – сказал Зариф. – Он до сих пор не смирился со смертью своей жены и трёхлетнего сына, – объяснил он.

– Никто из нас до конца не смирился с потерей близких и любимых людей, – сказал мужчина напротив Азима.

– Все мы здесь путники, – продолжил Зариф. – Никого из нас не было в Ахоруне, когда это началось. Наим торгует шёлком и был в городах-братьях. Аскар, – он кивнул на светловолосого, – ювелир. Он был в Каарте. Аловат, – Зариф указал на мужчину в белом, – шьёт тибетейки и сам же продаёт их по всему Рахшонзамину. Саидо, – он указал на мужчину напротив Азима, – делает глиняные лампы и всё такое. Он был в Чехре. Я, – он указал на себя, – развожу скот и продаю их шерсть. Я был в Виндоле, когда началась Зелёная хворь.

– Если бы Бузург не начал гонения ведьм, они бы не обрушили на нас свою месть, – укоризненно проговорил Наим.

– Не обращайтесь на него внимания, господин. Он пьян, – сказал Зариф.

– Люди приписывают эту проклятую хворь ведьмам, хотя ни одна из них в том не призналась, – не уверенно пожал

плечами Аскар.

– А я обвиняю в этом султана! – громко заявил Наим. – И не важно сколько ведьм он скормил сарунам в своё оправдание.

– Простите его, господин. Вино усиливает его горе, – с толикой сочувствия сказал Зариф.

В это время девушка в белом платье на подносе принесла три глиняных кувшина с вином. Один кувшин был красным, второй зелёным, третий белым. Она также принесла чашки для шестерых, свежеиспечённые кулчи, фисташки, финики и инжир.

– Что-нибудь ещё? – спросила она.

– Поджарь нам тыквы с мёдом, Зайнура, – попросил Саидо.

Зайнура кивнула и вернулась на кухню.

– Я не буду, – Азим накрыл рукой свою чашу, когда ему хотели налить вина.

– Я так хотел увидеть своего сына, но из-за страха заражения ни один караван не захотел вернуться из Аброра, – сказал Наим после глотка и налил себе ещё.

– Его жена была на девятом месяце, когда он уехал, – объяснил Аскар.

При его словах Наим зарыдал ещё громче.

– Я вам сочувствую, – сказал Азим, но это не утешило Наима.

– В Аброре я накупил много подарков для жены и сына,

но не отправил их им. Хотел приехать и сам вручить их, – Наим посмотрел на пустую чашу и через какое-то мгновение продолжил с гневом и скорбью. – Вместо этого я сжёг подарки там, где был рассеян их прах, и сказал, что люблю их, но они этого никогда не услышат. Моя жена никогда не узнает, как сильно я скучал по ней, – Наим отрывисто заплакал.

Азим тоже понурился, вспомнив тот вечер. Зилола перед уходом сказала: «*Я люблю тебя*». Азим не слышал это, но ясно понял по её губам и взгляду. И что он сказал в ответ? Ничего. Он как самодовольный дурак лишь кивнул ей вслед, недоумевая, почему она уходит. Надо было идти за ней, сожалел Азим.

Смотря на Наима, Азим представил себя на его месте. Он не простит себя, если Рудоба поступит плохо с Зилолой. Юноша жалел, что тоже мало говорил жене, что любит её. Знает ли она об этом?

Знаешь, что люблю тебя?

Мысли о твоих влажных губах не дают мне по ночам покоя.

Знаешь, что люблю тебя?

Мыслями о твоих тёплых объятиях нет мне по ночам покоя.

Сможешь ли простить меня,

Ибо сам виноват, что нет тебя рядом?

Знаешь, что люблю тебя?

Мысли о твоей отрадной улыбке с ума сводят меня.

Знаешь, что люблю тебя?

Мыслями о твоём приятном голосе стал к другим я глух.

Знаешь, что люблю тебя?

Жаль, что так мало об этом говорил.

Грудным тембром пропел Азим и, подняв глаза, заметил, что не только пятеро путников, но Зайнура с Нигиной с восхищением слушали его.

– У вас красивый голос, господин, – похвалил Зариф.

– Очаровательный, – нежно и тихо добавила Нигина, стоя в нескольких шагах от их стола.

– Спасибо, – успокоился Наим. – Простите меня за резкие слова.

– Это было ваше право, – сказал Азим. – Мне жаль всех, кого вы потеряли.

Кувшины с вином были опустошены к тому времени, когда солнце полностью встало из-за горизонта. Азиму ещё несколько раз предлагали выпить хоть одну чашку с ними, но юноша вежливо отказывал и предпочёл вишнёвый сок. Заплатив за обслуживание, гости спустились за своими лошадьми. Четверо из них разъехались по сторонам, а Зариф остался, с интересом глядя на чёрного жеребца, которого седлал Азим.

– С какой ноги вас сюда занесло, господин? – спросил Зариф. – Хотите совершить новый подвиг ради любимой.

Азим задумчиво посмотрел на него. Видимо, он ещё не знает. Это хорошо. Можно будет соврать, чтобы удовлетво-

рить его любопытство. Вот только что ему сказать?

– Вы кажетесь озадаченным, – заметил Зариф, пока думал юноша. – На землях Ахоруна не бывают разбойников, но сдаётся мне, не это вас волнует. Что же вас так тревожит? – спросил он, когда Азим покачал головой.

– Мне нужно ехать. У меня мало времени, – промолчав, сказал Азим и сел на Катрона.

– Сдаётся мне, вы едете навстречу опасности, – не отставал Зариф. – Я могу помочь вам.

– Спасибо, но помощь лишь усложнит мою задачу, – Азим выехал вперёд. – Рад был знакомству, – юноша учтиво кивнул Зарифу и Нигине, которая подглядывала за ним из-за арки, и намеренно поехал на северо-восток.

Он сделал это на случай, если Зариф навяжется за ним. Проехав два фарсанга, Азим убедился, что никто не скачет за ним. Съехав на северное подножие продолговатого холма с крутыми оврагами, Азим повернул Катрона на запад. Жеребец бежал рысью мимо и у подножия предгорных холмов. Азим старался не подниматься на вершины холмов, чтобы стой стороны никто не смог заметить его.

В полдень Азим устроил себе не большой привал. Он поел и напоил Катрона из ладони. После они продолжили путь, погнав на этот раз галопом. Уже вечером слева, вдалеке, показался Корявый лес. Азим свернул туда и с наступлением поздней ночи они приехали к северной опушке.

На небе вспыхнули тысячи звёзд. Старая луна висела где-

то на юго-западе и её свет едва освещал путь. Азим решил переночевать у опушки и продолжить путь завтра. В бурдюке оставалось мало воды, но был другой с настойкой кураги и ещё один с отваром из лечебных трав. Вряд ли жеребец захочет их пить.

– Где-то здесь должен быть источник ручья, – спешившись, сказал Азим. – Сможешь найти его в темноте?

Катрон негромко фыркнул в ответ.

Приняв это за положительный ответ, Азим кивнул в сторону леса.

– Не пропадай надолго, – попросил он вслед жеребцу.

Катрон скрылся из виду, и Азим задумчиво смотрел вглубь леса. Вернулся ли Рахмон?

Получить ответ на этот вопрос можно, вернувшись в его хижину. Увы, на это нет времени.

Надеясь, что со стариком всё в порядке, Азим прилёг у дерева. Он смотрел на звёзды сквозь крону косо́го дуба. Азим хотел снова попытаться вспомнить, но очень боялся этого. Кто этот человек за пеленой? О чём говорят эти слова?

Азим невольно погрузился в воспоминания, и боль снова поразила его виски. Благо, в этот раз она была не такой сильной. Юноша закрыл глаза и вместо мрака сквозь пелену увидел какое-то большое, освещённое помещение. В ушах появился приглушённый гул, будто в них попала вода. При этом ему казалось, что где-то в помещении играет музыка. Он попытался посмотреть по сторонам и слева от себя за-

метил силуэт высокого человека с вытянутым лицом. «Кто вы?» Спросив, Азим медленно свалился набок.

Во сне Азим оказался на седловине. Он хотел спуститься в котловину с самоцветами. Неожиданно перед ним появилась Рудоба с выставленными вперёд лапами. «Ты обманул меня», сердито сказала она и вонзила в него когти.

Азим очнулся под самое утро, жадно глотая воздух и в ужасе ощупывая свою грудь. Ему было тяжело дышать. Что-то сильно кололо в груди, но вскоре Азим выровнял дыхание и успокоился.

– Катрон! – позвал он и жеребец прибежал на его зов. – Нужно ехать дальше. Ты нашёл источник? – Азим встал и сел на жеребца. – Отведи меня туда. Нужно запастись водой.

Пока Катрон шёл к источнику, Азим выпил настойку кураги и съел кусок фатира и мяса. Источник находился в двух стадиях к юго-западу от места его ночлега. Прохладная вода выходила из нескольких узких отверстий в самой земле и ручейком уходила вглубь леса, где соединялась с другими такими ручейками.

Азим умылся и, сделав пару глотков, сразу почувствовал прилив сил и бодрость. Мысли прояснились, и голова стала какой-то лёгкой. Он набрал воды в бурдюк и поехал дальше.

За две сойи до полудня Азим доехал до расщелины между холмами в долине.

– Дальше я пойду один, – спешился он и хотел отвести Катрона в сторону, но жеребец заупрямился. – Я пойду один, –

твёрдо сказал Азим.

Катрон не согласно мотал головой и фыркал, но Азим покачал головой и оставил его у подножия травянистого холма. Юноша в последний раз оглянулся на возмущённого жеребца и вошёл в расщелину.

Взяв с собой сумку с вещами жены и едой, юноша пошёл быстрым шагом, чтобы до наступления темноты преодолеть хотя бы пол пути. Он смотрел наверх и думал, а не позвать ли Рудобу во весь голос? Услышит ли она?

Азим хотел было крикнуть её имя, но тут над ним пролетела тень. Он оглянулся и увидел белого симурга с синими хохолками высоко на небе. Рудоба летела вверх и, спиной повернувшись вниз, спикировала к земле и с криком пролетела над высокими холмами.

– Подожди! – крикнул снизу Азим и побежал за ней.

Рудоба скрылась из виду, как только перед Азимом возник поворот в Тропу мёртвых. Вспомнив о телах, юноша остановился и с опаской пошёл дальше. Он осторожно переступил через скелет и заметил, что теперь он лежит по-другому и рука больше не тянется к выходу.

Странно.

Первый отрезок тропы был узким и симурга не было видно. Взобравшись на середину травянистого склона, юноша побежал вперёд и вышел к широкому отрезку тропы. На дальнем конце каменистого холма он заметил Рудобу. Вытянув шею вверх, она громко крикнула.

Она злится, понял Азим и всё равно пошёл к ней. Рудоба опустила шею и вперила в него грозный взгляд своими большими голубыми глазами. У её оперения был золотистый отблеск и сине-зелёные хохолки, похожие на павлиньи перья, на голове, шее и крыльях. Она вздыбила шейное оперение с хохолками и свирепо крикнула, заставив Азима остановиться. Рудоба раскрыла крылья в одну сплошную линию и спланировала вниз по каменистому склону и пролетела прямо над головой Азима. Её когти цокнули в ложной попытке схватить его словно дичь в каких-то ладонях над ним.

Азим испуганно пригнулся. *«Она же готова разорвать меня в клочья»*, в страхе подумал он.

Рудоба взмыла в небо. Крутанулась стоймя и резко села на вершину каменистого холма, будто свалилась на неё. Вперив в Азима очередной свирепый взгляд, она снова вздыбила перья на шее и издала долгий крик. Согнув шею назад, она начала взмахивать и трепетать крыльями – явно не в знак приветствия или дружбы. Снова вытянув шею вниз, Рудоба начала спускаться с холма.

Не отрывая разгневанный взгляд, она издавала странный зловеший звук. Симург угрожающе качала головой и кромсала валуны в мелкие камушки своими мощными лапами. Вдруг она схватила очередной валун, раскрошила его в мелкие кусочки и с криком бросила камни в сторону Азима.

Юноша едва успел прикрыть лицо руками. Осколки валуна больно ударились в него, и юноша закричал. Рудоба была

готова убить его и схватила новый валун. Азим отступил на шаг и потянулся к мечу на поясе.

– *«Не вздумай!»* – проскрежетал крик Рудобы у него в голове.

Рудоба взмахнула крыльями и полетела на Азима. Юноша не успел достать меч, как Рудоба, схватив его, полетела к противоположному холму и швырнула его. Этот холм хоть и был травянистым, удар это не смягчило. Азим простонал от боли и покатился вниз. Он попытался встать и обнажить меч, но Рудоба вернулась и снова схватила его когтями. Она крепко держала Азима, а один её коготь угрожал вонзиться ему в горло. Однако Рудоба не ранила его и полетела вверх.

Азим в страхе старался держать шею как можно дальше от острия когтя. Почему бы не вонзить его и покончить с этим? Или её самой охота заклевать его до смерти?

– Отпусти меня! – потребовал Азим.

Рудоба послушалась и разжала когти – Азим с криком полетел вниз. Рудоба спикировала за ним и снова схватила. Симург начала парить низко над высокими каменистыми холмами и, в ужасе вздрагивая, Азиму всякий раз приходилось поджимать ноги, чтобы не удариться об острые скалы и валуны.

Рудоба пугающе молчала и ничего не говорила ему мысленно. Миновав холмы, она полетела к горам. Она взлетала всё выше и выше над чёрными и иссиня-чёрными пиками Катрона. Симург повернула налево и спикировала вниз.

Азим беспомощно болтался у неё в когтях левой лапы и жадно глотал воздух. На такой высоте ему было трудно дышать. Его сердце колотилось так, словно в груди тысячи барабанов заиграли предсмертную дробь.

Симург обогнула высокий хребет, повернула направо и снова полетела наверх. Внизу показались огромные пики Катрона, которые словно острые клыки тянулись к ногам Азима. Он посмотрел вниз и в ужасе решил, что Рудоба нарочно летит над пастью кромешной бездны. На этой высоте холодный ветер пронизывал насквозь и казалось, что он несёт с собой мольбу этой пропасти: *«Ну дай же мне его проглотить»*.

– Не-ет!!! – закричал Азим, ибо Рудоба ответила мольбам зияющей пасти.

Азим стремительно падал вниз, тянясь руками к Рудобе, но она, паря над Катроном, безжалостно наблюдала за его падением. Юноша в ужасе падал вниз и не мог больше кричать. Скорость падения и встречный ветер в лицо не позволяли дышать спокойно. Он боялся задохнуться прежде, чем разбиться в щепки.

Азим не видел своего лица, но думал, что у него такое же выражение ужаса и страха, как у тех останков внизу. Так они и умерли, решил Азим, который вот-вот присоединится к ним.

Он падал в паре сотен газов от горы с сине-чёрными косыми полосами и был всё ближе к скалистой вершине под ним.

Вдруг он снова ощутил захват – Рудоба вернулась за ним. Снова заключив его в когти, симург полетела к этой самой горе. Не успев испытать облегчения, Азим в страхе подумал, что она швырнёт его в эту гору.

Ох, уж мало не покажется!

И зачем Азим только подумал об этом? Рудоба действительно швырнула его в сторону горы. Правда, сделала она это плавно и, не успев Азим пролететь и двадцати метров, снова схватила его когтями.

Издав яростный крик, Рудоба полетела наверх. Достигнув вершины горы, она бросила Азима на ту сторону. И пока Азим с криком летел вниз, Рудоба взлетела на сотню метров вверх и спикировала за ним.

Схватив Азима, она полетела вперёд. Азим дрожал и чуть не потерял сознание, но Рудоба не закончила с ним. Она полетела по спирали, вертясь, сначала, направо, затем налево и снова направо. У Азима сильно закружилась голова, из носа и ушей текла кровь.

Рудоба опустилась вниз и летела мимо горных вершин. Она крикнула в гневе и подбросила Азима перед собой. Симург нарочито цокнула клювом мимо его тела, иначе она бы разделала его на несколько частей. Рудоба схватила Азима и снова крикнула. Юноше уже было плохо и у него помутнело в глазах. Надежда вновь увидеть любимую Зилолу ничтожно угасала. Рудоба снова подбросила его перед собой и на этот раз с криком пролетела мимо него.

Азим снова начал падать вниз. Он вяло протянул руку, чтобы Рудоба поймала его, но она улетела прочь. Юноша падал вниз спиной и чувствовал, как жизнь покидает его. В этом, казалось бы, бесконечном падении он стремился к вечному сну. Азим медленно закрыл глаза, позволив тьме объять свет в его душе.

– Прости меня, – прошептал он на последнем издыхании и... вот он конец.

* * *

«Рыбе не докажешь, что она рыба. Так зачем спорить с тем, кто тебя не понимает?»

Хранители знаний: «Мемуары султана Зухура»

« И необязательно живым».

Зловещие слова Расима не выходили из мыслей Латифа с тех самых пор, как он покинул дворец. Самопровозглашённый падишах твердил, если Азим доберётся до пещеры, страж обрушит на Расулабад всю свою ярость. Неужели он не думает, что похищение зятя султана Ахоруна также не приведёт ни к чему хорошему?

– *«И почему я выполняю его волю?»* – удивлялся самому себе Латиф.

Нужно было отказать Расиму, но вместо этого он выбрал троих копейщиков из своего отряда, которым доверял боль-

ше всех. И теперь они уже третий день держали путь на север.

Сперва они двигались по дороге на северо-восток в сторону Арружа. Латиф со своей маленькой группой вышли в путь через три сойи после восхода. Он рассчитывал, что в это время на дороге уже не будет путников, однако просчитался. Через каждую стадию или две им по пути встречались путники с пустыми или полными повозками и телегами. Были и одинокие путники на лошадях и целые группы. Чтобы не вызвать у людей подозрений, Латиф и его спутники, скрыли свои короткие мечи широкими платками, которые были у них на поясах. Сами они были одеты в одинаковую одежду – белые льняные туники с коричневой тесьмой по краям, тёмно-голубые шаровары и бежевые безрукавки с плотной кожей изнутри. Латиф решил, что они послужат им достаточной защитой, если Азим окажет сопротивление. На самом деле, он всё ещё думал, как поступить с юношей?

– Что мы будем делать, если столкнёмся с Азимом? – спросил в очередной раз Шавкат⁴⁶. – Не сдастся же он нам добровольно.

Шавкат задавал этот вопрос и негодовал по этому поводу с первого дня пути. Он выжидательно смотрел на командира, но тот не мог дать ясного ответа.

– Мы вежливо его попросим, – подшутил Аваз, покачав короткий меч на левом бедре.

---

⁴⁶ Шавкат произносится с увулярной «к».

– Увидев нас с мечами в руках, он тут же убежит, – возразил Шавкат. – Говорят, его чёрный жеребец быстрее ветра.

– Жаль, мы не взяли с собой копыя. Я бы точно метнул в него копьём и поглядели бы, кто быстрее, – беспечно пожал плечами Аваз.

– Думаю, это плохая идея, – засомневался Шавкат.

– Это приказ падишаха. Мы должны подчиниться, а не сомневаться, – встрял Дилшод, у которого всё это время был суровый вид.

– Как бы это подчинение не привело к войне, – проговорил Латиф. – Нам нужно поговорить с ним.

– С кем? – переспросил Шавкат.

– С Азимом, – ответил Латиф. – Нужно выяснить, что именно от него нужно падишаху? Расим говорит, что Азим может навлечь на нас гнев стража, но я ему не верю, – он задумчиво посмотрел вдаль.

– Как вообще колдун мог стать падишахом? – не понимал Шавкат.

– С помощью колдовства, – съязвил Аваз.

– Я имею в виду, неужели никто не заметил, что он колдун, – покосился Шавкат. Он хотел дать подзатыльник Авазу, но тот увернулся и отъехал, скорчив насмешливую гримасу.

– Видимо, он это хорошо скрывал, – предположил Дилшод.

– Я наводил справки о Расиме, – сказал Латиф. – О нём

практически ничего не известно. Единственное, что мне поведал главный писарь, Расим родился в Джоду и жил там до девяти лет с отцом. Однажды они внезапно исчезли. Никто их больше не видел, пока Расим не появился в Расулабаде. Он был учеником Нигоры, пока не поступил на службу во дворец. Что с ним стало дальше, вам и так ясно.

– А дальше он стал нашим падишахом, Латиф, – сказал Дилшод. – Ты сам говорил, что он сделал многое для Зебистана. Это действительно так. Сейчас люди боятся его, но, когда он был послом или премьер-министром, они уважали его. Думаю, так и должно быть. Мы должны подчиняться, кем бы он ни был.

Латиф кивал с бесцельным взглядом. С одной стороны, Дилшод прав – Расим единственный, кто во дворце думает о народе. С другой стороны, каковы его настоящие мотивы? Что он собирается делать с этими птенцами?

– Он не внушает мне доверия, – заявил Латиф. – Ты прав, он думает о благе народа, но он также задумал что-то неладное... Я в этом уверен.

– Если падишах приказал доставить ему Азима, давайте просто сделаем это, – призвал Дилшод. – Возможно, у падишаха на это есть веские причины.

– Ты веришь его обвинениям? – спросил Шавкат.

Дилшод неуверенно посмотрел на Шавката. Он не знал, что ответить. Мнения по этому поводу расходились. Одни верили словам падишаха, другие задавались вопросами, на

которые никто не мог ответить. Потому Дилшод всё больше склонялся к первым.

– Всё может быть, – тихо проговорил он.

– Нужно устроить привал, – сказал Латиф.

– Но ведь ещё только полдень, – возразил Дилшод.

– Слишком жарко. Солнце печёт прямо в спину, – сказал Латиф. – Отдохнём две сойи, а затем поскачем галопом. К вечеру мы будем у северо-западной опушки корявого леса. Там и придумаем, как поступить с Азимом.

Соратники согласились с Латифом, и они устроили не большой привал под дубом у западной опушки Корявого леса. Они привязали лошадей к низкой ветке и перекусили копчёным мясом с хлебом и курутом.

Сделав пару глотков воды, Латиф встал и вгляделся вглубь леса. Несмотря на кривизну стволов, кроны деревьев были пышными и свет, пробивавшийся сквозь густую листву, едва разгонял царивший там мрак.

– Удивительно, правда? – к нему подошёл Аваз. – В этом лесу даже сосны кривые.

– У меня мурашки от этого места, – признался присоединившийся к ним Шавкат.

– Здесь можно стать лёгкой добычей медведя или другого хищника, – сказал Латиф.

– Если они тут водятся, – добавил Дилшод.

– Вот именно, – поддержал Шавкат.

– Почему бы тебе не сходить и узнать? – подразнил Аваз.

– А самому слабо? – Шавкат шутливо толкнул Аваза в сторону леса.

– Ладно, поехали дальше, – скомандовал Латиф.

Солнце не стало прохладнее через две сойи после полудня.

На небе не было ни одного облачка. Латиф с соратниками сели на своих лошадей и погнали на север. Некоторое время спустя Латиф ощутил странное чувство. Он остановил лошадь и повернулся к лесу. Вдруг ему показалось, что он заметил нечто и хорошо присмотрелся...

Заметив остановку командира, Шавкат развернул лошадь и подъехал к нему.

– Что случилось? Ты увидел кого-то? – поинтересовался он.

Латиф странно посмотрел на Шавката и снова бросил взгляд на лес.

– Скачите дальше, – сказал он, когда вернулись Аваз с Дилшодом.

– В чём дело? – спросил Дилшод.

– Разведайте обстановку, – Латиф оставил его вопрос без ответа. – Узнайте, не возвращался ли Азим на Тропу мёртвых.

– А ты что будешь делать, – спросил Аваз.

– Я пойду в лес, – ответил Латиф и спешился. – Скачите! – велел он недоумевающим спутникам.

Они развернулись и снова поскакали на север. Латиф же

привязал лошадь у дерева и с осторожностью вступил в лес. Чем дальше он шёл, тем больше сгущался сумрак. Опыт охотника подсказывал Латифу прислушаться к звукам. В лесу стоял лёгкий шелест листвы. Однако был и другой звук. Он доходил откуда-то справа. Пригнувшись, Латиф прошёл под косым стволом бука и пошёл на этот едва слышный звук. Иногда этот звук пропадал, и Латиф замирал на месте и лучше прислушивался... Вот он снова услышал этот звук, похожий на хруст, где-то в ста шагах слева от себя.

Латиф пошёл в этом направлении и вскоре заметил некий силуэт. Он был таким же косым и корявым, как деревья вокруг. Кому бы ни принадлежал этот силуэт, он медленно двигался на юг, часто останавливаясь и сворачивая с пути. Латифу это показалось странным, и он осторожно подошёл поближе.

Черты силуэта становились яснее – это был какой-то согбенный старик, который еле держался на ногах и дрожал с каждым шагом. Этот старик что-то бормотал и с трудом передвигался.

Латифу что-то показалось знакомым в этом старике.

– Эй! – позвал он, выйдя из-за дерева.

Старик встал на месте и попытался повернуть свою едва заметно дрожавшую голову. Так и не посмотрев на Латифа, старик судорожно повернул налево и пошёл прямо, снова что-то бормоча себе под нос.

Латиф лучше присмотрелся к этому старику. Он был

худощав, голова поникла к груди и колени были слегка согнуты. Он переступал мелкими шажками и шатался, словно продрогшая собака. Тем не менее Латиф понял, что когда-то этот человек был высоким, широкоплечим и здоровым. Ему почему-то всё ещё казалось, что он знает этого старика.

Латиф обратил внимание на его одежду. Она вся была грязной и порванной. Однако эта льняная рубашка когда-то была голубой, совсем как...

– *«Не может быть»*, – встревожился Латиф и подбежал к старику. Он остановил его и повернул в свою сторону. Посмотрев старику в лицо, Латиф пришёл в ужас – это был Фозил.

У пропавшего друга и бывшего подопечного Латифа была иссохшая, шелушистая кожа, словно он весь покрыт перхотью. На его лицо было страшно смотреть – она была исполосована морщинами, словно Фозилу было тысячу лет. Кожа на щеках усеяна трещинами, словно засохшая земля, не видевшая дождя десятки лет.

– Фозил, это ты? – потрясённо спросил Латиф.

– Я... ищу... еду, – проговорил он, выдыхая пылью.

– Фозил, это я, Латиф, – он потряс друга за плечи. – У меня есть еда.

– Вы... п-принесли... ему... еду? – Фозил с трудом, подрагивая, поднял глаза на Латифа. От худобы глаза Фозила провалились внутрь и также были в трещинах. – Он... голоден. Он... страдает... Вы... слышите... как он... п-поёт? –

мёртвым, серым взглядом Фозил, не моргая, смотрел на Латифа.

– Кто поёт? Фозил, это я, Латиф. Ты не узнаешь меня? – недоумевал он.

Фозил тяжело моргнул и новым взглядом будто бы узнал Латифа.

– Ты... – протянул он. – Нашёл м-меня, – вздохнул он.

В этом вздохе было отчаяние, радость и облегчение, перемешанное с пылью.

– Да! – отрывисто вздохнул Латиф с широкой улыбкой. – Где ты был? Что с тобой случилось?

Фозил снова моргнул и его взгляд опять стал пустым, как у мертвеца. Его голова тяжело склонилась набок. Он повернулся и хотел было уйти, но Латиф остановил его.

– Н-нужно п-принести ему еду, – пробормотал Фозил, выдыхая пылью. – Он... г-голоден. Я... д-должен п-помочь.

– Фозил, о ком ты говоришь? – спросил Латиф. – Где Фаррух? Это ему нужна помощь?

– Фаррух... отдал... свою... душу, ч-чтобы п-помочь... ему, – с трудом проговорил Фозил.

– Что ты несёшь, Фозил? – негодовал Латиф. – Фаррух мёртв?

Фозил молчал и Латиф тряхнул его за плечо. Тот снова моргнул и, с усилием посмотрев на Латифа, припал к нему. Латиф поймал беднягу руками.

– Прошу тебя... убей меня, – взмолился Фозил.

– Зачем? Нет! – Латиф был потрясён такой просьбой.

Снова моргнув, Фозил опять начал бредить:

– Принесите... себя... в жертву... ради его... блага. Избавьте... его... от страданий.

– Со мной ещё трое ребят. Мы поможем тебе. Мы вернём тебя домой, – Латиф опустил взгляд и достал бурдюк с водой. Он хотел дать его Фозилу и, посмотрев ему в глаза, он опять заметил, что Фозил смотрит на него изнеможённым, умоляющим взглядом.

– Освободи м-меня, – сказал он хриплым, едва слышным голосом. – П-прошу... убей м-меня и... беги.

– Нет, – Латиф качал головой. К его глазам подступали слёзы. – Позволь помочь тебе.

Фозил тяжело закрыл глаза и медленно открыл их.

– Он... зовёт меня. Слышишь? – Фозил отошёл от Латифа. – Он... зовёт и т-тебя. Т-твоя душа... Наши... д-души... Он... страдает. Он... г-голоден.

Латиф не находил слов. Он не знал, что делать. Он оглянулся по сторонам – зря он опустил спутников. И лошади рядом нет. Он бы увёз Фозила прочь от этого мрачного места. Когда он снова посмотрел на Фозила, тот стоял к нему вплотную. В глазах Фозила было отчаяние.

– Я не могу... больше... этого выносить, – от него пахло пылью и песком. – Он... ужасен. П-прошу, убей... м-меня.

На левом бедре Латифа висел короткий меч, а на правом кинжал. К нему и потянулся Фозил.

– Освободи м-меня... от... этого... бремени. Убей.

Рука Фозила дрожала, и он не смог достать кинжал. Латиф же не решался этого сделать. Он смотрел в серые, сухие глаза Фозила. Они умоляли его, но Латиф качал головой. Слёзы текли к щекам Латифа.

– Неужели нет способа помочь тебе? – он всё ещё надеялся, что его спутники вот-вот вернуться и они вместе повезут его в Расулабад. Может, Расим сможет помочь. В конце концов, Фозил был ему верным слугой столько лет.

– Прошу... убей... меня, – Фозил хотел моргнуть, но сопротивлялся из последних сил.

Он чуть было снова не упал, но Латиф подхватил его. Выхода не было. Его друг мучился и просил прекратить его страдания. Латиф медленно обнажил кинжал и подвёл остриё к сердцу Фозила.

– Пусть Всевышний простит тебе грехи и примет в свои объятия, – в слезах горько проговорил Латиф и вонзил кинжал в сердце другу.

– Спасибо, – на последнем вздохе прошептал Фозил и закрыл глаза.

Латиф обнял его бездыханное тело и громко зарыдал. Он отнёс тело Фозила в небольшой овраг и накрыл его ветками и листьями.

– Прости, что не похоронил тебя достойным образом, – тихо проговорил Латиф, сев у края оврага. – Прости, что не вернулся тогда за тобой. Мне неизвестно через какие муки ты

прошёл, но теперь твоя душа свободна от скверных оков этого мира. Прощай, мой друг.

Латиф вытер слезу, в последний раз взглянул на могилу и ушёл.

Солнце близилось к закату, когда Латиф вернулся в то место, где он привязал свою лошадь. Развязывая поводья с ветки, он услышал зов. Латиф посмотрел через шею лошади и увидел всадника, скачущего в его сторону – это был Шавкат.

– Латиф, мы заметили чёрного жеребца у расщелины, – доложил Шавкат, подъехав к командиру. – Мы хотели поймать его, но он убежал в расщелину. Оттуда только один выход. Аваз с Дилшодом устроили засаду и будут поджидать Азима. Если поспешим к ним, то увидев нас четверых, Азим не станет сопротивляться. Мы поймаем его живым.

Из уст Шавката это прозвучало с облегчением, и выражение его лица было оживлённым. Он наконец нашёл решение задаче, которая томила его всю дорогу.

– Нет, – неожиданно сказал Латиф. – Скачи обратно и скажи ребятам, пусть возвращаются. Мы едем назад.

– А как же приказ падишаха? – удивился Шавкат.

– Не важно, живым или мёртвым, если мы похитим Азима, это приведёт к войне. Думаю, Расим именно этого и добивается. Нет! – Латиф твёрдо покачал головой. – Я не позволю, чтобы войну развязали моими руками.

– Падишах разгневается. Он колдун, и кто знает, что он может с нами сотворить? – Шавкат опасался наказания.

– Не волнуйся, перед падишахом буду отвечать я сам, – уверенно сказал Латиф. – Скачи к расщелине и отзови ребят.

– Хорошо, – задумавшись, сказал Шавкат и развернул лошадь.

Перед тем как уехать, Шавкат оглянулся на Латифа. Что-то в голосе командира показалось ему странным. Латиф казался удручённым.

– Что случилось? Что ты нашёл в лесу? – спросил Шавкат.

Латиф поднял на него тяжёлый, грустный взгляд и тихо ответил:

– Смерть.

* * *

«Дети, потерявшие родителей, называются сиротами. А родители, потерявшие детей? Как назвать их? Как описать их сложную боль одним словом? Будет лучше дать им банальное определение – фаргум, что буквально означает «потерявший ребёнка»... И я одна из них».

Ардвисура

Почему Зарафшан называют озером, а не морем, ведь у него протяжённость в сто фарсангов от востока к западу? Бузург задавался этим вопросом, глядя на её бескрайнюю водную гладь, отражавшую солнечные лучи. Говорят, что на рассвете и закате она блестит словно золото – отсюда и на-

звание. Однако Бузург никогда не видел этого своими глазами, как и его покойная жена. Нисо родилась в Арруже и прожила там все свои двадцать три года. Удивительно, она никогда не была у берегов Зарафшана, но знала об этом озере много разных рассказов и легенд. Одна из них гласит, что Зарафшан притягивает в себя тех, кто любит красоту на заре или закате, и больше не отпускает. Как бы странным ни казалось, именно у этой легенды есть подтверждение. Шестнадцать веков назад султанзаде Асад привёл свою жену на берег, полюбоваться закатом. На юго-восточном берегу Зарафшана росли и до сих пор растут лотосы. Асад решил искупаться и заодно собрать несколько цветов для жены. Он нырнул в воду и больше не вынырнул. Асад запутался в корнях лотоса и утонул. Его жена, унаследовавшая титул мэра, несколько раз приказывала очистить берег, но лотосы появлялись вновь. Тогда она запретила купаться в этом озере своим горожанам.

Возможно, из-за этой легенды Бузург так и ни разу не сводил Нисо к озеру, а она так мечтала об этом и столько раз просила. Он хотел поехать с ней к озеру после рождения Зилолы, но было уже поздно. Нисо стала одной из первых жертв Зелёной хвори. И кого в этом винить? Себя или ведьм, которые не признались даже в пасти сарунов.

Теперь он стоял один на низком холме недалеко от берега и с тоской в глазах смотрел куда-то вдаль.

Палящее солнце приближалось к зениту. Ветра не было,

как и облаков на небе. Тишина нарушалась криками восторга детей, плескавшихся у берега. Взрослые, с которыми они пришли, купались недалеко от них. В воде были даже личные гвардейцы султана. Бузург простоял на месте пару часов в раздумьях, что уже не помнил, как позволил им купаться.

Прошлой ночью Бузург заснул с трудом. Им обуревало некое чувство пустоты и утраты. Он волновался о своей дочери и тревожился об Азиме. Бузург почему-то думал, что зять не справится... Скорее, у него было дурное предчувствие, что юноша уже не справился, что сильно беспокоило султана.

С рассветом султан приехал к озеру в сопровождении шести вофи. Однако, озадаченный раздумьями о судьбе своей дочери и зятя, он забыл, зачем сюда приехал. Сковывающее чувство в груди не позволяло сосредоточиться на делах. Его голова была забита дурными мыслями. Вместо того чтобы избавиться от них, он думал позвать гвардейцев, оседлать коня и помчаться к Катрону за дочерью.

– *«Азим не справится один»*, – говорил он себе, слегка качая головой.

– Приветствую вас, мой светлый господин, – к нему подошёл сват в тёмно-красной шёлковой тунике с льняными шароварами и камзолом вишнёвого цвета.

– Здравствуй, Аъзам, – отстранённо сказал Бузург.

– Я хотел поговорить с вами, но во дворце мне сообщили, что вы поехали в порт, – Аъзам подошёл ближе и склонил

голову перед султаном, приставив руку к сердцу.

– Я хотел посмотреть на зарево, но опоздал, – с тоской сказал Бузург, всё глядя куда-то вдаль.

– Закат ещё впереди, – подбодрил Аъзам, встав рядом со сватом.

– Слишком долго, – тихо проговорил Бузург, вызвав вопросительный взгляд Аъзама. – Какие-нибудь новости от твоего сына? – спросил он, посмотрев на свата.

– Нет, мой светлый господин, – Аъзам покачал головой.

– Его нет слишком долго, – посетовал султан.

– В прошлый раз его не было около двух месяцев, – ответил Аъзам. Он проговорил это с улыбкой, чтобы подбодрить султана, но тот был непоколебим в своей хандре.

– В прошлый раз Азим не знал, куда шёл, – заметил султан. – В этот раз... – он повернулся и задумался. – У меня дурные предчувствия, Аъзам, – признался он. – Боюсь, мы больше не увидим своих детей, – он встревоженно посмотрел на свата.

Аъзам вопросительно скосил взгляд, а затем опустил глаза и тоже задумался.

– Правду говоря, – заговорил он вскоре, – у моей жены такие же чувства. Пару ночей она проснулась от боли в груди. С тех пор она сама не своя. Она не находит себе места и хочет, чтобы вы всё же отправили гвардейцев за Азимом.

– Куда? – Бузург отвернулся и посмотрел на людей в воде. Он солгал свату, потому и отвёл взгляд, чтобы не выдать

ложь своими взволнованными глазами. Он знал, куда мог отправиться Азим, но не решался отправить за ним людей, ибо до конца верил своему зятю. Вот только эта вера начала увядать.

Нужно подождать ещё чуть-чуть.

– О чём ты хотел поговорить, Аъзам? – спросил султан, повернувшись к нему.

– Вы получили вести из Расулабада? – озадаченно спросил Аъзам.

– Да, – тихо процедил султан и посмотрел в глаза свату. – Шакал взобрался на трон льва, – сжав губы, султан мрачно покивал.

– Люди заявляют, что он колдун. Некоторые капитаны грузовых лодок из-за этого боятся отплывать в Расулабад, – сообщил Аъзам.

– Почему? – осведомился султан. – Этот колдун сам просил наших поставок.

– Они боятся расправы, – пояснил Аъзам.

Эти слова свата удивили султана.

– По слухам, Расим обвиняет вас в смерти детей падишаха Нодира и в болезни, которая впоследствии унесла жизнь и самого Нодира, – объяснил Аъзам.

Бузург невозмутимо посмотрел на свата и, повернувшись в сторону озера, не сказал ни слова.

– Это правда? – подозрительно спросил Аъзам. – Зачем вам это?

– Ради власти, – промолчав, наконец, ответил Бузург. Аъзам потрясённо отшагнул назад.

– При отсутствии прямых наследников я вправе претендовать на трон Расулабада, – спокойно добавил Бузург.

– И вы убили их? – в ужасе спросил Аъзам.

– Нет, – твёрдо сказал Бузург. – Мне ни к чему такая власть. Если это было бы не так, я бы выдал свою дочь за сына султана Аброра. Ты сам слышал, что он мне за это предлагал.

Слова султана звучали убедительно, однако Аъзам ещё сомневался в честности свата.

– Зачем тогда Расиму обвинять вас в столь тяжком преступлении?

– Ради власти, – ответил Бузург, пожав плечами. – Я алчен и все об этом знают, – выждав паузу, добавил он. – Видимо, Расим хочет этим воспользоваться.

– Но зачем? Ведь вы помогали Зебистану, – негодовал Аъзам.

– Он жаден не меньше меня, – ответил Бузург. – Расим объявил себя падишахом, но я полагаю, что он не остановится на этом.

– Что вы имеете в виду? – покосился Аъзам.

– Не волнуйся, Аъзам. Чтобы не задумал этот шакал, мы его остановим.

Султан отвернулся и посмотрел на запад над водной гладью Зарафшана.

– Вы знали, что капитаны лодок во время восхода или заката приказывают команде спускаться в нижние палубы, когда они плывут по озеру? – спросил через некоторое время Аъзам. Они вместе смотрели вдаль, не проронив и слова больше. В молчании Аъзам и вспомнил про это. – Говорят, зарево на озере дурманит человека.

– Нет, не знал, – тихо ответил султан.

Однако он и тут солгал. Об этой легенде ему рассказывала Нисо. Бузург не хотел думать об этом. Воспоминания о жене вызывали в нём чувство вины. Он не простил себя за то, что изменял с ведьмой, пока жена была беременна. Но это не имеет значения. Прощение нужно было просить у самой Нисо, но уже слишком поздно. Её больше нет.

Султану нужно было отвлечь себя от этих мыслей, и он повернулся к Аъзаму, вернув свой повелительный вид.

– Скажи капитанам, чтобы не беспокоились. С каждой лодкой теперь я буду отправлять четырёх гвардейцев.

– Это подбодрит их, мой светлый господин, – улыбнулся Аъзам.

Султан кивнул и, повернувшись к озеру, громко свистнул и жестом руки велел своим гвардейцам выйти из воды.

– Я хотел посмотреть на новые грузовые и пассажирские лодки и переговорить с судостроителями, – Бузург вспомнил, зачем, на самом деле, он приехал сюда.

– Верфь в четверти фарсанга к востоку отсюда, – Аъзам указал налево.

– Позови их во дворец, – поручил султан. – Я поговорю с ними там.

– Слушаюсь, мой господин, – Аъзам прижал руку к сердцу.

– Когда вернёшься в город, собери визирей на совет, – дополнительно поручил султан. – Нужно обсудить ситуацию в Расулабаде.

– Хорошо, мой господин, – учтиво сказал Аъзам.

Султан задумчиво посмотрел на Аъзама и проговорил, зная, что сват ждёт этих слов:

– Подождём ещё пару дней. Если Азим не вернётся с моей дочерью, я сам отправлюсь за ними.

* * *

«Начаты при Расуле втором, завершены при Байзо – возведение Шомабада заняло двести сорок два года. Воля падишаха Расула Второго заключалась в том, чтобы несколько поколений оставили свой след при строительстве».

Хранители знаний: Истории Зебистана. До изгнания»

Звон цепей не нравился птенцам симурга, но они вели себя тихо и податливо, зная, что Расим идёт позади. Одна нога каждого птенца была закована в серебряные кандалы, а их цепи были подсоединены в одну большую, которую бесцеремонно тащил за собой новый слуга Расима. Мафтун был

родственником Одила. Раньше он был младшим надзирателем в темнице в Чехре. Одил попросил падишаха взять его на место Фозила, так как Исмат не справлялся в одиночку. Мафтуну было тридцать один год. Он был таким же здоровым, как Фозил, но на две головы ниже и не таким разговорчивым. Свободной рукой Мафтун открыл решётку клетки и грубым движением затащил птенцов внутрь, после чего снял с них цепи. Птенцы жалобно пискнули и под суровым взглядом нового надзирателя отошли к дальней стене. Мафтун намотал цепь вокруг левого локтя, вышел и запер клетку за собой.

– Какие-нибудь другие указания, мой бесподобный падишах? – он прижал правую руку к сердцу и потупил взгляд. У него тоже был низкий голос, но звучал грубо.

Расим был в зелёных одеяниях, а его халат украшен изумрудами и вышит золотистым узором спереди и по рукавам. Он посмотрел на цепь вокруг руки нового надзирателя и покачал головой.

– Если придёт Одил, пусть ждёт меня наверху. Ступай, – Расим кивнул назад в сторону лестницы.

Мафтун поклонился и, не поворачиваясь спиной, попятился к лестнице. Расим же встал напротив клетки с птенцами и хмуро посмотрел на них.

– Сегодняшнее занятие не было продуктивным. И всё же, вы усвоили для себя один важный урок. Подумайте над этим, а я поговорю с вашим отцом.

Расим смерил строгим взглядом каждого птенца и направился к клетке Акобира.

– Я вижу ты больше не скрываешься в углу, – заметил Расим.

Его пленник стоял в пятнадцати шагах от решётки. Точнее, его голова была в пятнадцати шагах от решётки. При свете масляных ламп его массивное тело, окутанное в чёрное оперение, переливалось синим отблеском. Глазки на шейных хохолках горели голубым и синими цветами, а сами глаза со светящимся голубым ободом, смотрели на клетку с птенцами, насколько это позволял угол обзора.

– *«Здравствуй, падишах»*, – сказал Акобир, повернув голову к Расиму.

– Твоё приветствие прозвучало неприветливо, – упрекнул Расим.

– *«Ты не принёс с собой книгу?»* – заметил Акобир.

– Сегодня я не хочу заниматься, – ответил Расим. – Твой сын отбил у меня охоту.

– *«Что произошло?»* – спросил Акобир.

– Кроме того, чем больше ты мне объясняешь, тем больше у меня вопросов, а ответов всё меньше и меньше, – сказал Расим, проигнорировав вопрос пленника.

– *«Не на все вопросы есть ответы»*, – заявил Акобир.

– Ошибаешься, – отрезал Расим. – На все вопросы есть ответы. Главное, знать, где искать и у кого спрашивать, – Расим был не в настроении и это сказывалось на его голосе.

Пленник отошёл на несколько газов и опустил голову. Один его глаз был больше самого Расима. Он вытянул шею вперёд и одним глазом посмотрел на него.

– *«Всех ответов я не знаю»*, – сказал Акобир и развернулся.

– Не заставляй меня сомневаться в твоей необходимости и не смей поворачиваться ко мне спиной, – голос Расима был тихим, но тон суровым и требовательным. – Ты стар как этот мир, а знаешь меньше новорождённого. Как так? – негодовал Расим.

– *«Нам запрещено учить людей, но тебе я обещал помочь с книгой»*, – неохотно проворчал Акобир.

– Меня утомила эта книга, – закатил глаза Расим. – Две её трети исписаны бесполезными примечаниями. Кто их написал?

Пленник молчал и нарочито топтался на месте, делая вид, что ищет удобное место для своего огромного тела. Он тянул время, но чувствовал, что терпение Расима на исходе. У Акобира не было выбора. Расим пленил и его птенцов. Как вообще это произошло? Где была Рудоба? Теперь это не важно. Нельзя допустить, чтобы он причинил вред птенцам.

– *«До Великого конфликта лишь верховным заклинателям было дозволено читать книги мастеров. После их ухода люди овладели всеми их книгами, включая и эту»*, – ответил Акобир.

– Примечания написаны на Алифе, однако мне не удаётся

прочитать или понять первые две сотни.

– *«До Великого конфликта люди говорили на языке мастеров. С наступлением Эпохи человека, вы придумали свой язык, и со временем он пережил большие изменения».*

– За три тысячи лет люди сами изменились, – добавил Расим. – Те, кто были допущены к книгам мастеров, не оставили никаких рукописей, чтобы научить своих потомков клинописи? – выждав паузу, спросил Расим.

– *«После Великого конфликта люди не то, чтобы говорить, но и думать не хотели на языке мастеров».*

– Чем же вы так насолили Далёким предкам? – ухмыльнулся Расим.

– *«Мне запрещено отвечать на этот вопрос»*, – увильнул Акобир.

– Да неужели? – съязвил Расим. – Твои уроки мне не очень помогают понять книгу, – упрекнул он.

– *«Я говорил, что помогу тебе её прочитать, но не смогу помочь её понять»*, – напомнил Акобир.

– Не надо играть со мной, – Расим предупреждающе поднял перед собой кулак.

– *«Собаки не знают, о чём пишут их хозяева-поэты»*, – огрызнулся Акобир.

– Зачем мне тогда твои уроки, если ты ничего не знаешь? – зло насупился Расим. – Мне не нужен глупый старый пёс, – с искрой угрозы в глазах он раскрыл кулак и вызвал небольшое пламя и поиграл с ней в ладони, словно с шари-

ком. – Зачем мне нужен ты, когда я близок к цели? С пленниками я могу обойтись и без тебя, – Расим впери́л на пленника испытующий взгляд.

– *«Чтобы...»*

Расим прервал Акобира на полуслове, по очереди сжав свои пальцы в кулак и погасив в нём пламя.

– Среди всех этих примечаний мне пригляделось одно конкретное. Оно повторяется в нескольких местах. «Тополя приведут к силам мироздания». Что это значит?

– *«Силы мироздания – ещё одна книга мастеров, в которой описывается...»*

– Мироздание, – саркастично договорил Расим. – Полагаю, ты не знаешь, где она?

– *«Нет»*, – промедлил с ответом Акобир.

– Разумеется, – ухмыльнулся Расим. – Впрочем, это не важно, – пожал он плечами. – Найду, если захочу. Так же, как я нашёл эту книгу... Меня сейчас интересует другое примечание, – выждав паузу, добавил Расим.

– *«Какое?»* – спросил Акобир.

– В одном из трудных примечаний мне удалось прочесть следующую похожую фразу: «Плачущие ивы приведут к Шихру». Это примечание было всего в одном месте. Мне стало очень любопытно узнать, что такое шихр?

– *«Так называются ковры самолёты»*, – ответил Акобир.

Слова пленника в его голове привели Расима в восторг. Он даже хохотнул, а его мрачное лицо засияло.

– У меня есть один, – похвастался он.

В нечеловеческом виде симурга отразилось неподдельное удивление от этих слов.

– «Откуда?» – поинтересовался Акобир.

Покинув города мастеров, люди перестали пользоваться шихрами. Сам Акобир в последний раз видел человека на ковре-самолёте немногим больше трёх тысяч лет назад. Симургу действительно стало интересно, откуда Расим достал шихр? Вряд ли он побывал в древних городах. Он даже не знает, где они.

Акобир приблизился к Расиму, на сколько позволяла цепь, и устремил на него взор правого глаза.

– Падишах Нодир очень любил охотиться, – начал рассказывать Расим. – Однажды он взял меня с собой. Меня не привлекала охота, но я был его писарем и хотел угодить ему. Мы отправились в лес Мобаён. Пока падишах и его егеря выслеживали оленей и вепрей, я наткнулся на что-то, зарытое в земле. Я откопал, и оказалось, что это коврик, в котором были завёрнуты старые книги. Свою находку я скрыл от падишаха и, вернувшись во дворец, я в тайне начал изучать эти книги. Они были написаны на языке бахриянцев. Утопить бы их в море Мармар за то, что они делают с гласными, – закатив глаза, покачал головой Расим. – Из этих книг я больше узнал о практическом колдовстве и многом другом, включая и Книгу мастеров. Я отстирал коврик. Он оказался невероятно красив. Я сидел на нём и практиковал свои

навыки в колдовстве. Однажды, когда практика начала приносить плоды, этот коврик неожиданно поднял меня в воздух на полтора газа. Я потратил годы, чтобы научиться им управлять. Однако я таки не понял, как он устроен? – его взгляд требовал ответа.

– *«В Эпоху мастеров люди, в основном, не ездили на лошадях или верблюдах, чтобы добраться из одного города в другой. Они летали на шихрах»*, – поведал Акобир.

– Как они их делали? – Расиму не терпелось узнать.

– *«Их ткали заклинатели силы под руководством мастеров. Их секрет мне не ведом»*.

Расим хмуро вздохнул и недовольно гаркнул:

– Что ты вообще знаешь? Никчёмный болван!

– *«Повторяю, симургам не ведомы все знания и тайны мастеров»*, – сказал Акобир, но Расим махнул на него рукой.

– Раз в примечании говорится, что плакучие ивы приведут к шихру, значит, где-то есть ещё такие ковры. Ты знаешь, где? – тон Расима не ждал отрицательного ответа.

– *«В Бодабаде»*, – ответил Акобир. – *«Так его называли люди. Когда-то этот город был окружён плакучими ивами. В этом городе была самая большая фабрика шихров»*.

– Где этот город?

– *«Далеко за пределами Рахшонзамина»*, – ответил Акобир таким тоном, чтобы отбить желание Расима искать его.

Но не тут-то было.

– Значит, – задумался Расим, – если я найду этот Бодаб-

ад, я обнаружу там целую фабрику летающих ковров, не так ли? – его глаза загорелись с искушением. Он мечтательно посмотрел куда-то наверх. – Представь целую армию на таких коврах. Весь Рахшонзамин встанет на колени предо мной, и я осуществлю свою долгожданную цель, – Расим представил десятки тысяч воинов на шихрах, парящих над пустыней и отвлекающих внимание, пока он сам непрерывным огненным импульсом сжигал хозяина пустыни.

– *«Возможно, шихры уже потеряли свои свойства за тысячи лет»*, – Акобир предпринял ещё одну попытку разочаровать Расима и, тем самым, привёл его в возмущение.

– Тогда почему мой ковёр до сих пор летает? – зло спросил он.

– *«Я сказал: «Возможно»*, – оправдался Акобир, после неудачи.

– Ты очень лукавое создание, Акобир, – процедил Расим, покачивая головой. – Хитрое и лживое, – он вперил на пленника гневный взгляд исподлобья. – Но ради своих детей ты расскажешь мне всё, – тихо пригрозил он. – Иначе, тебе несдобровать. Кстати, о твоих детках, – Расим сменил тон и выражение лица. – Этим утром твой сынок не подчинялся моим командам, и его сёстры последовали его дурному примеру. Ты в этом замешан? – подозрительно спросил Расим.

О том, что двое из птенцов – самки, Расим узнал от самого Акобира. Пленник сообщил об этом, когда однажды после занятий Расим подвёл птенцов к его клетке. Расим придумал

и хотел дать им мужские имена, но Акобир сказал, что двоим эти имена не подойдут, ибо они самки. Расима эта новость обрадовала, ведь в перспективе они могут размножаться. Расим тогда завёл птенцов обратно в их клетку и ушёл придумывать новые имена.

Акобир не ответил на вопрос падишаха, и Расим ухмыльнулся.

– Они долго упирались, но в итоге я сломил их сопротивление.

На заре Мафтун вывел птенцов во двор, и Расим учил их командам и жестам. За несколько занятий он понял, что птенцы ещё не умеют общаться с Расимом тем же способом, как это делает их отец. Во время сегодняшнего занятия Расим уделял больше внимания самкам. Те не охотно выполняли команды, а вскоре и вовсе отказывались повиноваться, подозрительно поглядывая на брата. Тогда Расим с негодованием повернулся к тёмно-синему птенцу и тот неожиданно набросился на него. Благо цепь была вбита в землю, иначе, он вонзил бы свои когти в грудь Расиму. Тем не менее Расим успел среагировать и метнул в птенца горячий импульс, когда тот находился в прыжке с когтями вперёд. От удара прозрачно-оранжевого импульса птенец отлетел назад и ударился о дерево.

– *«Ты причинил ему боль»*, – вознегодовал Акобир.

Расим язвительно громко вздохнул и засмеялся.

– Твой отпрыск успел пожаловаться? – Расим сардониче-

ски оглянулся на клетку с птенцами и снова посмотрел на Акобира. – Очевидно, вы мысленно общаетесь между собой так же, как и ты со мной. Хотел бы и я читать ваши мысли. Но мне и так ясно, что ты настраиваешь их против меня.

– «Нет...» – Акобир хотел сказать что-то в оправдание, но Расим перебил его.

– О-да-а, – с азартом протянул падишах. – Твой сынок не спроста пытался напасть на меня. Знаешь, как я усмирил твоего сынка? – выждав паузу, спросил Расим. – Твои птенцы пока не могут общаться со мной, но они понимают меня так же, как и ты, – Расим сжал кулак у бедра, гневно сдвинул брови и твёрдо посмотрел на Акобира. – Я им сказал: «Если вы не будете слушаться меня, мне не составит труда испепелить вашего отца», – с презирающим оскалом Расим раскрыл кулак и метнул небольшой огненный шар под ноги Акобиру.

Шар ударился о землю в одной пяди от пленника и разлетелся на сотни искр, подпалив перья Акобира. Тот встрепелся и отскочил назад. В темнице поднялся слабый запах палёных перьев.

– Я легко могу подчинить их разум своей воле, – предупредил Расим, – как когда-то сделал это с тобой. Как ты, потвоему, оказался здесь? Добровольно? – язвительно спросил Расим, когда пленник скосил на него однобокий взгляд. – В одной из книг, которые я нашёл в лесу Мобаён, я прочёл упоминание о том, что ручьи в Корявом лесу обладают необыч-

ными свойствами. Пятнадцать лет назад я поехал туда, чтобы узнать какими. Я был поражён, когда увидел тебя. Ты был ранен, – Расим кивнул на ногу пленника, и полз к ручью. Я воспользовался твоей слабостью и подчинил твой разум. Я заставил тебя прилететь сюда и спуститься в эту темницу, когда люк был расширен под твои габариты, – Расим взглянул наверх. – Я и о твоей ране позаботился, но сдаётся мне, что ты этого не помнишь.

– «Нет», – ответил Акобир.

– В этом-то и дело, – посетовал Расим. – Если подчиню птенцов, они станут менее полезными. Я не хочу этого делать, но ты вынуждаешь меня. Мне нужно, чтобы они подчинились мне добровольно. Донеси это до них, – строго потребовал Расим. – Иначе, в следующий раз искр будет гораздо больше... Я хочу использовать их в благих целях, – добавил он, оглянувшись на клетку с птенцами.

– «Ты хочешь развязать войну. Разве это благая цель?» – осудил Акобир.

– Я хочу объединить народы Рахшонзамина ради одной цели, – парировал Расим.

– «Ты хочешь подчинить их», – не уступал Акобир.

– Объединить, – Расим поднял левую руку и посмотрел на неё. – Подчинить, – Расим поднял и посмотрел на правую руку. – Это два разных и одновременно одинаковых средств достижения одной цели – мира.

– «В Рахшонзамине уже царит мир. Чем он тебя не

устраивает?»

– Этот мир мне не по нраву. Он разделён на бедных и богатых, – с презрением сказал Расим. – Одними правит алчность, другими зависть. В Эпоху мастеров было также?

– *«Нет»*, – коротко ответил Акобир.

– И при мне такого не будет, – уверенно заявил Расим. – Ты рассказал о прекрасных временах и прекрасной жизни людей в Эпоху мастеров. Я и сам немало рассказов и историй прочитал об этом. Люди не знали голода. Не было налогов и правителей, богатевших, обедняя свой народ. Почему бы не вернуть те времена?

– *«Ты делаешь это ради себя, а не для народа»*, – снова упрекнул Акобир. – *«Люди живут в идиллии, а ты хочешь разрушить этот порядок»*.

– Ты прав, – согласился Расим. – Мы живём в идиллии и согласии, но в этой гармонии люди не равны.

– *«У вас, людей, есть одна фраза – пять пальцев не одинаковы»*, – заметил Акобир.

– Да, не одинаковы, – Расим поднял руку перед собой и стал рассматривать свои пальцы. – Но эта разница не так велика, как разница между богатыми и бедными. Люди разделяют себя на знать и простолюдинов, и первые смотрят на вторых с высока и презрением. Что это за идиллия, где богачи не помогают от чистого сердца, а делают это напоказ. Что это за идиллия, где бедным приходится клянчить, чтобы прокормить семью? Чёрная напасть разорила Зебистан. На

улицах с каждым днём всё больше и больше попрошаек, а толстосумы проходят мимо них, словно не замечая. Все соседи от нас отвернулись. Ни одно государство в Рахшонзамине не хочет оказывать нам безвозмездную помощь. Разве это идиллия? – с отвращением произнёс Расим. – Этот мир прогнил высокомерием и пропах равнодушием. Пора что-то менять!

– *«Война – это не выход»*, – Акобир хотел призвать Расима к здравому смыслу.

– Я не хочу войны, – признался Расим. – У меня были другие планы, но этот проклятый Азим нарушил их, – раздражённо оскалился он.

– *«Кто такой Азим?»* – спросил пленник.

Расим хмыкнул и отвернулся от клетки.

– Я тебе о нём не рассказывал, – удивлённо ухмыляясь, сказал Расим. – Впрочем, у тебя будет шанс познакомиться с ним, если мои люди поймают его живым, – сказал он, посмотрев на пленника через плечо.

– *«Теперь ты охотишься и на людей?»* – осуждающе спросил Акобир. – *«Ты стал падишахом. Тебе этого мало?»*

Расим молча опустил голову и задумался.

– Мало, – тихо проговорил он себе под нос, едва кивая головой. – Мы с отцом жили в ветхом доме, – промолчав некоторое время, заговорил Расим, посмотрев на пленника. Во взгляде Расима была печаль, которая отражалась в его голосе. – Чтобы прокормить меня и оплатить учителей, дававших

мне уроки письма и чтения, мой отец работал днём и ночью. Сам он не был образован, и люди обращались с ним как с ничтожеством, потому что он брался за любую работу, лишь бы добыть денег. Однажды я спросил у него: *«Почему ты не отремонтируешь наш дом?»* *«Легче построить новый»*, ответил он мне. У меня тогда хватило глупости и наглости спросить: *«Так почему не построишь новый?»* У него не было денег, но он промолчал, чтобы не разочаровать меня. Вскоре после этого разговора он вернулся домой с широкой улыбкой и сказал мне: *«Я нашёл хорошую работу с достойной оплатой, но нам придется уехать в Эрод. Обещаю, там я построю тебе новый дом»*. Мы отправились в путь на следующий день, не знаю почему, но через пустыню.

Расим притих, опустив голову. Ему было тяжело вспоминать об этом страшном дне.

– Знаешь, что случилось? – тихо спросил он, не поднимая головы. – Он умер! – с ненавистью процедил Расим сквозь горький ком в горле, схватившись за решётку. – Он отдал свою душу, чтобы спасти мою.

Расим опустил руки и отошёл от клетки. Он проглотил горький ком, давящий ему горло, и попытался подавить злость, бушевавшую внутри. Он хотел мести, но не был к этому готов.

Расим снова повернулся к пленнику и с грустью в глазах продолжил:

– Мой отец желал только лучшего для меня. Бывало, ино-

гда он голодал, чтобы поел я. А что для него сделал я?.. Убежал, – с сожалением прошептал он. – Мой отец был нищим, а я буду править миром! – заявил Расим. – Я делаю это ради него.

Расим развернулся и ушёл.

– *«Тобой правят алчность и зависть»*, – сказал ему вслед Акобир.

– Так и есть, – ответил Расим.

Он остановился у клетки с птенцами и посмотрел внутрь сквозь железную решётку.

– У меня новая идея! – заявил он и вернулся к клетке с пленником. – Чтобы ты не настраивал своих птенцов против меня, я переведу их во дворец. А ты, – Расим пригрозил пальцем, – если хочешь остаться в сохранности, лучше делай свою работу. Я как раз вспомнил, в одной из найденных мною книг сказано, что в книге мастеров есть целый раздел, посвящённый подчинению разума. На нашем следующем уроке мы найдём этот раздел и впредь будем изучать только его. Если ты также не хочешь войны, как и я, ты не будешь утаивать ничего.

– *«Хочешь подчинить разум всего мира?»* – негодовал Акобир.

– Согласись, это лучше, чем проливать кровь, – аргументировал Расим. – Я могу подчинять себе разум других людей, но это снижает их работоспособность и приводит к нежелательным последствиям. Мне нужно улучшить этот навык.

Вечером падишах вернулся во дворец. Он осмотрел внутренний сад, где когда-то держали павлинов, и приказал восстановить решётку над садом и срубить высохшие деревья. Когда сад будет готов, он приведёт сюда птенцов Акобира, а пока он направился в аудиенц-зал.

Нужно было решить множество задач и проблем, которыми должны были заняться визири, но до его прихода к власти, визири пренебрегали своими обязанностями, а после некоторые из них и вовсе убежали.

Сидя на троне топчане, Расим размышлял над поиском новых придворных слуг и чиновников. Кроме визирей из дворца убежали ещё с десятков слуг – все шестёрки Неъмата и Орзу. Эти двое же сейчас ошивались в Шомабаде и, скорее всего, строили новый план смещения теперь уже падишаха, а не премьер-министра. Полномочия с себя сложили также казначей и главный писарь. Как только Расим сел на трон, ему подали ещё три свёртка с прошениями об увольнении от главы городской стражи, главы стражи городской стены и главы порта Расулабада. Расим прочёл эти свёртки и сжёг их своей силой колдовства на глазах у младшего писаря.

– Пусть уходят, – равнодушно сказал он. – На их места я назначу других. Ты был на службе у Акмала три года? – спросил Расим, смерив юношу изучающим взглядом. Он видел его несколько раз во дворце, бегающим за старым писарем, но ни разу не пересекался с ним.

– Да, бесподобный падишах, – с трепетом ответил юноша

со смуглым овальным лицом и чёрными короткими волосами.

– Где ты получил образование?

– В высшей школе Чехры, – негромко ответил юный писарь.

– Как тебя зовут? – кивнув, спросил Расим.

– Меня зовут Фозил, мой бесподобный падишах, – ответил юноша.

Расим иронично улыбнулся и посмотрел юноше в глаза.

– Отныне ты будешь моим личным помощником, – объявил падишах. – Будешь жить рядом с моими покоями и следить за всеми младшими слугами.

– Сочту за честь, мой бесподобный падишах, – обрадовался Фозил.

Расим кивнул и сказал:

– Найди Одила. Пусть он объяснит тебе твои новые обязанности и приходит ко мне за назначением на новую должность.

Фозил поклонился с рукой у сердца и покинул аудиенц-зал.

За дворцом наступала ночь. Расим проголодался и вспомнил про Ахдию. Он хотел назначить её главной на кухне во дворце. Спустившись с трона-топчана, он хотел было покинуть аудиенц-зал, но вдруг открылась большая дверь и в зал вошёл Латиф.

– Ты вернулся? – оживлённо посмотрел на него Расим.

Латиф приблизился к падишаху и как-то неохотно поклонился и коротко ответил:

– Да.

– Один? – насупился Расим.

– Простите, мой бесподобный падишах, мы не застали Азима, – солгал Латиф, глядя в пол.

Расим нахмурился и направился к нему.

– Посмотри мне в глаза, – тихо потребовал падишах. – Вы не нашли его или не захотели искать? – Расим испытующе смотрел в глаза воеводе.

– Мы устроили засаду, но наши ожидания оказались тщетными – юноша так и не появился, – ответил Латиф, подавляя лёгкую дрожь в руке и стараясь выдержать взгляд падишаха.

– Что ж, – многозначительно вздохнул Расим и развернулся.

Он не поверил Латифу и отошёл от него на несколько шагов. Затем он посмотрел на воеводу исподлобья через плечо и резко дёрнул правой рукой в его сторону в ложном замахе метнуть в Латифа огнём. Под ладонью Расима появился огненный шар, который крутился с большой скоростью.

Латиф от страха укрыв лицо рукой и резко пригнулся, прижав голову к плечам.

– Не бойся, я не стану убивать тебя, – заверил Расим. – Встань.

Латиф встал и, потупившись, посмотрел на падишаха.

– Простите меня, мой бесподобный падишах. Это я ото-

звал отряд, – признался он. – Мы не нашли Азима, но, если его действия приведут стража в Расулабада, я соберу всех копейщиков, чтобы защитить город.

– Ничего, – спокойно сказал Расим и опустил руку, погасив огонь. – Скоро Азим сам явится ко мне.

– Вместе со стражем? – взволновался Латиф.

– Пусть даже и со стражем, – бесстрастно ответил Расим.

– Вы нам поможете? – Латиф не разделял самоуверенности падишаха и намекал на его сторону колдуна.

– Нет, – отрицательно повёл головой Расим и направился к возвышению. – Я отправлю вас на другое задание.

– Куда? – удивился Латиф.

– В Арруж, – ответил Расим и, сев на край, скрестил ноги под собой.

– Зачем? – недоверчиво спросил воевода.

– За мезтью, – промедлив, заявил падишах, что привело Латифа в замешательство. – Много лет назад, будучи мэром Арружа, Бузург ибн Махмуд отравил нашего светлого падишаха Нодира. Болезнь долгие годы терзала и, наконец, убила Нодира. На свадьбе своей дочери султан Ахоруна отравил на-шахзаде Мунира. Он умер, вернувшись с Ангурана. Я до сих пор выясняю, как Бузург убил первого сына, и почти уверен, что ему посодействовали из этого дворца, – слукавил Расим, однако его тон и вид были серьёзными. – Пора заплатить.

– Где доказательства? – усомнился Латиф.

– Слова падишаха – тебе доказательства! – повысил тон Расим.

Латиф снова потупился и отступил на шаг. Он не хотел верить, но в словах падишаха была правда. Падишах Нодир поехал в Арруж здоровым, а вернулся больным и на носилках. На-шахзаде тоже отправился в Ангуран здоровым, а по возвращению скончался. Что-то здесь действительно не так.

– Я понимаю, ты не веришь мне... Правильно, – заявил Расим, изучающе смерив взглядом Латифа. – Я тоже сомневался, но в свете недавних событий я убедился в обратном. Ты не раз принимал участие в заседаниях визирей и чиновников и сам был свидетелем того, что я поручил Орзу, Ньмату и Вохиду найти заговорщиков, связанных с теньями и с теми, кто убил Носира и отравлял еду Мунира.

Расим выждал паузу и, когда Латиф кивнул в подтверждение, продолжил:

– И что они сделали? Велели Вохиду не вмешиваться, не так ли? – уточнил Расим, и Латиф снова кивнул задумавшись. – Не было больше никаких доносов о тнях. Всё это – липа. Обман, искусно придуманный, чтобы отвлечь меня от их заговора. Где они сейчас? – Расим выжидательно посмотрел на Латифа. – Будь они не виновны, сбежали бы в Шомабад? Бузург ибн Махмуд достаточно богат, чтобы подкупить их всех, даже отрёкшуюся от трона Мехри... Или тебя? – подозрительно склонил он голову набок.

– Я не сос...

Латиф попытался оправдаться, но Расим поднял руку, и воевода смолк.

– Хочешь сказать, ты верен трону? Докажи это? – вызвал Расим.

Латифа всё ещё терзали сомнения, но других доводов, опровергающих обвинения, падишаха пока никто не приво-
дил.

– Что мы должны делать? – спросил он, смирившись с правдой падишаха.

Расим довольно, даже злорадно, улыбнулся и тихо отве-
тил:

– Сжечь Арруж дотла.

* * *

«Странно то, что после пожара на Яблонево́й улице, где сгорели наложницы Носира, в Расулабаде перестали сообщать о тенях. Вскоре о них перестали сообщать также из Чехры и Джоду. Премьер-министр был озадачен этими сообщениями, но, искушённый своими коварными планами, он поручил это дело визирям, которые были заняты своим заговором против Расима. Потому, в конце своего доклада Мастона призывала Нордан отправить ещё несколько Хранителей в Зебистан, чтобы в тайне изучить это дело и узнать, действительно ли связаны тени с Чёрной напастью?»

Азим почувствовал сильный удар, но он остался жив. Он попытался открыть глаза – он был в каком-то тёмном помещении, куда едва попадал свет. Юноша попытался встать и снова оказался в воздухе. Его подобрала Рудоба и снова швырнула о стену пещеры...

Рудоба вернулась за Азимом, когда тот падал в бездну среди гор, и подхватила его всего в ста газах от пика скалы. Она прилетела с ним в пещеру и несколько раз швырнула его о стену, словно палку.

...В этот раз что-то хрустнуло, и Азим упал с приглушённым стоном. Рудоба встала над ним и яростно крикнула. Со-мкнув клюв, она клюнула в пол в шаге от него. От удара разлетелись камни и искры, несколько попали в Азима.

– Хватит, прошу, – простонал юноша, не чувствуя ни ног, ни рук.

Рудоба же снова взяла его в лапу и прижала к стене.

– *«Скажи мне хоть одну причину не вонзить в тебя свои когти прямо сейчас»*, – гневно потребовала она и сильнее сжала лапу.

Азим пытался поднять голову, но она всё время падала. Уши и нос перестали кровоточить, но он чувствовал, что кровь течёт где-то ещё.

– За что? – единственное, что он смог выговорить.

Рудоба снова крикнула, покачивая шеей, и бросила Азима

вглубь пещеры. Правда, на этот раз не так сильно.

– Азим! – Зилола услышала вялый голос мужа и вскочила с места.

Она была на том выступе, где раньше в гнезде находились огромные яйца. Зилола попыталась перелезть через стенки гнезда, но Рудоба подлетела и помешала ей.

– Зилола? – едва слышно позвал Азим, испытывая жуткую боль по всему телу. Казалось, что все кости раздроблены.

– Я здесь, любовь моя! – взволновано ответила Зилола.

Рудоба крикнула, чтобы они оба замолчали.

– *«Ты обманул меня!»* – прогремело в голове Азима.

Он попытался ответить, но у него не было сил даже пошевелить губами. Он чувствовал лишь средний палец правой руки и глаза, которыми практически ничего не видел из-за темноты.

– Что? – с трудом выговорил он.

Рудоба сердито загнула шею назад, развернулась и спикировала над обрывом.

– *«Мои яйца украли!»* – сокрушалась она. – *«Я почувствовала, что они вылупились»*, – она обогнула глыбу Чёрного рубина и пролетела вверх над спуском, – *«но я нигде не могу их найти»*, – Рудоба приземлилась над Азимом и яростно щёлкнула клювом. – *«Кому ты выдал мою тайну?»* – она занесла когти над Азимом.

– Никому! – вскрикнула Зилола. Она тоже слышала голос

Рудоба в своей голове и решила заступиться за мужа. – Он никому ничего не рассказывал, сколько бы его не просили, даже мне!

– *«Тогда, где мои птенцы?!»* – взревел голос симурга в их головах.

Одновременно с этим сама Рудоба издала яростный крик.

– Не знаю, – попятившись, ответила Зилола.

– Не смей, – попытался заговорить Азим и чуть не потерял сознание.

Рудоба перевернула его клювом на живот и осторожно нажала своим огромным пальцем на его спину. Что-то опять хрустнуло, и Азим жадно глотнул воздух. Он снова начал чувствовать своё тело, но силы к нему не вернулись. Юноша попытался встать, но почувствовав боль в рёбрах, руках и ногах, оставил попытку.

– *«Дай ему воды из его же бурдюка»*, – велела Рудоба и своей лапой положила Азима в гнездо к Зилоле.

Зилола подбежала к мужу и пришла в ужас от его окровавленного вида.

– За что ты с ним так?! – вскрикнула она в слезах.

– *«Дай ему води из бурдюка»*, – настаивала Рудоба.

Зилола отвязала шнурок бурдюка с пояса мужа, приподняла ему голову и дала попить.

– Пей, любимый, – ласково сказала она.

Несколько глотков лесной родниковой воды привели Азима в чувства. Он вздохнул с некоторым облегчением и по-

смотрел на жену.

– Зилола? – улыбнулся юноша в сгущающемся мраке, ибо вне пещеры наступала ночь. – Ты в порядке?

– Да. Со мной всё в порядке, – радостно покивала Зилола, глядя мужа по лицу. – Вот, пей ещё.

– Каждый раз, когда я пытался вспомнить, кому я мог выдать твою тайну, меня мучила дикая головная боль и перед глазами вставала пелена. Я мутно видел кого-то за этой пеленой, но не могу понять кого, – рассказал Азим после ещё нескольких глотков.

Родниковая вода удивительно воздействовала на него. Азим уже почти не чувствовал боли, кроме боли в рёбрах, но и та понемногу уступала.

– *«Тебя околдовали»*, – поняла Рудоба. – *«Пей больше воды. Ты останешься здесь, пока не вспомнишь. Потом я решу, что с тобой делать»*.

Рудоба развернулась и вылетела из пещеры.

– Она улетела на поиски, – объяснила Зилола.

– Я так рад тебя видеть, – сказал Азим.

– Я тоже очень рада, – ответила Зилола и поцеловала мужа...

Ночь Азим провёл в объятиях жены в гнезде, пытаясь вспомнить, кому он мог выдать тайну.

– Это было на нашей свадьбе, – сказал он жене. – Ко мне подошёл кто-то, поздравил, а потом... Мы с ним начали о чём-то разговаривать. Вот только я не помню о чём.

– Кто это был? – спросила Зилола, обнимая и глядя мужа по лицу.

– Я пытаюсь вспомнить его лицо, но вижу лишь тёмный силуэт, – озадаченно ответил Азим.

– На нашей свадьбе была ведьма. Помнишь ту молодую женщину с кольцевидными косами на голове?

– В своей голове я вспоминаю разговор с женщиной. Ведьмы могут подделать свой голос? – уточнил Азим, обняв одну руку жены.

– Может быть, – предположила Зилола.

– Знаешь, я думал, что твой отец – колдун, – признался Азим.

Зилола ухмыльнулась и покачала головой.

– Я не так хорошо знаю своего отца, но он точно не колдун, – заверила она.

У Зилолы в очередной раз заурчал живот, а в ответ заурчал живот Азима, и они оба засмеялись.

– Прости меня, я потерял сумку с припасами, когда она напала на меня, – сказал Азим.

– Ничего, утешила Зилола. – Главное, ты пришёл за мной. Они оба уснули голодными.

На следующее утро Азим проснулся и чувствовал себя намного лучше. Правда, он был грязным как свинья. В пещере не было воды, чтобы умыться и наполнить бурдюк. Остатки своей воды он отдал жене.

В пещере было холодно. Азим помог жене выбраться из

гнезда и вместе они пошли к выходу, чтобы хоть как-то согреться. Солнце в это время уже взошло, но его лучи не попадали в эту глубокую чёрную чашу. Тем не менее у края пещеры было немного теплее, чем в глубине. Они сидели, свесив ноги, и любовались драгоценными камнями, которыми было усыпано дно горной чаши.

– Среди этих самоцветов ты нашёл Чёрный рубин? – поинтересовалась Зилола, положив голову на плечо мужу.

– Среди этих камней нет Чёрного рубина, – ответил Азим. – В глубине пещеры с потолка свисает огромный сталактит – это и есть Чёрный рубин, – поведал он, что уж теперь скрывать?

– Да? – удивилась Зилола. – Она бросила меня в гнездо и не позволяла из него выходить, – сообщила Зилола.

– Она с тобой хорошо обращалась? – взволнованно спросил Азим.

– Ну... об стену она меня не швыряла, – робко улыбнулась Зилола.

Азим коротко усмехнулся с широкой улыбкой и внимательно посмотрел на жену. Зилола тоже не выглядела лучшим образом: волосы растрёпаны, платье порвалось в нескольких местах. Галоши она тоже потеряла, а носки использовала после исправления природной нужды. Чего же ожидать от пещеры, ведь это не дворец.

– Я взял для тебя пару платьев, – сказал Азим. – Правда, я их тоже потерял. Может быть, мы найдём сумку по дороге,

когда Рудоба нас отпустит.

– Хорошо, – с улыбкой кивнула Зилола и вдруг они оба услышали строгий голос симурга в голове:

– *«Она никуда не пойдёт»*, – Рудоба прилетела сверху и остановилась в воздухе, напротив пары. – *«Ты вспомнил, кому выдал мою тайну?»*

– Я стараюсь, – ответил Азим, встав с места.

– *«Старайся лучше»*, – потребовала Рудоба и села на огромный валун внизу.

– У нас закончилась вода, – сказал Азим.

– *«Значит, ты должен вспомнить до того, как жажда убьёт тебя»*, – равнодушно заявила Рудоба.

– Принеси воды хотя бы для неё, – отчаялся Азим, указывая на жену. – Ты держишь её в голоде. Принеси хотя бы воды!

– *«Если не скажешь, кто украл мои яйца, твоя жена будет пить твою кровь»*, – пригрозила Рудоба.

– Жестокая убийца! – выпалил Азим.

– *«Убийца?!»* – вознегодовав, Рудоба взмахнула крыльями и подлетела к паре и грозно посмотрела на них одним глазом. – *«Кого же я убила?»*

Всех, кто лежит на Тропе мёртвых, хотел сказать Азим, но промолчал.

– Наша смерть не вернёт тебе твои яйца, – потупившись, сказал Азим.

– *«Тогда верни их сам!»* – голос Рудобы взревел у них в

голове, вызвав лёгкое головокружение.

Азим взял жену за руку и увёл с края. Рудоба же снова взмахнула крыльями и улетела.

– Попытайся вспомнить, любимый. Может, тогда она сжадется над нами, – предположила Зилола.

– Хорошо, – согласился Азим.

Юноша сел у прохладной стены в пятнадцати шагах от края пещеры. Зилола села к нему лицом и взяла его за руки.

– Постарайся описать того человека, – попросила она. – Может, я смогу узнать его.

Азим согласно кивнул и закрыл глаза. Он боялся, что на него снова нападёт дикая головня боль, но этого не произошло. Он глубоко и медленно вздохнул и погрузился в воспоминания.

Азим оказался в банкетном зале. Его взор был окутан мутной пеленой. Играла музыка. Пели певцы. Зилола ушла снова менять платье. Вот к нему подходит какой-то человек и поздравляет со свадьбой. Азим благодарит его и отворачивается, чтобы посмотреть, не вернулась ли Зилола. Вдруг ощущает тёплое прикосновение у левого виска и его глаза затягиваются плотной пеленой. Этот человек начинает задавать вопросы, и он на них отвечает.

– Я рассказал ему всё, что ему было нужно, – сказал Азим, изумлённо открыв глаза.

– Ты не разглядел лица? – уточнила Зилола.

Азим снова закрыл глаза и напрягся. Это воспоминание

со свадьбы снова повторилось перед его глазами, и он постарался, чтобы пелена не затмила ему взор.

– Это был высокий, худой человек, – начал говорить Азим. – У него смуглое, вытянутое лицо. Миндалевидные ехидные глаза. У него зелёный шёлковый халат. Это... Расим! – одновременно с женой сказал Азим. – Это был Расим, – повторил он, потрясённо посмотрев на жену.

– Я никогда не доверяла этому человеку, – с презрением проговорила Зилола. – Он хитрый и коварный шакал, – процитировала она своего отца.

– Ты знала, что он колдун?

– Понятия не имела, – покачала головой Зилола.

В это время вернулась Рудоба. Она села у края пещеры и подбросила к паре сумку с припасами, которую обронил Азим. Юноша с подозрением посмотрел на сумку, потом на симурга и, после её кивка, подобрал сумку. Благо, в ней было всё, что ему положила мать. Правда, кувшин с жареным мясом разбился, но не на мелкие кусочки. Платья тоже были на месте – они-то и смягчили удар.

– Спасибо, – сказал Азим, прижав руку к сердцу и склонив голову. – Вот, ешь, любимая, – он протянул сумку жене.

– *«Ты вспомнил?»* – требовательно спросила Рудоба.

– Да, – ответил Азим, положив в рот кусок мяса, протянутый женой.

– *«Поешь и расскажи мне всё»*, – Рудоба пролетела над ними и села у гнезда.

Азим набрался сил и поведал всё, что вспомнил, Рудобе, добавив, что сделал это против своей воли.

– *«Значит, колдуном оказался некий Расим, а не султан, как ты предполагал?»* – прояснила Рудоба.

Азим молча кивнул.

– Что ты будешь с нами делать? – негромко спросил он.

– *«Вы поели? Теперь я съем вас»*, – Рудоба спустилась с гнезда и с опущенным клювом направилась к паре, которая задрожала от страха.

Зилола в ужасе прижалась к мужу.

– Ешь меня, но не трогай её, прошу тебя! – громко сказал Азим. – Она тут ни при чём. Виноват только я!

– *«Я предупредила, что заберу у тебя всё, если ты выдашь мою тайну»*, – Рудоба неумолимо приближалась к ним.

– Умоляю, пощади мою жену, – отчаялся Азим, скрыв Зилолу за своей спиной.

– *«НЕТ!»*

Рудоба была уже в десяти газах от пары и с криком раскрыла свой огромный клюв. Азим быстро повернулся и крепко обнял дрожащую жену и прошептал ей на ухо:

– Прости.

Азим закрыл глаза и, содрогаясь, сделал последний вздох. Последовал громкий щелчок. Рудоба сомкнула клюв всего в локте от пары, которая смерилась со своей участью. Однако их вздох не оказался последним. Азим с Зилолой с опасением открыли глаза и увидели огромный левый глаз симурга,

уоставившегося на них.

– *«Я дам тебе шанс вернуть моих детей»*, – снисходительно и одновременно сердито заявила Рудоба. – *«Найди этого колдуна и заставь вернуть моих птенцов! До тех пор, твоя жена останется здесь»*.

Азим неуверенно посмотрел на потрясённую жену. Он не хотел оставлять её здесь, но, похоже, у него нет другого выбора.

– Я не справлюсь с колдуном один, – сказал юноша.

– *«Это уже твои заботы»*, – бесстрастно ответила Рудоба. – *«Ступай и верни моих детей»*.

Рудоба развернулась и вернулась к гнезду.

– Мой отец поможет тебе, – обнадёжила его Зилола.

– Надеюсь.

Азим обнял жену, поцеловал её на прощание и хотел было уйти, но Рудоба остановила его.

– *«Можешь остаться на ночь, но завтра ты уйдешь, а она останется»*.

Рудоба свернулась клубком у возвышения и больше не обращалась к паре до следующего утра.

Этой ночью уже Азим утешал жену в своих объятиях. Они остались на месте, недалеко от края пещеры. Зилола не хотела идти вглубь. Она боялась Рудобы и до сих пор тряслась. Она поведала мужу, что до этого Рудоба не проявляла к ней враждебности. Она просто бросила её в гнездо и не разговаривала до вчерашнего дня. Зилола призналась, что была шо-

кирована, узнав, каким образом общается эта исполинская птица.

– Что за дозор она несёт? – успокоившись, спросила Зилола.

В ответ Азим тихо и вопросительно промычал.

– Рудоба часто улетает из пещеры. Я спрашивала почему она меня похитила, когда она возвращалась. Требовала вернуть меня. Вчера утром она заговорила со мной и сказала, что из-за твоего вероломства она не может нести дозор, – прояснила Зилола.

– Она стережёт дорогу, которая ведёт к этой пещере, – подумав, ответил Азим.

– Я не хочу здесь оставаться, – Зилола сильнее прижалась к мужу.

– Я постараюсь освободить тебя как можно скорей, – обещал Азим. При этом его голос был озадачен. – Я не знаю, что мне делать с Расимом. Он колдун и вряд ли согласится вернуть птенцов.

– Когда я была ещё младенцем, мой отец основал орден изгнателей. Это люди, которые умеют сопротивляться ведьмовским и колдовским чарам. Если ты всё расскажешь моему отцу, они помогут тебе, – заверила Зилола.

Азим молча покивал, прижав голову жены к своей груди.

– Спи, – нежно прошептал он.

– Не хочу, – ответила Зилола. – Я не хочу, чтобы эта ночь кончалась. Я боюсь остаться одна.

– Эта ночь должна закончиться, – мягко возразил Азим. – Я должен уйти, чтобы поскорее вызволить тебя.

Зилола согласилась с мужем и уснула в его объятиях. Азим же ещё долго смотрел в темноту, озабоченный своим положением и жены. Вскоре он тоже уснул у холодной стены.

На следующее утро Азим оставил всю провизию своей жене и посмотрел на Рудобу, которая ждала его у края пещеры.

– Этой еды ей не хватит надолго.

– *«Тогда тебе лучше поторопится»*, – безразлично ответила Рудоба.

– Дорога до Ангурана отнимет у меня несколько дней. Кроме того, у меня уйдут недели, чтобы отыскать Расима. Этой еды ей хватит всего на пару дней. Я должен быть уверен, что с моей женой всё будет в порядке. Вдруг, я смогу вернуть твои яйца только через месяц или больше, а она уже давно переварилась в твоём брюхе? – в тоне Азима смешались недоверие и упрёк наряду с волнением за любимую.

– *«Ты знаешь, как птицы кормят своих птенцов?»* – спросила Рудоба, заставив Азима странно покоситься на неё.

– Имею представление, – подумав, ответил Азим.

– *«Что ж, такая перспектива устроит вас больше, нежели быть съеденными живьём?»* – Рудоба повернулась и шагнула в их сторону.

Голос симурга показался Азиму язвительным. Он прикрыл собой жену и хотел было что-то возразить, но Рудоба опередила его.

– «*Не волнуйся. Я буду кормить её*», – заверила Рудоба. – «*А ты не смей сюда возвращаться без моих птенцов!*»

Азим согласно кивнул. Он крепко обнял, нежно поцеловал и попрощался со своей женой.

– «*Идём*», – позвала Рудоба. – «*Я перенесу тебя на седловину*».

– А ты не хочешь перенести меня сразу в Ангуран? Я бы быстрее...

– «*Это сделает твой жеребец*», – возразила Рудоба. – «*Я должна нести страж*».

Азим пришёл в недоумение от слов симурга, но не стал додумывать её вопросами, на которые она вряд ли ответит.

Рудоба, как и сказала, перенесла юношу на седловину между двумя высокими горами с отвесными стенами и улетела прочь. Азим помахал своей жене и направился на другую сторону. Он осторожно спустился со склона и взял путь назад к долине по Тропе мёртвых. Он был голоден и хотел пить. В добавок к этому, Азим чувствовал ноющую боль справа в груди. Сломанные рёбра не до конца зажили и давали о себе знать, когда Азим перескакивал через останки или больше камни.

Вскоре, горы остались позади. Тропа привела его к высоким холмам. Ещё пару фарсангов и он окажется у долины, где его ждёт Катрон.

Азим шёл по кроткому и узкому отрезку тропы, когда подул лёгкий ветер. На юношу напало странное чувство, будто

его позвали (не по имени). Юноша обернулся назад, но там никого не было. На холмах тоже никого.

Не придав этому значения, Азим пошёл дальше. Он свернул за угол и оказался на длинном и незначительно широком отрезке тропы между холмами со ступенчатым и каменистыми склонами. На другом конце юноша заметил движущийся силуэт. Азим интуитивно схватился за пояс, но меча не было. Он упал из ножен, вспомнил Азим и вооружился камнем и настороженно пошёл вперёд.

Через пару десятков шагов Азим понял, что это его жеребец, и со вздохом облегчения бросил камень в сторону.

– Катрон! – радостно позвал он и побежал к жеребцу, который был в четверти мила от него.

Увидев странных людей, подкрадывавшихся к долине, Катрон убежал в ущелье. Убедившись, что его не преследуют, жеребец перешёл на медленный шаг и осторожно переступал через останки, чтобы не задеть их. Такой путь занял чуть ли не два дня. Наконец, услышав знакомый голос, он остановился на месте. В зубах он держал меч, который обронил его нелепый хозяин. Катрон покивал головой на зов хозяина, фыркнул носом и пошёл навстречу хозяину.

Между ними оставалось не больше ста шагов, как вдруг Азим неожиданно остановился и, к чему-то прислушавшись, обернулся. Катрон, вздыбив уши и чуть не заржав, ускорил шаг и приблизился к своему юному хозяину. Жеребец опустил голову и ткнул лбом в плечо Азиму.

– Катрон, – улыбнувшись, Азим повернулся к жеребцу. – Вижу, ты нашёл мой меч, – юноша взял меч изо рта жеребца и привязал его к седлу, так как ножны он оставил в пещере.

Катрон коротко заржал, опустился на передние колени и мотнул голову назад, указывая Азиму, чтобы тот поскорее сел на него.

– Скачем домой, – сказал Азим, садясь на жеребца.

Катрон развернулся и пошёл небыстрым шагом в обратную сторону, осторожно минуя останки людей.

Азим гладил жеребца по загривку и хотел спросить, почему он здесь, а не у расщелины, когда вновь подул лёгкий ветер. Азим обернулся назад со странным видом и прислушался. Ветер доносил шелест песка, похожий на зов.

– Ты это слышал? – спросил Азим у жеребца и, словно зачарованный, начал тянуть поводья направо.

Юноша хотел развернуть жеребца, но тот начал фыркать и упрячиться. Катрон настороженно мотал хвостом и напряг шею. Что-то возбудило в нём тревогу. Он отказывался разворачиваться и упрямо шёл вперёд и случайно задел голову иссохшей женщины.

– Он страдает, разве ты не слышишь? – одурманенным голосом тихо проговорил Азим. Влекомый тихим, сладкозвучным зовом о помощи, он настойчиво пытался развернуть жеребца. – Он голоден... Я могу помочь ему... Люди должны помогать, – Азим зачарованно смотрел куда-то направо. В его голосе было неестественное сочувствие.

Юноша собрался слезть с упрямого жеребка и пешком пойти на помощь, но Катрон громко заржал и погнался вперёд. Пренебрегая осторожностью, он перескакивал через останки и уносился прочь из этого проклятого места, чтобы чары не успели полностью овладеть волей его хозяина.

– Остановись, – вяло протянул Азим. – Он нуждается во мне... и в тебе.

Катрон не слушал хозяина и гнал вперёд, несмотря на *препятствия*.

Вскоре, словно выпущенная стрела, Катрон выскочил из ущелья и со всей скоростью помчался на восток. Он опасался, что те люди могли устроить засаду, потому держался подальше от опушки Корявого леса.

Ближе к вечеру этот лес остался позади, и Катрон слегка свернул на юго-восток. Несмотря на голод, жажду и усталость, Катрон всё бежал, чувствуя, что его юный хозяин всё ещё одурманен. Хотя Азим уже перестал тянуть поводья, чтобы остановить жеребца.

У юноши слегка кружилась голова. У него был помутнённый рассудок, но он осознавал, что скачет верхом. Потому Азим прижался к шее жеребца, чтобы не свалиться.

Катрон продолжал скакать, не жалея сил, которые были на исходе. Глубокой ночью он прибежал до яблоневого рощи. Изнурённый и взмыленный жеребец остановился там, где они с Азимом впервые скрывались от людей после находки Чёрного рубина. Встав у яблони с большими, малочис-

ленными красными плодами, Катрон начал фыркать, громко ржать и мотать головой, чтобы привести Азима в чувства.

Юноша тяжело выпрямился и медленно открыл глаза. Его взор прояснился, но он всё ещё ощущал головокружение.

– Ты спас меня, – вяло проговорил он.

Азим хотел погладить Катрона, но, протянув руку к его шее, свалился на землю и уснул, словно всю дорогу бежал он, а не Катрон.

* * *

«До принятия решения о сжигании тел, первых жертв Зелёной хвори обматывали в пять слоёв льна и хоронили в специально отведённых участках, а во избежание дальнейшего заражения почвы, на могилах сеяли семена льна. Этот же метод использовали для обеззараживания засыпанных выгребных ям. Теперь эти места превратились в льняные поля и сады, которые люди обходят стороной даже в пределах городов».

Хранители знаний: «Истории Ахоруна»

Азим галопом гнал своего жеребца. Нужно скорее вернуться в Ангуран. Каждая секунда промедления может стоить жизни Зилолы. Он проспал целые сутки и даже больше. Проснувшись с новым рассветом, к нему вернулось ясность ума. Юноша чувствовал себя бодро. Он немедленно сел на Ка-

трона и направил его в сторону столицы.

По дороге он перекусил тем, что осталось в седельных сумках, где также была чистая сменная одежда, но он не стал переодеваться, даже продолжая скакать на жеребце. Юноша не хотел терять времени. То, как он выглядит, сейчас было для него неважно.

К трём соям после полудня Азим наконец доехал до Ангурана. Через западный въезд юноша направил Катрона по вымощенным улицам. Городская стража и люди узнавали и изумлялись, некоторые даже приходили в ужас от его вида. Одежда Азима была в грязи и пятнах крови, как и его лицо с шей. Юноша слегка оброс щетиной и бегло смотрел на прохожих, которые начинали шептаться, как только он проезжал мимо.

Вскоре показались башни и через некоторое время Азим выехал к полю вокруг дворца. Ему давно следовало спешиться, но юноша об этом не думал. Азим спешился только, когда подъехал ко входу в лабиринты, где его уже поджидал придворный слуга.

– С возвращением, господин, – молодой человек прижал руку к сердцу и слегка склонил голову. Он был поражён видом Азима, но тарашиться на него не смел.

– Султан во дворце? – спрашивая, Азим вручил ему поводья Катрона. – Его нужно хорошенько напоить и накормить.

Не дожидаясь ответа, Азим по лабиринту поспешил ко дворцу, оставив слугу в недоумении. Пробежав по ступень-

кам, Азим вошёл во дворец по служебному входу.

– Приветствую вас, господин! – у гардеробщицы наготове была пара серебристых сандалий.

Азим, кивнув ей в ответ, быстро снял с себя грязную обувь. Чуть ли не выхватив сандалии из рук гардеробщицы, он побежал к двери, ведущей к лестницам. Азим остановился на полпути и оглянулся на недоумевающую гардеробщицу.

– Где его величество? – спросил Азим, надев сандалии.

– Светлый господин проводит собрание в малом тронном зале, – ответила гардеробщица в синем платье и серебристой безрукавке, с серебристым платком, свободно накинутым на голову.

Она хотела было что-то спросить, но Азим, кивнув, быстро направился в малый тронный зал на первом этаже.

Через несколько коридоров юноша оказался у приоткрытых резных дверей, за которыми его высокопоставленный тесть раздавал поручения.

– Созовите всех кузнецов со всего Ахоруна. Пусть куют мечи, а другие плетут кольчуги. Привлеките также ткачей и всех швей. Пусть готовят латы. Они могут понадобиться нам уже завтра! Этот шакал не предсказуем. Воеводы, готовьте свои войска!

– К чему? – озадачился Азим, войдя в зал.

На собрании присутствовали около пятидесяти человек, которые разом повернулись в его сторону. Узнав Азима, они

один за другим прижимали руку к сердцу и слегка склоняли головы. Вид юноши тоже привёл их в замешательство.

Азим слегка растерялся. Он ещё не привык к тому, что люди теперь будут кланяться перед ним при встрече. Те прохожие на улицах тоже склоняли голову, но, озадаченный своей целью, юноша не обращал на это внимание. Здесь же он склонил голову в ответ, прижав руку к сердцу. Вдоль стены с резным растительно-геометрическим узором Азим направился к трону с позолоченной резьбой, украшенному драгоценными камнями и обитому синим бархатом.

Когда Азим вошёл в малый тронный зал, с другой стороны зала вошёл часовой с башни и шёпотом на ухо известил султана о возвращении его зятя. Отпустив часового в бледно-зелёном кафтане с золотистыми гроздьями и белой чалмой на голове, султан повернул голову в сторону Азима, который был уже в пятнадцати шагах от него. Юноша был один и это не обрадовало Бузурга.

– Ты один, – это был не вопрос, а скорее упрёк.

Азим не ответил. Он был крайне озабочен и краем глаза недоверчиво посматривал на людей в зале. Приблизившись ещё на пару шагов, он посмотрел на тестя, дав ему понять, что он не хочет говорить при них.

Султан озадаченно посмотрел на людей. В первом ряду в алых шелках стояли визири, во втором в зелёных лёгких кафтанах были воеводы, начальники вофи, в третьем и четвертом ряду в синих одеяниях стояли богатые и влиятельные

люди Ангурана, за ними стояли кузнецы, каменщики, ткачи, швеи, пастухи, табунщики и другие представители рабочего класса в серых льняных одеяниях.

– Пусть мои слова не покажутся вам беспочвенными, – обратился к ним султан серьёзным тоном. – Обвинения в мою сторону это лишь начало подлого замысла. Мы должны быть готовы ко всему! Идите. Выполняйте данные вам поручения. Визири! – окликнул Бузург после того, как все поклонились ему с рукой у сердца и собрались уходить. – Будете докладывать мне каждые три дня об их успехах, – выждав паузу, Бузург жестом позволил им покинуть зал.

Аъзам остался. Он взволновано смотрел на сына, который будто воочию столкнулся со смертью и с трудом выжил. Он перевёл вопросительный взгляд на султана, и тот кивком позволил ему остаться.

– С тобой всё в порядке, сынок? – Аъзам подошёл и крепко обнял сына. – Что с тобой приключилось?

– Где моя дочь?! – требовательно спросил султан, спустившись с широкого трона.

Юноша не решался ответить, и султан быстрым шагом подошёл к нему.

– Весь Рахшонзамин уже знает, что мою дочь унесло крылатое чудовище. Можешь не опасаться, что нас могут услышать. Говори! – голос и взгляд Бузурга были строгими и даже сердитыми.

Юноша посмотрел на отца, потом на тестя, многозначи-

тельно вздохнул и сказал:

– Во всём этом замешан Расим.

Ответ удивил Аъзама и возмутил Бузурга.

– Этот проклятый шакал! Что он сделал?

– Когда я нашёл Чёрный рубин, я также обнаружил в пещере огромные яйца, – начал рассказывать Азим, решив, что нет смысла больше это скрывать от родных человек. – Они принадлежали стражу. В обмен на кусок Чёрного рубина она взяла с меня обещание, никому не выдавать её тайны. Я держал своё слово, однако Расим каким-то образом заставил меня рассказать обо всём. Он украл яйца, – продолжил Азим после паузы. – Теперь, симург требует вернуть их. Если я этого не сделаю, Зилола... – Азим не договорил предложение и встревоженно опустил голову.

– На что ему сдались эти яйца? – недоумевал Аъзам.

– Он подчинит птенцов своей воле, – подумав, ответил султан.

– Вы знали, что он колдун? – удивился Азим.

– Да, – неоднозначно ответил султан. – Я не думал, что он обладает большой силой. В Зебистане колдуны не отличаются особым талантом. Всё на что они способны – это фокусы для забавы детей.

– Видимо этот колдун способен на гораздо большее, – с укором проговорил Азим.

Султан задумчиво насупился и отошёл, чтобы поразмыслить над правильным решением.

– Что мы будем делать? – Азим был беспокоен. – Каждая минута промедления может стоить нам дорого. Зилола сказала, что вы однажды основали орден изгнателей. Нужно призвать их и отправиться в Расулабад.

– Всё гораздо сложнее, Азим, – сказал султан, повернувшись к нему. – Мы не можем просто так отправиться в Расулабад и потребовать от Расима вернуть яйца. Он не просто колдун. Теперь он падишах Зебистана.

– Что? – изумился юноша и вопросительно посмотрел на отца.

Аъзам молча покивал в подтверждение.

Идти против падишаха это совсем другое дело. Всё стало намного сложнее, если не хуже для юноши. Если Расим захочет, он поднимет весь Зебистан на свою защиту и ни за что не вернёт пленцов. В таком случае Зилоле точно конец и эту мысль уже не прервёшь в голове.

Нельзя это допустить!

Азим отвёл взгляд и вспомнил слова тестя, которые он услышал ещё за дверью.

– Зачем вы приказали готовить войска? – обратился он к султану.

Бузург задумчиво смотрел на зятя и свата. Эти двое теперь являлись ему родственниками и не было смысла скрывать от них правду.

– Тогда у озера я не полностью ответил на твой вопрос, Аъзам, – признался Бузург. – Пошли, – кивнул он в сторону

боковой двери, – я расскажу вам кое-что.

Султан отвёл их на второй ярус северо-восточной галереи, ведущей к соответствующей сторожевой башне. Здесь были узкие арочные окна, а на высоких стенах висели разные картины, кундали и ковры-гобелены. Бузург встал у одного старого деревянного полотна с вырезанным витиевато-геометрическим узором по краям.

– Это часть картины Рахшонзамина, – объяснил султан.

Прямо посередине резной объёмной картины располагались величественные горы Катрон. К северу и северо-западу от Катрона располагался лес Ангал – он был в три раза больше Корявого леса, расположенного южнее Катрона. На северной опушке Ангала было озеро, к северо-востоку от которого был город Рохфаре – первая столица Виндола. В этом государстве было ещё три больших города: Видодж, Синдев и Сист, расположенных у рукавов реки, вытекающей из озера на востоке Виндола. Сам Сист располагался к северу от озера. Река имела два ответвления посередине северного королевства. Дальше она протекала на запад через Ангал и разделялась на три части уже в Фародском ханстве. В Фароде было два города, названных в честь сыновей Фарода: Сирод и Эрод. На западе, занимая огромную территорию, располагалась пустыня Эрг. У левого края карты, посередине, изображена часть моря Басир, из которой вытекала река Дауф. Она протекала в Джоду на западе Зебистана и дальше в лес Мобаён – второй по величине лес на этой карте. К юго-восто-

ку от Мобаёна расположилась Чехра, а к северу – Шомабад. Столица Зебистана, Расулабад находился на востоке, ближе к озеру Зарафшан. Это озеро находилось между Ахоруном и Зебистаном и могло вместить в себя всё Фародское ханство. Ахорун разделяла широкая река Гулоб. К северу от середины реки была столица Ахоруна, а Арруж на западе от Ангурана. Мирас и Фалид были намного южнее реки. В правом нижнем углу, восточнее от Фалида был отмечен город-государство Каарт, а у самого нижнего края возвышались горы. Горы также находились и у нижнего края посередине карты, к югу от Зарафшана. Их называли Медвежьими клыками. Судя по карте. Горы ещё выше Катрона располагались в верхнем правом углу. Эти горы с вырезанными острыми и плоскими вершинами носят имя Вохманские горы. К югу от них был ещё один город-государство Сангдор. Восточнее Катрона скромно возвышались Красные горы. У их западных подножий брала исток река Гулоб. К северу от красных гор протекала ещё одна река, посередине которой располагался ещё один город-государство Нарруз. Четвёртый такой город – Сохандор, расположился на верхнем левом углу карты к востоку от небольшого озера и к югу от реки, протекавшей на восток в лес через другое озеро.

– Она была вырезана шестнадцать веков назад, когда многим из этих мест не дали их нынешние названия, – добавил султан. – Названия некоторых рек, озёр и гор до сих пор отсутствуют на этой карте. Даже некоторые города и поселения

не отмечены на ней.

– Вот и я думаю, что эта карта ошибочна, – заметил Аьзам. – Разве в пустыне Эрг есть горы?

– Эта одна из тайн пустыни Эрг, – ответил султан. – Никто не видел этих гор, кроме автора этой карты.

– Это связано с хозяином пустыни? – спросил Азим, изучая контуры гор.

– Я раскрою вам эту тайну как-нибудь в другой раз, – увильнул султан. – Я привёл вас сюда, чтобы поведать другую историю, хотя могу поделиться одной тайной сейчас, – хитро улыбнулся Бузург. – Эти узоры, обрамляющие карту, – султан обвёл их рукой, – на самом деле являются древней каллиграфией. По ним автор передаёт о своём приключении через пустыню Эрг и встрече с его хозяином...

– Автор столкнулся с дэвом и выжил? – Азим пребывал в любопытном изумлении.

Бузург ещё раз обвёл взглядом узоры вокруг карты и пожал плечами в недоумении.

– Файз ибн Лоик – человек-загадка... Так прозвал его мой предок, Хокими Хушбахт...

Азим странно покосился на тестя. Это имя было ему знакомо. Человек с таким именем составил ему компанию до яблоневого рощи в его первый поход. Может ли это быть совпадением? Промолчав об этом, юноша слушал дальше. Может, султан поведает больше?

– ...Насколько мне известно, это его единственная рабо-

та. Шестнадцать веков назад султан Хокими Хушбахт хотел обзавестись подробной картой Рахшонзамина. Однажды по пути в Расулабад он встретился с человеком, который представился картографом. Он принял заказ у султана и выполнил его через десять лет. Однако Файз ибн Лоик не принял плату за карту, – султан удивлённо посмотрел на свата и зятя. – Вместо этого он заявил, что эти узоры являются повестью о его приключениях. Он сказал, что, когда они раскроют секрет этой каллиграфии, он явится за своей платой.

– Султану Хокиму удалось это сделать? – осведомился Азим.

Бузург отрицательно покачал головой.

– Ни один султан не смог разгадать эту каллиграфию. Даже хранители знаний здесь бессильны. Автора же этой карты больше никто и никогда не видел, – заключил Бузург и снова встал посередине перед картой. – Раньше всех этих государств не было, – он снова обвёл карту рукой. – В Эпоху мастеров люди жили далеко отсюда в полной идиллии. Среди них не было правителей и подданных. Не было бедных или богатых. Тот, кто имел больше, делился с тем, кто имел меньше. Однако среди людей было посеяно семя алчности. Созрев, оно привело к Великому конфликту, и гармонии человечества пришёл конец. Люди отвернулись от Великих мастеров – Ангелов с небес, и покинули свои города. Будучи единым народом, братьями и сёстрами, они разделились и стали чужими друг другу. После долгих скитаний те, кого мы

называем Далёкими предками, покинули старый континент и пришли на новые земли. С надеждой на светлое будущее они назвали новый континент Рахшонзамином и обосновались здесь, – Бузург указал на Джоду. – Город строили с помощью колдунов и ведьм. Однако среди обычных людей были те, которые не доверяли им и открыто высказывали это. Назревал новый конфликт. Расул ибн Аббос сумел предотвратить бессмысленное кровопролитие. Люди объявили его падишахом и прозвали Расулом Первым. Своим первым указом он назвал город в честь ремесла колдунов и ведьм – Джоду. Разумеется, некоторые группы людей остались недовольными этим решением. Они покинули Джоду и продолжили кочевать из места на место. На одном из таких мест, брошенного кочевниками, Расул Первый решил построить новый город и возвести дворец для себя. Тем временем, когда люди строили себе дома, падишах не мог решиться какой построить ему дворец. Он долго думал и не раз менял эскиз проекта. Однажды, когда строительство дворца всё же началось, падишах велел отложить работу и немедленно возвести стену вокруг города. Своё неожиданное решение он объяснил тем, что видел сон, в котором Расулабад полыхал в огне, окружённый врагами. Это было в третьем веке Эпохи человека. Тогда в Рахшонзамине кроме Джоду и самого Расулабада больше не было других городов. Все подумали, что кочевники собираются напасть, но у тех не было никакой армии. Впоследствии Расул Первый прожил восемьде-

сят шесть лет и за годы его правления никто даже и камня не бросил в сторону Расулабада. После его смерти люди начали говорить, что он был тронут умом. Расулабад процветал. В его подчинении была основана Чехра, – Бузург указал на неё. – Свою страну они называли Зебистан. В седьмом веке Эпохи человека к власти пришёл Расул Второй. Он был мудрым и справедливым правителем. Вскоре он приказал отдалить городские стены на радиус три фарсанга от дворца. Он также велел учредить регулярную армию. Своё внезапное решение он тоже обосновал сном, в котором Расулабад был охвачен войной. В этом же веке был основан Ахорун, – Бузург указал на Арруж и Ангуран. – Правда, тогда вместо Арружа была деревня. – Бузург отошёл от карты и подошёл к прямоугольному ковру между двумя окнами. На этом ковре чёрно-белыми тонами был изображён суровый мужчина. – Это Сомон ибн Хорун, – сказал Бузург, рассматривая его глубокий взгляд. – Сын основателя Ахоруна, Хоруна ибн Нура. Узнав о решениях Расула Второго и слухах, которые от этого возникли, Сомон отправился в Расулабад. Он заверил падишаха, что его отец и никто другой в Ахоруне не намерены нападать на Зебистан и его столицу. Расул Второй принял Сомона ибн Хоруна с радушием и даже выдал за него родную племянницу. Свадьбу праздновали целую неделю. Так, наш род заключил первый союз, а война из его снов так и не наступила. Зебистан и Ахорун процветали дальше. Их правители ещё множество раз укрепляли свой союз, за-

ключив новые браки. Дети от таких союзов не раз наследовали трон. Одним из них был Расул Третий. Шесть лет после начала своего правления он приказал перестроить городскую стену из камней и укрепить её сторожевыми башнями.

– Он тоже видел сон? – спросил Азим.

– Да, – коротко кивнув, Бузург снова пошёл к карте. – Все три Расула видели сны. В народе их называют вещими или пророческими снами, – задумчиво проговорил султан.

– Вы верите в такие сны? – уточнил Азим.

– Я не хотел верить и не верил, пока не появился ты, – султан повернулся к зятю.

Его ответ поразил как юношу, так и его отца.

– В каком смысле? – недоумевал Азим.

– До восьмого века Эпохи человека ведьмы и колдуны состояли в совете падишахов Зебистана. Возможно, они как-то были связаны с этими снами. Возможно, падишахи спрашивали предсказания, а потом видели кошмары.

– Если их предсказания не сбылись, то что же вас беспокоит, господин? – спросил Аъзам, изучающе глядя на Бузурга.

– Азим живое доказательство того, что предсказания могут сбываться, – султан с какой-то тревогой и грустью смотрел на зятя. – Однажды, одна ведьма предсказала мне, что я выдам свою дочь за... простого юношу, – подумав, договорил Бузург, чтобы не обидеть зятя.

– И вы увидели меня во сне? – спросил изумлённый юноша.

– Нет, – усмехнулся Бузург. – Я не видел тебя во сне, и всё же выдал за тебя свою дочь.

– Тогда как вы это объясните? – недоумевал Азим.

– Если и Расулам делали предсказания, вряд ли это могла сделать одна и та же ведьма. Шестьсот лет отделают Расула Первого от Расула Третьего. Не думаю, что ведьмы способны прожить столько лет даже с помощью колдовства. Всем известно, что ведьмы могут предсказывать будущее. Сбываются ли они или нет, ведьмы и колдуны способны также на разные, скажем, чудеса, на которые каждый человек когда-то был способен.

– В каком смысле? – спросил Азим.

– В эпоху мастеров люди владели силами мироздания и творили чудеса. Однако после Великого конфликта люди отказались от своих сил и со временем утратили способности и даже забыли о них. Я думаю, сны Расулов были проявлением этой силы. Они действительно могли быть предсказаниями.

– Но ведь они не сбылись, – озадаченно проговорил Азам.

– Они не сбылись тогда, в их время. Боюсь, им предстоит сбыться в наше время, – удручённо заявил Бузург.

– Что? В каком смысле? – опешил Азим.

– Расулабад на пороге войны, – промедлив, ответил султан.

– Но с кем? – юноша потрясённо сдвинул брови.

– С нами, – глядя ему в глаза, ответил султан.

Азим обомлел, а Аъзам уже знал, что султан скажет это.

– Как я упомянул раньше, султан-заде и хеш-султаны Ахоруна не раз связывались с шахзаде Зебистана родственными узами. Поэтому, пусть с последнего подобного брачного союза прошло несколько сотен лет, мы с покойным падишахом Нодиром приходились друг другу дальними родственниками. И в случае отсутствия прямых наследников один из нас может унаследовать трон второго.

– Вот почему Расим хотел жениться на Зилоле, – заключил Азим и странно посмотрел на отца, который одновременно с ним сказал следующее:

– Потому Расим и обвиняет вас в смерти Нодира и его сыновей?

– Да, – это был ответ обоим. – Этот гнусный шакал задумал всё это с самого начала. Я думаю, он сам и стоит за смертью падишаха и его сыновей. Женившись на моей дочери, он бы предъявил её права на трон по родству. Потерпев в этом неудачу, Расим исполнил свой план другим путём, силой объявив себя падишахом. Визири Зебистана подчинились ему под угрозой смерти. Захватив власть, Расим теперь подло обвиняет меня в своих же преступлениях.

– Он объявил нам войну? – осведомился Азим.

– Нет, но народ Расулабада он точно настраивает против меня, – уверенно заявил султан. – Если Расим сможет убедить зебистанцев отомстить за Нодира и его сыновей, они пойдут на нас войной.

– Как он докажет вашу вину, господин? – спросил Аъзам.

– Он колдун, – ответил Азим. – Он смог подчинить мой разум и выудить дорогу к пещере симурга. Этот мерзавец может помутить разум и своим подданным.

– Допустим, он сможет подчинить своей воле одного или двух человек, но тысячи людей? Как? – Аъзам не представлял себе это возможным.

– Если Расиму всё же удастся это сделать, как мы остановим его? – озадачился Азим. – Он колдун и в свою армию он может призвать других колдунов и ведьм.

– Я думаю над этим, – ответил Бузург. – Поэтому я приказал своим военачальникам готовить войска. Расим может в любую минут собрать армию и объявить нам войну. Мы должны быть готовы.

– Я готов! – уверенно заявил Азим. – Ради Зилолы я готов хоть сейчас отправиться в Расулабад и отсечь этому мерзавцу голову!

– Нет, – на удивление сказал Бузург. – Мы не будем нападать первыми. Возможно, Расим именно этого и ждёт от нас.

– А как же Зилола? У неё мало времени, – встревожился Азим.

– Когда-то симурги были добры к людям. Не волнуйся, Азим, – султан положил руку на плечо зятю. – Я верю, симург не причинит вреда моей дочери... Ты устал и по твоему виду ты пережил то, что и вообразить трудно. Иди домой... к матери. Она сильно переживает. Отдохни пару дней. Я бу-

ду ждать тебя здесь. Когда ты вернёшься, мы вместе решим, как поступить с Расимом.

В словах султана Азим не нашёл утешения, ибо он своими глазами видел на что сейчас способна Рудоба. Тем не менее юноша не стал спорить. Ему действительно нужен отдых. Согласившись с тестем, они втроём направились к выходу.

* * *

«Помимо предсказаний, которые не сбылись, у Расулов было ещё одно общее: все трое в своё время хотели воздвигнуть многогранные купола не всех семи блоках дворца. Однако все трое отказались от столь дорогостоящей идеи. У Расула Первого и его только встававшего на ноги государства не было столько денег, а Расул Второй и Третий выделяли средства казны на строительство Шомабада. Согласно хранителям, служившим им, чертежи куполов спрятаны где-то в покоях, где жили только Расулы».

Хранители знаний: «Истории Зебистана. До изгнания»

Будучи писарем, послом в Ахоруне или премьер-министром это место было его рабочим кабинетом. Здесь он принимал гостей и проводил переговоры. Расим проводил здесь большую часть своего времени и, в основном, в одиночестве, изучая книги и рукописи. Теперь же падишах здесь практически не бывает. По его воле для него подготовили ста-

рые покои, в котором когда-то жили Расул Первый, Второй и Третий. Больше ни один другой падишах до Расима не хотел жить в этих покоях. По слухам, бродящим среди придворных слуг, после смерти Расула Третьего оттуда вынесли всё и с тех пор туда не ступала нога человека. Некоторые из слуг даже боятся заходить в этот блок. Говорят, что духи безумных Расулов все ещё бродят в тамошних коридорах. Расим не верил в эту чепуху и заселил несколько своих слуг и служанок в этом блоке.

На пути к своей цели Расим достиг значительного успеха в нескольких своих важных задачах и, в отличие от слуг, беспокойно сновавших по вечерам по коридорам этого блока и окуривавших их хазориспандом, ему хорошо спалось в шелках и на мягких подушках.

Однако этим утром Расим проснулся со странным предчувствием. Оно было волнующим и интригующим одновременно. Должно было произойти нечто важное и даже опасное... Но что?

За ответами Расим невольно пришёл в свой старый рабочий кабинет. Он провёл здесь несколько часов, бесцельно перебирая старые рукописи и перелистывая книги. Он знал всё, что в них было написано, но не знал, что он в них искал.

Странное предчувствие надвигающегося события не давало Расиму покоя и вызывало в нём неопределённость. Что-то должно произойти и уже совсем скоро. Расим чувствовал это по скованности в груди и мелкой дрожи по всему телу.

Вернув бумаги и книги на полки, Расим поднялся на топчан, где стоял его низкий письменный стол. На столе было пусто, как и на душе Расима прямо сейчас. Он обвёл стол взглядом и встал в шаге напротив стены. Он долго простоял, молча глядя на глубокую нишу в стене, и не мог подобрать слова.

– Эту пустоту в моей душе заполнит лишь целый мир у моих ног, – негромко, наконец, заговорил Расим с грустью в глазах. – Ты был для меня целым миром, отец... Но я не помню твоего лица, – Расим виновато опустил взгляд. – Прости меня, ведь прошло столько лет, – проговорил он сквозь ком в горле. – Я пытаюсь вспомнить твою улыбку, но не могу, – Расим вытер горькую слезу с края глаза и протянул правую руку к нише. – Я так хочу взглянуть на тебя, но и этого не могу, – сокрушался он. – То, что позади тебя, до сих пор пугает меня... Скоро я это исправлю, – уверенно сказал он после паузы. – Я набрал достаточно сил. Скоро я соберу огромную армию и отомщу за тебя. Когда он будет повержен мной, – Расим, серьёзно насупившись, согнул руку и сжал кулак, вокруг которого вспыхнуло оранжевое пламя, – я освобожу твою картину из объятий тьмы и приведу её к свету. Я вспомню твоё лицо и нарисую в твою честь новую картину, в которой ты будешь широко улыбаться, а не кричать в ужасе, – Расим потушил пламя, опустил руку и снова посмотрел на нишу. – Ты был великим человеком для меня, а я стану величайшим ради тебя.

Закрыв кабинет на ключ, падишах вернулся в свои новые покои и переоделся в наряд, который сшил для него Зодфар: широкие шёлковые шаровары, короткая туника, широкий зеленовато-золотистый пояс, а поверх лёгкий халат с рукавами до локтей. Этот наряд был насыщенно зелёного цвета и расшит золотым узором. Кроме того, халат и туника были украшены бордовой тесьмой с золотистыми узорами. С чалмой или тюрбаном при своём высоком росте Расим выглядел бы как дерево. Потому он водрузил на голову круглую зелёную тубетейку с золотой тесьмой, украшенной мелкими изумрудами. Он надел галоши со слегка загнутым носом и направился в аудиенц-зал.

– Вы не голодны, мой бесподобный падишах? – из кухни за ним выбежала Ахдия.

– Я бы не отказался от ещё одного яблочного пирога, – падишах, склонив голову, улыбнулся своей новой главной кухарке во дворце.

– Будет сделано, ваше бесподобие, – Ахдия с улыбкой прижала руку к сердцу, склонила голову и вернулась на кухню.

Будучи премьер-министром в этот день недели он принимал граждан. С тех пор как он объявил себя падишахом, никто не осмеливался приходить на приём – одни всё ещё боялись колдуна, другим запрещали несогласные. Однако этим утром, ещё по пути в старый рабочий кабинет, Одил сообщил ему, что несколько человек просят аудиенции. Когда же

Расим держал путь в аудиенц-зал новый старший писарь, то есть Одил сказал, что просителей стало больше.

При правлении бывших падишахов во время аудиенции в зале у каждой колонны стояла стража. Расим же не стал прибегать к их услугам. Он не боялся просителей, прячущих в рукаве нож. И потом, кто осмелится бросить ему вызов, когда все знают, кто он такой и на что способен?

Расим уверенно сел на широкий трон-топчан и прислонился на алые подушки (зелёные убрали, чтобы постирать чехлы). Скрещенные ноги он скрыл под подолом халата.

В нескольких газах от возвышения за низким письменным столом на курпаче сидел Фозил. Он исполнял обязанности писаря. Аудиенцию падишаха должен записывать главный писарь, но Одилу Расим поручил стоять у главных ворот и впускать просителей.

– Сколько? – спросил падишах.

– Девять, мой бесподобный падишах, – ответил Фозил. – Все они предприниматели и пришли сюда с одной целью. Они хотят поздравить вас и просить о помощи.

– Давай их выслушаем, – бодро предложил Расим.

Фозил кивнул с рукой у сердца и дал Одилу знак, тот открыл одну дверь и рукой пригласил этих предпринимателей. В сопровождении двух стражников в аудиенц-зал вошли девять мужчин разной масти. Трое из них были светлокожими, у других кожа была коричневой как орех. Семеро из них были из Расулабада, один из Чехры, последний из Джоду.

Все они были богатыми и влиятельными людьми и были одежды соответственно.

Стража остановилась в десяти шагах от возвышения, просители сделали ещё три шага. Остановившись, они разом, словно готовились заранее, приставили правую руку к сердцу и склонили головы.

– Приветствуем вас, бесподобный падишах, – сказали они разом и Озар, что стоял посередине, продолжил звучным голосом:

– От лица всех предпринимателей, торговцев и купцов Ра-сулабада, Чехры, – он указал на человека с левого края, – и Джоду, – он указал на правый край, – мы поздравляем вас с новым титулом. Будучи послом и премьер-министром, вы сделали многое для Зебистана в эти тяжёлые для нас времена. Народ благодарен вам за всё и признаёт вас своим падишахом. Пусть солнце всегда сияет над вашей головой.

– Спасибо, – кивнув, сказал Расим и приставил руку к сердцу.

– Бесподобный господин, – продолжил Озар, – мы смиренно пришли к вам за помощью.

– Я рад помочь вам всем, чем смогу, – улыбнулся Расим.

– Все мы предприниматели. Однако всё, чем мы промышляем, до сих пор увядает. Наше дело не приносит нам прибыли. С недавних пор наша торговля с другими государствами и вовсе прекратилась. Никто больше не хочет покупать наши изделия. Караваны купцов перестали приходить в на-

ши города, – в голосе Озара слышался намёк. – Крестьяне негодуют. Лишь половина от посеянного, а то и меньше дало ростки. Люди отказываются покупать и употреблять урожай, выращенный колдунами и ведьмами. Ахорун отказался увеличивать поставки. Более того, он их сократил.

– Почему мне об этом не доложили раньше? – возмутился падишах, бросив взгляд на Одила.

– Простите, бесподобный падишах, – вместо главного пи-саря заговорил Фозил. – Мы уже несколько недель не полу-чали вестей из Ахоруна. О сокращении поставок вам должен был сообщить визирь торговли, но он уже давно не появлял-ся во дворце.

Расим вздохнул, угрюмо глядя в сторону.

– Теперь вы видите? – обратился он к просителям в него-довании. – Все отвернулись от нас. Сначала, Бузург ибн Ма-хмуд избавился от падишаха Нодира и его сыновей. Теперь, узнав, что трон всё равно не достанется ему, он решил умо-рить нас голодом.

– Лавки на базарах пусты, мой бесподобный господин, – поддержал один из просителей в ало-синих одеяниях с серы-ми разводами и серым поясом и короткой чалмой.

– Люди сильно сократили свой рацион питания, – снова заговорил Озар. – Продовольственные товары из наших соб-ственных земель ещё не скоро появятся на рынках. Чёрная напасть нанесла нам огромный ущерб. Наша экономика бу-дет восстанавливаться очень долго. Люди выжгли свои по-

ля, сады и выкорчевали деревья. Даже скотине нечего есть. Один пастух отвёл своё стадо баранов поститься в Мобаён. Ни он, ни стадо не вернулись.

– Бесподобный господин, – заговорил коренастый человек из Джоду в белых одеяниях с голубым вышитым узором и голубым поясом и белой тибетейкой с узорами голубых перцев. – Не считите за дерзость, но ходят слухи о ваших удивительных способностях, на которые не способны другие колдуны и даже ведьмы. Люди полагают, что вы намного лучше справитесь с...

– Он хочет сказать, что первым делом нужно решить проблему с голодом, бесподобный падишах, – прервал Озар. – Позвольте спросить, есть ли вероятность вырастить быстрый и более съедобный урожай с вашей помощью?

– Это не выход, – Расим едва заметно покачал головой. – Я понимаю вашу обеспокоенность. Я сам когда-то голодал. Однако колдовство не удовлетворит все ваши желания и нужды. Я жил бедно и терпел достаточно долго. Вас же я прошу потерпеть совсем чуть-чуть. Чёрная напасть отступила. Уже давно никто не сообщал о загадочных тенях и о пропаже людей. Чтобы наши земли поскорее восстановились, я предлагаю пока ничего на них не сеять.

– Не сеять? – изумился проситель из Джоду. – На что тогда жить крестьянам? Что должны есть люди? – вознегодовал он.

– Рыбу, – ответил ему предприниматель из Чехры.

– Нас уже тошнит от одного вида рыбы, – огрызнулся про-

ситель из Джоду. – И потом у людей нет денег, чтобы её покупать. Её цена слишком завышена, – объявил он.

Проситель из Чехры в ответ просто пожал плечами.

– Не волнуйтесь, друзья мои, – вмешался падишах. – Для всех ваших проблем у меня есть одно решение и скоро вы узнаете об этом. Ступайте и будьте уверены, всё будет хорошо.

Просители приняли обещание падишаха. Они поклонились ему с рукой у сердца и покинули аудиенц-зал в сопровождении стражи.

Расим опустил писарей, велел Фозилу больше не беспокоить его. Расим хотел остаться наедине с собой и в тишине, да в покое усвоить урок, данный Акобиром. Согласно его переводу, чтобы подчинить разум других людей, сначала нужно овладеть своим. Для этого он поудобнее сел на своём троне и положил руки на колени ладонями вверх.

Первым делом необходимо сосредоточиться на своём разуме. Почувствовать волны, которые издаёт твой мозг, и взять их под контроль. Затем нужно научиться чувствовать чужие волны, тоже взять их под контроль и передавать им свою волю.

Рядом с этим текстом было примечание, написанное в виде ромба. Его автор отметил, что не знал никого на своём веку, кому бы удалось овладеть своим, либо чужим разумом. На словах это звучит легко. Однако, если не обладать истинной силой, силой далёких предков, то никогда не получится

овладеть чьим-либо разумом.

Расим сидел, полностью расслабившись. У него было умеренное дыхание. Закрыв глаза, он вообразил пламя в своей голове и сосредоточил все свои мысли на нём. Он ощущал, как это пламя пульсирует и издаёт короткие волны. Он раскрыл пальцы и мысленно захотел объять это пламя, но его концентрацию сбил неожиданный шум.

В трёх нишах на стене за спиной Расима, в которых бывшие падишахи держали павлинов, теснились птенцы Акобира. Эти создания успели вырасти в три раза больше взрослого павлина и едва помещались в этих нишах. Сам Расим по дороге в аудиенц-зал посетил и велел забраться в ниши по тоннелям в их саду. Они простояли среди этих узких и низких стен около часа и уже начинали издавать жалобные звуки.

– Тихо! – негромко, но требовательно сказал Расим, и птенцы сразу замерли. – В следующий раз будете стоять подле меня. Возвращайтесь в сад.

Расим был сбит с толку и больше не хотел сосредотачиваться. Он повторит попытку позже. Сейчас его ждали другие дела. Одно из них заключалось в обеде. Испекла ли Ахдия пирог?

Падишах открыл глаза и увидел Фозила, стоявшего в трёх шагах от возвышения с опущенной головой.

– Чего тебе? – спросил Расим.

– Мой бесподобный падишах, ещё один человек просит

аудиенции с вами, – ответил помощник.

– Кто он и чего просит? – Расим придвинулся к краю и свесил ноги с трона-топчана.

– Воевода копейщиков, Латиф ибн Маъруф, – ответил Фозил.

– Что?! – возмутился Расим.

– Он ждёт в аванзале четверть часа, – пояснил Фозил.

– Так пусть войдёт! – угрюмо потребовал Расим.

Фозил поклонился и направился в аванзал. Вскоре оттуда в аудиенц-зал вошёл Латиф. Он прошёл, не спеша, и встал нескольких шагах в стороне от возвышения. Сложив руки за спиной, он серьёзно посмотрел на Расима. Однако его глаза выдавали взволнованность.

– Даже не поклонись? – не дождавшись, упрекнул Расим.

Латиф неохотно приставил руку к сердцу и молча склонил голову.

– Ты так скоро вернулся... С благими вестями? – Расим подозрительно покосился на него. То тревожное чувство снова вернулось и засело в груди падишаха. – «Что это значит?» – задумался он.

– В сожжении целого города нет ничего благого, – смело упрекнул Латиф.

– Ты не выполнил мой приказ? – нахмурился Расим, сохраняя спокойствие.

– Нет! – с вызовом ответил Латиф.

– Ты вновь ослушался меня, – разочарованно проговорил падишах. – Ты, что, отлизал ослице? Поэтому у тебя такой дерзкий вид? – Расим рассерженно спустился с трона и подошёл к краю возвышения. – Объяснись! – потребовал он, сжав кулак.

Латиф попятился на шаг назад, но больше никак не проявил своего страха. Он сложил руки за спиной, хотя мог бы взяться за кинжал, скрытый под бежевым поясом, повязанным поперёк чёрной туники с короткими рукавами. В таком случае он бы ещё больше разгневал Расима. Пока рано прибегать к кинжалу. Стража, зная, что он доверенное лицо падишаха, не стала обыскивать его на предмет оружия.

С другой стороны, Латиф знал, на что он шёл. Он рассказал всем копейщикам про приказ падишаха, и его подопечные единогласно согласились с его решением. Никто из них не хотел проливать братскую кровь. Латиф обратился за помощью к другим единомышленникам в надежде, что те поддержат его. И сейчас он стоял перед могущественным колдуном-падишахом, который в миг может испепелить его. Ну и пусть! Латиф отдаст свою жизнь, но не станет развязывать войну своими руками.

– Если бы султан Ахоруна жаждал власти, он не выдал бы свою единственную дочь за кусок Чёрного рубина, который вы называли никчёмной безделушкой. Люди не верят вашим обвинениям, и мои копейщики не станут воевать с соседями без веских причин, – взгляд и тон Латифа были категорич-

ными.

Воевода держался мужественно, подавляя в себе сомнения, что в одиночку не сможет справиться с Расимом. Его руки оставались за спиной, но он был готов выхватить кинжал.

Пока рано.

– Без причин?! – Расим скорчил гримасу. Спустившись с возвышения, падишах сделал три шага к копейщику. – Я привёл вам все доводы, а вы снова ослушались меня, – Расим вперил на Латифа долгий палящий взгляд и неодобряюще повёл головой. – На этот раз пощади не будет.

Расим был готов метнуть огненный шар в Латифа, но знакомый и не приятный ему голос остановил его. Латифу же наоборот было приятно услышать этот голос. Он с толикой облегчения положил руку на рукоять кинжала и принял выжидающее положение.

– Это уже слишком, Расим! – в аудиенц-зал вошёл Орзу с пятью гвардейцами из городской стражи.

Фозил пытался помешать им, но один из гвардейцев оттолкнул его словно соломенную подушку.

– Они пригрозили смертью вашей страже, и те пропустили их, – растеряно сообщил Фозил. – Я пытался остановить их, но...

– Молчать! – рявкнул на него Орзу.

Возмущённо насупившись, Орзу направился к падишаху. Стража, готовая обнажить мечи, шла за ним.

– Что всё это значит? – недоумевал Расим. Его глаза бегали по вооружённой страже, Орзу и Латифу.

– Ты переступил черту, Расим, – Орзу остановился в нескольких шагах от него. – Народ был готов смириться с тем, что ты провозгласил себя падишахом. Но они не смиряются с тем, что ты навязываешь им войну, – эти слова удивили Фозила и он спрятался за колонну. – Они лучше склонятся перед Бузургом ибн Махмудом и признают его падишахом, если он предъявит свои права. Но они ни за что не поднимут оружие на своих братьев и друзей.

– Этот трон никогда не достанется Бузургу, – Расим огрел Латифа пронзительным взглядом и перевёл его сверху вниз на Орзу. В его тихом голосе звучала угроза.

– У этого трона есть законный наследник, – Орзу выстоял испытующий взгляд Расима.

Падишах закатил глаза и сардонически расхохотался.

– Законный наследник трона? – он иронически усмехнулся. – Ты можешь всем рассказывать басни, – Расим подошёл к Орзу и негромко продолжил, – но я прекрасно знаю, чей это убудок и какие у него права на трон.

– Это сын малики Мехри и падишаха Нодира! – натянуто возразил Орзу, отшагнув назад. В его голосе слышались нотки оправдания и растерянности. – У него есть все права...

– У него есть право подтереть себе зад, – злобно процедил Расим. – Ну и тебе... если я позволю тебе дожить до этого момента, – договорил он после паузы, сверля взглядом Орзу.

– Ты мне угрожаешь?

Расим усмехнулся, заметив, что Орзу взялся за рукоять меча, висевшего на его алом поясе.

– Я даю тебе шанс уйти, осёл, – снисходительно ответил падишах.

– Ты переоцениваешь свои силы, Расим, – коротким движением рукояти меча Орзу дал жест гвардейцам, и те встали полумесяцем в паре шагов позади него.

Латиф тоже приготовился. Он стоял слева от Расима.

– Ты долгое время был посланцем в Ахоруне, – продолжал Орзу. – Возможно, ты лучше знаешь султана. Если твои обвинения правдивы, мы призовём его к ответу. Но война – это не выход. И как смеешь ты обвинять нас в заговоре с ним?

– О-о-о, простите, – язвительно протянул Расим. – Вы же состояли в заговоре с потаскухой Мехри.

– Замолчи! – рявкнул Орзу и, выждав паузу, успокоился. – Народ любит тебя, Расим. Но они не пойдут за тобой на войну. Уступи трон малике Мехри, сдайся и мы дадим тебе выбор – провести остатки дней в темнице, либо в изгнании, – Орзу выжидательно посмотрел на Расима. Он был уверен, что в случае отказа, он сможет справиться с колдуном, ведь он заручился поддержкой.

– И кто же, позволь спросить, отправит меня в темницу или в изгнание? Ты? – Расим с презрением указал на Орзу левой, пылающей огнём, рукой.

– Я! – громко заявил уверенный женский голос.

В аудиенц-зал без сопротивления вошли Нигора в сопровождении двух подопечных ведьм. Она была в чёрном атласе с жёлто-белым зигзагообразным узором по бокам. На макушке головы, как всегда, сплетено кольцо из чёрных шелковистых волос. Кольца также свисали с затылка и с боков головы. Вид у неё был решительным, а глаза сверкали готовностью разорвать Расима в клочья. Такой же взгляд вперемишку с надменностью и презрением был и у её подопечных. Одна из них была на пол головы ниже Нигоры. У неё была бронзовая кожа и большие миндалевидные карие глаза. Спущенные пряди скрывали округность её лица. У неё были длинные тёмно-коричневые волосы. Однако колец, сплетённых из волос немного и все размером со сливу. Столько же колец было и у другой подопечной Нигоры, что стояла справа от неё. Эта молодая особа была посветлее. У неё были чёрные глаза и каштановые волосы. Спущенные пряди лишь утончали овал её привлекательного лица. Обе были одеты в белые платья с чёрными и лиловыми ромбами.

С приходом ведьм Орзу и его люди приободрились. Их глаза загорелись уверенностью, а руки все ближе потянулись к мечам.

– Ты зашёл слишком далеко, Расим, – осмелевшим тоном заговорил Орзу. – Пора положить этому конец, – он встал напротив Расима и крепко взялся за рукоять меча.

– Я вижу, вы все сговорились против меня, – Расим сардонически ухмыльнулся. – Решили свергнуть меня?! – он опу-

стиль пылающий взгляд на Орзу.

– Ты не имеешь права на этот трон. У тебя не было полномочий объявлять себя падишахом. Не усложняй себе жизнь, колдун. Сдайся по-хорошему! – сурово потребовал Орзу.

– Не то что? – с вызовом спросил Расим. – Твои ведьмочки испепелят мой язык? – Расим насмешливо покривлялся, провоцируя подопечных Нигору. – В вашем заговоре есть один недостаток, – Расим с испытующим взглядом встал вплотную к Орзу, – из-за чего он обречён на провал, – Расим с презрением ткнул Орзу в грудь. – Чтобы свергнуть меня, нужно было привести больше ведьм, – он исподлобья бросил взгляд на Нигору с её подопечными мимо Орзу.

– Ты всё пустословишь и бахвалишься, – с вызовом упрекнула Нигору. – Я больше не потерплю твоих оскорблений, – с нотой угрозы заявила она.

Она и её подопечные встали посередине аудиенц-зала. Расим же широко улыбнулся и прошёл к ним, толкнув Орзу плечом.

– Хотел бы сказать, что я рад видеть тебя, – Расим сделал несколько шагов и остановился: между ним и Нигорой было не меньше двадцати газдов, – но причина, по которой ты здесь, печалит меня, – Расим разочарованно скосил взгляд.

– В кого ты превратился, Расим? – Нигора сделала шаг навстречу. Её подопечные сделали несколько шагов в сторону. – Придя ко мне, ты был испуганным мальчиком, который жаждал знаний, – продолжала Нигору. – А теперь ты жаж-

дешь власти и не можешь остановиться на достигнутом.

Когда Нигора говорила, Расим восхищался движениями её губ и не обращал внимания на её порицательный тон. Её фигура в виде изящных песочных часов искушала его, особенно в этом облегающем платье.

– Когда я впервые увидел тебя, я захотел тебя всей своей плотью, – негромко пропел Расим. – Я по уши влюбился в тебя, но ты пренебрегала мной, – упрекнул Расим.

– Ты был ребёнком, – парировала Нигора.

– Что значит ребёнок для той, кто живёт вечно?

Слова Расима ранили чувства Нигоры. Бессчётные годы она тщетно мечтает зачать ребёнка, и этот упрёк Расима был для неё ударом ниже пояса. Она не знала, что ответить.

– Ты права, – сказал Расим, сделав пару шагов к ней. – Я не останавливаюсь на достигнутом. С нашего последнего занятия прошло больше двадцати лет, но ты всё также прекрасна и молода, – искренне произнёс Расим. – Я же повзрослел и в сто крат увеличил свои силы, – Расим поднял перед собой кулак и вызвал вокруг него оранжевое пламя.

Таким образом он спровоцировал подопечных Нигоры принять боевую стойку. От этого Расим лишь звучно усмехнулся.

– Ты уделяла больше внимания своим ученицам, – Расим с ревностью смерил взглядом подопечных Нигоры, – и не увидела во мне скрытый талант, – между пальцами Расима заиграли оранжевые язычки пламени. – Хочешь увидеть мою

силу на практике? – Расим бросил на Нигору испытующий взгляд исподлобья и резко сжал руку в кулак.

В этот самый момент, решив, что Расим нападёт на Нигору, её подопечные хотели метнуть в него оглушающий импульс. Однако они почувствовали внезапную тяжесть в руках и нестерпимый жар. Все их органы в одночасье превратились в раскалённый уголь. Не успев и визгнуть, они сгорели изнутри, превратились в пепел и посыпались на пол.

Нигора была ошеломлена. Недоумение отразилось в её глазах. Она явно недооценила Расима и теперь просто замерла на месте в растерянности, как и остальные заговорщики. В особое замешательство пришёл Орзу, который ожидал совсем другого исхода. В полном изумлении и даже страхе Нигора с раскрытым ртом смотрела на кучки праха с обеих своих сторон.

– *«Неужели он освоил силу огня?»*

Эта мысль убавляла в ней уверенности, и по её виду уверенность теряли и гвардейцы, а Латиф начинал сожалеть, что связался с ними.

– Тебе стоило привести ведъм, равных по силе с тобой, – Расим со снисходительным видом сделал ещё пару шагов к Нигоре. – Может, тогда хотя бы у одной из вас был бы шанс уйти живой. Тебе, любовь моя, – Расим сделал ещё шаг к Нигоре, – я дарю этот шанс. Склонись предо мной, и мы будем править миром, – Расим протянул руку вперёд и жестом указал Нигоре встать на колени.

Нигора потупилась, окончательно обезнадёжив гвардейцев и Латифа. Её глаза бегали справа налево. Она в гневе стиснула зубы и сжала кулаки. Расим хладнокровно убил её любимых учениц и теперь просит встать на колени? Ну уж нет.

– Я никогда не желала править миром, – процедила Нигора. – И ты не будешь.

Нигора раскрыла правый кулак и резко выпустила из ладони бесцветный импульс, но Расим приподнял вытянутую руку и спокойно поглотил этот импульс в своей ладони. Нигора удивилась, но быстро вернула самообладание. Она метнула в Расима новый импульс... ещё и ещё...

Расим поглощал, либо отражал импульсы ведьмы. Один из отражённых ударов попал в гвардейца рядом с Латифом. Бедолагу схватил мгновенный паралич и его сердце остановилось. Бездыханное тело гвардейца в бледно серых одеяниях и кожаных латах плашмя рухнуло вниз, но Расим и Нигора не обратили на грохот внимание – они продолжали бой.

Нигора метила то в голову, то в ноги, то в корпус, чтобы усложнить задачу Расиму, но её импульсы не достигали своей цели и не причиняли никакого вреда. Расим с той же лёгкостью поглощал, либо отражал удары. Это его даже забавляло.

– Прошу... перестань, – со снисходительной улыбкой протянул Расим.

В тоне Расима ведьма услышала усмешку, словно она бы-

ла ребёнком, которого мило просят перестать баловаться. Это разозлило её ещё больше, и она решила применить силу драгоценных камней на своих кольцах.

Новый импульс, усиленный сапфиром и принявший прозрачно фиолетовый оттенок, заставил Расима слегка отшагнуть при приёме удара. Нигора тут же последовательно метнула в него два импульса обеими руками – один фиолетовый, нацеленный в голову, другой янтарно-желтый, направленный в ноги. Расим не поглощал усиленные импульсы ведьмы. Он перенаправлял их в разные стороны без особой на то радости. Перенаправленные им импульсы попадали в стены, в пол, а Расим не хотел портить свой зал. Как на зло, один импульс отразился на колонну, другой на балку, которую она подпирала – на местах попадания появились тёмные пятна, а с попаданием самих импульсов послышался громкий треск.

Расим с досадой посмотрел в ту сторону и покачал головой. Это было неизбежно, как только Нигора атаковала его. Расим сардонически улыбнулся и протянул руку к ведьме. По его воле кольца на пальцах Нигоры начали нагреваться. Боль от жара колец не позволяла больше ведьме вызывать импульсы. Она не стерпела и махнула руками – кольца, расширившись от жара, слетели с её пальцев.

– Так гораздо лучше, правда? – заметил Расим, когда ожоги на пальцах Нигоры зажили после массажа, который ведьма сделала своими руками. – Зачем? – Расим с недоумением склонил голову набок. В его глазах и тоне присутствовало

разочарование. – Зачем ты им помогаешь? В конце концов, они обманут тебя так же, как и Бузург, – Расим сделал круг, стоя на месте, и обвёл предателей пальцем.

Взглядом он дал им знак не рыпаться, а также заметил, что в аудиенц-зал вошли Одил и Ахдия. Один был в недоумении с вытаращенными глазами, другая пребывала в страхе, держа в руках поднос с яблочным пирогом.

– Где твоя гордость, Нигора? Лев отверг тебя, и ты потеряла себе цену? – Расим с осуждением посмотрел на ведьму сверху вниз. – Эта крыса, – он кивнул назад, указывая на Орзу, – не даст тебе то, чего ты хочешь. А вот я... всё, что пожелаешь, – Расим протянул к ведьме руку дружбы.

Нигору разозлили слова Расима про Бузурга. Их отношения с Бузургом начались спонтанно и были тайной от всех. Их страсть полыхала огнём, но погасала так внезапно и несправедливо. Она не обсуждала свой разрыв с султаном даже со своими любимыми ученицами, ибо это было большой темой для неё. Расим не раз упрекал её за это, но откуда он узнал об этом? Вряд ли от самого Бузурга.

Ответ не волновал Нигору. Она согласилась свергнуть злонамеренного колдуна и готовилась нанести новый удар. Она согнула руки в локтях и подвела напряжённые ладони к животу (внутренней стороной друг к другу).

Заметив это, Расим с досадой вздохнул и опустил руку.

– Прошу тебя, не используй свою силу, – он косо посмотрел на ведьму. – Она тебя уродует, – тихо проговорил Ра-

сим. – Я не хочу видеть морщины на твоём очаровательном лице.

Хоть Расим и не хотел сражаться с Нигорой, чтобы не причинить ей боль, в его голосе звучала провокация, на которую и поддалась ведьма. Она нахмурилась, напрягла руки у живота и изо всех сил между ладонями создала слегка прозрачный, серо-молочный шар, размером с большую айву. Этот шар начал всё быстрее и быстрее вращаться, и Нигора силой направила его на Расима так, что у неё сорвался крик из уст.

Расим с надменной ухмылкой выжидал удара ведьмы. Когда же шар, превратившийся в непрерывный поток импульса, полетел в его сторону, падишах бесстрастно отвернул лицо и поднял перед собой руку. Он вызвал огонь перед своей рукой, который словно щит принял на себя удар.

Непрерывный поток импульса напирал с огромным давлением на Расима, заставив его отступить на пару шагов. Это приободрило Нигору, и она сделала два шага в сторону колдуна, напряжённо продавив руки вперёд. Ей казалось, что она в состоянии сделать ещё шаг вперёд и усилить импульс.

Этот её очередной шаг вынудил Расима отступить ещё на, пусть и небольших, но два шага. Неужели это был шаг к победе над зазнавшимся колдуном?

– Хватит! – раздражённо потребовал Расим. – Посмотри на себя!

Ведьмы живут долго в силу продления своей молодости. Однако, по мере использования своих сил, они начинают вы-

глядеть на свой настоящий возраст, и этот вид просто безобразен, если ведьме больше ста лет. Нигоре же было гораздо больше. В этот самый момент она использовала чуть ли не всю свою ведьмовскую силу, из-за чего сильно сутулилась. Она превратилась в согбенную, исполосованную морщинами, дряблую старуху, которой уже давно пора в могилу.

Поток импульса продолжал давить на Расима. Это его злило и начинало выводить из себя. Если он потеряет самообладание, из этого зала никто не выйдет живым, кроме него.

– Хватит!!! – потребовал он. – Я не хочу тебя убивать!

Нигора не желала слушать колдуна. Она была разозлена тем, что ни Орзу, ни Латиф или кто-либо другой не поддерживали её. Они договаривались, что, если Расим окажется слишком силён для ведьм, Орзу, Латиф и гвардейцы нападут на колдуна мечами. В итоге те замерли в замешательстве и в страхе, а Нигора из последних сил усилила импульс. Её крик не прекращался, хотя уже и был не таким громким как в начале.

Почувствовав, что импульс усилился, Расим раздосадованно вздохнул и закатил глаза. Через мгновение он твёрдо посмотрел вперёд. Ему было отвратно видеть дряхлую старуху, тщетно пытавшуюся убить его. Импульс продолжал давить всё сильнее, но Расим, протянув руку, шагнул вперёд. Казалось, будто Расим идёт против сильного ветра, который вот-вот сдует его, если он ослабит свой огненный щит. Однако колдун крепко держался на ногах и уверенно шёл вперёд.

Нигора никогда не использовала свою силу в такой степени. Она изрядно устала. У неё больше не было сил поддерживать импульс. Расим подошёл к ней вплотную и, когда импульс иссяк, толчком руки направил на неё прозрачно-оранжевый импульс, который обезвредил ведьму. Нигора начала падать направо, но Расим быстро наклонился и поймал её. Он прижал ведьму к себе и вдохнул сладкий аромат её тела и волос. Он с искушением смерил её взглядом. Морщины стали разглаживаться, и она снова стала прекрасна. Расим хотел погладить её за лицо, коснуться части её упругой груди, видной из выреза платья, но не позволил себе этой доступной роскоши.

– Так ты выглядишь намного лучше, – ласково прошептал он, когда Нигора тяжело посмотрела ему в глаза.

– Отпусти меня, – с трудом проговорила она.

– Ох, – разочарованно вздохнул Расим. – Не в мои объятия ты мечтаешь попасть... Не так ли? – он посмотрел в её чёрные глаза и так хотел вцепиться ей в губы.

Нигора не сможет сопротивляться, она была парализована импульсом. Тем не менее Расим воздержался.

– Ты мечтаешь, чтобы тобой владел Бузург, – Расим провёл рукой над её лицом и шеей, не касаясь гладкой кожи, – а я мечтаю владеть тобой, – нежно прошептал он. – Когда весь Рахшонзамин падёт предо мной на колени, ты будешь моей.

Расим щёлкнул пальцами у её затылка и Нигора потеряла сознание. Он осторожно положил её на пол и в этот момент

на него сзади напал Орзу...

Предатели Расима были полны решимости, когда ведьмы вошли в аудиенц-зал. Орзу собирался следовать оговорённому плану. Однако гвардейцы растерялись, когда две ведьмы вдруг превратились в пепел. Они засомневались, что Нигора в одиночку сможет справиться с падишахом, и убрали руки с мечей. Хотя Орзу со своим пылающим взглядом настаивал на обратном. Гвардейцы не решались снова схватиться за мечи, но после того, как один из импульсов попал в их соратника, у остальных пропало всякое желание вступить в бой и попасть под раздачу. Они убрали руки за спину и отошли на несколько шагов, чтобы и в них не попал отражённый импульс. Никто из гвардейцев не осмелился подойти к сражённому соратнику. Это сделал стоявший рядом Латиф, но тому уже было не помочь.

Орзу жестами, гневными взглядами и негромкими командами пытался призвать гвардейцев взяться за оружие, но они были непоколебимы. В их бесстрастных глазах отражался вывод, который они сделали для себя: им не победить.

Орзу тихо выругался и решил действовать самому. Он осторожно снял ножны и положил свой меч на пол. Тихо вытащив кинжал, он с украдкой пошёл к Расиму, отражавшему непрерывный импульс. Орзу выжидал, чтобы колдун сделал ещё пару шагов назад, и тогда он сможет ударить его в спину. Однако, Расим пошёл в наступление на ведьму, и Орзу пришлось тихо последовать за ним.

Выждав нужный момент, Орзу подкрался вплотную к Расиму и резким ударом вонзил кинжал ему под почку. Вместо крика и хруста костей Орзу услышал странное шипение и почувал запах палёного дерева. Опустив глаза на кинжал, его злорадная гримаса сменилась изумлением. Удар пришёлся на небольшой огненный щит, и весь клинок расплавился и огненными каплями упал на пол, опалив древесину.

Расим раздосадовано вздохнул и, встав с места, дёрнул рукой назад. От возникшего едва заметного импульса Орзу отлетел на несколько газдов.

– В спину, исподтишка бьют только трусы, – с раздражением и укором в голосе сказал Расим, оборачиваясь. – Чего вы ожидали от труса и вероломной малики, которая делила с ним ложе? – смерив гвардейцев обвиняющим взглядом, Расим с презрением указал на Орзу.

Визирь внутренних дел тщетно пытался встать. От удара импульсом и об пол у него сломались насколько рёбер и разбились локоть с коленом. Он харкнул кровью и снова упал.

– Я дам вам выбор, – заявил Расим. Сделав несколько шагов в сторону предателей, он испытующим взглядом снова смерил ошеломлённых гвардейцев и Латифа. – Вы можете остаться на стороне этой подлой крысы, которая предала в своё время падишаха Нодира, а теперь и меня, либо...

Расим смолк, выждал паузу и холодным взглядом пальцем указал вниз, чтобы они склонились перед ним.

Гвардейцы переглянулись в замешательстве. Все, кто спо-

двиг их на предательство, сами были и сражены. Хвалённая ведьма лежит на полу без сознания, Орзу плюётся кровью в тщетных попытках встать и поднять меч, ну или хотя бы доползти до него, а Латиф и вовсе превратился в тупое извояние, которое иногда моргает.

Гвардейцам до сих пор не верилось, что клинок просто растаял. Они никогда не видели ничего подобного. Этот падишах оказался намного могущественнее, чем уверяла Нигора.

Глупая ведьма.

Она не смогла справиться с колдуном, как обещала. И что теперь им делать?

Страх помог гвардейцам с выбором. Потупив взгляды, они подвели руку к сердцу и опустились на одно колено. Склонились даже Одил, чтобы не вызвать гнев падишаха, и Фозил, убежавший к служебной двери. Ахдия же покинула аудиенц-зала ещё до того, как была повержена Нигора.

Латиф же остался на двух ногах и верен себе, несмотря на дрожь в спине. Он был готов принять смерть.

Глядя на гвардейцев, Расим коротко улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Закуйте ведьму в серебряные кандалы и отведите в мою темницу, – велел падишах двух гвардейцам, что были справа от него. – Одил покажет вам дорогу.

Те кивнули и подошли к всё ещё лежавшей без сознания ведьме.

– Будьте нежны и учтивы с ней, она мне дорога, – мягко потребовал падишах.

Гвардейцы ещё раз кивнул, осторожно подняли Нигору и, следуя за Одилом, вынесли её из аудиенц-зала.

– Помогите ему подняться, – приказал Расим двум другим гвардейцам, не сводя глаз с Орзу, который всё пытался дотянуться до меча. – Этот меч тебе не поможет, – холодно заявил Расим. – Тебе больше никто не поможет, – иронично добавил он.

Двое гвардейцев схватили Орзу за подмышки и бесцеремонно поставили его на ноги.

– Сдаётся мне, вы давно спланировали всё это с Мехри, – падишах развёл руками, медленно подходя к Орзу. – Признаюсь, план был хорош, – Расим язвительно улыбнулся. – Убить падишаха Нодира с наследниками и посадить на его место вашего ублюдка.

– Не смей... – Орзу хотел возразить, но вместо этого откашлялся кровью.

Расим схватил Орзу за шиворот и с презрением посмотрел ему в глаза.

– Ты можешь кому угодно твердить, что отпрыск Мехри – это третий сын Нодира, но я-то прекрасно знаю, что это твой ублюдок, – негромко процедил Расим. – О-да, – протянул он в ответ на удивлённый взгляд Орзу. – Я знаю всё о вашей интрижке с Мехри. Женившись на ней, Нодир разлучил её с её любовью из Чехры. Тогда она нашла утешение в

тебе. Падишах Нодир любил её и из-за уважения к её дяде всё прощал. По вечерам, когда Мехри нежилась и грелась в твоих объятиях, Нодир напивался и изливал мне душу. Он говорил, что это временное влечение и что скоро она забудет свою любовь и осознает ошибку. Хм... Глупец. Знаешь, что мучило его больше, помимо того, что его лучший друг спал с его женой?

Расим выжидательно посмотрел в глаза Орзу и сам же ответил:

– Он не был уверен, что Носир и Мунир были его сыновьями, ведь чем больше они росли, тем меньше становились похожими на него. Признай, у Носира были твои губы и подбородок, а у Мунира были твои круглые глаза и короткие брови. Лишь слепой не заметил бы сходства между вами. Я не мог видеть, как падишах страдает, и избавил его от мук, – тихо сказал Расим, и плевать, что эти двое гвардейцев слышали его. – Вскоре я избавился и от его детей, – Расим злобно улыбнулся и, приблизившись к уху Орзу, добавил, а точнее поправил, – твоих детей. Скоро я доберусь и до твоего третьего убудка, – шепнул он в ухо Орзу и посмотрел в его потрясённые глаза.

Визирь предатель пытался вырваться, но Расим парализовал его коротким импульсом.

– Сначала, я избавлюсь от тебя, – с презрением процедил Расим.

Приставив кончики пальцев левой руки к виску Орзу, Ра-

сим призвал тонкие струи огня, которые словно мелкие искры молнии вошли в голову Орзу. Тот издал свой последний, короткий вздох. Голова Орзу обуглилась изнутри. Глаза на мгновение превратились в раскалённые камни и тут же остыли. Расим слегка толкнул предателя и тот упал спиной на пол. От удара голова Орзу разбилась на головешки.

Расим опустил глаза и хладнокровно смотрел, как из шеи вытекала кровь и тушила тлеющие осколки головы. Когда потух последний кусок, Расим исподлобья скопил взгляд на Латифа.

– Ты, – протянул он сквозь зубы, – остаёшься непоколебим? – Расим повернулся и сделал несколько шагов в сторону воеводы. – То же самое я могу сделать с тобой. Одного из них я поставлю на твоё место, – падишах головой указал на двух гвардейцев, которые в ужасе отошли от тела Орзу. – Увидев, что сейчас с тобой произойдёт, они уж точно приведут мой приказ в исполнение, – Расим с угрожающим видом надвигался на Латифа. – И тогда твои копейщики пойдут на Арруж. В этот раз они подчинятся мне. Вопрос только в том, сделают они это по своей воле... или по моей? – сдвинув брови, Расим выжидательно посмотрел в глаза Латифу.

Воевода был потрясён, разочарован и напуган. Даже после смерти Орзу он не хотел подчиняться Расиму, но его собственная смерть не облегчит жизнь его копейщикам. Колдун всё равно отправит их на войну.

Ни ведьма, ни клинок Орзу не смогли сразить колдуна.

Так как же его одолеть? Хитростью?

В надежде, что решение найдётся в Арруже, Латиф потушил взгляд, приставил правую руку к сердцу и опустил на правое колено.

– По своей воле, – сказал он, склонив голову.

* * *

«Младенцем, у Зилолы во сне иногда дрожали губы, словно её кто-то напугал, иногда она широко улыбалась, словно её кто-то рассмешил. Глядя на неё, я вспоминал, как Арогин рассказывала о младенцах, за которыми когда-то присматривала. Она называла это самым милым занятием во всём мире и грезилась о своём ребёнке... Хорошо, что ведьмы не способны зачать, как она призналась в кандалах».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары об Арогин.

– Азим... Азим, просыпайся... Азим вставай...

Юноша в который раз слышал, как мать зовёт его, но он не хотел вставать с постели. Он спал в своей старой кровати у стены, обнимая шёлковую подушку своей жены. Кошмары больше не мучили Азима. Однако он не мог уснуть по ночам, беспокоясь о состоянии Зилолы.

– Азим! К тебе пришли, – сообщила мать из-за двери.

– Рауф... Скажи, я скоро встану, – спросонья пробормотал Азим. – Рауф?

Азим нехотя повернулся на другой бок и краем глаза посмотрел на соседнюю кровать – младшего брата не было в комнате. Азим вздохнул и свесил руку с кровати.

– Азим! Тебя ждут, – мать постучалась в дверь.

– Ладно... Встаю, – проворчал Азим.

Словно неуклюжий медведь, Азим встал с кровати, заправил постель, переделался в коричневую рубашку и серые шаровары и вышел из комнаты.

– Сколько можно спать? – Зарина стояла у двери и порицательно качала головой. Её голос был негромким, чтобы гости внизу не слышали, но тон был упрекающим. – Скоро уже полдень, а ты всё спишь, – на самом деле до полудня было ещё три сойи. – Иди, – Зарина легонько толкнула сына за плечо, – тебя уже заждались.

– Кто? – потянувшись, спросил Азим.

– Двое гонцов из дворца. Султан послал их за тобой, – ответила Зарина, следуя за старшим сыном в низ.

– А где Рауф? – зевнув и протерев лицо, спросил юноша.

– Он ранним утром пошёл на сборы. Кажется, у них скоро соревнования по борьбе.

– Да, – подтвердил Азим. – Он рассказывал об этом ночью, – вспомнил юноша.

Они спустились в прихожую, где Сорбон со своим спутником встали, склонили головы и прижали руку к сердцу.

– Да хранит вас Всевышний, господин! – в один голос поприветствовали они.

– Пусть он оберегает и вас, – Азим учтиво кивнул.

Осознав это, Азим удивился самому себе, так как сделал это машинально. Видимо, он уже начал привыкать к тому, что придворные называют его господином и склоняют перед ним голову.

– Его светлость султан отправил нас за вами, молодой господин, – сообщил Сорбон, шагнув вперёд. – Его светлость просит, чтобы вы скорее явились во дворец.

– И давно вы здесь? – поинтересовался Азим, отведя взгляд на мать.

Гонцы промолчали, чтобы их ответ не прозвучал как укор в сторону хеш-султана.

– Они просидели здесь полтора часа, пока я будила тебя, – вместо них ответила Зарина и мимо сына прошла на кухню. – Иди, умойся и приходи... завтракать.

– Что-то срочное? – Азим обратился к Сорбону.

Юноша полагал, что нет, раз уж они столько прождали.

– Его светлость созвал срочный совет визирей и военачальников, – ответил Сорбон. – Ваше присутствие обязательно, молодой господин.

– Простите, что заставил вас ждать, – Азим прошёл к входной двери. – Я быстро умоюсь, переоденусь и мы пойдём во дворец.

– Не поев, никуда не пойдёшь! – предупредила Зарина из кухни.

Азим вышел из дому и вскоре вернулся с бодрым лицом.

Он ещё раз поприветствовал придворных слуг и по требовательному взгляду матери направился на кухню.

– Прошу, разделите со мной утреннюю трапезу, – Азим пригласил гостей на кухню.

– Благодарим, молодой господин. Мы подождём вас тут, – Сорбон и второй слуга прижали руку к сердцу.

– Я настаиваю!

Дойдя до двери в столовую, Азим замер, осознав, что его тон только что прозвучал повелительно. Он снова удивился самому себе и мягко добавил:

– Так будет быстрее.

Хотя, подчинившись, придворные слуги уже следовали за ним.

Зарина накрыла скатерть, принесла горячего молока, орехи, изюм, сладкое печёное, нарезанные фрукты и фатирмаску с горячим растительным сливочным маслом.

Азим поел вместе с придворными, не задавая им больше вопросов. Поблагодарив мать за еду, юноша направился в свою спальню переодеваться. Он остановился у двери и не решался войти. Помедлив, юноша приоткрыл дверь и ему в глаза сразу бросилась пустая кровать. Азим с грустью вздохнул и вошёл внутрь.

Эта комната была не такой просторной, как покои Зилолы во дворце. Всего шесть на пять газгов. В этой комнате слева от двери был альков для стопки курпачей и подушек, на стенах были резные ниши для шкатулок, аромаламп, украшений и

другой утвари.

Азим давно не заходил в эту спальню. Каждый раз, подходя к двери, он вспоминал, что Зилолы там нет. Он разочарованно уходил. Юноша невыносимо скучал по своей жене, но сейчас было не время тосковать. Возможно, султан нашёл решение и хочет обсудить его на совете, либо он хочет узнать результаты поручений, данных визирям и военачальникам?

Да что гадать? Нужно скорее отправляться во дворец.

Азим подошёл к внутриворонному трёхдверному шкафу с зеркалом посередине. Придворный плотник и мастер над резьбой украсили этот шкаф золотыми рамками и геометрическими орнаментами. Азим надел белые льняные штаны, белую короткую рубашку. Поверх неё он надел белый шёлковый кафтан с серыми косыми широкими и тонкими линиями. На пояс юноша намотал широкой шёлковой золотистой платок, а поверх кафтана надел белый камзол без рукавов с золотистой вышивкой лозы. На голову он повязал короткую чалму из лёгкой, белой и бордовой ткани.

Перед тем как выйти, он оглянулся на постель и негромко проговорил:

– Прошу тебя, Всевышний, сохрани жизнь моей жене и дай терпения Рудобе... Я сдержу своё слово.

В прихожей Азим надел на ноги летние тканевые белые сапоги с золотистой и бирюзовой вышивкой. Попрощавшись с матерью, вместе с придворными слугами они верхом отправились во дворец...

Как подобает, Азим сменил сапоги на серебристые сандалии в гардеробной и прошёл в малый тронный зал. Там собралось ровно столько людей, сколько их было, когда юноша вернулся с пещеры во второй раз. В отличие от того раза, они сидели на курпачах, но разом встали и повернулись к Азиму. Приставив руку к сердцу, они учтиво склонили голову в приветствие хеш-султана. Азим ответил тем же и подошёл к трону султана.

– Простите за опоздание, мой светлый господин, – юноша низко склонил голову и подвёл руку к сердцу.

– Ты пришёл под самый конец, – хмуро сказал Бузург. Он был одет в белые одеяния с золотистыми узорами. Пышная бело-золотистая чалма была украшена мелкими кусками Чёрного рубина, инкрустированных в серебряные булавки. – Держи, – он протянул зятю свёрток.

Юноша взял желтоватый свёрток, отошёл в сторону от трона и, пока он его читал, султан обратился к визирям и другим собравшимся людям.

– Всё, что вы не успели сделать, вы закончите в пути. Сейчас, идите домой. Проведите остаток дня со своей семьёй. Завтра с рассветом мы выступаем на защиту Арружа.

Все снова встали с места, разом поклонились султану и, не спеша, начали покидать малый зал.

Тем временем, Азим с удивлением дочитал послание из Расулабада, в которой было сказано следующее:

«Пусть солнце озарит Ваше правление! Пусть Всеvyšи-

ний ниспошлёт Вам долгу ю жизнь! Я с сожалением вынужден сообщить Вам, что Расим продолжает очернять Ваше светлое имя перед народом Зебистана. Его цель – вызвать ненависть к Вам и Ахоруну. Он хочет породить вражду между двумя государствами.

Своим обманом он приказал воеводе копейщиков Расулабада напасть на Арруж, однако тот послушался падишаха. Латиф ибн Маъруф связался с визирем внутренних дел Зебистана и ведьмой Нигорой.

Вместе они замыслили свергнуть падишаха, но их заговор потерпел неудачу. В итоге были убиты Орзу, две ведьмы подопечных Нигоры и гвардеец. Расим бросил Нигору в темницу, и под угрозой смерти заставил Латифа собрать войско.

Латиф и его копейщики не хотят войны, но у них нет выбора. К тому времени, когда вы прочтёте это письмо, пятьсот копейщиков выступят на Арруж.

Кроме того, падишах созвал срочный совет других военачальников, где он прикажет им собрать многотысячную армию, которую он отправит для поддержки Латифа.

Все эти годы я служил Расиму верой и правдой, но истинная цель колдуна пугает меня до дрожи. Его нужно скорее остановить, иначе весь Рахионзамин сгинет от рук дэва.

Искренне уповаю на Вашу мудрость,
Одил».

Азим свернул письмо и потрясённо посмотрел на султана.

– Расим объявил нам войну, – негромко сказал Бузург.

Азим пришёл в полное замешательство. Если они проиграют, Зилоле конец.

– Копейщики уже на пути к Арружу, и совсем скоро к ним присоединятся тысячи других воинов, – встревоженно проговорил Азим.

– Не успеют! – уверенно заявил султан. – Мы разобьём копейщиков раньше, чем к ним подоспеет помощь.

– Как? – прошептал Азим.

Султан улыбнулся в ответ и спустился с трона.

– Узнав, что Расим объявил себя падишахом, я приказал мэру Арружа готовить своих воинов. Он встретит Латифа с пятьюстами лучников. Мы отправимся им на помощь с тысячью воинов.

– Успеем ли? – сомневался юноша.

– Мы должны, – с чувством долга ответил султан. – Ангуран в двое ближе к Арружу, чем Расулабад. Если копейщики отправятся верхом и галопом, они будут там через три или четыре дня. Столько же может занять пеший путь из Ангурана, если мы поспешим и будем устраивать меньше привалов. В любом случае Фотех сможет сдержать копейщиков на поступях к городу. Вопрос в том, к кому раньше подоспеет помощь?

– Без лошадей наши воины изрядно устанут в пути, – отметил Азим.

– Я выделил двести лошадей из своего табуна, визирь добавят ещё триста, но их большая часть будут нести поклажу.

– Воины могут по очереди ехать на оставшихся лошадях, – предложил Азим.

– Разумная мысль, – подметил султан. – Однако я надеюсь, что у копейщиков нет лошадей и они прибудут в Арруж не раньше, чем через неделю.

– Вероятно, Расим прикажет им ждать подмоги, – предложил Азим.

– Поэтому я приказал собрать ещё большую армию. Завтра мы выступим с тысячей солдат, а через неделю твой отец отправит нам на подмогу пять тысяч, – заверил султан. – А теперь идём, нам нужно готовиться.

Бузург направился к выходу из зала, Азим последовал за ним. Они вошли в гардеробную, где Азим снова надел свои летние сапоги. Оттуда они вышли в большой вестибюль, и султан направился к парадным воротам.

– Зачем вам понадобился Чёрный рубин? – поинтересовался Азим, ещё раз посмотрев на кольцо на левом указательном пальце султана. Юноша хотел отбросить мысли, что его тесть всё-таки может быть колдуном.

Остановившись на пол пути, Бузург немного поразмышлял над вопросом и, наконец, ответил, повернувшись к зятю.

– После изгнания ведьм я опасался их мести. Я начал изучать все способы защиты от их нападения и узнал о Чёрном рубине. В теории он может служить щитом от ведьмовских

чар и колдовства.

– А на практике? – юноша подошёл к тестю.

– На практике... неизвестно, – задумавшись, ответил Бузург. – Ведь доселе его никто не находил, – султан полюбился своим кольцом. – О Чёрном рубине я узнал от Хранителей знаний, но даже им не было известно об его местонахождении.

– А как же Сохиб? – после слов Рудобы Азим думал, что этот путешественник тысячу лет назад нашёл её пещеру.

– Да-а, Дерево Сохиба, – протянул султан. – В тайне от Хранителей знаний я начал искать другие упоминания о Чёрном рубине и узнал о некой карте, вырезанной на макушке того самого дерева.

– Вы действительно залезли на него? – с восхищением спросил Азим.

– Это было в третий год правления в качестве султана. Под предлогом визита в Мирас я отправился к Дереву Сохиба. До этого я ни разу не видел его. Ох, как же я был впечатлён его размером. Пышная зелёная крона отбрасывала широкую тень, под которой я чувствовал себя муравьём. Все, кому не лень, тщетно пытались залезть на дерево, и я подумал, что легенда про карту может быть правдой. Я твёрдо решил залезть, но не представлял, как я это сделаю. Я был в отчаянии. Зелёная хворь унесла с собой мою жену. Всё ещё убитый горем, я, сломя голову, полез на Дерево Сохиба. В глубине души я желал сорваться вниз и разбиться насмерть. Мне было

нечего терять...

– А как же Зилола?

Бузург виновато опустил глаза. Помедлив, он подошёл к парадному входу. Стражники открыли высокие двери, и во дворец влился свет. Султан вышел и остановился в нескольких шагах от лестницы, украшенных золотом.

– Я не обращал внимания на свою дочь, – вновь заговорил султан, когда стражники отделились на почтительное расстояние. – Редко говорил с ней и, в основном, отвечал, а не спрашивал. Дольше пяти минут она стояла рядом со мной только во время собраний и разных мероприятий. Мне так жаль, что я упустил её детство... – султан отвернулся от Азима и томно посмотрел в сторону. – Зилолу воспитывали няни, а я был занят своей жадностью, – продолжил султан, упрекая себя. – Да так, что забыл про карту, на правом ответвлении. Мне так жаль, что я не был её хорошим отцом. Но её здесь нет, чтобы об этом сказать.

Азим подошёл и утешительно положил руку на плечо тестю.

– Мы вернём её, обещаю.

Султан покачал головой и повернулся к юноше.

– Я никогда не доверял Расиму, но из-за своей алчности я не заметил его коварства. Выходит, он вынашивал этот план годами. Он хотел получить мой трон, женившись на Зилоле, а затем предъявить право родства и получить трон Зебистана. Видимо, поэтому он отравил Нодира и медленно распра-

вился с его сыновьями.

– Сколько же лет он вынашивал этот план? – изумился Азим.

– Ты не представляешь, насколько Расим хитёр, – сказал султан. – Моя алчность и тяга к богатству не сравнятся с его коварностью и жадной властью.

– Я помню его желчный взгляд, когда вы мне поручили найти Чёрный рубин.

– Словами ему не удалось убедить меня, выдать за него дочь. Теперь он хочет получить желаемое кровью, – султан сердито сжал кулаки. – Гнусный шакал!

Вспомнив письмо Одила, Азим задумался и спросил:

– Если Расим смог одолеть ведьм, как вы собираетесь справиться с ним?

– Я созвал отряд изгнателей, – ответил султан. – Они присоединятся к нам в Расулабаде.

– В Расулабаде? – переспросил Азим.

– Члены отряда разъехались по городам всего Рахшонзамина. Получив моё письмо, они соберутся в обусловленном месте и направятся в столицу Зебистана, – пояснил Бузург. Однако этого ответа было недостаточно Азиму, и султан добавил, – Разбив отряд копейщиков, я намерен пойти на Расулабад. Нужно покончить с клеветой Расима и скинуть с трона этого ехидного узурпатора.

– Кто тогда займёт трон? – спросил Азим с опасением, что султан скажет «Я».

– Пусть народ Зебистана сам выберет нового падишаха, – не раздумывая, ответил султан. – Моя цель – вернуть дочь.

Азим согласно кивнул с чувством облегчения. Он убедился, что его тесть не жаждет власти.

Оба молчали, думая об одном. Султан спустился на несколько ступеней вниз и посмотрел на запад. Солнце уже склонялось к горизонту. Близился вечер. В садах-лабиринтах собирали ранний урожай винограда и срывали увядшие бутоны роз. В детстве Зилола любила прогуливаться и играть в этих лабиринтах и помогать слугам. Она часто звала его поиграть с ней, но, став постарше, перестала из-за его постоянных «в другой раз». Зная, что время не вернуть, Бузург с сожалением отвёл взгляд. Он посмотрел на зятя, который задумчиво смотрел вдаль. Они оба понимали, что могут не вернуться и не увидят больше ту, которую любят.

– Я вижу по твоим глазам, как сильно ты скучаешь по ней и... – султан повернулся и тоже посмотрел вдаль, – возможно, больше, чем я.

– Я отдам жизнь ради неё, – заявил Азим, посмотрев на тестя.

Султан озадаченно посмотрел на зятя и поднялся на одну ступень.

– Люди не враждовали между собой больше трёх тысяч лет после Великого конфликта. Казалось, между нами вновь воцарилась идиллия. Однако... ничто не вечно в этом мире, – слабо покачав головой, договорил султан и вновь по-

смотрел на запад. – Когда сядет солнце, миру настанет конец, – султан вернулся к зятю и положил руку ему на плечо. – Иди домой, Азим, – негромко попросил Бузург. – Проведи этот вечер со своей семьёй. Попрощайся с ними. Завтра мы идём на войну.

– А как же вы, мой господин? – спросил Азим.

– Обо мне не волнуйся, сынок, – улыбнулся в ответ султан. – Ко мне должен прийти ювелир, мой старый друг. Он должен принести мне кое-что. Мы с ним вспомним былые времена, когда детьми босиком бегали по этим лабиринтам, – Бузург с ностальгией посмотрел на живую изгородь, составляющую стены этих лабиринтов.

– Приятного вам вечера, отец, – Азим учтиво склонил голову, приставив руку к сердцу.

Повернувшись налево, юноша пошёл в сторону лабиринта. Султан же с недоумением смотрел ему вслед и спросил:

– Ты куда?

– Я не султанзаде, – ответил Азим, оглянувшись.

– Однако ты муж султанзаде! – с улыбкой заявил султан и поманил юношу к себе. – пойдём, – сказал он, когда зять подошёл к нему. – Слуги уже должны были привести твоего жеребца. Позволь мне проводить тебя.

– Спасибо, мой господин. Я буду очень рад.

Они спустились с лестницы на мраморную площадь и пошли вперёд. Глядя на фонтан, Азим вспоминал свадьбу, а Бузург, глядя на бежевый мрамор с золотыми прожилками,

вспоминал своего отца.

– Когда-то эта площадь была вымощена золотыми плитами, но мой отец заменил их на мрамор, сказав, что золото в полдень бьёт в глаза, – поведал султан. – Мой отец очень любил прогуливаться по этой площади именно в полдень. Он хотел заменить и золотые ступени... но был постигнут Зелёной хворью, – с грустью договорил султан. – Сейчас это золото переплавлено в монеты с его профилем. Все они хранятся в казне, под дворцом и никто их не использует, – вздохнул султан.

– Я не знал об этом. Почему на нынешних золотых монетах нет вашего лица? – спросил Азим.

– На монетах никогда не высекали лица султанов, – ответил Бузург. – Мой отец хотел внести новшество, но перед смертью он отказался от своего решения.

– Мне жаль вашего отца, мой господин.

– Страшно посчитать сколько жизней унесла Зелёная хворь, – подумав, проговорил султан.

– В этом действительно виноваты ведьмы?

– Виновные не признаются в содеянном, – многозначительно ответил Бузург.

– Я слышал вы...

Бузург знал, что хотел сказать Азим, и перебил его:

– Мне пришлось. Я был зол, а когда ведьмы нагло приходили ко мне и предлагали помощь, я приходил в ярость.

– Зачем им помогать, если они сами и наслали на нас эту

чуму? – недоумевал Азим.

Тем временем, они дошли до конца площади, где их ожидал слуга-конюх. Молодой человек в серых одеяниях с узорами виноградной лозы и зелёным распашным камзолом тоже с узорами лозы держал Катрона под узду. Он склонил голову, когда к нему подошли султан с зятем.

– Ваш жеребец накормлен и напоен, молодой господин, – доложил конюх.

– Спасибо, – сказал Азим и взял поводья с рук конюха, тот учтиво поклонился господам и удалился.

– Не забивай себе голову тем, на что нет ответа, – посоветовал султан. – Не на все вопросы есть ответы, – Бузург посмотрел Азиму в глаза. – Сейчас, чтобы спасти Зилолу, у тебя должна быть ясная голова. Езжай домой, Азим, и не проспи войну.

Азим коротко усмехнулся, попрощался с султаном и поехал домой. Его, правда, глодал ещё один вопрос – если Расим собирается развязать войну, причём тут дэв, которого упомянул в своём письме Одил? Юноша хотел уточнить, но после многих неудачных попыток он извлёк для себя урок и не стал спрашивать про дэва. Он согласился с султаном – сейчас он должен сосредоточиться на победе над колдуном, чтобы спасти его любимую Зилолу...

Жеребец медленно шёл вверх по улице. Его наездник молчал всю дорогу. Оба, склонив головы, неторопливо возвращались домой. Азим был подавлен мыслями и бесцельно

смотрел на скрывающееся за горизонтом солнце. Оно обрело жёлтый оттенок и окрасило западный горизонт жёлтыми и оранжевыми тонами. Этот день близится к концу, а грядущий волновал юношу. Катрон чувствовал это и вёл себя тихо, чтобы не беспокоить хозяина.

Ни соседей, ни пения птиц, ни шелеста листьев, лишь тишина сопутствовала им почти всю дорогу до их одинокого дома на северной окраине города. Доехав до дома, Азим спешился, открыл одну часть ворот и завёл жеребца во двор. Юноша привязал Катрона в стойле и погладил его за шею.

– Отдохни, мой друг, – обратился он к жеребцу. – Завтра мы едем на войну.

Катрон тихо фыркнул в ответ. Азим ещё раз погладил его по подбородку и пошёл закрывать ворота.

– Азим! – позвал его Рауф.

Выходя из ванны, он заметил брата и подбежал к нему. Азим остановился и крепко обнял его, скрыв свою подавленность под улыбкой.

– Прости меня, – негромко сказал Азим. – Я обещал покатать тебя на Катроне, но...

– Не волнуйся брат, – бодро сказал Рауф. – Я знаю, тебя вызывали во дворец.

Азим опустил брата и согласно кивнул.

– Мы можем покататься завтра, если ты не идёшь во дворец, – предложил Рауф.

У Азима сжалась грудь. Его брат ещё не знает. Чувствуя

колючий ком в горле, Азим широко улыбнулся и покивал в ответ.

– *«Как же сказать ему, что завтра всё измениться?»* – озадачился юноша.

– Отец с матерью ждут тебя дома, – сообщил Рауф. – Матушка приготовила манту и напекла сладостей. Мы что-то празднуем? – с интересом спросил мальчишка.

– *«Последний день мира»*, – не решился сказать Азим и посмотрел в сторону.

– Закрой, пожалуйста, ворота, – попросил он Рауфа. – Я умоюсь, и мы зайдём домой.

– Хорошо.

Рауф улыбнулся и побежал к воротам. Азим же пошёл в ванну. Умывшись, они с Рауфом, поджидавшим брата в веранде, вошли в дом. Им навстречу вышла Зарина из кухни, а затем Аъзам из своего рабочего кабинета, что напротив большой гостиной. Аъзам держался стойко, хотя его глаза выдавали то же самое беспокойство, что было у Азима. А вот по глазам Зарины было ясно, что она горько плакала тайком. Она уже знает, понял Азим и обнял мать. Зарина сдержала слёзы, чтобы не напугать Рауфа. Опустив мать, Азим молча обнял и отца. Приветственные слова в этот момент были не нужны.

– Помогите мне накрыть на стол, ребята, – сглотнув, сказала Зарина.

– С удовольствием, матушка, – улыбнулся Азим.

– Несите всё на террасу, – попросила Зарина, возвращаясь на кухню.

Вечером, когда проснулись первые звёзды, вся семья сидела вокруг низкого стола и молча ела. Зарина же почти не дотронулась до еды. Она смотрела на мужа и детей, скрывая грусть и тревогу под лёгкой улыбкой. Азим также смотрел на родителей, но чаще он смотрел на Рауфа, который ни о чём не подозревал. Азим вопросительно посмотрел на мать. Та, поняв намёк старшего сына, отрицательно покачала головой.

Нужно сказать Рауфу и, сделать это нужно как можно мягче. Смиренно вздохнув, Азим обратился к брату?

– Как идут подготовки к соревнованию, Рауф?

– Хорошо, – дожевывая кусок фруктового пирога, ответил мальчишка. – В день осеннего равноденствия пройдут соревнования по борьбе имени султана Махмуда. Со всего Ахорун приедут. Тренер говорит, у меня большие шансы на победу среди ровесников.

– Разумеется, – поддержал Азим. – У тебя такая крепкая хватка. Ты и меня легко одолеешь, – усмехнулся он.

– Азим, – Рауф с интересом и вопросительным взглядом посмотрел на брата, – раз ты теперь муж султанзаде, мы тоже хеш-султаны?

– Почему ты спрашиваешь? – удивился Азим.

– Меня начали звать «господином» в команде, – пояснил Рауф.

– Возможно, так и есть, – пожал плечами Азим. – Я не

знаю ещё всех правил дворца.

– Да, мы теперь все хеш-султаны, – обведя рукой свою семью, сказал Аъзам.

Рауф довольно улыбнулся и взял ещё кусок пирога.

Возникло неловкое молчание. Аъзам и Зарина не решились сказать Рауфу, а Азим подбирал слова.

– Рауф, – наконец заговорил юноша. – Прости, но мы не сможем завтра покататься на Катроне.

– Почему? – расстроился Рауф.

– Я еду в Арруж, – ответил Азим.

– Зачем?

– На...

– На соревнования, – Зарина перебила старшего сына.

– Да, на соревнования, – подтвердил Азим, посмотрев на мать.

– Что за соревнования? – поинтересовался Рауф.

– Своего рода борьба, сынок, – обманул Аъзам. – Из Ра-сулабада придут копейщики. Мы будем состязаться в силе и проворности.

Рауф с недоумением посмотрел на отца, а затем на мать, которая с трудом сдерживала слёзы.

– Почему вы опечалены, матушка? – осведомился Рауф.

– Я... Я... – Зарина попыталась улыбнуться, но вместо этого поднесла руку к лицу и тихо зарыдала.

– Новый падишах Зебистана объявил нам войну, – признался Азим. – Я еду защищать Арруж, – добавил он, по-

смотрев в потрясённые глаза брата.

– Во... вой... Вы тоже едете? – Рауф со страхом в глазах посмотрел на отца.

– Нет, – покачал головой Аъзам. – Мне поручено снабжение армии.

Слова отца были облегчением для Рауфа, но не достаточным. Осознав, что значит война, он встревоженно посмотрел на брата и к его глазам подступили слёзы.

– Вы будете сражаться насмерть?

Азим отвёл взгляд, сжал губы и молча кивнул в ответ.

Рауф пришёл в полное замешательство. У него надулись щёчки и начала подрагивать нижняя губа. Он смотрел то на брата, то на отца, то на мать и ему хотелось плакать. Остановив взгляд на брате, ему хотелось что-то сказать, но слова не связывались.

– Не расстраивайся, брат. Всё будет хорошо, – Азим прижал к себе Рауфа.

– Обещаешь? – дрожащим голосом спросил Рауф.

– Знаешь... у меня не выходит сдерживать обещания, – подумав, ответил Азим. – У нас будет численное преимущество, если мы прибудем в Арруж раньше. Тогда мы точно победим, – искренне надеясь на это, сказал юноша, чтобы приободрить брата и мать, на которую он смотрел.

– Давайте не будем говорить о грядущем дне. Давайте поговорим о хорошем, – вытерев слезу, предложила Зарина.

– А помнишь, что сказал Азим, когда впервые увидел Ра-

уфа? – улыбнувшись, спросил Аъзам.

– Почему этот пирог живой? – рассмеявшись, ответила Зарина, и они все расхохотались.

– Я и в правду так сказал? – сквозь смех спросил Азим.

– Да-а, – протянул Аъзам. – Когда твоя мать была беременна Рауфом, ты спрашивал почему у неё растёт живот. Мы говорили тебе, что у неё пирог готовится в печи. Ты с интересом ждал, когда же испечётся пирог.

– Никогда не забуду твои удивлённые глаза в тот момент, – сказала Зарина, глядя на сына со смешанными чувствами.

Они ещё несколько часов провели вместе за столом, вспоминая смешные моменты из своей жизни. Затем они вместе убрали со стола и отправились спать. Пожелав брату спокойной ночи, Азим заснул почти сразу. Рауф же ещё долго думал и принял для себя смелое решение. В нетерпении исполнить его Рауф наконец-то уснул.

Ранним утром, когда солнце ещё не встало, Азим проснулся, встал с постели и подошёл к кровати брата. Рауф крепко спал. Азим осторожно поцеловал брата в лоб на прощание. Он переоделся и вышел из комнаты, забрал заранее подготовленные вещи и меч из своей спальни и вышел из дому.

На улице было прохладно и уже светало. Азим заметил, что ворота открыты, а рядом стоят семеро всадников. Шестеро из них, в зелёных расшитых халатах, были гвардейцами султана, седьмой был в белом кафтане с чёрным широким поясом и чёрно-белой чалмой на голове. Он и Мансур

спешили и подошли к Азиму. Мансур вышел вперёд, приставил руку к сердцу и склонил голову перед Азимом.

– Пусть Всевышний хранит вас в грядущей битве и дарует вам победу над врагом, мой господин. Его светлость султан ожидает вас у западного въезда в город. Как только покажется диск солнца, мы выступим на защиту Арружа.

Доложив, Мансур ещё раз склонил голову и вернулся к соратникам. Настал черёд человека в белом. Он подошёл к Азиму и приставил руку к сердцу.

– Господин, – протянул он с улыбкой, криво склонив голову.

– Давно не виделись, Комил, – Азим протянул руку, положив мешок на землю.

– С тех пор как ты отказался брать меня с собой, – шутливо упрекнул Комил. – Давай помогу, – предложил он, когда Азим снова потянулся за мешком.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Азим, направляясь к стойлам.

– Дорогу показываю этим ребятам, – Комил озорно кивнул на всадников.

Азим с серьёзным видом оглянулся на Комила, ибо ему было не до шуток и кривляний.

– Меня тоже послали за тобой, – признался Комил.

– Кто? – осведомился Азим у стойла Катрона.

– Твой жеребец просто прекрасен, – увильнул от ответа Комил и протянул руку, чтобы погладить Катрона.

Жеребец благодарно фыркнул в ответ на восхищение незнакомца.

– Он сказал «спасибо», – перевёл Азим.

– Ты понимаешь его язык?! – изумился Комил.

– Нет, – расстроил его Азим и, развязав узду жеребца, выжидательно посмотрел на Комила.

Недолго смотрев на Азима взглядом, избегающим ответа, Комил всё же заговорил:

– Когда мы ехали в Мирас, твой отец попросил тебя приглядеть за мной. Теперь он попросил меня приглядеть за тобой.

– А твоя жена? – спросил Азим, положив седло на спину жеребца.

– Моя жена дома в полном здравии и вот с таким животом, – показав на себе, пошутил Комил.

– Поздравляю, – с толикой печали сказал Азим.

– Повитуха говорит, зимой у нас родится мальчик, – с радостной улыбкой сообщил Комил, передавая Азиму его мешок.

Азим повесил мешок на седло, с другой стороны повесил меч и, взяв поводья, вывел Катрона из стойла.

– Тебе нужно остаться с женой, а не ехать на...

– На войну? – уточнил Комил и Азим молча кивнул в ответ. – Как я и сказал, – продолжил Комил, – моя жена дома, попивает чай с пирогами и ждёт ребёнка. Твоя жена... – Комил не договорил, чтобы не задеть чувства Азима. – Побе-

див в этой войне, мы спасём её, ведь так?

– Я надеюсь, – неуверенно вздохнул Азим.

– А во-вторых! Знаешь, я просто мечтал умереть рядом с тобой, – Комил пошутил, чтобы приободрить друга.

Азим улыбнулся, удивляясь тому, как Комил остаётся бодрым и весёлым, зная, что они могут не вернуться.

Азим вывел жеребца на улицу, где гвардейцы почтительно поприветствовали Азима и выстроили своих лошадей позади Катрона. Комил сел на свою лошадь, а Азим решил вернуться в дом, попрощаться с матерью и отцом.

Закрывая ворота, Азим заметил, что Рауф спешит к нему с сумкой на плече, а за ним бежит мать в слезах.

– Что ты удумал, Рауф? – спросил в недоумении Азим.

– Я еду с тобой! – заявил Рауф.

– Что?

– Хоть ты и старше, я сильнее, – уверенно сказал Рауф. – Ты никогда не дрался, а я... – Рауф развёл руками. – Я защищу тебя, брат. Прикрою, – в голосе ребёнка слышалось отчаяние.

– Мы едем на войну, Рауф, – насупился Азим. – Там не место детям. Там везде будет кровь и смерть будет нависать над каждым...

– Я не боюсь смерти! – смело заявил Рауф.

Азим тихо вздохнул и сел на колени перед братом.

– Зато я боюсь, – признался он сквозь образовавшийся ком в горле. – Я боюсь, больше никогда не увидеть тебя, – он

погладил брата по щеке, – нашу матушку, – Азим посмотрел на прослезившуюся мать и снова на брата. – Боюсь, не увидеть нашего отца и свою жену, – сама эта мысль была невыносима. – Останься, – прошептал он брату. – Останься здесь. Я знаю, ты сильнее меня. Защити наш дом. Защити нашу мать.

У обоих братьев глаза наполнились слезами. Оба понимали, что, возможно, это последний раз, когда они видят друг друга. Рауфу хотелось плакать, но он сдерживал свои слёзы, как настоящий мужчина. Он поджал дрожащие губы и согласно кивнул. Азим тоже кивнул и прикоснулся лбом ко лбу Рауфа.

– Прощай, – прошептал он брату. Азим встал, обнял мать и тихо сказал ей, – Не бойся, я...

– Береги себя, хорошо? – попросила Зарина, сильно обняв старшего сына.

Зарина не хотела отпускать Азима, но он медленно разжал свои объятия и тихо сказал матери, вытерев ей слёзы:

– Мне пора.

Зарина покивала и с огромной неохотой отпустила сына.

Азим пожал руку отцу, который подошёл к нему вслед за женой, и обнял на прощание.

– Пришлите нам подмогу поскорее, – попросил Азим у отца с обеспокоенным голосом.

– Обязательно, сынок, – сказал Аъзам и сопровождал сына до его жеребца.

Зарина и Рауф вышли вслед за ними. Она прижала к себе младшего сына и горько улыбнулась старшему на прощание.

Азим сел на Катрона и обернулся в сторону родных. Он мог бы сказать им тёплые слова на прощание или пожелать скорой встречи, но это было бы обещанием, а выполнять обещания, как оказалось, Азим не горазд. Он коротко помахал и кивнул им вместо слов. Посмотрев вперёд, Азим слегка прищипорил жеребца, и всадники поехали на войну.

– Представляешь, – вскоре нарушил молчание Комил, ехавший рядом с Азимом. – В нашем войске есть саруны! Самые настоящие свирепые белые львы, – он был в полном восторге.

Этот факт веял надежду Комилу и от его слов на хмуром лице Азима прорезалась улыбка.

* * *

«Былое не вернуть. Главное – не совершать те же ошибки. Но, к сожалению, мы не извлекаем уроки или попросту о них забываем».

Ардвисура

Из семи блоков, составлявших дворец, центральный являлся кухней с открытым огородом посередине. В том же блоке к кухне примыкают три столовых: одна для придворных слуг, вторая для визирей и чиновников, третья для па-

дишаха и шахзаде. В этой третьей столовой было семь топчанов, расположенных преимущественно у высоких арочных окон с золотистыми тюлями. Падишах сидел на топчане у дальней стены и ел тыкву, запечённую мёдом. Вместо придворных кухарок Ахдия сама накрыла ему на скатерть. Вид у неё был расстроенным и даже огорченным. Каждый раз принося что-то из кухни и кладя это на скатерть, Ахдия хотела обратиться к падишаху, но, глядя на него, не решалась. Она либо отходила в сторону и опускала взгляд, либо возвращалась на кухню. Наблюдая за ней, Расим пришёл в недоумение.

– Вас что-нибудь тревожит? – осведомился падишах, когда Ахдия пришла забрать пустую посуду.

– Нет, – промолчав, покачала головой Ахдия.

– Нет? – усомнился Расим, смерив её пристальным взглядом.

– Я... – Ахдия нерешительно посмотрела на падишаха и снова опустила взгляд к долу. – Я хочу уйти, – тихо проговорила она.

– У тебя дела в городе? – уточнил падишах, с любопытством склонив голову набок.

– Я хочу оставить службу во дворце, – чуть громче пояснила Ахдия.

– В каком смысле? – выпрямившись, спросил Расим.

– Я столько лет работала на вас, заботилась и поддерживала во всём... Но в этом я не смогу вас поддержать.

После смерти гвардейца, ставшего на сторону Орзу, и слов Одила, которые потрясли Ахдию, её вера в Расима всё же пошатнулась. Намерения Расима ужаснули её. Она не может участвовать в том, что будет сеять зло.

– В чем? – уточнил Расим.

– Позавчера в аудиенц-зале я впервые увидела на что вы способны и чего хотите, – Ахдия отступила на шаг. – Позднее Одил раскрыл мне вашу истинную цель.

– Где сейчас Одил? – слегка насупился Расим. Он не видел своего нового главного писаря с тех пор, как он с гвардейцами отнесли Нигору в темницу. Он начал подозревать, что и он убежал, а теперь последствия его предательства тянули и Ахдию за собой.

– Не знаю, – повела рукой Ахдия. – Годами я считала вас добрейшей душой, ведь вы помогли стольким людям. Вы были амбициозным подростком, когда я к вам пришла. Теперь вы падишах. Под вашим началом Зебистан снова процветёт. Так зачем вам война? – Ахдия разочаровано смотрела на Расима. – Вы столького добились, неужели вы хотите омыть это всё кровью?

– Я хотел добиться всего мирно, но иногда мы не получаем того, чего хотим, – негромко проговорил Расим.

– Разве одного трона вам мало? – недоумевала Ахдия.

– Трон – лишь средство для достижения моей цели, – бесстрастно ответил падишах.

– Зачем вы это делаете?

– Ради отца, – негромко ответил Расим.

Ахдия разочаровано вздохнула и покачала головой.

– Ваш отец мёртв и месть не вернёт его, – она хотела призвать его к здравому смыслу.

– Я знаю, – тихо вздохнул Расим и спустился с топчана. Он хотел подойти к Ахдие, но та отошла от него, опустив взгляд. – Я дал слово и сдержу его, – категорично заявил он.

– Простите меня, но в этом я не могу поддержать вас, – Ахдия всё же решила и подошла к Расиму. Она подняла прослезившиеся глаза на падишаха и погладила его по щеке. – Прощай, сынок, – она опустила руку и направилась к выходу из столовой. Остановившись у широких резных дверей, она в последний раз оглянулась на Расима. – Я любила тебя.

Опустив голову, Ахдия ушла с разбитым сердцем. Расим пошёл за ней, но остановился возле террасы с внутренним пустым садом. Он не мог позволить себе остановить её. За эти двадцать лет Ахдия действительно заменила ему мать, а он так ранил её. Эта обида в её глазах... Может, стоило поделиться с ней своими планами с самого начала? Она всегда давала ему ценные советы и порой утешала, когда он терпел неудачу. Расим так хотел побежать за ней, вытереть её слёзы и крепко обнять, но память об отце сдерживала его. Отец делал всё ради него и даже пожертвовал собой. И если сейчас он отступится от своей цели, он предаст эту память об отце. Глядя, как Ахдия приближается к дальнему углу тер-

расы, единственное, что он мог сделать – это нарушить одно из своих правил.

– Я тоже любил вас, матушка.

Вытерев слезу и проглотив горький ком, Расим с расширившейся пустотой в душе направился в свои покои...

После полудня Расим вернулся к себе домой, он хотел наведать своих пленников. Услышав его шаги, Мафтун вышел из кухни и, склонив голову, поприветствовал падишаха.

– Доброго дня, мой бесподобный падишах, – Мафтун опустил руку от сердца и посмотрел на Расима. Его смена закончилась утром, но он остался, чтобы высказать свое предложение.

– Ты один? – осведомился Расим. – Одил не приходил? – он заглянул на кухню, но никого не было.

– Нет, господин, – ответил Мафтун, шагнув в сторону. – Он с гвардейцами привёл новую пленницу и после их ухода я больше не видел дядю.

Расим скрутил губы и кивнул. Сев за кухонный стол, он налил себе чёрный чай, который заварил надзиратель.

– Кстати, о вашей пленнице, – подчеркнул Мафтун. – Она ничего не ест.

– Не переживай, – заявил падишах, опустошив пиалу. – С голоду не помрёт... Ты ждёшь Исмата? – Расим перевёл взгляд на надзирателя, который нерешительно стоял в проёме.

– Исмат заступит на смену вечером, господин... Я ждал

вас, – наконец сказал он, после короткой паузы.

– Зачем? – тихо спросил падишах и подозрительно скосил на него взгляд исподлобья.

– Вы назначили Ахдию главной на кухне во дворце, – промедлив, начал Мафтун, – и теперь ваша кухня здесь пустует. Некому готовить еду для... пленников... И я подумал... Может, вы позволите моей жене стать вашей новой кухаркой?

Услышав имя Ахдии, Расим томно опустил взгляд в сторону. Он всё ещё был подавлен её неожиданным уходом.

– Мне не нужна кухарка, – заявил Расим. – Но пускай приходит и готовит вам еду, – он понял, для чего на самом деле Мафтун просил за неё.

– Спасибо, мой бесподобный господин, – надзиратель чуть улыбнулся и склонил голову, прижав руку к сердцу.

– Допей свой чай, – Расим указал на синий чайник посередине стола, – и иди домой, обрадуй жену. Пусть хотя бы для неё этот день будет добрым.

Падишах встал, похлопал Мафтуну по плечу и направился к скрытой двери. Сняв и повесив халат на деревянный крючок, Расим открыл дверь и спустился в темницу.

В тёмном коридоре внезапно загорелись все масляные лампы. В проёме показался Расим. Каждым шагом вниз он смирялся с уходом Ахдии и подавлял в себе грусть. У него была цель, и он прекрасно осознавал, что на пути к её достижению, он испытает немало горечи. Он был уже близко к своей цели, и ничто больше не должно встать у него на

пути. Скинув с лица опечаленную гримасу, Расим улыбнулся. Он шагнул в коридор темницы и сразу же услышал требовательный голос Акобира в своей голове.

– *«Как мои птенцы?»*

– Мог бы для начала и поздороваться. Или ты забыл о своих манерах в силу своей древности? – съязвил Расим, подходя к его клетке.

– *«Мы никогда не обменивались любезностями»* – Акобир приподнялся и приблизился к решётке насколько это позволяла тяжёлая цепь.

– Да-а? И кто в этом виноват? Ты же молчал все эти годы, – Расим с усмешкой и упрёком развёл руками.

– *«Теперь нет. Я отвечаю на твои вопросы и помогаю тебе с книгой. И я хочу знать, как поживают мои дети!»*

Расим фыркнул и закатил глаза.

– От твоей помощи толку, как от собаки во время рыбалки, – Расим снова съязвил с косым взглядом. – Я всего добился сам, а в остальном мне помогут твои птенцы... и без твоей помощи, – подчёркнуто добавил он. – Отдалив их от твоего влияния, они начали делать успехи, и они на удивление быстро растут. Я оказываю им такую заботу, которую... ты бы не смог, – чуть подождав, сказал Расим. – Они ни в чём не нуждаются... Впрочем, ты и сам можешь спросить у них. Вы же общаетесь мысленно, – Расим подвёл два пальца к виску.

– *«Не могу»*, – с досадой ответил Акобир. – *«Мой взор объ-*

ят тьмой, а без зрительного контакта я не могу общаться с себе подобными, когда они далеко от меня. Если я попытаюсь, то причиню лишь вред своим птенцам».

– Вот и не пытайся! – остерёг его Расим. – Поверь мне на слово. Я ведь... никогда тебя не обманывал. Хочешь общаться? – подумав, спросил Расим. – Общайся с ней, – он мотнул головой направо, в сторону клетки слева, напротив Акобира. – Я ведь привёл к тебе отличную собеседницу. Возможно, вы даже ровесники, – снова съязвил Расим.

– «Кто это?» – обеспокоился Акобир.

– Вы ещё не познакомились? – лукаво удивился Расим.

– «Нет».

– О-о-о, – Расим саркастично улыбнулся, отходя от клетки симурга. – Эта самая могущественная ведьма – Нигора, – с фальшивым восхищением представил Расим. – Правда, у неё есть один недостаток. Она всегда недооценивает тех, с кем имеет дело.

– Я не повторю своей ошибки, когда выйду отсюда, – гремя цепями, Нигора подошла к решётке на ограниченном расстоянии.

Ведьма недавно пришла в себя, но всё ещё чувствовала слабость, а серебряные кандалы на её руках и ногах не давали её исцелиться.

– Ты безусловно выйдешь отсюда, – Расим с улыбкой подошёл к камере с ведьмой, – когда встанешь на мою сторону, – он указал на себя. – У меня было время обдумать твоё

старое предложение, и я взглянул на наш союз с другой стороны. Мы бы...

– Зачем? – прервала его Нигора. – Править миром? Мне этого не надо. Этот мир необъятен.

– Зато, его можно взять под контроль, – Расим сжал перед собой кулак.

– Животные, запертые в клетке, всегда рвутся на волю. Так будет и с людьми...

– По своему опыту говоришь? – съязвил Расим.

Нигора, оскалившись, хотела поднять руку и метнуть в Расима импульс, но цепь не позволяла.

– Они будут протестовать, – вздохнув, заявила она. – Там, где ты будешь править, будут царить мир и лицемерие. Уедешь в другой город, они тут же восстанут, и так по кругу, – предрекла Нигора.

– Восставших ждёт смерть, – процедил Расим.

– И сколько людей умрёт на твоём пути к мировому господству? – с осуждением бросила ведьма.

– Ты можешь спасти их, – повёл головой Расим. – Присоединись ко мне и мы подчиним людей моей воле. Твои ведьмы будут моими наибами во всех городах и будут следить за соблюдением моего порядка.

– Хочешь править марионетками? – снова осудила Нигора. – Что это будет за мир, где нельзя жить по своей воле, где не будет свободы...

– Свобода – это обман, – негромко заявил Расим.

Нигора осуждающе усмехнулась.

– Ты обманываешь самого себя, – сказала она. – Ты стал падишахом. Разве этого мало?

– Мне уже задавали этот вопрос, – Расим отвёл взгляд, чтобы Нигора не заметила тоску в его глазах. Медленно моргнув, он посмотрел на ведьму в упор. – Все вокруг знают, что ты сильная ведьма. Но посмотри, как я легко одолел тебя, – в голосе Расима не было ни сарказма, ни гордыни. Он хотел было продолжить, но Нигора перебила его.

– Я бы с этим поспорила.

В ответ Расим лишь снисходительно скосил на ведьму взгляд, который сам за себя говорил: *«Не льсти себе и посмотри, где ты сейчас»*.

– Я знаю, чего ты хочешь больше всего, – заявил вслух Расим. – И я могу дать тебе это.

– Ты не знаешь, чего я хочу, – огрызнулась Нигора.

– О-о-х, – Расим закатил глаза и со вздохом криво склонил голову назад. – Ты опять недооцениваешь меня, – с осуждением покачал он головой, а руками намекнул на беременный живот.

Нигора промолчала, ибо он был прав – больше всего в жизни она мечтает зачать ребёнка, но из-за своего ремесла она не способна на это. За всю свою жизнь она многим помогла забеременеть, но нет никого, кто бы мог помочь ей. И вот, как бы иронично не звучало, перед ней стоит тот, кто предлагает ей помощь. Но опять-таки, откуда он узнал о её

заветном желании? Каким бы ни был ответ, цена слишком высока, чтобы согласиться.

– Одумайся, Расим, – она не была готова заплатить такую цену. – Из-за твоей алчности пострадают невинные люди. На их крови ты хочешь построить свой новый мир? – Нигора пыталась воззвать Расима к голосу разума.

Задумавшись, Расим отвёл взгляд в сторону. Он и в правду не хотел войны, но обстоятельства изменились. Через некоторое мгновение, снова посмотрев на ведьму, он негромко проговорил:

– Из-за этого наглого юнца кровопролитие теперь неизбежно, – в его голосе слышалось отвращение и презрение.

– Пострадают дети! – возмутилась Нигора. – Сотни... и даже тысячи детей!.. И в этом ты будешь винить Азима?!

Расим посмотрел на неё циничным взглядом в ответ и равнодушно пожал плечами.

– С тобой вместе мы сможем избавить их от страданий, – двусмысленно проговорил Расим после паузы. – Я овладел одной из сил мироздания, – Расим подошёл вплотную к решётке и протянул внутрь руку. – Возьми мою руку, и я многому научу тебя. Со временем и ты сможешь овладеть одной из сил и даже сможешь воплотить свою давнюю мечту... Обещаю.

– Я никогда не встану на твою сторону, – насупилась ведьма. – Ни один ребёнок, тем более нерождённый, не стоит жизни тысячи других детей. Я больше двухсот лет мечтаю

завести ребёнка. Однако я готова отказаться от этой мечты, – отчаянно заявила она. – Я лучше умру, чем встану на твою сторону!

Сдерживая злость, Расим лишь скривил губы в ухмылке и долго смотрел на ведьму исподлобья.

– Мой пленник, с которым ты собираешься провести короткий остаток своей жизни, многие годы молчал, пока я не нашёл на него управу, – совершенно спокойно сказал Расим. – Я достаточно терпелив и скоро...

– Если твой пленник молчал столько времени, то я заявляю тебе сейчас, – Нигора обозлилась и бросила на Расима пылающий взгляд. – Я никогда не стану помогать тебе! Я лучше сгнию в этой темнице.

На самом деле, Расиму не нужна помощь Нигоры для достижения всех своих целей. Он просто хочет, чтобы она была рядом из-за детских чувств к ней. Но этот её характер... Она всегда отвергала его, потому Расим и не надеялся, что сегодня всё будет иначе. Расим спустился сюда, полагая, что по-прежнему хочет заключить с ней союз. Он был готов даже поделиться Книгой мастеров. Но в итоге он получил очередного упрямого пленника.

Изобразив досаду, Расим скорчил грустную гримасу и отошёл от её клетки. Чтобы дать ведьме почувствовать свой триумф, Расим нарочито недолго смотрел в сторону, словно он пытался подобрать новые слова убеждения. Нигора же, смерив Расима презиравшим взглядом, развернулась и гор-

до пошла вглубь камеры.

– Что ж, – вздохнул в этот момент Расим. – Мне будет жаль смотреть, как ты гниёшь в собственной зелёной моче.

Расим повернулся и направился к выходу, а ведьма, наоборот, замерла на месте.

– Что ты сказал? – тихо спросила она, всё ещё обдумывая его слова. – Это ты?.. – Нигора неуверенно повернулась к решётке. – Это ТЫ стоишь за Зелёной хворью! – теперь она поняла намёк.

Ведьма снова подошла к решётке, но из-за ограниченной длинны цепи не видела Расима. Она сжала кулаки и попыталась освободиться. Тщетная попытка разозлила её ещё больше.

– Подлец!!! – заорала она, гремя цепями.

Расим злорадно хихикнул и вернулся к ней.

– Я всего-то хотел отравить падишаха Нодира, но эксперимент пошёл неудачно, – Расим с безразличной ухмылкой пожал плечами.

– Зачем?! – в слезах крикнула Нигора.

Расим скрестил руки под грудью и посмотрел в сторону, изображив, что вспоминает свои мотивы.

– Нодир задел моё самолюбие, – признался он. – Покинув тебя, я начал служить во дворце. – В первый же год я стал личным пажом падишаха Нодира. Благодаря моему уму и неболтливому языку, он посвятил меня во многие тайны, одной из которых была измена его жены. По вечерам он на-

пивался и убивался по ней, пока она нежилась в объятиях твоего покойного приятеля Орзу. Каждый раз, когда на дне кувшина не оставалось ни капли, Нодир говорил, что казнит их. Но на следующее утро он забывал об этом. Он не решался отдать приказ не потому, что он любил их, а потому что был тюфяком, – с подчёркнутым презрением сказал Расим. – Однажды я напомнил ему об этом и предложил бросить их в темницу, до принятия решения. Знаешь, что он мне сказал? Он спросил, а не сошёл ли я с ума, и назвал меня тупоголовым ослом, – оскалившись, вспомнил Расим. – После стольких лет верной службы, я не потерпел оскорбления в свой адрес, – Расим гордо приподнял голову. – Знаешь, почему на самом деле семнадцать лет назад Нодир хотел поехать в Арруж? – после недолгой паузы спросил Расим. – Он хотел заранее сосватать одного из своих сыновей-ублюдков с новорождённой дочерью твоего любимого Бузурга. Мехри подтолкнула его на эту старомодную идею. К своей вероломной потаскухе он прислушался, а верного слугу понизил до помощника писаря. Во мне таилась обида на Нодира и, узнав от Акмала о привилегиях подобного брачного союза, я и задумал свой план.

– Из-за одной обиды ты убил десятки тысяч! – разъярённо гаркнула Нигора.

– Несколько сотен, – бесстрастно поправил Расим.

– Безумец! – прокричала Нигора, тщетно пытаясь освободиться от оков.

– Странное это чувство – любовь. Вот, что она делает с людьми, – словно поэт, задумчиво пропел Расим. – Нодир прощал все измены, но Мехри так и не полюбила его. Я тоже пытался добиться твоей любви. Всё это я делаю ради тебя, но поступки не имеют смысла, если любовь безответна.

Понурившись, Расим снова направился к выходу.

– Из-за твоей проклятой любви десятки невинных ведьм были казнены, – бросила вслед Нигора, сквозь горький ком.

Расим же бесстрастно усмехнулся.

– Надо было бежать, когда вас гнали, а не предлагать помощь.

Смирившись со своей беспомощностью, Нигора опустила руки.

– Это я во всём виновата, – её слова остановили Расима в прихожей. – Те три года, что ты занимался у меня, ты пытался впечатлить меня, но я не обращала на тебя должного внимания. Ты до сих пор это делаешь, но мир не виноват, что я до сих пор люблю Бузурга, – эти слова разгневали падишаха, хоть и не предназначались для этого. – Остановись, Расим, – мягко попросила Нигора. – Возможно, я смогу быть с тобой, но я не перешагну через реки крови.

Нигора хотела переубедить Расима, но её «возможно» лишь раззадорили падишаха, и он быстрым шагом вернулся к её камере.

– С одной стороны, я люблю тебя и страстно желаю тебя. С другой... Я ненавижу тебя и питаю к тебе отвращение, –

процедил Расим. – Думаешь, мне нужно впечатлить тебя? – Расим выставил руки перед собой на уровне живота и вызвал огненный шар между ними. – Я уже давно не ребёнок и если захочу...

Огненный шар, размером со спелый апельсин, начал вращаться в разные стороны и издавать приглушённое шипение. Шар семь раз сменил цвета на цвета радуги, и после фиолетового Расим резко сжал руки в кулак. Шар погас вместе со всеми лампами на стене. Темница снова погрузилась во мрак и в этой крошечной темноте Расим продолжил, открыв глаза, пылающие алым пламенем:

– ... сделать тебя своей, я подчиню тебя своей воле.

Нигора содрогнулась. Попятившись, она упала и пришла в ужас. Неужели Расим – это то самое зло из её видений? Отрицательно качая головой, она поползла назад, а Расим покинул темницу...

Большинство прошлых падишахов ходили по улицам Расулабада в окружении вои, некоторые из них держали свою стражу на расстоянии, некоторые ближе к себе, Расим же шёл один. Он держал путь во дворец и не торопился.

Близился вечер. На улицах было немногочисленно. Пусто было и на лавках и торговых ларьках не потому, что всё раскупили, а потому что нечем было торговать. Это связано с тем, что на полях всё ещё нет урожая, а ближайшее к ним государство перестало вести с ними дела. Отсутствие выручки отразилось на огорчённых и раздосадованных лицах тор-

говцев, сворачивающих свои лавки.

На улице, славившейся своими пекарями, Расим заметил несколько групп людей у ворот пекарей. Все они возмущались, негодовали или спорили. Одна женщина в тёмно-фиолетовом платье и синим длинным камзолом из ближайшей группы заметила Расима и подбежала к нему.

– О бесподобный падишах, – упала она на колени, – прошу вас, помогите. Моим детям нечего есть. Простую лепёшку продают за тридцать медных монет. У меня нет таких денег. Наши сады уничтожила Чёрная напасть, а новые саженцы и не думают расти.

Услышав мольбы женщины, другие люди тоже подбежали к падишаху и начали просить о помощи.

– Позовите пекарей, – потребовал он негромким, но властным голосом.

Люди тут же побежали к дворам пекарей и стали звать их. Через некоторое время из ворот показались трое худошавых пекарей в мешковатых одеждах. В лучшие времена эта самая одежда сидела на них плотно.

– В чём дело? – требовательно спросил Расим, подойдя к трём обеспокоенным и даже испуганным пекарям, которые склонили головы и поднесли дрожащие руки к сердцу. – Почему у вас такие высокие цены?

– Г... Гос... Господин, м-мы ис-с-ползуем свои по-п-последние 3-запас-сы м-муки, – дрожащим голосом ответил пекарь справа от падишаха.

– Нового урожая пшеницы ещё нет, – сказал тот, что посередине. – Нет больше и поставок с Ахоруна. Из Бахрияна и даже городов-братьев уже давно не приходили караваны.

– За деньги, за которые мы продаём наш хлеб, мы хотим поехать в соседние государства и самим привезти муку, – заявил третий.

Расим смерил взглядом пекарей и, обернувшись, позвал к себе недовольных людей.

– Не волнуйтесь! – сказал он всем. – Нам всем нелегко в это трудное время. Мы должны поддерживать друг друга. Только так мы выйдем из затруднений. Скоро я решу все ваши проблемы, а сейчас, – Расим повернулся к пекарям, – вы раздадите всем хлеб бесплатно! – его тон не ждал отказа.

Люди обрадовались, а вот пекари нерешительно посмотрели исподлобья на падишаха и, встретив его выжидающий взгляд, поклонились.

– Ваши расходы на поездку оплачу я, – заверил пекарей падишах.

На их лицах тоже прорезались сдержанные улыбки, и они вернулись к своим лавкам у своих домов.

Расим некоторое время стоял в стороне и наблюдал, как люди берут бесплатный хлеб и с улыбкой идут домой. Каждый из них оглядывался на падишаха и благодарно склонял голову, прижимая руку к сердцу. Та женщина, поправив свой серо-фиолетовый платок, снова подошла к Расиму с тремя сливочными фатирями в сетчатом пакете. Она склонила го-

лову, взяла руку падишаха и поцеловала её.

– Благодаря вам, сегодня мои дети будут сыты, – проследившись, сквозь ком проговорила она.

Расим взял её руку и повернул ладонью вверх и положил на неё десять золотых монет.

– Я сделаю всё ради вас и ваших детей, – обещал Расим, глядя ей в глаза. Хоть его слова прозвучали негромко, их слышали все, кто проходил рядом.

– Не важно, что о вас говорят другие, у вас доброе сердце. Вы воистину бесподобный падишах, – женщина отдала низкий поклон и направилась в сторону переулка.

С двух сторон на каждой третьей ступени стояли вои. Они в почтении склонили головы и приветственно прижали руку к сердцу, когда падишах начал подниматься. На верхней площадке его подждал Одил. Вид у главного писаря был взволнованным.

– Где ты был? – потребовал Расим, смерив его строгим взглядом.

– Я проверял библиотеки и учебные заведения столицы и сверял их отчёты, мой бесподобный господин, – потупившись ответил Одил.

Расим недоверчиво посмотрел на главного писаря сверху вниз и прошёл во дворец.

– Докладывай, – потребовал он.

– Библиотекам нужны люди, чтобы переписать старые книги. Школам нужны учителя, ибо многие уехали с вашим

приходом к...

– И это тебя так взволновало? – прервал его Расим. – Говори в чём дело? – Расим подозревал, что и Одил хочет уйти со службы.

– Они собрались, неподобный господин. Наибы и военачальники, – пояснил Орзу.

– Но? – падишах был на грани негодования.

– Они недовольны, – заявил Одил.

– Недовольны тем, что опоздали на несколько дней? – усмехнулся падишах и направился в аудиенц-зал.

В первый раз, когда Расим направил Латифа в Арружа, в тот же день он приказал созвать наибов и военачальников, в том числе из Чехры и Джоду. Многие из них пришли, хотя Расим ожидал куда меньшего. Видимо, молва об участии Орзу быстро разлетелась, и страх заставил их всё-таки прийти на совет.

– Вы знаете, зачем я вас здесь собрал? – спросил падишах, сев на трон.

Чиновники стояли посреди зала и поприветствовали падишаха как подобает. Правда, некоторые сделали это неохотно.

– Война с Ахоруном неразумна, – заявил один из них, когда остальные молчали, потупившись в страхе.

Этим смельчаком был военачальник Чехры. Высокий, широкоплечий мужчина сорока пяти лет с проседью в густой бороде. Он был основным недовольным чиновником, кото-

рый подначивал и подзадоривал остальных.

– Да-а? – усомнился Расим и кивнул Одилу.

Главный писарь указал чиновникам выстроиться в ряд в трёх шагах перед возвышением алькова. Он объяснил им этот новый порядок до прихода падишаха. Однако чиновники до сих пор недоумевали, так как раньше подобные собрания проходили в тронном зале, где они могли сидеть на мягких курпачах за низким столом. Многие отнеслись к этому новому порядку с подозрением, а на некоторых лицах было даже опасение.

В это время Мастона на небольшом подносе принесла падишаху сухофрукты и зелёный чай с мятой. Расим благодарно кивнул кухарке и взял одну курагу. Он безмятежно положил её в рот, пожевал, проглотил и изучающе посмотрел на чиновников.

– На ваших лицах я вижу заговор... У меня уже есть в этом опыт, – в голосе Расима звучало предупреждение.

– Бесподобный падишах, – учтиво заговорил визирь торговли, – мы не замышляем ничего плохого против вас. Мы лишь сошлись во мнении, что нам не нужна война с нашим ближайшим соседом и другом.

– Другом? – с презрением переспросил Расим. – Этот ваш друг отвернулся от вас.

– Из-за ваших обвинений! – бросил военачальник Чехры.

– Поуважительнее, Ашраф, – потребовал наиб Чехры.

Военачальник косо посмотрел на своего наиба и опустил

глаза.

Расим насупленно смерил Ашрафа взглядом. Своей дерзостью он напоминал Орзу. Может, они родственники?

– Торговлю с Ахоруном наладил я. О низких ценах на их товары с ними договорился я, но вы всё равно на стороне Бузурга? – в голосе Расима была нота возмущения.

– Мы не на его стороне, бесподобный господин, – заверил начальник городской стражи Расулабада, удивив своим присутствием. – Просто ваши обвинения...

– Я вижу ты отказался от своего прощения об увольнении, Вохид, – с упрёком прервал его падишах. – Что же так? – падишах вперил на него выжидательный взгляд.

Вохид потупил взгляд и поднял правую руку к сердцу.

– Я прошу прощения за свою импульсивность, мой бесподобный падишах. Я был введён в заблуждение. Было глупо с моей стороны просить об увольнении. Я давал присягу и прошу вас позволить мне нести мою службу.

Расим сделал снисходительный жест правой рукой, удовлетворив прощение Вохида.

Посмотрев на Вохида в недоумении, Шухрат снова обратился к падишаху.

– Ваши обвинения, мой бесподобный господин, ввели народ в замешательство.

– Вам нужны доказательства? – спросил падишах.

Ответ был написан на молчаливых лицах чиновников: *«Да, нам нужны доказательства».*

– Это серьёзные обвинения, ваше бесподобие. Если у вас есть доказательства, нужно призвать султана Ахоруна к суду, – сказал главный судья.

– А не идти на него войной, – с упрёком добавил Ашраф. Расим сдержанно расхохотался.

– Вы думаете, он приедет и предстанет перед вами? – падишах с усмешкой уставился на пожилого, но статного судью, в седой бороде которого оставались напоминания о том, что когда-то они были чёрными, как и его волосы. – И какие наказания вы для него примите?! – Расим с негодованием оглядел всех. – Наложите на него штраф?

Расим снова сдержанно рассмеялся, отведя взгляд в сторону, и бросил три сушёных тута в рот.

– Лучше будет сжечь целый город с невинными людьми? – с осуждением спросил Ашраф.

– Лучше будет захватить весь Рахшонзамин! – со злорадной кривой ухмылкой ответил Расим и удивил всех, кроме Одила, который за низким столом вёл протокол совета.

О планах Расима он знал давно. Однако Одил не думал, что Расим когда-либо сможет осуществить их. Когда же Расим начал достигать своих целей, ему стало страшно. Одил и не представлял, какими методами будет пользоваться Расим, ведь он всегда заявлял о своих мирных намерениях. Когда же Расим превратился в кровожадного маньяка? Одил негодовал. То, как был убит Орзу, сильно напугало его и заставило переживать. Отчего он вынужденно написал письмо

Бузургу ибн Махмуду. Теперь, он сидел, скрестив дрожащие ноги под собой, и опасался, что падишах мог узнать об его измене. Если нет, то скоро его соглядатаи во дворце Бузурга сообщат ему об этом.

– Зачем? – недоуменно спросили чуть ли не все чиновники.

– Чёрная напасть истощила наше государство и не коснулось других. Не вызывает ли у вас сомнений, что за этим кто-то может стоять? – вознегодовал падишах.

– И вы думаете это султан Ахоруна? – спросил визирь торговли.

– Ахорун – самое близкое к нам государство, а его султан имеет право на этот трон, – Расим сердито стукнул пальцем по боковине трона-топчана. – Это право не имеет силы, если есть живые наследники. Следовательно, их нужно убрать с пути, что он и сделал, – оцетинился Расим.

– Но султан Ахоруна до сих пор не предъявил свои права, – недоумевал наиб Чехры.

– А вы хотите, чтобы он предъявил?! – с вызовом спросил падишах.

В ответ все молчали.

– Мы не призовём Бузурга ибн Махмуда к суду, ибо я уже вынес ему приговор! – зловещим и повелительным тоном заявил Расим.

– Война – это не выход, – главный судья упал на колени и в мольбе сложил руки перед собой. – Прошу вас, одумайтесь.

Мы можем найти другой способ, – старик взглядом обвёл чиновников. – Для этого вам и нужны советники.

Расим звучно усмехнулся. Отодвинув поднос, он встал с трона и дошёл до края алькова.

– Хотел Бузург получить этот трон или нет, я захвачу его трон, – хладнокровно заявил падишах. – А потом и весь Рахшонзамин станет моим.

Расим обвёл всех взглядом, развернулся и снова направился к трону.

– Мы не станем воевать с нашими братьями! – бросил в спину Ашраф.

– Они наши друзья, – настаивал Шухрат.

– Мы не станем поддерживать ваше безумство, – добавил наиб Джоду.

Расим закатил глаза, развернулся и решительно посмотрел на чиновников.

– Вы подчинитесь мне и соберёте армию, – совершенно спокойно заявил Расим, сопровождая свою речь жестами указательного пальца.

– Можете убить всех нас! – с вызовом бросил Ашраф. – Мы не станем воевать.

– Нет! – присоединились к нему некоторые чиновники.

Остальные либо отрицательно качали головой, либо отвели взгляд от падишаха и тихо роптали.

– Ваши слова не доказывают вины султана Бузурга, бесподобный падишах, – главный судья всё ещё надеялся обра-

зумить Расима.

– Зачем мне убивать вас? – в наигранном недоумении развёл руками падишах и снова подошёл к краю. – Кто уберёт ваши тела и отмоев всю вашу кровь? – он смерил каждого испытующим взглядом. – Вместо этого у меня есть для вас другой выбор.

Расим расслабил руки, опустил плечи, прикрыл глаза и сфокусировался. Через мгновение он повернул голову в сторону Ашрафа и открыл глаза. В этот самый момент Ашраф почувствовал недомогание и покалывание во лбу. Затем начали покалывать руки, и он начал чувствовать головокружение. Его рассудок помутнел, и он начал терять самообладание. Ашраф закрыл глаза, а когда снова открыл, вены вокруг глаз и в самих глазах почернели. Он посмотрел на свою правую руку, а затем на левую, но сделал это он не по своей воле.

– Кто ты? – спросил Расим.

– Ашраф ибн Нидо, военачальник меченосцев Чехры, мой бесподобный господин, – ответил Ашраф странным, приглушённым, казавшимся неестественным, голосом.

– Государству нужны твои воины. Я нуждаюсь в твоей помощи, – Расим протянул к нему руку.

– Я отдам жизнь ради вас, о бесподобный падишах, – заявил Ашраф, приводя остальных чиновников в недоумение и оцепенение.

У всех военачальников на поясе висел небольшой кинжал. Они отказались отдавать их страже, последовав приме-

ру Ашрафа. Однако у многих кинжалы не были острыми и служили в качестве украшения. Они привели этот довод страже, чтобы не расставаться со своим дорогим аксессуаром.

Ашраф достал свой кинжал и неловким движением перерезал себе горло. Когда хлынула кровь, чернота вокруг его глаз исчезла, и его взор прояснился. Он увидел в своей руке окровавленный кинжал, но не мог сказать ни слова, ибо он задыхался и давился собственной кровью. Выронив кинжал из рук, Ашраф из последних сил повернулся к чиновникам. Его гаснущие глаза были неопишимо изумлены. Он упал на колени и от удара свет в его глазах погас в объятиях тьмы. Издав последний вздох, Ашраф наконец свалился на пол лицом вниз.

Стоявшие рядом с Ашрафом отпрянули, когда кровь начала хлестать по сторонам. Ими всеми овладел страх, что было видно, как дрожат их коленки.

– Вас ждёт та уже участь, – оглядев всех, заявил Расим и у него появилось чувство, будто он повторно переживает этот момент... и ему это нравилось.

– Ты, – Расим пальцем указал на Вохида. – Собери всё войско Расулабада и отправь на помощь Латифу. У тебя два дня.

Под натиском испытующего взгляда падишаха Вохид подчинился. При этом он пребывал в замешательстве, так как ему самому подчиняются лишь вои, следящие за порядком

в городе, а вот воины, прошедшие службу, были в подчинение Орзу.

– Теперь ты визирь внутренних дел. Поздравляю! – добавил падишах, поняв суть замешательства Вохида. – А вы, – обратился он к военачальникам Расулабада, – будете беспрекословно исполнять все его приказы.

Военачальники Расулабада недоверчиво посмотрели на нового визиря, нерешительно переглянулись и один за другим подчинились воле падишаха, склоняя головы.

Самому Вохиду это повышение не облегчило жизнь. Он был всё ещё озадачен тем, как собрать столько людей за два дня.

– Вы же, – Расим обратился к чиновникам Чехры и Джоду, – немедленно вернётесь в свои города, соберёте по тысячи воинов и отправите сюда, – Расим посмотрел на их реакцию и продолжил. – Кроме того, вы соберёте оставшееся войско и будете готовить их к войне. Чтобы покорить Рахшонзамин, мне понадобятся десятки тысяч воинов. Ведьмы мне тоже пригодятся, – падишах требовательно посмотрел на наиба Джоду. – Пусть придут в Расулабада вместе с вашей тысячей. Напомните им, что сильнейшая из них не смогла одолеть меня и теперь гниёт в моей темнице. Скажите, что я призываю их на службу государству и не потерплю отказа. И пусть не думают, что смогут одолеть меня... Никто не сможет! – падишах с презрением смерил всех взглядом. Он спустился с возвышения, взялся за правое запястье за спи-

ной и направился к выходу, положенному падишаху. – Будете уходить, заберите с собой это жалкое тело, – небрежно велел он на пол пути.

* * *

«Глядя на пламя, объявившее тело Нисо, я повторял про себя обещание, данное ей. Глядя на золото и самоцветы, которыми я хотел унять горе, я забыл об этом обещании. Любовь, которую я испытывал к Нисо, отличалась от любви, которую, признаюсь, я до сих пор испытываю к Арогин. При виде ведьмы я испытывал к ней возжелание. Всё моё нутро желало овладеть ей. Моя кровь вскипала между ног, а сердце стучало в безумном ритме. С Нисо же я чувствовал умиротворение. Рядом с ней я забывал о всех проблемах и невзгодах. Одно её прикосновение снимало усталость, один её голос успокаивал душу».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары о Нисо.

Первые три дня похода на Арруж было так жарко, что казалось будто сам воздух вот-вот загорится. В первый день пути, несмотря на жару, войско Ангурана преодолело десять фарсангов. Однако их продвижение заметно замедлилось на второй день, когда посыльные голуби принесли благие вести, если их можно так назвать. Из Арружа сообщили, что войско копейщиков только покинуло границы Зебистана. К Арружу

они двигались медленнее, чем Бузург и его войско. Возможно, они тоже не хотят проливать кровь в преддверии десятидневного поста. Это позволило воинам Ангурана замедлить ход и сохранить силы для вечерних тренировок, которые они начали на третий день

Азиму и Комилу выдали деревянные мечи. Комил постоянно выдавал какую-нибудь шутку, каждый раз беря в руки свой тренировочный меч. До прибытия в Арруж Азим с Комилом изучали основные движения с мечом, а по вечерам вели бой с тенью. Азим учился быстро, а вот Комилу мастер над оружием часто делал замечания.

По прибытию в Арруж султан созвал общее собрание военачальников и местных чиновников, включая мэра. Бузургу сообщили, что войско копейщиков перешло границу Ахоруна и находятся в трёх днях от Арружа.

– Если они будут двигаться теми же темпами, в городе они будут через три дня, – уточнил главный писарь Арружа.

– Мы добрались сюда за неделю. Копейщики уже давно должны были напасть. Почему они так медлят? – спросил султан у военачальников.

– Может, они также не хотят этой войны, как и мы? Нам нужно отправить к ним гонца и узнать, чего они хотят, – предложил Азим.

Собрание проходило в аудиенц-зале дворца мэра Арружа. Сам же Фотех уступил свой трон султану и сел у вечернего дастархана рядом с другими. Он занял место слева во главе

низкого длинного стола, а Азим справа.

– Если бы они не хотели нападать, они бы сами отправили к нам гонца, – возразил Фотех. – Однако они медленно, но, верно, идут на нас. Они всего лишь ждут подкрепления из Расулабада.

До захода солнца оставалось немного времени. В зал размером сорок на тридцать газов вошли слуги и служанки с яствами на подносах и кувшинами в руках. За ними вошёл и младший писарь Арружа со свёртком в руке. Он вручил письмо главному писарю, который сидел рядом с мэром. Старик развернул свёрток и, внимательно изучив, обратился к султану:

– Боюсь, мэр прав, мой светлый господин. – Главный писарь посмотрел на Азима, а после на султана, сворачивая послание. Затем он встал и подошёл к султану. – Это письмо перенаправлено вам из Ангурана, мой светлый господин, – поклонившись, старик вручил свёрток султану.

Прочитав послание, Бузург помрачнел и протянул его Азиму.

– Прочти вслух, – сказал он, когда зять взял свёрток.

Азим кивнул и, встав справа от султана, начал читать:

– Да озарит солнце ваше правление. Пусть Всевышний ниспошлёт вам долгую жизнь, о светлейший господин. Досточтимый султан Ахоруна, прошу простить меня за очередную плохую весть. Падишах собрал трёхтысячное войско Расулабада. Однако перед этим произошло восстание воена-

чальников. Как и Орзу, они хотели свергнуть колдуна, прибегнув к помощи ведьм. В итоге были убиты трое военачальников, пять ведьм и двенадцать солдат из числа городской стражи и меченосцев. Расим подчинил своей воле оставшихся бунтарей, и теперь его армия готова выступить на Арруж. Скоро в Расулабад из Чехры и Джоду придут две с половиной тысячи воинов в сопровождении двух десятков ведьм. Кроме того, в этих городах собрали по пять тысяч воинов и готовят к войне. И это только начало. Я рискую своей жизнью, написав это письмо. Но чего стоит моя жизнь, когда на кону десятки тысяч других. Расим хочет утопить Рахшонзамин в крови в жажде своей мести. Надеюсь, у вас достаточно сил остановить узурпатора. Ваш покорный слуга, Одил, – Азим свернул письмо и вопросительно посмотрел на султана. – Что значит узурпатор?

– Кто такой Одил? – одновременно спросил Фотех.

– Узурпатор – это тот, кто силой и не по праву захватил власть, – ответил султан Азиму. – Одил слуга Расима. Это он сообщил нам об отправке копейщиков, – пояснил он мэру.

– Три с половиной тысячи! – обеспокоился полководец Ангурана. – Если к копейщикам в ближайшие три дня подойдёт подмога, численное преимущество будет на их стороне.

– Добавь к ним ещё две с половиной тысячи из Чехры и Джоду, – также выразил озадаченность воевода лучников Арружа.

– В Ангуране собирают пятитысячное войско, но пока они придут к нам на помощь... – Мансур не стал договаривать, медленно покачав головой.

– В Арруже мы собрали пятьсот лучших лучников, слушающих в городской страже, – заговорил мэр Арружа. – Ещё пятьсот мы оставили в запасе. Мы можем призвать их. Кроме того, мы можем призвать всех мужчин от восемнадцати до шестидесяти лет. Завтра к утру у нас будет больше десяти тысяч воинов, – уверенно заявил он.

– Воинов? – усомнился Азим, приведя всех в недоумение. – Большинство из них обычные крестьяне, пекари и садоводы. Какой будет от них толк в сражении?

– Мы обучим их? – ответил Фотех, в замешательстве глядя на султана.

– Чему вы их научите за столь короткий срок? – снова спросил Азим. – Вы дадите им мечи, но не зная толком как с ним обращаться, они понесутся на врага, сломя голову и тут же лишатся её.

– Что же вы тогда предлагаете, господин? – с паузой добавил Фотех.

– Призовите только тех, кто проходил военную службу, – ответил Азим. – И добровольцев на худой конец. Их можно обучить быстрее. В нашей армии нужны воины, умеющие думать перед тем, как взмахнуть мечом. Поверьте, – выждав паузу, Азим оглядел всех взглядом, – от большого количества наш враг не содрогнётся, а вот от качества, – Азим же-

стом головы призвал всех задуматься.

Фотех неуверенно смотрел на султана.

– Он прав, – султан поддержал Азима. – Призовите отслуживших и переобучите их.

Мэр и чиновники Арружа склонили головы в подчинении, приложив руку к сердцу...

На следующий день из числа отслуживших и добровольцев собрали тысячу триста лучников и меченосцев. Их записали в запас и отправили во вновь сооружённое ристалище за городом, где они готовились вместе с остальными воинами.

На деле, как выяснил Азим, слова мэра о десяти тысячном войске оказались лишь словами. Он бы ни за что не собрал столько мужчин. Всё потому, что беспощадная Зелёная хворь унесла большую часть населения Арружа. Если до хвори в городе проживало около ста семидесяти тысяч, то сейчас не досчитаясь и до тридцати тысяч.

В Зебистане же, наоборот, Зелёная хворь прошла мимо, не причинив особого вреда. Потому Расим может собрать десятки тысяч в свою армию. Шансы на победу в таком случае у Ахоруна будут ничтожны.

Думая об этом, Азим усердно тренировался. Он выполнял силовые упражнения, а после фехтовал деревянным мечом с тенью, а иногда с Комилом или другим соратником.

На исходе дня, изрядно устав, Азим сидел на наспех возведённом деревянном заборе ристалища и наблюдал за тем, как солнце за облаком клонится к горизонту.

– О чём думаешь, Азим? – к нему подошёл Комил.

– Я... Я скучаю по своей жене, – помедлив, ответил Азим. – Иногда мне кажется, что всё это происходит по моей вине.

– Что за глупости? – Комил недоумённо скосил взгляд.

– Расим хотел жениться на Зилоле и, если бы я не встал у него на пути, этой войны бы не было, – задумчиво сказал Азим, посмотрев в глаза другу.

– Да-а... Ты дурак! – мотая головой, протянул Комил. – Как ты мог об этом подумать?

– Это очевидно, Комил. Он всегда приезжал на приём в Ангуран просить её руки... и тут появился я.

– Султан отказал бы этому мерзавцу, даже если бы ты не родился на свет! Перестань, – Комил дружески хлопнул Азима по плечу. – Лучше помоги мне выбрать имя.

– Имя? – переспросил Азим.

– Да-а, – протянув, Комил сел рядом с Азимом. – У меня скоро родится сын, а я до сих пор имя ему не выбрал. Как только я начинаю об этом думать, одни девчачьи имена приходят на ум. Может, назвать его в твою честь? – подумав, спросил Комил.

Азим улыбнулся и задумчиво помотал головой.

– Вот, видишь? Ты улыбнулся, – с улыбкой сказал Комил. – И тебе приятно и у меня груз сойдёт с плеч.

– Комил! – позвал Мансур, который стал их мастером над оружием и обучал фехтованию. – Ты выполнил все упраж-

нения?!

Комил устало вздохнул, ещё раз улыбнулся Азиму и положил руку ему на спину.

– Ещё увидимся, – сказал он и спустился с забора. – Сейчас иду доделывать, – ответил он Мансуру. – Я не такой выносливый, как наш господин, – подшутил он и вернулся к занятиям.

Мансур дал подзатыльник Комилу и подошёл к Азиму. В руках он держал два меча.

– Держите, господин, – он протянул один Азиму, когда тот спустился с забора.

Азим взял меч, который был в ножнах, и с интересом обнажил его на две пяди.

– Он не заточен, мой господин, – сказал Мансур. – Вы делаете большие успехи. Вам пора перейти на настоящий меч.

– Он не острый, – обнажив и изучив слегка изогнутый клинок, подтвердил Азим. – Комил и его назвал бы ненастоящим оружием.

Мансур улыбнулся и сказал:

– Он единственный среди нас, кто остаётся бодрым и весёлым несмотря на то, что грядёт завтра.

Азим согласно кивнул, посмотрев на Комила, который повторял режущие и колющие удары своим деревянным мечом.

– До захода солнца я бы хотел пофехтовать с вами на железных мечах, господин, – Мансур сделал пару шагов назад

и обнажил свой тренировочный меч. – Вы когда-нибудь держали настоящий меч в руках? – приняв боевую стойку, спросил он.

Азим, задумавшись, снова посмотрел на меч. Взвесил его в правой руке, пару раз покрутил из стороны в сторону и опустил остриём вниз.

– Я никогда не направлял его на человека, – ответил Азим.

Мансур многозначительно вздохнул и встал в обычное положение.

– Всем нам не по нраву эта война, – негромко сказал он. – Но Расим посягнул на наши жизни, на наши земли, на честь нашего султана. Хотим мы того или нет, копейщики уже совсем рядом. Мы должны сокрушить их до того, как к ним подоспеет подмога. У нас нет выбора, господин.

Азим, опустив глаза, озадаченно покивал. Вдруг он вспомнил про письма Одила и у него в голове возникла идея. Он порубил воздух мечом и, вернув клинок в ножны, протянул его рукоятью Мансуру.

– Выбор есть всегда, – негромко заявил он и поспешил ко дворцу.

Дворец мэра Арружа был в три раза меньше султана. Тем не менее найти здесь султана оказалось сложной задачей. Азим напрямую пошёл в аудиенц-зал с высокими арочными окнами в южной стене, расположенной слева от главного входа, но там были слуги, накрывающие дастархан. Один из них сказал, что видел султана на веранде, но Азим пробежал

мимо и никого там не встретил. В коридоре Азиму подсказали, что султан может быть в зале заседаний мэра на третьем этаже. Азим побежал по деревянной лестнице вверх и, войдя в длинный коридор, заметил тестя. Султан стоял посередине и задумчиво смотрел на закрытую дверь.

– Мне сказали, я могу найти вас здесь, мой светлый господин, – Азим склонил голову и прижал руку к сердцу.

На самом деле, он хотел сразу изложить султану весь свой план, но подходя к тестю, он заметил его подавленный вид. Потому Азим повёл себя сдержанно.

– За этими дверями стоит трон, на котором я когда-то сидел, будучи мэром этого города, – султан кивнул в сторону резных дверей. – За этой комнатой есть крытая терраса. По ночам, когда Зилола не могла уснуть, её мать выходила и показывала ей звёзды. Она была такой крохотной, – посмотрев на свои руки, вспомнил Бузург.

– Я знаю, как вернуть её, – заявил Азим.

Бузург удивлённо посмотрел на зятя и недоверчиво спросил:

– Что ты задумал?

– В своём письме Одил писал, что Расим подчинил воинов своей воле, но в первом письме он говорит, что Расим заставил копейщиков. Я полагаю, что они не хотят войны и потому медлят с нападением.

– Так это или нет, завтра мы узнаем, – сказал султан.

– Если они на вас нападут, значит я ошибался, – продол-

жил Азим. – Если же нет, прошу вас, не нападайте на них.

– Ты говоришь так, словно тебя завтра не будет с нами, – с подозрением проговорил Бузург.

– Я еду за помощью, – ответил Азим.

Султан с недоумением насупился.

– Доверьтесь мне, – Азим положил руку на плечо султана. – Мы можем спасти всех и избежать кровопролития. Мне нужно лишь время.

– Как раз его-то у нас нет, – всё ещё недоумевая, проговорил султан. – Завтра мы выступаем на перехват копейщиков. Мы должны сразить их до того, как к ним придёт помощь, – озадаченно сказал Бузург.

– Я разделяю вашу озабоченность, господин. Тем не менее я верю, они не хотят с нами сражаться. С ними можно договориться и призвать на нашу сторону. Я прошу вас, отец, – в голосе Азима слышалось отчаяние, – не нападайте на них первыми.

Бузург нерешительно отвёл взгляд в сторону. Он задумался и вскоре согласно кивнул.

– Что ты хочешь сделать? – в его голосе звучала нотка неуверенности.

В ответ Азим лишь широко улыбнулся и благодарно склонил голову, прижав руку к сердцу.

– Когда вы встретитесь на поле брани, дождитесь меня, – бодро попросил Азим и начал отдаляться от султана.

– Ты куда? – Бузург был в полном недоумении. – Скоро

ужин... И у меня есть кое-что для тебя.

Азим остановился и вопросительно посмотрел на руку тещи, который засунул её за пазуху своего белого халата с золотистыми узорами.

– Помнишь, я говорил тебе о своём друге ювелире? По моему заказу он сделал это кольцо для тебя, – Бузург вытащил руку из-за пазухи и протянул её в сторону Азима. На его ладони лежало серебряное кольцо, выполненное в форме сымурга, расправившего вверх крылья и держащего в лапах огранённый Чёрный рубин, размером с горошину. Длинные хохолки крыльев и хвоста составляли обод кольца, который можно подогнать под размер пальца. – Нам пора узнать на практике, защищает ли он действительно от колдовских чар.

Азим взял кольцо и надел его на правый указательный палец и слегка прижал обод, чтобы он плотно сел. Азим сжал руку в кулак и заметил про себя удивительное сходство кольца с Рудобой.

– Спасибо, – Азим прижал правую руку к сердцу и склонил голову. – Если мой план удастся, нам не нужно будет доказывать теорию Хранителей знаний о Чёрном рубине, – юноша снова начал отходить от тещи. – Простите, отец. Время не ждёт! – с улыбкой крикнул Азим и скрылся с глаз султана.

Юноша рванул к конюшне за дворцом, оседлал жеребца и взял немного еды. В последнем ему помогли служанки, которых он по дороге в конюшню попросил принести ему припа-

сов на дорогу. Две кухарки принесли ему, в основном, лепёшек, сухофруктов, орехов и немного жаренного мяса в глиняном кувшине.

– Мы должны как можно скорее добраться до Тропы мёртвых. Ты готов? – спросил он у Катрона.

В ответ жеребец коротко фыркнул и кивнул.

Азим с улыбкой сел на своего жеребца и погнал его на север, оставив конюха в недоумении.

Солнце скрылось за горизонтом, но ночь ещё не вступила в свои полные права. Азим не останавливал Катрона. Он гнал жеребца вдоль Корявого леса. Когда уже полностью потемнело, они обогнули северную опушку леса и двигались на запад. На небе медленно плыли длинные перистые облака, между которыми сияли звёзды. Они худо-бедно освещали путь Азиму.

Азим повернул жеребца на северо-запад и погнал к предгорьям. Он сильно устал и был очень голоден. Доехав до долины, он спешился и, наконец, поел. После ужина Азим задумчиво смотрел на расщелину. Катрон встал перед ним, негромко фыркнул и отрицательно помотал головой.

– Знаю, – сказал Азим, посмотрев на жеребца. – Ночью ехать по этой тропе куда страшнее, чем днём, но мы должны пройти до конца. Я должен позвать её.

Катрон заржал в знак возражения и головой осторожно толкнул Азима в сторону. Посмотрев в глаза своего хозяина, он ещё раз коротко заржал и лёг на землю.

– Ты думаешь, я снова услышу дэва и буду заморожен его пением? – спросил Азим, взволнованно посмотрев на расщелину.

Катрон выдохнул в ответ.

– Подождём до утра, – согласился Азим.

Он откинулся на бок жеребцу и вскоре уснул.

Солнце встало раньше Азима. Своими лучами оно разгоняло утреннюю прохладу. Небо было ясное. Катрон тоже бодрствовал. Он пытался разбудить своего хозяина, но тот проворчав, переворачивался с бока на бок или скручивался как младенец в утробе. Катрон поднялся и носом ткнул пару раз в спину Азима. Юноша не хотел вставать. На нём сказались усталость от тренировок и волнения. Катрон, помотав головой, склонился и лизнул хозяина по лицу.

С громким вздохом Азим сел и изумлённо посмотрел на жеребца. Вытерев лицо, Азим зевнул и встал.

– Надеюсь, это утро будет добрым, – проговорил он.

После небольшого завтрака Азим сложил всё в седельные сумки и озадаченно посмотрел на расщелину. Они были в пятидесяти газах от неё. Недолго размышляя, Азим сел на жеребца и направил его вперёд. Не доехав до расщелины, юноша свернул налево и поехал на вершину холма.

– Рудоба! – крикнул он.

Азим помнил, что по утрам симург покидает пещеру. Возможно, она летает где-то рядом и может услышать его. Другим эта затея показалась бы странной, но тут, на вершине

холма, никого больше не было, и Азим продолжил ехать вперёд и звать её.

– Рудоба!.. Рудоба!..

Они двигались по хребту постепенно возвышающихся холмов. Азим смотрел вверх, оглядывался по сторонам, но её нигде не было.

– Рудоба!!! – звал юноша.

На вершине каменистого холма Азим спешил и ещё раз крикнул имя симурга, но ответа он не услышал в своей голове.

Солнце было в трёх копьях от зенита, а зов Азима всё оставался безответным. Он переживал, что сражение уже могло начаться. С рассветом султан со своим войском должен был выступить навстречу копейщикам. Поле брани было в пяти фарсангах к югу от Арружа. Именно там в последний раз заметили копейщиков. Азима тревожило то, что султан мог не дожждаться его.

– *«Рудоба, услышь меня»*, – мысленно сказал Азим.

Ответа и в этот раз не прозвучало. Юноша не сдавался и решил ещё раз позвать её, но тут его жеребец громко заржал и встал на дыбы. Азим огляделся по сторонам – ничего не было. Он посмотрел наверх – то же самое.

– Рудоба! – громко позвал он.

Вдруг над ними пролетела тень. Азим резко повернулся и увидел, как огромное белое облако садится на холм в трёхстах газах к югу от них.

– «Ты имел наглость прийти один?» – возмущённый голос симурга прогремел в голове Азима.

Юноша взял Катрона под узду и с чувством облегчения направился к симургу.

– Рудоба, мне нужна...

– «Где мои птенцы?!» – сердито спросила она.

– Их здесь нет, – ответил Азим.

Вытянув шею вперёд, Рудоба издала разгневанный крик, покачивая головой.

– «Раз их нет, то и жены твоей больше не будет!»

Рудоба хотела улететь, но Азим жестом остановил её.

– погоди! – позвал он. – Прошу, мне нужна твоя помощь!

– «Я не помогаю людям. Особенно тебе», – Рудоба опустила палящий взгляд на юношу.

– Тот, кто украл твои яйца, объявил нам войну, – Азим был уже в ста газах от Рудобы и не кричал так громко, чтобы она услышала его. – Расим хочет захватить весь Рахшонзамин!

– «Проблемы людей не касаются меня. Ты должен был вернуть моих птенцов, но...»

– Расим оказался могущественным колдуном! – юноша был уже в пятидесяти газах от неё. – Только ты можешь помочь нам одолеть его, – Азим пришёл к такому мнению, вспомнив усопших ведьм на Тропе мёртвых.

– «Я не вмешиваюсь в дела людей. Это запрещено».

– Расим подчинил своей воле тысячи воинов! – вознего-

довал Азим. – Он мог запросто подчинить и твоих птенцов, если уже не сделал это, – он опустил поводья и приблизился к Рудобе. – Лишь вопрос времени, когда они придут за тобой! – Азим пальцем ткнул в воздух, указывая на симурга.

Юноша опустил голову и сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться. Однако его сердце продолжало нервно биться.

– Мы не хотим войны, но Расим заставил копейщиков из Расулабада пойти против нас, – объяснил он Рудобе. – Скоро к ним подойдёт трёхтысячное подкрепление. С тобой мы сможем предотвратить братоубийственную войну. Помоги мне, умоляю, – Азим отчаянно посмотрел на симурга и опустился перед ней на колени.

Катрон негромко заржал и тоже опустил передние ноги, склонив голову.

Рудоба не отвечала. Она развернулась к Азиму спиной и посмотрела вдаль. Её белое оперение под лучами солнца имело золотой отблеск.

– *«Говоришь, судьба Рахионзамина зависит от тебя?»* – после, казалось бы, вечного молчания, спросила Рудоба.

– От нас, – ответил Азим.

– *«С наступлением Эпохи человека люди забыли о нас. Нам же было велено не вмешиваться в ваши дела и в тайне оберегать вас от заточённого зла. Я потеряла свою пару, исполняя свой долг. Но я не хочу потерять и своих птенцов. Я столько лет ждала, чтобы они вылупились»*, – Рудоба повернулась к Азиму. – *«Я помогу тебе»*, – согласилась она,

опустив голову.

– Спасибо! Спасибо!!! – обрадовался Азим, чуть ли не запрыгав от счастья.

Катрон тоже поднялся и благодарно заржал. Азим подошёл к нему, взял поводья и повёл обратно к долине.

– Нам нужно спешить на юг. Сражение могло уже начаться, – Азим всем сердцем надеялся на обратное.

Рудоба в одно мгновение перелетела на долину, а юноше оставалось преодолеть ещё два холма. Он решил сесть на жеребца, но тот начал артачиться.

– Что с тобой? – возмутился Азим.

Катрон громко заржал, встал на дыбы и погнал вперёд, оставив хозяина одного на гребне зелёного холма.

– *«У тебя довольно дерзкий жеребец»*, – Азим услышал смех Рудобы в своей голове.

В это время он побежал за Катроном, но остановился в недоумении.

– Да, иногда он поражает своим поведением, – Азим продолжил бежать.

– *«Он бросил мне вызов»*, – сообщила Рудоба.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Азим и вдруг снова остановился в замешательстве. – Ты понимаешь его? – изумился юноша.

– *«Разумеется»*, – ответила Рудоба.

Азим перебежал на другой холм и вскоре спустился с него на долину.

Тем временем, Катрон топтал копытами и возбуждённо мотал хвостом перед Рудобой.

– А меня он понимает? – Азим подошёл к жеребцу и вперил на него пристальный взгляд.

– *«Каждое слово»*, – подтвердила Рудоба.

– Мог бы довезти меня до долины, – с шутливым порицанием Азим слегка ударил Катрона по уху. – Заставил меня бежать.

Катрон слегка покачал головой и коротко фыркнул.

– Иногда мне кажется, он отвечает мне фырканием, но я не понимаю его. Как так? – недоумевал Азим.

– *«В Эпоху мастеров люди понимали всех животных и птиц. После Великого конфликта вы утратили эту способность»*, – поведала Рудоба. – *«Твой жеребец из чистокровной породы. Поэтому он понимает тебя и может общаться со мной»*.

– И какой же он бросил тебе вызов? – поинтересовался Азим, глядя в глаза Катрону.

– *«Он вызвал меня на гонку, заявив, что доскачет до поля брани раньше меня»*, – ответила Рудоба.

– Ты с ума сошёл?! – с осуждением покосился Азим. – Посмотри на неё. Нам ни за что не обогнать её.

Катрон заржал в ответ и кивнул в сторону симурга.

– Что он сказал? – Азим вопросительно обернулся на Рудобу.

– *«Он хочет, чтобы ты летел на мне, ибо ты его задер-*

жишь», – объяснила Рудоба.

– Вот как? – изумился Азим, снова посмотрев на Катрона. – Я тебя задержу? Значит я лишний груз для тебя? Вот спасибо, – с наигранным возмущением покачал он головой. – Если Рудоба прилетит первой, будешь три месяца пахать на землях моего отца, – идя к Рудобе, поставил условие Азим.

Катрон высоко поднялся на дыбы и громко заржал.

– Я принимаю твой вызов! – с деланной сердитостью сказал юноша под шеей симурга.

– *«Не хочешь узнать, чем он ответил?»* – спросила Рудоба, опуская шею.

– Потом скажешь, – ответил Азим, забираясь ей на спину.

Рудоба подняла голову, пару раз взмахнула крыльями и негромко и коротко крикнула жеребцу. Катрон же небрежно и, даже можно сказать, самоуверенно фыркнул в ответ и погнал вперёд.

– Что ты ему сказала? – поинтересовался Азим.

– *«Я дала ему три фарсанга форы, но он отказался. Так что держись крепче»*.

– Что ж, ему пойдёт плуг, – увлечённо ухмыльнулся Азим.

* * *

«Даже с чесночным лекарством, масками и свечами султан Ахоруна больше не позволял проводить вскрытие тел. Хранители знаний оставили исследования, не получив от-

вет об истинном происхождении Зелёной хвори. К счастью или нет, спустя годы, независимо от тайных исследований молодых энтузиастов, ответ был раскрыт признанием колдуна. Тем не менее Хранители знаний задались новым вопросом: «Как Расиму удалось создать Зелёную хворь?»

Чтобы получить ответ, Мастоне было велено найти, украсть и доставить в Нордан книгу, которую Расим тщательно прятал от ведьм».

Хранители знаний: «Исследования Зелёной хвори».

Разбивающаяся вдребезги обугленная голова Орзу до сих пор появлялась перед глазами Латифа. Он представлял себя на его месте, каждый раз думая о том, что колдун сделает с ними то же самое, узнав о его решении. Командиры отрядов, большинство которых Латиф сам назначил из числа тех, кто ходил с ним в поход за Чёрным рубином, поддержали это решение. Никто из копейщиков не хотел воевать с Арружом и со всем Ахоруном.

Первые три дня похода были спокойными, всё шло хорошо. Затем начались волнения среди копейщиков, а точнее они больше не могли сдерживать обеспокоенность в себе. Командиры опасались, что Расим может следить за ними и, узнав, что они продвигаются медленнее улитки, может заподозрить их в предательстве.

Предательство действительно имело место, пока они не получили письмо из Расулабада. Латиф и его войско копей-

щиков покинули столицу на второй день после событий во дворце. Хоть он и склонился перед падишахом, в душе Латиф не подчинился колдуну. Он не хотел кровопролития и потому задумал сбежать со всеми. Единственной проблемой были их семьи, оставшиеся в Расулабаде.

Они договорились, что через пару дней после их ухода, их семьи начнут покидать Расулабад. Они ещё не решили, куда отправятся, но Латиф надеялся договориться с султаном Ахоруна. Возможно, он предоставит им и их семьям убежище.

Эти надежды растворились, как только Латиф прочёл известие о последних событиях, произошедших в Расулабада. На пятый день похода к Латифу прилетела птица с письмом от Вохида, который по воле падишаха занял место Орзу. Весть о восстании в столице, смерти военачальников и порабощении воли солдат не обрадовало ни Латифа, ни его командиров.

– Вохид ибн Маджид велит нам взять Арруж раньше, чем султан придёт к ним на помощь, – огорчённо сообщил Латиф.

Он собрал командиров отдельно от остальных копейщиков под открытым небом на зелёном поле и прочитал им письмо.

– Думаете, султан уже выступил на защиту Арружа со своей армией? – негодовал Джалил.

Всего у Латифа было двенадцать командиров, возглавляв-

ших отряды из сорока пяти копейщиков каждый.

– О чём только думал этот колдун, когда отправлял нас? Пятьсот человек против целого города? – недоумевал и Маздак.

– Вохид же говорит, что отправит нам трёх тысяч солдат. Нам следует подождать их, – предложил Носех.

– Я не стану развязывать войну даже с тремя тысячами, – упорствовал Латиф.

– Война уже развязана, Латиф, – возразил Носех.

– Да, Латиф, мы больше не можем бежать, – поддержал Джалил. – Наши семьи будут в опасности, если мы не исполним приказ.

– У всех нас есть родственники в Арруже, – озадаченно сказал Латиф.

– Какая разница?! – заявил Осаф. По возрасту он был старше всех командиров. Ему было пятьдесят девять лет. – Мы уже мертвы, – сказал он, когда на него посмотрели с изумлением. – Так какая вам разница, от чьих рук умереть? Мы либо будем убиты от рук наших братьев в Арруже, либо этот колдун испепелит нам головы.

Посмотрев в сторону, Осаф прослезился, ибо в Арруже у него действительно жил младший брат. Его слова снова заставили Латифа увидеть ту самую картину в аудиенц-зале, но вместо Орзу с обугленной головой падали он и его командиры.

– Кем бы ни был падишах, мы обязаны исполнить его во-

лю, – призвал Дилшод, бесстрастно посмотрев на слёзы Осафа. – Мы давали клятву...

– Мы присягали Нодиру, – отрезал Латиф. – Я не обязан подчиняться тому, кто самовольно объявил себя падишахом, убив предыдущего.

– Он же и назначил тебя нашим военачальником. Почему же мы обязаны подчиняться тебе? – поспорил Фархат. Как и Осаф, он был одним из старых командиров.

В ответ Латиф лишь гневно смерил его взглядом.

– Успокойтесь, – призвал Джалил. – С одной стороны, Фархат прав, Расим теперь наш падишах. С другой стороны, война – это не лучшее решение, даже если и его обвинения против султана верны, – покачал он головой.

– Кто вообще верит его обвинениям? – оглядев всех, спросил Маздак.

– Не удивлюсь, если за всем этим Расим сам и стоит, – предположил Осаф.

– Зачем ему это надо? – недоверчиво спросил Фархат.

– Он хочет править всем Рахшонзамином, – ответил Латиф. – До того, как объявить себя падишахом, Расим использовал меня и вас, – он оглядел тех, кто был с ним в походе. – Мы помогли ему украсть яйца существа, о котором нам рассказывали в сказках. И одно такое существо уже давно заточено в темнице Расима. По дороге назад из этих яиц вылупились три птенца симурга. Расим хочет подчинить их своей воле. Мы выдели тот ужас, на который способна одна та-

кая птица. А с четырьмя Расим утопит Рахшонзамин в крови. Скажите, разве безмерное коварство одного шакала стоит жизни тысячи невинных? – Латиф выжидательно посмотрел на своих командиров и остановил взгляд на Осафе. – Вы правы, Осаф-ако. Я сам слышал, как Расим признался в запланированном убийстве Нодира и его сыновей. – Пока остальные переваривали эту новость, Латиф перевёл взгляд на Фархата. – Мы придём в Арруж, сложим наше оружие и попросим о помощи.

Командиры согласились со своим военачальником и на следующий день продолжили поход. Однако не все разделяли уверенность Латифа и готовились к худшему раскладу. Потому, с каждым привалом копейщики тренировались и готовились.

Небольшое войско Латифа нарочито передвигалось медленно. В день они преодолевали от пяти до десяти фарсангов. Тем не менее Арруж был уже близко, и с каждым шагом сомнения Латифа относительно благоразумия султана усиливались. Он велел устроить привал и разбить лагерь в пяти фарсангах от Арружа. На совете командиров Латиф поделился своими сомнениями и опасениями, которые сегодня утром лишь подтвердились. Латиф получил письмо из Арружа. Его принёс бурый ястреб. Прочитав сообщение, он окончательно разочаровался.

– Что они пишут? – поинтересовался Джалил, когда Латиф собрал их на очередной совет.

Они сидели на закате и готовились к ужину. Военачальник, командиры и рядовые копейщики – все рядом под открытым небом. Местами горел костёр, повара-копейщики готовили ужин.

– Помощи не будет, – расстроено ответил Латиф, небрежно выронив свёрток с рук.

– Что? – потребовал разъяснений Фархат.

– Султан прибыл в Арруж со своим войском. Он знает о нас и назначил место встречи...

– Для переговоров? – поинтересовался Осаф.

– Для сражения, – мрачно ответил Латиф.

– А ты надеялся на его благоразумие, – Фархат раздосадовано отбросил чашу с водой.

– Нужно было остаться и дожидаться подкрепления Вохида, – негодовал Дилшод.

– Они уже давно должны были догнать нас, если, как и мы, не сговорились сбежать, что мало вероятно. Расим не отправит нам подкрепление, он пустил нас в расход, – насупился Латиф. – Он хочет узнать на что способен султан. И пока нас будут рубить на куски, он соберёт многотысячную армию и разработает свою стратегию. Мы для него лишь пробная кампания... проверка.

– Тогда давайте покажем на что мы способны! – призвал Дилшод.

– Султан не станет нам помогать, Латиф, – поддержал Фархат. – Он и слушать даже не станет. Бузург ибн Махмуд

алчен не меньше Расима.

– Значит, кровопролития не избежать? – расстроился Осаф.

Латиф с серьёзным видом встал с места и оглядел всех, кто был вокруг него и рядом.

– Я не подниму своё копьё против ни одного ахорунца, и вы не посмеете без моей команды! Слышите?!

Все вокруг опустили глаза и потупились.

– Мы вторглись на его земли с оружием. Султан видит в нас угрозу, – проговорил Джалил.

– Именно это он и написал в своём письме! – громко сказал Латиф. – Но мы докажем ему обратное! Они вызвали нас на бой, но мы не бросим в них свои копья и не обнажим наши мечи. Завтра мы выступим на поле брани, но не начнём сражение. Пусть нападут сами, а мы дадим отпор!

– Может, ты всё же попробуешь договориться с султаном, – негромко предложил Осаф. – Они всё же нам...

– Никто из нас не хочет войны! – громко заявил Латиф. – Но завтра мы узнаем, братья мы или враги.

Это завтра наступило в одно мгновение. Копейщики выстроились в двенадцать фаланг в двух фарсангах к юго-западу от Корявого леса. Они прибыли на поле брани, когда солнце на два копия поднялось из-за восточного горизонта. Однако их противника до сих пор не было.

Копейщики, все как один, были одеты в белый кафтан с рукавами до локтей и белые шаровары, заправленные в вы-

сокие кожаные сапоги. Поверх кафтана на них была кожаная безрукавка с медной пластиной внутри. Поверх шаровар у них была кожаная юбка с плотными свисающими ремнями для защиты бёдер. На головах повязаны белая короткая чалма со свисающими на плечи хвостами.

Вооружение копейщиков состояло из копья, длиной в три газа с наконечником из бирюзовой стали, короткого изогнутого меча для ближнего боя и треугольного щита с сужением в вогнутой главе. Края их щитов были также остры, как их мечи.

В ясный солнечный день, который близился к полудню, Латиф и его войско в ожидании противника стояли на ровном поле, шириной в три стадии. Отсутствие султана с его войском снова вселяло в Латифа надежду, что ахорунцы тоже не жаждут на них нападать. Это значит, с Бузургом ибн Махмудом всё же можно будет договориться.

Где же он?

Наступил полдень, и их ожиданиям пришёл конец. На том конце поля показался всадник на чёрном коне. С его появлением послышался басовитый грохот, повторяющийся после каждого девятого удара сердца. Вскоре за всадником показалось пешее войско, превосходящее числом копейщиков.

Латиф никогда не видел Бузурга ибн Махмуда в лицо, но ему было несложно догадаться, что на коне сидел именно он, а его пешее войско шло в двадцати газах позади в сопровождении трёх барабанщиков.

Впереди войска ахорунцев двигалось ещё что-то. Присмотревшись, Латиф заметил, что это были белые львы. Они не были в цепях, и никто не держал их на привязи. Двадцать один белых львов заревели разом, словно гром сред ясного неба, когда султан поднял руку и его войско остановилось в одной стадии от копейщиков.

Латиф оценил войско султана, вышел вперёд на несколько шагов и повернулся к своим копейщикам.

– Готовьтесь! – призвал он. – Готовьтесь принять бой. Не бойтесь их превосходства, друзья мои. На то у нас есть копья, щиты и мечи. Нас послали сжечь Арруж, но мы не станем исполнять скверную волю падишаха. Пусть нас посчитают предателями, но, если те, кого мы считаем братьями, нападут на нас, мы будем сражаться за нашу честь, не за Расима!

– Да! – копейщики хором поддержали своего военачальника.

– Бейтесь до последнего в надежде, что с нашей семьёй всё будет хорошо, – продолжил Латиф, зная, что, если они не дадут бой Бузургу, падишах об этом узнает и взыщет наказание с их родных. – Бейтесь за наш дом! – он с призывом поднял своё копьё над головой.

Взревев, копейщики тоже подняли свои копья.

Латиф повернулся к войску Ахоруна и, опустив копьё, начал ждать. Он пришёл сюда в поиске надежды, но скорее всего получит окровавленный меч.

Бузург стоял в больше двухстах газах от копейщиков и ед-

ва ли мог слышать к чему призывает их воевода. Вряд ли к тому, чтобы сложить оружие, раз они разом взревели и подняли свои копья над головой. Очевидно, что они готовы к битве. Их воевода только что произнёс ободряющую речь. Может и ему произнести речь?

Султан обернулся на своё войско. Они были готовы защищать свою родину, и не нуждаются ни в какой речи перед сражением. Тем более, он уже переговорил с ними перед походом на поле брани и объяснил ситуацию. Потому у воинов Ахоруна были встревоженные лица, замершие в ожидании чуда.

Десять дней воины готовились к этой битве, но никто из них не хотел проливать братской крови, и это тоже отражалось в их глазах. На протяжении многих веков Зебистан и Ахорун были друзьями. Их народы не раз заключали брачные союзы, не говоря уже о правящей знати. Они всегда считались братьями, но сегодня в один момент могут стать врагами. Этого нельзя допускать. Потому султан медлил с походом на поле брани. Бузург хотел дать Азиму время. Юноша отправился за помощью, но полден миновал, а его всё ещё нет.

– Где же ты, Азим? – Бузург посмотрел по сторонам.

Солнце медленно отдалялось от зенита, вокруг стояла тишина, даже ветер замер в ожидании. Напряжение в воздухе росло вместе с температурой. Перед Бузургом встала сложная задача. Копейщики вторглись на его землю со злым

умыслом. Будь это иначе, они давно отправили бы к ним гонца доброй воли. Вместо этого их воевода подбодрил своих воинов, и теперь они готовы напасть. Бузург и его войны тоже готовы защитить Арруж и весь Ахорун, а лучшая защита – это нападение. Если Азим вскоре не появится, султан отдаст команду.

– *«Прости, Азим, но ты был не прав»*, – думал Бузург, видя, как копейщики подняли перед собой щиты и выставили копья вперёд.

Султан посмотрел на барабанщиков позади себя и молча кивнул им. Получив команду, молодые и крепкие барабанщики в белых туниках без рукавов и светло-зелёных камзолах, расшитыми виноградными лозами, начали поочерёдно и ритмично по три раза бить по своим барабанам. С последним ударом войско Ахоруна сделало три шага вперёд. Барабанщики повторили свою дробь, и воины продвинулись ещё на три шага.

Таким образом, султан на чёрном коне, саруны и его пешее войско продвигалось вперёд после каждой барабанной дроби. Бузург всё ждал, что копейщики нападут на них, однако те даже не сдвинулись с места.

– *«Может, Азим всё-таки прав?»*

Бузург поднял руку и его войско остановилось после пятидесяти шагов. Их численность составляла тысячу пятьсот тридцать, включая пятьсот лучников из Арружа. У них были длинные чёрные луки, способные выпускать стрелы до трёх-

сот газов. На каждом луке вырезано имя лучника. По одной лишь команде султана они могли бы обрушить на копейщиков град из стрел, и делу конец, но Бузург временил с этой командой.

Воины же были вооружены мечами с сужающимся клинком и гардой в виде серпа луны с острыми рогами вниз. Похожие короткие мечи были и у лучников. Все они, за исключением лучников, были одеты в бежевые туники с короткими рукавами поверх медных кольчуг и в коричневых штанах, заправленных в короткие сапоги. На поясах у воинов были широкие ремни со свисающими хвостами, защищающими перед и зад. У лучников же были кожаные распашные безрукавки поверх коричневых рубах. На их плотных безрукавках с наружи нашиты медные пластины. На головах у лучников были чёрные тюбетейки с белыми узорами, вокруг которых повязаны бежевые льняные платки. У воинов тюбетеек не было. На свои головы они повязали короткие бело-зелёные чалмы.

Султан был одет в длинную белую тунику с белыми шароварами. Поверх туники на нём была серебряная кольчуга и короткая безрукавка с серыми полосками. На Бузурге ещё был и тонкий белый халат с рукавами до локтей, украшенный золотым орнаментом. Под халатом был золотистый широкий пояс с привязанным к нему мечом в золотых ножнах. Его меч похож на мечи воинов, но выполнен из бирюзовой стали и золота.

Бузург опустил руку и ещё раз огляделся – он не заметил ничего, кроме маленького белого облака где-то над западной опушкой Корявого леса. Он не стал обращать на него внимания и посмотрел на войско впереди.

– «Почему они не нападают?» – гадал султан. – «Может, отправить к ним гонца?»

Этот вопрос тут же нашёл себе отрицательный ответ, когда копейщики начали стучать своими копьями о щиты. Первым начал их воевода, а войско повторило за ним.

Латиф думал, что, начав продвижение, войско султана начало наступление и вот-вот они перейдут на бег. Он был удивлён, когда султан остановил их. Латиф недоумевал, зачем султан сделал это. Султан высматривал что-то, но что? И чего он ждёт?

Прошёл первый час после полудня и приблизилась вторая, а войны двух братских государств всё смотрели друг на друга издали и ждали, когда же свершится их судьба, и кто сделает к ней первый шаг?

Нельзя с этим тянуть, думал Латиф. Они всё равно умрут, либо от рук братьев, либо от рук Расима. Второй вариант нежелателен, а от первого они хоть умрут с достоинством.

Или нет?

Латиф сомневался в том, что поднять руку на брата – это достоинство.

Смерившись со своей участью, Латиф начал стучать сво-

им копьём по щиту. Его копейщики почти сразу же повторили за ним. Они ритмично стучали по своим щитам, провоцируя ахорунцев на атаку.

Бузург понял намёк, но не решался. Он до последнего ждал Азима, но копейщики сделали к ним шаг вперёд, и он принял решение.

– Прости, Азим, сражения не избежать, – тихо прошептал Бузург и обнажил свой меч.

Воины тоже обнажили мечи, а лучники позади них достали стрелы из колчанов и приготовились.

Султан поднял левую руку. Он должен отдать приказ. Он должен сделать это во благо Ахоруна, но спасёт ли это Зилолу? Вот, что заставляло его колебаться. Но если не сразиться с копейщиками сейчас, к ним на подмогу придёт многотысячная армия.

– *«Где же ты, Азим?»*

У султана не было больше сил ждать и надеяться. Он ощущал, как среди его войска растёт молчаливое напряжение. Он решился и в отчаянии чуть было не отпустил руку в знак команды на атаку, как вдруг он услышал хищный птичий крик. Султан посмотрел направо и услышал ржание лошади, доносившееся издалека. Он присмотрелся и заметил жеребца Азима в четверти мила.

– *«А где же сам Азим?»* – задался вопросом Бузург, как вдруг над ними пролетела тень.

Буквально все посмотрели вверх. Над ними с криком

пролетела огромная, на вид хищная, птица с длинными хохолками на голове, шее и в крыльях. Эта сказочная птица расправила крылья, устремилась вниз и снова пролетела над копейщиками, заставив их съёжиться и встрепенуться.

Рудоба развернулась по дуге и полетела вверх. Издав громогласный крик, она резко села между двумя войском и повернулась к султану.

Потрясённый Латиф получше присмотрелся к этой огромной белой птице и, к своему ещё большему удивлению, заметил на её шее человека в чёрном одеянии.

В момент, когда к ним прискакал Катрон, Рудоба опустила шею и Азим спрыгнул вниз.

– Ты продул! – юноша ухмыльнулся, ткнув пальцем по воздуху в сторону Катрона и побежал к султану. – Прошу вас, светлейший господин, уберите свой меч, и вы спрячьте их в ножны! – призвал Азим, посмотрев на воинов.

– Это и есть помощь, о которой ты говорил? – спросил султан, не отводя изучающий и изумлённый взгляд от симурга.

– Я уверен, что смогу договориться с ними, – Азим кивнул назад.

– Как моя дочь? – султан опустил взгляд на зятя.

– Она говорит, что Зилола в порядке и ни в чём не нуждается, – ответил Азим, указав на симурга.

– Так я и поверил, – недоверчиво сказал Бузург, бросив осуждающий взгляд на симурга.

– Я верю ей, – заручился Азим. – Прошу вас, отец, уберите

свой меч. Я поговорю с копейщиками и убежу их встать на нашу сторону.

– Ты думаешь, они станут слушать тебя? – сомневался султан.

– Вы уже давно должны были перебить друг друга, но, как я вижу, вы все живы и здоровы, – Азим обвёл войско взглядом. Для него это было огромным облегчением. – Они не хотят войны...

– Ты был прав, – поддержал Бузург, расслабившись. – Я доверяю тебе, сын мой, – убрал меч в ножны, Бузург одобрительно кивнул.

Чуть ли не подскочив от радости, Азим развернулся и побежал к копейщикам, восстановивших строй. Юноша пробежал под правым крылом Рудобы и остановился в десяти шагах от копейщиков. Он обвёл их взглядом и посмотрел на светловолосого человека, который в отличие от остальных держал копье в левой руке, а щит в правой. Он был их воеводой, понял Азим, так как тот стоял во главе войска. Глядя на него, Азим медленно развёл руки, показывая, что он безоружен.

– Бравые господа Зебистана! – обратился он ко всем копейщикам. – Прошу вас, опустите свои копья остриём вниз.

Рудоба чуть приблизилась и опустила грозный взгляд, насторожив копейщиков. В случае чего, она была готова прикрыть Азима своим крылом.

Копейщики пребывали в замешательстве. Кто этот юно-

ша, оседлавший эту сказочную птицу? Они неуверенно и ошеломлённо смотрели то на симурга, то на юношу. Опасаясь нападения, они нервно сжимали древки своих копий.

Латиф присмотрелся к Азиму. Это был молодой статный человек с короткими и слегка кудрявыми чёрными волосами, и синими глазами. Вид его не был враждебным, но глаза выдавали сомнения и тревогу юноши. Латиф расслабился и сделал шаг вперёд, дав понять, что готов выслушать его.

– Мы не хотим сражаться с вами, – громко заговорил Азим. – Нам не нужна война с Зебистаном. Вас обманом заставили выступить против нас, но мы вам НЕ враги! – Азим покачал головой. – Наш враг там, – он уверенно указал на юг в сторону Расулабада. – Алчный шакал захватил львиный трон, и теперь этот подлый колдун натравил вас на нас своими гнусными обвинениями, но мы не желаем вам зла и никогда не желали! Вы наши соседи. Вы наши друзья... – Азим подвёл руку к сжимающемуся сердцу. – Вы наши братья, – к его глазам подступали слёзы, но он держался стойко. – Так зачем нам братоубийственная война, навязанная бесчестным предателем? – с теснением в груди Азим посмотрел копейщикам в глаза. – Объединимся, – Азим протянул руку их воеводе, – и я, Азим ибн Аъзам, даю вам слово, свергнуть узурпатора и освободить ваш город от его гнёта.

Азим знал, что не ладит со своими обещаниями, но искренне верил, что с помощью копейщиков и Рудобы он сдержит своё слово. Потому юноша отчаянно потрянул рукой, что-

бы воевода копейщиков подошёл и пожал её.

Латиф неуверенно смотрел на юношу перед ним. Его слова звучали искренно, но сможет ли он одолеть колдуна, с которым не смогла совладать могущественная ведьма? Сможет ли эта птица противостоять Расиму, когда у него в плену четыре таких же?

Латиф обернулся на своё войско – те ожидали его решения. Он опустил взгляд и задумался. Этот юноша прилетел верхом на симурге и говорит уверенно. Может, он – та надежда, за которой Латиф явился сюда и о которой молил Всевышнего? С войском Ахоруна и этой сказочной птицей возможно у них будет шанс. Он должен попытаться... ещё один раз.

Отбросив сомнения, Латиф подошёл к Азиму. Он поднял перед собой копьё, три раза повертел им и резко воткнул его остриём в землю. Латиф опустил свой щит и отбросил его в сторону, сделав то же самое со своим мечом на поясе.

– Меня зовут Латиф ибн Маъруф, – представился он. – И я принимаю твоё слово, – Латиф крепко пожал руку Азима до предплечья, а копейщики за ним радостно заревели, высоко подняв свои копья.

* * *

«Люди бывают разные, особенно дети. Многим не по нраву строгое воспитание. На улицах дети с дурным нравом вы-

мещают своё зло и всё, что запрещено дома. Такие дети дружат только с себе подобными и только, если знают о совершённых ими проступках. Такие дети вырастают своенравными бунтарями, не проявляющих малейшего уважения к старшим.

Для послушных и воспитанных детей среди драчунов и задира нет места, если только они не готовы переступить черту ради признания.

Как бы я воспитала своего сына, если бы не та трагедия?»

Ардвисура

Когда Азим с Латифом подошли к султану, все воины и лучники Ахоруна прижали кулаки к сердцу и с почтением склонили головы перед Азимом. Вслед за своим войском Бузург одобрительно кивнул, гордясь Азимом как своим сыном. На удивление Латифу даже белые львы склонили головы перед юношей в чёрном. Эта была благодарность за то, что он предотвратил братоубийственное сражение.

Тем не менее основное сражение было ещё впереди. Все понимали это. Потому на следующий день объединённое войско выступило на Расулабад.

Поход продлился пять дней. За это время ахорунцы и зебистанцы сблизились и сплотились против общего врага. Среди копейщиков Латифа и лучников Арружа нашлись двоюродные и троюродные братья. Дальних родственников

тоже оказалось немало. Они обнимались и проливали слёзы от счастья, что им не пришлось проливать родную кровь.

В столицу Зебистана воины шли смешанными отрядами и при каждом привале зажигали костры, у которых они шутили, смеялись, пели и танцевали. Они даже устраивали дружеские соревнования между собой по борьбе и метанию копий. Султан поддержал эту инициативу и обещал Джасуру, воину из Ангурана, победившему в борьбе, чалму из золотого шёлка и красный рубин, размером с его кулак. Джамалу из Расулабада султан подарит копьё с золотым наконечником. Естественно, победители получают заслуженное после победы над Расимом. Но если по исходу войны они погибнут, обещанную награду вручат их семьям – так распорядился султан.

Положительное настроение и небрежные улыбки были чужды Азиму. Он напоминал воинам, что они должны быть готовы ко всему. Юноша практически не принимал никакого участия во время состязаний. Он предпочитал проводить занятия с мастером над оружием.

Азим был неразговорчив и всю дорогу после объединения скрывал ношу своих чувств под притворной или сдержанной улыбкой. Правда, притворятся у него получалось плохо – его выдавали глаза. Воины видели в них обеспокоенность, но юноша не делился своими переживаниями. Потому они не тревожили его покой, когда Азим хотел уединиться и удался ото всех во время заката.

Мысли о Зилоле не оставляли Азима ни на мгновение. Ра-

сулабад с каждым шагом был всё ближе и ближе, тем самым его волнение о жене и успехе этого похода становились всё сильнее и сильнее. Кроме того, у него было ещё одно странное чувство тревоги, которое приводило его в недоумение.

Что если они не справятся?

Рудоба дала на это душераздирающий ответ:

– *«Если твой поход обречён на провал, твоя жена будет горевать со мной».*

В тот же вечер, когда войска объединились, Рудоба вернулась в свою пещеру. По просьбе султана она взяла провизию и пару сменной одежды для Зилолы, которую мигом доставили из Арружа. А просьбу Азима полететь с ней, чтобы увидеться с женой, Рудоба отклонила. Её слова перед отлётом были для Азима наглядным примером того, как нужно держать своё слово, потому что в них Азим услышал намёк на предыдущее предупреждение симурга. Он вспомнил, что она грозила сделать, если он не вернёт её птенцов.

Хоть Рудоба и обещала вернуться, когда войско подойдёт к стенам Расулабада, Азимом всё ещё обуревали сомнения...

На четвёртый день похода объединённое войско остановилось в десяти фарсангах от Расулабада. Пока воины разводили костры и готовились к вечерней трапезе, Азим вновь отдалился от них после совместной тренировки. Объятый хандрой, он сидел на низком холме и смотрел, как последние лучи солнца зажигают звёзды. Он снова и снова изучал письма Одила и думал о предстоящей битве. Завтра они подойдут к

стенам города и их встретят три тысячи воинов. Прислушаются ли они к нему или нет?

Отправляя гонца за вещами для Зилолы, султан хотел призвать и воинов запаса, чтобы сравняться в численности, но Азим настоял на обратном. Он был уверен, что также сможет убедить воинов Расулабада восстать против Расима. Однако эта уверенность угасала вместе с дневным светом.

– Все только о тебе и говорят, – к нему подошёл Комил, как всегда, с улыбкой на устах. – Воины дали тебе новые прозвища: «Азим наездник симурга» и «Азим полководец». Как тебе? – Комил присел рядом.

Азим посмотрел на друга и отстранённо покивал. С приходом Комила вернулось и то самое странное, необъяснимое чувство тревоги Азима. Не сказав ни слова, Азим снова посмотрел в сторону заката.

– До твоего появления на этой птице, я был единственным, кто сохранял бодрость духа. А теперь ты единственный, кто всё ещё мрачен и взволнован. Что не так? – поинтересовался Комил, обеспокоенно посмотрев на Азима.

– Армия, собранная Расимом, – задумавшись, ответил Азим. – Мне кажется, в этот раз нам не удастся переманить их на нашу сторону, как копейщиков Латифа.

– Почему? – негромко спросил Комил и, услышав шаги, обернулся назад. – Он как раз идёт сюда с твоим тестем.

Комил встал и учтиво поклонился султану. Не отпуская руки от сердца, он приветственно кивнул Латифу.

– Мы тебя обыскались, – слукавил султан, чтобы начать разговор.

– Почему армии Расима до сих пор здесь нет? – повторив то же самое, что и Комил, озадаченно проговорил Азим.

– Разведка сообщает, что они собрались у северных ворот стен Расулабада, – доложил Латиф.

– Видимо, Расим узнал о случившемся и отозвал их, – предположил Бузург.

– Он ждёт, чтобы вы напали первыми, – поделился мыслью Латиф. – Для него это будет поводом обосновать свои обвинения. Так, он поднимет весь Зебистан против вас. Ему будут подчиняться беспрекословно.

– Как раз об этом я и думал, – признался Азим. – Боюсь, мы не сможем уговорить армию Расима восстать против него.

– Почему ты так думаешь? – подозрительно спросил Латиф.

– В первом письме Одила говориться, что падишах силой заставил вас, копейщиков, пойти на Арруж. Во втором, – Азим потряс другим свёртком в правой руке, – он говорит, что Расим подчинил воинов своей воле...

– А это не одно и то же? – риторично спросил Комил с ухмылкой.

– Думаю, нет, – серьёзно ответил Азим, опередив султана и Латифа. – Вас он заставил обманом и угрозами, – он указал на Латифа. – В этот же раз, думаю, без колдовства не

обошлось.

– Ты думаешь, Расим колдовством подчинил себе три тысячи воинов? – султану это показалось невероятным.

– Он оказался сильным колдуном, чем мы предполагали, но вряд ли Расим способен на такое, – также усомнился Латиф.

– Если завтра мои опасения подтвердятся, они не станут слушать, – сказал Азим.

– Не волнуйся, мы будем с тобой, – заверил Латиф. – Если Расим сам не возглавит войско, то мы сможем с ними договориться.

– А если он и возглавит, я лично обезглавлю его, – дал уверенное слово Бузург.

– Идём, раздели с нами трапезу, Азим наездник симурга, – пригласил Латиф.

Бузург поддержал его кивком. Они развернулись и начали возвращаться в лагерь. Азим же задержался, глядя в спину Комилу. Он вспомнил, что впервые ощутил ту странную тревогу, когда они год назад вместе шли к его отцу из рынка Голиба. Тогда он представить себе не мог, с чем может быть связана эта тревога, а теперь ему было страшно.

– Комил, – взволновано позвал он.

Тот обернулся и вернулся к другу.

– Что? – с улыбкой спросил он.

– Ты сдержал слово, данное моему отцу, – ответил Азим. – Возвращайся домой, Комил. Жена ждёт тебя. Ты там нужнее.

Комил улыбнулся ещё шире и по-дружески положил руку на плечо Азиму и искренне заявил:

– Я буду с тобой до конца, мой господин.

На пятый день войско достигло Расулабада. Поле брани было у городских стен на местности с равномерными низкими холмами. Воины были настроены на благоприятный исход этого дня. Они ждали, что султан, Азим и Латиф пойдут договариваться о мире. Однако с возвращением симурга султан приказал войскам строиться, и только один Азим поехал к армии противника.

Командиры и военачальники начали торопливо собирать своих воинов в боевые фаланги, а копейщики в недоумении оставались в стороне. Никто не мог ответить на их вопросы, потому что сами не владели ответами.

В авангарде поставили сарунов, за ними в трёх фалангах выстроились воины-меченосцы, в арьергарде стояли лучники Арружа. Все ждали команду султана на наступление, но тот верхом на чёрном коне, стоял в стороне и ожидал возвращения зятя.

Латиф приказал своим копейщикам строиться и решил было подойти к султану, выяснить в чём дело, но тут оказался Азим с раздосадованным видом. Подъехав к султану, Азим тяжело посмотрел на него и со вздохом что-то пробормотал. Султан ответил ему и указал в сторону копейщиков. Азим согласно кивнул, спешился и с тяжёлым сердцем подошёл к Латифу.

– Рудоба принесла плохую весть. Я поехал к стене и убедился в этом сам... Мне очень жаль, Латиф, – негромко сказал Азим.

Хоть копейщики и не слышали Азима, по его виду они поняли, что дела плохи. Среди них начался ропот. Азим подошёл к ним и громко сообщил:

– У стен вашего города собралось две тысячи воинов во главе ведъм. Ещё тысяча собралась у дворца. Мне жаль говорить вам это, но договориться с ними не получится, – Азим покачал головой. – Их воля осквернена... Их глаза черны, а мечи готовы к бою... Они ваши сограждане, – продолжил Азим после короткой паузы. – Они ваши братья... Если вы не хотите проливать их кровь и откажитесь сражаться, я пойму, – юноша подвёл руку к сердцу и медленно кивнул. – Вы все уже знаете, что случилось с моей женой. Только покончив с Расимом, я освобожу её. Я освобожу ваш город от гнёта узурпатора. Я дал вам слово и сдержу его даже ценой своей жизни.

Не зная, что ещё сказать, Азим снова подвёл руку к сердцу, учтиво склонил голову перед копейщиками и, развернувшись, положил руку на плечо Латифу. Многозначительно посмотрев на воеводу, Азим молча кивнул ему и вернулся к своему жеребцу.

– Кажется, плуг подождёт, – пошутил от, обращаясь к жеребцу, который фыркнул в ответ.

Азим сел на Катрона и погнал его медленно нарастающим

шагом. Он поднял правую руку над головой и, пальцем начертив круг, указал в сторону противника за пологим склоном. Воины Ахоруна взревели и ринулись в бой во главе с Азимом...

Латиф пребывал в замешательстве. Он не знал, что делать. Стоять и смотреть, как бьются за их город, или отдать команду копейщикам вступить в бой против своих? Свои ли они ещё?

Латиф повернулся к своему войску – у них у всех были выжидательные лица. Он понимал, что от него ждут решения, которое повлияет на их дальнейшую судьбу.

– Запомните этот день братья! У нас отняли свободу, но сегодня мы будем сражаться за свободу наших жён и детей. Мы будем сражаться за свободу наших братьев! Расим не дал им выбора. Он подчинил их своим колдовством. Их воля осквернена, но их души невинны! Так освободим же их!!! – призвал он, как бы больно ему ни было. – За наш дом! – Латиф поднял копьё над головой. – За Расулабад! – он развернулся, чтобы скрыть от своих копейщиков слёзы, и побежал в наступление.

– За наш дом! – единогласно крикнули копейщики, встряхнув копьями. – За братьев! ЗА АЗИМА!!! – взревев, словно гром, они ринулись в бой.

– За Азима! – поддержали ахорунцы, которые уже были в меньше ста газах от осквернённой армии Расима.

– За Азима, – негромко повторил Латиф, обгоняемый соб-

ственными копейщиками...

Лучники остановились в десяти газах от края низкого холма. Натянув тетивы, они пустили стрелы, сделав три залпа в трёх траекториях. Воины же, которые продолжили бег по продолговатому пологому склону этого холма, замедлили скорость, чтобы стрелы достигли своей цели и ослабили ряды противника...

Рудоба сообщила Азиму, что пятьдесят копейщиков из осквернённой армии ждут именно его появления. Доверившись её плану, юноша направил жеребца на выступ справа. Приблизившись к выступу, Азим сел на корточки на седле и приготовился.

– Бей их! – крикнул он жеребцу, когда тот со всей скоростью прыгнул с края выступа.

Во время прыжка Катрона Азим опустил поводья и, оттолкнувшись от седла, прыгнул вверх. В силу своего веса, жеребец по дуге полетел вниз, а Рудоба, расправив крылья, нырнула в прореху, образовавшуюся между жеребцом и юношей. Она подобрала Азима, зацепившегося за её шею, и полетела вверх...

От выступа до копейщиков с чёрными глазами и чернью вокруг глаза было не больше сорока газов по диагонали. Они заметили прыжок чёрного жеребца, повернулись и разом метнули свои копья. Будь это копейщики со свободной волей, все копья поразили бы цель. У осквернённых же копейщиков бросок получился неточным и вялым. Одни копья

не долетели, другие перелетели цель.

Приземлившись, Катрон издал боевое ржание и поскакал к этим копейщикам, обнажившим свои короткие мечи. Жеребец с близкого расстояния прыгнул на копейщика, пытавшегося неуклюжим движением исполосовать ему шею. Катрон своим прыжком сбил с ног двоих и ещё одного лягнул передними копытами. Ему на подмогу пришли пять сарунов. Они нападали на осквернённых копейщиков сбоку или сзади. Один удар их мощных когтистых лап стоил одной жизни. Белые львы были крупнее обычных и, благодаря своей густой плотной гриве и толстой шкуре, не боялись порезов от мечей. Несмотря на отсутствие гривы, самки сарунов не робели нападать и раздирать своих осквернённых жертв...

Стрелы чёрным градом опустились на воинов Расулабада, разделившихся на пять батальонов. Ведьмы во главе этих батальонов импульсами пытались отразить стрелы, но их действия не были согласованы. Они отразили лишь две трети стрел и переключились на симурга.

Издав яростный крик, Рудоба с последней стрелой рухнула на пятый батальон. Расправив крылья, она трижды покрутилась на месте. Ветер, поднятый таким образом, сбивал с ног осквернённых воинов. Импульсы ведьм попадали в неё, но вместо вреда лишь раззадоривали её. Чтобы импульс не попал в Азима, Рудоба опустила шею, и юноша спрыгнул. Заметив это, три ведьмы во главе этого батальона ринулись на Азима. Рудоба, подпрыгнув, схватила их своими лапами,

вонзила в них когти и швырнула в сторону стены.

– *«Я займусь ведьмами, а ты помоги Катрону»*, – сказала Рудоба, полетев на ведьм, возглавлявших другие батальоны.

Рядом с Азимом упала мёртвая чёрная птица с белым брюшком. Не заметив этого, юноша обнажил свой меч и вступил в бой. Против него вышел осквернённый воин. Азим отразил его колющий удар, полоснул мечом по бедру, толкнул его и побежал к Катрону.

Те, кто успел подняться после сногшибательного ветра, вызванного симургом, начали восстанавливать строй. Пятеро из них преградили путь Азиму и одновременно замахнулись на него. Азим отразил один удар, второй... трое остальных свалились, поражённые копьями. Удивлённый юноша заметил, что Латиф прибыл ему на помощь. Копейщики разделились на два батальона: один напал на четвёртый батальон осквернённых воинов, другой пришёл поддержать отважного чёрного жеребца и белых львов.

Азим с улыбкой кивнул Латифу, сбил с ног двух оставшихся воинов, предварительно ранив их, и продолжил свой путь к Катрону...

Воины Ангурана напали на второй и третий батальон. Лучники же спустились на середину склона, выпустили по несколько стрел в сторону первого батальона, идущего на помощь второму. Затем лучники убрали луки за спину и, достав мечи, тоже вступили в бой с первым батальоном противника.

Султан на своём коне рубил мечом и сметал всех врагов на своём пути. «За Ахорун», «За мою дочь», «За Азима», выкрикивал он при этом.

Азим не смог добраться до своего жеребца. Между ними встали около двухсот осквернённых воинов, сражавшихся с отчаянными копейщиками Латифа. Усердные тренировки и занятия с мечом не прошли даром. Азим самостоятельно смог противостоять шестерым воинам. При этом, юноше казалось, что противник бьётся не в полную силу. Их движения были какими-то скованными, а иногда заторможенными, что позволяло Азиму отражать их удары и самому наносить колющие и рубящие удары.

Осквернённые воины издавали странные, приглушённые вздохи, вместо крика, а в их чёрных глазах отсутствовало хоть какое-либо выражение. Это настораживало Азима. Он старался не смотреть им в глаза.

Битва была жестокой. Воины старались прикончить друг друга. Саруны добивали раненых, либо бросались на осквернённых воинов в обход их мечей. Батальоны Расулабада редели быстро. Ахорунцы тоже несли потери, не говоря уже о копейщиков Латифа, тридцать из которых пришли на помощь Азиму. Скольких убил сам Азим, он не знал. В этой кровавой суматохе было не разобраться в счёте. Тем не менее юноша по возможности старался обезоружить и ранить, а не убивать врага.

Азим отразил рубящий удар, а копейщик, Маздак, при-

крыл ему спину, отрубив руку осквернённого воина своим щитом и добив его мечом. Азим благодарно кивнул Маздаку и вступил в бой с новым противником. Его меч несколько раз перекрестился с мечом противника. Наконец, отбив меч, Азим в горячем порыве вонзил свой меч в живот осквернённого воина. Тот тяжело простонал. Чернь вокруг глаз исчезла и его карие глаза прояснились. Он с ужасом посмотрел на меч в своём кровоточащем животе, а затем поднял глаза на юношу в чёрном.

– Я прощаю тебя, – сказал он на последнем вздохе и мертвым свалился на бок.

Азим был потрясён. Ошеломлённый, он опустил окровавленный меч и посмотрел по сторонам. Юноша обратил внимание на раненых воинов Расулабада. Среди них были те, которые были изумлены не меньше самого Азима. Сквозь звон клинков, яростных криков Рудобы и рёва сарунов Азим слышал их отчаянные вопли:

– Остановитесь!.. Это Расим заставил нас!.. Прошу, перестаньте!.. Братья, что вы делаете?! – кричали те, кто пришёл в себя.

Кроме того, Азим заметил, что саруны не нападают на тех, у кого прояснился рассудок, но некоторых, попавших под горячую руку, добивали копейщики. Азим повернулся и посмотрел, как осквернённый воин бьётся с копейщиком, Маздаком, и проигрывает. Чернь вокруг его глаза исчезла только после его смерти. Были и другие раненные с чернью вокруг

глаз – даже сильно раненные, они продолжали биться. Лишь с последним вздохом чернь сходила с их глаз.

Глядя на это, Азим предположил, что его меч способен освободить их от скверны. Он решил убедиться в своей теории. Тут перед ним Маздак вступил в бой с очередным противником. Маздак отразил тяжёлый удар, повалил соперника на колени и замахнулся, чтобы отсечь ему голову. Азим сделал резкий шаг вперёд и замахом снизу отразил удар. Затем он быстро схватил руку Маздака и ногой ударил в бок осквернённого воина, тянувшегося к своему мечу.

– Не убивай его, – Азим покачал головой. – Смотри!

Азим схватил того самого воина и ранил ему руку. Через какое-то мгновение чернь вокруг глаза исчезла, и воин пришёл в себя. В недоумении он посмотрел на Азима, на Маздака, а потом по сторонам.

– Нет, – в ужасе вздохнул он.

– Не убивать! – приказал он изумлённому Маздаку. – Не убивать!!! – громче крикнул Азим, ища глазами Латифа и султана. – Не убивайте их!.. Катрон! – позвал Азим.

Послышалось громкое ржание. Жеребец пробился сквозь осквернённых воинов и примчался к хозяину.

– Вези меня к султану! – велел Азим, сев на жеребца. – Не убивайте! – продолжил он кричать. – Раньте, обезоружьте, но не убивайте их!

– *«Благородное решение, Азим, но не разумное»*, – прокомментировала Рудоба, в очередной раз спикировав на воинов

третьего и четвертого батальона. Ведьмы объединились против неё и не давали ей часто обрушиваться и сметать воинов. – *«Нужно скорее расправиться с ними. С юга к городу подходят ещё две с половиной тысячи воинов»*, – выразила беспокойство Рудоба, сев на землю.

– Их можно спасти! – обратился Азим как к Рудобе, так и к султану, бившемуся посреди второго батальона. – Их волю можно освободить. Со смертью Расима, его колдовство отступит от воинов.

– Расима здесь нет! – крикнул в ответ султан, отбиваясь от ударов.

Его конь был ранен и ослаб. Султан вынужденно спешил-ся и продолжил бой. Приняв во внимание слова зятя, он старался обезоружить и ранить, а не убивать. Азим тоже спешил-ся и наглядно показал султану, на что способен его меч.

– Я думаю, убив Расима этим мечом, мы освободим всех, кого он подчинил своей воле, – сказал Азим.

– Значит, нам нужно достать этого шакала, – заключил Бузург.

В это время стрела поразила воина-ахорунца. Она была выпущена из сторожевой башни за стеной. Там стояли лучники с осквернённой волей. Их стрелы поражали и своих, и чужих.

– Нам нужно открыть ворота, – предложил Азим и изучающе посмотрел на Рудобу. – Жаль, ты не дышишь огнём, – вздохнул Азим, думая о других способах попасть за стену...

Оставив свои батальоны, ведьмы объединились против симурга. Некоторые из них были достаточно сильны, чтобы их импульсы доставали Рудобе дискомфорт. Она взлетала и пикировала вниз, чтобы когтями схватить ведьм или воинов и швырнуть их в даль, но это ей не всегда удавалось. Она обрушивалась на тыл врага, но импульсы ведьм и там находили её.

Разозлившись, Рудоба решила покончить со всеми ними сразу. Она села на землю и, взмахнув крыльями, она раскинула воинов, но ведьмы, благодаря импульсным щитам, удержались. Мертвая бурая птица ударилась об один такой щит и отлетела в сторону. Рудоба сложила крылья и с вызовом крикнула на ведьм. Одна из них метнула в симурга импульс, который попал в основание клюва. Рудоба гневно посмотрела в её сторону, чуть помедлила и взлетела вверх. Ведьмы гордо решили, что симург испугался, но, на самом деле, услышав Азима, Рудоба решила помочь ему.

– *«Моя ярость и есть огонь».*

Рудоба сложила крылья в воздухе и спикировала на правую сторожевую башню, снеся её до основания. Она громко крикнула и снова полетела вверх. На высоте двухсот метров Рудоба развернулась и, сложив крылья, спикировала на вторую сторожевую башню слева от ворот. Она снесла её почти до основания и вернулась за ведьмами.

Увидев, как за стеной разлетаются обломки башен, ведьмы растерялись, и в этом замешательстве Рудоба схватила

пятерых ведьм обеими лапами, вонзила в них когти и швырнула за стену. Остальные, испугавшись не на шутку, унеслись прочь.

К этому времени не осталось ни отдельных батальонов, ни боевых фаланг, ни строя лучников – все перемещались в одну массу с кровавой основой. Рудоба больше не могла нападать на тыл врага, чтобы не задеть своих. Воины старались следовать приказам султана, Азима и Латифа. Они обезоруживали осквернённых воинов, но те снова тянулись к своим мечам, либо продолжали бой голыми руками.

Расим велел им биться насмерть и, если Азим хочет освободить их от колдовства, нужно скорее прекратить это месиво и двигаться в город.

Азим бился рядом с копейщиком, отбивающего удары осквернённого воина. Азим увернулся от замаха и осторожно полоснул врага по бедру. Пока тот приходил в себя, юноша пришёл на помощь копейщику и обезвредил его врага.

– Возьми с собой ещё пятерых. Симуург перенесёт вас за стену. Откройте ворота! – поручил Азим.

– Слушаюсь, мой господин! – поставив ноги вместе, прижав кулак к сердцу и склонив голову, копейщик подчинился так, будто Азим был его падишахом.

Развернувшись, копейщик побежал собирать соратников.

– Прощу, перенеси их на ту сторону, – обратился он к Рудобе, парящей невысоко над ним.

– *«Не вопрос»*, – ответив, Рудоба плавно спустилась, взяла

в лапы шестерых воинов и копейщиков и полетела за стену.

Азим снова сел на своего жеребца и погнал его к стене.

– К воротам! – крикнул он. – Все к воротам!

– К воротам! – также подхватили Бузург и Латиф.

Объединённое войско начало отходить к воротам, отбываясь от осквернённых воинов...

Небольшая группа, перенесённая за стену, разделилась и побежала к большим рычагам затворного механизма. Приложив общее усилие, они начали крутить рычаги. Когда затворы поднялись, они тут же побежали к другим рычагам и начали открывать ворота...

– За ворота! –скомандовал Азим, увидев, что ворота открываются.

– За ворота! – повторил султан.

Воины начали бежать за ворота. Вернув свои мечи, осквернённые воины начали контрнаступление. Копейщики выстроились впереди и преградили им путь своими щитами. Не знающие усталости, осквернённые воины наносили тяжёлые удары, а изнурённые копейщики с трудом их принимали на щиты или отбивали короткими мечами.

Почти все уцелевшие воины уже были за воротами. Осквернённые давили на копейщиков всё сильнее и сильнее. Азим понимал, что те тоже смогут пройти.

– Нужно помещать им! – громко сказал он.

– Как? – спросил султан.

– Нужно отогнать их от копейщиков.

– «Я займусь этим», – вызвалась Рудоба.

– Только не убивай их, – волновался Азим, глядя, как симург пикирует вниз.

– «Знаю», – отозвалась Рудоба. – «Сделаю, что смогу».

Рудоба остановилась в десяти газах над копейщиками и начала взмахивать крыльями. Большая часть осквернённых воинов была сбита с ног вызываемыми порывами ветра. Копейщики сбили с ног тех, кто продолжал им досаждать, и под криком симурга побежали к воротам.

По приказу Азима ворота начали закрывать, как только первые копейщики пробежали внутрь. Они были полностью закрыты сразу за последним копейщиком, но за ним успели забежать и девять осквернённых воинов. Их сразу же обезоружили, повалили на землю и связали, пока Азим полководец не снимет с них колдовство.

Азим спешился и по просьбе Латифа подошёл к схваченным воинам. По пути он наступил на мёртвую серую птицу и не предал этому особого внимания. Своим мечом он сделал небольшой порез на руке каждого связанного воина, отчего они пришли в себя. Латиф развязал их и объяснил происходящее.

Оставшиеся за стеной осквернённые воины били по воротам своими мечами.

Сложив крылья, Рудоба села на галерею, ведущую от башни к стене, точнее от того, что осталось от правой, северной сторожевой башни. Рудобу здорово потрепало от многочис-

ленных импульсов ведьм, но серьёзных ранений у неё не было.

Саруны забежали за ворота вместе с остальными. У всех были царапины и небольшие порезы. Правда, семерым из них здорово досталось, один из которых был в тяжёлом состоянии. Воины-лекари пытались помочь, но саруны их не допускали.

– *«Пусть умрут достойно. Вот, что означает их рёв»*, – объяснила Рудоба, и Азим попросил врачей не вмешиваться.

– Вы сражались достойно, – похвалил Азим, подойдя к Соро. – Оставайтесь здесь, дальше мы сами.

В ответ белая львица издала рёв в знак возражения.

– Нет! – настоял Азим, выстояв испытующий взгляд Соро. – Оставайтесь, – мягче попросил он и погладил её за шею.

Соро отошла на шаг и подчинилась Азиму, склонив голову. Вздохнув, она вернулась к сарунам.

Людям перевязали раны. Катрону и Нихолу, коню султана, тоже оказали помощь, обработав их раны. Уцелевших собрали за обломками башен. Все они были изнурены и расстроены тем, что им пришлось пережить. Ахорунцы утешали копейщиков, хотя и им самим нужна духовная поддержка. Нужно их всех подбодрить и дать им отдохнуть, однако время поджимало.

– Я понимаю, вы устали, – Азим обратился к воинам. – Но мы должны пойти в город. Там нас ждёт тысяча осквер-

нённых воинов. Если мы не поспешим, их будет на две с половиной тысячи больше. Вам пришлось тяжело. Вы сбивали с их рук мечи, а они снова тянулись к оружию, – Азим опустил момент про то, что им пришлось проливать братскую кровь. – Тем воинам тоже велено биться насмерть, – он указал на город за спиной. – Там не будет стены, за которую можно отступить. Потому я призываю вас к хладнокровию! Не рубите с горяча! Дайте мне время найти и убить подлого колдуна. Только так мы положим конец его скверне над воинами Расулабада!

– Да! – заревели все воины.

– За Расулабад! – призвал Азим, высоко подняв меч.

– За Азима! – словно гром заревели воины, подняв кулаки.

* * *

«Люди не только разные, но и странные. Им лестна ложь, а от правды они обижаются, порой даже злятся. Как же найти тонкую грань? При всей своей образованности и начитанности я оказалась не грамотна в этом. Эх... Надо было молчать».

Ардвисура

У него было странное ощущение... знакомое ощущение. Он не решался вступить в контакт, опасаясь навредить. Ако-

бир не ощущал присутствие своей пары или, как говорят люди, жены с тех пор, как он был ранен волшебным клинком.

Все эти годы заточения в темной, глубокой камере он неоднократно упрекал себя в том, что полетел к ручью Корявого леса. Как оказалось, его рана могла со временем зажить сама собой.

Акобир испугался этой раны, ведь за семь тысяч лет его никто и ни разу не ранил, даже во время Великого конфликта. Он не знал, что с ним может случиться из-за раны, нанесённой голубым клинком четырнадцати охотников на Таоруза. Акобир хотел сразу же исцелить рану, испив из ручья, но потерял сознание. Очнулся он уже здесь – в месте, куда никогда не проникает солнечный свет. Закованный в тяжёлые серебряные кандалы, он не в состоянии сделать больше двух шагов или прыгнуть выше девяти газов.

Первое время, несмотря на рану, он пытался разорвать цепи. Он не смог сделать это, даже когда рана на левой ноге зажила. Эти оковы, предназначенные для южных бурых слонов, были усилены колдовством, чтобы удержать его. Об этом его пленитель упоминал не раз. Оставив попытки, он свернулся в углу темницы и годами не шевелился, игнорируя своего пленителя. Но этот коварный человек нашёл способ склонить его волю – его птенцы.

Рудоба отложила их яйца больше четырехсот лет назад. Для них это было настоящим чудом. Однако за всё это время птенцы так и не вылупились, и они очень переживали по

этому поводу – совсем как люди, которые не могут завести детей.

Акобир не поверил своим ощущениям, а потом и глазам, когда Расим привёл его птенцов в темницу. Это заставило его сотрудничать с колдуном. Он старался отвечать на все вопросы Расима, на которые знал ответ. Тем не менее этот вероломный человек отдалил от него птенцов. Именно поэтому Акобир не был уверен, что ощущал Рудобу.

Может это Расим возвращает птенцов в темницу?

Акобир подождал, но прошло пару часов, а Расим так и не появился.

Ощущение присутствия себе подобного тоже не проходило. Тогда Акобир решил попробовать то, что объяснял Расиму. По инструкциям, которые он ему переводил, Акобир понял, что разум другого живого существа могут ощутить любое другое разумное существо, обладающее силой. Симург не обладал ни одной из сил мироздания, однако он был создан из них. Возможно, ему стоит попробовать.

Акобир сосредоточил свой разум на окружающем – он ощутил ведьму в клетке напротив, слева. Она была расстроена и озадачена. Акобир пошёл дальше – его разум покинул темницу. Поблизости он ощутил птичку и непреднамеренно вселился в неё. Глазами птички он начал оглядывать всё вокруг.

Вдруг на юго-западе он заметил огромный, знакомый белый силуэт...

Ему не удалось разглядеть получше, так как его взор внезапно потемнел, а разум снова оказался в темнице. Он не понял, что произошло, но безусловно это была Рудоба.

Акобир снова отправил свой разум за пределы темницы. Той птички он больше не ощущал. Он искал, но не мог найти больше птиц. Его разум распространялся волнами. Вскоре он ощутил своих птенцов, но не стал вступать с ними в связь, снова опасаясь последствий.

Рядом пролетала чёрная птица и разум Акобира вновь невольно вселился в эту птицу. Раз уж так вышло, Акобир направил птицу на север – именно туда летела Рудоба. К своему удивлению, он увидел не только свою пару, но и кровавое сражение за городской стеной, в котором она участвовала. Он захотел подлететь к Рудобе, но его взор снова потемнел, а разум вернулся в темницу.

Акобир сделал ещё несколько попыток, но все они завершились одинаково. В последний раз, одни воины бежали за стену сквозь ворота, а Рудоба махала крыльями, сдерживая других воинов. Каждый раз он хотел подлететь к ней, и каждый раз его попытки проваливались. Акобир думал, что не может удержать свой разум в птицах из-за большого расстояния, но вскоре понял, что это птицы не выдерживают его разума. В одной из попыток он заметил мертвую бурую птицу, осознав, что она умерла из-за него, Акобир оставил эту затею.

Кроме того, попытки отняли у него много сил. Акобир

был истощён, но не хотел сдаваться.

– *«Мне нужна твоя помощь»*, – обратился он к ведьме.

Нигора сидела у стены, прижав колени к груди. Она была грязна, голодна и зла. Злилась она на саму себя. За ошибку, которую совершила.

Увидев горящие глаза Расима, она лишилась уверенности в себе и даже ни разу не пыталась освободиться от оков. Она до сих пор пребывала в ужасе, думая, что Расим – это зло из её видений. Она вспоминала их снова, и снова – некое тёмное могущественное существо придёт покорят этот мир и объявит себя богом. Ей следовало понять, что это и есть Расим, когда он полгода назад сделал подобное заявление в аудиенц-зале.

Хотя иногда у Нигоры появлялись в этом сомнения. В своих видениях у этого существа в глазах полыхало зелёное пламя, а у Расима они были алыми. Она отбрасывала эти сомнения, исходя из того, что зелёный цвет – любимый цвет Расима. Это может быть как-то связано.

– *«Ты слышишь меня?»* – Акобир снова обратился к Нигоре.

За своё время заточения в темнице Нигора ни разу не пыталась поговорить с другим пленником Расима. В темноте она и своего носа не могла различить, что уж там другой пленник. Она даже забыла, что он там есть.

– *«Мне нужна твоя помощь»*, – повторил симург, – *«чтобы...»*

– Ты... – Нигора решила, что уже сходит с ума, но потом вспомнила, что она тут не одна и неуверенно посмотрела в сторону. – Ты другой пленник? – спросила она вслух.

– *«Меня зовут Акобир»*, – ответил симург. – *«Я заточён в этой темнице пятнадцать лет»*.

Голос Акобира вызывал слабую дрожь в голове и шее Нигоры, но это не пугало её, а наоборот заинтересовало.

– Ого, – удивилась Нигора. – Значит, так ты общаешься? Я-то подумала, что Расим злорадно говорил с самим собой тогда... Кто ты?.. Или что ты?

– *«Я один из оставшихся симургов»*, – ответил Акобир. – *«Хранитель...»*

– Чёрного рубина? – с интересом предположила Нигора.

– *«Можно и так сказать»*, – подумав, что не стоит раскрывать ей всего, ответил Акобир.

– Я знала немало ведьм, которые хотели найти Чёрный рубин. Полагаю, сейчас они все мертвы? – с осуждением в голосе, сказала Нигора.

– *«Сейчас это не важно»*, – увильнул от ответа симург. – *«Нам нужно выбраться из этой темницы»*.

– Как? – развела руками Нигора, насколько это ей позволяли оковы. – Я беспомощна... и, как мне кажется, ты тоже.

– *«Ты не так беспомощна, как ты думаешь и даже можешь помочь мне»*, – подбодрил симург.

– Я же сказала, не могу, – вознегодовала Нигора.

– *«Тебе нужно поверить в себя и в силу, которой облада-*

ешь».

– Я не владею никакой силой, если ты про силы мироздания. Я всего лишь ведьма и, как оказалось, жалкая.

– *«У всех есть силы мироздания, но не все могут ими пользоваться. Однако я могу сказать, как тебе использовать свою»*, – предложил Акобир.

– Научишь меня так же, как научил Расима? – с толикой упрёка спросила Нигора.

– *«Я не учил Расима»*, – ответил симург. – *«Он овладел силой сам. И то, что я скажу тебе сейчас, вряд ли поможет тебе одолеть его»*, – Акобир чувствовал, что ведьма желает мести.

– Если Расима не одолеть, незачем отсюда сбегать, – заключила Нигора. Она знала, чем может закончиться очередная стычка с Расимом. Эта затея претила ей.

– *«Мы должны»*, – настаивал Акобир. – *«У северных ворот идёт сражение. Нужно её остановить!»*

– Её можно остановить, убив Расима, – ошетинилась Нигора. – Я не могу этого сделать, если только, – она задумалась. – Мне нужен Чёрный рубин, – через некоторое время заявила она. – Он усилит мои способности и тогда я, возможно, одолею его.

– *«Есть и другой способ»*, – возразил симург. – *«Тебе нужно сосредоточиться на том, что ближе всего к тебе из сил мироздания. К которому из них тебя клонит?»*

– Даже не знаю, – призадумалась Нигора. – Я никогда не

думала об этом, – сказала она, удивляясь самой себе.

– *«Ваши души состоят из сил мироздания. Сосредоточься. Почувствуй к которой из них склонно твоё тело и призови её».*

– Я не могу использовать свою силу, серебряные оковы подавляют её.

– *«Нет»,* – неожиданно сказал Акобир в её голове. – *«Они лишь ограничивают твои способности. Обуздай свою силу и ничто не сможет удержать тебя».*

– Как? – решительность возвращалась к ней.

– *«Твоя истинная сила затерялась в твоей душе. Найди её. Призови её».*

Нигора села и сосредоточилась. Акобир сделал то же самое, чтобы ощущать её разум и наставлять.

– *«Очисти свой разум от лишних мыслей»,* – посоветовал он.

Нигора последовала совету и вскоре полностью расслабилась. Её внутренний взор обратился к её душе. В огромной и сложной паутине, светящейся серым, она заметила яркий голубой свет, но добраться до него было практически невозможно.

– *«Ведьмы живут долго. Скажи, как вы продлеваете себе жизнь?»* – Акобир ощущал, что Нигора близка, и задал вопрос не для того, чтобы узнать ответ, а чтобы подтолкнуть её.

– Мы отнимаем жизнь у деревьев, – проговорила Нигора, не открывая глаза.

– «*Дерево – это плод земли так же, как и серебро*», – сказал Акобир. – «*Попробуй разрушить свои оковы. Призови силу к рукам и ощути структуру серебра. Разрушь её*».

Нигора последовала напутствию. В своём сознании она потянулась к свету, а в реальности сжала кулаки. В груди она ощутила свою силу, хоть и слабо. Попытавшись направить её к кулакам, она почувствовала ужасную боль.

– «*Не сдавайся!*» – требовал Акобир.

Нигора попыталась снова и через боль направила силу к кулакам. Достигнув локтей, эта попытка причинила ей мучительную боль. Она не сдержалась и закричала.

– «*Не сдавайся*», – повторял Акобир.

Стиснув зубы, Нигора повторила попытку и ей удалось направить силу к кулакам. Она начала ощущать свои оковы. Она могла прикоснуться к их молекулярной структуре. Нигора начала разрушать её. Вскоре оковы начали распадаться, словно что-то съедало их изнутри.

Наконец, выдержав ужасную, жгучую боль, сквозь продолжительный крик ей удалось освободиться от наручных оков. Это выбило её из сил, но симург требовал продолжать:

– «*Теперь освободи свои ноги*».

– Дай мне минутку, – с трудом вымолвила она, восстанавливая дыхание.

Отдышавшись, Нигора взялась за оковы на ногах. Её удалось разрушить их лишь с третьей попытки. Освободившись, она попыталась встать, но, обессиленная, упала на землю.

– Мне... нужно от... отдохнуть, – проямлила она и на какое-то время потеряла сознание.

Хоть время и не ждало, Акобир не стал приводить её в чувства волнами своего разума. Нигора очнулась с ощущением невероятной усталости. Несмотря на это, она встала и, ковыляя, дошла до решётки. Сделав несколько глубоких вдохов, она импульсом выбила петли. Решетка упала, и она вышла. Осмотревшись по сторонам, на сколько позволял царивший мрак, ведьма подошла к клетке Акобира.

– *«В тебе таится огромная сила. Со временем ты могла бы стать сильнее Расима»*, – похвалил симург.

– У меня нет этого времени, – не согласилась Нигора, облокотившись о решётку. – Расима нужно остановить сейчас. Для этого мне нужен Черный рубин, – в её утомленном голосе слышались требовательные нотки.

– *«Я не могу дать его тебе»*.

– И почему же? – вознегодовала Нигора. – Юноша из Ахоруна по имени Азим нашёл один кусок. Только он никому не говорит, где нашёл. Скажи мне ты, где искать, и я сама найду его.

– *«Не могу. Это запрещено»*, – упорствовал Акобир, возмущённый тем, что Рудоба снова дала кому-то Чёрный рубин.

– Тогда сколько прикажешь ждать тем людям, которых Расим собирается поработить, пока я не обуздаю свою силу? – вспылила Нигора.

– «Мы найдем другой способ покончить с Расимом», – спокойно ответил Акобир.

Недовольно вздохнув, Нигора отвернулась.

– Как насчёт книги предков? – подумав, спросила она.

– «Я не могу дать тебе того, чего у меня нет», – ответил симург, сделав шаг вперёд и вытянув шею.

– Если ты не можешь дать мне ни Чёрный рубин, ни книгу предков то, на что ты годеи? – в её голосе слышался намёк на вопрос, зачем ей освобождать его, а тоном своего голоса она напомнила ему Расима.

Устав от темноты, Нигора зажгла несколько ламп на стенах, прошептав заклинание и выпустив небольшие искры. Когда её глаза привыкли к полумраку, ей удалось худо-бедно разглядеть черного массивного симурга и ей в голову пришла идея.

– Я освобожу тебя при одном обязательном условии, – категорично заявила она.

– «Говори», – Акобир был готов пойти навстречу...

* * *

«Своим законом о покое Расул Второй дал народу право свергнуть падишаха, отказавшегося исполнять этот закон».

Хранители знаний: «Истории Зебистана. До изгнания»

Оставив раненых воинов и львов вместе с несколькими лекарями, остальное войско перегруппировалось и двинулось в сторону дворца. Поход возглавлял Азим, верхом на Катроне, а Латиф указывал путь. Он шёл пешком, а султан на потрёпанном в бою коне ехал позади всех – это была просьба Азима. Битва при дворце, которую не избежать, будет тесной и жёсткой. Юный полководец не хотел, чтобы султан пострадал.

Надежды на то, что с оскверненными воинами удастся договориться не было ни у кого. Их план состоял в том, чтобы они обезоружили своего противника. Однако никто не рассчитывал на успех такой затеи. Сам Латиф поблагодарил Азима за заботу, если можно так сказать, и предупредил, что им лучше готовиться к резне. Будет сложно выиграть в бою, когда противник готов биться насмерть с голыми руками и вспоротым брюхом. Горький опыт уже доказал им это.

На северных улицах Расулабада было безлюдно. Казалось, что даже в домах не было никого. Некоторые копейщики заглядывали за живые изгороди дворов, мимо которых проходило войско. Убедившись, что никого нет, они с облегчением, а кто и с грустью, продолжали путь.

Когда войско только собралось и выступило на город, Рудоба полетела вперед всех. Теперь она вернулась и парила над воинами. Она улетала разведать обстановку в городе.

– *«Армия, о которой я тебе говорила, уже у южных ворот»*, – сообщила Рудоба Азиму. – *«Ко дворцу они подойдут*

за час или полтора».

– Значит, нам нужно скорее найти и покончить с колдуном, – в ответ сказал Азим, удивив Латифа. – Она сообщила, что армия Чехры и Джоду заходит в город через южные ворота, – объяснил юный полководец в ответ на вопросительный взгляд Латифа.

– Султан говорил, что ваше подкрепление тоже должно скоро подойти, – напомнил Латиф.

– Рудоба заметила их тоже, – сказал Азим. – Они только высаживаются в порту.

– В таком случае они к нам и до вечера не успеют, – огорчился Латиф.

Азим разделял его тревогу. Он остановил Катрона и спешился.

– Отправь гонца на моем жеребце, – он протянул поводья Латифу. – Пусть поторопятся!

– Да, господин! – Латиф с почтением склонил голову, прижав руку к сердцу, и принялся исполнять поручение Азима полководца.

Время было три сойи после полудня. Объединённое войско вышло к большой аллее, ведущей на площадь перед дворцом. На том конце их ожидали воины, околдованные Расимом.

Воины остановились в тридцати газах от противника. Азим вместе с вернувшимся Латифом вышли вперед. Юному полководцу почему-то казалось, что с воинами напротив

можно поговорить. Он сообщил о своем странном чувстве воеводе копейщиков, и они вместе с новой надеждой на мирный исход дня пошли на переговоры с военачальником противника.

Воины Расулабада были в чёрных кафтанах с медными пластинами спереди. Спины их кафтанов были изнутри подшиты плотной кожей. На поясах весели изогнутые мечи, а руги были готовы обнажить их.

Это был один батальон, состоящий из двадцати рядов по пятьсот воинов. На их лицах было одно выражение – жажда пролить кровь. Их военачальник стоял чуть впереди. Его вид казался осуждающим.

– Он смотрит на нас как-то странно. Ты знаешь его? – спросил Азим, присмотревшись к военачальнику противника.

– Это Вохид ибн Маджид. Он был начальником городской стражи. Вои, – уточнил Латиф.

– А ты был доблестным командиром взвода копейщиков. Теперь же вы все предатели! – неожиданно бросил Вохид.

Его резкие слова удивили не только Азима с Латифом, но и войско позади них. Голос Вохида был таким же странным, как и его взгляд, и звучал неестественно.

Азим и Латиф остановились в изумлении и только сейчас заметили, что чернь вокруг глаз Вохида и его войска не так ярко выражена, как у тех, что остались за стеной. Азим переглянулся с Латифом и шагнул вперёд.

– Мы можем избежать кровопролития, – громко сказал он, надеясь, что к нему прислушаются. – Наш истинный враг скрывается там, – Азим указал на дворец. – Колдун подчинил вас своей воле. Мы пришли освободить вас...

– Владыка очистил наш разум, – заявил Вохид. – Мы не нуждаемся в твоём освобождении! Склонитесь и познайте милость бесподобного падишаха. В противном случае вас ждет смерть, – он обнажил свой меч, его воины сделали то же самое.

– Одумайтесь братья! – воззвал Латиф. – Мы можем помочь вам!

– Ты нам больше не брат, – холодно процедил Вохид и указал на них мечом.

Издав неестественные, казалось, принуждённые крики, осквернённые воины ринулись на гонцов доброй воли.

Войско Азима выступило на защиту своего полководца. Битва началась не за жизнь, а насмерть, ибо в этот раз осквернённые воины бились свирепо. Их движения не были заторможенными или неуклюжими. Они сражались сильнее и проворнее, нежели их другие соратники, которых оставили за стеной.

Несмотря на это, войско Азима старалось обезоружить и не убивать противника. Однако с такой тактикой они первыми начали нести потери. Азим осознавал, что такой подход не принесет им победы, однако не желал прибегать к убийству. Он пытался пройти ко дворцу, но осквернённые не пус-

кали его. Они нарочито окружали Азима. Благо, рядом были верные воины, поддерживающие полководца.

– Господин?! – позвал Латиф. – Что-то не так, – он встревоженно указал на соратников.

Азим, отразив удар и сбив с ног противника, посмотрел по сторонам. Осквернённые остановились в ожидании, а некоторые его соратники обронули свои мечи и со странным видом держались за головы и корчили напряжённые гримасы. Их число росло, а осквернённые на них не нападали.

Почему?

Азим озадаченно посмотрел в сторону дворца. У входа он заметил Расима с опущенными руками и закрытыми глазами.

– Он пытается подчинить нас своей воле! – крикнул Азим, высматривая Рудобу.

В этом бою симург не могла помочь из-за ограниченного пространства на поле брани. Потому она кружила над дворцом.

– Рудоба, ты можешь отвлечь его?! – громко спросил Азим.

Симург пролетела по дуге вниз и села посередине широкой лестницы. Взмахнув крыльями, она сдула Расима. Колдун упал, а его лицо тут же скривилось в зловещей ухмылке, когда он увидел белого симурга перед собой. Их взгляды встретились и Расим, лёжа, резко метнул в неё огненный шар. Рудоба увильнула, но огненный шар успел подпалить

ей перья на шее. Она вложила весь свой гнев в протяженный крик и выбросила лапу вперед, чтобы схватить вставшего Расима. Колдун отразил выпад огненным щитом, отчего Рудоба свалилась на правый бок. Расим занёс руку, чтобы метнуть ещё один огненный шар, но симург левым крылом, словно кулаком, врезала колдуну – тот отлетел к колонне в стороне от ворот. Щит смягчил удар для Расима, но колонна с треском упала.

Расим поднялся и встал в проёме, готовясь метнуть в симурга очередной огненный шар. Рудоба тоже поднялась и на опережение взмахнула крыльями – Расим с огненным шаром в руке отлетел внутрь и больно ударился о пол. Огненный шар в его руке погас. Рудоба хотела войти во дворец за колдуном, но вход для неё был слишком мал. Тогда она с криком просунула свой клюв, но вместо колдуна задела колонны в коридоре.

Расим же отскочил назад и метнул в Рудобу новый огненный шар и попал ей под глаз. Это заставило Рудобу отойти.

– Прочь! – Расим почувствовал свое превосходство. – Убирайся, если хочешь, чтобы я пощадил твоих птенцов! – он метнул новым огненным шаром, нарочито целясь мимо симурга.

Рудоба нерешительно отступила и сердито крикнула, показывая всю свою пасть Расиму. Сильно взмахнув, она взлетела. Колдун в этот раз устоял, создав огненный щит вытянутой рукой.

– «*Мои птенцы во дворце. Колдун грозит убить их*», – она обратилась к Азиму. В это время войны пришли в себя и осквернённые снова напали на них. – «*Чтобы освободить их, я должна найти свою пару. Акобир где-то рядом, я чувствую его*».

Ранив и обезвредив своего противника, Азим посмотрел на Рудобу и кивнул ей.

– Хорошо! – крикнул он, но Рудоба уже улетела куда-то на юг.

Юный полководец повернулся ко дворцу. Он заметил Расима – тот снова вышел на лестничную площадку, но заметив кого-то, с вызовом ухмыльнулся и скрылся во дворце. Воины больше не теряли самообладания, и Азим пришел к выводу, что колдун больше не представляет для них угрозы подчинения воли. Тем не менее он был взволнован...

Неожиданно перед глазами Азима возник клинок противника. Если бы не воин аз Ангурана, этот клинок рассёк бы ему голову на двое как арбуз. Воин отразил удар, а Азим, среагировав, ранил противнику бедро. Вскоре тот пришёл в себя и опешил от происходящего.

– Уходи отсюда! – велел ему Азим.

Он велел уходить почти всем, кого ему удавалось освободить от колдовского влияния Расима. Некоторых противников, к своему сожалению, Азим убивал, ибо другого выхода не было. В этой тесной резне мало кто бился один на один, почти все были в общем котле, и битва кипела вовсю. С ме-

чей капала кровь – тёмная кровь, оросив вымощенную камнями и мраморными плитами площадь. Воины бились ожесточенно и отчаянно. Проливая братскую кровь, они проливали ещё и свои слёзы.

Азим сражался бок о бок с Латифом. Они оба были уже изнурены и с трудом поднимали мечи, тогда как противник не знал усталости и так же, как у ворот, бились насмерть, несмотря на отсутствие меча или сильную рану.

При каждом удобном случае Азим оглядывался по сторонам, так как его волнение росло. Он выискивал султана, но после нападения Рудобы на Расима больше не видел его.

Вокруг Азима вдруг никого не оказалось. Юный полководец задумчиво огляделся. Им овладела внезапная тревога. Он повернулся и побежал ко дворцу. Путь ему загородил осквернённый воин. Их клинки сошлись. Затем последовал колющий удар врага, блокировка и контрудар. У Азима открылось второе дыхание. Силы прибывали из неоткуда, а усталость сняло, словно её и не было. Наконец, он выбил меч из рук врага, сбил его с ног и побежал дальше.

Очередной противник хотел взмахом снизу поразить ему живот. Однако Азим на ходу ударил его локтем боковым взмахом, перевернув меч. Противник упал, а его место занял другой. Азим отразил секущий удар и, крепче сжав рукоять, нанёс ответный секущий удар – враг обезглавлен. Азим не хотел, но безысходность и нарастающее чувство тревоги подтолкнули его на это – нужно было срочно действовать.

Азим вскочил по лестнице дворца, словно рысь, перескакивая через каждые три ступени. Он забежал внутрь и мимо поваленных колонн побежал по коридору. Он не знал куда идти и ноги сами привели его в аванзал. Слева посередине были открытые высокие резные двери. Азим побежал и остановился в проёме. По ту сторону в аудиенц-зале у дальних колонн справа он увидел султана, отражавшего огненные импульсы Расима своим мечом и кулаком, на котором было кольцо с Чёрным рубином.

Очередной импульс выбил меч из рук Бузурга, а последующий сбил его самого с ног. Бузург ударился о колонну позади себя и вскрикнул от боли. Расим вызвал новый огненный шар в правой ладони и медленно подошёл к Бузургу с беспощадной гримасой...

– Нет! – крикнул Азим, когда колдун занёс руку над Бузургом.

Расим остановился, посмотрел в его сторону и, покосившись с усмешкой, метнул этот огненный шар в него.

Азим полукруговым движением меча отразил огненный шар, который отлетел в сторону, попал в пол и вызвал небольшое возгорание.

– Не соизволил долго ждать тебя, – съязвил Расим, шагнув навстречу Азиму.

Султан перевёл дыхание и заметив свой меч, потянулся к нему. Расим резко повёл рукой в сторону и выпущенный таким образом прозрачно-оранжевый импульс отбросил Бу-

зурга к стене под очаг.

– Не тронь его! – взъярился Азим.

Расим скривил губы в ехидной ухмылке.

– Ты изрядно попортил мне планы, – сказал он, сложив руки за спиной. – Пора расквитаться!

– Уходите отсюда! – крикнул он султану. Азим опасался за тестя, который с трудом поднялся. – Я сам займусь им, – Азим серьёзно посмотрел на Расима и трижды крутанул мечом.

– Научился трюкам юнец? – с усмешкой спросил Расим. – Позволь, показать мои.

Расим злорадно растянул губы и метнул в Азима два огненных шара подряд. Юноша отразил первый и увернулся от второго, забежав за колонну, куда Расим отправил третий шар. Он пролетел в локте от лица Азима, который почувствовал его жар. Этот шар с треском врезался и опалил стену.

– Гадкое препятствие, вставшее у меня на пути, – с отвращением проговорил падишах. – Выходи, чтобы я испепелил твою наглую рожу, – он создал в правой ладони новый огненный шар и метнул его, когда Азим побежал к другой колонне.

Бузург, опираясь о стену левой рукой, направлялся к служебному входу аудиенц-зала. Заметив Азима, он снял своё кольцо с Чёрным рубином и бросил его зятю.

– Это удвоит твою защиту, – сказал он с затруднением. У

него было сломано пара рёбер, а из носа шла кровь.

– Ненадолго, – поправил Расим и шагнул за колонну.

Азим подждал его и нанёс косою удар, но Расим остановил клинок огненным щитом. Азим тут же ударил его кулаком в живот. Расим не успел защититься и скорчился от боли. Азим же подобрал кольцо султана и, надевая его, вышел из-за колонн. Расим последовал за ним.

– Юноша, которому дали выбор, – раздражённый колдун метнул огненный шар, а Азим отразил его в сторону. – В одном большом городе, где полно прекрасных девушек, он пади, да султанову дочь выбери! – оскалившись, он метнул ещё два шара, которые Азим снова отразил. – Видишь, к чему это привело? – Расим указал на вход в зал. – Твой выбор стоил жизни тысячи невинных. О-у... ты удивлён? – Расим скосил взгляд. – Если бы не ты, – он с презрением указал на Азима, – не было бы этой войны.

Слова Расима породили сомнения в Азиме. Они звучали убедительно, ибо он сам накануне думал о том же.

– Я бы женился на Зилоле и подчинил себе два государства миром и правом на трон, – продолжал упрекать Расим.

– Поэтому ты и убил наследников падишаха? – с вызовом обвинил Азим.

Расим пожал плечами и беспечно развёл руками.

– И тебе хватило наглости обвинить в этом султана?

– Эта расплата за его жадность, – усмехнувшись, с намёком ответил колдун.

– Султан никогда бы не выдал за тебя свою дочь, – слова Азима прозвучали как оскорбление.

– Можно было обойтись минимальными жертвами, которых можно было бы счесть на пальцах, – Расим вытянул руку и посчитал до четырёх на пальцах. – Но из-за тебя их теперь не счесть! – он отвёл руку в сторону. – Вся эта кровь, – Расим глазами указал на спёкшиеся следы крови на мече Азима, – на твоих руках... Но не стоит переживать, – утешающе добавил он, глядя, как Азим задумчиво смотрит на свой меч. – Я возмещу нанесённый тобой ущерб, – его тон стал угрожающим.

Воспользовавшись моментом, Расим создал огненный шар и неожиданно метнул его в Азима. Юноша не успел отразить и от жаркого удара отлетел под возвышение алькова.

– Я убью тебя и покорю весь Рахшонзамин, – с новым теперь уже голубым огненным шаром Расим медленно шёл к юноше, словно шакал, подкрадывающийся к своей добыче.

– Я тебе этого не позволю, – сказал Азим.

Он с небольшим усилием положил руку на край возвышения и встал, когда Расим снова направил в него огненный шар. Меч отлетел в сторону, когда Азим упал, и теперь ему пришлось скрестить руки перед собой, чтобы защититься. Огненный шар, как и в предыдущий раз, врезался о невидимое поле и рассеялся. Азим же от удара упал на возвышение, но не так больно, как в прошлый раз.

Азим встал на ноги и внезапно почувствовал жар изнутри

и странную пульсацию в руках, на которых были кольца с Чёрным рубином. Он подозрительно посмотрел на колдуна.

– Чёрный рубин не будет защищать тебя долго, – уверенно заявил Расим, который хотел испепелить Азима, при этом в его голосе слышалась досада от неудавшейся попытки.

Этот трюк пока не работал, потому после своих слов Расим сразу же метнул в юношу очередной огненный шар.

Азим сумел уклониться. Резким скачком он спрыгнул с возвышения и подобрал свой меч. Он развернулся, сделал длинный выпад вперед и попытался проткнуть колдуна, но тот успел отойти.

– Зачем тебе это? – негодовал Азим. – Даже женившись на Зилоле ты бы не покорил Рахшонзамин мирно. Другие государства не преклонятся перед тобой за твои трюки.

– Ты прав, – коварно ухмыльнулся Расим. – Они не достойны этого, – Расим самодовольно продемонстрировал своё мастерство, создав огненный шар и начал подталкивать его от одной руки другой, каждый раз меняя его цвет. – Я склоню их другим способом, – Расим опустил руки и огненный шар исчез. – Я развяжу такую войну, что Великий конфликт далёких предков покажется лишь детской потасовкой, – скривив губы, он снова метнул в Азима огненным шаром.

Юноша отрази его и шар врезался в потолок, который начал гореть. Во всех местах, куда попадали отраженные шары, горел огонь, который медленно возрастал. Расим же не

обращал на это внимание. Он хотел избавиться не от огня, а от Азима, снова и снова меча в него огненными шарами. Азим отражал и уворачивался от них как мог. Огненные шары с треском врезались в колонны, стены и потолок, где уже громко шипело пламя.

Попытки Расима не приводили к желаемому результату. Он понял, что недооценил Чёрный рубин. Он сделал глубокий вздох, успокоился и опустил руки. Пламя погасло, за исключением аванзала, где огонь уже перешёл в коридоры.

– Обычные мечи не способны отражать колдовские удары. Где ты раздобыл его? – в голосе Расима звучал интерес. Задавая этот вопрос, колдун смотрел на Азима через плечо. Он подошёл и взял меч султана Бузурга. – Голубая сталь с клинописью – явная работа Хранителей знаний, – прокомментировал он, изучив клинок. Свесив меч в руке, Расим с вызовом направил его на Азима. – Покажи-ка свой.

Азим крутанул мечом и пошёл на Расима. Их клинки сошлись, и Расим опустил взгляд на надпись на гарде меча Азима. Она была похожа на письменность первых примечаний в Книге мастеров.

– Некруз – пятый из братьев, – процитировал он эту самую надпись. – Ты знаешь историю о четырнадцати братьях? Расскажу её тебе вкратце. Они все мертвы. Не огорчайся, – злорадно посочувствовал Расим. – Ты тоже сейчас умрёшь, – понизив голос, Расим оттолкнул Азима и замахнулся в его сторону.

Азим отразил удар и стал применять все приёмы, которым научился. Он наносил удары, а Расим блокировал и отражал. Расим был на локоть выше Азима, потому юноша пытался поразить тело колдуна...

Их клинки скрестились при очередном ударе Азима. Он попытался продавить меч к животу Расима, но тот блокировал и хотел отвести меч Азима в сторону. В этот момент Азим нанёс сильный удар кулаком в бок Расима. При ударе появился огненный прозрачный щит, но Расим всё равно почувствовал боль, ибо удар был усилен Чёрным рубинов в кольце. Затем Азим замахнулся на его шею, но колдун снова заблокировал меч. Юноша оказал давление на меч, чтобы достичь шеи колдуна, но тот лишь усмехнулся.

– Ростом не вышел.

Расим надавил на меч Азима своим, оттолкнул его и перешёл в наступление. С высоты своего роста он наносил рубящие удары, заставляя юношу отходить.

Во время очередного замаха колдуна Азим успел наклониться и с поворотом ударить того по животу левым локтем. Юноша снова повернулся, уже за спиной колдуна, и нанёс секущий удар по его ногам. Хоть огненный щит и принял на себя оба удара, Расим почувствовал сильную боль от обоих. Вскрикнув, он отошёл к возвышению.

– Ты, – злобно процедил он, – мне уже надоел!

Произнося последние слова, Расим метнул в Азима огненный шар.

Шагнув в сторону, Азим отразил шар, который отлетел на колонну справа, с треском вызвав новое возгорание.

Расим поднялся на возвышение, небрежно обронил меч и направился к трону. На пол пути по жесту его руки решётки в нишах в дальней стене превратились в прах. Через какое-то мгновение там показались птенцы Рудобы. Они спрыгнули на пол и направили свой взор на колдуна. Птенцы были в два раза больше человека, а тот, что посередине, был ещё больше и вид его был грознее.

– Мне надоело с ним возится, убейте его! – приказал Расим и, сев на трон, самодовольно смотрел, как птенцы идут на Азима.

Угрожающе щелкая клювами и хищно крича, птенцы направились на Азима, как на добычу. Крупный птенец грозно взмахивал крыльями, вздыбив перья на шее. Другие птенцы повторяли за ним. Первым спрыгнув с возвышения, он свирепо посмотрел на Азима и приготовился прыгнуть на него...

Азим тут же убрал меч в ножны и выставил правую руку вперёд.

– Он украл вас и хочет использовать в своих корыстных целях. Он угрожает людям и вашей матери, – последнее слово заставило тёмно-синего птенца опустить шею и сложить крылья. – Она здесь, – продолжал Азим. – Мы вместе пришли освободить вас от рук этого колдуна...

– Что ж так недружелюбно? – саркастично прокомменти-

ровал Расим, сидя на троне. Он был уверен, что птенцы исполнят его волю. Потому колдун облокотился на подушку и жалел, что под рукой нет фисташек с яблочным чаем, чтобы наслаждаться зрелищем.

– Она здесь, ищет вашего отца, – сказал Азим, окинув взглядом всех трёх птенцов. – Свяжитесь с ней, – он подвёл руку к голове, намекая на мысленную связь.

Тёмно-синий птенец отвёл голову в сторону и странно замер. Через мгновение он с криком потряс головой.

– Они не умеют, – захохотав, пояснил Расим. – Без зрительного контакта они не могут позвать на помощь, – добавил он. – Убейте его! – ощерился колдун.

Однако тёмно-синий птенец несогласно крикнул и ополчился на самого колдуна. Его сёстры развернулись и побежали на Расима. Они обе пригнули, но не достигли своей цели. Расим сардонически вздохнул, опустил взгляд и по его воле из ниоткуда появились прозрачно-оранжевые импульсы, которые отбили птенцов к стенам.

– Мне стоило подчинить вас силой, – ошетинился Расим.

Встав с трона, он пошёл в сторону тёмно-синего птенца. Тот взмахнул крыльями и прыгнул на Расима, но колдун ударил его импульсом. Птенец отлетел к колоннам и с громким треском сломал одну.

Расим снова взял меч, который он оставил у края возвышения, спустился и их бой с Азимом возобновился. Расим наносил яростные рубящие и секущие удары и давил на Ази-

ма, заставляя его отступить к колоннам. Он толкнул Азима импульсом и гневно указал на него мечом.

– Я убью тебя своими руками, – злобно проговорил он и отшвырнул меч султана. – Но перед этим заставлю тебя молить на последнем издыхании, пощадить твою драгоценную Зилолу.

Обеими руками Расим направил на Азима ревуший поток синего пламени с зелёными языками. Азим скрестил руки перед собой, но пламя ударило по нему и отбросило на несколько газдов. Меч и кольца с Чёрным рубином стали ему небольшим щитом. Тем не менее его одежда подгорела в нескольких местах, и он получил ожоги. Ещё ему досталось и от удара о колонну.

Довольно скривив губы, Расим шёл к Азиму, снова пытается испепелить его изнутри.

Азим хотел встать, но почувствовал внутреннюю жгучую боль по всему телу и снова упал. Он кричал, ибо боль была нестерпимой. Чёрный рубин на кольцах потрескался, но это осталось незамеченным Азимом.

– Говорил же, – злорадствовал Расим, – защита Чёрного рубина не будет долгой. Но не волнуйся, – зло-заботливо ухмыльнулся он, – твоя смерть будет мучительно долгой.

Колдун усилил воздействие на Азима, но вдруг на него напал тёмно-синий птенец. Он хотел вонзить в колдуна когти, но они сгорели из-за огненного щита, причинив мучительную боль птенцу. Расим дёрнул рукой, и импульс отбросил

птенца. Несмотря на боль, птенец встал на ноги и снова хотел наброситься на колдуна, но Расим пресёк его попытку новым импульсом – птенца отбросила подальше к стене.

– Не заставляйте меня убивать вас! – рассерженно сказал Расим, повернувшись к сёстрам птенца. – Вы мне ещё нужны.

Пламенный взгляд Расима заставил двух птенцов (сестёр) опустить головы и попятиться.

Тем временем, Азим встал и поднял свой меч. Несмотря на боль, он хотел довести дело до конца.

Расим повернулся к нему совершенно спокойным, каменным взглядом и начал метать в него огненными шарами. Азим отражал их, либо с трудом уворачивался от них.

Из-за тщетных попыток сжечь Азима огненными шарами, пламя в аудиенц-зале снова разбушевалось. Однако это не волновало Расима. Он был близок к своей цели, так как защита Азима слабела и ему было всё сложнее и сложнее отражать его огненные удары. Расим решил покончить с наглым юнцом, направив на него новый поток пламени. Он согнул руки, приготовился, как вдруг на него снова набросился тёмно-синий птенец. Расим в ярости отбросил птенца и захотел исполнить задуманное...

В это время, когда птенец напал на колдуна, Азим решил бросить меч в Расима. Он занёс руку за голову и почувствовал неожиданную лёгкость. Он посмотрел на свою руку и, к своему изумлению, обнаружил, что от его меча остались

лишь рукоять, да пядь клинка. Из-за большого количества отражённых огненных шаров клинок, наконец, расплавился. Не растерявшись, Азим всё равно бросил остаток меча на Расима. Тот бесстрастно махнул рукой и импульс отразил бросок. Остаток меча вонзился в обугленный брус на потолке.

Расим со злонамеренной ухмылкой исподлобья посмотрел на Азима, согнул руки и вдруг услышал громкий треск над головой. Этот треск сверху раздавался несколько раз с перерывами, но он не придал этому никакого значения. Теперь же Расим резко бросил взгляд наверх. Что-то пыталось ворваться внутрь сверху. Расим с подозрением отошёл назад к колонне, создал в правой ладони зеленовато-голубой огненный шар и приготовился...

Азим тоже отошёл назад, подумав, что это может ломиться Рудоба. И тут раздался новый громкий треск и полыхающий потолок начал рушиться. Упали несколько колонн, а за ними и горящие балки.

Потолок частично обрушился. Расим, отскочив от колонны, в замешательстве хотел покинуть это место. Он побежал к правому выходу, несмотря на преграждающий путь пламя.

Раздался ещё один треск и потолочное окно провалилось вниз. Обломки балок сбили несколько колонн и повалили Расима.

Надеясь, что огненный щит защитил его, Расим попытался встать, но не смог. Он посмотрел по сторонам и только заметил, как огонь пожирает аудиенц-зал. И чем больше ста-

новилося пламя, тем більше рос его аппетит.

Расим через плечо посмотрел наверх и увидел пролом на месте окно, а над проломом кружились чёрный и белый сивурги.

– Как ты выбрался? – удивился Расим и с досадой вспомнил. – Нигора, – проворчал он со злостью.

Пламя ревели совсем рядом, и скоро огонь поглотит весь дворец и вдруг Расима переклинило.

– Отец, – негромко проговорил он.

Нужно спасти картину, спрятанную в нише стены его бывшего рабочего кабинета. Он снова попытался встать, но не смог. Оглянувшись, Расим заметил, что его ноги завалены под обломками. Расим сбил обломки со своих ног импульсом. Освободившись, он всё равно не смог встать. Его нога была сломана и боль только сейчас дала о себе знать. Огонь подкрадывался к нему самому всё ближе и ближе, потому Расим решил поползти. Он снова повернулся к двери и в отчаянии потянулся к ней рукой, но не смог сдвинуться. Торчащая берцовая кость не позволяла ему сдвинуться и на пядь.

Расимом овладело полное отчаяние и сожаление. Это был конец. Осознание провала горько отразилось на его разочарованном лице.

– Прости меня, отец... – со слезами в глазах прошептал Расим...

В это время в пылающий зал залетела Рудоба. Она посмотрела на Азима, заметила своих птенцов и перевела

взгляд на Расима, который хотел потушить пламя. Она изда-
ла яростный крик и схватила его клювом за ноги, потрясла
из стороны в сторону и бросила вверх в сторону пролома...

— ... я подвёл тебя, — после тряски на последнем вздохе
проговорил Расим и свет в его глазах погас в объятиях тьмы.

Симург сомкнула клюв, и колдун исчез в её пасти, а по её
глотке к груди прокатилось внутреннее неяркое голубоватое
свечение. Рудоба посмотрела на Азима, который содрогнул-
ся от её палящего взгляда, и взлетела. Птенцы полетели за
ней.

Азим же остался в полыхающем зале. Он был потрясён
увиденным. Без всяких колебаний Рудоба сожрала Расима
живьём. То же самое грозило ему и Зилоле, если бы он про-
играл эту битву. Азим представил жену вместо Расима и ему
стало не по себе.

Вокруг всё горело и рушилось. Нужно выбиратья как
можно скорей, но Азим замер на месте и вместо рёва пламе-
ни слышал крик своей жены...

Перед ним свалилась балка, объятая пламенем. Азим
странно посмотрел на неё и, когда жар дунул ему в лицо, он
пришёл в себя и ощутил жгучую боль внутри себя и дикую
усталость. Вяло передвигая ногами, он направился к выходу
из аудиенц-зала.

Третий аванзала была объята огнём, пламя горело и в ко-
ридорах. Азим шёл не торопясь. Пламя не трогало его, хотя
он этого и желал. Он думал о Расиме и его словах. Колдуна

больше нет, а его колдовство? Освободились ли воины Расулабада от его скверной воли?

Потолок в коридоре тоже начал рушатся. Порывы ветра раздували огонь то в одну сторону, то в другую. Азим встал в проёме, когда перед ним упала часть балки. С новым сильным порывом ветра пламени стало чуть меньше и Азим шагнул в коридор, терзаемый сомнениями и по поводу воинов за стеной. Освободились ли они от скверны Расима? Что, если нет? Что, если никто не освободился?

Несмотря на победу над Расимом, Азим не простит себе, если воины перебили друг друга. У него сжималось сердце от этой мысли.

– *«Пусть следующий упадёт на меня»*, – пожелал Азим, обходя тлеющую балку стороной. – *«Столько крови пролило из-за меня... Из-за моего выбора»*, – у него прослезились глаза. – *«Моя жизнь – достойная плата за этот выбор»*.

Азим прошёл под пылающей балкой, и она с треском сломалась и упала, заставив юношу закрыть глаза...

Горящий воздух обжигал лёгкие, а сердце продолжало биться. Азим открыл огорченные глаза и пошёл дальше. Смерть – это не решение. Нужно жить, чтобы исправить последствия своего выбора.

Вскоре он попал в широкий коридор, обставленный колоннами и пилястрами. Огонь успел добраться и досюда. На той стороне был выход, прегражденный сваленными колоннами. Ало-оранжевые огненные змейки, шипя, ползали по

стенам, колоннам и дверям, и вместо яда издавали искры.

Азим, наконец, дошёл до выхода. Он обошёл упавшую поперёк колонну и, как только он вышел на свет, воздух содрогнулся...

* * *

«Шомабад – это название происходит на самом деле не от того, что город был построен в ночи, это было идеей падишаха Байзо. Он всегда интересовался астрономией и из дворцов хотел сделать обсерваторию. Однако после совершённого открытия, он вернулся к замыслу Расула Второго, хотя тот хотел назвать город Ситорамон».

Хранители знаний: «Истории Зебистана. До изгнания»

Латиф не заметил, как Азим побежал во дворец. Его и нескольких других соратников окружили в плотном кольце. В этой битве насмерть Латиф и большинство других воинов и копейщиков пытались по возможности не убивать своих противников. Разделившись на группы, они обезоруживали, ранили и отбирали мечи противников, чтобы те снова не тянулись к ним. Эффект от этого был незначительным. Осквернённые воины отличались от тех, что остались за стеной. Эти были намного сообразительней и подвижней. Они брали мечи убитых и снова вступали в бой, не испытывая ни малейшей жалости.

Потери несли обе стороны. Мертвых становилось всё больше. Тела падали чуть ли не друг на друга, в некоторых местах образуя кучи, с которых текли кровавые ручьи. Живые к своему невезению спотыкались об эти тела и едва уворачивались от мечей. Многих таких бедолаг постигала роковая участь – осквернённые воины бесстрастно и безразлично прикалывали их к земле. Эти черноглазые воины рубили всех, кто стоял или лежал перед ними.

Свободные воины прижимали осквернённых всё ближе к лестнице дворца. В этой плотной резне воины сражались спина к спине и бок о бок. Раззадоренные и отчаянные, они не замечали, что осквернённые воины, получившие тяжелые или смертельные ранения, приходили в себя. Одни из них умирали в агонии, другие в изумлении пытались унести свои ноги...

Латиф сгоряча бился сразу с двумя противниками. Его соратники были заняты своими, и ему пришлось выкручиваться самому. Ему наносили колющие и рубящие удары почти что одновременно. Латиф блокировал один удар и еле уходил от второго. Силы сходили на нет. Ноги двигались тяжело, словно он надел каменные сапоги. Казалось, Латифу не выиграть в этой неровной схватке. Вдруг его противники одновременно нанесли удар и их клинки пересеклись в пяди от груди Латифа. Воспользовавшись моментом, к своему сожалению, Латиф убил противника справа, а второго отправил в забытье ударом рукояти по виску.

Тяжело дыша, Латиф вытер слезу и посмотрел вокруг. Сора́тники устали не меньше него, но доблестно продолжали бой. У их противников в отличие от тех за стеной, что не знали устали, силы тоже поубавились. Неожиданно Латиф заметил, что тяжело раненные противники с ясными глазами пытались остановить кровото́чение и докричаться до сражающихся. Они молили их остано́виться, но никто им не внима́л.

– *«Они освободились? Это сделал Азим?»*, – недоумевал Латиф, высматривая полководца в этом месиве.

– Где Азим? – негромко проговорил он про себя. – Где Азим?! – громче спросил он с тревогой в голосе.

– Господин побежал во дворец, – ответили ему ближайши́е сора́тники.

Заволновавшись за Азима, Латиф вознамерился побежать за ним во дворец, но встретил сопро́тивление на пути. Осквернённый воин сбил его с ног и хотел пригвоздить его к земле. К счастью, этот осквернённый воин был снова обезоружен и повален сора́тником Латифа, который помог ему встать.

Латиф снова повернулся ко дворцу и в трёх шагах от себя увидел Вохи́да ибн Ма́джида. С его меча стекала кровь, а у его ног испускал последний вздох ахору́нец. Вся одежда Вохи́да была в крови – в чужой крови. Из-под опущенных бровей Вохид хладнокровно смотрел на Латифа и поднял в его сторону меч. Он и Латиф всегда были друзьями. В детстве

они часто устраивали бои понарошку на деревянных мечях. Когда Вохид хотел, чтобы Латиф напал первым, он с вызовом указывал на него мечом. И вот теперь по злой шутке судьбы друзья не по своей воле стали врагами и один бросает вызов второму на бой не понарошку, а насмерть.

– Нам необязательно делать это? – Латиф пытался образумить Вохида.

– Ты предал падишаха, – неестественным грубым голосом сказал Вохид. – И привёл его врагов к нам. Наказание – смерть, – посмотрев на свой окровавленный меч, договорил он и пошёл в наступление.

Вохид был полон сил и наносил тяжёлые удары. Латифу пришлось отходить, отражая его удары. Пару соратников попытались помочь ему, но Вохид снёс их на своём пути, пугая Латифа своим бесстрашием и спокойствием. Вохид казался Латифу Расимом во плоти. Хорошо, что его соратники остались живы, хоть и получили раны и переломленные рёбра.

Латиф из последних сил заблокировал очередной замах Вохида. Когда их мечи скрестились, он схватил недруга за руку.

– Хватит, – воззвал Латиф. – Прикажи своим опустить мечи. Мы можем освободить вас от влияния колдуна.

В ответ Вохид лбом ударил Латифа в нос, оттолкнул его и сильно пнул по животу.

– Бесподобный падишах озарил наши души, и мы склоним весь мир перед ним, – пропел он, с вызовом указав на

вставшего и ошарашенного Латифа.

– Я не позволю, – негромко ответил Латиф и, в сердцах моля Всевышнего дать Азиму сил поскорее покончить с Расимом, принял вызов.

Латиф резко бросил руку вперёд, чтобы поранить руку Вохида и обезоружить его, но тот ловко шагнул в сторону и ударил по его мечу. Затем Вохид нанёс ответный колющий удар, а Латиф уклонился от него.

Вохид продолжал наносить удары один за другим. Латиф пятился назад, и вскоре они оказались вне основного сражения – посреди аллеи. Над ними нависла тень и раздались два крика подряд, что отвлекло Вохида. Латиф тут же пнул его по ноге и повалил на землю. Затем он вышиб меч из рук недруга и только потом посмотрел наверх. Над ними и над дворцом снова кружила Рудоба и ещё один симург – чёрный и крупнее. Эти два сказочных создания парили невысоко словно в танце. Вдруг Рудоба села где-то над дворцом и снова взлетела и снова начала кружить вокруг чёрного симурга.

Подловив замороженного Латифа, Вохид ударил его исподтишка и достал короткий кинжал, предварительно обезоружив Латифа. Вохид начал махать кинжалом, а Латиф уворачивался и бил кулаками, при любой возможности. Вохиду удалось пару раз задеть плечи и грудь Латифа, а тот несколько раз попал недругу по лицу.

При очередном ударе Вохид поймал кулак Латифа и уда-

рил его кинжалом в левый бок. Латиф заблокировал удар, но кончик кинжала успел пронзить его кожу. Он съёжился от боли, но не отпустил напирющую руку Вохида. Стиснув зубы, Латиф головой ударил недруга по лицу. Вохид попятился назад, встряхнул голову и снова замахнулся кинжалом. Латиф поймал его руку и, действуя на опережение, согнутыми пальцами ударил Вохида в кадык. Тот поперхнулся и уронил кинжал.

– Мы можем покончить с этой войной, – сказал Латиф, подобрав кинжал. – Просто остановись!

Вохид злобно покосился на Латифа с хищным оскалом, тихо прорычал и набросился. Вохид бил кулаками. Старался достать Латифа коленом и ногами. Латиф же хотел поранить его кинжалом и в одной из его попыток Вохид схватил Латифа за руку, потащил к себе и врезал ему локтем. Сам он при этом издал приглушённый вздох...

От удара под челюсть Латиф попятился в сторону. Он сжал кулаки и снова хотел нанести удар недругу, но увидел, что Вохид упал на колени. Кинжал вонзился ему под сердце и Вохид потрясенно смотрел на него.

– Вохид? – негромко позвал Латиф.

Его давний друг с трудом поднял голову. Увидев его ясные глаза, Латиф подбежал и сел на колени рядом с ним, не зная, что сказать.

– Прости меня, – с трудом вздохнул Вохид. – У н-нас н-неб-было в-выбора. Пад-дишах... падишах испеп-пелил мя-

тежников и пригрозил сделать тоже самое с нашими семьями. – Вохид медленно оглянулся и снова посмотрел на прослезившегося Латифа. – Мы... н-не хотели этого... Прости нас... брат, – угасающим голосом проговорил Вохид, и его голова поникла.

Вохид умер, но Латиф не позволил упасть его телу. Он поймал, прижал его к себе и горько зарыдал.

В это время Рудоба снова спикировала на дворец и снова взлетела. А чёрный симург опустился низко над воинами и начал махать крыльями, сбивая их с ног.

– Все назад! – начал кричать Бузург, которого по возвращению из дворца окружили соратники и защищали от осквернённых. – Назад! – кричал он, поняв замысел чёрного симурга с синим отблеском и длинными хохолками с оранжево-алыми глазками на голове, шее и длинном хвосте.

Соратники отступали от дворца к аллее. Чёрный симург сел и пару раз взмахнув крыльями, ещё раз сбил с ног осквернённых воинов. Издав громогласный крик, он взлетел к Рудобе.

Латиф всё ещё прижимал к себе тело Вохида и рыдал, когда за спиной он слышал многочисленные шаги. Сердце сжалось ещё больше и больнее, ибо он знал, что это. Повернув голову, он увидел армию, собранную по приказу Расима. Ошеломлённые воины заполнили собой всю аллею и площадки за деревьями.

Медленно моргнув с досадой, Латиф посмотрел на сорат-

ников, которых на взгляд осталось не больше восьми ста. Все они были изнурены и отчаянны. Им точно не одолеть воинов Чехры и Джоду, да подкрепление султана всё ещё нет. Какой тогда смысл продолжать бой, недоумевал Латиф. Горько вздохнув, он осторожно положил тело Вохида на землю, встал, подобрал меч и пошёл навстречу к подошедшему подкреплению Расима.

Большинство соратников последовало за ним. Другие же остались, чтобы сдерживать вновь напирających осквернённых.

Латиф остановился в пяти шагах от новоприбывших воинов и окинул их взглядом. В новом военачальнике Чехры, отличавшегося от остальных воинов Чехры чёрно-коричневым платком, свободно обмотанным вокруг шеи, он узнал своего друга. Многие другие лица были также знакомы ему.

– Вы пришли на войну? – громко спросив, Латиф кивнул на происходящее позади. У него по-прежнему шли слёзы, сердце сжималось, а в горле застрял болючий ком. – Ну так режьте нас, братья, – сказал он и бросил свой меч под ноги воинам в красно-чёрных кафтанах.

Соратники Латифа поравнялись с ним и тоже бросили свои мечи. При этом одна их треть возобновила бой с осквернёнными.

Картина на площади и примыкающей к ней аллее была ужасающей. Воины Чехры и Джоду были потрясены. Им велели собраться и явиться ко дворцу, но никто не ожидал

такого. Они знали, что идут на войну, но не представляли, что она будет именно такой. Земля, вымощенная камнями и мраморными плитами, была усеяна покалеченными трупами, от них к вековым деревьям стекали ручьи крови. На лицах воинов напротив были написаны горечь и отчаяние, а в воздухе стояла вонь, прост ужасная вонь.

Ещё больше они были изумлены двумя огромными птицами, о которых слышали лишь в сказках. Одна птица была чёрной с синим, а вторая белой с золотым отблеском под лучами закатного солнца. Они кружили над дворцом, как вдруг белая птица спикировала вниз на дворец и снова взлетела.

Военачальник Чехры посмотрел на мечи у своих ног и поднял взгляд на Латифа, который был готов умереть, чем пролить ещё больше братской крови. Сам он тоже не хотел войны, как и все, кто пришёл сюда. Однако им всем уже известна участь мятежников.

«Не разгневается ли падишах, если они не станут обнажить мечи? Не сделает ли он с ними то же самое, что и с предыдущим военачальником Чехры?»

Среди воинов, бросивших свои мечи, были и знакомые лица, кроме самого Латифа – это были его копейщики, узнал их новый военачальник Чехры. С самим Латифом он и многие другие его воины когда-то служили вместе здесь в Расулабаде. Он хорошо знал Латифа и, раз он и его копейщики перешли на сторону Ахоруна, значит, на то есть причины.

Несмотря на любые возможные последствия, военачаль-

ник Чехры принял для себя решение. Он снял с себя пояс с мечом, бросил его на землю и подошёл к Латифу.

– Я лучше умру от рук колдуна, чем подниму на тебя свою, – сказал он и крепко обнял, казалось безнадежного, Латифа.

Воины Чехры и Джоду тоже положили свои и, подходя к соратникам Латифа, протягивали им руки. Со знакомыми копейщиками они обнимались и утешали их.

Осквернённые воины всё ещё сражались, оказывая упорное давление на тех, кто их сдерживал. Неожиданно они замедлились, с приглушённым стоном вдохнули воздух и бросили мечи. Один за другим они начали приходить в себя.

– Они свободны! – прокричали среди воинов, сражавшихся с ними. – Азим освободил их! Слава Азиму! Слава Азиму полководцу! – ликовали они.

– Он сдержал слово, – услышав их, засмеялся Латиф в объятиях друга. Его смех был переполнен боли и страдания и сходил на рыдание.

– Кто такой Азим? – спросил военачальник Чехры, выпустив Латифа из объятий.

– Наездник симурга, – с оживлённой улыбкой ответил Латиф и вдруг услышал крик.

– Пожар! Дворец горит!

– Азим? – в страхе проговорил Латиф.

Он повернулся и увидел, как блок, где расположен аудиторный зал, охвачен огнём. Внезапная тревога охватила Латифа.

фом, и он побежал ко дворцу.

– Где Азим? – кричал он, высматривая полководца. – Он вернулся?

Азима нигде не было и Латиф решил пойти за ним во дворец, но ахорунцы не пустили его из-за огня, полыхающего внутри. К нему подошёл султан и положил руку ему на плечо. Бузург указал на чёрного симурга, пытающегося погасить огонь своими крыльями, отчего пламя норвилось в их сторону. Бузург молча помотал головой, он волновался не меньше Латифа за своего зятя, но идти в этот огонь – чистое самоубийство. Латиф понял это по его глазам и замер в ожидании чуда.

Над дворцом парил Акобир. Рудоба вылетела из огня к нему, в след за ней вскоре вылетели ещё три маленьких симурга. Вместе они начали кружить и кричать от радости, а вот среди воинов воцарилась напряжённая тишина. Рудоба посмотрела вниз, словно почувствовав переживания воинов за Азима. Она опустилась над лестницами и начала взмахивать крыльями, чтобы сдуть огонь с прохода во дворец.

Ей это вроде удалось – пламени стало гораздо меньше. Потому Латиф снова решил отправить за Азимом, но остановился на пол пути. Он и все остальные заметили силуэт в коридоре, который медленно приближался к выходу. Не было ясно Азим ли это или Расим. Все замерли в ожидании...

Как только силуэт дошёл до проёма и закатные лучи озарили его лицо, все узнали в нём Азима и заревели одним

голосом, словно гром, сотрясая воздух. Гром стих и Латиф вышел вперёд, поднял кулак вверх и громко крикнул:

– Слава Азиму!

– Слава Азиму! – повторило за ним объединённое войско.

– Азим! Азим! Азим! – кричал Латиф, стуча кулаком по воздуху. – Шах! Шахиншах!.. Шах! Шахиншах!.. Азим! Азим! Азим! – повторял Латиф уже со своими копейщиками. – Шах! Шахиншах!.. Шах! Шахиншах!.. Азим! Азим! Азим! – к ним присоединились султан и воины Ахоруна. – Шах! Шахиншах!.. Шах! Шахиншах! Рр-ра-а-а-а!!! – от их рёва воздух снова содрогнулся.

Опустив кулак и прижав его к сердцу, Латиф встал на одно колено и смиренно склонил голову. За ним повторили его копейщики, а после и воины Ахоруна.

Несмотря на небольшой огонь над входом во дворец, Рудоба села над воротами и издала протяжный крик, тряся шей. Эта была её благодарность. Она не только вернула своих пленцов, но и нашла свою пару, живым и здоровым. Сомкнув клюв, Рудоба признательно склонила голову над Азимом.

Воины Чехры и Джоду не совсем понимали, что происходит. Они были поражены тем, что даже сказочное создание склонилось над молодым человеком, появившимся из огня. Некоторые, включая военачальника Чехры, догадывались, что это тот самый Азим ибн Аъзам. Признав его права на трон, они тоже прижали кулаки к сердцу, опустили на одно колено и склонили головы. Остальные воины Чехры и

Дждоу повторили за ними.

Остался лишь султан Бузург ибн Махмуд. С высоко поднятой головой он смотрел на Азима, который казался озадаченным и растерянным. Бузург испытывал гордость за Азима. Когда их взгляды встретились, Бузург с улыбкой кивнул, прижал руку к сердцу, опустился на одно колено и склонил голову перед своим шахиншахом.

* * *

«Дабь жизнь, отданная отцом, обеспечила будущее сына,

Дабь сердце матери не разорвалось, как моё,

Брат мой знай, что твоего сына я воспитаю как своего.

Дабь радость и добро отныне вновь воцарились, Некрузом назову его».

Обещание Азима перед обезглавленным телом Камила.

Погода была пасмурной, как и Азим. Облака словно скорбели по всем убитым, как и Азим. Все думали, что пойдёт дождь, но слёзы проливали только люди. А когда тела ахорунцев вернутся домой, горе наступит и там. Весь мир, казалось, сейчас замер, как и серые облака над Азимом.

Он всё ещё был опечален – Камила больше нет. Он был единственным лучом света среди войска Ахоруна. «*Что ты прокис?»*», сказал бы он сейчас и бросил бы какую-нибудь глу-

пую шутку.

– Твой сын – мой сын, – про себя повторил Азим своё обещание, увидев тонкий луч света, пробившийся сквозь облака. – Я позабочусь о нем.

Азим на своём жеребце ехал во главе большой делегации, включающей в себя султана, мэра Арружа с перевязанной рукой и Мираса, наибов Чехры и Джоду и их военачальников. С ними также ехали Латиф, визири и знать Расулабада и Ангурана, срочно приехавших по поручению султана. В делегации были и двести воинов, как зебистанцев, так и ахорунцев. С некоторыми воинами были их жены и дети. Слуги и простой народ тоже входили в делегацию. Всего их было пятьсот, но, к сожалению Азима, среди них не было его родителей и младшего брата. Путь их занял четыре ночи и пять дней сначала предосеннего поста.

Все эти дни Азим был озадачен последствиями этой войны. Он часто задумчиво смотрел на симургов, парящих под облаками, а когда опускал взгляд, перед его глазами часто всплывала одна и та же картина: тело на повозке, а голова приставлена рядом. Тогда Азим приходил к мнению, что, если бы не он, Комил был бы жив... все они были бы живы. Прав был Расим, иногда думал Азим.

– Он сражался отважно, – вспомнил Азим слова Латифа перед этой повозкой. – Рубил не щадя. Он бежал за вами, когда вы начали кричать «не убивать». В него попала стрела, но он не сдался... Когда он хотел обезоружить противника,

с ним случилось... это.

Совість мучила Азим после этих слов. Каждое утро и каждую ночь перед сном Азим повторял свое обещание.

– Он сдержал своё слово, данное моему отцу, – ответил Азим тогда Латифу. – Теперь, я в неоплатном долгу перед ним.

– Будьте справедливым правителем, – посоветовал Латиф. – Думаю, это бы обрадовало его душу в раю.

Единогласным решением воинов Азим был объявлен шахиншахом. Позже это решение поддержали визири и другие чиновники Зебистана и Ахоруна. Жители Расулабада тоже были не против.

Падишахи Зебистана и султаны Ахоруна носили высокие или пышные чалмы с драгоценными украшениями. Однако, шахиншаха было решено короновать, но в Расулабаде уже было негде. Западный блок дворца, где был аудиенц-зал, и к которому примыкала дворцовая площадь, почти полностью сгорел при пожаре. Симурги пытались потушить огонь своими крыльями, но ветер, создаваемый их мощными взмахами, сдувал пламя на площадь. Это грозило воинам, которые на тот момент сплотились и перевоплотились в пожарных.

Две с половиной тысячи воинов Чехры и Джоду объединились с пережившими сражение воинами и тушили пожар в переходах на другие блоки дворца, чтобы не дать огню поглотить весь дворец. Ведра они достали из ближайших домов и самого дворца – с этим им помогли придворные слуги

и горожане. Воду они доставали из колодцев и фонтанов на алее и площади вокруг дворца.

Огонь потушили поздно ночью. Подошедшие с востока города воины Ангурана на следующее утро помогали убирать тела убитых. Выжившие командиры ходили и опознавали среди тел зебистанцев и ахорунцев. Последних было решено отправить домой на лодках, по которым воины Ангурана прибыли по Зарафшану.

Оскверненные воины, оставшиеся за стеной, тоже пришли в себя. Узнав эту весть, Азим, Бузург, Латиф и сотня воинов из Чехры и Джоду вместе с лекарями отправились за стену. Раненым они помогли, а здоровых попросили помочь с телами убитых. Там-то Азим и нашел обезглавленное тело Комила.

Хоть с уборкой тел на алее и площади и управились за пару дней, кровь, застывшая на камнях и мраморе, казалось, не смоят даже ливневые дожди. Казалось, что и зловонье от тел останется там навсегда. Помимо этого, в некоторых блоках дворца было невозможно находиться из-за горелого запаха. Потому было решено провести коронацию в Шомабаде, и теперь огромная делегация не спеша подходила к городу, построенному в ночи.

Шомабад располагался на протяженном холме на открытой местности и состоял из двух частей, которые называют левая звезда и правая звезда. Строительство города было инициировано Расулом Вторым. Он хотел, чтобы старые па-

дишахи уходили в этот город на покой, уступая трон молодым наследникам. Он сделал это для будущих поколений, ибо знал, что строительство города не завершится до конца его жизни. Расул Второй издал соответствующий закон, согласно которому падишах, дожив до шестидесяти пяти лет, обязан уступить трон наследнику, и первым же исполнил свой закон.

По воле Расула Второго строительные работы в основном шли после захода солнца и только в дни Ситорамона. Потребовалось одиннадцать циклов этого удивительного, до сих пор не объясненного феномена, чтобы возвести Шомабад.

Этот город – зеркальное отражение двух звёзд, появляющихся раз в двадцать два года под луной. Возведенные, а точнее выращенные из хвойной живой изгороди, стены представляют собой пятиконечные звезды с одним длинным хвостом в каждой. Эти хвосты тянутся друг к другу и между ними есть мост – единственный переход из одной звезды в другую, не считая внешние наземные тропы. Этот мост выполнен из веток самой изгороди.

В вершинах звёзд возведены мавзолеи, вокруг которых цветут сады и бьют фонтаны. В каждом пентагоне – посередине звёзд, построены дворцы с огромными стеклянными куполами. Эти купола состоят из множества пятиугольных выпуклых стеклянных блоков, напоминающих небольшие купола. Потому эти дворцы называют «купольными».

Сами купольные дворцы построены в основном из дерева

с каменной основой. Высота стен составляет двадцать два газа, а купола добавляют к ним ещё двадцать два газа. Наружные стены украшены резьбой и цветной росписью. Купольные дворцы были возведены в форме пентагона и на каждой стороне перед стенами возвышались по одиннадцать колонн, скрывая за собой террасы и балконы. Каждый дворец состоял из двухсот сорока двух комнат и в них жили в основном слуги, присматривающие за падишахами до их смерти и за их мавзолеями и садами.

Городом руководит наиб, назначаемый падишахом. Однако, экономика города всегда была самостоятельной и мало зависела от внешних продовольственных и других поставок.

Общая площадь обеих звёзд Шомабада сравнилась бы с половиной Арружа. Её внешние зеленые стены в высоту достигают двадцати двух газов, а в ширину одиннадцать. За этими размерами строго следили садовники. Пару таких садовников заметил Азим на поступях к огромным воротам левой звезды.

– Их называют пауками, – объяснил, ехавший рядом Латиф.

– Почему? – спросил Азим, опустив на него взгляд.

– За то, что они с легкостью могут карабкаться по этим стенам, – Латиф указал на садовника в бледно-коричневых одеяниях, быстро спустившегося на пару газов вниз и исчезнувшего в зеленых ветках.

На удивление Азима ворота тоже оказались из живой, од-

нако, цветущей изгороди, шириной в три, а высотой в одиннадцатнадцать газдов. Ворота держались на больших незаметных петлях и стояли на почти незаметных каменных колёсах, с помощью которых и открывались.

Земля в проходе и до площади, ведущей ко дворцу, вымощена пятиугольными камнями, в основном, светлых оттенков. Центр площади пентагона занимал купольный дворец. Остальное место было отведено цветникам, небольшим фруктовым садам, беседкам и фонтанам, половина которых была обнесена низкой живой изгородью зеленого, зеленоватого-синего и пурпурного цвета.

Азим, облачённый в белые шёлковые одеяния, первым въехал в город и его поприветствовали с почестями придворные слуги левого дворца и наиб Шомабада. За ним въехали Бузург и Латиф, которые также спешили и подошли к наибу Шомабада. Тот с учтивым поклоном встретил благородных гостей и пригласил во дворец. Пока они шли по мраморной тропинке, остальная делегация медленно втекала в пентагон, а симурги, не найдя себе место, улетели на север...

– Они здесь? – спросил Бузург ибн Махмуд.

Была и другая причина, по которой они приехали в Шомабад. Латиф и пара других чиновников Расулабада рассказали Азиму и Бузургу про Мехри и её третьего сына. Орзу заявлял, что это сын падишаха Нодира и у него есть права на трон. Однако Расим обвинял Орзу в порочной связи с Мехри и её сын – это его побочный сын. Теперь они оба мертвы и

правду может знать только наиб Шомабада, где и рос этот предполагаемый наследник.

Чтобы поговорить об этом вдали от лишних ушей, Ази-ма и его чету, включающую в себя султана Ахоруна, мэров Арружа и Мираса, наибов Чехры и Джоду, Латифа и пятерых чиновников Расулабада, пригласили на восточный балкон на последнем этаже левого купольного дворца. Их усадили за большой топчан, на котором заранее накрыли богатый дастархан со множеством фруктов, печёных и напитков, за исключением вина.

– Они... Узнав о провальной попытке свергнуть падишаха Расима и о подавленном мятеже, госпожа Мехри, опасаясь за жизнь сына, покинула город вместе с ним, – замешкав, ответил наиб.

– Где они? – спросил Бузург. Его тон не был расположен к душевному разговору, так как он понял, что наиб чего-то недоговаривает с самого начала.

– Я н-не уверен, г-господин, – с запинкой ответил наиб, избегая взгляда Бузурга. – Госпожа родом была из Чехры. Возможно, она могла вернуться туда, – он перевёл взгляд на наиба Чехры, надеясь, что султан от него отстанет.

Бузург тоже посмотрел на наиба Чехры, с намеком на вопрос в своих глазах.

– Она не обращалась ко мне за помощью, – сказал Окил, словно оправдываясь. – Я бы знал, если бы она появилась в городе.

– За провальными попытками свергнуть колдуна стоит госпожа Мехри? – спросил Азим.

Ахад, с досадой вздохнув, виновато опустил глаза и плечи.

– Боюсь, что так, мой господин, – негромко ответил он.

– Орзу заявлял права третьего сына Мехри на трон, но Расим обвинял его в интимной связи с госпожой Мехри, – заговорил Латиф.

– Это правда? – спросил Азим в один голос с Латифом.

Сжав губы, наиб Шомабада молча покивал. Не стоило углубляться в вопрос, он и так его понял.

– Орзу часто приезжал в Шомабад и навещал госпожу Мехри с её сыном. Вскоре я догадался о целях его визитов и поговорил с госпожой. Она рассказала мне обо всём, – признался наиб.

– Если вы знали правду, почему не сказали раньше? – вознегодовал Латиф. – Я был там и своими глазами видел, как Расим превратил голову Орзу в головешки. Этого можно было избежать!

Наиб томно вздохнул и посмотрел на негодующего Латифа.

– Орзу был гнилым человеком, – сказал он. – Все дети госпожи Мехри были его побочными сыновьями. Он знал, что за смертью Носира и Мунира стоял Расим. Он хотел мести и, поведай я эту тайну всему миру, его бы это не остановило. Узнав о гибели любимого, госпожа Мехри подкупила некоторых военачальников на мятеж.

– Мне не нужны мятежи, – предупредил Азим.

Наиб Шомабада растерялся и не знал, что ответить. Такого давления ему никогда не оказывали. Он думал, что находится на допросе и съёжился, как мышь в углу.

– Как его зовут? – спросил Азим.

– Амир, – ответил Ахад негромким голосом.

Бузург и Фотех иронично хмыкнули.

– Он знает о своём происхождении? – спросил Азим.

– Госпожа Мехри...

– Не называй её так! – потребовал Бузург. – Она утратила это право, изменив падишаху Нодиру.

Ахад кивнул и исправился:

– Мехри и Орзу решили скрыть это от юноши.

– А вы ему не рассказали? – спросил Азим.

– Нет, – повёл головой Ахад. – Но, когда старшие сыновья скончались и Мехри с Орзу вознамерились посадить на трон Амира, я рассказал юноше правду. Он отказался верить в неё.

– Этот юноша рос, думая, что он сын падишаха, а его мать, даю слово, нашептывает ему на ухо, что трон Расулабада по праву принадлежит ему. Она будет наталкивать его на новые заговоры или сама будет строить их, – делился своими подозрениями Бузург.

– Найдите Амира, – поручил Азим. – Я хочу поговорить с ним.

Ахад принял поручение, прижав руку к сердцу и опустив

голову, а вот Бузург недоумевал:

– Зачем?

В это время на балкон пришел слуга и, встав в пяти шагах от топчана, склонил голову.

– Ваша дочь прибыла, светлый господин, – с трепетом в голосе сообщил он.

Забыв обо всём, Азим и Бузург резко посмотрели в сторону резной двери и увидели Зилолу, робко подглядывавшую из-за двери.

– Зилола! – одновременно позвали Азим и Бузург.

Они спустились с топчана и направились к ней. Как только Зилола сделала пару шагов навстречу, Азим подбежал к ней и крепко обнял.

– Ты здесь, любовь моя! – обрадовался он, приподняв и покружив жену в объятиях.

– Рудоба привезла меня, – ответила Зилола, когда Азим положил её. – Я очень рада вас видеть, – проговорила она, вдыхая запах мужа.

– Больше ничто не разлучить нас, обещаю! – уверенно сказал Азим.

– Отец! – Азим опустил жену, и она побежала к Бузургу и крепко обняла его.

– Ты цела, доченька? – Бузург погладил дочь по голове и с удивленной улыбкой покосился на неё. – Ты сшила себе новое платье в пещере? – шутливо поинтересовался он.

– Нет, – со смехом ответила Зилола. – Это платье мне да-

ли служанки этого дворца. По правде, Рудоба привезла меня сюда чуть больше часа назад и посоветовала привести себя в порядок, но мне не терпелось поскорее увидеть вас.

– Кажется, служанки знали твой вкус, – сказал Бузург, оценив сиреневое шелковое платье дочери с мелкими сапфирами на груди и рукавах. – Пойдём, – он указал на топчан, – ты сильно исхудала.

Рудоба села на изгородь недалеко напротив балкона и обратилась к Азиму:

– *«Ты сдержал своё слово. Благодаря тебе, я вернула не только своих птенцов, но и свою пару. Спасибо».*

– Тебе спасибо, – сказал Азим и, подойдя к краю балкона, он благодарно склонил голову и прижал руку к сердцу. – Без твоей помощи мы бы не справились.

Рудоба учтиво кивнула в ответ и расправила крылья, чтобы взлететь.

– Остайся, – попросил Азим. – Я хочу, чтобы вы присутствовали на моей коронации. Пожалуйста.

– *«С удовольствием»*, – ответила Рудоба и перелетела на другую сторону.

– Идёмте! – сказал Бузург, который уступил своё место дочери, а сам не поднялся на топчан. Вся свита встала, когда Зилола садилась, и поприветствовала её как подобает. – Обсудим оставшиеся вопросы в другом месте, – продолжал он, когда Азим вернулся на топчан и сел рядом с женой. – Им нужно побыть одним.

Бузург улыбнулся дочери, приставил правую руку к сердцу и с почтением склонил голову перед Азимом и ушёл вместе с остальными.

– Мой отец склонил голову перед вами? – удивилась Зилола.

– Рудоба тебе ничего не рассказала? – спросил Азим. – Мне нужно многое тебе рассказать, любовь моя, – сказал он, когда жена покачала головой.

Любуясь на Зилолу и садящееся солнце за её спиной, он не мог решить, что прекраснее: закатные лучи, разгоняющие облака или его улыбающаяся жена в этом утонченном наряде?

Коронацию провели на праздник осеннего равноденствия. Хоть в городе и проживало около двух тысяч человек, их было негде собрать на одном месте, к тому же ещё и делегацию. Потому под куполом левого дворца собрались восемьсот человек, а остальные готовились к пиру за городом.

Симурги парили над городом, внушая трепет и благоговение местным жителям. Рудоба и Акобир не смогли, естественно, попасть под купол, а вот их *дети* присутствовали на церемонии. Они стояли напротив людей, приводя их в благоговейный трепет и изумление.

Женщины были в нарядных атласах. Мужчины были в белых, бежевых и коричневых кафтанах с растительными и геометрическими узорами. Воины были в чёрных и алых кафтанах с белыми, черными и красными узорами. У всех

были платки, чалмы или тюбетейки на головах.

Латиф был одет в длинные одеяния пшеничного цвета. Его халат был вышит золотистой нитью с серебристыми глазками. Наиб Шомабада был в шелковых шароварах, короткой рубашке с длинными и широкими рукавами и в халате без рукавов и с широкой тесьмой по краям. Всё его одеяние было в синих оттенках. На руках он держал поднос, накрытый золотистой тканью, под которой виднелись черты восьмизубой короны.

Султан Бузург ибн Махмуд был в белом. На нём были штаны, заправленные в сапоги с матерчатым верхом, рубашка до колен и с рукавами до локтей, широкий пояс из золотистого пояса. Поверх всего у него был белый халат без рукавов, простёганный золотистой нитью, и с золотой тесьмой по краям. Чалмы на голове султана не было, что намекало о его принятом решении. Его лицо обросло густой бородой, которую он слегка подстриг.

Рядом стояла его дочь. Зилола была в лиловом чакане с пышными узорами. Этому платью, как ей сообщили служанки, было больше трехсот лет, но за это время его надевали всего пять раз. На её шее висела серебряная цепочка с подвесками, инкрустированными в них сапфирами. Такие же подвески висели у неё на ушах. На голове у неё была темно-лиловая круглая тюбетейка, поверх которой ниспадал сетчатый платок под цвет платья.

Латиф посмотрел на наиба Шомбада – тот коротким кив-

ком дал ему согласие начать церемонию. Латиф для удостоверения посмотрел и на наибов Чехры и Джоду – те тоже кивнули. Тогда Латиф сделал шаг вперёд и обратился к народу:

– Без него, – громким голосом начал Латиф и указал на Азима, – коварный шакал преуспел бы в своих алчных планах поработить Рахшонзамин. Этот доблестный молодой человек верил в нас. В нашу дружбу. Он объединил нас и сделал то, что не удалось даже самой могущественной ведьме. Азим сверг Расима и освободил наших братьев от его скверны, – Латиф благодарно посмотрел на Азима и снова обратился к народу. – Я, Латиф ибн Маъруф, от своего имени и от имени всего Расулабада, от имени наиба и всего города Чехры, – в подтверждение наиба Чехры прижал руку к сердцу и склонил голову, – от имени наиба и всего города Джоду, – продолжал Латиф, и наиба Джоду также прижал руку к сердцу и склонил голову, – признаю право Азима ибн Аъзама на трон Расулабада по праву родства и объявляю Азима освободителя падишахом Зебистана! Впервые, когда он протянул мне руку дружбы, я понял, что последую за ним хоть на край света. А сегодня я готов отдать жизнь за него. Да здравствует падишах! – он повернулся к Азиму, опустился на одно колено, прижал кулак к сердцу и смиренно склонил голову.

К народу шагнул султан.

– Я, Бузург ибн Махмуд, султан Ахоруна, тесть Азима полководца, передаю свой трон и объявляю Азима ибн Аъ-

зама новым султаном Ахоруна! – Бузург повернулся к Азиму и также опустился на одно колено, прижал руку к сердцу и склонил голову.

Наиб Шомабада, стоявший посередине, в десяти шагах от людей, заговорил торжественным голосом:

– Я, Ахад ибн Дол, наиб Шомабада, уполномоченный нести слово от имени бывших падишахов Зебистана, в силу существующего закона принимаю заявления Латифа ибн Маъруфа и его светлости, Бузурга ибн Махмуда. При вашем свидетельстве я объявляю Азима ибн Аъзама Верховным правителем двух государств! – он развернулся и сделал пару шагов к Азиму.

Зилола подошла к Ахаду, сняла с подноса ткань и повесила её на изгиб локтя наиба. Она взяла корону в виде золотого двойного обруча с восемью зубцами, в которых инкрустирован Чёрный рубин, и подошла к мужу. Азим склонил голову, и она положила корону ему на голову.

Наиб снова повернулся к народу и указал на Азима.

– Да здравствует шахиншах! – провозгласил он.

– Да здравствует Азим! – одним голосом крикнули люди под куполом. – Да здравствует шахиншах!

Все разом опустились на одно колено, приложив руку к сердцу и склонив головы. Азим смотрел на них, и буря эмоций одолевала им. Кто полтора года назад мог представить, что простой юноша переживёт столько событий и станет шахиншахом? Уж точно не Азим. И сейчас, стоя перед скло-

нившимися людьми, он не имел представления, что ему делать дальше. Выбор привёл его сюда. Жаль его матери нет рядом, чтобы разделить с ним этот момент. Но его жена рядом, и она разделит с ним этот момент и всю оставшуюся жизнь. Азим опустил тёплый взгляд на любимую и улыбнулся с облегчением. Теперь она всегда будет рядом и поможет справиться с последствиями войны. Азим протянул руку жене и помог ей встать. Вслед за Зилолой встали и остальные. Тогда Азим сделал пару шагов вперёд и обратился к своему народу:

– Подлый колдун пытался посеять вражду между нами, но ни одна ложь не устоит, когда братья верны друг другу. Ничто и никогда не разделит нас, ибо мы отныне единый народ, а я, – Азим окинул всех взглядом, опустился на колени, развёл руки в стороны и склонил голову, – слуга этого народа.

* * *

«Единственная, кто могла бы утешить меня, и есть виновницей всей моей боли. В горьком одиночестве по ночам мне очень хотелось, чтоб она была рядом, а днём ненависть к ней снова занимало место вероломной любви».

Султан Бузург ибн Махмуд, Мемуары об Арогин.

Пир длился три дня. Для шахиншаха установили большой шатёр с западной стороны города. Днём стены шатра отки-

дывали наверх и все могли приходиться и почитать шахиншаха. По вечерам же стены опускали и приглашали лучших музыкантов и певцов Расулабада, которые были в их делегации.

Музыка, правда, играла и днём, и ночью. Певцы пели, смеясь через каждые пять песен. Воины танцевали и радовались больше всего объединению народов.

Пусть и не в изобилии, но еды, угощений и напитков на столах было достаточно. Благо, Чёрная напасть не затронула Шомабад.

Азим с улыбкой наблюдал за танцем Бузурга и Латифа посреди воинов и танцовщиц, и угощал жену красной айвой, которая растет только в здешних садах.

– Все вокруг весёлые и радостные, а вы кажетесь грустным, – как-то вечером сказала Зилола.

– Я бы хотел, чтобы мои родители и Рауф были здесь и разделили со мной эту радость, – Азим с толикой печали в голосе ответил и кивнул на улыбчивого Бузурга на другой стороне шатра.

– Отец изменился, с тех пор как вы появились в нашей жизни, – Зилола нежно взяла Азима за руку.

– Я тоже, – Азим со скромной улыбкой указал на корону на своей голове.

Шахиншах заметил, как его тесть уходит за слугой. Он проводил его взглядом и присоединился с женой к следующему танцу...

Своим присутствием симурги изумляли и даже пугали

жителей и гостей Шомабада. Больше внимания им уделяли поэты и художники, а дети бегали вокруг птенцов. В первый день, когда во дворце шла коронация, Акобир приземлился за стеной, недалеко от места, где устанавливали шатры. Он широко распахнул свои крылья и с высока посмотрел на пораженных людей. Один из художников запечатлел этот момент на холсте и, закончив работу на третий день, вручил картину шахиншаху. В тот же день другой художник попросил шахиншаха с олималикой – так теперь обращались к Зилоле, попозировать рядом с симургами. Сделав наброски, художник поблагодарил их и удалился придавать краски своей картине.

Азим подошёл к темно-синему птенцу с серебристым отблеском, тот опустил шею и Азим погладил его по затылку.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Азим. – Не могу представить как вы счастливы сейчас, – Азим посмотрел на Рудобу и Акобира. – Вы столько ждали и вот они вылупились... ваши дети, – подумав, сказал он и к нему за лаской подошла огненно-красная и шахиншах тоже погладил её.

– *«Всё это благодаря тебе»*, – сказала Рудоба, посмотрев на птенцов, окруживших Азима, и на торжество в тридцати газах от них.

– *«Рудоба рассказала мне о тебе»*, – к Азиму обратился Акобир. – *«Ты проделал огромный путь до этого величия. Расим хотел объединить народы кровью, а ты сделал это верой в доброту. Не теряй этой веры и, несмотря на корону,*

всегда оставайся собой».

– *«В трудный час ты всегда можешь рассчитывать на нашу помощь»*, – пообещала Рудоба.

– *«Пусть пир продолжается, покуда царит мир»*, – сказал Акобир. – *«Мы же должны вернуться и продолжить свой...»*

– Страж? – спросил Азим. – После всего, что произошло, после вашей помощи я снова озадачен одним вопросом в последние дни.

– *«Какой вопрос?»* – поинтересовался Акобир.

– Все эти тела на Тропе мертвых – это ведь... не ваших рук дело? – подумав и посмотрев на старших симургов, спросил Азим. – В их лицах застыл страх, смертельный ужас... А узнав вас, я понял, что вы не способны внушать подобный ужас, – тихо проговорил Азим, покачав головой.

Своими словами шахиншах не хотел оскорбить или унижить достоинства симургов, он лишь желал узнать ответ.

– Этот вопрос вызывает во мне опасения, – продолжал Азим. – Я слышал его, – выждав паузу, признался он, – и чуть было не поддался его зову. Кто он? – тихо спросил Азим. – Что кроется в пустыне?

Зилола была удивлена словам мужа, а Рудоба сделала короткий шаг в его сторону и опустила голову.

– *«Ты благородный и проницательный молодой человек, Азим ибн Аъзам»*, – похвалила Рудоба. – *«Ты станешь мудрым правителем. Благодаря тебе, я вернула и своих пленцов*

и Акобира. Мы снова вместе. В признательность я раскрою тебе одну нашу тайну», – Рудоба высоко подняла голову, расправила крылья и в ней появилось внутреннее свечение. Оно прошло по всему её телу и крыльям и по шее направилось к клюву. Рудоба опустила голову и дыхла на Азима светящимся сгустком энергии, который проник в тело шахиншаха. – Аль-Бузург сотворил нас и одарил способностью. Мы можем делиться ею лишь с самыми достойными людьми. Эта благодать продлит тебе и твоим детям жизнь, – объяснила Рудоба и взлетела. – *«Твой народ будет жить в мире, пока мы несём свой страж»,* – заверила она. – *«Прощай».*

Рудоба поднялась ещё выше, и её птенцы взлетели вслед за ней.

– *«Не стоит волноваться о том, что кроется в пустыне. Он не потревожит вас»,* – обнадёжил Акобир. – *«Возможно, однажды мы раскроем тебе и эту тайну. А пока, правь достойно, Азим Благословлённый».*

Акобир взлетел и полетел за Рудобой и птенцами на север к горам Катрон.

Азим в трепете смотрел, как симурги улетают. У него было странное, но приятное ощущение внутри после подарка Рудобы.

– Мы их еще увидим? – к Азиму и Зилоле подошёл Бузург.
– Надеюсь при хороших обстоятельствах, – ответил Азим.
– Вас ждут в шатре, – доложил Бузург. – Завтра люди разъедутся по своим городам. Наибы хотели бы узнать, что им

делать.

– Хорошо, – кивнул Азим. – Мы сейчас придём, господин. Бузург с улыбкой помотал головой.

– Теперь, это я должен называть вас господином, великим господином.

Бузург склонил голову с рукой у сердца и направился к большому шатру. Азим с Зилолой последовали за ним.

Перед последним торжественным ужином Азим провел заседание чиновников. Он поручил отправить весть о его объявлении шахиншахом во все другие города и государства Рахшонзамина, а также шах-султану Бахрияна по совету наиба Джоду. Самим наивам Чехры и Джоду шахиншах поручил восстановить торговые отношения с соседними государствами. Мэров Арружа, Мираса и Фалида он также переименовал в наивов и назначил своего тестя наивом Расулабада. Латифа он назначил военным визирем. Что до остальных визирей, шахиншах обещал, что решит их проблемы уже в Расулабаде...

Новое утро встретило людей прохладой. Однако у них на душе было тепло. Они покидали Шомабад с надеждой, что теперь всё будет хорошо. Шахиншах позаботится о них и Зебистан будет снова процветать.

Делегация, прибывшая на коронацию, теперь разделалась. Одни возвращались в Расулабад, другие в Чехру, Джоду или в Арруж. Шахиншах со своей новой свитой направлялся в столицу Зебистана. Он обещал помочь с восстанов-

лением дворца и назначить новых визирей, которые будут уполномочены как в Зебистане, так и в Ахоруне.

Шахиншах выехал из Шомабада ближе к полудню, когда большая часть делегации уже покинула город. Азим проводил чуть ли не всех, помахав рукой и желая им удачи. Перед своим отъездом он ещё раз напомнил наибу Шомабада найти Амира, сына Мехри.

Свита шахиншаха выехала со свитой наиба Арружа. Они вместе ехали на восток, а на следующий вечер разделились: свита Азима держала путь на юго-восток в сторону Расулабада, а свита Фотеха повернула на северо-восток. Бузург ибн Махмуд кивнул наибу и продолжил путь рядом с шахиншахом и олималикой. У него был нерешительный и задумчивый вид, который не остался незамеченным.

– Вы обеспокоены чем-то, отец? – спросила Зилола и привлекла внимание Азима.

Бузург остановил коня и посмотрел на дочь, затем на зятя. Они тоже остановили своих лошадей.

– Я не верил в вас, – признался Бузург, глядя на Азима. – Но что-то подсказало мне дать вам шанс. Это было голосом твоей матери, – он посмотрел на дочь. – Я до сих пор скучаю по ней. Утратив её, я утратил цель в этой жизни и не уделял тебе должного внимания, – Бузург многозначительно вздохнул и спустился с коня.

Зилола и Азим тоже спешили.

– Прости меня, я не был хорошим отцом, но Азим будет

тебе лучшим мужем, – сказал Бузург, посмотрев на них.

Зилола обняла отца и поцеловала его за щёку.

– Я люблю вас, отец, и всегда любила, – сказала она.

Бузург погладил дочь по лицу и посмотрел на Азима.

– С вашего позволения, великий господин, я бы хотел предложить Фотеха на своё место и занять его.

– Почему? – удивился Азим.

– Я хочу вернуться в Арруж, – ответил Бузург. – Я хочу отдохнуть от государственных дел и написать мемуары, включая о твоей матери, – он с улыбкой посмотрел на дочь. – Не волнуйтесь, я буду часто навещать вас и давать советы, – обещал Бузург.

– Я не в праве отказать вам, отец, – Азим подошёл и пожал руку тестю. – Я не ожидал всего этого, и благодарю вас за этот шанс. Вы изменили мою жизнь.

– А вы вернули мою, – с улыбкой сказал Бузург. – До скорых встреч.

Он поклонился шахиншаху, поцеловал Зилолу в лоб, сел на коня и погнал его к свите Арружа.

Азим и Зилола продолжили свой путь на Расулабад уже вместе с новым наибом...

После нескольких дней в пути Бузург со свитой вернулись в Арруж. Их встретили с почестями и устроили праздник. Бузург разделил с ними трапезу и порадовал горожан пару танцами. После праздника он вернулся в свою старую приёмную, где у подножия трона его ждал подарок. Бузург поло-

жил его на трон и снял тканевую обёртку – эта была картина с изображением Нисо, наблюдавшей за звёздами с балкона. Бузург поднёс руку к её лицу и улыбнулся. Затем он вышел на балкон и посмотрел на звёзды.

– Ты всегда мечтала быть среди этих звёзд, – обратился он к воспоминаниям о своей жене, – а я даже не представлял, что ты окажешься среди них так рано, – его горло сдавливал ком, а тоска теснила в груди. – Прости меня, – Бузург не успел извиниться за свою измену при жизни Нисо. – Наша дочь так похожа на тебя, – улыбнулся он, глядя на мириады звёзд на ночном небе. – Я сдержал своё слово. Я не выдал её за тех, кто желал моего трона... Азим – хороший человек, благородный, – помедлив, продолжил Бузург. – Он любит Зилолу и позаботится о ней лучше, чем я, – Бузург опустил взгляд на спящий город и задумался. Как бы невероятным это ни было, он признал, что предсказания Арогин сбылись – он выдал свою дочь за того, кто полюбил её; Азим стал его наследником, собрал несокрушимую армию и сверг колдуна, возомнившего себя богом; Теперь, его наследник правит империей. – Шахиншах позаботится и о двух государствах, – уверенно добавил он и, вздохнув с умиротворением, ощутил, как вокруг него воцарились тишина и покой.

* * *

ЭПИЛОГ

Глубокой прохладной ночью убывающая луна, недавно полная, молча наблюдала за спящими над юго-западным хребтом Катрона. Ее серый свет освещал плоские и куполообразные крыши домов, создавая таинственную атмосферу.

Насмешливый ветер тревожил серп золотой луны с тремя волнистыми линиями, изображённых на реющем прапоре с тремя хвостами (средний короче крайних) на вершине куполов. Его изменчивые порывы хлыстом вытягивали к перилам каменного балкона, горделиво возвышавшегося над крышами, и парусом надували тонкие золотые шелковые занавески, впуская прохладный воздух внутрь просторной спальни.

Высокие железные окна пропускали лунный свет внутрь, но легкие серебряные шторы приглушали его. В нишах, в противоположных от окон стен, горели толстые свечи грязно-желтого и молочно-белого цветов, наполняя воздух нежным ароматом.

Посреди спальни, под балдахином на низкой кровати, усталой молочно-розовой шелковой простынёй, спали муж и жена. Тюль под цвет простыни с узорами золотого серпа луны с тремя волнистыми линиями с трех сторон балдахина берегла их покой.

Передние занавески были привязаны к коричнево-алым резным колоннам балдахина, позволяя луне бесстыдно подсматривать за супругами через прореху между золотыми занавесками.

Муж, молодой человек с крепким телосложением, вытя-

нулся в постели, и шелковая простыня укрывала его лишь от колен до пупка. Ветер робко касался его голой широкой груди, но прохлада не тревожила его сон. Он крепко спал на спине, а голова его лежала на мягкой подушке. Его левая рука невольно тянулась к прикроватной тумбе, за балдахинном – она тянулась к золотому венку, которую этот молодой человек недавно обрёл.

Не достигнув цели, ладонь его вытянутой руки свалилась за край кровати. Едва сжатые пальцы со светлыми полосками, которые днём скрываются под кольцами, напоминали полудохлого паука.

Другая рука лежала на груди.

Молодой шах уже давно блуждал в царстве сновидений. Улыбка, словно солнце в облачный день, то скрывалась, то появлялась на его чисто выбритом лице. Ласкающий ветер, как его улыбка, тоже иногда пропадал и молодой шах ощущал тепло, исходящее совсем рядом. Однако, это тепло медленно переходило в жар.

Ничто, казалось бы, не нарушало его покой, но вскоре он начал слышать слабый стон. Нехотя он вернулся из царствия сновидений, его слух пробудился первым. Тяжелые вдохи и выдохи щекотали его ухо, требуя полного пробуждения. Это было беспокойным дыханием его жены.

Шах повернулся на бок и сонным взглядом посмотрел на жену. Она то ли застонала, то ли вскрикнула во сне, и он сразу же сел, уперевшись на правую руку. Шах тревожно

посмотрел на жену. Та спала на правом боку, и в отличие от него, который предпочитал спать лишь в нижнем белье, а иногда и вообще голым, была в тонкой сорочке из белого волнистого шёлка. Черные длинные распущенные волосы скрывали под собой тонкий золотой веноч. Она скрутилась как плод в чреве матери и её руки до плеч, а ноги до начала её нежной части покрылись гусиной кожей, но вовсе не от холода было это.

– Милая? – позвал шах шепотом и осторожно прикоснулся к её плечу, но тут же убрал руку – её тело горело. – Дорогая! – забеспокоился он.

Жена не слышала. Она всё тяжело стонала и больно мычала. Она нервно терла колено о колено и сжатые кулаки, прижатые к груди. Молодая и прекрасная женщина подрагивала, вздыхала и снова стонала. Золотой веноч скривился на её лбу от покачивания головой. Жар, исходивший от неё, становился всё сильнее, но на ней не было ни капли пота.

– Любовь моя, проснись! – позвал шах ласковым голосом, и, невзирая на жар её тела, потряс за плечо. – Милая! Дорогая! Проснись!.. Очнись, это всего лишь сон, – он тряс всё сильнее и сильнее.

Жена все не просыпалась, а её тело уже обжигало. Шах вынужденно убрал руки и был в полном замешательстве.

Глаза его жены беспорядочно бегали под закрытыми веками. Кошмар полностью овладел ею, и она оказалась в крошечной пустоте. В этом непроглядном мраке она ощущала

присутствие, и это присутствие вселяло в неё невыносимый ужас. Это нечто издавало волны и было всё ближе и ближе, тем самым сильнее становился её страх. Вдруг, вдалеке она заметила его глаза, полыхающие зелёным пламенем.

Она содрогнулась и резко встала, изумив и даже испугав мужа. Волосы скрыли её лицо, а тяжелое дыхание нарушало тишину. Вскоре оно стало более ровным, и она разжала пальцы, которыми вцепилась за простыню – от её ногтей остались дырки.

– Все в порядке, любовь моя, – сказал молодой шах. – Это был сон, и он ушёл. Я принесу тебе воды.

Он хотел было встать с кровати, но жена резко схватила его за руку. Он повернулся и снова сел рядом.

– Не волнуйся, я рядом, – заверил он.

Шах заботливо убрал волосы с её лица и вздрогнул. Её глаза были черным черны.

Приоткрыв свои нежные тонкие губки, негромким, но леденящим душу голосом она сказала:

– Он грядет...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ахорун – основан в седьмом веке Эпохи человека после долгих скитаний кочевых племён, которые были не согласны жить бок о бок с ведьмами и колдунами в Джоду.

Основатель: Хорун ибн Нур.

Столица: **Ангуран**; туда переехали все из близлежащих поселений.

Города Ахоруна:

Арруж – основан на месте села Гулистон Темуром ибн Масъудом в девятнадцатом веке.

Мирас – основан на месте стоянки караванов Асадом ибн Хушвахтом в шестнадцатом веке. Асад был единственным мужчиной, руководивший городом. После его трагической смерти городом руководили женщины. Их называли мэресами. Им также подчинялись главы трёх сёл вблизи Мираса.

Фалид – основан в тринадцатом веке на восточной границе в результате объединения пяти сёл: Фурузон, Абар, Лабас, Ишрат и Дафина. Эти пять сёл были расположены на одинаковом расстоянии друг от друга вокруг чёрных болот – источников нефти.

Форма государственного правления Ахоруна – монархия, в которой правит султан. Городами, кроме столицы, руководят мэры. Должность мэра – пожизненна, либо до добро-

вольной отставки; в таком случае новый мэр назначается султаном из числа султан-заде или хеш-султанов. Однако в Фалиде до сих пор действует иной порядок. Несмотря на то, что за всё это время все члены правящей знати Фалида успели сродниться с тем или иным султаном, титул мэра достаётся по очереди представителям пяти сёл, которые являются прямыми потомками предыдущих мэров из своих сёл.

Зебистан – основан в третьем веке Эпохи человека Расулом ибн Аббосом, которого объявили падишахом и назвали Расулом Первым.

Столица: **Расулабад** – назван в честь первого падишаха и построен на оставленном кочевниками месте в одной мархале от западного берега Зарафшана. Это самый первый город в Рахшонзамине, окружённый стеной.

Джоду – основан за двадцать лет до Расулабада у полноводного берега Дауфа.

Чехра – основана в середине четвёртого века Эпохи человека. Она расположена к югу от леса Мобаён, у берега реки Гурез.

Шомабад – город, построенный в ночи. Строительство началось в седьмом веке, а завершилось в девятом. Целью Расула Второго было воздвигнуть город, в котором будут покоиться отставные падишахи. Байзо ибн Умар хотел сделать из города и его дворцов обсерваторию. Для этого он даже изменил чертежи стеклянных куполов, которые нашёл в поко-

ях своего деда. Однако после первого же открытия Шомабад снова стал тем, для чего был построен. Город расположен в двух мархалах к северу от Мобаён и, в отличие от других городов Зебистана, рядом с ним нет сёл.

Форма государственного правления Зебистана – монархия, в которой правит падишах. С законом Расула Второго о покое титул падишаха перестал быть пожизненным. С уходом на покой старого, новым падишахом становится наследный шахзаде. Городами, кроме столицы, руководят наибы падишаха – это назначаемая должность и редко переходит по наследству. Наибы докладывают падишаху обо всём происходящем в их городах на ежегодном Совете визирей, за исключением наиба Шомабада. О своей деятельности наиб Шомабада отчитывается отдельно.

ГЛОССАРИЙ

На-султан – наследный сын султана, претендент на трон.

Султанзаде – дети султана, может подразумеваться под единственным и множественными числами.

Султан-заде – дети и непосредственные родственники султана, подразумевается только в множественном числе.

Хеш-султан(ы) – родственник(и) султана, не имеющий(е) права на трон.

На-шахзаде – наследный сын падишаха, претендент на трон.

Шахзаде – дети и родственники падишаха.

Локоть – единица измерения длины/расстояния, равная примерно 46 сантиметрам.

Газ – единица измерения длины/расстояния, равная примерно 92 сантиметрам.

Джебель – единица измерения длины/расстояния, равная 28 газам.

Стадия – единица измерения длины/расстояния, равная среднему полёту стрелы или 210 газам.

Мил – единица измерения длины/расстояния, равная 4 тысячам газам.

Фарсанг – единица измерения длины/расстояния, равная 6 тысячам газам.

Мархала – единица измерения длины/расстояния, равная 6 фарсангам.

Соя – единица измерения времени, равная 60 минутам.

Аспгардон – должность в конюшнях, ответственная за возвращение арендованных лошадей или донесения соответствующего уведомления.

Болоабру – украшение из бисера или драгоценных металлов, водружаемое на лоб.

Бута – разновидность каплевидного узора с загнутым концом.

Вакил – представитель.

Вои – городская стража Зебистана.

Вофи – гвардейцы султана и султан-заде, к ним также от-

носятся городская стража.

Гардана – цепочка из бисера.

Дугоб (увулярное произношение «г») – сыворотка, вырабатываемая во время приготовления чакки.

Изгнатель – член одноимённого ордена, созданного Бузургом ибн Махмудом для изгнания ведьм из Ахоруна.

Кулча – разновидность лепёшки.

Кундал – разновидность цветной росписи на картинах и стенах.

Курпача – узкий, стёганный матрас.

Курут – солёные или перчённые шарики из сушёной чакки.

Курутоб – еда, приготавливаемая из разломленного фатира, разведённого курута и подогретого льняного масла, подаваемая на деревянной тарелке с небольшим углублением.

Манту – также известна как «Манты».

Мошкичири (с ударением на последнюю «и») – второе блюдо из маша и риса, иногда готовят и жидким.

Нишалло – варенье из яичного белка, приготавливаемое только в дни поста/рузы.

Отала – мучная каша, приправляемая по вкусу, либо вареньем, либо нашинкованным луком и льняным маслом.

Сиёалаф – суп из одноимённой травы и риса,

Фатир – разновидность лепёшки; бывают слоёные и твёрдые, с добавлением шкварок или лука, или того и другого.

Фатирмаска – еда, обычно приготавливаемая на завтрак

из разломленного фатира, мелконарезанной дыни и подогретого или холодного сливочного масла, подаваемая на деревянной тарелке.

Хазориспанд (с гортанным произношением «х») – также известна как гармала или исырк; трава для окуривания с целью обеззараживания.

Халвайтар – мучной десерт.

Хатна-туй – церемония обрезания мальчика; рекомендовано проводится на третий, седьмой или двадцать первый день с рождения мальчика.

Чакка (катык) – густой кисломолочный продукт.

Яхчал – куполообразное сооружение для хранения льда и продуктов.

Месяца

Весна: Фарвардин, Ордибехешт и Хурдод

Лето: Тир, Мурдод и Шахривар

Осень: Мехр, Абан и Азар

Зима: Дей, Бахман и Эсфанд